

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Книга I.

1904 г.

Научное Слово

Научное Слово.

Handwritten notes:
10/15/04
10/15/04
9/11/04
10/15/04

LIBRARY
FEB 23 1966
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DENTLEY

Москва.

Книга I.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 29 ноября 1903 года.

Третьяковская библиотека. Москва.

Q4
N372
1904:1-5

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. И. И. Мечникова	5
II. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНАГО ПРАВА. М. Н. Гернета	24
III. ПОСАДСКАЯ ОБЩИНА ВЪ РОССИИ XVIII ст. Прив.-доц. А. А. Кизветтера	41
IV. К. Ж. ГЮИСМАНСЪ. А. В. Баулеръ	60
V. ТЕОДОРЪ МОММЗЕНЪ. (<i>Съ портретомъ.</i>) Прив.-доц. М. М. Хвостова	84
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Астрономическія извѣстія“. И. Д. Поировскаго. — „Нѣкоторыя мысли о періодическомъ законѣ элементовъ“. Рѣчь Виллама Рамзая, перев. Г. Риттера. — „Новѣйшія сочиненія по исторіи французской революціи“. С. Ф. Фортунатова. — „Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго	103
VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	125
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ (А. Повалишинъ: „Рязанскіе помѣщики“. Ю. В. Готье.—Н. Энгельгардтъ: „Исторія русской литературы XIX ст.“ В. В. Калаша.—В. П. Батуринскій: „А. И. Герценъ“. М. О. Гершензона.—Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ. С. И. Живаго.—М. О. Толмачевъ: „Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства“.—Н. И. Палиенко: „Суверенитетъ“. С. А. Шуманова.—Г. В. Демченко: „Судебный прецедентъ“. И. А. Нистяковскаго).	139
IX. ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ, СОСТОЯЩИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ	153

Этюды о природѣ человѣка ¹⁾.

ГЛАВА IX.

Чего можетъ достигнуть наука въ борьбѣ съ болѣзнями.

Основы экспериментальнаго метода.—Вмѣшательство религіи въ борьбѣ съ болѣзнями.—Роль болѣзней въ обвинительномъ актѣ пессимистическихъ философскихъ ученій.—Успѣхи научной медицины въ борьбѣ съ болѣзнями.—Переворотъ въ медицинѣ и въ хирургіи, обусловленный открытіями Пастера.—Услуги, оказанныя серотерапіей въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.—Безсиліе науки въ нагнѣченіи чахотки и злокачественныхъ опухолей.—Возраженія противъ научнаго развитія.—*Ж. Ж. Руссо, Толстой и Брюнетьеръ*.—Правозглашеніе банкротства науки.—Возвратъ къ религіи и къ мистицизму.

Младшая вѣтвь познавательной дѣятельности — наука приступила къ рѣшенію нѣкоторыхъ великихъ задачъ, волнующихъ человѣчество.

Только спустя долгое время послѣ установленія распространившихся между людьми міровоззрѣній и философскихъ системъ древняго міра, скептической умъ рѣшился поставить вопросъ: соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности эти продукты человѣческаго мышленія? Мало-по-малу выросъ скептицизмъ и возникла борьба между установившимися ученіями и доктринальнымъ авторитетомъ съ одной стороны и научными соображеніями — съ другой.

Системы, опредѣлявшія отношеніе человѣка къ міру, и философія Аристотеля царили уже отъ 15-ти до 20-ти вѣковъ, когда стали высказывать сомнѣнія относительно настоящей цѣны этихъ ученій.

Бэконъ Веруламскій задался вопросомъ, отчего всѣ системы его времени были такъ неясны и оказались безсильными въ объясненіи міровыхъ явленій? Причина этого не въ самой природѣ, такъ какъ послѣдняя несомнѣнно подчинена незыблемымъ законамъ, которые могутъ быть предметомъ точной науки; причина и не въ ограни-

¹⁾ „Научное Слово“ 1903 г., кн. X.

ченности ума тѣхъ людей, которые взялись за разрѣшеніе этихъ задачъ. Настоящую причину неудачи слѣдуетъ искать въ ложности или недостаткѣ примѣненныхъ методовъ. Чтобы помочь этому неудобству, Бэконъ ¹⁾ совѣтуетъ «обобщать медленно, переходя отъ частныхъ фактовъ къ выводамъ, только одной степенью общѣ ихъ и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока можно будетъ дойти до общей формулы. Такимъ путемъ мы сможемъ установить не туманные и двусмысленные принципы, но ясные и точно опредѣленные выводы, которые не будутъ опровергнуты самой природой».

Медленны и тяжелы были первые шаги науки, основанные на этомъ точномъ методѣ, который хотя и былъ давно предугаданъ, но впервые формулированъ *Францискомъ Бэкономъ*. Однако, результаты болѣе раннихъ формъ познавательной дѣятельности еще слишкомъ тяготѣли надъ умами для того, чтобы позволить имъ смѣло принять новый методъ. Тѣмъ не менѣе прогрессъ совершился, и стало возможнымъ приступить къ сложнымъ и труднымъ задачамъ, занимающимъ человѣчество.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ до возникновенія точной науки формулировалъ *Будда* главныя недовольства рода человѣческаго. «Вотъ, о монахи, святая истина о страданіи,—провозгласилъ онъ въ своей проповѣди въ Бенаресѣ,—рожденіе есть страданіе, старость—страданіе, болѣзнь—страданіе, смерть—страданіе»... и т. д.

Медленно и постепенно слѣдуя отъ частнаго къ общему, наука отважилась приступить только къ наиболѣе трудному изъ четырехъ, т. е. къ болѣзни.

Въ буддійской легендѣ, приведенной въ 6-й главѣ, видъ больного «съ ослабленными чувствами, тяжелымъ дыханіемъ, высохшими членами, разстроеннымъ и пораженнымъ страданіемъ желудкомъ, больного, выпачканнаго собственными испраженіями», вызвалъ у *Будды* слѣдующее размышленіе: «Здоровье, слѣдовательно, подобно игрѣ сновидѣнія! И страхъ смерти принимаетъ такой ужасный видъ! Какой же мудрецъ, увидавъ такія условія существованія, могъ бы еще думать о радости и удовольствіи?» «Горе здоровью, разрушаемому всякими болѣзнями!» Когда Будда, молодымъ принцемъ, между прочимъ, просилъ у отца «всегда оставаться здоровымъ и чтобы его не настигла болѣзнь, король-отецъ отвѣчалъ ему: «ты просишь невозможнаго, сынъ мой; въ этомъ я безсиленъ».

Съ того времени всѣ религіи занимались лѣченіемъ и предупрежденіемъ болѣзней. Причиной послѣднихъ онѣ обыкновенно считали вліяніе злыхъ духовъ и гнѣвъ боговъ; какъ средства противъ

¹⁾ *Novum Organum*.

нихъ онѣ предлагали жертвы, молитвы и все, что можетъ успокоить божественный гнѣвъ. Даже и теперь, особенно у первобытныхъ народовъ, подобная медицина еще въ ходу. На островѣ Суматрѣ, когда не удастся остановить кровь изъ раны, приписываютъ эту неудачу вліянію злого духа (Полазіэкъ), сосущаго рану и дѣлающаго ее неизлѣчимой¹⁾. Въ Ніасѣ смотрятъ на кровотеченіе изъ носа у дѣтей, какъ на наказаніе отца за убійство свиньи во время беременности жены. Для излѣченія необходимо принести жертву божеству.

Надо сознаться, что рядомъ съ такими предрасудками между религіозными правилами первобытныхъ народовъ встрѣчаются и нѣкоторыя полезныя, основанныя на вѣрныхъ наблюденіяхъ или даже на опытахъ. Въ народѣ на больныхъ испытываютъ разныя средства, большинство которыхъ скорѣе вредны; но попутно нападаютъ иногда и на очень дѣйствительныя лѣкарства. Поэтому народная медицина имѣетъ несомнѣнныя достоинства, но ее даже отдаленно нельзя сравнивать съ научной медициной, основанной на наблюденіи и на строгомъ опытѣ.

Научная медицина развивалась очень медленно, но въ настоящее время она достигла такой ступени, что человѣчество можетъ гордиться ею. Для преслѣдуемой нами цѣли бесполезно настаивать на этомъ вопросѣ; однако, я считаю нужнымъ представить читателю нѣкоторые факты, способные уяснить ему настоящее положеніе медицины.

Несомнѣнно, что въ пессимистическомъ міровоззрѣніи большую роль игралъ страхъ болѣзней. На это указываютъ не одни приведенныя нами слова Будды, но и изученіе пессимистическихъ философскихъ системъ. Въ 6-й главѣ было уже упомянуто, что *Шопенгауэръ*, изъ страха холеры, въ 1831 году бѣжалъ изъ Берлина во Франкфуртъ. Въ обвиненіи направленномъ противъ устройства вселенной, однимъ изъ главныхъ доводовъ Шопенгауэра въ пользу того, что міръ этотъ—«наихудшій изъ всевозможныхъ міровъ», служитъ фактъ распространенія эпидемическихъ болѣзней. «Такое ничтожное измѣненіе атмосферы, которое невозможно даже обнаружить химическимъ анализомъ, вызываетъ холеру, желтую лихорадку, черную смерть и т. д., — болѣзни, уносящія милліоны людей; немого бѣльшее измѣненіе могло бы погасить всякую жизнь»²⁾.

Главный приверженецъ пессимизма Шопенгауэра *Гартманнъ*, также высказываетъ очень мрачныя мысли о болѣзняхъ и о меди-

1) „*Bartels*: Die Medicin der Naturvölker“. 1893, стр. 20.

2) „*Die Welt als Wille und Vorstellung*“, II, стр. 687.

цинѣ. Онъ убѣжденъ, что, несмотря на всѣ успѣхи, которые могутъ быть достигнуты человѣчествомъ, ему никогда не удастся не только избавиться отъ болѣзней, но даже уменьшить ихъ число. «Сколько бы,—продолжаетъ онъ,—ни нашли средствъ противъ болѣзней, все же онѣ, особенно хроническія и не опасныя, но очень мучительныя заболѣванія, будутъ развиваться быстрѣе медицины»¹⁾).

Если бы основатели пессимистической философіи по всѣмъ пунктамъ своего ученія ошибались настолько же, какъ они ошибаются относительно болѣзней и медицины, то человѣчество могло бы счесть себя очень счастливымъ. Стоитъ сравнить мнѣніе Шопенгауэра о большихъ эпидеміяхъ съ настоящимъ положеніемъ научной медицины, чтобы отдать себѣ отчетъ объ огромныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ послѣдней. Утверждая, что повальныя болѣзни происходятъ отъ слабыхъ измѣненій въ химическомъ составѣ воздуха, Шопенгауэръ, очевидно, отражалъ мнѣніе медиковъ своего времени. Экспериментальная наука вполне опровергла ихъ. Неоспоримо установлено, что двѣ крупныя заразы, приведенныя пессимистическимъ философомъ, а именно холера и чума, не имѣютъ ничего общаго съ химическимъ составомъ воздуха; онѣ зависятъ отъ двухъ микробовъ, природа и признаки которыхъ извѣстны съ такой же точностью, какъ и признаки какого-либо растенія. Холера вызывается открытымъ *Кохомъ* вибриономъ, микроскопическимъ организмомъ, живущимъ въ водѣ и переходящимъ въ человѣческой кишечный каналъ вмѣстѣ съ твердой пищей и питьемъ. До сихъ поръ не найдено средства противъ холеры, но извѣстны вѣрные способы помѣшать ей развиться. Всего проще—кипятить всякую пищу и избѣгать всякаго соприкосновенія съ испражненіями, водой и другими носителями холернаго коховскаго вибриона. Къ тому же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно употреблять сѣрумы, способныя предупреждать холеру. Если бы въ 1831 году медицина уже обладала этими свѣдѣніями относительно холеры, то философія могла бы принять совсѣмъ иное направленіе. Вмѣсто того, чтобы дрожать передъ бѣдствіемъ и бѣжать во Франкфуртъ, *Шопенгауэръ* могъ бы спокойно продолжать жить въ Берлинѣ, а Гегель не пересталъ бы преподавать свою идеалистическую философію въ университетѣ того же города.

Шопенгауэръ подтверждаетъ свое положеніе примѣромъ «черной смерти», способной убить миллионы людей. Безспорно, что болѣзнь эта, которая есть не что иное, какъ человѣческая чума, произвела огромныя опустошенія и въ XIV вѣкѣ унесла почти треть всего населенія Европы. Въ то время не сомнѣвались въ томъ, что она

¹⁾ „Philosophie des Unbewussten“, стр. 615.

обязана божественному гнѣву, и собирались въ церквахъ для общихъ молитвъ объ ея отвращеніи. Приносили жертвы и бичевали себя въ надеждѣ избѣгнуть ужасной болѣзни. Путешественники, посѣщающіе Вѣну, видятъ на одной изъ главнѣйшихъ улицъ (Грабенъ) грубый и некрасивый памятникъ ХVІІ вѣка, воздвигнутый въ память божественнаго вмѣшательства противъ одной изъ сильныхъ чумныхъ эпидемій.

Теперь, когда наука установила настоящую причину чумы, мы имѣемъ совершенно инныя идеи о происхожденіи и исчезновеніи этой болѣзни. Она не есть проявленіе злобы какого-нибудь божества, но просто губительное заболѣваніе, которое зависитъ отъ распространенія маленькаго микроба, открытаго одновременно *Китазото* и *Лерсеномъ* въ 1894 году. Всѣ признаки этой «чумной палочки» изучены, и установлено, что она вызываетъ эпидемію среди окружающихъ человѣка грызуновъ, особенно среди крысъ и мышей. Эти-то животныя и сообщаютъ человѣку чумную заразу; поэтому чрезвычайно важно истреблять ихъ всѣми средствами. Чума, несомнѣнно, прекращается, когда она уничтожитъ грызуновъ; такъ должно было случиться и въ Вѣнѣ въ ХVІІ вѣкѣ.

Чума, бывшая прежде самой опасной изъ повальныхъ болѣзней, теперь сошла въ разрядъ тѣхъ бѣдствій, борьба съ которыми сравнительно легка. Приходится только уничтожать крысъ и мышей и остерегаться предметовъ, которые могли бы содержать чумный микробъ. Съ пользою можно также употреблять предохранительныя прививки или противочумную сыворотку; послѣдняя дѣйствительна не только какъ предохранительная мѣра, но также и какъ средство противъ проявившейся уже чумы, если она еще не слишкомъ затянулась. Итакъ, опасность, о которой говоритъ Шопенгауэръ, какъ о возможномъ предположеніи, есть окончательно избѣгнутое зло, именно благодаря успѣхамъ экспериментальной науки. Если въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Англійской Индіи, чума еще и производитъ сильныя опустошенія, то это зависитъ отъ непрорсвѣщенности населенія. Въмѣсто того, чтобы принять научныя мѣры, туземцы большею частью слѣдуютъ правиламъ, установленнымъ браминской религіей. Они понимаютъ чистоту не въ медицинскомъ и бактериологическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ чума не прекращается въ Индіи. Тѣмъ не менѣе трудно найти болѣе доказательный примѣръ благодѣянія точной науки.

Предположеніе Гартманна относительно прогрессивнаго развитія болѣзней не основано ни на какихъ точныхъ данныхъ. Оно противорѣчитъ множеству хорошо установленныхъ фактовъ; совершенно

обратно, — съ успѣхомъ гигиены и съ популяризацией ея правилъ болѣзни становятся менѣ частыми и губительными.

Сильный подъемъ вызвало примѣненіе къ медицинѣ и хирургіи основныхъ положеній, добытыхъ *Пастеромъ* относительно броженій; знаменитый ученый показалъ, что эти разложенія органическихъ веществъ зависятъ отъ вмѣшательства очень распространенныхъ вокругъ человѣка микроскопическихъ организмовъ.

Открытіе этого начала было примѣнено въ хирургіи. Шотландскій хирургъ *Листеръ* показалъ, что нагноеніе ранъ зависитъ отъ наводненія ихъ микробами. Руководствуясь этой истиной, онъ успѣлъ помощью перевязокъ предохранить раны отъ всякаго загрязненія, и онъ замѣтилъ сразу чрезвычайное уменьшеніе числа послѣ-операционныхъ болѣзней. Со времени открытія анестезирующихъ средствъ, какъ эфиръ, хлороформъ, кокаинъ, и со времени перевязокъ, защищающихъ раны отъ микробовъ, хирургія развилась удивительно быстро. Уже не говоря о многочисленныхъ и трудныхъ операціяхъ въ брюшной полости, теперь съ успѣхомъ отваживаются оперировать даже въ самомъ сердцѣ.

Ничто такъ хорошо не позволяетъ судить объ успѣхахъ современной хирургіи въ лѣченіи ранъ, вызванныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ сравненіе смертности раненыхъ во время войнъ въ XIX вѣкѣ. Въ крымской кампаніи среди англійскихъ войскъ смертность эта достигла 15,21%; въ 1859—1860 годахъ среди французскихъ войскъ въ Италіи она достигла 17,36%; среди нѣмецкихъ войскъ въ 1870—71-хъ годахъ, соотвѣтствующаго началу примѣненія антисепсіи въ хирургіи, она понизилась до 11,07%, въ то время какъ въ испанско-американской войнѣ 1898 г., т.-е. въ блестящій періодъ научныхъ методовъ, отъ ранъ умерло всего 6,64%¹⁾. Въ послѣдней трансваальской войнѣ смертность отъ ранъ достигла только половины той, которая наблюдалась въ 1870—1871 годахъ²⁾.

Новыя медицинскія ученія, основанныя на открытіи ферментовъ и заразныхъ вирусовъ, настолько измѣнили теорію и практику акушерства, что родильная горячка, бывшая прежде однимъ изъ бичей человѣческихъ, свелась къ сравнительно ничтожнымъ размѣрамъ.

Слѣпота новорожденныхъ, дѣлавшая все ихъ существованіе въ высшей степени несчастнымъ, можно сказать, вполне устранена, благодаря предупредительнымъ мѣрамъ, мѣшающимъ ребенку во время рож-

1) *Borden*: „The use of the Roentgen Ray“ etc. Washington, 1898, стр. 20.

2) „Bulletin du service militaire“ 1901, № 499, стр. 73.

денія заразиться отъ матери. Этотъ успѣхъ осуществился благодаря методу, предложенному нѣмецкимъ врачомъ *Креде*¹⁾. Способъ его состоитъ въ употребленіи антисептическаго средства (ляписа), одна капля котораго, ввѣренная подъ вѣки новорожденнаго, мѣшаетъ развитію глазной бленнорегіи¹⁾.

Воспаленіе червообразнаго отростка, столь распространенная болѣзнь, которой мы говорили въ 4-й главѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ примѣровъ дисгармоніи человѣческой природы, находитъ сильный отпоръ со стороны научной медицины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хирургическое вмѣшательство окончательно избавляетъ отъ аппендицита. Въ другихъ случаяхъ совершенно достаточно одного примѣненія лѣкарственныхъ средствъ для излѣченія и предотвращенія операціи.

Долгое время слишкомъ скептическіе умы утверждали, что однѣ болѣзни, доступныя хирургіи, дѣйствительно могутъ быть побѣждены микробиологическимъ лѣченіемъ. Но *Пастеръ* не замедлилъ доказать всю неточность этого утвержденія. Въ сотрудничествѣ съ Шамберланомъ и Ру онъ открылъ способъ предотвращать нѣкоторыя инфекціонныя болѣзни посредствомъ ослабленныхъ микробовъ. Ему удалось также предохранить животныхъ и человѣка, укушенныхъ бѣшеными животными, отъ бѣшенства, этой неизбѣжно смертельной болѣзни, одной изъ самыхъ ужасныхъ, которыя только существуютъ.

Медицинская наука съ необыкновенной быстротой развилась въ этомъ новомъ направленіи и осуществила цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ открытій. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть открытіе лѣчебнаго свойства кровяной сыворотки животныхъ, которымъ привили нѣкоторые микробы или ихъ растворимые продукты. *Фонъ Берингъ*, въ сотрудничествѣ съ японскимъ ученымъ *Китазото*, показалъ, что такой серумъ, приготовленный помощью яда дифтеритнаго микроба (яда, открытаго *Ру* въ сотрудничествѣ съ *Герсеномъ*) въ состояніи не только предохранять здоровыхъ людей отъ дифтерита, но даже вылѣчивать отъ этой болѣзни уже заболѣвшихъ. Только въ случаяхъ, когда дифтеритъ слишкомъ затянулся, серумъ оказывается не въ состояніи его лѣчить.

Анти-дифтеритный серумъ, вошедшій въ употребленіе уже болѣе 9 лѣтъ, выдержалъ всякія испытанія и окончательно обнаружилъ свое предохранительное и лѣчебное свойство. Если еще бы-

¹⁾ Чтобы составить себѣ понятіе о дѣйствительности способа *Креде*, стоитъ сказать, что въ Стокгольмѣ примѣненіе его понизило число случаевъ бленнорегіи новорожденныхъ съ 0,56% въ 1891 г. на 0,045% въ 1899 г. *V. Widmark: Mittheilungen a. d. Augenkl. d. Carol. Med. Chir. Instit. zu Stockholm, 1902, p. 126.*

ваютъ нѣкоторые случаи смерти отъ дифтерита, то это всего чаще объясняется слишкомъ позднимъ или недостаточнымъ лѣченіемъ.

Примѣненіе противодифтеритнаго серума свело смертность отъ дифтерита съ 50 и даже 60% до 12%—14%. Если вычислить, сколько дѣтей спасено этимъ способомъ, то число ихъ оказалось бы поистинѣ поразительнымъ.

Открытие столь благодѣтельной серотерапіи было примѣнено къ нѣсколькимъ другимъ болѣзнямъ и не замедлило дать самые поощрительные результаты. Не будучи въ состояніи входить здѣсь въ подробности этого вопроса, мы скажемъ только, что всего четверть вѣка, какъ медицина вступила въ новую фазу, и что она уже заняла мѣсто рядомъ съ другими точными науками, основанными на экспериментальной методѣ. Неудивительно, что въ такой короткій періодъ времени она еще не успѣла разрѣшить всѣхъ задачъ, поставленныхъ ей страждущимъ человѣчествомъ. Это несовершенство не преминуло вызвать строгія возраженія.

Какъ!—восклицаютъ,—вы утверждаете значительность успѣховъ медицинской науки, въ то время, когда должны признать ея безсиліе въ излѣченіи чахотки, этой самой распространенной болѣзни, которая одна убиваетъ одну шестую всего человѣчества! Правда, что заразительность этой болѣзни была установлена *Вилльмономъ* почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Болѣе 20 лѣтъ прошло со знаменитаго открытія *Кохомъ* микроба, вызывающаго легочную чахотку и всѣ другіе виды туберкулеза. И тѣмъ не менѣе ни одно лѣкарство не въ состояніи еще устранить этой болѣзни. Во всѣхъ микробиологическихъ институтахъ и лабораторіяхъ ищутъ какихъ-нибудь предохранительныхъ прививокъ, серумовъ или лѣкарствъ, излѣчивающихъ туберкулезъ,—болѣзнь, которую испѣляетъ въ такомъ большомъ количествѣ случаевъ сама безсознательная природа. Однако, результаты эти еще очень далеки отъ цѣли.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь хорошій примѣръ, доказывающій безсиліе науки. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса легко показать, что даже съ уже пріобрѣтенными данными можно было бы бороться съ туберкулезомъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ. Послѣ обнаруженія заразительности туберкулеза, даже не ожидая открытія *Кохы*, можно и должно было употребить всевозможныя мѣры для уничтоженія веществъ, заключающихъ заразный вирусъ, т.-е. прежде всего мокроты чахоточныхъ и молока туберкулезныхъ коровъ. Несмотря на все, что было говорено до сихъ поръ по этому поводу, мы постоянно видимъ, какъ плюютъ на полъ вагоновъ конокъ и публичныхъ мѣсть. Чахотка распространяется вовсе не вслѣдствіе несовершенства

науки, а вслѣдствіе невѣжества и безопасности населенія. Для того, чтобы сократить какъ эту, такъ и многія другія болѣзни, подобныя тифу и диссентеріи, достаточно было бы только сообразоваться съ правилами научной гигиены, не ожидая открытія специфическихъ средствъ.

Несмотря на то, что до сихъ поръ еще не найдено вѣрнаго средства противъ туберкулеза, наука уже сдѣлала шагъ впередъ по пути къ отысканію его. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ казалось, что всѣ попытки предохранительныхъ прививокъ противъ этой болѣзни безцѣльны. Между тѣмъ, опыты Беринга ¹⁾, подтвержденные недавно Нейфельдомъ ²⁾ въ институтѣ Коха въ Берлинѣ, показали возможность такихъ прививокъ по отношенію къ телятамъ.

Но если современная наука уже и значительно вооружена для борьбы противъ болѣзней, признанныхъ заразными, то того же нельзя сказать относительно нѣкоторыхъ другихъ болѣзней; между ними первое мѣсто занимаютъ злокачественныя или раковыя опухоли въ самомъ общемъ смыслѣ слова.

Мало такихъ ужасныхъ болѣзней, какъ эти опухоли: онѣ никогда не излѣчиваются самостоятельно и могутъ быть удалены съ надеждой на прочный успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда распознаны достаточно рано. Поэтому отъ нихъ ежегодно погибаетъ множество молодыхъ и старыхъ людей. Очень вѣроятно даже, что раки становятся распространеннѣе прежняго, что объясняли удлиненіемъ продолжительности жизни въ настоящее время. Такъ какъ раковыя опухоли всего болѣе распространены у стариковъ, то болѣшая долговѣчность могла бы уже сама по себѣ обусловить большее количество злокачественныхъ новообразованій. Однако, даже помимо этого обстоятельства, число случаевъ рака все болѣе и болѣе увеличивается.

Злокачественныя опухоли являются несомнѣнно самой безотрадной болѣзнью для медицины и хирургіи. Послѣднія въ этомъ отношеніи бродятъ еще въ большихъ потьмахъ, чѣмъ тѣ, которыя царили вокругъ заразныхъ болѣзней до открытія патогенныхъ микробовъ. Въ эпоху, когда не были еще знакомы съ этими болѣзнетворными зачатками, уже имѣли понятіе о вирусахъ, т.-е. веществахъ, которыя, будучи привитыми, могли воспроизвести болѣзнь. Такъ, уже знали оспенный ядъ и умѣли даже помощью его предупредить серьезное заболѣваніе оспой. Почти за вѣкъ до открытій Пастера найденъ былъ другой вирусъ—ядъ коровьей оспы, служащій

¹⁾ „Beiträge zur experimentellen Therapie“. Heft 5. Marburg, 1902.

²⁾ „Deutsche Medic. Wochenschr“. 1903, стр. 653.

отличнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ оспы. Эта великая услуга человечеству была оказана *Дженнеромъ*.

Что же касается злокачественныхъ опухолей, то до сихъ поръ не установлена даже природа ихъ. Неизвѣстно, заразительны ли онѣ, гнѣздится ли причина ихъ въ самомъ организмѣ, или внѣ его.

Правда, что неизвѣстность эта не даетъ еще никакого основанія отчаиваться. Наоборотъ, можно предвидѣть, что злокачественныя опухоли вскорѣ займутъ мѣсто въ категоріи заразныхъ болѣзней, вызываемыхъ внѣшними микробами. Опыты надъ ракомъ у крысы и у мыши указываютъ на то, что опухоли эти прививаются, какъ заразные болѣзни. *Ганау* показалъ это относительно извѣстнаго рода эпителиомы у старыхъ крысъ; *Морд*¹⁾ удалось воспроизвести ракъ у бѣлыхъ мышей; результатъ этотъ былъ подтвержденъ *Ленсеномъ*²⁾ и въ институтѣ Пастера *Боррелемъ*³⁾.

Линьеръ сообщилъ мнѣ, что большая часть бѣлыхъ мышей въ его лабораторіи въ Буэносъ-Айресѣ гибнетъ отъ рака, который въ Аргентинской республикѣ очень часто встрѣчается у людей. Этотъ эпидемическій характеръ болѣзни очень сильно говоритъ въ пользу ея инфекціоннаго характера.

Факты эти составляютъ уже очень существенный шагъ въ научномъ изученіи раковъ. Итакъ, злокачественныя опухоли не могутъ служить сколько-нибудь серьезнымъ доводомъ въ пользу пессимистическаго міровоззрѣнія.

Берлинскій врачъ *Боасъ*⁴⁾ настаиваетъ на томъ, что очень значительное число больныхъ ракомъ обращается къ врачу только въ слишкомъ позднемъ періодѣ болѣзни. Такъ, въ 80% встрѣтившихся ему случаевъ раковъ прямой кишки больные являлись въ такомъ состояніи, когда операція была уже невыполнима. Поэтому *Боасъ* совѣтуетъ, помощью популярныхъ статей, обратить всеобщее вниманіе на первые признаки раковыхъ заболѣваній. Онъ думаетъ, что, благодаря такой мѣрѣ, во многихъ случаяхъ раки можно будетъ оперировать во-время для обезпеченія выздоровленія.

Въ послѣднее время все большее и большее число голосовъ раздается въ пользу лѣчебнаго вліянія на злокачественныя опухоли лучей радія и рентгеновскихъ. На только-что закончившемся съѣздѣ нѣмецкихъ врачей въ Касселѣ⁵⁾ было сообщено нѣсколько новыхъ фактовъ въ томъ же родѣ.

1) „Archives de med. experim“ 1894, VI, стр. 677.

2) „Hospitalstidende“, 7 мая 1902, стр. 489.

3) „Annales de l'Institut Pasteur“, февраль 1903.

4) „Deutsche med. Wochenschrift“, 30 oct. 1902 г., стр. 798.

5) „Berliner Klin. Wochenschrift“, 28 сентября 1903 г., стр. 901.

Предупрежденіе и лѣченіе болѣзней, такъ долго находившіяся въ вѣдѣніи религіи, все болѣе и болѣе переходятъ въ руки людей, занимающихся научной медициной. Остаются только еще нѣсколько первнхъ болѣзней, которыя могутъ быть излѣчены внушеніемъ; въ успѣшности такого излѣченія играютъ болѣе или менѣе значительную роль вѣра вообще и религія въ частности.

Я не считалъ нужнымъ долго останавливаться на преобладающемъ значеніи науки въ борьбѣ человѣчества съ болѣзнями; это слишкомъ очевидно и ясно; всѣмъ пришлось признать этотъ фактъ, и даже самые страстные противники науки должны были преклониться передъ нимъ.

Но тогда задачу стали формулировать иначе и пришли къ такой постановкѣ ея: конечно, наука можетъ облегчить человѣчество въ той или другой болѣзни. Но не въ этомъ вопросъ: болѣзнь — не болѣе, какъ эпизодъ человѣческой жизни, великія задачи которой остаются неразрѣшенными наукой. Недостаточно вылѣчить чело-вѣка отъ дифтерита или отъ перемежающейся лихорадки. Надо сказать ему, въ чемъ его назначеніе и почему ему приходится старѣть и умирать въ то время, когда всего болѣе хочется жить. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается безсиліе всякой науки и начинается благодѣтельная роль религіи и философіи. А такъ какъ наука постоянно возбуждаетъ сомнѣнія и критикуетъ философскія системы, то, вмѣсто того, чтобы быть полезной человѣчеству, она только вредитъ ему.

Давно возникли нападки на науку. *Ж. Ж. Руссо* ¹⁾ обязанъ своею извѣстностью тому таланту и страстности, съ которыми онъ велъ эту борьбу. Съ поразительной силой и краснорѣчіемъ защищаетъ онъ свое положеніе, какъ можно судить по слѣдующимъ выпискамъ: «Народы,—говоритъ онъ,— узнайте, наконецъ, что природа хотѣла предохранить васъ отъ науки, какъ мать, вырывающая опасное оружіе изъ рукъ своего ребенка; что всѣ тайны, которыя она скрываетъ отъ васъ, не что иное, какъ страданія, отъ которыхъ она защищаетъ васъ, и что трудности, сопутствующія образованію,—одно изъ немалыхъ ея благодѣяній. Люди извращены; они были бы еще хуже, если бы имѣли несчастье родиться учеными» (стр. 469). «Если науки наши суетны по преслѣдуемой ими цѣли, то еще опаснѣе онѣ по вызываемымъ результатамъ. Возникнувъ отъ праздности, онѣ въ свою очередь поддерживаютъ ее... Отвѣтите же мнѣ, знаменитые философы, вы, научившіе насъ

¹⁾ „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?“ Полное собраніе соч., 1875 г., т. I, стр. 463 (франц.).

взаимному притяженію тѣлъ въ пространствѣ, отношеніямъ путей, одновременно проходимыхъ планетами при своемъ вращеніи; точкамъ схождения, наклоненія и поворота кривыхъ линий... тому, какія свѣтила могутъ быть населенными; необыкновенному происхожденію нѣкоторыхъ насѣкомыхъ; отвѣтите, говорю я, вы, давшіе намъ столько удивительныхъ свѣдѣній: если бы вы никогда не научили насъ всему этому, увеличилась ли бы численность наша, ухудшилось ли бы наше правленіе, меньше ли бы страшились насъ, уменьшилось ли бы наше процвѣтаніе, наша извращенность?» (стр. 470).

Строки эти, конечно, могли дѣйствовать своей искренностью и краснорѣчіемъ, но никоимъ образомъ не были въ состояніи помѣшать непрерывному и побѣдоносному шествію науки. Именно въ концѣ XVIII вѣка осуществила она свои первые прочные успѣхи. Стоитъ вспомнить мировую систему *Лапласа* и основаніе химіи — законъ сохраненія матеріи *Лавуазье*.

Въ XIX вѣкѣ наукою былъ произведенъ переворотъ всего жизненнаго строя примѣненіемъ пара и многихъ другихъ въ высшей степени важныхъ открытій. Тѣмъ не менѣе многіе выдающіеся умы это не удовлетворяло. Такъ, противъ науки XIX вѣка встаетъ и другой геніальный писатель.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *О назначеніи науки и искусства Левъ Толстой*¹⁾ старается доказать бесполезность науки въ разрѣшеніи главныхъ задачъ, занимающихъ человѣчество. Предпріятіе это для русскаго писателя должно было быть, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ для *Ж. Ж. Руссо*, потому что въ прошломъ вѣкѣ наука стала гораздо большей силой, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ.

Толстой убѣжденъ, что теоретическія изслѣдованія, какъ, на примѣръ, о происхожденіи живыхъ существъ, о внутреннемъ строеніи тканей и т. д., не имѣютъ никакого значенія для человѣчества и служатъ только для прикрытія праздности ученыхъ. «Все, что мы называемъ культурой, — утверждаетъ Толстой, — наши науки, искусство, усовершенствованія пріятностей жизни, — это попытки обмануть нравственныя требованія человѣка; все, что называемъ гигиеной и медициной — это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы» (стр. 437).

Всѣ успѣхи науки «до сихъ поръ не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства, т.-е. рабочаго» (стр. 397).

По мнѣнію Толстого, названіе настоящей науки можно дать только тому, «въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каж-

¹⁾ Собр. соч., т. XII, 1897 г., стр. 372—446.

даго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служила руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній»... «Безъ науки о томъ, въ чемъ назначеніе и благо человѣка, не можетъ быть никакой науки, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною и вредною забавой» (стр. 411).

Итакъ, главное возраженіе русскаго писателя противъ науки, культуры и прогресса сводится къ ихъ безсилію разрѣшить труднѣйшія задачи, а именно: о настоящей цѣли человѣческаго существованія и объ опредѣленіи настоящаго блага, къ которому должно стремиться человѣчество

Въ этомъ отношеніи Толстой выражаетъ мнѣніе, раздѣляемое большимъ числомъ мыслителей. Нѣсколько лѣтъ вслѣдъ за нимъ хорошо извѣстный критикъ и публицистъ *Брюнетьерз*¹⁾, подъ влияніемъ путешествія въ Римъ и свиданія съ папою, выразилъ совершенно сходное мнѣніе и громко провозгласилъ «банкротство науки».

Брюнетьерз слѣдующимъ образомъ формулируетъ свою критику: «Уже нѣсколько сотъ лѣтъ какъ наука обѣщала обновить міръ, разоблачить тайны его; она не сдѣлала этого. Она безсильна разрѣшить единственно-существенныя задачи, тѣ, которыя касаются происхожденія человѣка, законовъ его поведенія, его будущей судьбы. Мы знаемъ теперь, что естественныя науки никогда ничего не откроютъ намъ на этотъ счетъ. Итакъ, въ столкновеніи между наукой и религіей наука оказалась побѣжденной, такъ какъ ей приходится признать себя безсильной тамъ, гдѣ религія сохранила всю свою силу. Религія даетъ рѣшеніе вопросовъ, которое не можетъ дать наука. Она открываетъ намъ то, чему не могутъ насъ научить ни анатомія, ни фізіологія, т.-е. тому, что мы такое, куда направляемся и что намъ дѣлать.

«Нравственность и религія пополняютъ одна другую, и такъ какъ наука ничего не можетъ сдѣлать для нравственности, то обязанность установить послѣднюю лежитъ на религіи».

Брюнетьеру возражали, что укоры его не основательны: во-первыхъ, потому, что наука никогда не обѣщала разрѣшить великихъ задачъ цѣли жизни человѣческой и основъ нравственности, а во-вторыхъ, потому, что инныя изъ этихъ задачъ, вѣроятно, никогда не будутъ рѣшены по недоступности своей человѣческому пониманію. Хорошо извѣстный французскій фізіологъ *Шарль Рише*²⁾

1) „Revue des deux mondes“, 1895, т. I, стр. 97. „La Science et la Religion“. Paris, 1895. „Le Figaro“, № 4, январь 1899.

2) „Revue Scientifique“, 1899, I, стр. 33.

тщетно искалъ тѣ научныя сочиненія, въ которыхъ было бы обѣщано разрѣшеніе вопросовъ, занимающихъ Толстого, Брюнетьера, а съ ними и бѣольшую часть человѣчества.

«Въ какихъ классическихъ работахъ дала наука тѣ ослѣпительныя обѣщанія, о которыхъ съ горечью упоминаетъ *Брюнетьеръ*?—спрашиваетъ Рише.—Въ настоящую минуту у меня передъ глазами,—продолжаетъ онъ,—рудководство для полученія степени бакалавра наукъ. Это—сводъ современныхъ научныхъ знаній. Напрасно искалъ я въ немъ обѣщаній... Въ немъ нѣтъ никакихъ обѣщаній» (стр. 34).

Эти обѣщанія приходится искать въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Безспорно, что со времени пробужденія рационалистическаго и скептическаго духа въ Европѣ, т.-е. уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, высказывали мысль, что вся жизнь людская можетъ управляться естественными законами. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, были очень многочисленны. Въ сочиненіи *Бюхнера* «Сила и матерія», представляющемъ сводъ міровоззрѣнія, основаннаго на научныхъ данныхъ XIX вѣка, мы находимъ слѣдующія указанія: «Итакъ,—говоритъ нѣмецкій популяризаторъ,—въ настоящее время слѣдуетъ искать основъ нравственности помимо старыхъ и воображаемыхъ вѣрованій въ сверхъестественное..... вѣра въ реальность естественнаго и неизблемаго порядка вещей должна замѣнить вѣру въ духовъ и привидѣнія, естественная нравственность—искусственную.....» (стр. 511). *Бюхнеръ* пытается даже опредѣлить естественную нравственность. По его мнѣнію, это «законъ взаимнаго уваженія, равноправія каждому, съ общей и частной точки зрѣнія въ виду общаго блага людей. Все нарушающее или разрушающее это благо есть «зло», все содѣйствующее ему—«добро» (стр. 513).

Другой вопросъ: Куда идемъ мы? также находитъ отвѣтъ у *Бюхнера*. Послѣдній приходитъ къ слѣдующему выводу: «Мысль о небытіи и о прекращеніи индивидуальной жизни нисколько не страшна для человѣка, воспитаннаго на философскихъ принципахъ. Уничтоженіе есть полный покой, избавленіе отъ всѣхъ страданій, отъ всѣхъ впечатлѣній, терзающихъ душу и тѣло; это было уже вполнѣ выяснено глубокой религіей Будды; итакъ, уничтоженія нечего бояться, оно гораздо скорѣе желательно, когда жизнь достигаетъ предѣла и когда наступаетъ старость со своей неизбѣжной свитой недомоганій» (стр. 431).

Не слѣдуетъ думать, будто только-что приведенныя мнѣнія исключительны для *Бюхнера*. Слѣдуетъ замѣтить, что мы находимъ тѣ же мысли въ книгѣ *Геккеля*: «Міровыя загадки», появившейся

почти полвѣка послѣ 1-го изданія: «Силы и матерія». Онъ также находитъ отвѣты на вопросы, столь занимающіе человѣчество. Какъ мы видѣли въ 5-й главѣ, для него также задача нравственной философіи сводится къ общественному инстинкту человѣка и не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было религіознымъ догматомъ. Что же касается назначенія человѣка, то онъ слѣдующимъ образомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ: «Самый желательный конецъ послѣ трудовой жизни, по совѣсти, хорошо проведенной, — это вѣчный покой могилы» (стр. 239).

Бюхнеръ и Геккель утѣшаютъ тѣмъ, что смерть есть вѣчный «покой», упуская изъ виду, что между покоемъ и полнымъ небытіемъ—огромная разнища.

Мы находимъ очень большое сходство въ доводахъ обоихъ популяризаторовъ науки XIX вѣка. Какъ *Бюхнеръ* приводитъ легенду о «вѣчномъ жидѣ», такъ и *Геккель* опирается на легенду о несчастномъ *Анасфертѣ*, тщетно искавшемъ смерти, находившемъ свою вѣчную жизнь нестерпимой.

«Если даже,—говоритъ Геккель,—представить себѣ эту жизнь среди рая со всѣми его прелестями, она все же, въ концѣ-концовъ, должна стать страшно скучной» (стр. 239).

Только-что приведенныя мнѣнія несомнѣнно раздѣляются очень большимъ числомъ людей, опирающихся на научные доводы; но нѣтъ недостатка и въ ученыхъ, иначе смотрящихъ на занимающій насъ вопросъ.

Размышляя объ общихъ научныхъ и міровыхъ задачахъ, нѣмецкій физиологъ *Эмиль дю-Буа Реймонъ* провозгласилъ свое «не вѣдаю» (*Ignorabimus*). Этимъ онъ хотѣлъ предупредить, что цѣлый рядъ вопросовъ, въ высшей степени важныхъ для человѣчества,—сверхъ людскаго пониманія и никогда не будутъ разрѣшены. Эти-то семь міровыхъ загадокъ старается разрѣшить Геккель въ своей вышеназванной книгѣ.

Не рѣдки ученые, думающіе, что главные задачи, тѣ, которыя, по мнѣнію Толстого, однѣ составляютъ настоящую науку, никогда не будутъ разрѣшены. «Каждый день, — говоритъ *Шарль Рише* (I. с., стр. 35), — приноситъ какую-нибудь новую побѣду, не разрѣшая конечной загадки,—назначенія человѣка,—загадки, которая, вѣроятно, никогда не будетъ рѣшена». Философы тоже исповѣдуютъ сходныя мнѣнія. «Конечно,—говоритъ *Гюйо*,—не у науки долженъ индивидуумъ спрашивать доказательствъ своей вѣчности» (*Irréligion*, p. 460).

Отвѣты современной науки недостаточны для утѣшенія умовъ, обращающихся къ ней. Когда въ спорѣ о банкротствѣ ея *Ш. Рише*

приводить благодѣтельное лѣчение дифтерита специфическимъ серумомъ въ доказательство могущества научныхъ открытій, то *Брюнетъерз* отвѣчаетъ ему: «Серотерапія не помѣшаетъ намъ умереть и не болѣе того научить насъ, зачѣмъ мы умираемъ». Всегда мы возвращаемся къ вопросу о смерти. Къ чему вылѣчивать ребенка отъ дифтерита для того, чтобы присудить его сдѣлаться взрослымъ и приобрести понятіе о неизбѣжности смерти, которое должно наполнить его ужасомъ?

Если наука бессильна разрѣшить важнѣйшія задачи, терзающія человѣчество, если она отказывается отъ этого по недостатку знанія или если она не находитъ другого конечнаго рѣшенія, какъ предложеніе могильнаго уничтоженія, то легко понять, что многіе, даже самыя выдающіеся умы отворачиваются отъ нея. Желаніе найти какое-нибудь утѣшеніе въ страданіяхъ нашего бытія безъ опредѣленной цѣли направляетъ ихъ въ объятія религій и метафизикъ. Вотъ почему въ современномъ человѣчествѣ, несомнѣнно, замѣчается обратное стремленіе къ вѣрѣ. Погружаются въ мистицизмъ, думая, что онъ дастъ отвѣтъ менѣе безотрадный, чѣмъ уничтоженіе, небытіе.

Эти поиски сверхъестественнаго замѣтны во всѣхъ слояхъ современнаго общества. Поэтому въ высшей степени интересно опредѣлить внутренній механизмъ отдаленія отъ науки и возвращенія къ вѣрѣ. Въ «Исповѣди» Толстого находимъ мы лучшее изложеніе этой перемѣны.

Придя къ тому выводу, что жизнь—безсмыслица, потому что она не можетъ быть согласуема со страхомъ смерти и полнаго уничтоженія (см. гл. VI), Толстой спросилъ себя: не удастся ли ему рѣшить великую задачу человѣческаго существованія помощью научныхъ данныхъ? «Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ и не только не нашель, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе — безсмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку» (стр. 26). «Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю» (стр. 27).

А между тѣмъ вопросъ, который ставилъ себѣ Толстой, казался ему очень простымъ: «зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ что-нибудь дѣлать? Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: есть ли въ моей жизни смыслъ, который не уничтожался бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью? На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выра-

женный, вопросъ я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи» (стр. 27). «Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня и, пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельнаго разрѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которыя даетъ знаніе» (стр. 28). «Я говорилъ себѣ: «все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты—часть цѣлаго». «Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было въ то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогащалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе на вопросъ моей жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился, я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ, и я увидалъ, что законъ этотъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни» (стр. 29).

«Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни,—продолжаетъ Толстой свой трогательный рассказъ,—надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его» (стр. 44). «Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила разумъ» (стр. 133).

Это новое направленіе оказалось чувствомъ вѣры. «Какъ я ни поставлю вопроса: какъ мнѣ жить,—отвѣтъ: по закону Божию. Что выйдетъ изъ настоящей моей жизни?—Вѣчныя мученія или же вѣчное блаженство. Какой смыслъ, неуничтожаемый смертью?—Соединеніе съ безконечнымъ Богомъ, рай. Такъ что... я былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію того, что у всего живущаго чело-вѣчества есть еще какое-то другое знаніе, внѣ разума,—вѣра, дающая возможность жить.

«Противоположность разума и вѣры оставалась для меня тою же, что и прежде, но я не могъ не признать того, что вѣра даетъ чело-вѣчеству отвѣты на вопросы жизни и вслѣдствіе этого возможность жить».

«Разумное знаніе привело меня къ признанію того, что жизнь безсмысленна—жизнь моя остановилась и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидаль, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. На себя оглянулся: я жилъ пока зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ, смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра» (стр. 57).

Сойдя на этотъ путь вѣры, *Толстой* пришелъ къ слѣдующему воззрѣнію: «задача человѣка въ жизни—спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи—нужно отречься отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смириться, терпѣть и быть милостивымъ» (стр. 77). Это заключеніе въ свою очередь вызвало слѣдующее: «Сущность всякой вѣры состоитъ въ томъ, что она придаетъ жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью» (стр. 78).

Легко видѣть, что вся эта эволюція, порожденная инстинктивнымъ страхомъ смерти, привела къ вѣрѣ въ нѣчто, сохраняющееся послѣ смерти. При этихъ условіяхъ становится понятной упомянутая враждебность къ наукѣ, такъ явно выраженная Толстымъ.

Конечно, не одного Толстого привела невозможность рѣшенія научнымъ способомъ вопроса смерти къ отверженію науки и возврату къ вѣрѣ.

Насколько можно судить по статьямъ *Брунетьера*, онъ долженъ былъ пережить аналогичную внутреннюю борьбу, прежде чѣмъ такъ абсолютно вернуться въ лоно католичества.

Но даже столь положительный и скептическій умъ, какъ *Зола*, не устоялъ противъ настроеній, даваемыхъ вѣрой. По этому поводу мы находимъ очень интересную замѣтку у *Э. Гонкура* отъ 20 февр. 1883 г.: «сегодня вечеромъ послѣ обѣда, у софы изъ рѣзного дерева, возлѣ которой подаютъ ликеры, *Зола* заговариваетъ о смерти, навязчивая идея которой еще болѣе преслѣдуетъ его послѣ смерти матери. Послѣ молчанія онъ прибавляетъ, что смерть эта пробила брешь въ нигилизмъ его религиозныхъ убѣжденій,—такъ ужасаетъ его мысль о вѣчной разлукѣ».

Очевидно, что въ слояхъ общества, менѣе проникнутыхъ рационалистическими и научными идеями, очень часто должно наблюдаться возвращеніе къ религіи. Въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстна исторія одной простой женщины-работницы, которая признавалась, что въ прежнія времена она вовсе не была вѣрующей, но что со времени рожденія своего ребенка стала вѣрить въ Бога, думая, что одна эта вѣра можетъ избавить ея дитя отъ всѣхъ могущихъ постигнуть его бѣдъ.

Очень вѣроятно, что аналогичнымъ размышленіямъ обязанъ мнѣ Прометей, похитившаго небесный огонь, за что онъ и былъ прикованъ къ скалѣ.

Ту же мысль очень опредѣленно высказываетъ Соломонъ, говоря: «вотъ я возвеличился и сталъ мудрѣ всѣхъ, господствовавшихъ до меня надъ Иерусалимомъ, и сердце мое познало много мудрости и знанія. И я старался познать мудрость и ошибки безумія. Но я узналъ, что и это терзанія ума. Потому что, гдѣ обиліе знанія, тамъ и обиліе горя, и тотъ, кто обогащается знаніемъ, обогащается и страданіемъ».

Гораздо позднѣ Шекспиръ представилъ въ *Гамлетъ* типъ чловѣка очень высокой культуры, которому разсужденіе и размышленія мѣшаютъ дѣйствовать. Не будучи въ состояніи рациональнымъ путемъ рѣшить преслѣдующія его задачи, онъ спрашиваетъ себя: стоитъ ли жить? И прибавляетъ слѣдующія многозначительныя слова: «Такъ сознаніе обращаетъ всѣхъ насъ въ трусовъ; такъ блекнетъ румянецъ воли передъ блѣднымъ лучомъ размышленія».

Въ виду согласнаго мнѣнія столькихъ гениальныхъ людей, приходится, однако, задаться вопросомъ: не вредитъ ли слишкомъ много знанія людскому благу? Если въ самомъ дѣлѣ наука способна только разрушить вѣру и научить насъ тому, что живой міръ приходитъ къ сознанію бѣдствій старости и неизбѣжности смерти, то спрашивается: не лучше ли вовсе остановить науку въ ея разрушительномъ шествіи? Быть можетъ, это стремленіе людей къ свѣту науки столько же вредно для рода людскаго, какъ стремленіе мотыльковъ къ огню губельно для этихъ несчастныхъ насѣкомыхъ?

Вопросъ этотъ требуетъ опредѣленнаго отвѣта. Только, прежде чѣмъ вынести приговоръ, необходимо хорошенько изучить всѣ обстоятельства дѣла, что мы и постараемся выполнить въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Мечниковъ.

Предшественники социологической школы уголовного права.

Главную характерную черту социологического направления в науке уголовного права, а вместе с тем и главную его заслугу, составляет учение о преступлении, как социальном явлении, выяснение зависимости между социальной средой и преступностью. «Общество имеет таких преступников, каких оно заслуживает», — сказал Лаксман; «преступление — это *privilegium odiosum* одного класса», — говорит Турати; «преступление — это тень, отбрасываемая обществом», — учит Тард; для Принса преступление есть явление социальное, в преступности он видит вырождение социального организма; «человек принадлежит человечеству, — говорит он, — как атом принадлежит материи; и преступный, и честный человек, оба одинаково связаны со своей средой. Существует социальная среда, благоприятная нравственному здоровью: склонность к преступлению в ней ничтожна; но существует и другая социальная среда, где атмосфера испорчена, где скапливаются нездоровые элементы, где самые сильные гибнут, куда преступность обрушивается как плесень на навоз: склонность к преступлению здесь громадна»²⁾).

Вполнѣ понятно, что при такомъ взглядѣ на причины преступности сторонникъ социологическаго направленія считаетъ главнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ не наказаніе, но социально-политическія реформы: выведя науку уголовного права изъ области метафизики, куда завели ее криминалисты юридической классической школы, остерегая ее отъ невѣрнаго увлеченія узнать истину только на анатомическомъ столѣ уголовно-антрополога, кримина-

²⁾ Принс: „Преступ. и репрессія“. Перев. похъ ред. Пржевальскаго, стр. 6.

листъ-соціологъ пошелъ по мансардамъ и подваламъ, къ нищимъ-труженикамъ, въ народъ, въ ряды пролетаріата, и здѣсь передъ нимъ раскрылись такія картины—причины преступности, что рука, уже занесенная для удара—наказанія, невольно должна была опуститься.

Повсемѣстный ростъ преступности еще болѣе убѣждалъ криминалиста соціологической школы въ непригодности дѣйствующихъ карательныхъ системъ, какъ средства борьбы съ преступностью. Конечно, не могли не видѣть роста преступности и сторонники классической школы, но ни на минуту они не усомнились въ томъ, годно ли для борьбы то оружіе, которымъ они до сихъ поръ пользовались; они рѣшили, что оно лишь притупилось, и принялись точить его, и такимъ образомъ наказаніе лишеніемъ свободы продолжаетъ занимать, какъ и прежде, господствующее мѣсто въ карательной системѣ, но на ряду съ системой общаго заключенія развивается болѣе суровое—одиночное, келейное заключеніе, и тюрьма, бывшая до того фабрикой чахотки и преступленія, теперь становится еще и фабрикой сумасшествія. Увеличиваются до максимальнаго предѣла размѣры наказанія за разбой на Кавказѣ, за конокрадство, распространенное повсемѣстно въ Россіи, но это не помогаетъ алу, и преступленія не уменьшаются ¹⁾.

Но криминалистъ соціологической школы пришелъ къ убѣжденію, что наказанія, какъ средства борьбы съ преступностью, не только часто бесполезны, но иногда и вредны, такъ какъ приводятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ росту преступности. Къ такому выводу пришелъ внимательный и осторожный въ своихъ заключеніяхъ проф. Листъ. Онъ составилъ слѣдующую таблицу на основаніи цифръ германской статистики за время съ 1882 по 1896 г. ²⁾.

Приростъ населенія Германіи за 1882—1896 г.	15,8%
Увеличеніе числа осужденныхъ за преступл. и прост.	38,5%
„ „ прест.—въ въ 1-й разъ осужденныхъ	13%
„ „ „ уже 1 разъ наказанныхъ	85%
„ „ „ 2 „ „	98%
„ „ „ отъ 3 до 5 разъ „	132%
„ „ „ 6 разъ и выше „	277%

¹⁾ По даннымъ, которыя мы беремъ изъ герман. угол. ст. (Statistik des Deutschen Reichs, Band 126, 1901 г.) за время съ 1882 по 1898 г. было въ Германіи приговорено 1.012 чел. къ смерти, казни, 121 чел.—къ пожизнен. пухтхаусу, 132.023—къ времен. пухтхаусу, 291.668—къ лишенію правъ и болѣе двухъ милліоновъ—къ тюремному заключенію только за десять лѣтъ съ 1889 по 1898 г. За это же время преступность возрасла съ 1.040 преступниковъ въ 1882 г. до 1.257 преступниковъ въ 1898 г. на каждыя 100.000 чел. уголовно-зрѣлаго населенія.

²⁾ Zeitsch. f. d. g. Str. 1901, 121—141 ss.

Отсюда Листъ дѣлаетъ такое заключеніе: «каждое осужденіе увеличиваетъ склонность къ преступленію». Доказывая безуспѣшность дѣйствующихъ карательныхъ системъ и необходимость социальныхъ реформъ, социологическая школа науки уголовного права добивается и во многихъ мѣстахъ добилась введенія условнаго освобожденія, т.-е. прекращенія наказанія ранѣе опредѣленнаго судомъ срока, условнаго осужденія, т.-е. лишь опредѣленія наказанія, но совершеннаго его непримѣненія при наличности нѣкоторыхъ условій. Однимъ словомъ, мы будемъ правы, если скажемъ, что въ то время, какъ криминалистъ классической школы борется съ преступленіемъ посредствомъ наказанія, криминалистъ социологической школы борется не только съ преступленіемъ, но часто и съ наказаніемъ.

Социологическая школа науки уголовного права, иначе молодая или третья школа, появилась и развилась лишь въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Сторонники этой школы видятъ предшественниковъ ея въ лицѣ первыхъ представителей моральной статистики Кетле и Герри. Таково, напримѣръ, мнѣніе Лакассаня ¹⁾, такъ же думаетъ и Принсъ, хотя и добавляетъ, что указанія на вліяніе среды встрѣчаются и ранѣе Кетле, у Монтескьё, и позднѣе у Тaine'a ²⁾. Но если говорить объ указаніяхъ на зависимость между социальной средой и преступностью, то мы найдемъ ихъ много раньше Монтескьё и полнѣе, чѣмъ у него. Намъ кажется, что извѣстный профессоръ политической экономіи въ свободномъ Брюссельскомъ университетѣ и депутатъ - социалистъ Hector Denis поступаетъ вполне правильно, указывая въ своемъ небольшомъ докладѣ уголовно-антропологическому конгрессу въ Амстердамѣ, что предшественниковъ социологической школы уголовного права надо искать среди первыхъ представителей той доктрины, которой придерживается онъ въ своей политической дѣятельности. Онъ указываетъ, какъ на предшественниковъ социологической школы, на Godwin'a, Owen'a, William Tompson'a, Fourier, Henri de Saint Simon'a и др. ³⁾. Несомнѣнно, что социологическая школа науки уголовного права, видящая корень преступности въ несправедливостяхъ и неурядицахъ современныхъ обществъ, въ несовершенствахъ социальной организаціи, примыкаетъ этой стороною своего ученія къ доктринамъ назван-

¹⁾ Médecine légale. Marche de la criminalité en France 1825 — 1880 (Revue scient. 1881, № 22).

²⁾ *Prins*: „Science pénale et droit positif“ 1899, стр. 20.

³⁾ Congrès internat. d'antrop. crimin. Compte rendu de la V session tenue à Amsterdam 9—14 sept. 1901. *Hector Denis*: „Le socialisme et les causes économiques et sociales du crime“.

ныхъ выше авторовъ какъ утопическаго, такъ и научнаго направленія, подвергавшихъ своей беспощадной критикѣ общественныя, политическія и экономическія условія жизни государствъ. Сказать, что у первыхъ представителей этой доктрины мы находимъ только одни указанія на социальное происхождение преступленія, на вліяніе среды, было бы невѣрно; у многихъ изъ нихъ вопросъ поставленъ гораздо шире, и на ряду съ положеніемъ о зависимости между социальной средой и преступностью мы уже находимъ установленіе и развитіе другого основного положенія социологической школы уголовного права о необходимости бороться съ преступленіемъ путемъ социальныхъ реформъ. Выясненіе этой стороны ученія указанныхъ выше предшественниковъ социологической школы науки уголовного права представляется намъ небезъинтереснымъ и небезполезнымъ; оно познакомитъ насъ съ удивительнымъ явленіемъ, какъ еще въ кровавый XVI вѣкъ знаменитый утопистъ Томасъ Морусъ высказалъ поразительные для того времени по своей гуманности и правильности взгляды о социальныхъ причинахъ преступности и о средствахъ борьбы съ нею, какъ заѣмъ эти взгляды, постепенно развиваясь, нашли себѣ блестящее подтвержденіе въ трудахъ статистиковъ Кетле, Герри и Эттингена и, воспринятыя въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ криминалистами, внесли новую струю въ науку уголовного права. Эта новая струя, вытекающая изъ такого чистаго, свѣтлаго источника, какимъ были эти «мечтатели» и «друзья челоуѣчества», Томасъ Морусъ, Фурье, Оуэнъ и др., смыла съ науки уголовного права вѣковую покрывавшую ее пыль и дала ей начала новой жизни.

Nector Denis считаетъ первымъ предшественникомъ социологической школы науки уголовного права W. Godwin'a, писателя конца XVIII и начала XIX вѣка. Но болѣе полное и подробное выясненіе зависимости между социальной средой и преступностью мы встрѣчаемъ много раньше Годуина, въ самомъ началѣ XVI столѣтія, когда появилась въ Англіи знаменитая «Утопія» Томаса Моруса¹⁾. Съ первыхъ же страницъ своего труда авторъ съ силой и страстностью доказываетъ жестокость и бесполезность смертной казни за воровство. Какъ на главныя причины воровства, онъ указываетъ на существованіе класса богатыхъ, окруженныхъ многочисленной челядью, рядомъ съ нищетою и безработицею. Самое ужасное наказаніе, — говоритъ Морусъ, — не удержать челоуѣка отъ воровства, разъ у него остается только это одно средство — спасти себя отъ

¹⁾ De optimo Reipublicae statu, deque nova Insula Utopia много разъ переведено на франц. яз. (первый переводъ 1550 г. de Budé, и нѣмецк. яз. (1-е изданіе 1524 г.)

голодной смерти; поэтому смертная казнь за воровство столько же бесполезна, сколько и жестока. Пока существуетъ классъ благородныхъ, питающихся отъ трудовъ работающихъ на нихъ въ потъ лица своего бѣдняковъ, пока богачи окружены толпой слугъ, которыхъ они безжалостно рассчитываютъ, когда они состарятся или заболѣютъ, до тѣхъ поръ воровство не исчезнетъ. Бросаютъ многихъ, какъ бродягъ, въ тюрьмы, но въ чемъ состоитъ ихъ преступленіе? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что они не могутъ найти никого, кто далъ бы имъ работу. Вылѣчите Англію,—говоритъ Морусъ устами путешественника и рассказчика объ Утоши,—отъ этихъ язвъ, вырвите эти корни нужды и преступности, обуздайте алчный эгоизмъ богачей, отнимите у нихъ право накопленія и монополій, изгоните праздность и дайте всѣмъ средства къ существованію. Обращаясь къ вопросу о значеніи воспитанія, какъ средства борьбы съ преступностью, Морусъ сравниваетъ юстицію Англии и другихъ странъ съ дурнымъ учителемъ, который охотнѣе бьетъ своихъ учениковъ, нежели ихъ воспитываетъ. Своимъ воспитаніемъ вы,—говоритъ Морусъ,—развращаете дѣтей, и когда они потомъ совершаютъ преступленіе, подготовленное вашимъ воспитаніемъ, вы ихъ наказываете. «Что вы дѣлаете? Воровъ вы дѣлаете, чтобы ихъ наказывать!»¹⁾

Возраженія этого писателя XVI столѣтія противъ смертной казни за воровство повторяются теперь какъ доводы вообще противъ наказанія смертью. Самъ Морусъ оставилъ, однако, это наказаніе въ своей Утоши за нѣкоторыя изъ преступленій, какъ, на примѣръ, за повторное прелюбодѣяніе, за незаконныя сходы. Главное мѣсто въ его карательной системѣ занимаетъ уголовное рабство. Интересно, что на преступниковъ и рабовъ возлагаются, между прочимъ, обязанности по убою скота, такъ какъ трудъ мясниковъ запрещенъ гражданамъ Утоши изъ опасенія, что пролитіе крови животныхъ убьетъ въ нихъ чувство состраданія и разовьетъ опасную грубость нравовъ. Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на общественномъ и государственномъ строѣ Утоши. Для насъ важно лишь отмѣтить, что по мысли Томаса Моруса въ этой странѣ безъ богатыхъ и бѣдныхъ, при общности имущества, при общей трудовой жизни и полномъ отсутствіи класса праздныхъ не только преступленія, но и гражданскія тяжбы являются рѣдкими исключеніями.

Основную мысль Моруса о вредѣ частной собственности развилъ во Франціи Jean Meslier (родился въ 1664 или 1675 году

¹⁾ Quid aliud, quaeso, quam facitis fures et iidem plectitis, стр. 21. Thomas Morus Utopia herausgegeben von Michels u. Ziegler, 1895.

и умеръ въ 1733 г.)¹⁾. Въ правѣ частной собственности онъ видитъ причину всѣхъ золь, преступленій и несчастій; это право—причина «обмановъ, мошенничества, плутней, грабежей, воровства, убійствъ, разбойничества»²⁾.

Для Meslier верхъ несправедливости то, что одни богаты, другіе бѣдны, одни пресыщены, другіе умираютъ съ голоду, одни всегда веселы, другіе печальны, одни проводятъ жизнь, какъ въ раю, другіе страдаютъ, какъ въ аду. Обращаясь къ бѣднякамъ, авторъ говоритъ: «*toute la peine est pour vous et pour vos semblables, et tout le bien est pour les autres, quoiqu'ils le méritent le moins*»³⁾. Meslier—коммунистъ и вѣритъ, что въ его идеальномъ строѣ водворится спокойная и счастливая жизнь—полная противоположность теперешней съ ея прокурорами, адвокатами, нотариусами, приставами и другими «*les gens de l'injustice*»⁴⁾.

Спеціально вопросомъ о соотношеніи между правомъ частной собственности и воровствомъ занялся Brissot de Warville въ своей работѣ «*Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol, considérés dans la nature et dans la société*» (1782 г.) Имя этого криминалиста, издателя очень интересной «*Bibliothèque philosophique*» по вопросамъ уголовного права, у насъ мало извѣстно, а между тѣмъ его взгляды, его научное направленіе представляютъ большой интересъ. Особое вниманіе онъ удѣлялъ вопросамъ предупрежденія преступленія путемъ организациі различныхъ мѣръ общественнаго характера. Въ указанной же выше работѣ о частной собственности и воровствѣ онъ ставитъ вопросъ еще шире. Онъ различаетъ два вида собственности: 1) собственность естественную, границы которой опредѣляются потребностями индивида, и 2) собственность, установленную властью въ обществѣ, для защиты которой существуютъ уголовные законы. «Мы далеко ушли отъ природы; въ естественномъ состояніи богачъ—воръ, т.-е. тотъ воръ, у кого имущества болѣе, чѣмъ требуютъ его потребности, а въ обществѣ воръ тотъ, кто крадетъ у этого богача». Далѣе, въ главѣ, названной «слѣдуетъ ли наказывать смертью или налагать другое безчестящее наказаніе на того, кого нужда приводитъ къ воровству?»—авторъ высказываетъ тѣ мысли, которыя послѣ повторилъ Прудонъ: «Не голодный бѣднякъ заслуживаетъ наказанія, но богачъ, отказывающій безсердечно въ удовлетвореніи потребностей своего ближняго, достойнаго состраданія. *Ce riche est le seul voleur*—богачъ—

1) *Jean Meslier: „Le testament“*. Amsterdam, 1864.

2) Ук. соч., II т., 215 стр.

3) *Ibid.*, 224 стр., II т.

4) *Ibid.*, 208 стр., II т.

вотъ настоящій воръ ¹⁾. И далѣе: «Судьи народовъ! общества выбрали васъ защищать ихъ законы, останавливать преступленія, защищать притѣсняемыхъ. До которыхъ же поръ вы будете непослѣдовательны и жестоки, когда же, наконецъ, перестанете вы нарушать естественные законы и наказывать несчастныхъ, которыхъ голодъ заставляетъ бросаться на пищу другихъ,—а она должна принадлежать имѣющимъ въ ней нужду? Зло должно быть уничтожено въ корнѣ: «справедливымъ распредѣленіемъ богатствъ уничтожьте нищету, и воровства больше не будетъ» ²⁾. Въ другой своей большой работѣ «*Théorie des lois criminelles*» этотъ авторъ еще болѣе ясно говоритъ о значеніи социальныхъ факторовъ преступности. «Человѣкъ не родится врагомъ общества,—говоритъ онъ,—это обстоятельства дѣлаютъ его такимъ». Въ главѣ о средствахъ предупрежденія преступленія онъ предлагаетъ постройку рабочихъ домовъ (но не *maisons de force*), организованныхъ на началахъ гуманности, и въ нихъ видитъ средство борьбы съ нищенствомъ; въ устройствѣ воспитательныхъ домовъ и родильныхъ пріютовъ, гдѣ сохранялось бы въ тайнѣ имя роженицъ, онъ видитъ средство успешной борьбы съ дѣтубійствомъ, въ улучшеніи политическихъ условий жизни страны—условіе уменьшенія заговоровъ и возстаній, въ воспитаніи народа онъ видитъ борьбу съ пороками и преступленіями. «*Rendez aux moeurs leur pureté, à l'opinion publique son empire, aux lettres leur lustre, améliorez l'éducation du peuple, et les vices qui recelent le germe de la plupart des crimes ne paraîtront pas si fréquemment*» ⁴⁾.

Мы уже указывали выше, что Hector Denis называетъ англичанина Godwin'a первымъ выяснившимъ зависимость между социальной средой и преступностью, а Менгеръ считаетъ его первымъ представителемъ научнаго социализма ⁵⁾.

Годуинъ приходитъ къ выводу, что причины бѣдности и воровства лежатъ въ самомъ строѣ государства; къ воровству и обману побуждаетъ преступника нищета, тиранія богатства. Спасеніе Годуинъ видитъ въ полной реформѣ государственнаго строя въ такомъ видѣ, чтобы не было ни центральной законодательной, ни исполнительной власти и каждый добровольно уступалъ другому то, въ чемъ тотъ нуждается болѣе его. Однако, суды существуютъ и въ

¹⁾ *Brissot de Warville*: „Sur le droit de propriété et sur le vol“ (Bibl. philos., VI v. 1782, p. 334). Brissot de Warville былъ главою жирондистовъ.

²⁾ *Ibid*, 336 p.

⁴⁾ *Brissot de Warville*: „Théorie des lois criminelles“. Neuchatel, 1781, 1 v., 98 p.

⁵⁾ *Anton Menger*: „Le droit au produit intégral du travail“ (traduction, Paris, 1900) 58 p.

этомъ стрѣ, но только въ началѣ они пользуются принудительной властью, а позднѣе у нихъ остается лишь право приглашенія (to invite) гражданъ дѣйствовать въ направленіи общаго блага. Большая часть причинъ преступности исчезнетъ въ этомъ новомъ стрѣ навсегда.

Мы переходимъ теперь къ писателю и общественному дѣятелю, особенно интересному для криминалиста-соціолога,—къ Оуэну. Удивительно, что сторонники соціологической школы науки уголовного права его совершенно забыли; его имени, его практической дѣятельности они не указывали даже въ тотъ періодъ, когда полемика съ уголовно-антропологической школой достигла своего наибольшаго обостренія, а между тѣмъ двадцатилѣтняя дѣятельность Оуэна въ Невъ-Ланаркѣ служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ огромнаго вліянія соціальной среды на преступность.

Интересующая насъ дѣятельность Оуэна начинается съ 1 января 1800 года, когда имъ и компаніей была куплена одна изъ большихъ англійскихъ фабрикъ въ Невъ-Ланаркѣ, мѣстечкѣ въ графствѣ Ланаркѣ¹⁾. Еще въ 1785 и 1789 годахъ здѣсь были выстроены фабрики; вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ, прежній владѣлецъ фабрики прибѣгъ къ двумъ средствамъ. Во-первыхъ, получилъ для работъ на фабрикѣ дѣтей изъ различныхъ воспитательныхъ домовъ и благотворительныхъ учрежденій. Такія мѣры были въ то время обычнымъ явленіемъ: «дѣти, обучавшіяся ремеслу, подобно рабамъ, массами пересылались попечителями о бѣдныхъ изъ южныхъ городовъ къ сѣвернымъ фабрикантамъ, которые держали ихъ въ переполненныхъ помѣщеніяхъ, прилегающихъ къ фабрикѣ, и заставляли работать по днямъ и ночамъ, совершенно пренебрегая всякими соображеніями относительно физическаго и нравственнаго здоровья. Нѣтъ болѣе позорныхъ страницъ въ исторіи нашего народа, чѣмъ тѣ, гдѣ подробно разсказывается о ненасытной жадности этихъ піонеровъ современной промышленности, питавшихся на счетъ нищеты и развращенности англійскихъ дѣтей»²⁾.

Эта мѣра оказалась благотворительной по отношенію не къ дѣтямъ, а къ фабриканту. Дѣти не выносили ужасныхъ условій жизни и умирали въ громадномъ количествѣ. Другое средство, къ которому прибѣгъ предшественникъ Оуэна, было приглашеніе взрослыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей страны съ предоставленіемъ имъ права жить при фабрикѣ. Явившіеся рабочіе были подонками обще-

¹⁾ Examen impartial des nouvelles vues de M. R. Owen et de ses établissements ect. par Macnab. Paris, 1821.

²⁾ Гобсонъ: „Проблемы бѣдности и безработицы“. Перев. Зака и Франка. Спб., 1900 г., 164 стр.

ства; безнравственность и всѣ пороки были распространены среди нихъ; они платили дань всѣмъ видамъ преступности, и постоянные среди нихъ раздоры религіознаго характера не давали покоя администраціи.

Въ такомъ видѣ засталъ фабрику Оуэнъ въ годъ ея покушки. По его собственнымъ словамъ, воровство было профессіей фабричныхъ рабочихъ, пьянство—привычкой, обманы—обычаемъ; всюду было недоувѣріе, разобщенность, беспорядокъ, и ихъ мѣсто должны были занять довѣріе, порядокъ и гармонія.

Свою борьбу съ воровствомъ Оуэнъ началъ очень оригинально: онъ отдалъ приказаніе не возбуждать ни одного обвинительнаго дѣла за кражи съ фабрики; отнынѣ ни одинъ человекъ ни на одинъ часъ не былъ лишаемъ свободы, но зато были приняты самыя усиленныя мѣры надзора, предупрежденія воровства, охраны фабричнаго имущества. Въ то же время онъ увеличилъ поденную плату рабочимъ и уменьшилъ съ 16 до 10¹/₂ число рабочихъ часовъ въ сутки. Дѣтямъ моложе 10 лѣтъ была запрещена всякая работа на фабрикѣ и сдѣлано обязательнымъ посѣщеніе съ 4-лѣтняго возраста школы, для которой Оуэнъ построилъ прекрасное зданіе съ залами для танцевъ, игръ и гимнастики. Старшихъ дѣтей обучали, кромѣ чтенія и письма, музыкѣ и пѣнію. Принципомъ воспитанія было отсутствіе всякаго наказанія. Была устроена библіотека; по праздникамъ устраивали концерты и танцы. Были свои общественные магазины, гдѣ рабочіе за дешевую цѣну покупали лучшіе продукты. Пищу приготовляли въ обширной общественной кухнѣ. При фабрикѣ былъ свой докторъ, и ¹/₁₀₀ своего заработка рабочіе отдавали на образованіе капитала въ помощь больнымъ и старикамъ-товарищамъ. Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность Оуэна. Она привела къ поразительнымъ результатамъ: мало-по-малу совершенно исчезло пьянство, прекратились раздоры и дружно работали за однимъ станкомъ люди, не выносившіе другъ друга ранѣе только изъ-за различія вѣроисповѣданія. О преступленіяхъ совершенно забыли, и за 16 лѣтъ не было совершено ни одного преступления на этой фабрикѣ съ населеніемъ свыше 2.400 человекъ ¹). Въ колоніи вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ водворилась спокойная, счастливая жизнь; чувство солидарности воспитывалось

¹) Въ указанной выше работѣ Маспав'а (въ переводѣ de Ladébat 1821 г.) имѣются цифровыя таблицы о возрастѣ и полѣ населенія фабрики Оуэна за 30 июня 1819 г. Изъ нихъ видно, что на 913 чел. муж. населенія приходилось 1.380 женщ. и дѣвочекъ, а всего 2.293 чел. Въ возрастѣ до 10 лѣтъ было 473 дѣтей обоего пола, отъ 10 до 21 года—738 чел., отъ 21 до 45 лѣтъ—560 чел. и остальные 45 лѣтъ и старше.

въ людяхъ, бывшихъ ранѣе эгоистами; они уже понимали и высоко цѣнили общее благо. «Приходите и смотрите!»—говорилъ Оуэнъ своимъ противникамъ. Они прїѣзжали изъ всѣхъ концовъ Англіи и изъ другихъ странъ и уходили, пораженные достигнутыми результатами.

Эта практическая дѣятельность привела Оуэна къ слѣдующимъ интереснымъ для насъ выводамъ: «Вину и причины современной преступности надо искать не въ личности, не въ самомъ преступникѣ, но въ той системѣ, въ которой онъ былъ воспитанъ. Удалите обстоятельства, влекуція къ преступленію, и преступленіе исчезнетъ, или замѣните ихъ другими такими, чтобы они могли развить привычки порядка, правильности, умѣренности и труда. Усвойте мѣры справедливости и правосудія, и вы безъ труда пріобрѣтете полное и глубокое довѣріе низшихъ классовъ. Настойчиво и систематически проводите принципы лучшаго благосостоянія, прибѣгайте къ мѣрамъ возможно меньшей суровости для огражденія общественнаго порядка противъ преступленія, и мало-по-малу преступленія исчезнутъ, такъ какъ даже наиболѣе порочныя и сформировавшіяся наклонности не смогутъ долго бороться съ настойчивой благожелательностью. Такой образъ дѣйствія вездѣ, гдѣ онъ будетъ примѣненъ, будетъ наиболѣе могущественнымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ предупредить преступленіе и исправить всѣ порочныя и скверныя наклонности»¹⁾.

На фабрикахъ Оуэна были произведены интересные для насъ опыты исправленія преступниковъ. Властями сюда были присланы 5 человекъ, совершившихъ различныя проступки; двое изъ нихъ почти тотчасъ бѣжали, а трое сдѣлались аккуратными, трудолюбивыми работниками.

Извѣстно, что дѣятельностью Оуэна заинтересовались его современники, и одинъ изъ его соотечественниковъ, присутствовавшій на митингахъ Оуэна, помѣщикъ сэръ Ванделеръ, рѣшилъ «попытасться пьяное и дикое населеніе Ралахайна превратить въ трезвое и честное рабочее населеніе»²⁾. Его имѣніе было въ графствѣ Клэръ, гдѣ, по словамъ современныхъ источниковъ, «не существовало закона», а полиція была безсильна бороться съ убійствами, грабежами, вооруженными нападеніями и проч. Въ теченіе 1830 и 1831 гг. Ванделеръ выстроилъ зданія для аудиторіи, большой столовой, школы, лавки, домики для семейныхъ рабочихъ. Въ ноябрѣ

¹⁾ Masnad, op. cit., 77—78 pp.

²⁾ „Ралахайнскій экспериментъ“, статья С. Булгакова въ „Мірѣ Бож.“ 1900 г., № 2, стр. 218—233.

1831 года Ванделеръ предложилъ рабочимъ основать «Ралахайнскую земледѣльческую и промышленную кооперацію» въ цѣляхъ улучшенія экономическаго положенія членовъ, умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Рабочіе отнынѣ работали не на помѣщика, но для общества своей маленькой коммуны. И здѣсь произошло то же, что и на фабрикахъ Оуэна; «видѣвшіе Ралахайнъ, — пишетъ г. Булгаковъ, утверждаютъ, что въ нравахъ жителей произошло большое смягченіе подъ совокупнымъ условіемъ трезвости, лучшихъ условій жизни, болѣе независимаго положенія женщинъ»¹⁾. «Ралахайнъ посѣщали въ эпоху его расцвѣта различныя лица, и всѣ удивлялись образцовому порядку и трудолюбію жителей, достигаемому безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ»; и самъ Оуэнъ, посѣтившій Ралахайнъ, писалъ объ этомъ посѣщеніи: «народъ показался мнѣ здѣсь болѣе счастливымъ, чѣмъ кто бы ни былъ изъ этого класса въ Ирландіи, которую я посѣщалъ въ различныя времена»²⁾.

Если Ванделеръ былъ послѣдователемъ Оуэна въ области практической дѣятельности, то Вильямъ Томпсонъ (Tompson) былъ его послѣдователемъ въ области теоретической мысли³⁾. Ему, по словамъ Anton Menger'a, удѣляютъ теперь очень мало вниманія, а между тѣмъ онъ оказалъ вліяніе на С. Симона, Прудона и особенно Маркса и Родбертуса.

Не приходится и намъ удѣлять ему много вниманія, такъ какъ въ интересующемъ насъ отношеніи Tompson повторилъ выводы Оуэна. Причины преступности онъ видитъ въ соціальной средѣ и увѣренъ, что съ ея измѣненіемъ въ томъ видѣ, какъ онъ проектируетъ, исчезнутъ почти всѣ мотивы къ совершенію преступленій. Теперь рабочій получаетъ изъ продукта труда лишь то, что ему необходимо для поддержанія своего существованія, но только одинъ трудъ создаетъ цѣнность и потому весь продуктъ труда долженъ поступать къ тому, кто создаетъ цѣнность, т.-е. къ рабочему. Люди должны объединиться въ тѣ коммуны, которыя проектировалъ Оуэнъ и съ которыми мы уже знакомы. Въ нихъ человѣчество найдетъ свое счастье.

Много полнѣе и интереснѣе ученіе о вліяніи среды на преступность мы находимъ у Сенъ-Симона и его послѣдователей. Когда въ 1825 году умеръ С. Симонъ, произнесъ свои послѣдніе слова о рабочей партіи, что будущее принадлежитъ имъ, его друзья рѣшили продолжать начатое имъ дѣло. Они начали издавать газеты

¹⁾ Ibid., 229 стр.

²⁾ Ibid., 232 стр.

³⁾ Anton Menger, ук. соч., стр. 72—84.

(Producteur, Glob, Observateur), а въ 1829 г. приступили къ интересному публичному изложенію доктрины сен-симонизма¹⁾.

Одна изъ этихъ лекцій, двѣнадцатая, была посвящена интересующему насъ вопросу. «Въ дѣйствующихъ законодательствахъ, — говорили сенъ-симонисты²⁾, — нѣтъ демаркаціонной линіи между добромъ и зломъ, оно не считается съ внѣшними обстоятельствами, которыя одни могутъ опредѣлить дѣйствительную цѣнность совершенныхъ актовъ, оно далеко отъ жизни, отъ реальности; судья—это какая-то машина, статьи закона—мертвыя строки на бумагѣ. Оно думаетъ перевоспитать человѣчество каторжными работами, но пока думаютъ достичь воспитанія социальныхъ чувствъ одной репрессіей, пока палачъ—одинъ привилегированный учитель морали, до тѣхъ поръ общество будетъ только страдать въ унижительнѣйшемъ рабствѣ. Забываютъ, что наказанные вышли изъ городовъ, гдѣ остались толпы такихъ же слабыхъ, какъ они, и они тоже пойдутъ за ними гибнуть морально въ тюрьмахъ и, можетъ быть, скажутъ послѣднее прости землѣ съ эшафота»³⁾. Причины преступленій и всѣхъ неурядицъ, — учили санъ-симонисты, — надо искать въ эксплуатаціи человѣкомъ человѣка, въ существованіи рядомъ класса ничего не дѣлающихъ и тружениковъ; на счетъ этихъ работниковъ и живутъ всѣ другіе. Но празднымъ людямъ не должно быть мѣста въ обществѣ; только съ ихъ исчезновеніемъ воскреснетъ матеріально и морально самый многочисленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый бѣдный классъ. Эта лучшая нравственная жизнь настанетъ тогда, когда общество преобразуется въ огромную ассоціацію рабочихъ, равныхъ между собой, гдѣ не будетъ никакихъ привилегій по рожденію, гдѣ будетъ проведенъ принципъ à chacun selon sa capacité, à chaque capacité suivant ses oeuvres. Нужно правильно поставить дѣло воспитанія. Древнія націи, предназначенныя проводить жизнь въ войнѣ, имѣли прекрасно поставленное военное воспитаніе, а мы, предназначенные для жизни въ мирѣ и трудѣ, не имѣемъ его: нужно изъ каждаго изъ насъ сдѣлать «человѣка» и «работника». Тогда настанетъ славный день, и люди, воспитанные въ братствѣ и гуманности, «pourront prétendre à une nouvelle couronne de sainteté», тогда порокъ будетъ наказываться уже однимъ печальнымъ видомъ причиненныхъ имъ страданій. Пока этотъ идеалъ не достигнутъ, на ряду съ уголовнымъ или «отрицательнымъ» законодательствомъ должно существовать и «положительное» или награ-

¹⁾ „Doctrines de Saint-Simon“. Exposition première, année 1829. Seconde édition. Paris, 1830.

²⁾ *Sebastien Charléty*: „Histoire de saint-simonisme“ (1825—1864), 1896, p. 69.

³⁾ „Doctrines de Saint-Simon“. Exposition, p. 309, 314.

ждающее за добродѣтель. Преступленіемъ будетъ всякое дѣйствіе съ ретроградной тенденціей, т.-е. возвращеніе къ привычкамъ прошлаго съ его характернѣйшей чертой—эксплуатаціей человѣкомъ человѣка ¹⁾. Преступникъ для насъ,—учили сень-симонисты,—только «un fils du passé»—сынъ прошлаго, и мы должны направить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать изъ него сына будущаго. Судьей въ этомъ новомъ строѣ будетъ лучший человѣкъ, лучше другихъ знающій соціальныя порядки и любящій его больше другихъ; онъ будетъ говорить: «Вы хорошо, а вы дурно поступили», и этого будетъ достаточно ²⁾.

Изъ этого изложенія ученія сень-симонистовъ мы видимъ, во-первыхъ, что они относили преступленіе не къ злой волѣ преступника, но смотрѣли на него, какъ на необходимое послѣдствіе всего политическаго и соціальнаго устройства государства; во-вторыхъ, подвергали безпощадной критикѣ дѣйствовавшія уголовныя законодательства и борьбу съ преступлениями только наказаніями; въ-третьихъ, придавали рѣшающее значеніе въ борьбѣ съ пороками и преступлениями реформамъ соціальнаго характера и особенно останавливались на значеніи мѣръ воспитательнаго характера.

Въ одно время съ трудами С.-Симона появлялись во Франціи же работы Фурье. Первая его работа: «*Theorie des quatre mouvements*», появилась въ 1808 году ³⁾. Первое изъ этихъ quatre mouvements онъ называетъ mouvement social, второе—animal, третье—organique и четвертое—matériel. Mouvement social—объясненіе законовъ Божескаго управленія соціальными организмами, mouvement animal—объясненіе законовъ, по которымъ Богъ распредѣляетъ страсти, инстинкты всѣмъ существамъ мірозданія. Раскрытіе этихъ законовъ и ихъ изученіе привело Фурье къ его знаменитой теоріи фаланстеры или фаланги. Фалангой назывался тотъ военный строй, благодаря особенностямъ котораго Александръ Македонскій завоевалъ большую часть міра. Фурье назвалъ фалангой тотъ свой новый соціальныя строй, которымъ онъ думалъ побѣдить все міровое зло, всѣ пороки, всѣ преступления и дать страждущему человѣчеству счастье въ т.-н. фаланстерахъ, т.-е. огромныхъ зданіяхъ, предназначенныхъ для общей жизни въ нихъ 2.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Здѣсь общія столовыя, кухни, но отдѣльныя и при томъ различныя квартиры. Работники получаютъ здѣсь $\frac{3}{12}$ продукта труда, представители капитала— $\frac{4}{12}$ и представители таланта— $\frac{5}{12}$.

¹⁾ Ibid., 316 p.

²⁾ Seb. Charléty, *ув. соч.*, стр. 70.

³⁾ Ch. Fourier: „Oeuvres complètes“. 2 edit. Paris, 1841.

«Это не коммунистическій строй,—говорить Considerant въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, посвященныхъ изложенію доктрины Фурье¹⁾),—гдѣ однообразно звучить все одна и та же нота, гдѣ нѣтъ никакого мѣста индивидуальному развитію, но музыка, гдѣ множество голосовъ согласованы въ чудную гармонію». Въ своихъ лекціяхъ Considerant подробно останавливался на доказательствахъ невозможности въ фаланстерѣ воровства, этого наиболѣе часто совершаемаго преступленія. Оно будетъ невозможно прежде всего потому, что никто не будетъ страдать отъ бѣдности,—мы не будемъ тамъ видѣть человѣка, этого царя мірозданія, какъ теперь, въ рубищѣ, голоднаго и больного. Но кража будетъ невозможна и потому, что не будетъ мѣста для сбыта краденаго: въ фаланстерѣ жизнь у всѣхъ на виду и продать никому нельзя, такъ какъ право продажи и покупки остается только за фалангами.

Фурье страстно хотѣлъ на опытѣ доказать правильность своей основной идеи, ручался за успѣхъ и, нуждаясь въ средствахъ для постройки фаланстеры, объявилъ, что лицо, желающее дать средства на опытъ, можетъ видѣть его ежедневно въ опредѣленный часъ. Десять лѣтъ, изо дня въ день, онъ ждалъ этого прихода и умеръ въ 1831 году, не дождавшись. А нѣсколько лѣтъ спустя другой энтузіастъ, Cabet, можетъ быть отчасти изъ желанія видѣть хоть немного приближенными къ живой дѣйствительности, къ самой жизни свои утопическія мечтанія, облекъ свои общественные и политическіе взгляды въ форму романа «Voyage en Icarie», 1845 г. Основная тенденція этого романа выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, напечатанныхъ на первой заглавной страницѣ: «tous pour chacun, chacun pour tous. A chacun suivant ses besoins, de chacun suivant ses forces»²⁾ et. Авторъ рисуетъ намъ счастливую страну Икарію, гдѣ будто бы уже проведены въ жизнь эти принципы. Жизнь икарійцевъ—полная противоположность нашей: «для насъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—чѣмъ болѣе мы изучаемъ исторію, тѣмъ мы глубже убѣждаемся, что неравенство есть причина бѣдности и богатства, всѣхъ пороковъ, рождающихся одинъ изъ другого, жадности и честолюбія, зависти и злобы, несогласій и всякихъ войнъ, однимъ словомъ—всѣхъ золъ, тяготѣющихъ надъ отдѣльными лицами и народами»³⁾).

Въ нашу задачу не входитъ передача подробностей новаго строя

1) *Victor Considerant*: „Exposition abrégée du système phalanstérien de Fourier“. 3e edit. Paris, 1845. 27—28 pp.

2) На этой же заглавной страницѣ мы читаемъ: „главное право—жить; главная обязанность—трудиться. Равенство. Свобода. Избирательное начало и пр.“

3) *Cabet*: „Voyage en Icarie“. 1845, préface, II.

Cabet, гдѣ онъ предусматриваетъ все, начиная отъ одинаковаго у всѣхъ платья, для избѣжанія зависти и кокетства, и кончая подробностями демократическаго правленія страны. Для насъ только важно отмѣтить, что въ этомъ новомъ обществѣ должны, по убѣжденію Cabet, исчезнуть преступления: «*vol — impossible! Banqueroute, fausse monnaie — impossible! Point d'intérêt pour le meurtre! Point de motifs pour l'incendie, les violences, les injures même! Point de cause pour les conspirations!*». Великими преступленіями, *grands crimes*, оставшимися въ этой странѣ, считаются нерадѣніе въ работѣ, замедленіе въ ея исполненіи и клевета. У икарійцевъ нѣтъ надобности, — говоритъ Кабэ, — въ судѣ въ томъ его видѣ, какъ онъ существуетъ у насъ; у нихъ нѣтъ «этихъ палачей-судей въ красныхъ мантияхъ, чтобы скрыть пятна крови, которой они забрызганы». Судьями икарійцевъ является само общество. Если совершено преступленіе въ мастерской, судятъ работающіе въ ней; совершено оно въ столовой, судятъ обѣдающіе въ ней. Самое позорное преступленіе — клевета, но, благодаря воспитанію, чувству братства въ гражданахъ, она — рѣдкое явленіе въ жизни икарійцевъ, и за послѣднія 20 лѣтъ не было ея случаевъ. Наказанія въ Икаріи «ужасны»: опубликованіе отчета о разборѣ дѣла въ общегосударственной или мѣстныхъ правительственныхъ газетахъ съ указаніемъ или безъ указанія полностью фамиліи преступника, исключеніе изъ общественныхъ мѣстъ, лишеніе нѣкоторыхъ правъ въ мастерской ¹⁾).

Уже эта краткая передача взглядовъ Кабэ по вопросу о происхожденіи преступленій и борьбѣ съ ними убѣждаетъ насъ, что авторъ видѣлъ корни, причины преступности въ той же самой социальной средѣ, въ которой ихъ ищетъ социологическая школа науки

¹⁾ Кабэ приводитъ образчикъ приговора икарійскаго суда. Этотъ приговоръ выясняетъ взгляды автора на недостатки современнаго ему судопроизводства и не лишень интереса. Мы приводимъ его. „Докладчикъ цензурнаго комитета (*Comité de censure*) докладываетъ, что Т., уже разъ осужденный собраніемъ за проступокъ, въ которомъ онъ сознался и о которомъ донесъ Д., обвинилъ послѣдняго въ его отсутствіи въ томъ, что онъ донесъ на него по злости. Такое обвиненіе было бы позорно для Д., если было бы справедливо. Но собраніе можетъ припомнить поведеніе Д., никто не обвинялъ его тогда въ донесеніи по злости, и потому обвиненіе Т. кажется ложнымъ и клеветническимъ“. Докладчикъ вызываетъ затѣмъ обвинителя и свидѣтелей, и они подтверждаютъ обвиненіе. Обвиняемый признается въ клеветѣ и высказываетъ свое сожалѣніе. Многіе присутствующіе принимаютъ участіе въ защитѣ обвиняемаго, не оправдывая его, однако, вполне. По окончаніи преній предсѣдатель ставитъ вопросъ о виновности Т. въ клеветѣ, и собраніе отвѣчаетъ единогласно „да“ и большинствомъ голосовъ признаетъ наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ. Докладчикъ и два члена комитета опредѣляютъ въ видѣ наказанія публикацію отчета о засѣданіи суда въ газетѣ безъ упоминанія фамилій. Это предложеніе и принято собраніемъ“ (стр. 132—133).

уголовнаго права, и въ измѣненіи этой среды видѣлъ лучшее средство для борьбы съ преступностью.

Большой интересъ въ занимающемъ насъ отношеніи представляютъ работы *Ducretiaux*, начальника бельгійскихъ тюремъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Во всѣхъ своихъ работахъ онъ старался выяснять социальныя причины преступности и отдавалъ преимущественное значеніе мѣрамъ предупрежденія, а не репрессіи. Таковы, напримѣръ, его брошюры: «*De la justice de prévoyance et particulièrement de l'influence de la misère et de l'aisance, de l'ignorance et de l'instruction sur le nombre des crimes*», 1872 г., и другая: «*Des moyens de soulager et de prévenir l'indigence et d'éteindre la mendicité*», 1832 г. Въ послѣдней работѣ онъ иронизируетъ: «Удивительно хороши законы, не различающіе порока отъ несчастія и безжалостно поражающіе невиннаго изъ боязни, чтобы не оставить безъ наказанія виновнаго. Противодѣйствуйте лѣности, боритесь съ обманщиками, но считайтесь съ обстоятельствами, въ которыхъ можетъ находиться честный человѣкъ, принужденный нищенствовать, хорошенько поразмыслите прежде, чѣмъ сравнивать этого человѣка съ плутомъ и обманщикомъ, прежде чѣмъ превратить несчастіе въ преступленіе и къ тягостямъ судьбы присоединить еще и тягости осужденія»¹⁾). Въ 1837 г. *Ducretiaux* напечаталъ работу по сравнительной статистикѣ преступности Франціи, Бельгіи, Англіи и Германіи и заявилъ себя здѣсь сторонникомъ того направленія, которое всего 4 года до появленія его работы нашло себѣ выразителя въ лицѣ знаменитаго представителя моральной статистики Кетлэ, затѣмъ Герри и позднѣе Оттингенѣ. Заслуга этихъ статистиковъ передъ наукой уголовнаго права та, что они нанесли метафизической школѣ, строившей свое ученіе о преступленіи и наказаніи на принципѣ свободы воли, первый ударъ, доказавъ законосообразность явленій тамъ, гдѣ господствовала раньше «всемогущая свободная воля». Для Кетлэ ясно социальное происхожденіе преступленія: «законодатель можетъ исполнить свою благородную миссію: измѣненіемъ среды, въ которой мы живемъ, улучшить условія жизни своего ближняго... Позвольте мнѣ дышать болѣе чистымъ воздухомъ, измѣните среду, въ которой я принужденъ жить и вы дадите мнѣ новую жизнь»²⁾). Первая работа Кетлэ вышла въ 1832 г., а Герри—въ 1833 г. Въ этихъ, а также и другихъ своихъ трудахъ, они точнымъ методомъ наблюденія, цифровыми

1) *Ducretiaux*: „Des moyens de soulager et de prévenir l'indigence et d'éteindre la mendicité“. Bruxelles, 1832, p. 29—30.

2) *Quetlet*: „Physique sociale“, 1869, 2 edlt., II v., 248 p.

итогами доказали, что причины преступности лежатъ въ самомъ обществѣ и социологическая школа науки уголовного права признала ихъ, какъ мы видѣли выше, первыми своими предшественниками. Но изъ знакомства съ трудами другихъ, болѣе раннихъ, разсмотрѣнныхъ нами писателей мы могли видѣть, что мысль о социальномъ происхожденіи преступности была высказана, развита и до извѣстной степени доказана много раньше. Къ именамъ Томаса Моруса, Годвина, Оуэна и другихъ мы могли бы присоединить еще и другія, напримѣръ, Монтескьё, котораго указываетъ Rgins, Беккарія, Руссо, Марата ¹⁾, Прудона и другихъ, но намъ кажется, что для нашей цѣли—дать небольшой очеркъ развитія идеи о вліяніи среды на преступность—достаточно приведенныхъ нами авторовъ, тѣмъ болѣе, что эта идея у нихъ выражена не мимоходомъ, но выпукло и ярко.

Мих. Гернетъ.

¹⁾ См. *Gerichtsaal*, 1902, LXI, 3 и 4 Heft: *Marat als Kriminalist*,

Посадская община въ Россіи XVIII ст.

Въ исторіи городского самоуправления въ Россіи представляет нѣкоторый особенный интересъ періодъ, протекшій отъ муниципальной реформы Петра I до изданія городского положенія Екатерины II. За этотъ періодъ городское управленіе становится полемъ взаимнаго столкновенія глубоко-архаическихъ условій городской жизни съ правительственными попытками двинуть городскую жизнь на новые пути по западно-европейскимъ образцамъ. Магистратскій регламентъ Петра I рассматриваетъ русскій городъ, какъ культурный центръ, какъ разсадникъ торговопромышленнаго прогресса, просвѣщенія и благоустройства и, соотвѣтственно этому, надѣляетъ городъ правами и органами самоуправления въ видѣ системы магистратскихъ учрежденій. Эти мечты преобразователя несомнѣнно опережали русскую дѣйствительность того времени. Конечно, въ теченіе XVIII ст. обороты внутренней и внѣшней торговли Россіи и концентрація промышленности дѣлали несомнѣнные успѣхи сравнительно съ эпохой московскаго царства. Но, несмотря на эти успѣхи, имперія XVIII ст. все же оставалась по преимуществу страной натурального хозяйства и мелкой домашней промышленности. Это обнаруживается въ цѣломъ рядѣ явленій: въ области внѣшней торговли—въ преимущественномъ вывозѣ сырья и преимущественномъ привозѣ фабрикатовъ, въ пассивной роли, которая выпадала на долю русскаго купечества въ оборотахъ внѣшней торговли, въ полной зависимости этого купечества отъ иностранныхъ посредниковъ. Въ области внутренней торговли—въ разобщенности внутреннихъ рынковъ, въ преобладаніи ярмарочной торговли, въ хаотической пестротѣ торговыхъ цѣнъ по сосѣднимъ районамъ и въ рѣзкихъ и капризныхъ колебаніяхъ этихъ цѣнъ по смежнымъ годамъ. Въ области промышленности—въ рѣшительномъ преобладаніи крестьянской кустарной промышленности надъ начальными опытами фабричныхъ предприятий. Во многихъ и притомъ весьма важныхъ отрасляхъ

промышленности фабричное производство возникает впервые лишь в первой половинѣ XVIII ст., а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ—не ранѣе второй половины этого столѣтія.

Соотвѣтственно съ указаннымъ направлениемъ народнаго хозяйства и городъ въ XVIII ст. не могъ стать специфическимъ центромъ торговли и промышленности. Городской рынокъ гложнущъ подѣ давлениемъ конкуренціи мелкихъ уѣздныхъ торжковъ, купеческая фабрика быстро уступала преобладающее мѣсто фабрикѣ дворянской. Не располагая достаточными ресурсами для экономической самозащиты, городское купечество стремилось укрыться подѣ охрану государственной регламентации народнохозяйственныхъ отношеній, домогалось установленія монополизации въ его рукахъ торговъ и промысловъ законодательнымъ порядкомъ. Кое въ чемъ правительство старалось помочь ему такого рода распоряженіями. Но то была помощь въ достаточной мѣрѣ эфемерная, и искусственно воздвигнутыя привилегіи и монополіи плохо сдерживали напоръ жизненныхъ условий.

Сплетеніе этихъ жизненныхъ условий складывалось неблагоприятно для развитія городской культуры въ Россіи XVIII ст., и городъ того времени представлялъ собою хрупкій, экономически слабый организмъ, не имѣвшій подѣ собой питательной почвы. На бумагахъ въ законодательныхъ предначертаніяхъ городъ вступалъ въ періодъ пышнаго расцвѣта. Въ дѣйствительности онъ еще не выступилъ изъ эмбриональнаго періода своего развитія. *Власть* налагала на городъ извѣстныя требованія и обязанности, исходя изъ представленія о его полной жизнеспособности. *Жизнь* представляла городскому населенію слишкомъ немного ресурсовъ для выполненія этихъ требованій и обязательствъ. Какъ же отражался этотъ конфликтъ между запросами власти и данными жизни на фактическомъ состояніи городской общины того времени? Освѣщенію этого вопроса посвящена моя книга, озаглавленная одинаково съ настоящей статьей и озаглавленная на изученіи архивныхъ дѣлъ старыхъ магистратскихъ учреждений¹⁾. Знакомство съ названными документами даетъ возможность очертить состояніе городской общины за интересующій меня періодъ съ трехъ сторонъ: 1) со стороны ея соціального состава, 2) со стороны возложеннаго на нее государственнаго тягла и 3) со стороны развивавшагося въ ея рамкахъ общественнаго самоуправленія.

Въ виду того, что въ моей книгѣ мнѣ не пришлось изложить результатовъ своихъ изысканій въ достаточно сжатой и подходящей

¹⁾ „Посадская община въ Россіи XVIII ст.“. М., 1903 г.

для неспеціалістів формѣ, я рѣшаюсь предложить вниманію читателей настоящій краткій обзоръ тѣхъ главнѣйшихъ положеній, къ которымъ меня привели наблюденія надъ архивнымъ матеріаломъ *въ трехъ вышеуказанныхъ* направленіяхъ.

Въ имперіи XVIII в. такъ же, какъ и въ московскомъ царствѣ, городская община являлась *посадской* общиной, т.-е., не обнимая всей совокупности городского населенія, включала въ себя лишь тяглецовъ, жившихъ на посадѣ и отправлявшихъ специальное посадское тягло. Личный составъ этой посадской общины опредѣлялся двумя основными началами: 1) наслѣдственностью посадскаго состоянія и 2) профессиональнымъ характеромъ посадскаго тягла. Примѣненіе этихъ двухъ началъ, какъ сейчасъ увидимъ, нерѣдко шло, такъ сказать, наперерѣзъ другъ другу. Профессиональный характеръ посадскаго тягла получалъ двойное выраженіе: 1) онъ выражался въ томъ, что всѣмъ, не вложившимся въ посадское тягло, запрещалось имѣть торговлю и промыслы въ предѣлахъ посада и 2) въ томъ, что для вступленія въ посадскую общину со стороны требовалась наличность у вступающаго лица торговаго и промысла установленнаго размѣра. По узаконеніямъ Петра I вступленіе въ посадское тягло разсматривалось, какъ *право* непосадскихъ торговцевъ, которымъ они могли пользоваться по своей доброй волѣ. По узаконеніямъ Елизаветы, когда свобода уѣзднаго торговаго была уничтожена, уѣзднымъ торговцамъ, не желающимъ прекратить торгъ, было уже вмѣнено *въ обязанность* приписываться къ какой-либо посадской общинѣ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вступленіе въ посадскую общину одинаково обуславливалось обязательно наличностью торгово-промышленнаго капитала установленнаго размѣра.

Послѣдовательное примѣненіе начала профессиональнаго характера посадскаго тягла требовало бы также и обязательнаго выключенія изъ состава посадской общины тѣхъ ея членовъ, которые въ силу какихъ-либо обстоятельствъ отбились отъ торговъ и промысловъ. Но въ этомъ случаѣ выступало противодѣйствующее начало наслѣдственности и безвыходности посадскаго состоянія¹⁾. Дѣйствіями этихъ началъ объяснялось прикрѣпленіе къ общинному посадскому тяглу и такихъ элементовъ населенія, которые уже утрачивали всякую связь съ торгово-промышленною дѣятельностью на посадѣ, а такъ какъ экономическая дѣйствительность того времени не благопріятствовала крѣпости и устойчивости торгово-промышленныхъ предпри-

¹⁾ Случай выхода изъ посадскаго состоянія, разсмотрѣнные въ моей книгѣ, всѣ имѣютъ эпизодическій характеръ.

ятій, то мы и не будемъ удивлены, встрѣтивъ въ составѣ посадской общины изучаемой эпохи значительный контингентъ лицъ, не имѣвшихъ ни торговъ, ни промысловъ, жившихъ огородничествомъ, землепашествомъ и наемной черной работой.

Минуя разобранные въ моей книгѣ вопросы о порядкѣ зачисления въ посадскую общину новыхъ членовъ и о порядкѣ перемѣщенія посадскихъ тяглицевъ изъ одной общины въ другую, я прямо отмѣчу въ связи съ только-что сказаннымъ господствующія черты социальной фizioноміи типичной посадской общины XVIII ст.

Магистратскій регламентъ Петра Великаго установилъ слѣдующее расчлененіе городского населенія: 1) городскіе обыватели «кромѣ посадскихъ»: шляхетство, духовенство, иностранцы, 2) регулярное гражданство, раздѣлявшееся на первую и вторую гильдіи, между которыми граждане распредѣлялись по различію *профессій*, а не по *размѣрамъ* животовъ и промысловъ, какъ это было при старомъ дѣленіи посадскихъ людей на *статьи*, и 3) «подлые люди», не принадлежавшіе къ регулярнымъ гражданамъ, но тоже «счислявшіеся съ гражданствомъ» и состоявшіе подъ вѣдѣніемъ магистратскихъ учреждений.

Это дѣленіе, установленное регламентомъ главнаго магистрата, въ дѣйствительности не было примѣнено, но еще при Петрѣ подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Двѣ гильдіи были замѣнены тремя уже въ 20-хъ годахъ XVIII ст., причемъ на практикѣ дѣленіе на гильдіи совершенно совпало съ старымъ дѣленіемъ на три статьи, т.-е. по гильдіямъ, стало распредѣляться городское купечество не по *видамъ* ихъ торговой дѣятельности, а по *размѣрамъ* ихъ животовъ и промысловъ. Ремесленники городскіе, отнесенные магистратскимъ регламентомъ къ 2 гильдіи, составили особый разрядъ *цеховыхъ*, учрежденный въ 20-хъ же годахъ XVIII ст. Такимъ образомъ, въ концѣ-концевъ установилось раздѣленіе на слѣдующіе разряды посадскаго населенія, совпадавшее и съ раздѣленіемъ на экономическія группы, входившія въ составъ этого населенія: 1) посадское купечество трехъ гильдій или статей, 2) цеховые ремесленники и 3) подлые люди, т.-е. огородники и чернорабочіе.

Статистическія наблюденія, которыя оказались возможнымъ сдѣлать на основаніи разработаннаго мною матеріала, приводятъ къ заключенію, что посадская община XVIII ст. не была по своей бытовой социальной фizioноміи не только исключительно, но даже и преимущественно торговой, купеческой общиной; купцы, имѣвшіе торги къ портамъ и пограничнымъ таможнямъ, вмѣстѣ съ купцами, имѣвшими лавочные торги въ своемъ городѣ, составляли менѣе половины посадскаго населенія по всей Россіи, а нѣсколько

болѣе половины его (около 58%) состояло изъ ремесленниковъ, огородниковъ и чернорабочихъ. Затѣмъ въ составѣ самого гильдейскаго купечества замѣчалось весьма рѣзкое численное преобладаніе нижней гильдіи надъ второй и особенно первой гильдіей. Такимъ образомъ, типичная посадская община XVIII ст. — небольшая пирамидка съ широкимъ основаніемъ въ видѣ «подлаго» гражданства и съ очень тонкой верхушкой въ видѣ малочисленной группы первостатейныхъ купцовъ.

Таковы главнѣйшія заключенія, къ которымъ я пришелъ въ результатѣ первой части своего изслѣдованія. Затѣмъ я поставилъ себѣ задачей прослѣдить, какую роль играли названные разряды посадскаго поселенія: 1) въ организаціи посадскаго общиннаго тягла и 2) въ организаціи посадскаго общиннаго самоуправленія.

Посадское тягло состояло изъ *службъ* и *податныхъ платежей*.

Вторая часть моей книги заключаетъ въ себѣ анализъ посадскихъ *службъ*, третья часть — анализъ посадскихъ *платежей*.

Относительно посадскихъ службъ я ограничусь здѣсь самыми краткими замѣчаніями. Это были службы при различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ счетчиковъ, оцѣнщиковъ, браковщиковъ, цѣловальниковъ, при приѣмѣ и выдачѣ разныхъ казенныхъ вещей и т. п., затѣмъ — службы при казенной продажѣ питей, соли и другихъ казенныхъ товаровъ, при таможнякахъ, при казенныхъ мостахъ и другихъ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ; далѣе — службы при городской торговой и общей полиціи и при различныхъ казенныхъ сборахъ съ посадскаго населенія. Тяжесть этихъ службъ, отрывавшихъ посадскихъ людей на долгое время отъ ихъ собственныхъ торговыхъ дѣлъ, обусловливалась. 1) обиліемъ самихъ службъ; 2) неопредѣленностью состава этихъ службъ: на каждую посадскую общину, помимо постоянныхъ службъ, сыпались непрерывнымъ градомъ разныя экстренныя службы, которыхъ нельзя было предвидѣть; 3) необходимость непредвидѣнныхъ обязательныхъ дальнихъ отлучекъ отъ мѣста своего жительства: помимо службъ въ собственномъ городѣ, посадскіе люди несли такъ-называемыя «отъѣзжія службы», для отправленія которыхъ приходилось уѣзжать на цѣлый годъ и больше, куда будетъ указано, бросая свой домъ, свою семью, свои дѣла. При отправленіи этихъ далекихъ служебныхъ командировокъ посадскій человекъ XVIII ст., можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ случаѣ, чувствовалъ себя «служилимъ человекомъ», личность, имущество и время котораго находились въ полномъ распоряженіи администраціи. Онъ совершенно такъ же, какъ солдатъ, могъ быть по усмотрѣнію власти свободно перебрасываемъ для отправленія службъ куда угодно, по всему лицу русской земли.

Въ моей книгѣ приведено достаточное количество фактическихъ тому доказательствъ. Правда, еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. состоялся указъ, запрещающій назначеніе отъѣзжихъ службъ за предѣлы каждой данной губерніи. Но этотъ указъ остался въ полномъ смыслѣ слова мертвой буквой, нисколько не отразившись на практикѣ посадскихъ службъ; наконецъ, 4) службы были отяготительны по связанной съ ихъ отправленіемъ финансовой отвѣтственности, которая распространялась какъ на самого служившаго, такъ и на весь посадъ, къ которому онъ принадлежалъ. Большинство этихъ службъ было связано съ веденіемъ различныхъ денежныхъ операцій, и всѣ начеты, которые могли открыться по такимъ операціямъ, обязательно покрывались служившимъ лицомъ и всей общиной, несмотря на то, что далеко не во всѣхъ начетахъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже, были виноваты собственныя упущенія или корыстныя злоупотребленія состоявшихъ у службы посадскихъ людей. Въ своей книгѣ я привелъ цифровыя данныя, которыя показываютъ, какъ бремя службы, лежавшее на посадскихъ общинахъ, послѣдовательно сокращалось въ теченіе второй половины XVIII ст., въ особенности благодаря отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ и многихъ канцелярскихъ сборовъ, а также благодаря утвержденію системы питейныхъ откуповъ насчетъ старинной системы отдачи питейныхъ сборовъ *на вѣру*. Тѣмъ не менѣе, служебное бремя оставалось все же весьма чувствительнымъ для посадскихъ обществъ втеченіе всего изучаемаго періода, и идеаломъ этихъ обществъ втеченіе всего изучаемаго періода, и идеаломъ этихъ обществъ, какъ это видно изъ безчисленныхъ мірскихъ челобитій, а также изъ депутатскихъ наказовъ 1767 г., всегда было полное избавленіе отъ всякаго рода обязательныхъ казенныхъ службъ. Этотъ идеалъ былъ осуществленъ лишь съ изданіемъ жалованной грамоты городамъ 1785 г., 101 статья которой предписывала: «записавшихся въ гилдіи *не* избирать къ казеннымъ службамъ, гдѣ оныя еще суть». Посадскія службы, о которыхъ только-что было сказано, отбывались мірскими очередями, порядокъ которыхъ устанавливался на мірскомъ посадскомъ сходѣ. Я не буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого порядка и отмѣчу только, какую роль играли въ отбываніи этихъ службъ отдѣльные разряды членовъ посадской общины. Въ общей формѣ можно обозначить распределеніе этихъ ролей слѣдующимъ образомъ. *Количественно* большей части службъ, т.-е. болѣе частому отвлеченію отъ собственныхъ «торговъ и промысловъ», подчинялись низшіе слои посадскаго населенія, т.-е. тѣ, у которыхъ этихъ «торговъ и промысловъ» было мало или не было вовсе. За то *качественно* большая служебная тягость возлагалась на первостатейныхъ посадскихъ людей, на которыхъ падало исполненіе са-

мыхъ важныхъ, руководящихъ выборныхъ должностей, сопряженныхъ съ наиболѣе тяжелой финансовой отвѣтственностью.

Я перехожу теперь къ вопросу о платежахъ, падавшихъ на посадскую общину,—вопросу, которому посвящена третья часть моего изслѣдованія.

Въ теченіе первой четверти XVIII ст. составъ этихъ платежей отличается большой пестротой и неустойчивостью. Посады платили 1) подворный налогъ—«стрѣleckiя деньги», 2) налогъ съ животовъ и промысловъ—«десятую деньгу», 3) «запросные сборы, т.-е. экстренные сборы», назначавшіеся то съ двора, то съ рубля десятой деньги, и 4) кабацкія, канцелярскія и таможенные деньги, взимавшіеся по установленнымъ окладамъ вѣрными сборщиками или откупщиками. Въ настоящей статьѣ я не буду останавливаться подробно на разсмотрѣніи этой системы посадскихъ платежей, такъ какъ она подверглась вскорѣ полному измѣненію съ введеніемъ подушной подати. Замѣчу только, что эта система страдала многими недостатками, изнурительными для плательщиковъ и въ то же время невыгодными и для самой казны. Дробность, многообразіе различныхъ сборовъ, невыдержанность основныхъ началъ обложенія, неустойчивость въ составѣ сборовъ: непрерывное назначеніе экстренныхъ запросныхъ взиманій, благодаря чему община въ началѣ года не могла знать напередъ, какое именно платежное бремя предстоитъ ей выдержать въ теченіе года,—вотъ черты, характеризующія податное положеніе посадскихъ обществъ въ первую четверть XVIII ст.

Въ 20-хъ годахъ XVIII ст. осуществилась крупная податная реформа.

Многообразные и дробные сборы, падавшіе на посадское населеніе, замѣняются единымъ подушнымъ налогомъ въ размѣрѣ 1 р. 20 к. съ каждой ревизской посадской души. Съ установленіемъ подушнаго налога всѣ другіе прямые сборы подлежали упраздненію. Какія послѣдствія имѣла эта реформа для посадскихъ обществъ?

На первый взглядъ она должна была принести съ собой для тяглаго населенія важныя преимущества сравнительно съ прежней системой обложенія. Вводилось простое и единообразное основаніе обложенія: количество ревизскихъ душъ; съ объединеніемъ прямого налога устранялась и путаница между сборами различныхъ наименованій и возможность неожиданныхъ сюрпризовъ въ видѣ запросныхъ сборовъ. Однако, всѣ эти преимущества новой системы обложенія блѣднѣли передъ тяжестью вновь введеннаго подушнаго налога. Уже черезъ 4 года послѣ введенія подушной подати обозначились два краснорѣчивыхъ показанія, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ сильно напрягла новая подать и безъ того немалое податное

бремя посадскихъ обществъ: 1) гряда челобитій о сбавкѣ подушнаго оклада и 2) внушительныя цифры недоимокъ въ вѣдомостяхъ подушнаго сбора.

Когда учрежденная въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII ст. комиссія о коммерціи обратилась къ посадскимъ обществамъ съ запросомъ объ ихъ нуждахъ, она была завалена доношеніями, въ которыхъ описывалось точными цифровыми данными повышение податнаго бремени со времени введенія подушной подати. Но высотой подушнаго оклада податное отягощеніе еще не ограничивалось. Обѣщаніе законодателя замѣнить подушной податью всѣ прочіе прямые сборы не было исполнено. И на посады попрежнему частымъ градомъ сыпались такъ-пазываемые запросные сборы, не прекращавшіеся въ теченіе всего XVIII столѣтія. Они были весьма разнообразны, начиная отъ сборовъ на укомплектованіе кавалеріи лошадьми и на оплату подводъ подѣ шествиѣ Ихъ Величествъ и подѣ передвигающіеся полки и кончая обязательной покупкой изданныхъ при академіи книгъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей служило быстрое нарастаніе недоимокъ по прямымъ сборамъ. Подушная недоимка начала нарастать съ перваго же года функціонированія подушной подати. За первые четыре года дѣйствія этой подати (1724—1727 гг.) недоимка по всѣмъ посадкамъ составляла 64,3% подушнаго оклада, причѣмъ недоимочность охватывала почти въ равной степени всю посадскую Россію того времени, принимая, такъ сказать, повальный характеръ.

Переходя къ состоянію косвеннаго обложенія, касавшагося посадскихъ обществъ, замѣтимъ, что различные его виды стягивались въ три группы платежей: кабацкихъ, таможенныхъ и такъ-называемыхъ канцелярскихъ, къ которымъ причислялись разнородные сборы: промысловые, акцизные, оброчные и т. д. Всѣ эти сборы были *окладными*, т.-е. взиались по опредѣленнымъ окладамъ, независимо отъ измѣнчивости текущихъ поступленій, отъ измѣнчивости потребленія обложенныхъ продуктовъ или развитія обложенныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Взиманіе названныхъ сборовъ отдавалось то на откупъ, то на «вѣру», и недоборы по нимъ должны были возмѣщаться казнѣ откупщиками или вѣрными сборщиками и ихъ избирателями. Слѣдовательно, при наличности «вѣрной» системы, всей общинѣ приходилось возмѣщать недоборъ до оклада, получавшійся въ результатъ или упущеній сборщиковъ, или естественныхъ измѣненій въ размѣрѣ потребленія тѣхъ или другихъ предметовъ обложенія.

Итакъ, тяжесть этихъ сборовъ для податнаго населенія зави-

сѣла отъ высоты опредѣленныхъ для нихъ окладовъ. Очень важно поэтому принять во вниманіе способъ составленія названныхъ окладовъ. Въ 1725 г. для всего государства была составлена окладная книга, и затѣмъ эти оклады оставались въ силѣ втеченіе 20 лѣтъ. Оклады были выведены такъ: изъ всѣхъ предшествующихъ лѣтъ были выбраны для каждаго сбора три наиболѣе удачныхъ по размѣрамъ поступленій года. Среднее ариѳметическое число отъ поступленій этихъ трехъ наиболѣе удачныхъ лѣтъ и принималось за норму оклада, обязательнаго на будущее время. Легко видѣть, какъ обременительны были оклады, выведенные такимъ образомъ. Выбрать безъ недоимки окладъ исключительнаго по высотѣ поступленій года оказывалось весьма часто дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Приходилось до крайности напрягать платежнеспособность населенія. Если сборы собиралъ откупщикъ, онъ прибѣгалъ для оправданія оклада къ всевозможнымъ средствамъ, и дозволеннымъ, и недозволеннымъ, для искусственнаго выжиманія поступленій. Если сборы собирали вѣрные сборщики, выбранные населеніемъ, всего чаще получалась большая недоимка, и начиналось выколачиваніе этой недоимки со всей общины, и «лучшіе», т.-е. первостатейные люди общины, по мѣсяцамъ и больше сидѣли на цѣпи, въ желѣзахъ, стояли на правезѣ, а ихъ «животы» продавались съ публичнаго торга.

Но и этого мало. Оклады 1724 г., высокіе сами по себѣ, служили только отправной точкой, отъ которой нельзя было идти внизъ, но отъ которой постоянно шли вверхъ. При отдачѣ сбора на откупъ откупщикъ всегда долженъ былъ назначить какую-нибудь «наддачу» къ окладу. Разъ заявленная наддача причислялась затѣмъ къ окладу. Откупщикъ могъ не оправдать своей наддачи, могъ обанкротиться и до истеченія срока бросить откупъ, а все же данный сборъ числился уже въ повышенномъ окладѣ съ прибавкой заявленной откупщикомъ наддачи. Теперь представьте себѣ положеніе общины. Община еле-еле оправдываетъ казенный окладъ, отбывая правезъ за недоборы своихъ вѣрныхъ сборщиковъ. Вдругъ является со стороны откупщикъ и сулитъ казнѣ наддачу сверхъ оклада. Сборъ остается за нимъ. Черезъ нѣсколько времени откупъ лопається. Откупщикъ исчезаетъ, но окладъ уже вздутъ безъ всякаго соотвѣтствія съ платежными средствами населенія, и посадской общинѣ приходится за своей отвѣтственностью выставять сборщиковъ къ сбору, котораго она завѣдомо полностью собрать не можетъ.

Разореніе плательщика и недоимка въ казнѣ являлись естественнымъ результатомъ описанной финансовой системы, предста-

влявшей собой хроническое вытягиваніе жилъ изъ податного населенія. Съ начала 50-хъ годовъ бремя косвеннаго обложенія существенно сокращается, благодаря отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ и цѣлаго ряда канцелярскихъ сборовъ, всего до 17 статей. Но уже въ началѣ 60-хъ годовъ послѣдовалъ новый пароксизмъ нажиманія податного прессы. Расходы по управленію въ виду растущаго и осложняющагося административнаго механизма Россіи, а также и развитіе военныхъ потребностей неизбежно приводили и къ новому напряженію податнаго бремени. Какъ разъ въ это время былъ повышеиъ окладъ подушной подати съ купечества до 2 р. съ души; впервые появлялся внѣшній и внутренней долгъ—иностранные займы и бумажныя деньги. Тогда же обращено было серьезное вниманіе и на повышеніе косвеннаго обложенія. Манифестъ 1763 г. вводилъ цѣлый рядъ новыхъ косвенныхъ сборовъ, отмѣненныхъ въ 50-хъ годахъ. Новая отмѣна этихъ сборовъ относится уже къ 70-мъ годамъ XVIII в., къ тому времени, которое выходитъ за хронологическій предѣлъ моей работы.

Упомянутыми выше казенными сборами не исчерпывалась совокупность платежей, падавшихъ на посадскія общества изучаемой эпохи. Существовали еще *сборы на мірскія нужды*, которые устанавливались на мірскихъ посадскихъ сходахъ въ силу предоставленнаго посадскимъ обществамъ права самообложенія.

Источники доходовъ мірской посадской кассы были различны. Сюда относились: 1) суммы, собранныя сверхъ оклада вѣрными сборщиками по казеннымъ платежамъ, такъ-называемые «*приборы*»; известная часть этихъ приборныхъ суммъ могла быть обращена въ пользу общины; 2) доходы отъ эксплуатаціи принадлежавшихъ посадамъ оброчныхъ статей; 3) правительственныя ссуды и безвозвратныя вспоможенія; 4) займы, производившіеся міромъ у частныхъ лицъ, и 5) спеціальныя сборы, вотиrowавшіеся на сходахъ на «*мірскія нужды*». Подробный анализъ исчисленныхъ доходныхъ статей посадскообщинной кассы, произведенный мною на основаніи дѣлопроизводства посадскихъ мірскихъ избъ, приводитъ къ тому заключенію, что значеніе всѣхъ этихъ статей было далеко не одинаково. Приборныя суммы могли обращаться на мірскія нужды лишь тамъ, гдѣ казенные косвенные сборы состояли на магистратскомъ содержаніи, но даже и въ этомъ случаѣ пользованіе этими суммами страшно стѣснялось регламентирующими ограниченіями. Документы дали мнѣ возможность очертить въ моей книгѣ любопытную борьбу, которая шла изъ-за этихъ суммъ между казною и посадскими мірами, на чемъ я уже не буду, впрочемъ, теперь останавливаться. Доходъ отъ эксплуатаціи оброчныхъ угодій былъ ни-

чтоженъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ большинство общинныхъ угодій было экспроприровано казной; займы и субсидіи по самому своему существу служили лишь экстраординарнымъ ресурсомъ. Въ концѣ-концовъ, главнымъ источникомъ поступленій въ мірскую общинную кассу и являлись спеціальныя мірскія сборы, вотируемыя мірскими сходами. Не трудно представить себѣ, что посадскія общества, въ достаточной мѣрѣ обремененныя государственными платежами, рѣшались прибѣгать къ мірскому обложенію въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, отнюдь не отваживаясь на осуществленіе той широкой программы подъема городской культуры, которая была набросана въ регламентѣ главному магистрату. Обзоръ *расходныхъ* статей посадскаго мірскаго бюджета какъ нельзя лучше подтверждаетъ это предположеніе. Во-первыхъ, замѣчу, что рядъ расходовъ имѣлъ для мірской кассы *обязательный* характеръ (*указные платежи*), причемъ многіе изъ этихъ указныхъ расходовъ не имѣли отношенія къ мѣстнымъ общиннымъ нуждамъ, какъ, на примѣръ, расходы на обязательное содержаніе агентовъ власти, присылаемыхъ въ города, на примѣръ, разныхъ подъячихъ, офицеровъ, командируемыхъ для ревизій, слѣдствій и выколачиванія недоимокъ, расходы, связанные съ отправленіемъ повинностей рекрутской, подводной; расходы на содержаніе ссыльныхъ и плѣнныхъ, размѣщаемыхъ по внутреннимъ городамъ Россіи, и т. п. Другая категорія указныхъ платежей изъ мірской кассы, хотя и касалась такъ или иначе вопросовъ мѣстнаго благоустройства, какъ, на примѣръ, обязательныя расходы на содержаніе лѣкарей, пробирныхъ мастеровъ, устройства кладбищъ, мостовъ и мостовыхъ и т. п., тѣмъ не менѣе представляла собой такое же насильственное вторженіе администраціи въ мірское коммунальное хозяйство, не оправдываемое существомъ дѣла. Мірскія челобитья усиленно вошляли о сложеніи съ общинъ всѣхъ этихъ обязательныхъ расходовъ. Можно, конечно, при желаніи декламировать по этому поводу о неразвитости посадскаго населенія того времени, о его косномъ отвращеніи отъ всякихъ прогрессивныхъ начинаній въ области мѣстнаго благоустройства, можно, на примѣръ, изощрять остроуміе надъ заявленіями нѣкоторыхъ такихъ челобитій о томъ, что лѣкаръ не нуженъ купцамъ, что принятіе лѣкарствъ — дѣло дворянское; однако, пристальный анализъ всѣхъ подобныхъ челобитій, произведенный въ моей книгѣ, показываетъ, что посадскія общества только не умѣли выразить съ должной ясностью свою основную мысль, которая сводилась, въ сущности, вовсе не къ недовѣрію къ медицинской помощи и другимъ культурнымъ мѣропріятіямъ, а къ тому совершенно здравому положенію, что удовлетвореніе высшихъ культурныхъ задачъ внутренней политики не мо-

жетъ быть достигаемо на старой основѣ тягла. Власть требовала отъ посадскихъ обществъ денегъ и за это давала имъ никуда негодный медицинскій персоналъ, лѣкарей, которые «за старостью уже не могутъ службы служить», да и этихъ лѣкарей сажала только по провинціальнымъ городамъ, такъ что многіе посады уѣздныхъ городовъ оплачивали содержаніе лѣкаря, котораго никогда не видали въ глаза. И во многихъ челобитяхъ вслѣдъ за фразой, что лѣченіе—дѣло дворянское, находимъ затѣмъ выраженіе пожеланія, чтобы все дѣло организаціи медицинской помощи было поставлено на иныхъ началахъ, чтобы лѣкаремъ пользовались тѣ самыя общества, которыя будутъ оплачивать его содержаніе, чтобы самое распредѣленіе этихъ суммъ было предоставлено усмотрѣнію міра.

Я остановился на вопросѣ о содержаніи лѣкарей лишь какъ на типичномъ образцѣ того, какъ произвольное распредѣленіе мірскихъ суммъ по усмотрѣнію администраціи извращало значеніе даже и тѣхъ мѣропріятій, которыя сами по себѣ могли бы служить культурному подъему провинціальной жизни.

Что касается затѣмъ тѣхъ расходовъ изъ мірской кассы, которые производились по инициативѣ самихъ посадскихъ обществъ, то и среди нихъ большая часть обуславливалась тяглымъ положеніемъ посадской общины, вызывалась не внутренними нуждами общины, а ея податными и служебными обязанностями по отношенію къ государству. Сюда относятся расходы на уплату изъ мірскихъ суммъ подушныхъ денегъ за убылыхъ и малолѣтнихъ, на покрытіе недоборовъ по принятымъ на содержаніе купечества сборамъ, на подмогу купцамъ, выбираемымъ къ «отѣзжимъ службамъ». На ряду съ этимъ встрѣчаются тамъ и самыя случаи ассигновокъ на удовлетвореніе и чисто-культурныхъ потребностей мѣстнаго населенія, напримѣръ, на устройство школъ, богадѣленъ, пріютовъ, но въ общемъ такого рода расходы были рѣдки и незначительны. Было бы одно-сторонне объяснять это явленіе исключительно малоразвитостью означенныхъ потребностей; важную роль играли при этомъ также и обремененность мірской кассы обязательными платежами и стѣснительная для населенія административная опека надъ всякими общественными начинаніями. Поощряя общество къ заведенію школъ, больницъ, богадѣленъ «на собственное мірское иждивеніе», правительство XVIII ст. въ то же время стремилось обратить каждую свободную общественную копѣйку на казенныя надобности, не имѣвшія ничего общаго съ мѣстными потребностями посадской общины, и то и дѣло обременяло небогатую мірскую кассу «указными» расходами разнаго рода, а затѣмъ, рекомендуя обществу пожертвованія на общественныя филантропическія и образовательныя учреж-

денія, не оказывало должнаго довѣрія самодѣятельности общества; приглашало его платить, но не давало распоряжаться въ создаваемыхъ на свои средства учрежденіяхъ, подчиняя устройство и дѣятельность послѣднихъ бюрократической регламентаціи. Важную роль этихъ обстоятельствъ въ маломъ развитіи производительныхъ затратъ изъ мірскихъ суммъ по инициативѣ сходовъ я доказываю въ своей книгѣ анализомъ заявленій, встрѣчающихся въ купеческихъ депутатскихъ наказахъ 1767 г., а также изложеніемъ одного примѣрнаго, чрезвычайно любопытнаго дѣла о заведеніи магистратской школы въ Астрахани.

Итакъ, состояніе посадскаго общиннаго хозяйства въ XVIII в. ярко отразило тяглый, закрѣпощенный характеръ посадскихъ обществъ того времени. Придавленная тяжелымъ податнымъ и повинностнымъ бременемъ, туго стянутая обязательной круговой поручкой, посадская община не могла представить удобной почвы для того прогресса городской жизни, о которомъ говорилось въ регламентѣ главному магистрату. Порывы къ лучшему устройенію посадскаго быта не были безусловно чужды посадскому населенію. Но дѣйствительность того времени не представляла благопріятныхъ условій для того, чтобы эти порывы могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго размаха.

Изложивъ составъ и состояніе посадскихъ платежей за изучаемый періодъ, я съ подробностью остановился въ своемъ изслѣдованіи на механизмѣ общинной раскладки этихъ платежей. Меня интересовалъ этотъ механизмъ, главнымъ образомъ, постольку, поскольку онъ освѣщаетъ относительную роль различныхъ группъ посадскаго населенія въ общинной жизни посада. Здѣсь я позволю себѣ отмѣтить лишь самые существенные пункты. Подушная подать уже при Петрѣ была превращена закономъ въ репартиціонный налогъ. Число ревизскихъ душъ, записанныхъ за общиной, опредѣлялся лишь размѣръ общаго подушнаго оклада, падавшаго на общину, а затѣмъ этотъ окладъ разводился между дворами посадскихъ тяглецовъ «по разсмотрѣнію ихъ въ пожиткахъ состоянія» (выраженіе инструкціи городovýmъ магистратамъ). Разводъ, учиненный для подушнаго сбора, примѣнялся затѣмъ и для мірскихъ сборовъ, которые вотировались на сходахъ въ извѣстномъ количествѣ «съ рубля подушнаго оклада». Разводъ производился избранными на сходахъ окладчиками и окончательно утверждался на сходѣ. Какіе именно элементы посадской «пожиточности», въ какой послѣдовательности и въ какой пропорціи должны быть приняты въ расчетъ при разводѣ оклада по дворамъ, рѣшеніе этого вопроса зависѣло каждый разъ отъ мірскаго схода. Иногда сходъ устана-

вливалъ примѣнить къ каждой изъ трехъ статей посадскаго населенія различныя основанія развода, напримѣръ: первостатейныхъ облагать по *богатству* и *торгамъ*, среднестатейныхъ—по иждивенію жъ и *торгамъ* и по *земль*, третъестатейныхъ—только по *земль*. Иногда ко всѣмъ тремъ статьямъ примѣнялись безъ различія всѣ три основанія раскладки: и земля, и торгъ, и промыселъ, но съ извѣстной постепенностью, напримѣръ, сначала облагали землю въ извѣстной пропорціи, а затѣмъ уже остающуюся часть окладной суммы раскладывали между купцами по «торгамъ, заводамъ и богатству». Ясно, что принятіе того или другого порядка развода глубоко затрогивало интересы различныхъ группъ посадскаго населенія, и легко себѣ представить, какими бурными оказывались тѣ сходы, на которыхъ устанавливались основанія раскладки и вырабатывались инструкціи окладчикамъ. Результатъ оцѣнки пожитковъ и выражался въ разводѣ по дворамъ окладныхъ душъ. Количество окладныхъ душъ, падавшее на дворы, не совпадало съ количествомъ ревизскихъ душъ, за каждымъ отдѣльнымъ дворомъ записанныхъ. Окладная душа—техническій терминъ, обозначающій условную счетную единицу налога размѣромъ въ 1 р. 20 к. Количество ревизскихъ душъ опредѣлялось общее число этихъ единицъ со всего посада. Затѣмъ то или другое количество этихъ единицъ, причитаемое на отдѣльный дворъ, выражало степень пожиточности двора, и по числу этихъ единицъ дворъ платилъ свою долю въ общій окладъ всей общины. На этомъ основаніи болѣе пожиточные дворы должны были принимать на себя наволочныя окладныя души сверхъ записанныхъ за ними ревизскихъ, тогда какъ дворы малопожиточные сплошь и рядомъ облагались окладомъ, который не достигалъ размѣровъ даже одной окладной души. Въ любой окладной книгѣ городского посада XVIII ст. можно встрѣтить все одну и ту же картину; среди массы мелкоты, оклады которой пестрятъ мелкими долями въ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ души, возвышается нѣсколько первостатейныхъ столповъ съ окладами въ нѣсколько десятковъ навалочныхъ душъ.

Описанный порядокъ порождалъ рядъ весьма важныхъ послѣдствій. Съ одной стороны, онъ дѣлалъ для общины крайне необходимымъ присутствіе въ ея составѣ крупныхъ первостатейныхъ тяглецовъ. Будучи въ глазахъ правительства опорой платежеспособности общины, эти первостатейные тузы служили и для общины обороной отъ высокихъ окладовъ. Уходъ изъ общины первостатейнаго человѣка грозилъ маломочной массѣ разверсткой на нее тѣхъ окладныхъ душъ, которыя были «навалены» на первостатейнаго человѣка «по его богатству». И въ числѣ причинъ своего «изнеможенія» посадскія общества нерѣдко приводятъ указанія на уда-

леніе изъ ихъ среды первостатейныхъ людей. Такъ, напримѣръ, административный переводъ городскихъ первостатейныхъ людей въ Петербургъ при первоначальномъ заселеніи новой столицы вызвалъ громкія жалобы посадскихъ обществъ именно съ только-что указанной точки зрѣнія. Но, съ другой стороны, этотъ же порядокъ создавалъ и полную зависимость малотяглыхъ элементовъ общины отъ небольшой кучки наиболѣе капитальныхъ купцовъ. Маломочные члены общины попадали въ фактическую подчиненность къ первостатейнымъ членамъ, а нѣкоторые предписанія закона давали этой фактической подчиненности и юридическую санкцію. Въ инструкціи старшинамъ и старостамъ (П. С. З., № 8504) предписывалось, между прочимъ, каждаго маломочнаго подписывать въ особомъ реестрѣ, именно подъ тѣмъ пожиточнымъ человѣкомъ, который за него положенный окладъ несетъ, причемъ послѣдній долженъ былъ наблюдать за первымъ и побуждать его къ ремесламъ и художествамъ, такъ какъ многіе сознательно не желаютъ заниматься промыслами и пребываютъ въ бѣдности, не платя податей. Итакъ, принятіе на себя наволочныхъ душъ вооружало пожиточнаго человѣка священнымъ въ законѣ правомъ надзора и распоряженія надъ личностью и дѣятельностью маломочныхъ людей, за которыхъ онъ платилъ окладъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, зависимость отдѣльныхъ «неплательщиковъ» отъ лучшихъ людей соединялась съ зависимостью и всей общины въ совокупности отъ распорядительной власти «лучшихъ людей». Въ качествѣ первыхъ отвѣтчиковъ за всю общину передъ правительственной властью эти люди крѣпко забирали въ свои руки весь ходъ общинныхъ мірскихъ дѣлъ, и само государство закрѣпляло за ними силой закона первенствующую роль въ сферѣ общиннаго управления.

Такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ организаціи посадскаго общиннаго тягла мірское посадское самоуправленіе получало рѣзко выраженную олигархическую окраску.

Четвертая и послѣдняя часть моего изслѣдованія и посвящена разсмотрѣнію посадскаго самоуправления съ этой именно точки зрѣнія.

Въ виду того, что устройство и дѣятельность такъ-называемыхъ магистратскихъ учрежденій была уже всесторонне изучена въ извѣстныхъ трудахъ Пригары, Плошинскаго и Дитятина, я сосредоточилъ свое вниманіе на мірскомъ посадскомъ сходѣ и его исполнительныхъ органахъ. Изученіе названнаго учрежденія представляло для меня тѣмъ большій интересъ, что мірской посадскій сходъ въ гораздо большей мѣрѣ, нежели городовые магистраты, являлся орга-

номъ мірскаго самоуправленія. Члены магистратскихъ присутствій, хотя и выбираемые міромъ, не были слугами и органами избравшаго ихъ общества ни по содержанію своей дѣятельности, ни по порядку присвоенной имъ отвѣтственности и отчетности. Земскія по выборному составу, эти учрежденія являлись органами бюрократической централизаціи въ сферѣ управленія по всему кругу присвоенныхъ имъ задачъ. Для характеристики предѣловъ и особенностей посадско-общиннаго самоуправления очеркъ дѣятельности городовыхъ магистратовъ необходимо долженъ быть дополненъ очеркомъ посадскаго мірскаго схода. Опытъ такого именно очерка и составилъ содержаніе четвертой части моей книги. Минуя подробности, я отмѣчу здѣсь лишь самыя общія и основныя положенія, къ которымъ привело меня изученіе соответствующихъ архивныхъ матеріаловъ.

Мірской посадскій сходъ не былъ представительнымъ собраніемъ. На немъ участвовали всѣ совершеннолѣтніе тяглецы даннаго посада. Не было опредѣлено и законнаго минимума присутствующихъ для открытія схода. Вотъ почему по численности участниковъ сходы весьма различались въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бывали сходы въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, и на ряду съ этимъ по большей части на сходы собиралось два-три десятка присутствующихъ. Анализъ личнаго состава мірскихъ сходовъ, поскольку онъ освѣщается доступными намъ документами, приводитъ къ заключенію, что, будучи юридически общепосадскимъ, фактически сходъ превращался по преимуществу въ собраніе первостатейныхъ тяглецовъ, безъ которыхъ сходъ терялъ свое значеніе, но которые могли обходиться и безъ малотяглої массы, пока она имъ не надобилась для партійныхъ цѣлей. Первостатейные люди выдвигались на первый планъ уже въ силу самаго характера присвоаемыхъ мірскому сходу функцій. Разсмотрѣніе различныхъ сторонъ дѣятельности мірскихъ сходовъ показываетъ, что сходамъ представлялось не мало такихъ правъ, которыя сами по себѣ могли бы составить въ совокупности надежную основу истиннаго самоуправления. Таковы права самообложенія и распоряженія мірскими суммами, выбора должностныхъ лицъ и контроля надъ ними, изданія обязательныхъ постановленій по мѣстному благоустройству, возбужденія мірскихъ ходатайствъ о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшими государственными установленіями.

Но всѣ эти сравнительно широкія права сходовъ теряли на практикѣ значительную долю своего значенія. Право самообложенія и распоряженія мірскими суммами пересѣкалось полнымъ подчиненіемъ мірской кассы центральному финансовому управленію. Право выбора должностныхъ лицъ и мірскаго надъ ними контроля пара-

лизовалось зависимостью этих лиц, съ мірскимъ старостой во главѣ, отъ магистратскаго начальства. Право распоряженія мѣстнымъ благоустройствомъ опять-таки было пересѣкаемо полицейской властью воеводской канцеляріи и магистратскаго присутствія. Только правомъ подачи мірскихъ челобитій о нуждахъ и желаніяхъ посада сходы пользовались въ весьма широкой степени. Такимъ образомъ, мірское самоуправленіе было поставляемо въ такіе предѣлы и условія, при которыхъ оно являлось, главнымъ образомъ, орудіемъ осуществленія фискальныхъ задачъ и интересовъ, а при такомъ положеніи дѣла первостатейные члены общины, какъ первые отвѣтчики за дѣйствія міра передъ государственною властью, оказывались естественными хозяевами мірскаго схода.

Яркую иллюстрацію къ такому порядку мы находимъ въ той сторонѣ дѣятельности мірскаго схода, которая составляла единственную живую связь между мѣстнымъ міромъ и начальствующимъ надъ ними городовымъ магистратомъ. Я разумѣю выборы магистратскихъ членовъ на мірскихъ посадскихъ сходахъ. Въ послѣдней главѣ своей книги я произвелъ подробный анализъ многочисленныхъ дѣлопроизводствъ о такихъ выборахъ, сохраненныхъ въ архивѣ главнаго и городскихъ магистратовъ.

Въ постановкѣ этихъ выборовъ за изученный періодъ можно усмотрѣть борьбу двухъ противоположныхъ теченій. Рядъ признаковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ средѣ самого посадскаго населенія существовали стремленія придать этимъ выборамъ характеръ правильнаго облеченія избираемыхъ лицъ опредѣленными общественными полномочіями. Сюда относятся попытки установленія правильной избирательной процедуры, которая обезпечивала бы для всѣхъ безъ различія членовъ общины равномѣрное участіе въ выборахъ и дѣлала бы изъ избирательнаго акта дѣйствительное выраженіе коллективной воли общины. Сюда относятся также попытки установить, помимо имущественнаго ценза, такія условія пассивнаго избирательнаго права, которыя давали бы доступъ къ выборнымъ должностямъ лишь тому, кто по характеру всего своего отношенія къ общественнымъ дѣламъ являлся бы достойнымъ носителемъ общественнаго довѣрія.

Нѣкоторыя наблюденія приводятъ къ заключенію, что всѣ указанныя попытки исходили большей частью изъ среды малотяглыхъ элементовъ посадскаго населенія, которыя искали себѣ защиты отъ произвола первостатейныхъ тузовъ въ установленіи болѣе правомѣрныхъ формъ въ посадско-общинной жизни.

Но, въ противовѣсъ этимъ робкимъ новымъ теченіямъ, въ избирательной практикѣ рѣшительно господствовалъ опиравшійся на

изстаринную традицію и поддерживаемый фискальной политикой правительства иной взгляд на существо мірских выборов исключительно, какъ на актъ *поручительства* за избираемаго кандидата, какъ на выдѣленіе изъ среды посадскаго населенія группы такихъ лицъ, съ которыхъ всегда можно было бы взыскать въ пользу казны убытки, нанесенные ей служебными упущеніями выборнаго человѣка. Это былъ глубоко-архаическій взглядъ на существо выборной службы, завѣщанный XVIII столѣтію минувшей эпохой московскаго царства. Съ этой точки зрѣнія избирательный сходъ являлся не органомъ выраженія коллективной воли посадской общины, а лишь мѣстомъ собранія отдѣльныхъ группъ рукоприкладчиковъ-поручителей. И, разумѣется, надежность этого поручительства измѣрялась прежде всего имущественной состоятельностью, «пожиточностью», «первостатейностью» какъ тѣхъ, кто составлялъ избирательную группу, такъ и тѣхъ, на кого писался «выборъ за руками».

Естественнымъ слѣдствіемъ господства описаннаго взгляда являлись: олигархическій характеръ избирательныхъ сходовъ и замѣна строго упорядоченной избирательной процедуры подборомъ болѣе надежныхъ въ матеріальномъ отношеніи «поруковъ» къ каждому выборному «приговору».

Подробно разсматривая въ своей книгѣ количественный и качественный составъ избирательныхъ сходовъ, теченіе самихъ выборовъ, характеръ и приемы вспыхивавшей на этихъ сходахъ партійной избирательной борьбы, я имѣлъ возможность установить связь всѣхъ относящихся сюда типичныхъ явленій съ этой основной чертой мірскихъ сходовъ въ посадахъ того времени: съ ихъ олигархическимъ характеромъ.

Правда, временами третьестатейные люди переполняли собой эти сходы. Но то было или насильственное завладѣніе сходомъ со стороны третьей статьи въ моментъ повальнаго возстанія малотяглою массы противъ мѣстной олигархіи (случай—рѣдкіе и исключительные), или, чаще и обычнѣе, слѣдствіе того, что сами первостатейные вожаки привлекали эту массу къ участию въ выборахъ въ качествѣ своего послушнаго орудія.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе моей книги.

Мнѣ кажется, можно такъ формулировать взаимоотношеніе тѣхъ сторонъ посадско-общиннаго быта, которыя разсмотрѣны поочередно въ четырехъ частяхъ этой книги. Условія *народнаго* хозяйства разбили составъ посадскаго населенія на многочисленную группу малотяглыхъ людей: ремесленниковъ, работниковъ, мелкихъ торгов-

цевъ и сравнительно небольшую кучку первостатейнаго купечества. Потребности *государственнаго* хозяйства выдвинули эту послѣднюю кучку на первый планъ при организаціи посадско-общиннаго тягла, какъ главную опору тяглоспособности всей общины. Наконецъ, тяглый, крѣпостной характеръ посадской общины отразился и на строѣ посадскаго самоуправленія того времени: на узости тѣхъ границъ, въ которыя оно было вдвинуто, на преобладаніи первостатейной олигархіи, въ руки которой оно было отдано.

Правда, и въ строѣ посадскаго хозяйства, и въ строѣ посадскаго самоуправленія мы имѣли возможность замѣтить на ряду съ господствомъ основного начала принудительной поруки зародыши нѣкоторыхъ стремленій къ истинной общинной автономіи. Но то были только зародыши, для укрѣпленія и широкаго развитія которыхъ въ окружающей обстановкѣ не доставало благопріятныхъ условий. Эти стремленія могли найти для себя свободный исходъ лишь съ устраненіемъ крѣпостнаго характера посадской общины, который, хотя и постепенно слабѣя, сохранялъ свое значеніе въ теченіе всего изученнаго мною періода.

А. Низеветтеръ.

Н. Ж. Гюисмансъ,

французскій писатель конца вѣка.

Конецъ XIX вѣка поражалъ какой-то неувимой странностью, своеобразнымъ броженіемъ мысли, кореннымъ, какъ будто, измѣненіемъ общаго направленія культуры. Это измѣненіе, особенно рѣзко проявившееся во Франціи, казалось настолько загадочнымъ, что современники отказывались уловить его въ точное опредѣленіе и выражали его неясной формулой—«genge fin de siècle». Во Франціи, гдѣ создавался этотъ терминъ, многіе видѣли въ этомъ настроеніи общества, его литературы и искусства проявленіе усталости, истощенія живыхъ силъ страны, упадокъ искусствъ и литературы.

Искусственное раздѣленіе жизни человѣчества на столѣтія не даетъ права, на разстояніи трехъ лѣтъ, смотрѣть на конецъ XIX столѣтія, какъ на нѣчто пережитое и отошедшее отъ насъ. И на этой ранней зарѣ XX вѣка мы еще живемъ злобой «fin de siècle»; тѣмъ не менѣе во Франціи, по крайней мѣрѣ, хаотическое броженіе упорядочилось и является возможность оглянуться на нѣкоторыя тенденціи того времени, какъ на прошлое, а иногда и намѣтить конечныя точки, къ которымъ стремился потокъ мысли и творчества конца вѣка. Загадочность настроенія конца вѣка зависѣла, по нашему мнѣнію, не только отъ усталости и нѣкотораго истощенія живыхъ силъ, но и отъ страстныхъ порывовъ къ свободѣ въ области мысли и упорныхъ исканій новыхъ путей для ея выраженія. Только увѣренность даетъ стройную цѣлостность теоріи, а съ нею и опредѣленность направленія; тому, кто ищетъ, часто остается въ удѣлъ бесплодный порывъ, колебаніе, быстрые переходы отъ одного направленія къ другому, грызущее сомнѣніе и подчасъ фанатическая вѣра въ минутный призракъ какъ будто найденной истины. Во всѣхъ отрасляхъ французскаго искусства и литературы послѣднихъ 20—30 лѣтъ замѣчалась необыкновенная неустойчивость и пестрота. Одно направленіе быстро смѣнялось другимъ, и предста-

вители этихъ «молодыхъ школъ» вели между собою страстную полемику. Литература получила огромное развитіе, которое шло болѣе въ ширь, чѣмъ въ глубь: появилось очень большое число талантовъ, но не было видной, центральной фигуры—кромѣ, можетъ быть, Золя—создающей школу, чѣмъ былъ В. Гюго въ романтизмѣ.

«Въ нашъ вѣкъ,—говоритъ Анатоль Франсъ,—идеи смѣняются съ ужасающей быстротой. Натурализмъ, при зарожденіи котораго мы присутствовали, уже умираетъ и кажется, что и символизмъ скоро присоединится къ нему въ нѣдрахъ вѣчной Майи»¹⁾).

Литературныя тенденціи отражались на пластическихъ искусствахъ, которыя, разрастаясь, захватили близкую имъ область ремеслъ и съ ними проникли въ повседневную жизнь, измѣняя домашнюю утварь, одежду, вліяя на вкусъ. Если трудно формулировать положительныя идеи, составлявшія основу наступавшихъ измѣненій, то можно безошибочно сказать, что въ общемъ возникавшія молодыя школы стремились къ освобожденію отъ условныхъ, традиционныхъ формъ въ литературѣ и искусствахъ, къ полной свободѣ творчества по духу и приемамъ изображенія. Все это указываетъ, что пережитая, а отчасти и переживаемая эпоха была главнымъ образомъ именно эпохой исканія. Будущимъ историкамъ XIX в. предстоитъ сложная задача точно опредѣлить, какія общественныя измѣненія, какія научныя, философскія или религіозныя вѣянія вызвали и окрасили умственную жизнь этого времени; теперь же не лишено интереса намѣтить на единичныхъ примѣрахъ и хотя бы въ зачаточной формѣ, какіе фазисы проходило искусство и литература Франціи конца вѣка.

I.

Среди многочисленныхъ литературныхъ силъ, которыя выдвинула Франція этого періода исканій, ни одинъ писатель не былъ болѣе яркимъ выразителемъ своего времени, чѣмъ Карль-Жорисъ Гюисмансъ. Онъ не геній своего вѣка, не признанный вождь и руководитель школы; но въ своей литературной дѣятельности онъ отразилъ, какъ въ зеркалѣ, многочисленныя перипетіи самоопредѣлявшейся французской мысли. Обладая своеобразнымъ талантомъ писателя, исключительно развитымъ вкусомъ къ живописи и отличааясь боевымъ темпераментомъ, связаннымъ съ фанатическимъ отношеніемъ ко всему, во что онъ вѣрилъ въ данную минуту, Гюис-

¹⁾ *Anatole France: „La Vie littéraire“.*

мансь, можно сказать, былъ резонаторомъ всѣхъ главныхъ эстетическихъ теченій, возникавшихъ во Франціи за послѣднія 30 лѣтъ. Мысль его никогда не была особенно оригинальной, онъ не создалъ ни школы, ни жанра; но крупный талантъ его выражалъ стремленія пионеровъ художественнаго воспроизведенія, а также и главныя философскія теченія, неразрывно связанныя съ эстетическими теоріями. Такимъ образомъ, прослѣдивъ отъ начала до конца литературную дѣятельность Гюисманса, можно отдать себѣ довольно ясный отчетъ въ смѣнныхъ настроеніяхъ, которыя переживались французской литературой отъ натурализма до крайняго идеализма, получившаго свое выраженіе въ символизмѣ, который въ свою очередь теперь снова возвращается къ природѣ. Но Гюисмансу нѣтъ мѣста въ нарастающей литературѣ Франціи—онъ остался схороненнымъ въ мертвой мистикѣ католицизма, гдѣ, быть можетъ, навсегда погибъ его талантъ и его своеобразная индивидуальность.

Гюисмансь родился въ Парижѣ въ 1848 году. Отецъ его, родомъ изъ Голландіи, былъ живописцемъ и сыномъ живописца; одинъ изъ его дядей долго былъ профессоромъ живописи въ Тильбургѣ, и Корнелиусъ Гюисмансь, картины котораго есть въ Луврѣ, числится его предкомъ. Со стороны матери прадѣдъ его Жераръ былъ въ свое время довольно извѣстнымъ, но второстепеннымъ французскимъ скульпторомъ, исполнившимъ нѣкоторые барельефы Вандомской колонны и триумфальной арки.

Литературную дѣятельность Гюисмансь началъ въ 1874 году небольшимъ сборникомъ рассказовъ подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ «*Le Drapeau à épingles*». Эти рассказы, юношескіе, неумѣлые, въ которыхъ отражается, какъ у всякаго начинающаго писателя, вліяніе прочитаннаго, содержатъ уже всѣ задатки будущаго мастера. Въ нѣкоторыхъ чувствуется вліяніе Боделера (*Rococo Japonais, Ballade*), въ другихъ—романтичeskій сантиментализмъ Жоржа Санда (*Ritournelle, Kermesse de Rubens*), но въ третьихъ—(*Rive Gauche* и особенно *Claudine*) обнаруживается главный факторъ таланта Гюисманса—необыкновенная сила зрительной наблюдательности. Гюисмансь, очевидно, родился живописцемъ. Его глазъ видитъ уже въ этихъ юношескихъ попыткахъ малѣйшую деталь внѣшняго міра, окраску вещей во всей сложности оттѣнковъ и переливовъ, ихъ форму, сочетаніе линій, которое образуетъ ихъ общее впечатлѣніе на глазъ, и это видѣніе, которое никогда не шло у него дальше простого сенсуальнаго наслажденія, онъ умѣетъ уже передавать такими словами, такимъ мѣткимъ сочетаніемъ фразъ, что зрѣлище, имъ воспринятое, остается незабываемымъ и для читателя. Можно ли ярче изобразить словами картину разгрузки

продуктовъ на парижскомъ рынкѣ отдаленнаго квартала (Claudine), гдѣ среди кучи брошенныхъ на мостовую букетовъ красныхъ пионовъ лежитъ вздутый шаръ оранжевой тыквы? Въ этомъ описаніи чувствуется любовь голландскихъ мастеровъ къ «пестрому сору», это—почти живопись. Рядомъ съ этимъ выдающимся качествомъ, уже въ юношескихъ произведеніяхъ виденъ и основной, неисправимый недостатокъ его таланта—бѣдность фантазіи. Чуть только авторъ отходитъ отъ видѣннаго, хочетъ создать картину не по наброскамъ, зарисованнымъ съ дѣйствительности, его изобразительность теряетъ всякій колоритъ, даже когда дѣло касается просто обстановки комнаты (Сараѣи rouge); когда же подъ вліяніемъ юношескаго романтизма онъ стремится создать фантастическій образъ, изъ-подъ его пера выходитъ мертвая аллегорія, всѣ атрибуты которой навѣяны ему зрительной памятью. Таковъ его рассказъ *Ballade Chlorotique*, гдѣ онъ символизируетъ чахотку въ видѣ женщины въ бѣломъ платьѣ съ красными крапинками—и только. Характерно для времени, что въ «*Drageoіre à érices*» Гюисмансъ обнаружилъ особое влеченіе къ низшему классу—къ бѣдняку, рабочему, крестьянину, къ простой жизни, къ простому чувству. У него видно не только гуманное отношеніе къ бѣдняку, но даже идеализація его, стремленіе выдвинуть его простоватую, но высокую добродѣтель (*Ritournelle*); въ грубыхъ проявленіяхъ народной жизни ему чудится и нѣчто чистое и поэтическое. Любовная исторія Клодины, которая начинается дракой изъ-за нея двухъ рыночныхъ торговцевъ, описаніемъ синяковъ, которыми они награждаютъ другъ друга, въ концѣ рассказа переходитъ въ идиллію сентиментальную и даже слащавую. Тому, кто знакомъ съ послѣдующими трудами Гюисманса, этотъ сентиментализмъ симпатиченъ.

Такимъ образомъ, въ первой своей книгѣ Гюисмансъ является юношей съ рѣдкой наблюдательностью, съ интересомъ къ человѣку низшаго сословія и съ гуманитарнымъ отношеніемъ къ людямъ вообще.

«*Drageoіre à érices*» появился въ эпоху полного цвѣтенія натуралистической школы. Молодые «натуралисты» стояли въ то время тѣсной кучкой вокругъ вождя и теоретика движенія—Эмиля Золя. Гюисмансъ входитъ въ этотъ кругъ и всецѣло сливается съ натуралистическимъ движеніемъ. Второе свое произведеніе «*Sac au dos*» онъ уже помѣщаетъ въ сборникъ «*Les soirées de Médan*», который получилъ свое заглавіе отъ загороднаго мѣстечка Меданъ, гдѣ постоянно жилъ Золя. Помѣщеніе повѣсти въ этомъ сборникѣ было настоящимъ актомъ литературной партійности. Сборнику предпослано коллективное заявленіе авторовъ, въ которомъ сказано:

«нашимъ единственнымъ побужденіемъ было публично утвердить наши истинныя симпатіи и въ то же время наши литературныя тенденціи». Натурализмъ былъ естественной стихіей Гюисманса; онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ его сенсуальному темпераменту; подъ его влияніемъ изъ Гюисманса выработался наблюдатель необычайной тонкости. Ничѣмъ неограниченная свобода *словъ*, которую ввели въ литературу натуралисты, окончательно сформировала даръ писателя, позволила Гюисмансу выработать языкъ, доводившій его описанія вещей до полного единенія слова съ описываемымъ предметомъ. Увлеченіе Гюисманса натурализмомъ можно считать самымъ блистательнымъ періодомъ его литературной дѣятельности, самымъ пышнымъ расцвѣтомъ его таланта.

Въ 1879 году Гюисмансъ печатаетъ романъ «*Les Soeurs Vatar*», можетъ быть, лучшее произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера натуралиста и оцѣненное по заслугамъ, такъ какъ эта книга создала извѣстность Гюисмансу. Бѣдность фантазіи отчасти, а отчасти и тенденція школы не позволяли Гюисмансу ни въ одномъ романѣ дать сложнаго сюжета или поставить дѣйствующихъ лицъ въ сложное положеніе. Впослѣдствіи фабула отодвигается у Гюисманса все дальше и, наконецъ, даже дѣйствіе отсутствуетъ въ его произведеніяхъ. «*Les Soeurs Vatar*»—въ высшей степени простая исторія двухъ сестеръ брошюровщицъ. Одна изъ нихъ добродѣтельна и не идетъ дальше идеала жизни зажиточной работницы, у которой есть свой аккуратный домъ, не пьяный и не дерущійся мужъ, еженеѣльно зарабатывающій достаточно денегъ для покупки бараньяго жаркого въ воскресенье. Другая сестра не только не отличается семейными добродѣтелями, но ведетъ совсѣмъ разгульную жизнь, смѣняя любовниковъ то по прихоти, то изъ мести, то изъ ревности, но никогда не по расчету. Изъ этой банальной антитезы двухъ женскихъ типовъ, какъ бы развивая формулу Прудона «*ménagère ou courtisane*», Гюисмансъ сдѣлалъ трепещущую страницу жизни. Все живетъ въ этой книгѣ — парижская улица, мастерская съ ея грязью, духотой, цинизмомъ говора и удручающей усталостью; мѣста убогаго народнаго веселья — театръ съ дутой роскошью, балъ, гдѣ матери семействъ и публичныя женщины находятъ одинаковое веселье, шумная ярмарка съ балаганами, акробатами, каруселями, кафе, этотъ настоящій клубъ парижскаго рабочаго, и, наконецъ, скромное жилище пролетарія, гдѣ тѣсно, но тепло и уютно. Въ концѣ романа читатель имѣетъ передъ глазами не только полную картину жизни парижскаго рабочаго, но весь строй душъ, по внѣшности грубыхъ и циничныхъ, но нелишенныхъ способности къ тонкимъ и нѣжнымъ внутреннимъ чувствамъ,

съ задатками къ артистическому воспріятію впечатлѣній, душъ гордыхъ и независимыхъ въ молодости, пока одуряющій трудъ, вино и отсутствіе всякихъ возвышающихъ вліяній не доводитъ ихъ до уровня буржуазной пошлости. Надо прочесть неподобную сцену окончательнаго разрыва добродѣтельной Дезире съ первымъ женихомъ, чтобы понять, сколько душевности Гюисмансъ умѣлъ вкладывать въ свои романы, сохраняя полную правду, не вдаваясь въ ложный романтизмъ, что часто случается съ Золя. Надо было глубоко чувствовать человѣка, чтобы изобразить меланхолію полусознательной души, на вѣкъ погребавшей первую и единственную любовь въ жизни, среди парижской улицы, за столикомъ кафе, безъ всякаго внѣшняго украшенія, усиливающаго патетизмъ минуты. «Les Sœurs Vatard», несмотря на бездну грубыхъ подробностей, которыми щеголяли натуралисты, выходитъ за предѣлы узкаго міросозерцанія Золя. Въ этомъ романѣ человѣкъ, какъ мы видѣли, не *bête humaine*, одаренная лишь инстинктами, но живая, чувствующая душа. И не только человѣкъ живетъ въ книгѣ. Описательные приемы Гюисманса одухотворены. Какъ мало «протокольнаго», напримѣръ, въ такой фразѣ: «Осень грубо водворила надъ дымнымъ городомъ свои поблекшія небеса, сумеречныя полдни, вечера, затопленные дождемъ». Намъ хочется сказать, что иди Гюисмансъ дольше по этой дорогѣ, изъ него вышелъ бы писатель, довольно близко подходящій къ русскимъ и англійскимъ реалистамъ.

Боевой темпераментъ Гюисманса не позволилъ ему остановиться въ предѣлахъ одного художественнаго творчества, онъ не только писалъ натуралистическіе романы, но сдѣлался апостоломъ новой эстетики, защитникомъ и толкователемъ новой живописи, охваченной также натурализмомъ.

Импрессионисты подняли знамя бунта противъ академической условности, противъ грустнаго свѣта мастерскихъ, призывая живопись на открытый воздухъ, на радость солнечнаго дня. Природа ежеминутно, мимолетной красотой, привлекаетъ глазъ; ее нечего прикрашивать, ее надо видѣть и стараться уловить на полотнѣ впечатлѣніе (*impression*), производимое ею на глазъ. Въ природѣ, въ жизни нѣтъ ничего низкаго—все одинаково благородно, все достойно изображенія и всѣми доступными живописи приемами. И какъ бы изъ протеста противъ «высокихъ» академическихъ темъ, живописцы отдають предпочтеніе сюжетамъ обыденнымъ, любовно изображаютъ вещи, которыя принято считать некрасивыми.

Подобно Золя, посвятившему новой живописи свой романъ «Claude», Гюисмансъ въ 1879 году выпускаетъ романъ «En Ménage»,

гдѣ дѣйствующими лицами являются живописецъ Сургіен и писатель André. Оба героя, «охваченные натурализмомъ и современностью», воюють съ романтизмомъ, не признають красоты ни въ Пантеонѣ, ни въ Венерѣ Милосской. Сургіен не ищетъ необычнаго классическаго пейзажа, онъ довольствуется предметъями Парижа и находитъ въ нихъ смыслъ и красоту: «Въ этой мѣстности, истерзанная кожа которой вздувается, какъ отвратительные наросты, въ этихъ ободранныхъ дорогахъ, гдѣ полосы извести кажутся мукой, осыпавшейся съ больной кожи, онъ видѣлъ горестное соотвѣтствіе со страданіями бѣдняка, который возвращается съ фабрики усталый, потный, разбитый». Но въ романѣ апологія новаго искусства не можетъ занимать перваго мѣста; форма романа не удовлетворяетъ Гюисманса какъ критика, и онъ въ этомъ же году начинаетъ писать отчеты о художественныхъ выставкахъ, соединенные имъ впоследствии въ отдѣльный томъ подъ заглавіемъ «L'art moderne».

Враги и почитатели Гюисманса одинаково признають, что онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться выдающимся художественнымъ критикомъ. Но его полному успѣху на этомъ пути препятствовала фанатическая цѣльность его природы. Гюисмансъ часто переходилъ отъ одного направленія къ другому, но въ каждый данный моментъ имъ владѣла одна идея, и онъ шелъ въ жизни, какъ лошадь въ шорахъ, ничего не видя по сторонамъ. Его критика вся проникнута индивидуальнымъ вкусомъ—во-первыхъ, духомъ партіи—во-вторыхъ и въ особенности. Въ своемъ отчетѣ о салонѣ 1879 года онъ прямо ограничиваетъ себя рамками «просто показать параллельный ходъ развитія независимыхъ салоновъ и салоновъ официальныхъ и поставить на видъ послѣдствія, которыя изъ этого вытекали съ точки зрѣнія искусства». Какъ впоследствии онъ закроетъ глаза на все современное и даже на все свѣтское искусство, чтобы всецѣло посвятить себя культу католическаго средневѣковаго творчества, такъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ проповѣдовалъ каждой строчкой своего письма, что нѣтъ искусства внѣ натурализма и его пророковъ Клода Моне, Пизаро, Сислея, или Дега, Рафаэлли, Ренуара и др. «Я часто думалъ съ удивленіемъ, — говоритъ онъ, — о той бреші, которую пробили въ искусствѣ импрессионисты, Флоберъ, де-Гонкуры и Золя. Натуралистическая школа была открыта для публики ими; искусство было перевернуто вверхъ дномъ, освобождено отъ официальныхъ путей академій». Современное искусство, по его мнѣнію, получаетъ первенствующее значеніе, оно утвердило себя въ новомъ направленіи навѣки, во всѣхъ отрасляхъ и даже въ архитектурѣ. Архитекторы, которые построили Сѣверный

вокзалъ и Центральный рынокъ въ Парижѣ, создали новое искусство, столь же возвышенное, какъ и древнее, потому что «Соборъ, возведенный вѣрующими народами, умеръ». Позднѣе, въ другомъ сборникѣ критическихъ статей, когда Гюисмансъ уже довольно далеко отошелъ отъ натурализма, онъ возводитъ нетерпимость критика въ основное условіе его таланта. «Нельзя понимать искусство,—говоритъ онъ,—и дѣйствительно любить его, будучи эклектикомъ, дилеттантомъ», и дальше: «только тотъ имѣетъ талантъ, кто любитъ страстно и ненавидитъ такъ же; энтузіазмъ и презрѣніе необходимы, чтобы создать произведеніе искусства; талантъ принадлежитъ искреннимъ и пылкимъ, а не безразличнымъ и трусамъ»¹⁾, Со всей страстью своей любви и пылкостью своей ненависти онъ громилъ академиковъ, превозносилъ импрессионистовъ, и не понимая такого крупнаго художника, какъ Пювисъ-де-Шаванъ. Ежегодно онъ задѣваетъ его съ особенной злобностью, хотя прирожденный вкусъ Гюисманса не можетъ не чувствовать въ выставленныхъ картинахъ таланта. «Это все тотъ же блѣдный колоритъ,—пишетъ онъ въ 1870 году;—такъ же угловато и жестко, это раздражаетъ какъ всегда претензіями на наивность, и все-таки у этого живописца есть талантъ. Онъ по горло ушелъ въ ложный жанръ и храбро барахтается тамъ, достигая въ этой безвыходной борьбѣ нѣкотораго величія». «Пювисъ де-Шаванъ,—пишетъ онъ въ 1880 году,—представляетъ въ неуклюжихъ позахъ людей, которыхъ онъ неловко соединяетъ въ группы; онъ не даетъ себѣ труда найти вѣрный тонъ, не придаетъ ни признака правды и жизни ни фигурамъ, ни обстановкѣ, въ которой онѣ выставляють свою тяжелую окоченѣлость». Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ описываетъ уже въ 1881 году безсмертное полотно Пювиса «Бѣдный рыбакъ»: «Человѣческая фигура, высѣченная серпомъ, ловить рыбу въ челнѣ; на берегу ребенокъ валяется среди желтыхъ цвѣтовъ около женщины. Что значить это названіе? Почему этотъ человѣкъ бѣдный или счастливый рыбакъ? Гдѣ происходитъ эта сцена. Я не знаю». Потомъ слѣдуютъ рѣзкіе нападки на технику—на блѣсовато-лиловые, сѣрые, зелено-молочные тона, на сухость рисунка, и ни слова о возможной связи этихъ бѣдныхъ блѣсоватыхъ тоновъ съ настроеніемъ безпомощной, покорной скорби, которой дышитъ вся картина, что могло бы навести критика на существованіе внутренняго смысла картины, и ея названіе стало бы яснѣе. «Передъ этимъ полотномъ,—продолжаетъ Гюисмансъ,—я пожимаю плечами, меня раздражаетъ это обезьянство библейскаго величія... потомъ я испытываю жалость и сни-

¹⁾ „Certains“.

схождение, потому что это—произведение человѣка, сбившагося съ пути, но и убѣжденнаго артиста, который презираетъ увлеченіе публики и, въ противность другимъ живописцамъ, пренебрегаетъ барахтаньемъ въ клоакѣ моды. *Несмотря на возмущеніе, которое вызываетъ во мнѣ эта живопись*, когда я нахожусь около нея, *я не могу защититься отъ нѣкотораго влеченія*, находясь вдали отъ нея».

Въ этой оцѣнкѣ живописи Пювиса, въ этомъ безсиліи проникнуть въ ея смыслъ, при смутномъ влеченіи къ ней, лежитъ ключъ къ пониманію артистическаго темперамента Гюисманса, а отчасти и объясненіе дальнѣйшей эволюціи его таланта. Пока онъ имѣлъ дѣло съ произведениями импрессионистовъ, выдающаяся его способность получать эстетическое наслажденіе отъ всякаго гармоничнаго воспроизведенія внѣшняго міра, помогала ему въ качествѣ критика не только оцѣнивать готовый талантъ художника, но и прозрѣвать таланты въ ихъ зачаточномъ состояніи. Онъ оцѣнилъ по заслугамъ многихъ живописцевъ, тогда не привлекавшихъ еще ничего вниманія и только теперь цѣнимыхъ знатоками искусства, каковъ, на примѣръ, осмѣянный въ 1877 году Сезаннъ. Но для пониманія Пювиса, Гюисмансу не хватало эстетической эмоціи души простой и поэтической. Кромѣ непосредственнаго чувства живописи, онъ былъ способенъ и на глубокой разсудочный анализъ; но онъ не испытывалъ, видимо, интуитивнаго волненія передъ произведеніемъ искусства, въ которомъ художникъ, приподнимая покровъ, обнаруживаетъ внутреннюю жизнь духа,—волненія, которое заражаетъ зрителя настроеніемъ творца. Живопись Пювиса его раздражаетъ, какъ неразрѣшимое противорѣчіе. Онъ ненавидитъ ее, но не рѣшается сдать Пювиса въ архивъ наравнѣ со столькими другими живописцами, имъ упраздненными. Можетъ быть, инстинктомъ своей мистической расы онъ чувствовалъ, что въ этихъ блѣсоватыхъ полотнахъ есть что-то иное, ему недоступное, но привлекательное. По нашему мнѣнію, это было начало разлада въ душѣ Гюисманса. Онъ оставался вѣрнъ школѣ натуралистовъ и это только усиливало его разладъ. Голое наблюденіе заполняло его, утрачивались съ годами иллюзіи молодости, заставлявшія его по-своему любить человѣка, вѣрить въ него. «У него были,—говоритъ Гюисмансъ про одного изъ своихъ героевъ,—какъ у многихъ другихъ, идеалы, убитые подъ нимъ». Тогда дѣйствительность, не освѣщенная фантазіей, не согрѣтая чувствомъ, не одухотворенная идеаломъ, являла ему лишь грубость и грязь; въ людяхъ онъ видитъ скучныхъ автоматовъ,—жизнь рисуется ему какъ уродливая клоака. Но онъ еще судорожно держится за старое знамя, хотя уже въ «En Ménage» нѣтъ того подъема жизнерадостности, которой блещутъ «Soeurs Vatard», «Croquis Parisiens».

II.

«Бѣдный Рыбакъ», тронувшій какія-то струны души нашего автора, былъ вѣстникомъ начинавшагося глубокаго переворота не только въ живописи, но и во всемъ настроеніи умственной жизни Франціи.

Французская мысль, изсушенная позитивизмомъ, пресыщенная натурализмомъ, утомленная современностью, не сулившей какъ будто ничего впереди, точно искала точки опоры. То было время, когда во французскую литературу ворвалось иноземное вліяніе, до тѣхъ поръ мало соприкасавшееся съ французскими писателями. Кружки молодыхъ литераторовъ зачитывались Толстымъ и Достоевскимъ, открыли Ибсена, Вагнера, англійскихъ прерафаэлитовъ. И у французской молодежи явился вопросъ, которымъ никогда не задавались натуралисты—зачѣмъ жить? Романъ Rod'a «Sens de la vie», герой котораго мучимъ невозможностью разрѣшенія вопроса о судьбѣ человечества, имѣлъ огромный успѣхъ. Paul Desjardins, натура пылкая и активная, выпускаетъ свою брошюру «Devoir Présent» и, не ограничиваясь однимъ раздумьемъ, соединяетъ въ одинъ кружокъ довольно большое число одинаково настроенныхъ людей на широкой формулѣ: «намъ довольно знать, что мы живемъ для чего-нибудь». Члены кружка собираются для обсуждения этическихъ и философскихъ вопросовъ. Все это показываетъ, что подроставшее поколѣніе далеко отходило отъ радостной самоувѣренности натурализма. Въ обществѣ пробуждалась религіозная мысль и образовался такъ-называемый «неохристіанизмъ», принявшій христіанскую нравственность въ свою основу, составлявшій болѣе стремленіе къ вѣрѣ, чѣмъ вѣру. Одновременно и параллельно появленіе въ Парижѣ пресловутой г-жи Блаватской и многочисленныхъ ея сторонниковъ возбудили интересъ къ буддизму. Многіе свѣтскіе люди, за невозможностью поступать иначе, принялись изучать буддизмъ по многочисленнымъ брошюрамъ и журналамъ лондонскаго теософическаго общества. Наравнѣ съ неохристіанизмомъ образовался «необуддизмъ», который имѣлъ также многочисленныхъ послѣдователей. Наконецъ, сама позитивная наука давала пищу общему стремленію къ чему-то сверхматеріальному или казавшемуся такимъ. Появились знаменитыя работы Шарко о гипнотизмѣ, которыя санкціонировали дивнишнюю народную вѣру въ существованіе сомнамбулизма и ясновидѣнія; извѣстнымъ ученымъ Шарлемъ Рипе сдѣлана была попытка при помощи теоріи вѣроятностей доказать возможность передачи мысли на разстояніе. Люди, сторонніе наукъ, не могли оцѣнить настоящаго значенія работы ученыхъ. Публика не различала того,

что наука устанавливала въ этихъ вещахъ какъ точные факты, отъ того, что она давала какъ гипотезы или ставила какъ новыя проблемы для изслѣдованія. Большинству было ясно одно: положительная наука, всегда борющаяся съ народнымъ вѣрованіемъ въ сомнамбулизмъ, сдалась, вынуждена признать долго не признававшаяся,—стало быть, она погрѣшила. И этотъ выводъ уносилъ людей въ безбрежный океанъ мистической фантазіи.

Побѣда сомнамбулизма надъ наукой воскресила полузабытый спиритизмъ, и онъ началъ распространяться почти въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ. Въ Лондонѣ образуется «общество для психическихъ изслѣдованій» съ цѣлью изученія явленій телепатіи, спиритизма, фантазмовъ умершихъ; оно привлекаетъ къ себѣ симпатіи многихъ молодыхъ ученыхъ во Франціи рационалистической постановкой вопросовъ и вызываетъ преувеличенныя надежды въ мистическихъ кругахъ. Рядомъ съ этическими тенденціями «неохристіанства» и «необуддизма» образовалось стремленіе къ созданію новой религіи при помощи синтеза научныхъ данныхъ и религіозныхъ воззрѣній,—направленіе, выразителемъ котораго въ литературѣ былъ въ значительной степени Э. Шюре. Когда изъ тайниковъ кружковъ и изъ кабинетовъ ученыхъ это полумистическое, полурационалистическое настроеніе переходитъ въ мутныя воды того, что называется «свѣтомъ»—въ парижскіе салоны—оно становится неуловимымъ и неопредѣлимымъ. Тамъ порывы великодушныхъ сердецъ, артистическія стремленія къ иной красотѣ молодыхъ художниковъ, потребность ума проникнуть за предѣлы жизни и матеріи вдругъ слились и сгустились въ особую атмосферу мистики, насыщенную скорѣе суевѣрнымъ страхомъ, чѣмъ религіознымъ порывомъ. Въ мистическихъ салонахъ 80-хъ и 90-хъ годовъ вѣрили во все, даже въ разноцвѣтное электричество, исповѣдывали всѣ вѣры, не присоединяясь ни къ одной. Спириты, магнетизеры, астрологи, оккультисты, теософы появлялись въ салонахъ, какъ мыльные пузыри, проповѣдывали, удивляли и исчезали, смѣняясь новыми.

Мало-по-малу мечты о сліяніи мистики съ наукой разсѣиваются. Медленность и осторожность ученыхъ раздражаютъ мистиковъ, которые ждали отъ науки откровенія, а отъ ученыхъ признанія за истину безсвязнаго лепета истеричныхъ медіумовъ, псевдоэрудиціи и «чудесъ» шарлатановъ, «маговъ». Наука, отождествляемая съ матеріализмомъ и позитивизмомъ, провозглашается несостоятельной, ученые—деспотами-доктринерами, систематически притѣсняющими свободу вѣры, свободу мысли. Мистическія фракціи начали дифференцироваться: задачи этическія и философскія отходили на задній планъ, и огромное большинство всецѣло отдавалось «изслѣ-

дованіямъ» черной и бѣлой магіи. Это былъ своего рода материализмъ наизнанку. Люди искали, главнымъ образомъ, «феномена», матеріальнаго проявленія сверхъестественныхъ силъ, но не новыми методами науки, что пытались дѣлать и нѣкоторые ученые, а старыми орудіями средневѣковой науки—алхиміи, астрологіи, магіи. Въ Парижѣ пытались получить философскій камень въ концѣ XIX ст., посылали другъ другу «envoûtement», спасались отъ него заклинаніями. Ожиданіе, что адъ или небо откроетъ всѣ свои тайны, вызывало равнодушіе къ текущей жизни, а такъ какъ ожиданіе это всегда обманывалось, въ общемъ получалось мрачное пессимистическое настроеніе, жизнь внѣ настоящаго, но и безъ будущаго.

Мрачный пессимизмъ охватываетъ Гюисманса въ этотъ періодъ возникновенія мистическихъ настроеній французскаго общества. Признаки усталости жизнью уже чувствуются въ «En Ménage». Въ первыхъ произведеніяхъ Гюисманса любовь, иногда возвышавшаяся надъ простымъ половымъ влеченіемъ, во всякомъ случаѣ, почти всегда носила характеръ радости жизни. Въ «En Ménage» одинъ изъ героев Андре, женившійся, чтобы обезпечить себѣ сидѣлку на старость, чтобы «имѣть право облегчать свое раздраженіе на спинѣ другого, заставлятъ себя жалѣть, а иногда и любить», пытается устроить себѣ сносную холостую жизнь послѣ измѣны жены, которая ничего не дала ему, кромѣ пошлости, за недолгую совмѣстную жизнь. Но одинокая жизнь холостяка, въ прежней обстановкѣ, съ прежними любовницами, съ прежней служанкой, тяготитъ его какъ повтореніе пережитаго безъ прежней молодой радости, и онъ снова сходится съ женой, возвращается къ семейной жизни, какъ къ лучшему изъ золь. Но нигдѣ, можетъ быть, ни у одного писателя мрачное отношеніе къ жизни не вылилось съ такой безнадежной тоской, какъ въ его повѣсти «A mi-l'essai», вышедшей въ 1882 году. Это поистинѣ необыкновенное и единственное произведеніе какъ по сюжету, такъ и по его выполненію. Чиновникъ какого угодно министерства пишетъ по утрамъ какія угодно бумаги, потомъ ищетъ въ различныхъ скверныхъ ресторанахъ Парижа сносной пищи и нигдѣ ее не находитъ. Это все—и это ужасно. Жизнь, сѣрая, безцвѣтная, пошлая, длинная, какъ дождливые осенніе сумерки, тянется въ книгѣ безъ просвѣта, безъ передышки, и книга заканчивается трагическимъ аккордомъ, который придаетъ повѣсти болѣе общій смыслъ, чѣмъ желаніе описать одного ничтожнаго человѣка. «Онъ понялъ,—говоритъ Гюисмансъ про своего героя,—безполезность перемѣны дороги, бесплодность порывовъ и усилій; надо пустить себя плыть по теченію... остается сложить руки и

стараться спать». Фолантенъ, герой повѣсти, возвращается въ свой старый привычный ресторанъ, Гюисмансъ уже никогда болѣе сознательно не возвратился къ своему юношескому натурализму.

Большое, можетъ быть рѣшающее значеніе въ развитіи таланта Гюисманса имѣли произведенія Одилона Редона. Никому неизвѣстный въ то время художникъ, рисунки и литографіи котораго никогда не принимались на официальные выставки, Редонъ устроилъ въ 1882 году выставку своихъ произведеній въ редакціи «Gaulois». Трудно найти среди современныхъ художниковъ талантъ, болѣе самобытный, артиста болѣе сложнаго, воображеніе болѣе производительное. Его многочисленные литографическіе альбомы и его рисунки углемъ вмѣщаютъ безконечный міръ идей, выраженныхъ образами безконечное разнообразіе чувствъ и предчувствій. Головокружительныя тайны снятыя этому мудрецу и волнуютъ его воображеніе. Невѣдомые міры чудовищъ, въ которыхъ заложено до-человѣческое сознаніе, оживаютъ подъ его карандашомъ и дышать, волнуются, свѣтятся и всегда страдаютъ въ глубокомъ мракѣ непознаваемаго. Неразрѣшимая загадка человѣческой души стоитъ передъ нимъ неотступно: прекрасная женщина вдругъ озаряется таинственно тихимъ свѣтомъ, который льется изъ книги, ею читаемой; страшная пара—мужчина и женщина—изступленная отъ порока, непреклонно идетъ впередъ къ новымъ порокамъ, къ радости преступленія; согбенная фигура, неестественно высокая, изъ свѣта входитъ подъ сводъ беспросвѣтной тьмы пещеры, гдѣ растетъ лишь чахлый тернъ. И ниже къ живущему опускается глазъ художника, невѣдомые цвѣты открываются передъ нимъ. Цвѣтокъ—скорбное человѣческое лицо—поднимается на тонкомъ стеблѣ изъ бездны стоячей воды; папоротникъ зацвѣлъ, круто сгибаемая упругій стебель еще не раскрывшагося листа, и цвѣтъ его—человѣчскій глазъ, который глядитъ и съ восторгомъ, и съ печалью на открывшійся передъ нимъ міръ. И мысли людей воплотились—храмъ стремится въ неестественную высь, ожившій сфинксъ со скорбнымъ женскимъ лицомъ сторожитъ его входъ и съ горькимъ состраданіемъ не допускаетъ въ святилище жестокаго юношу, принесшаго мертвую голову женщины, какъ входную дань... Таковы наудачу взятые изъ сотенъ сюжетовъ рисунковъ Редона. Кажется, что неудержимая фантазія художника хотѣла охватить весь міръ; образы, ее населяющіе, возвышаются надъ всѣмъ, что доступно чувствамъ, живутъ въ области невыразимаго, граничатъ съ музыкой, но корнями своими это искусство питается жизнью, землей, человѣкомъ. Всякое лицо, цѣликомъ вышедшее изъ души артиста, можно найти въ живущихъ, всякое сверхъестественное чудовище могло бы жить и является прототипомъ чего-нибудь живущаго.

Основнымъ мотивомъ этого громаднаго творчества является личное человѣческое страданіе и скорбь человѣка за все страданіе, разлитое въ природѣ.

Въ прибавленіи къ «Art Moderne» Гюисмансъ посвящаетъ Редону двѣ восторженныя, хотя не особенно проникновенныя страницы. Онъ уже не спрашиваетъ, «гдѣ происходитъ эта сцена?» какъ передъ «Бѣднымъ рыбакомъ» Пювиса; онъ захваченъ мощью, жаромъ, жизненностью этого отрѣшенія отъ міра чувственнаго въ искусствѣ, онъ тогда, быть можетъ, понялъ, что не всякій «порывъ безплоденъ», и заканчиваетъ несвойственными ему словами, идущими въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ говорилъ до того времени: «съ нимъ (Редономъ) намъ любо не находить дна и носиться въ грѣзѣ за сто тысячъ верстъ отъ всѣхъ школъ живописи древнихъ и современныхъ».

Непримиримый во всемъ, Гюисмансъ рѣзко сворачиваетъ съ дороги и покидаетъ натурализмъ раньше другихъ молодыхъ учениковъ Золя, отдѣлившись отъ него послѣ появленія въ свѣтъ «La Têgге» знаменитымъ «манифестомъ пяти»¹⁾. Онъ отходитъ отъ круга Золя, знакомится съ Редономъ, съ Маларме, учителемъ и вдохновителемъ молодой символической школы, съ Вилье-де-Лиль-Адамомъ, представителемъ идеалистическаго направленія, который имѣлъ на Гюисманса очень сильное вліяніе, съ поэтами Верленомъ, Рембо, Ле-Блуа, и одновременно входитъ въ сношеніе съ многочисленными оккультическими, спиритическими и вообще мистическими кругами. Съ этого времени творчество Гюисманса получаетъ иную окраску. Онъ какъ будто отходитъ отъ внѣшняго міра и погружается въ самоанализъ. Рядъ послѣдующихъ романовъ—«A Rebours», «En Rade», «La Bas», «En Route»—посвящены исключительно детальному пересмотру его личнаго міровоззрѣнія и анализу переживаемыхъ имъ умственныхъ и нравственныхъ переворотовъ; они могутъ быть скорѣе названы исторіей умственнаго развитія Гюисманса, почти его автобіографіей, чѣмъ романами, за исключеніемъ «En Rade», который, какъ мы увидимъ, занимаетъ особое мѣсто.

¹⁾ Въ августѣ 1887 года въ газетахъ появилось письмо, за подписью ближайшихъ друзей и учениковъ Золя (Guiches, P. Marguerite, L. Descaves, J.-H. Rosny и P. Bonnetain), въ которомъ они высказали свое возмущеніе новымъ романомъ учителя, такъ какъ рядомъ съ отсутствіемъ художественныхъ достоинствъ неприличный тонъ въ этомъ романѣ усилился до невозможнаго, „спустился до такой низкой грязи, что иногда кажется, что имѣешь дѣло со сборникомъ скатологій. Учитель дошелъ до дна мерзости“—такъ заканчивается письмо. „Манифестъ“ этотъ, надѣлавшій въ свое время много шума, имѣетъ значеніе въ исторіи французской беллетристики и обозначаетъ поворотный пунктъ въ сторону идеалистическаго искусства.

III.

Первымъ актомъ новаго періода въ творчествѣ Гюисманса былъ пересмотръ всѣхъ своихъ новыхъ воззрѣній на искусство и литературу и построение алтарей новымъ богамъ. Онъ воплощаетъ себя въ герцога des Esseintes и пишетъ «A Rebours». Романъ этотъ, появившійся въ 1884 году и давшій автору извѣстность, перешедшую за предѣлы Франціи, представляетъ большую аналогію съ «A-au-l'eau». Это также *taedium vitae*, но не человѣка, у котораго въ жизни нѣтъ ничего, кромѣ безцѣльной пошлости, а почти сумасшедшая ненависть ко всему живущему, къ людямъ въ особенности и ко всей современности, съ такой любовью воспѣтой когда-то. Изъ такого настроенія одинъ исходъ: уйти отъ жизни и искать удовольствія въ искусствѣ, далеко отъ жизни, въ красотѣ, составляющей контрастъ съ окружающимъ уродствомъ. Герой романа не жалкій бѣднякъ Фолантенъ, которому некуда уйти изъ сквернаго ресторана иначе какъ въ другой скверный ресторанъ; это знатный, безмѣрно богатый человѣкъ, который по первому желанію можетъ позволить себѣ всякую прихоть. Жизнь дезъ-Ессента не дала ему болѣе отрадныхъ впечатлѣній, чѣмъ жизнь Фолантена. На ступени общественной лѣстницы, на которой онъ родился, люди такъ же пошлы и ничтожны, какъ въ министерствѣ и ресторанахъ бѣднаго Фолантена. Старые аристократы, собиравшіеся по вечерамъ у карточнаго стола, были «существами неподвижными и ничтожными», которые «пережевывали однѣ и тѣ же безцвѣтные рѣчи и сто лѣтъ тому назадъ говорившіяся фразы». Молодые люди, воспитанные въ монашескихъ школахъ, «побѣдоносные тупицы», которые истощили терпѣніе своихъ учителей, удовлетворяли цѣли—дать обществу «послушныхъ и благочестивыхъ» членовъ, но совсѣмъ непривлекательныхъ. Молодежь, воспитанная въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, менѣе лицемерна, болѣе свободна, но столь же неинтересна и узка. Литераторы противны дезъ-Ессенту своей мелочностью, разговорами «пошлыми какъ церковная дверь», неприятными сужденіями о книгахъ, которыя они цѣнятъ по числу выдержанныхъ ими изданій. Люди, свободно мыслящіе, доктринеры буржуазіи казались герцогу жадными и безстыдными «пуританами», требовавшими себѣ свободы для того только, чтобы душить чужія мнѣнія. Женщины, долго привлекавшія его развращенную чувственность, надѣли ему «врожденной женщиной глупостью» въ соединеніи со всѣми другими свойствами, присущими всѣмъ видамъ продажной женщины. «Его презрѣніе къ человѣчеству усилилось; онъ поаялъ, наконецъ, что міръ состоитъ изъ негодяевъ и дураковъ».

Но не только отдѣльные люди, но и все современное общество до того ненавистно, что благородный герцогъ однажды занялся развращеніемъ молодого мальчика бѣдняка, со специальной цѣлью приготовить въ немъ будущаго убійцу. «Я содѣйствовалъ бы по мѣрѣ моихъ силъ,—говоритъ онъ,—созданію мерзавца, лишняго врага этого отвратительнаго общества».

И герцогъ спасается отъ современности и людей, поселившись въ необыкновенномъ домѣ подѣ Парижемъ, гдѣ все приспособлено для того, чтобы оградить владѣльца отъ всякаго дуновенія внѣшняго міра. Дезъ-Ессентъ, ненавистникъ жизни, является антиподомъ стараго Гюисманса. Онъ, проникательный наблюдатель, объявляетъ устами своего героя, что всякое движеніе, всякое сопрікосновеніе съ внѣшнимъ міромъ бесполезно, такъ какъ «воображеніе можетъ свободно замѣнить вульгарную дѣйствительность фактовъ». Въ наше время все естественное поддѣлывается человѣкомъ (вино, напримѣръ), и если перенести «эту ловкую ложь въ міръ интеллекта», можно безъ сомнѣнія, такъ же легко пользоваться «химерическими наслажденіями», какъ и въ матеріальномъ мірѣ. Все дѣло въ томъ, чтобы умѣть достаточно абстрагироваться и быть въ состояніи «подставить грѣзу о дѣйствительности вмѣсто самой дѣйствительности». Склонный къ крайностямъ, какъ Гюисмансъ и, такъ же какъ онъ. неспособный, очевидно, подняться надъ матеріалистическими представленіями, дезъ-Ессентъ идетъ дальше и утверждаетъ: «Природа отжила свое время; она утомила отвратительнымъ однообразіемъ пейзажа и небесъ внимательное терпѣніе утонченныхъ людей». Все, что создала природа, можетъ создать и человѣкъ и не только своимъ воображеніемъ но декорацией — можно сдѣлать лѣсъ, электрическій лунный свѣтъ, скалу изъ картона и т. д. Природа, эта безконечная болтуня, утомила добродушное восхищеніе настоящихъ артистовъ, и настало время замѣнить ее, насколько возможно, искусственностью. Понятно, что при этомъ возрѣніи на отношеніе искусства къ дѣйствительности и на жизнь вкусы дезъ-Ессента въ живописи довольно радикально отличаются отъ прежнихъ вкусовъ Гюисманса. Украшая новый домъ, картинами, дезъ-Ессентъ не покупаетъ ни одного импрессиониста, о чемъ когда-то мечталъ Гюисмансъ. Такъ какъ современная жизнь не привлекла герцога, ему хотѣлось «живописи утонченной, купающейся въ грѣзѣ древности, въ античномъ развращеніи, далекой отъ нашихъ нравовъ, далекой отъ нашихъ дней». Гюставъ Моро, старыя гравюры голландскихъ мастеровъ, Одилонъ Редонъ украшаютъ его стѣны, а не прежніе боги, Дега или Ренуаръ.

Одиночество дѣйствуетъ на дезъ-Ессента какъ «наркотическое

вещество»; онъ не способенъ сосредоточивать вниманіе на чтеніи или на артистическихъ размышленіяхъ и питаетъ свой умъ самимъ собой, какъ животное питается насчетъ своего тѣла въ зимнюю спячку. Тогда онъ смотритъ съ отвращеніемъ и страхомъ, какъ проходятъ передъ нимъ годы его умершей жизни. Пересмотръ прошлаго, безцѣльнаго, пустого, приводитъ его къ пересмотру философскихъ воззрѣній. Всѣ вопросы, забытые во время его пребыванія въ Парижѣ, снова стали передъ нимъ какъ раздражающія проблемы. И ему казалось, что всѣми своими инстинктами онъ стремится къ вѣрѣ, но при малѣйшемъ напряженіи мысли влеченіе это исчезало. Тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ, что его влеченіе къ искусству есть своего рода порывъ къ идеалу, къ невѣдомому вселенной, отдаленному блаженству, желанному какъ блаженство, которое намъ обѣщаетъ Св. Писаніе. Анализируя свое умственное состояніе до конца, онъ приходитъ къ заключенію, что его крайній пессимизмъ, какъ и пессимизмъ Шопенгауэра имѣютъ общую исходную точку съ католицизмомъ, но дальше этого вывода не идетъ. Глава, посвященная описанію этого кризиса, не кончающаяся никакими положительными заключеніями, составляетъ единственный въ своемъ родѣ перлъ по анализу душевнаго состоянія скептика, который стремится вернуться къ вѣрѣ; она интересна и какъ указаніе на связь между мистическимъ настроеніемъ времени, вышедшимъ изъ бесплоднаго пессимизма, и католическими тенденціями.

Несмотря на свой абстрактный характеръ, «А Ребуарс» все же имѣетъ окраску реализма. Дезъ-Ессентъ, помимо своихъ эстетическихъ и интеллектуальныхъ особенностей, представляется читателю невропатомъ, и его физическіе недуги описаны детально, съ медицинской правдой. Взятый какъ типъ реалистическаго романа, онъ—физически, умственно и нравственно больной сынъ вѣка, жертва переутонченія сливокъ современнаго общества, продуктъ вырожденія, человекъ неспособный ни къ какому акту воли. Такъ что дезъ-Ессентъ является въ значительной степени не только провозвѣстникомъ идей Гюйсманса, его умственнымъ двойникомъ, но и представителемъ нѣкоторой части молодежи того времени. Этимъ объясняется очень большой успѣхъ «А Ребуарс». Личность дезъ-Ессента, подобно типу Базарова у Тургенева, съ одной стороны выражала извѣстное общественное теченіе, съ другой же стороны она создавала этотъ самый типъ въ жизни. *Казаться* дезъ-Ессентомъ, чистымъ эстетомъ, надменнымъ отрицателемъ уродливаго демократическаго духа современности, составляло завѣтную мечту «снобовъ» того времени, у которыхъ часто не было не только эстетическаго переутонченія, но даже простаго артистическаго чутья... Литературные и художественные

взгляды дезъ-Ессента имѣли несомнѣнное вліяніе на развитіе французскаго вкуса. Въ значительной мѣрѣ благодаря «A Rebours», большой публикѣ стали извѣстны такіе писатели, какъ Маларме, Верленъ, Вилье и друг. Даже слава Боделера получила большой блескъ, благодаря дезъ-Ессенту. Съ появленіемъ «A Rebours» начинается интересъ молодыхъ литераторовъ къ латинской литературѣ времени паденія и къ изученію католической мистической литературы. Не говоря уже про то, что никто лучше Гюисманса не опредѣлилъ живописи Гюстава Моро, этому послѣднему посвящена въ «A Rebours» одна изъ лучшихъ главъ книги, и хотя мнѣнія Гюисманса, можетъ быть, теперь и не устоятъ противъ болѣе спокойной оцѣнки поколѣнія, далеко ушедшаго отъ импрессионизма, но болѣе красивыхъ строкъ трудно написать про Моро послѣ Гюисманса. Въ свое время онѣ были драгоцѣнны, указывая искусству новый путь.

Но, очевидно, не въ созданіи искусственнаго существованія лежало настоящее рѣшеніе вопроса жизни для Гюисманса, и судьба дезъ-Ессента трагичнѣе судьбы Фолантена.

Для того чтобы жить исключительно въ области искусственности и создать иную дѣйствительность, у дезъ-Ессента не хватило фантазіи и способности къ созерцанію. Попытки «фиктивной жизни», элементы которой онъ черпалъ всегда въ мірѣ матеріальномъ (необыкновенныя растенія, позолоченная и украшенная драгоцѣнными камнями черепаха, опьяняющіе ароматы, необыкновенныя ликеры и т. под.), ища раздраженія притушенной чувственности, окончились не обновленіемъ, а настоящей болѣзнью. Жить, стало быть, внѣ жизни нельзя, къ людямъ надо вернуться. И дезъ-Ессентъ возвращается, бросивъ крикъ отчаянія, трагическій призывъ къ вѣрѣ: «Волны человѣческаго ничтожества поднимаются къ небу, и онѣ поглощаютъ пріютъ мой, плотины котораго я разрушилъ противъ своей же воли. Господи, сжался надъ сомнѣвающимся христіаниномъ, надъ невѣрующимъ, алчущимъ вѣры, надъ каторжникомъ жизни, садящимся на корабль въ ночь, которую не озаряетъ болѣе ни одинъ утѣшительный отблескъ надежды».

IV.

Когда для Гюисманса пала завѣса натурализма, когда въ области сужденій объ искусствѣ онъ нашелъ новый идеалъ, новый критерій, ему самому, какъ художнику, предстояла задача «измѣнить путь», или «сложить руки и стараться спать». Такой попыткой выйти въ творчествѣ на иной путь является его романъ «En Rade».

Общая тенденція романа сходится съ пессимизмомъ «А Ве-
boirs». Гюисмансъ стремится показать ничтожность и бездонную
грязь дѣйствительности, но этой послѣдней онъ противопоставляетъ
не мѣръ искусственности, гдѣ можно наслаждаться какъ бы въ
дѣйствительности, а область сновидѣнія, грѣзы, гдѣ все диаметрально
противоположно реальному. Жакъ Марль, новое воплощеніе
Гюисманса, живетъ съ больной женой въ старомъ, заброшенномъ,
разрушенномъ временемъ и непогодами замкѣ. Тамъ холодно, сыро,
грязно, гнило. Ничто не веселитъ, не радуется глазъ. Кругомъ ни
души, кромѣ жадныхъ, грубыхъ, циничныхъ и вороватыхъ мужи-
ковъ, родственниковъ жены Жака. Онъ спитъ и видитъ сны, и
сны эти, лучшіе продукты его духа, должны составлять контрастъ
своей красотой съ безвыходной грязью дѣйствительности. Весь ро-
манъ состоитъ изъ сценъ безконечной пошлости бодрствованія, ко-
торыя перемежаются съ описаніями сповидѣній. Разказы о снови-
дѣніяхъ являются попыткой создать поэмы въ прозѣ въ чисто-
идеалистическомъ родѣ, и онѣ, по нашему мнѣнію, доказываютъ
неспособность Гюисманса къ этому роду творчества.

Идеалистическое искусство—удѣлъ поэтовъ, первымъ же при-
знакомъ поэтической души всегда было и навсегда останется —
чувство природы, этой первородной матери творчества, какъ бы
далеко оно ни отошло отъ первоисточника вдаль или вглубь. Гюис-
мансъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ оставался въ предѣлахъ
Парижа; его онъ воспѣлъ, въ него онъ проникъ, его онъ понялъ
и навсегда закрѣпилъ въ тысячѣ картинъ. Въ «En Rade» онъ въ
первый разъ очутился не на площади, а въ полѣ, не передъ до-
мами и церквами, а передъ цвѣтами и деревьями, и тутъ онъ без-
силенъ. Старая развалина, конюшня, сѣноваль, устроенный въ по-
луразрушенной часовнѣ, гробницы прежнихъ владѣльцевъ замка
въ заброшенной церкви, мужики и сельскій трактиръ — все это
изображено грубо, по живеть. Природа мертва, молчитъ, сохра-
няетъ лишь внѣшній блескъ красокъ и контуровъ, но не даетъ
читателю ни своего настроенія, ни настроенія смотрѣвшаго на нее
автора. Жакъ видитъ «сумасшедшій садъ, подъемъ деревьевъ, без-
умно высащихся къ небу», и это первое общее впечатлѣніе, чисто
зрительное, ничуть не подтверждается, а охлаждается дальнѣй-
шимъ очень детальнымъ описаніемъ. Авторъ перечисляетъ одичав-
шія и дикія породы растений этого сада, цвѣтъ и форму ихъ *со-
цветій*, и всякое изъ нихъ сравнивается то съ китайской пагодой,
то съ растопленнымъ сахаромъ, то съ англійскимъ пластыремъ...
Въ описаніе этого сада Гюисмансъ, очевидно, желалъ вложить
символическій смыслъ но читателю оно ничего не говоритъ, по-

тому что природа ничего не говорит автору, который вынужденъ сейчасъ же пояснять свою мертвую аллегорію тенденціознымъ разсужденіемъ: Жакъ «меланхолически размышлялъ объ этомъ циничномъ разбойничествѣ природы, которую такъ рабски копируетъ человѣкъ». Однимъ изъ довольно привычныхъ описательныхъ приѣмовъ Гюисманса является сравненіе описываемаго предмета въ природѣ съ другимъ, просто аналогичнымъ. Иногда это бываетъ сказано красиво, но не отдаляетъ читателя отъ чистовнѣшняго аспекта описываемаго, иногда звучитъ, какъ искусственный подборъ словъ, безразлично относящихся къ двумъ сразу возникшимъ представленіямъ, и получается нѣчто вродѣ фотографіи двухъ портретовъ, снятыхъ на одной пластинкѣ. Описывая, напримѣръ, небо, Гюисмансъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Не было ни одной волны, ни одного облака, ни одной складки на этомъ небосклонѣ, который внушалъ образъ твердаго моря, усѣяннаго островками жидкости» (раньше звѣзды сравниваются съ гейзерами); и немедленно послѣ этого сравненія слѣдуетъ рядъ астрономическихъ свѣдѣній о цвѣтѣ различныхъ планетъ, точно эти знанія прибавляютъ что-нибудь къ художественному изображенію ночного неба. Восшедшая на этомъ «твердомъ морѣ» луна сравнивается «съ зіяющимъ колодецемъ... приносящимъ на уровень своего серебрянаго края ведра блѣдныхъ огней». Такихъ примѣровъ можно привести много не только изъ «En Rade», но и изъ послѣдующихъ его произведеній.

Итакъ, природа не вдохновляетъ Гюисманса, онъ мало способенъ къ тому спланиванію съ нею натуръ поэтическихъ, когда природа и душа поэта, сливаясь, даютъ нѣчто отдѣльное и отъ природы, и отъ души художника, — символъ. Если же мы обратимся къ той части его книги, гдѣ онъ даетъ продукты чистой фантазіи — сны Жака — то увидимъ, что тамъ онъ еще болѣе безсиленъ. Онъ, можетъ быть, самъ чувствовалъ свою несостоятельность, у него точно не хватило мужества прямо выступить съ фантастическими разсказами, и онъ застѣнчиво вставилъ ихъ въ натуралистическій романъ, далъ имъ реалистическую санкцію: новизна обстановки, нервное напряженіе Жака могли легко вызвать склонность къ кошмарамъ и снамъ. Въ этихъ снахъ, «гдѣ душа, освобожденная отъ своей жалкой тюрьмы, улетала въ дымныя катакомбы грѣзы», духъ автора не поднимается надъ міромъ матеріальнымъ. Послѣ перваго дня, проведеннаго среди природы, Жакъ видитъ первый сонъ, гдѣ живой природѣ противопоставляется необычайная роскошь искусственности: ему снится дворецъ, поднимающійся къ облакамъ, озера, заключенныя въ мѣдные берега, окружаютъ его; онъ

видитъ залъ съ порфиновымъ поломъ, увитый виноградной лозой изъ металла и всевозможныхъ драгоценныхъ камней; она свѣтится сама собой и освѣщаетъ таинственнымъ свѣтомъ фантастическій дворець. Въ этомъ дворцѣ онъ видитъ библейскую сцену— Эсѣирь, приведенную къ Агасферу. Дворецъ и всѣ дѣйствующія лица сна не являются созданіями фантазіи автора. Всѣ элементы мастерского описанія взяты хотя не изъ дѣйствительности, но изъ видѣннаго, изъ зрительной памяти. Между Эсѣирью и многочисленными Саломеями Гюстава Моро чувствуется близкая связь, и самъ Гюисмансъ, описывая Саломею Моро, говоритъ о ней почти такъ же, какъ о своей Эсѣири. И дворець, и Агасфера можно найти и въ Иродѣ Моро, и въ другихъ его фигурахъ. Тѣмъ не менѣе Гюисмансъ дѣлаетъ новый шагъ въ направленіи идеализма. Ему мало простого воспроизведенія красивой картины, она должна носить символическій характеръ; но онъ такъ мало способенъ чувствовать символическое значеніе образа, что къ своему собственному произведенію обращается съ тѣми же вопросами и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, съ которыми когда-то обращался къ «Бѣдному рыбаку» Пювиса. «Гдѣ, въ какое время, подъ какой широтой, въ какой мѣстности могъ воздвигаться этотъ огромный дворець?»—спрашиваетъ себя Жакъ. И, наконецъ, находитъ, что сонъ его—исторія Эсѣири, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему объясняется и символизмъ «лозы великанши, сестры, по Ною, наготы, тѣлесной и сестры Эсѣири, лозы, что соединилась на спасеніе Израиля, съ прелестью женщины, исторгнувшей торжественное обѣщаніе у опьяненнаго чувственностью царя». Все это ложно, разсудочно, сухо. Символь Гюисманса не созданъ, а логически выведенъ изъ сліянія памяти художественныхъ впечатлѣній и историческаго факта, обобщеннаго, но конкретнаго.

Послѣ цинично-натуралистическаго описанія зловонной, душной конюшни, гдѣ телится корова, слѣдующая глава сразу начинается сномъ, въ которомъ Жакъ путешествуетъ по лунѣ, какъ бы для того, чтобы еще рѣзче выдѣлать контрастъ прямого наблюденія надъ жизнью и ея грязью и кристаллической чистотой интеллектуальнаго созерцанія конкретныхъ вещей. Сонъ о лунѣ менѣе цѣленъ, чѣмъ первый сонъ, онъ слишкомъ часто напоминаетъ страницы Жюля Верна, такъ онъ полонъ астрономическихъ свѣдѣній и деталей, черезчуръ точныхъ для фантастическаго разсказа. Только нѣкоторыя описанія возвышаются до необыкновенной красоты и рельефности; таково описаніе чернаго неба луны, «усѣяннаго звѣздами, которыя горятъ для себя, на мѣстѣ, не распространяя никакого сіянія», или луннаго пейзажа, похожаго на застывшее море,

которое «до безконечности катило свои валы, высокіе, какъ соборы, и молчаливые. Всюду водопады свернувшейся пѣны, обвалы окаменѣлыхъ водъ, безгласныя потоки, все отчаяніе остановленной, однимъ жестомъ анестезированной бури». Но, къ сожалѣнію, авторъ не оставляетъ читателя подъ сильнымъ впечатлѣніемъ въ нѣсколькихъ строчкахъ высѣченнаго описанія,—онъ сейчасъ же ударяется въ научныя гипотезы о причинахъ такихъ явленій на лунѣ и въ рядъ аналогій, взятыхъ изъ медицины, которыми умаляетъ всю силу сказаннаго.

Мистическія вѣянія времени очень сильно чувствуются въ «En Rade» не въ смыслѣ потребности въ вѣрѣ, какъ въ «A Rebours», а въ смыслѣ интереса къ загадочному и его объясненіямъ. Тайственное явленіе сновидѣній удивляетъ Жака, онъ ищетъ разгадки его то въ наукѣ, то въ суевѣрности или мистическихъ теоріяхъ сновидѣнія. Научныя попытки объяснить причины сновидѣній не удовлетворяютъ его, и онъ приходитъ къ заключенію, что «ученые ослѣпъ», какого бы мнѣнія они не придерживались. Онъ спрашиваетъ себя: нѣтъ ли правды «въ столѣтнемъ хламѣ снотолкователей и колдуновъ?» не нужно ли признать «пути Провидѣнія въ безпорядочномъ вихрѣ сновъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ признать «неизбѣжныя посѣщенія инкубовъ и суккубовъ и всѣ отдаленныя гипотезы демонистовъ»? Въ романѣ встрѣчается даже въ первый разъ попытка объяснить нѣкоторыя психологическія явленія, внезапный наплывъ дурныхъ мыслей—«дьявольскимъ внушеніемъ».

Во всякомъ случаѣ, если Гюисманса, подобно герою «En Rade», «интересовали поочередно то доисторическія времена, то теологія, то каббала», если онъ тоже «перерылъ всѣ бібліотеки, истощилъ всѣ картонны»,—онъ, подобно многимъ людямъ того времени, не нашелъ въ этихъ безпокойныхъ поискахъ истины. Наоборотъ, одинъ изъ послѣднихъ сновъ Жака указываетъ на невѣріе въ ея существованіе и на признаніе ея полной относительности. Послѣ цѣлаго ряда кошмаровъ, въ которыхъ можно видѣть намеки на сношеніе съ оккультическими кругами, истина является Жаку въ видѣ «отвратительной корги», и Гюисмансъ посвящаетъ ей слова, полныя горечи обманутаго ожиданія. «Сверхъестественная для однихъ,—говоритъ онъ,—земная для другихъ, она (истина) безразлично сѣяла убѣжденіе въ обѣтованной землѣ возвышенныхъ душъ и въ духовной пустынѣ идіотовъ; она ласкала всякаго, сообразно съ его темпераментомъ, съ его иллюзіями, маніями и возрастомъ, поддаваясь его вождельнѣю увѣренности во всѣхъ позахъ, во всѣхъ видахъ, по выбору».

Между «En Rade» и слѣдующимъ романомъ Гюисманса «La—Vas», который вызвалъ еще болѣйшій интересъ, чѣмъ «A Rebours», и большую сенсацию, прошло три года. Въ теченіе этого времени онъ, кромѣ сборника «Les vieux quartiers de Paris», написанныхъ съ обычнымъ мастерствомъ и любовью къ парижской старинѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь художественнаго критика. Въ «Certains», точно прощаясь съ современнымъ искусствомъ, за которое онъ когда-то такъ горячо боролся, онъ выбираетъ изъ числа живописцевъ «нѣкоторыхъ» и посвящаетъ имъ свое пламенное восхищеніе. Хотя онъ говоритъ, что художественный вкусъ долженъ быть исключителенъ, но въ число избранныхъ попали артисты весьма различныхъ направленій и темпераментовъ—Гюставъ Моро, Уистлеръ и Одилонъ Редонъ съ одной стороны, Дега, Рафаэлли и Сезанъ—съ другой.

Эта противорѣчивость вкуса только видимая. Гюисмансъ разсматриваетъ различныхъ артистовъ сквозь призму своей все болѣе укрѣпляющейся ненависти къ современности и въ этой ненависти находитъ связующее звено между ними. Передавая съ неподражаемымъ искусствомъ впечатлѣніе, вынесенное имъ на выставкѣ акварелей Г. Моро, онъ говоритъ, что любитъ Моро по контрасту: когда глазъ, очарованный красотой образовъ, созданныхъ художникомъ, снова «видѣлъ стыдъ современности — улицу» съ ея омнибусами, мужчинами, которые читаютъ «подлѣя газеты», женщинами, «обезображенными родами и одуренными отвратительнымъ торгомъ», становилось понятно это искусство Моро, «не зависящее отъ времени, убѣгающее въ невѣдомую даль, парящее въ грѣзѣ, вдали отъ омерзительной мысли, выдѣляемой цѣлымъ народомъ». Въ моментъ, когда деньги—«святое святыхъ, передъ которымъ все челоувѣчество ползаетъ на брюхѣ», когда «страна, изуродованная доступной всѣмъ политической дѣятельностью, точитъ гной изъ всѣхъ нарывовъ своихъ народныхъ собраній и прессы», «нѣкоторые люди, фатально заблудившіеся среди ужаса этого времени, мечтаютъ въ сторонѣ, и черноземъ ихъ грѣзы нарождаетъ невѣроятные цвѣты трепещущаго блеска, лихорадочнаго, гордаго аромата, цвѣты грустные!» Вотъ почему въ «позорныхъ Франціяхъ» появляются Боделеры, Флоберы, Гонкуры, Моро, Редоны, Ропсы и друг. существа исключительныя, которыя изъ отвращенія къ настоящему кидаются «въ пропасть прошлыхъ вѣковъ, въ бурное пространство кошмаровъ и грѣзъ». И Дега, исключительно писавшій танцовщицъ и нагихъ женщинъ, находитъ объясненіе своему таланту въ этой теоріи. Такіе артисты, какъ Дега, подчиняются тому же вліянію: «они сосре-

доточиваются, стоять на мѣстѣ и, въ твореніяхъ насмѣшливыхъ или жестокихъ, изображаютъ среду, имъ ненавистную, изображаютъ ея стыдъ и уродство». Уистлеръ и Ропсъ не укладываются въ эти рамки, но зато оба они отвѣчаютъ его мистическому настроенію. Живопись Уистлера переноситъ его въ спиритизмъ; портретъ миссъ Александеръ этого живописца напоминаетъ ему опыты Крукса и матеріализованный духъ Кети Кингъ. Но восторгъ его передъ Ропсомъ безграниченъ, въ немъ онъ видитъ разоблачителя сатанизма, его врага. Дьяволъ, который потомъ всецѣло охватитъ душу Гюисманса, уже показываетъ свои рога...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Баулеръ.

Теодоръ Моммзень *).

19-го октября въ 8³/₄ утра, не приходя въ сознание, безъ страданій скончался Теодоръ Моммзень, за два дня до кончины пораженный ударомъ. Еще наканунѣ удара 86-лѣтній старикъ работалъ надъ новой статьей и, ложась въ постель, читалъ новое собраніе рѣчей своего коллеги по академіи и университету, знаменитаго историка церкви Гарнака. Такъ кончилась длинная, богатая трудами и событіями жизнь.

Всесторонне охарактеризовать Моммзена какъ человѣка, ученаго, писателя и политика, врядъ ли подѣ силу одному лицу. Какъ ученый, Моммзень работалъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ изученія древняго міра: онъ имѣлъ одинаково крупную извѣстность какъ языковѣдъ, палеографъ, эпиграфистъ, нумизматъ, историкъ, юристъ. Не ограничиваясь древней исторіей, онъ издавалъ памятники по исторіи средневѣковой. Какъ писатель-стилистъ, онъ извѣстенъ не только какъ авторъ «Римской исторіи», но и какъ переводчикъ итальянскихъ поэтовъ; онъ выступалъ и какъ оригинальный поэтъ, издавъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Тихо и другомъ Штормомъ сборникъ стиховъ подѣ заглавіемъ «Пѣсни трехъ друзей». Какъ общественный дѣятель Моммзень выступалъ во всѣ серьезные моменты политической жизни Германіи во вторую половину 19-го вѣка. Подробно характеризовать общественную и политическую дѣятельность Моммзена, это значить характеризовать всѣ главнѣйшія теченія германской общественной жизни съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка до нашего времени.

Само собою разумѣется, я и не предполагаю дать сколько-нибудь

---

*) Сообщение, читанное въ засѣданіи Юридическаго Общества при Казанскомъ Университетѣ 1-го ноября 1903 года.

всесторонней характеристики Моммзена. Моя задача заключается лишь въ томъ, чтобы отмѣтить главные моменты его жизни, основныя черты его характера и указать общее значеніе его трудовъ въ исторической наукѣ и въ смежныхъ областяхъ.

Теодоръ Моммзенъ родился 30-го ноября 1817 года, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, въ мѣстечкѣ Гардингѣ, гдѣ его отецъ Іенсъ Моммзенъ былъ діакономъ. Въ какихъ матеріальныхъ условіяхъ началъ свою жизнь маленькій Теодоръ, можно заключить изъ того содержанія, какое получалъ въ это время его отецъ: онъ имѣлъ клочекъ земли въ 9¹/₂ гектаровъ (около 9 десят.) и около 300 руб. денежнаго дохода. Теодоръ былъ старшій сынъ діакона. Положеніе отца стало еще болѣе затруднительнымъ, когда у него въ 1819 г. родился второй сынъ Тихо, позднѣе пріобрѣтшій извѣстность какъ авторъ работъ о Пиндарѣ и о Шекспирѣ. Лишь въ 1821 г. Моммзену-отцу удалось перейти на нѣсколько лучшее мѣсто діакона въ Олдеслоэ (также въ Гольштейнѣ). Но въ томъ же году у него родился третій сынъ, Августъ, — позднѣе авторъ ряда трудовъ по древней хронологіи, — и все увеличивавшіеся расходы не давали возможности Моммзену-отцу улучшить свое матеріальное положеніе. Кромѣ трехъ названныхъ сыновей, у него были еще сынъ и дочь. Этотъ сынъ рано умеръ. Лишь въ 1841 г., когда Теодору было 24 года, 58-лѣтнему его отцу удалось получить первое священническое мѣсто въ Олдеслоэ, которое онъ и занималъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1851 г. Нужно къ этому прибавить, что Моммзену-отцу приходилось еще поддерживать свою престарѣлую мать и сестеръ. Очевидно, что дѣтство Моммзена не могло быть очень богатымъ удовольствіями, говорить его біографъ Фрицъ Іонасъ.

Такія стѣсненныя обстоятельства не помѣшали, однако, богато одаренному и трудолюбивому Моммзену приготовиться къ экзамену и въ 1834 г. поступить въ старшіе классы гимназіи въ Альтонѣ, носившей названіе *Christianeum*. Эта гимназія имѣла своеобразную организацію: ея старшіе классы, такъ называемая *selecta*, имѣли расширенную систему преподаванія, приближавшуюся къ университетской. Центромъ преподаванія были древніе языки, а также философія, реторика, физика, математика, нѣмецкая литература, исторія, французскій, англійскій и датскій языки — послѣдній потому, что Шлезвигъ - Гольштейнъ принадлежалъ въ то время датскому королю.

При гимназіи существовалъ научный кружокъ, организованный

гимназистами. Темы для рефератовъ избирались самими гимназистами и были очень разнообразнаго содержанія. Моммзенъ принималъ въ этомъ собраніи живое участіе. Въ альтонской гимназіи до сихъ поръ сохраняются три доклада Моммзена, имъ собственно написано на темы: 1) Какія требованія слѣдуетъ предъявлять къ хорошей біографіи? 2) Геніи—необходимое зло. 3) Почему чрезмѣрная критика вредна?

Насколько жизненно было поставлено преподаваніе древнихъ языковъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ гимназій, наилучшимъ образомъ видно изъ того факта, что ученики альтонской школы не только не питали отвращенія къ классикамъ и не забрасывали ихъ подальше, отдолбивши заданный имъ урокъ, а добровольно читали въ своемъ фрейнѣ древнихъ авторовъ. Моммзену поручался выборъ писателей для такого совместнаго чтенія. Конечно, такой интересъ учениковъ къ классикамъ объясняется тѣмъ, что преподаваніе сводилось къ живому изученію древней литературы и исторіи, а не къ скрипучему переводу 20—30 строкъ Цицероновой рѣчи, сопровождаемому чисто формальнымъ зазубриваніемъ содержанія этой рѣчи, формулярнаго списка Цицерона, а главнымъ образомъ къ толкованію различій между *igitur* и *itaque*.

Въ 1838 г. 20-лѣтній Моммзенъ покинулъ *Christianeum* и поступилъ въ Кильскій университетъ. Матеріальную возможность къ этому онъ имѣлъ, благодаря стипендіи, полученной имъ при окончаніи гимназіи.

Въ университетѣ Моммзенъ избралъ юридическій факультетъ. Но, будучи на этомъ факультетѣ, онъ обнаруживалъ большой интересъ къ филологическимъ дисциплинамъ. Онъ особенно много работалъ у профессора Яна, ученика Бѣкка (основателя греческой эпиграфики) и Лахмана (извѣстнаго изслѣдователя гомеровскихъ поэмъ). Благодаря Яну, Моммзенъ заинтересовался греческими и латинскими надписями—область, въ которой позднѣе онъ сдѣлалъ такъ много. Другой профессоръ, оказавшій вліяніе на Моммзена, былъ небезызвѣстный юристъ Озенбрюггенъ, начавшій свою ученую карьеру сначала въ качествѣ филолога, а потомъ перешедшій на кафедру римскаго права. Какъ говоритъ уже упомянутый выше біографъ Моммзена, Озенбрюггенъ внушилъ Моммзену пониманіе тѣсной связи, какая существуетъ между изученіемъ древняго права и филологіей. Тѣми успѣхами, какихъ достигъ Моммзенъ въ своихъ трудахъ по римской исторіи и исторіи римскаго права, онъ, конечно, прежде всего обязанъ своему таланту, а потомъ именно пониманію этой связи и одинаковому господству надъ матеріаломъ

и методами филологического, исторического и юридического изслѣдованія.

Но не одна наука интересовала Моммзена во время его пребыванія въ университетѣ. Моммзенъ былъ поэтъ. Въ 1843 г. онъ, какъ уже сказано, вмѣстѣ со своимъ братомъ Тихо и другомъ Штормомъ выпустилъ сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ «Liederbuch dreier Freunde».

Однако и поэзія не заняла энергичнаго и высоко-даровитаго юношу всецѣло. Университетскіе годы Моммзена припѣлись какъ разъ на то время, когда германское общество стало понемногу оживать отъ тяжелой реакціи, наступившей послѣ Вѣнскаго конгресса. Вновь пробуждаются идеи объединенія Германіи и освобожденія нѣмецкаго общества отъ бюрократическаго гнета. Живой и впечатлительный Моммзенъ не могъ оставаться вдалькѣ отъ этого движенія. Особенно трудно было держаться въ сторонѣ отъ освободительныхъ идей нѣмцу, выросшему въ Гольштиніи. Дѣло въ томъ, что положеніе герцогствъ Шлезвига и Гольштейна было въ это время очень странное. Оба они принадлежали датскому королю, но не какъ королю Даніи, а какъ герцогу Шлезвига и Гольштейна, т.-е. унія была чисто личная. Гольштинія входила даже въ составъ германскаго союза. Король Христіанъ былъ бездѣтенъ. Поэтому возникалъ вопросъ о будущей судьбѣ герцогствъ, тѣмъ болѣе, что гольштинскіе законы допускали наслѣдованіе лишь по мужской линіи. Датское правительство мечтало о полномъ сліянніи герцогствъ съ Даніей. Но этотъ планъ встрѣчалъ рѣшительный, ожесточенный протестъ въ громадной части населенія герцогствъ. Дѣло въ томъ, что населеніе Гольштиніи и большей части Шлезвига было чисто нѣмецкимъ и унія съ Даніей была для этого населенія нежелательной. Центромъ нѣмецкой оппозиціи датскому правительству, былъ какъ разъ Кильскій университетъ, въ которомъ находился Моммзенъ. Онъ, не колеблясь, вступилъ въ круги нѣмецкой оппозиціонной молодежи. Вмѣстѣ со своимъ другомъ Штормомъ онъ предпринимаетъ изданіе сборника нѣмецкой народной поэзіи Шлезвига и Гольштейна, — дѣло, непріятное для датскаго правительства. Однако, Моммзену суждено было лишь организовать это изданіе, выполнилъ его уже его новый другъ Мюлленгофъ. Не пришлось Моммзену увидѣть и ближайшихъ событій датско-нѣмецкаго конфликта. Въ 1843 г. онъ сдалъ юридическій государственный экзаменъ и въ томъ же году, 8 ноября, защитилъ докторскую диссертацию.

Тяжелое матеріальное положеніе, въ какомъ Моммзенъ провелъ свое дѣтство, было повидимому причиной того, что онъ кончилъ

университетъ сравнительно поздно—26 лѣтъ. Въ 1844 г. онъ получилъ на 3 года стипендію для поѣздки въ Италію и покинулъ родину.

Здѣсь, въ Италіи, Моммзенъ всѣцѣло отдался наукѣ. Впослѣдствіи онъ безчисленное число разъ посѣщалъ Италію, до мелочей зналъ ея развалины, музеи и библіотеки. Но начало этому знакомству было положено именно въ первую поѣздку. Центромъ его занятій было изученіе римскихъ надписей,—римская эпиграфика, которой онъ заинтересовался еще въ университетѣ подъ вліяніемъ Яна. Такая на первый взглядъ сухая дисциплина положительно увлекла его. И это понятно. Отдѣльная надпись можетъ казаться сухой, скучной и безсодержательной, интересной лишь для ученаго буквоѣда. Но если всѣ эти каменные таблицы съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ,—на которыхъ написаны и законы, и списки магистратовъ, и похвальные надписи государственнымъ и муниципальнымъ дѣятелямъ, и просто надгробныя эпитафіи, и историческія хроники,—если весь этотъ сухой въ его разрозненности матеріалъ соединить вмѣстѣ да освѣтить при помощи литературныхъ и археологическихъ памятниковъ, то камни начинаютъ оживать, изъ-за нихъ смотрятъ на васъ живые люди. Предъ вами встаютъ и историческія личности, и простые обыватели захолустнаго городка; вы можете по иной надписи прослѣдить всю карьеру какого-нибудь римскаго чиновника, слѣдовать за нимъ изъ Африки въ Малую Азію, изъ Азіи въ Галлію,—всюду, куда онъ переходилъ, двигаясь по своей служебной лѣстницѣ. Черезъ посредство надписей вы проникаете въ африканскій поселокъ съ полукрѣпостными крестьянами, видите эксплуатирующихъ ихъ чиновниковъ, видите центральныхъ администраторовъ, пытающихся водворить порядокъ въ эти отношенія. Читая надписи, вы проникаете въ испанскій рудникъ періода Римской имперіи и знакомитесь съ горнорабочими. И много, много можетъ сказать холодный камень тому, кто сумѣетъ его прочитать и истолковать. Въ то время, когда Моммзенъ путешествовалъ по Италіи, разыскивая новыя латинскія надписи, свѣряя съ подлинниками тексты тѣхъ, которыя были неудовлетворительно напечатаны ранѣе,—въ это время большинство греческихъ надписей, тогда извѣстныхъ, было уже собрано, систематизировано и частью напечатано Бѣккомъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи были латинскія надписи. Ими сравнительно мало интересовались. Многія были изданы, но по большей части въ старыхъ, мало доступныхъ сочиненіяхъ, сплошь да рядомъ безъ всякой системы; далеко не всегда текстъ былъ прочитанъ удовлетворительно. Съ планомъ собранія латинскихъ надписей въ это время носился знаменитый итальян-

скій археологъ графъ Бартоломео Боргези; мечтали объ этомъ и члены парижской Академіи Надписей. Та же идея существовала и въ Берлинской Академіи Наукъ, уже прославившейся изданіемъ греческихъ надписей. Особенно ревностно пропагандировалъ эту идею въ Германіи учитель Моммзена профессоръ Янъ.—Вполнѣ естественно поэтому, что, попавъ въ Италію, Моммзенъ сосредоточилъ свою работу какъ разъ на эпиграфикѣ и подготовилъ здѣсь собраніе надписей Неаполитанскаго королевства,—собраніе, которое и было имъ опубликовано позднѣе, въ 1852 г. Это былъ большой фоліантъ въ 500 страницъ, содержащій около 8.000 надписей. Но помимо этого собранія, Моммзенъ, за свое трехлѣтнее пребываніе за границей, написалъ еще около 90 статей и замѣтокъ по вопросамъ эпиграфическимъ и историческимъ. Кромѣ Италіи, онъ успѣлъ побывать еще во Франціи.

Однако пора была подумать о возвращеніи на родину. Въ 1847 г. Моммзенъ опять у себя въ Гольштиніи. Мы видимъ, что онъ попалъ сюда какъ разъ въ очень интересный и въ то же время очень тревожный моментъ: приближался 1848 годъ,—эпоха февральской революціи. Какъ всюду въ Европѣ, это былъ годъ борьбы за свободу среднихъ, а кое-гдѣ и низшихъ классовъ. Въ Германіи дѣло было, однако, сложнѣе; борьба за освобожденіе сочеталась здѣсь съ борьбой за объединеніе. Объединеніе было нужно выросшему среднему классу и потому, что оно представлялось ему средствомъ для устраненія или по крайней мѣрѣ ослабленія множества мелкихъ реакціонныхъ правительствъ, а также и потому, что оно было настоятельно необходимо въ виду экономическихъ потребностей: нужно было для развивавшейся промышленности, для развивавшагося торговаго обмѣна. Стеченіе обстоятельствъ сдѣлало Шлезвигъ-Гольштейнъ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ центровъ нѣмецкаго національнаго движенія: желая освободиться отъ Даніи, здѣшніе нѣмцы, конечно, тяготѣли къ Германскому союзу, и уже теперь здѣсь обозначались симпатіи къ Пруссіи, ибо лишь въ Пруссіи можно было надѣяться найти поддержку противъ Даніи. Въ 1848 г. въ Гольштиніи вспыхиваетъ возстаніе противъ Даніи; оно находитъ себѣ защиту въ германскихъ государствахъ, откуда идутъ сюда и волонтеры, и регулярныя войска. Вмѣшательство великихъ державъ спасло на этотъ разъ Данію. Война погасла, чтобы вспыхнуть вновь въ 1864 г. и кончиться присоединеніемъ обоихъ герцогствъ къ Пруссіи.

И вотъ въ напряженную гольштинскую атмосферу 1847 г. попалъ 30-лѣтній Моммзенъ изъ-за границы. Мы уже достаточно ознакомились съ его характеромъ, чтобы угадать, что онъ не останет-

ся въ сторонѣ отъ общаго движенія. Онъ вступаетъ въ редакцію «Шлезвигъ-Гольштейнской газеты», стоявшей во главѣ оппозиціи противъ датскаго правительства.

Но редакторскую дѣятельность Моммзену скоро пришлось прервать: онъ получилъ приглашеніе на кафедре римскаго права въ Лейпцигъ и такимъ образомъ могъ въ большей степени сосредоточиться на научныхъ занятіяхъ. Онъ готовитъ къ печати вышеупомянутое собраніе латинскихъ надписей Неаполитанскаго королевства, пишетъ множество статей и въ то же время въ 1850 г. заключаетъ контрактъ съ Вейдманновскимъ книгоиздательствомъ относительно изданія «Римской исторіи», которая должна быть научной, но написанной доступно и для не-специалистовъ. Всѣ эти работы были въ полномъ разгарѣ и, вѣроятно, были бы кончены скорѣе, чѣмъ это случилось. Но судьба сулила иное.

Въ Лейпцигѣ Моммзенъ встрѣтился со своимъ прежнимъ учителемъ, теперь коллегой, Яномъ, который изъ Киля перешелъ въ Лейпцигъ. Черезъ Яна онъ завелъ здѣсь, какъ и всюду, обширный кругъ друзей. Это были профессоръ Гауптъ и нѣсколько образованныхъ лейпцигскихъ книгоиздателей и книготорговцевъ. Въ исторіи германской науки есть одна подробность не столь незначительная, какой она кажется съ перваго взгляда. Я имѣю въ виду наличность въ Германіи съ давнихъ поръ сравнительно значительнаго числа серьезно образованныхъ издателей и книгопродавцевъ, изъ которыхъ иные имѣютъ даже университетскія ученые степени. Это обстоятельство ведетъ къ тому, что здѣсь находятъ себѣ издателей цѣнныя сочиненія, которыя въ другой, менѣе культурной странѣ таковыхъ не нашли бы, ибо кажутся малообразованнымъ издателямъ и книгопродавцамъ не заслуживающими вниманія. Благодаря тому же обстоятельству, въ Германіи прекрасно организована книжная торговля. Вотъ въ средѣ такихъ образованныхъ книгоиздателей и своихъ коллегъ-профессоровъ и вращался въ Лейпцигѣ Моммзенъ. Само собою разумѣется, что въ кругу Моммзена рѣчь постоянно обращалась и къ текущимъ бурнымъ политическимъ событіямъ: къ дѣятельности франкфуртскаго парламента, политикъ Пруссіи и Австріи и т. п. Въ маѣ 1849 г. произошли знаменитые майскіе дни въ Дрезденѣ, когда для подавленія вспыхнувшаго здѣсь возстанія саксонскому правительству пришлось обратиться за помощью къ Пруссіи, и прусскія войска вступили въ Дрезденъ. Естественно, что въ сосѣднемъ Лейпцигѣ было много толковъ объ этомъ событіи, здѣсь также было броженіе. Кружокъ Моммзена живо интересовался всѣмъ этимъ. Происходившіе въ кружкѣ разговоры дошли куда слѣдуетъ. Моммзенъ и его друзья Гауптъ и Янъ были, кромѣ

того, членами умеренно-либеральнаго «Нѣмецкаго общества» (Deutscher Verein). Это было имъ также поставлено въ вину тогдашнимъ саксонскимъ правительствомъ, и осенью 1850 г. противъ нихъ былъ начатъ процессъ. Моммзенъ и Гауптъ были приговорены въ первой инстанціи къ продолжительному заключенію въ крѣпости, Янъ былъ оправданъ. Во второй инстанціи приговоръ относительно заключенія въ крѣпости былъ отмѣненъ, но всѣ трое были отрѣшены отъ должностей «для блага университета», какъ гласило распоряженіе правительства, въ виду того, что названные профессора «открыто выражали свою скорбь» (по поводу реакціонныхъ событій) и «подавали плохой примѣръ университетской молодежи».

Понятно, что всѣ эти перипетіи очень неблагоприятно отразились на научной работѣ Моммзена. Печатаніе 1-го тома «Римской исторіи», которое должно было закончиться къ осени 1851 г., пришлось отложить, потому что рукопись не была готова. «Въ кутузкѣ (im Käfig),—писалъ Моммзенъ своему издателю во время процесса, я не напишу никакой «исторіи», во всякомъ случаѣ не напишу такой, какую могъ бы дать вамъ для изданія».

Два года Моммзенъ былъ не у дѣлъ. Его друзья—нѣсколько болѣе. Однако они всѣ вернулись на кафедру, благодаря одной особенности тогдашняго политическаго состоянія Германіи: именно благодаря той самой раздробленности Германіи, изъ-за борьбы съ которой они подверглись суровой карѣ. Благодаря отсутствію политическаго единства въ странахъ, говорившихъ по-нѣмецки, сплошь да рядомъ писатели и ученые, преслѣдуемые правительствомъ одного государства, находили себѣ пріютъ въ другомъ. Это обстоятельство давало возможность нѣмецкой литературѣ и наукѣ не заглухнуть даже въ періоды жесточайшей реакціи. Это же самое обстоятельство выручило изъ бѣды Моммзена и его друзей. Кстати сказать, «бѣда никогда не приходитъ одна»,—Моммзена въ то же время, въ 1851 г., поразилъ новый тяжелый ударъ: умеръ его отецъ. Но скоро въ сумеркахъ явился просвѣтъ: въ 1852 г. Моммзенъ былъ приглашенъ на кафедру римскаго права въ Цюрихъ. Въ 1853 г. Янъ получилъ профессуру въ Баваріи, въ Мюнхенѣ. Гауптъ въ томъ же 1853 г. получилъ мѣсто въ Пруссіи, а именно профессуру въ Берлинскомъ университетѣ.

Въ тихомъ, живописномъ Цюрихѣ Моммзенъ могъ опять приняться за замедлившуюся было научную работу. Онъ пишетъ здѣсь 1-й томъ своей «Римской исторіи» и, конечно, обращается къ своимъ любимымъ надписямъ; онъ составляетъ собраніе римскихъ надписей, найденныхъ въ Швейцаріи. Но пребываніе Моммзена въ Цюрихѣ не продолжительно. Черезъ два года, въ 1854 г., онъ полу-

чаетъ приглашеніе въ Бреславльскій университетъ, и такимъ образомъ попадаетъ въ Пруссію. Можетъ показаться страннымъ, что тогдашнее далеко не либеральное прусское правительство приглашаетъ къ себѣ скомпрометированнаго въ политическомъ отношеніи ученаго. Но то же правительство еще ранѣе пригласило въ Берлинскій Университетъ не менѣе скомпрометированнаго Гаупта. Не нужно забывать, что Моммзенъ и его друзья, будучи убѣжденными либералами, въ то же время всѣ надежды на объединеніе возлагали на Пруссію. Ихъ «прусофильство» и было причиной, почему прусское правительство приняло такъ радушно ихъ,—изгнанниковъ изъ Саксоніи.

Въ Бреславлѣ Моммзенъ завершаетъ и печатаетъ трудъ, доставившій ему мировую извѣстность: въ періодъ времени съ 1854 по 1856 г. выходятъ въ свѣтъ три тома его «Римской исторіи», охватывающіе судьбы римскаго государства съ древнѣйшихъ временъ до 46 г. до Р. Х., т. е. почти до самаго паденія республики. Въ то же время Моммзенъ усиленно работаетъ надъ римскими надписями. Ему удается убѣдить Берлинскую академію наукъ принять его планъ изданія надписей.

Работа надъ *Corpus Inscriptionum Latinarum* дѣлаетъ и для Моммзена, и для Академіи весьма желательнымъ его переселеніе въ Берлинъ. И вотъ въ 1858 г. онъ получаетъ каеэдру въ Берлинскомъ университетѣ и притомъ на этотъ разъ уже не на юридическомъ, а на философскомъ факультетѣ. Кругъ занятій Моммзена сложился за послѣдніе годы такъ, что каеэдра древней исторіи стала представлять для него гораздо болѣе интереса, чѣмъ сравнительно узкая сфера научной дѣятельности на каеэдрѣ римскаго права. Вскорѣ онъ дѣлается членомъ Берлинской Академіи Наукъ. Въ 1874 г. его избираютъ «предсѣдательствующимъ секретаремъ» академіи, и на этомъ посту онъ остается до 90-хъ годовъ, болѣе 20 лѣтъ.

Съ переѣзда въ Берлинъ началась для 40-лѣтняго Моммзена тихая трудовая жизнь. Онъ поселился въ прилегающемъ къ Берлину городкѣ Шарлоттенбургѣ, гдѣ жилъ до самой смерти. Еще ранѣе въ 1854 г. Моммзенъ женился на дочери своего друга книгопродавца Реймера. Казалось бы, Моммзенъ могъ теперь существовать спокойно и отдыхать, занимаясь только наукой. Тѣмъ болѣе это было для него естественно, что его завѣтная мечта видѣть Германію объединенной и самоуправляющейся, мечта, за которую онъ претерпѣлъ такъ много невзгодъ,—наконецъ осуществилась. Германія объединилась, въ ней создались представительныя учрежденія, созданъ обще-германскій рейхстагъ. Но Моммзенъ не

только не думаетъ устраняться отъ общественной дѣятельности,—напротивъ, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ заявляетъ, что «наихудшей ошибкой является въ его глазахъ, если кто-нибудь считаетъ нужнымъ снять съ себя платье гражданина для того, чтобы не скомпрометировать халата ученаго!» Онъ живо слѣдитъ за политикой, за перипетіями борьбы Пруссіи съ Австріей, Германіи съ Франціей. Борьба кончилась. Германія вышла побѣдительницей. Но тутъ возникаетъ множество внутреннихъ вопросовъ, поглощающихъ вниманіе новорожденного рейхстага. И вотъ въ 1873 г. 56-лѣтній Моммзенъ выставляетъ свою кандидатуру на выборахъ. Онъ избранъ. Въ рейхстагѣ онъ остается до 1882 г., сначала примыкая къ національно-либеральной партіи, а потомъ къ одной изъ либеральныхъ фракцій. Центромъ дѣятельности Моммзена въ рейхстагѣ была борьба съ Бисмаркомъ. Бисмаркъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ дорогомъ для Моммзена дѣлѣ объединенія Германіи, и за это Моммзенъ цѣнилъ и уважалъ его. Но теперь тотъ же Бисмаркъ въ объединенной Германіи сталъ ея угнетателемъ. И Моммзенъ смѣло и рѣзко выступаетъ въ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и посланіяхъ къ избирателямъ противъ «абсолютизма Бисмарка», какъ онъ выражался. Отъ природы горячій и саркастическій, Моммзенъ не всегда проявлялъ осторожность въ выборѣ полемическихъ выраженій. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ называлъ дѣятельность Бисмарка сплошнымъ мошенничествомъ. Раздраженный уже давно Моммзеномъ, Бисмаркъ тутъ не стерпѣлъ и привлекъ Моммзена къ суду. Моммзенъ однако былъ оправданъ.

Съ 1883 г. Моммзенъ уже не присутствуетъ въ рейхстагѣ. Но это вовсе не значитъ, что онъ пересталъ принимать живѣйшее участіе въ общественной жизни. Онъ пишетъ, выступаетъ на собраніяхъ всякій разъ, какъ является опасность свободѣ мысли, печати, университетскаго преподаванія. Еще недавно онъ выступилъ съ рѣшительной отвѣдью противъ правительства, назначившаго въ Страсбургскій университетъ противъ воли факультета неизвѣстнаго въ наукѣ молодого человѣка, угоднаго однако министерству своими политическими взглядами.

Тѣмъ не менѣе, центръ тяжести въ дѣятельности Моммзена въ берлинскій 45-лѣтній періодъ его жизни заключается въ его ученыхъ трудахъ. За это время онъ выпускаетъ нѣсколько огромныхъ фоліантовъ *Corpus'a Inscriptionum Latinarum* и руководитъ изданіемъ другихъ томовъ этого монументальнаго предпріятія, обработанныхъ различными учеными, по большей части учениками Моммзена. Въ 1860 г. онъ издаетъ громадное изслѣдованіе о римскомъ монетномъ дѣлѣ. Въ 1864 г. и 1879 г. изданы два тома различныхъ изслѣдованій

по римской исторіи («Römische Forschungen»). Въ 1866—1870 гг. онъ издаетъ по рукописямъ «Дигесты». Въ 1871—1886 гг. онъ выпускаетъ еще монументальный трудъ «Römisches Staatsrecht». Въ 1899 г., уже имѣя 82 г. отъ роду, онъ публикуетъ свое «Римское уголовное право», поражая специалистовъ обширностью собраннаго матеріала и тонкостью анализа. И не далѣе какъ этимъ лѣтомъ была имъ закончена подготовка къ печати, — правда, уже въ сотрудничествѣ съ болѣе молодымъ ученымъ Павломъ Мейеромъ, — новаго изданія Теодосіева кодекса.

Таковы главные моменты 86-лѣтней жизни Теодора Моммзена.

Обращаясь теперь къ его характеристикѣ, я не считаю нужнымъ останавливаться долго на его физиономіи какъ общественнаго дѣятеля. Я думаю, что его главныя черты въ этомъ отношеніи достаточно уже выяснились въ предшествующемъ описаніи его жизни. Мы видѣли, что Моммзенъ, выросшій въ области, которой приходилось бороться противъ чуждаго ей народа, желавшаго ее поглотить, съ юности проникся нѣмецкимъ патріотизмомъ. Его мечта чуть не съ дѣтства, это — объединеніе Германіи и присоединеніе къ Германіи его родины Шлезвигъ-Гольштейна. Если патріотизмъ — свойство похвальное, то нельзя сказать того же о шовинизмѣ. Между тѣмъ приходится признать, что патріотизмъ у Моммзена переходилъ нерѣдко въ узкій націонализмъ, въ шовинизмъ. Если въ его свѣтлой жизни найдутся немногія пятна, то они явились въ результатъ именно его націонализма. Таковы его рѣзкія выходки противъ французовъ во время Франко-Прусской войны (онъ требовалъ бомбардировки Парижа). Такова его грубая выходка противъ чеховъ въ 1897 г. Осуждая Моммзена за это, не слѣдуетъ однако забывать того, что Моммзенъ съ дѣтства лелѣялъ мечту о соединеніи раздробленной, приниженной Германіи, являвшейся до 60-хъ годовъ 19 в. игрушкой другихъ державъ; нужно помнить, что съ юности ему приходилось участвовать въ борьбѣ его маленькой родины противъ чуждаго народа. Понятно, что національное чувство у него, какъ и у большинства нѣмцевъ той эпохи, стало особенно обостреннымъ. Онъ сталъ болѣе, чѣмъ это причисляется къ культурному человѣку, ненавидѣть другія націи, становившіяся на дорогѣ у нѣмцевъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни достоинъ порицанія шовинизмъ Моммзена, онъ лучше шовинизма, возникающаго у народностей господствующихъ, которыхъ никто не тѣснитъ. А у насъ какъ разъ на шовинизмъ Моммзена нападали болѣе всего тѣ органы печати, которые проповѣдуютъ расовое ненавистничество у себя дома.

Моммзенъ былъ сторонникомъ прусской монархіи, ибо онъ

видѣлъ въ ней главную опору для германской объединительной идеи. Исторія показала, что въ этомъ отношеніи Моммзенъ былъ правъ. Въ то же время Моммзенъ былъ либераломъ и демократомъ. Мы видѣли, что онъ боролся съ деспотизмомъ Бисмарка такъ смѣло, какъ немногіе, постоянно навлекая на себя гнѣвъ всемогущаго канцлера. Не для того Моммзенъ мечталъ объ объединеніи Германіи, чтобы вмѣсто многихъ притѣснителей народа посадить одного сильнѣйшаго. И Моммзенъ присоединяется къ тѣмъ, кто идетъ на защиту свободы въ Германіи. Въ то же время Моммзенъ—демократъ. Онъ ненавидитъ юнкеровъ изъ Восточной Пруссіи, высмѣиваетъ ихъ и въ парламентскихъ рѣчахъ, и даже въ «Римской исторіи». Въ послѣднее время онъ примкнулъ къ лицамъ, носящимся съ идеей о союзѣ либеральной партіи съ пролетаріатомъ.

Но все же сколь ни интересенъ Моммзенъ какъ политикъ, сколь ни много силъ тратилъ онъ на эту дѣятельность, — не въ ней причина его славы, и не въ ней главное наслѣдство, оставленное имъ потомству. Его значеніе, конечно, прежде всего въ наукѣ.

Въ 1887 г. его ученикъ Zangemeister къ 70-лѣтнему юбилею учителя написалъ книгу: «Theodor Mommsen als Schriftsteller». Въ этой книгѣ Цангемейстеръ даетъ полную библиографію трудовъ Моммзена, появившихся до 1887 г. И вотъ какія статистическія данныя приводитъ онъ: Моммзенъ за первыя 48 лѣтъ своей писательской дѣятельности успѣлъ напечатать 6824 страницы in folio, 1402 in quarto и 19319 страницъ in octavo и малаго формата. Сюда включены и громадные томы *Corpus'a Inscriptionum*, и безчисленное множество мелкихъ статей и статейекъ. Послѣ 1887 г. Моммзенъ продолжалъ писать еще 16 лѣтъ. Но, конечно, дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ написаннаго. Важно то, что всѣ крупныя, ровно какъ и многіе изъ мелкихъ трудовъ Моммзена пролагаютъ новые пути въ наукѣ.

Изъ числа его трудовъ прежде всего слѣдуетъ назвать «Римскую исторію». Какъ мы уже сказали, 1-е изданіе трехъ первыхъ томовъ вышло въ 1854—56 г. Эти три тома выдержали 8 изданій. Къ печати подготовлялся 4-й томъ, долженствовавшій содержать исторію Римской имперіи. Но въ 70-хъ годахъ пожаръ уничтожилъ бібліотеку Моммзена и много рукописей. Въ числѣ ихъ сгорѣла и рукопись 4-го тома. Такъ 4-й томъ и не былъ выпущенъ въ свѣтъ. Однако въ 1885 г. почти 70-лѣтній ученый выпускаетъ 5-й томъ Римской исторіи, содержащій исторію римскихъ провинцій въ императорскій періодъ. Этотъ томъ выдержалъ 4 изданія. «Римская исторія» Моммзена переведена на языки: русскій, французскій,

англійскій, итальянскій, испанскій и польскій, и нѣкоторые переводы выдержали по нѣскольку изданій.

Чѣмъ же обусловленъ этотъ успѣхъ?

«Римская исторія» Моммзена имѣетъ громадное научное значеніе. Прежде всего, это—первое по времени всестороннее изображеніе исторіи Римской республики, основанное на критическомъ изученіи источниковъ. Правда, въ критикѣ источниковъ Моммзенъ имѣлъ предшественниковъ, Нибура и Шwegлера. Нибуръ показалъ недостовѣрность многихъ традиціонныхъ данныхъ о древнѣйшей исторіи Рима; онъ доказалъ, что въ основѣ этихъ данныхъ лежатъ не письменныя извѣстія, а легендарныя свѣдѣнія, почерпнутыя, по его мнѣнію, изъ народной поэзіи. Однако детальнаго разбора легендъ Нибуръ не успѣлъ сдѣлать. Да и изложеніе римской исторіи онъ не успѣлъ довести до конца. По оставленнымъ имъ рукописямъ изложеніе было доведено до первой Пунической войны. Для позднѣйшихъ періодовъ существуетъ лишь краткій очеркъ, принадлежащій перу Нибура. Будучи силенъ въ критикѣ, Нибуръ часто очень произволенъ въ реконструкціи римской исторіи. Дѣло Нибура продолжалъ Шwegлеръ, сочиненіе котораго вышло одновременно съ сочиненіемъ Моммзена. Шwegлеръ далъ не только болѣе детальный анализъ римскихъ преданій,—онъ далъ и болѣе правильное объясненіе происхожденія этихъ преданій. Не народная поэзія легла въ основу этихъ легендъ, какъ думалъ Нибуръ; нѣтъ, по мнѣнію Шwegлера, легенды суть созданія позднѣйшихъ римлянъ, продуктъ ихъ умственной работы, вызванной желаніемъ объяснить происхожденіе различныхъ учреждений, географическихъ названій, этнографическихъ группировокъ. Однако и Шwegлеръ остановился въ своемъ анализѣ и въ восстановленіи истиннаго хода римской исторіи на полпути. Во-первыхъ, онъ успѣлъ довести изложеніе лишь до децемвирата; по рукописямъ, уже послѣ его смерти, изложеніе доведено было до Лициніевыхъ законовъ, т.-е. Шwegлера въ этомъ отношеніи постигла судьба Нибура. Но мало того: въ критикѣ традиціи Шwegлеръ часто слишкомъ остороженъ,—онъ часто не рѣшается сказать послѣднее слово и окончательно отвергнуть традицію. Трудъ Моммзена, явившійся одновременно, затмилъ работу Шwegлера. Моммзенъ, какъ мы уже сказали, первый изъ критическихъ историковъ охватилъ въ своемъ изложеніи всю исторію Римской республики. Критическую часть его работы можно оцѣнить, лишь беря «Римскую исторію» въ связи съ его безчисленными специальными статьями, въ особенности съ упомянутыми выше «Römische Forschungen». Дѣло въ томъ, что, предназначая «Римскую исторію» для большой публики, Моммзенъ почти вовсе отказался здѣсь отъ ученаго аппа-

рата: детальнаго разбора источниковъ, полемики съ другими изслѣдователями. Этотъ аппаратъ нужно искать въ его специальныхъ статьяхъ. Въ критикѣ римской традиціи Моммзенъ идетъ гораздо дальше Шwegлера. Это видно хотя бы даже изъ такого примѣра. У Шwegлера исторія царскаго періода занимаетъ объемистый томъ въ 800 страницъ; отрицая подлинность Ромула и Нумы, Шwegлеръ признаетъ существованіе Анка Марція, Тулла Гостилія и допускаетъ истинность очень многихъ традиціонныхъ легендъ о позднѣйшихъ царяхъ. Моммзенъ рѣшительно отвергъ эти легенды. Въ его сочиненіи исторія царскаго періода отсутствуетъ вообще, и послѣ него уже почти ни одинъ историкъ не рѣшается отстаивать истинность этихъ легендъ. Зато вмѣсто традиціи Моммзенъ для реконструкціи древнѣйшей исторіи Рима прибѣгаетъ къ другимъ, косвеннымъ, но болѣе правильнымъ приемамъ, которые до него почти игнорировались, а теперь приняты для выясненія древнѣйшей исторіи любого народа. Мы имѣемъ въ виду данныя сравнительнаго языковѣдѣнія, археологіи и т. п. Отправляясь отъ результатовъ работы Моммзена, позднѣйшіе историки Рима (Низе, Паисъ) идутъ въ критической работѣ далѣе него. Паисъ, напримѣръ, считаетъ возможнымъ сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о Римѣ искать не ранѣе эпохи децемвировъ, а болѣе связанное изложеніе не считаетъ возможнымъ начинать ранѣе Пирра. Однако отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ критическихъ изслѣдованій является всегда работа Моммзена. Но Моммзенъ не удовлетворился разрушеніемъ традиціи. Подобно Шwegлеру, онъ хочетъ показать, какимъ образомъ возникла традиціонная исторія. И тутъ онъ вноситъ очень много новыхъ интересныхъ данныхъ. Большинство сагъ и легендъ Моммзенъ, подобно Шwegлеру, считаетъ продуктомъ позднѣйшей умственной работы народа. Но онъ вводитъ въ анализъ новый элементъ: онъ показываетъ какъ позднѣйшія политическія событія, преимущественно II-го и I-го вв. до Р. Х., вліяли на римскую историографію и какъ легендарная исторія пріобрѣтала извѣстную тенденціозную политическую окраску. Такъ, наприм., онъ показываетъ, какъ въ римской историографіи подъ вліяніемъ борьбы партій въ эпоху Гракховъ складываются рассказы о древнѣйшихъ, можетъ быть, никогда не существовавшихъ демагогахъ и т. п.

Не только въ анализѣ традиціи и возстановленіи истиннаго хода древнѣйшей исторіи Рима—заслуга Моммзена. Онъ первый даетъ *всестороннее* изображеніе эволюціи римскаго общества. Такого цѣльнаго изображенія не существовало до него. Не только политическая исторія Рима дана у него: мы находимъ здѣсь подробное изображеніе экономической, соціальной и культурной жизни насе-

ленія римскаго государства. Далѣе, Моммзенъ большое вниманіе обращаетъ на исторію римскихъ провинцій, которыя до него почти игнорировались, а послѣ него стали центральнымъ пунктомъ въ изслѣдованіяхъ по исторіи позднѣйшей республики и имперіи. И это—совершенно правильная точка зрѣнія: чѣмъ дольше существовало обширное государство, тѣмъ болѣе экономическая и культурная жизнь перемѣщались изъ Рима въ провинціи; здѣсь, въ провинціяхъ, готовились всѣ важнѣйшія перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ римской монархіи.

Интересъ къ деталямъ экономической жизни общества, къ подробностямъ общественной жизни римскихъ провинцій у Моммзена не является случайнымъ. Онъ коренится въ томъ пониманіи историческаго значенія мелкихъ и на первый взглядъ часто незначительныхъ фактовъ, какое Моммзенъ постоянно проявлялъ. Привѣтствуя Шмоллера при его вступленіи въ академію наукъ, Моммзенъ между прочимъ высказалъ слѣдующее: «Отдѣльный фактъ, который вы изучаете, нерѣдко представляется ничтожнымъ по своему значенію; результатъ же сцѣпленія такихъ фактовъ имѣетъ для исторіи часто больше значенія, чѣмъ битвы народовъ и государственныя отношенія. Вы должны систематически выводить цѣлое и крупное изъ мелкаго и часто незначительнаго». Но при такой микроскопичности изслѣдованія тѣмъ большее значеніе, по мнѣнію Моммзена, имѣетъ пластичность изложенія. «Если пластика изложенія,—продолжаетъ Моммзенъ въ той же рѣчи,—вообще дѣлаетъ историка, то здѣсь (въ изученіи экономическихъ отношеній) ей болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, приходится бороться съ мелочнымъ и часто разрозненнымъ матеріаломъ».

Очень цѣнна послѣдняя часть исторіи республики у Моммзена. Въ газетныхъ статьяхъ по поводу смерти Моммзена всего больше обращалось вниманіе на симпатіи и антипатіи Моммзена къ римскимъ государственнымъ дѣятелямъ этого періода. Но какъ ни блестящи эти характеристики личностей, не въ нихъ цѣнность даннаго отдѣла «Римской исторіи». Моммзенъ показываетъ здѣсь, какъ общія причины готовятъ превращеніе старой республиканской организаціи государства-города въ новую обще-имперскую организацію, какъ постепенно отживаютъ старыя учрежденія и вырастаютъ новыя. Этотъ анализъ продолженъ въ томъ томѣ его *Römisches Staatsrecht*, который посвященъ учрежденіямъ ранней имперіи, т.-е. принципату. Этотъ томъ является необходимымъ дополненіемъ къ *Römische Geschichte*, такъ какъ соотвѣтствующій томъ *Römische Geschichte* не появлялся. Мы видимъ здѣсь, какъ долго держатся остатки старыхъ республиканскихъ учрежденій даже въ уже установившейся имперіи.

Само собою разумѣется, что не чужды «Римской исторіи» Моммзена и нѣкоторые недостатки. Я уже указывалъ на то, что позднѣйшіе изслѣдователи пошли дальше Моммзена въ критикѣ традиціи, но я отмѣтилъ также и то, что въ этой дальнѣйшей работѣ они отправляются отъ результатовъ работы Моммзена. Нѣсколько существеннѣе другой недостатокъ Моммзена: это его субъективизмъ въ характеристикѣ личностей позднѣйшей республики. Онъ въ этомъ отношеніи рѣзко различается отъ объективной школы Ранке. Историческое міросозерцаніе Ранке выработалось въ подавленное время реакціи. Ранке и его послѣдователи—кабинетные ученые; они дали очень много для возстановленія фактовъ прошлаго, но, далекіе отъ жизни, не всегда достаточно реально представляли прошлое и недостаточно глубоко анализировали историческій процессъ. Моммзень, наоборотъ, выросъ и сложился въ бурное время 40-хъ годовъ. Живой интересъ къ современности у него при живости темперамента невольно переносился и на далекія времена римской республики. Анализируя факты прошлаго, онъ сравнивалъ ихъ съ настоящимъ и переносилъ далеко назадъ свои современные симпатіи и антипатіи. Всѣмъ извѣстно его сочувствіе Цезарю и несочувствіе Помпею, Цицерону, Катону. Въ Цезарѣ Моммзень видѣлъ такую же сильную власть, какая, по его мнѣнію, нужна была и для объединенія Германіи. Въ то же время онъ высоко цѣнилъ широкіе демократическіе планы Цезаря, сравнивая ихъ съ классовою исключительностью Цицерона и Помпея. Тѣмъ не менѣе этотъ субъективизмъ Моммзена врядъ ли заслуживаетъ похвалы, хотя онъ является причиною того, что послѣднія главы 3-го тома читаются съ такимъ захватывающимъ интересомъ. Но я уже указалъ, что при названномъ недостаткѣ эти главы труда Моммзена представляютъ громадную научную цѣнность: не въ характеристикѣ личностей тутъ главное дѣло. Важно то, что въ этихъ главахъ Моммзень обнаружилъ живое пониманіе прошлаго и далъ тонкій анализъ общихъ причинъ паденія республики.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о значеніи его другого обширнаго труда «Римское государственное право» (*Römisches Staatsrecht*). О цѣнности тома, посвященнаго принцепату, я уже говорилъ. Вообще же разсматриваемое сочиненіе является первой попыткой дать систематическое собраніе самаго разнообразнаго матеріала, относящагося къ исторіи римскихъ государственныхъ учреждений (здѣсь впервые привлеченъ въ большомъ размѣрѣ эпиграфическій матеріалъ), и въ то же время представить систему римскихъ государственныхъ учреждений съ точки зрѣнія опредѣленныхъ юридическихъ принциповъ. До Моммзена этотъ отдѣлъ исторіи рим-

скаго права представлялъ не что иное, какъ извлеченіе изъ такъ называемыхъ римскихъ государственныхъ древностей, не объединенное никакими общими принципами и имѣющее лишь значеніе для справокъ. Само собою разумѣется, что были цѣнные изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ въ родѣ работъ Рубино о патриціяхъ и плебейхъ, Савиньи о колонатѣ, но систематическое изложеніе римскаго государственнаго права еще предстояло сдѣлать. Моммзенъ и произвелъ эту работу. Въ настоящее время и это сочиненіе тоже вызываетъ критическое къ себѣ отношеніе. Главнымъ образомъ Моммзена упрекаютъ за излишнюю юридическую схематизацію матеріала, за перенесеніе въ древнее время позднѣйшихъ юридическихъ понятій; далѣе, за попытку дать единую юридическую конструкцію для явленій, охватывающихъ громадный періодъ времени и отнюдь не укладывающихся въ рамки узкой юридической схемы. Но критика теоріи Моммзена возможна лишь потому, что самъ Моммзенъ собралъ громадный фактическій матеріалъ и привелъ его въ систему. Критика его теорій необходима, но нужно не забывать, что критики Моммзена оперируютъ съ матеріаломъ, собраннымъ, истолкованнымъ и систематизированнымъ самимъ Моммзеномъ. Безъ труда, подобнаго труду Моммзена, не была бы возможна и дальнѣйшая работа въ изученіи римскаго государственнаго права.

Я уже говорилъ о значеніи Моммзена въ изданіи «Corpus'a» латинскихъ надписей. Эта работа продолжалась подъ его руководствомъ до послѣдняго времени. Множество римскихъ надписей собрано (ихъ болѣе 100 тысячъ). Вновь находимыя публикуются въ особомъ органѣ, который редактировалъ Моммзенъ, «Ephemericis Epigraphica.» До сихъ поръ вышло 15 томовъ in folio и къ нимъ много дополненій; нѣкоторые томы сплошь написаны Моммзеномъ, другіе изданы подъ его руководствомъ. Изданіе «Corpus'a» латинскихъ надписей стало образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ изданій, благодаря плану, положенному въ его основу Моммзеномъ и строго выполненному имъ и его сотрудниками. Въ основу этого плана положены слѣдующіе принципы: во-первыхъ, тщательнѣйшая провѣрка текста надписи по оригиналу или, въ случаѣ утраты оригинала, по всѣмъ существующимъ копіямъ (эта провѣрка требовала посѣщенія всевозможныхъ библиотекъ, музеевъ и заолустныхъ деревень); далѣе точное указаніе происхожденія надписи, времени и мѣста ея находенія, всѣхъ ея предшествующихъ изданій, строго географическая группировка надписей, что значительно облегчаетъ пользованіе ими (отступленія отъ географическаго принципа очень немногочисленны и всегда мотивированы). Громадное значеніе въ

монументальномъ изданіи имѣютъ подробные, тщательнѣйшимъ образомъ составленные многочисленные указатели. Многія надписи снабжены подробными комментаріями, которые у самого Моммзена часто превращались въ обширныя изслѣдованія (*Res gestae Divi Augusti*; *Edictum Diocletiani de pretiis*). Если до Моммзена успѣшность изданія латинскихъ надписей была значительно хуже успѣшности изданія греческихъ, то теперь дѣла обстоятъ иначе: собраніе греческихъ надписей уступаетъ собранію латинскихъ по полнотѣ, а иногда и по тщательности.

Я не останавливаюсь на другихъ трудахъ Моммзена, менѣе интересныхъ для не-специалистовъ, но незамѣнимыхъ для лицъ, занимающихся этими вопросами: такова его «Исторія римскаго монетнаго дѣла», представляющая не только внѣшнюю исторію римской денежной системы, но и дающая много цѣнныхъ свѣдѣній по экономической исторіи Рима; таково его «Римское уголовное право» (*Römisches Strafrecht*); таковы его филологическія изслѣдованія италійскихъ діалектовъ, изданія средневѣковыхъ хроникъ Кассіодора и Иордана и многое, многое другое. Показать значеніе научной дѣятельности Моммзена возможно лишь для соединенныхъ силъ многихъ специалистовъ. До глубокой старости Моммзенъ сохранилъ сравнительно рѣдкую у стариковъ способность интересоваться новыми теченіями въ наукѣ. Такъ, когда въ 80-хъ и 90-хъ годахъ были сдѣланы поразительныя открытія греческихъ папирусовъ въ Египтѣ, Моммзенъ живо заинтересовался новой дисциплиной (папирологіей) и посвятилъ этимъ документамъ не мало цѣнныхъ статей, сплошь да рядомъ поражающихъ читателя тонкостью анализа и блескомъ комбинацій (такова, напр., его статья о денежномъ обращеніи въ римскомъ Египтѣ, написанная всего три года назадъ). Одинъ изъ первыхъ эллинистовъ нашего времени, лучшій знатокъ греческихъ папирусовъ въ Германіи, Вилькенъ открыто заявляетъ, что къ изученію папирусовъ его направилъ Моммзенъ.

Какъ лекторъ, Моммзенъ не имѣлъ шумнаго успѣха. Его лекціи были слишкомъ спеціальны, чтобы привлекать толпы слушателей. Притомъ стиль его былъ лучше въ письмѣ, чѣмъ въ устной рѣчи. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ участь другого великаго нѣмецкаго историка 19-го вѣка — Ранке. Но это обстоятельство столь же мало помѣшало Моммзену занять первое мѣсто среди университетскихъ преподавателей, сколь мало оно помѣшало сдѣлать то же и Ранке. Но сила и Моммзена, и Ранке, какъ преподавателей, была не столько въ ихъ лекціяхъ, сколько въ практическихъ занятіяхъ, которыя они вели съ своими слушателями. Здѣсь слушатели были очевидцами кабинетной работы ихъ великихъ учителей;

здѣсь они учились методамъ изслѣдованія. И какъ Ранке, такъ и Моммзенъ, не будучи блестящими лекторами, создали цѣлыя школы изслѣдователей, насчитывающія не мало очень громкихъ именъ.

Я думаю, что кратко личность покойнаго Моммзена можно охарактеризовать такъ: это былъ *человѣкъ труда*. Природа богато одарила его, онъ же употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы дары природы не пропали втунѣ. Результаты его дѣятельности получились поистинѣ изумительные.

Это былъ *человѣкъ убѣжденія*. Кое-что въ его взглядахъ можно подвергать справедливой критикѣ. Но и враги этого выдающагося челоуѣка должны признать, что онъ въ теченіе своей долгой жизни готовъ былъ претерпѣть всякія невзгоды, лишь бы не поступиться своими убѣжденіями.

М. Хвостовъ.

Фотогип. П. П. Павлова.

THEODOR MOMMSEN.

Хроника науки, искусства и литературы.

Астрономическія извѣстія. *Поглощеніе свѣтовыхъ лучей въ кометѣ.* Кометное вещество представляется обыкновенно въ такомъ разрѣженномъ состояніи, что никакого поглощенія и отклоненія лучей, идущихъ отъ звѣзды черезъ хвостъ кометы и даже голову, не замѣчается. Всѣ спеціальныя измѣренія, которыя были предприняты въ тѣхъ случаяхъ, когда комета покрывала болѣе или менѣе яркую звѣзду, приводили къ отрицательному результату. Только въ текущемъ году проф. Вольфу въ Гейдельбергѣ удалось подмѣтить нѣчто особенное. Онъ фотографировалъ приблизительно одновременно съ помощью двухъ свѣтосильныхъ объективовъ комету Боррелли (1903 с.). 25 іюня (н. ст.) комета проходила мимо звѣзды $6\frac{1}{2}$ величины, которая въ Боннскомъ каталогѣ Аргеландера стоитъ подъ номеромъ $63^{\circ}, 1056$. Экспозиція продолжалась для того и другого объектива по часу (для одного $10^h 12^m 6$ — $11^h 12^m 6$, для другого $10^h 27^m 6$ — $11^h 27^m 6$). За это время комета прошла значительную дугу, и звѣзда на фотографическихъ пластинкахъ оказалась въ видѣ длинныхъ штриховъ, пересѣкающихъ голову кометы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ центра къ окружности. На обоихъ снимкахъ внѣшнія части этихъ штриховъ вышли гораздо шире, чѣмъ тѣ, которыя покрыты кометой. Ясно, что при прохожденіи лучей черезъ голову кометы произошло значительное поглощеніе. Но слабенькая звѣздочка, которую покрывала комета болѣе центрально, представилась тонкими штрихами, равными на всемъ ихъ протяженіи, т.-е. безъ всякаго поглощенія. Послѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ опытовъ проф. Вольфъ рѣшился для объясненія противорѣчія предположить, что въ кометѣ Боррелли имѣло мѣсто избирательное поглощеніе, т.-е. изъ того пучка лучей, который посылаетъ намъ звѣзда, кометой поглощались только нѣкоторые.

Расширеніе изображенія звѣзды или слѣда ея на фотографической пластинкѣ, по мнѣнію проф. Вольфа, нужно приписать дѣйствию тѣхъ лучей, которые остаются въ секундарномъ спектрѣ, которые не сводятся объективомъ въ одну точку вмѣстѣ съ другими. Зная, для какихъ лучей шлифованы объективы, проф. Вольфъ прямо заявляетъ, что комета Боррелли могла поглощать только лучи спектра, лежащіе вѣдъ линій F и G.

Избирательное поглощеніе указываетъ на то, что оно производится газами, которые, очевидно, выбрасываются изъ ядра въ оболочку. По-

глошение, главнымъ образомъ, имѣло мѣсто въ юго-восточной части оболочки, примыкающей къ хвосту. Но отклоненія лучей, какой-либо рефракціи и въ кометѣ Борелли замѣчено не было.

Леониды въ 1903 году. Ожидавшійся въ 1899 и 1900 гг. звѣздный дождь леонидъ, какъ извѣстно, не наблюдался. Въ эти годы, равно какъ и слѣдующіе, отмѣчено было только нѣсколько слабыхъ метеоровъ, которые ничѣмъ не напоминали блестящихъ явленій 1833 и 1866 года. Зато совершенно неожиданно показался богатый потокъ въ 1903 г. Англійскій астрономъ Деннингъ пишетъ, что ему пришлось быть свидѣтелемъ интереснаго явленія въ ночь съ 15 на 16 ноября н. ст. Начиная съ полночи, число метеоровъ прогрессивно увеличивалось отъ 16 до 140 въ часъ. Между 5 час. 30 мин. и 5 час. 45 мин. ихъ замѣчено 42, т.-е. по 3 въ среднемъ въ минуту. Быть можетъ, потокъ усиливался и дальше, но, къ сожалѣнію, заря уже вступила въ свои права. Среди наблюдавшихся метеоровъ было очень много яркихъ, равныхъ по блеску звѣздамъ первой величины, Юпитеру и даже Венерѣ. Площадь радіаціи имѣла 6—7 градусовъ въ діаметрѣ, ея центръ опредѣляется координатами: $\alpha = 151^\circ$ и $\delta = +22^\circ$.

То же явленіе посчастливилось наблюдать и Вейнеку въ Прагѣ, хотя и не въ такой полнотѣ. Въ ночь на 16 ноября небо въ Прагѣ было покрыто облаками. Только около 5 час. утра оно нѣсколько расчистилось. Вейнекъ нанесъ на карту нѣсколько метеоровъ, среди которыхъ также нѣкоторые были очень ярки. Къ сожалѣнію, между 5 час. 34 мин. и 6 час., когда по наблюденіямъ Деннинга пролетѣло наибольшее число метеоровъ, Вейнекъ оставался на своемъ наблюдательномъ посту только 4 минуты.

Покрытіе Юпитеромъ звѣзды 6¹/₂-ой величины. Наблюдая 18 сентября н. ст. затменіе спутника Юпитера, студентъ Варшавскаго университета Банахевичъ замѣтилъ около планеты вмѣстѣ съ тремя спутниками, которые по календарю должны были быть въ то время видимы, еще звѣзду, равную по яркости четвертому спутнику. Она находилась на пути движенія Юпитера и, какъ оказалось по расчету, сдѣланному г. Банахевичемъ, должна была 19 числа вечеромъ оказаться за Юпитеромъ. Г. Банахевичъ извѣстилъ объ этомъ редакцію журнала „*Astronomische Nachrichten*“, которая и разослала телеграммы по всѣмъ обсерваторіямъ. Къ сожалѣнію, для многихъ извѣстіе оказалось запоздавшимъ, но на нѣкоторыхъ обсерваторіяхъ все-таки удалось пронаблюдать рѣдкое явленіе полностью. Проф. Кенигсбергскаго университета г. Струве уже сопоставилъ свои наблюденія съ тѣми, которыя были опубликованы, и вычислилъ положеніе Юпитера для момента соединенія со звѣздой. Оказалось, что тѣ данныя, которыя приводятся въ „*Berliner Astron. Jahrbuch*“, требуютъ поправки для прямого восхожденія + 0.10 секунды времени и для склоненія + 1.2 секунды дуги.

Вслѣдствіе густой атмосферы Юпитера, захожденіе звѣзды за корпусъ планеты и выходеніе ея изъ-за корпуса не могло представлять моментальныхъ явленій, какъ при покрытіяхъ звѣздъ луной. При наибольшѣ тщательныхъ наблюденіяхъ съ большими трубами и сильными увеличеніями оказались сомнѣнія въ отмѣчныхъ моментахъ до 10 секундъ. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, могло оказать вліяніе и увеличеніе яркости поля зрѣнія по мѣрѣ приближенія къ диску планеты.

К. Покровскій.

Нѣкоторые мысли о періодическомъ законѣ элементовъ.

(Рѣчь Вилліама Рамзая, произнесенная на 75 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Кассель*)).

Каждому химику извѣстно, что, если расположить атомные вѣса по ихъ величинамъ, элементы, обладающіе нѣкоторымъ сходствомъ въ физическомъ или химическомъ отношеніи, группируются въ опредѣленные классы. Джонъ Ньюландсъ (Newlands), сдѣлавшій въ 1863 г. первую попытку такой группировки, раздѣлилъ элементы на семь группъ; и такъ какъ каждый восьмой элементъ по своимъ свойствамъ оказывался болѣе или менѣе сходнымъ съ предыдущими и послѣдующими элементами, то Ньюландсъ назвалъ найденное имъ соотношеніе закономъ октавъ—„the Law of Octaves“. Вскорѣ послѣ того Д. И. Менделѣевъ и Лотаръ Мейеръ независимо другъ отъ друга развили далѣе ту же идею; и, несмотря на свое несовершенство, такъ-называемый періодическій законъ занялъ прочное мѣсто въ наукѣ, какъ наилучшій, хотя и не единственный методъ классификаціи элементовъ.

Мнѣ нечего напоминать вамъ о томъ, какъ открытіе галлія, германія и другихъ элементовъ заполнило различныя пробѣлы въ системѣ элементовъ; эти открытія составляютъ рядъ триумфовъ высокоталантливаго Менделѣева. Я хотѣлъ бы, съ своей стороны, обратить ваше вниманіе на тѣ стороны, которыя еще не выяснены въ этомъ вопросѣ; эта задача привлекаетъ насъ болѣе, чѣмъ экскурсія въ завоеванныя уже области науки.

Всѣ попытки найти какія бы то ни было числовыя правильности въ порядкѣ атомныхъ вѣсовъ окончились неудачей. Во всѣхъ случаяхъ отклоненія оказались слишкомъ значительными. Для подтвержденія достаточно будетъ привести нѣкоторыя числовыя данныя. Возьмемъ для примѣра хотя бы атомные вѣса перваго періода:

Литій.	Берилліій.	Боръ.	Углеродъ.	Азотъ.	Кислородъ.	Фторъ.	Неонъ.
7,03	9,1	11,0	12,00	14,04	16	19	20
Разности	2,07	1,9	1,0	2,04	1,96	3	1

или также первую группу:

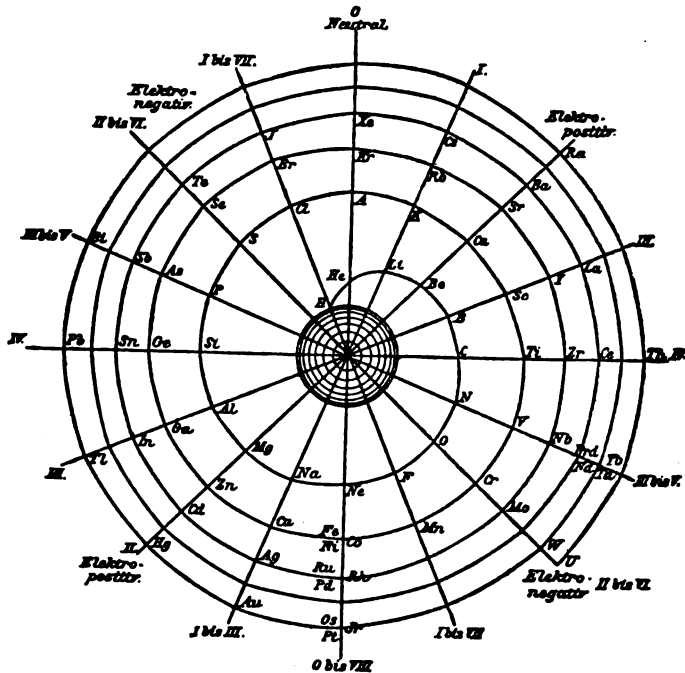
Литій.	Натрій.	Калій.	Рубидій.	Цезій.
7,03	23,05	39,15	85,4	133
Разности	16,02	16,16	$3 \times 15,42$	$3 \times 15,87$.

Въ первомъ случаѣ разность атомныхъ вѣсовъ колеблется между 1 и 3; во второмъ—между 15,42 и 16,1. Въ другихъ случаяхъ разность оказывается даже отрицательной; напримѣръ, между аргономъ и каліемъ она равна—0,75 и между теллуромъ и іодомъ, вѣроятно, также—0,75.

Какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько различныхъ способовъ для нагляднаго изображенія этихъ правильностей. Хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства, я предпочитаю способъ, предложенный Сто-

*) Печатается съ нѣкоторыми сокращеніями.

неемъ (Johnstone Stoney). Можетъ быть, вы не знакомы съ нимъ; поэтому я позволю себѣ дать вамъ его краткое описаніе. Стоней предполагаетъ, что элементы можно изобразить шарами, объемъ которыхъ пропорціоналенъ атомнымъ вѣсамъ соответствующихъ элементовъ. Такіе шары можно, конечно, расположить концентрически; поверхности ихъ будутъ облекать тогда другъ друга подобно пленкамъ луковицы, и взаимное расположеніе ихъ можно представить рядомъ концентрическихъ окружностей. Окружности дѣлятся на 16 частей; соединяя послѣдовательно всѣ точки пересѣченія непрерывной линіей, получимъ спираль, близкую къ логарифмической. Теченіе этой кривой не будетъ равномернымъ, а волнообразнымъ; притомъ волны, повидимому, отличаются нѣкоторой правильностью. Другими словами, если распредѣлить кубическіе

корни изъ атомныхъ вѣсовъ въ шестнадцать группъ, то получится волнообразная линія, въ которой волны отличаются довольно большой правильностью. Такая попытка выразить атомные вѣса формулой, подобно нѣкоторымъ другимъ, въ концѣ-концовъ, все-таки разбивается благодаря неравномерности разностей.

Мы обладаемъ различными способами для опредѣленія количества матеріи; мы можемъ пользоваться какъ мѣриломъ, съ одной стороны, массой или инерціей. Этими „свойствами матеріи“ обыкновенно и пользуются для подобныхъ цѣлей. Съ другой стороны, мы можемъ принять какую-нибудь другую единицу сравненія.

Мы имѣемъ, напримѣръ, право считать равными такія количества матеріи, которыя имѣютъ одинаковую теплоемкость или могутъ нести равные электрическіе заряды, или же можемъ разсматривать равные „атомные вѣса“, какъ равныя массы.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ печальнымъ фактомъ, что между массой и инерціей, съ одной стороны, и атомными вѣсами—съ другой, не удается отыскать опредѣленнаго соотношенія. Если бы возможно было найти между ними связь, то задача была бы хотя и не разрѣшена окончательно, но все же значительно упрощена.

Однако, чѣмъ же обусловлена трудность нахождения простыхъ отношеній между атомными вѣсами элементовъ? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ попытки подчинить неправильности математическому порядку остались безуспѣшными. Можетъ быть, дѣло заключается въ томъ, что вѣсъ, а вмѣстѣ съ нимъ и масса, и инерція подвержены измѣненіямъ? Не должно забывать, что эти свойства абсолютно пропорціональны другъ другу, что доказывается неизмѣнностью движенія луны и земли въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ. Разсмотримъ вышеупомянутое предположеніе подробнѣе. Дѣйствительно, если бы вѣсъ и инерція были измѣнчивы, можно было бы принять предполагаемые постоянными атомные вѣса за мѣру количества матеріи, считая первыя свойства переходящими.

Неоднократно высказывались предположенія о томъ, что вѣсъ измѣняется подъ вліяніемъ температуры. Но взвѣшиваніе нагрѣтаго тѣла—дѣло трудное. Если производить взвѣшиваніе въ воздухѣ, то въ немъ возникаютъ теченія, вліяющія на вѣрность результата. Если вести опытъ въ такъ-называемомъ безвоздушномъ пространствѣ, намъ будутъ мѣшать электрическія притяженія и отталкиванія или удары молекулъ. Я знаю лишь одинъ опытъ подобнаго рода, давшій цѣнные результаты. Онъ сдѣланъ былъ Vailly при опредѣленіи средней плотности земли, и Hicks вывелъ изъ него интересующее насъ заключеніе (Cambridge Philosophical Society, V. 156). Опыты Vailly производились по извѣстнымъ методамъ при помощи крутильных вѣсовъ и шаровъ изъ свинца, платины, цинка и т. д.; онъ произвелъ болѣе 2.000 наблюденій, которые можно распространить на 62 группы. Температура измѣнялась съ каждымъ днемъ, и Hicks расположилъ эти серіи наблюденій по температурамъ. Онъ нашелъ, что средняя плотность земли правильно измѣняется вмѣстѣ съ температурой. Кривая, полученная такимъ путемъ, вполне правильная, но я ограничусь здѣсь приведеніемъ однѣхъ ея конечныхъ точекъ. При температурѣ 2,2° С. Vailly нашелъ для плотности земли число 5,7296, а при 20° С.—5,5828. Hicks изслѣдовалъ также источники ошибокъ и показалъ, что ни одинъ изъ нихъ не вліяетъ существенно на результаты. Итакъ, колебанія въ наблюденіяхъ Vailly остаются пока еще необъясненными. Другіе наблюдатели особенно заботились о томъ, чтобы избѣгать всякихъ колебаній температуры; но вы, конечно, согласитесь со мной, если я выскажусь за необходимость повторенія подобныхъ опытовъ.

Теперь мы можемъ перейти къ замѣчательнымъ опытамъ Ландольта (Landolt). Ландольтъ взвѣшиваетъ два тѣла, способныхъ вступать въ реакцію, сначала до, затѣмъ послѣ смѣшенія; при этомъ онъ получаетъ положительное или отрицательное измѣненіе вѣса. Опыты въ этомъ направленіи все еще продолжаютъ. Но слѣдуетъ упомянуть, что если покрыть сосуды, въ которыхъ происходитъ реакція, изнутри слоемъ парафина, то измѣненій вѣса не наблюдается. Ландольтъ продолжаетъ свои опыты въ сосудахъ изъ сплавленнаго кварца, чѣмъ устраняется измѣненіе объема, а также конденсація углекислоты и водяныхъ паровъ

на стѣнкахъ. Опыты эти въ высшей степени интересны и ихъ значеніе для науки огромно, независимо отъ того, приведутъ ли они къ положительнымъ, или къ отрицательнымъ результатамъ.

Менѣ извѣстны вамъ, вѣроятно, опыты Joly, бывшаго ассистента, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершаго Fitzgerald'a, а теперь профессора геологіи въ Trinity College въ Дублинѣ. Joly, по совѣту Fitzgerald'a, повторилъ опыты Ландольта, но съ слѣдующимъ видоизмѣненіемъ. Между тѣмъ какъ Ландольтъ пользовался земнымъ притяженіемъ, какъ источникомъ силы при измѣреніи разностей вѣса, Joly воспользовался для той же цѣли инерціей движущейся матеріи. Онъ употреблялъ для своихъ опытовъ крутильные вѣсы; вещества, вступавшія въ реакцію, помѣщались на одномъ концѣ стержня, а разновѣски — на другомъ концѣ. Посредствомъ часового механизма сосудъ опрокидывался такимъ образомъ, что реакція наступала въ полдень или полночь, когда плечи вѣсовъ двигались въ направленіи, перпендикулярномъ къ направленію движенія земли, совершающагося со скоростью около 30 километровъ въ секунду. Если бы въ аппаратѣ, гдѣ происходила реакція, образовывалась или исчезала матерія, то должно было бы произойти замедленіе или ускореніе реакціи. Но ничего подобнаго не замѣчалось. Слѣдуетъ замѣтить, что эта сила почти безконечно больше той, которою пользовался Ландольтъ. Итакъ, мы можемъ допустить, что матерія, если можно такъ выразиться, ничего не теряетъ и не пріобрѣтаетъ при химическихъ измѣненіяхъ, или же, что наши средства недостаточны для обнаруженія такой потери или прибыли.

Но между опытами Ландольта и Жоли есть нѣкоторая разница. Въ опытахъ перваго увеличеніе вѣса должно было бы обнаружиться не только въ томъ случаѣ, когда матерія дѣйствительно образовалась въ сосудѣ, но также и въ томъ случаѣ, если бы она проникла въ него снаружѣ; въ опытахъ Жоли, напротивъ, замедленіе движенія въ направленіи движенія земли могло бы обнаружиться только тогда, если бы матерія дѣйствительно созидалась. Проникновеніе матеріи черезъ стѣнки аппарата не произвело бы вліянія на его движеніе, ибо матерія эта должна была бы уже обладать движеніемъ земли.

Едва ли слѣдуетъ придавать значеніе замѣчанію Rayleigh'a, что энергія можетъ создаваться въ томъ лишь случаѣ, если на земной поверхности происходитъ соединеніе, а на болѣе высокомъ уровнѣ—разложеніе. Можно было бы представить себѣ, что такой процессъ могъ быть обратимымъ и что, благодаря тепловому обмѣну, устранилось бы созданіе энергіи.

Вы извините меня, мм. гг., если я упомяну еще о нѣсколькихъ опытахъ, выполненныхъ по моему совѣту 6 лѣтъ тому назадъ г-жей Астонъ, добросовѣстной изслѣдовательницей. Опыты эти не были опубликованы, потому что я не могъ устранить своихъ сомнѣній относительно ихъ точности. Исходя изъ того предположенія, что элементы, входящіе въ составъ эндотермическихъ тѣлъ, имѣютъ, быть можетъ, эквиваленты, отличные отъ тѣхъ, которые имѣютъ тѣ же элементы въ экзотермическихъ соединеніяхъ, г-жа Астонъ тщательно проанализировала соли азотисто-водородной кислоты. Вы, вѣроятно, знаете, что относительно атомнаго вѣса азота существуетъ нѣкоторая неувѣренность. А именно, плотность чистаго азота, даже примѣняя поправку Даниіла Бертелло,

опредѣляется числомъ 14,007, между тѣмъ какъ Стасъ находитъ 14,044, а Maignac—14,02, и недавно еще Richards подтвердилъ число, полученное Стасомъ. Если сравнить эти различія съ тѣми, которыя найдены при опредѣленіи другихъ атомныхъ вѣсовъ, то они окажутся весьма значительными; они относятся къ опредѣленному числу какъ 1 къ 400 въ одномъ и къ 1100 въ другомъ случаѣ. Итакъ, мы взяли точно отвѣшенныя количества чистыхъ азотидовъ литія, натрія, калия, стронція, барія и серебра, выпарили ихъ съ соляной кислотой и взвѣсили вещество, оставшееся послѣ выпариванія. Во всѣхъ случаяхъ мы получили числа меньшія 14. Средній выводъ изъ 18 опредѣленій, колебавшихся между 13,86 и 13,96, далъ 13,903. Но легко можетъ быть, что такія соли, за исключеніемъ серебряной, расщепляются водой при выпариваніи; поэтому мы произвели особенно тщательное опредѣленіе съ солью серебра. И здѣсь получили число 13,903. Впрочемъ, я не рѣшаюсь придавать этимъ опытамъ особеннаго значенія; но они указываютъ, повидимому, на то, что характеръ соединенія можетъ вліять на относительный вѣсъ составляющихъ его элементовъ.

Я позволю себѣ упомянуть еще о другихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ мною вмѣстѣ съ д-ромъ Steele.

Большинство методовъ, послужившихъ для опредѣленія атомныхъ вѣсовъ, можно назвать *динамическими*. Какое-нибудь соединеніе подвергается разложенію, и послѣ того какъ одинъ изъ составляющихъ его элементовъ образовалъ другое соединеніе, содержащее лишь элементы съ извѣстнымъ атомнымъ вѣсомъ, это новое соединеніе взвѣшивается. Единственный методъ точнаго *статическаго* опредѣленія атомныхъ вѣсовъ основанъ на опредѣленіи молекулярнаго вѣса по плотности пара. Но этотъ методъ непригоденъ ни для какихъ соединеній, кромѣ „перманентныхъ“ газовъ; обыкновенные методы опредѣленія плотности пара недостаточно точны для этой цѣли. Но г. Steele удалось устранить эту трудность. Сначала у насъ явилась мысль, что атомные вѣса всѣхъ элементовъ, образующихъ газообразныя соединенія при 100°, будутъ пригодны для этого метода; однако, надежды эти не оправдались. Мы достигли точности, доходящей, по крайней мѣрѣ, до 1 части на 3.000; но мы нашли, что даже при введеніи поправки Бертелло, для чего измѣрялась сжимаемость паровъ, молекулярный вѣсъ не совпадалъ съ тѣмъ, который былъ вычисленъ изъ атомныхъ вѣсовъ, но всегда оказывался выше. Специальными опытами мы убѣдились въ чистотѣ употребленныхъ нами тѣлъ,—въ томъ, что они не приставали къ стѣнкамъ трубки,—и, наконецъ, въ томъ, что соединеніе молекулъ въ болѣе сложные комплексы было весьма мало вѣроятно. Остаются еще двѣ гипотезы; во-первыхъ, можно допустить, что жидкое состояніе сохраняется даже при сравнительно высокихъ температурахъ и очень низкихъ давленіяхъ и, во-вторыхъ, что атомные вѣса элементовъ могутъ обнаруживать отклоненія въ зависимости отъ характера группировки и числа атомовъ. Однако, это послѣднее предположеніе едва ли вѣроятно, и я упоминаю о немъ лишь ради полноты.

Итакъ, мы видѣли, что, по всей вѣроятности, нѣтъ достаточныхъ оснований для того, чтобы сомнѣваться въ неизмѣнности вѣса и инерціи. Правда, не исключена та возможность, что атомные вѣса измѣнчивы; но во всякомъ случаѣ въ этомъ направленіи желательны дальнѣйшія изслѣдованія.

Когда мнѣ посчастливилось въ сотрудничествѣ съ лордомъ Rayleigh и д-ромъ Travers'омъ открыть индифферентныя газы воздуха, то у меня явилась надежда, что наконецъ-то мы будемъ обладать элементами, атомный вѣсъ которыхъ не зависитъ отъ тѣхъ вліяній, которыя, можетъ быть, имѣютъ мѣсто по отношенію къ другимъ элементамъ.

Но надежда эта вскорѣ оказалась тщетной. Атомныя вѣса элементовъ этой группы обнаруживаютъ не большую правильность, чѣмъ атомныя вѣса другихъ элементовъ. Дѣйствительно, вотъ каковы разности:

	Гелій.	Неонъ.	Аргонъ.	Криптогъ.	Ксенонъ.
	3,96	19,92	39,92	81,76	128,00
Разности	15,96	20,00	41,84	46,24	

Между этими разностями замѣчается лишь настолько же приближительное совпаденіе, какъ и въ другихъ группахъ элементовъ. Что касается точной величины атомныхъ вѣсовъ первыхъ трехъ членовъ этой группы, то она опредѣлена съ достаточной достовѣрностью: для гелія получилось 3,96, для неона—19,92, для аргона—39,92. Гелій отдѣляли отъ другихъ газовъ, охлаждая ихъ жидкимъ водородомъ; при этомъ обнаружено было присутствіе слѣдовъ аргона и криптона: очевидно, что эти элементы заключались въ минералахъ, содержащихъ гелій. Неонъ также отдѣлялся при помощи жидкаго водорода и былъ совершенно свободенъ отъ аргона. Аргонъ въ свою очередь отдѣляли отъ болѣе легкихъ и болѣе тяжелыхъ газовъ, пользуясь жидкимъ воздухомъ; мы можемъ, слѣдовательно, принять найденныя числа за истинныя. Относительно криптона господствовало нѣкоторое сомнѣніе, но за послѣднее время я приготовилъ болѣе значительное количество этого газа и произвелъ новое опредѣленіе его плотности; прежніе результаты дали 40,82 и 40,73; новое опредѣленіе съ заново приготовленнымъ газомъ дало число 40,81. Плотность ксенона я надѣюсь опредѣлить еще разъ; но добываніе его—дѣло кропотливое, ибо одинъ объемъ ксенона содержится въ 170 милліонахъ объемовъ воздуха. Итакъ, мы можемъ допустить, что вышеприведенныя числа приблизительно вѣрны; и тѣмъ не менѣе въ этой группѣ не замѣчается точной закономерности.

Физическія свойства этихъ элементовъ обнаруживаютъ лишь грубое сходство между собой.

Слѣдуетъ ли, однако, отказаться окончательно отъ мысли открыть правильность среди произвольныхъ, повидимому, чиселъ атомныхъ вѣсовъ и признать эту задачу неразрѣшимой? Нѣтъ, я этого не думаю. Но рѣшеніе этой загадки носитъ характеръ настолько спекулятивный, что я колеблюсь предложить его вашему вниманію. Однако, я позволю себѣ на этотъ разъ немного пофантазировать; наука вообще такъ мало даетъ къ этому поводовъ, что я охотно принялъ приглашеніе моего друга, предсѣдателя этого собранія, предложившаго мнѣ высказаться по поводу періодическаго закона элементовъ. Вѣдь и фантазія несомнѣнно полезна: если бы опытамъ не предшествовали идеи, то успѣхи науки были бы ничтожны.

Итакъ, вопросъ заключается въ слѣдующемъ: имѣемъ ли мы какое-нибудь основаніе думать, что атомныя вѣса могутъ измѣняться? Есть ли у насъ какія-нибудь опытыя данныя, указывающія на уменьшеніе

или увеличеніе атомныхъ вѣсовъ? Въ природѣ вообще замѣчается или, по крайней мѣрѣ, предполагается постоянное измѣненіе существующихъ формъ. Горы превращаются въ равнины; виды животныхъ совершенствуются или вырождаются; даже небесныя свѣтила разсѣиваются въ туманности, и туманности сгущаются, обращаются въ свѣтила. Все течетъ, все измѣняется во времени. Неужели одни только атомы остаются неизмѣнными?

Можетъ быть, мы ожидаемъ слишкомъ многого. Геологическія измѣненія совершаются въ теченіе миллионныхъ лѣтъ; наша же жизнь коротка. Можетъ быть, мы не имѣемъ права ожидать, чтобы одна единственная реакція сопровождалась потерей или приростомъ вѣса. Не вѣроятнѣе ли будетъ представить себѣ, что лишь въ 3.000-мъ году нашими потомками замѣчено будетъ измѣненіе въ отношеніи атомныхъ вѣсовъ серебра и хлора?

Всѣмъ вамъ, конечно, хорошо извѣстно открытіе радія г-жей Кюри. Это замѣчательное тѣло отличается огромной способностью къ излученію, благодаря которой оно дѣйствуетъ на фотографическую пластинку и разряжаетъ наэлектризованныя тѣла. Г-жа Кюри, замѣтивъ, что урановая руда (урановая смолка) обладаетъ большею способностью излученія, чѣмъ приготовленная изъ нея соединенія урана, стала искать истинный источникъ лучистой энергіи, и поиски ея увѣнчались успѣхомъ. Что касается существованія другихъ радиоактивныхъ „металловъ“, полонія и актинія, то о нихъ пока нельзя сказать многого. Однако, извѣстны, по крайней мѣрѣ, еще два другихъ элемента, обладающихъ тѣми же свойствами, хотя и въ меньшей степени, а именно торій и уранъ; и недавно J. J. Thomson высказался за существованіе тѣхъ же свойствъ у свинца, а R. Strutt — у ртути.

Однако, можно предполагать, что эти элементы обязаны своей радиоактивностью присутствію ничтожныхъ слѣдовъ радія. Вы, вѣроятно, помните, что г-жа Кюри опредѣлила атомный вѣсъ этого удивительнаго элемента; онъ равенъ 225. Число это подтверждено недавно спектроскопическими изслѣдованіями Watts'a.

Лучистая энергія представляетъ, повидимому, неизмѣнное свойство даннаго вещества, сравнимое въ этомъ отношеніи съ вѣсомъ. Различныя соединенія обнаруживаютъ это свойство въ такой же степени.

Хотя соединенія торія обладаютъ гораздо меньшей энергіей лучейспусканія, чѣмъ соединенія радія, однако, они отличаются особенностью, открытой Rutherford'омъ. А именно, они выдѣляютъ нѣчто, которое способно, между прочимъ, разрядить электрически заряженное тѣло. Эти „эманации“ не представляютъ собой лучей; онѣ обнаруживаютъ свойства газа, который самъ обладалъ бы радиоактивностью. Но эта способность не сохраняется надолго. Съ каждой минутой радиоактивность уменьшается наполовину, и черезъ короткое время она совершенно исчезаетъ. И, однако, это излученіе должно имѣть матеріальный характеръ; дѣйствительно, Rutherford'у и Soddy удалось сгустить эту матеріальную „эманацию“ съ водородомъ при -130° , такъ что водородъ, выдѣлявшійся изъ охлаждающаго прибора, уже не дѣйствовалъ на электроскопъ. Но когда температура поднималась выше -130° , то водородъ снова пріобрѣталъ это свойство.

Радій также испускаетъ „эманацию“ (или, вѣрнѣе, газъ), и притомъ гораздо дольше дѣйствующую, чѣмъ эманация торія. Она терлетъ поло-

вину своей разряжающей силы не раньше, чѣмъ черезъ четыре дня—срокъ въ шесть тысячъ разъ большій, чѣмъ для торія. Температура конденсаціи также совершенно иная; и оба эти признака указываютъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно различными веществами, у которыхъ только одно общее свойство—радіоактивность. Оба они—химически недѣятельныя тѣла, и въ этомъ отношеніи ихъ можно присоединить къ группѣ аргона.

Извѣстно, что соли радія оказываютъ на заряженный электроскопъ троякаго рода дѣйствіе. Во-первыхъ, онѣ испускаютъ такъ-называемые α —лучи. Но эти послѣдніе не суть собственно истинные лучи, если понимать подъ этимъ словомъ волнообразныя колебанія ээира; это скорѣе—частички вещества, отброшенныя отъ основной массы и движущіяся съ необыкновенной скоростью и такой колоссальной силой, что могутъ проникать черезъ тонкія пластинки стекла или металловъ. Во-вторыхъ, имѣются еще такъ-называемые β —лучи; названіе это также неправильно, такъ какъ они представляютъ собой не волнообразное движеніе, а газъ или „эманацию“, которая поддается, какъ уже упомянуто было, конденсаціи и обладаетъ своимъ особымъ спектромъ. Въ-третьихъ, каждая соль радія даетъ начало настоящимъ волнамъ, способнымъ проникать черезъ свинцовыя пластинки значительной толщины. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ выбрасываемыя частички и газъ, и такъ какъ послѣдній, повидимому, легче было изслѣдовать, чѣмъ первыя, то мы сначала занялись изученіемъ „эманациі“.

Если нагрѣть какую-нибудь соль радія или растворить ее (въ случаѣ ея растворимости въ водѣ), то выдѣляется ничтожное количество газа; чтобы получить его цѣликомъ, нужно „отмыть“ его другимъ газомъ, на-примѣръ, кислородомъ.

Оба эти газа легко отдѣлать потомъ другъ отъ друга; кислородъ поглощается раскаленной мѣдной спиралью, между тѣмъ какъ эманациа не реагируетъ ни съ мѣдью, ни съ окисью мѣди. Остается неизмѣримо малое количество смѣси газовъ, которое возможно перегнать при помощи ртуть въ U-образную капиллярную трубочку. При охлажденіи этой трубочки жидкимъ воздухомъ эманациа сгущается, между тѣмъ какъ другіе, несгущаемые газы поступаютъ въ Плюккерovu трубку съ объемомъ въ нѣсколько куб. миллиметровъ. И вотъ г. Soddy и я напаш, что трубка съ разрѣженными газами обнаруживаетъ полный спектръ гелія и, кромѣ того, еще двѣ неизвѣстныхъ линіи, соотвѣтствующія длинѣ волнъ около 6.145 и 5.608.

Подобнымъ же образомъ можно наблюдать также спектръ „эманациі“. Чтобы собрать этотъ газъ, нужно сначала сгустить его, затѣмъ выкачать всѣ остальные газы; послѣ того приводятъ эманацию снова въ газообразное состояніе, удаляя жидкій воздухъ, и, наконецъ, вгоняютъ ее ртутью въ трубочку, подобную вышеупомянутой, которую и запаиваютъ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что краны, смазанные жиромъ, для этихъ опытовъ непримѣнимы: подъ вліяніемъ „эманациі“ и въ присутствіи неизбѣжныхъ слѣдовъ кислорода всѣ эти смазки окисляются въ угольный ангидридъ.

Несмотря на тщательнѣйшія предосторожности, не удается избѣжать замѣтныхъ слѣдовъ углекислоты; но линіи углерода извѣстны, и ихъ легко отличить въ получаемомъ спектрѣ. Такимъ методомъ мы и наблю-

дали спектр эманации и вскорѣ сообщимъ о полученныхъ нами результатахъ.

Но въ данномъ случаѣ насъ больше всего интересуетъ вопросъ: имѣемъ ли мы какое-нибудь доказательство въ пользу того, что соли радія дѣйствительно разлагаются на гелій и другія составныя части?

Я хотѣлъ бы напомнить предварительно о томъ, что радій образуетъ соли, въ общихъ чертахъ сходныя съ солями барія. Способъ отдѣленія для радія заключается въ томъ, что маточные растворы урановой руды обрабатываютъ сѣрной кислотой, причемъ осаждаются одновременно сѣрно-кислый барій и радій; соли эти разлагаются кипяченіемъ съ углекислымъ натріемъ; образовавшіеся при этомъ углекислыя соли превращаются въ бромистыя или хлористыя и раздѣляются дробной кристаллизацией. Хотя урановая смолка обыкновенно и содержитъ гелій, я все-таки ставлю вопросъ: вѣроятно ли, что гелій во время всѣхъ этихъ процессовъ продолжаетъ существовать какъ „гелидъ“ радія? Уже простое раствореніе, какъ намъ извѣстно, влечетъ за собой выдѣленіе большого количества гелія изъ минерала.

Доказанная Soddy и мною возможность получения гелія изъ солей радія показываютъ, по нашему мнѣнію, что этотъ газъ получается изъ радія, что элементъ радій расщепляется на гелій и другую, неизвѣстную составную часть.

Но остается открытымъ еще одинъ вопросъ: является ли гелій продуктомъ распада радія, или же той „эманациі“, которая постоянно получается изъ радія? До сихъ поръ намъ удалось установить только одно: свѣжедобытая эманация не обнаруживаетъ спектра гелія; но черезъ три дня спектръ его уже начинаетъ появляться; онъ становится все ярче и ярче, между тѣмъ какъ спектръ эманациі постепенно слабѣетъ. Слѣдовательно, мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что эманация превращается въ гелій. Образуется ли одновременно другой продуктъ, этого мы не знаемъ.

Таковы, мм. гг., факты, открытые за послѣднее время. Я думаю, что вы согласитесь со мной, если я скажу, что въ настоящее время было бы нѣсколько рискованно разсуждать о значеніи этихъ фактовъ. Вѣрно то, что радій, обладающій свойствами, характерными для элемента, отщепляетъ отъ себя гелій; при этомъ изъ него выбрасываются частички, несущія электрическіе заряды; эти заряды ионизируютъ воздухъ и другіе газы, съ которыми соприкасаются. Могутъ ли изъ этихъ частичекъ образоваться атомы гелія, это еще не выяснено; неизвѣстно также, что при этомъ остается. „Эманация“ представляетъ собой непостоянный газъ, со всѣми свойствами газовъ группы аргона; судя по опытамъ надъ диффузіей, ея атомный вѣсъ равенъ 160—200. Даетъ ли она при своемъ разложеніи одинъ только гелій, этого мы не можемъ сказать заранѣе. Если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то можно было бы представить себѣ, что высшіе члены рядовъ въ періодической системѣ суть полимеры низшихъ; и если они при своемъ распадѣ выбрасываютъ отрицательное электричество (которое, по J. J. Thomson'у, обладаетъ нѣкоторой массой), то, можетъ быть, удалось бы объяснить неправильную послѣдовательность атомныхъ вѣсовъ элементовъ. Но пока мы не будемъ знать, образуются ли при этихъ процессахъ другія тѣла,

и если образуются, то какія именно, до тѣхъ поръ тайна останется не раскрытой.

Въ моемъ изложеніи я намѣренно избѣгалъ упоминанія о всѣхъ физическихъ явленіяхъ, сопровождающихъ распадъ радія, и ограничился указаніемъ лишь на чисто-химическіе процессы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разсмотрѣніе физическихъ явленій будетъ имѣть большое значеніе для объясненія всѣхъ этихъ процессовъ. Но такъ же, какъ и при другихъ химическихъ изслѣдованіяхъ, мы сначала должны узнать продукты реакцій, прежде чѣмъ примемъ за изученіе условій ихъ образованія. Конечно, мы не должны пренебрегать никакими вспомогательными средствами, но во всякомъ случаѣ прежде всего намъ необходимо узнать, какія вещества разрушаются или образуются.

Развѣ мы не имѣемъ права сказать, глубокоуважаемые слушатели, что горизонты наши нѣсколько расширились и что наша надежда—внести нѣкоторый порядокъ въ періодическую систему—снова оживилась? Если бы Фаустъ жилъ въ наше время, то его ученикъ, вѣроятно, сказалъ бы иное:

„Zwar weiss ich *wenig*, doch möcht'ich alles wissen!“

Когда достигаешь зрѣлаго возраста, то начинаешь думать, что чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше знаешь! Пусть это послужитъ мнѣ извиненіемъ за то, что я цѣлый часъ мучилъ васъ своимъ невѣдѣніемъ. Во всякомъ случаѣ хорошо знать, что ничего не знаешь. Или, какъ сказалъ французскій философъ:

„Ce que je sais, je le sais fort mal; ce que j'ignore, j'ignore parfaitement“.

Перев. Г. Риттеръ.

Новѣйшія сочиненія по исторіи французской революціи. Въ истекшемъ году появилось во Франціи продолженіе двухъ сочиненій по исторіи французской революціи: вышли пятый и шестой томы труда Сореля „Европа и французская революція“ и третій томъ „Соціалистической исторіи отъ 1789 до 1900 г.“, издаваемой подъ редакціей Жореса. Первые четыре тома сочиненія Сореля вышли въ свѣтъ въ періодъ времени съ 1885 года по 1892 г. (въ 1892 году они были переведены по-русски). Пятый томъ Сореля обнимаетъ собой изложеніе событій отъ 1795 г. до 1799 г., т.-е. время директоріи. Сочиненіе Сореля въ значительной степени имѣетъ въ виду ту же цѣль, что и извѣстный трудъ Зибеля „Исторія революціоннаго времени“, а именно дать международною исторію Европы за время французской революціи. Но не говоря уже о томъ, что Сорель воспользовался для своей работы массой новаго матеріала, сочиненіе Сореля выгодно отличается отъ труда нѣмецкаго историка и болѣе широкою постановкою вопроса, и замѣчательнымъ безпристрастіемъ изложенія*). Всѣ тѣ качества, которыя отличали первые четыре тома, мы находимъ и въ пятомъ томѣ. Тѣ же мастерскія характеристики, то же безпристрастіе, то же блестящее изложеніе. Въ примѣръ безпристрастія автора достаточно указать на то мѣсто въ книгѣ, гдѣ Сорель даетъ характеристику внѣшней политики директоріи: „прин-

*) О выдающихся достоинствахъ исторіи Сореля см. статью профессора Виноградова въ 9 книжкѣ „Р. Мысли“ за 1887 годъ и предисловіе проф. Карѣва, къ русскому переводу Сореля.

ципы продолжали вдохновлять манифесты, между тѣмъ, какъ интересы управляли политикой. Директора и ихъ министры продолжали при торжественныхъ церемоніяхъ разсуждать о неотчуждаемыхъ правахъ человѣчества. Эти республиканцы соглашались, что нужны принципы для націй, какъ во время господства государственной религіи правительственные вольнодумцы заявляли, что религія нужна для народа. Ихъ не приводило въ смущеніе противорѣчіе между ихъ словами и ихъ дѣйствіями. Они присутствовали съ торжественнымъ и важнымъ видомъ на „гуманитарныхъ“ торжествахъ и чувствовали при этомъ такъ же мало стѣсненія, какъ католикъ Тугуть, присутствуя за проповѣдью противъ жадности, а протестантъ Питтъ—за проповѣдью противъ гордости“. Въ пятомъ томѣ Сорель продолжаетъ указывать, какъ это онъ дѣлалъ и въ предыдущихъ томахъ, на то, какъ внѣшняя политика революціоннаго правительства продолжаетъ традиціи правительства прежней монархической Франціи и какъ въ свою очередь монархическія правительства Европы, заявляя постоянно о томъ, что они ведутъ борьбу противъ принциповъ революціи, пользуются удобнымъ случаемъ, чтобъ расширять свои границы. Такъ, про Екатерину Вторую онъ пишетъ, что она хотѣла въ Персіи работать для возстановленія Бурбоновъ.

Замѣчательны блестящія характеристики Съеса, Гоша, Шампюне, императора Павла. Заканчивается пятый томъ сочиненія Сореля изложеніемъ переворота 18 Брюмера, и въ этомъ изложеніи авторъ показываетъ, какъ переворотъ былъ плохо подготовленъ и тѣмъ не менѣе онъ удался вслѣдствіе общихъ причинъ, сдѣлавшихъ неизбѣжнымъ захватъ власти Наполеономъ.

Шестой томъ Сореля, вышедшій въ концѣ прошлаго года, доводитъ изложеніе событій до конца 1805 года и заканчивается кануномъ Аустерлица. И въ этомъ томѣ авторъ старается подчеркнуть свое основное положеніе о непрерывной традиціи во внѣшней политикѣ Франціи и рисуетъ Наполеона продолжателемъ директоріи, комитета общественнаго спасенія и Людовика XIV. Съ изложеніемъ внѣшней политики онъ связываетъ изображеніе главнѣйшихъ моментовъ внутренней политики. Такъ, въ связи съ переговорами, приведшими къ заключенію съ Англіей въ 1802 году Амьенскаго мира, онъ останавливается на заключеніи конкордата съ папою Піемъ VII. Сорель касается также тѣхъ событій во внутренней жизни другихъ государствъ, которыя оказали вліяніе на внѣшнюю политику. Такъ, читатель найдетъ въ книгѣ очень яркое описаніе мартовскихъ событій 1801 года въ Петербургѣ, отозвавшихся на рѣзкомъ измѣненіи во внѣшней политикѣ Россіи. Въ Англіи онъ указываетъ на результаты промышленной революціи конца XVIII вѣка, давшей толчокъ колоссальному развитію англійской промышленности и сдѣлавшей для Англіи жизненнымъ вопросомъ вопросъ о расширеніи рынка. Изъ характеристикъ въ VI томѣ особенно выдѣляются характеристики Александра I и Питта младшаго.

Недостаткомъ выдающагося сочиненія Сореля является, по нашему мнѣнію, фаталистическій взглядъ автора. Вѣковая борьба между Англіей и Франціей представляется Сорелю чѣмъ-то роковымъ, неизбѣжнымъ, и войны XVIII вѣка, гдѣ столкновеніе вызывалось вопросомъ о политическомъ равновѣсіи и соперничествомъ изъ-за торговыхъ и колониальныхъ интересовъ, являются какъ бы продолженіемъ войны, которыя велись

между Англійей и Франціей въ средніе вѣка. Такъ, въ концѣ второй книги VI тома онъ замѣчаетъ: „Вильямъ Питтъ и Бонапартъ — лишь новыя имена корифеевъ семивѣковой войны, которые назывались: Вильгельмъ Завоеватель и Генрихъ Плантагенетъ, Черный Принцъ и Дюгескленъ, Людовикъ XIV и Вильгельмъ Оранскій, Чатамъ и Лафайетъ“.

Въ прошломъ году вышелъ въ свѣтъ также и третій томъ „Соціалистической исторіи Франціи“. Эта исторія издается подъ редакціей Жореса и должна объять собою всю исторію Франціи съ первой французской революціи до 1900 года. Исторію французской революціи до паденія Робеспьера взялъ на себя Жоресъ, который въ течение года съ небольшимъ успѣлъ выпустить три толстыхъ тома. Первый томъ обнимаетъ собою исторію учредительнаго собранія, второй — исторію законодательнаго собранія, при чемъ изложеніе заканчивается 10 августа 1792 года, т.-е. паденіемъ монархіи; первая половина третьяго тома посвящена описанію сентябрьскихъ убійствъ и первыхъ мѣсяцевъ дѣятельности конвента, при чемъ изложеніе событій доведено только до процесса короля, а вторая половина этого тома занята вліяніемъ французской революціи на Германію и Англію. Изложеніе очень подробно, такъ какъ въ трехъ томахъ — болѣе двухъ тысячъ большихъ страницъ убористой печати.

Жоресъ, вождь умѣренной соціалистической партіи и одинъ изъ вице-президентовъ палаты депутатовъ, во введеніи къ своему труду указываетъ на основную идею книги. Она состоитъ въ приложеніи къ исторіи французской революціи теоріи экономическаго материализма, заключающейся, какъ извѣстно, въ томъ, что въ каждый историческій періодъ экономическій строй общества опредѣляетъ собою политическія формы, общественные нравы и даже общее направленіе мысли. Но, по мнѣнію Жореса, ученики Маркса, главнаго представителя этой теоріи, нерѣдко забывали, что экономическія силы дѣйствуютъ на людей, а у людей — колоссальное разнообразіе идей и страстей. Поэтому почти безконечную сложность человѣческой жизни нельзя свести механически къ экономической формулѣ, и было бы ребячествомъ объяснить все движеніе человеческой мысли одною эволюціею экономическихъ формъ. Очень часто, замѣчаетъ Жоресъ, человѣческій духъ опирается на извѣстную соціальную систему, чтобы выйти изъ нея и противиться ей; между личностію и общественнымъ строемъ существуютъ и солидарность, и борьба. Поэтому онъ выдвигаетъ значеніе свободнаго человѣческаго духа и говоритъ, что его истолкованіе исторіи будетъ одновременно материалистическое какъ у Маркса, и мистическое какъ у Мишле. Наконецъ, Жоресъ считаетъ необходимымъ обращать вниманіе на нравственный элементъ исторіи и въ заключеніи введенія заявляетъ, что его трудъ написанъ подъ тройнымъ вліяніемъ Маркса, Мишле и Плутарха.

Жоресъ извѣстенъ какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ ораторовъ, но пишетъ онъ гораздо хуже, чѣмъ говорить. Ему много вредятъ расплывчивость изложенія и сентиментальныя ораторскія тирады. Его трудъ значительно бы выигралъ, если бы Жоресъ не такъ злоупотреблялъ громадными цитатами. При этомъ онъ нерѣдко подробно излагаетъ пренія по такимъ вопросамъ, которые имѣютъ очень отдаленное отношеніе къ его главной темѣ, т.-е. къ экономической исторіи французской революціи, и, кромѣ того, уже много разъ были излагаемы въ другихъ исторіяхъ революціи. Такъ, значительная часть второго тома

отведена преніямъ о войнѣ и мирѣ въ законодательномъ собраніи. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ сочиненіе Жореса, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ и много цѣннаго. Авторъ не только хорошо знакомъ какъ съ общими работами по революціи, такъ и съ отдѣльными монографіями, но, кромѣ того, по многимъ вопросамъ онъ производилъ самостоятельныя изслѣдованія. Въ первомъ томѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія глава, посвященная выборамъ въ департаментскіе, окружные и муниципальные совѣты, происходившимъ въ 1790 году. Не только муниципальные совѣты городовъ состояли почти исключительно изъ лицъ, принадлежащихъ къ буржуазіи, но даже въ совѣтахъ земледѣльческихъ округовъ буржуазія располагала значительно большимъ числомъ голосовъ, чѣмъ крестьянство. Очень интересны также отдѣлы книги, посвященные вопросу объ ассигнаціяхъ. По вопросу о продажѣ національныхъ земель Жоресъ держится того мнѣнія, что покупщики національныхъ имуществъ принадлежали главнымъ образомъ къ буржуазіи. По этому вопросу онъ расходится съ русскимъ ученымъ Лучицинымъ, работа котораго, выполненная съ необыкновенною тщательностію и отличающаяся самымъ детальнымъ изученіемъ вопроса, доказываетъ, что значительная часть національныхъ имуществъ была куплена крестьянами.

Во второмъ томѣ, который въ общемъ слабѣе перваго и третьяго, интересна глава, посвященная экономическому и соціальному движенію во Франціи въ 1792 году. Интересны большія выдержки, которыя Жоресъ приводитъ изъ извѣстной газеты Марата „Другъ Народа“. Онѣ рисуютъ намъ отношеніе Марата къ соціальному вопросу и показываютъ его полное непониманіе совершившагося уже въ то время переворота въ промышленности.

Въ третьемъ томѣ интересна вторая половина, посвященная вліянію революціи на Германію, Швейцарію и Англію. Рисуя состояніе Германіи въ концѣ XVIII вѣка, Жоресъ указываетъ на односторонность Маркса, который слишкомъ низко ставитъ промышленное развитіе Германіи того времени. Онъ полемизируетъ также съ историкомъ нѣмецкаго социализма Мерингомъ, который единственную причину невосприимчивости нѣмецкаго общества къ идеямъ французской революціи видѣлъ въ экономической слабости нѣмецкой буржуазіи въ концѣ XVIII столѣтія. По мнѣнію же Жореса, важную роль играла въ данномъ случаѣ политическая раздробленность Германіи, мѣшавшая выработкѣ въ среднемъ классѣ сознанія своей силы и своихъ классовыхъ интересовъ. Очень подробно останавливается Жоресъ на сочиненіяхъ Фихте, вызванныхъ французской революціей. Надо замѣтить, что Жоресъ уже давно занимается отношеніемъ нѣмецкой идеалистической философіи къ социализму. Еще въ 1892 году онъ защищалъ диссертацию о зачаткахъ социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля. Въ третьемъ томѣ особенно интересно изложеніе книги Фихте „Исправленіе сужденій публики о французской революціи“. Въ ней нѣмецкій философъ между прочимъ коснулся вопроса объ экспроприаціи церковныхъ имуществъ во Франціи. Онъ является горячимъ сторонникомъ этой экспроприаціи, при чемъ въ своей аргументаціи постоянно оперируетъ кантовскими ноуменами и феноменами.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ вліянію французской революціи на Англію, Жоресъ опять останавливается на особенностяхъ политической эволюціи Англіи, отразившихся и на ходѣ промышленной революціи, которую

переживала Англія въ концѣ XVIII вѣка. Говоря объ экономическомъ положеніи низшихъ классовъ населенія, онъ обращаетъ вниманіе читателя на тѣ страницы книги Адама Смита „О богатствѣ народовъ“, гдѣ авторъ говоритъ объ общемъ улучшеніи положенія рабочаго класса въ теченіе XVIII вѣка. Жоресъ пользуется для изображенія экономическаго развитія характерною рѣчью Пятта младшаго, произнесенною имъ въ началѣ 1792 года, т.-е. почти за годъ до того, какъ Англія вступила въ коалицію противъ Франціи. Въ этой рѣчи знаменитый министръ указалъ на поразительный ростъ богатства Англіи за истекшее десятилѣтіе и съ необыкновенною ясностью обозначилъ его главныя причины: ростъ производства, усовершенствованіе техники, развитіе машинъ и кредита, постоянное накопленіе капитала, расширеніе сбыта и постепенный захватъ мірового рынка. Оканчивается третій томъ *) подробнымъ изложеніемъ книги англійскаго радикала Годвина „О политической справедливости“, вышедшей въ 1793 году. Эта книга, которую интересно сравнить съ написаннымъ одновременно трудомъ Кондорсе „Прогрессъ развитія человѣческаго ума“, является характернымъ выраженіемъ теоретическаго анархизма. Годвинъ смотритъ на государство какъ на неизбежное зло и старается поэтому сузить до крайнихъ предѣловъ его принудительную власть. Онъ мечтаетъ о радикальномъ преобразованіи общественнаго и экономическаго строя. Въ томъ идеальномъ обществѣ, которое онъ рисуетъ, не будетъ ни войны, ни преступленій, ни судовъ, ни правительства. Но въ то же время Годвинъ противъ всякихъ насильственныхъ измѣненій. По его мнѣнію, надо дѣйствовать на людей только убѣжденіемъ, и этотъ путь—единственный, который приведетъ къ осуществленію справедливости на землѣ. Годвинъ и Кондорсе—характерные представители XVIII вѣка съ его несокрушимой вѣрой въ близкое торжество разума и свободы.

С. Фортунатовъ.

Новости иностранной литературы и журналистики. Самымъ важнымъ событіемъ въ итальянскомъ литературномъ мірѣ за послѣдніе мѣсяцы, безспорно, было чествованіе столѣтней годовщины со дня смерти Витторіо Альфьери, писателя, имя котораго до сихъ поръ окружено въ Италіи извѣстнымъ ореоломъ, несмотря на то, что его творчество можетъ показаться въ наши дни устарѣвшимъ, отжившимъ свой вѣкъ, а та эпоха, когда онъ дѣйствовалъ, давно отошедшей въ область преданія. Независимо отъ литературной дѣятельности Альфьери, росту его посмертной славы немало содѣйствовали, конечно, его патриотическое чувство, любовь къ Италіи, мечты объ ея освобожденіи и объединеніи. Такъ, и изъ сочиненій Леопарди, быть можетъ, наибольшей популярностью пользовалось долгое время его патриотическое стихотвореніе „All' Italia“, хотя эта вещь принадлежитъ къ числу наименѣе типичныхъ въ его творествѣ, и въ наше время, если отнестись къ ней вполне объективно, кажется даже нѣсколько искусственной и риторичной. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что историко-литературное значеніе дѣятельности Альфьери, какъ драматурга, стремившагося вдохнуть новую жизнь въ итальянскую трагедію и написавшаго нѣсколько

*) Третій томъ обрывается на половинѣ фразы.

дѣйствительно выдающихся для того времени вещей, даетъ ему право на благодарность даже весьма позднего потомства.

Вспомнимъ, кстати, то вліяніе, которое произведенія Альфьери оказывали когда-то и за предѣлами Италіи. Андра Шенье, въ своемъ трактатѣ „*Sur la perfection des arts*“, признается, что онъ многимъ былъ обязанъ Альфьери, котораго имѣлъ случай узнать лично, и съ которымъ его затѣмъ связали узы дружбы; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ старался подражать манерѣ итальянскаго писателя. Байронъ, какъ драматургъ, въ значительной степени—ученикъ и послѣдователь Альфьери. Пушкинъ заинтересовался его трагедіями, ссылаясь на него, доказывая необходимость изученія живой, народной русской рѣчи, и перевелъ монологъ Изабеллы изъ „*Филиппа II*“. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще очень много. Даже въ далекой армянской словесности сказался нѣкоторый интересъ къ творчеству Альфьери. Члены научно-литературной конгрегации мхитаристовъ—въ преддверіи Венеціи, гостемъ которыхъ когда-то былъ Байронъ, перевели трагедіи „*Саулъ*“ и „*Меропа*“. Когда въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка въ Москвѣ сталъ выходить въ свѣтъ прогрессивный армянскій журналъ „*Сѣверное Сіяніе*“, тамъ былъ, между прочимъ, напечатанъ переводъ „*Филиппа II*“.

Задолго до дня столѣтней годовщины (8 ноября 1803—1903 гг.) стали уже появляться на итальянскомъ книжномъ рынкѣ изслѣдованія и статьи, посвященныя Альфьери. Въ остроумной статьѣ, напечатанной еще осенью 1902 года на страницахъ „*Magzocco*“, одинъ изъ современныхъ итальянскихъ критиковъ, Діего Гароліо, заранѣе приходилъ въ комическій ужасъ отъ того множества обстоятельныхъ, иногда прямо мелочныхъ работъ, которыя должны были, какъ ему казалось, появиться втеченіе предстоящаго года, анализируя даже самыя незначительныя детали, разсматривая дѣятельность драматурга со всѣхъ сторонъ, стремясь непременно открыть какой-нибудь новый, хотя бы микроскопическій фактъ, изучая отдѣльныя главы, страницы, чуть не строки въ произведеніяхъ Альфьери, все въ надеждѣ сдѣлать какое-либо открытіе, приготовить читающей публикѣ извѣстнаго рода сюрпризъ ко дню юбилея. Гароліо представлялось, что ревностными и неутомимыми изслѣдователями будутъ своевременно заготовлены работы объ Альфьери, какъ авторѣ трагедій и комедій, эпическомъ писателѣ, лирикѣ, составителѣ автобіографіи, сатирикѣ, политикѣ, философѣ, актерѣ, наѣздникѣ,—объ Альфьери въ Асти, Туринѣ, Генуѣ, Флоренціи, Ливорно, Сіанѣ, Римѣ, Неаполѣ, Венеціи,—объ его возлюбленныхъ, друзьяхъ, родныхъ, учителяхъ, слугахъ, лошадяхъ, комнатныхъ животныхъ и т. д.

Полусерьезныя опасенія сотрудника „*Magzocco*“ оправдались только отчасти, потому что такого феноменальнаго наплыва и явнаго „перепроизводства“ по части статей и книгъ, посвященныхъ автору „*Филиппа II*“, все же нельзя было констатировать, хотя десятки работъ увеличили собой литературу этого вопроса. Въ настоящее время можно уже подвести извѣстные итоги, обозрѣть главные результаты годовщины 8 октября для выясненія жизни и личности Альфьери. Наиболѣе солиднымъ трудомъ, посвященнымъ драматургу XVIII вѣка, явилась вышедшая еще въ 1902 году объемистая книга Эмилио Бертана „*Vittorio Alnieri, studiato nella vita, nel pensiero e nell'arte*“. Здѣсь собрано было немало дѣйствительно новыхъ фактовъ, проливающихъ своеобразный

свѣтъ на біографію драматурга, а также по-новому охарактеризовано постепенное развитіе его таланта, его отношеніе къ иностраннымъ литературнымъ образцамъ и т. д. Книга Бертана вызвала много критическихъ оцѣнокъ — въ общемъ, весьма сочувственныхъ—и въ Италіи, и за ея предѣлами (напр., въ статьѣ М. Ландау, „Alfieri und Byron“, напечатанной въ „Frankfurter Zeitung“), и дала богатый матеріаль авторамъ специальныхъ статей и очерковъ, написанныхъ ко дню годовщины.

Родному городу Альфьери, Асти, который необыкновенно гордится своимъ славнымъ гражданиномъ, а также — семьѣ и предкамъ драматурга, посвящена была появившаяся уже въ 1903 году книга Эрнесто Мази „Asti e gli Alfieri nei ricordi della villa di San-Martino“. Въ „Nuova Antologia“ напечатана была весною этого года статья Сасси о графинѣ Луизѣ Альбани, сыгравшей такую важную роль въ сердечной жизни Альфьери; замѣтимъ кстати, что изъ — подъ пера нѣмецкаго писателя Германа Людвига также вышла недавно статья „Alfieri's Muse“, гдѣ характеризуется эта интересная личность.

По мѣрѣ приближенія годовщины, число работъ, затрагивающихъ біографію или литературную дѣятельность Альфьери, естественно, все возрастало. Весьма цѣнный и полезный трудъ специально-библіографическаго характера выпустилъ въ Римѣ Луиджи Франко. Заглавіе этой книги — „О сочиненіяхъ, посвященныхъ Витторіо Альфьери“ („Degli scritti su Vittorio Alfieri, Bibliografia e critica“). Здѣсь перечислены не только специальные изслѣдованія и статьи, касающіяся Альфьери, но также и сочиненія общаго характера, гдѣ можно найти тѣ или другія свѣдѣнія о немъ. Авторъ даетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ краткую характеристику упоминаемой имъ книги или статьи.

Въ „Nuova Antologia“ отъ 16 октября появились двѣ статьи, относящіяся къ знаменитому уроженцу Асти. Первая изъ нихъ, написанная Эрнесто Мази, о которомъ мы уже упоминали выше, озаглавлена „Витторіо Альфьери, какъ поэтъ“. Вторая принадлежитъ профессору университета въ Пизѣ, Витторіо Чану, и имѣетъ предметомъ специальный вопросъ о пребываніи Альфьери въ Пизѣ. Въ томъ же журналѣ была напечатана, двѣ недѣли спустя, рѣчь, произнесенная Isidoro del Lungo въ торжественномъ засѣданіи, состоявшемся 19 октября во Флоренціи: „Альфьери, какъ поэтъ и гражданинъ“. Разсматривая литературную дѣятельность чествуемаго писателя, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что, несмотря на стѣснительныя рамки и условности такъ называемой ложно-классической трагедіи, онъ сумѣлъ и въ этихъ тѣсныхъ, ограниченныхъ предѣлахъ обнаружить индивидуальныя таланты, создать сильные, яркіе, энергичные образы, провести близкія и дорогія его сердцу идеи,—что, съ другой стороны, онъ уже стремился къ новымъ литературнымъ идеаламъ и формамъ и, недовольный словесностью своего времени, смутно угадывалъ и привѣтствовалъ ея дальнѣйшее развитіе. Дель Лунго останавливается и на воззрѣніяхъ Альфьери, какъ итальянскаго патріота, видя въ немъ предшественника тѣхъ дѣятелей, которые потрудились въ XIX столѣтіи на пользу освобожденія и объединенія страны. Рѣчь Дель Лунго не лишена интереса, хотя подобно всѣмъ рѣчамъ, произносимымъ въ торжественныхъ случаяхъ, не свободна отъ примѣси риторическаго элемента и извѣстной приподнятости общаго тона.

Съ книгой Чана о пребываніи Альфьери въ Пизѣ можно сравнить столь же специальное изслѣдованіе Джарро „Vittorio Alfieri a Firenze“. Историко-литературный характеръ носитъ не особенно обширная книга Альберто Сэрокка „Studio critico sull' *Agamemnone* e sull' *Oreste* di Vittorio Alfieri“. Остановивъ свое вниманіе на этихъ двухъ трагедіяхъ, авторъ сравниваетъ ихъ съ античными и французскими пьесами, которыя послужили для нихъ образцомъ, стремясь установить степень оригинальности итальянскаго драматурга, опредѣлить, что онъ внесъ своего въ разработку унаслѣдованныхъ отъ прошлаго сюжетовъ. Специальную публику, именно подрастающее поколѣніе, имѣетъ въ виду брошюра Амилъкаре Лаурія „Дѣтство, отрочество и сила воли у Витторіо Альфьери“, первоначально прочитанная авторомъ публично.

Въ одномъ изъ итальянскихъ журналовъ сдѣлана была попытка обзорѣтъ главныя статьи объ Альфьери, появившіяся за послѣдніе мѣсяцы въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, о тѣхъ, которыя были напечатаны на страницахъ „Nuova Antologia“, у насъ уже шла рѣчь выше. Отмѣтимъ нѣкоторыя другія, изъ числа болѣе интересныхъ и оригинальныхъ по содержанію: „Монологъ въ трагедіяхъ А.“, „Личность А.“, „А. передъ судомъ Стендаля“, „Отголоски творчества А. въ „Обрученныхъ“ Манцони“, „А. и форма его трагедіи“ и др. Въ общемъ, годовщина 8 октября вызвала, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ специальныхъ работъ и мелкихъ статей, посвященныхъ Альфьери; если далеко не всё онѣ представляютъ научную цѣнность, то все же имъ принадлежитъ та заслуга, что онѣ напомнили о различныхъ деталяхъ жизни и творчества драматурга и прибавили кое-что новое къ тому, что было раньше извѣстно о немъ.

Отъ работъ, посвященныхъ Альфьери, перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ другимъ трудамъ историко-литературнаго характера, появившимся за послѣднее время въ Италиі. Литература изслѣдованій о Данте обогатилась нѣсколькими новыми названіями. Такъ, вышла въ свѣтъ книга Крочони, посвященная старшему сыну Данте, Пьеро („Le rimesi Pjero Alighieri“). Другой изслѣдователь, Ф. Луизо, обратилъ свое вниманіе на комментаріи къ сочиненіямъ Данте, составленные вторымъ его сыномъ Джакомо, надѣясь извлечь изъ нихъ новыя данныя для исторіи творчества знаменитаго писателя и текста его произведеній. Число трудовъ біографическаго характера увеличилось новымъ жизнеописаніемъ Данте, составленнымъ Цингарелли. Упомянемъ еще о работахъ Кастелли, Фламини и др.

Въ „Новой Антологіи“ за 1903 годъ появилась статья Дель Бальцо, характеризующая различныя пьесы, навѣянная жизнью и творчествомъ Данте, вплоть до извѣстной драмы Сарду, о которой авторъ статьи отзывается весьма неодобрительно, даже съ отѣвкомъ пренебреженія, какъ о поверхностномъ и бьющемъ на эффектъ произведеніи, проводя, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ взглядъ, что біографія Данте вообще не можетъ быть признана благодарной для обработки въ драматической формѣ. Недавно Данте былъ сдѣланъ центральной фигурой „лирической поэмы“ Джузеппе Ауреліо Костанцо, такъ и озаглавленной „Данте“. Эта поэма, изъ которой иные отрывки появились раньше въ итальянскихъ журналахъ, вышла теперь отдѣльной книгой въ Туринѣ. Она затрогиваетъ, главнымъ образомъ, средневѣковую схоластическую философию

фію, къ которой авторъ относится вполне отрицательно, даже враждебно. Во всякомъ случаѣ, поэма Костанцо представляетъ безусловный интересъ.

Изъ новыхъ статей о Леопарди отмѣтимъ очеркъ Арнольдо Червезато, появившійся въ журналѣ „Nuova Ragola“ и озаглавленный „L'organo del gigante“. Здѣсь мы находимъ восторженную оцѣнку значенія знаменитаго поэта, главнымъ образомъ, какъ мыслителя, значительно опередившаго свое время, угадавшаго, по мнѣнію автора, многое изъ того, что занимаетъ и волнуетъ современное человѣчество,—что сказывается, между прочимъ, въ его „Pensieri“, которые только теперь предстали передъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ и объемѣ. Новыхъ трудовъ біографическаго характера, посвященныхъ Леопарди, мы пока не имѣемъ; однимъ изъ послѣднихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, изслѣдованій, затрогивающихъ жизнь поэта, была появившаяся въ 1902 году „Vita di Giacomo Leopardi“ Дж. Чезарео.

Нѣсколько критическихъ статей посвящено было за послѣдніе мѣсяцы Габр. Д'Аннунціо, который въ этомъ отношеніи занимаетъ едва ли не первое мѣсто среди современныхъ итальянскихъ писателей, такъ какъ его творчество тщательно комментируется и подвергается разностороннему анализу. Иные отзывы сводятся къ простому восхваленію и возвеличенію популярнаго писателя; въ другихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ довольно рѣзкой, даже беспощадной критикой. Такъ, В. Чанъ, касаясь той части „Laudi“ Аннунціо, которая посвящена прославленію Кардуччи, находитъ ее слишкомъ высокопарной, неестественной, не дающей притомъ полного понятія о чествуемомъ писателѣ. Наоборотъ, въ „Magzocco“ появилась недавно крайне сочувственная статья о „Laudi“, содержащая въ себѣ, между прочимъ, попытки зацитить Аннунціо отъ обвиненія въ томъ, что онъ возвеличиваетъ одно язычество и старается унижить христіанство, какъ начало, враждебное наслажденію жизнью и ея благами. Нельзя сказать, однако, чтобы автору статьи вполне удалось доказать справедливость своей мысли!

Крайне сочувственный характеръ носить и появившаяся въ двухъ книгахъ „Новой Антологіи“ статья Дж. Боргезе „Opera poetica de Gabriele d'Annunzio“; въ авторѣ „Laudi“ Боргезе видятъ проповѣдника новыхъ идей, поэта, призывающаго насъ стряхнуть съ себя бремя слабости и страха, увлекаться силой, мощью, энергіей, стремиться къ разумному наслажденію жизнью и всестороннему развитію своихъ задатковъ и способностей, вступать въ тѣсное общеніе съ природой, стараться угадать ея скрытую жизнь и сложную душу. Въ вѣнскомъ органѣ „Die Zeit“ недавно также появилась статья, посвященная новѣйшему произведенію Аннунціо. Между тѣмъ „Laudi“ продолжаютъ обогащаться все новыми и новыми отрывками. Въ той же „Новой Антологіи“ напечатанъ былъ недавно рядъ стихотвореній или маленькихъ поэмъ, которыя должны войти въ составъ *второй* и *третьей* книги этого цикла (всѣхъ ихъ будетъ семь). Здѣсь прославляются безмолвные, уцѣлѣвшіе отъ далекаго прошлаго города, которые и раньше съ большимъ воодушевленіемъ и въ очень красивой формѣ воспѣвалъ Аннунціо; на этотъ разъ очередь дошла до Бергамо, Каррары, Виченцы, Равенны и нѣкоторыхъ друг.

Несомнѣнный интересъ представляютъ нѣкоторые сборники критическихъ или историко-литературныхъ этюдовъ, вышедшіе въ свѣтъ за по-

слѣдніе мѣсяцы. Иногда они затрогиваютъ только итальянскую словесность, иногда, наоборотъ, касаются дѣятельности писателей иностранныхъ, даже русскихъ. Къ числу ихъ относится, напримѣръ, книга Пьетро Мастро „*Super l' erza; note critiche di litteratura contemporanea*“, представляющая собой собраніе журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ различнымъ авторамъ. Джуліо Монти въ рядѣ очерковъ, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „*La poesia della vita*“, разсматриваетъ дѣятельность Ницше и Нордау, Шелли, Эдгара По, Леопарди, Гюго, Золя и Толстого и т. д.

Діего Гароло озаглавилъ свой сборникъ этюдовъ „*Versi d'amore e prose di romanzi*“. Здѣсь идетъ рѣчь исключительно о современныхъ итальянскихъ писателяхъ и писательницахъ, между прочимъ, о Фогаццаро, Аннунціо, Пасколи, Стеккетти, Амиччѣ, Неэра, Анни Виванти, Орвіето. Нѣкоторыя изъ только-что упомянутыхъ именъ фигурируютъ и въ книгѣ итальянской писательницы Лауры Гропалло „*Современные итальянскіе писатели*“ (*Autori italiani d'oggi*), гдѣ весьма своеобразно и независимо оцѣнивается дѣятельность литераторовъ новѣйшаго времени, въ томъ числѣ Матильды Серао, Роветта и др. Аналогичный сборникъ готовится, видимо, и другой современный итальянскій критикъ, Бенедетто Кроче, печатающій въ одномъ неаполитанскомъ журналѣ рядъ статей объ итальянской литературѣ во второй половинѣ XIX вѣка.

„Этюды по иностраннымъ литературамъ“, — „*Studi di letterature straniere*“ — такъ озаглавлена книга А. Галлетти, вышедшая недавно въ Туринѣ. Здѣсь мы находимъ всего три статьи, посвященные иностраннымъ авторамъ, именно Данте-Габріэлю Россетти, Альфреду де Виньи и Леконту де Лялю. О поэзіи Виньи Галлетти говоритъ въ связи съ поэтическимъ творчествомъ Леопарди. Главное вниманіе критика устремлено на эстетическіе и нравственные идеалы изучаемыхъ имъ писателей, на ихъ значеніе, какъ провозвѣстниковъ прерафаэлитизма, пессимизма и реального направленія. Чисто-стилистическія особенности ихъ произведеній интересуютъ его сравнительно меньше.

Появленіе большого количества подобныхъ сборниковъ — фактъ весьма любопытный, свидѣтельствующій о томъ, что итальянская читающая публика интересуется литературными вопросами, слѣдить не только за развитіемъ родной словесности, но и за тѣмъ, что есть любопытнаго въ литературѣ другихъ странъ. Для насъ, русскихъ, всего интереснѣе, быть можетъ, сборникъ критическихъ этюдовъ, выпущенный знакомомъ русской и славянскихъ литературъ Доменико Чамполи, который выступалъ и въ роли беллетриста („*Il barone di San-Giorgio*“ и др. романы), — „*Saggi critici di letterature straniere*“. Большая часть этюдовъ, вошедшихъ въ эту книгу, касается русской литературы (только двѣ главы посвящены: одна — Сенкевичу, другая — историческому прошлому и поэтическому творчеству черногорцевъ). Чамполи характеризуетъ литературную дѣятельность Толстого, Достоевскаго, Чехова, Горькаго, Некрасова, Надсона, затрогиваетъ нашу современную драматическую литературу, касается, съ другой стороны, прошлаго русской словесности, даже наиболѣе отдаленнаго, знакомитъ своихъ читателей, между прочимъ, и съ „Словомъ о полку Игоревѣ“, которое цитируетъ въ своемъ переводѣ.

Появленіе такой книги можно только привѣтствовать, такъ какъ до послѣдняго времени въ Италіи сравнительно мало интересовались русской

литературой и мало знали ее. Теперь положеніе дѣлъ начинается, видимо, мѣняться къ лучшему; тотъ же Чамполи недавно выпустилъ, напримѣръ, итальянскій переводъ лермонтовской „Пѣсни про купца Калашникова“, а Федерико Вердиносъ, большой почитатель русской словесности и въ частности—поэзій, помѣстилъ въ журналъ „L'Italia moderna“ сдѣланный имъ переводъ двухъ сказокъ Пушкина—о царѣ Салтанѣ, и о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ,—переводъ хотя и несвободный отъ нѣкоторыхъ недочетовъ и ошибокъ, но все же заслуживающій вниманія по легкости и изяществу языка, стараніямъ Вердиноса приблизиться къ народному складу рѣчи и громадному труду, несомнѣнно, затраченному переводчикомъ.

Юрій Веселовскій.

Литературное обозрѣніе.

Общее правило для всѣхъ разсудительныхъ людей должно было бы гласить такъ: беллетристики въ нашихъ толстыхъ журналахъ вообще ни подь какимъ видомъ не читать, не соблазняясь ни заглавіемъ, ни именами авторовъ, читать же разсказъ или повѣсть только въ томъ случаѣ, если о нихъ уже очень будутъ шумѣть; на то существуютъ, во-первыхъ, рецензенты, во-вторыхъ, спеціальные любители беллетристики, преимущественно изъ числа представительницъ прекраснаго пола. При этомъ условіи рискъ пропустить что-нибудь выдающееся будетъ невеликъ, да и по существу этотъ рискъ не очень опасенъ; а какъ великъ былъ бы выигрышъ въ смыслѣ сбереженія времени и, главное, въ отношеніи духовной гигиены! Издавна свирѣпствующее у насъ повальное чтеніе журнальной беллетристики представляетъ собою настоящее общественное бѣдствіе; если вспомнить, что иной журналъ расходуется въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ, а каждый экземпляръ перебивается въ нѣсколькихъ рукахъ, то будетъ ясно, какое множество людей отравляется этой скверной, нездоровой, пикантной пищей. Обще-признано, что толстые журналы держатся преимущественно беллетристикой, и дѣйствительно, въ каждой книжкѣ ихъ вы найдете два-три разсказа и два-три куска романовъ или большихъ повѣстей; но, Боже мой, какъ все здѣсь жалко и бездарно! На двадцать беззащитно-плоскихъ вещей развѣ одна окажется приличной; куда ни взглянешь—деревянные обрубки вмѣсто людей, бумажная лента вмѣсто живыхъ рѣчей, непроходимая пошлость міровоззрѣній, отвратительная поддѣлка подь идейность, бутафорскіе эффекты и сплошное кощунство надъ святыней русскаго языка. О, этотъ слогъ журнальныхъ романовъ! Если бы у столичныхъ интеллигентовъ не приходилось по восемь засѣданій во всевозможныхъ обществахъ и комиссіяхъ на каждые семь дней недѣли, мы непременно выступили бы съ проектомъ учрежденія „Общества охраненія русскаго языка отъ дурнаго обращенія“.

Какъ неотразимо вліяніе російской дѣйствительности на нашу фантазію! Мысль о новомъ „обществѣ“ съ правомъ налагать штрафы при содѣйствіи полиціи тотчасъ породила въ насъ и другую мысль: какъ жаль, что музы—женщины, и притомъ греческо-подданныя! Будь онѣ мужского пола и живи въ Россіи, ихъ права стояли бы подь охраною всей строгости нашихъ уголовныхъ законовъ. Въ нашей беллетристикѣ изо дня въ день безнаказанно совершаются самыя вопіющія злодѣяства;

здѣсь бездарности десятки лѣтъ проживаютъ по фальшивымъ паспортамъ художниковъ, правда беззащитиво фальсифицируется ради упрощенія производства, насилуется здравый смыслъ, растлѣвается слово; кражи со взломомъ и безъ онаго стали обыденнымъ явленіемъ. Измѣрить бы этакого автора послѣ перваго же преступления по литературному Бертильону и подвергнуть законной карѣ — сослать въ мѣста вполнѣ или не столь отдаленныя отъ беллетристики; а г. Потапенко, за его послѣдній романъ *Мать и дочь*, только что оконченный печатаніемъ въ „Мірѣ Божьемъ“, былъ бы безъ сомнѣнія приговоренъ даже къ литературной смерти.

Нужны ли доказательства? Ихъ больше, чѣмъ у насъ мѣста и терпѣнія. О повѣсти г. Потапенко я умолчу совѣмъ, щадя себя и читателей, потому что читать, а тѣмъ болѣе излагать ее — почти физически тошно. Г. Потапенко, если можно такъ выразиться, — профессиональный... беллетристъ, рецидивистъ неисправимый; оставимъ его въ покоѣ и обратимся къ новичкамъ.

Они, рассказъ О. Давыдовой въ книжкѣ „Образованія“ за ноябрь. „Они“ стояли на крыльцѣ, „крѣпко прижавшись другъ къ другу, и радостными, вдохновенными глазами смотрѣли на черное бархатное небо“; онъ говорилъ, а въ ея счастливыхъ глазахъ „отражались ласковыя звѣзды“. Они смотрѣли на Оріонъ, а когда Оріонъ началъ блѣднѣть, „она“ просто сказала „ему“: „Возьми меня“. Потомъ они зажили вѣстѣ и дѣлали какое-то „общее дѣло“; потомъ у нихъ родился ребенокъ, и нужда заставила ихъ уѣхать въ столицу, гдѣ „онъ“ долженъ былъ кончать университетъ. Тѣмъ временемъ между ними выросла стѣна, и именно вотъ какая: „странно-прозрачная и мутно-сѣрая, какъ густой туманъ“; а жили они теперь какъ братъ съ сестрой. Но однажды ночью, когда они сидѣли рядомъ „и чувствовали мысли другъ друга“, онъ „взглянулъ на нее горячимъ и робкимъ взглядомъ“, вслѣдствіе чего она сочла нужнымъ отодвинуться. „И потухъ горячій огонь въ его глазахъ, и онъ бессильно опустилъ голову и сжалъ ее холодными пальцами, такъ что ему стало больно... И вдругъ дрогнула черная тѣма, и что-то страшное сѣрое заклубилось, и властно раздвинуло ее, и встало между ними, и поднялось выше ихъ, и сомкнулось наверху“... И „она“ сказала: „Пускай!.. пускай это будетъ... Но не нужно ребенка...“, и покраснѣла; и сначала имъ было стыдно, а потомъ они привыкли и имъ уже не было стыдно. А потомъ она жила для ребенка, а онъ полюбилъ... науку, и сталъ отъ того безстрастно спокойнымъ. И ее грызла тоска, и постепенно она возненавидѣла то „огромное, величавое и безстрастное, что потушило огонь тоски въ его душѣ“, и все ждала, что придетъ что-то „сильное, огромное и властное“ и „подхватить ее, какъ вихрь, и унесетъ ее, покорную и безвольную“. „И вдругъ оно пришло“: пришло письмо изъ того города, гдѣ они жили раньше, „такое обыкновенное съ виду“: въ немъ прежніе друзья звали ихъ назадъ въ тотъ городъ — дѣлать „общее дѣло“. А потомъ больше ничего и не было; „она“ рѣшила-было ѣхать, но „онъ“ упросилъ ее остаться; и, вѣроятно, еще не разъ будутъ они смотрѣть на Оріонъ, и у „него“ будутъ на глазахъ слезы, а „она“ будетъ смотрѣть, „какъ въ каждой изъ нихъ засверкали, отражаясь, великолѣпныя звѣзды Оріона, а потомъ слезы его медленно скатились на черную землю и тамъ

потухли“; а когда случится быть грому, то ей будет казаться, „что это кто-то сильный, большой и смѣлый смѣется надъ ней“.

Это не просто бездарно—гдѣ ужъ тутъ говорить объ искусствѣ!—это мертво и ложно, это—трупы съ истерически-искаженными лицами, съ безстыдно-обнаженнымъ уродствомъ. Зачѣмъ нуженъ былъ этотъ рассказъ—не намъ, а самому автору? Ни одного естественнаго слова, ни одного здороваго чувства, ни тѣни подобія чему-нибудь живому—одна голая, холодная, лживая выдумка, рассказанная съ той истерической претенциозностью, которой уже потому не слѣдовало бы подражать, что г-жъ Краидіевскую и Вербицкую превзойти въ этомъ дѣлѣ все равно невозможно.

Съ тоской смотрю я на сѣро-голубую обложку „Рус. Мысли“, думая о томъ, что сейчасъ мнѣ предстоитъ говорить о рассказѣ г. Крашенинникова, напечатанномъ въ ноябрьской книгѣ этого журнала. Рассказъ этотъ (онъ носитъ всеобъемлющее заглавіе *Рассказъ объ одной женщинѣ*) такъ ужасно пошлъ и жалокъ цѣликомъ и въ каждой отдѣльной своей строкѣ, что разбирать его нѣтъ никакой возможности; его можно только, въ наказаніе автору, изложить. Я буду излагать его словами подлинника, не смущаясь на мѣсто: онъ стоитъ того.

Надежда Павловна одѣлась (богатѣйшее платье, стоящее около тысячи рублей) и залюбовалась собою, что выражено такимъ великолѣпнымъ слогомъ: „Надменная улыбка *плавала* на ея губахъ, когда она *разбирала по частямъ* свою рѣдкую красоту“; затѣмъ слѣдуетъ разборъ по частямъ, въ числѣ которыхъ есть губы „ярко-красныя, точно смазанныя кровью“. Одѣвшись и полюбовавшись, она уже хотѣла выйти, но въ дверяхъ столкнулась со своимъ мужемъ, красивымъ, плотнымъ тридцатилѣтнимъ мужчиной. Ты?—сказала она, и начался разговоръ. А, мягко спросилъ мужъ; Б, нетерпѣливо бросила она; она нервно пожалала плечами, онъ какъ-то особенно усмѣхнулся, она чуть замѣтно вздрогнула, онъ вздохнулъ точно съ облегченіемъ, и т. д. Я замѣнилъ ихъ разговоръ буквами алфавита просто для краткости; читатель отъ этого ничего не теряетъ: мужъ спросилъ, куда она ѣдетъ, а она отвѣчала, что ей надо,—вотъ и все. Но отъ проникательнаго читателя не скрылось, что весь рассказъ имѣетъ цѣлью тончайшій психологическій анализъ.

Надеждѣ Павловнѣ уже полчаса назадъ „слѣдовало быть въ одномъ мѣстѣ“: вотъ почему она торопилась. Выйдя изъ дому, она поѣхала на Трубную площадь, у „одного дома“ сошла и поднялась на третій этажъ; здѣсь у одной двери встрѣтилъ ее человекъ въ котелкѣ и, подавая ключъ, забормоталъ: „Они придуть-съ... Они придуть-съ. Постучать три раза“. Она вошла въ номеръ меблированныхъ комнатъ и принялась размышлять. Она впервые пришла на свиданіе. Зачѣмъ въ сущности она измѣняетъ мужу? „Въ жадѣ къ чему-либо придраться“ она напоминаетъ исторію своего знакомства съ г. Бѣльскимъ. Онъ—теноръ; двѣ недѣли назадъ она съ мужемъ была въ „одномъ“ увеселительномъ саду, гдѣ въ оперномъ театрѣ и увидѣла въ первый разъ Бѣльскаго; онъ исполнялъ обольстительную роль герцога въ „Риголетто“. Онъ пѣлъ какъ Мазини и былъ хорошъ какъ богъ; она тотчасъ рѣшила, что онъ знаетъ множество женщинъ, „и тайное желаніе обладать красивымъ, вѣроятно капризнымъ и легкомысленнымъ

мужчиной раздражало ее. Она глухо волновалась, осматривая возбужденныя и ставшія совсѣмъ некрасивыми лица дамъ, на которыхъ яреко читалась раздраженная чувственность... и всѣ женщины казались ей безправственными“. Но такъ какъ она считала себя красивѣе всѣхъ, то и рѣшила, что имѣетъ преимущественное право на вниманіе пѣвца,— и это слово „вниманіе“ она истолковала себѣ въ глубинѣ души такъ откровенно, что покраснѣла. Она терялась въ хаосѣ мыслей, „набравшихся въ голову“; ей „было страшно сознавать въ себѣ это новое чувство, казавшееся ей отвратительно скользкимъ и липкимъ... И хотѣлось думать, что общо оно всѣмъ“. Потомъ раздалась аллодисменты, она подняла глаза, „и вездѣ: въ ложахъ, въ партерѣ, въ купонахъ, на галлерей увидѣла женщинъ, возбужденныхъ и чувственныхъ. У всѣхъ нихъ было придѣлано по лицу Надежды Павловны: у всѣхъ были роскошныя голубыя глаза, удивительно изящныя черты лица, смазанныя кровью губы“. Въ тотъ же вечеръ она познакомилась съ очаровательнымъ теноромъ, вскользь замѣтила ему, что онъ долженъ быть необыкновенно счастливъ, потому что ему „все доступно“, ему „хорошо жить, безопасно, спокойно“, на что теноръ глухо отвѣтилъ, близко склоняся къ ея лицу и блестя глазами: „Я не хочу спокойствія. Вы помните, гдѣ-то сказано: „Я прокляну эту ночь, если она будетъ спокойной“. Тогда „Надежда Павловна посмотрѣла на него изумленно и радостно... отшатнулась отъ него въ жгучемъ страхѣ. Сейчасъ же ощутила она его легкое рукопожатіе и усмѣхнулась ему рабской усмѣшкой“. И вотъ, теперь, „черезъ какія-то двѣ недѣли“, она ждетъ его въ меблированныхъ комнатахъ.

Не будетъ ли? Я изложилъ 11 первыхъ страницъ разсказа, ровно половину; дальше—въ томъ же родѣ: входитъ теноръ, она закрываетъ лицо руками, онъ укоризненно говоритъ: Ай, ай!.. и становится на одно колѣно; она умоляетъ: Не надо!.. потомъ все устроивается какъ слѣдуетъ; потомъ теноръ, „немного лѣнивый, немного безпечный, граціозный и утомленный“, уходитъ, а она еще немножко сидитъ и думаетъ, что мы считаемъ уже рѣшительнымъ невѣжествомъ со стороны тенора, ибо сказано: „старайтесь сохранять и въ самой подлости отгѣнокъ благородства“. Потомъ эта распутная дама зачѣмъ-то катается на лихачѣ, и т. д.: все та же топорная порнографическая „психологія“, изложенная тѣмъ же отвратительнымъ слогомъ.

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышать?

А если и случалось имъ...

Да нѣтъ, навѣрное не случалось. И подумать, что это „произведеніе“ будетъ прочитано нѣсколькими тысячами человѣкъ! За примѣсъ салицила и сахарина къ фруктовымъ водамъ законъ жестоко караетъ виновныхъ; колыма паче же... Вотъ до чего можетъ довести журнальная беллетристика: ужъ я опять сбиваюсь на путь полицейскихъ мѣропріятій.

Можно бы набрать еще съ полдюжины подобныхъ разсказовъ *за одинъ послѣдній мѣсяць*, какъ и за любой въ истекшемъ году, если бы я не боялся наскучить читателю и навлечь на себя упрекъ въ пристрастія. Конечно, не все такъ плохо въ нашей беллетристикѣ; въ 6—7 очередныхъ журнальныхъ книжкахъ ежемѣсячно печатается такое множе-

ство рассказовъ и повѣстей, что не удивительно, если среди дѣльных вороховъ макулатуры встрѣчается и что-нибудь дѣльное. Но огромное большинство этихъ писаній—подлинная макулатура, не стоящая не только труда наборщиковъ, но и бумаги, на которой она печатается.

Та категория „художественныхъ“ произведеній, образцами которой могутъ служить приведенные два рассказа, т.-е. категория анти-художественная по существу, своего рода маргаринъ въ литературѣ, составляетъ добрую половину журнальной беллетристики; за нею слѣдуетъ, съ необходимыми переходами, другая группа, стоящая безконечно выше ея, но по-своему тоже немало удручительная: произведенія, болѣе или менѣе серьезные, болѣе или менѣе отмѣченные художественнымъ дарованіемъ, но искаженные разсудочной выдумкой. Въ „Скучной исторіи“ Чехова милый, умный старый профессоръ мягко жалуется на русскую беллетристику; онъ говоритъ, что предпочитаетъ французскія книжки въ желтыхъ обложкахъ: „онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы, чего нѣтъ у русскихъ авторовъ“.

Я не помню,—говоритъ онъ,—ни одной такой новинки, въ которой авторъ съ первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно „теплое отношеніе къ человѣку“, четвертый нарочно дѣлаетъ страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозреннымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непременно мѣщаниномъ, другой непременно дворяниномъ и т. д. *Умыленность, осторожность, себѣ на умъ, но нѣтъ ни свободы, ни мужества писать, какъ хочется, а стало-быть нѣтъ и творчества.*

Мѣткость этого сужденія можно подтвердить дѣльмъ рядомъ рассказовъ и повѣстей, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ. Вотъ, напримѣръ, рассказъ г-жи Лѣтковой *Бобы* („Рус. Бог.“, ноябрь); рассказъ серьезный и недурно написанный, но носящій всѣ признаки заранѣе обдуманнаго намѣренія, какъ о томъ свидѣтельствуется уже ироническій эпиграфъ—два стиха Некрасова:

Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго.

Задумала г-жа Лѣткова изобразить горькую долю крестьянской женщины; и вотъ мы видимъ сначала маленькій клубъ изъ четырехъ дѣвочекъ на бревнахъ среди деревенской улицы въ холодный осенній день; у каждой на рукахъ по грудному младенцу; имъ холодно и скучно, хочется поиграть, но нельзя изъ-за дѣтей, которыхъ онѣ осуждены няньчить. Это—дѣтство и юность крестьянской женщины. Изъ ихъ разговора съ подсѣвшей къ нимъ помѣщицей мы узнаемъ, что за Агаѣей сегодня прѣдутъ сваты, что Агаѣя ни разу не видѣла своего жениха и что она сегодня на гумнѣ „голосила“; а вслѣдъ затѣмъ тотчасъ появляется и сама Агаѣя, молодая, крѣпкая дѣвушка; „глаза у нея совсѣмъ запухли отъ слезъ, и все лицо было точно водой налитое и какое-то ославившееся, точно она ничего не понимала, ничего не чувствовала“. Барыня вступаетъ въ разговоръ съ нею; оказывается, женихъ—фабричный, живетъ въ Москвѣ и послѣ свадьбы опять уѣдетъ

туда, а Агаея останется у его родителей въ качествѣ даровой работницы, потому что мать жениха больна и въ домѣ некому работать. Агаея, стало быть, иллюстрируетъ жизнь замужней крестьянки. Уходитъ Агаея, подходитъ къ бревнамъ представительница третьего періода въ жизни крестьянской женщины—старости; она же призвана обобщить картину, на случай если читатель еще не достаточно вразумленъ. Старуха рассказываетъ сначала о своихъ болѣзняхъ, затѣмъ безъ всякаго достаточнаго основанія принимается обобщать.

— Кровь заговорить нельзя,—продолжала барыня.—Неужели ты этого не понимаешь?

— Что мы понимаемъ?—грустно сказала Арина (это и есть старуха).—Темныя мы, совсѣмъ темныя, барыня!

— Кто „мы“?

— Бабы, вотъ кто! Самыя мы послѣднія творенья! Что съ насъ спрашивать? Нешто мы люди?

И она внезапно оживилась, забыла про свою „грызь“, встала и, глядя въ упоръ на барыню, сказала:

— Ничего-то мы не знаемъ, ничего не видимъ, не слышимъ...

и затѣмъ слѣдуетъ обобщенное изображеніе бабьей доли: сперва нянька, потомъ вѣчная работница, темнота, болѣзни, побои...

— Да пока работа—все еще можно жить. Работа для насъ, бабъ, спасенье! А вотъ зима придетъ—ложись и помрай! Ночь-то длинная, сугробы до крыши, занесетъ насъ, вѣтеръ воетъ, холодно... Сидимъ по избамъ, закопанныя; чисто погребеніе приняди... Вотъ когда бабъ—смерть... Говорить не объ чемъ, радоваться нечему... Ничего никто не знаетъ... Прямо живѣемъ погребенныя... Вотъ тутъ и начинается свара, руготня... Языки-то чешутся... Сноха на свекровь, свекровь на сноху, всѣ другъ на дружку... И все вѣдь отъ скуки нашей бабьей... Гляньте,—въ любой деревнѣ одно увеселеніе для бабъ—ругаться... Соберутся на улицѣ либо у колодца, и давай кричать... Дя вѣдь стараемся какъ бы покрѣпче облаять да уязвительнѣе... И по избамъ также.

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. А чтобы обратить эту картину, авторъ показываетъ намъ и маленькій уголокъ жизни мужской половины—какъ шестеро мальчишекъ весело и беззаботно ловятъ рыбу, межъ тѣмъ какъ ихъ сестренки, скучая и дрожа отъ холода, нянчатъ дѣтей. Въ результатъ такой умышленности естественно получилось не художественное произведеніе, а сочиненіе на заданную тему, и читатель выноситъ впечатлѣніе, которое нѣмецкій поэтъ опредѣлилъ словами: *Man merkt die Absicht und man wird verstimmt.*

Другого рода умысломъ испорченъ рассказъ г. Куприна *Конокрады* (въ той же книгѣ „Рус. Бог.“). Рассказъ этотъ обнаруживаетъ большую художественную силу, но авторъ, ради вящей яркости изображенія, сгустилъ краски болѣе, чѣмъ позволительно. Сюжетъ не сложенъ: старый нищій, бывший конокрадъ, рассказываетъ удалому Бузыгѣ, какъ много лѣтъ назадъ нѣмецъ-колонистъ, у котораго онъ пытался украсть лошадей, отрубилъ ему девять пальцевъ; а потомъ мы присутствуемъ при страшномъ самосудѣ деревни надъ укравшимъ лошадь Бузыгой. Обѣ сцены нарисованы съ потрясающею правдивостью; старикъ, его внукъ Василь, Бузыга, озвѣрѣвшая толпа стоятъ предъ глазами, какъ живые. Но картина вся залита кровавокраснымъ цвѣтомъ, въ ней нѣтъ оттѣнковъ и нѣтъ фона, она какъ бы обведена чернильной чертой, точно мы видимъ эти фигуры темною ночью при проблескѣ молніи, или,

вѣрнѣе, точно онѣ отражены волшебнымъ фонаремъ на экранѣ и освѣщены сквозь красное стекло. И это—тоже умышленность, но не идейная, какъ у г-жи Лѣтковой, а, такъ сказать, техническая, художественная въ узкомъ смыслѣ слова.

Какой умыселъ руководилъ г. С. Юшкевичемъ въ его обширной повѣсти *Человѣкъ* („М. Бож.“, IX—XII), что знаменуетъ собою это заглавіе, напоминающее указательный перстъ на выѣскахъ, мы не беремся судить. Надо отдать справедливость автору: его рассказъ проникнутъ глубокой серьезностью, дышитъ напряженной, почти судорожной скорбью, не лишенной силы въ лирическихъ мѣстахъ; и если мы тѣмъ не менѣе не можемъ видѣть въ этой повѣсти художественнаго произведенія, то виною тому опять-таки умышленность, порожденная на этотъ разъ напряженностью одушевляющихъ автора чувствъ.

Въ этой повѣсти все такъ судорожно-раздергано, такъ горячечно-азартно, что, при всей правдоподобности фабулы, получается впечатлѣніе фантазмагоріи. Дѣло въ томъ, что у автора оказалось гораздо меньше художественнаго дарованія, чѣмъ страсти. Представьте себѣ дѣвушку, внезапно обманутую своимъ возлюбленнымъ; представьте себѣ, что она садится писать повѣсть, въ которой хочетъ излить всю страшную боль своего сердца, и что она притомъ лишена литературнаго таланта. Получится одно изъ двухъ: или блѣдные, безкровные образы, съ жалобами томительно однообразными, не способными взволновать читателя, или—если эта дѣвушка обладаетъ сильнымъ темпераментомъ—нѣчто демоническое, картины невѣроятно пылкой страсти, адской черноты души, вопли, проклятія и стоны. Такимъ страстнымъ темпераментомъ и такимъ слабымъ дарованіемъ, повидимому, обладаетъ г. Юшкевичъ; фабула его повѣсти реальна, реальна и одушевляющая его страсть, но нѣтъ въ ней главнаго—нѣтъ *художественнаго* реализма. Ему мало той простой жизненной правды, изображеніемъ которой большой талантъ достигаетъ высшихъ цѣлей искусства; онъ справедливо боится за себя, боится, что простымъ живописаніемъ дѣйствительности не сумѣетъ возбудить въ читателѣ скорби, равной его собственной, и потому онъ до чудовищнаго сгущаетъ краски или старается обыденному придать мистическій видъ. Оба эти способа—сгущеніе красокъ и символизмъ—онъ несомнѣнно заимствовалъ у Зола; но что служило большому таланту, то поработило маленькой. О Зола дѣйствительно можно сказать, что „онъ владѣетъ страстью, а не она владѣетъ имъ“, къ г. Юшкевичу приложимо какъ разъ обратное.

Повѣсть начинается съ того, что герой ея—молодой отставной солдатъ Никита—ѣдетъ въ большой приморскій городъ О. (очевидно, Одессу) искать заработка. Въ поѣздѣ, который везетъ Никиту, восемь вагоновъ III класса; вотъ какъ г. Юшкевичъ изображаетъ настроеніе, царившее въ этихъ фантастическихъ вагонахъ.

Люди вокругъ Никиты задыхались отъ упоенія и вѣры. Надежда на этотъ большой, невѣдомый городъ захватывала всѣхъ, и молодыя и старыя, насупленные лица краснѣли, какъ у дѣтей, отъ радости, когда говорили о фантастическихъ заработкахъ, ожидавшихъ cadaго новопрїѣзжаго. Восклищанія, подобно стрѣламъ, неслись по вагонамъ. Слово разрасталось въ упоительную сказку, и она дѣйствовала, какъ подавляющая правда. Разговаривали всѣ разомъ, перебивая другъ друга, мѣшали, не слушали, горѣли. Разночинный людъ, мѣшане всякихъ профессій и ремеслъ, рабочіе, мужики, бабы съ грудными дѣтьми на ру-

кахъ, всё повторяли одно и то же о чудесахъ волшебнаго, большого города, гдѣ, казалось, не было бѣдныхъ и деньги, какъ камни, валялись на улицахъ.

(Кто-то заговорилъ о томъ, что въ городѣ „валяются денежки“).

Толпа волновалась, почуявъ золото. Казалось, слышался звонъ денегъ, шуршаніе бумажекъ... Въ воздухѣ уже несло жужжаніе голосовъ. Настрадавшихся людей охватила горячка, и съ сверкающими глазами, будто руки ихъ уже рылись въ сокровищахъ, потные и задыхающіеся отъ вонючаго табачнаго дыма, они всё разомъ заговорили о деньгахъ, о чудовищныхъ заработкахъ, о своихъ крѣпкихъ рабочихъ рукахъ. Они говорили серьезно и радостно, гордые своей силой, которая нужна городу, жалкому и ничтожному безъ нихъ. Раздвинулись тѣсныя рамки вагоновъ, исчезли одинокія, унылыя поля, бѣдное, безъ красокъ небо, и на ихъ мѣсто стала большая, необъятная, красующійся дворцами городъ, чистый и богатый, требующій людей-работниковъ. Казалось, сотни умоляющихъ рукъ простирались отсюда къ этимъ обиженнымъ жизнью, гдѣ-то погибавшимъ до сихъ поръ, простирались для того, чтобы посадить ихъ рядомъ съ собой и одарить счастьемъ, по которому они такъ томились.

Въ этомъ томительномъ родѣ описаніе тянется нѣсколько страницъ, съ безпрестанными повтореніями, судорожно, лихорадочно, упрямо; и такова вся повѣсть.

Тотчасъ по прїѣздѣ Никита попадаетъ въ портъ; десятки страницъ заняты безмѣрно растянутыми и надоедливо однообразными картинами портовой жизни и сценами въ кабахъ. И здѣсь все до невѣроятія преувеличено; попытки автора олицетворить, символизировать портъ и кабахъ (по слѣдамъ Зола и частью Горькаго) крайне неудачны и раздражаютъ своею надуманностью; толпа и отдѣльныя дѣйствующія лица едва видны въ туманѣ необузданно-страстныхъ словъ. Да и вообще г. Юшкевичу не удалось нарисовать ни одного живого лица; даже его герои—Никита и Аннушка — точно куклы, которыя авторъ неистово дергаетъ за веревочку. Къ этому надо еще прибавить совершенное неумѣніе автора воспроизводить разговорную рѣчь: читаешь такой разговоръ—точно кто остриемъ стекло царапаетъ; пренеприятная вещь.

Никита работаетъ, бѣдствуетъ и пьетъ въ порту, сходитя съ проституткой Елизаветой, которая внезапно съ первой же минуты вспыхиваетъ къ нему бѣшеною страстью, потомъ онъ бросаетъ ее, она зарѣзывается. Потомъ Никита учится грамотѣ, лѣчится отъ дурной болѣзни, которую передала ему Елизавета, и наконецъ влюбляется въ честную дѣвушку Аннушку, съ которою и сходитя. И все это продѣлывается въ лихорадочномъ возбужденіи, всё очертанія доведены до чудовищныхъ размѣровъ. Вотъ какъ описывается, на примѣръ, зарождающаяся любовь Никиты и Аннушки.

(У Никиты) любовь все разрасталась, втягивала, и чувство, которое раньше казалось силой противъ зла, сдѣлалось силой противъ него самого. Она поглощала, всасывала и отодвигала то, что было насущнымъ, дальше, и придвигала ближе то, что было роскошью... Любовь покрыла всю его жизнь, и окружавшее потонуло и ушло далеко отъ его взволнованной души.

(Аннушка) гадала о Никитѣ по своимъ снамъ, одухотворяла ради него дождь, солнце, крикъ птицы, и мѣръ, видъ людей, бывший раньше чужимъ и непонятнымъ ей, теперь сроднился съ ней, и его таинственный языкъ сталъ ей знакомъ. По утрамъ она открывала солнцу окно и, замуривъ глаза, думала, что смотреть на Никиту, и отъ него идетъ на нее тепло и свѣтъ. Дождь стучалъ каплями по крышамъ,—то было голосъ Никиты, говорившаго что-то нужное и важное, безъ чего померкла бы ея жизнь. И всё голоса, и всё молчанія стѣнъ, земли, деревьевъ говорили про одно — то было о Никитѣ. Въ таинственное и полное особеннаго смысла превратилось самое обычное, и т. д.

Психологическаго правдоподобія здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ прочихъ частяхъ фабулы, и въ остальныхъ дѣйствующихъ лицахъ; никакъ не поймешь, почему Никита вдругъ разлюбилъ Елизавету, почему Елизавета зарѣзалась, почему Ѳедоръ такъ странно покончилъ съ собою, и т. д. Никита сходится съ Аннушкой; три мѣсяца длится ихъ счастье, изображенное опять въ экзотическихъ краскахъ, потомъ вдругъ все рушится: Аннушка, зараженная Никитой, выкинула и попала въ больницу, а въ порту началась зимняя безработица. Отъ нестерпимо яркаго счастья „вдругъ“ ничего не остается; авторъ довольствуется лаконическимъ сообщеніемъ: „Потомъ постепенно ушли ласки, поцѣлуи, испуганные ворвавшимся холодомъ, вмѣстѣ съ ними погибли надежды, мечты, радости, и Аннушка осталась совершенно одинокой“. Съ тоски Аннушкѣ начинаетъ ходить къ сосѣдѣ, содержащей притонъ, начинаетъ пить и однажды въ пьяномъ видѣ попадаетъ въ руки богатаго лавочника, который давно на нее зарился. Вечеромъ Никита, вернувшись домой, находитъ ее спящей, пьяной, вынуждаетъ у нея признаніе и избиваетъ до полусмерти; тогда дядя Аннушки, жившій съ ними, тоже портовый чернорабочій, Василій Дьякъ, говоритъ Никитѣ:

— Уходи отъ насъ, Никита!

Раздался плачь Аннушки.

— Уходи отъ насъ, уходи, — сердито повторялъ Дьякъ, махая руками, — не нашъ ты.

— Никита, голубчикъ!—крикнула Аннушка, бросаясь къ нему.

— Ступай, Анка, на свое мѣсто, — твердо выговорилъ Дьякъ. — Кого просишь? Не твой это мужъ. Чужимъ залетѣлъ онъ къ намъ, чужой пусть и уходитъ. И когда онъ уйдетъ отъ насъ, мы заживемъ по-старому. Легко заживемъ. Уходи отъ насъ, Никита.

— Куда я пойду? — угрюмо спросилъ онъ, прислушиваясь къ рыданіямъ Аннушки.

— Куда ноги понесутъ, но изъ порта уходи. Не ко двору ты здѣсь пришелся. Мы поденщики, пьяницы, и другой жизни намъ и даромъ не нужно. Ты орелъ — и самъ замучился и всѣхъ замучилъ. Уходи отсюда, и опять мы станемъ жить спокойно. Аннушку прощу — ты не простишь, и какъ скверный сонъ она вспомнитъ этотъ годъ жизни съ тобой.

— Куда я пойду?—упрямо спрашивалъ Никита.—Куда мнѣ пойти?

— Найдешь дорогу. Надѣнь шапку, перекрестись на четыре стороны и ступай съ Богомъ. Ходи, ищи, покуда свое мѣсто не найдешь. Велика Россія, и всѣмъ мѣсто есть въ ней, слабымъ и сильнымъ. А мы привыкнемъ безъ тебя. Любили и еще любимъ, но будемъ работать, мучиться и забудемъ тебя. Уходи отъ насъ, Никита.]

Все это, по нашему, выдумки. Не языкъ это портового чернорабочаго, хотя бы и любящаго книги, и не было у него никакихъ основаній видѣть въ Никитѣ „орла“. Да нѣтъ ихъ и у насъ, — а вѣдь таковъ, по видимому, былъ замыселъ автора. Можно догадываться, что г. Юшкевичъ имѣлъ въ виду представить въ своей повѣсти нѣчто противоположное „Цыганамъ“ Пушкина или „Казакамъ“ Л. Н. Толстого, — именно „человѣка“, нормальнаго, здороваго, попавшаго въ среду больныхъ, искалѣченныхъ людей; но это ему не удалось даже въ самой малой степени. Прежде всего Никита — не живое лицо, а призракъ; черты же, какими рисуешь его авторъ, — наполовину романтическаго, наполовину босяцкаго свойства. 19-ти лѣтъ будто бы женили его на богатой кривой дѣвкѣ Катеринѣ, а онъ любилъ бѣдную сироту Мотю; онъ съ Катериной не сталъ жить, а Мотя вышла за вдовца, который на смерть

замучилъ ее. Отбывъ военную службу, Никита нанялся въ харчевню, но больше двухъ мѣсяцевъ не могъ выдержать, потому—грабежъ тамъ, по карманамъ лазили; и вотъ онъ прѣхалъ въ портовый городъ. Такова біографія героя, можетъ быть поэтичная, но мало убѣдительная насчетъ правдоподобія. Въ порту Никита, если вѣрить г. Юшкевичу, мучается вопросами: „откуда берутся деньги“, „откуда пьянство“, „откуда идетъ зло“, „какъ сдѣлать, чтобы темному народу жить можно было“ и т. д.,— все, какъ полагается по Горькому, — протестуетъ противъ произвола приказчика и пр.; а „орлинаго“ въ немъ все-таки совсѣмъ не видать: эти „орлиныя“ слова и поступки нацѣплены на него авторомъ снаружи, а не вырастаютъ стихійно извнутри его натуры, которая такъ и остается для насъ туманнымъ пятномъ. Послѣ приведенной діатрибы Дьяка Никита дѣйствительно уходитъ изъ города, и никакъ не поймешь, почему онъ, послѣ всего пережитаго имъ, уходитъ „бодрый и увѣренный“ и почему, глядя на открывающіеся передъ нимъ поселки, онъ думаетъ: „Тамъ люди. Въ людяхъ сила“; да и что значать эти слова?

Въ тихой, глубокой скорби г. Вересаева, насыщенной опытомъ и размышленіемъ, неизмѣримо больше художественной правды, чѣмъ въ неистовой запальчивости г. Юшкевича, не только не заражающей, но расхолаживающей читателя. Г. Вересаевъ—настоящій художникъ, хотя и не сильный; лица, выведенныя въ послѣднемъ его произведеніи (повѣсть *Честнымъ путемъ* въ дек. книгѣ „М. Бож.“), очерчены довольно блѣдно, но это не манекены, а дѣйствительно живыя лица; вдумчивая, иногда тонкая наблюдательность, правдивость въ каждомъ словѣ и чувство мѣры—вотъ большія достоинства этой повѣсти. Въ ней нѣтъ словеснаго лиризма, котораго такъ много у г. Юшкевича, но она вся дышитъ такою болью за униженнаго человѣка, какой не передаетъ другому никакая шумиха словъ. Ничего новаго: рядъ картинъ изъ жизни женщинъ, работающихъ въ столичномъ переплетно-брошюровочномъ заведеніи, картины все обыденныя, вѣроятно ничуть не прикрашенныя въ мрачную сторону, только, можетъ быть, слишкомъ сдвинутыя на небольшомъ пространствѣ. Рука не подымается передавать ихъ содержаніе: такъ страшно говорить холодными словами объ этихъ трепещущихъ, теплыхъ женскихъ тѣлахъ, которыя равнодушно рветъ въ клочья и пожираетъ нужда и похоть, объ этихъ сердцахъ, истекающихъ кровью. И разбирать не хочется этотъ рассказъ; разбирать—значить думать и говорить, а здѣсь мысль цѣпенѣтъ, слово мретъ на устахъ. Я думаю, человѣкъ, который своими глазами видѣлъ все это, надолго разучился смѣяться. И еще я думаю, что люди, даже образованные, въ большинствѣ своемъ не умѣютъ читать. Читать художественное произведеніе значить *воображеніемъ* внимательно созерцать и воплощать то, что изображалъ художникъ. Предъ вами планъ зданія, вотъ рисунокъ фасада: *сложите* въ вашемъ воображеніи этотъ фасадъ, слѣдуя рисунку, складывайте послушно кирпичъ за кирпичомъ, часть за частью; предъ вами партитура—не смотрите на нее мертвымъ взоромъ, а напрягайте воображеніе, чтобы внутри себя слышать звуки, нота за нотой: вотъ что значить читать. Въ повѣсти г. Вересаева есть между прочимъ такая картинка.

Въ комнату сходились жильцы. Дѣвушка-папиросница, нанимавшая отъ хозяйки кровать пополамъ съ Александрой Михайловной, присѣла къ столу и хлебала изъ горшечка разогрѣтыя щи; жена тряпичника, худая, съ бѣгающими, го-

рящими глазами, разстинала на полу войлокъ для ребятъ; старикъ - кочегаръ сидѣлъ на своей койкѣ и маслянисто - черными руками прикладывалъ къ слезящимся глазамъ примочку.

Кто прочитаетъ эти немногія строки такъ, какъ надо читать, т.-е. не одними глазами, тотъ, прочитавъ ихъ, тоже, вѣроятно, хоть на день забудетъ смѣяться. Но такъ читаютъ немногіе; большинство читаетъ глазами—и смѣется.

На этотъ разъ обзоръ журнальной беллетристики ведетъ насъ отъ топкихъ низинъ ея чрезъ рядъ промежуточныхъ ступеней на вершину истинно-художественнаго творчества—къ А. П. Чехову. Новый его рассказъ *Невѣста* („Журн. для всѣхъ“, декабрь), конечно, неизмѣримо выше всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами произведеній, но среди прочихъ чеховскихъ рассказовъ занимаетъ только среднее мѣсто. Многое здѣсь по-прежнему удивительно—прежде всего этотъ тонкій ароматъ поэзіи, разлитый въ каждой строкѣ, потомъ чудесная *необходимость* каждой картины, каждой фразы въ разговорахъ, наконецъ неподражаемая прелесть языка. Но и этотъ рассказъ, какъ большинство рассказовъ Чехова, — не картина, а эскизъ; такъ и кажется, что Чеховъ „пишетъ“ не кистью и красками, а тонкимъ перомъ. Правда, онъ владѣетъ этимъ перомъ какъ никто; въ умѣннн двума - тремя чертами набросать живое лицо онъ не имѣетъ соперниковъ, точно такъ же, какъ въ искусствѣ однимъ намекомъ передать настроеніе дѣйствующаго лица,—но это все-таки не портреты, а силуэты. Такія мастерскія черточки съ расточительною щедростію разсыпаны и въ этомъ рассказѣ—ихъ такъ много и всѣ онѣ такъ хороши, что я затрудняюсь выбрать для примѣра лучшую; впрочемъ, читатели, конечно, уже знакомы съ рассказомъ и оцѣнили всю его прелесть. Однако въ этомъ тонкомъ рисункѣ невольно бросаются въ глаза два мѣста, оставшіяся какъ бы пустыми: начало II главы, гдѣ изображается первая бессонная ночь Нади, — слишкомъ поверхностно и бѣгло, такъ что читателю не передается настроеніе этой ночи; еще слабѣе VI глава, гдѣ *новой* Нади почти совсѣмъ не видать: какой переворотъ произошелъ—не въ ея жизни, а въ ней самой, въ ея душѣ—объ этомъ трудно догадаться по тѣмъ немногимъ виѣшнимъ признакамъ, которыя далъ художникъ.

Статья г. Ѳ. Тищенко *Какъ учитъ писать Л. Н. Толстой* („Р. М.“, ноябрь), много выиграла бы, еслибы авторъ ограничился напечатаніемъ трехъ писемъ Л. Н. Толстого и не томилъ читателя въ промежутокъ рассказомъ о собственныхъ своихъ чувствованіяхъ и размышленіяхъ. А въ письмахъ этихъ дѣйствительно есть кое-что любопытное. Писаны они, надо думать, лѣтъ 8—10 назадъ и адресованы г. Тищенко, который, какъ начинающій писатель, обращался къ Л. Н. Толстому съ просьбою о руководствѣ и содѣйствіи. Особенно замѣчательными показались намъ слѣдующіе два отрывка:

Писателю нужны двѣ вещи: знать то, что должно быть въ людяхъ и между людьми, и такъ вѣрить въ то, что должно быть, и любить это, чтобы какъ будто видѣть предъ собою то, что должно быть, и то, что отступаетъ отъ этого.

Живите жизнью описываемыхъ лицъ, описывайте въ образахъ ихъ внутреннія ощущенія, и сами лица сдѣлаютъ то, что имъ нужно по ихъ характерамъ сдѣлать, т.-е. сама собою придумается и явится развязка, вытекающая изъ характера лицъ.

Характерно для тѣхъ лѣтъ (когда писалась и книга объ искусствѣ) слѣдующее мѣсто:

Общій выводъ тотъ, что если вы вѣрите въ истину (истина одна—ученіе Христа), то вы можете писать хорошо; но только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы имѣть въ виду не исключительную публику образованнаго класса, а всю огромную массу рабочихъ мужчинъ и женщинъ...—Направленіе ясно—выраженіе въ художественныхъ образахъ ученія Христа, его 5 заповѣдей; характеръ—чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщинѣ, ребенку, и чтобы и тотъ и другой заинтересовались, улыбались и почувствовали бы себя добрѣе.

Наконецъ, любопытно мнѣніе гр. Толстого о его собственномъ слогѣ и взглядъ его на слогъ вообще. Упомянувъ о неправильностяхъ въ слогѣ присланнаго г. Тищенкою разсказа, онъ замѣчаетъ: „Но про это не стоитъ говорить. *И не я буду въ нихъ упрекать.* Я люблю то, что называется неправильностью, что есть характерность“.

Двѣ превосходныя статьи напечаталъ г. В. Брюсовъ о Тютчевѣ—одну въ „Р. Арх.“, XI—XII, другую въ ноябрьской книгѣ „Новаго Пути“. Первая представляетъ собою строго-критическую и исчерпывающую наличный матеріалъ „лѣтопись жизни Тютчева“ (до конца 1844 г.), вторая безповоротно разрушаетъ легенду о Тютчевѣ, созданную И. С. Аксаковымъ, легенду о 22-лѣтней оторванности Тютчева отъ русскаго быта, русскаго языка, отъ умственной жизни русскаго общества, равно какъ и легенду о пренебреженіи Тютчева къ его стихамъ. Въ этой же книгѣ „Нов. Пути“ собрано двѣнадцать пьесъ Тютчева, не вошедшихъ въ собраніе его стихотвореній; не можемъ устоять противъ искушенія привести здѣсь одну изъ нихъ, удивительное стихотвореніе „Наканунѣ годовщины 4 августа“. Оно впервые было напечатано въ „Истор. Вѣсти.“ за июнь прошлаго года.

Вотъ бреду я вдоль большой дороги
Въ тихомъ свѣтѣ гаснущаго дня.
Тяжело мнѣ, замирають ноги...
Другъ мой милый, видишь ли меня?

Все темнѣй, темнѣе надъ землею,
Улетѣлъ послѣдній отблескъ дня...
Вотъ тотъ мѣръ, гдѣ жили мы съ тобою!
Ангель мой, ты видишь ли меня?

Завтра—день молитвы и печали,
Завтра—память рокового дня.
Ангель мой, гдѣ бь души ни витали,
Ангель мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865 г. (Тютчеву было въ это время 62 года.)

Наиболѣе цѣннымъ приобрѣтеніемъ русскаго литературнаго за истекшія мѣсяца является обширное собраніе писемъ Некрасова къ И. С. Тургеневу (75 страницъ), напечатанное А. Н. Пыпинымъ въ декабрьской книгѣ „В. Евр.“ Письма эти были переданы г. Пыпину Тургеневымъ въ послѣдній его прїездъ въ Россію, т.-е. болѣе двадцати лѣтъ назадъ; они обнимають годы 1847—1858, т.-е. не считая одного—послѣдняго предъ разрывомъ—письма, отъ января 1861 года. Некрасовъ—не мастеръ эпистолярнаго искусства, какъ и большинство нашихъ знаменитыхъ писателей: такихъ мастеровъ едва ли наберется среди нихъ больше трехъ

(Пушкинъ, Бѣлинскій и Герценъ.) Въ его письмахъ нѣтъ той граціи, съ какою свободный духъ запечатлѣваетъ въ письмѣ, и именно только въ письмѣ, радужную игру своего ума и чувства, нѣтъ поэзіи мгновенно вспыхивающихъ и потухающихъ настроеній; это простыя, хорошія, дружески-дѣловыя письма. Изрѣдка блеснетъ въ нихъ острота, напримѣръ, когда онъ пишетъ засидѣвшемуся въ деревнѣ Тургеневу, посылая поклонъ его собацѣ: „Я увѣренъ, что эта сметливая сучка теперь еѣ гордостью думаетъ: „Паконецъ онъ такъ привязался ко мнѣ, что и на зиму остался со мной въ деревнѣ“. Изрѣдка попадаются недурныя картинки изъ охотничьей жизни, много мѣткихъ характеристикъ лицъ, много литературныхъ отзывовъ, обнаруживающихъ большой умъ и тонкій художественный вкусъ; великолѣпны, напримѣръ, слѣдующія строки (1857 г.):

Я читалъ недавно кое-что изъ твоихъ повѣстей. *Фаустъ* точно хорошъ. Еще мнѣ понравился весь *Яковъ Пасынковъ* и многія страницы *Трехъ встрѣчъ*. Тонъ ихъ удивителенъ—какой-то страстной, глубокой грусти. Я вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ. И ты одинъ изъ новыхъ владѣешь формой—другіе даютъ читателю сырой матеріалъ, гдѣ надо умѣть брать поэзію. Написать бы тебѣ объ этомъ больше, но опять проклятая мысль—не принялъ бы ты этого за пустую любезность! Но прошу тебя—перечти „Три встрѣчи“,—уйди въ себя, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски—и напиши что-нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки поются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько жившаго, какъ твое, любовью, страданіемъ и всякою идеальностью.

Большой умъ Некрасова мы знали и раньше, но чтѣ въ этихъ письмахъ дѣйствительно ново—это проникающая ихъ задумчивость, необыкновенно теплое чувство къ другу—къ Тургеневу; и есть что-то скорбное и трогательное въ стыдливости этого чувства, въ неумѣннн выразить его, въ горечи, которую это неумѣннн рождаетъ въ самомъ Некрасовѣ. Вообще напечатанныя теперь письма содержатъ богатѣйшій матеріалъ для внутренней біографіи Некрасова, и это—самое цѣнное въ нихъ. Основной ихъ тонъ можно опредѣлить двумя некрасовскими же стихами:

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди—она недалеко.

Тяжкій физическій недугъ и нестерпимал, рѣдко перемещающаяся хандра превратили его жизнь въ „медленное, трудное умираніе“. Желчная скорбь—вотъ его обычное настроеніе, и въ минуты, когда оно всецѣло овладѣваетъ имъ, онъ находитъ слова поистинѣ потрясающія.

...Теперь тоже не хорошо,—пишетъ онъ въ половинѣ 1857 года,—надо работать, а руки опускаются, точить меня червь точить. Въ день двадцать разъ приходитъ мнѣ на умъ пистолеть и тотчасъ дѣлается при этой мысли легче. Я сообщаю тебѣ это потому, что это фактъ, а не потому, чтобъ я имѣлъ намѣреніе это сдѣлать,—надѣюсь, никогда этого не сдѣлаю. Но нехорошо, когда человѣку съ отравной точки зрѣнія помынуто представляется это орудіе. Правда, оно все примирить и разрѣшить, да не хочу я этого разрѣшенія...—Горе, стыдъ, тьма и безуміе—этими словами я еще не совсѣмъ полно обозначаю мое душевное состояніе, а какъ я его себѣ устроилъ? Я вздумалъ шутить съ огнемъ и пошутить черезъ мѣру.

Зиму 1856/7 года онъ проводитъ въ Римѣ. Здѣсь, на досугъ, свободный отъ заботъ по журналу и отъ петербургской сутолоки, онъ, повидимому, много жилъ внутреннею жизнью, подводилъ итоги; поэтому

римскія письма особенно важны для его характеристики. Вотъ отрывокъ изъ одного такого письма.

Я живу такъ себѣ, ни худо, ни хорошо—или вѣрнѣе, то хорошо, то худо—подосами. Совѣтъ твой жить со дня на день очень хорошъ, но я какъ-то лишень способности наладиться на такую жизнь: день-два идетъ хорошо, а тамъ смотришь—тоска, хандра, недовольство, злость... Всему этому и есть причины, и, пожалуй, нѣтъ... Писать объ этомъ больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ—и я твержу про себя припѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ:

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе.

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣннѣе были живы и сильны и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,—въ комъ есть что-нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣннѣе, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ, подобнымъ мнѣ, лучше всего не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо—и злишься, что столько лѣтъ кисъ въ болотѣ—и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣннѣе моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ,—вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось въ русской жизни, даже манера уѣзжать за границу, износивши душу и тѣло. Зачѣмъ я сюда приѣхалъ!

Чтобъ больше жизни стало жаль...

По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниконъ человѣческаго безумія, которые вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель (или найди лучше слово) и тысячи тысячъ разъ увѣнчанное зло—плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣннѣе забрался я третьяго дня на куполь св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ божій: это очень пошлый фарсъ—посмѣйся. Во мнѣ мало здоровой крови. Жить для себя не всякій день хочется и стоитъ (съ какой ноги встанешь съ постели)—и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобъ хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой-то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: „наше послѣднее слово еще не сказано“—не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этою готовностью, конечно, сдѣлаешь что-нибудь.

У него самого не было этой вѣры, этой готовности, и онъ глубоко страдалъ отъ сознанія, что ихъ нѣтъ въ немъ; отсюда и его „драма писателя“.

Когда нѣтъ душевной истины и свободы,—пишетъ онъ изъ Рима же,—такая (бродячая) жизнь только и возможна,—какъ гдѣ засидишься, такъ и хуже. О работѣ я забыть и думать—безъ вышесказанныхъ элементовъ это самый безжалостный родъ насилія изъ всѣхъ, какія мнѣ доводилось дѣлать надъ собою.

Въ другой разъ (въ письмѣ 1853 года) онъ пишетъ, жалуясь на свое здоровье:

Вдобавокъ—стихи одолѣли—т.-е. чуть ничего не болитъ и на душѣ спокойно, приходитъ *Муза* и выворачиваетъ все вверхъ дномъ; и добро бы съ какой-нибудь пользой, а то безъ толку,—начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой утѣренности, и прежде чѣмъ успѣю овладѣть мыслью, а тѣмъ паче хорошо выразить ее,—катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу—и такъ пока не угмонится сверлящая мысль. На этомъ основаніи я себя сравниваю съ караульной, подымающей стукотню всякій разъ, какъ проѣдетъ генераль.

М. Гершензонъ.

Библиографія.

А. Павлишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крестьяне. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи. Изд. Рязанской Архивной комиссіи подъ редакціей С. Яхонтова. Рязань, 1903 г.

Въ самое послѣднее время въ русской исторической литературѣ выдвигается вопросъ о болѣе широкомъ изученіи причинъ паденія крѣпостнаго права. Доселѣ изслѣдованія этого крупнѣйшаго вопроса русской исторіи почти исчерпывались знакомствомъ съ идеей подготовкой крестьянской реформы и съ исторіей тѣхъ временныхъ учрежденій, которыя ее осуществили. Теперь область изслѣдованія мало-по-малу расширяется и углубляется, и на очереди стоитъ изученіе сложныхъ внутреннихъ условий, органически свойственныхъ крѣпостному хозяйству, и вліянія, оказаннаго этими условіями на его судьбу. По самому свойству историческаго матеріала, который долженъ лечь въ основу изученія условий крѣпостнаго хозяйства (дѣла губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, семейные архивы, хозяйственные отчеты и т. п.), русская провинція должна дать очень много для правильнаго освѣщенія вопроса. Нельзя поэтому не привѣтствовать появленія (пока, къ сожалѣнію, рѣдкаго) всякаго труда по крестьянскому вопросу, основаннаго на свѣжемъ матеріалѣ, извлеченномъ изъ провинціальныхъ хранилищъ. Впрочемъ, Рязанская архивная комиссія, въ трудахъ которой ранѣе появилась, между прочимъ, и часть выпущеннаго ею нынѣ изслѣдованія А. Д. Павлишина, уже успѣла много сдѣлать для изученія крестьянскаго дѣла въ своей губерніи; въ этомъ отношеніи ея примѣръ заслуживаетъ подражанія со стороны всѣхъ аналогичныхъ ей учрежденій, какъ заслуживаетъ большой похвалы возникшая въ комиссіи и изданіемъ труда Павлишина выполненная, мысль собрать вмѣстѣ и выпустить въ одной книгѣ все, что успѣлъ сдѣлать по исторіи крестьянскаго вопроса одинъ изъ ея дѣятельнѣйшихъ членовъ. Смерть помѣщика автору докончить работу; вполне приготовлены для печати были только главы I, II и IV выпущенной книги (цифровыя свѣдѣнія о крестьянскомъ населеніи, помѣщикахъ и имѣніяхъ; условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства; злоупотребленія помѣщичьей властью.) Всѣ остальныя главы, помѣщенные болѣе частью ранѣе на страницахъ „Грудовъ“ Рязанской архивной комиссіи въ видѣ отдѣльныхъ статей, какъ на примѣръ, „Судебная и административная власть помѣщика“, „Вольноотпущенные“ „Свободные хлѣбопашцы“ и т. п.) должны были еще подвергнуться переработкѣ; въ томъ видѣ, какъ онѣ перепечатаны редакторами въ настоящей книгѣ, — это очерки фактическаго характера, знакомящіе съ различными деталями крѣпостнаго быта, но лишенные выводовъ и не дающіе понятія о мысляхъ автора и цѣли работы. Естественно, что наибольшій интересъ въ книгѣ представляетъ то, что обработано самимъ авторомъ. Въ главѣ первой авторъ оперируетъ данными пяти ревизій, ставя себѣ прежде всего цѣлью прослѣдить количественныя измѣненія въ крѣпостномъ населеніи Рязанской губерніи. Вполне обоснованные выводы, къ какимъ, въ концѣ концовъ, приходитъ авторъ, очень интересны, потому что для читателя становится вполне ясною общая, хотя и небольшая, убыль крѣпостнаго населенія въ губерніи, происходившая, по мнѣнію автора, главнымъ образомъ отъ перечисленія крѣпостныхъ въ другія сословія. Не менѣе интересны наблюденія автора надъ количествомъ и составомъ

имѣній и ихъ владѣльцевъ, гдѣ рядомъ цифровыхъ выкладокъ доказывается, что ко времени реформы мелкопомѣстные дворяне, обремененные долгами и фактически не извлекавшіе особыхъ выгодъ изъ своего привилегированнаго положенія, составляли огромное большинство помѣщиковъ губерніи, и, такимъ образомъ, „сотни тысячъ закрѣпощенныхъ крестьянъ служили интересамъ меньшинства дворянскаго сословія, состоявшаго изъ крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ... Отмѣной крѣпостнаго права большинство дворянства лично совсѣмъ заинтересовано не было“. Не менѣе опредѣленны выводы второй главы, гдѣ на основаніи многихъ примѣровъ, взятыхъ изъ крѣпостной дѣйствительности, и свидѣтельство, почерпнутыхъ отъ современниковъ, преимущественно крупныхъ землевладѣльцевъ, авторъ заключаетъ, что нормальныя условія крѣпостнаго хозяйства обеспечивали крестьянамъ только „минимумъ существованія“ безъ надежды даже въ будущемъ на улучшение такого положенія; а со стороны владѣльцевъ, даже самыхъ состоятельныхъ, поддержаніе этого „нормальнаго“ строя требовало слишкомъ много заботъ и безпокойныхъ волненій, тогда какъ „при отсутствіи этихъ условій, средствъ, добываемыхъ изъ крѣпостнаго труда, было недостаточное и помѣщики вынуждены были проводить свою жизнь въ бѣдности“. Въ концѣ-концовъ, крѣпостное право было одинаково тягостно и для крестьянъ, и для помѣщиковъ. Первыхъ оно лишало всякихъ средствъ для болѣе или менѣе человѣческаго существованія; вторымъ оно не давало тѣхъ средствъ, которыя были необходимы для существованія болѣе или менѣе обеспеченнаго. Интересная точка зрѣнія автора дополняется высказаннымъ въ IV главѣ положеніемъ, что отдѣльные случаи добраго и отеческаго поведенія помѣщиковъ губерніи о своихъ крестьянахъ не могли вознаграждать за безконечныя, на каждомъ шагѣ повторявшіяся, злоупотребленія помѣщиковъ своею властью. Остается пожалѣть, что автору не суждено было окончить вполне своего интереснаго труда, который даже въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ очень полный очеркъ крѣпостнаго хозяйства Рязанской губерніи въ XIX вѣкѣ. Надо надѣяться, что такой трудъ не останется безъ подражанія и вмѣстѣ съ трудами другихъ членовъ Рязанской комиссіи положитъ начало разработкѣ исторіи крѣпостнаго хозяйства по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи, что должно сильно облегчить разрѣшеніе общаго вопроса о причинахъ паденія крѣпостнаго права. Последняя глава книги (XII) посвящена обзору участія рязанскаго дворянства въ губернскомъ комитетѣ и редакціонныхъ комиссіяхъ 1858—60 г. и представляетъ значительный интересъ, какъ примѣръ отношенія къ готовившейся реформѣ со стороны средней, не чисто консервативной, но и не особенно либеральной дворянской среды.

Ю. Готье.

Н. Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. 2 тома. Спб., 1903 г.

На неподготовленнаго читателя ученый трудъ нововременскаго публициста можетъ произвести внушительное, даже подавляющее впечатлѣніе: „Полная библиографія“, „Синхронистическія таблицы“, „Алфавитные указатели“, около 1200 страницъ убористаго шрифта „Исторіи“ — однимъ словомъ, весь антуражъ крупнаго научнаго предпріятія.

Авторъ въ предисловіи усердно старается поддержать читателей въ этомъ ошибочномъ убѣжденіи.

Его методъ — „единственно научный“. „Мы выяснили всѣ главные моменты литературной эволюціи, которая у насъ (?) подчинялась характерному, бросающемуся въ глаза хронологическому ритму десятилѣтій („годовъ“), и если не достигли въ нашемъ изслѣдованіи окончательной научной обработки предмета, то все же положили начало сравнительной повѣркѣ фактовъ и данныхъ, подвергли, такъ сказать, перекрестному допросу весь накопленный въ массѣ отдѣльныхъ монографій научно-историческій матеріалъ нашего предмета“. При изученіи „синхронистическихъ таблицъ“, „наглядно рѣшается вопросъ объ отношеніи русской мысли къ западной, и сами собой являются соображенія о взаимоотношеніи именъ и твореній литературы германо-романскихъ, англо-саксонскихъ (?) и русско-славянскихъ міровъ“. „Мы (г. Энгельгардтъ) даемъ необходимую и достаточную библиографію за сто лѣтъ“. Выбиралось при этомъ все то, что „представляетъ не

балласт или повторение, а дает новое, важное и действительно существенное". Труд г. Энгельгардта вообще „дает возможность едва ли не впервые наглядно обозреть литературную эволюцию XIX столѣтія“. „Принявъ методъ хронологической по десятилѣтіямъ, мы вступили въ области исторіи русской литературы XIX столѣтія на путь объективной научности. Насколько подвинулись мы по этому пути къ идеалу, судить, конечно, не намъ“. Г. Энгельгардтъ „не скрываетъ“ отъ читателей, что „последовательное примѣненіе избраннаго имъ точнаго метода изслѣдованія потребовало отъ него долгой и тяжелой работы“. „Недочеты въ матеріалахъ“ заставляютъ его однако „напередъ ожидать, что въ его трудѣ окажутся частныя недосмотры и мелкія неточности“. Онъ „воздерживался отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній „своими словами“: „мы старались характеризовать писателей яркими цитатами изъ ихъ произведеній и приводили оцѣнки имъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ“*)).

Иное впечатлѣніе получается отъ книги при ея ближайшемъ изученіи.

„Полнота библиографія“ не исключаетъ существенныхъ пропусковъ и крупныхъ ошибокъ.

Въ главѣ о Радищевѣ (I, 98—29) не указаны самыя важныя статьи о немъ— В. А. Мякотина, проф. Боброва, П. Н. Мидюкова. Пропущены очень интересная автобиографія Мартынова (I, 53), рядъ цѣнныхъ статей о Крыловѣ (I, 99) — гг. Лященко, Сиповскаго, Нечаева, Перетца, Л. Н. Майкова, второе издание „Примѣчаній“ Кеневича, о Каменевѣ (I, 102) — проф. Боброва, о Нахимовѣ (I, 102) — проф. Багалъя, о кн. Горчаковѣ (I, 103) — Врайловскаго (также новыя матеріалы въ моихъ статьяхъ въ Академическихъ „Извѣстіяхъ“), о „Русалкѣ“ (I, 169) — академика Жданова, о Растопчинѣ (I, 126) — Тихонравова, объ „Арзамасѣ“ (I, 134) — Стурдзы и проф. Халанскаго, о Кайсаровѣ (I, 135) — академика Сухомлинова и пр. и пр. Какъ будто нарочно пропускаетъ г. Энгельгардтъ все болѣе свѣжее и важное, ограничиваясь совершенно случайными и устарѣлыми указаніями. Такихъ существенныхъ пропусковъ (такъ, напримѣръ, пропущены громадная и очень важная диссертация о Карамзинѣ г. Сиповскаго) мы насчитали *нѣсколько сотъ*.

И въ томъ же многомъ, случайно выхваченномъ, что указывается г. Энгельгардтомъ, то и дѣло попадаютъ непростительныя ошибки.

„Памятникъ протекшихъ временъ“ Бахаровъ — вм. Болотовъ (I, 120), Драгомановъ — вм. Драгановъ (I, 120), „Сиповскій, Юбилейныя изданія Пушкина. Труды Мин. Нар. Просв.“ (I, 224) — вм. „Пушкинская юбилейная литература, Журналъ Мин. Нар. Просв.“, „В. В. Вяземскій, Къ литературной исторіи писемъ русскаго путешественника“ (I, 175) — вмѣсто В. В. Сиповскій и пр.

Особенно хороша ошибка: у Николаева будто бы есть „Комедія Сорока“ (I, 117). Возникло это курьезное недоразумѣніе, повидимому, такъ: г. Энгельгардтъ списалъ откуда то не особенно разборчиво впервые имъ услышанное названіе трагедіи Николаева „Сорена“; позднѣе онъ прочелъ „Сорока“, и, такъ какъ трагедія съ такимъ заглавіемъ ожидать было нельзя, храбро вставилъ прибавку отъ себя: «комедія»...

Ошибочны въ огромномъ большинствѣ случаевъ и хронологическія приуроченія: „Несчастный М.“ Клушина приуроченъ къ 1802 г. вмѣсто 1792 г., „Смѣхъ и горе“ — къ 1795 вмѣсто 1793, „Бѣшеная семья“ Крылова (1785) поставлена послѣ его піесъ 1805 — 1806 гг. (I, 117). Карамзинъ будто бы умеръ въ 1822 г. и пр.

Синхронистическія таблицы прямо умилительны своею наивностью. Какъ это могутъ „наглядно рѣшать вопросъ объ отношеніи русской мысли къ западной“ такія, напримѣръ, сопоставленія (I, 601 — 603): „Марія Стюартъ“. Система Шеллинга. „Слово о полку Игоревѣ“. Jean Sbogar, Nadier (Nodier?). „Чайльдъ Гарольдъ“. Новиковъ †. Сборникъ былинъ Кирши Данилова (второе изданіе!)? А изъ нихъ состоятъ всѣ эти „таблицы!“

Но обратимся къ основному тексту.

Г. Энгельгардтъ распределяетъ пеструю груду біографическихъ фактовъ, цитаты изъ литературныхъ произведеній и критическихъ статей по внѣшнимъ признакамъ — десятилѣтій и литературныхъ родовъ и видовъ. Благодаря этому,

*) Нѣкоторые изъ рецензентовъ (гг. Щеголевъ, Сакудинъ и др.) отмѣтили, однако, что г. Энгельгардтъ много „разглагольствуетъ“ и далеко не всегда указываетъ источники своихъ цитатъ, часто скрытыхъ.

онъ не даетъ общаго представленія объ отдѣльныхъ писателяхъ и литературныхъ направленіяхъ. Попытка уловить „ритмы десятилѣтій“ приводитъ г. Энгельгардта къ полной неудачѣ: ему то и дѣло приходится то отдѣлять „идеалистовъ 30-хъ годовъ“ отъ „людей 40-хъ годовъ“ (понятія тождественныя), то указывать грани внутри десятилѣтій, то повторять однѣ и тѣ же ничего не значащія фразы о разныхъ періодахъ („чудодѣйственная проза“, „чудодѣйственный стихъ“). Зачастую онъ приурочиваетъ къ десятилѣтіямъ произведенія, написанныя значительно раньше, и только теперь изданныя, — даже вторыя и слѣдующія изданія, игнорируя первыя. Такъ двоятся самый признакъ приуроченія — время сочиненія или изданія. Сочиненія Радищева (90-ые годы XVIII в.) попали въ 10-ые годы XIX в. только потому, что были тогда изданы, „Почта духовъ“ Крылова (1788)—потому что была переиздана въ 1802 г., басни Дмитріева — потому что г. Энгельгардтъ не знаетъ ихъ перваго изданія (съ подписью І. Д., 1796 г.).

Уже одно это показываетъ, что далеко не все обстоитъ благополучно у г. Энгельгардта съ его „единственно научнымъ хронологическимъ методомъ“.

Трудъ г. Энгельгардта, „долгій и тяжкій“, обыкновенно сводится къ механическому сопоставленію выписокъ, часто противорѣчивыхъ, безъ всякаго вывода, но съ лирическими излияніями и своеобразной „отсебятиной“. То и дѣло наталкиваешься на невѣрныя и скрытныя цитаты, странныя потуги на краснорѣчіе, черезчуръ своеобразныя приемы изложенія, голые, ничего не говоряще перечни. Чтобы не быть голословными, возьмемъ наудачу нѣсколько мѣстъ изъ перваго и втораго тома.

„Пресловутая „Россиада“ благоухала только плѣсенью и мышами“ (I, 141). „Скромный старичокъ“ (о Херасковѣ, I, 144). „Мерзляковъ, дѣйствительно, являлся образцомъ педанта въ своемъ разборѣ „Россиады“, такъ какъ онъ держитъ рѣшето ложно-классической теоріи въ то время, какъ Херасковъ усиленно доитъ козла, сочиняя нелѣзную эпопею водянистыми стихами“ (I, 147). „Сладенькій оппортунизмъ, гуманность обхожденія въ чичиковскомъ духѣ пропитываетъ журналъ“ („Вѣстникъ Европы“ Карамзина, I, 40). „Проза Батюшкова является дальнѣйшимъ шагомъ послѣ прозы Жуковскаго“ (I, 55)—почему, не указано. Изобразивъ простоту обстановки Остафьева, въ которомъ Карамзинъ писалъ свою „Исторію“, г. Энгельгардтъ прибавляетъ (I, 155): „замѣчательное совпаденіе. Въ 1806 году Наполеонъ беретъ Іену. И когда онъ вступаетъ въ одну изъ заставъ города со своими полчищами, изъ другой, противоположной, выходитъ бѣдный, неизвѣстный профессоръ въ одномъ сюртукѣ. Но этотъ бѣднякъ — Гегель, и подъ полой сюртука онъ уноситъ свою „Феноменологію“.

„Споръ о „приоритетѣ“ Пушкина или Гоголя, самъ по себѣ бесполезный, видимо возникъ еще въ 50-ые годы. Но онъ рѣшается просто: во всякомъ случаѣ не Гоголь наследовалъ отъ Пушкина темы величайшихъ своихъ созданій, онъ поэтомъ завершилъ начатаго Пушкинымъ“ (I, 450).

„Послѣ смерти Гегеля въ 1831 году, его преданными разжевывателями явились ограниченные философастеры Вердеръ, Витке и пр.“ (II, 19). „Умеръ человекъ и остались только панталоны“ (II, 489). „Конецъ 50-хъ годовъ Катковъ употребилъ изслѣдованію вопроса о дамскихъ салопахъ полекъ, не носившихъ трауръ по отчизнѣ, испорченныхъ въ Вильнѣ въ 1868 и 1869 годахъ“ (II, 161). „Полемическія и просто безмозглыя статьи въ „Отеч. Запискахъ“ (II, 223 — въ библиографическомъ перечнѣ).

Мы взяли первыя попавшіяся мѣста изъ отчеркнутыхъ нами при чтеніи книги г. Энгельгардта. Подобныхъ цитатъ можно набрать сколько угодно съ любой ея страницы.

Все это достаточно показываетъ, къ какимъ результатамъ привела его „долгая и тяжелая работа“, и какіе труды могутъ находить себѣ издателей, сбытъ — и поклонниковъ: близкая къ нововременскимъ кругамъ печать вознесла до небесъ „Исторію“ г. Энгельгардта.

В. Калаашъ.

В. П. Батуриинскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Спб., 1904 г. Стр. 309. Ц. 2 р. 50 к.

Эта книга (исключая одного мѣста, о которомъ ниже) почти вся состоитъ изъ перепечатокъ: во-первыхъ, здѣсь почти цѣликомъ перепечатана книжка Драгоманова, содержащая письма Тургенева къ Герцену, причѣмъ авторъ даже

ни разу не ссылается на эту книжку, а каждый раз глухо заявляет: „сохранилось письмо Тургенева от такого-то числа“ и т. п.; дайте перепечатаны десятки страниц из сочинений Герцена и из „Колокола“ (с указаниѣм источника), множество писемъ изъ „Рус. Мысли“ (безъ указаниѣ источника), изъ „Рус. Стар.“, „Рус. Обозр.“, „Вѣстн. Евр.“ и пр., разныя газетныя статьи, обширныя выписки изъ всевозможныхъ мемуаровъ и изслѣдованій. Эти „цитаты“ соединены между собою коротенькими поясненіями автора, носящими характеръ объяснительныхъ примѣчаній и устанавливающихъ преимущественно хронологическую послѣдовательность цитатъ. Авторъ книги обнаруживаетъ въ этихъ примѣчаніяхъ хорошее знакомство съ предметомъ и большія библиографическія познанія, что дѣлаетъ его книгу цѣннымъ пособіемъ для лицъ, специально изучающихъ данную эпоху; это—дѣйствительно, „материалъ для исторіи“, почти не освѣщенные и не разработанные, такъ что большой публикѣ книга не много дастъ. Только по одному вопросу авторъ обнаруживаетъ самостоятельное отношеніе къ своему матеріалу,—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ участіи Герцена въ польскомъ возстаніи 1862—3 г.; онъ справедливо указываетъ на то, какъ щекотливо было положеніе Герцена въ этомъ дѣлѣ, но, односторонне освѣщая предметъ, безъ всякаго основанія обрушивается упрекомъ на Герцена. По мнѣнію г. Батурина, поддержка, оказанная Герценомъ полякамъ, была тяжелой ошибкой: онъ забывалъ-де, что дѣло шло о миллионахъ малорусскихъ крестьянъ, „на своей шкурѣ испытавшихъ всѣ прелести польскаго владычества и вовсе не смѣтрѣвшихъ на Польшу, какъ на „отечество“, а, напротивъ, относившихся къ ней, даже въ воспоминаніяхъ, съ ненавистью“, и не замѣчалъ, что „поляки не только губятъ собственное дѣло, но губятъ также и тѣ робкіе всходы широкихъ общественныхъ реформъ, которые только-что начинали пускать ростки на русской почвѣ“. Въ результатѣ—горькое сознаніе сдѣланной ошибки; „но онъ,—говоритъ г. Батуринскій,—почему-то не хотѣлъ сознаться въ этой ошибкѣ“. Г. Батуринскій точно не читалъ или намеренно игнорируетъ собственные воспоминанія Герцена объ его участіи въ польскомъ мятежѣ („М. Б. и польское дѣло“, „Пароходъ Ward Jackson“ и др., въ посмертныхъ сочиненіяхъ); тамъ онъ нашелъ бы ясное объясненіе, почему Герценъ не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ. Герценъ не забывалъ о народѣ польскихъ областей—аристократически-феодалный характеръ возстанія былъ ему глубоко противенъ; „идеалъ поляковъ,—говоритъ онъ,—былъ за нами, они шли къ своему прошедшему“; не забывалъ онъ и о Россіи—напротивъ, онъ даже ждалъ для нея извѣстной пользы отъ польскаго дѣла (напомнимъ г. Батурина то мѣсто въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“, гдѣ сказано: „вѣряди отчасти и мы“). Но было нѣчто, что, по выраженію Герцена, „спаяло“ его съ поляками, было нѣчто, передъ чѣмъ „замолкали всѣ вопросы, стирались всѣ различія“; „мы любили ихъ отвагу и уважали ихъ несокрушимый протестъ—говоритъ Герценъ...—мы шли съ разныхъ точекъ и пути наши только пересѣкались въ общей ненависти“. Положеніе Герцена въ польскомъ дѣлѣ было трудное и щекотливое, своимъ сочувствіемъ къ полякамъ онъ нанесъ смертельный ударъ своему вліянію, всей своей дѣятельности; но онъ не могъ не стать на ихъ сторону, поскольку они являлись борцами за тѣ идеи, которымъ онъ посвятилъ свою жизнь,—онъ поступилъ только честно и послѣдовательно и не заслужилъ того упрека, который бросаетъ ему г. Батуринскій.

М. Гершензонъ.

Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ. Сборникъ статей подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1903 г. 233 стр.

Указанный сборникъ представляетъ собою бесплатное приложеніе къ журналу „Вѣстникъ и Библиотека Самообразованія“. Это девятый выпускъ въ серіи научныхъ изданій, предпринятой фирмой Брокгаузъ-Эфронъ подъ общимъ названіемъ „Библиотека Самообразованія“. Изданія Брокгауза-Эфрона вообще выгодно отличаются отъ многихъ другихъ тѣмъ, что къ участію въ выборѣ матеріала и къ редактированію того, что предлагается русскимъ читателямъ, привлекаются выдающіеся специалисты и серьезныя научныя силы. Поэтому за „Библиотекой Самообразованія“ можно считать обезпеченной и научность самаго содержанія ея отдѣльныхъ выпусковъ, и тѣ качества, которыя зависятъ главнымъ образомъ отъ компетентности редакторовъ того или иного изданія, ставящаго себѣ задачей популяризацію научныхъ знаній. Сборникъ „Введеніе въ изученіе социаль-

ных наук“ занимает нѣсколько особое мѣсто въ ряду другихъ изданій „Библиотеки Самообразования“. Это не переводъ съ одного изъ иностранныхъ языковъ, а коллективный трудъ цѣлой группы русскихъ ученыхъ. Сборникъ обнимаетъ собой 10 статей по основнымъ вопросамъ общественныхъ наукъ. Три первыя статьи принадлежатъ редактору сборника проф. Н. И. Карѣву: 1) Что такое общественныя науки? 2) Огюсть Контъ какъ основатель социологии. 3) Основныя направленія социологии и современное ея состояніе.—Затѣмъ слѣдуютъ: 4) Статистика и статистическій методъ, ихъ жизненное значеніе и научныя задачи, доцента А. А. Чупрова. 5) Предметъ и задачи политической экономіи, проф. Н. А. Карышева. 6) Методы экономическихъ изслѣдованій, А. И. Чупрова (изъ его лекцій въ Московскомъ университетѣ). 7) О наукѣ права, прив.-доц. В. М. Гессена. 8) Гражданское право и гражданское правовѣдѣніе, прив.-доцента В. М. Нечаева. 9) Преступное дѣяніе и наказаніе. Основныя понятія уголовного права, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева. 10) Введеніе въ курсъ государственнаго права, В. В. Водовозова.

Приведенныя названія отдѣльныхъ статей могутъ дать общее представленіе о томъ, что читатель найдетъ въ сборникѣ, который, очевидно, съ полнымъ правомъ носить названіе „Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ“, заключаая въ себѣ руководящія указанія современной науки какъ относительно наиболѣе общихъ проблемъ обществовѣдѣнія, такъ и по капитальнымъ отраслямъ экономическихъ и юридическихъ знаній.

Эта широта программы сборника, при сравнительно небольшомъ объемѣ, является однимъ изъ несомнѣнныхъ его достоинствъ. Но въ то же время такое разнообразіе содержанія книги ставитъ совершенно непреодолимыя трудности тому, кто хотѣлъ бы въ краткой замѣткѣ передать основныя выводы отдѣльныхъ статей и отнестись критически къ взглядамъ, которые проводятся каждымъ изъ представителей той или иной научной спеціальности.

Поэтому мы ограничимся только самыми общими указаніями и остановимся главнымъ образомъ на первой статьѣ проф. Н. И. Карѣва, имѣющей вступительный характеръ по отношенію ко всему сборнику, и на статьѣ В. М. Гессена, которая является какъ бы общимъ введеніемъ ко второй его части, посвященной проблемамъ научнаго правовѣдѣнія.

Отвѣчая на вопросъ „Что такое общественныя науки“, проф. Н. И. Карѣвъ начинается съ установленія основнаго различія между науками естественными и гуманитарными. Естественныя науки имѣютъ дѣло съ матеріальными предметами, т.-е. съ вещами и съ явленіями, совершающимися въ этихъ вещахъ; человекъ, какъ животный организмъ, есть предметъ естествознанія. Но миръ человека, со стороны его духовной и общественной жизни, составляетъ предметъ особаго изслѣдованія, которому посвящаютъ себя такъ-называемыя гуманитарныя науки, изучающія въ людяхъ не животныя особи, а личности. Нельзя не отмѣтить, что авторъ здѣсь удачно разрѣшаетъ одно изъ самыхъ серьезныхъ затрудненій въ нашей терминологіи при классификаціи наукъ. Установившійся въ нѣмецкой литературѣ терминъ „Geisteswissenschaften“ передается въ переводныхъ работахъ различно—то какъ „науки о духѣ“, то какъ „гуманитарныя науки“. И то и другое выраженіе, безъ поясненія, можетъ возбудить цѣлый рядъ безусловно неправильныхъ представленій и привести къ совершенному смѣшенію понятій. Между тѣмъ подъ руководствомъ проф. Карѣва читатель и не замѣтитъ, быть можетъ, той опасности, которая могла ему грозить, потому что для извѣстнаго „понятія“ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ вполне подходящаго „слова“ (какъ разъ въ противоположность саркастическому утвержденію гётевскаго Мефистофеля!). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ на самыхъ наглядныхъ примѣрахъ разъясняетъ, какъ мы вообще можемъ относиться къ вещамъ и личностямъ, и указываетъ, что, въ отличіе отъ эмоціональнаго и утилитарнаго, отношеніе теоретическое и есть чисто-научное; затѣмъ онъ наивѣщаетъ признаки, выдѣляющіе предметъ социальныхъ наукъ, изучающихъ системы общественныхъ порядковъ, изъ ряда другихъ явленій и отношеній общественной жизни и указываетъ такія черты, которыя являются общими для всѣхъ социальныхъ наукъ и т. п. Не имѣя возможности передать всего содержанія статьи, обратимъ вниманіе на одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, который бросаетъ, если можно такъ выразиться, общій свѣтъ на исходныя послылки автора и можетъ служить, если мы не ошибаемся, въ извѣстной мѣрѣ ключомъ къ тому настроенію или духу, присутствіе котораго чувствуется не въ одной только статьѣ проф. Карѣва.

Говоря о томъ, чѣмъ гуманитарныя науки отличаются отъ естествознанія, проф. Карвевъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Дѣло въ томъ еще, что если ко всему, что насъ окружаетъ, мы можемъ относиться или утилитарно, или эмоціонально, или теоретически, то къ личности человѣка мы можемъ и должны относиться еще *этически*. Этическое, т.-е. нравственное, отношеніе можетъ существовать только къ личностямъ, а не къ вещамъ, и вся разница заключается въ томъ, что съ этической точки зрѣнія личность имѣетъ цѣну сама въ себѣ и не можетъ разсматриваться какъ только средство для достиженія какой-либо цѣли, ей совершенно посторонней, и что лишь по отношенію къ личностямъ, а не вещамъ, возможна бываетъ нравственная оцѣнка явленій. Съ этой стороны въ мирѣ человѣка, взятомъ въ противоположеніи къ міру природы, мы можемъ искать знанія не только того, что есть, какъ оно есть, но и *того, что должно быть*, и соотвѣтственно съ этимъ стремиться къ оцѣнкѣ существующаго. Другими словами, наше теоретическое отношеніе къ явленіямъ духовной и общественной жизни во многихъ случаяхъ можетъ дополняться отношеніемъ *этическимъ—въ построеніяхъ идеаловъ должнаго и въ оцѣнкахъ существующаго*, подъ условіемъ, конечно, чтобы этимъ не нарушались права чисто-теоретическаго, въ строгомъ смыслѣ слова, научнаго изслѣдованія“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ у автора указанія, что и самая научная теорія можетъ быть не только экспликативной, но и нормативной, т.-е. имѣть своимъ предметомъ не только познаніе существующаго, но и установленіе основныхъ принциповъ должнаго. Обращаясь специально къ наукѣ теории права, проф. Карвевъ указываетъ на односторонность господствовавшаго подъ влияніемъ позитивизма пониманія теории права исключительно только какъ экспликативной дисциплины. Напомнимъ, что слѣдующую свою статью проф. Карвевъ посвящаетъ основателю и вдохновителю позитивистическаго направленія въ общественныхъ наукахъ—Огюсту Конту и съ благодарной памятью признаетъ (стр. 15) себя принадлежащимъ къ числу тѣхъ, кто началъ самостоятельно мыслить именно подъ влияніемъ Конта. Тѣмъ большую очевидность получаетъ, конечно, научная объективность заявленія автора, что „такое явленіе общественной жизни, какъ *право, можетъ и должно изучаться* не только въ качествѣ известнаго реальнаго явленія, но и *въ смыслѣ мыслимаго нами идеала*, который необходимо осуществлять въ жизни, а потому рядомъ съ экспликативной теоріей права нужно отвести мѣсто и теоріи нормативной, т.-е. изслѣдованію вопросовъ, отвѣты на которые заключали бы въ себѣ представленіе о томъ, каково должно быть право“.

Сопоставляя этотъ послѣдній тезисъ съ тѣмъ, что уже было нами отмѣчено въ воззрѣніяхъ автора на значеніе этической точки зрѣнія въ общественныхъ наукахъ, мы получимъ въ качествѣ одного изъ руководящихъ принциповъ, которые редакторъ сборника намѣчаетъ въ своей вступительной статьѣ, самое безусловное признаніе полной научной правоспособности и высокаго призванія этическаго идеализма въ юриспруденціи.

Ту же мысль мы находимъ болѣе полно развитой и систематически обоснованной въ статьѣ В. М. Гессена „О наукѣ права“. Статья посвящена главнымъ образомъ установленію задачъ и разграниченію компетенціи кардинальныхъ отраслей изслѣдованія и знанія въ сферѣ науки права. Авторъ начинаетъ съ характеристики теоретической философіи права, какъ формальной и позитивной науки. Задаваясь вопросомъ, почему философія права не пользуется всеобщимъ признаніемъ, авторъ указываетъ, что этотъ непонятный съ перваго взгляда фактъ объясняется тѣмъ, что философія права понимала себя вплоть до настоящаго времени какъ доктрину естественнаго права и заключала въ себѣ внутреннее противорѣчіе, желая „единными усты“ и единой рѣчью учить и тому, что есть, и тому, что должно быть... Этотъ дуализмъ и привлекъ къ паденію раціоналистическую философію естественнаго права. Позитивная наука, утверждая, что другого права, кромѣ положительнаго, нѣтъ и не можетъ быть, продолжаетъ сторониться философіи права и старательно избѣгаетъ этого одиознаго для нея, по прежнимъ воспоминаніямъ, названія; узко утилитарно-практическое направленіе, которому въ значительной степени слѣдуетъ въ XIX вѣкѣ наука права, способствуетъ пренебреженію теоретической философіей права. Однако, совершенно обойтись безъ такой философіи, которая изучаетъ „общія свойства права“ и знакомитъ насъ съ „формой права“, современная наука не въ состояніи. Нагляднымъ признакомъ этого служатъ появленіе такъ-называемыхъ „общихъ частей“

отдѣльных наукъ—главнымъ образомъ гражданскаго и уголовного права, а въ послѣднее время и государственнаго права. Однако, такое приспособленіе каждой изъ этихъ наукъ общихъ юридическихъ категорій спеціально „для своихъ надобностей“ приводитъ только къ невообразимому хаосу... Необходима нить Ариадны для того, чтобы выбраться изъ лабиринта безысходныхъ противорѣчій и другъ друга исключающихъ утвержденій. Такую нить призвана дать теоретическая философія права, какъ наука о его формальныхъ категоріяхъ; философія права должна „готовить соты“, другія науки—„заполняютъ ихъ медомъ“. Въ новѣйшей научно-юридической литературѣ замѣчается оживленіе интереса къ философскимъ проблемамъ. Благодаря трудамъ такихъ юристовъ, какъ Бирлингъ, Теллинекъ, Петражицкій, Новгородцевъ, Жени (Gény), банкротство „практической юриспруденціи“—совершившійся фактъ. „Благодаря имъ,—говоритъ авторъ, еще окруженные пустыней, мы видимъ уже вдали зеленѣющія кущи обѣтованной земли“...

Отъ вопроса о задачахъ философіи права В. М. Гессенъ переходитъ къ выясненію задачъ науки исторіи права и догматической юриспруденціи. Авторъ обрисовываетъ эти задачи въ цѣломъ рядѣ краткихъ, но въ высшей степени содержательныхъ и ярко написанныхъ очерковъ. Передъ читателемъ проходятъ главные моменты въ исторіи самой науки права и выпуклыя характеристики различныхъ методовъ изслѣдованія, которые отвѣчаютъ различнымъ степенямъ роста и развитія научно-юридическаго мышленія... Мы не можемъ позволить себѣ болѣе подробно указывать всѣ тѣ части статьи В. М. Гессена, которыя бы особенно заслуживали быть отмѣченными (напримѣръ, о причинахъ господства или преобладанія въ русскомъ правовѣдѣніи историческаго направленія, объ особенностяхъ русскаго законодательства, препятствующихъ догматической разработкѣ дѣйствующаго государственнаго и административнаго права). Остановимся только на послѣдней части и главнымъ образомъ на послѣднемъ параграфѣ (V) статьи, гдѣ авторъ удѣляетъ особое вниманіе *проблѣмъ политики права*, т.-е. вопросу о возможности и необходимости такой науки, которая, говоря словами проф. Карѣева, изучаетъ право „какъ мыслимый нами идеаль, который необходимо осуществлять въ жизни“.

Охарактеризовавъ новѣйшее „юридическое направленіе“ въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права (стр. 132 и слѣд.) и признавъ, что теоретическое обоснованіе самостоятельности задачъ и методовъ догматическаго изслѣдованія не можетъ встрѣтить никакихъ возраженій, авторъ продолжаетъ: „опасной и неправильной представляется, однако, несомнѣнная тенденція къ отождествленію догматическаго изслѣдованія, какъ такового, съ наукой права вообще. Такая тенденція, проходящая красной нитью черезъ всю вообще современную германскую науку права, умаляетъ до неузнаваемости значеніе этой науки *). Юристъ и догматикъ—наука права и догма—не синонимы... Юристъ долженъ отвѣтить на вопросъ, соотвѣтствуетъ ли положительное право той цѣли или тѣмъ цѣлямъ, которымъ оно призвано служить? Онъ долженъ не только изучать, но и *судить право*. Для критической оцѣнки права юристу необходимъ опредѣленный критерій, необходимъ масштабъ, для измѣренія положительнаго права. Такимъ масштабомъ является представленіе о цѣлесоотвѣтственномъ, о «правильномъ правѣ». Ученіе о правильномъ правѣ является такой же интегральной частью науки права, какъ и ученіе о правѣ положительномъ“...

Позитивное направленіе въ наукѣ права является причиной господствующаго въ ней формализма, отчужденности юридической мысли отъ мысли народной. Народъ, являющійся въ послѣдней инстанціи творцомъ права, требуетъ отъ науки права не только отвѣта на вопросъ: „что есть право?“, но также и прежде всего отвѣта на вопросъ: *чѣмъ право должно быть?*

„Отвѣчая на этотъ вопросъ, наука права „идетъ въ народъ“; она становится учительницей жизни, а не служанкой ея“.

Но находить ли идея долженствованія подобающее ей мѣсто въ современномъ міросозерцаніи?

Наукѣ въ настоящее время еще приходится вести борьбу противъ „незаконныхъ захватовъ“, противъ „превышенія компетенціи“ позитивизма. Задачу завоевать для идеи долженствованія то мѣсто, которое ей принадлежитъ по пра-

*) Ср. статью С. И. Живаго „Запросы жизни и формализмъ въ наукѣ государственнаго права“ 1903 г., кн. X. *Ред.*

ву, пытается рѣшить „то могучее и всеобщее движеніе современной мысли, которое извѣстно подъ именемъ *идеалистическаго направленія*“.

Характеристикѣ этическаго идеализма въ области права и посвящены послѣднія страницы статьи В. М. Гессена. Авторъ выясняетъ отношеніе идеалистическаго направленія къ вопросу о такъ-называемомъ „возрожденіи естественнаго права“, предостерегаетъ читателя отъ неправильныхъ представлений, связанныхъ съ отжившимъ значеніемъ „естественнаго права“, и указываетъ въ системѣ юридической науки опредѣленное мѣсто для системы „этическихъ нормъ, которыя являются категорическими императивами переменнаго содержанія“...

Идеалистическое направленіе называетъ такія нормы, заключающія въ себѣ критерій для оцѣнки дѣйствующаго права и творческое начало правового прогресса, „естественнымъ правомъ“... Авторъ съ своей стороны предлагаетъ назвать дисциплину, призванную къ жизни идеалистическимъ направленіемъ, названіемъ, которое было дано ей еще Аренсомъ. Это названіе—*политика права*.

„Наука политики права,—говорить В. М. Гессенъ въ заключеніе своей статьи,—ставитъ правотворческой мысли далекую и возвышенную цѣль, осуществленіе въ правѣ этическаго идеала; она указываетъ тотъ путь, который ведетъ къ этой цѣли, тѣ средства, при помощи которыхъ возможно, конечно, не прійти, но приблизиться къ ней“...

Тѣ немногія выдержки, которыя мы могли привести, даютъ понятіе о тѣхъ выводахъ, къ которымъ приходитъ авторъ статьи „О наукѣ права“. Обратимъ еще разъ вниманіе читателей на одинъ изъ нихъ: не идеализмъ, какъ это иногда утверждаютъ его противники, ведетъ къ отрѣшенію отъ насущныхъ запросовъ народной жизни, а именно позитивизмъ съ взлѣбаннымъ имъ догматическимъ квіетизмомъ и абстрактнымъ формализмомъ въ наукѣ права... Противники идеализма говорятъ далѣе, что онъ витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ, забывая въ своемъ стремленіи къ несбыточнымъ идеаламъ потребности сѣрой будничной дѣйствительности... Но развѣ идеалистическое направленіе произноситъ свой судъ не надъ правомъ именно этой сѣрой дѣйствительности, не надъ „дѣйствующимъ правомъ“? Развѣ не къ реформѣ этого права оно призываетъ законодателя?... А что касается упрека въ томъ, что въ своихъ поискахъ за идеаломъ и за этическимъ масштабомъ идеалисты идутъ съ поднятымъ челомъ, то этотъ упрекъ для нихъ не страшень. *Mutatis mutandis* онъ можетъ только съ большей тяжестью пасть на тѣхъ, кто его высказываетъ, предпочитая, вѣроятно, по привычкѣ или по склонности, низко гнуть голову или вообще приспособлять ее къ самымъ различнымъ „положеніямъ“.

Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ коснуться другихъ перечисленныхъ ранѣе статей сборника „Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ“.

Намъ думается, что въ этомъ и нѣтъ особенной надобности. Вопросы, которые затронуты въ каждой изъ статей, представляютъ, несомнѣнно, выдающійся интересъ, а имена авторовъ достаточно извѣстны русскимъ читателямъ. Къ очерку В. В. Водовозова присоединяемъ обзоръ литературы на русскомъ языкѣ по государственному праву и по исторіи политическихъ ученій.

Пожелаемъ „Введенію въ изученіе социальныхъ наукъ“ самаго широкаго распространенія.

С. И. Живаго.

М. О. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва, 1903 г.

Составить книжку автора побудила „ясно сознанная имъ во время работъ въ сел.-хоз. комитетѣ потребность имѣть подъ руками исторію вопроса, ориентироваться и ознакомиться, что сдѣлали и хотѣли сдѣлать другія земства въ томъ или другомъ направленіи“. Такимъ образомъ, въ книгѣ „перечислены существенныя ходатайства земства по крестьянскому вопросу (10—13), упомянуто о работахъ кохановской комиссіи (7—10), болѣе полно изложены отвѣты губернскихъ совѣщаній министерству внутреннихъ дѣлъ на его запросы въ 94 г. (13—61) и земскихъ собраній министерству земледѣлія въ 94—98 гг. (61—74), отмѣчены мнѣнія кустарнаго и агрономическаго съѣзда по тому же вопросу (74—78) и подведены, наконецъ, итоги уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ (78—171), а въ самомъ началѣ перечислены узаконе-

нія о крестьянахъ (5—7), указано на подавляющее обиліе ихъ, отсутствіе въ нихъ системы, связи и единства, спутанность вѣдній различныхъ учреждений, неудовлетвореніе ими всѣхъ обывателей безъ различія сословій, рѣзко обособленное сословное положеніе крестьянъ, имѣвшее сначала цѣлью оградить ихъ отъ вліянія и подчиненія помѣщичьей власти, а приведшее, въ концѣ-концовъ, къ рѣзкой и подавляющей административной опеке надъ ними. Очень жаль, что г. Толмачевъ только вскользь упоминаетъ обо всемъ этомъ, тогда какъ всѣ эти вопросы нуждались бы въ самой обстоятельной и подробной разработкѣ.

Такъ же кратко изложены и вопросы, трактуемые на стр. 7—78 книги, быть можетъ, потому, что земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія изложены уже ярко и подробно г. Скалономъ, а сводъ земскихъ ходатайствъ находимъ у г. Карышева (10). Къ этому надо присоединить и сборникъ князей Шаховскаго и Долгорукова „Мелкая земская единица“*, почему-то, *кажется*, не упоминаемый г. Толмачевымъ. А отвѣты губернскихъ совѣщаній съ преобладающимъ бюрократическимъ составомъ были втиснуты въ очень узкія рамки (61), хотя несмотря на то, все же и въ нихъ проглядываетъ, напримѣръ, мысль о вредѣ шаблоновъ и излишней регламентаціи въ дѣлѣ крестьянскаго управленія,

Такимъ образомъ, центральными и наиболее цѣнными въ книгѣ г. Толмачева являются стр. 78—171, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о мнѣніяхъ и работахъ сел.-хоз. комитетовъ въ печати столичной и провинціальной и въ земскихъ изданіяхъ очень не полны и отрывочны, хотя все-таки не можемъ не замѣтить, что, напримѣръ, газета „Право“ по этимъ вопросамъ дала все, что только могла собрать, о чемъ опять-таки г. Толмачевъ почему-то совсѣмъ не упоминаетъ. Къ тому же въ Россіи 77 губерній, 18 областей, 2 округа, 1 отдѣлъ, 792 уѣзда, а г. Толмачевъ даетъ данныя только о 49 губернскихъ комитетахъ и 59 уѣздныхъ (80). Надо къ этому еще присоединить случайность состава комитетовъ, недостатки бюрократической ихъ организаціи, отсутствіе подготовки, спѣшность работы, въ результатъ чего видимъ уменьшеніе творчества и продуктивности работъ комитетовъ (79), особенно губернскихъ. Иногда же высокія задачи, порученныя правительствомъ комитетамъ, въ виду отсутствія ихъ связи съ земствомъ и безответственности ихъ передъ послѣднимъ, даже прямо ими игнорировались (78). Сильно сказывалась и неодинаковость взглядовъ предсѣдателей комитетовъ на ихъ права и обязанности (80) и отсутствіе общаго земскаго журнала и недостатокъ мѣстныхъ земскихъ органовъ печати (81).

Все это** заставляетъ насъ спросить, точно ли стр. 78—171 книги г. Толмачева даютъ намъ взгляды „земства и мѣстныхъ людей“ на крестьянскій вопросъ? Но полное соответствіе и послѣдовательность мнѣній комитетовъ съ высказываемыми за 40 лѣтъ мнѣніями земствъ въ ходатайствахъ и постановленіяхъ земскихъ собраній и большое единодушіе въ мнѣніяхъ въ разныхъ концахъ Россіи по основнымъ вопросамъ (81) могутъ насъ успокоить на этотъ счетъ, хотя и не вполне, такъ какъ мнѣнія самого крестьянства въ комитетахъ далеко не полно были выражены (82).

Взглянемъ же, не вдаваясь въ детали по недостатку времени и мѣста, на коренныя пожеланія по крестьянскому вопросу, кардинальному вопросу нашего времени, если не самихъ крестьянъ, то русской интеллигенціи, знакомой съ ихъ бытомъ и нуждами.

Это, во-первыхъ, признаніе необходимости прочныхъ и расширенныхъ правъ земства, нормальной постановки и дальнѣйшаго развитія земскаго самоуправленія и реорганизаціи его въ смыслѣ увеличенія его самостоятельности и самодѣя-

*) Кстати: въ противовѣсъ мнѣнію г. Сторожева въ „Образованіи“ (1903, XI) мы считаемъ невозможнымъ введеніе у насъ мелкой земской единицы, прежде чѣмъ у насъ не будетъ поднята личность крестьянина и не будетъ уничтожена надъ нимъ административная опека; а такую реформу можетъ провести только суммированное земство.

**) А также и еще одно обстоятельство, о которъ мѣ г. Толмачевъ молчитъ, да и мы сами узнали его только изъ рѣчи г. Муханова въ Черниговскомъ губервскомъ собраніи отъ 5 декабря 1903 г. Въ этой именно рѣчи г. Мухановъ сказалъ, что ему „извѣстны случаи, когда за высказанныя въ коммиссіяхъ смѣшаннаго состава откровенныя мнѣнія для отдѣльныхъ членовъ послѣдовали весьма тяжкія послѣдствія“ („Русск. Вѣд.“ 1903 г., № 343).

тельности и уменьшения административной опеки надъ нимъ, а также признаніе необходимости привлеченія земства къ разработкѣ и реформѣ крестьянскаго вопроса (83—105). Въ частности же указывалось здѣсь на необходимость увеличенія числа гласныхъ въ земскомъ собраніи вообще и отъ крестьянъ въ особенности и на необходимость организациі мелкой земской единицы и т. д.

Во-вторыхъ, признаніе необходимости развитія вширь и вглубь народнаго просвѣщенія (129—144; всеобщее начальное обученіе, а гдѣ можно, и обязательное полное довѣріе къ земству въ надзорѣ и веденіи школьнаго дѣла, тѣсное единеніе школы съ обществомъ, устраненіе стѣснительныхъ формъ и ограниченій для виѣшкольнаго народнаго образованія, широкая постоянная правительственная помощь въ дѣлѣ общаго и спеціальнаго народнаго образованія и т. д.).

Въ-третьихъ, признаніе необходимости правовыхъ реформъ для крестьянъ (105—128) въ смыслѣ поднятія личности крестьянина и уравненія его въ законныхъ, общественныхъ, имущественныхъ и личныхъ правахъ съ другими сословіями. Въ частности же указывалось здѣсь на необходимость смягченія административной опеки надъ крестьяниномъ и отміны тѣлеснаго наказанія *), на необходимость организациі юридической помощи и т. д.

Въ-четвертыхъ, признаніе необходимости экономическихъ реформъ (144—170; облегченіе податнаго бремени и болѣе справедливое его распредѣленіе, устраненіе вредной односторонней покровительственной системы, увеличеніе производительныхъ государственныхъ расходовъ, устраненіе малоземелія и неудобствъ землепользованія и т. д.).

И эти мѣры, предлагаемыя мѣстными людьми для рѣшенія крестьянскаго вопроса и требуемая жизнью, не идутъ въ разрѣзъ ни съ теоріей государственнаго права (83), ни съ русской исторіей, ни съ инороднымъ опытомъ, хотя на это г. Толмачевъ и очень мало обращаетъ вниманія.

Что же касается отношенія къ нимъ правительства, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить извѣстныя рѣчи гг. Плеве и Витте (3 и 105). Затѣмъ, что касается перехода этихъ рѣчей въ дѣло, то по третьему, напр., пункту (самому важному) мы еще не видимъ ничего со стороны правительства. Но, напримѣръ, по первому пункту въ губернскія комитеты для разсмотрѣнія выработаннаго мин. внутр. дѣлъ проекта измѣненія закона о крестьянахъ предполагается ввести членовъ отъ земства по выбору губернскихъ земскихъ собраній, отъ каждой губерніи по числу уѣздовъ („Русск. Вѣд.“ 1903, № 318)**) а по второму пункту уже появился въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ планъ г. Фармаковского для введенія всеобщаго образованія въ Россіи (хотя и очень неуклюжій и неудачный, и главное съ усиленіемъ опеки, замѣтимъ мы). Все это, положимъ, первая ласточки, знаменующія собой, судя по бывшимъ примѣрамъ, быть можетъ, не наступленіе весны, какъ объ этомъ усиленно возвѣщаетъ „Новое Время“, а наступленіе новыхъ и лютыхъ морозовъ. Но хотѣлось бы вѣрить, что мы стоимъ наканунѣ возобновленія традицій старой Руси, „одиначества“ правительства съ народомъ и соборно-земскаго начала, хотя, повторяемъ, и не надѣемся на скорый и рѣшительный поворотъ. Слишкомъ не баловала насъ жизнь въ этомъ отношеніи. Да и теперь зловѣщихъ симптомовъ порядочно (ревизіи губернаторами земствъ и увеличеніе случаевъ вмѣшательства ихъ въ земскія дѣла, проекты усиленія власти губернатора, подчиненіе ему членовъ фабричной инспекціи, предполагаемое подчиненіе ему же городскихъ судей, быстрое закрытіе комиссіи о нуждахъ центра, quasi-земство Сѣверо-Западнаго края и т. д.). Не мѣшаетъ также припомнить, какой широкій размахъ сначала былъ у предполагаемой реформы средней школы и къ чему все это теперь свелось.

Возвращаясь къ цѣнной и нужной книгѣ г. Толмачева, мы горячо привѣтствуемъ ея появленіе и желаемъ ей всяческихъ успѣховъ. Не можемъ не отмѣтить массы опечатокъ въ ней. И изданіе довольно сѣренькое, а цѣна по объему книги и по стѣрости ея не особенно дешевая.

Сергій Шумановъ.

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ мин.—во вн. дѣлъ предполагаетъ отмінить тѣлесное наказаніе только для лицъ, достигшихъ 35-лѣтняго возраста.

***) Блестящій примѣръ эфемерности и непрочности реформъ, выработанныхъ не самимъ обществомъ, а канцеляріями, дають южно-африканскія дѣла („Рус. Вѣд.“, 1903, № 339, статья Sh.).

Н. И. Палиенко. Суверенитетъ. Историческое развитие идеи суверенитета и ея правовое значеніе. Ярославль, 1903 г.

Понятіе суверенитета, какъ характернаго признака государственной власти, въ силу котораго она является высшей и независимой властью въ правовомъ отношеніи, возникаетъ въ концѣ среднихъ вѣковъ *), какъ слѣдствіе побѣды національнаго государства въ борьбѣ его съ церковью, имперіей и крупными ленными владѣльцами и корпораціями за право существованія (Боденъ). Затѣмъ оно крѣпнеть и развивается не безъ вліянія естественно правовыхъ ученій и дѣлается, въ концѣ-концовъ, кардинальнымъ пунктомъ ученія о государствѣ. Но въ XIX в., подъ вліяніемъ главнымъ образомъ новыхъ федеративныхъ образованій, а отчасти и усиленія международнаго общенія и новыхъ культурныхъ и правовыхъ идей и образованій, понятіе суверенитета начинаетъ разлагаться, и все въ немъ дѣлается спорнымъ и запутаннымъ. И этотъ процессъ особенно сильно проявляется въ Германіи, такъ какъ самый союзный строй ея выдвинулъ цѣлый рядъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ государственнаго права, касающихся юридическаго положенія членовъ союзнаго государства относительно другъ друга и союзной власти. Чтобы распутать все это и выяснитъ правовое значеніе идеи суверенитета, необходимо прослѣдить его историческое развитие и познать историко-политическія отношенія послѣдняго, что и сдѣлано, напримѣръ, Еллинекомъ, котораго эта работа привела къ выводу, что суверенитетъ есть только историческая категорія. Но работа Еллинека конспективна, а главное, почти не затрагиваетъ литературной исторіи суверенитета, а лишь политическую, тогда какъ послѣдняя неразрывно связана съ первой и одну безъ другой не понять. Цѣнны историко-юридическія указанія на литературную исторію суверенитета у главы историко-юридической школы Гирке. Но полной исторіи суверенитета, какъ это ни странно, нѣтъ даже въ такой богатой литературѣ, какъ нѣмецкая.

Поэтому по всему выбору темы г. Палиенко не можемъ не признать въ высшей степени удачнымъ. Еще болѣе заслуживаетъ вниманія въ такомъ начинающемъ ученомъ, какъ г. Палиенко, громадная начитанность его въ литературѣ предмета (кромя американской, IV), а также и осторожность его, выразившаяся въ сознательномъ уклоненіи его отъ открытія новыхъ точекъ зрѣнія и въ сведеніи имъ задачъ работы лишь къ поддержанію старыхъ, истинныхъ, по мнѣнію г. Палиенко, ученій путемъ изученія исторіи суверенитета (1—334) и сопоставленія и критической оцѣнки существующихъ уже ученій о немъ (334—567, а не 281—567, какъ это думаетъ г. Палиенко).

И дѣйствительно, теоретическія построенія г. Палиенко не даютъ ничего новаго, а лишь комбинируютъ мнѣнія ученыхъ школъ Гирке и Лабанда съ окончательнымъ выводомъ въ духѣ Гирке, вмѣстѣ съ которымъ г. Палиенко признаетъ суверенитетъ необходимымъ, существеннымъ признакомъ государства (511—567),—и не особенно удачно. Вѣдь, какъ на это было уже указано въ литературѣ, идея суверенитета несовмѣстима съ современнымъ правовымъ порядкомъ, государственной жизнью и международнымъ общеніемъ, а еще болѣе съ грядущимъ общечеловѣческимъ культурнымъ союзомъ. Въ частности же ученые, удерживавшіе суверенитетъ какъ необходимый признакъ государства, всегда терпѣли крушеніе въ попыткахъ объяснить природу союзнаго государства (565). Если же самъ г. Палиенко такого крушенія не терпитъ, то лишь потому, что онъ благо-разумно исключилъ изъ задачъ своей работы специальное изслѣдованіе природы союзнаго государства (494). Мало того, историческая часть работы г. Палиенко блестяще доказываетъ не его построенія, а утвержденіе Еллинека, что суверенитетъ есть лишь историческая категорія (особенно см. стр. 298).

Значить, сила интересной и живой книги г. Палиенко не въ теоретическихъ его построеніяхъ, а въ историческомъ изученіи имъ понятія суверенитета **) и

*) Правда, г. Палиенко считаетъ уже средневѣковыми государства суверенными (523), но здѣсь же признается въ запутанности средневѣковыхъ отношеній, а на стр. 35 прямо говоритъ, что въ средніе вѣка понятія государственнаго суверенитета еще не выработались.

**) Слабо и недостаточно разработана лишь исторія столкновеній царской власти въ Россіи съ боярами, церковью и народоправствомъ и побѣды первой (VIII—XI). Ср. также стр. 283 и 355—356 въ „Nouvelles études d'histoire du droit“ par R. Dargeste. Paris, 1902.

особенно в критикѣ современныхъ теорій послѣдняго. Историческая и особенно критическая часть работы г. Палиенко и заставляетъ насъ привѣтствовать въ немъ новую серьезную научную силу *).

С. Ш.

Г. В. Демченко. Судебный прецедентъ. Варшава, 1903 г. Вопросъ о „Судебномъ прецедентѣ“ является до сихъ поръ одной изъ наиболѣе спорныхъ проблемъ общей теоріи права. Ни въ законодательствахъ, ни въ юридической литературѣ нѣтъ единства во взглядахъ на данный вопросъ. Одни законодательства отводятъ широкое поле судебному прецеденту, другія налагаютъ на него абсолютное veto. Одни ученые рѣзко возстаютъ противъ самостоятельной роли судебной практики, другіе видятъ въ свободно развивающейся практикѣ судовъ залогъ жизнненности позитивнаго права. Рядомъ съ такимъ разногласіемъ законодательствъ и теорій идетъ разногласіе по данному вопросу позитивнаго права и жизни. Въ то время какъ позитивное право молчитъ о судебномъ прецедентѣ или даже опредѣленно отвергаетъ за нимъ право на какое-либо юридическое значеніе, прецедентъ въ дѣйствительности, или въ силу авторитета постановившаго его суда, или въ силу своей матеріальной цѣнности, играетъ крупную роль. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ отечественномъ правѣ: согласно позитивному праву, „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ“ (ст. 9 Уст. Гр. Суд., ст. 12 Уст. Угол. Суд.); въ дѣйствительности же крайняя устарѣлость и отсталость нашихъ законовъ, ихъ пробѣлы и недостатки выдвинули на первый планъ въ судебной практикѣ авторитетныя разъясненія Сената. И мы видимъ, какъ въ явномъ противорѣчій съ закономъ судебные прецеденты въ рѣшеніяхъ нашего Сената получили всеобъемлющее значеніе въ юридической жизни нашего отечества.

Въ виду подобнаго разногласія законодательствъ, науки, права и жизни, мыслъ подвергнуть вопросъ о „судебномъ прецедентѣ“ специальной монографической обработкѣ слѣдуетъ признать весьма удачной идеей. И нужно отдать справедливость.—г. Демченко выполнилъ взятый имъ на себя трудъ прекрасно.

Въ своей работѣ г. Демченко остановился прежде всего на выясненіи роли судебного прецедента въ дѣйствующемъ европейскомъ правѣ. Отмѣтивъ двѣ принципиально различныя точки зрѣнія: англійскую и континентальную, авторъ въ сжатомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ мѣтко выяснилъ, съ одной стороны, огромное значеніе прецедентовъ въ англійскомъ правѣ, съ другой, отрицательное отношеніе къ прецедентамъ правъ Германіи, Австріи и Франціи. Перейдя затѣмъ къ характеристикѣ взглядовъ ученыхъ на судебный прецедентъ, авторъ отмѣтилъ ту же двойственность во взглядахъ, при чемъ онъ особенно подробно остановился на характеристикѣ взглядовъ ученыхъ, относящихся отрицательно къ силѣ судебныхъ прецедентовъ (Бентамъ, Лоранъ, Градовскій, Фойницкій, Васковскій). Авторъ указываетъ, что признаніе юридической силы за судебными прецедентами, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, стоитъ въ полномъ противорѣчій съ нѣкоторыми основными принципами права. Это—принципы раздѣленія властей, подзаконности судебныхъ рѣшеній, принципъ о гарантіяхъ правъ и свободы, о борьбѣ прогресса съ застоємъ. Разборъ этихъ принциповъ въ ихъ соотношеніи къ вопросу о судебномъ прецедентѣ и составляетъ весьма удачныя страницы (стр. 82—138) работы. Авторъ отмѣчаетъ излишній догматизмъ, свойственный теоріи раздѣленія властей, выясняетъ реальный процессъ постановленія „подзаконныхъ“ рѣшеній, отмѣчаетъ безобидность судебныхъ прецедентовъ для гражданскаго права и свободы при правильномъ отношеніи къ первымъ.

На послѣднихъ страницахъ авторъ даетъ попытку анализа юридической природы судебного прецедента. Давъ характеристику господствующимъ взглядамъ, выдающимъ основаніе силы судебныхъ прецедентовъ то въ ихъ этическомъ, нравственномъ значеніи, то въ присущей имъ своеобразной фактической принудительности, авторъ дѣлаетъ попытку самостоятельнаго анализа природы судебныхъ прецедентовъ. Эта попытка сводится у автора къ анализу отдѣльнаго судебного рѣшенія. По мнѣнію автора, „рѣшеніе суда является авторитетнымъ разъясненіемъ права въ примѣненіи къ частному случаю, оно создаетъ несуществовавшія до него права и обязанности или выясняетъ спорныя отношенія и въ част-

*) Печатать свои произведенія г. Палиенко сталъ, правда, еще съ 1898 года. Но крупныхъ работъ его до сихъ поръ не было.

номъ дѣлѣ закрѣпляетъ опредѣленный смыслъ за общей нормой“ (стр. 170). Разъ же такое, вносящее новыя идеи, рѣшеніе постановлено, оно связываетъ судъ на будущее время. „При всякомъ новомъ разсмотрѣніи вопроса,—говоритъ авторъ,—уже однажды разрѣшеннаго, судья не можетъ, устанавливая право, дѣйствовать съ той свободой, съ которой онъ дѣйствовалъ въ первый разъ. Самый фактъ существованія перваго рѣшенія измѣняетъ существенно его отношеніе къ дѣлу.....“ (стр. 173).

Едва ли эти взгляды автора на природу судебного прецедента могутъ внести миръ въ этотъ основной пунктъ вопроса. Если порой судебное рѣшеніе создаетъ „несуществовавшія до него права и обязанности“, то вопросъ этотъ, какъ коренной вопросъ работы автора, необходимо было не только констатировать, но и подвергнуть тщательному и детальному анализу. Иначе легко напрашивается обвиненіе, будто авторъ слишкомъ принижаетъ значеніе закона и слишкомъ преклоняется передъ законодательною мудростью судовъ. Слѣдовало автору подробнѣе остановиться и на анализѣ тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ суды придерживаться разъ установленныхъ ими прецедентовъ. Иначе приходится вѣрить автору на слово, что это дѣйствительно такъ. Недовѣрчивый читатель имѣетъ полное право возразить, что вѣрить въ подобный мудрый консерватизмъ судовъ нѣтъ основанія, и что въ жизни бываетъ часто обратное: судъ, создавъ сегодня одинъ прецедентъ, завтра создаетъ по тому же вопросу прямо противоположный.

Не лишена недочетовъ и послѣдняя глава автора о „примѣрныхъ рѣшеніяхъ судовъ по русскому законодательству“, написанная, очевидно, слишкомъ спѣшно.

Эти недочеты не лишаютъ трудъ автора большого научнаго интереса. Если къ сказанному прибавить, что книга написана яснымъ языкомъ, свободна отъ излишнихъ подробностей и ненужнаго научнаго баласта, то будетъ ясно, что работу г. Демченко можно смѣло рекомендовать каждому, кто желаетъ прочесть хорошую книгу по юриспруденціи.

И. А. Кистяковскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Бретъ-Гартъ. Степной найденышъ. М., 1902.

Переія и переы, Составила Евг. Богрова. Историч. Комиссія Учебн. Отдѣла Общ. Распр. Технич. Знаній. М., 1903.

Апри Пуангарэ. Наука и гипотеза. Полн. перев. съ франц. А. І. Бачинскаго, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева. Съ портрет. автора и предислов. проф. Н. А. Умова. М. 1904.

Генрихъ Риккертъ. Границы естественно-научнаго образованія понятій. Перев. съ нѣм. А. Водена. Спб. 1904.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Перев. съ франц. подъ ред. Д. С. Горшкова съ предисл. проф. А. Э. Фортунатова. Изд. Д. С. Горшкова. М., 1904.

Кн. Н. В. Шаховской. Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Спб., 1903. Высочайше утвержденное Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Проф. О. Шмейль. Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьи. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. П. и В. В. Половцевыхъ. Изданіе Техническаго училища въ Спб.

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей П. Берлина, Г. Гроссмана, П. Звѣздича, Д. Сатурина, А. Лабріола, Е. Смирнова, И. Гурвича, Э. Пименовой. Спб. 1904. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“.

С. Гликманъ. О борьбѣ съ пылью. Отгискъ изъ „Журнала Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“.

Филиппъ Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттроценти. Перев. съ франц. К. С. Шварсалоги. Спб., 1904. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. Томъ первый. Редакція Е. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. Спб.

Мартинъ, Ф. Три царства природы. Зоологія. Ботаника. Минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Перев. съ нѣм. И. М. Эйзена подъ ред. проф. А. М. Никольскаго. Въ десяти выпускахъ. Цѣна кажд. вып. 80 к. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Выпускъ I.

Извлеченія изъ протоколовъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ.

ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ. 20 ноября состоялось очередное засѣданіе, въ которомъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: *М. В. Павлова*— „Третичный верболодъ Херсонской губерніи“. *Д. И. Иловайскаго*— „Геологическія изслѣдованія въ Ляпинскомъ краѣ“ (восточный склонъ Сѣвернаго Урала); *Б. П. Богородскаго*— „О регенерациі у печеночныхъ мховъ“.

Кромѣ того, проф. *Э. Е. Лейстоль* было доложено о метеорологическихъ причинахъ петербургскаго наводненія, бывшаго 12 ноября.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Этнографическій отдѣлъ. Въ засѣданіи 20 ноября былъ прочитанъ докладъ *В. Котылова*: „Быть и религія сѣверо-байкальскихъ бурятъ“. Съ особенной подробностью авторъ остановился на поклоненіи онгонамъ, въ чемъ онъ видитъ видоизмѣненіе культа предковъ.

Географическое отдѣленіе. Въ засѣданіи 5 ноября *А. М. Остроужковъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Объ урянхайцахъ и ихъ странѣ“. Матеріаломъ для доклада автору послужили личныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ сѣверо-западную Монголію лѣтомъ 1903 года. Урянхайцы, иначе называемые сойтами, населяютъ полосу вдоль русской границы Алтая на востокъ, между горами Саянскими и Танну-ола, въ области истоковъ рѣки Енисея и далѣе къ востоку. Есть нѣкоторыя основанія думать, что по своему происхожденію сойты принадлежатъ къ группѣ самоѣдовъ; въ послѣдствіи они отатарились и теперь представляютъ собой народности тюркскаго корня. Съ другой стороны, живя рядомъ съ монголами, они усвоили себѣ отъ нихъ многія черты быта, религію, а нѣкоторыя ихъ вѣтви—и языкъ, т. е. омонголились. Сбывая отчасти русскимъ, отчасти китайцамъ, мѣха, кожи, рогатый скотъ, они получаютъ взамѣнъ выдѣланныя кожи, дешевыя мануфактуры, желѣзные и другіе металлическіе предметы и пр. Посредствомъ цѣлаго ряда діалозитивовъ, показанныхъ на экранѣ, докладчикъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ характеромъ мѣстности, съ типомъ и обстановкой быта урянхайцевъ, а также демонстрировалъ собранную имъ коллекцію этнографическихъ предметовъ.

Отдѣленіе физиологіи. Въ засѣданіи 20 ноября *Н. М. Кулакинъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Къ вопросу о тончайшемъ строеніи мышечныхъ волоконъ и нательныхъ мышцъ“. Докладчикъ сообщилъ добытыя имъ новыя данныя о строеніи мускуловъ комара *Culex ripiens* и въ заключеніе демонстрировалъ рядъ препаратовъ и рисунковъ по органамъ чувствъ комаровъ, расположенныхъ на ротовыхъ органахъ и на головѣ.

Н. К. Недокуцаевъ сдѣлалъ сообщеніе: „Новый методъ опредѣленія бѣлковыхъ веществъ“. Сущность новаго метода, Лащинскаго, примѣннаго для многочисленныхъ опытовъ докладчика, заключается въ слѣдующемъ: берется водная вытяжка анализируемаго вещества и въ ней опредѣляются: альбуминъ—свертываніемъ при нагрѣваніи подъ давленіемъ 1½ атмосферъ и альбумозы—въ фильтратѣ отъ альбумина, насыщеніемъ раствора сѣрнокислымъ цинкомъ. Въ полученныхъ осадкахъ опредѣляется № по Квендалю. При опредѣленіи бѣлковыхъ веществъ въ незрѣлыхъ и зрѣлыхъ пшеничныхъ зернахъ по методу Лащинскаго оказалось, что хотя при нагрѣваніи подъ давленіемъ до 1½ атмосферъ и происхо-

дять частичное распаденіе бѣлковъ, но оно въ количественномъ отношеніи незначительно, и въ общемъ, при сравненіи методовъ, нѣкоторые бѣлки при нагрѣваніи подъ давленіемъ могутъ претерпѣвать такіа измѣненія, что опредѣленіе ихъ такимъ способомъ окажется невысказаннымъ.

Д. М. Щербачевъ демонстрировалъ искусственный шелкъ, полученный имъ въ Марбургѣ отъ проф. Мейера. Докладчикъ показалъ реакціи, отличающія этотъ искусственный шелкъ отъ естественнаго, въ частности съ реактивомъ Миллона.

Въ заключеніе *Ю. В. Каннабигъ* демонстрировалъ гемоглобинометръ Сали, а *А. С. Померанцевъ* описалъ устройство лѣчебныхъ учреждений Пятигорска и Кисловодска, указавъ на физиологическое дѣйствіе ихъ водъ и демонстрировалъ виды климатическихъ станцій Крыма.

Фаунистическая коммисія при Зоологическомъ отдѣленіи. Въ засѣданіи 28 ноября *Б. А. Федченко* сдѣлалъ два доклада, изъ коихъ первый касался фауны семейства „пильщикомъ“ (*Tentredinidae*) и ясно показалъ, насколько мы мало еще знаемъ мѣстную фауну: изъ 225-ти видовъ, собранныхъ докладчикомъ и обработанныхъ известнымъ специалистомъ по этому семейству перепончатокрылыхъ, Коновымъ, 95 видовъ оказались новыми для московской фауны, а 4 совсѣмъ новыми для науки. Второй докладъ касался находженія зимой на снѣгу въ Можайскомъ уѣздѣ крайне рѣдкаго вида безкрылой мухи (*Chionea agapeoides*), известной по всему земному шару лишь въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ.

Студ. *Л. Л. Сабанцевъ* сообщилъ о современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по фаунѣ амфибій и рептилій Московской губерніи. Несмотря на малое количество видовъ, эти группы до сихъ поръ не изучены должнымъ образомъ. Лишь недавно оказалось, напримѣръ, что встрѣчающаяся у насъ черепаха, указанія на которую раньше считали сомнительными, есть каспійская, а не обыкновенная европейская черепаха. Экземпляры этого вида (*Emys caspica*) имѣются изъ Московскаго, Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ. Около Хорошова былъ найденъ экземпляръ змѣи, принадлежащій къ виду *Coronella austriaca*, неизвѣстному въ средней Россіи.

А. Ф. Флеровъ сдѣлалъ критическій обзоръ теорій, объясняющихъ особенности флоры побережья р. Оки въ предѣлахъ Московской губ. и имѣющихъ большое значеніе для фаунистовъ. На основаніи многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ лично самимъ докладчикомъ, онъ считаетъ наиболее подходящимъ объясненіе особенностей окской флоры ежегоднымъ заносомъ чуждыхъ нашей мѣстности формъ рѣкой, главнымъ образомъ во время половодья. Докладъ сопровождался демонстраціей фотографій и картъ.

Въ заключеніе *В. Д. Лепешкинъ* сообщилъ о крайне интересной находкѣ въ аквариумахъ Москвы червя изъ класса немертолъ (*Stichostemma*), громадное большинство которыхъ живетъ въ морской водѣ. Прѣсноводные немертолы найдены всего 24 раза, въ томъ числѣ въ предѣлахъ Россійской имперіи четыре раза (Ташкентъ, Дерптъ, озеро Палеостомъ въ Мингреліи и Волга подъ Саратовомъ). Разсадникомъ этого животного въ Москвѣ являются, по всей вѣроятности, бассейны Ботаническаго сада.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 25 ноября состоялось засѣданіе, посвященное памяти скончавшагося годъ тому назадъ московскаго педагога *К. К. Войнаховскаго*. *И. П. Казанскій* прочиталъ докладъ: „*К. К. Войнаховскій какъ общественный дѣятель*“. Покойный педагогъ былъ преподавателемъ русскаго языка на нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а впоследствии состоялъ директоромъ 7-й мужской гимназіи; онъ принималъ живое участіе въ обсужденіи различныхъ вопросовъ образованія и воспитанія и былъ однимъ изъ учредителей Педагогическаго общества.

О. П. Герасимовъ произнесъ рѣчь: „*Изъ личныхъ воспоминаній о К. К. Войнаховскомъ*“:

Отдѣленіе по вопросамъ семейнаго воспитанія. Въ засѣданіи 10 декабря д-ръ *Г. И. Россолимо* сдѣлалъ докладъ: „*Къ вопросу о роли театра въ воспитаніи*“. Въ началѣ доклада была отмѣчена несостоятельность разсужденія многихъ родителей о томъ, будто пріятное взрослому—пріятно и дѣтямъ; при этомъ забывается однако, что кругъ дѣтскихъ интересовъ и интересовъ взрослыхъ людей сильно разнятся другъ отъ друга, и для многихъ воспріятій духа ребенка закрыта. Театръ какъ зрѣлище, по мнѣнію докладчика, вреденъ для дѣтей и въ физическомъ (возможность инфекціонной заразы, долгое пребываніе въ духотѣ, сильное утомленіе), и въ духовномъ отношеніяхъ. Въ дѣтяхъ пяти-шести лѣтъ

театръ возбуждаетъ только низшія эмоціалныя стороны души; до 13—14 лѣтъ онъ не приноситъ ожидаемой пользы, такъ какъ въ этомъ возрастѣ дѣти еще не могутъ анализировать своихъ впечатлѣній; сильныя же эмоціи, какъ, напримѣръ, ужасъ ожиданія, страхъ, трагедія смерти, дѣйствуютъ на душу вреднымъ образомъ. Для болѣе старшаго возраста театръ можетъ быть разумнымъ развлеченіемъ, но при условіи умѣлаго подбора пьесъ. Перейдя къ разсмотрѣнію спектаклей съ участіемъ дѣтей, докладчикъ напомнилъ, что еще 50 лѣтъ тому назадъ Н. И. Пироговъ въ статьѣ „Быть или казаться“ указалъ на вредъ тѣхъ развлеченій, которыя развиваютъ въ дѣтяхъ подражательность и тщеславіе. Кромѣ того, нужно отмѣтить слѣдующее: сценическое творчество у опытныхъ артистовъ вызываетъ процессъ трансформанціи личности, быстро отрѣшенія отъ своего „я“, у ребенка же не можетъ быть подобной гибкости души, и аналогичнаго процесса не происходитъ; и потому изображеніе другой личности вызываетъ въ ребенкѣ кривляніе и неестественность. Польза, оказываемая устройствомъ дѣтскихъ спектаклей, заключается въ ознакомленіи дѣтей съ литературными произведеніями, выработкѣ дикціи и въ прирученіи къ дѣйствіямъ на кооперативныхъ началахъ. Однако, всѣ эти отдѣльные полезные элементы можно ввести въ воспитаніе и въ другомъ видѣ, гдѣ они не соединены со вредомъ.

Комиссія по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ средней женской школы. Въ засѣданіи 18 ноября С. Г. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: „Нѣкоторыя частности желательной реформы средней женской школы“. Оживленныя и продолжительныя пренія вызвалъ вопросъ о томъ, какая степень средняго образованія необходима для полученія права преподаванія въ начальной школѣ. Мысль о томъ, чтобы такое право было предоставлено ученицамъ, окончившимъ лишь 3—4 класса гимназій, встрѣтила возраженія со стороны многихъ членовъ комиссіи. Нѣкоторые члены находили возможнымъ предоставленіе этого права ученицамъ, окончившимъ шесть классовъ средней школы, съ оговоркой, что это лишь временная мѣра, вызываемая недостаткомъ учительскаго персонала въ начальной школѣ, но комиссія единогласно признала принципиальную необходимость окончанія полнаго курса средней школы для полученія права преподаванія въ начальной школѣ.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. *Пушкинская комиссія.* Въ очередномъ засѣданіи 20 ноября, В. Е. Якушкинъ познакомилъ комиссію съ теперешнимъ состояніемъ работъ по изданію академическаго изданія Пушкина и съ содержаніемъ и приемами редакторской работы въ началомъ печатаніемъ вторымъ томъ. В. Θ. Саводникъ прочиталъ докладъ: „Объ античныхъ образахъ въ поэзіи Пушкина“; особенно много встрѣчается ихъ въ первый періодъ литературной дѣятельности Пушкина; они, собственно,—черты литературной наслѣдственности, литературныя клише, отголоски псевдоклассицизма и поэзіи Батюшкова, поддерживаемые окружавшей молодого Пушкина обстановкой и вліяніемъ пластическихъ искусствъ, въ которыхъ античные образы были въ то время весьма обычны. По мѣрѣ того, какъ Пушкинъ глубже входитъ въ изученіе и пониманіе античнаго міра, количество такихъ образовъ уменьшается. Ю. И. Айзенвальдъ обратилъ вниманіе членовъ комиссіи на значительное сходство „Wo?“ Гейне и „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ и „Дорожныхъ жалобъ“ Пушкина,—сходство, которое наводитъ на мысль, не былъ ли Гейне знакомъ съ нѣмецкимъ переводомъ стихотвореній Пушкина. Въ заключеніе В. В. Каллашъ познакомилъ присутствовавшихъ съ особенностями открытаго имъ сценическаго текста „Русалки“, 1838 г.

21-ю ноября состоялось очередное засѣданіе общества, въ которомъ былъ прочитанъ докладъ Е. С. Некрасовой объ отношеніяхъ знаменитаго артиста Щепкина къ Герцену. Со словъ Н. А. Герцель переданы были любопытные рассказы Щепкина изъ эпохи крѣпостного права. Затѣмъ В. В. Каллашъ сдѣлалъ сообщеніе: „На зарѣ русскаго литературнаго реализма“.

По обычному представленію, развитие нашей литературы шло отъ псевдоклассицизма, захватившаго весь XVIII в., черезъ сентиментализмъ и романтизмъ къ реализму. Внимательное изученіе фактовъ нашей литературы XVIII и начала XIX вв. вскрываетъ на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе сложную картину литературной эволюціи: владычество классицизма далеко не было безусловнымъ и исключительнымъ; оно не исключало сильнаго вліянія старой литературной традиціи; оно у насъ никогда не было настолько сильнымъ, какъ на Западѣ; одновременно съ его появленіемъ у насъ начинается реакція противъ его уродливости и крайности

стей; нѣкоторые пункты его теоріи ставили точку опоры для полусознательныхъ еще стремленій къ литературной самобытности, реализму—народности. Сентиментализмъ и романтизмъ вызываютъ противъ себя, при самомъ своемъ появленіи, ожесточенную литературную борьбу: во имя тѣхъ же идей самобытности, реализма и народности. Въ борьбѣ эти идеи крѣпнютъ, расширяются и слагаются мало-помалу въ цѣлое литературное направленіе.

Докладчикъ иллюстрировалъ свои положенія рядомъ характерныхъ цитатъ изъ малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ литературныхъ произведеній конца XVIII и начала XIX вв.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 17-го декабря состоялось закрытое засѣданіе въ память столѣтней годовщины Гердера, въ которомъ *В. Н. Перцевъ* прочиталъ рефератъ „*Гердеръ какъ эволюционистъ*“. И по содержанію, и по цѣлямъ своей литературной дѣятельности Гердеръ былъ универсалистомъ, стремившимся захватить всѣ области знанія и поставить отдѣльные выводы специальныхъ дисциплинъ въ отношеніе къ высшимъ и послѣднимъ точкамъ зрѣнія. Гердеровская философія отвѣчала монистическимъ стремленіямъ, которыя стали появляться около половины XVIII в. въ физиологій, психологій, даже изящной литературѣ („Новая Элоиза“ и „Страданія молодого Вертера“), и указывали на единство основного принципа, проникающаго все мірозданіе, и на отсутствіе рѣзкихъ границъ между отдѣльными образованіями.

Философско-исторической заслугой Гердера было то, что онъ примѣнилъ эту монистическую точку зрѣнія къ человѣческой исторіи и въ человѣчествѣ увидалъ продуктъ тѣхъ же силъ, которыя создали универсъ, землю и всѣ земныя образованія. „Одна и та же сила, говорилъ онъ,—сотворила блестящее солнце и прикрѣпила къ нему мою пылинку, заставила двигаться млечный путь солнца вокругъ Сіріуса и въ законахъ тяготѣнія дѣйствуетъ на мое земное тѣло“. Порядокъ, въ которомъ возникали творенія земли, былъ порядкомъ возрастающей сложности ихъ организацій. Постоянное осложненіе всѣхъ земныхъ организацій Гердеръ объясняетъ нарастаніемъ первичной, духовной энергіи, которую онъ называетъ „небеснымъ потокомъ огня“. Этотъ потокъ разлагается въ своемъ теченіи на рядъ стоящихъ одна за другой въ іерархическомъ порядкѣ органическихъ силъ, никогда не пребывающихъ въ покоѣ и вѣчно переходящихъ изъ болѣе низкаго въ болѣе высокое состояніе. Въ своемъ развитіи органическія силы творятъ подходящія формы для своего проявленія во внѣ,—внѣшнія организаціи. Послѣднія, въ противоположность вѣчно текучимъ органическимъ силамъ, у Гердера являются застывшими въ разъ навсегда опредѣленной формѣ; онѣ не способны къ развитію, неизмѣнны и постоянны и являются только „проводниками“ органическихъ силъ на ихъ путяхъ къ высшимъ формамъ существованія, разставленнымъ въ точно опредѣленныхъ мѣстахъ. Поэтому причисленіе Гердера Вāgenbach'омъ къ предшественникамъ Дарвина должно быть признано неосновательнымъ.

Развитіе органическихъ силъ у Гердера совершается по принципу имманентной телеологій: всѣ органическія силы стремятся воплотиться въ человѣческія организаціи, которыя являются для нихъ цѣлью, но телеологій Гердера имманентна въ томъ смыслѣ, что въ человѣкѣ онъ видитъ полное раскрытіе того, что въ низшихъ организамахъ находится только въ эмбриональномъ состояніи.

По тому же принципу совершается развитіе и человѣка; цѣлью человѣческаго развитія является гуманность, т.-е. самая сущность человѣческой природы; человѣкъ стремится только къ тому, чтобы быть самимъ собой; слѣдовательно, онъ носитъ въ себѣ принципъ своего нравственнаго назначенія. Послѣднее совпадаетъ съ его природой.

Гуманность у Гердера является цѣлью не только личнаго, но и историческаго развитія. Выставляя гуманность, какъ конечную цѣль историческаго процесса, Гердеръ видитъ прогрессъ только въ индивидуальномъ, а не въ социальномъ и политическомъ развитіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Гердеръ даже доходитъ до прямого отрицанія общественной организаціи, такъ какъ всякій внѣшній порядокъ, по его мнѣнію, стѣсняетъ индивидуальное своеобразие отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ Гердеръ глубоко расходился съ Кантомъ, по которому человѣкъ можетъ исполнить свое назначеніе только въ общественной организаціи. Но во имя того же индивидуализма Гердеръ отказался во второй части своихъ „Идей“ отъ самаго понятія гуманности, какъ конечной цѣли историческаго развитія, и вмѣсто гуманности назначеніе человѣчества увидѣлъ въ счастье, которое по

своей природѣ субъективно, доступно всякому народу, возможно на всякой ступени развитія. На этомъ противорѣчивомъ пониманіи цѣли историческаго развитія Гердеръ не остановился и сдѣлалъ попытку примирить эти два противорѣчивыхъ взгляда: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не отказываясь отъ понятія гуманности, Гердеръ лишилъ его общихъ, обнимающихъ всѣ національныя различія признаковъ и придалъ гуманности характеръ чего-то измѣняющагося, различнаго для каждаго народа и каждой эпохи. Благодаря этому, спасались своеобразие и самостоятельность частныхъ исторій, потому что каждый народъ получалъ въ самомъ себѣ свое назначеніе, но зато терялось изъ виду единство всемірной исторіи. Такимъ образомъ, у Гердера индивидуализмъ пришелъ въ конфликтъ съ всемірно-исторической точкой зрѣнія.

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ. Въ очередномъ засѣданіи 29-го ноября Н. В. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе: „О документахъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, касающихся пребыванія въ Московскомъ государствѣ въ 1654—1656 годахъ антиохійскаго патріарха Макарія“. Референтомъ было изложено содержаніе цѣлаго ряда документовъ и показано отношеніе ихъ къ свидѣніямъ, сообщаемымъ Павломъ Алеппскимъ, спутникомъ патріарха, подробно описавшимъ это путешествіе. Насколько имѣется матеріала для сравненія, архивные документы подтверждаютъ мнѣнія изслѣдователей о точности показаній Павла.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1904 годъ. популярно-научный иллюстрированный журнал II-й годъ.

Научное Слово

Издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. кн. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ 1904 г. предполагено напечатать, между прочимъ, слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: Проф. В. М. Арнольди, „Современное состояніе вопроса о происхожденіи видовъ у растений“; Проф. В. И. Вернадскій, „Страница изъ исторіи русскаго естествознанія (памяти В. В. Докучаева)“; прив.-доц. Н. П. Кастеринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Л. К. Лахтинъ, „Н. В. Бугаевъ“; проф. Н. И. Стороженко, „Отрывокъ изъ воспоминаній о Н. В. Бугаевѣ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Млодзевскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. И. И. Мечниковъ, „Этюды о природѣ человѣка“; проф. К. А. Тимирязевъ, „Космическая функція растенія“ (Круніанская лекція, читанная въ Лондонскомъ Королевск. Обществѣ), проф. Н. А. Умовъ, „О беспроводномъ телеграфѣ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: А. В. Баулеръ, „Гюйсмансъ“; проф. П. Г. Виноградовъ, „Аграрный кризисъ въ римской имперіи“; М. О. Гершензонъ, „Русскій іезуитъ В. С. Печеринъ“; прив.-доц. И. И. Ивановъ, „Сень-симонизмъ, его прошлое и настоящее“; прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, „Посадская община въ Россіи XVIII ст.“; проф. В. О. Ключевскій, „Два очерка изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; Б. И. Сыромятниковъ, „Общественные классы въ древней Руси“; проф. Н. И. Стороженко и Р. М. Хинъ, „Ларошфуко и г-жа Лафайетъ“; прив.-доц. М. М. Хвостовъ, „Теодоръ Моммсенъ“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: М. Н. Гернетъ, „Предшественники социологической школы уголовного права“; прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; прив.-доц. И. А. Кистяковский, „Новыя данныя по ассирио-вавилонскому праву“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.

Съ конца 1903 г. введены: „Литературное обозрѣніе“ и „Хроника театра“.

Напечатаны и предполагаются статьи слѣдующихъ авторовъ: проф. Д. Н. Анучина, А. П. Басистова, прив.-доц. М. М. Богословскаго, проф. С. Н. Булакова, проф. В. И. Вернадскаго, акад. А. Н. Веселовскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Ю. А. Веселовскаго, прив.-доц. Д. В. Викторова, проф. П. Г. Виноградова, проф. Р. Ю. Випнера, П. П. Гензеля, М. Н. Гернета, М. О. Гершензона, проф. В. И. Герье, прив.-доц. М. И. Голенина, проф. Д. А. Гольдшаммера, Ю. В. Готье, проф. И. М. Грива, А. Е. Грузинскаго, прив.-доц. Н. В. Давыдова, проф. В. Е. Дена, прив.-доц. В. Я. Желтцова, прив.-доц. С. Я. Живаго, проф. Н. Д. Зелинскаго, прив.-доц. И. И. Иванова, прив.-доц. Н. П. Кастерина, прив.-доц. А. А. Кизеветтера, проф. В. О. Ключевскаго, М. Н. Коваленскаго, акад. А. О. Кони, проф. Н. П. Кондакова, акад. О. Е. Корша, проф. Л. К. Лахтина, проф. Э. Е. Лейста, проф. Л. М. Лопатина, проф. М. К. Любавскаго, проф. А. А. Макушлова, проф. И. И. Мечникова, проф. В. А. Михайлова, С. П. Моравскаго, В. М. Нечаева, М. Н. Никольскаго, проф. П. И. Новгородцева, проф. А. П. Павлова, проф. Д. М. Петрушевскаго, проф. К. Д. Покровскаго, М. Н. Покровскаго, прив.-доц. Г. К. Разманова, прив.-доц. Н. А. Рожкова, прив.-доц. Н. И. Романова, А. Н. Савина, прив.-доц. П. Н. Сахуллина, проф. А. Ф. Самойлова, Ю. О. Семенова, В. Д. Соколова, проф. Н. И. Стороженко, проф. И. М. Стѣнова, прив.-доц. В. И. Сыромятнкова, проф. К. А. Тимирязева, проф. кн. С. Н. Трубецкого, проф. Н. А. Умова, прив.-доц. С. Ф. Фортунатова, проф. В. М. Хвостова, Р. М. Хинъ, прив.-доц. П. Д. Хрущова, проф. В. Е. Цераскаго, проф. В. Я. Цитера, прив.-доц. А. В. Цитера, М. Н. Шатерникова, прив.-доц. П. К. Штернберга, акад. И. И. Янжула.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. М. Мечникова: „Этюды о природѣ человѣка“. Подписчики 1903 г., не возобновившіе подписки на 1904 г., получаютъ бесплатно окончаніе этихъ статей.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписн. цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ **5 р. 50 к.** на полгода **2 р. 75 к.**, съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ **6 р.**, на полгода **3 р.**; за границу **8 р.** Для учащихся въ высшихъ учебн. завед. годовая цѣна уменьшается на **1 р.**

Продолжается подписка на 1903 г. Книги VI, VII и VIII за 1903 г. продаются отдѣльно по 75 к. каждая. Новая книга, изданіе ред. „Научнаго Слова“—проф. И. М. Сѣченовъ: „Элементы мысли“. Ц. 1 р. 50 к. Выписывающіе изъ конторы ред. „Науч. Слова“ пользуются скидкой въ 20%, учащіеся въ высш. учебн. завед.—скидкой въ 50%. Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскіи пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія ливні). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.**

Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ.**

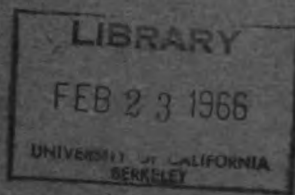

Книга II.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

При этомъ №. прилагается для всѣхъ новыхъ подписчиковъ „Научнаго Слова“ начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“.

Книга II.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Доводено цензурою. Москва, 8 января 1904 г.

ТИПО-ЛИТ. ТРА. М. М. КУШНЕРОВЪ в КЪ МОСКВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ. Проф. И. И. Мечникова. (<i>Съ портретомъ автора</i>).	5
II. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУГАЕВЪ. Проф. Л. К. Лахтина . .	19
III. ВОСПОМИНАНИЕ О СТУДЕНЧЕСКИХЪ ГОДАХЪ Н. В. БУГАЕВА. Проф. Н. И. Стороженка.	27
IV. ЛИШНИЕ ЛЮДИ И ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Проф. кн. С. Н. Трубецкаго	31
V. СЕНЪ-СИМОНИЗМЪ, ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. Прив.-доц. И. И. Иванова	47
VI. К. Ж. ГЮИСМАНСЪ. (<i>Окончаніе</i> .) А. В. Баулеръ	57
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Метеорологическія условія наводненія въ С.-Петербургѣ 12 ноября 1903 г.“ Проф. Э. Е. Лейста (<i>съ картами</i>). — „Астрономическія извѣстія“. К. Д. Покровскаго.—„Изъ области антропологіи“. А. Б. Миссуна.—„Французское общество XIII ст.“ А. Б—ръ.—„Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго.—„Къ семидесятипятилѣтію кончины А. С. Грибоѣдова“. Ю. А.)	83
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ш. О. Гершензона	106
IX. БИБЛОГРАФІЯ (А. А. Кизеветтеръ: „Посадская община въ Россіи XVIII ст.“ М. М. Богословскаго. — Е. Щепкина: „Краткій очеркъ русской исторіи“. М. Н. Коваленскаго. — Габр. Ганото: „Франція передъ Ришелье“. В. Н. Сторожева.— Д-ръ мед. Н. Н. Баженовъ: „Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы“. П. Н. Сакулма. — „Императорскій Россійскій Историческій музей“. Вып. III. — „Повѣсть о горѣ-злочастья“. В. В. Калаша.—„Мелкая земская единица въ 1902 — 1903 г.“ Вып. II. В. Н. Сторожева).	120
X. ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ, СОСТОЯЩИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ . .	132

Mr. Marshall

Изъ исторіи животныхъ обществъ.

При сравненіи человѣка съ ближайшими къ нему животными раньше всего бросается въ глаза, что, несмотря на очень большое сходство въ анатомическомъ строеніи, человѣкъ отличается отъ нихъ высокоразвитой общественностью. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ относится къ человѣкообразнымъ обезьянамъ, какъ живущія общества пчелы относятся къ одиночнымъ пчеламъ и осамъ.

Въ виду этого параллелизма было бы очень интересно изслѣдовать основы общественной жизни животныхъ въ надеждѣ добыть такимъ путемъ нѣкоторую точку опоры для сужденія объ организаціи обществъ вообще.

Уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ организаціи живыя существа начинаютъ обнаруживать стремленіе къ соединенію особей другъ съ другомъ. Такъ, напр., у низшихъ организмовъ, составляющихъ связующее звено между растеніями и животными, у такъ называемыхъ слизистыхъ грибовъ, или миксомицетовъ, особи сливаются вмѣстѣ для образованія большихъ колоній, или пласмодіевъ.

Вылупляющіяся изъ споръ быстро подвижныя микроскопическія существа очень напоминаютъ низшихъ инфузорій, такъ называемыхъ жгутиковыхъ. Но ихъ самостоятельная, индивидуальная жизнь длится лишь очень короткое время; вскорѣ послѣ ихъ вылупленія они соединяются въ кучки, при чемъ тѣло ихъ сливается и образуетъ неправильныя слизистыя скопленія. Нерѣдко такіе пласмодіи достигаютъ значительныхъ размѣровъ и покрываютъ собою сухія вѣтви деревьевъ на пространствѣ фута и болѣе.

Долгое время думали, что сляніе особей при этомъ—полное и что въ пласмодіяхъ не остается никакихъ слѣдовъ вошедшихъ въ ихъ составъ индивидуумовъ. Съ усовершенствованіемъ микроскопической техники оказалось, однако же, возможнымъ обнаружить внутри пласмодіевъ большое количество темно-окрашивающимся ядеръ, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу слившихся особей.

Такие плазмодии представляют собою индивидуумы высшего порядка и оказываются способными долгое время вести независимый и довольно сложный образ жизни. Они отличаются большой светобоязнью и могут при помощи подвижных отростков переселяться въ тѣневые и совершенно темныя мѣста. Плазмодии любятъ влагу и избѣгаютъ засухи. Для поддержанія жизни плазмодии поѣдаютъ множество низшихъ существъ и, между прочимъ, бактерій.

Эти инстинкты и привычки плазмодіевъ могутъ сразу совершенно измѣниться. Они перестаютъ поѣдать постороннія тѣла, изъ темныхъ и влажныхъ мѣстъ они переселяются въ болѣе освѣщенные и сухія, и въ это время они начинаютъ производить плоды (такъ называемыя спорангіи), наполненные огромнымъ количествомъ круглыхъ споръ. Такимъ образомъ, община плазмодія разбивается на отдѣльныя особи, служащія въ качествѣ покоящихся споръ для разсѣмененія и размноженія вида.

На этой низшей ступени органической жизни мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, высшее проявленіе общественности, соединенное съ полнѣйшей потерей индивидуальности.

Между низшими животными мы никогда не находимъ примѣровъ столь сильнаго пожертвованія особей ради общей пользы. Но у нихъ нерѣдко встрѣчаются случаи болѣе или менѣе значительной утраты самостоятельности отдѣльныхъ членовъ животной общины. Достаточно бѣгло просмотрѣть коллекцію коралловъ, чтобы тотчасъ набрести на переходныя формы между цѣльными особями, двойными и тройными, а также на цѣлый рядъ болѣе или менѣе слившихся особей. Но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло далеко не съ столь низшими существами, каковы слизистые грибы. Особи полиповъ обладаютъ вѣнчикомъ изъ щупальцевъ, желудкомъ и еще цѣлымъ рядомъ другихъ органовъ, и тѣмъ не менѣе индивидуальность у нихъ еще настолько слабо развита, что, какъ только онѣ соединяются въ общества, то эти различныя части начинаютъ сливаться. При этомъ появляются группы изъ нѣсколькихъ соединенныхъ особей, на которыхъ приходится всего лишь одинъ желудокъ. Въ этомъ случаѣ даже не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ сліянніи, такъ какъ соединенныя особи являются результатомъ неполнаго дѣленія. Полипъ вмѣсто того, чтобы окончательно раздѣлиться на два новыхъ, отдѣльныхъ полипа, останавливается на какой-либо промежуточной стадіи дѣленія, причемъ образуется двойной вѣнчикъ щупалецъ, окружающій одно ротовое отверстіе, ведущее въ одинъ общій желудокъ.

Еще болѣе замѣчательный примѣръ потери индивидуальности представляютъ такъ называемые трубчатые полипы, или сифоно-

форы. Эти животныя принадлежать къ числу очень красивыхъ, прозрачныхъ организмовъ, встрѣчающихся на морской поверхности и достигающихъ часто значительныхъ размѣровъ. Они представляются большей частью въ видѣ длинныхъ, плавающихъ нитей, обсаженныхъ множествомъ щупальцевъ, желудковъ, плавательныхъ колоколовъ и проч. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ животными колоніями. Затрудненіе возникаетъ, однако же, въ рѣшеніи вопроса, чему соотвѣтствуетъ каждая часть сифонофоровъ, т.-е. каждый желудокъ, каждый плавательный колоколь и т. п., — цѣлой ли особи, или же отдѣльному органу. Мнѣнія зоологовъ относительно этого пункта очень расходятся. Одни изъ нихъ предполагаютъ, что вслѣдствіе общественной жизни отдѣльныя особи настолько упростились, что каждая изъ нихъ спустилась на степень простого органа. Доведенное до крайняго предѣла раздѣленіе труда превратило отдѣльныя особи въ желудки, щупальцы, плавательные колокола и проч. Другіе зоологи думаютъ, напротивъ, что сифонофоры представляютъ собою колонію органовъ, причѣмъ дѣло вовсе не дошло до обособленія индивидуумовъ. По этой теоріи, плавающая сифонофора соотвѣтствуетъ колоніи, состоящей изъ большого количества разнообразныхъ, соединенныхъ между собою органовъ. Намъ нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе этихъ противорѣчій, такъ какъ главная сторона вопроса сводится къ тому, что существуютъ животныя организмы, у которыхъ индивидуальность поглощается обществомъ, хотя утрата ея и не доведена до той степени, которую мы видѣли у слизистыхъ грибовъ.

Высшія степени организаціи не мирятся уже съ такой болѣе или менѣе полной потерей индивидуальности при соединеніи особей въ общественныя группы. Такъ, напр., у колоніальныхъ асцидій мы встрѣчаемъ лишь общую кровеносную систему, которая нисколько не нарушаетъ самостоятельности отдѣльныхъ особей. Въ то время какъ у полиповъ и сифонофоръ мы очень часто не въ состояніи отдѣлить особей отъ колоній, у асцидій такое отдѣленіе чрезвычайно просто и легко. Нѣкоторые представители послѣднихъ, напр., относящіяся къ роду *Botryllus*, замѣчательны въ томъ отношеніи, что лучеобразно расположенныя особи колоніи снабжены одной общей клоакой. Каждая особь обладаетъ своимъ собственнымъ ртомъ и отдѣльнымъ пищеварительнымъ каналомъ, но отдѣльныя заднепроходныя отверстія открываются въ объемистую полость, въ которую собираются изверженія всѣхъ особей и затѣмъ вмѣстѣ выбрасываются наружу.

Чѣмъ болѣе усложняется животная организація, тѣмъ болѣе

индивидуальные признаки становятся обособленными. И на этих ступенях животной жизни встрѣчаются примѣры общественности,— но въ нихъ отдѣльные члены уже не соединяются органически между собою, а всю жизнь остаются самостоятельными. Миръ насѣкомыхъ представляетъ всевозможные переходы между одиночными и общественными представителями. Рядомъ съ одиночными пчелами и осами мы видимъ соединенныхъ въ общества осъ, шмелей, пчель, муравьевъ и термитовъ, общественная организація которыхъ достигаетъ нерѣдко значительнаго совершенства.

Особенно интересны первые шаги общественной жизни пчель. Иногда мохнатая одиночная пчелка, *Anthophora parietina*, соединяются для отраженія враговъ. Когда энтомологу Алфкену случилось поймать нѣсколько штукъ этой пчелы, то онъ подвергся столь сильному нападенію другихъ пчель того же вида, что ему пришлось спастись бѣгствомъ. Пчелы преслѣдовали его еще съ полверсты, такъ что Алфкенъ долженъ былъ защищаться сѣткой, которую онъ вскорѣ до половины наполнилъ пойманными пчелами ¹⁾.

Въ другихъ случаяхъ начало общественности направлено къ защитѣ отъ зимняго холода. Одиночные пчелы нерѣдко строятъ свои гнѣзда въ ближайшемъ сосѣдствѣ одна съ другой, вслѣдствіе благоприятныхъ условій, которыя онѣ встрѣчаютъ въ данномъ мѣстѣ. Зимняя стужа побуждаетъ ихъ при этомъ грѣться дружка о дружку и приводитъ къ тому, что пчелы начинаютъ устраивать общее гнѣздо для зимовки.

Нѣкоторыя одиночные пчелы устраиваютъ себѣ общій ходъ для вылета, что нѣсколько напоминаетъ общественную клоаку у сложныхъ асцидій.

Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ общественной жизни мы видимъ исключительно соединеніе особей въ интересахъ ихъ личнаго существованія, помимо всякой заботы о молодомъ поколѣніи. Самки, которымъ никогда не приходится видѣть ихъ потомство, накопляютъ запасъ пищи для того, чтобы послѣднее могло вырасти. Нѣкоторыя пчелы, какъ напр., тригоны и мелипоны, достигаютъ даже очень значительной и сложной общественной организаціи, помимо иныхъ заботъ о молодомъ поколѣніи, кромѣ снабженія его провизіей. Эти пчелы наполняютъ ячейки медомъ и цвѣточной пылью, кладутъ яички въ такія ячейки и затѣмъ замуровываютъ ихъ, предоставляя вылупляющихся личинокъ ихъ собственной участи.

У другихъ пчель и въ томъ числѣ даже у нѣкоторыхъ одиночныхъ мы находимъ уже первые зачатки заботливости о выращи-

¹⁾ См. v. *Buttel-Reepen*, *Biologisches Centralbl.* 1903.

вані новаго поколѣнія. Съ развитіемъ общественности у такихъ насѣкомыхъ эти заботы о воспитаніи личинокъ выступаютъ настолько на первый планъ, что интересы отдѣльныхъ особей нерѣдко терпятъ не малый ущербъ. При этомъ развивается очень значительное раздѣленіе труда, такъ что матка превращается въ концѣ-концовъ въ машину для кладки яицъ и становится неспособной судить объ общемъ благѣ. Остановившаяся на очень низкой степени умственного развитія, матка служитъ предметомъ особенной заботливости, съ цѣлью поддержанія жизни вида. Въ случаѣ недостатка въ пищѣ работницы отдаютъ маткѣ ихъ послѣдній достатокъ, такъ что она умираетъ послѣднею. Трутней терпятъ лишь до тѣхъ поръ, пока они выполняютъ свое половое отправление, послѣ чего ихъ безпощадно убиваютъ.

Всѣ эти дѣйствія на пользу общую выполняютъ работницы, которыя являются лишь неполными особями. Снабженные высоко организованнымъ мозгомъ и совершенными органами для выдѣленія воска и для собиранія пищи, работницы отличаются неполнѣ развитыми органами размноженія, дѣлающими невозможнымъ совокупленіе и допускающими лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ кладку неоплодотворенныхъ яицъ.

Потеря индивидуальности, столь поразительная у колоніальныхъ животныхъ, повторяется и у насѣкомыхъ, живущихъ обществами. Но въ то время какъ у первыхъ болѣе или менѣе недоразвитыя особи соединены органически между собою, у послѣднихъ онѣ отдѣлены въ пространствѣ. Чѣмъ совершеннѣе общественная организація у насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе нарушается у нихъ принципъ индивидуальности. У муравьевъ и термитовъ, общества которыхъ развились совершенно независимо отъ пчелиныхъ обществъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Высоко-развитой умъ и искусство въ исполненіи разныхъ отправленій составляютъ достояніе рабочихъ муравьевъ, окончательно утратившихъ способность воспроизведенія. Столь же бесплодные солдаты отличаются необыкновеннымъ развитіемъ челюстей, въ то время какъ зрѣлые въ половомъ отношеніи самцы и самки представляютъ собою родъ машины для произведенія потомства.

Очень оригинальной чертой въ общественной жизни нѣкоторыхъ муравьевъ представляется медоношеніе работницами. Нѣкоторыя изъ ихъ числа насасываютъ въ извѣстное время столь большое количество меду, что все тѣло ихъ превращается въ шаровидный мѣшокъ. Ноги оказываются болѣе не въ состояніи двигать неуклюжее туловище, вслѣдствіе чего животному приходится все время лежать на землѣ въ безпомощномъ состояніи. Подобный образъ

жизни укорачиваетъ вѣкъ такихъ медоносныхъ работницъ, личные интересы которыхъ приносятся въ жертву обществу. Какъ только обыкновенныя работницы или же зрѣлыя въ половомъ отношеніи особи почувствуютъ голодъ, то онѣ подходятъ къ медоноснымъ муравьямъ и высасываютъ изъ ихъ рта готовую легко варимую пищу. Роль такихъ насѣкомыхъ низводится, слѣдовательно, на степень живыхъ медоносныхъ горшковъ.

Хотя термиты относятся къ совершенно иной группѣ насѣкомыхъ, чѣмъ пчелы или муравьи, но и у нихъ мы встрѣчаемъ тотъ же принципъ общественной жизни, то есть жертвованіе индивидуальностью ради общаго блага. Зрѣлыя въ половомъ отношеніи самки превращаются въ громадные мѣшки, наполненные огромнымъ количествомъ яицъ. Будучи неспособными передвигаться, онѣ проводятъ весь свой вѣкъ внутри термитной кучи, откладывая въ сутки до 80000 яицъ. Солдаты, незрѣлыя въ половомъ отношеніи, служатъ къ огражденію общины, пользуясь для этого очень сильными челюстями, мѣшающими имъ исполнять какую-либо иную роль. Какъ только снаружи проникаетъ какое-нибудь возбужденіе, тотчасъ же солдаты становятся въ боевую позицію, причемъ имъ нерѣдко приходится жертвовать жизнью ради общаго блага.

Всѣ эти факты изъ исторіи развитія животныхъ обществъ приводятъ къ общему правилу, въ силу котораго особи болѣе или менѣе подчиняются обществу. Но мы замѣчаемъ въ то же время, что, съ усовершенствованіемъ организаціи, индивидуальность все менѣе и менѣе приносятся въ жертву ради общаго блага. Въ то время какъ у низшихъ существъ особи очень часто совершенно поглощаются общиной, у болѣе высоко стоящихъ животныхъ онѣ сохраняютъ свою самостоятельность, хотя и не въ полной степени. Отсюда можно заключить, что съ усовершенствованіемъ организаціи индивидуальность становится соотвѣтственно болѣе прочной.

Было бы интересно узнать, примѣнимъ ли этотъ общій законъ и къ человѣческимъ обществамъ.

Общественная жизнь у позвоночныхъ животныхъ стоитъ вообще на низкой степени. Живущія общества рыбы и птицы еще не образуютъ организованныхъ союзовъ, и раздѣленіе труда между ихъ особями еще очень незначительно. Млекопитающія въ этомъ отношеніи тоже не далеко ушли. Живущіе стадами представители ихъ не выдерживаютъ даже отдаленнаго сравненія съ общественными насѣкомыми.

Такимъ образомъ, человѣкъ является первымъ млекопитающимъ съ организованной общественной жизнью. Но въ то время какъ у насѣкомыхъ эта жизнь направляется сложно выработанными ин-

стинктивными дѣйствіями, у людей роль общественнаго инстинкта лишь незначительна. Индивидуальное чувство человѣка, или эгоизмъ, развито очень сильно, что объясняется тѣмъ, что непосредственные животные прародители человѣческаго рода вели одиночный образъ жизни. Поэтому общественное чувство, любовь къ ближнему, или альтруизмъ, будучи очень недавнимъ приобрѣтеніемъ, стоятъ у большинства людей еще на очень низкой ступени.

Если мы рассмотримъ этотъ вопросъ съ чисто-морфологической точки зрѣнія, то увидимъ, что развитіе человѣческихъ обществъ вовсе не связано съ потерей какихъ-либо органовъ. Въ то время какъ у столь различныхъ животныхъ, какъ сифонофоры, пчелы, муравьи и термиты, высоко организованная общественная жизнь привела независимыми путями къ потерѣ половыхъ органовъ у многихъ особей,—въ человѣческомъ родѣ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго.

Бываютъ случаи, что у иныхъ людей обоего пола половые органы и ихъ отправленія обнаруживаютъ нѣкоторыя отклоненія отъ нормы; но послѣднихъ далеко нельзя сравнивать съ тѣми, которыя имѣютъ мѣсто у ниже стоящихъ общественныхъ животныхъ. Отсутствіе полового инстинкта у мужчинъ вообще очень рѣдко; у женщинъ оно встрѣчается чаще. Но даже у женщинъ, предающихся неестественнымъ половымъ отправленіямъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ наблюдается и специфическая любовь къ мужскому полу.

Помимо случаевъ настоящихъ уродствъ, устройство половыхъ органовъ у людей нормально.

Нерѣдко дѣлались попытки исключить нѣкоторыхъ людей изъ области половой жизни. Монахи и монахини, давашіе обѣтъ полного воздержанія, существовали гораздо ранѣе христіанской эпохи. Въ особенности браминская и буддистская религіи отличались высоко развитой монашеской организаціей. Въ этомъ явленіи можно бы было, пожалуй, усмотрѣть начало обособленія бесполоыхъ особей, подобно тому какъ это наблюдается у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Такъ, напр., извѣстный мюнхенскій зоологъ *Зибольдъ* замѣтилъ, что маленькія самки осы, *Polistes gallica*, несмотря на вполне нормальное устройство ихъ половыхъ органовъ, обнаруживаютъ непреодолимое отвращеніе къ половому отправленію. При такихъ условіяхъ онѣ превращаются въ работницъ, предающихся главнымъ образомъ уходу за личинками,—представляя первый шагъ къ обособленію особей въ половомъ отношеніи неразвитыхъ, что такъ часто наблюдается у общественныхъ насѣкомыхъ.

У людей эти явленія пошли по совершенно иному пути. Без-

брачіе и половое воздержаніе не служатъ у нихъ причиною недоразвитія половыхъ органовъ и невозможности выполненія половой функціи. Нерѣдко утверждаютъ, будто усиленная работа и въ особенности напряженный умственный трудъ оказываютъ значительную помѣху для полового отправления. Но это мнѣніе безусловно невѣрно, какъ это явствуетъ изъ очень большого числа точно установленныхъ фактовъ.

При томъ же надо замѣтить, что установленія, введшія безбрачіе, обнаруживаетъ не только не прогрессивное, но даже несомнѣнно обратное теченіе. Введенное католической церковью въ христіанскомъ мірѣ, обязательное безбрачіе не удержалось ни въ православной религіи, ни въ протестантствѣ. А между тѣмъ необходимо имѣть въ виду, что англосаксонская и славянская расы, большей частью отвергающія обязательное безбрачіе, распространяются на землѣ гораздо болѣе, нежели католическіе народы. Не слѣдуетъ также забывать и того, что и у католическаго духовенства безбрачіе далеко не всегда совпадаетъ съ дѣйствительнымъ воздержаніемъ.

Въ началѣ протестантской эпохи въ Англіи, при Эдуардѣ Шестомъ, было постановлено англійскимъ парламентомъ 24 ноября 1558 года, что, несмотря на желательность чтобы духовенство воздерживалось отъ вступленія въ бракъ, ему однако же разрѣшали послѣднее, въ случаяхъ, когда воздержаніе представляется почему-либо невозможнымъ. Епископы не замедлили воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ и обратили его въ правило. Вступленіе въ бракъ распространилось настолько, что желательность воздержанія не замедлила превратиться въ мертвую букву.

Въ недавнее время въ Европѣ и въ Америкѣ обнаружилось сильное стремленіе женщинъ къ высшему образованію. Въмѣсто того чтобы идти по проторенной дорогѣ и становиться хорошими хозяйками, онѣ стараются достигнуть высшихъ степеней умственной культуры и сдѣлаться врачами и частью адвокатами. Число женщинъ, учащихъ въ университетахъ, постепенно увеличивается, и страны, долгое время закрывавшія имъ входъ въ высшія учебныя заведенія, какъ напр., Германія, вынуждены были наконецъ уступить.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на это явленіе съ точки зрѣнія раздѣленія труда въ современномъ обществѣ? Доказываетъ ли оно, что обособленіе индивидуумовъ, недѣятельныхъ въ половомъ отношеніи, подобныхъ безполымъ работницамъ у общественныхъ насѣкомыхъ, обособленіе, неудавшееся въ монастырской жизни, можетъ быть осуществлено у ученыхъ женщинъ?

Поскольку этотъ вопросъ можетъ подлежать рѣшенію, мы ду-

маемъ, что и въ этомъ случаѣ отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Не подлежить сомнѣнію, что нерѣдко дѣвицы, по какой-либо причинѣ не имѣющія шансовъ выйти замужъ, посвящаютъ себя научной карьерѣ. Въ подобныхъ случаяхъ безбрачіе является не слѣдствіемъ высшей умственной дѣятельности, а скорѣе ея причиной. Съ другой же стороны, необходимо отмѣтить, что многія изъ женщинъ, предающихся высшимъ научнымъ занятіямъ, раньше или позже выходятъ замужъ. Въ теченіе десятилѣтняго періода въ высшей женской медицинской школѣ въ Петербургѣ всего училось 1091 особа женскаго пола. Изъ нихъ 80 поступили на курсы уже будучи замужемъ; 19 были вдовы, а 992—незамужнихъ. Изъ числа послѣднихъ 436 вышли замужъ, еще не покинувъ школьной скамьи, что составляетъ приблизительно 44% ¹⁾.

Наблюденіе этого женскаго движенія, установившагося въ Европѣ за послѣднія сорокъ лѣтъ, показываетъ также, что его сущность—по крайней мѣрѣ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, вовсе не установленіе недѣятельности половой функціи. Большой частью женщины-врачи вступаютъ въ бракъ раньше или позже и во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ значительную склонность къ основанію семьи. Даже женщины, особенно отличившіяся въ ученой карьерѣ,—и тѣ не составляютъ здѣсь исключенія. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи внутренняя душевная жизнь Софьи Ковалевской, занимающей одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ среди ученыхъ женщинъ.

Въ молодости, когда она начала заниматься математикой, она не имѣла ни малѣйшей склонности ни къ чему, что соприкасается съ любовью. Впослѣдствіи значительно измѣнилось. Когда она начала старѣться, нѣжныя чувства у нея стали проявляться съ необычайной силой. Въ тотъ самый день, когда она была удостоена премии Парижской Академіей Наукъ, она писала одному изъ своихъ друзей: «со всѣхъ сторонъ я получаю поздравительныя письма, но по какой-то непостижимой ироніи судьбы я еще никогда не чувствовала себя столь несчастной» ²⁾. Причина этого неудовлетвореннаго чувства выясняется изъ словъ, съ которыми она обратилась къ одной изъ самыхъ близкихъ ей женщинъ: «Отчего я не могу быть никѣмъ любима? Я конечно могла бы дать больше, чѣмъ большинство женщинъ, а между тѣмъ самая ничтожная женщины любима, а я—нѣтъ» (стр. 311).

Въ то время какъ, съ одной стороны, нѣтъ возможности от-

¹⁾ Caroline Schultze. La femme médecin au XIX siècle. Paris 1888, стр. 41.

²⁾ Souvenirs de S. Kowalevsky.

мѣтуть ни у лицъ, посвящающихъ себя религиозному служенію, ни у лицъ, предающихся высшимъ научнымъ занятіямъ, какого-либо стремленія къ образованію бесполохъ особей,—съ другой стороны, очень вѣроятно, что въ человѣческомъ обществѣ устанавливается нѣкоторое обособленіе въ распредѣленіи труда.

Организація общественной жизни въ человѣческомъ родѣ не послѣдовала по пути, приведшему у термитовъ, муравьевъ и пчелъ къ образованію бесполохъ работницъ и солдатъ; она скорѣе при-мыкаетъ къ явленіямъ, которыя у насѣкомыхъ встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія.

*Верхуфъ*¹⁾, изслѣдуя образъ жизни одиночной пчелы, *Halictus quadricinctus*, натолкнулся на интересный примѣръ материнскаго переживанія, то-есть на появленіе новаго періода индивидуальной жизни самки. Послѣ снесенія послѣднихъ яичекъ, имѣющихся въ ея тѣлѣ, она не умираетъ, какъ другія пчелы. Несмотря на то, что въ ея яичникахъ уже нѣтъ болѣе ни одного способнаго къ развитію яичка, самка продолжаетъ жить, ухаживая за личинками и охраняя гнѣздо. Обыкновенно двигателемъ дѣятельности насѣкомыхъ является развитіе половыхъ элементовъ. Въ настоящемъ случаѣ этотъ стимуль прекращается сразу, и несмотря на это, пчела продолжаетъ попрежнему заботиться о молодомъ поколѣніи. «Мы встрѣчаемся здѣсь,—говоритъ *Верхуфъ*—съ очень важной ступенью развитія общественности пчелъ, хотя и нельзя подыскать какое-либо основаніе для этой поздней материнской любви. Именно эта часть жизни нашей пчелы, этотъ, такъ сказать, болѣе спокойный періодъ старости представляетъ чисто-человѣческую черту».

Такъ какъ продолжительность жизни у насѣкомыхъ вообще очень незначительна, то неудивительно, что общественная организація у нихъ должна была пойти по иному пути. У человѣка, наоборотъ, индивидуальная жизнь продолжается гораздо дольше, и поэтому весьма вѣроятно, что раздѣленіе труда въ человѣческихъ обществахъ разовьется въ направленіи, намѣченномъ у *Halictus quadricinctus*.

У женщинъ половая жизнь заканчивается обыкновенно въ періодѣ между сорока и пятьюдесятью годами. Въ это время мѣсячное отдѣленіе прекращается, и въ яичникахъ не образуется болѣе яичекъ, способныхъ къ оплодотворенію,—по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Женщина вступаетъ такимъ образомъ въ періодъ жизни, соответствующій послѣдней фазѣ жизни самокъ *Halictus quadricinctus*. Только женщины, послѣ прекращенія

¹⁾ Цитировано у *v. Buttel-Reepen*, 1. с.

ихъ способности къ размноженію, могутъ еще жить долгіе годы. По даннымъ, собраннымъ *Кетле*, женщина, достигшая пятидесятилѣтняго возраста и, слѣдовательно, почти всегда безплодная, можетъ прожить еще болѣе двадцати лѣтъ (20,33). По таблицамъ прусской статистики этотъ срокъ немного короче, такъ какъ онъ лишь въ малой степени переходитъ за девятнадцать лѣтъ (19,04) ¹⁾. Во всякомъ случаѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что безплодная женщина имѣетъ впереди еще цѣлый періодъ жизни, который, очевидно, долженъ служить для какой-нибудь полезной цѣли. Послѣдняя должна соотвѣтствовать работѣ старыхъ самокъ *Halictus* и заключаться главнымъ образомъ въ воспитаніи дѣтей. Мы такъ и видимъ, что бабушки и старухи вообще выполняютъ роль повивальныхъ «бабокъ», учительницъ и воспитательницъ и оказываются часто очень полезными въ этой роли. Затѣмъ еще необходимо имѣть въ виду, что въ настоящее время старость начинается слишкомъ рано и что вообще человѣческая жизнь ненормально коротка. Съ развитіемъ культуры вообще и гигиеническихъ познаній въ частности, продолжительность жизни должна значительно увеличиться, причемъ работа, выполняемая старухами, должна сдѣлаться еще болѣе существенной.

Для мужского пола этотъ вопросъ рѣшается не столь просто, хотя и для нихъ весьма вѣроятно, что въ старости мужчины должны выполнять очень важную общественную роль. У мужчинъ періодъ половой дѣятельности вообще долѣе, чѣмъ у женщинъ, и не прекращается какъ у женщинъ. Если, какъ это весьма вѣроятно, въ будущія времена старость сдѣлается нормальной, то старикамъ будетъ гораздо легче, чѣмъ теперь, выполнять ихъ разнообразныя и существенныя функціи.

Такимъ образомъ, «работниками» въ человѣческихъ обществахъ должны являться не особые, неразвитые въ половомъ отношеніи индивидуумы (какъ у насѣкомыхъ), а сдѣлавшіяся безплодными, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполне нормальныя и высоко развитыя особи.

Тутъ мы наталкиваемся на вопросъ, о которомъ много толковали. Нерѣдко утверждаютъ, что половое развитіе составляетъ необходимое условіе для нормальныхъ жизненныхъ отправленій. Въ новѣйшее время это мнѣніе особенно защищаетъ берлинскій анатомъ *Ганземанъ* ²⁾. Онъ думаетъ, что утрата половой дѣятельно-

¹⁾ Real-Encyclopädia d. gesammten Heilkunde, 2-е изд. 1887, Т. XI, стр. 541, 542.

²⁾ Studien üb. die Spezificität, d. Altruismus u. d. Anaplasie d. Zellen. Berlin, 1893. Также: Berliner klin. Wochenschr. 1900, стр. 933.

сти въ организованномъ мірѣ должна неизбежно влечь за собою естественную смерть. «Вотъ что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности—говорить онъ: какъ люди, такъ и животныя старѣютъ, причѣмъ они утрачиваютъ свои половые элементы. И вотъ что по этому я утверждаю: какъ старость, такъ и физиологическая смерть, то-есть неизбежность смерти, являются слѣдствіемъ этой утраты» (стр. 59). Въ подтвержденіе этой теоріи *Ганзemann* приводитъ тотъ фактъ, что многія растенія умираютъ вскорѣ послѣ созрѣванія плодовъ. «Очень характернымъ примѣромъ является такъ наз. столѣтнее алоэ (*Agave americana*), которое въ своемъ отечествѣ даетъ зрѣлые плоды въ возрастѣ отъ пяти до десяти лѣтъ, послѣ чего оно умираетъ. Въ нашихъ садахъ оно цвѣтетъ лишь въ 50 или 100 лѣтъ. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ,—продолжаетъ *Ганзemann*,—что искусственное замедленіе цвѣтенія значительно увеличиваетъ продолжительность жизни» (стр. 58).

Намъ нѣтъ надобности углубляться въ разсмотрѣніе этого примѣра, такъ какъ достаточно отмѣтить, что онъ не имѣетъ общаго значенія и въ особенности не можетъ быть примѣненъ къ человѣку.

Ганзemann и самъ соглашается съ тѣмъ, «что какъ женщины послѣ прекращенія мѣсячныхъ, такъ и евнухи на долгое время могутъ пережить потерю своихъ половыхъ клѣтокъ; къ тому же неизвѣстно, чтобы кастраты жили вообще меньше, чѣмъ другіе люди и животныя» (стр. 59). Извѣстный итальянскій пѣвецъ восемнадцатаго столѣтія, *Фаринелли*, былъ осклопленъ въ раннемъ возрастѣ, что ему не помѣшало однакоже дожить до 78 лѣтъ. Другой знаменитый итальянскій пѣвецъ той же эпохи, *Каффарелли*, который тоже юношей былъ осклопленъ, умеръ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ ¹⁾. Изъ этихъ фактовъ ясно вытекаетъ, что по крайней мѣрѣ въ человѣческомъ родѣ потеря главнѣйшихъ половыхъ органовъ вовсе не обуславливаетъ скорой физиологической смерти. Такимъ образомъ не встрѣчается никакого серьезнаго препятствія къ выполненію важной общественной роли бесплодными стариками.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что, несмотря на очень развитую общественную организацію, люди могутъ сохранить свою полную индивидуальность, безъ всякой потери половыхъ органовъ и способности размноженія.

Эти факты служатъ однимъ изъ доказательствъ того, что чѣмъ выше организованы общественныя существа, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе выражена у нихъ индивидуальность. Отсюда можно заклю-

¹⁾ *Möbius*, Ueber die Wirkungen der Castration, Halle, 1903.

чить, что изъ социологическихъ теорій наибольшаго значенія заслуживаютъ тѣ, которыя предоставляютъ индивидуальности и личной инициативѣ наибольшій просторъ. Идеаль, который проповѣдовался столь часто и въ силу котораго личности должны возможно болѣе приноситься въ жертву на общую пользу и существовать не для себя, а исключительно для другихъ и для общества, — этотъ идеаль долженъ быть отброшенъ. Разумѣется, бывають времена въ общественной жизни, когда многочисленныя жертвы неизбѣжны; но этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ возводить въ правило. Очень хорошо, чтобы люди заботились о больныхъ и о бѣднякахъ; но еще лучше было бы такое положеніе вещей, когда бы не было ни болѣзней, ни бѣдности. Эта цѣль ясно намѣчена рациональной гигиеной и правильнымъ общественнымъ устройствомъ, и есть много шансовъ въ пользу того, что она со временемъ будетъ достигнута.

Съ развиваемой въ этомъ этюдѣ точки зрѣнія совершенно понятно, почему въ новѣйшее время многіе голоса явно высказались противъ взглядовъ, по которымъ человѣческое общество должно быть обращено въ настоящее стадо, гдѣ для личнаго развитія не отводится никакой свободы. Очень недавно скончавшійся *Гербертъ Спенсеръ* во многихъ изъ своихъ сочиненій рѣзко выступилъ противъ социалистическихъ ученій, которыя стремятся низвести человѣческую личность на уровень крайней посредственности. Онъ упрекалъ социалистовъ въ томъ, что проповѣдуемый ими общественный строй отводитъ слишкомъ большую роль государству, причѣмъ личности приходится отступить на задній планъ.

Съ особенной страстью высказался противъ социалистическихъ ученій и въ пользу сохраненія личности въ современномъ обществѣ *Фридрихъ Ницше* ¹⁾. Онъ думаетъ, что если бы идеальное государство социалистовъ осуществилось, то почва, на которой можетъ развиваться высшая духовная дѣятельность, то есть сильная личная энергія, должна бы совершенно уничтожиться. Человѣчество оказалось бы при такихъ условіяхъ не въ состояніи производить настоящихъ геніевъ. Подобно *Герберту Спенсеру*, *Ницше* думаетъ, что социализмъ предоставляетъ государству такую неограниченную власть, какой не обладала никакая самая деспотическая форма правленія. Проповѣдуемое социалистами государственное устройство совершенно устраняетъ личность, низводя ее на степень полезнаго для общества органа (тамъ же, стр. 405).

Возможно, что эта критика не лишена нѣкотораго преувеличенія; несомнѣнно однакоже, что индивидуальное сознаніе настолько

¹⁾ Menschliches, Allzumenschliches. Т. I и II.

соврѣло въ теченіе органическаго развитія живыхъ существъ, что подавленіе личности становится далеко не желательнымъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно отмѣтить тотъ общій выводъ, что, чѣмъ выше организованы члены даннаго общества, тѣмъ болѣе сохраняется у нихъ индивидуальное начало. Въ то время какъ низшая ступень общественной жизни представляется миксомицетами, у которыхъ отдѣльныя особи, движимыя внутреннимъ стимуломъ, совершенно сливаются одна съ другою для образованія плазмодія, высшая степень общественнаго устройства достигается человѣческими союзами, предоставляющими всей суммѣ личностей ихъ полную индивидуальную неприкосновенность.

И. Мечниковъ.

Николай Васильевичъ Бугаевъ.

Весною минувшаго года, 29 мая рано утромъ, скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ московскаго университета Николай Васильевичъ Бугаевъ.

Его научная, учебная и общественная дѣятельность обнимала періодъ свыше 40 лѣтъ. Для семьи русскихъ математиковъ, выпедшихъ изъ московскаго университета, онъ былъ учителемъ въ высокомъ смыслѣ слова: это былъ человекъ, беззавѣтно преданный служенію наукъ и родинѣ.

Жизнь Николая Васильевича не была богата внѣшними событіями, но была кипучая и полная содержанія.

Николай Васильевичъ родился на Кавказѣ, въ Душетѣ, въ 1837 году. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ посланъ въ Москву въ 1-ю гимназію. Съ 4-го класса Николай Васильевичъ уже не бралъ средствъ изъ дому и содержалъ себя самъ, давая уроки. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не жаловался товарищамъ на затруднительность своего положенія. Своими успѣхами онъ выдѣлялся между товарищами, шелъ 1-мъ ученикомъ и окончилъ курсъ съ золотою медалью.

Такъ же успѣшно прошелъ и окончилъ онъ курсъ университета по математическому отдѣленію физико-математическаго факультета и намѣревался избрать военную карьеру.

Пройдя Николаевское инженерное училище въ Петербургѣ, Николай Васильевичъ поступилъ въ Николаевскую инженерную академію. Но эти занятія прервались совершенно неожиданно. Вслѣдствіе недовольства, выраженнаго слушателями академіи однимъ распоряженіемъ начальства, всѣ они были отъ академіи отчислены и опредѣлены на службу въ саперные батальоны.

Въ жизни Николая Васильевича наступилъ рѣзкій поворотъ: онъ оставилъ военную службу и началъ готовиться къ магистерскому экзамену. Но два года, проведенные въ инженерномъ училищѣ и инженерной академіи, оставили въ характерѣ Николая Ва-

сильевича глубокой слѣдъ: онъ научился высоко цѣнить военную дисциплину, порядокъ и точность въ исполненіи работъ. Кромѣ того, въ немъ окрѣпъ вкусъ къ прикладнымъ знаніямъ; онъ часто сталъ проводить мысль, что теорія и практика не должны жить обособленно: практика выдвигаетъ интересныя задачи, будитъ мысль, удерживаетъ отъ безплодныхъ темъ и доктринерства; съ другой стороны, только серьезная подготовка даетъ человѣку практики, инженеру возможность быть хозяиномъ своего дѣла.

Въ 1863 году Николай Васильевичъ сдалъ магистерскій экзамень, защитилъ диссертацию на степень магистра «Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ вышнему виду» и получилъ заграничную командировку на 2½ года для приготовленія къ профессорскому званію. За границей онъ слушалъ лекціи Куммера, Вейерштрасса, Лиувилля, Бертрана, Серре, Шаля, Ламе, Дюгамеля.

Въ то время за границей было много молодыхъ русскихъ, командированныхъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ часы, свободные отъ научныхъ занятій, собирались они въ излюбленномъ ресторанѣ. Недостатка въ темахъ не могло быть въ 1863 г., когда горячо обсуждались многіе общественные и политическіе вопросы. Уже въ то время Николай Васильевичъ заявилъ себя энергичнымъ сторонникомъ порядка, врагомъ всякаго сепаратизма, убѣжденнымъ патриотомъ, вѣрующимъ въ великое будущее Россіи, въ которой онъ видѣлъ защитнику славянства отъ натиска германизма.

По возвращеніи изъ-за границы Николай Васильевичъ былъ единогласно избранъ факультетомъ въ доценты по кафедрѣ чистой математики.

Вступительная лекція новаго доцента была посвящена введенію въ теорію чиселъ. На этой лекціи Николай Васильевичъ впервые высказалъ публично свой взглядъ на теорію чиселъ, какъ на отдѣлъ науки, долженствующій занять самостоятельное положеніе на ряду съ анализомъ, и съ нимъ равноправный.

Всю жизнь Николай Васильевичъ работалъ надъ этой излюбленною областью, которую онъ предложилъ назвать аритмологіей. Благодаря его трудамъ, аритмологія вступила въ новую фазу своего развитія. Въ концѣ жизни Николай Васильевичъ еще разъ вернулся къ темѣ своей вступительной лекціи и въ горячей рѣчи на цюрихскомъ конгрессѣ и на X съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ изложилъ въ опредѣленныхъ чертахъ свой взглядъ на значеніе аритмологическаго міросозерцанія не только въ математикѣ, но и въ естествознаніи и философіи.

Въ 1864 году при московскомъ университетѣ образовался кружокъ любителей математическихъ наукъ, собиравшихся для чтенія

математических рефератов у профессора Брашмана. Николай Васильевич, вернувшись из-за границы, присоединился к этому кружку. Хотя первоначально кружок был не многочислен, но научные силы его были очень крупны. Через 2 года он преобразовался в Московское Математическое Общество, а из рефератов за этот двухлетний срок составил 1-й том Математического Сборника.

При начале издания возник вопрос о языке статей нового журнала. Одно время перевешивало мнение, что надо писать на иностранных языках, для того чтобы теснее связать работы русских ученых с иностранными. Николай Васильевич горячо возстал за права русского научного языка. Он говорил, что кто не уважает своего родного языка, тот не уважает самого себя и не заслуживает уважения других. Когда станут печататься порусски серьезные работы, то иностранцы сами научатся понимать наш язык; если же они этого не сделают, то только одни они и будут в потерю, так как тогда мы будем знать больше их.

Эту мысль Николай Васильевич энергично отстаивал; благодаря ему, наш Математический Сборник остался русским, сделавшись школой молодых русских ученых и много помог выработке русской научной речи.

Впоследствии многие иностранцы завязали сношения с нашим Математическим Обществом, пожелали вступить в его члены и научились понимать русские работы. Правда, Николай Васильевич поплатился за свою любовь к родному языку тем, что некоторые иностранные ученые заново находили и приписывали себе формулы, давно напечатанные Николаем Васильевичем на страницах Математического Сборника. Но к этому Николай Васильевич относился очень добродушно и никогда не вступался за свой приоритет. Он говорил, что все его формулы отнять у него нельзя: их слишком много. Действительно, общие методы Николая Васильевича позволяли получать сколько угодно арифметических теорем, а иностранцы, не знавшие этих методов, должны были для каждой теоремы придумывать отдельное доказательство, обыкновенно довольно сложное.

В феврале 1866 года Николай Васильевич защитил докторскую диссертацию и через год после того был избран экстраординарным профессором по кафедре чистой математики. Это избрание значительно увеличило преподавательские силы факультета: кроме курса теории чисел, Николай Васильевич стал читать исчисление конечных разностей, вариационное исчисление, теорию эллиптических функций, теорию функций комплексного переменного.

Въ совѣтѣ Николай Васильевичъ тоже заявилъ себя дѣятельнымъ членомъ: въ 1869 году онъ былъ избранъ въ попечители о бѣдныхъ студентахъ, съ 1868 по 1882 годъ онъ состоялъ сначала кандидатомъ къ судьямъ, а затѣмъ судьей университетскаго суда.

Въ 1869 году Николай Васильевичъ читалъ актовую рѣчь «Математика, какъ орудіе научное и педагогическое». Вспоминая въ этой рѣчи своего учителя Николая Ефимовича Зернова, онъ говорилъ о «научныхъ преданіяхъ и нравственной связи, соединяющей различныя поколѣнія». Вполнѣ можно сказать, что эти «научныя преданія» Николай Васильевичъ передалъ и заповѣдалъ своимъ ученикамъ. Онъ всегда настаивалъ на самой тщательной обработкѣ какъ мысли, такъ и ея изложенія; въ своихъ бесѣдахъ по этому поводу онъ нерѣдко приводилъ пословицу, что «только сычи да совы въ темнотѣ глубину видятъ». Изложеніе самого Николая Васильевича, какъ въ изустномъ преподаваніи, такъ и въ печатныхъ работахъ, всегда отличалось замѣчательной ясностью.

Вскорѣ послѣ произнесенія актовой рѣчи, въ декабрѣ 1869 г., Николай Васильевичъ былъ избранъ и утвержденъ въ должности ординарнаго профессора.

Въ эту эпоху дѣятельность Николая Васильевича ярко проявилась въ Обществѣ распространенія техническихъ знаній, гдѣ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя,—въ особенности, въ жизни только что зарождавшагося Учебнаго Отдѣла. Самъ этотъ Отдѣлъ въ адресѣ, поднесенномъ впослѣдствіи Математическому Обществу, упоминаетъ, что «Отдѣлъ обязанъ во многомъ Николаю Васильевичу своимъ основаніемъ и организаціей; ему же онъ обязанъ и возобновленіемъ своей дѣятельности, когда она была прервана на нѣкоторое время». Этотъ перерывъ дѣятельности отдѣла, упоминаемый въ адресѣ, былъ тяжелой эпохой въ его жизни. Только горячая рѣчь Николая Васильевича поддержала упавшій духъ членовъ, которые были готовы совершенно похоронить отдѣлъ.

Осенью 1871 года Николай Васильевичъ получилъ заграничную командировку до начала весенняго семестра. Эта командировка позволила ему завязать болѣе тѣсныя сношенія съ заграничными учеными, между прочимъ доставила ему случай бесѣдовать съ Куммеромъ объ интересовавшихъ его вопросахъ теоріи чиселъ. Къ тому же году относится начало переписки Николая Васильевича съ Гоуэлемъ (Hoüel), редакторомъ журнала *Bulletin des sciences mathématiques*, имѣвшаго своею задачей знакомить французскихъ ученыхъ съ работами не только своихъ, но и иностранныхъ математиковъ. По приглашенію Гоуэля, Николай Васильевичъ сталъ посылать въ этотъ журналъ короткія резюме статей Математическаго Сборника.

Съ 1878 года Николай Васильевичъ былъ избранъ въ секретари, а съ 1886 года—въ деканы физико-математическаго факультета. Въ послѣдней должности Николай Васильевичъ оставался до конца жизни, съ небольшимъ перерывомъ въ два года, когда онъ заболѣлъ острымъ ревматизмомъ. Весь этотъ длинный періодъ отмѣченъ непрерывнымъ энергичнымъ участіемъ Николая Васильевича въ дѣлахъ факультета. Всегда спокойный, объективный, но настойчивый, Николай Васильевичъ былъ незамѣнимымъ деканомъ.

Такова же была его дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя испытательныхъ комиссій въ различныхъ университетахъ, куда онъ ежегодно командировался, начиная съ 1890 года. Всюду онъ оставлялъ по себѣ добрую память и получалъ при отъѣздѣ выраженія признательности какъ отъ экзаменаторовъ, такъ и отъ экзаменовавшихся.

Научная дѣятельность Николая Васильевича пользовалась широкою извѣстностью какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей. Онъ былъ почетнымъ членомъ университетовъ казанскаго и юрьевскаго, почетнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, Казанскаго физико-математическаго Общества, членомъ-корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Чешскаго королевскаго общества въ Прагѣ и многихъ русскихъ ученыхъ обществъ.

Число математическихъ работъ Николая Васильевича—свыше 70. Изъ нихъ большая часть посвящена излюбленной имъ области математики—аритмологіи.

Наиболѣе выдающіяся изъ числа его аритмологическихъ работъ слѣдующія: 1) Числовыя тождества, находящіяся въ связи съ свойствами символа E (докторская диссертация), 2) Ученіе о числовыхъ производныхъ, 3) Нѣкоторыя приложенія теоріи эллиптическихъ функцій къ теоріи функцій прерывныхъ. Во второй изъ этихъ работъ Николай Васильевичъ устанавливаетъ понятіе о числовой производной, имѣющее аналогію съ понятіемъ о производной въ анализѣ, и даетъ правила нахождения числовыхъ производныхъ. Это весьма важно въ виду той основной мысли Николая Васильевича, что аритмологія должна занять въ математикѣ положеніе равноправное съ анализомъ. Въ цѣломъ рядѣ работъ онъ даетъ прекрасныя приложенія новыхъ методовъ къ различнымъ аритмологическимъ задачамъ.

Однако широкій и отзывчивый умъ Николая Васильевича не могъ замкнуться въ одной области, какъ бы она его ни привлекала. Въ разнообразіи занятій Николай Васильевичъ находилъ свой отдыхъ. Поэтому на ряду съ аритмологіей онъ постоянно размышлялъ и надъ

вопросами анализа. Число его работъ въ этой области тоже весьма значительно. Многія изъ нихъ имѣютъ характеръ замѣтокъ и были вызваны вопросами, возникавшими у Николая Васильевича при чтеніи различныхъ книгъ или при слушаніи рефератовъ и диспутовъ, или при обработкѣ курсовъ лекцій. Но есть между этими сочиненіями и такія, которыя были плодомъ долгихъ и настойчивыхъ размышленій. Къ числу такихъ сочиненій принадлежатъ: 1) Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ внѣшнему виду (магистерская диссертация), 2) Общія основанія исчисленія $E_f(x)$, 3) рядъ статей, посвященныхъ началу наибольшихъ и наименьшихъ показателей и его приложеніямъ, 3) Способъ послѣдовательныхъ приближеній.

Большинство своихъ научныхъ изслѣдованій Николай Васильевичъ прочиталъ въ формѣ рефератовъ въ Математическомъ Обществѣ и напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ. Рѣдкій выпускъ Сборника не заключаетъ въ себѣ его работы.

Дѣятельность Николая Васильевича какъ ученаго и какъ руководителя молодыхъ математиковъ тѣсно связана съ Математическимъ Обществомъ, въ которомъ Николай Васильевичъ былъ президентомъ съ 1891 года. Онъ видѣлъ въ Математическомъ Обществѣ не только научное учрежденіе, но и школу, въ которой постепенно вырабатываются новыя научныя силы. Онъ близко принималъ къ сердцу первые шаги своихъ учениковъ, ободряя и поддерживая сомнѣвающихся въ своихъ силахъ, останавливая тѣхъ, въ комъ замѣчалъ излишнее самомнѣніе. Онъ поддерживалъ всякое хорошее начинаніе, охотно помогалъ въ выборѣ темы, въ составленіи плана и въ обработкѣ изложенія. Но онъ никогда не оказывалъ на своихъ учениковъ нравственнаго давленія, не стѣснялъ ихъ свободы. Напротивъ, Николай Васильевичъ всегда предостерегалъ своихъ учениковъ отъ увлеченія модной теоріей или отъ поклоненія авторитету, напоминая при этомъ заповѣдь «не сотвори себѣ кумира».

Поэтому въ числѣ учениковъ Николая Васильевича были представители всевозможныхъ направленій въ математикѣ, что его очень радовало.

По инициативѣ Николая Васильевича съ 1892 года при Математическомъ Обществѣ были учреждены особыя неочередныя засѣданія, гдѣ студенты и окончившіе курсъ, преимущественно оставленные при университетѣ, пробовали свои научныя силы и дѣлились между собою научными мыслями.

Не ограничиваясь преподаваніемъ въ университетѣ, Николай Васильевичъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ средней и начальной школы. Онъ писалъ учебники, участвовалъ въ различныхъ

комиссіяхъ, возникавшихъ при округѣ и при министерствѣ, составлялъ для этихъ комиссій обширныя записки, не щадя на это дѣло ни труда, ни времени.

Въ частной жизни Николай Васильевичъ привлекалъ къ себѣ цѣльностью своей натуры, твердостью убѣжденій, логичностью мысли, своими познаніями въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ и умѣніемъ найти интересную тему для разговора со всякимъ, даже случайнымъ собесѣдникомъ.

На мою долю выпало счастье быть однимъ изъ самыхъ близкихъ учениковъ Николая Васильевича, я часто видался съ нимъ на протяженіи почти 20 лѣтъ и никогда не забуду нашихъ бесѣдъ, въ которыхъ время проходило совершенно незамѣтно. Начало моего сближенія съ нимъ было черезъ два года послѣ моего окончанія курса въ университетѣ, когда Николай Васильевичъ оказалъ большую поддержку при моемъ опредѣленіи на службу и притомъ такъ, что я только случайно узналъ о его за меня ходатайствѣ. Впослѣдствіи я увидѣлъ, что Николай Васильевичъ дѣлалъ очень много добра, но старался его скрыть, и избѣгалъ говорить объ этомъ. Ему нерѣдко приходилось испытывать неблагодарность, но ею онъ нисколько не огорчался и говорилъ, что всякое доброе дѣло надо искупить своимъ страданіемъ: иначе было бы слишкомъ легко его дѣлать.

Съ юныхъ лѣтъ Николай Васильевичъ, рядомъ съ занятіями математикой, занимался и философій. Онъ внимательно изучилъ сочиненія всѣхъ великихъ мыслителей. Самъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Психологическаго Общества и напечаталъ изслѣдованія «О свободѣ воли» и «Основы эволюціонной монадологіи». Мысли, изложенныя въ этихъ работахъ, были продуктомъ долгихъ его размышленій. Николай Васильевичъ часто говорилъ о нихъ съ близкими ему людьми. Эти мысли придавали ему обликъ древняго философа.

Всякое постигавшее его горе или болѣзнь Николай Васильевичъ переносилъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. По его словамъ, болѣзнь и горе — повинность, которую мы обязаны отбывать безропотно. Онъ находилъ даже присутствіе духа, чтобы шутить по поводу своей болѣзни. Такъ, за два года до смерти ему случилось сломать себѣ руку; при перевязкѣ онъ смѣшилъ своихъ докторовъ.

Первые приступы сердечной болѣзни, погубившей Николая Васильевича, появились въ концѣ 1902 года. Николай Васильевичъ, видимо, вполне понималъ опасность своего положенія, но оставался

попрежнему весель, интересовался текущими событіями, скрывалъ свои страданія отъ близкихъ. Какъ истинный философъ, онъ не боялся смерти: онъ видѣлъ въ ней только переходъ къ высшей формѣ бытія. Присутствіе духа не покидало его до конца жизни: въ послѣдній свой вечеръ, вернувшись изъ заключительнаго засѣданія испытательной комиссіи, ослабѣвшій, больной, онъ съ радостью рассказывалъ объ успѣхахъ своихъ учениковъ: повидимому, эти радостныя мысли его сопровождали до послѣдней минуты жизни.

Л. Н. Лахтинъ.

Воспоминаніе о студенческихъ годахъ Н. В. Бугаева.

Скоро минетъ полстолѣтія со времени моего знакомства съ покойнымъ Н. В. Бугаевымъ. Окончивъ Кіевскую 1-ю гимназію, я ѣхалъ ранней осенью 1854 года изъ Малороссіи въ Москву, чтобы поступить въ число студентовъ Московскаго Университета. Въ Маломъ Ярославцѣ на почтовой станціи я случайно познакомился со студентомъ юридическаго факультета Сорокинымъ, милымъ и обязательнымъ человѣкомъ, который, узнавши, что я никогда не бывалъ въ Москвѣ, любезно предложилъ быть моимъ руководителемъ въ незнакомомъ городѣ. Я его поблагодарилъ, и отъ малаго Ярославца мы поѣхали вмѣстѣ. Приѣхавши въ Москву, мы пересѣкли Арбатскую площадь и остановились у воротъ невзрачнаго деревяннаго дома (Малый Афанасьевскій переулокъ, домъ Милославскаго), гдѣ жилъ знакомый Сорокину поваръ, отдававшій въ наемъ и комнаты. Такъ какъ свободныхъ комнатъ у него не было, то я вынужденъ былъ взять комнату у жившей тутъ же во флигелѣ портнихи. Въ тотъ же день я пошелъ къ повару, чтобы условиться насчетъ обѣда, и познакомился съ жившимъ у него Николаемъ Васильевичемъ, тогда еще гимназистомъ седьмого класса 1-й Московской гимназіи. Онъ занималъ небольшую комнату въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухней, изъ которой черезъ недоходившую до потолка перегородку валилъ кухонный чадъ. Пробывши не болѣе четверти часа въ этой атмосферѣ, я почувствовалъ головную боль до того сильную, что просилъ позволенія отереть окно. Къ удивленію моему, хозяинъ комнаты, повидимому, не чувствовалъ угара и принялся расхваливать мнѣ ее, называя сухой, теплой, а главное дешевой; съ послѣднимъ впрочемъ нельзя было не согласиться, ибо она стоила три рубля въ мѣсяцъ, что и по тому времени было дешево. Послѣ этого посѣщенія я часто видался съ Н. В. Кромѣ меня, его посѣщали гимназическіе товарищи, но отношенія его къ нимъ были хотя и хорошія, но довольно отдаленныя; это по всей вѣроятности происходило отъ

замкнутости характера Н. В. который, пройдя суровую жизненную школу, говорил охотно обо всем, кромѣ самого себя. Однажды, впрочемъ, когда я соблазнялъ его поѣздкой въ Сокольники и удовольствіемъ пить чай въ сосновой рошѣ, онъ проговорился и сказалъ, что онъ не можетъ позволить себѣ этого удовольствія, ибо уже съ четвертаго класса не получаетъ ничего изъ дому и живетъ исключительно уроками. Помнится, что, сдѣлавши это признаніе, онъ взялъ съ меня слово держать сказанное въ величайшемъ секретѣ: товарищи впрочемъ догадывались объ этомъ и отыскивали для Н. В. уроки. Такъ, одинъ изъ нихъ напелъ ему мѣсто репетитора изъ математики въ пансіонѣ, содержимомъ французомъ Могато. И французъ, и Н. В. были страстные патріоты, и ежедневно послѣ уроковъ между ними поднимались споры о Севастополѣ, на который въ то время были обращены взоры всего міра. Французъ доказывалъ, что рано или поздно союзники возьмутъ Севастополь, Н. В. утверждалъ, что никогда этого не будетъ, и такъ какъ по-французки онъ говорилъ плохо, то ограничивался многократнымъ повтореніемъ слова *jamais!*, но зато это слово онъ выкрикивалъ съ такою силою, что совершенно заглушалъ старческій голосъ француза. Весной 1855 года Н. В. окончилъ съ золотой медалью гимназію; онъ сталъ помышлять объ университетѣ. Но тутъ передъ нимъ возсталъ грозный вопросъ о студенческой обмундировкѣ. Давая грошевые уроки, Н. В. не могъ себѣ скопить денегъ на мундирную пару и очутился бы въ самомъ непріятномъ положеніи, если бы къ нему не подоспѣлъ на помощь приснопамятный Филиппъ, студенческой портной безъ вывѣски, шившій студентамъ платье въ кредитъ. Много разъ надуваемый, онъ упорно продолжалъ вѣрить въ честность университетской молодежи и кое-какъ сводилъ концы съ концами. Благодаря ему, Н. В. въ нѣсколько дней превратился изъ плохо одѣтаго гимназиста въ весьма благопристойнаго студента. Поступивъ на физико-математическій факультетъ, Н. В. напелъ себѣ мѣсто учителя въ домѣ г-жи С., гдѣ прожилъ около трехъ лѣтъ. Это было самое счастливое время университетской жизни Н. В. Не заботясь больше о насущномъ хлѣбѣ, онъ пересталъ уже бѣгать по грошевымъ урокамъ, но зато часто появлялся на лекціяхъ тогдашнихъ любимцевъ молодежи и властителей ея думъ: Рулье Кудрявцева, Буслаева и др.; слушая ихъ, онъ старался пополнить пробѣлы своего общаго образованія. Въ тѣ блаженные времена не существовало гонорарнаго шлагбаума между студентами и профессорами, и каждый студентъ могъ безданно-безпошлинно слушать любого профессора. Придя съ лекціи домой, Н. В. продолжалъ дѣло самообразованія, изучая капитальныя сочиненія по философіи

и политической экономіи, а когда хотѣлъ побаловать себя, то читалъ нараспѣвъ стихотворенія своего любимаго поэта Майкова, въ особенности восхищаясь его драматической поэмой «Три смерти», которую считалъ самымъ глубокомысленнымъ стихотвореніемъ во всей русской литературѣ.

Не помню, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, но только въ концѣ третьяго или началѣ четвертаго курса Н. В. поселился на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Смирнова — въ меблированныхъ комнатахъ весьма популярной между студентами Татьяны Ѳедотовны; это была еще бодрая старуха лѣтъ за 50, на видъ весьма важная и даже суровая, но въ сущности добрѣйшее существо. Всѣхъ номеровъ у Т. Ѳ. было 5 и кромѣ того, граничившая съ кухней небольшая каморка, въ которой помѣщалась она сама; комнаты были грязноваты и какъ будто закопчены, но зато сухи и теплы; при сдачѣ комнаты новому жильцу Т. Ѳ. такъ рекомендовала себя: «у меня, батюшка, такое правило: жильцы платятъ по первымъ числамъ; кто-же не заплатитъ въ срокъ, не прогнѣвайтесь, я второго числа сдаю комнату новому жильцу». Но студенты не даромъ изучали грамматику: они знали, во-первыхъ, что всякое правило имѣетъ исключеніе; во вторыхъ, они знали и то, что Т. Ѳ. очень любила мятные пряники и если поднести ей ихъ 1-го числа, то сердце ея смягчится. Старѣйшимъ и любимѣйшимъ жильцемъ Т. Ѳ. былъ художникъ Селезневъ, человѣкъ талантливый и благородный, но придерживавшійся пословицы: *in vino veritas*; въ молодости онъ подавалъ надежды, мечталъ о поѣздкѣ въ Италію, но не успѣлъ сдать послѣдней работы на золотую медаль и окончилъ свою художественную карьеру, сдѣлавшись ретушеромъ у какого-то фотографа. Подобно всѣмъ русскимъ неудачникамъ, онъ обвинялъ во всемъ судьбу и людей и не имѣлъ великодушія обвинить въ чемъ-нибудь самого себя. Изъ своей жизни онъ сдѣлалъ выводъ, что имѣетъ право пить съ горя, и широко пользовался этимъ правомъ. Симпатія Татьяны Ѳедотовны къ нему выражалась въ томъ, что въ случаѣ его болѣзни она поила его малиною и липовымъ цвѣтомъ, а въ годину запоя отнимала у него бутылку съ водкой. Остальныя четыре комнаты, вѣчно пахнувшія мятой и можжевелникомъ, занимали студенты.

Въ эту-то мирную обитель осенью 1858 года и попалъ Ник. Вас. Онъ скоро сошелся на короткую ногу съ художникомъ и приобрѣлъ уваженіе Т. Ѳ. за свою аккуратность въ расплатѣ и за то, что его не было слышно. Послѣднему обстоятельству Т. Ѳ. придавала немаловажное значеніе, и, когда, бывало, остальные жильцы расшумятся и расплоются, она всегда ставила имъ въ примѣръ Н. В., которому за его

тихость предсказывала генеральскій чинъ. Дружба художника съ Ник. В. была какая-то странная. Первоначально каждый изъ нихъ хотѣлъ обратитъ другого въ свою вѣру. Художникъ пытался усвоить Н. В. свой девизъ: *in vino veritas*, а послѣдній—сдѣлать художника шахматистомъ, и хотя оба они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, но эта неудача не отразилась на ихъ отношеніяхъ, которыя продолжали быть пріятельскими. Рѣдкій день они не коротали вечера вмѣстѣ. Н. В. читалъ вслухъ либо Тургенева, либо Майкова; художникъ, дымя своей папирсой, слѣдилъ за чтеніемъ со свойственной ему загадочной улыбкой и изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія. Пребываніе Н. В. у Татьяны Ѳедотовны было у него временемъ усиленныхъ занятій философіей и выработки собственнаго міросозерцанія. Въ основѣ его лежало положеніе, въ которомъ Н. В. хотѣлъ примирить идеализмъ съ реализмомъ: «все относительно и только въ предѣлахъ данныхъ условій становится абсолютнымъ». Когда Н. В. развивалъ это положеніе передъ своимъ пріателемъ, иллюстрируя его примѣрами изъ естественныхъ наукъ, исторіи, литературы, то послѣдній, удивляясь его учености, не разъ восклицалъ: «Н. В.! если я хоть слово понимаю,—продолжайте!» Въ началѣ іюня 1859 года мы съ Н. В. отпраздновали окончаніе курса скромной трапезой и разѣхались въ разныя стороны; когда же въ сентябрѣ я возвратился въ Москву, то его уже тамъ не было, и у Татьяны Ѳедотовны мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ для поупленія въ инженерное училище.

Н. И. Стороженко.

Лишніе люди и герои нашего времени.

Есть великіе гениальные художники слова, которые имѣютъ сами по себѣ значеніе непреходящее, независимо отъ того, что говорятъ о нихъ современники. Ихъ можно изучать исторически, научно, разсматривая, какъ отразились въ ихъ творествѣ вліянія ихъ среды, ихъ эпохи, ихъ предшественниковъ; и къ нимъ можно итти не мудрствуя лукаво, какъ за хлѣбомъ насущнымъ, будь они близки или далеки отъ насъ во времени, какъ Гомеръ или Шекспиръ, Софокль или Гете, или Пушкинъ. Въ нихъ есть нѣчто, что кажется намъ какъ бы сверхъ-временнымъ, сверхъ-историческимъ—чистое «вѣчное» искусство. Ихъ творческій гений возросъ и воспитался среди мѣстныхъ и временныхъ условій, доступныхъ историческому изученію, но не изъ этихъ условій мѣста и времени объясняется ихъ гений, перероставшій свою среду и столь мощно воздѣйствовавшій на нее. Онъ и получилъ міровое значеніе.

И есть другіе писатели, обладающіе въ большей или меньшей степени художественнымъ даромъ, но не достигающіе высотъ творчества,—писатели не созидающіе, а только художественно воспроизводящіе образы своей среды и облекающіе въ нихъ тѣ или другія современныя имъ идеи и настроенія. Эти идеи и настроенія, разлитыя въ ихъ средѣ, находятъ себѣ въ лицѣ такихъ писателей наиболѣе яркое, чистое выраженіе, подобно тому какъ въ резонаторѣ одинъ чистый звукъ отдѣляется отъ хаоса постороннихъ звуковъ и призвуковъ. И вотъ почему для пониманія отдѣльныхъ эпохъ изученіе произведеній ихъ наиболѣе любимыхъ и популярныхъ писателей можетъ быть иной разъ болѣе поучительнымъ, нежели изученіе писателей гениальныхъ, стоящихъ выше своей среды. Послѣдніе занимаютъ насъ тѣмъ, что они сами говорятъ и пишутъ; первые въ меньшей мѣрѣ занимаютъ насъ также и тѣмъ, что о нихъ говорятъ и пишутъ.

Едва ли я вызову чье-либо противорѣчіе, если скажу, что среди всѣхъ нынѣ живущихъ художественныхъ писателей, не только рус-

скихъ, но и европейскихъ, наиболѣе крупной величиной является «великій писатель земли русской» гр. Л. Н. Толстой. И несмотря на такое общее и безспорное признаніе, едва ли онъ является писателемъ наиболѣе популярнымъ и любимымъ въ наши дни среди широкихъ круговъ русскаго интеллигентнаго общества; Максимъ Горькій во всякомъ случаѣ, пожалуй даже Чеховъ, несмотря на всю несоизмѣримость своей абсолютной величины съ величиною нашего маститаго художника, пользуются болѣе горячими симпатіями, вызываютъ большій интересъ въ качествѣ сильныхъ, громко-звучащихъ резонаторовъ общественныхъ настроеній. Толстой занимаетъ въ нашей литературѣ одинокое, обособленное положеніе; да простятъ мнѣ историки литературы—для меня Толстой представляется какимъ-то Мельхиседекомъ русскаго слова, царственнымъ священникомъ, не имѣющимъ родословія. Болѣе, нежели всѣ другіе русскіе писатели, онъ былъ независимъ отъ случайныхъ вѣяній литературныхъ и общественныхъ; они не только не увлекали его, они какъ бы проносились мимо него. Для однихъ онъ—великій художникъ, для другихъ—вѣроучитель, но, за исключеніемъ его послѣдователей или фанатическихъ враговъ, онъ не является «властителемъ думъ» современниковъ,—что, разумѣется, еще нисколько не умаляетъ его безотносительнаго значенія. Если искать писателей, въ большей степени, нежели онъ, заслуживающихъ названія *популярныхъ*, то придется назвать Чехова и Горькаго,—что, конечно, опять-таки еще не служить истинной мѣрой ихъ величины.

Чѣмъ же обусловливается эта необычайная популярность, этотъ горячій интересъ, возбуждаемый обоими писателями и проявляющійся постоянно напоказъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ? Прежде всего, талантомъ обоихъ писателей — Горькаго въ особенности. Но не однимъ талантомъ однако; ибо, какъ онъ ни значителенъ,—скажемъ прямо наше мнѣніе—мы все же имѣемъ дѣло съ извѣстной *переоцѣнкой*. Какъ ни привлекаютъ насъ симпатичныя, обвѣяныя тихой грустью акварели Чехова или смѣлые мазки Максима Горькаго, мы все же не рѣшимся высказать, что въ лицѣ этихъ художниковъ мы имѣемъ «мировыхъ» писателей. А между тѣмъ ихъ шумный успѣхъ во всякомъ случаѣ является у насъ не меньшимъ, нежели тотъ, который выпадалъ на долю величайшихъ художниковъ нашихъ. Ясное дѣло, что помимо безспорнаго художественнаго дарованія, тутъ играетъ значительную роль и самое идейное содержаніе и соотвѣтствіе общественному настроенію. Это именно и придаетъ названнымъ писателямъ выдающійся интересъ для изученія современнаго состоянія нашего общества и для исторіи нашей литературы.

Разумѣется, историку литературы трудно касаться современныхъ темъ, оставаясь на почвѣ научно-исторической или хотя бы философской; легко впасть въ критику публицистическую или чисто-литературную. Но нельзя отказываться отъ попытки философскаго освѣщенія явленій современной жизни, представляющихъ общій интересъ и значеніе и несомнѣнно заключающихъ въ себѣ серьезныя нравственныя проблемы. Нельзя отказаться и отъ попытки освѣтить историческую связь современныхъ литературныхъ явленій, современныхъ литературныхъ типовъ съ предшествовавшими типами, увѣковѣченными великими русскими писателями. Мы не думаемъ справиться съ этими задачами въ нашей краткой замѣткѣ—достаточно было бы хоть намѣтить нѣкоторыя изъ нихъ. На первый разъ ограничимся двумя историко-литературными и вмѣстѣ общественно-моральными проблемами, которыя ставятъ намъ г.г. Чеховъ и Горькій: первая изъ нихъ—это исторія «лишняго человѣка» отъ Тургенева до Чехова; вторая—исторія «героя нашего времени» въ его послѣдовательной демократизаціи и упадкѣ, исторія русскаго «сверхъ-человѣка» отъ Демона и Печорина до босяковъ Максима Горькаго.

II.

Г. Чеховъ, рассказы котораго представляются маленькими художественными этюдами, всегда проникнутыми столь интимнымъ, задумчивымъ настроеніемъ, даетъ намъ послѣднюю страницу въ исторіи «лишняго человѣка»—обиженнаго и обидѣвшагося русскаго интеллигента. Кѣмъ онъ обиженъ? всѣми—и княгинями и мужиками, и кулаками и фельдшерами, и Богомъ и судьбою. Всѣ эти «хмурые люди», «нытики», разбитые жизнью или даже чаще всего разбитые безъ всякой жизни и безъ всякой борьбы, страдающіе отъ невращенія, отъ собственной дряблости и безсилія, отъ мелкаго гиперестезированнаго самолюбія и себялюбія, отъ собственной пошлости и скуки и отъ пошлости своей среды—все это «лишніе человѣки», тяготящіеся сами собою, сознаниемъ своей ненужности, праздности своей жизни. И г. Чеховъ любовно носитъ съ этими лишними человѣками, лишними дядями, лишними сестрами и братьями. Онъ жалѣетъ ихъ, тоскуетъ съ ними, плачетъ и ноетъ съ ними, и повидимому читающая публика приходитъ отъ этого въ восторгъ. Чѣмъ скучнѣе рисуется жизнь, чѣмъ слякотнѣе характеры, чѣмъ болѣе становятся они обидно-мелкими и болѣзненно-чувствительными и чѣмъ болѣе сгущаются сѣрыя краски, тѣмъ болѣе удовольствія испытываетъ современный читатель или даже зритель.

Здѣсь есть какая-то психологическая загадка: почему публикѣ

могут нравиться такі пьесы, какъ, напримѣръ, пресловутыя «Три сестры», гдѣ авторъ собралъ въ 4 дѣйствія все, что можетъ быть тоскливаго, томительно-скучнаго въ буржуазной жизни самаго неинтереснаго, пошлаго семейства въ какомъ-то захолустѣ? Что хорошаго, что и тутъ краски сгущены для вящаго настроенія? Пьеса не сходитъ съ репертуара, и она изъ тѣхъ, успѣхъ которыхъ обезпеченъ въ наши дни. Повторяю, меня интересуеетъ здѣсь не авторъ, а именно этотъ успѣхъ, какъ фактъ общаго значенія, какъ симптомъ общественнаго настроенія. Значеніе этого факта можно доказать и другимъ примѣромъ,—однимъ изъ многихъ, но все же болѣе яркимъ, чѣмъ прочіе: я разумѣю «Мѣщанъ» М. Горькаго, которые оставляютъ за собою не только трехъ, но, если нужно, 40,000 сестеръ. Если у Чехова сгущены сѣрыя краски, то здѣсь онѣ образовали изъ себя настоящую мглу. Какой-то репортеръ оповѣстилъ публику, что самъ авторъ, присутствовавшій на репетиціи, призналъ пьесу нестерпимо скучной. Но эта нестерпимая скука, ноющая какъ зубная боль, этотъ тоскливый, сосущій гнетъ, на который съ самаго начала до конца жалуются дѣйствующія лица,—вѣдь это именно то самое, что *хотѣлъ* изобразить авторъ въ своей драмѣ. Это не случайный недостатокъ, а преднамѣренный эффе́ктъ, хотя, можетъ быть, авторъ слишкомъ позаботился о томъ, чтобы его усилить. Дѣйствительно, авторъ не упустилъ ничего, что только въ мелкой мѣщанской жизни можетъ быть мелкаго и мѣщанскаго, невыносимо томительнаго, изводящаго; онъ не побрезгалъ даже грубыми внѣшними приѣмами для усиленія впечатлѣнія, заставивъ Тетерева, этого алкоголика-нищешанца съ Хитрова рынка, избличающаго «мертвыхъ» лишнихъ людей, въ теченіе десяти минутъ брать одни и тѣ же «густые печальные звуки». Дѣйствующія лица возмущаются такимъ изымательствомъ надъ чужими нервами и требуютъ, хотя и безъ успѣха, чтобы Тетеревъ прекратилъ эту музыку. Но публика терпѣливо это сносить и не шикаетъ. «Я акомпанирую настроенію», говоритъ Тетеревъ. И вся драма кончается этимъ акомпаниментомъ: Татьяна—быть можетъ, самое невыносимое существо изо всей современной коллекціи лишнихъ людей,—*медленно сибаясь, облакачивается на клавиши. Въ комнатѣ раздается нестройный громкій звукъ многихъ струнъ и—замираетъ*. На этомъ падаетъ занавѣсъ.

Драма Горькаго ярче другихъ однородныхъ произведеній, но не представляетъ ничего исключительнаго. Мы остановились на ней, чтобы показать, въ какой степени и Горькій, котораго иные по какому-то недоразумѣнію считаютъ большимъ «оптимистомъ», поддавался общему настроенію. Правда, этой нравственной смерти мѣ-

щанскаго общества онъ противопоставляетъ мѣщанина будущаго, удалого машиниста Нила, или, въ другихъ своихъ произведеніяхъ, идеалы босаяцкой удалы и свободы. Но тѣмъ болѣе сгущается общій сѣрый фонъ.

Чѣмъ же объяснить эту литературу тоски и скуки, или это постоянное явно озлобленное измывательство надъ зрителемъ или читателемъ? Вѣдь это дѣйствительно цѣлая литература, ибо за модными писателями тянутся вереницей писатели менѣе талантливые и прямыя бездарности. Что собственно пріятнаго или прекраснаго и высокаго или лестнаго для себя находить публика въ этой литературѣ или въ этой драмѣ, гдѣ героевъ замѣняютъ импотенты, неврастеники и выродки, передъ которыми самъ Терситъ прежнихъ временъ былъ бы порядочнымъ человѣкомъ? Это—вопросъ, интересный для діагноза нашихъ современныхъ общественныхъ недуговъ.

Въ другое время другая публика не ходила бы въ театръ, чтобы смотрѣть, изо дня въ день, какъ люди бездѣльничаютъ, изнываютъ отъ скуки и претендуютъ за это на наше сочувствіе. Въ другое время единодушный свистъ положилъ бы конецъ оскорбительному для всякаго слуха измывательству Тетерева. Теперь онъ потрафляетъ публикѣ: онъ акомпанируетъ пастроенію.

Что же это такое? Существуетъ поэзія слезъ, поэзія сумрака, пасмурныхъ осеннихъ дней. Но здѣсь дѣло уже не въ поэзіи, а въ какомъ-то уныломъ и слякотномъ настроеніи, въ какомъ-то расстравленіи тоски, которое доставляетъ извѣстное удовольствіе. Тургеневъ впервые отмѣтилъ появленіе лишняго человѣка. Достоевскій показалъ, какое пакостное, дрянное и вредное маленькое животное можетъ жить иногда въ такого рода субъектахъ, какъ безмѣрно ихъ самолюбіе, какъ растутъ ихъ жестокой чудовищный эгоизмъ (Записки изъ подполья). Но вѣдь не одну эту мразь они видѣли на свѣтѣ: теперь изъ лишнихъ человѣковъ выросло цѣлое лишнее человѣчество. Прежде они были изъ благородныхъ; теперь они растлили собою «третій элементъ», растлѣваютъ мѣщанство, пробираются въ крестьянскую среду.

Публику окормили лишнимъ человѣкомъ; и ей все еще не тошно слышать о немъ, и она все еще ходитъ его смотрѣть въ театры и слушаетъ его омерзительное нытье. Казалось бы, пора сознать, что находить удовольствіе въ сѣтованіяхъ о собственной дряблости, дрянности и безсиліи—постыдно и нездорово.

Нельзя одобрять боя быковъ; но, можетъ быть, для многихъ бой быковъ представляетъ менѣе вредное, растлѣвающее и деморализующее зрѣлище, чѣмъ инныя современныя драмы, и вызываетъ менѣе нездоровыя впечатлѣнія, нежели постоянное пребываніе въ

какой-то атмосферѣ неврастенія, расслабленія, щемящей тоски. Сентиментальное удовольствіе, получаемое любителями литературнаго нытья, относится къ тому же разряду эстетическихъ удовольствій, какія доставляетъ себѣ салоппница на чужихъ похоронахъ, когда она протискивается посмотрѣть на неизвѣстнаго ей покойника и на то, какъ его вдова убиваться будетъ. Подобныхъ ощущеній, пріятно развинчивающихъ наши нервы и нашу чувствительность, мы ищемъ въ литературѣ, въ искусствѣ, въ музыкѣ.

Откуда эти извращенные вкусы, эта симпатія къ безсилію, неврастенію, къ выродамъ всякаго рода? Одинъ пріятель объяснялъ мнѣ, что все это отъ отсутствія у насъ... правового порядка... При менѣе угнетенномъ общественномъ настроеніи, при болѣе дѣятельной и содержательной общественной жизни этотъ патологическій интересъ несомнѣнно ослабѣлъ бы. Но вѣдь онъ составляетъ недугъ не одной русской литературы и проявляется въ литературахъ другихъ народовъ, не могущихъ пожаловаться на отсутствіе общественности. А потому и корни этого недуга слѣдуетъ искать въ болѣе глубокихъ и общихъ условіяхъ современной духовной жизни.

III.

Нѣкоторымъ признакомъ того, что лишній человѣкъ начинаетъ пріѣдаться, служитъ увлеченіе «сверхъ-человѣкомъ». Но—увы!—и въ самомъ этомъ увлеченіи нерѣдко чувствуется какая-то слабость, что-то «бабье», какъ остроумно замѣтилъ Э. Гартманъ по поводу Uebermensch'a Ницше: увлеченіе этимъ «сильнымъ мужчиной» напоминаетъ ему то чувство, которое вспыхиваетъ у иныхъ невропатическихъ дамъ при видѣ мускулатуры атлета-циркаста...

«Мускулы идутъ» прочелъ я недавно гдѣ-то по поводу «новаго вѣянія». И вотъ эти мускулы должны избавить насъ отъ лишняго человѣчества, отъ нытья и скуки, отъ пошлости и пустоты душевной. Спасенье отъ мускуловъ! Хорошо, когда они есть! Развивайте ваши мускулы—вотъ одинъ изъ новѣйшихъ переводовъ заповѣди Заратустры, werdet hart! Бѣда только въ томъ, что иные мускулистые послѣдователи «господской морали», въ родѣ Терентія Тетерева, оказываются слабыми по части алкоголя. Положимъ, не всѣ: Нилъ, напримѣръ, этотъ мѣщанскій сверхъ-человѣкъ, свободенъ отъ такой слабости. Но можемъ ли мы поручиться за то, что и онъ когда-нибудь не запьетъ, что и къ нему не придетъ когда-нибудь минута, когда онъ, задыхаясь отъ окружающаго гнета, утомленный катаньемъ на локомотивахъ и утративъ стальную упругость своихъ мышцъ, захочетъ найти въ алкоголѣ ту веселую, ра-

достную удаль, ту молодую силу, которая теперь играетъ въ немъ, счастливомъ и влюбленномъ? Мы спрашиваемъ это потому, что тѣ правила житейской философіи, какія онъ даетъ о томъ, какъ «мѣшать гущу жизни» и «мѣсить ее», — почти дословно повторяютъ другіе герои Горькаго, босяки-алкоголики, напримѣръ, Сережка въ Мальвѣ. Въ самомъ дѣлѣ! Почему бы Нилу со временемъ не попасть въ положеніе Тетерева, и гдѣ у насъ ручательство, что этого случиться не можетъ? Тетеревъ не менѣе его интеллигентенъ, не менѣе гордъ, сверхъ-человѣческую мораль усвоилъ вполне и мускулы у него прекрасные. Стало быть, однихъ мускуловъ, одной молодости и бодрой удалы еще не достаточно.

То, что я говорю здѣсь, сказано вовсе не въ шутку, а составляетъ законный вопросъ. Я, разумѣется, не хочу сказать, чтобы нравственные правила Нила вели на Хитровъ рынокъ. Я констатирую только, что между его міросозерцаніемъ и міросозерцаніемъ хитровцевъ существуетъ близкое сродство: тѣ извѣдали «гущу жизни» *до дна*.

Г. Горькій подарилъ намъ новымъ героемъ нашего времени, или точнѣе рядомъ героевъ — избранныхъ босяковъ. Это тоже насколько не иронія, — во всякомъ случаѣ, не моя иронія, а, если угодно, иронія судьбы. «Печальный демонъ, духъ изгнанія» постепенно понижался въ общественной лѣствицѣ. Уже у Лермонтова онъ сталъ гвардейскимъ офицеромъ — «лейбъ-гвардіи гусарскій Мефистофель», какъ прозвалъ Печорина одинъ изъ его критиковъ затѣмъ онъ опустился еще ниже, сдѣлался разночинцемъ, нигилистомъ и, наконецъ, босякомъ. Въ видѣ блестящаго аристократа онъ явился въ послѣдній разъ въ образѣ Николая Ставрогина у Достоевскаго; но уже у него онъ былъ въ сущности «эпилептическимъ дегенератомъ» въ специально-патологическомъ, психіатрическомъ смыслѣ этого термина. У Горькаго онъ опускается до «дна» и обыкновенно является босякомъ. Сохраняется основная черта — гордое чувство собственнаго превосходства при полномъ нравственномъ нигилизмѣ, или отрицаніи какихъ бы то ни было нравственныхъ нормъ. Сохраняется самодовлѣющій имморализмъ сильной личности, наслаждающейся своей вольной волей, своей мощью. Намъ скажутъ, что теряется существенное — аристократическій байронизмъ. Но самый байронизмъ есть явленіе сложное: въ немъ слѣдуетъ различать нравственную сущность отъ внѣшней оболочки, отъ нѣкоторой позы и рисовки, которая однако неразрывно связана съ сущностью, какъ *суeta* съ *томленіемъ духа*. Оболочка стала иною, Гарольдовъ плащъ изодрался въ лохмотья, а «томленіе духа», заглушаемое то кипучею молодостью, то безша-

башнымъ разгуломъ и огнемъ страстей, проявляется по-своему, хотя бы въ алкоголизмѣ.

Впрочемъ, я не отрицаю, что въ «герояхъ нашего времени» мы имѣемъ дѣло съ продуктами прогрессивнаго вырожденія, хотя, какъ мнѣ кажется, совершенно естественнаго. Сверхъ-человѣку нѣтъ мѣста въ современномъ буржуазномъ обществѣ: онъ можетъ быть Заратустрой или Демономъ, т.-е. чисто-литературной фикціей, по на дѣйствительной службѣ, не только въ гвардіи, но даже и на Кавказѣ, онъ, очевидно, не можетъ состоять; идти въ нигилисты, оставаясь въ средѣ интеллигенціи, значить продавать свое дѣйствительное или мнимое первородство за блюдо чечевичной похлебки и вступать въ ежечасныя сдѣлки съ обществомъ, которое налагаетъ цѣпи на свободную личность. Остается порвать всѣ узы, налагаемыя имущественнымъ и общественнымъ положеніемъ, и въ босяцкой свободѣ искать осуществленія сверхъ-человѣчества. Если на высшихъ ступеняхъ общественной дѣятельности сверхъ-человѣкъ чувствуетъ себя скованнымъ, отверженнымъ и вынужденъ искать свободы въ изгнаніи и скитаніи, то внѣ общества, *на днѣ*, онъ чувствуетъ себя какъ будто легче, съ большимъ правомъ презираетъ общество и судить его по ту сторону добра и зла. Но здѣсь его стерегутъ нужда, праздность, голодъ и водка. Животное вступаетъ въ борьбу съ сверхъ-человѣкомъ, и его поэма, какъ поэма Заратустры, кончается звѣринымъ ревомъ.

IV.

Если г. Чеховъ—печальникъ, плакальщикъ нашей интеллигенціи, то М. Горькій въ глубинѣ души своей чувствуетъ къ этой интеллигенціи накипающую, застарѣвшую злобу, которую онъ и высказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ злится на нее за ея дряблость, дрянность, безсиліе и нытье, за ея барство и праздность, за буржуазный либерализмъ, фальшь и трусость, за все ея «лишнее человѣчество», которымъ она растлѣваетъ общественные низы, вмѣсто того чтобы поднимать, образовывать ихъ. Самый успѣхъ г. Горькаго среди интеллигенціи,—успѣхъ, къ которому онъ не можетъ быть равнодушенъ, его раздражаетъ, тѣмъ болѣе что онъ испытываетъ на себѣ его вліяніе, по необходимости заимствуя свой идейный багажъ у той же интеллигенціи. Онъ не упускаетъ случая изругать своихъ поклонниковъ, уязвить своего читателя. Публика представляется ему въ видѣ безобразнаго чудища, съ какимъ-то отвратительнымъ боталомъ вмѣсто языка въ огромной пасти, которое кричитъ ему «бравъ» тѣмъ громче и радостнѣе, чѣмъ обиднѣе онъ ее ругаетъ, чѣмъ больше выражаетъ

онъ ей свое презрѣніе. Съ какого права эти заявленія сочувствія со стороны тѣхъ, съ кѣмъ онъ ничего общаго имѣть не хочетъ, кому онъ не можетъ ничего дать, а потому и не хочетъ дать ничего, кромѣ проклятія? Почему, съ какого права они считаютъ его своимъ?

Г. Горькому является бѣсъ, искушавшій многихъ писателей русскихъ,—бѣсъ учительства. Положимъ, бѣсъ не всегда тутъ виновать въ той степени, какъ публика, у которой, по баснѣ Крылова, онъ могъ бы поучиться, какъ жарить яйца на свѣчкѣ: я читаль, что гдѣ-то, чуть ли не въ Калугѣ, у самого Леонида Андреева просили поученія о томъ, какъ жить надо: «Учителю благий, что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдствую?» Подобно публикѣ, подобно Полѣ въ «Мѣщанахъ», М. Горькій вѣритъ въ писателя и хочетъ, чтобы писатель былъ «учителемъ жизни». И его Мефистофель показываетъ ему, что ему нечего дать читателямъ, нечему ихъ учить, что поученіямъ его грошъ цѣна—онъ самъ имъ не вѣритъ и вѣрить не можетъ.

«Ты пишешь и тысячи людей тебя читають; что же именно ты *проповѣдуешь*? И думаль ли ты о своемъ *правѣ* поучать?» спрашиваетъ его бѣсъ въ образѣ читателя (III, 426). Ich predige Euch den Uebermenschen, говоритъ Заратустра. Горькій отвѣчаетъ: «*у нищихъ не просятъ милостыни*». Прочтите остальную часть авторской исповѣди, выстраданной, сильной, глубоко привлекательной въ своей искренности.

«Я открылъ въ себѣ немало добрыхъ чувствъ и желаній, немало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашель въ себѣ. Въ душѣ моей много ненависти, она постоянно тлѣетъ тамъ... иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнѣва; но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой они такъ потрясають мой умъ, такъ давятъ сердце, что долгое время я существую внутренно опустошенный... Ничто не возбуждаетъ меня къ жизни, сердце мое холодно, какъ мертвое, умъ спитъ, а воображеніе давятъ кошмары...

«...Ты какъ луна чужимъ свѣтомъ свѣтишь, свѣтъ твой печально-тусклъ, онъ много плодитъ тѣней, но слабо освѣщаетъ и не грѣетъ онъ никого... Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни и, описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть можетъ, много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленький, возвышающій душу обманъ?.. Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно—рыться въ мусорѣ буденъ и не умѣть находить въ нихъ

ничего, кромѣ печальныхъ, крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ. Знаешь, ты, пожалуй, уже успѣлъ убѣдить его въ этомъ! Ибо душа его охлаждена и умъ тупъ... Онъ смотритъ на себя въ твоёмъ изображеніи и, видя, какъ онъ дурень, не видитъ возможности быть лучше. Развѣ ты умѣешь показать ему эту возможность?..

«Загромождая память и вниманіе людей мусоромъ фотографическихъ снимковъ съ ихъ жизни, бѣдной событіями, подумай, не вредишь ли ты людямъ? Ибо, сознайся, ты не умѣешь изображать такъ, чтобы твоя картина жизни вызывала въ человѣкѣ мстительный стыдъ и жгучее желаніе создать инныя формы бытія... Можешь ли ты ускорить біеніе пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть въ нее энергію, какъ это дѣлали другіе?»

«И еще... Можешь ли ты возбудить въ человѣкѣ жизнерадостный смѣхъ, очищающій душу? Посмотри, вѣдь люди совершенно разучились хорошо смѣяться! Они смѣются зло, смѣются подло, часто смѣются сквозь слезы, но никогда не услышишь среди нихъ радостнаго, искренняго смѣха, того смѣха, который долженъ бы сотрясать груди взрослыхъ, ибо хорошій смѣхъ оздоравливаетъ душу.

«Всѣ вы, учителя жизни нашихъ дней, гораздо больше отнимаете у людей, чѣмъ даете имъ... И едва ли Богъ послалъ васъ на землю... Онъ выбралъ бы болѣе сильныхъ, чѣмъ вы. Онъ зажегъ бы сердца ихъ огнемъ страстной любви къ жизни, къ истинѣ, къ людямъ, и они пылали бы во мракѣ нашего бытія какъ свѣтильники Его силы и славы... Вы же чадите какъ факелы торжества сатаны, и чадъ вашъ, проникая въ умы и души, отравляетъ ихъ ядомъ недовѣрія къ себѣ. Скажи, чему вы учите?»

«...Что вы можете сказать для возбужденія человѣка, растлѣннаго мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желанье жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и—вы слышите?—уже онъ нахально смѣется при словѣ идеаль: человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой; эту скверную грудку двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе, помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ! Но что вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, охаете или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается? Надъ жизнью носится запахъ гніенія, трусость, холопство пропитываютъ сердца, дѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами... Что вы вносите въ этотъ

хаосъ мерзости? Какъ вы всё мелки, какъ жалки, какъ васъ много! О, если бы явился суровый и любящій человекъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола и можетъ быть дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ!..»

И вотъ мы находимъ у Горькаго попытки сказать людямъ ободряющее слово, или «слова, окрыляющія душу», «создать имъ хотя бы маленькій возвышающій душу обманъ»... Удовлетворяетъ ли его босаяцкое нищенство, составляющее философію большинства его героевъ, или невозможная помѣсь Толстого съ «Дикою уткой» Ибсена въ лицѣ Луки въ его «На днѣ»? Можно ли видѣть «учителя жизни» въ машинистѣ Нилѣ? Онъ ли разбудитъ своимъ вѣщимъ словомъ «презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ» и заговоритъ «о необходимости возрожденія духа»? Чему онъ можетъ научить и во имя чего требуетъ онъ примиренія съ жизнью?

«Знаешь, говоритъ онъ Татьянѣ, я ужасно люблю ковать. Передъ тобой красная безформенная масса, алая, жгучая... Бить по ней молотомъ—наслажденье. Она плюетъ въ тебя шипящими огненными плевками, хочеть выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая... И ты сильными ударами съ плеча дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно...»

«Жить, даже и не будучи влюбленнымъ—славное занятіе, поучаетъ онъ Петра, брата Татьяны. Ѣздитъ на скверныхъ паровозахъ осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ... или зимою... въ метель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмою, завалено снѣгомъ,—утомительно Ѣздитъ въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь,—и все же въ этомъ есть своя прелесть! Все-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго—въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, воры, дураки... Но жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого распisanія движенія, которое бы не измѣнялось!»

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ—свѣтлый симпатичный порывъ молодого и черезъ край здороваго существа, но порывъ въ значительной мѣрѣ физиологическій. Обмана тутъ нѣтъ, но нѣтъ и ничего такого, что возвышало бы душу, и вотъ почему Нилъ не вноситъ съ собою ни свѣта, ни примиренія въ мѣщанскую среду. И самое цѣнное въ авторѣ это то, что онъ это понимаетъ.

«Жизнь гаснетъ, умы людей все плотнѣе охватываетъ тьма сомнѣній, и нужно найти исходъ. Гдѣ путь? Одно я знаю—не къ счастью нужно стремиться, зачѣмъ счастье? Не въ счастье смыслъ жизни, и довольствомъ собою не будетъ удовлетворенъ человекъ—

онъ все-таки выше этого. Смыслъ жизни въ красотѣ и силѣ стремленія къ цѣлямъ, и нужно, чтобы каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль. Это было бы возможно, но не въ старыхъ рамкахъ жизни, въ которыхъ всѣмъ такъ тѣсно и гдѣ нѣтъ свободы духу человѣка...»

Здѣсь, очевидно, авторъ перерастаетъ и своихъ сверхъ-человѣковъ, высказывая, что только стремленіе къ высшей цѣли, къ высшему идеалу дѣлаетъ человѣческую жизнь достойной и цѣнной, даетъ ей смыслъ и красоту. Человѣкъ, который не можетъ отвѣтить на вопросъ «Кто есть твой Богъ», не можетъ быть учителемъ жизни. Характерны однако послѣднія слова: «это было бы возможно... но не въ старыхъ рамкахъ, въ которыхъ всѣмъ такъ тѣсно и гдѣ нѣтъ свободы духу человѣка...»

Вражда противъ старыхъ рамокъ представляется естественной и понятной, хотя, если присмотрѣться ближе, непригодность этихъ рамокъ состоитъ не столько въ томъ, что онѣ стѣснительны, сколько въ томъ, что онѣ болѣе не удерживаютъ своего содержимаго, которое валится изъ нихъ и падаетъ. Въ старыхъ рамкахъ, когда онѣ еще не разваливались, чеховскіе герои и мѣщане Горькаго не были бы «лишними людьми», и мѣщане чувствовали бы почву подъ ногами, имѣли бы правило жизни. Бѣда не въ томъ, что рамки жизни существуютъ, а въ томъ что онѣ обвѣштала и новыхъ рамокъ еще нѣтъ—въ этомъ кризисъ массы, изъ котораго спасаются лишь исключительныя личности, да и то нерѣдко,—«какъ бы черезъ огонь». Въ этомъ кризисъ современной мѣщанской интеллигенціи, источникъ ея моральнаго анархизма и разладицы. Въ отсутствіи положительныхъ идеаловъ понятна и проповѣдь разрушенія, хотя ничего созидательнаго, творчески новаго въ ней нѣтъ. «Духу нѣтъ свободы въ старыхъ рамкахъ», и потому онъ не можетъ, при теперешнихъ условіяхъ, стремиться къ высокой цѣли!! Это напоминаетъ басню о томъ, какъ дѣти пришли сказать отцу, что они поймали орла, который прыгалъ на дворѣ,—затворивши ворота. «Какой это орелъ—это просто курица,—сказалъ отецъ:—орелъ бы улетѣлъ». Окрылите душу высшею цѣлью и она сама улетитъ изъ «старыхъ рамокъ»; дайте ей вѣру и она поведетъ насъ по волнамъ моря! А одни крики «буревѣстника», носящагося надъ ними, могутъ быть исполнены большой поэзіи, но отъ потопленія они насъ не спасутъ. И не въ вѣщихъ *крикахъ* мы нуждаемся, а въ вѣщемъ *словѣ!*

Но, какъ говорить французская пословица, *la plus belle fille ne peut donner plus que ce qu'elle a*. Будемъ благодарны художнику за то, что онъ намъ даетъ, за его «мстительный стыдъ и жгучее желаніе», за вѣру въ человѣка, которая живетъ въ немъ, несмотря на минуты

отчаянія, и заставляетъ его, рисуя «презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ», ждать ихъ грядущаго пробужденія и воскресенія. Въ особенности же будемъ благодарны ему за ту художественную мощь, съ которой онъ показываетъ намъ неумирающія «возможности» духовнаго обновленія, неизгладимую печать безсмертія въ душахъ падшихъ и отверженныхъ, погибшихъ людей, тѣхъ жертвъ, которыя несутъ на себѣ грѣхъ общества.

V.

Вернемся однако къ намѣченной нами проблемѣ. Въ произведеніяхъ Горькаго сглаживается противоположность, раздѣляющая лишняго человѣка отъ мнимаго героя, сверхъ-человѣка. И тотъ и другой суть продукты одной и той же почвы, одного и того же общественнаго развитія. И лишніе человѣки, и сверхъ-человѣки наши рождены однимъ и тѣмъ же распадениемъ «старыхъ рамокъ», разложениемъ традиціонныхъ основъ быта и нравовъ при полномъ отсутствіи новыхъ жизнеспособныхъ и животворныхъ вѣрованій, которыя могли бы служить руководящими, дисциплинирующими началами жизни, источникомъ надежды и радости, терпѣнія и бодрости, мужества и свѣта для сильныхъ и слабыхъ, для крѣпкихъ и немощныхъ. Такихъ вѣрованій нѣтъ, есть только ихъ суррогаты, а потому для тѣхъ, кто не умѣетъ или не хочетъ питаться суррогатами, или кому они опротивѣли, остается великая духовная пустота, изъ которой рождается сознание безцѣльности существованія, *taedium vitae*, которое ощущается неизбежно, когда смыслъ жизни утраченъ. Его можно заглушать въ себѣ страданіемъ и нуждою, или сутолкой жизни, суетою или разнузданною страстью, или физическимъ трудомъ или наконецъ алкоголемъ; душа, въ которой нѣтъ высшей объективной цѣли, нѣтъ Бога, нѣтъ идеала, можетъ сама себя поставить себѣ цѣлью, идеаломъ, въ гордомъ сознании своего достоинства, своей духовной мощи. Но ни чувственность, ни гордость духовная не утоляютъ голода души, не заполняютъ ея пустоты, не спасаютъ *опустошеннаго человѣка*, все равно сознаетъ ли онъ себя лишнимъ, или же, превозносясь надъ другими, считаетъ лишнимъ остальное человѣчество.

У лишнихъ людей есть «тоска о лучшемъ», но нѣтъ силъ для созданія его, нѣтъ настоящей, дѣятельной вѣры въ него и стремленія къ нему; у гордыхъ людей есть сознание человѣческаго благородства, сознание высшихъ возможностей, въ нихъ заложенныхъ; но они слишкомъ часто принимаютъ эти сверхъ-человѣческія возможности за нѣчто дѣйствительное. Въ тѣхъ и другихъ нѣтъ той

дѣйствительно высшей и постольку сверхъ-человѣческой силы, той *благодати*, которая даетъ человѣку вѣру въ истинный *смыслъ* его существованія и вмѣстѣ заставляетъ его признавать и чтить нѣчто высшее надъ собою, не «подрумянивая себѣ душу» обманомъ, не дѣлая себѣ мнимаго кумира изъ человѣка и новаго культа изъ разрушенія.

Человѣка нерѣдко опредѣляли какъ животное двуногое, животное разумное и словесное, животное политическое. Можно также опредѣлить его какъ животное вѣрующее. Правда, у него можно отнять его вѣру, какъ у него можно отнять ноги, разумъ или слово, но во всѣхъ этихъ случаяхъ существованіе его не будетъ нормальное.

Человѣкъ вѣритъ въ опредѣленный *смыслъ* міра и въ *смыслъ* существованія, въ безусловную цѣль, идеалъ своего существа. И когда такая вѣра у него отнимается, существованіе его представляется ему бессмысленнымъ, безцѣльнымъ, случайнымъ и лишнимъ. И если онъ не обратился въ «грудю костей, прикрытыхъ мясомъ», онъ либо ищетъ найти утраченный *смыслъ* жизни, — ищетъ тревожно, страстно, мучительно, смотря по темпераменту, по напряженности духовной жизни, либо самымъ страданіемъ и тоскою, самымъ ропотомъ, отчаяніемъ, протестомъ противъ бессмыслія существованія служить отрицательнымъ доказательствомъ его утраченнаго *смысла*.

«Я понимаю... поняла суровую логику жизни», говоритъ Татьяна: «кто не можетъ ни во что вѣрить, тотъ не можетъ жить... тотъ долженъ погибнуть». И она не вѣритъ ни во что — ни въ ту Церковь, куда ея отцы еще ходятъ ко всенощной, ни въ ту, которую собираются строить окружающіе ее «новые люди» вмѣстѣ съ машинистомъ Ниломъ. Въ этомъ-то и суть драмы современнаго мѣщанства, современнаго общества вообще, поскольку распаденіе стараго уклада его коснулось. Вѣра, т.-е. сознание *смысла* жизни и высшей достойной цѣли бытія, признаніе Бога, которому служишь, — нужна личности, въ которой скотство не заглушило духовной жизни; для всякой широкой дѣятельности нужна вѣра въ значеніе, цѣнность этой дѣятельности. Она нужна сильнымъ и слабымъ, даетъ имъ норму жизни и ставитъ имъ цѣль, для которой стоитъ жить. И она нужна массѣ. Отдѣльная сильная личность, отвергнувъ обветшалую вѣру, постоянно создаетъ себѣ суррогаты вѣры, новыя формы вѣры: она вѣритъ въ прогрессъ, въ социальное благо и правду, въ науку, вдается въ различные виды рационалистическаго суевѣрія, которые помогаютъ ей жить. Въ энергіи своей дѣятельности, въ самой бессознательности своего творчества, своего

дѣланія такая личность если не утоляетъ свою духовную жажду, то во всякомъ случаѣ заглушаетъ ее. Но масса не можетъ питаться суррогатами, и въ ней быстрѣе, яснѣе выступаютъ какъ недостаточность этихъ суррогатовъ, такъ и грозные признаки нравственнаго упадка, истощенія, вырожденія. Лучшие люди становятся лишними, героями дня являются сегодняшніе изгои, завтрашніе мстители и разрушители. Разрушеніе и ненависть дѣлаются лозунгомъ,—ненависть, быть можетъ и родившаяся изъ возвышеннаго святого гнѣва, но столь легко вырождающаяся въ стихійную злобу тамъ, гдѣ любовь перестаетъ питать и согрѣвать ее.

VI.

Таковъ тотъ недугъ общественный, симптомы котораго мы узнаемъ въ яркихъ и разнообразныхъ изображеніяхъ выдающихся писателей нашего безвременья. Какъ лѣчить его, они не говорятъ: «у нищихъ не просятъ милостыни». Но поскольку это прежде всего недугъ духовный, самое изображеніе его и притомъ не отвлеченно-моральное, а жизненное, художественно-конкретное, есть первый шагъ къ лѣченію. Проясненіе сознанія общественнаго есть проясненіе общественной совѣсти. Русская художественная литература болѣе всякой другой служила великому дѣлу совѣсти: это великій завѣтъ ея, завѣтъ Гоголя писателямъ новѣйшаго поколѣнія. Но Гоголь показалъ, что совѣсть общественная не нуждается ни въ «подрумянивающихъ душу» маленькихъ обманахъ, ни въ малодушномъ уныніи. Если Горькій въ приведенныхъ отрывкахъ высказываетъ мысль, что задача писателя состоитъ въ ободреніи и подрумяниваніи, и если онъ осуждаетъ самого себя за то, что онъ роется въ мусорѣ будничныхъ чувствъ и будничной жизни, изображая «презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ», то онъ ошибается. Гоголь показалъ, что истинный писатель-пророкъ, о какомъ мечтаетъ Горькій,—писатель, носящій въ себѣ сознаніе, или *совѣсть идеала*, можетъ сосредоточить лучи этого идеала на мусорѣ жизни во всей ея пошлости и безобразіи; онъ можетъ освѣтить ими царство *мертвыхъ* душъ: и эти живые и чистые лучи заиграютъ надъ этимъ царствомъ своимъ радостнымъ и безсмертнымъ блескомъ. Такой писатель, не прибѣгая къ обману, можетъ изобразить всю мерзость запустѣнія нашей жизни, всю мертвенность и холопство душъ и низменное свинство умовъ, и его изображеніе не загрязнитъ душу, а произведетъ въ ней тотъ *катарсисъ*—то очистительное, благодатное дѣйствіе, какое производитъ истинно-прекрасное художественное произведеніе. Онъ не уязвляетъ читателя мучитель-

ными, нездоровыми ощущеніями, не выматываетъ изъ него нервовъ, не отягощаетъ душу болѣзненнымъ чувствомъ безсилія, унынія и грусти, а облегчаетъ ее свѣтлымъ и могучимъ смѣхомъ. Правда, Гоголь говоритъ о «невидимыхъ міру слезахъ», которыя скрываются за этимъ смѣхомъ; это были не легкія слезы салонницы или неврастеника, а слезы воистину рѣдкія и дорогія, какъ драгоцѣнные камни. И потому смѣхъ Гоголя и былъ такъ могучъ и свѣтелъ, что онъ покрылъ эти слезы и претворилъ ихъ горечь. Послѣ смѣха Гоголя Россія не могла не обновиться; то былъ пророческій смѣхъ, и послѣ Гоголевскаго Ревизора «Грозный Ревизоръ» постучался къ намъ подъ стѣнами Севастополя... Неужели же теперь, въ ожиданіи надвигающихся грозъ, намъ не услышать ничего кромѣ жалобныхъ кликовъ чаекъ и буревѣстниковъ?

Кн. С. Трубецкой.

Сень-симонизмъ, его прошлое и настоящее ¹⁾).

I.

Имя Сень-Симона звучитъ глухо для русскихъ слушателей. Среди многочисленныхъ европейскихъ умственныхъ теченій, подчинявшихъ русскую интеллигенцію, нѣтъ сень-симонистскаго. Отъ единственнаго писателя мы узнаемъ о значеніи сень-симонистскихъ идей для современнаго ему молодого поколѣнія. Въ автобіографіи Герцена *Былое и думы* воодушевленно привѣтствуется сень-симонистское движеніе, какъ «мощная волна», подхватившая и далеко унесшая впередъ «удобо-впечатлимую» искреннюю молодежь.

«Новый міръ,—говоритъ Герценъ,—толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сень-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ».

И толчокъ былъ силенъ. Онъ раздѣлилъ русскихъ политически-сознательныхъ людей на два лагеря. Въ одномъ старомъ остались либералы, во главѣ съ Полевымъ, извѣстнымъ издателемъ *Московскаго телеграфа*, другой—новый—образовали Огаревъ и Герценъ.— Во имя какихъ принциповъ?

Герценъ отвѣчаетъ: *соціализма и реализма*.

Соціализмъ — понятіе искони опредѣленное, но въ реализмъ вкладывается разное содержаніе, смотря по временамъ и направленіямъ. Для Герцена тридцатыхъ годовъ онъ заключался въ *освобожденіи женщины* и въ *искупленіи плоти*, что и составляло, по его мнѣнію, сущность сень-симонистской вѣры, и проповѣдники ея рисовались воображенію будущаго блестящаго публициста картинно и увлекательно.

Они—«восторженные юноши»—«торжественно и поэтически» явились среди «мѣщанскаго міра» въ странномъ костюмѣ, но ис-

¹⁾ Рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ.

полненные мысли и мужества, «съ своими неразрѣзными жилетами, съ отропченными бородами» они знали, что сказать и во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи»¹⁾.

Такъ думалъ растроганный русскій искатель истины за предѣлами французскаго либерализма и нѣмецкой философіи. И чему же онъ отдавалъ свое благородное сердце?

Той самой вѣрѣ, какую осудилъ не наполеоновскій кодексъ, а оппозиціонно-настроенный судъ присяжныхъ іюльской эпохи, отвергла не орлеанская религія, а всѣ, кто желалъ быть вѣрнымъ послѣдователемъ сенъ-симоновскаго ученія и кто *искупленіе плоти* и *освобожденіе женщины*, т.-е. по толкованію отца Анфантана—упраздненіе старой семьи и старой личной нравственности, не могъ признать сенъ-симонизмъ и видѣлъ въ новой вѣрѣ произвольное и своеобразное открытіе человѣка, только внѣшне приставшаго къ сенъ-симонистскому движенію, и имя этого открытія должно быть *анфантаннизмъ*.

Герценъ, слѣдовательно, становился жертвой недоразумѣнія. Подлинную сенъ-симоновскую мысль въ его глазахъ заслонила ересь, и если бы Сенъ-Симонъ могъ встать изъ гроба, онъ явился бы первымъ въ рядахъ ея противниковъ.

Прошли многіе годы, и мы не видимъ, чтобы недоразумѣнье исчезло. Позже Герценъ съ увлекательнымъ остроуміемъ говоритъ о сенъ-симонизмѣ, но предъ нами нѣтъ исторической дѣйствительности. Сравниваются наши столицы, какъ представительницы двухъ различныхъ умственныхъ типовъ. Въ Москвѣ больше поэтическаго элемента, учености, но за то больше и беззаботности и разногласицы въ мнѣніяхъ. Петербургъ болѣе практиченъ, прямолинеенъ и точенъ, и два социальныхъ французскихъ направленія подѣлили свою власть надъ центрами русской умственной жизни. Фурьеризмъ съ своими математическими выкладками долженъ былъ встрѣтить отголосокъ въ Петербургѣ, а «къ москвитянамъ удивительно шель сенъ-симонизмъ съ своею неопредѣленностью и религіозностью».

Но, очевидно, или Москва не вполне соответствовала присвоенной ей характеристикѣ, или сенъ-симонизмъ оказывался не достаточно поэтическимъ и религіознымъ,—только Москва и сенъ-симонизмъ не сошлись. По временамъ мы слышимъ, повидимому, ясные отголоски подлиннаго сенъ-симоновскаго ученія. Ихъ особенно много въ мечтательныхъ нѣсколько туманныхъ разсужденіяхъ князя Одоевского. Онъ, чувствительный поклонникъ естественныхъ наукъ,

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена. Génève 1878, гл. VII.

изъ своей любительской лабораторіи залетаетъ подчасъ въ очень отвѣтственныя области: толкуеть о систематизаціи положительныхъ знаній, пускается въ сравненія исторіи съ химіей, ему грезится новая наука—*аналитическая этнографія*... Сень-Симонъ, рѣшившій задачу возвести исторію на высоту опытной науки, отнесся бы съ уваженіемъ къ этимъ полетамъ. Но изъ устъ князя Одоевскаго мы не слышимъ ни разу даже имени Сень-Симона, и разныя слова сень-симонистской окраски такъ и остаются гуломъ отдаленнаго звона.

Но вотъ явился на сцену русской литературы москвичъ особаго склада,—неистово-стремительный и искренній, именовавшій себя *идеємъ* по жгучему отвращенію ко всему филистимлянскому т.-е. «невѣрному», неопредѣленному, примирительному. И кому же какъ не Бѣлинскому привѣтствовать родную душу въ лицѣ философа, перевозносившаго энтузіазмъ, идейную экзальтацію, какъ высшія двигательныя силы прогресса... «Чтобы совершать великія дѣла, надо быть одушевленнымъ страстью»—предсмертный завѣтъ Сень-Симона. А Бѣлинскій съ наивной искренностью генія объявлялъ: «лучше быть падшимъ ангеломъ, т.-е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкой», и яростно громилъ холодный скептицизмъ—нравственный недугъ безплодныхъ эпохъ.

И эти родственныя души не встрѣтились ни на мгновеніе.

Бѣлинскій за свой недолгій вѣкъ успѣлъ принести обильную дань вниманія и восхищенія главнѣйшимъ французскимъ движеніямъ—соціальному и позитивному. Грановскій настойчиво рекомендуетъ ему Пьера-Леру, самъ онъ въ восторгѣ отъ дарованій Луи Блана, умственной силы Литтре, умѣетъ распознать недостатокъ творчества въ талантѣ Конта, наконецъ, Жоржъ-Зандъ для него «первая поэтическая слава современнаго міра», именно какъ ученица Леру, то-есть какъ художественный отпрыскъ сень-симонистскаго створа.

И это не все. Бѣлинскій не одинокъ. Намъ сообщаютъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ среди русскаго общества «подвергались всестороннему изученію и обсужденію и были во всѣхъ рукахъ» книги Прудона, Кабе, Леру и особенно Фурье. Эти властители русскихъ думъ смѣнили Шеллинга и Гегеля, и у нихъ явились «свои ораторы, комментаторы, толковники» ¹⁾. И ничего подобнаго у Сень-Симона. Его имя даже не упоминается хотя бы рядомъ съ именемъ Леру, который открыто и громко призналъ его

¹⁾ Анненковъ. *Воспом. и критич. очерки*. III. Спб. 1871. стр. 70—1.

геніальнымъ соціальнымъ мыслителемъ. И признаніе стояло въ томъ самомъ журналѣ, гдѣ Жоржъ-Зандъ печатала чаровавшіе Бѣлинскаго романы ¹⁾).

II.

Немного спустя взошла звѣзда Маркса и привлекла не только русскіе просвѣщенные умы, — даже русскія широкія натуры и очень скромные умственные темпераменты. Бѣлинскій узнаетъ о Марксѣ еще какъ издатель *Нѣмецко-французскихъ ежегодниковъ* и горячо привѣтствуетъ критическую и протестующую стихію новаго ученія. Рядомъ съ Бѣлинскимъ идетъ Анненковъ. Уравновѣшенный литераторъ-обыватель, эстетикъ и библиографъ лично знакомится съ Марксомъ, получаетъ отъ него письма философскаго содержанія, наконецъ, сообщаетъ, что даже степные помѣщики поддавались обаянію марксизма и выражали готовность приносить во имя его солидныя матеріальныя жертвы.

Конецъ сороковыхъ годовъ — разгаръ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ въ русской публицистикѣ, и молодой ученый Милютинъ достойно представляетъ популярную исторію политической экономіи, пишетъ превосходную статью о *Пролетаріатѣ и павперизмѣ въ Англии и во Франціи* и заодно съ молодымъ критикомъ Майковымъ сѣетъ сѣмена марксизма ²⁾).

Пролетаріи, павперизмъ, Марксъ... все это области не только смежныя съ сень-симонизмомъ, но по существу сень-симонистскія. И марксизмъ это понимаетъ: устами Энгельса онъ называетъ своимъ учителемъ Сень-Симона рядомъ съ Гегелемъ.

Послѣ затишья пятидесятихъ годовъ наступило юношески-побѣдоносное движеніе шестидесятыхъ. Въ немъ сколько угодно народолобія, соціальной страсти, присутствуетъ даже вдумчивая экономическая мысль. Чернышевскій — знатокъ классической политической экономіи, и, что еще важнѣе, историкъ политической и соціальной борьбы во Франціи XIX вѣка. Добролюбовъ, совмѣщающій трогательное прекраснодушіе съ остротой публицистическаго взгляда, пишетъ объ Оуэнѣ, наконецъ Писаревъ сочиняетъ обширную статью объ историческихъ идеяхъ Конта, зачитывается романомъ *Что дѣлать*, т. е. трактатомъ о рабочей ассоціаціи. И среди всѣхъ этихъ увлеченій и задачъ одинъ Чернышевскій посвящаетъ Сень-Симону нѣсколько почтительныхъ страницъ, но Сень-Симону столь же мало историческому, какъ и восторги Герцена предъ сень-

¹⁾ *Revue Indépendante*.

²⁾ *Отеч. зап.* 1847, апр. *Критич. опыты*, Майкова, стр. 614—7.

симонизмъ,—Сень-Симону социалисту. И добрыя чувства Чернышевскаго вызвали въ литературѣ, кажется, единственный отголосокъ: въ началѣ семидесятыхъ годовъ вдохновили автора *Историю социальных системъ* Щеглова на рѣзкій отпоръ всякой положительной оцѣнкѣ Сень-Симона, какъ серьезнаго, сознательнаго социальнаго мыслителя.

Одновременно Шеллеръ-Михайловъ писалъ очерки *Пролетариатъ во Франціи* и могъ бы указать правый путь между неосновательнымъ увлеченіемъ и преднамѣренной слѣпотой, но для главы о Сень-Симонѣ онъ пользовался двумя томами его сочиненій и старой полупамфлетической работой о его жизни и идеяхъ. Когда составлялись очерки, матеріалъ былъ несравненно обширнѣе, были изданы почти всѣ философскія сочиненія Сень-Симона и удостоена, слѣдовательно, зависящая роль контовскаго позитивизма¹⁾. Русскому публицисту все это оказалось недоступнымъ, и рассказъ о Сень-Симонѣ не выходилъ за предѣлы узкихъ біографическихъ рамокъ. Будто это явленіе уже оцѣненное и приговоренное къ сдачѣ въ архивъ и съ нимъ можно покончить, удовлетворивъ любознательность читателя о томъ, что было и чего не будетъ вновь...

Наконецъ, послѣдняя полоса русско-европейской публицистики—марксистская. Мы только что видѣли, она не нова по происхожденію, но послѣ движенія шестидесятыхъ годовъ она—самая сильная и свѣжая европейская струя въ русскомъ морѣ. И несмотря на обновленіе и большой, повидимому, запасъ молодой энергіи, психологія русскаго марксизма осталась прежняя: преобладаніе догматизма надъ историческимъ анализомъ доктрины. Въ этомъ преимущественно и заключалась слабая сторона марксизма, и именно она должна была открыть доступъ разлагающей критикѣ.

А если нѣтъ историческаго анализа, нѣтъ и познанія социально-философской почвы марксизма, не могло быть тщательно оцѣнено заявленіе Энгельса, и еще больше—даже отдаленно не могла быть почувствована истина, что въ ученіи объ экономическомъ факторѣ Сень-Симонъ такой же властный предшественникъ для Маркса, какимъ онъ является въ позитивизмѣ для Конта.

Такова судьба сень-симонизма въ русской публицистикѣ. А между тѣмъ эта публицистика такъ нервно-отзывчива и почтительно-внимательна ко всему, что занимаетъ воображеніе и умъ Европы. Очевидно, на западѣ слѣдуетъ искать первопричины русскихъ недоразумѣній и забвеній.

¹⁾ *Oeuvres choisies* въ 3 томахъ вышли въ 1859 году.

И дѣйствительно, здѣсь почти цѣлое столѣтіе допускалась несправедливость—безпримѣрная въ исторіи человѣческой мысли, можетъ быть, единственная, увѣнчивались славой ученики, подражатели, толкователи, и развѣ только для полноты фактическихъ обзорѣній называлось имя учителя, подлиннаго автора.

И во главѣ несправедливаго потомства шель человѣкъ какъ философъ, созданный и направленный Сень-Симономъ. И онъ самъ сначала рѣшительно призналъ эти благодѣянія, а потомъ не жалѣлъ ни страсти, ни гнѣва опозорить Сень-Симона, какъ человѣка, и навсегда похоронить его память, какъ мыслителя.

Человѣкъ этотъ—Огюсть Контъ.

Менѣ всего философское побужденіе отдѣлаться отъ сознанія нравственной зависимости и внушить другимъ убѣжденіе въ своей гениальной творческой самобытности подсказало Контю злобные памфлеты на учителя, кому онъ самъ приписывалъ свое политическое развитіе, философское направленіе всей своей жизни, даже открытіе въ немъ—въ Контѣ—способностей, какихъ онъ самъ въ себѣ не подозрѣвалъ.

Сень-симонисты образъ дѣйствій Конта цѣнили по достоинству, но ихъ поразилъ свой недугъ—анфантанізмъ. Маскарадная, сенсационная «церковь» вызвала расколы и междоусобицы, набросила тѣнь комическую и отталкивающую вообще на сень-симонизмъ. Анфантанъ могъ съ какой угодно горячностью обзывать Конта *Лудой*,—*Курсъ позитивной философіи*, сопоставленный съ проповѣдями объ искупленіи плоти, неминуемо рѣшалъ вопросъ въ пользу Конта. И отъ третьяго лица требовалась усиленная добрая воля, особое психологическое вниманіе и читательское терпѣніе, чтобы перерѣшить вопросъ.

Контъ и Анфантанъ оказались опасными именно потому, что ненависть одного и компрометирующія откровенія другого могли опираться на непонятые или преднамѣренно истолкованные факты.

III.

Обратитесь къ личности и дѣятельности Сень-Симона,—васъ встрѣтятъ неожиданныя явленія: жизнь не-философа, произведенія не-писателя. Сень-Симонъ поставилъ себѣ задачу—создать положительную науку объ обществѣ, и направился къ рѣшенію ея своеобразнымъ путемъ. Не сталъ онъ тщательно изучать литературы предмета, какъ это водится среди ученыхъ и философовъ, а предписалъ себѣ практическія правила: «въ пвѣтушій возрастъ вести жизнь самую оригинальную и самую дѣятельную», «перебывать во

всѣхъ слояхъ общества, лично становиться въ возможно болѣе многочисленныя положенія и даже создавать для себя и для другихъ положенія еще небывалыя». Философское ученіе должно явиться плодомъ реальныхъ житейскихъ опытовъ, на старости лѣтъ.

И программа выполнялась рѣшительно.

Сень-Симонъ до такой степени усердно становился въ разнообразныя соціальныя положенія, что его жизнь, по его собственному сознанію, превратилась въ рядъ паденій, то-есть поистинѣ драматическихъ внѣшнихъ неудачъ, по крутой лѣстницѣ отъ богатства и наслажденій жизнью до нищеты и голода. И кто могъ бы съ точностью опредѣлить, гдѣ здѣсь кончался головокружительный авантюризмъ экзальтированной природы и начинались цѣлесообразныя соціальныя опыты? Отъ судьей не потребуетъ особенной находчивости отодвинуть грань въ какую угодно сторону. И уже самъ Сень-Симонъ предубѣжденіе публики противъ него считалъ естественнымъ.

Плохую услугу оказывали странному философу и его сочиненія. Аристократъ, считавшій себя знатнѣе Бурбоновъ, не придавалъ никакого соціального значенія своему происхожденію, но владѣлъ перомъ какъ большой баринъ—небрежно, капризно, нерѣдко поразительно-наивно и неумѣло, нервничалъ и фантазировалъ за письменнымъ столомъ, съ кокетливой непринужденностью джентльмена-импровизатора. Въ результатѣ удивительному писателю пришлось чистосердечно сознаться, что чтеніе его произведеній—занятіе «тягостное».

Вотъ какой дѣятель выступилъ на философское поприще!

До тѣхъ поръ считалось удѣломъ однихъ поэтовъ «возможно глубже запускать руки въ жизнь», не отступая ни передъ какими рискованными личными испытаніями; теперь философъ соревновалъ съ вольнолюбивыми служителями музъ и самоотверженно погружался въ соціальное море, ища разгадки его волненій и бурь и тайны предотвращать катастрофы.

И онъ представилъ разгадку, ясную, послѣдовательную, фактически-обоснованную, но и здѣсь встрѣтился съ могущественнымъ врагомъ всякой оригинальной истины.

Онъ—неутомимый наблюдатель и дѣлатель жизни—желалъ извлечь изъ нея принципъ столь же объемлющій и глубокій, какъ сама жизнь. Въ соціальной теоріи онъ не могъ не отвести подобающаго мѣста всѣмъ реальнымъ силамъ исторической эволюціи, и поставилъ даже благонамѣреннѣйшихъ критиковъ въ *безсознательно* ложное, трудное положеніе.

Человѣческому уму свойственно естественное влеченіе фило-

софскія явленія располагать по традиціоннымъ рубрикамъ, новую мысль вдвигать въ знакомыя, прочно установленныя рамки. Онѣ давно готовы для всякаго направленія—философскаго, политическаго, соціального, и на нихъ стоятъ надписи: идеалистъ-материалистъ, либераль-консерваторъ, социалистъ-буржуа.

И вотъ,—сколько усилій было потрачено на бесплодную задачу наложить на философію Сень-Симона какую-нибудь общедоступную монистическую этикетку! Но Сень-Симонъ не нашелъ въ жизненномъ процессѣ ни героическаго торжества возвышенныхъ предначертаній, ни исключительной власти темныхъ инстинктовъ, и цивилизація, по его мнѣнію, не создается ни вдохновенными порывами въ будущее, ни тоскующими вождельніями о прошедшемъ и не общается ни социалистической безличной мастерской, ни буржуазнаго хозяйскаго блаженства.

Сущность культурнаго процесса—последовательное развитіе всеобщаго свободнаго производительнаго труда—умственного и матеріальнаго. Одинъ трудъ—изслѣдованіе законовъ природы, другой—пользованіе ими въ цѣляхъ облегченія и украшенія жизни человѣчества. Первый ведетъ къ позитивизму, другой—къ ассоціаціи, и такъ какъ изученіе природы и совершенная форма ея эксплуатаціи взаимно и неразрывно связаны, то ассоціація и есть позитивный строй общества. Но позитивизмъ—строгий анализъ и осмысливаніе силъ исторической эволюціи. Силы эти—личный трудъ, талантъ и оправдываемая трудомъ личная собственность. И эти силы полагаются въ основу ассоціаціи: на собственниковъ распространяется религіозно-соціальный догматъ о личномъ производительномъ трудѣ, на несобственниковъ—право вносить въ ассоціацію трудъ и талантъ на равныхъ основаніяхъ съ капиталомъ.

Считать ли это ученіе окончательнымъ отвѣтомъ на наши запросы о наилучшемъ будущемъ человѣчества?

Нѣтъ,—отвѣтилъ бы Сень-Симонъ. Это только заключеніе, на какое уполномочиваетъ насъ пережитой историческій процессъ. Анализъ его заставляетъ соціальнаго философа предвидѣть позитивную доктрину на почвѣ систематизированныхъ положительныхъ наукъ и соответствующій ей общественный строй ассоціаціи. Но мы не видимъ конца эволюціоннаго движенія цивилизаціи и не можемъ утверждать, что человѣческій умъ не въ силахъ создать болѣе совершенной доктрины, чѣмъ позитивизмъ, и выработать, слѣдовательно, иной планъ общежитія,—высшій, чѣмъ ассоціація. Одинъ только принципъ, по мнѣнію Сень-Симона, останется незамѣнимымъ—евангельское ученіе о любви. Нравственная сущность принципа вѣчна,—могутъ мѣняться только его практическія при-

ложенія. Но воля цивилизаціи въ своемъ конечномъ стремленіи совпадаетъ съ истинно-христіанскимъ идеаломъ, научно понятымъ: улучшение нравственнаго, умственнаго и фізическаго существованія бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса. Эту волю цивилизаціи соціальному дѣятелю необходимо не только усвоить разумомъ, но и воспринять чувствомъ. Чтобы дѣйствовать, надо не только понять, но и полюбить цѣль дѣйствія, надо проникнуться соціальнымъ энтузіазмомъ. Отсюда ученіе Сень-Симона о значеніи личности въ историческомъ процессѣ. Онъ неотвратимъ въ своемъ развитіи, но невѣжество и эгоизмъ отдѣльныхъ людей могутъ замутить его движеніе, — вызвать насильственный переворотъ или бессмысленную реакцію. Быть политикомъ, значить предварительно стать соціальнымъ философомъ и филантропомъ не ради чувствительныхъ побужденій, а потому, что историческая эволюція стихійно мститъ за неразуміе разума и неотзывчивость сердца, постепенно уничтожая эксплуатацію человѣка человекомъ и раздавливая всякую попытку остановить ходъ вещей.

Такова сущность открытія Сень-Симона. На пути къ нему философъ встрѣтился съ великими вопросами нравственности, политики, религіи, и его рѣшенія этихъ вопросовъ глубоко врѣзались въ умственное достояніе нашего времени. Этотъ фактъ признали даже непримиримые враги сень-симонизма. И не могли не признать. Будто сѣмена — идеи Сень-Симона разлетѣлись по культурной міровой нивѣ, каждое нашло свою борозду, и эти борозды не заросли до послѣднихъ дней во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. И я затруднился бы скорѣе выборомъ, чѣмъ количествомъ примѣровъ.

Когда на родинѣ Сень-Симона философская и художественная литература ополчается на буржуазный парламентаризмъ и рисуетъ ожесточенными красками политикана-дилеттанта и карьериста, литература воскрешаетъ излюбленную борьбу Сень-Симона противъ артистовъ фразы и партійныхъ поединковъ.

Когда французскій экономистъ желаетъ выяснитъ причины экономическихъ побѣдъ Германіи надъ Франціей и настаиваетъ на тѣснѣйшемъ единеніи науки и промышленности, онъ пользуется однимъ изъ основныхъ соціальныхъ принциповъ Сень-Симона ¹⁾.

Когда вожди германской соціально-демократіи усиливаются устанавливать свою политику на эволюціонной почвѣ и освѣтить свои

¹⁾ Henri Hauser. *Le développement économique de l'Allemagne*. Revue des cours, 9 mars 99.

задачи анализомъ историческаго процесса, они выполняютъ сень-симоновскую программу всѣхъ социальныхъ преобразованій.

Когда германское правительство съ своей стороны составляетъ планъ высшихъ административныхъ функций вручать людямъ экономически-просвѣщеннымъ и опытнымъ, оно усвоиваетъ желаніе Сень-Симона видѣть во главѣ администраціи не чиновниковъ-рутинеровъ, а индустриаловъ.

Когда англійская рабочая масса организуется въ союзы и ведетъ борьбу съ представителями капитала путемъ мирныхъ ассоціацій, она выполняетъ практическую программу сень-симоновскаго индустриализма.

Когда даровитѣйшій англійскій историкъ политической экономіи считаетъ необходимымъ объяснить положительное культурное значеніе средневѣковыхъ католическихъ учреждений и съ освобожденіемъ общинъ начинаетъ исторію новаго научно-промышленнаго движенія, онъ буквально воспроизводитъ сень-симоновскую философію исторіи ¹⁾).

Когда представители итальянской интеллигенціи и науки стараются поднять народное земледѣліе и мелкую промышленность путемъ общедоступнаго кредита, они являются подлинными сень-симонистскими политиками.

Когда у насъ ставится вопросъ о замѣнѣ школьнаго классицизма жизненно-образовательной и нравственно-просвѣтительной системой, сень-симонизмъ можетъ быть призванъ какъ одинъ изъ блестящихъ и глубокихъ руководителей на новомъ пути.

Наконецъ, на западѣ сень-симонизмъ одерживаетъ самую общую и самую почетную побѣду. Молодые представители социальной философіи въ Германіи и во Франціи возстаютъ противъ чисто-экономическаго толкованія социального вопроса и видятъ въ немъ поиски не только за матеріальными средствами жизни, но и за ея нравственнымъ содержаніемъ, ея высшимъ идеальнымъ смысломъ, способнымъ возмѣстить для человѣчества потрясенныя и утраченныя вѣрованія.

Очевидно, мы невольно, часто безсознательно, живемъ въ атмосферѣ сень-симоновской мысли, такъ же какъ инстинктивно дышимъ воздухомъ и безпрестанно получаемъ право примѣнить къ этой мысли опредѣленіе, какое Вальтеръ давалъ основнымъ идеямъ XVIII вѣка: сень-симонизмъ есть здравый смыслъ европейской социальной политики.

Ив. Ивановъ.

¹⁾ Ингрэмъ.

Н. Ж. Гюисмансъ¹⁾.

V.

Занятія «окултическими науками», какъ всѣми другими видами мистической практики, не исключая спиритизма, представляютъ самыя разнообразныя опасности для здоровья тѣла и духа. Не говоря про всѣмъ извѣстныя нервныя расстройства, близко граничащія съ умопомѣшательствомъ, которыя постоянно поражаютъ людей, погружающихся въ мутныя воды «тайны» и «эзотерическихъ» ученій, нравственная и умственная фізіономія мистиковъ часто претерпѣваетъ коренныя и ужасающія измѣненія. Стремленіе развить въ себѣ какія-то сверхчеловѣческія силы, искусственное погруженіе себя въ экстатическія состоянія при помощи самовнушенія, аскетическихъ режимовъ, смѣняющихся въ большинствѣ случаевъ эксцессами, подчиняютъ всю сумму умственныхъ и эмоціональныхъ силъ человѣка, не умѣряемыхъ разсудкомъ, всѣмъ капризамъ не высшихъ, а низшихъ инстинктовъ. *Celui qui veut faire l'ange fait la bête*, — говорилъ Паскаль, но практика «окултическаго» мистицизма даетъ не только животное, но нѣчто гораздо худшее — безумно-преступнаго человѣка. Въ разгульномъ вихрѣ неуравновѣшенной души мистика-невропата половые инстинкты, половое извращеніе, рядъ преступныхъ импульсовъ занимаютъ часто все поле духовной жизни. При полной отчужденности отъ другихъ людей, при безумномъ сознаніи своего мнимаго превосходства надъ людьми и даже надъ природой, законами которой онъ силится управлять, живя безконтрольно въ фиктивномъ мірѣ, созданномъ большимъ воображеніемъ, мистикъ - окултистъ дѣлается «одержимымъ злымъ духомъ». Имъ «владѣетъ сатана», онъ отходитъ отъ общечеловѣческихъ чувствъ во всѣхъ смыслахъ и погружается въ омутъ большого разврата, сопровождаемаго святотатствомъ, безцѣльной жестокостью и въ са-

¹⁾ Научн. Слово 1904, I.

момъ крайнемъ своемъ развитіи безумными, кровожадными преступленіями. Иногда такія душевныя извращенія ограничиваются разнузданностью фантазіи въ этомъ направленіи, иногда они переходятъ въ активность. Человѣкъ, впавшій въ такое состояніе, «сатанистъ» и «садистъ». Говоря о Ропсѣ, посвятившемъ свой огромный талантъ сумасшедшему кошмару разврата, Гюисмансъ даетъ удивительное опредѣленіе сатанизма: «онъ (Ропсъ) прославилъ спиритуализмъ сладострастія, который есть ни что иное, какъ сатанизмъ, и изобразилъ на неподражаемыхъ страницахъ сверхъестественное разврата, сверхчужественное зла».

Признаніе «сатанизма» не какъ патологическаго состоянія, а какъ реальнаго факта служенія духу зла — дьяволу, въ сущности является лишь изнанкой католицизма хотя бы по одному тому, что святотатство «черной мессы», краеугольный камень сатанизма, основано на католической догматикѣ и даже не можетъ быть совершено безъ присутствія посвященнаго аббата, или безъ гостей, добытыхъ тѣмъ или инымъ путемъ изъ католическихъ церквей. Кто вѣрилъ въ дьявола и трепеталъ въ чувственномъ матеріализмѣ понятія о вынужденномъ имъ грѣхѣ, тому свойственъ страхъ дьявола, страхъ ада, а также и стремленіе замолить грѣхъ, изгнать дьявола эксгориазмомъ, обратиться къ ортодоксальному католицизму. Сатанизмъ становится преддверіемъ ортодоксии у многихъ скептиковъ, искавшихъ вѣры, у которыхъ не хватило силы порыва къ идеалу, или силы философской мысли для иного разрѣшенія религіозныхъ и мистическихъ потребностей. Многие выдающіеся оккультисты того времени и люди, стоявшіе, подобно Гюисмансу, близко къ мистическому движенію конца вѣка, послѣ долгихъ странствій въ тайникахъ запредѣльнаго вернулись въ концѣ-концовъ въ лоно католической церкви. Не всякому дана способность создать свое собственное идеалистическое міросозерцаніе.

Описанію этого переходнаго состоянія мистика, едва отошедшаго отъ скептицизма, и обращенію его къ пасынку католицизма — сатанизму, посвященъ знаменитый романъ Гюисманса «*La-Bas*» (1891 г.). Его появленія ждали съ надеждами встрѣтить тамъ новую *profession de foi* Гюисманса въ смыслѣ присоединенія къ идеалистической школѣ въ литературѣ и спиритуалистической философіи; но ожиданія эти не оправдались: въ «*La-Bas*» Гюисмансъ стоитъ къ натурализму ближе чѣмъ въ «*A-Rebours*», и хотя оспариваетъ матеріализмъ, но не возвышается надъ нимъ.

Было бы совершенно невозможно и довольно бесполезно излагать подробно содержаніе этого романа, въ которомъ нѣкоторыя любовныя сцены по цинизму превосходятъ все, что было когда-либо

напечатано, не исключая аналогичныхъ страницъ въ «La Tette» Золя, гдѣ по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего утонченнаго... Въ романѣ интересна и важна не любовная исторія литератора Дюртала и сатанистки m-me Chantelouve, не описаніе (кажется довольно фантастическое) «черной мессы», которую служить страшный аббатъ Докръ; не блѣдныя, второстепенныя лица, а умственная и нравственная окраска Дюртала, личность, въ которой отнынѣ и навсегда воплотился авторъ.

Въ области эстетическихъ теорій взгляды Гюисманса претерпѣли новое измѣненіе: онъ опять вернулся къ натуралистическимъ воззрѣніямъ, хотя и видоизмѣненнымъ. Какъ бы отвѣчая на распространившіеся слухи въ литературныхъ кругахъ объ его открытомъ переходѣ въ лагерь тогдашнихъ «декадентовъ», онъ начинаетъ романъ споромъ между Дюрталемъ и его другомъ де-Герми, докторомъ и мистикомъ, о тенденціяхъ натурализма. Де-Герми нападаетъ на натурализмъ, осуждаетъ его не за грубость пріемовъ, а за «грязь людей», за то, «что онъ воплотилъ матеріализмъ въ литературѣ, прославилъ демократизмъ искусства»; за то, что онъ откинулъ сверхъчужественное, отрицалъ грезу», объяснялъ всѣ проявленія челоувѣческой души «аппетитами и инстинктами» и, наконецъ, за то, что онъ «превозносилъ ужасную современную жизнь, хвалилъ американизмъ новыхъ нравовъ и закончилъ похвалой грубой силы и апопееозомъ несгараемаго сундука». Эти обвиненія раздражали Дюртала «особенно потому, что уже въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ боролся съ самимъ собою и что теоріи, которыя онъ считалъ несокрушимыми, мало-по-малу разрушались, наполняя его умъ развалинами». Онъ признавалъ всѣ недостатки натурализма, но не видѣлъ «возможности романа внѣ натурализма», если не вернуться къ «чепухѣ романтиковъ, къ шерстистымъ произведеніямъ Шербюлье и Фѣлье, или къ мертвымъ исторіямъ Тѣрье и Санда». Конечно, романъ не долженъ объяснять таинственныхъ явленій духа физиологическими данными, онъ самъ собою долженъ раздѣляться на двѣ части: на жизнь души и на жизнь тѣла. Романистъ долженъ идти по глубокой дорогѣ, проложенной Золя, но параллельно съ нею провести другую, «воздушную» дорогу и достигнуть иныхъ сферъ при помощи «спиритуалистическаго натурализма». Дюрталь не видитъ ни одного писателя, который соединилъ бы въ своихъ произведеніяхъ эти дороги, кромѣ развѣ Достоевскаго, едва приблизившагося къ такой концепціи. Во Франціи онъ видитъ съ одной стороны писателей, которые сдѣлали натуралистическій романъ доступнымъ для «салоновъ», исключивъ изъ своихъ произведеній всякій смѣлый сюжетъ и всякую новизну языка, и «лагерь

декадентовъ болѣе рѣшительный, который откинулъ рамки, среду, даже тѣло и лепечеть, подѣ предлогомъ духовной бесѣды, непонятнымъ языкомъ телеграммъ. Въ сущности онъ ограничивается тѣмъ, что скрываетъ безпримѣрный недостатокъ мысли намѣренной темнотой стили». Дюрталю казалось, что въ литературѣ ничего не осталось стойкаго, кромѣ «потребности въ сверхъестественномъ» и эта потребность, за отсутствіемъ болѣе высокихъ идей, «билась какъ могла въ спиритизмъ и оккультизмъ».

Только въ старинной живописи Дюрталь находитъ образецъ спиритуалистическаго натурализма, этого соединенія души и тѣла, — того, что онъ дальше называетъ «супранатурализмомъ». Онъ вспоминаетъ распятіе Матеуса Грюнвальда, въ которомъ, по его мнѣнію, достигнута высшая точка сліянія двухъ крайнихъ полюсовъ — ужасающаго и отвратительнаго реализма тѣла и высочайшаго идеала духа. «Но тогда логично я долженъ придти къ католицизму среднихъ вѣковъ, къ мистическому натурализму», говоритъ себѣ Дюрталь. Этого вывода онъ сдѣлать не можетъ, не чувствуя ни вѣры, ни «необходимой воли, чтобы отдаться и скользить не удерживаясь во тьму непреклонныхъ догматовъ». Пока ему кажется достаточнымъ быть спиритуалистомъ, признавать сверхъестественное, чтобы создать «супранатурализмъ».

Примитивы, которые, по мнѣнію Дюрталя, тоже осуществили идеалъ искусства, которые, по его же словамъ, умѣли среди совершенно вѣрной дѣйствительности обстановки, терпѣливо скопированной, создавать людей несомнѣнно реальныхъ, «съ лицами, часто некрасивыми, но мощно воспроизведенными въ общемъ», эти примитивы знали людей, которыхъ изображали, любили ихъ обстановку, наблюдали и любили вообще жизнь своего времени и поэтому чувствовали ея душу. Между тѣмъ Дюрталь, или Гюисмансъ, желаетъ закрыть книгу жизни человѣчества на далекомъ прошломъ, на давно пережитыхъ среднихъ вѣкахъ, которые можно изучать, воображать, но не наблюдать, а этимъ самымъ уже исключается первый край «супранатурализма» — широкая дорога, проложенная Золя.

Завѣтная мечта Дюрталя «рухнуть въ прошлое», ничего не зная объ этой эпохѣ, которую олицетворяетъ «ресторанный лакей, для обогащенія себя законнымъ бракомъ насилующій дочь своего хозяина». Де-Герми утверждаетъ, что между Дюрталемъ и другими реалистами всегда существовала основная разница; онъ ненавидѣлъ свое время, реалисты его обожали. И дѣйствительно, «въ тотъ день, когда Дюрталь погрузился въ страшную и очаровательную эпоху среднихъ вѣковъ, онъ почувствовалъ, что жи-

ваеть». Дюрталь и Де-Герми часто посѣщаютъ звонаря церкви Сентъ-Сюльписъ Кархе, который живетъ на колокольнѣ, настоящій католикъ-мистикъ, любитъ колокола, знаетъ ихъ исторію и символику и ведетъ съ двумя друзьями безконечные разговоры о мистикѣ; всякій разъ когда описываются эти посѣщенія, Гюисмансъ указываетъ на удовольствіе Дюртала чувствовать себя «такъ далеко отъ Парижа, такъ далеко отъ вѣка». Его нелюбовь къ современности— не критика человѣка, который желаетъ лучшихъ условій для своей родины или для человѣчества, а безапелляціонный приговоръ, убѣжденіе, что лучше быть и не можетъ. Идеала общественной жизни онъ ищетъ не впереди, а позади. Онъ убѣжденъ, что общественные классы среднихъ вѣковъ—дворянство, духовенство, буржуазія и народъ—обладали болѣе высокой душой; по его мнѣнію, можно утверждать, что «общество только падало въ теченіи четырехсотъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ среднихъ вѣковъ». Тогда церковь умѣряла грубость пьянаго, кровожаднаго тирана-сеніора и направляла его на героическіе поступки, которыми онъ искупалъ низость своихъ нравовъ. Въ настоящее время аристократія замѣнила старые инстинкты грабежа жадностью къ наживѣ, страстью къ дѣламъ, погрязла въ любви къ физическимъ упражненіямъ акробатовъ и клоуновъ. Церковь кроткая, милостивая къ угнетеннымъ, давшая столько святыхъ въ средніе вѣка, въ настоящее время ненавидитъ бѣдняка и мистицизмъ, гибнетъ подъ вліяніемъ духовенства, «которое умѣряетъ пылкость порыва, проповѣдуетъ спокойствіе мысли, здравый смыслъ въ молитвѣ, буржуазность души». Жадность буржуазіи подавлялась въ средневѣковыи исповѣдникомъ; купецъ и рабочій контролировались корпораціей, не допускавшей обмановъ. Благодаря существованію корпорацій и наслѣдственности ремеслъ, создано то великое прикладное искусство, секретъ котораго утраченъ навсегда. Въ современномъ обществѣ аристократія развращена, буржуазія эксплуатируетъ рабочаго; народъ, у котораго отняли необходимый страхъ ада и вѣру въ вознагражденіе послѣ смерти за страданіе на землѣ, портитъ всякую работу и пьянствуетъ; духовенство создаетъ буржуазность души, и только иногда, вдали отъ этого духовенства, нѣкоторые святые монахи замаливаютъ грѣхи «каждаго изъ насъ». Монахи и сатанисты составляютъ единственную связь между средними вѣками и нашимъ временемъ. Прогрессъ науки XIX столѣтія? Гдѣ онъ? Въ чемъ прогрессъ? Восхищаются открытіемъ электричества— оно было извѣстно съ незапамятныхъ временъ; гипнотизмъ?— и имъ пользовались жрецы Египта въ Индіи. Въ XIX вѣкѣ изобрѣли только поддѣлку съѣстныхъ припасовъ. Въ медицинѣ «цари науки»

ничего не знают, каждый выдумывает новую болѣзнь, и никто не может лѣчить ни одной, хотя бы потому, что всѣ лѣкарства фальсифицированы...

Въ то время какъ Дюрталь и де-Герми занимаются разсужденіями о сатанизмѣ, о сукубахъ и инкубахъ, въ то время какъ Дюрталь пишетъ исторію страшнаго «сатаниста» Gille de Rais, который, по его мнѣнію, «дезъ-Ессентъ своего времени», Парижъ волнуется передъ выборами генерала Буланже. Гюисмансъ едва касается этого событія, только случайно дѣйствующія лица его романа заговариваютъ объ этомъ. «Политика насъ не интересуеть», говоритъ де-Герми, «къ американскимъ рекламамъ Буланже вы такъ же равнодушны какъ и мы», и общество, собравшееся обѣдать у звонаря, переходитъ къ обсужденію качества приготовленныхъ къ обѣду блюдъ. Видъ парижской улицы, покрытой афишами Буланже и его противника Жака, вызываетъ у обоихъ друзей отвращеніе: де Герми совѣтуетъ, проходя по улицѣ, не поднимать головы, смотрѣть на тротуаръ, на колеса, на аллегорическіе знаки разныхъ фирмъ и т. п., потому что тогда «можно представить себѣ, что живешь въ среднихъ вѣкахъ». «Всѣ разговоры, говоритъ Дюрталь,—которые не относятся ни къ религіи, ни къ искусству, низки и бесполезны». И, наконецъ, въ страстномъ стремленіи познакомиться съ Докромъ, аббатомъ, служащимъ черную мессу, Дюрталь заявляетъ, что интересно знать только «святыхъ, мерзавцевъ и сумашедшихъ; только ихъ разговоръ стоитъ чего-нибудь.

Примитивы, такъ терпѣливо копировавшіе дѣйствительность своего времени, вѣроятно не отворачивались отъ нея. При такой дѣтской концепціи современнаго общества и такой злобной отчужденности отъ жизни вѣка невозможно слѣдовать ни по дорогѣ, проложенной Золя, ни проводить другую—«воздушную дорогу». «La-Vas» не выводитъ ни одного характера, кромѣ Дюртала, сроднаго, почти тождественнаго Ессенту, и, пожалуй, m-me Chantelouve, въ которой нѣтъ и признака соединенія двухъ элементовъ—тѣла и души. Всѣ тайны ея души исключительно объясняются «аппетитами и инстинктами» половыми, притомъ до того извращенными, что всякому здоровому человѣку они кажутся невозможными. И Дюрталь, какъ типъ романа, не можетъ быть названъ «супранатуралистическимъ». Въ немъ есть тѣло—ужасно много тѣла!—въ немъ есть мысли, но нигдѣ не чувствуется души, того неподдающагося анализу сплетенія душевныхъ явленій, которое подъ перомъ великихъ писателей окружаетъ ихъ героевъ какой-то особенной атмосферой духовности,—ореоломъ, все равно добродѣтельны эти герои или порочны, и притомъ совершенно независимо отъ того, держались ли эти писатели

католической или иной догматики. Остальные лица романа—просто собесѣдники Дюртала, фигуры безъ души и безъ тѣла, лишь съ вѣшной оболочкой людей, служащія только для выясненія и развитія мыслей, высказываемыхъ авторомъ.

Дюрталь ищетъ новаго религіознаго и философскаго міросозерцанія, но поиски его не углубляются. Вопросы метафизическіе и этическіе, если и поднимаются кое-гдѣ въ длинныхъ и многочисленныхъ преніяхъ мистиковъ, никогда не составляютъ основныхъ идей, волнующихъ Дюртала. Его интересуеетъ матеріальная и анекдотическая сторона сверхъестественнаго—философскій камень, астрологія, сукубы, одержаніе злымъ духомъ, «порча»; онъ произноситъ, вмѣстѣ съ своимъ двойникомъ де-Герми, длинныя и преувеличенныя тирады противъ позитивистовъ, не касаясь сущности позитивизма; онъ возмущенъ тѣмъ, что позитивизмъ «декретировалъ, что нѣтъ сатанизма», поставилъ на мѣсто сатанизма истерію и не далъ ей никакого объясненія. По главному недомыслию мистиковъ конца вѣка, позитивизмъ и наука соединяются въ одно. При страстности отрицанія ни одно положительное утвержденіе не дорого Дюрталю. Когда де-Герми заканчиваетъ одну изъ своихъ филиппикъ противъ позитивистовъ, гдѣ Шарко, Рише и школа Сальпетриеры подвергаются строгому осужденію словами: «всюду тайна, и разумъ останавливается во тьмѣ, чуть только онъ хочетъ идти впередъ»,—Дюрталь со всѣмъ индифферентизмомъ скептика и эстета заявляетъ: «такъ какъ все можно доказывать и ничто не вѣрно—идеть за сатанизмъ! въ сущности это литературнѣй и чище».

Пессимизмъ Дюртала идетъ дальше отрицанія цивилизаціи и прогресса общественнаго,—онъ отрицаетъ всякое нравственное совершенствованіе людей. Астрологъ Жевинже излагаетъ ересь «пророка» Винтраса, проповѣдовавшуюся въ 80-хъ годахъ аббатомъ Булланомъ, по которой второму пришествію Христа должно предшествовать появленіе божественнаго Параклета для очищенія души и тѣла людей. Дюрталь возстаетъ противъ этой мистической утопіи, показывающей впереди совершенство человѣка. «Люди,—говоритъ онъ,—родились эгоистами, обманщиками, существами низкими... Никогда человѣкъ не мѣнялся; душа его гноилась во времена книги Бытія, и теперь она не менѣе злокачественна, не менѣе зловонна. Только форма грѣховъ измѣняется; прогрессъ—лицемѣріе, утончающее порокъ». Порокъ, язвы души человѣка для него не особенно сложны, и въ этомъ онъ остается вѣренъ матеріализму и уже тогда стоитъ близко къ католицизму. Изъ всѣхъ грѣховъ или пороковъ, сильнѣе всего его волнуетъ, притягиваетъ и отталкиваетъ полая страсть, и въ эту точку сходятся всѣ его этическія стремленія. По-

ловые инстинкты увлекают его, потомъ артистическое чутье и разсудочность заставляють его вспоминать объ этихъ увлеченіяхъ съ отвращеніемъ, и онъ начинаегъ мечтать о цѣломудріи или о романтической любви къ женщинѣ, которой онъ никогда не обладалъ. На ряду съ этими колебаніями безумный развратъ Gille de Rais съ потоками дѣтской крови описывается имъ съ такою роскошью подробностей, что у читателя не хватаетъ силъ ихъ читать, а Дюрталю этотъ грѣхъ кажется великимъ, несравнимымъ съ «буржуазнымъ грѣхомъ» адюльтера *m-me Chantelouve*.

Лучше чѣмъ гдѣ-либо въ «*La-Vas*» отразилась бесплодность и опасность худшихъ сторонъ мистики «конца вѣка». Положительныя же ея стороны остались незамѣченными Гюисмансомъ, потому что онѣ не могли быть созвучны съ его нещедрой, нетонкой, не возвышенной душой.

Умственный кризисъ, пережитый Дюрталемъ во время его поисковъ сверхчувственнаго въ парижскихъ оккультическихъ кругахъ и въ изученіи исторіи Gille de Rais, не разрѣшился ничѣмъ положительнымъ. По сравненію съ дезъ-Ессентомъ, Дюрталь дѣлаегъ одинъ шагъ впередъ: онъ считаетъ, что существованіе сатанизма обязательно признать какъ фактъ власти дьявола, что изъ этого логически слѣдуетъ вѣра въ католицизмъ, необходимость молитвы. Но онъ не можетъ ни вѣрить, ни молиться потому, что въ католицизмѣ есть «куча догматовъ,—говоритъ онъ,—которые меня обезкураживаютъ и возмущаютъ». Въ католицизма онъ не видитъ ни вѣры, ни доктрины, ни философіи, которыя могли бы примирить его стремленія къ запредѣльному съ протестами его разума.

Но пробилъ часъ, когда онъ могъ «скользнуть, не удерживаясь, во тьму непреложныхъ догматовъ». Католицизмъ сторожилъ его, какъ головокруженіе сторожить человѣка на краю пропасти, и дно этой пропасти лежало далеко отъ всего прошлаго Гюисманса. Если на днѣ ея *человѣкъ* Дюрталь нашелъ покой или утѣшеніе—тѣмъ лучше, но *писатель* Гюисмансъ оставилъ тамъ все, что для насъ, читателей, было цѣнно въ его странномъ, но оригинальномъ и сильномъ талантѣ.

VI.

«*En Route*», книга, вышедшая въ 1895 г.,—последнее произведеніе Гюисманса, которое еще можетъ называться романомъ, и послѣдній томъ его свѣтской литературы.

Въ «*La-Vas*» мы уже видѣли, какъ близко Гюисмансъ подошелъ къ католицизму, ему стоило сдѣлать еще одинъ шагъ, сказать себѣ, что онъ вѣрить не только въ дьявола, но и въ Бога, чтобы сдѣ-

латься католикомъ. Онъ его сдѣлалъ, и въ «En Route» рассказано официальное возвращеніе Дюртала въ лоно католической церкви актомъ исповѣди и причащенія.

Гюисмансъ объясняетъ переходъ Дюртала къ вѣрѣ наслѣдственной склонностью, потерю друзей, отвращеніемъ къ жизни, любовью къ искусству. Наиболѣе сильнымъ факторомъ этого перехода, думаемъ, должно признать извѣстную надломанность его артистическихъ вкусовъ.

Духовная жизнь Гюисманса—и только объ ней мы и имѣемъ право пока судить—расщеплялась всегда надвое: на дѣятельность романиста и дѣятельность художественнаго критика, который не только знаетъ искусство, но лично наслаждается имъ, живетъ имъ. Очевидно въ его умственной жизни насталъ такой моментъ, когда его не удовлетворяло ни то, ни другое. Мы видѣли рядъ попытокъ Гюисманса отойти отъ натурализма и создать въ области беллетристики новый путь, выработать новые приемы творчества, «потерять дно и носиться въ грезахъ». Онъ не только не осуществилъ самъ для себя этой мечты, онъ не нашелъ ея осуществленія ни у одного современнаго писателя, онъ извѣрился въ современномъ искусствѣ и въ своемъ личномъ творествѣ. «Прежде,—говоритъ онъ въ «En Route»,—у меня была свая, которая поддерживала меня, когда задудали бури скуки; я *отрился* въ свои романы, я работалъ надъ своими историческими сочиненіями, у меня было искусство. Я призналъ его полную несостоятельность, его безсиліе дать счастье». Онъ не разлюбилъ искусства—эта любовь была сущностью его природы—онъ охладѣлъ къ искусству своихъ современниковъ потому, что, отвернувшись съ отвращеніемъ отъ современной жизни, онъ не могъ наслаждаться и современнымъ искусствомъ. Для него, умершаго среди живыхъ, оно было дисгармонично.

Когда онъ погрузился въ средніе вѣка не столько умомъ, сколько фанатическимъ чувствомъ, онъ закрылъ глаза на всякое другое искусство, кромѣ средневѣковаго, и оно привело его къ католицизму. «Настоящее доказательство католицизма,—говоритъ онъ,—это искусство, которое онъ создалъ, то искусство, котораго еще никто не превзошелъ! Въ скульптурѣ и въ живописи—примитивы; мистики въ поэзій и прозѣ; въ музыкѣ—церковное пѣніе; въ архитектурѣ—романскій и готическій стили. Все держалось, пылало однимъ снопомъ, на одномъ алтарѣ; все примирялось въ единомъ пучкѣ мыслей: почитать, поклоняться, служить Раздавателю, показывая Ему, какъ отражается въ душѣ Его созданія, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, незапятнанная еще ссуда его даровъ». И этотъ восторгъ передъ искусствомъ среднихъ вѣковъ, «питаемыхъ Церковью», составля-

еть самую чистую и единственно высокую ноту его религиознаго настроенія.

Онъ силится пріурочить чисто католическія тенденціи къ факту своего «внезапнаго обращенія къ вѣрѣ», утверждаетъ, что «Пресвятая Дѣва дѣйствуетъ на насъ въ такихъ случаяхъ; Она насъ приготовляетъ (pétrit) и передаетъ въ руки Сына; но пальцы Ея такъ легки, такъ неуловимы, такъ ласкаютъ, что душа, ими перевернутая, ничего не чувствуетъ». Стоитъ сравнить выше приведенныя, пылкія слова, когда онъ говоритъ объ католическомъ искусствѣ, съ холодомъ и даже плоскостью этого объясненія божественнаго вмѣшательства въ спасеніе невѣрующей души, чтобы понять, какъ слабъ религиозно-мистическій порывъ Дюртала, въ сравненіи съ его артистически-мистическимъ чаяніемъ.

На ряду съ эстетизмомъ другой элементъ столь же сильно толкаетъ его къ Церкви, къ этому «госпиталю душъ» — страхъ дьявола. Не сомнѣнія въ истинности вѣры, которыя еще не покинули его, а чортъ, воплотившійся въ половой грѣхъ, — сатанизмъ — мучаетъ его, заставляетъ его носиться «какъ обломокъ судна между сладострастіемъ и Церковью». Нигдѣ нѣтъ у него ни порыва любви къ ближнему, ни состраданія, ни предчувствія высшихъ цѣлей жизни — одинъ суевѣрный страхъ передъ грѣхомъ плоти, одно стремленіе къ цѣломудрію, какъ единственной, основной добродѣтели. Эта добродѣтель не дается ему, и «съ тѣхъ поръ, какъ онъ приблизился къ церкви, порывы мерзости сдѣлались болѣе частыми и болѣе упорными». Всюду на пути къ спасенію — западни дьявола, всюду, даже въ церквахъ, мысль Дюртала уносится къ сценамъ распутства (подробностями которыхъ онъ съ ненужнымъ великодушіемъ награждаетъ читателя), и для спасенія отъ дьявола вѣра недостаточна, необходима церковь, которая «повелѣла тѣлу молчать, а душѣ страдать». «Надобно слѣдовать предписаніямъ Церкви, исполнять ея таинства. Спасеніе отъ грѣха, отъ соблазна дьявола — принятіе причастія. При своемъ обращеніи къ вѣрѣ Дюрталь обходился безъ священника, но актъ выполненія таинства церкви требуетъ помощи духовнаго лица. Эта необходимость составляетъ особую причину его колебанія. Для него католицизмъ не тепленькая вѣра, она не заключается всецѣло въ «узкихъ обрядахъ — забавахъ старыхъ дѣвъ». Настоящій католицизмъ куда выше и чище общедоступной набожности, его надо искать въ мистикѣ, «которая составляетъ искусство, эссенцію, душу Церкви».

И здѣсь съ пыломъ юношескихъ лѣтъ просыпается боевой характеръ Гюнсманса. Какъ онъ раздѣлилъ когда-то всю французскую живопись на два лагеря, академиковъ и независимыхъ, и не

находилъ достаточно сильныхъ ругательствъ для первыхъ, превозносишь выше облака ходячаго вторыхъ, такъ и въ своемъ религіозномъ мистицизмѣ онъ раздѣлилъ церковь на двѣ части—монашество и бѣлое духовенство. Духъ монашества соотвѣтствуетъ въ его представленіяхъ духу средневѣковья, духу искусства того времени, духу мистики. Монашество до сихъ поръ даетъ міру святыхъ, несущихъ грѣхи міра; монашество сохранило традицію настоящаго богослуженія, старинное церковное пѣніе, красоту облаченій и церемоній, которыя отнынѣ Гюисмансъ начинаетъ описывать во всѣхъ подробностяхъ съ блескомъ таланта въ «En Route», съ блѣдной утомительностью пересказа въ «Oblat». Бѣлое духовенство, церковная служба въ городскихъ, людныхъ церквахъ приводитъ его въ ярость. Даже его разгульнаго языка, уснащеннаго медицинскими, фармацевтическими и техническими терминами, не хватаетъ для выраженія его презрительной ненависти—и избытокъ ея чувствуется за словами. Бѣлое духовенство не можетъ быть «ничѣмъ инымъ, какъ отбросомъ, потому, что созерцательные ордена и армія миссіонеровъ ежегодно уносятъ сливки душъ; мистики, священники, жаждущіе страданія, опьяненные самопожертвованіемъ, запираются въ монастыри или идутъ въ изгнаніе къ дикимъ народамъ, которыхъ обращаютъ въ христіанство. Когда эти сливки сняты, остальное духовенство, очевидно, просто—разбавленное молоко, помой семинарій». Конечно, епископы XVII ст., это «духовенство финансистовъ и лакеевъ», заслуживаютъ порицанія, но они были талантливы; теперешніе епископы не менѣ интриганы и не менѣ подобо-страстны, но у нихъ нѣтъ ни таланта, ни воспитанія. «Они частью выловлены изъ *sasjaloжъ* дурныхъ священниковъ, они готовы на все, и если ихъ подавить, они обнаруживаютъ души старыхъ ростовщиковъ, низкихъ маклаковъ, прощальгъ». Таково бѣлое духовенство; что же касается богослуженія, то оно такъ же ужасно. Вечеромъ, когда мракъ скрываетъ «ужасъ корабля» церкви Сепь-Сюльписъ, куда Дюрталь приходитъ «*se rouiller l'âme*» (затрудняемся передать смыслъ этого выраженія), до него издали доносится голосъ проповѣдника. «По вазелину вступленія, по жиру акцента онъ узналъ хорошо упитаннаго аббата, который обыкновенно изливалъ на своихъ слушателей наименѣ забытыя общія мѣста». Въ большинствѣ случаевъ пѣніе, безъ нужды заглушенное грохотомъ органа, чрезвычайно плохо въ парижскихъ церквахъ. Пѣвчіе «ре-вуть», нѣкоторые изъ нихъ подражаютъ «бурчанію воды въ водопроводахъ, другіе наслаждаются имитацией треску клепала, скрипу блоковъ». Конечно, внутренняя красота нѣкоторыхъ обрядовъ—похоронъ особенно—сохраняется даже среди этого святотатственнаго

отсутствія красоты церкви; «какъ сверхземная *антисептика*, какъ сверхчеловѣческой *тимолю*, литургія очищаетъ, *дезинфицируетъ* нечестивое уродство этихъ мѣсть».

Итакъ, въ бѣломъ духовенствѣ нѣтъ ни талантливыхъ ораторовъ, ни талантливыхъ писателей, оно даже рѣдко можетъ обращать грѣшниковъ къ истинѣ. «Невѣжество, отсутствіе воспитанія, непониманіе окружающей среды, презрѣніе къ мистикѣ, непониманіе искусства, лишили духовенство всякаго вліянія на патриціатъ душъ». Оно можетъ вліять только на ханжей, и это лучше: если бы оно высилось до вліянія, если бы «смерчь клерикальной глупости обрушился на страну, это означало бы конецъ литературы, конецъ всего французскаго искусства! Для спасенія церкви остается монахъ, котораго священникъ ненавидитъ, потому что жизнь монастыря составляетъ постоянный упрекъ его собственному существованію». Вотъ почему современный католикъ-мірянинъ пошлѣ и ничтоженъ въ сравненіи съ католикомъ-мистикомъ: «онъ при помощи своего духовенства и своей дурацкой литературы сдѣлалъ изъ религіи «фетишизмъ растроганнаго канака», смѣшной культъ, составленный изъ статуэтокъ и церковныхъ кружекъ, изъ свѣчей и хромо-литографій». Конечно, Дюрталю, при постоянномъ искушеніи діавола, необходимо очистить душу исповѣдью, но какъ рассказать все это священникамъ! Они ничего не поймутъ, они будутъ лить «полными чашками свой благочестивый телячій бульонъ».

Мы особенно останавливаемъ вниманіе читателя на этомъ отношеніи Гюисманса къ бѣлому духовенству, потому что оно вызвало у многихъ, читавшихъ въ свое время «En Route», сомнѣніе въ искренности его обращенія въ католицизмъ, что было неправильно. Гюисмансъ, обращенный въ католицизмъ въ значительной степени однимъ извѣстнымъ аббатомъ, уже тогда проникся идеями нѣкоторой части непримиримаго католическаго духовенства, которое и до сихъ поръ составляетъ основное ядро, борющееся съ правительствомъ республики. Антагонизмъ между бѣлымъ духовенствомъ и конгрегаціями проходитъ красной нитью во всѣхъ текущихъ событіяхъ. Гюисмансъ сразу становится искренно въ ряды католическаго обскурантизма—упорнаго, непримиримаго, по духу своему несомнѣстимаго съ условіями современной жизни.

Послѣ долгихъ колебаній Дюрталь вспоминаетъ, что и въ Парижѣ существуетъ аббатъ, который отвѣчаетъ почти всѣмъ его требованіямъ, и къ нему онъ обращается съ своими сомнѣніями. Аббатъ Жеврезенъ, какъ и всѣ лица цикла обращенія Дюртала, не имѣетъ никакой жизненной фізіономіи и остается въ теченіи романа подобнымъ второстепенному актеру, котораго заставили

играть съ знаменитымъ трагикомъ на гастрольяхъ: своими словами онъ долженъ лишь дополнять процессъ католической мысли, развивающійся у Дюртала; до него самого, до его человѣческаго облика, ни Гюисмансу, ни читателю какъ будто нѣтъ никакого дѣла.

Аббатъ Жеврезенъ не предлагаетъ Дюрталю утѣшенія практическаго, добродушнаго и свѣтскаго католицизма. Этотъ католицизмъ, и по мнѣнiю аббата, созданъ для тепленькихъ душъ, т.-е. почти для всѣхъ благочестивыхъ душъ, насъ окружающихъ; только этотъ католицизмъ доступенъ толпѣ, и священники хорошо дѣлають, что представляютъ его такимъ, иначе правовѣрные не поняли бы ничего или, испугавшись, покинули бы его. Дюртала онъ хочетъ вести къ спасенiю суровыми хребтами настоящаго, мистическаго католицизма. Въ мистикѣ нѣтъ ничего случайнаго, это совершенно точная наука. Она можетъ заблаговременно предсказать всѣ явленiя, совершающiяся въ душѣ, предназначенной Господомъ къ совершенной жизни. Дюрталь подверженъ нападкамъ дiавола, который старается отвлечь его отъ спасенiя. Лучшее средство излѣченiя такой души—могущество Таинствъ. Жеврезенъ признаетъ систему отца Мильеро, который заставлялъ кающихся причащаться повторно. Если грѣшникъ послѣ причастiя быстро впадалъ въ грѣхъ, онъ заставлялъ его снова причащаться и такъ, наконецъ, очищалъ его Св. Дарами, принятыми въ сильныхъ дозахъ. И аббатъ прибавляетъ: «это доктрина одновременно реалистическая и высокая»... И Гюисмансу она кажется высокой! Для Дюртала аббатъ не видитъ пока возможности ея примѣненiя, онъ думаетъ, что когда настанетъ время, надобно спросить Бога, что дѣлать для его спасенiя. Милость просвѣтленiя снизошла на Дюртала особымъ путемъ. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что искусство было носителемъ, который Господь употребилъ, чтобы заставить васъ приносить вѣру... Онъ убѣдилъ васъ и обратилъ васъ менѣе путемъ разума, чѣмъ путемъ пяти чувствъ, а это—особыя условiя, которыя надо принять во вниманiе».

Вѣра въ силу католической обрядности растетъ въ Дюрталѣ, котораго продолжаетъ преслѣдовать сатана. Въ его католицизмѣ, который онъ такъ тщательно отдѣляетъ отъ «католицизма толпы», мы тщетно искали бы той пылающей области мистики, къ которой онъ стремится. Въ его мистицизмѣ есть что-то грубое и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское, абстрактное и матеріальное. Чортъ продолжаетъ искупать его сладострастными видѣнiями, но онъ можетъ уже иногда отгонять ихъ словами молитвы: «избави насъ отъ лукаваго». Жеврезенъ успокаиваетъ его, объяснивъ, что есть монастыри, гдѣ монахи, особенно монахини, соглашаются принять

на себя искушенія, отъ которыхъ люди страдаютъ. Монастыри, такъ сказать, берутъ на себя дьявольскіе векселя несостоятельныхъ душъ, цѣликомъ выплачиваютъ ихъ долги. И когда аббать пишетъ въ такой монастырь, искушенія Дюртала временно прекращаются. Можно ли назвать высокою мистикой настроеніе, когда высокій для вѣрующаго актъ принятія на себя святымъ грѣха міра, приурочивается къ уплатѣ по векселямъ и когда надобно *написать* въ монастырь, чтобы освободить грѣшника отъ искушенія? Дѣтское почитаніе Богородицы, вѣра въ высокое призваніе монахини, не мѣшаетъ Дюрталю относиться къ женщинѣ въ религіи съ изувѣрскимъ отвращеніемъ. Хотя пѣніе монахинь трогаетъ его иногда, но онъ спѣшить прибавить, что ненавидитъ голосъ женщины въ святомъ мѣстѣ, потому что онъ даже у монахинь остается нечистымъ, такъ какъ женщина всюду приноситъ съ собою особья состоянія, отъ которыхъ киснутъ псалмы... Женщина оплакиваетъ только ничтожный идеалъ земного наслажденія, котораго она не можетъ достигнуть. Ему понятно, что церковь изгнала ее изъ службы и употребляетъ, чтобы не заражать музыкальную эпитрахиль своей прозы, голосъ ребенка, мужчины, кастрата.

Жеврезенъ находитъ настоящій путь для спасенія Дюртала: онъ посылаетъ его въ монастырь траппистовъ ¹⁾. Вторая часть романа посвящена описанію жизни Дюртала въ монастырѣ. Она содержитъ въ себѣ не много новаго: та же, только усиленная, борьба съ искушеніями сатаны, тѣ же безконечные разговоры о католической мистикѣ, о мистической литературѣ то съ облатомъ Брюно, то съ нѣкоторыми монахами. Дьяволъ искушаетъ его сомнѣніями, ведетъ діалоги о теологіи, напускаетъ на него видѣнія, безобразное распутство которыхъ прямо невыразимо, или пытается помѣшать его причащенію, внушая излишнюю добросовѣстность въ исполненіи наложенной эпитиміи. Богъ зато совершаетъ для него чудо: Дюрталь не можетъ выносить мысли, что ему придется причащаться не у монаха, а у простого аббата, пріѣхавшаго на нѣсколько дней къ траппистамъ и все время возмущавшаго Дюртала своими пошлыми разговорами и шутками за обѣдомъ. Въ молитвѣ Дюрталь проситъ Бога, чтобы его причастилъ монахъ, такъ какъ иначе онъ не будетъ въ состояніи принять Св. Тайнство съ надлежащимъ благоговѣніемъ, и чудо совершается,—настоятель монастыря, не покидавшій келіи по болѣзни, неожиданно чувствуетъ потребность служить обѣдню и причастить Дюртала; есть даже указанія, что онъ дѣлаетъ это по внушенію свыше.

¹⁾ Не лишнее напомнить, что Гюисмансъ ѣздилъ въ этотъ монастырь для покаянія и тамъ исповѣдался и причащался.

Среди громоздкаго анализа католическихъ догматовъ и мистики, со вкусомъ описываемой бѣсовщины видѣній и сновъ, вялыхъ, иногда репортерскихъ очерковъ монастыря и его природы, въ романѣ попадаются прекрасныя страницы тонкаго и красиво выраженаго наблюденія надъ душой человѣка, только что перешедшаго отъ безвѣрья къ вѣрѣ и еще не справившагося съ повымъ кругозоромъ идей. Описаніе ночной молитвы монаховъ въ церкви, гдѣ Дюрталь спасается отъ дьявольскаго навожденія, молитвенное настроеніе Дюртала въ полу-экстатическомъ состояніи, душевное состояніе во время первой исповѣди, слезы передъ монахомъ-исповѣдникомъ, весь переломъ души, за которымъ чувствуется переломъ человѣка, — звучать патетической правдой, дѣйствуютъ на читателя гораздо сильнѣе современной обработки сюжетовъ старыхъ мистиковъ, какъ, напр., описаніе «темной ночи», мистическаго испытанія, пережитаго Дюрталемъ наканунѣ причастія.

Если откинуть всѣ литературныя украшенія, все многословіе описаній церковныхъ службъ и очистить, такимъ образомъ, формулу вѣры Дюртала, то получится нѣчто, что недалеко отходить отъ того «фетишиза растроганнаго канака» обыденнаго католика, на котораго Гюисмансъ изливаетъ такой гнѣвъ. Въ концѣ-концовъ, его мистика сводится къ понятію о человѣкѣ какъ о существѣ, въ которомъ вѣчно живетъ и которымъ почти исключительно владѣетъ половой грѣхъ; въ немъ и за его душу постоянно борются Богъ и сатана. Дюрталь чувствуетъ въ себѣ, слушаетъ голоса троицы — Богъ, демонъ и человѣкъ — соединенной въ немъ самою. Выше земной жизни этого человѣка онъ не поднимается, въ Божествѣ ему понятенъ еще Христосъ, но понятіе о Духѣ Святомъ, — какъ онъ говоритъ, — ему совершенно недоступно. Выраженіе этой вѣры онъ видитъ въ католическомъ богослуженіи, которое должно совершаться при опредѣленной обстановкѣ, средневѣковой, красивой, по его вкусу, съ аксессуарами, дѣйствующими на его эстетизмъ, отличный отъ буржуазнаго вкуса растроганнаго канака.

Единственнымъ новымъ элементомъ, вынесеннымъ Дюрталемъ изъ жизни въ монастырѣ, можно было бы считать чувство смиренія, которое выражается въ удивленіи передъ темнымъ монахомъ Симеономъ; но это смиреніе лишь новая черта, прибавленная къ картинѣ его стараго, безвыходнаго пессимизма. Въ концѣ своего пребыванія въ монастырѣ онъ дѣлаетъ своимъ идеаломъ не настоятеля, не своего исповѣдника, который отличается необыкновенной ученостью и умомъ, а несчастнаго полу-идіота свинопаса Симеона. Симеонъ врядъ ли умѣетъ читать, но зато обладаетъ даромъ изгонять демоновъ изъ своихъ свиней, а также и изъ монастыря, когда

дьяволъ «сбѣтъ» ларвы на монаховъ; онъ молится ежедневно въ настоящемъ экстазѣ и излѣчиваетъ больныхъ наложеніемъ рукъ. «Когда я думаю о томъ, какъ этотъ человѣкъ, исполняющій самыя грязныя работы, молится въ церкви,—говоритъ Дюрталь,—мнѣ хочется стать передъ нимъ на колѣни и цѣловать его руки». И когда, покинувъ траппистовъ, Дюрталь подѣзжаетъ къ Парижу, онъ восклицаетъ, думая о своихъ товарищахъ-литераторахъ: «Если бы они знали, насколько божественное опьяненіе свинопаса въ монастырѣ траппистовъ интересуется меня больше всѣхъ ихъ разговоровъ и всѣхъ ихъ книгъ! О! жить, жить въ тѣни молитвъ смиреннаго Симеона, Господи!»

Дальше этого полу-эстетическаго и пессимистическаго смиренія христіанство не вызвало въ Гюисмансѣ никакой душевности. Оно не дало ему и жизненныхъ устоевъ. Идеаль свинопаса Симеона, воспитаннаго въ монастырѣ, не знавшаго ничего объ окружающей монастырь жизни, никогда не видѣвшаго денегъ, никогда не видѣвшаго газеты, не знавшаго гдѣ онъ живетъ: во Франціи или въ Америкѣ, не соотвѣтствуетъ никакой жизненной цѣли. Идеаль монашеской жизни вообще непримѣнимъ къ жизни въ мірѣ, хотя въ монастырѣ, по словамъ настоятеля, разрѣшенъ социальный вопросъ. Тамъ нѣтъ заработной платы, трудъ раздѣляется по способностямъ—отцы монахи завертываютъ въ бумагу шоколадъ на монастырской фабрикѣ, а послушники обрабатываютъ землю—тамъ всѣ ведутъ одну и ту же скудную жизнь безъ семьи и ждутъ награды только за гробомъ,—«городскіе жители не могутъ этого понять». А тогда, если монашескій идеаль невозможенъ, «какая иная борьба возможна, кромѣ борьбы противъ самого себя?» говоритъ Дюрталь. «Волноваться изъ-за денегъ, изъ-за славы, трудиться, чтобы угнетать другихъ и принимать ихъ лесть—какая пустая задача!»

Дюрталь покидаетъ монастырь съ тѣмъ чувствомъ тоски, съ которымъ когда-то дезъ-Ессентъ покидалъ свой артистическій пріютъ; «ему была ненавистна всякая иная жизнь, кромѣ этой, и душа, переутомленная молитвами, изнемогала въ тѣлѣ, не отдохнувшимъ и плохо питавшемся; она не имѣла желаній, просила покоя, сна...» Монашескій идеаль сбиль Дюрталь съ пути; онъ понималъ, что покой его потерянъ, что онъ не можетъ снова жить въ обществѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что не можетъ жить и въ полномъ отчужденіи отъ людей, находясь внѣ монастыря. Вокругъ него оставалась пустота. Монастырь «уничтожилъ всѣ его вкусы, въ нѣсколько дней перевернулъ его вверхъ дномъ». Остаться навсегда въ монастырѣ онъ тоже не могъ, потому что чувствовалъ себя «еще слишкомъ литераторомъ, чтобы сдѣлаться монахомъ, но слишкомъ монахомъ, чтобы остаться среди литераторовъ».

VII.

«Вопросъ въ томъ,—говорилъ Жеврезенъ Дюрталю,—въ какой пріемникъ васъ надо будетъ помѣстить, когда вы наконецъ отпадете отъ своей жизни». Въ какой «пріемникъ» упало творчество Гюисманса, когда онъ окончательно отпалъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ литературныхъ тенденцій и вкусовъ? Русло, которое должно нести Гюисманса къ этому пріемнику—католической литературѣ, было намѣчено имъ въ «En Route», но наново и окончательно выражено въ «Cathédrale», его первомъ католическомъ произведеніи, вышедшемъ въ 1898 году.

Средніе вѣка были безподобны, искусство средневѣковья совершенно, гениальные артисты того времени, славившіе Бога своими произведеніями, были духовныя лица; современная свѣтская жизнь ужасна, но милость неба—талантъ—данъ теперь не духовнымъ, а свѣтскимъ писателямъ. Для Дюртала при его исключительномъ интересѣ къ мистикѣ, оставался одинъ путь—заняться агіографіей, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время никто не пишетъ житій Святыхъ, кромѣ бездарностей, которыя «нагружаютъ зародыши мысли на огромныя телѣги». Его давно прельщала жизнь Св. Лидвины, по поводу этого замысла онъ познакомился когда-то съ аббатомъ Жеврезеномъ; но можно ли написать жизнь святой тѣми средствами, которыми располагаетъ современный писатель? Флоберъ написалъ дивныя страницы на легенду Юліана Милостиваго, но въ нихъ не хватаетъ настоящей вѣры, мистической души. Другой современный писатель, Гелло, вложилъ вѣру въ каждое написанное имъ слово, но онъ такъ не артистиченъ, что самыя пышныя легенды «линяютъ подъ его пальцами, скаредность его слога обѣдняетъ чудеса». Чтобы достигнуть настоящаго результата, «надо соединить въ себѣ обоихъ этихъ писателей и оставаться самимъ собою». Въ этой новой литературной profession de foi Гюисмансъ только повторилъ раньше имъ высказываемое, сужая задачу, примѣняясь къ опредѣленнымъ сюжетамъ. Это не «супранатурализмъ», который онъ проповѣдовалъ въ «Là-Bas», его задача, взявъ старыя мины, «выразить ихъ языкомъ убѣдительнымъ и великолѣпнымъ, таинственнымъ и новымъ», какъ онъ говорилъ про Г. Моро ¹⁾. Всюду въ «En Route» Гюисмансъ попутно рассказываетъ легенды святыхъ, какъ бы пробуя свои силы въ этомъ жанрѣ, но всѣ эти пересказы гораздо дальше отъ дивной наивности «Золотой легенды» Vragine'a или «Foiretti», откуда они заимствованы, чѣмъ неосвѣщенный духомъ мистики «Юліанъ»

¹⁾ „Certains“, стр. 16.

Флобера. Съ другой стороны, въ «En Route», какъ въ «En Rade», Гюисмансъ робко и сейчасъ же отдаляясь отъ этой мысли замѣчаніемъ—«оставимъ эти мечты», пытается символизировать природу: «рѣка», говоритъ онъ самъ себѣ, «самый точный символъ дѣятельной жизни», а стоячія воды, прудъ—символъ созерцательной жизни. Эти попытки неуклюжи и мертвы, символизмъ, самъ себя объясняющій, становится простымъ сравненіемъ, и самъ Гюисмансъ понималъ, что сила символическаго искусства проявляется, когда «ясновидящій артистъ» умѣетъ «выдѣлать изъ реального сверхчувственное», какъ Уистлеръ или какъ Верленъ вызвать «тонкія внушенія», которыя убаюкиваютъ «какъ заклинанія, таинственное волшебство которыхъ неуловимо»¹⁾. Эти неуловимыя чары идеалистическаго искусства заложены въ художникѣ, составляютъ вкладъ его индивидуальнаго духа въ изображаемую видимость, и тогда реальность преобразуется, творится заново, а не объясняется. Отходя отъ натурализма, Гюисмансъ хотѣлъ создать въ себѣ духъ, отличный отъ своей чувственной природы, найти новый идеалъ въ жизни, въ искусствѣ, но мрачный покровъ католической мистики спустился надъ нимъ и заполнилъ всѣ уголки его души, и если ему суждено было освѣтить чѣмъ-нибудь имъ изображаемую видимость, то не свободнымъ личнымъ духомъ, а стройной, вѣками созданной мистикой и символиккой католичества.

«Cathédrale» еще отражаетъ въ себѣ исторію обращенія Дюртала; тамъ встрѣчаются сомнѣнія, «борьба съ самимъ собою», гордое сопротивленіе свободной мысли идеалу безпрекословнаго повиновенія монаха, который въ рукахъ настоятеля «долженъ быть кускомъ, не имѣющимъ ни жизни, ни движенія, ни дѣйствія, ни воли, ни сужденія»²⁾. Но основной мотивъ книги не сосредоточивается на этой борьбѣ, по существу законченной. «Cathédrale» должна быть хвалебнымъ гимномъ Богородицы и храмовъ, ей посвященныхъ, но главнымъ образомъ возвеличиваніемъ католицизма, объясненія его *символа*—Собора.

Что такое средневѣковая архитектура и готика въ особенности? Происхожденіе готики не нужно искать въ матеріальной, технической задачѣ достигнуть наибольшей прочности и стойкости храма. Гюисмансъ присоединяется къ романтической идеѣ Шатобриана, что картина лѣса дала людямъ мысль о кораблѣ и оживѣ. Готическій храмъ существуетъ въ природѣ, всякій лѣсъ, и во всѣ времена года, воспроизводитъ его основные контуры, «но природа не

¹⁾ „Certains“ стр. 72.

²⁾ En Route.

могла создать дивное искусство, глубокое знание символики, страстную мистику вѣрующихъ, которые его воздвигли. — Безъ нихъ храмъ, оставшійся въ сыромъ видѣ, какъ создала его природа, былъ только эскизомъ безъ души, рудиментомъ». Въ художественномъ созданіи архитектурныхъ стилей среднихъ вѣковъ храмъ природы — лѣсъ — получилъ свое значеніе символа католической вѣры. Романскій стиль — архитектура строгихъ орденовъ, траппистовъ — символизируетъ Ветхій Заветъ; въ немъ чувствуется страхъ грѣха, страхъ Бога, строгость котораго смягчается лишь присутствіемъ Сына. «Готика, наоборотъ, менѣе боязлива», она скорѣе относится къ двумъ другимъ лицамъ Божества и ко Святой Дѣвѣ; готическіе храмы «призрѣваютъ менѣе строгіе ордена, тамъ спины разгибаются, опущенные глаза поднимаются, гробовые голоса становятся серафическими». Шартрскій соборъ, специально описанный и изученный въ «Cathédrale», даетъ полный символъ католицизма: обѣ книги Св. Писанія соединены въ немъ, такъ сказать, въ двухъ томахъ, потому что крипта, на которой покоится готическій храмъ, — романскаго стиля.

Такимъ образомъ теоретически Гюисмансъ приходитъ къ признанію символизма въ искусствѣ, къ согласію съ тѣми «декадентами», которыхъ онъ осмѣивалъ въ «La-Bas», которые скрывали бѣдность мысли за темнотою стиля... Но задача «Cathédrale» не созидаящая, а аналитическая, Гюисмансъ не творитъ, а описываетъ, пытается проникнуть въ символическое значеніе средневѣкового искусства. Но не надо думать, что въ этой задачѣ онъ даетъ волю своему артистическому чутью, что онъ дѣлалъ во времена своей свѣтской художественной критики. Символика католицизма существовала до Гюисманса, какъ существуетъ во всякомъ культѣ; его задачей было изученіе и описаніе этой символики во всѣхъ подробностяхъ, примѣнительно къ готическому храму. Символизмъ «Cathédrale» впрочемъ и теоретически только соприкасается съ современнымъ символизмомъ въ исходной точкѣ и сейчасъ же отходить отъ него подъ прямымъ угломъ. Аббатъ Плонъ, который въ «Cathédrale» играетъ роль персонажа діалога, говоритъ, что если по опредѣленію Литре (почему именно Литре?) символъ есть фигура или образъ, употребляемый какъ знакъ другой вещи, то въ католицизмѣ «символъ есть аллегорическое представленіе *христіанскаго принципа* въ осязательной формѣ», что отвѣчаетъ потребности человѣческаго ума къ разгадыванію предлагаемой ему загадки и помогаетъ сохранить память о ней въ видимой, стойкой формѣ. Дюрталь усматриваетъ въ этомъ согласіе со взглядами на символизмъ патріарха французскихъ идеалистовъ Маларме. Но раз-

лице католической символики и символического искусства Маларме заключается именно в томъ, что эстетическій символизмъ никогда не предпосылалъ опредѣленныхъ, сложившихся представленій, для которыхъ лишь подыскивается аллегорическое выраженіе, знавъ, гдѣ разъ навсегда коченѣтъ извѣстное понятіе. Такой символизмъ обращается въ символику, въ особый условный языкъ, предполагающій знаніе, изученіе, не оставляющій никакого простора личному творчеству поэта-артиста и еще менѣе—фантазіи читателя или зрителя: въ читателѣ Маларме предполагалъ сотрудника поэта, вкладывающаго свое личное пониманіе въ созданный художникомъ символъ. Эстетическій символизмъ требуетъ отъ художника широчайшаго развитія индивидуальности,—символика исключаетъ индивидуальность художника. Символизмъ, исходящій изъ предвзятой идеи, часто невольно впадаетъ въ мертвую аллегорію или въ дѣтское подыскиваніе идеи къ существующему въ природѣ или жизни образу. Что сказать, напр., о мысли, что цементъ, связывающій камни, изъ которыхъ строились храмы, и состоящій изъ извести, песку и воды, есть символъ: известъ это пылкая любовь и она соединяется при помощи воды, которая есть духъ, съ земнымъ—пескомъ? Или о томъ, что *четыре стѣны* церкви символизируютъ четыре евангелія, или четыре основныя добродѣтели? Такія сопоставленія могли приходить въ голову, но они навѣрное не руководили творчествомъ архитектора. Сомнѣваемся, чтобы можно было строить что-либо съ двумя стѣнками и чтобы готическіе храмы были иными, если бы цементъ былъ другого состава...

Мы не будемъ слѣдовать за Гюисмансомъ въ его длинномъ странствіи по всѣмъ областямъ символики, которой книга переполнена. Кто интересуется этими вопросами, не имѣя возможности обратиться для ихъ изученія къ перво-источникамъ, того «Cathédrale» можетъ заинтересовать; для всякаго другого чтеніе ея будетъ скучной прогулкой по каменистой, выжженой вноемъ дорогѣ эрудиціи изъ вторыхъ рукъ, гдѣ сравнительно часто попадаются прекрасныя строчки — отцвѣтающіе пышные цвѣты стараго Гюисмановскаго стиля.

Намъ хотѣлось бы поставить точку и умолчать о дальнѣйшихъ произведеніяхъ нашего писателя; судить о нихъ больно, какъ больно говорить о мертвомъ, когда нечего сказать хорошаго; но послѣдній періодъ его литературной дѣятельности слишкомъ характеренъ, чтобы его можно было обойти молчаніемъ.

Всѣмъ пзвѣстно, какія крупныя событія пронеслись во Франціи въ послѣдніе годы прошлаго вѣка. Дѣло Дрейфуса раздѣлило страну на два лагеря, подняло бурю въ общественномъ сознаниі, пере-

создало политическія партіи, отразилось на всемъ складѣ мысли и жизни. Старый другъ и учитель Гюнсманса, Золя, кинулся въ разгаръ схватки между коалиціей всѣхъ силъ отжившей Франціи и Франціей передовой. «*Mea culpa!*» воскликнули многіе молодые представители чистаго искусства въ литературѣ, бывшіе мистики, эстеты, декаденты. Мы ушли отъ жизни, мы заперлись въ нашихъ «*Tours d'ivoires*», мы отстранились отъ общественныхъ интересовъ и допустили тѣмъ ростъ реакціи. И абстрактнѣйшій изъ поэтовъ, болѣе поздній другъ Гюнсманса, Маларме, если не активно, не среди уличныхъ криковъ толпы или яростныхъ преній уголовныхъ судовъ, то въ интимномъ кругѣ своихъ учениковъ и почитателей, сталъ опредѣленно на сторону правды и прогресса. Въ обоихъ лагеряхъ было искреннее убѣжденіе, среди анти-дрейфусаровъ многіе безкорыстно боролись за свою правду. Наконецъ, справедливо или несправедливо, многіе считали, что интересы католицизма во Франціи сильно затронуты закономъ противъ конгрегацій, закономъ Вальдека-Руссо. И за все это время Гюнсмансъ стоитъ совершенно въ сторонѣ, съ глубокимъ равнодушіемъ празднаго зрителя смотреть не только на политическую и общественную неурядицу въ своей странѣ, но относится съ индифферентизмомъ и къ вопросамъ, непосредственно касающимся католицизма какъ общественной силы. Только въ 1900 году онъ раздражается гнѣвомъ на невѣрныхъ не во Франціи, а въ цѣломъ мірѣ...

Между 1898 и 1903 гг. онъ печатаетъ «*La Vieillesse*» et «*Saint Séverin*», гдѣ снова и снова оплакиваетъ старый Парижъ. Жаль ему рѣчки Бьевры, которую муниципальный совѣтъ рѣшилъ окончательно закрыть, потому что міазмы ея отравляютъ жителей. Не годуетъ, что кварталъ Сенъ-Северена, ставшій притономъ мошенниковъ и разсадникомъ болѣзней, разрушается. Всѣ повторяютъ на всѣ лады, что Парижъ оздоравливается и «никто не понимаетъ, что эти перемены сдѣлали жизнь въ Парижѣ нестерпимой». Къ тому же разряду книгъ относится и сборникъ «*De Tout*». Это уже совсѣмъ старческое брюзжаніе по поводу всего: старой улицы, смерти никому неизвѣстнаго живописца, банкротства какого-то кафе, куда когда-то приходили никому неинтересные люди... Вотъ чѣмъ занята мысль крупнаго писателя въ тяжелыя години Франціи.

Въ 1901 году появляется давно задуманное и обѣщанное въ «*En Route*» житіе св. Лидвины (*Sainte Lydwine de Schiedanc.*) Но осуществляется - ли его завѣтная мечта создать новый жанръ, воспроизвести орудіемъ современнаго искусства образъ средневѣковой святой? Нимало. Несостоятельность Гюнсманса выйти на новый путь сказалась въ книгѣ съ новой силой. Католическое міро-

созерцаніе, которое онъ навязываетъ и себѣ и читателю съ нетерпимостью неопита, въ соединеніи со всей грубостью его старыхъ натуралистическихъ приѣмовъ, съ ненавистью ко всему даже христіанскому, что не католицизмъ, большое число отступленій, длиннотъ, длинныхъ «историческихъ» обзоровъ эпохъ, эрудиція, почерпнутая изъ лексиконовъ, дѣлаютъ его книгу неудобочитаемой. Это не художественное воспроизведеніе жизни святой XV ст., а тенденціозный историческій очеркъ, гдѣ авторъ силится освѣтить факты міросозерцаніемъ воинствующей католической церкви конца XIX столѣтія.

Его точка зрѣнія въ историческомъ обзорѣ Европы, которое онъ предпосылаетъ житію святой, очень проста: церковь въ концѣ XIV и началѣ XV в. пришла въ упадокъ; «сколько ни жгли еретиковъ, они выростали вновь и заполонили Европу». И «когда церковь была подкошена ересями, растерзана недостойными папами, когда христіанство казалось пропавшимъ, Богъ воздвигъ святыхъ, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ дьявола и спасти папскій престолъ». Существуетъ таинственный законъ равновѣсія между Зломъ и Добромъ. Всемогуцій Богъ самъ пожелалъ ограничить свое всемогущество, и для того, чтобы равновѣсіе соблюдалось, Христосъ долженъ прибѣгать къ помощи человѣка. «Когда вѣсы склоняются въ сторону Зла, когда народы дѣлаются слишкомъ низкими, а короли слишкомъ неблагочестивыми, Богъ посылаетъ на землю эпидеміи, землетрясеніе, голодъ, войну; но милосердіе его такъ велико, что онъ усиливаетъ самопожертвованіе святыхъ, помогаетъ имъ, преувеличиваетъ ихъ заслуги, можетъ быть плутуетъ (!) немного самъ съ собою, чтобы справедливость была удовлетворена и чтобы равновѣсіе было восстановлено». Грѣхи людей конца XIV ст. объясняютъ страшныя страданія святыхъ, и искупающимъ эти грѣхи страданіямъ св. Лидвины посвящена книга. На нескончаемыхъ страницахъ описываются раны, гной, черви, сѣдающіе животъ Лидвины, и средства, употребляемыя для ея облегченія, напр. наложеніе сырого мяса на раны, чтобы черви могли ѣсть это мясо, а не тѣло больной; совершенно серьезно, наконецъ, рассказано, какъ одинъ врачъ, посѣтившій святую, вынулъ ея внутренности, вымылъ ихъ въ лоханкѣ и вложилъ обратно тѣ изъ нихъ, которыя могли еще служить! Читатель думаетъ отдохнуть отъ зловонія, гноя, язвъ, описанныхъ медицинскимъ языкомъ, которымъ Гюисмансъ думалъ, очевидно, явить путь Золя—путь тѣла на описаніяхъ видѣній святой,—параллельно съ путемъ души, но на этомъ пути онъ встрѣчается только съ грубостью и чистымъ матеріализмомъ. Такъ, напр., св. Лидвина проситъ Бога освободить отъ сатаны

одну женщину, которой чортъ во снѣ показываетъ свитокъ, гдѣ записанъ одинъ грѣхъ, хотя женщина уже покаялась въ немъ; святая впадаетъ въ экстазъ и видитъ какъ Богоматерь вырываетъ изъ рукъ сатаны свитокъ и рветъ его. Когда Лидвина приходитъ въ себя, кусочки пергамента покрываютъ ее постель.

Этотъ «историческій» этюдъ долженъ служить поученіемъ намъ, современникамъ. Со времени св. Лидвины ничто не измѣнилось. Въ настоящій моментъ нужды церкви громадны, и снова надо спасти ее, Христосъ снова нуждается въ помощи человѣка. Но Гюисмансу рисуются желательными не искупающія страданія святыхъ, а иные способы спасенія церкви. Онъ снова смѣло производитъ общій обзоръ положенія дѣлъ въ Европѣ, т.-е. въ католическихъ странахъ, потому что остальные народы какъ бы не существуютъ. «Австрія до костей снѣдаема жидовскими паразитами; Италія сдѣлалась притономъ масонства, въ настоящемъ смыслѣ слова вертепомъ демонизма; Испанія и Португалія также раздираемы клыками ложь; что касается привилегированной земли Христовой, Франціи, на нее напала, ее наполовину задушила, ее избила пиньками сапога, ее вываляла въ помойной ямѣ сволочь, подкупленная невѣрными. Для этой низкой работы франмасонство разнуздало жадную свору евреевъ и протестантовъ». Какими же средствами надо спасти погибающее человѣчество? «Въ такой неурядицѣ слѣдовало бы, можетъ быть, прибѣгнуть къ старымъ мѣрамъ, уже упраздненнымъ, употребить нѣсколько рубашекъ, надлежащимъ образомъ пропитанныхъ сѣрой, и нѣсколько костровъ хорошо просушеннаго дерева, но задыхающаяся душа католиковъ была бы неспособна раздуть огонь этихъ костровъ. Кромѣ того нѣкоторые назвали бы эти оздоровляющія средства нескромными, они во всякомъ случаѣ не согласуются съ разслабленными нравами нашего времени». Насколько намъ извѣстно, ни одно духовное лицо не осмѣлилось печатно высказывать такія мысли и съ такимъ цинизмомъ. Только одинъ Рошфоръ, безшабашное перо котораго никогда не останавливалось ни передъ чѣмъ, раздѣлилъ съ Гюисмансомъ печальную славу этой смѣлости...

Трудно представить себѣ нравственную и умственную фізіономію человѣка культурнаго, артиста, трепетавшаго всѣми фибрами души передъ красотой вѣками накопленныхъ сокровищъ искусства, который можетъ договориться до такой холодной, размѣренной, иронизирующей и безсильной злости. Чтобы такъ думать и въ такой формѣ высказывать свои мысли, надобно потерять душу въ изсушающемъ псевдо-мистицизмѣ, въ извращающей духъ холодной оргіи садизма, вдали отъ жизни, отъ брата-человѣка.

Но Гюисмансъ потерялъ не только душу, но и талантъ писателя. Несмотря на все вышеизложенное, въ «*Sainte Lydwine*» еще встрѣчаются широко и красиво написанныя страницы, отдѣльныя фразы, тщательно отдѣланныя, точно изъ рѣзного металла, просвѣтами мелькають картины стараго города, есть хорошо придуманныя психическія состоянія святости, сопровождаемыя сомнѣніями. Все это потоплено въ ворохѣ ненужнаго балласта теологіи и натуралистическаго арсенала фантастическихъ болѣваней, но писатель еще дышитъ. Когда же мы обратимся къ послѣднему его роману, вышедшему въ настоящемъ году, «*L'Oblat*», мы встрѣтимся съ послѣдней степенью разложенія таланта. Въ немъ разсказана исторія жизни Дюртала въ качествѣ облата около монастыря бенедиктинцевъ. Здѣсь Дюрталь изъ мрачнаго пессимиста-эстета дезъ-Ессента, изъ страстно ищущаго истины сатаниста «*La-Bas*», изъ пылкаго мистика «*En Route*» превращается въ умиротвореннаго Фоллантена католицизма. Только новый Фоллантенъ ищетъ теперь не ресторана съ хорошимъ бифштекомъ, а церковь съ хорошими пѣвчими и красивыми облаченіями, находятъ ее и живетъ мирно среди ханжей, рассуждая то о наиболѣе вкусныхъ блюдахъ, то о подробностяхъ символики, то о большемъ или меньшемъ благолѣпіи службъ въ другихъ церквахъ. Жизнь тянется розовенькая, плоская. Тѣ же мысли о среднихъ вѣкахъ, о негодности блага духовенства, о безвѣрїи и глупости народа, о пошлости свѣтскихъ католиковъ—все, что было много разъ сказано красиво въ предъидущихъ книгахъ, пересказывается въ длинныхъ, блѣдныхъ, вялыхъ разговорахъ. Когда католическая идиллія Дюртала нарушается изгнаніемъ бенедиктинцевъ на основаніи закона о конгрегаціяхъ, у Дюртала не хватаетъ даже энергіи и подъема злобы, чтобы потребовать вновь костра для масоновъ, протестантовъ и евреевъ. Онъ упрекаетъ Бога съ фамиллярностью, сбивающей съ толку людей, вѣрившихъ въ искренность его обращенія. «Можетъ быть это не хорошо, Господи, что я скажу Тебѣ,—говоритъ онъ, уѣзжая изъ деревни въ Парижъ,—но я начинаю нѣсколько остерегаться Тебя. Ты долженъ былъ привести меня въ вѣрную гавань. Я прибылъ—послѣ какой усталости!—наконецъ, сажусь, а стулъ ломается! Развѣ безчестность въ работѣ на землѣ отражается и на мастерскихъ того свѣта и небесныя столыры тоже дѣлають дешевые стулья, которые разваливаются какъ только сядешь на нихъ?»

Таковъ «прїемникъ», куда попалъ Гюисмансъ, когда окончательно отпалъ отъ своей жизни.

VIII.

Мистическое настроеніе общественное или личное не может бесконечно оставаться въ періодѣ исканія, оно требуетъ положительнаго исхода, и однимъ изъ исходовъ французскаго мистицизма конца вѣка было возвращеніе къ католицизму. Не одинъ Гюисмансъ перешель къ католицизмъ въ концѣ XIX ст. Списокъ видныхъ литераторовъ и художниковъ, а также вожаковъ оккультизма, такъ же поступившихъ, довольно великъ. Симпатіи къ католицизму и обращеніе къ нему шли рука объ руку съ растущей реакціей въ обществѣ.

Молодежь, испуганная силой реакціи во время дѣла Дрейфуса, увлеченная ролью Золя, почти забытаго, склонна была считать идеалистическую тенденцію въ искусствѣ виновницей этой реакціи, а измѣну здоровымъ традиціямъ реализма виновницей истощенія таланта. Литературная карьера Гюисманса какъ бы подтверждаетъ это воззрѣніе, но, по нашему мнѣнію, это только внѣшнее совпаденіе. Никакая эстетическая теорія не создаетъ писателя, она только направляетъ индивидуальныя особенности его таланта. Гюисмансъ утратилъ свое значеніе писателя не потому, что отдѣлился отъ натурализма, а потому, что это отдѣленіе шло въ разрѣзъ съ его артистическимъ темпераментомъ и поселила въ немъ разладъ. Онъ увлекся иными вѣяніями, зародившимися на его глазахъ въ искусствѣ. Въ его природѣ не было заложено идеализма. Когда для него исчезло обаяніе натурализма, онъ искалъ иныхъ формъ воспроизведенія, искалъ идеала въ чистомъ эстетизмѣ, въ спиритизмѣ, въ сатанизмѣ, искалъ расудочно.

Великое средневѣковое искусство и католическая символика открыли ему свои объятія, готовое чужое искусство, чужое творчество, и строгій, неподвижный идеаль католицизма наполнили его всецѣло, не оставивъ никакого простора его личному творчеству. Вотъ почему онъ не создалъ новаго жанра ни въ романтическихъ попыткахъ «En Rade», ни въ религіозномъ романѣ «St. Lydwine». Онъ всюду остался въ предѣлахъ натурализма, раскрасивъ его католической ортодоксіей.

Но не только обращеніе въ католицизмъ помѣшало ему ближе и самостоятельнѣе подойти къ идеализму въ искусствѣ, но также, и въ особенности, его безысходный пессимизмъ, со стремленіемъ искать идеала не въ будущемъ, а въ прошломъ. Въ мірѣ есть своя внѣшняя красота всего, что льститъ чувствамъ, какъ есть и внутренняя красота, непознаваемая, но предчувствуемая каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ по-своему. Каждому доступно только стремленіе

къ познаванію, а не полное познаніе, не достиженіе идеала. Идеаль не есть нѣчто разъ навсегда застывшее, неизмѣнное, онъ растетъ и развивается съ ростомъ человѣчества, не въ видѣ усовершенствованія одной идеи, а въ видѣ все новыхъ запросовъ, которые человекъ обращаетъ къ непроницаемому сфинксу запредѣльнаго міра. Воспринимая впечатлѣнія природы, переживая жизнь съ людьми, проникаясь новыми идеями, откликаясь душой на человѣческое чувство, художникъ - идеалистъ создаетъ образъ, и его творчество плодотворно, а не мертво. Недовольство жизнью, неудовлетворенность настоящимъ и восторгъ передъ великимъ прошлымъ не должны вызывать въ художникѣ мысль, что все остановилось съ тѣхъ поръ, что все прекрасное пропало, что онъ долженъ жить живымъ мертвецомъ среди фантазма навсегда исчезнувшей жизни прошлаго. Художникъ можетъ творить только при увѣренности, что вѣчно-прекрасное всегда живетъ, всегда разлито вокругъ, что призваніе творца-человѣка—найти новое выраженіе этой красоты, закрѣпить образомъ новое проникновеніе въ вѣчное, среди обманчиваго и измѣняющагося міра явленій. Только взаимодействіе жизни, общечеловѣческой мысли и индивидуальнаго духа художника можетъ дать живое искусство.

Гюисмансъ по особенностямъ своей природы естественно отдался натуралистическому искусству, при склонности къ исключительности утратилъ въ приѣмахъ натурализма разъ навсегда способность понимать душу вещей. Артистическое переутонченіе и вліяніе окружающей среды не позволили ему удовлетвориться вполне бездушной красотой видимости. Въ поискахъ за идеаломъ онъ увлекся идеалистическимъ искусствомъ среднихъ вѣковъ, выражавшимъ въ дивной красотѣ свой идеаль, свои предчувствія. Не создавъ въ душѣ ничего своего, отвернувшись отъ жизни и отъ людей, онъ примкнулъ въ среднихъ вѣкахъ къ худшему—къ мраку, къ жестокости и договорился до инквизиціи. Онъ не разобрался ни въ жизни, ни въ себѣ. У него не хватило подъема вѣры, чтобы погрузиться въ созерцательную жизнь монастыря, онъ остался въ повседневной дѣйствительности, членомъ академіи братьевъ Гонкуровъ, а какъ писатель впалъ въ настоящее декадентство—сдѣлался писателемъ безъ самостоятельной мысли и даже не скрывающимъ отсутствія идей подъ прежней красотой языка.

А. Баулеръ.

Хроника науки, искусства и литературы.

Метеорологическія условія наводненія въ С.-Петербургѣ 12 (25) ноября 1903 г. При извѣстныхъ метеорологическихъ условіяхъ вода въ Финскомъ заливѣ и въ особенности въ устьѣ рѣки Невы поднимается до степени наводненія въ Кронштадтѣ, С.-Петербургѣ и въ окрестностяхъ. Такъ и случилось 12-го ноября 1903 года, когда уровень Невы въ С.-Петербургѣ поднялся до крайне рѣдкой высоты, до 108 дюймовъ выше средняго уровня, и только одинъ разъ наблюдали еще большую высоту воды въ С.-Петербургѣ, а именно въ 1824 г. когда вода поднялась до 13 футовъ выше ординара. Понятно, что наводненіе прошлаго года было сильнѣе и страшнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія, за исключеніемъ наводненія 1824 г. Бѣдствія, причиненныя въ С.-Петербургѣ и въ окрестности послѣднимъ наводненіемъ, превосходили по своимъ размѣрамъ всякое описаніе. На многихъ улицахъ, въ особенности въ западныхъ частяхъ города, какъ напр., въ Коломенской части, въ Галерной Гавани и др., глубина воды дошла до аршина и болѣе, и улицы превратились въ каналы. Нижніе этажи, подвальные и полуподвальные, были залиты водою. Перечислять несчастія отъ этого наводненія и всѣ ужасы, какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ, нѣтъ надобности, такъ какъ они извѣстны изъ ежедневной прессы. Мы разсмотримъ только метеорологическія условія, отъ которыхъ зависятъ наводненія въ устьѣ Невы вообще и въ данномъ случаѣ въ частности.

По наблюденіямъ надъ высотой уровня воды въ Финскомъ заливѣ 11-го и 12-го ноября 1903 г. повышеніе воды въ Ревелѣ началось наканунѣ дня наводненія, 11-го ноября съ 6 часовъ вечера. До этого срока вода уже третій день стояла приблизительно на 2 фута выше многолѣтняго средняго уровня, но съ 6 часовъ вода стала прибывать и къ 1 ч. ночи уровень воды стоялъ на 3 фута 2 дюйма выше ординара. На этой высотѣ вода держалась до 9 час. утра 12-го ноября, послѣ чего стала спадать. Изъ этого видно, что въ Финскомъ заливѣ около Ревеля, во время наводненія въ устьѣ Невы, вода поднялась только на 1 футъ.

Въ Устьѣ-Наровы наблюдались большія колебанія: еще въ 10 час. вечера 11-го ноября тамошний футштокъ показывалъ 2 фута 4 дюйма, а въ утренній срокъ 11-го ноября—4 фута 6 дюймовъ, и на этомъ уровнѣ вода держалась до 12 часовъ дня, послѣ чего начала падать. Ночью и утромъ вода держалась на 2 фута выше, чѣмъ въ предшествующіе дни.

Дальше на востокъ высота еще больше увеличивалась, чтб и по-

нятно, такъ какъ бассейнъ по этому направленію суживается, а съ востока Нева приносить все новыя и новыя массы воды. Въ Кронштадтѣ наканунѣ вечеромъ въ 10 час. футштокъ показывалъ на 2 фута 5 дюймовъ выше средняго уровня, какъ и въ Устьѣ-Наровы и Ревелѣ до подъема воды. Ночью вода въ Кронштадтѣ поднялась уже на 3 фута 9 дюймовъ, а утромъ 12-го ноября отъ 8 до 9 ч. даже на 7 футовъ 4 дюйма выше ординара. Въ С.-Петербургѣ подъемъ воды начался только въ 12 час. ночи, когда въ Ревелѣ уже стоялъ максимумъ высоты воды. Въ 12 час. ночи лимниграфъ въ Петербургѣ показывалъ 3 фута выше ординара, затѣмъ постепенно показанія увеличивались и достигли своего максимума въ 9 час. утра.

Итакъ, мы видимъ, во-первыхъ, что вода подымалась съ 11-го ноября до максимальной высоты меньше всего въ западной части Финскаго залива и больше всего въ восточной, въ устьѣ Невы; максимумъ стоялъ выше уровня предшествующихъ дней

на 1 футъ въ Ревелѣ,
” 2 ” ” Устьѣ-Наровы
” 5 ” ” Кронштадтѣ
” 6 ” ” С.-Петербургѣ.

Это обстоятельство обуславливается очертаніемъ береговъ Финскаго залива, которые въ востоку суживаются, и поэтому при перемѣщеніи массъ воды отъ запада на востокъ высота волны должна увеличиваться.

Во-вторыхъ, мы видимъ, что максимумъ уровня воды на западѣ наблюдался раньше, чѣмъ въ восточной части залива, а именно: въ Ревелѣ въ 1 час. ночи, въ Кронштадтѣ въ 8 час. 15 мин. и въ С.-Петербургѣ въ 9 час. 15 мин. Очевидно, огромная волна, постепенно увеличиваясь, передвигалась на востокъ съ большою скоростью, около 38 километровъ въ часъ.

Въ-третьихъ, замѣчательно то, что вода вездѣ начала падать почти одновременно; въ С.-Петербургѣ паденіе началось въ 9 час. 5 мин. и почти въ то же время, въ 9 час., въ Ревелѣ и въ Кронштадтѣ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенною волною, а съ перемѣщеніемъ огромныхъ массъ воды, которая постепенно шла на востокъ, держалась вблизи устья Невы до нѣкотораго максимума и затѣмъ какъ бы сразу потеряли поддерживающую силу и перемѣщались назадъ на западъ.

Подробныя изслѣдованія уровня воды въ Финскомъ заливѣ показывали, что не всякое повышеніе воды въ западной части перемѣщается на востокъ и обуславливаетъ наводненіе въ устьѣ Невы. Бывали случаи, когда значительные подъемы воды въ западной части, гораздо выше уровня 12-го ноября, въ восточной части, около Кронштадта и С.-Петербурга, вызывали лишь сравнительно малые подъемы. Высота воды въ восточной части зависитъ отъ типичныхъ метеорологическихъ условій и если они отсутствуютъ, тогда и наводненія не будетъ. Спрашивается, какія это типичныя условія и почему они особенно опасны для устья Невы. Такія типичныя условія наблюдались въ этотъ разъ и потому достаточно познакомиться съ метеорологическими подробностями наводненія 12-го ноября 1903 г., чтобы узнать, какое сочетаніе метеорологическихъ факторовъ представляетъ наибольшую опасность.

Прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть фактъ, что уровень воды по наблюдениямъ въ Ревелѣ, Устьѣ-Наровы, Кронштадтѣ и Петербургѣ еще до значительнаго подъема уже стоялъ на 2 фута выше ординара и поэтому опасность новодненія была налицо въ случаѣ болѣе сильнаго западнаго вѣтра.

10-го ноября вечеромъ, какъ видно изъ карты № 1 ¹⁾, на берегахъ Норвегіи появились первые признаки новой опасности. Въ Оксѣ и Скудеснѣ послѣ прохождения барометрическаго минимума, при новомъ паденіи барометра и дождѣ, сила вѣтра увеличивалась до степени „очень крѣпкаго вѣтра“ или до 8 балловъ по Бофортовой шкалѣ, т.-е. отъ 20 до 23 метровъ въ секунду. Надо сказать, что 6 единицъ по Бофортовой шкалѣ или скорость вѣтра отъ 14 до 16 метровъ въ секунду считается бурей, хотя по шкалѣ вѣтровъ имѣется лишь „сильный вѣтеръ“. Направленіе вѣтра было юго-западное, что также указывало на приближеніе новаго циклона и не соответствовало положенію удаляющагося циклона въ сѣверной Финляндіи. Въ Швеціи и Финляндіи стояла ясная погода, какъ это должно быть при данномъ положеніи изобарическихъ системъ. Паденіе барометра, дождь и юго-западная буря наблюдались и въ Даніи, и даже въ Гамбургѣ, несмотря на то, что недалеко, въ Швейцаріи и Франціи, находился центръ антициклона.

Синоптическая карта № 2, составленная за утренній срокъ 11-го ноября, показываетъ, что не даромъ появились означенные признаки новаго циклона.

Между Стокгольмомъ и Карльштадтомъ находится центръ новаго циклона съ давленіемъ воздуха около 735 миллиметровъ. Для этого времени года, для Швеціи и для циклоновъ даннаго типа глубина почти нормальная. Въ южной части Балтійскаго моря, начиная съ береговъ Даніи и Германіи, циклонъ сопровождался бурей юго-западнаго направленія, а дальше на сѣверъ юго-западною и южною бурей, достигающей мѣстами 8 единицъ Бофортовой шкалы. Такія направленія вѣтровъ благоприятствовали перемѣщенію огромныхъ массъ воды изъ южныхъ частей Балтійскаго моря въ сѣверныя, то-есть въ Ботнической и Финскій заливы. Ночью 10-го—11-го ноября циклонъ шелъ со скоростью не менѣе 50 километровъ въ часъ, т.-е. больше нормальной скорости по этому пути, которая равна 33 килом. въ часъ. Направленіе пути этого циклона было совершенно нормальное, по „второму“ пути Кеплена и Беббера. По этой главной дорогѣ циклонъ шелъ до Бѣлаго моря со среднею скоростью 36 километровъ въ часъ до меридіана Петербурга, а дальше до Бѣлаго моря со скоростью 32 килом. въ часъ. Скорость циклона 11-го и 12-го ноября была близка къ нормальной.

Глубина этого циклона вначалѣ нѣсколько увеличивалась и наблюдалась 733 мм. 11-го ноября въ Мариенгамнѣ, 728,5 мм. вечеромъ въ Таммерфорсѣ, во время наводненія 728,4 мм. утромъ 12-го ноября

¹⁾ На синоптическихъ картахъ направленіе вѣтра указывается стрѣлками, а сила вѣтра по Бофортовой шкалѣ—числомъ маленькихъ черточекъ при концѣ стрѣлки. Дождь обозначается двумя точками, снѣгъ—звѣздочкою. Кружки показываютъ станицы и затушевываются по количеству облаковъ. Сплошныя линіи соединяють мѣста съ равными приведенными къ уровню моря барометрическими давленіями.

На картѣ № 3 двойная линія показываетъ путь циклона.

въ Сердоболѣ, но затѣмъ на дальнѣйшемъ пути опять уменьшалась, и барометръ ниже 731 мм. не показывалъ.

Наводненіе зависитъ прежде всего отъ направленія и силы вѣтровъ. Мы уже видѣли, что 11-го ноября утромъ вѣтры должны были повышать уровень воды въ сѣверной части Балтійскаго моря; во время дальнѣйшаго передвиженія циклона по указанному пути, буря приняла юго-западное, а затѣмъ западное направленіе на Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ, а въ Ботническомъ заливѣ даже сѣверо-западное, какъ видно изъ карты № 3. Такое направленіе бури вызываетъ наибольшее повышеніе уровня воды въ Финскомъ заливѣ, и когда циклонъ прошелъ черезъ южную часть Финляндіи, направленіе вѣтра на Финскомъ заливѣ осталось западное, т.-е. самое опасное для Петербурга. Волна высокой воды шла на востокъ со скоростью 38 километровъ въ часъ, а циклонъ имѣлъ скорость поступательнаго движенія, равную 27 килом. въ часъ. Большая скорость воды объясняется большою скоростью вѣтра на Финскомъ заливѣ, гдѣ наблюдали въ Гангѣ, Гельсингфорсѣ и Ревелѣ въ среднемъ 8 единицъ по Бофортовой шкалѣ или 72 километра въ часъ. Благодаря бурѣ западнаго направленія до западнаго конца Финскаго залива, вода во всемъ заливѣ держалась на высокомъ уровнѣ, но по мѣрѣ удаленія циклона отъ Петербурга по направленію къ Бѣлому морю, барометрическіе градіенты ослабѣли, буря стихла и поэтому вода спала, такъ какъ слабыя вѣтры не могли держать воду на высокомъ уровнѣ, несмотря на то, что западное направленіе сохранилось до полуденнаго срока наблюденій 12-го ноября. Сила вѣтра въ означенный срокъ оказалась 1 единица въ Гангѣ, 2 въ Ревелѣ и 4 въ Гельсингфорсѣ. Въ С.-Петербургѣ въ 1 ч. дня сила вѣтра равнялась 5 балламъ Бофорта, какъ и утромъ, но уровень воды въ 1 час. полд. стоялъ только на 23 дюйма выше ординара. Это доказываетъ, что буря, если она только около Петербурга, не можетъ вызывать наводненія, а для этого требуется, какъ и было въ данномъ случаѣ, предшествующій высокій уровень воды во всемъ Финскомъ заливѣ и сильная буря западнаго направленія, также по всему Финскому заливу. Но эти условія, съ своей стороны, зависятъ отъ числа циклоновъ, ихъ глубинъ, скорости наступательнаго движенія и направленія пути. Такимъ образомъ, все зависитъ отъ метеорологическихъ условій циклоновъ. **Э. Е. Лейстъ.**

Астрономическія извѣстія. *Періодическія кометы, ожидаемыя въ 1904 году.* 21-го января н. ст. прошла черезъ свой перигелій извѣстная комета Виннеке, движеніе которой очень тщательно изслѣдовано проф. Оппольперомъ и его талантливымъ ученикомъ Гертлемъ. Въ настоящее время теоріей ея занятъ Гиллебрантъ. Комета была впервые найдена въ 1819 году. Энке показалъ, что она движется по эллипсу съ короткимъ временемъ обращенія, но такъ какъ комета въ послѣдующія свои возвращенія къ солнцу не наблюдалась, то это открытіе особеннаго значенія не имѣло. Только послѣ 7 оборотовъ комета была найдена вновь Виннеке. Съ тѣхъ поръ она наблюдалась въ 1869, 1875, 1886, 1892 и 1898 гг. Въ 1863 и 1881 годахъ положенія кометы на небѣ были очень неблагоприятны для наблюденій. Неблагопріятны условія и для настоящаго приближенія къ солнцу. Каковы они будутъ для слѣдующаго, сказать еще

нельзя, потому что въ своемъ новомъ оборотѣ комета должна встрѣтиться на довольно близкомъ разстояніи съ Юпитеромъ, который нѣсколько измѣнитъ ея орбиту своимъ притяженіемъ. По приближенному расчету слѣдующее прохожденіе черезъ перигелій будетъ имѣть мѣсто въ концѣ октября 1909 года.

Слѣдующей по времени приближенія къ солнцу оказывается комета д'Арре, открытая въ 1851 году и наблюдавшаяся въ 1857, 1870, 1877, 1890 и 1897 годахъ. Она проходитъ черезъ перигелій, черезъ двѣ недѣли послѣ кометы Виннеке. Но и для нея условія наблюденія въ настоящемъ случаѣ оказываются неблагоприятными. Гораздо лучше они будутъ при слѣдующемъ возвращеніи къ солнцу въ 1910 году. Есть подозрѣніе, что комета съ теченіемъ времени дѣлается слабѣе. Оно возникло по сравненію яркости кометы при аналогичныхъ появленіяхъ въ 1870 и 1890 годахъ. Наблюденія 1910 года должны имѣть въ этомъ отношеніи большое значеніе.

Только черезъ 8 мѣсяцевъ подходитъ къ своему перигелію третья комета—такъ называемая вторая комета Темпеля, которая извѣстна намъ по четыремъ возвращеніямъ: въ 1873, 1878, 1894 и 1899 годахъ. Последнее появленіе было наиболѣе выгодно для наблюденія, такъ какъ при своемъ приближеніи къ солнцу комета находилась не далеко и отъ земли. Долгое время она шла почти параллельно съ землей. Но и во время максимума своей яркости она равнялась лишь звѣздѣ 9-ой величины, при чемъ въ ней можно было различить ядро діаметромъ $\frac{1}{4}$ секунды 10—11 величины. По вычисленію комета уже въ апрѣлѣ 1899 г. должна была быть такъ же ярка, какъ во время своего открытія въ 1894 году, но поиски ея въ то время оказались напрасными. Она была найдена позднѣе, когда ея „теоретическая“ яркость увеличилась вдвое. Предположенія, что комета сдѣлалась слабѣе, тѣмъ не менѣе сдѣлано не было. Исслѣдователь ея движенія Шульгофъ замѣтилъ, что для большинства періодическихъ кометъ вообще можетъ считаться правиломъ, что яркость ихъ послѣ перигелія больше, чѣмъ при симметричномъ положеніи до перигелія. Въ 1894 году комета Темпеля была найдена спустя 15 дней послѣ прохожденія черезъ перигелій, а въ 1899 г., наоборотъ, за 83 дня до наибольшаго приближенія къ солнцу. Осенью 1904 г. комета будетъ находиться довольно далеко отъ земли, и едва ли ея яркость будетъ болѣе 12-ой величины. Но положеніе на небѣ оказывается благоприятно для наблюденій. Особенностью орбиты кометы является очень малое время обращенія—5, 2 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ второе мѣсто—первое занято кометой Энке, для которой время обращенія всего 3,3 года. Орбита кометы Темпеля лежитъ всецѣло внутри орбиты Юпитера. Хотя разстояніе кометы отъ планеты не можетъ быть менѣе 100 милліоновъ километровъ, тѣмъ не менѣе вслѣдствіе того, что Юпитеръ можетъ долгое время идти параллельно съ кометой и возмущать ея движенія своимъ притяженіемъ, возможны значительныя измѣненія въ орбитѣ кометы. Мы должны ждать этого въ 1907 году.—Въ самомъ концѣ года можетъ наблюдаться комета Энке, которая, впрочемъ, проходитъ черезъ свой перигелій только 4 января 1905 года (н. ст.). До сихъ поръ эта комета наблюдалась 29 разъ: въ 1786, 1795, 1805, 1819, 1822, 1825, 1829, 1832, 1835, 1838, 1842, 1845, 1848, 1852, 1855, 1858, 1862, 1865, 1868, 1871, 1875,

1878, 1881, 1885, 1888, 1891, 1895, 1898 и 1901 годах. Предстоящее возвращение подобно возвращению 1829 года (прохождение через перигелий 9-го января) и возвращению 1871 года (перигелия—28 декабря). В первомъ случаѣ В. Струве нашелъ комнату въ 9-дюймовый дерптскій рефракторъ еще 16-го сентября 1828 года, правда, какъ очень слабую туманность. Въ 1871 году Виннеке открылъ комету 5-тидюймовой трубой 19 сентября, но день спустя уже не могъ найти вновь; 2 и 3-го октября, несмотря на благоприятныя обстоятельства ея не могъ найти Шмидтъ въ Аинахъ, но 4-го октября увидѣлъ ее безъ всякаго труда,—она представляла собой довольно большую, но блѣдную туманность. Послѣ этого комета наблюдалась непрерывно; она постепенно увеличивалась въ яркости, а въ концѣ ноября и въ началѣ декабря была даже доступна невооруженному глазу. Также и въ 1828 году 30 ноября и 7 декабря В. Струве видѣлъ комету невооруженнымъ глазомъ. Въ серединѣ декабря комета терялась на свѣтломъ фонѣ западной части неба.

Сообразно съ этимъ и въ началѣ декабря 1904 года комета Энке можетъ быть довольно яркой. Но надо замѣтить, что въ 1795 г., когда прохождение через перигелий имѣло мѣсто 21 декабря, такъ что можно было ждать еще большей яркости, чѣмъ въ 1828 и 1871 г., наблюдатели описываютъ комету, какъ слабую. Впрочемъ, есть предположенія, что эта видимая слабость кометы обуславливалась сильными увеличеніями, которыя употреблялись при наблюденіяхъ, потому что еще 22 ноября Боде видѣлъ комету въ двухдюймовый искатель даже при свѣтѣ полной луны. Въ 1838 году, когда прохождение через перигелий произошло 19 декабря, видимый путь кометы былъ почти такой же, какъ въ 1795 г., и при этомъ комета въ ноябрѣ была вполне доступна острому глазу. Комета Энке имѣетъ большое историческое значеніе. Вслѣдствіе прогрессивнаго уменьшенія времени обращенія, Энке высказалъ предположеніе, что комета при своемъ движеніи встрѣчаетъ сопротивленіе нѣкоторой среды, плотность которой увеличивается по мѣрѣ приближенія къ солнцу. Разслѣдованіемъ вопроса о сопротивляющейся средѣ по движенію кометы Энке занимался послѣ Энке пулковскій астрономъ Астенъ, но его результаты дали поводъ сомнѣваться въ реальности сопротивляющейся среды. Поэтому теперешній директоръ Пулковской обсерваторіи О. Баклундъ, предпринялъ новое особенно тщательное вычисленіе движенія кометы на основаніи всѣхъ наблюденій, начиная съ 1819 года. Для объясненія неправильностей движенія кометы Энке Баклундъ вводитъ предположеніе, что комета при своемъ обращеніи вокругъ солнца по временамъ встрѣчаетъ рой метеоровъ, орбита котораго пересѣкаетъ кометную орбиту въ нѣкоторой точкѣ. Кромѣ этого указанія на возможное существованіе въ солнечной системѣ невидимой нами массы, изслѣдованіе движенія кометы Энке даетъ намъ средство и, правда, почти единственное болѣе или менѣе удовлетворительное, для опредѣленія массы Меркурія. По Баклунду, она въ 9.700.000 разъ меньше массы солнца, приблизительно одна тридцатая массы земли.

Система беты Возничаго. Въ 1890 году директоръ Гарвардскаго колледжа въ Америкѣ, г. Пикеринъ, по періодическимъ смѣщеніямъ линий въ спектрѣ беты Возничаго заключилъ, что эта звѣзда двойная. Компоненты этой пары находятся на очень близкомъ разстояніи другъ

въ другу и обращаются одинъ около другого въ 3 дня 23 часа 36,7 минутъ. Теперь г. Тиховъ обработалъ большой матеріалъ, собранный въ Пулковѣ Бѣлопольскимъ—19 спектрограммъ въ 1902 году и 22 въ 1903 г. Вычисливши по смѣщеніямъ линий скорости, по лучу зрѣнія и строя по нимъ диаграмму, г. Тиховъ замѣтилъ, что измѣненіе скоростей не можетъ быть представлено плавной кривой—синусоидой, какъ это было бы, если бы въ системѣ находилось два тѣла; кривая, которая получается по спектрограммамъ Бѣлопольскаго, можетъ быть разсматриваема какъ сложная изъ двухъ: одной съ періодомъ въ 3 дня 23 часа 30,4 минутъ и другой съ періодомъ, въ 5 разъ меньшимъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшается предположить, что бета Возничаго представляетъ собой четырехкратную звѣзду—двѣ двойныя системы. Въ каждой парѣ обращеніе одной звѣзды вокругъ другой совершается въ 19,1 часовъ, каждая пара обращается около другой въ 3 дня 23 часа 30,4 минутъ.

Отдѣленіе обсерваторіи Лика открыто въ началѣ октября 1903 г. въ Чили близъ Сантъ-Іаго на горѣ, высоту 838 метр. Задача новой обсерваторіи—главнымъ образомъ фотографированіе звѣздныхъ спектровъ для изслѣдованія движеній по лучу зрѣнія. Тотъ матеріалъ, который будетъ собранъ, послужитъ для выясненія вопроса о движеніи солнечной системы въ пространствѣ. Въ этомъ направленіи уже сдѣлано двѣ попытки по наблюденіямъ сѣверныхъ звѣздъ: одна—Фогелемъ въ Потсдамѣ въ видѣ пробы по спектрограммамъ 50 болѣе яркихъ звѣздъ, другая—Кэмбелемъ на обсерваторіи Лика по наблюденіямъ 200 звѣздъ. Большой матеріалъ собираетъ также г. Бѣлопольскій въ Пулковѣ.

Конечно, на новой обсерваторіи въ Чили могутъ быть организованы и другія работы и, вѣроятно, она подаритъ намъ не мало интересныхъ результатовъ.

Покрытія. 18-го февраля н. ст. луна проходитъ мимо Марса и Юпитера. 24-го числа для многихъ мѣстъ земной поверхности будетъ доступно наблюденіе покрытія луной яркой звѣзды первой величины—Альдебарана (альфы Тельца).

Соединеніе Марса съ Юпитеромъ произойдетъ 25-го февраля н. стила. Марсъ будетъ стоять на 30 минутъ (приблизительно діаметръ луны) сѣвернѣе Юпитера.

Н. Покровскій.

Изъ области антропологій: филогенетическое развитіе человѣка; первичная родина человѣка; человѣкъ третичнаго періода; доисторическіе карлики Швейцаріи. На состоявшемся въ Касселѣ 23 сентября 1903 г. 75 съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей проф. Schwalbe изъ Страсбурга сдѣлалъ сообщеніе на тему о филогенетическомъ развитіи человѣка. Сущность этого сообщенія слѣдующая. Всѣ нынѣ существующія человѣческія расы составляютъ по Линнею одинъ единственный зоологическій видъ *Homo sapiens*. Къ этому же виду принадлежалъ также жившій въ началѣ четвертичнаго періода „неолитическій“ человѣкъ, ископаемые остатки котораго были найдены во многихъ мѣстахъ стараго и новаго свѣта. Четвертичному періоду предшествовалъ ледниковый, во время котораго человѣкъ былъ уже однимъ изъ обитателей земли въ мѣстахъ свободныхъ отъ льда. Этотъ дилювіальный, „палеолитическій“ человѣкъ стоялъ на болѣе низкой ступени культурнаго развитія. Относимыя сюда части скелета принадлежатъ двумъ раз-

личнымъ формамъ рода *Homo*. Одна форма принадлежитъ еще виду *Homo sapiens*, другая же, остатки которой были находимы въ болѣе древнихъ дилювиальныхъ слояхъ, стоитъ по устройству черепа значительно ниже. Для этой болѣе древней формы человѣка былъ установленъ видъ *Homo primigenius*. Сюда принадлежитъ прежде всего найденный въ 1856 г. въ долину рѣки Неандеръ, подъ Дюссельдорфомъ, черепъ. Находка эта не стоитъ особнякомъ: въ Бельгiи, во Франціи и въ Австріи были также найдены черепа, сходные во всѣхъ существенныхъ чертахъ съ неандерскимъ черепомъ. Вместе съ черепами были находимы другія части скелета, пополнившія наше знаніе о неандерской расѣ людей. Неандерскій человѣкъ стоялъ, по всѣмъ даннымъ антропологии, весьма близко къ *Homo sapiens* и не много уступалъ ростомъ современному человѣку средняго роста. Черепъ его, несмотря на все свое сходство съ черепомъ современнаго человѣка, имѣлъ значительно меньшую емкость (1.230 куб. сант., между тѣмъ какъ емкость черепа современнаго человѣка имѣетъ въ среднемъ 1.550 куб. сант.). Ископаемые остатки *Homo primigenius* были находимы исключительно въ средней Европѣ между южнымъ предѣломъ великаго оледенѣнія и сѣвернымъ краемъ Альпъ и Пиренеевъ. Всѣ находки человѣческихъ остатковъ, сдѣланныя въ Америкѣ, принадлежатъ болѣе позднему времени. Переходя затѣмъ къ болѣе древнимъ геологическимъ періодамъ, мы имѣемъ найденные Dubois (1890 — 1891 г.) въ верхнетретичныхъ пластахъ острова Явы остатки человѣкоподобнаго существа, названнаго имъ *Pithecanthropus erectus*. Существо это превышало ростомъ самыхъ крупныхъ антропоморфныхъ обезьянъ и ходило, подобно человѣку, на двухъ ногахъ. Строеніемъ черепа и мозга (отпечатки мозговыхъ извилинъ) оно занимало промежуточное между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами мѣсто. Емкость черепа (850 куб. сант.) далеко не достигала емкости черепа самыхъ низкорослыхъ человѣческихъ расъ (930 куб. сант.).

Такимъ образомъ открытіе *Pithecanthropus'a erectus'a* сдѣлало родство человѣка съ высшими обезьянами вполне очевиднымъ. Весь вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какого рода это родство? Нужно ли представлять себѣ его въ видѣ прямой генетической связи, и въ такомъ случаѣ съ какой группой нынѣ живущихъ обезьянъ связываетъ человѣка *Pithecanthropus erectus*? Или, быть можетъ, связь человѣка съ обезьянами родомъ болѣе отдаленная? Быть можетъ, общая для человѣка и обезьянъ прародительская форма принадлежала еще древнимъ лемуридамъ, какъ это предполагаетъ американскій палеонтологъ Соре? Клаатш идетъ въ этомъ направленіи еще дальше и склоненъ искать общаго предка человѣка и обезьянъ среди млекопитающихъ древняго эоцена.

Schwalbe однако полагаетъ, что непосредственная связь человѣка съ высшими обезьянами не можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе что связь эта доказана не одними лишь анатомическими данными. Эмбриологическія изслѣдованія Selensa доказали полную аналогію первоначальныхъ стадій развитія человѣка и высшихъ обезьянъ. Кровное родство доказано также физиологическими опытами Friedenthal'a, который доказалъ полную нерастворимость кровяныхъ шариковъ антропоморфныхъ обезьянъ (орангъ-утангъ) въ кровяной сывороткѣ человѣка, между тѣмъ

какъ кровяные шарики низшихъ обезьянъ (*Lemur varians*) растворяются въ ней вполне.

Рядъ Primates появляется въ исторіи земли въ началѣ эоцена; въ серединѣ міоцена появляются одновременно происшедшіе отъ общаго ствола киноморфныя и антропоморфныя обезьяны.

Американскія широконосые обезьяны вступили еще раньше на путь самостоятельнаго развитія и являются боковою вѣтвью общаго ствола, лемуридъ. Предковъ человѣка нужно, стало быть, искать среди вымершихъ обезьянъ, стоявшихъ ближе всего къ нынѣ живущимъ антропоморфнымъ обезьянамъ. Такой формой является *Dryopithecus Fontani*. Существовавшій тутъ однако пробѣлъ не позволяетъ видѣть въ этой формѣ прямого предка человѣка и заставляетъ смотрѣть на нее какъ на боковую вѣтвь общаго ствола. За послѣднее время стали накапливаться факты, говорящіе въ пользу существованія человѣка въ пліоценовую, а быть можетъ, даже въ концѣ міоценовой эпохи. Если это такъ, то человѣкъ былъ бы современникомъ *Pithecanthropus'a egestus'a*. Это кажущееся противорѣчіе можно устранить, если представить себѣ изложенную выше генетическую связь не въ видѣ прямой линіи, а въ видѣ дивергирующихъ отъ общаго ствола вѣтвей. Аналогичная связь существовала также вѣроятно между *Homo sapiens* и *Homo primigenius*; тутъ однако возможно допустить также непосредственный трансформизмъ: по крайней мѣрѣ произведенныя Walkhoff'омъ посредствомъ аппарата Röntgen'a изслѣдованія нижней челюсти обнаружили въ строеніи костной ткани постепенный переходъ отъ одного вида въ другой.

На этомъ же самомъ сѣздѣ д-ръ Wilsner изложилъ свой довольно фантастическій взглядъ на первичную родину человѣка. По мнѣнію докладчика, первичную родину человѣка нужно искать не тамъ, гдѣ нынѣ живутъ антропоморфныя обезьяны, т.-е. въ Африкѣ и Азій между тропиками, а тамъ, гдѣ онѣ находятся въ ископаемомъ состояніи, вмѣстѣ съ остатками доисторическаго человѣка. Послѣднее имѣетъ мѣсто исключительно въ средней Европѣ, гдѣ число такихъ находокъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Какъ лучи вѣера, сходятся въ Европѣ направленія простиранія человѣческихъ расъ и антропоморфныхъ обезьянъ. Центръ распространенія и тѣхъ и другихъ долженъ находится тамъ, гдѣ эти направленія пересѣкаются, что должно имѣть мѣсто далеко на сѣверѣ, въ области недоступной нашимъ изслѣдованіямъ, покрытой моремъ или вѣчными льдами, въ такъ называемой Арктогеѣ (*Arktogea*). Тамъ также находится центръ распространенія крупныхъ млекопитающихъ, распространившихся вмѣстѣ съ человѣкомъ по земному шару. Въ сѣверномъ полярномъ морѣ зародилась первая жизнь, на берегахъ его возникли первые сухопутные организмы, теплокровныя животныя, и затѣмъ млекопитающія, распространившіяся оттуда по всему земному шару въ видѣ расходящихся во все страны волнъ. Постепенное охлажденіе земли повлекло за собой увеличеніе количества атмосферныхъ осадковъ и явилось такимъ образомъ общей причиною ледниковаго періода (?) и повышенія уровня моря. Наступавшіе льды вытѣснили человѣка изъ его первичнаго мѣстожителства. Ледниковая эпоха создала человѣка бѣлой расы ¹⁾.

¹⁾ „Naturwissenschaftliche Wochenschrift“.

Вопроса о существованіи человѣка уже въ третичную эпоху возмущенъ проф. Klaatsch на состоявшемся въ половинѣ августа нынѣшняго 1903 г. въ Вормсѣ 34 съѣздѣ германскихъ антропологовъ. Докладчикъ сообщилъ, что, по новѣйшимъ даннымъ археологій, палео-и неолитическія эпохи не исчерпываютъ всѣхъ стадій культурнаго развитія доисторическаго человѣка. Эпохамъ этимъ предшествовала такъ наз. эолитическая эпоха, во время которой человѣкъ пользовался естественными или мало обработанными камнями, такъ наз. эолитами, естественная форма которыхъ дѣлала ихъ пригодными для техническихъ цѣлей первобытнаго человѣка. На эолиты обратилъ вниманіе бельгійскій археологъ Rutat, но Klaatsch первый занялся систематическими изслѣдованіями въ этомъ направленіи. Благодаря его усиліямъ, эолиты были найдены во многихъ мѣстахъ Франціи, Бельгіи и южной Англии. Въ Германіи эолиты попадаются сравнительно рѣдко, но и здѣсь они были находимы въ окрестностяхъ Магдебурга и Веймара. На основаніи собраннаго матеріала проф. Klaatsch пришелъ къ заключенію, что указанная мѣста были населены первобытными человѣческими расами уже въ плиоценовую, а быть можетъ, даже въ миоценовую эпоху ¹⁾.

На томъ же съѣздѣ д-ръ Neusch изложилъ результаты изученія стоянокъ доисторическаго человѣка въ Кесслеръ-лохъ и Швейцербильдѣ въ Швейцаріи. Стоянки эти принадлежатъ времени отступанія послѣдняго оледенѣнія средней Европы. Найденные тамъ человѣческіе остатки приводятъ къ заключенію, что непосредственно послѣ отступанія ледника Швейцарія была населена весьма низкорослой расой людей, получившихъ названіе Homo nanus. Найденные въ Швейцербильдѣ остатки принадлежатъ особямъ, ростъ которыхъ немного превышаетъ 1,37 метр., между тѣмъ какъ населеніе Кесслеръ-лоха отличалось еще меньшимъ ростомъ (въ 1,20 метра). Такимъ образомъ эти доисторическіе карлики Швейцаріи ростомъ своимъ стояли значительно ниже самыхъ низкорослыхъ нынѣ живущихъ человѣческихъ расъ Африки (имѣющихъ 1,57 м.).

А. Миссуна.

Французское общество XIII ст.—Картина жизни прошлаго, люди и нравы, вся совокупность культуры даннаго общества являются не только необходимымъ элементомъ для полнаго пониманія исторіи эпохи, но представляютъ живой интересъ для всякаго образованнаго человѣка, какова бы ни была его специальность. Есть историческія эпохи, особенно сильно привлекающія любопытство, особенно близкія намъ, несмотря на свою отдаленность, потому что онѣ составляютъ какъ бы основной фондъ нашей собственной культуры и нашего воспитанія. Къ такимъ эпохамъ относятся, между прочимъ, средніе вѣка. Представленіе о рыцарствѣ вошло въ повседневный кругъ нашихъ понятій наравнѣ съ представленіями античнаго міра; мы думаемъ о рыцарскихъ временахъ какъ о чемъ-то близкомъ, пережитомъ, а между тѣмъ мало кто, кромѣ специалистовъ, можетъ похвастаться даже болѣе или менѣе приблизительными знаніями общества временъ крестовыхъ походовъ. Во Франціи интересъ къ жизни средневѣковыхъ людей за послѣднее время обнаружился съ

¹⁾ „Ognivo“, № 37.

особенной силой, и многие писатели искали в этом прошлом разрѣшенія весьма жгучихъ этическихъ и общественныхъ задачъ современности. Только что вышедшая книга Ch. V. Langlois, „La Société française au XIII siècle“ (Paris. 1904) въ значительной степени удовлетворяетъ любознательнаго читателя, которому захочется провѣрить свои знанія или представленія о жизни сливокъ общества феодальной Франціи.

Составляя очеркъ исторіи XIII ст. для „Исторіи Франціи“, выходящей подъ редакціей Лависса, Langlois имѣлъ въ виду прибавить главу о частной жизни людей XIII ст., но столкнулся при этомъ съ большими затрудненіями. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, дать ясную картину общества, даже современнаго, во всей ея полнотѣ и не внося въ эту картину субъективнаго элемента, составляетъ труднѣйшую задачу для писателя. Взявъ на себя такую задачу, всякій писатель, помимо личныхъ наблюденій, долженъ будетъ пользоваться обширнымъ матеріаломъ всевозможныхъ документовъ. Историкъ, который при такой работѣ оставить въ сторонѣ беллетристическую литературу (романы, комедіи и т. п.), сдѣлаетъ большое упущеніе, потому что современный романъ несомнѣнно отражаетъ въ себѣ и жизнь современнаго общества, и тѣ идеалы, которые это общество себѣ ставитъ. Но даже историку жизни нашего общества пришлось бы подвергнуть довольно строгой критической оцѣнкѣ современный литературный матеріалъ. При начертаніи жизни далекаго прошлаго трудности задачи увеличиваются отсутствіемъ личнаго переживанія времени и умственными привычками иной цивилизаціи, — но въ документальномъ матеріалѣ нѣтъ недостатка. Отъ среднихъ вѣковъ до насъ дошли и многочисленныя официальные документы, и обширная литература, которая представляетъ не меньшій интересъ съ точки зрѣнія исторіи культуры, чѣмъ наши современные романы, комедіи и проч. Въ своей „Histoire de la langue et de la littérature française“ Г. Парисъ высказалъ мнѣніе, что большая часть старой французской литературы, подобно современной, посвящена описанію того общества, для котораго она предназначалась. Слѣдовательно, литературные источники, и между прочимъ романы того времени, составляютъ чрезвычайно драгоцѣнный матеріалъ для историка-бытописателя, конечно, если источники эти подвергнуты не менѣе строгой критической оцѣнкѣ, чѣмъ современные намъ реалистическія произведенія, которыми пожелаютъ пользоваться съ аналогичными цѣлями. При постоянно накопляющихся научныхъ изслѣдованіяхъ средневѣковыхъ текстовъ такая оцѣнка становится все болѣе доступной.

Для изученія жизни средневѣковаго общества уже сравнительно давно пользуются литературными текстами эпохи, особенно нѣмецкіе ученые. Наиболѣе обычный способъ работы заключается въ методическомъ подборѣ встрѣчающихся тамъ данныхъ подъ опредѣленными рубриками; такимъ образомъ получаютъ отдѣльные сборники текстовъ, относящихся къ оружію, охотѣ, путешествіямъ, къ чувству природы въ средніе вѣка, къ семейнымъ чувствамъ, къ идеалу красоты и т. д. Эта „мозаика текстовъ“, по выраженію Langlois, разумѣется, не можетъ дать общей картины жизни, но полезна историку, устранивъ часть предварительной работы, и, кромѣ того, не можетъ быть источникомъ заблужденій, совершенно исключая элементъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ авторовъ. Эрудиты, составляющіе такіе сборники, ничего не прибавляютъ отъ себя,

даютъ просто голыя выборки, которыя всякій можетъ провѣрить по оригиналамъ. Гораздо болѣе скользкій путь представляютъ собою попытки синтетическаго воспроизведенія культурной жизни средневѣковья по литературнымъ источникамъ. Такіе очерки невольно окрапливаются личными взглядами, симпатіями и впечатлѣніями автора, и здѣсь читатель можетъ быть введенъ въ полное заблужденіе не только ошибочнымъ толкованіемъ часто наскоро собраннаго матеріала, но такъ же и тенденціозностью эссеиста. „Для знающихъ людей, — говоритъ Langlois, — нѣтъ ничего болѣе отталкивающаго, какъ нѣкоторыя тенденціозныя или романтическія, или слащавыя восхваленія общества среднихъ вѣковъ“. Единственная правильная синтетическая форма изложенія — это научныя общіе выводы, вытекающіе изъ сравненія всѣхъ текстовъ, ранѣе собранныхъ и тщательно классифицированныхъ. Образцовымъ трудомъ въ этомъ направленіи надо считать книгу Schultz'a „Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger“, а также книгу L. Gautier „La Chevalerie“.

Но Langlois не послѣдовалъ ни по одному изъ этихъ путей. Не имѣя возможности предпринять огромную работу характеристики французскаго общества XIII ст. по примѣру Schultz'a, что потребовало бы многолѣтняго и многотомнаго труда и ни въ какомъ случаѣ не могло бы войти въ „Histoire de France“, онъ рѣшился просто познакомить читателя съ нѣкоторыми беллетристическими произведеніями эпохи и дать ему такимъ образомъ непосредственное впечатлѣніе о людяхъ, нравахъ и бытѣ того времени. При выборѣ романовъ Langlois становился исключительно на историческую точку зрѣнія, оставляя въ сторонѣ этическія и эстетическія задачи, которыя увлекали многихъ авторовъ, воспроизводившихъ средневѣковые романы. Онъ выбралъ не самыя поэтическіе романы, а тѣ изъ нихъ, гдѣ ярче всего выразилась жизнь времени и которые по типу болѣе всего подходятъ къ современнымъ нравоописательнымъ романамъ.

Въ „Histoire du XIII-e siècle“, о которой мы упомянули, авторъ привелъ два романа и нѣсколько фаблю. „La Société française au XIII s.“ содержитъ въ себѣ пересказъ десяти романовъ, написанныхъ въ различныя эпохи, начиная съ конца XII ст. и до воцаренія дома Валуа, писателями разныхъ провинцій Франціи. Langlois излагаетъ каждый романъ, не выпуская по возможности ничего существеннаго, но отбрасывая безконечныя длинноты, въ которыя охотно впадали средневѣковые романисты и всевозможныя банальныя отступленія, къ которымъ склонны романисты всѣхъ временъ. Свой пересказъ авторъ оживляетъ характерными выраженіями, взятыми изъ текстовъ, и большими вставками стиховъ оригинала. Такъ какъ книга предназначена для большой читающей публики, а не для однихъ специалистовъ, — наиболѣе трудныя выраженія и слова текстовъ переведены въ примѣчаніяхъ. Каждому роману предпослана короткая замѣтка, гдѣ обозначены предположительное время его сочиненія, мѣсто нахожденія оригинальной рукописи и научныя работы, къ нему относящіяся.

Задача Langlois — дать читателю общее впечатлѣніе о жизни людей въ XIII ст. — достигается благодаря не столько талантливому, сколько любовному изложенію романовъ. Чувствуется, что авторъ знаетъ и любитъ описываемый средневѣковыми романистами міръ, по крайней мѣрѣ какъ

иностранецъ можетъ знать и любить чужую страну, съ которой сжился и которую долго наблюдалъ.

И средневѣковая жизнь встаетъ передъ читателемъ не-спеціалистомъ въ иномъ, непривычномъ для него видѣ. Типъ „рыцаря“, родъ пристража, закованнаго въ желѣзо, исполненнаго благородныхъ чувствъ, плающаго платонической любовью до гроба, исчезаетъ по прочтеніи книги Langlois. Въмѣсто романтической фантазмагоріи въ умѣ читателя вырастаетъ рядъ простыхъ людей и весьма многообразный типъ рыцаря,—иѣчто, отдаленно напоминающее русскаго помѣщика. Этотъ человекъ охотится, веселится, много кушаетъ, влюбляется, присматриваетъ въ свободное время отъ войнъ за хозяйствомъ, иногда гнетъ шею передъ властными, часто угнетаетъ низшихъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ полонъ здраваго смысла, умѣренно религіозенъ, но боится вліянія духовенства, презираетъ виллана, но смотритъ на него не безъ опаски. Храбрый на турнирѣ и на войнѣ, онъ часто въ трудныя минуты личной жизни обнаруживаетъ нравственную трусость и охотно предоставляетъ женщинамъ распутывать затрудненія. Рыцарь этотъ чрезвычайно изящно одѣвается и изящно обращается съ дамами въ обществѣ, на пирахъ послѣ турнира или свадьбы, но въ домашнемъ быту и грубъ, и не изященъ. Онъ часто обнаруживаетъ желаніе побить свою жену, и его отъ этого желанія удерживаетъ главнымъ образомъ очень знатное происхожденіе этой жены. Иногда послѣ ужина онъ отправляется въ дѣвичью и, ожидая вареныхъ фруктовъ, раздѣвается догола „roug se faire gratter“, кладетъ голову на колѣни одной изъ дѣвушекъ „*rag amitié*“ и коротаетъ вечеръ, разговаривая съ сокольниковымъ о дневныхъ событіяхъ. Знатныя дамы и дѣвицы рисуются средневѣковымъ романомъ тоже нѣсколько отлично отъ ходячихъ представленій о средневѣковой женщинѣ. Онѣ, какъ и сами рыцари, мало склонны къ платонизму въ любви; есть между ними нѣжныя фигуры, вѣрныя мужьямъ или возлюбленнымъ до гроба, но есть и невѣрныя жены, которыя не гнушаются никакими уловками, чтобы обмануть мужей,—и такихъ гораздо больше... Эти женщины, которыхъ мужья поколачивали, поражаютъ часто независимостью характеровъ, способностью къ инициативѣ. Безпрестанно попадаютъ типы дѣвушекъ, которыя смѣло порываютъ связь съ домомъ, оставляютъ блестящее положеніе въ замкѣ и отправляются странствовать, зарабатывая себѣ пропитаніе трудомъ, обыкновенно—вышиваніемъ. Когда эти женщины странствуютъ, онѣ обыкновенно находятъ себѣ кровъ и защиту у простыхъ, бѣдныхъ людей и весьма рѣдко въ замкахъ. Только впоследствии, когда трудомъ и талантами онѣ приобретаютъ извѣстность, ихъ призрѣваетъ какая-нибудь знатная дама. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти члены высшаго общества не умѣютъ ни читать, ни писать, но тѣмъ не менѣе въ нихъ чувствуются артистическіе и литературные интересы. Они поютъ, играютъ на различныхъ инструментахъ, декламируютъ на лирахъ; женщины вышивають и ткуть на вещахъ домашняго обихода не только узоры, но настоящія картины, какъ, напр., „Похищеніе прекрасной Елены пастухомъ Парисомъ“, и т. д. Главными дѣйствующими лицами романа XIII ст. являются, конечно, люди высшаго общества, но попадаютъ и типы людей изъ народной массы. Они очерчены менѣе ярко, появляясь лишь попутно, но даютъ представленіе о томъ, что по существу между ними и сливками общества

того времени не лежала непроходимая пропасть. Въ высшей степени интересны типы мелкаго духовенства, которые въ нѣкоторыхъ романахъ играютъ довольно видную роль. Чрезвычайно жизненнымъ и яркимъ рисуется въ романѣ „Galeran“ монастырскій капелланъ Lohier, человекъ строгой жизни, добрый и снисходительный къ молодости и всѣмъ ея проявленіямъ. На его примѣрѣ мы видимъ тоже, что считалось въ тѣ времена высокимъ образованіемъ. Капелланъ умѣлъ играть на арфѣ и на другихъ инструментахъ, прекрасно пѣлъ, сочинялъ новыя пѣсни на французскомъ и латинскомъ языкахъ, зналъ шахматную игру и другія игры и всему этому научилъ своего воспитанника Галерана, старшаго сына графа Бретани.

Въ общемъ французское общество XIII ст. рисуется во многихъ отношеніяхъ не хуже и не лучше современнаго; только въ одномъ отношеніи преимущество остается за средними вѣками: адюльтеръ того времени, очевидно столь же частый какъ и въ наше время, всюду скрашивается настоящимъ и глубокимъ чувствомъ любви. Какъ ни грубы нравы, но въ отношеніяхъ между полами, какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака, романисты среднихъ вѣковъ кладутъ въ основу болѣе высокое, болѣе человѣческое чувство, чѣмъ бытописатели современнаго французскаго общества.

Въ художественномъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ въ сборникѣ Langlois роману трувера Renaut „Galeran“. Романъ этотъ въ рукописи XV ст. находится въ парижской національной библіотекѣ; его относятъ къ началу XIII вѣка.

Въ концѣ книги Langlois приводитъ богатый библиографическій указатель работъ, относящихся къ исторіи средневѣковаго французскаго общества, сдѣланныхъ по литературнымъ источникамъ. Къ этому указателю приложенъ алфавитный списокъ сюжетовъ, которые затронуты этими работами, съ ссылками на опредѣленные сочиненія, что можетъ необыкновенно облегчить всякаго читателя, который захотѣлъ бы уяснить себѣ съ полнотою любой вопросъ, касающійся бытовой исторіи французскаго средневѣковья. Такимъ образомъ книга Langlois является драгоценнымъ руководствомъ для всякаго, кто пожелаетъ начать серьезное изученіе рыцарскаго быта, и источникомъ большаго наслажденія для всякаго любознательнаго читателя и тѣмъ болѣе для всякаго любителя литературы.

А. Б—ръ.

Новости иностранной литературы и журналистики. Одною изъ самыхъ интересныхъ новинокъ повѣствовательной литературы въ Германіи за послѣдніе мѣсяцы, несомнѣнно, является романъ Вильгельма Гегелера „Pastor Klinghammer“. Почти во всѣхъ критическихъ отзывахъ объ этой книгѣ упоминалось о тѣхъ произведеніяхъ, которыя были написаны въ XVIII вѣкѣ на столь популярную и модную въ то время тему—о борьбѣ или соперничествѣ двухъ враждующихъ, чуждыхъ другъ для друга братьевъ, которымъ выпадаетъ на долю совершенно разнородная судьба, причѣмъ неравенство положенія и характеровъ должно, рано или поздно, привести къ трагической развязкѣ, когда начавшійся еще въ дѣтскіе годы конфликтъ достигнетъ своего апогея.

Дѣйствительно, романъ Гегелера является самымъ позднимъ отголоскомъ

той обширной литературы произведений на тему о „братьях-соперниках“, которая была когда-то представлена пьесами Клингера, Лейзевица и др., наконецъ, „Разбойниками“ Шиллера; измѣнилась, конечно, обстановка, а также общій характеръ самой оцѣнки внутренняго міра и наклонностей двухъ братьевъ; нѣтъ уже и такихъ мелодраматическихъ ужасовъ, какіе считались когда-то обязательными въ подобныхъ случаяхъ, какъ средство усилить впечатлѣніе, производимое фабулою; но основа осталась все та же, и мы только лишній разъ можемъ убѣдиться въ томъ, какою живучестью отличаются иные сюжеты, неизмѣнно привлекающіе вниманіе писателей въ самыя разнородныя эпохи, несмотря на частую смѣну литературныхъ вкусовъ, школъ и главныхъ теченій.

У Гегелера выступаютъ два брата, Даніэль и Фрицъ Клинггаммеры, судьба которыхъ складывается совершенно различно, начиная съ самаго ранняго дѣтства. Фрицъ, веселый, живой, миловидный, становится любимцемъ всей семьи и всѣхъ знакомыхъ; его балуютъ, принимаютъ всюду съ распростертыми объятіями, предвѣщая ему счастливую будущность, ставя его неизмѣримо выше брата, который и въ эту пору уже является пасынкомъ судьбы, неудачникомъ, живетъ, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, переноситъ много неприятныхъ, оскорбительныхъ ощущеній, оставляющихъ неизгладимый слѣдъ въ молодой душѣ. По натурѣ Даніэль гораздо лучше, добрее, вдумчивѣе, симпатичнѣе; ему вредитъ только его молчаливый, угрюмый характеръ, замкнутость, извѣстная застѣнчивость, неумѣніе и нежеланіе пускать всѣмъ пыль въ глаза. Люди отзывчивые и тонко чувствующіе одни только могли бы понять и оцѣнить его; но такихъ людей почти нѣтъ въ окружающемъ обществѣ.

Когда наступаетъ время выбора той или другой профессіи и карьеры, Даніэль и тутъ оказывается въ невыгодномъ положеніи и не можетъ самостоятельно устроить жизнь по своему желанію. Дѣло въ томъ, что въ силу традиціи, прочно держащейся въ ихъ семьѣ, старшій сынъ долженъ быть непременно пасторомъ. Даніэль не чувствуетъ призванія къ такого рода дѣятельности; временами у него бывають даже приступы сомнѣній и невѣрія, явно несовмѣстимые съ тою дорогою, по которой его заставляютъ идти семья. Тѣмъ не менѣе, онъ принужденъ покориться. Фрицъ, наоборотъ, выбираетъ по собственному желанію карьеру военнаго, становится цеголеватымъ, пустымъ, желающимъ только побѣждать сердца офицеромъ. Несмотря на то, что у него съ братомъ всегда были натянутыя, холодныя отношенія, онъ не стѣсняется притти къ нему за деньгами, когда подъ вліяніемъ беспорядочной жизни и привычки къ расточительности онъ окончательно запутываетъ свои дѣла, рискуетъ погибнуть, если только Даніэль по своей добротѣ и великодушію не протянетъ ему руку помощи.

Гегелеръ заставляетъ далѣе обоихъ братьевъ влюбиться въ одну и ту же дѣвушку, по имени Маріанну. Одно время можно думать, что счастье на этотъ разъ улыбнется Даніэлю, а не баловню судьбы Фрицу. Маріанна неожиданно отдаетъ предпочтеніе скромному, застѣнчивому пастору, угадавъ его хорошіе задатки и доброе сердце, отклоняетъ настойчивое ухаживаніе молодого офицера и соглашается стать женою Даніэля. Но супружеская жизнь не приноситъ послѣднему счастья! Съ теченіемъ времени ясно обнаруживается несходство ихъ характеровъ, вкусовъ, порывовъ. Молодая женщина надѣлена отъ природы извѣстною

жизнерадостностью, любить повеселиться, бодро и безмятежно смотреть на вещи, никогда не поддается сомнѣніямъ, грусти, самоанализу. Вскорѣ ей становится тоскливо, неуютно, прямо скучно въ обществѣ мужа, котораго часто мучать сомнѣнія, тревожныя мысли, который сторонится отъ людей и больше всего любитъ одиночество, замкнутый образъ жизни и сосредоточенныя, серьезныя думы.

Наступаетъ моментъ, когда Фрицу, снова показавшемуся тѣмъ временемъ на горизонтѣ, удается привлечь на свою сторону симпатіи молодой женщины, расположить ее въ свою пользу своею обходительностью, жизнерадостностью, юношескимъ задоромъ, добиться того, что она даетъ ему слово развестись съ мужемъ и сдѣлаться его женой. Вскорѣ послѣ этого во время рѣшительнаго объясненія между двумя братьями столь сдержанный и умѣренный обыкновенно пасторъ, возмущенный самонадѣянностью и вызывающимъ тономъ счастливаго соперника, въ минуту изступленія бросается на этого человѣка, отъ котораго онъ столько вынесъ, и убиваетъ его. не желая этого, — чтобы черезъ нѣсколько минутъ притти въ себя и съ ужасомъ сознать, что онъ сдѣлалъ!

Никто не догадывается, что именно Даніэль совершилъ это преступленіе, и невольный убійца могъ бы навсегда остаться въ безопасности. Но его начинаетъ терзать совѣсть, онъ чувствуетъ потребность сознаться во всемъ. Въ этомъ покаянномъ настроеніи его поддерживаетъ Маріанна, вернувшаяся къ нему, послѣ того какъ она поняла инстинктомъ, что именно онъ убилъ Фрица и что она была косвенною виновницею этого. Въ концѣ романа пасторъ Клинггаммеръ отдаетъ себя въ руки правосудія. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе новаго произведенія Гегелера, въ которомъ характеры двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы весьма талантливо и многія главы читаются съ захватывающимъ интересомъ.

Въ новомъ романѣ Карла Перфалля, „Die Treulosen“, большую роль играетъ опять психологическій элементъ. Главная героиня этого романа, Луиза Маусъ, жена фабриканта-милліонера, человѣка очень некрасиваго, неинтереснаго, но глубоко порядочнаго по натурѣ, хочетъ отомстить ему за то, что ради него она загубила свою жизнь, выйдя замужъ безъ любви, и съ этою цѣлью прибѣгаетъ къ самому некрасивому и неприглядному средству. Не довольствуясь мелкими побѣдами, флиртомъ или вызывающимъ кокетствомъ, она рѣшаетъ завлечь въ свои сѣти человѣка, пользующагося неограниченнымъ довѣріемъ ея мужа, чтобы поставить послѣдняго въ смѣшное и фальшивое положеніе. Этотъ замыселъ ей вполнѣ удастся, и она уже торжествуетъ; но, когда ничего не подозревавшій фабрикантъ выказываетъ лишній разъ свое довѣріе и уваженіе человѣку, ставшему тѣмъ временемъ любовникомъ его жены, когда онъ благодаритъ его за преданность и вѣрность, съ тѣмъ происходитъ вдругъ коренная перемѣна; лучшія чувства пробуждаются въ его душѣ, ему дѣлается совѣстно при воспоминаніи о томъ, какъ онъ злоупотребилъ довѣріемъ человѣка, всегда относившагося къ нему доброжелательно и гуманно. Въ припадкѣ отчаянія онъ лишаетъ себя жизни. Генрихъ Маусъ, наконецъ, узнаетъ всю правду и прогоняетъ изъ своего дома насмѣявшуюся надъ нимъ женщину, которую онъ слишкомъ долго идеализировалъ.

Новый романъ Перфалля принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ

этого автора. Ему нѣсколько вредитъ только отсутствіе настоящаго единства, обиліе эпизодическихъ деталей. Такъ, мы находимъ въ немъ вторую романическую завязку, исторію взаимныхъ отношеній социалиста Брандштэттера и молодой дѣвушки изъ народа, Hedwig, которая сбилась временно съ пути истиннаго подъ вліяніемъ гнетущей нужды, взяла затѣмъ мѣсто горничной гдѣ - то въ родѣ притона, и которую онъ спасаетъ, возвращаетъ къ нормальной жизни, дѣлая ее своею женою и благотворно вліяя на ея внутренній міръ. Авторъ, видимо, ставитъ несчастную дѣвушку, „согрѣшившую“ только подъ давленіемъ обстоятельствъ, гораздо выше Луизы Маусъ, съ ея коварнымъ, хладнокровнымъ планомъ мести своему мужу и заранѣе обдуманною измѣною, въ основѣ которой не лежитъ даже искренняго, непосредственнаго чувства къ другому человѣку.

Извѣстная беллетристка Габріэль Рейтеръ, авторъ романовъ „Aus guter Familie“, „Ellen von der Weiden“, сборника интересныхъ, смѣло и оригинально задуманныхъ разсказовъ и очерковъ, „Frauenseelen“ и т. п., выпустила недавно новый романъ, подъ заглавіемъ „Liselotte von Reckling“. Нѣкоторыя дѣйствующія лица обрисованы здѣсь недурно; попадаются и любопытные отголоски современной германской дѣйствительности, съ ея разнообразными теченіями. Романистка хотѣла показать постепенный ростъ, совершенствованіе и углубленіе женской натуры, которая становится съ теченіемъ времени все независимѣе и самобытнѣе.

Главная героиня, Лизелотта, влюбляется въ графа Альтенгагена, который стоитъ во главѣ религиозно-этическаго кружка, носящаго названіе „Союзъ обновленныхъ людей“. Своимъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ графъ увлекаетъ молодую дѣвушку, вначалѣ склонную его идеализировать и считать всѣ его проповѣди незыблемою и непреложною истиною. Лизелотта выходитъ за него замужъ, причѣмъ на первыхъ порахъ супружеская жизнь ихъ складывается довольно удачно. Черезъ нѣсколько времени героиня романа узнаетъ однако, что человѣкъ, котораго она считала идеальною личностію, ей измѣняетъ. Съ этого момента она начинаетъ относиться къ нему критически. Она разстается съ нимъ, уѣзжаетъ къ своей матери и имѣетъ возможность на досугѣ обо многомъ подумать, многое взвѣсить, отрѣшаясь отъ прежней довѣрчивости и оптимизма.

Когда она снова встрѣчается съ графомъ, въ ея душѣ уже произошло извѣстный переломъ: отъ прежней восторженной и отчасти наивной женщины не осталось и слѣда, въ проповѣдникѣ обновленія и самосовершенствованія она видитъ теперь только слабого, обыкновеннаго, не подготовленнаго къ такой трудной и отвѣтственной роли человѣка, которому она не можетъ такъ скоро вернуть свое расположеніе, несмотря на его покаянныя рѣчи. Все это довольно оригинально и занимательно, хотя у г-жи Рейтеръ есть и болѣе выдающіяся вещи.

Замѣтимъ кстати, что „Liselotte von Reckling“ можно было бы, до извѣстной степени, сравнить съ англійскимъ романомъ Уайта, „The new Christians“, герой котораго, основатель секты или религіозной общины „новыхъ христіанъ“, оказывается въ концѣ-концовъ далеко не такимъ добродѣтельнымъ, строго нравственнымъ, какъ можно было думать, основываясь на его проповѣдяхъ и наставленіяхъ.

Другая нѣмецкая писательница нашихъ дней, Вильгельмина фонъ-

Гиллернъ, въ своемъ новѣйшемъ романѣ, „Ein Sklave der Freiheit“, видимо хотѣла провести извѣстную тенденцію, показать свое отношеніе къ современному обществу, его взглядамъ, обычаямъ и нравамъ. Она дѣлаетъ своимъ героемъ молодого человѣка, убѣжавшаго изъ монастыря, такъ какъ, съ одной стороны, ему показалось, что онъ теряетъ вѣру, съ другой—онъ сталъ ощущать неудержимую жажду свободы, простора, содержательной, разнообразной жизни. Вырвавшись изъ стѣнъ монастыря, герой романа берется за всевозможныя занятія, становится одно время педагогомъ, увлекается затѣмъ социалистическими теоріями, ища повсюду, прежде всего, свободы, независимости, широкаго простора для личности. Вскорѣ онъ начинаетъ замѣчать, что его мечтамъ суждено остаться неосуществленными, такъ какъ на каждомъ шагѣ онъ сталкивается съ тѣми или другими преградами, рамками, условностями, давленіемъ на личность, узко-партийнымъ духомъ. Испытавъ рядъ разочарованийъ, молодой человѣкъ, „рабъ свободы“, цѣнившій ее болѣе всего на свѣтѣ, не находитъ ничего лучшаго, какъ вернуться въ тотъ же монастырь, откуда онъ бѣжалъ когда-то, желая отрясти прахъ отъ ногъ своихъ.

Этотъ конецъ, естественно, долженъ показаться нѣсколько искусственнымъ и какъ бы подтасованнымъ. Въ общемъ, романъ г-жи Гиллернъ проникнутъ отрицательнымъ отношеніемъ къ современной жизни и къ демократическимъ вѣяніямъ новѣйшей эпохи; ея симпатіи сюрре на сторонѣ удаленія отъ повседневной сутолоки, заменутой, уединенной жизни; она готова привѣтствовать рѣшеніе своего героя, возвращающагося съ повинною головою въ повинную имъ обитель; вмѣстѣ съ тѣмъ, она опредѣленно сочувствуетъ избранному меньшинству, высшимъ слоямъ общества, болѣе консервативному и солидному элементу. Въ чисто литературномъ, художественномъ отношеніи романъ не свободенъ отъ недостатковъ и опять-таки уступаетъ прежнимъ вещамъ той же романистики.

Съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ „Ein Sklave der Freiheit“ можно отчасти сопоставить героя новаго романа Фридриха Бертекса, „An des Lebens Vormittag“, Дитриха. Это—человѣкъ съ необыкновенно развитою индивидуальностью, стремленіемъ къ самостоятельности, нежеланіемъ подчиняться какимъ бы то ни было правиламъ, кодексамъ, стѣсненіямъ, условностямъ. Иногда онъ нѣсколько напоминаетъ своими вкусами и разсужденіями отдѣльныхъ героевъ Горькаго. Всюду онъ томится, всѣ профессіи и занятія кажутся ему стѣснительными, угнетающими волю, поддерживающими вѣковое рабство. И въ городѣ, и въ деревнѣ онъ никакъ не можетъ прочно устроиться, такъ какъ онъ, конечно, не находитъ тамъ той абсолютной свободы личности, о которой мечтаетъ. Наконецъ, онъ дѣлается даже бродягой и блуждаетъ по большимъ дорогамъ, избѣгая людей, чтобы стать вполнѣ независимымъ отъ общества и оказываемаго имъ давленія. Авторъ заставляетъ, однако, Дитриха съ теченіемъ времени отрѣшиться отъ подобныхъ крайностей и дышащихъ явно утрировкойъ поступковъ, поддавшись благотворному вліянію гуманныхъ и участливыхъ людей, которые сумѣли заглянуть ему въ душу и угадать его природные задатки.

Отмѣтимъ нѣсколько новыхъ романовъ или сборниковъ разсказовъ, специально посвященныхъ изображенію народной, деревенской жизни.

Такъ, Германъ Ветте въ романѣ „Krauskopf“ описываетъ жизнь вестфальскихъ крестьянъ, выводя цѣлый рядъ типичныхъ фигуръ, видимо списанныхъ съ натуры, подробно воссоздавая дѣтство своего героя, уроженца вестфальскаго захолустья, подчасъ обнаруживая неподдѣльный юморъ и незатѣйливое, но близкое къ народному міросозерцанію и всему складу жизни остроуміе. Корнаріусъ задумалъ воспроизвести въ нѣсколькихъ беллетристическихъ сборникахъ народный бытъ въ Тюринги; первый томъ, вышедшій недавно, озаглавленъ „Wandelbare Herzen“; общій характеръ многихъ рассказовъ Корнаріуса—добродушно-юмористическій,—печальныя, трагическія стороны народной жизни отражаются въ его творчествѣ гораздо слабѣе.

Романъ Макса Биттриха, „Kämpfer“, затрогиваетъ ту же тему, которая была разработана французскимъ беллетристомъ Ренэ Базеномъ въ „La terre qui meurt“: оскуднѣніе деревни, разрывъ между крестьянами и землею, стремленіе молодежи отправляться въ города, поступать на фабрики, вообще заниматься всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не земледѣліемъ! Недурно обрисованъ также отиѣченный и у Базена разладъ между старшимъ поколѣніемъ, тѣсно связаннымъ съ землею,—молодыми людьми, которые возмущаются и огорчаютъ своимъ образомъ дѣйствія стариковъ.

Въ нѣсколькихъ новыхъ романахъ воспроизведена жизнь въ небольшихъ захолустныхъ городкахъ и мѣстечкахъ, иногда—съ извѣстною долей идеализаціи и подрисовки (намъ уже приходилось говорить объ этомъ отиѣнкѣ современной нѣмецкой беллетристики), иногда—въ духѣ строгаго и послѣдовательнаго реализма. Альфредъ Бокъ, выпустившій уже нѣсколько вещей, которыя обратили на себя вниманіе, въ своемъ новѣйшемъ произведеніи, „Kantor Schildkötters Haus“, воссоздаетъ своеобразный складъ жизни въ маленькомъ гессенскомъ городкѣ, гдѣ живетъ главный герой, человекъ стараго поколѣнія, тѣсно сроднившійся съ мѣстными условіями и со своимъ домомъ, который онъ хотѣлъ бы передать послѣ своей смерти горячо любимому сыну, не подозревая, какъ сложится дальше его судьба, какая пропасть раздѣлитъ вскорѣ отца и сына, представителей двухъ различныхъ поколѣній и міросозерцаній.

Весьма сочувственно принятъ былъ въ общемъ критикою романъ Оттомара Энкинга; „Familie Behm“; главный интересъ этого романа, не отличающагося, въ сущности, особенною занимательностью завязки или обиліемъ сильныхъ сценъ, заключается въ мастерской обрисовкѣ жизни, обычаевъ, возрѣній и взаимныхъ отношеній членовъ обширной, старинной семьи Бэмъ въ маленькомъ голштинскомъ городкѣ Коггенштадтѣ. Нѣкоторые критики попытались даже искусственно усилить и раздуть успѣхъ этой книги, видимо, желая выдать ея автора за новаго Густава Френсена, автора „Іорнгъ-Уля“, какъ непритязательнаго, правдиваго изобразителя повседневной провинціальной дѣйствительности.

Дѣйствіе новаго произведенія Елены Бѣлау, „Die Kristallkugel“, какъ и нѣкоторыхъ другихъ ея вещей, происходитъ въ Веймарѣ, очевидно хорошо ей знакомомъ, тогда какъ Іоз. Лауфъ въ „Marie Verwahren“ переноситъ насъ на берега Рейна, въ такую обстановку, гдѣ католики сталкиваются съ протестантами и отголоски средневѣковой старины держатся вплоть до нашихъ дней. Прекрасно описана провинціальная жизнь 60-хъ годовъ въ романѣ Зевальда, „Fränkisch“, гдѣ

можно найти много характерных, искусно подмѣченныхъ, рисующихъ „доброе старое время“, бытовыхъ чертъ, соединенныхъ, однако, съ нѣсколькими крикливою, вызывающею шовинистскою ноткою и явнымъ стремленіемъ, во что бы то ни стало, возвеличивать и прославлять Пруссію (въ романѣ затронута война 1866 года). Эта излишняя, подчасъ наивная, тенденціозность интереснаго въ бытовомъ отношеніи романа вызвала не совсѣмъ одобрительные отзывы даже въ нѣкоторыхъ органахъ нѣмецкой печати.

Юрій Веселовскій.

Къ семидесятипятилѣтію кончины А. С. Грибоѣдова. Семьдесятъ пять лѣтъ прошло уже со дня трагической смерти Грибоѣдова, но русское общество не можетъ забыть его печальнаго образа. Навсегда останется памятенъ и дорогъ тотъ писатель, который впервые создалъ типъ живого носителя протестующей гражданской мысли и облекъ эту мысль въ такую сильную и страстную рѣчь. Навсегда останется памятенъ и дорогъ тотъ герой, который перенесъ великое горе отъ ума и оскорбленнаго чувства, но не былъ сломенъ толпою своихъ мучителей и завѣщалъ другимъ поколѣніямъ свое пламенное слово, свое негодование и все то же благородное горе...

Знаменитая пьеса Грибоѣдова на свое названіе комедіи имѣетъ, конечно, только историко-литературныя права; по существу же она—глубокая трагедія, и роковая невзгода Чацкаго представляетъ собою временный отзвукъ вѣчной и міровой судьбы идеализма. Въ трибунѣ московскихъ салоновъ живутъ черты Гамлета, который противопоставляетъ свою неутомную и пытливую думу пошлой непосредственности окружающаго міра. Чацкій тоже, какъ и тоскующій датскій принцъ, долженъ былъ сбросить со своихъ разочарованныхъ глазъ пелену мечтаній и увидѣлъ предъ собою дѣйствительность во всемъ ея ужасѣ и лжи. И Гамлета только потому не прославили безумнымъ, какъ его русскаго преемника, что онъ самъ успѣлъ и сумѣлъ надѣть на себя личину притворнаго безумія. Но Чацкій не ограничивается одной тоской и сарказмомъ: онъ выражаетъ и свои положительныя воззрѣнія, его слово звучитъ, какъ дѣло, онъ борется, — и въ этой борьбѣ его нерѣдко постигаетъ грустно-смѣшная участь Донъ-Кихота. Онъ щедро тратитъ свою энергію и энтузіазмъ, онъ безпечно расточаетъ цѣнный бисеръ своихъ мыслей и рѣчей, и въ неестественномъ цвѣтѣ раздраженія мелкое и второстепенное принимаютъ для него чудовищно-преувеличенные размѣры: точно на великановъ обрушивается онъ на такія вѣтряныя мельницы, какъ „смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки“ или фракъ, въ которомъ видитъ даже нѣчто противное разсудку и стихіямъ. Но всѣ эти увлеченія, вносящія долю комизма въ серьезный обликъ Чацкаго, показываютъ только, что передъ нами—живая человѣческая личность, а не ходячій умъ или воплощенная идея. У Чацкаго сильный и пылкій темпераментъ, въ немъ играютъ возбужденные нервы, его насмѣшливость не холодна и безучастна, и когда онъ жжетъ другихъ своимъ укоризненнымъ словомъ, онъ горитъ и самъ. То умное, что проповѣдуетъ Чацкій, могло бы быть облечено и въ иную психологическую форму, въ иную натуру; Грибоѣдовъ избралъ изъ этихъ формъ самую жизненную и привлекательную и тѣмъ стяжалъ себѣ высокую художественную заслугу. Пусть онъ назвалъ

свое произведеніе „Горе отъ ума“, но онъ не смотрѣлъ на міръ какъ Эразмъ Роттердамскій, который все дурное въ этомъ мірѣ считалъ порожденіемъ одной только глупости и самъ накопилъ гораздо больше „ума холодныхъ наблюденій“, чѣмъ „сердца горестныхъ замѣтъ“. И вотъ почему Чацкій, нервный и впечатлительный, не могъ молчать даже передъ такой неблагоприятной и неподходящей аудиторіей, какъ Фамусовъ и его присные; вотъ почему онъ не могъ быть равнодушенъ къ чужой востности, и слово, которое клокотало у него въ груди, неудержимо стремилось на уста, изливалось жгучимъ потокомъ.

На ряду съ чертами типичными и общими Грибоѣдовъ вдохнулъ въ Чацкаго искру яркой индивидуальности, живого своеобразія. Онъ сдѣлалъ такъ, что у Чацкаго умъ оказался „съ сердцемъ не въ ладу“, и это сердце было нѣжное, горячее, ласковое, и „каждое бѣненъ“ въ немъ „любовью ускорялось“. Но хотя этотъ язвительный умъ и это любящее сердце не ладили между собою, — ихъ примирила общая судьба, и они соединились въ одномъ горѣ. Чацкій страдаетъ и какъ гражданинъ, и какъ любовникъ, — онъ оскорбленъ и въ своихъ идеалахъ, и въ своемъ чувствѣ.

Какъ гражданинъ, онъ видитъ предъ собою наивно-пѣльное міровоззрѣніе, этическое спокойствіе оцѣнокъ. Въ средѣ Фамусова взгляды на жизнь давно уже выработаны, и эта жизнь медленно и мѣрно катится по ровной дорогѣ традиціи. Раболѣпно поклоняются авторитету и успѣху, ненавидятъ искусство, науку, беззащитно говорятъ о сожженіи книгъ, боятся „мечтателей опасныхъ“ и „завиральныхъ идей“, предпочитаютъ фельдфебеля Вольтеру, — „къ свободной жизни ихъ вражда непримирима“. Всѣ довольны и счастливы, потому что кругомъ тихо. Всѣ довольны и счастливы, покуда кругомъ тихо. Всячески охраняютъ молчаніе, такъ какъ „злые языки страшнѣе пистолета“, и даже въ гости „являются помолчать“. У каждаго есть своя „княгиня Марья Алексѣвна“, и трепещутъ, какъ бы она не прервала спокойнаго молчанія; даже горничная Лиза, проникнутая воззрѣніями своихъ господъ, убѣждена, что „грѣхъ не бѣда, — молва не хороша“. Для того чтобы не было молвы и огласки, употребляютъ всякія средства; между прочимъ — „кому въ Москвѣ не зажимали рты обѣды, ужины и танцы?“ Для того чтобы не говорилъ Чацкій, Фамусовъ проситъ его „завязать на память узелокъ“; но безспорно, для того чтобы Чацкіе не говорили, въ распоряженіи у Фамусовыхъ имѣются и другіе, болѣе сильные мнемоническіе приемы. Фамусовъ чувствуетъ себя прекрасно въ Москвѣ и въ мірѣ, но только не надо, чтобы говорили. И ему досадно, что нѣкоторые не слушаются его, отказываютъ ему въ такой бездѣлицѣ, какъ молчаніе. „Просилъ я помолчать — не велика услуга“, обиженно замѣчаетъ онъ Чацкому. „Просилъ я помолчать“ — это девизъ на его гербѣ, это условіе его существованія. И доводовъ, убѣждений, разумныхъ словъ Чацкаго онъ не слушаетъ, — „заткнулъ я уши“. И съ заткнутыми ушами онъ бессмысленно повторяетъ одну и ту же роковую фразу: „не слушаю — подь судъ! подь судъ!“ Это ужасно: онъ не слушаетъ, онъ не выслушиваетъ, — онъ только отдаетъ подь судъ. Въ это время къ нему является „человѣкъ съ докладомъ“, и испуганному Фамусову кажется, что случился „бунтъ“, и онъ ждетъ „содома“. Но,

разумѣтся, никакого бунта нѣтъ,—это пришелъ полковникъ Скалозубъ, и Фамусовъ радуется ему, какъ своему спасителю отъ Чацкаго, отъ Чацкихъ, и съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ онъ полковника Скалозуба...

Всѣ просятъ или требуютъ помолчать, всѣ по какому-то фатальному недоразумѣнію боятся человѣческаго слова. Для жаждущаго говорить, для имѣющаго, что сказать, это—невыносимо, это — безконечная трагедія, глубокая обида. Но зато въ обществѣ молчаливыхъ прекрасно живется Молчалину. Онъ „небогатъ словами“, и потому онъ „блаженствуетъ на свѣтѣ“, гдѣ „нынче любятъ безсловесныхъ“. Онъ понялъ секретъ успѣха, нашелъ слово загадки, и это слово — молчаніе. Онъ упорно, осторожно, систематически молчитъ, и пусть кругомъ бушуетъ море страстныхъ человѣческихъ голосовъ,—онъ будетъ непоколебимо, потрясающе молчать. Его презрѣнныя уста раскрываются только для лести, для трусливой пошлости и подкупа въ разговорѣ съ Лизой, для угожденія „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была“. Его безсловесная фигура твердо уперлась въ тину дѣйствительности, и вѣковѣчный поединокъ Чацкаго и Молчалина развѣ могъ окончиться побѣдой перваго?

Въ „царство молчанія“, въ неподвижную среду догматическаго міровоззрѣнія огненной молніей врѣзалась свободная рѣчь Чацкаго, его неслыханная переоцѣнка общепринятыхъ цѣнностей, и эта рѣчь опалила его слушателей, но она сожгла и сердце самого оратора. Чацкій всѣхъ испугалъ, оскорбилъ, произвелъ „кутерму“, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: „зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ?“ Онъ высказалъ „мысли здравыя“, онъ возсталъ противъ крѣпостнаго общества, но общество дало ему рѣзкій отпоръ, и когда послѣ своего пламеннаго монолога онъ оглянулся, вокругъ него не было слушателей, и всѣ съ величайшимъ усердіемъ кружились въ вальсѣ... Но этого мало: Чацкаго провозгласили помѣшаннымъ, и на его глазахъ о немъ стали говорить уже въ прошедшемъ времени. Судьба оказалась насмѣшливѣе, чѣмъ самъ Чацкій, и онъ испыталъ всю ея жестокую иронию,—умный, онъ былъ ославленъ безумнымъ.

Но и этихъ „терзаній“ еще мало, еще не исполнился ихъ „милліонъ“. Оскорбленный въ своемъ гражданскомъ негодованіи, Чацкій искалъ утѣшенія у любимой дѣвушки: онъ подошелъ къ Софѣ, и задушевно просилъ ея женскаго участія, и трогательно жаловался ей—„душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата“. Но любимая дѣвушка его не любила, и это она первая ославила его безумнымъ. Эта дѣвушка любила другого, и этотъ другой былъ Молчалинъ. Теперь уже предѣлъ терзаній исполнился.

„Необозримою равниной“, „и день и ночь по снѣговой пустынѣ“ спѣшилъ Чацкій на родину,—и родина оказалась для него негостепримна; и снова долженъ онъ метаться по свѣту, — предтеча того „несчастнаго скитальца“, того „историческаго русскаго страдальца“, о которомъ говорилъ Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи. Опять—необозримая равнина, опять—снѣговая пустыня...

Чацкій послужилъ ферментомъ благодатнаго волненія въ обществѣ; но общество тогда его отвергло. Онъ пережилъ горькую обиду; но если есть утѣшеніе въ томъ, что потомство за него заступилось, то это

утѣшеніе дано ему сполна. Вынесенное имъ горе отъ ума, отъ умнаго слова нашло себѣ сочувственный откликъ среди позднѣйшихъ русскихъ дѣятелей, и они привѣтствуютъ въ Чацкомъ человѣка отважной и честной рѣчи. Печально то общество, которое слушаетъ однихъ Молчалиныхъ, то общество, которое шепчетъ, болтаетъ, кричитъ, но не говоритъ разумнымъ человѣческимъ словомъ. Въ робко-молчаливой и позорно-спокойной средѣ Чацкій, облакая въ свободное слово безпкойную мысль, говорилъ,—и за это ему и его духовному творцу воздается неумирающая хвала. Чацкій совершилъ одинъ изъ благороднѣйшихъ человѣческихъ подвиговъ, — онъ добровольно испилъ глубокую чашу горя на благо мысли, во славу слова.

Ю. А.

Литературное обозрѣніе.

Какъ ни ошибочна на нашъ взглядъ новая книга г. Шестова (*Достоевскій и Ницше, философія трагедіи, С. - Петербургъ, 1903*), однако же мы горячо рекомендуемъ ее вниманію всякаго серьезно-мыслящаго человѣка. Не знаемъ, испыталъ ли самъ авторъ одну изъ тѣхъ жизненныхъ трагедій, въ которыхъ онъ видитъ единственный источникъ истинной, реальной философіи; во всякомъ случаѣ, эта его книга, какъ и двѣ предшествовавшія ей, исполнена духомъ страстнаго, до боли напряженнаго исканія, притомъ исканія не „обмана“, хотя бы убѣдительнаго и возвышающаго насъ, а трезвыхъ истинъ, хотя бы и „низкихъ“: всякая новая истина, говоритъ въ одномъ мѣстѣ г. Шестовъ, всегда безобразна, какъ новорожденный ребенокъ. И это именно придаетъ высокую цѣнность его книгѣ. Она представляетъ собою, говоря словами Герцена, попытку провѣрить, не должны ли мы признать за фантастически-освѣщенный туманъ то, что человѣческому сознанію въ теченіе тысячелѣтій казалось грозными сѣдыми утесами, о которые бились всѣ державшіе думать. Доказать это ему не удалось ни по существу, ни формально (по крайней мѣрѣ въ отношеніи Достоевскаго); но онъ *пережилъ* свое сомнѣніе, его мысль—плодъ душевной боли, а не холоднаго созерцанія, и потому въ его книгѣ есть нѣчто большее, чѣмъ литература,—въ ней дышитъ жизнь.

Я пытаюсь изложить мысли г. Шестова о Достоевскомъ, насколько это позволяютъ значительная неясность и капризный ходъ его изложенія, безпрестанно отклоняющагося въ сторону, загроможденнаго туманными намеками и ненужными, хотя подчасъ блестящими отступленіями, наконецъ несвободнаго и отъ внезапныхъ скачковъ, прерывающихъ логическую послѣдовательность. Если всякій философъ, по словамъ Ницше,—„адвокатъ своихъ тончайшихъ сердечныхъ желаній“, то г. Шестовъ—адвокатъ пылкій и своенравный.

I.

„Познается, что самый забытый, послѣдній человѣкъ есть тоже человекъ и называется братъ твой“. Этими словами, говоритъ г. Шестовъ, вполне исчерпывается та идея, ради которой впервые вступилъ на литературное поприще Достоевскій. Все, что было написано имъ до каторги, имѣло цѣлью проповѣдь гуманности, провозглашеніе тѣхъ „правъ человека“, передовымъ глашатаемъ которыхъ являлся тогда въ нашей

литературѣ Бѣлинскій. По собственному позднѣйшему признанію Достоевскаго, онъ тогда „страстно принялъ“ ученіе Бѣлинскаго, и даже такъ страстно, что сталъ въ тягость учителю. На ряду съ идеей гуманности Бѣлинскій принялъ съ Запада, какъ послѣднее слово науки, и идею естественной необходимости, детерминизма; подѣ конецъ жизни ему уже была слишкомъ ясна непримиримость этихъ двухъ принциповъ: онъ видѣлъ, какъ безсильна гуманность предѣ естественнымъ порядкомъ, и если въ своихъ статьяхъ, обращенныхъ къ публикѣ, не вскрывалъ этого противорѣчія, то наединѣ съ собою не могъ не сознавать его, какъ это видно и изъ его писемъ къ друзьямъ, напримѣръ изъ того извѣстнаго письма, гдѣ онъ требуетъ отчета „за каждаго брата по крови“. Достоевскій же этого не понималъ и не могъ понять; еще не искушенный опытомъ, онъ со всѣмъ жаромъ неопита исповѣдовалъ прямолинейный, не тронутый сомнѣніемъ идеализмъ.

Первой пробой, которую пришлось выдержать этому идеализму, былъ разрывъ съ Бѣлинскимъ: онъ выдержалъ ее съ честью. Не поколебалъ его и второй слѣдовавшій затѣмъ, болѣе тяжелый ударъ — арестъ по дѣлу Петрашевцевъ; какъ признавался позднѣе самъ Достоевскій, это испытаніе не сломило его, а даже представлялось ему чѣмъ-то очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое должно было ему проститься. Затѣмъ слѣдовала каторга. На первый взглядъ можетъ показаться, что она не пошатнула идеалистической вѣры Достоевскаго. Первое его значительное произведеніе послѣ каторги — „Село Степанчиково“ — полно самой невозмутимой вѣры въ торжество добра: послѣ всяческихъ мученій все улаживается къ общему благополучію, и самъ тиранъ Гома Гомичъ въ концѣ-концовъ „создаетъ всеобщее счастье“. Нѣтъ пессимизма и въ „Запискахъ изъ мертваго дома“, несмотря на всѣ изображаемые въ нихъ ужасы. Можно подумать, что идеализмъ Достоевскаго выдержалъ пробу и личного большаго страданія, мало того — что именно „убѣжденіе“ не дало зачерствѣть его душѣ и сохранило въ немъ среди невыносимыхъ страданій чуткую отзывчивость ко всему человѣческому. Но внимательный анализъ показываетъ другое. Достоевскаго въ каторгѣ поддерживала надежда: „не навсегда же я здѣсь, а только на нѣсколько лѣтъ“; не идеализмъ далъ ему силу вынести ужасную дѣйствительность, а надежда на то, что для него она скоро кончится. Въ свѣтѣ этой надежды видѣлъ онъ каторжный міръ, и именно она придала „Запискамъ изъ мертваго дома“ ихъ мягкій колоритъ. Онъ рассказываетъ намъ, что лучшими минутами его жизни были тѣ, когда онъ писалъ своихъ „Бѣдныхъ людей“, обливаясь слезами надъ Макаромъ Дѣвушкинымъ. То былъ вымыселъ; теперь, когда страшная правда жизни встала предѣ нимъ воочію и наложила руку на него, онъ испытываетъ одно желаніе — бѣжать. Значитъ, не „убѣжденіе“ поддерживало въ немъ надежду, а надежда — убѣжденіе. И когда двери тюрьмы открылись, когда онъ вышелъ на свободу, — онъ хочетъ одного — забыть всѣ вынесенные ужасы, онъ съ упоеніемъ бросается въ объятія жизни. Что за дѣло до того, что тамъ, гдѣ онъ томился, теперь еще томятся и всю жизнь будутъ томиться другіе? Онъ свободенъ, — и онъ спѣшитъ забыть о томъ „послѣднемъ человѣкѣ“, который остался доживать свои дни въ „мертвомъ домѣ“.

Достоевскій всей душой хотѣлъ примириться съ жизнью, но жизнь не

захотѣла съ нимъ мириться. Въ 1863 году, т.-е. въ тѣ дни, когда „гуманность“ праздновала полную свою побѣду, когда всенародно были признаны права „последняго человѣка“ и мечты Бѣлинскаго осуществлялись въ такихъ размѣрахъ, о какихъ онъ самъ не могъ мечтать, — въ эти дни Достоевскій пишетъ свои „Записки изъ подполья“. Это произведение, говоритъ г. Шестовъ, — „раздирающей душу вопль ужаса, вырвавшийся у человѣка, внезапно убѣдившагося, что онъ всю свою жизнь лгалъ, притворялся, когда увѣрялъ себя и другихъ, что высшая цѣль существованія, это — служеніе послѣдному человѣку“. Пусть торжествуетъ гуманность, пусть заводятъ правый судъ, у него на душѣ отъ этого не становится веселѣе; онъ ясно чувствуетъ, что въ сущности ему нѣтъ никакого дѣла до идей и до послѣдняго человѣка, да и никогда не было, что въ то время, когда онъ плакалъ надъ Макаромъ Дѣвушкинымъ, онъ нисколько не думалъ объ этомъ несчастномъ и только рисовалъ картины на утѣшеніе себѣ и публикѣ. Что дѣлать человѣку, который открылъ въ себѣ такую безобразную мысль? Достоевскій самъ содрогается, ему страшно остаться безъ старой вѣры. Почти одновременно съ „Записками изъ подполья“ онъ пишетъ своихъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“: онъ еще молится прежнему богу, ему все кажется, что это только искушеніе, что сомнѣніе пройдетъ.

„Познается, что послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой“: вотъ ученіе, которое онъ исповѣдовалъ до сихъ поръ. Но что могло оно дать человѣку, который вдругъ самъ почувствовалъ себя послѣднимъ человѣкомъ, который увидѣлъ ничтожество и бессмысленность своего существованія? Могло ли утѣшать его сознание, что гуманная душа будутъ проливать надъ нимъ слезы, какія онъ самъ нѣкогда проливалъ надъ Макаромъ Дѣвушкинымъ? Или надежда на отдаленное будущее, когда на землѣ водворится всеобщее благополучіе? Сколько бы ни открещивался Достоевскій отъ „Записокъ“ въ своемъ примѣчаніи къ нимъ, онъ рассказываетъ въ нихъ свою собственную исторію. Онъ не въ силахъ былъ справиться съ безобразнымъ чувствомъ, проснувшимся въ немъ и внушавшимъ ужасъ ему самому, — и онъ далъ ему волю: съ какимъ-то сладострастіемъ, упиваясь местию и злобою, онъ оплевываетъ и топчетъ въ грязь ту самую „идею“, которой служилъ до сихъ поръ. „Это прекрасное и высокое сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ“: онъ расплачивается за сорокалѣтнее рабство „идеалу“, осыпая его самыми ядовитыми сарказмами. Онъ рѣшился вслухъ сказать то, что до сихъ поръ тщательно скрывалъ и отъ самого себя: что пониманіе всѣхъ тонкостей „прекраснаго и высокаго“ отнюдь не мѣшало ему всю жизнь дѣлать непригляднѣйшія дѣянія, „увязать въ тинѣ“; мало того — что эти дѣянія какъ нарочно приходились у него именно на тѣ минуты, когда онъ всего тоньше сознавалъ „все прекрасное и высокое“. Сначала это причиняло ему адскія муки; онъ не вѣрилъ, чтобы такъ бывало съ другими, и потому всю жизнь таилъ это про себя. Теперь онъ не только вѣритъ — онъ возводитъ это во всеобщій законъ. И потому онъ не вѣритъ въ „идеалы“; онъ предвидитъ, что, когда выстроится ожидаемый хрустальный дворецъ, „вдругъ ни съ того, ни съ сего среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной, или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою фізіономіей,

упреть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логариемы отправились къ чорту и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить?“ И вѣдь непременно найдеть послѣдователей.

А чего хочетъ его „свободное хотѣнье“? Подпольный человѣкъ говоритъ дѣвущкѣ изъ публичнаго дома, пришедшей къ нему за нравственной поддержкой: „На дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобы вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться, или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобы мнѣ чай всегда пить“. И онъ прибавляетъ, что остальные люди вовсе не лучше его, но, „чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся“.

„До Достоевскаго, — говоритъ г. Шестовъ, — никто не осмѣливался высказывать такія мысли, хотя бы и съ соответствующими примѣчаніями. Нужно было великое отчаяніе для того, чтобы такія мысли возникли въ человѣческой головѣ, нужна была сверхчеловѣческая дерзость, чтобы явиться съ ними предъ людьми. Вотъ почему Достоевскій никогда не признавалъ ихъ своими и постоянно имѣлъ въ запасѣ показные идеалы, которые онъ тѣмъ истеричнѣе выкрикивалъ, чѣмъ глубже они расходились съ сущностью его завѣтныхъ желаній и, если хотите, съ желаніями всего его существа. Его позднѣйшія произведенія всѣ до одного почти проникнуты этой двойственностью“.

Итакъ, идеализмъ изъ безгрѣшнаго судьи обратился въ подсудимаго. Онъ оказался не въ силахъ побѣдить несчастіе и сомнѣніе; человѣкъ ясно увидѣлъ, что добро, гуманность, всякія идеи—ложь, ничего не дающая страдающему и придуманная мудрецами собственно не для нуждающихся въ утѣшеніи, а для самихъ утѣшителей. Ему закрыть путь обратно къ „идеаламъ“ и не остается выбора, какъ пойти за пессимизмомъ и скептицизмомъ, которые съ исчезновеніемъ вѣры въ „идеалы“ овладѣваютъ имъ безраздѣльно; съ дерзостью отчаянія онъ сразу переходитъ роковую черту и безоружный стоитъ предъ настоящей, ужасной дѣйствительностью. Жить по старому закону онъ уже не можетъ, а жить надо,—значитъ, онъ долженъ создать себѣ свой собственный, новый законъ. Здѣсь-то, говоритъ г. Шестовъ, и начинается *философія трагедіи*.

Достоевскій сдѣлалъ все, чтобы забыть каторгу; но каторга не была его. И самъ не отдавая себѣ отчета, онъ, какъ нѣкогда отъ Бѣлинскаго, такъ теперь принялъ отъ каторжниковъ все ихъ ученіе о жизни. Нищѣ спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ: „знаешь ли ты муки твоей справедливости быть справедливымъ къ тѣмъ, кто презираетъ тебя?“ Эту чашу въ полной мѣрѣ испилъ на каторгѣ Достоевскій. Едва ли не каждая страница „Записокъ изъ мертваго дома“ свидѣтельствуетъ о томъ, что каторжники презирали его, а онъ невольно, по непреложному требованію своего внутренняго голоса, принужденъ былъ признать въ нихъ высшій, чѣмъ онъ самъ, типъ человѣка. Отнынѣ, говоритъ г. Шестовъ, его любимая тема — преступленіе и преступникъ. „Предъ нимъ неотступно стоитъ одинъ вопросъ: что это за люди, каторжники? Какъ это случилось, что они показались мнѣ, продолжаютъ казаться правыми въ своемъ презрѣніи ко мнѣ, и отчего я невольно чувствую себя предъ ними такимъ униженнымъ, такимъ слабымъ, такимъ, страшно сказать,

обыкновеннымъ. И неужели это истина? Этому нужно учить людей? Устами Раскольникова онъ дѣлитъ людей не на добрыхъ и злыхъ, а на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ: обыкновенные — это тѣ, которые по своей духовной бѣдности подчиняются нравственнымъ законамъ, необыкновенные — тѣ, которые сами создаютъ законы, которымъ „все позволено“. Добро и зло уже не существуютъ: есть что-то высшее, что стоитъ „по ту сторону добра и зла“.

Истинная трагедія Раскольникова не въ томъ, что онъ рѣшился преступить законъ, а въ томъ, что онъ сознаетъ себя неспособнымъ на этотъ шагъ. И онъ, и Иванъ Карамазовъ убѣдились, что разговоры объ идеалахъ — пустая болтовня; ихъ „наказаніе“, ожидающее рано или поздно всякаго „идеалиста“, — въ невозможности начать новую, иную жизнь. „О, какъ я понимаю, — говоритъ Раскольниковъ, — „пророка“, съ саблей на конѣ: велитъ Аллахъ, и повинуйся, дрожащая тварь! Правъ, правъ пророкъ, когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хор-р-ошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже объяснить. Повинуйся, дрожащая тварь, и не *желай*, потому не твое это дѣло! О, ни за что, ни за что не прощу старушонкѣ“. Эти-то угрызения совѣсти безъ вины и составляютъ содержаніе романовъ Достоевскаго: „въ этомъ — онъ самъ, — говоритъ г. Шестовъ, — въ этомъ — дѣйствительность, въ этомъ — настоящая жизнь. Все остальное — „ученіе“. Все остальное — наскоро сколоченный изъ обломковъ старыхъ строеній жалкій шалашъ“.

Иванъ Карамазовъ ставитъ Алешѣ свой знаменитый вопросъ — соглашится ли бы онъ купить счастье всего человѣчества цѣною страданій одного ребенка, — и Алеша отвѣчаетъ: нѣтъ. Раскольниковъ же требуетъ отчета не за ребенка, вообще не за кого другого, а за себя самого; онъ созналъ, что никакое торжество идей, никакая будущая гармонія не дадутъ смысла его собственной трагедіи, и, стало быть, не разрѣшаютъ главнаго вопроса жизни.

Для Достоевскаго, какъ для Раскольникова и Ивана Карамазова, „распалась связь временъ“, и распалась на вѣки; онъ всѣми силами старается показать, что на возстановленіе ея не можетъ быть никакой надежды. Иванъ Карамазовъ никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Ихъ уже потому нельзя любить, что имъ невозможно помочь. Умиленіе надъ „последнимъ человѣкомъ“ уже больше не удовлетворяетъ: ему хотятъ во что бы-то ни стало помочь, а такъ какъ это неосуществимо, то любовь посылается къ чорту, тѣмъ болѣе, что она при всей своей бесплодности обходится не дешево: „Достоевскій уже не вѣритъ во всемогущество любви и не цѣнитъ слезъ сочувствія и умиленія. Безсиліе помочь является для него окончательнымъ и всеуничтожающимъ аргументомъ. Онъ ищетъ силы, могущества. И у него вы открываете, какъ последнюю, самую задушевную, завѣтную цѣль его стремленій, Wille zur Macht, столь же рѣзко и ясно выраженную, какъ у Ницше! И онъ могъ бы въ концѣ любого изъ своихъ романовъ напечатать, какъ Ницше, эти слова огромными черными буквами, ибо въ нихъ смыслъ всѣхъ его исканій!“

II.

Таково содержаніе той части книги г. Шестова, которая посвящена Достоевскому. Во второй части — предъ нами совершенно сходный про-

цессъ перерожденія убѣжденій подѣ вліяніемъ личнаго несчастія, другой идеалистъ, ставшій такимъ же, какъ Достоевскій, но только болѣе смѣлымъ подпольнымъ человѣкомъ, — Ницше. Попытаемся теперь формулировать основныя положенія книги г. Шестова.

Современный умъ не выноситъ философіи, основанной на нѣсколькихъ принципахъ: онъ жаждетъ во что бы-то ни стало единства. Ему нужна такая система, которая представляла бы надежный оплотъ противъ новыхъ, дикихъ, дерзко требующихъ къ себѣ вниманія явленій. Такимъ оплотомъ и является столь пышно расцвѣтшій за послѣдніе два вѣка идеализмъ. Онъ обзавелся категорическимъ императивомъ, въ силу котораго и признаетъ себя самодержавнымъ властелиномъ, а всѣхъ отказывающихся ему въ повиновеніи—безумцами или бунтовщиками; онъ ставитъ людямъ задачи и превозноситъ тѣхъ, кто соглашается признать законность его требованій, тѣхъ же, которые отказываютъ ему въ повиновеніи, предаетъ проклятію. Онъ связываетъ людей по рукамъ и ногамъ, но за то, перенеся всѣ страшнѣйшія антиноміи дѣйствительности за ея предѣлы, въ область Ding an sich, даетъ людямъ возможность спокойно жить среди зловѣщей таинственности происходящихъ на ихъ глазахъ ужасовъ. Это—философія обыденности.

И Достоевскій, и Ницше—ея питомцы; съ юныхъ лѣтъ они впитали въ себя идеализмъ и долгіе годы служили ему глашатаями. Если бы ихъ жизнь прошла безъ случайныхъ осложненій, если бы не каторга у одного и не ужасная болѣзнь у другого, — весьма вѣроятно, что они никогда не почувствовали бы тяжести цѣпей, налагаемыхъ моралью, учили бы людей мириться съ ужасами жизни и покоряться необходимости. Но судьба рѣшила иначе: каждаго изъ нихъ постигло тяжкое личное испытаніе, трагедія; вмѣсто того, чтобы предоставить имъ до конца жизни спокойно заниматься будущностью человѣчества, судьба предложила каждому изъ нихъ одинъ простой вопросъ: о его собственномъ будущемъ.

Казалось бы, именно теперь представлялся имъ случай доказать, что ихъ проповѣдь не была пустой фразою, доказать на дѣлѣ, что идея самоотреченія дѣйствительно способна воодушевлять человѣка и дать ему силу перенести несчастіе; можно было ждать, что они стоически покорятся и, несмотря на личное горе, будутъ радоваться свѣтлымъ надеждамъ человѣчества. И вдругъ они съ ужасомъ убѣждаются, что „ученіе“ неспособно поддержать ихъ, мало того — они видятъ, что оно спадаетъ съ нихъ, какъ ветхая одежда, а на его мѣстѣ встаетъ, заслоняя въ ихъ глазахъ весь міръ, одинъ колоссальный и неукротимый эгоизмъ. Другой человѣкъ, можетъ быть, глубоко устыдился бы такой своей порочности; но они не даромъ сами были учителями. Оглядываясь на свое прошлое, они естественно говорятъ себѣ: вотъ я самъ столько лѣтъ проповѣдовалъ добро и самоотреченіе; между тѣмъ теперь, подѣ вліяніемъ личнаго несчастія, я чувствую, во мнѣ говоритъ одинъ эгоизмъ. Не то же ли случилось бы и со всякимъ учителемъ добродѣтели? И не скрывается ли эгоизмъ подѣ всѣми красивыми фразами учителей?

Да и что можетъ имъ дать идеализмъ? Милостыню состраданія? За нее они обязаны будутъ заплатить признаніемъ, что они вполнѣ удовлетворены, что эта любовь къ нимъ ближнихъ и есть осуществленіе высшаго идеала, т.-е. крайняго требованія, какое человѣкъ въ правѣ предъявить къ жизни: слишкомъ дорогая цѣна за жалкое лекарство,

которое бессильно испѣлать ихъ страданія. А идеализмъ еще сурово осуждаетъ этотъ проснувшійся въ нихъ эгоизмъ и говоритъ имъ: ты погибъ, ты осужденъ навѣки. Человѣческая мудрость, человѣческая нравственность стоятъ надъ ними грознымъ судьей, дено и ношно надъ ними звучитъ страшное заклинаніе: *ossa agida, audite verbum Dei*. Очевидно, отъ людей имъ нечего ждать. Весь міръ всталъ противъ нихъ; весь міръ и одинъ человѣкъ столкнулись между собою, и на сторонѣ міра—всѣ традиціи, на сторонѣ страдальца—только отчаяніе.

Тогда человѣкъ разрываетъ съ прошлымъ и уходитъ въ „подполье“. Идеализмъ не выдержалъ напора дѣйствительности; столкнувшись волею судьбы лицомъ къ лицу съ настоящей жизнью, человѣкъ убѣдился, что все „ученіе“ было ложью. Синтетическія сужденія а priori, добро и гуманность—все то, что до сихъ поръ оберегало его душу отъ скептицизма и пессимизма,—безслѣдно исчезли, и человѣкъ впервые въ полномъ одиночествѣ стоитъ предъ ужасомъ дѣйствительности. Жизнь говоритъ ему: познай или погибни; къ старому идеалу нѣтъ возврата, и онъ идетъ впередъ съ мужествомъ отчаянія, почти уже не справляясь о томъ, что его ждетъ. Онъ рѣшается своей судьбой провѣрить справедливость завѣщанныхъ тысячелѣтіями идеаловъ. Такъ рождаются убѣжденія или то, что г. Шестовъ, въ противоположность философіи обыденности, называетъ философіей трагедіи.

И Достоевскій, и Ницше купили эту философію дорогой цѣной: „страшно впасть въ руки Бога живого“. На первыхъ порахъ они ужасаются своей неспособності къ самоотреченію и готовы признать въ ней исключительно имъ однимъ свойственную чудовищную аномалію. Они употребляютъ всѣ старанія, чтобы вернуть свою заблудшую душу на правый путь идеала, чтобы жить по старому; новое сознаніе ужасаетъ ихъ своимъ безобразіемъ, и чѣмъ сильнѣе оно преслѣдуетъ ихъ, тѣмъ страстнѣе они стремятся избавиться отъ него. Оно сулитъ имъ полный разрывъ съ міромъ и съ ихъ собственнымъ прошлымъ, а взамѣнъ не можетъ дать, повидимому, ничего, кромѣ бесплоднаго отрицанія. Но имъ уже нѣтъ спасенія: эгоизмъ охватываетъ ихъ все сильнѣе. Чѣмъ больше они убѣждаютъ себя въ необходимости отречься отъ своего „я“, чѣмъ ярче рисуютъ себѣ картину будущаго преуспѣянія человѣчества, тѣмъ горше имъ думать, что ихъ не будетъ на торжествѣ жизни.

Что же такое эта философія трагедіи? Она стоитъ въ принципиальной враждѣ съ философіей обыденности. Она требуетъ, чтобы отдѣльный человѣкъ былъ такъ же охраненъ противъ „необходимости“, какъ и цѣлый міръ: обыденность проводитъ въ жизнь противоположное воззрѣніе, признавая идеаломъ самопожертвованіе. Основное начало философіи трагедіи можно выразить словами подпольнаго человѣка: „всему міру провалиться, а чтобы мнѣ всегда чай пить“, или словами Ницше: „нѣтъ ничего истиннаго и все дозволено“, или наконецъ формулой: „*regesat mundus, fiat*“. Эта формула приводитъ „добрыхъ и справедливыхъ“ въ священный ужасъ; но люди трагедіи уже не считаются съ мнѣніемъ добрыхъ и справедливыхъ: „они поняли, что человѣческое будущее, если только у человѣчества есть будущее, покоится не на тѣхъ, которые теперь торжествуютъ въ убѣжденіи, что у нихъ есть уже и добро, и справедливость, а на тѣхъ, которые, не зная ни сна, ни покоя, ни радостей, борются и ищутъ и, покидая старые идеалы, идутъ навстрѣчу

новой дѣйствительности, какъ бы ужасна и отвратительна она ни была“. Задача человѣка не въ томъ, чтобы отрицать страданія, какъ марево, переносить ихъ въ область *Ding an sich*, а въ томъ, чтобы принять дѣйствительность со всѣми ея ужасами, признать ее и, быть можетъ, наконецъ понять. Господствующіе теперь позитивизмъ и идеализмъ отворачиваются отъ всего страшнаго въ жизни и противопоставляютъ ему идеалы, какъ единственную настоящую реальность. Но трагедіи не изгонять изъ жизни никакія общественныя переустройства: ирраціональное въ человѣкѣ идетъ навстрѣчу страданію, ищетъ его, и идеалъ всеобщаго счастья есть выдумка „учителей“. Достоевскій и Ницше говорятъ намъ, что не нужно бояться неизвѣстности, страданія и гибели, что только изъ трагедіи можетъ родиться истинная философія. Ихъ собственный примѣръ показываетъ, что таковъ будетъ отнынѣ удѣлъ ищущихъ: лучше изъ людей погибнуть, ибо имъ будетъ все хуже и хуже; „и лишь тогда, когда не останется ни дѣйствительныхъ, ни воображаемыхъ надеждъ найти спасеніе подъ гостепримнымъ кровомъ позитивистическаго или идеалистическаго ученія, люди покинуть свои вѣчныя мечты и выйдутъ изъ той полутьмы ограниченныхъ горизонтовъ, которая до сихъ поръ называлась громкимъ именемъ истины, хотя знаменовала собой лишь безотчетный страхъ консервативной человѣческой природы предъ той таинственной неизвѣстностью, которая называется трагедіей. Тогда, быть можетъ, поймутъ, отчего Достоевскій и Ницше ушли отъ гуманности къ жестокости и на своемъ знамени начертали странныя слова: *Wille zug Macht*“. Новая истина уже брезжитъ въ сознаніи людей, но она пока кажется не истиной, а безобразнымъ призракомъ, выходцемъ какого-то чуждаго намъ міра.

III.

Какъ могъ убѣдиться читатель, г. Шестовъ ставитъ и рѣшаетъ въ своей книгѣ два вопроса: о *происхожденіи* философіи трагедіи и объ ея *содержаніи*. По его мысли философія трагедіи родилась не изъ нормальной жизни, въ которой горе переплетается съ радостью, какъ ея предшественница, философія обыденности, а исключительно изъ катаклизмовъ личной жизни; больше того: онъ думаетъ, что даже характеръ того человѣка, которому суждено стать философомъ трагедіи, его такъ называемая предрасположенность, не играетъ здѣсь никакой роли: бунтъ противъ морали въ его глазахъ — результатъ исключительно трагедіи, т.-е. непоправимаго на всю жизнь личнаго несчастья, будь то хотя бы тяжелая неизлѣчимая болѣзнь, какъ у Ницше ¹⁾. Это утвержденіе представляется намъ рѣшительно невѣрнымъ въ обѣихъ своихъ частяхъ: и въ отрицаніи предрасположенности (ибо куда же тогда дѣвать Фехнера, пережившаго не менѣе страшную болѣзнь, чѣмъ Ницше, или любого русскаго „идеалиста“, поневолѣ изучившаго климатъ Якутскаго края?), и въ признаніи творческой роли единственно за личнымъ и большимъ страданіемъ. Какъ бы ни былъ плотенъ панцирь идеализма, какъ бы высока ни была стѣна *Ding an sich*, которою идеалистъ огородился отъ ужасовъ дѣйствительности,—вѣдь это только теорія; живая жизнь, еже-

¹⁾ Стр. 217.

дневное горе, большое и малое, капля за каплей просачивается сквозь панцирь, и сколько бы идеалист сознательно ни упорствовалъ въ своей мнимой наивности, въ глубинѣ его души совершается непрерывное перерожденіе разъ усвоенной теоріи подъ вліяніемъ реальныхъ впечатлѣній. Въ этомъ смыслѣ „трагедія“ можетъ имѣть (и навѣрно имѣетъ) только значеніе болѣе сильнаго стимула, такъ какъ, вводя въ психику человѣка сразу огромную массу яркихъ ощущеній, она тѣмъ самымъ ускоряетъ процессъ перерожденія теоріи.

И почему мы должны вопреки опыту думать, что она перерождается только подъ вліяніемъ *личныхъ* переживаній? Конечно, по остротѣ они не сравнимы ни съ какими другими; но можно ли отрицать реальность и могучее вліяніе на современнаго человѣка чувства состраданія, не *ученія* объ альтруизмѣ, а непосредственнаго, почти инстинктивнаго чувства жалости? Мало того: можно ли отрицать вліяніе на этотъ процессъ и другихъ элементовъ, кромѣ чувственнаго переживанія, и именно „ума холодныхъ наблюденій“ и отвлеченнаго развитія мысли? Признаетъ же самъ г. Шестовъ, что одной изъ причинъ нравственнаго перерожденія въ Достоевскомъ были наблюденія, сдѣланныя имъ надъ каторжными въ періодъ полнаго его правовѣрія. Что философія трагедіи—не плодъ чистаго эгоизма, видно уже изъ ея содержанія. Какое дѣло вообще неизлѣчимо-больному до какой бы то ни было философіи, особенно если подъ вліяніемъ болѣзни эгоизмъ заслонилъ предъ нимъ весь міръ? Онъ станетъ прежде всего думать о томъ, какъ бы облегчить свои страданія, какъ бы сдѣлать сносною свою текущую жизнь; если же предастся размышленіямъ, то это будутъ мысли объ *его* печальномъ будущемъ и о его прошломъ, о прежнихъ здоровыхъ наслажденіяхъ и всего больше о причинахъ, приведшихъ его на одръ болѣзни. О *чужомъ будущемъ* больной эгоистъ не станетъ думать. Философія же трагедіи, по справедливому признанію самого г. Шестова, вся обращена къ будущему ¹⁾, къ будущему человѣчества; а если такъ, то очевидно, что ея отцомъ былъ не эгоизмъ или не одинъ эгоизмъ, и г. Шестовъ, преклоняющійся предъ нею, обнаруживаетъ черную неблагодарность по отношенію къ столь поносимому имъ альтруизму.

Г. Шестовъ не излагаетъ и не хочетъ излагать философіи трагедіи. По его мысли она еще ничему не учитъ; она только открыла истинный двигатель человѣческой воли—эгоизмъ, и указала на страданіе, какъ на тотъ моментъ, когда этотъ истинный двигатель сразу сбрасываетъ съ себя оковы идеалистическаго догмата. Онъ признаетъ, вслѣдъ за Ницше, единственной реальностью въ нравственномъ мірѣ эгоизмъ по формулѣ: *percat mundus, fiam*. „Для всѣхъ людей,—говоритъ онъ,—въ концѣ-концовъ существуетъ только этотъ одинъ послѣдній законъ“, и прибавляетъ: „Не въ правѣ ли мы въ его универсальности видѣть признакъ его силы и признать поэтому, что „санкція истины“ за героемъ подполья? И что декларація правъ, возвѣщенная Ницше и его *Wille zur Macht*, есть нѣчто большее, чѣмъ идеалы и *pia desideria*, которыми были до сихъ поръ полны ученые книги?“ Не знаю; но считаю себя въ правѣ думать, что г. Шестовъ смѣшалъ здѣсь въ одну кучу двѣ разныя вещи—эгоизмъ, какъ фактъ, и эгоизмъ, какъ идеаль. Въдѣ

¹⁾ Стр. 222.

если действительно въ душѣ человѣческой единовластно царить эгоизмъ, какъ въ этомъ, по увѣренію г. Шестова, убѣдились при фактической проверкѣ люди трагедіи, то какая еще можетъ быть санкція истины? и какъ можетъ тогда г. Шестовъ говорить о „морали трагедіи“? Вѣдь это былъ бы только фактъ, а фактъ не можетъ стать идеаломъ. Но г. Шестовъ перескакиваетъ чрезъ эту пропасть однимъ скачкомъ: онъ даже намекомъ не поясняетъ, какъ изъ факта родился идеалъ, а относительно Достоевскаго и вовсе впадаетъ въ полнѣйшее противорѣчіе съ собою, заявляя, что *Wille zur Macht* явилась у него результатомъ сознанія своего безсилія *помочь ближнему*; эгоизмъ здѣсь, значитъ, не при чемъ.

Мысль о томъ, что всякое реальное, жизненное убѣжденіе всегда было плодомъ личныхъ переживаній человѣка,—любимая мысль г. Шестова: она красной нитью проходитъ чрезъ всѣ три книги, написанныя имъ до сихъ поръ. Мысль глубоко вѣрная и безмѣрной важности; ей обязанъ г. Шестовъ своими блестящими открытіями (если можно употребить здѣсь это слово) въ области литературно-психологическаго анализа, въ изученіи творчества Шекспира и гр. Л. Н. Толстого. На этотъ разъ однако г. Шестовъ довелъ ее до послѣдней крайности, признавъ за личными переживаніями исключительную творческую роль и изъ всей ихъ безконечно-пестрой массы приписавъ эту роль исключительно трагедіи съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ. Далѣе, изъ трагедіи онъ безъ всякихъ достаточныхъ основаній и наперекоръ опыту вывелъ голый эгоизмъ и съ этимъ невѣрнымъ компасомъ въ рукахъ, путемъ совершенно произвольной интерпретаціи Достоевскаго и Ницше, силится построить „философію трагедіи“. Такова на нашъ взглядъ его методологическая ошибка.

Не правъ онъ и по существу. Его книга—сплошной походъ противъ идеализма и его популярной формы—альтруизма. Но мы знаемъ альтруизмъ подъ двумя формами: какъ моральную доктрину, нерѣдко дѣйствительно слѣзную и жестокую, и какъ живое нравственное чувство; противъ кого же изъ нихъ борется г. Шестовъ? Онъ, впрочемъ, и не желаетъ ихъ различать; для него существуетъ только идеалистическій *догматъ*, придуманный лицемерными учителями для собственнаго успокоенія и для успокоенія публики, санкціонируемый отнюдь не свыше, а довольно-таки низменными интересами и страхами, всѣми официально исповѣдуемый ради спокойнаго сна, чтобы не видѣть ужасовъ дѣйствительности, и всѣми ежеминутно нарушаемый, догматъ властный, ревнивый и жестокосердый. Но если онъ таковъ, если онъ держится единственно удобствомъ массы и даже въ малой мѣрѣ не имѣетъ за собою „санкціи истины“, то чѣмъ объяснить этотъ жгучій страхъ и многолѣтнія колебанія отступниковъ порвать съ нимъ, эту ихъ бѣшеную злобу на него послѣ разрыва, вмѣстѣ съ нерѣшимостью порвать съ нимъ вполне и открыто, т.-е. всѣ тѣ чувства, сопровождающія „бунтъ противъ морали“, которыя такъ краснорѣчиво на многихъ страницахъ изображаетъ г. Шестовъ? Вѣдь не однимъ же страхомъ пойти наперекоръ общепризнанному? Дѣло въ томъ, что г. Шестовъ незаконно призналъ альтруизмъ только ученіемъ и еще болѣе незаконно противопоставилъ этому ученію жизнь, т.-е. чувства, порожденные трагедіей.

Г. Шестовъ видитъ драму современнаго человѣка въ томъ, что

онъ стремится принудить міръ къ признанію его суверенныхъ правъ,—правъ отдѣльнаго человѣка, тогда какъ міръ ежеминутно требуетъ отъ него самоотреченія. Мы видимъ ее въ другомъ. Каково бы ни было происхожденіе чувства состраданія, пусть даже оно — плодъ тысячекратной проповѣди лицемѣрныхъ учителей, какъ склоненъ думать г. Шестовъ, фактъ тотъ, что оно стало органическимъ элементомъ нашей психики, своего рода инстинктомъ. Драма современнаго человѣка по нашему мнѣнію заключается вовсе не въ жаждѣ свободы отъ обыденной морали, отъ идеалистическаго *ученія*, а въ томъ, что за единовластіе надъ его волею борются два инстинкта: инстинктъ состраданія и эгоизмъ, т.-е. два влеченія, хотя и далеко не равносильныя, но оба равно стихійныя, равно получившія инвеституру отъ верховнаго владыки—отъ бессознательной его „натуры“. Война, которую современный человѣкъ ведетъ съ традиционнымъ „ученіемъ“, — отнюдь не главное: главное—то междоусобіе, котораго онъ самъ ареною и которому неслыханную остроту придаетъ, какъ въ греческихъ мифахъ, вмѣшательство боговъ. Ибо человѣку мало того, чтобы одинъ изъ этихъ инстинктовъ вполне одержалъ въ немъ верхъ надъ враждебнымъ,—это еще не даетъ ему успокоенія: ему нужна еще „санкція истины“, признаніе его правоты со стороны какой-то силы, въ немъ же живущей и стоящей надъ обоими, что Достоевскій мѣтко выразилъ въ этихъ словахъ: „все дозволено и шабашъ!.. только если захотѣлъ мошенничать, то зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины?“ А эта сила къ тому же не только даетъ санкцію въ борьбѣ—она сама ежечасно становится воюющей стороной. Въ нашей душѣ существуютъ могущественные мотивы *объективныя*, не любовь къ самому себѣ и не любовь къ другимъ людямъ, а любовь къ абсолютнымъ моральнымъ благамъ, какъ истина и справедливость; эти влеченія, также, повидимому, одаренныя стихійной силою, вступаютъ въ бой то съ эгоизмомъ, то съ альтруизмомъ. Раздираемый этой гражданской войною своихъ инстинктовъ, человѣкъ жадно ищетъ мира своей душѣ, и въ наше время, кажется, жаднѣе, чѣмъ когда-либо; отсюда то страстное исканіе *критерія* добра и зла, которое и составляетъ предметъ великаго спора нашихъ дней,—спора между рационалистической мыслью и мистическими началами человѣческаго духа.

IV.

Я упомянулъ выше, что ради торжества своихъ произвольныхъ гипотезъ г. Шестовъ жестоко насилуетъ разбираемыхъ имъ писателей. Онъ безусловно отождествляетъ Достоевскаго съ Раскольниковымъ и Иваномъ Карамазовымъ, какъ будто тотъ или другой выражаютъ всего Достоевскаго. Онъ не допускаетъ сомнѣній, что подпольный человѣкъ—то, что есть дѣйствительнаго въ Достоевскомъ, все же остальное—ученіе, наскоро сколоченное изъ обломковъ старыхъ идей. Это „ученіе“ онъ объясняетъ такъ: Достоевскій не смѣетъ прямо высказывать свои настоящія, т.-е. подпольныя, мысли, поэтому онъ прибѣгаетъ къ уловкѣ, именно проводить ихъ подъ видомъ защиты „добра“; онъ „всю жизнь воевалъ съ теоретическими отступниками „добра“, хотя во всемирной литературѣ былъ всего одинъ такой теоретикъ—самъ Достоевскій... Но у него была своя оригинальная, очень оригинальная идея. Борясь со

зломъ, онъ выдвигалъ въ его защиту такіе аргументы, о которыхъ оно и мечтать никогда не смѣло“. Почему же онъ не смѣлъ и зачѣмъ нужна была ему эта маска?—Потому, отвѣчаетъ г. Шестовъ, что совсѣмъ безъ людей никто жить не можетъ, а Достоевскаго связывало съ людьми только морализированіе; людямъ во что бы то ни стало нуженъ идеализмъ, и Достоевскій „швыряетъ имъ это добро цѣлыми пригоршнями, такъ что подъ конецъ и самъ временами начинаетъ думать, что такое занятіе и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь стоитъ“. Исполняетъ онъ эту работу крайне небрежно — „во всѣхъ такихъ случаяхъ Достоевскому думать не охота“—лишь бы была ширма. Таковы, напримѣръ, по мнѣнію г. Шестова, жалкія фигурки князя Мышкина и Алеши, служація единственно для отвода глазъ.

У нѣмцевъ для такихъ вещей существуютъ два мѣткихъ слова: *hineininterpretiren* и *hinausinterpretiren*. Г. Шестовъ своей интерпретаціей навязалъ Достоевскому половину своихъ мыслей и потому роковымъ образомъ принужденъ былъ объявить три четверти души Достоевскаго несуществующими или существующими только номинально. Онъ вѣритъ Достоевскому только тогда, когда это ему удобно, и тремъ четвертямъ его словъ не вѣритъ: знаемъ - дескать, это все хитрости, насъ не проведешь. Достоевскій сказалъ о себѣ: „Вопросъ, который всю жизнь меня мучилъ, — вопросъ о существованіи Бога“; казалось бы, при общей характеристикѣ мировоззрѣнія человѣка, какъ можно игнорировать столь опредѣленное признаніе? Г. Шестова оно ни мало не беспокоитъ. Онъ даже приводитъ извѣстное мѣсто изъ „Дневника писателя“ за 1873 г., гдѣ идетъ рѣчь о невозможности любви къ людямъ безъ одновременнаго признанія безсмертія души, но лишь за тѣмъ, чтобы еще тѣснѣе отождествить Достоевскаго съ Иваномъ Карамзовымъ, не признающимъ безсмертія души; онъ цитируетъ слова Достоевскаго о томъ, что человѣкъ не можетъ существовать безъ высшей идеи и что высшая идея на землѣ одна, и именно идея о безсмертіи души человѣческой, а потомъ читатель съ удивленіемъ узнаетъ, что подъ „высшей идеей“ Достоевскій разумѣетъ „законъ“ эгоизма: *regere mundus, fiam* ¹⁾, и пр. и пр.

Въ трехъ послѣднихъ книжкахъ „Новаго пути“ за прошлый годъ напечатано обширное изслѣдованіе г. И. Вернера о типѣ Кириллова въ „Бѣсахъ“, посвященное формально тому же предмету, что и книга г. Шестова, — сравненію Достоевскаго съ Ницше въ центральномъ пунктѣ ихъ мировоззрѣній. На нашъ взглядъ г. Вернеръ далъ единственно правильное рѣшеніе вопроса. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, мѣшаетъ мнѣ обстоятельно познакомить читателей съ этой превосходной статьёй и заставляеть ограничиться изложеніемъ ея основныхъ мыслей, насколько онѣ касаются Достоевскаго.

Авторъ исходитъ изъ того взгляда, что въ Достоевскомъ всю жизнь боролись два глубоко разнородныхъ теченія, и хотя формально онъ всегда стоялъ безусловно на сторонѣ одного изъ нихъ и отвергалъ другое, но на самомъ дѣлѣ внутренняя борьба не была въ немъ рѣшена: онъ исповѣдовалъ вѣру Христа, но въ немъ жилъ и атихристъ, котораго онъ не могъ убить въ себѣ никакими усиліями воли и разума.

¹⁾ Стр. 242.

Это свое — если можно такъ выразиться — отрицательное мировоззрѣніе Достоевскій, по справедливому мнѣнію автора, и воплотилъ въ лицѣ Кириллова.

Два чувства направляютъ мысль Кириллова: глубокая жалость къ страданіямъ человѣка и непоколебимая вѣра въ силу и благородство человѣческаго духа; онъ ищетъ средствъ, чтобы обезпечить человѣку счастье и истинную свободу. Человѣкъ долженъ быть абсолютно добръ, а не только изъ страха наказанія или надежды на награду, и абсолютно счастливъ уже на землѣ. Этой цѣлью опредѣляется ходъ его теоретической мысли.

Онъ исходитъ изъ анализа современной (христіанской) вѣры. Онъ видитъ въ ней плодъ безнадежнаго пессимизма, порожденіе мысли и воли, которыя, отчаявшись въ самихъ себѣ, отвергли земную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но, отвергнувъ эту жизнь, человѣчество не выдержало своего пессимизма до конца и создало себѣ въ утѣшеніе загробную жизнь, въ которую и перенесло центръ тяжести своей духовной жизни. Сдѣлавъ „тотъ свѣтъ“ мѣстомъ осуществленія лучшихъ надеждъ человѣка, религія естественно должна была придать ему руководящее значеніе для всей земной жизни человѣка, должна была заставить человѣка постоянно соображаться съ требованіями этой будущей жизни. Требования же эти для большинства людей неисполнимы; поэтому идея „того свѣта“ не только не доставила человѣку утѣшенія, но еще легла на него тяжелымъ бременемъ, связавъ его волю, умъ и сердце и сдѣлавшись для него неизсякаемымъ источникомъ страданій и ужаса. Это наблюденіе приводитъ Кириллова къ мысли о необходимости отвергнуть идею загробной жизни, не ради ея логической несостоятельности, но ради приносимаго ею вреда.

Но идея загробной жизни неразрывно связана съ идеей личнаго, внѣ насъ сущаго Бога; страхъ смерти—ничто иное, какъ страхъ встрѣчи съ Богомъ лицомъ къ лицу. Отвергнувъ идею безсмертія души, Кирилловъ необходимо долженъ отвергнуть и идею Бога. Между тѣмъ онъ признаетъ послѣднюю единственно сообщающей внутренней смыслъ и разумную связь всѣмъ мировымъ явленіямъ, а слѣдовательно логически необходимою. „Безъ этой идеи (идеи Бога) міръ является для Кириллова бессмысленнымъ хаосомъ разрозненныхъ явленій, не стоящихъ ни въ какой связи другъ съ другомъ,—явленій, которыя невозможно ни понять, ни оцѣнить, такъ какъ нѣтъ основанія, стоя на которомъ можно было бы производить эту оцѣнку, нѣтъ точки опоры, отъ которой можно было бы отправиться. Самое познаніе вещей и явленій внѣшняго міра было бы невозможно при такихъ условіяхъ, такъ какъ не было бы единства внутренней жизни человѣка, не было бы единства его я“. Итакъ, чтобы уважать себя и сознавать окружающія его жизненные явленія объединенными разумной связью, человѣкъ необходимо долженъ сохранить идею Бога. Значить, задача Кириллова сводится къ тому, чтобы отыскать такую идею Божества, которая не влекла-бы за собою признанія будущей жизни. Эту задачу онъ вполне разрѣшаетъ, замѣняя внѣ насъ сущаго и отъ насъ независимаго Бога идеей Бога, живущаго въ насъ и тождественнаго нашему я, — идеей *человѣкобога*. При такой идее Божества загробная жизнь становится абсурдомъ, ибо „тотъ свѣтъ“ — это встрѣча съ Богомъ, достиженіе внѣ насъ лежащаго

идеала, а разъ человѣкъ—самъ Богъ, разъ онъ самъ въ себѣ необходимо носитъ зародыши высшаго идеала, то какая еще можетъ быть встрѣча съ Богомъ? Познавъ себя богами, освободившись отъ страха предъ будущей жизнью, люди сразу достигнутъ полнаго счастья, „вѣчной гармоніи“, по выраженію Кириллова; устраненіе страха смерти освободитъ въ человѣкѣ лучшую божественную сторону его природы, скованную этимъ ледяющимъ страхомъ.

Не буду воспроизводить той естественно напрашивающейся параллели, которую проводитъ г. Вернеръ между ходомъ мысли Кириллова и ходомъ мысли Ницше. Общій его выводъ тотъ, что Достоевскій и Ницше ставили себѣ одни и тѣ же вопросы, страдали тѣми же муками; но тѣ идеи, тѣ начала и стремленія, которыя въ одномъ изъ нихъ побѣдили, въ другомъ были побѣждены и отвергнуты. „Достоевскій,— говоритъ онъ, — пережилъ одинъ то, что суждено пережить въ массѣ, можетъ быть, только внукамъ нашимъ, пережилъ это будущее съ ужасомъ и страданіемъ и отвергъ его, вернувшись къ настоящему. Ницше пережилъ то же самое и тоже совсѣмъ *одинъ*, но онъ весь ушелъ въ будущее, найдя въ немъ свою свободу и свою „радость“, и окончательно порвалъ съ настоящимъ. И Достоевскій, и Ницше — оба люди, „побывавшіе въ будущемъ“; но у Достоевскаго не достало силы вынести это будущее, и онъ старался спастись отъ него въ настоящее и даже въ прошедшее. Ницше въ этомъ отношеніи ушелъ дальше своего великаго предшественника. Со смѣлостью, свойственной германской мысли, онъ порвалъ всѣ связи съ настоящимъ и „пустилъ свой корабль въ открытое море“.

М. Гершензонъ.

Бібліографія.

А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. М. 1903. V+810; цѣна 5 руб.

Всякій, кто видѣлъ западно-европейскіе города и сравнивалъ ихъ съ русскими, не могъ не поражаться отсутствіемъ въ этихъ послѣднихъ того, что называется благоустройствомъ. Отчаянно плохія мостовыя, а нерѣдко и вовсе немощеныя улицы, едва мерцающіе фонари, неприглядныя и медленныя средства передвиженія, въ зачаточномъ состояніи находящіяся или совершенно отсутствующія средства водоснабженія и т. д.—всѣ эти черты отечественнаго города намъ хорошо извѣстны. Если мы, размышляя о причинахъ такого неудовлетворительнаго состоянія нашихъ городовъ сравнительно съ западно-европейскими, обратимся къ изученію ихъ бюджетовъ, то увидимъ, что прежде всего вообще наши города обладаютъ гораздо болѣе скудными ресурсами, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ по величинѣ города на западѣ. Если мы вникнемъ въ детали городскихъ бюджетовъ Россіи, мы замѣтимъ, что тощіе и скудные источники дохода принуждены питать многочисленныя расходныя статьи, среди которыхъ намъ предстанутъ статьи, ничего общаго съ городскими интересами и потребностями не имѣющія и служащія общегосударственнымъ цѣлямъ. Между тѣмъ ради нихъ городъ принужденъ урѣзывать другія отрасли своего хозяйства, наводитъ экономію въ медицинѣ и народномъ просвѣщеніи и особенно большимъ сокращеніямъ подвергать расходы на городское благоустройство, отказываясь отъ всякихъ улучшеній. Главныя изъ такихъ дающихъ теперь городскіе бюджеты и поглощающихъ городскіе ресурсы общегосударственныхъ статей это—расходы по квартирному содержанию расположенныхъ въ городѣ войскъ (постройка и содержаніе казармъ) и содержаніе огромныхъ штатовъ полиціи, значительная часть которой занята дѣятельностью, касающейся политическихъ, а не муниципальныхъ интересовъ. Эти расходы составляютъ государственную повинность, возложенную на города, тягло, отбываемое городскимъ населеніемъ. Наблюдатель городского хозяйства, не знакомый съ исторіей русскаго города, такому явленію будетъ изумляться. Исторія города объяснитъ ему происхожденіе удивляющаго его факта. Она ему покажетъ, что городское населеніе въ Россіи прежде было еще болѣе обремененнымъ, что оно рассматривалось какъ классъ, обязанный государству особымъ тягломъ, слагавшимся изъ многихъ специально возложенныхъ на городъ повинностей, и что, несмотря на двѣ крупныя реформы, совершенно измѣнившія и положеніе городского населенія и устройство городского управленія, русскій городъ и въ XX столѣтіи продолжаетъ до нѣкоторой степени сохранять характеръ той же тяглой единицы, какою онъ былъ прежде.

Много обстоятельно написанныхъ страницъ изъ исторіи этого городского тягла въ XVIII в. даетъ намъ недавно появившаяся обширная диссертація г. Кизеветтера „Посадская община въ Россіи XVIII в.“, съ главными выводами которой авторъ познакомилъ читателей „Научнаго Слова“ въ 1-й книжкѣ. Изслѣдованіе тягла, отбывавшагося городомъ, точнѣе тѣмъ классомъ городского населенія, который назывался посадскими людьми, представляетъ изъ себя центральную и наиболѣе объемистую часть работы, занимая двѣ части книги изъ четырехъ. Расчленивъ посадское тягло на два главные вида: натуральный—посадскія службы и денежный—посадскіе паатежи, авторъ изучаетъ затѣмъ

каждый из них в их многочисленных разветвлениях, равно как и самый порядок их разверстки и отбывания. Громадный фактический материал, до сих пор неизвестный, почерпнутый из неизданных памятников дѣлопроизводства городских учреждений: главнаго и городовых магистратовъ, позволилъ автору довести детальность изучения до ее послѣднихъ возможныхъ предѣловъ и бросить свѣтъ научнаго анализа въ самые мелкіе и темные закоулки этой сложной и нестройной системы городскихъ службъ. Благодаря такому отчетливому и подробному изображенію, становится яснымъ, до какой степени посадское население было не только плательщикомъ разнаго рода податей, но и служилымъ классомъ, почти поголовно занятымъ службою по финансовому управленію, которая отбывалась какъ повинность и избавляла государственное казначейство отъ значительной доли такъ называемыхъ расходовъ взиманія. Колебаніе системъ: вѣрнаго управленія, магистратскаго содержанія и откупа, практиковавшихся при взиманіи косвенныхъ сборовъ и отраженіе этого колебанія на посадскихъ службахъ, характеристика этихъ службъ въ своемъ городѣ, въ уѣздѣ или въ иногородней командировкѣ, распредѣленіе служебной очереди въ средѣ посадскаго населенія и условія, на это распредѣленіе вліявшія,—таковы главные вопросы, рѣшеніе которыхъ даетъ авторъ въ отдѣлѣ книги о посадскихъ службахъ. Въ отдѣлѣ о посадскихъ платежахъ авторъ прежде всего останавливается на казенныхъ сборахъ. Здѣсь разсказана исторія подушной подати, другихъ прямыхъ налоговъ, существовавшихъ наряду съ нею, а также косвенныхъ сборовъ: таможенныхъ, питейныхъ и канцелярскихъ за 1724—1775 гг., поскольку всѣ эти налоги относились къ городу. Отъ казенныхъ податей онъ переходитъ къ очень интересной главѣ о сборахъ и расходахъ на „мірскія“ нужды, т. е. на собственныя городскія потребности, дѣлая необыкновенно яркое сопоставленіе ничтожества городскихъ бюджетовъ съ громадностью казенныхъ платежей. Отдѣлъ о платежахъ заканчивается мастерски написанными параграфами, съ микроскопическою тонкостью изображающими способъ раскладки казенныхъ и городскихъ налоговъ между плательщиками.

Такова центральная часть книги. Познакомившись съ нею, наблюдатель современнаго намъ городского хозяйства можетъ утѣшиться. Въ сравненіи съ тою тягостью, которая лежала на городѣ XVIII в., его теперешнее тягло кажется только незначительнымъ остаткомъ, подлежащимъ окончательному снятію въ недалекомъ будущемъ. Все-таки наше городское хозяйство, если и бѣдное средствами для удовлетворенія запросовъ благоустройства, то по крайней мѣрѣ удовлетворяющее хотя необходимымъ нужды въ охраненіи народнаго здоровья и въ просвѣщеніи, сдѣлало большіе успѣхи за полтора столѣтія съ того времени, когда, напр., въ 1767 г. всѣ мірскіе расходы г. Москвы состояли всего 17,607 руб. и когда изъ нихъ затрачивалось: на санитарную часть—244 руб. (0,1%), на общественное призрѣніе—906 р. (0,5%), на поднесеніе солонки и блюда Ея И. В.—491 р. (0,3%), на ремонтъ мостовыхъ вмѣстѣ съ сооруженіемъ „красныхъ“ триумфальныхъ воротъ—618 руб. (0,3%) и на подводы подъ шествіе Ея И. В.—8.641 р. (49%).

Менѣе значительны по объему, но столь же большой интересъ возбуждаютъ двѣ другія части изслѣдованія: первая и четвертая. Въ первой части разсмотрѣны юридическія основанія принадлежности къ сословію посадскихъ людей, приведены цифры посадскаго населенія по даннымъ трехъ первыхъ ревизій и изученъ социальный составъ посада, слагавшійся изъ классовъ торговцевъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ. Въ этой части заслуживаютъ особеннаго вниманія статистическія данныя о посадскомъ населеніи, извлеченныя авторомъ изъ документовъ ревизій, съ необыкновенною добросовѣстностью оправданныя каждый разъ ссылкой на источники и тщательно изученныя въ различныхъ любознательныхъ сопоставленіяхъ. Къ нимъ всегда теперь придется обращаться, какъ только рѣчь зайдетъ о населеніи какого-либо изъ русскихъ городовъ въ XVIII в. Вообще, эта первая часть книги по тщательности разработки данныхъ и по стройности изложенія является на нашъ взглядъ наиболее отдѣланной. Напрасно только авторъ въ число основаній принадлежности къ посадскому населенію вводитъ очень неясное и неопредѣленное понятіе „посадской старины“, которое заставляеть его тотчасъ же впадать въ непослѣдовательность: то смѣшивая эту старину съ наслѣдственностью (стр. 24,9), то различать ихъ (стр. 7,12; каждое изъ этихъ основаній посвященъ даже особый параграфъ: §§ 3 и 4). Думается, что было бы лучше держаться двухъ такихъ опредѣленныхъ понятій, какъ наслѣдственность посадскаго состоянія и давность жительства на посадѣ. Мы

также не согласны съ взглядомъ автора на цѣли, съ которыми учреждались при Петрѣ цеховыя организаціи. Цехи устанавливались у насъ, говоритъ авторъ (стр. 145), въ интересахъ фиска и казенной службы. Въ глазахъ правительства существованіе цеховъ должно было прежде всего обезпечивать наличность ремесленниковъ, которыхъ можно было въ каждый данный моментъ призвать къ управленію казенныхъ работъ. Такое положеніе доказывается двумя очень поздними случаями. Въ 1749 г. потребовалось сшить кафтаны для придворныхъ пѣвчихъ, и оказалось, что цеха портныхъ не существуютъ. Въ 1761 г. потребовалось произвести ремонтъ половъ въ Зимнемъ дворцѣ, и оказалось, что не существуетъ цеха плотниковъ. Здѣсь авторъ не различаетъ цѣли закона, устанавливавшего цехи, отъ взглядовъ, установившихся на практикѣ. Цехи учреждались Петромъ не съ узко-фискальными цѣлями; наоборотъ, имѣлось въ виду усовершенствованіе ремесленного производства. Авторъ самъ же характеризуетъ Регламентъ главнаго магистрата, установившій цехи, какъ законъ, проникнутый очень широкими началами. Что въ послѣдствіи правительство обращалось къ цехамъ съ требованіемъ казенныхъ работъ, это не служитъ возраженіемъ противъ широты взглядовъ законодателя, намѣренія котораго на практикѣ однако не осуществились. Въ равной степени недоказаннымъ можно считать и положеніе автора (стр. 148) о томъ, что причина разрушенія цеховой организаціи заключалась въ отгнѣнѣ въ 1728 г. городскихъ магистратовъ, не подчиненныхъ воеводской власти, и восстановленія ратушъ, этой власти подчиненныхъ. Мы совершенно не видимъ, чѣмъ цехи были такъ привязаны къ магистратамъ, что должны были пасть вмѣстѣ съ ними. Какая разница между магистратами и ратушами относительно цеховъ, если припомнить, что воеводская власть фактически не переставала вмѣшиваться въ городскія дѣла за все короткое время существованія магистратовъ съ 1721 по 1728 г.? Искусственно созданные цехи вообще не привились къ русской жизни, какъ навязанное учрежденіе, которое отживало свой вѣкъ и на Западѣ; поэтому скоро они и пришли въ разстройство. Если ихъ существованіе такъ обуславливалось существованіемъ магистратовъ, то почему же они находятся въ полномъ упадкѣ и послѣ восстановленія магистратовъ съ 1743 г.?

Послѣдняя, четвертая, часть книги посвящена посадскому самоуправленію въ XVIII в., собственно посадскимъ сходамъ. Авторъ отклонилъ отъ себя изслѣдованіе магистратовъ и ратушъ, какъ органовъ городского управленія, во-первыхъ, потому, что онъ въ нихъ видитъ органы земскіе только по ихъ выборному происхожденію, но бюрократическіе по характеру ихъ дѣятельности и по порядку ихъ ответственности и отчетности, во-вторыхъ, потому, что эти учрежденія изслѣдованы въ прежнихъ трудахъ Плюшинскаго, Пригары и Дитятина. Послѣднее не совсѣмъ справедливо. Въ распоряженіи названныхъ писателей былъ только односторонній законодательный матеріалъ, напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ, и только въ очень маломъ количествѣ матеріалъ фактическій. Въ распоряженіи нашего автора должно было быть послѣ его работъ въ архивахъ цѣлое богатство именно такого фактическаго матеріала, который былъ освѣтлялъ дѣятельность магистратовъ не со стороны только юридическихъ нормъ, но и со стороны практики. Не съ тою подробностью и фактической обоснованностью, какихъ они заслуживали, изучены авторомъ тѣ мелкіе самоуправляющіеся союзы: слободы, сотни и гильдіи, изъ которыхъ составлялась посадская община и завершеніемъ которыхъ являлся общій посадскій сходъ (стр. 630—632). Но въ высшей степени обстоятельное изслѣдованіе состава и дѣятельности этого общепосадскаго схода—одна изъ главныхъ заслугъ автора. Такое изслѣдованіе дается впервые. Посадскіе сходы очень мало были регламентированы законодательствомъ и дѣйствовали по обычному праву. Вотъ почему слѣдовъ ихъ дѣятельности и не могло найтись много въ законодательныхъ памятникахъ, которые легли въ основу прежнихъ работъ по исторіи города. Ихъ только подозрѣвали, но о нихъ не знали ничего положительнаго. Вся эта часть написана исключительно по архивнымъ даннымъ. Ея содержаніе полно свѣжести и новизны, а ея изложеніе—яркости и драматизма, въ особенности въ мѣстахъ, касающихся социальной борьбы, ареною которой были посадскіе сходы.

Можно, конечно, жалѣть, что авторъ ограничился только одною стороною въ жизни посада XVIII в.,—тою, которою посадъ былъ обращенъ къ государству, къ казнѣ; сосредоточилъ все вниманіе на составѣ казеннаго тягла и на устройствѣ его отбыванія и не далъ картины внутренней стороны городской жизни, той бытовой обстановки, среди которой жилъ посадскій человѣкъ XVIII в., и

того духовнаго уровня, на которомъ этотъ человекъ стоялъ. Но такія сожалѣнія возбуждаются потому, что книга показываетъ, съ какимъ талантомъ и эрудиціей авторъ могъ бы разрѣшить ту или другую задачу и удовлетворить любознательность читателя по тому или другому вопросу. И за то, что имъ сдѣлано, русская историческая наука обязана автору большою благодарностью. Обширная, полная деталей, цифръ и таблицъ диссертация г. Кизеветтера, несомнѣнно, будетъ нуждаться въ популяризаціи для распространенія ея выводовъ среди большой публики. Но для спеціалиста ученаго она надолго останется обильной и незамѣнимой сокровищницей данныхъ по исторіи русскаго города въ XVIII в.

М. Богословскій.

Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года. Спб., 1903. Стр. 314. Цѣна 1 рубль.

Книга г-жи Щепкиной при самомъ своемъ появленіи въ свѣтъ была встрѣчена дружнымъ хоромъ пріятствій и одобреній. И для такого пріема имѣлись, конечно, всѣякія основанія. Книга выгодно отличается отъ другихъ подобныхъ изданій, загромаждающихъ безъ нужды нашъ книжный рынокъ, особенно если сравнить ее съ учебниками и пособиями, „одобренными“ и „допущенными“ оффиціальной критикой. Въ книгѣ г-жи Щепкиной нѣтъ пустыхъ анекдотовъ; фактичeskій матеріалъ провѣренъ по научнымъ даннымъ; цѣлая треть книги отведена девятнадцатому вѣку,—и здѣсь отмѣчена не только военная и политическая, но и общественная исторія; на ряду съ финансовой политикой Гурьева и Канкринна встрѣчаемъ и западниковъ съ славянофилами, и нигилистовъ съ „эмансипированными“ женщинами, и творчество Пушкина, и высшіе женскіе курсы. Новымъ свѣтомъ освѣщены нѣкоторыя важныя эпохи,—напр., эпоха Ивана Грознаго или Петра Великаго. Это обиліе свѣжаго, интереснаго матеріала придаетъ книгѣ большую цѣнность, и этому не мѣшали бы, можетъ быть, нѣкоторые пробѣлы и неточности, встрѣчаемые въ книгѣ, но, конечно, легко исправимые. Думаемъ, что и вызывались они больше всего тою поспѣшностью, съ какою, повидимому, писалась книга. Изъ числа такихъ пробѣловъ укажемъ, напримѣръ, что въ книгѣ ничего нѣтъ о 14 декабря и декабристахъ, въ числѣ западниковъ 40-хъ годовъ не упомянутъ Грановскій, не указанъ никто изъ славянофиловъ; въ главѣ о крестьянской реформѣ Александра II даже не названа великая княгиня Елена Павловна, такъ же, какъ и Левшинъ, Самаринъ, Черкасскій; не отмѣчено, что московское дворянство откликнулось на призывъ къ крестьянской реформѣ только послѣ извѣстнаго циркуляра Ланскаго съ угрозой—взять все дѣло освобожденія въ бюрократическія руки правительства. Изъ числа другихъ погрѣшностей упомянемъ о странной хронологіи соборовъ Грознаго, объ утвержденіи, что „первый толчокъ къ возникновенію государства среди восточныхъ славянъ дали норманны“, — какъ будто бы никакого государственнаго порядка не было до нихъ, — о еще болѣе странномъ и вызывающемъ недоумѣніе выраженіи, что въ 60-хъ годахъ „разомъ народилось сочувствіе ко всѣмъ угнетеннымъ, слабѣйшимъ и младшимъ“. Особенно много погрѣшностей въ экскурсахъ, какіе себѣ позволилъ авторъ въ исторію западной Европы. Здѣсь, напримѣръ, узнаемъ, что извѣстный принципъ: *cujus regio, ejus religio* былъ не просто статьей Аугсбургскаго мирнаго договора, но догматомъ реформаціоннаго религіознаго движенія; что во время французской революціи привилегированные отказались (въ ночь 4 августа) отъ привилегій, не вынужденные, а „увлеченные“ народнымъ броженіемъ.

Книга г-жи Щепкиной задумана серьезно, написана съ знаніемъ дѣла и читается съ живымъ интересомъ. Но есть двѣ манеры писать историческія книги, распологать въ нихъ историческій матеріалъ. Одна заключается въ томъ, что исторія дѣлится на рядъ мекаховъ отдѣловъ, охватывающихъ, напр., одно княженіе или одно царствованіе; рассказываются важнѣйшія событія каждаго такого періода, и по поводу этихъ событій дается историческій комментарий, касающійся и порядковъ. Другой способъ состоитъ въ томъ, что исторія дѣлится на рядъ крупныхъ, законченныхъ эпохъ, и на первый планъ въ каждой изъ нихъ выдвигается развитіе порядковъ, а событія въ видѣ иллюстрацій отходятъ на задній планъ; эволюція каждой стороны исторической жизни—хозяйства, общественнаго строя, управленія—прослѣживается цѣликомъ черезъ всю эпоху, если не черезъ всѣ эпохи. Этимъ достигается гораздо большая систематичность изложенія, стройность и ясность плана; сильнѣе подчеркивается эволюціонная идея,—и книга получаетъ извѣстный научный интересъ.

И вот мы должны сказать, что книга г-жи Щепкиной построена не по второму плану. Книга разбита на бесконечный ряд мелких отдѣловъ; такими отдѣлами служатъ и эпоха Грознаго, и царствование Анны Ивановны, и даже два года правленія Екатерины I. Исторія каждой стороны русской жизни дробится на рядъ мельчайшихъ частицъ, сцѣпляемыхъ чисто механически, въ предѣлахъ каждаго періода, съ частицами изъ другихъ рядовъ въ какой-то историческій калейдоскопъ, причѣмъ, какъ и въ калейдоскопѣ, мѣняется каждый разъ самый порядокъ сцѣпленія. Все зависитъ отъ того, какъ располагаются въ данномъ періодѣ характерныя для него событія; ходъ войны или реформы, созваніе собора или комиссіи, словомъ, внѣшняя хронологія событій—опредѣляютъ послѣдовательность изложенія. Напримѣръ, въ главахъ, посвященныхъ Грозному, говорится сперва о войнахъ, потомъ о финансахъ и наконецъ о классахъ; а въ главахъ, посвященныхъ Екатеринѣ II, говорится сперва о классахъ, потомъ о войнахъ и наконецъ о финансахъ. Въ главѣ о Николаѣ I непосредственно за фабриками (и безъ всякой связи, кромѣ развѣ аллегорической) рѣчь идетъ о гимназіяхъ и университетахъ; а въ главѣ объ Александрѣ II университеты и гимназіи выдѣлены особо, а фабрики связаны уже съ финансами, цензурой и тѣлесными наказаніями. Въ главѣ объ Аннѣ Ивановнѣ нѣсколько словъ о тарифѣ втиснуто въ изложеніе между дипломатами и дворянами. Финансы при Петрѣ Великомъ введены въ разсказъ лишь для того, чтобы показать, „съ какими доходами начала Россія Сѣверную войну“, а „управленіе въ концѣ XVII вѣка“ (гдѣ соединены вмѣстѣ подворная подать Федора Алексѣевича и петровскія губерніи—съ мятежемъ Разина и совѣтами Крижанича) изображается въ разсказѣ о правленіи царицы Натальи Кирилловны. Очеркъ просвѣщенія Московскаго времени включенъ въ главу о „настроеніи“ Грознаго; о Преображенскомъ приказѣ говорится по поводу князя Ромодановскаго, а о смерти патріарха Адриана по поводу Преображенскаго приказа; указъ о единонаслѣдіи связывается съ табелью о рангахъ, а законъ Петра о престолонаслѣдіи вытекаетъ какъ будто бы изъ условій тогдашней беллетристики.

Насколько доминирующее значеніе имѣютъ въ книгѣ событія, легко видѣть изъ содержанія хотя бы первой главы. Здѣсь безнадежная путаница именъ и фактовъ, въ которой мелькаютъ, одни за другими, греки, дулѣбы, древяне, углич, бѣдохорваты, месть Ольги и измѣна Блуда, бѣгство Владиміра и побѣды Свѣнелда. Очеркъ же общественнаго и политическаго устройства Руси при первыхъ князьяхъ нашелъ себѣ мѣсто лишь во второй главѣ. Если при этомъ разсказъ лѣтописца о призваніи князей названъ наивнымъ и дана оцѣнка разсказа о крещеніи Руси, то этимъ устанавливается только фактическая достовѣрность этихъ извѣстій; критическій же анализъ извѣстій—лишь одна изъ задачъ историка.

Книга г-жи Щепкиной даетъ провѣренный историческій матеріалъ, но не приводитъ его въ надлежащую систему. Факты связываются искусственно; зато нарушается между ними историческая связь. Есть очеркъ каждаго царствования, каждаго княженія, разсказано и объяснено каждое событіе, и нѣтъ общаго очерка развитія крѣпостнаго права въ Московскія времена или въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ характеристики Имперіи XVIII вѣка, не связанъ въ одно цѣлое восточный вопросъ.

Указанныя особенности книги г-жи Щепкиной не составляютъ, конечно, ея исключительной монополіи. Такая система, или, вѣрнѣе, такое отсутствіе системы, слишкомъ распространено, слишкомъ общепотребительно въ нашей литературѣ. Даже университетскіе курсы лекцій у насъ нерѣдко строятся по тому же плану.

М. Коваленскій.

Габр. Ганото. Франція передъ Рихелье. Переводъ съ французскаго С. П. Мельгунова. Подъ редакціей С. П. Моравскаго. М. 1903. in 8-во. Стр. VIII+308. Изданіе В. А. Карцева. Ц. 1 руб. 25 коп.

По цѣлому ряду переводовъ русской читатель можетъ довольно хорошо ознакомиться съ тѣмъ, какъ разложился во Франціи такъ называемый „старый порядокъ“ и какъ великая революція смела этотъ порядокъ, преподавъ прекрасный урокъ всѣмъ европейскимъ государствамъ. Каково было послѣдовательное развитіе и каковы были непосредственные результаты революціоннаго движенія конца XVIII-го вѣка, мы знаемъ, но всѣмъ этимъ не исчерпывается живой интересъ русскаго читателя... Ему надо заглянуть въ самую глубь вещей: какъ со-

здался этот „старый порядок“, какія тончайшія нити сложной исторической работы дали причудливую ткань полного внутреннего разложения и почему рѣшительно взяла верх революція, а не реформа. Вѣдь эта революція есть столько же достояніе всемірной исторіи, сколько опредѣленный фактъ французской культуры. Революція 1789 года есть грань, отдѣляющая старую Европу отъ новой, какъ является таковою же гранью, отдѣляющею средневѣковую Европу отъ старой, Реформація 1519 года. Отдѣльные періоды историческаго развитія Европы, если угодно, можно обозначать какъ послѣдовательное проникновеніе культурно-бытовыхъ началъ монотеизма въ *первомъ* періодѣ, свободаго разума въ *другомъ* и политической свободы въ *третьемъ*; нынѣ возможно утверждать приближеніе *четвертаго* періода, который предстоитъ охарактеризовать какъ преддверіе въ царство социальна-экономической свободы. Само собою разумѣется, что приведенныя обозначенія надо понимать не какъ логическія формулы, не какъ абстрактныя схемы, а какъ извѣстный кругъ живыхъ реальныхъ отношеній, словно въ фокусѣ собирающихъ всѣ разнообразныя отбѣнки данной дѣйствительности. Каждая изъ европейскихъ народностей должна пройти указанныя стадіи развитія, перейти изъ одного въ другой или бурно и рѣзко, или исподволь и тихо. Вдумчивый читатель невольно можетъ остановиться передъ жгучимъ вопросомъ, какъ же можетъ произойти переходъ въ третій періодъ тамъ, гдѣ такового еще не воспослѣдовало. Не можетъ ли современный человѣкъ въ этотъ воспалительный процессъ перехода ввести жаропонижающее средство сознательности, пользуясь для того научно подобраннымъ матеріаломъ изъ исторіи какъ своего, такъ и чужихъ социальныхъ организмовъ? Если это возможно, то изученіе социального организма Франціи получаетъ особенный интересъ и значеніе; ея „старый порядокъ“ въ процессѣ своего сложенія становится для насъ болѣе поучительнымъ, нежели въ періодѣ разложенія, если только первый изучается съ опредѣленною цѣлью выяснитъ условія, при которыхъ его мирное приспособленіе къ совершенно новымъ жизненнымъ потребностямъ оказалось невозможнымъ...

Книга Ганото можетъ до нѣкоторой степени удовлетворить того русскаго читателя, который пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей установленія „старого порядка“ во Франціи. Вынося изъ этой „картины Франціи во время смерти Генриха IV и наканунѣ того дня, когда Ришелье впервые принялъ на себя бразды правленія“, рядъ сильныхъ впечатлѣній, читатель знакомится, по справедливому замѣчанію редактора перевода, не только съ строемъ французскаго общества и государства въ томъ видѣ, какъ онъ сложился къ 1614 году: авторъ, касаясь какого-нибудь учрежденія, класса или явленія общественной жизни, всегда начинаетъ съ краткаго очерка его предшествовавшей исторіи (стр. VIII). Цѣль автора направлена къ тому, чтобы „изобразить жизнь провинцій и столицы, дѣятельность учреждений, влияние традицій, общій ходъ государственной жизни, умственное и нравственное развитіе, совершавшееся въ различныхъ классахъ общества,—также раскрыть до извѣстной степени тайныя пружины внутренней энергіи и силы, столь быстро поднявшія Францію на ту высоту, на которую она стала въ то время и удерживалась въ теченіе всего XVIII столѣтія“ (стр. III; срв. стр. 58 и 78). Обнаруживая главныя условія развитія французской цивилизаціи въ политическомъ, социальномъ и духовномъ строѣ, авторъ послѣдовательно изучаетъ каждый въ особой главѣ, предпосылая всему изложенію историко-географическій обзоръ Франціи въ 1614 году (провинціи, Парижъ, Луврѣ, дворъ, король — стр. 1—58). Центральное мѣсто въ книгѣ Ганото занимаетъ вторая глава „Политическій строй“ (стр. 58—206); главы третья (стр. 206—263) „Социальный строй“ и четвертая (стр. 263—293) „Религіозные вопросы“ являютя какъ бы простыми спутниками основной главы. Уже самый порядокъ изложенія Ганото и количество страницъ, отведенныхъ на каждую изъ облюбованныхъ имъ темъ, можетъ подсказать читателю тотъ естественный недостатокъ, которымъ неизбежно будетъ страдать въ общемъ превосходная картина Франціи въ 1614 году, нарисованная искусною кистью нашего автора. Ганото взялъ фономъ для своей работы политическую обстановку, а основнымъ сюжетомъ короля и родину; было бы правильнѣе поступить иначе: политическую обстановку и короля съ родиной отвести въ пользу фона, а основнымъ сюжетомъ признать изученіе социальной среды, которая обуславливаетъ собой и содержаніе королевской власти, и общій характеръ политическаго быта страны. Авторъ утверждаетъ, что „общества создаются снизу“ и что поэтому вслѣдъ за изученіемъ главныхъ моментовъ развитія королевской власти и послѣдовательнаго хода сдѣланныхъ ею завоеваній, надо прежде всего изучить *военныя учрежденія*. Трудно, однако, обрисовать

войско (стр. 78—93) въ главѣ о политическомъ строѣ и выдѣлить дворянство совсѣмъ въ другую главу. „Наемныя войска,—говоритъ здѣсь авторъ (стр. 84 и 93),—являлись причиной и могущественнымъ орудіемъ деспотизма“; объясненіе это представляется механическимъ и оно не становится болѣе убѣдительнымъ отъ категорической ссылки на показанія современниковъ, что во Франціи не давали оружія народу изъ боязни, чтобы онъ не возсталъ противъ своихъ притѣснителей. А развѣ деспотизмъ вездѣ опирался только на наемныя войска? Развѣ не пытался онъ столь же удачно или даже еще лучше при помощи арміи изъ народа? На этотъ вопросъ книга французскаго историка отвѣтитъ не можетъ, ему не оказываетъ помощи прекрасная реплика (на стр. 80) о томъ, какъ въ исторической дѣйствительности изъ одного невыносимаго зла можетъ вытекать другое, какъ напр., то, которое „терпитъ еще до сихъ поръ современное общество: постоянныя войска“. Согласно отмѣченной выше особенности мы находимъ въ книгѣ Ганото раздѣлъ, посвященный финансамъ (стр. 133—151), раздѣлъ весьма любопытный и цѣнный для читателя, который напрасно сталъ бы искать въ разбираемой книгѣ особую характеристику хозяйственнаго строя. Тѣ или другія черты хозяйственнаго строя мелькаютъ въ разныхъ главахъ, но онѣ не сведены въ цѣлую картину; черты политическаго строя попадаются во всѣхъ главахъ, но онѣ, кромѣ того, являются основнымъ сюжетомъ обширной второй главы. Намъ думается, что игнорированіе социальной среды и здѣсь сказывается рѣзко. Намъ представляется натурумамъ это старое представленіе о чрезвычайной связи народнаго хозяйства германцевъ съ экономической катастрофой римской имперіи. Зато авторъ справедливо понравится русскому читателю въ своемъ уже далеко не новомъ для насъ утвержденіи, что „быстрое исчезновеніе рабства въ Европѣ во времена, въ общемъ еще очень варварскія, представляетъ собой одно изъ поразительныхъ историческихъ явленій“ и что „этотъ важный экономическій фактъ не можетъ быть объясненъ исключительно гуманнми или религіозными соображеніями“ (стр. 136, 141). Вслѣдъ за пикантнымъ изображеніемъ королевскаго бюджета въ 1609 и 1614 годахъ авторъ дѣлаетъ цѣнный съ нашей точки зрѣнія выводъ, который опять-таки грѣшнъ извѣстной односторонностью. „Не будучи въ состояніи освободиться отъ своего прошлаго,—пишетъ Ганото (стр. 151), королевская власть никогда не сумѣла устроить такую финансовую систему, которая соответствовала бы ея нуждамъ и стремленіямъ и которая распредѣляла бы бремя повинностей между всѣми пользующимися благотвельною дѣятельностью государства; это-то безсиліе и должно повести монархію къ крушенію и, когда за два вѣка накопились еще новые недочеты, мы увидимъ, какъ экономической катастрофой закончится эволюція того историческаго процесса, исходной точкой котораго было экономическое крушеніе римскаго міра“. Государство здѣсь такимъ образомъ и на пьедесталъ поставлено, и отъ народа изолировано, во все-таки конечный итогъ не отвергнешь: власть, которая не пытается постояннымъ притокомъ свѣжихъ народныхъ силъ, осуждена на гибель, и если эта гибель не происходитъ во-время, то приходится перетерпѣть неисчислимыя бѣды.

Читая книгу Ганото, такъ и тянетъ побесѣдовать по цѣлому ряду замѣчательно интересныхъ деталей: картина автора скомпанована мастерски въ смыслѣ сжатости изложенія, съ одной стороны, и громоздкости и значительности матеріала—съ другой; изъ каждой главы его книги можно сдѣлать по обширному тому историческаго разсказа для привыкшей къ серьезному чтенію публики. За недостаткомъ мѣста позвольте ограничиться въ дальнѣйшемъ нѣсколькими бѣглыми штрихами. Въ раздѣлѣ „судъ“ (стр. 94—114) читатель не можетъ не обратить вниманія на характеристику судебъ парижскаго парламента, учрежденія, которое не представляло и не могло представить изъ себя органа либеральной оппозиціи. Король, говоритъ Ганото (стр. 113 и 114), долженъ „лично исполнять обязанности, связанныя съ его положеніемъ, онъ самъ управляетъ, командуетъ и судитъ; король является въ иныхъ случаяхъ въ одно и то же время и судьей, и стороной; здѣсь произволъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ и мы находимся въ области полнаго деспотизма; самъ король не можетъ разобрать, гдѣ въ проявленіи его воли — право, а гдѣ — злоупотребленіе правомъ“ (стр. 114). Таково естественное завершеніе роли абсолютнаго короля по представленію такого французскаго историка, котораго надо основательно попрекнуть за его чрезмѣрное пристрастіе къ королевскимъ персонажамъ эпохи сложенаго „старога порядка“ во Франціи! Это пристрастіе не помѣшало однако г. Ганото сдѣлать вышеприведенное заключеніе послѣ изображенія судебно-политической роли парижскаго парламента. Судьбы генеральныхъ штатовъ прослѣжены авторомъ также въ особомъ раздѣлѣ

(стр. 160—173); Ганото говорить, что здѣсь его цѣлью было „опредѣлить причины неудачи штатовъ или, съ болѣе общей точки зрѣнія, неудачу вообще политическихъ собраній при старомъ порядкѣ“. Нашъ читатель не безъ волненія остановится на томъ раздѣлѣ книги Ганото, который озаглавленъ терминомъ *крестьянинъ* (стр. 250—263). Ганото начинаетъ съ комплимента, что онъ „дошелъ, наконецъ, до тѣхъ миллионовъ земледѣльцевъ и крестьянъ, которые во всѣ времена составляли истинную силу Франціи“. Но если крестьяне во всѣ времена составляли истинную силу Франціи, то почему Ганото угодно политикѣмъ королей посвящать болѣе сотни страницъ, а на долю крестьянскаго житья-бытья удѣлять только одинъ десятокъ? Отъ неловкаго комплимента Ганото переходитъ къ неожиданному унынію: „крайній недостатокъ свѣдѣній относительно всего, что касается крестьянъ, можетъ привести въ отчаяніе... Французскіе крестьяне не имѣютъ исторіи“, и вся глава о крестьянахъ оставляетъ желать у нашего автора много лучшаго (см., впрочемъ, цѣнныя замѣчанія на стр. 251 и 258).

Намъ остается теперь оговорить заключеніе книги Ганото (стр. 293—306). Оно стоитъ въ органической связи съ содержаніемъ всей книги и въ значительной мѣрѣ отражаетъ на себѣ ея принципиальные недостатки: наклонность къ лирическому патриотизму, вкусъ къ апоэозу роли французскихъ королей эпохи сложенія „старога порядка“, предрасудокъ выдвигать на первый планъ политическій строй вмѣсто живой и конкретной социальной среды. Серьезно и умно, съ большой эрудиціей и живымъ литературнымъ талантомъ написанная книга Ганото, идя не совсѣмъ правильнымъ путемъ, дѣлаетъ однако правильные выводы, которые можетъ схватить и принять къ сердцу лишь болѣе опытный читатель. Строй „старога порядка“ въ самомъ себѣ носилъ всѣ внутренніе признаки разложенія. „Централизація,—говоритъ онъ (стр. 305—306),—ведетъ къ деспотизму, а деспотизмъ почти неминуемо къ визирату... Дойдя до чрезмѣрнаго развитія, эта система требуетъ отъ человѣческихъ силъ того, чего онѣ не могутъ дать“. Ганото думаетъ, что абсолютизмъ мыслимъ лишь въ эпоху героическихъ поколѣній въ исторической дѣйствительности; новое европейское государство, правовое, не въ силахъ съ нимъ ужиться: право исключаетъ произволъ, порядокъ губитъ грубое насилие. „Когда, пишетъ на своемъ нѣскольکو дѣланномъ жаргонѣ Ганото, героическія поколѣнія сошли со сцены, почувствовалась недостатокъ въ великихъ короляхъ и великихъ министрахъ, и нація принуждена была сама принять бремя изъ слабѣющихъ рукъ ихъ немощныхъ преемниковъ“ (стр. 306). В. Сторожевъ.

Д-ръ мед. Н. Н. Баженовъ, прив.-доц. Моск. унив. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ авторъ собралъ свои публичные рѣчи и популярныя лекціи на литературныя и общественныя темы и посвятилъ книгу памяти своего учителя, извѣстнаго профессора С. С. Корсакова, предназначивъ весь чистый доходъ въ распоряженіе московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ въ пользу фонда имени покойнаго ученаго. Сборникъ открывается обстоятельной и теплой характеристикой „внѣуниверситетской дѣятельности и значенія С. С. Корсакова, какъ врача и учителя“. Изъ остальныхъ статей двѣ относятся къ области психіатріи (Юбилейный годъ въ исторіи психіатріи и Область и предѣлы внушенія), а четыре заняты анализомъ разныхъ видовъ патологическаго творчества.

Послѣдняя группа статей представляется намъ въ высшей степени цѣнной. Г. Баженовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ (къ сожалѣнію, не многочисленныхъ) психологовъ и психіатровъ, которые отъ времени до времени подаютъ свой авторитетный голосъ въ дѣлѣ изученія столь сложнаго психологическаго акта, какъ художественное творчество. Теперь едва ли уже кто-нибудь присоединится къ тѣмъ невѣжественнымъ упрекамъ, какіе въ свое время дѣлалъ г. Арсеній Введенскій по адресу проф. Чижа („Литературныя характеристики“, стр. 103—104), но нашъ авторъ все еще опасается возможности подобныхъ сужденій и нѣсколько разъ пытается оправдать законность своего вѣщательства въ область другой специальности (стр. 10—11, 24, 41, 112 и др.). Взятую на себя задачу г. Баженовъ выполняетъ съ рѣдкою осторожностью: онъ все время боится перейти границы своей компетенціи, постоянно напоминаетъ читателю о трудности рѣшаемаго вопроса и далеку отъ какихъ-либо прямолинейныхъ выводовъ.

Его рѣчь, озаглавленная „Больные писатели и патологическое творчество“, даетъ читателю-неспециалисту общія руководящія идеи, прекрасно иллюстриро-

ванна на произведеніяхъ нѣсколькихъ „больныхъ“ писателей, каковы: Гаршинъ, Жераръ-де-Нерваль, де-Квинсеу, Эдгаръ Поэ, Достоевскій, Гюи-де-Мопассанъ. Авторъ прослѣживаетъ здѣсь три типа отраженія душевной болѣзни писателей въ ихъ произведеніяхъ: во-первыхъ, художественное воспроизведеніе пережитаго ими психическаго разстройства (какъ въ „Красномъ цвѣтѣ“ Гаршина), во-вторыхъ, общее влияние психопатическихъ особенностей писателя на характеръ его творчества и, въ-третьихъ, „созданіе такихъ образовъ и анализъ такихъ психопатологическихъ состояній, которыя могли быть воспроизведены только благодаря сочетанію въ авторѣ большого таланта съ большимъ душевнымъ страданіемъ“ (какъ, напр., у Достоевскаго). Опредѣляя дѣйствительную роль патологическихъ факторовъ въ творествѣ крупныхъ художниковъ слова, г. Баженовъ не даетъ увлечь себя одностороннимъ теоріямъ, какъ бы соблазнительны онѣ ни казались: несмотря на присутствіе несомнѣнныхъ аномалій въ психикѣ того или другого писателя, онъ не думаетъ сводить все объясненіе его творчества къ этой основѣ и возстаётъ, напр., противъ „столь же несправедливаго, сколь и легковѣснаго приговора“ М. Нордау, который во всей литературной дѣятельности Мопассана видитъ лишь результатъ его „патологической эротоманіи“ (36); онъ съ изумленіемъ говоритъ о силѣ творческой интуиціи Достоевскаго, который могъ „охватить и постигнуть такіа сложныя патологическія состоянія большого мозга и большихъ нервовъ, для научнаго установленія и анализа которыхъ потребовались многіе годы упорнаго и кропотливаго труда цѣлыхъ легионовъ врачей“ (24). Принужденный въ своемъ этюдѣ сразу говорить о многомъ, авторъ поневолѣ становится кратокъ и съ этой стороны, можетъ быть, не вполне удовлетворяетъ читателя, но зато хорошо подготавливаетъ его къ пониманію слѣдующихъ специальныхъ работъ о Гаршинѣ, Гоголѣ, символистахъ и декадентахъ.

Въ превосходномъ очеркѣ г. Баженовъ раскрываетъ передъ нами душевную драму Гаршина, отчетливо выдѣляя психологические элементы его богатаго творчества и тѣ особенности его интеллектуальной жизни, которыя связаны съ его болѣзью—циркулярнымъ психозомъ. Точно такъ же историкъ литературы не можетъ обойти вниманіемъ и другой важной статьи разбираемаго сборника „Болѣзни и смерть Гоголя“. На основаніи тщательнаго изученія біографическихъ данныхъ и обширной переписки Гоголя, г. Баженовъ приходитъ къ заключенію, что знаменитый писатель обладалъ „прирожденною невропатическою конституціею“, что онъ былъ неврастеникомъ съ ипохондрическими идеями (135), что на почвѣ этой болѣзненности, въ послѣдніа 15—20 лѣтъ его жизни, у него и развился періодическій психозъ въ формѣ *melancholia periodica*, и что смерть Гоголя послѣдовала отъ истощенія и остраго малокровія мозга, вызваннаго формой самой болѣзни и усиленнаго неправильнымъ, ослабляющимъ лѣченіемъ, въ особенности кровопусканіемъ“ (159).

Анализируя жизнь и творчество символистовъ и декадентовъ, авторъ находитъ въ этомъ литературномъ теченіи всѣ характерныя признаки „нервно-психическаго вырожденія въ строго-научномъ смыслѣ этого слова“ (71): „скудость фантазіи и убожество мысли, поверхностность, капризность и причудливость настроенія, извращенность вкусовъ и вообще ненормальность психологической реакціи, нравственную тупость, уродливость и болѣзненность ассоціативныхъ и высшихъ логическихъ процессовъ, равную той, которую можно наблюдать въ тяжелыхъ и большею частью неизлѣчимыхъ формахъ психозовъ, и рядомъ съ этимъ ничѣмъ не мотивированную переоцѣнку собственной личности“ (70). Но замѣчательно, что и тутъ г. Баженовъ проявляетъ большую осторожность въ своихъ заключеніяхъ: онъ не забываетъ высказать предположеніе, что, можетъ быть, такъ называемое декадентство, ставшее у насъ уже замѣтнымъ общественнымъ явленіемъ, дѣйствительно, знаменуетъ наступленіе новаго періода творчества, быть можетъ, говоритъ онъ, вслѣдъ за современными декадентами и символистами „явится когда-нибудь большой художникъ, который силою своего генія озаритъ эти потемки и въ самомъ дѣлѣ дастъ людямъ новую эстетическую формулу и укажетъ новый, до сихъ поръ невѣдомый, родникъ эстетическихъ наслажденій“ (41—42). Даже болѣе того. Присматриваясь къ картинѣ психической дисгармоніи, какую можно наблюдать у названной категоріи лицъ и у другихъ „больныхъ“ писателей, г. Баженовъ склоненъ подозрѣвать здѣсь не одно проявленіе дегенераци, но и симптомы прогенераци, „предвосхищенія нѣкотораго будущаго высшаго типа—предвосхищенія, конечно, неполнаго и несовершеннаго и уже по этому самому представляющагося намъ съ болѣзненнымъ патологическимъ оттѣнкомъ“ (стр. 123; ср. также стр. 74, 117).

Все сказанное, надѣмся, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ выдающемся интересѣ „Психіатрическихъ бесѣдъ“ г. Баженова. Если мы, наконецъ, прибавимъ, что онѣ написаны вполне популярно и живымъ, литературнымъ языкомъ, то и можемъ смѣло рекомендовать ихъ каждому образованному читателю.

П. Санулинъ.

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени императора Александра III. Описание памятниковъ. Вып. III. М. 1903 г.

Историческому музею удалось приобрести драгоценный списокъ—подлинную (черновую) рукопись первоначальной редакціи комедіи „Горе отъ ума“. Ее знали, но далеко не всѣмъ въ ней воспользовались, и заимствованныя изъ нея данныя обыкновенно сливались съ данными другими источниковъ. Какъ извѣстно, всѣ прежнія изданія этой пьесы дѣлались со списковъ, болѣе или менѣе авторитетныхъ. Подлинникъ Грибоѣдова давно исчезъ — какъ предполагають, во время тегеранской рѣзни.

Все это придаетъ особое значение настоящему изданію. Оно прекрасно разъяснено почтеннымъ редакторомъ этого изданія, В. Е. Якушкинымъ. „Хотя рукопись, теперь издаваемая, представляетъ черныя одной изъ первоначальныхъ редакцій комедіи, но большая часть пьесы имѣется здѣсь уже въ окончательномъ видѣ, и издаваемая рукопись между прочимъ опредѣленно рѣшаетъ нѣсколько сомнительныхъ вопросовъ по чтенію текста, возбуждавшихъ противорѣчія и недоразумѣнія среди прежнихъ издателей. Въ будущемъ всякое серьезное изданіе великой комедіи должно будетъ основываться на данныхъ этой подлинной рукописи, брать изъ нея все, что она заключаетъ въ окончательной редакціи, извлекать всѣ дополнительные указанія, которыя она дѣлаетъ и тамъ, гдѣ текстъ ея не отдѣланъ еще вполне. Эта рукопись между прочимъ даетъ отчасти указанія и для оцѣнки сравнительнаго достоинства позднѣйшихъ списковъ, для установленія взаимнаго между ними отношенія. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ эта рукопись для изученія приемовъ творчества Грибоѣдова. Она представляетъ перебѣленный текстъ (результаты предшествовавшей продолжительной работы), но на этотъ перебѣленный текстъ нанесены поправки, мѣстами двойныя и тройныя; сопоставленіе этихъ поправокъ между собою, сопоставленіе окончательнаго текста рукописи съ позднѣйшей редакціей комедіи, извѣстное по спискамъ, даетъ опредѣленное понятіе о работѣ Грибоѣдова и объ ея приемахъ“.

Книга издана изящно. Къ ней приложено 5 прекрасныхъ фототипій. На одной изъ нихъ воспроизведенъ заглавный листъ рукописи, изъ котораго видно, что Грибоѣдовъ хотѣлъ первоначально назвать свою пьесу „Горе уму“, но потомъ передѣлалъ на „Горе отъ ума“.

Вл. Калашъ.

Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ горе злочастіе довело молодца во иноческій чинъ. Спб., 1903 г.

Въ 1852 г. А. Н. Поповъ открылъ въ одномъ изъ сборниковъ публичной бібліотеки замѣчательнѣйшее произведеніе нашей допетровской литературы— „Повѣсть о горѣ-злочастіи“. Отдѣленіе русскаго языка и словесности академіи наукъ рѣшило къ 50-лѣтію учено-литературной дѣятельности своего сочлена издать фототипическіе снимки съ этого драгоценнаго памятника, съ чтеніемъ текста, примѣчаніями и предисловіемъ г. Симова объ исторіи находженія „Повѣсти“, ея изданіяхъ, истоклованіяхъ и пр.

Занимающимся и интересующимся исторіей нашей древней литературы это прекрасное изданіе вполне замѣнитъ рукопись.

Вл. Калашъ.

Мелкая земская единица въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. Выпускъ второй. Спб. 1903 in 8-vo. Стр. 4 нн.+272. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго при участіи редакціи газеты „Право“. Ц. 1 р. 50 к.

О первомъ выпускѣ сборника „Мелкая земская единица“ мы имѣли случай говорить въ девятой книгѣ „Научнаго Слова“ за 1903 г. (стр. 134—136). Второй выпускъ открывается весьма живо и популярно написанной статьей Г. И. Шрейдера „Мелкая земская единица въ условіяхъ русской жизни“ (стр. 1—89), а заканчивается перепечаткой указа перваго департамента Правительствующаго Сената отъ 26 августа 1903 г., о предѣлахъ компетенціи земства въ обсужденіи вопроса

о мелкой земской единице (стр. 267—272), указа. Затем центральное место в сборнике занимает „Сводный проект организации мелкой земской единицы“ (стр. 240—266), составленный И. В. Гессеном на основании имевшихся в распоряжении редакции сборника земских проектов, при чем в основу сводного текста был положен проект щигровского земства. Мы, конечно, воздерживаемся от критики проекта, представляющего, вне всякого сомнения, большой интерес, но станем утверждать, что по существу он отличается значительной консервативностью и ярко обнаруживает стремление приспособиться как-нибудь к существующим ныне условиям земской жизни. Поддерживая в принципе мелкую земскую единицу хотя бы в такой форме, в какой ее добывается нынешнее земство, мы все-таки полагаем, что последнему надлежит немедленно переходить к более общему вопросу о коренном пересмотре действующего ныне положения о земских учреждениях и о соответственном его завершении... Не говоря уже о том, что ограничение компетенции мелкой земской единицы исключительно хозяйственными делами не представляется желательным, читателя сводного проекта поражают, напр., предложения сохранить принцип имущественного ценза, отвергнуть участие женщин в выборах, а также право женщин быть избираемыми в гласные (срав., впрочем, стр. 247 и 249), или признать право губернского правительства приостанавливать исполнение постановлений участка земского собрания. Непонятным и нецелесообразным можно признать указание щигровского земства, что форма приходорасходной сметы раз навсегда утверждается Министерством Внутренних Дел.

Затем в том же втором выпуске читаем полную самого широкого интереса статью С. М. Блеклова „Вопрос о мелкой земской единице в земствах, комитетах о сельскохозяйственной промышленности и общественных собраниях за 1902 год и начало 1903 года“ (стр. 90—201) и М. Ипполитова „Вопрос о мелкой земской единице в литературе“ (стр. 202—239). Как только что указанные обзоры, так и те, которые были помещены еще в первом выпуске сборника, с удивительной яркостью и силой представляют читателю давно назревшую потребность в общеземском органе, и русскому обществу надлежит так или иначе осуществить в самом ближайшем будущем какое-либо аналогичное предприятие. Форма сборника представляется для данной цели наиболее подходящей; ее успевает опанить и русский читатель, горячо поддержавший предприятие кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского. Помимо косвенных указаний, мы встречаем в сборнике и прямую формулировку данного запроса. „Специальная земская печать,—говорит М. Ипполитов (стр. 203),—дбала все, что было ей по силам для выяснения вопроса: знакома ли своих читателей с земскими проектами, реферировала все, что появлялось в общей печати; но для окончательной разработки средств у нея не хватает“. „Эту задачу, справедливо утверждает обозреватель,—могут выполнить те успехом только общеземский орган, отсутствие которого сильно ощущается и в этом случае, как и во многих других, когда жизнь настоятельно выдвигает вопросы, затрагивающие общеземскую жизнь России“. Организация мелкой земской единицы есть один из таких вопросов, но это далеко не единственный и далеко не самый трудный из вопросов, без постановки и разрешения которых земство не может долге жить...

Не останавливаясь на опытах фальсификации мелкой земской единицы или на мировоззрении комических противников последней в роду гг. Бободовых или Куродовых, вовсе не понимающих ни существа, ни цели широкой постановки вопроса о завершении земства снизу, мы позволим себе замтить обь одном недостатке сборника, который нас поражает тем более, тем глубже проникаем мы в изучение обширного и ценного материала, собранного в двух его выпусках. В сборнике вовсе отсутствует элемент критики, в нем нет напутственного руководства. Все здесь воплощенная истина, свои и чужие—равно все гости дорогие; с благородством, которое у нас еще не умють ценить, сборник излагает мнния и прогрессивных земцев, и затхлых представителей стоящего зловредного болота... Думается, что мы еще не доспали еще до столь совершенных приемов выработки общественного самосознания. Думается, что мало кричать по вопросу, который представляется назревшим, надо и тянуть определенную ноту. Вд в русском обществе все еще очень много народа продолжает пть с чужого голоса,—и брат вбрюную ноту, давая звучать ей рзко и сильно, ничуть не зазорно. Не надо пренебрегать и равнодушными союзниками: вд и они когда-нибудь да „обра-

зуются" и станут болѣе или менѣе сознательно сочувствующими. А то не угодно ли? Въ первомъ выпускѣ сборника публицистическимъ элементомъ является лишь ультра-сдержанное введеіе К. К. Арсеньева, а во-второмъ—статья Гр. И. Шрейдера, которая цѣнна не въ смыслѣ проповѣди тѣхъ или другихъ началъ, а какъ яркая картинка существующихъ непорядковъ, картинка, которой зачитываются даже школьники. Что касается критики, то таковой вовсе не имѣется.

Мы внорь съ удовольствіемъ привѣтствуемъ цѣнное предпріятіе гг. Долгорукова и Шаховского, мы убѣждены въ его крупномъ общественномъ значеніи и надѣмся, что оно будетъ энергично продолжаться, встрѣтивъ въ русскомъ обществѣ не только рѣшительную поддержку, но и многочисленныя подражанія.

В. Сторожевъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

В. С. Останчукъ. Опытъ опредѣленія продолжительности учебнаго дня на основаніи физиологическихъ данныхъ. Оттискъ изъ „Русскаго Врача“.

С. А. Мокржецкій. Отчетъ о дѣятельности губернскаго энтомолога таврическаго земства за 1903 г. Симферополь 1903.

С. Мокржецкій. О новомъ методѣ лѣченія и питанія деревьевъ.

Отчетъ по естественно-историческому музею таврическаго губернскаго земства.

Врачъ А. Бургеръ. Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 1904.

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. М. 1903. Третье изданіе.

В. Ф. Дерюжинскій. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристика Брайса. Изд. юридическаго книжнаго склада „Право“. Спб. 1904.

Н. М. Соколовъ. Русскіе святые и русская интеллигенція. (Опытъ сравнительной характеристики.) Спб. 1904.

Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904. Цѣна 2 руб.

Кн. Евгеній Трубецкій. Философія Ницше. Критическій очеркъ. М. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

В. К. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ж. Фонсегривъ. Элементы психологіи. Перев. студ. моск. Духовн. Акад. подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями П. П. Соколова. Второе изданіе. Сергіевъ Посадъ 1903.

Д-ръ П. И. Кедровъ. О возможной организаціи больничныхъ кассъ для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ Россіи. (Оттискъ.)

Программа для осмотра и описанія фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ мастерскихъ и др. промышленныхъ заведеній. М. 1903.

О проектѣ московской городской управы сѣти электрическихъ трамваевъ въ Москвѣ съ санитарной точки зрѣнія. М. 1903.

О введеніи въ училищахъ Императорск. Русск. Технич. Общ. преподаванія основъ гигиены и происхожденія болѣзней. (Оттискъ.)

П. Д. Первовъ. Жители крайняго сѣвера (эскимосы). Изд. И. И. Кудряшова. М. 1903. Ц. 15 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. М. 1904. Изд. В. М. Саблина.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портр. и 81 каррикатурой. Спб. 1904. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Цѣна 3 руб.

Сборникъ „Итоги“. Изданіе газеты „Курьеръ“. М. 1903.

П. І. Рабиновичъ. Что такое радій и каковы его свойства. Спб. 1904. Съ 11 рис. въ текстѣ. Ц. 35 коп.

Извлеченія изъ протоколовъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при московскомъ университетѣ.

ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ. Въ очередномъ засѣданіи 18-го декабря были сдѣланы слѣдующія сообщенія: Б. А. Федченко—„О нѣкоторыхъ орхидныхъ Московской губерніи“; Н. К. Кольцовымъ—„О структурахъ, опредѣляющихъ форму клѣтки“, и А. Э. Флеровымъ—„Замѣтки по флорѣ Оки“.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. 15-го декабря состоялось публичное засѣданіе общества и его географическаго отдѣленія. А. Х. Релланъ демонстрировалъ два препарата радія—одинъ болѣе слабый (хлористый барій въ количествѣ одного грамма) и другой болѣе сильный (бромистый препаратъ Гисселя, въ количествѣ одного сантиграмма, радіація котораго въ 30 разъ больше). Показано было свѣченіе препарата въ темнотѣ, демонстрированы фотографическіе снимки, полученные съ помощью лучей радія на пластинкѣ, завернутой въ черную бумагу, передача способности свѣченія металлическимъ пластинкамъ, влияние радія на разстояніи на электроскопъ и т. д. Затѣмъ референтъ произвелъ нѣсколько опытовъ для демонстраціи катодныхъ лучей и лучей Рентгена и высказалъ нѣсколько соображеній относительно природы этихъ лучей и соотношенія между ними.

Затѣмъ М. К. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе: *Природа и населеніе горнаго Алтая.* Показавъ на экранѣ карты Алтайскаго округа и его юго-восточной части, докладчикъ познакомилъ присутствовавшихъ въ рядѣ картинъ съ двумя путями въ горный Алтай, такъ называемымъ Чуйскимъ трактомъ, съ прошлаго года превращеннаго въ колесную дорогу и ведущимъ въ Монголію, а черезъ нее— въ Восточную Сибирь, и трактомъ Тимонскимъ. Передъ зрителями прошли виды горъ со включеніемъ Бѣлухи (4.500 м. высоты) и ея ледниковъ, а также виды растительности (дѣсовъ лиственныхъ и кедровыхъ), таящихъ полянъ и альпійскихъ луговъ. Затѣмъ были сообщены свѣдѣнія о климатическихъ условіяхъ края, его промысловыхъ животныхъ (мараловодствѣ, охотѣ), минеральныхъ богатствахъ, мало еще разрабатываемыхъ, земледѣліи, санитарныхъ условіяхъ (кумысныхъ курортахъ въ Черномъ Ануѣ, Уламѣ, Теплыхъ ключахъ, Рахмановскихъ и др.), наконецъ, о населеніи, которое административно раздѣляется на кочевыхъ инородцевъ, осѣдлыхъ инородцевъ (собственно русскихъ основавшихся въ XVII и началѣ XVIII вѣка за рубежомъ и послѣ присоединенія горнаго Алтая въ 1747 г. включенныхъ Екатериной II по ихъ просьбѣ въ разрядъ инородцевъ съ распространеніемъ на нихъ соответственныхъ льготъ) и крестьянское населеніе. Докладчикъ остановился особенно на алтайцахъ или калмыкахъ (около 30.000 душъ), живущихъ главнымъ образомъ скотоводствомъ и охотой, въ примитивныхъ портахъ и въ язычествѣ (шаманизмѣ). Типъ и бытъ алтайцевъ были иллюстрированы рядомъ картинъ. Среди русскихъ особенный интересъ представляють раскольники, такъ называемые „киржаки“ и „поляки“; послѣдніе ничего общаго съ поляками не имѣютъ, но отличаются красивымъ рослымъ типомъ, женскими костюмами и своею зажиточностью. Вообще горный Алтай представляетъ много интереснаго для натуралиста и этнографа, которые могутъ найти богатое поле для своихъ наблюденій.

Географическое и антропологическое отдѣленія. 20-го декабря состоялось соединенное публичное засѣданіе обоихъ отдѣловъ, въ которомъ были сдѣланы два сообщенія. А. В. Адриановъ, состоящій нынѣ правителемъ дѣлъ красноярскаго подотдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, сообщилъ о доисторическихъ могилкахъ Минусинскаго края. Минусинскій и Ачинскій уѣзды

Енисейской губ. весьма богаты памятниками старины, в особенности курганами, относящимися к весьма отдаленному мѣдному вѣку. Но недавно удалось открыть здѣсь своеобразный могильникъ со слѣдами особенной культуры. Открытъ онъ былъ совершенно случайно (могилы ничѣмъ снаружи не обозначены) верстахъ въ 50-ти ниже Минусинска, на лѣвомъ берегу Енисея. Лѣтомъ 1902 г. одинъ инородецъ, проѣзжая верхомъ по склону одного лога, провалился въ яму, которая оказалась могилкой. Осенью 1903 г. г. Адриановымъ были произведены здѣсь раскопки; найдены были двѣ группы могилъ въ разстояніи около версты одна отъ другой. При изслѣдованіи цѣльныхъ могилъ, оказалось, что онѣ устроены очень своеобразно: подъ слоемъ земли около аршина оказывался потолочный настилъ изъ толстыхъ листовичныхъ бревенъ, а подъ нимъ—срубъ изъ такихъ же бревенъ, образующій могилу. На двѣ могилы всегда оказывались лежащими рядомъ два костяка; на лицахъ умершихъ лежали тонкія гипсовые маски или бѣлыя, или окрашенныя красною краской, или же расписанныя фигурами.

Найденныя г. Адриановымъ при раскопкахъ упомянутого могильника остатки даютъ поводъ къ сужденію о народѣ, который проявлялъ большую заботливость въ огражденіи своихъ могилъ и въ снабженіи умершихъ, кромѣ пищи, посуды и многихъ другихъ предметовъ, еще масками, чучелами головъ и т. д. Въ общемъ, народъ этотъ, повидимому, значительно отличался отъ того, который возводилъ курганы мѣднаго вѣка; онъ имѣлъ другую культуру, былъ меньше ростомъ, слабѣе физически (судя по костяку), форма черепа его не представляла ничего монгольскаго. Нахождение шелковыхъ узорчатыхъ тканей, отчасти съ какими-то іероглифами, напоминающими китайскіе, указываетъ на культурныя сношенія съ Срединной имперіей. Быть можетъ, специальное изученіе тканей съ ихъ письменами будетъ въ состояніи точнѣе опредѣлить эпоху этихъ сношеній, а слѣдовательно, и самого могильника.

Второй докладчикъ, *В. Ф. Піотровскій*, сообщилъ о результатахъ экспедиціи покойнаго П. Г. Игнатова въ Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области, причемъ привелъ данныя объ изслѣдованныхъ озерахъ и иллюстрировалъ свое изложеніе рядомъ картинъ и картъ на экранѣ. Докладчикъ былъ спутникомъ покойнаго П. Г. Игнатова въ экспедиціи, снаряженной въ 1902 г. географическимъ обществомъ въ Кокчетавскій уѣздъ главнымъ образомъ для изслѣдованія находящихся тамъ многочисленныхъ озеръ. За смертью П. Г. Игнатова экспедиція не успѣла закончить свои работы, тѣмъ не менѣе ею были произведены изслѣдованія нѣкоторыхъ озеръ и собраны многія данныя по вопросамъ, входившимъ въ ея задачу.

Этнографическій отдѣлъ. Въ засѣданіи 23-го декабря, *С. К. Вузнецовъ* прочиталъ обстоятельный докладъ: *Болезнь, смерть и погребеніе черемисина*. Настоящій докладъ является началомъ цѣлаго ряда сообщеній того же автора, имѣющихъ быть прочтанными въ отдѣлѣ и посвященнымъ вѣроваціямъ черемисовъ. Болезнь, по убѣжденію черемисовъ, производится злымъ духомъ, и лѣкарственные средства почти совершенно отсутствуютъ въ черемисской медицинѣ; все лѣченіе ограничивается почти исключительно молитвами, заклинаніями и жертвоприношеніями. Погребальные обряды основаны на убѣжденіи, что загробная жизнь является болѣе или менѣе точной копией съ земного существованія, и потому въ гробъ покойнику кладутъ ѣду, деньги и разныя хозяйственныя принадлежности, а женщинамъ, кромѣ того, и гостинцы для ранѣе умершихъ дѣтей.

Бактеріологическое отдѣленіе. Въ засѣданіи 13-го декабря *Ю. В. Камнабицъ* сообщилъ о новомъ способѣ диагностики брюшного тифа Ficker'a. Изслѣдованіе производится такъ же, какъ и въ способѣ Vidal'a, — на агглютинацію, но только вмѣсто живой разводки тифозной бациллы, употребляется патентованная жидкость, содержащая эмульсію изъ тифозныхъ бациллъ. Новый способъ обѣщаетъ значительно упростить бактеріологическое распознаваніе брюшного тифа и сдѣлать его доступнымъ для тѣхъ врачей, которые не могутъ пользоваться бактеріологическими лабораторіями.

П. В. Циклинская представила обзоръ литературы по вопросу о гемолизинахъ, выделяемыхъ бактеріями, демонстрировала дѣйствіе своихъ веществъ на кровь и указала на возможное значеніе ихъ въ происхожденіи нѣкоторыхъ болезней крови. Въ заключеніе *Л. А. Чулаевъ* сообщилъ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ спектрами поглощенія нѣкоторыхъ бактеріальныхъ пигментовъ и демонстрировалъ ихъ, а *М. Г. Щеголевъ* — объ окраскѣ крови и гноя по способу Reuter'a.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Въ засѣданіи 20-го декабря *В. Н. Сторожевъ* прочиталъ докладъ *Роль современнаго общества въ дѣятельности средней школы*. Референтъ представилъ обзоръ существующихъ нынѣ формъ нѣ котораго

участія общества въ дѣлахъ средней школы, выдвинувъ на первый планъ изслѣдованіе вопроса о томъ, поскольку Попечительные Совѣты женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія и коммерческихъ учебныхъ заведеній министерства финансовъ являются органами общественнаго участія и цѣлесообразными въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Референтъ не ограничился критическимъ разсмотрѣніемъ наличныхъ опытовъ и предложилъ въ общей формѣ конструкцию новой средней школы, въ которой обществу отводится широкая сфера дѣйствій и должной инициативы.

Въ заключеніе референтомъ были поставлены на обсужденіе десять нижеслѣдующихъ положеній: 1. Признать, что современная средняя школа въ Россіи должна быть подвергнута коренному переустройству соотвѣтственно современнымъ общественнымъ потребностямъ. 2. Признать, что средняя школа, преслѣдуя исключительно общеобразовательныя цѣли, должна быть единой по существу и гибкой по формѣ. 3. Признать, что никакое различіе въ главныхъ основаніяхъ новаго устройства средней мужской и женской школы не должно имѣть мѣста. 4. Признать, что средней школѣ въ лицѣ ея педагогическаго совѣта должна быть предоставлена полная самостоятельность и свобода дѣйствій въ предѣлахъ закона, имѣющаго обозначить лишь общія основанія всего школьнаго строя. 5. Признать, что родительскія совѣщанія при средней школѣ или обращенія послѣдней къ родителямъ за необходимыми указаніями относительно отдѣльныхъ учащихся, равнымъ образомъ Попечительные Совѣты по типу Положеній 24 мая 1870 года и 15 апрѣля 1896 года, не представляются формами непосредственнаго участія общества въ дѣятельности средней школы и что Попечительные Совѣты не представляются, кромѣ того, цѣлесообразными въ учебно-воспитательномъ отношеніи. 6. Признать, что для осуществленія полной самостоятельности и свободы дѣйствій въ предѣлахъ закона необходимо, чтобы весь преподавательскій персоналъ средней школы, не исключая директора, не находился на службѣ по назначенію отъ правительства, а считался состоящимъ на общественной службѣ по выборамъ, и чтобы обезпеченіе на случай инвалидности, старости или смерти достигалось путемъ обязательнаго взаимнаго страхованія. 7. Признать, что преподаватели и директоръ средней школы выбираются педагогическимъ совѣтомъ послѣдней безъ обозначенія срока, а предсѣдатель совѣта выбирается на три года исключительно изъ преподавателей; должности предсѣдателя совѣта и директора не могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ, а директоръ можетъ быть выбираемъ только изъ числа преподавателей. 8. Признать, что педагогическій совѣтъ средней школы долженъ состоять исключительно изъ лицъ съ правомъ рѣшающаго голоса: а) изъ всего преподавательскаго персонала и в) изъ представителей мѣстнаго общества въ числѣ не болѣе двухъ третей перваго. Подъ представителями мѣстнаго общества должны подразумѣваться: а) делегаты разнообразныхъ мѣстныхъ общественныхъ учреждений, разнообразныхъ общественныхъ организацій, торгово-промышленныхъ товариществъ и проч., субсидирующихъ школу материальными средствами, и в) выборные отъ родителей дѣтей, обучающихся въ данной школѣ, причемъ выбранные въ составъ совѣта родители должны составлять не менѣе двухъ третей всего числа представителей мѣстнаго общества въ Совѣтъ. 9. Признать, обязательнымъ для средней школы ежегодное опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе отчета по хозяйственной и учебно-воспитательной частямъ. 10. Признать, что контроль государства за дѣятельностью средней школы долженъ выражаться исключительно въ формальномъ надзорѣ за пребываніемъ ея въ состояніи абсолютной легальности.

Положенія 1—5 и 9 были приняты собраніемъ единогласно, обсужденіе положеній 6—8 и 10 за позднимъ временемъ было отложено до ближайшаго общаго собранія. Настоящій докладъ предназначался для внесенія отъ имени Педагогическаго общества на обсужденіе III сѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Въ концѣ засѣданія были прочитаны, кромѣ того, и приняты съ нѣкоторыми поправками и дополненіями тезисы по докладамъ (вносимымъ также отъ имени Общества на упомянутой сѣздѣ) И. Н. Сахарова—„О правовомъ положеніи учителя средней школы“, П. М. Шестакова—„Очередные вопросы внѣшкольнаго образованія“ и И. М. Громогласова—„Начальная школа какъ подготовительная ступень къ низшему профессиональному образованію“.

Положивъ въ основаніе своего доклада „О правовомъ положеніи учителя средней школы“ труды Педагогическаго общества по вопросу о реформѣ средней школы и исходя изъ того положенія, что однимъ изъ самыхъ отрицательныхъ явленій въ жизни современной школы является приниженное положеніе учи-

теля, создавшееся въ силу его полной служебной и матеріальной зависимости отъ директора учебнаго заведенія и возложенія на него функций полицейскаго надзора за поведеніемъ учащихся, *И. Н. Сахаровъ* предложилъ собранію уполномочить его поддерживать передъ съездомъ слѣдующія семь положеній: 1) Приглашеніе лицъ педагогическаго персонала во всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ должно происходить по инициативѣ педагогическихъ комитетовъ, представляющихъ избранныхъ ими кандидатовъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. 2) Перемѣщенія учителей коммерческихъ учебныхъ заведеній „для пользы службы“ изъ одного учебнаго заведенія въ другое должны производиться съ ихъ согласія и во всякомъ случаѣ по выслушаніи заключеній педагогическихъ комитетовъ. 3) Педагогическій персоналъ коммерческихъ учебныхъ заведеній долженъ быть избавленъ отъ функций надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся. 4) Увольненіе учителей коммерческихъ учебныхъ заведеній какъ штатныхъ, такъ и изъ платы по найму должно происходить не иначе, какъ при условіи представленія педагогическими комитетами своихъ заключеній. 5) Распределеніе уроковъ между преподавателями должно производиться педагогическими комитетами. 6) Назначеніе директоровъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, содержащихся не на государственныя средства, должно производиться изъ кандидатовъ, избираемыхъ лицами или представителями учреждений, которыя содержатъ эти учебныя заведенія. 7) Крайне желательны періодическіе, окружныя и всероссійскіе съѣзды учителей среднихъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, разрѣшаемые по представленію педагогическихъ комитетовъ и педагогическихъ обществъ.

Всѣ приведенныя положенія были приняты собраніемъ. По предложенію нѣкоторыхъ членовъ собраніе уполномочило еще *И. Н. Сахарова* поддерживать на съѣздѣ также слѣдующее положеніе: дѣти преподавателей всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній имѣютъ право на бесплатное обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Положенія доклада *П. М. Шестакова* „Очередные вопросы внѣшкольнаго образованія“ таковы: 1) Внѣшкольное образованіе имѣетъ своей задачей поднятіе культурнаго уровня той части населенія, которая по тѣмъ или инымъ условіямъ лишена возможности получать достаточное образованіе въ школахъ обычнаго типа. 2) Въ такихъ условіяхъ находится у насъ многомилліонная масса трудящагося населенія. 3) Необходимо планомѣрно и систематическаго воздѣйствія на нее въ культурномъ отношеніи со стороны образованнаго общества. 4) Существующія средства просвѣщенія народа: вечерніе классы и школы, курсы, народныя чтенія, бесплатныя бібліотеки, популярная литература, народныя книжныя склады. 5) Неудовлетворительное состояніе всѣхъ этихъ средствъ, опредѣляемое дѣйствующими законоположеніями. 6) Ходатайства по этимъ предметамъ возбуждались городами, земствами и профессиональными съѣздами. 7) Необходимость для московскаго Педагогическаго общества поднять на предстоящемъ съѣздѣ вопросъ о расширеніи существующихъ и проложеніи новыхъ путей, коими въ среду трудящагося населенія свободно и широко проникалъ бы свѣтъ научнаго знанія и просвѣщенія. Основное положеніе, изъ котораго въ этомъ случаѣ надлежитъ исходить, заключается въ признаніи за народомъ права пользоваться, въ мѣру, имъ самимъ опредѣляемую, всеми средствами просвѣщенія, которыя существуютъ для остальной части населенія. Поэтому должны быть устранены всѣ тѣ ограничительныя правила, которыя установлены относительно народныя бібліотекъ, народныя чтенія, народнои литературы и т. п.

Въ виду вышесказаннаго надлежитъ отъ имени московскаго Педагогическаго общества предложить съѣзду возбудить слѣдующія ходатайства передъ правительствомъ:

1) Чтобы бесплатныя народныя бібліотеки и читальни какъ въ отношеніи порядка открытія и надзора, такъ и въ отношеніи выбора произведеній печати были поставлены въ тѣ же условія, которыя установлены для бібліотекъ общественныхъ. 2) Чтобы народныя чтенія какъ въ отношеніи порядка открытія и надзора, такъ и въ отношеніи выбора темъ и матеріала для произнесенія были уравнины съ публичными лекціями. 3) Чтобы отмѣненъ былъ изданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ, воспрепятствующій земствамъ издавать книги для народнаго чтенія безъ предварительнаго разрѣшенія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія къ обращенію въ народныя бібліотекаxъ. 4) Обращаясь къ нуждамъ трудящагося населенія, вызываемымъ его профессиональными занятіями, необходимо ходатайствовать о томъ, чтобы курсы для

взрослых, существующіе по правиламъ 1902 года, могли быть открываемы въ видѣ самостоятельныхъ учреждений, а не только при учебныхъ заведеніяхъ, какъ это установлено названными правилами. 5) Признать желательнымъ, чтобы всѣ образовательныя учреждения для народа были открываемы явочнымъ порядкомъ.

Географическое отдѣленіе. Въ засѣданіи *13-го декабря Г. А. Кожеевиковъ* сдѣлалъ докладъ на тему „*Зоографическій элементъ въ школьномъ земледѣніи*“. Докладчикъ сперва остановился на томъ, какъ представить вопросъ о распространеніи животныхъ въ большинствѣ изъ существующихъ элементарныхъ учебниковъ географіи. Оказывается, что въ большинствѣ случаевъ при перечисленіи характерныхъ для разныхъ странъ животныхъ совершенно отсутствуетъ зоографическая точка зрѣнія на вопросъ; типичнымъ примѣромъ неправильной постановки вопроса можетъ служить разсматриваніе фауны Сѣверной Америки и Южной Америки безъ подчеркиванія коренного различія между ними, отсутствіе упоминанія о томъ, что фауна Мадагаскара непохожа на фауну Африки и т. д. Подборъ формъ далеко не всегда удаченъ, и часто второстепенное выдвинуто на первый планъ въ ущербъ выясненію нѣкоторыхъ *основныхъ* понятій зоогеографіи. Совершенно игнорируется, напримѣръ, жизнь моря. Докладчикъ полагаетъ, что даже имѣющійся въ настоящее время въ учебникахъ бѣдный фаунистическій матеріалъ при должномъ освѣщеніи все-таки принесетъ желаемую пользу въ смыслѣ развитія у учениковъ новыхъ понятій, тогда какъ теперь онъ служитъ только обремененіемъ памяти. Нѣкоторыя элементарныя понятія изъ области исторической геологіи, входящія и въ теперешній курсъ географіи, могутъ быть немного болѣе развиты и использованы въ интересахъ зоогеографіи.

Отдѣленіе преподавателей исторіи. Въ засѣданіи *13-го января* обсуждался вопросъ объ измѣненіи инструкціи общества отдѣленію и о необходимости дополненія устава общества параграфомъ, предоставляющимъ право исклученія отдѣльныхъ членовъ, и быть заслушанъ докладъ *В. Н. Сторожева* „*Областной историко-археологическій съѣздъ въ г. Владимірѣ лѣтомъ 1905 года*“. Охарактеризовавъ происхождение, обстановку и программу областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ, отмѣтивъ участіе въ нихъ провинціального преподавательскаго персонала, референтъ устанавливалъ культурное значеніе этихъ съѣздовъ для провинціи и необходимость принять участіе въ нихъ отдѣленію преподавателей исторіи; путемъ такого участія возможно установленіе связи между столичными и провинціальными преподавателями, а слѣдовательно болѣе интенсивное достиженіе цѣлей научно-педагогическаго взаимодѣйствія. Третьей историко-археологическій съѣздъ разрѣшенъ во Владимірѣ лѣтомъ 1905 года, къ нему есть время подготовиться, и эта подготовка тѣмъ желательнѣе, что самое мѣсто третьяго съѣзда богато историческими памятниками, нѣкоторая иллюстрація которыхъ въ средней школѣ весьма желательна. Участвуя въ съѣздахъ, отдѣленіе можетъ значительно расширить кругъ своихъ научно-педагогическихъ наблюденій, оказать научную помощь провинціи и содѣйствовать воспитанію привычки къ коллективной научно-педагогической работѣ въ широкихъ размѣрахъ. Участіе членовъ отдѣленія могло бы выразиться: 1) въ чтеніи научно-популярныхъ лекцій по областной исторіи во время съѣзда и передъ съѣздомъ; 2) въ чтеніи научныхъ докладовъ по областной исторіи, и 3) въ разработкѣ очередныхъ вопросовъ науки русской исторіи по мѣстнымъ неизданнымъ памятникамъ (наприм., крѣпостное помѣщичье хозяйство XVIII и первой половины XIX вѣка; сводка матеріала уставныхъ грамотъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 г.). Участіе въ областныхъ историко-археологическихъ съѣздахъ не исчерпываетъ однако всего, что можетъ и должно сдѣлать отдѣленіе въ интересахъ коллективной научно-педагогической разработки вопросовъ исторіи. Исчерпывающее значеніе можетъ получить лишь созывъ въ Москвѣ всероссійскаго съѣзда преподавателей исторіи и исторіи литературы: надо же, наконецъ, сдѣлать рѣшительную попытку собрать воедино разсыпанную хранину означенныхъ дѣятелей нашей средней школы; надо добиться осуществленія на практикѣ того параграфа устава педагогическаго общества, который гласитъ, что обществу предоставляется право „устраивать съѣзды и выставки“. Отдѣленію преподавателей исторіи слѣдуетъ взять на себя инициативу этого дѣла и сдѣлать обществу соотвѣтственное представленіе.

Чтеніе доклада и было закончено предложеніемъ разработать вопросъ о созывѣ въ Москвѣ всероссійскаго съѣзда преподавателей исторіи и исторіи литературы въ средней школѣ, а равно обратиться циркулярно ко всѣмъ членамъ отдѣленія, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ принять участіе въ III-мъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ лѣтомъ 1905 года.

Отдѣленіе по начальнымъ училищамъ. Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ, происходившихъ 12-го декабря и 14-го января, былъ поставленъ на очередь вопросъ о *попечительствѣ въ начальной школѣ* — единоличномъ и коллегиальномъ. Обсуждались доклады С. К. Говорова, являющагося сторонникомъ единоличнаго попечительства, и П. А. Богодѣлова, высказывающагося, наоборотъ, за коллегиальное попечительство. Отдѣленіе, не входя въ детальное обсужденіе заключеній обоихъ докладчиковъ, въ первомъ засѣданіи приняло слѣдующее принципиальное положеніе: „Отдѣленіе признаетъ необходимымъ при желательныхъ измѣненіяхъ порядка управления начальной школой сохранить за мѣстнымъ населеніемъ непосредственное представительство“. Во второмъ засѣданіи въ виду отъѣзда изъ Москвы С. К. Говорова рѣшено было снова отложить разсмотрѣніе заключеній по докладамъ и ограничиться лишь выработкой принципиальныхъ положеній, которыя должны будутъ лечь въ основу будущей желательной организаціи попечительства въ начальной школѣ. Послѣ продолжительныхъ преній отдѣленіе единогласно пришло къ слѣдующимъ выводамъ: „въ современномъ видѣ попечительство не есть и вообще „представительство“, а лишь чуждое для школы начальство“. Затѣмъ собраніе единогласно признало желательнымъ, чтобы населенію того района, который обслуживаетъ школа, было предоставлено право избирать представительство для участія въ коллегиальномъ учрежденіи по завѣдыванію школой.

Поправка. Въ протоколахъ, помѣщенныхъ въ I-й книгѣ, на стр. 154, строка 2 и 3, надо, вмѣсто напечатаннаго, читать такъ: *сообщенія: М. В. Павловой— „Третиичный верблюдъ Херсонской губерніи“*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1904 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лепатинъ, проф. кн. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ 1904 г. предполагено напечатать, между прочимъ, слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: Проф. В. М. Арнольди, „Современное состояніе вопроса о происхожденіи видовъ у растений“; Проф. В. И. Вернадскій, „Страница изъ исторіи русскаго естествознанія (памяти В. В. Докучаева)“; прив.-доц. Н. П. Кастеринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейсетъ, „Полярныя сіянія магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Млодзѣвскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. И. И. Мечниковъ, „Этюды о природѣ человѣка“; проф. А. П. Павловъ, „Катастрофа на о. Мартиникъ 1902 г.“; проф. А. С. Самойловъ, „Современныя теченія въ физиологію“; проф. К. А. Тимирязевъ, „Космическая функція растенія“ (Кружковская лекція, читанная въ Лондонскомъ Королевск. Обществѣ), проф. Н. А. Умовъ, „О безпроводномъ телеграфѣ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: проф. П. Г. Виноградовъ, „Аграрный кризисъ въ римской имперіи“; М. О. Гершензонъ, „Русскій иезуитъ В. С. Печеринъ“; проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, „Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго“; прив.-доц. С. А. Котляревскій, „Католическій университетъ въ Лувенѣ“; проф. В. О. Ключевскій, „Два очерка изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; Б. И. Сыромятниковъ, „Общественные классы въ древней Руси“; проф. Н. И. Сторожено и Р. М. Хинъ, „Ларошфуко и г-жа Лафайетъ“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; прив.-доц. И. А. Кнстиковскій, „Новыя данныя по ассиро-вавилонскому праву“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ; проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. изъ шартѣ получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“. Подписчики 1903 г., не возобновившіе подписки на 1904 г., получаютъ бесплатно окончаніе этихъ статей.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписн. цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всея города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Продолжается подписка на 1903 г. Книги VI, VII и VIII за 1903 годъ продаются отдѣльно по 75 к. каждая. Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

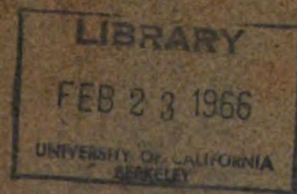

Книга III.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга Ш.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Доволено цензурою. Москва, 28 февраля 1904 г.

Всѣ права защищены. Издательство "Свѣтъ" в Петроградѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (Съ 5 рисунками). Проф. И. И. Мечникова	5
II. КОСМИЧЕСКАЯ РОЛЬ РАСТЕНІЯ. (Съ 23 рисунками). Проф. К. А. Тимирязева	31
III. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. Проф. Д. Ш. Петрушевскаго	78
IV. Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ (съ портретомъ). Проф. П. И. Новгородцева	116
V. А. Л. ОРДИНЪ-НАЩОКИНЪ, МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ XVII в. (съ портретомъ Ординъ-Нащокина). Проф. В. О. Ключевскаго	121
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Астрономическія извѣстія“. И. Д. Покровскаго.—„Новый способъ фотографірованія въ естественныхъ цвѣтахъ“. Г. Риттера.—„Первый продуктъ химическаго синтеза въ растеніяхъ“. Л. А. Чугаева.—„Новыя книги объ Японіи“. М. И. Невалянскаго.—„Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго)	139
VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	161
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ (Проф. В. О. Ключевскій: „Курсъ русской исторіи“. В. Н. Стержева.—Н. Шильдеръ: „Императоръ Николай I“. Ю. В. Гетье.—С. Рапопортъ: „Дѣловая Англія“. В. Ф. Лазурскаго)	170

Этюды о природѣ человѣка ¹⁾).

ГЛАВА X.

Введеніе въ научное изученіе старости.

Общая картина старости.—Теорія старческаго вырожденія у одноклѣтчатыхъ.—Роль конъюгаціи инфузорій.—Старость у птицъ и у человѣкообразныхъ обезьянъ.—Общія признаки старческаго вырожденія. Склерозъ органовъ.—Фагоцитарная теорія старческаго вырожденія.—Разрушеніе макрофагами благородныхъ элементовъ.—Механизмъ сѣднѣя волосъ. Серумы, вліяющіе на клѣтки (цитотоксины).—Артеріосклерозъ и его причины.—Вредное вліяніе кишечной флоры.—Выгибываніе внутри кишокъ и способы его предотвращенія.—Попытки удлинитъ человѣческую жизнь.—Долговѣчность въ библейскія времена.

Мы можемъ не раздѣлять мнѣнія тѣхъ, которые отворачиваются отъ науки и ищутъ правды и утѣшенія въ религіи; но мы не имѣемъ права не считаться съ ихъ мнѣніемъ или относиться къ нему безразлично. Нельзя также ограничиваться утвержденіемъ, что люди, страдающіе отъ противорѣчія между желаніемъ жить и неизбѣжностью смерти и ищущіе разрѣшенія этой задачи, слишкомъ требовательны и не могутъ быть удовлетворены.

Когда говорятъ врачу: «голодь и жажда мои неутолимы»,— тотъ не отвѣчаетъ: «жаднымъ быть очень скверно; слѣдуетъ поборотъ этотъ недостатокъ силою воли». Онъ подробно изслѣдуетъ больного и старается по возможности избавить его отъ симптомовъ, на которые онъ жалуется и которые обуславливаются чаще всего сахарной болѣзью.

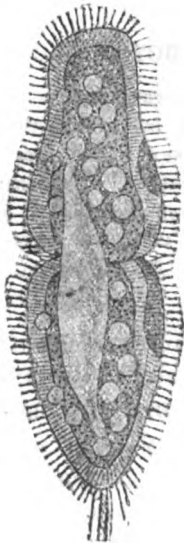
Точно такъ же должны относиться люди науки къ жажущимъ жизни, они обязаны стремиться къ уменьшенію ихъ страданія.

Слѣдуетъ признаться, что хотя наука накопила очень много свѣдѣній относительно всего, касающагося болѣзней, средствъ предупрежденія ихъ, лѣченія ихъ, тѣмъ не менѣе она обладаетъ крайне ничтожными данными относительно тѣхъ страданій, избавленія отъ которыхъ *Будда* просилъ у отца, а именно — старости и смерти.

¹⁾ Научное Слово, 1904 г., I.

Относительно болѣзней наука достигла успѣховъ, о которыхъ не могъ имѣть никакого представленія отецъ Будды, царь *Кудодана*; но на вопросъ о старости и смерти она не можетъ отвѣтить лучше, чѣмъ онъ. И людямъ, справляющимся объ этихъ задачахъ, она, какъ и царь, не можетъ отвѣтить ничего другого, какъ: вы просите меня о невозможномъ; въ этомъ я бессильна.

Наука не только не имѣетъ никакого средства противъ старости, но она даже почти ничего не знаетъ относительно этого періода жизни человѣка и животныхъ. Мнѣ было очень трудно представить читателю на нѣсколькихъ страницахъ современное положеніе медицины: такъ много слѣдовало сказать по этому поводу. Наоборотъ, достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы изложить наши свѣдѣнія о старости: такъ мало знаемъ мы о ней.

Фиг. 12. Парамеція, дѣлящаяся на двое.

Какъ человѣкъ, такъ и всякія животныя съ возрастомъ претерпѣваютъ существенныя измѣненія. Силы ослабѣваютъ, тѣло горбится, волосы сѣдѣютъ, зубы изнашиваются. Однимъ словомъ, наступаютъ явленія старческой атрофіи. Въ этомъ преклонномъ возрастѣ, начинающемся въ различные сроки у разныхъ видовъ животныхъ, организмъ становится мало выносливымъ къ вреднымъ вліяніямъ и гибнетъ отъ различныхъ болѣзнетворныхъ причинъ.

Иногда мы не улавливаемъ причины смерти и объясняемъ послѣднюю общимъ истощеніемъ тѣла, считая такой случай примѣромъ естественной смерти.

Свойственно ли это вырожденіе, или старческая атрофія, одному человѣку и высшимъ животнымъ, или же она встрѣчается у всѣхъ живыхъ существъ? Таковъ первый вопросъ, возникающій въ научномъ умѣ.

Всѣмъ извѣстны старыя деревья, одинъ видъ которыхъ указываетъ на ихъ преклонный возрастъ. Ихъ стволъ дуплистъ, кора потрескана, вѣтви и листва бѣдны. Нѣкоторыя древесныя породы живутъ сотни и, быть можетъ, тысячи лѣтъ, другія же старѣютъ гораздо скорѣе.

Итакъ, дряхлость наблюдается и въ растительномъ мірѣ. Думали, что она присуща также простѣйшимъ животнымъ, относящимся къ классу инфузорій. Вотъ что было у нихъ найдено. Инфузоріи легко живутъ въ сосудахъ съ настоемъ сѣна или листьевъ. Онѣ обильно размножаются дѣленіемъ (см. фиг. 12), которое совершается въ очень короткіе промежутки времени. Иныя дѣлятся при-

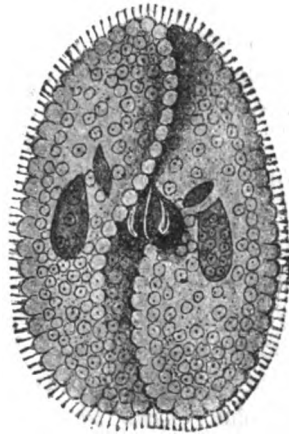
близительно ежечасно. Понятно, что при этихъ условіяхъ, содержимое сосудовъ населяется необыкновенно быстро и черезъ короткое время кишить инфузоріями.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ зоологовъ, Мона¹⁾, наблюдалъ, что послѣ ряда многочисленныхъ поколѣній инфузоріи становятся все мельче, подвергаются, такъ сказать, кахексіи и, если имъ не удастся конъюгироваться по двѣ особи, то умираютъ отъ истощенія (фиг. 13). Это совокупленіе приводитъ къ обмѣну нѣкоторыхъ внутреннихъ частей организма инфузорій, въ результатѣ чего получается полное обновленіе. Послѣ этого акта, относящагося къ явленіямъ оплодотворенія, инфузоріи снова принимаютъ свой обычный видъ и дѣлаются вновь способными размножаться очень долгое время дѣленіемъ.

Это періодическое истощеніе, предшествующее совокупленію, по Мона, является примѣромъ старческаго вырожденія инфузорій. Онъ видѣлъ его у многихъ видовъ высшихъ инфузорій (рѣсничныхъ). Тоже явленіе наблюдается у многочисленныхъ другихъ простыхъ организмовъ, но, по всей вѣроятности, его нельзя вполнѣ обобщить для всѣхъ микроскопическихъ существъ. Такъ, у бактерий, къ которымъ относится большинство болѣзнетворныхъ зачатковъ, конъюгація встрѣчается только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Даже самые крупные виды, какъ сибиреязвенная палочка, могутъ культивироваться въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, никогда не обнаруживая явленій конъюгаціи, или совокупленія.

Даже у инфузорій, которымъ необходимо конъюгироваться, чтобы имѣть возможность безпредѣльно размножаться, истощеніе передъ конъюгаціей нельзя сравнивать со старческимъ вырожденіемъ чловѣка, деревьевъ или животныхъ. У всѣхъ этихъ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ истощеніемъ, предшествующимъ не конъюгаціи и не обновленію, а несомнѣнной смерти.

Другая разница, на которую слѣдуетъ указать, заключается въ томъ, что у инфузорій истощеніе, предшествующее совокупленію, наступаетъ не у всѣхъ особей, какъ мы видимъ это у животныхъ и растений, подверженныхъ настоящей старости. У инфузорій нѣ-

Фиг. 13. Конъюгація двухъ парамецій (по Бютчли).

¹⁾ Le rajeunissement variogamique chez les Ciliés. Archives de Zoologie expérimentale. 1889.

сколькими сотнями смѣняются поколѣнія, прежде чѣмъ появятся слабыя особи, готовые конъюгироваться.

Если, несмотря на все это, кто-нибудь продолжалъ бы настаивать на настоящемъ родствѣ между старческимъ вырожденіемъ чело­вѣка и вырожденіемъ, предшествующимъ совокупленію инфузорій, то стоитъ только представить себѣ послѣдствія, которыя вызвало бы у чело­вѣка примѣненіе способа, совершенно необходимаго для инфузорій,— чтобы исполнѣ измѣнить такое мнѣніе: конъюгація инфузорій—насто­ящее обновленіе, сразу излѣчивающее ихъ отъ истощенія; анало­гичное средство у чело­вѣка привело бы только къ еще болѣе бы­строму и полному истощенію. Впрочемъ, судя по недавнимъ изслѣдо­ваніямъ *Калкинса* ¹⁾, истощенныя вырожденіемъ инфузоріи могутъ быть обновлены не только совокупленіемъ съ себѣ подобными, но также прибавленіемъ бульона или мозгового экстракта къ средѣ, въ которой онѣ живутъ.

Настоящая же старость является такой стадіей существованія, когда силы слабѣютъ, съ тѣмъ чтобы болѣе не возстановиться.

У животныхъ съ опредѣленнымъ жизненнымъ цикломъ призна­ковъ старческаго вырожденія не замѣчается. Жизнь взрослыхъ насѣкомыхъ часто очень кратковременна; они умираютъ, не обна­руживая ни малѣйшихъ видимыхъ старческихъ признаковъ. У низ­шихъ позвоночныхъ старость мало извѣстна и вообще мало замѣтна. Наоборотъ, у птицъ и у млекопитающихъ признаки старческой атрофіи очень рѣзки.

Нѣкоторые виды птицъ отличаются долговѣчностью. У нихъ продолжительность жизни вообще больше, чѣмъ у млекопитающихъ. Не рѣдки примѣры, когда такія птицы, какъ гуси, лебеди, вороны, нѣкоторыя хищныя птицы и т. д., живутъ болѣе 50 лѣтъ ²⁾; у мле­копитающихъ же такая долговѣчность является скорѣе исключе­ніемъ.

Даже такія мелкія птицы, какъ канарейки, могутъ жить до 20 лѣтъ. Особенной же долговѣчностью отличаются попугаи. Извѣстно, что какаду достигаютъ 80 лѣтъ и болѣе. Намъ удалось изслѣдовать южно-американскаго попугая (*Chrysotis amazonica*), умершаго въ 82 года,—очень глубокой возрастъ для этого вида. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти попугай обнаруживалъ безспорные признаки старческаго вырожденія. Онъ сталъ менѣе подвиженъ; опереніе его, не представляя ни малѣйшей сѣдины, стало однако менѣе яркимъ;

¹⁾ Biological Bulletin, t. III, oct. 1902, стр. 192; Archiv. für. Entwickelungs­mechanik 1892, t. XV, стр. 139.

²⁾ *Gurney*. On the comparative Ages to wich Birds live. The Ibis. January. 1899, VII, ser. V. n° 17, стр. 19.

суставы лапъ обнаруживали явные признаки подагры. Однимъ словомъ, легко было видѣть, что попугай ослабъ и истощился.

Признаки старости еще рѣзче у млекопитающихъ, чѣмъ у птицъ. Старую собаку легко узнать по ея вялой походкѣ, ея сѣдѣющей шерсти, изношеннымъ зубамъ. Видъ такого животнаго неприятенъ, тѣмъ болѣе что оно часто бываетъ нечистоплотнымъ и злымъ. *Брэмъ*¹⁾ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ старость собаки. «Въ 12 лѣтъ для собаки наступаетъ старость. Эта послѣдняя ступень ея жизни обнаруживается въ ея общемъ видѣ, во всѣхъ ея органахъ. Шерсть ея теряетъ блескъ и сѣдѣетъ на лбу и на мордѣ; зубы стираются и выпадаютъ. Собака становится лѣнливой, безразличной ко всему, что прежде ее раздражало или радовало; часто она теряетъ голосъ или слѣпнетъ. Собаки иногда достигаютъ 20-ти и даже 26 и 30 лѣтъ, но это—рѣдкія исключенія».

Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о домашнемъ животномъ, то можно было бы думать, что старость его, сопровождаемая столь значительными явленіями вырожденія, ускоряется искусственными условіями жизни. Поэтому, для того чтобы имѣть возможность судить по существу, слѣдовало бы взять примѣръ старости млекопитающаго, живущаго на свободѣ. Между тѣмъ условіе это не легко выполнимо, потому что старыя животныя, вслѣдствіе своей слабости, легко становятся добычей хищниковъ. Въ виду этого интересно привести нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя о старости челоуѣкообразныхъ обезьянъ.

Туземцы Борнео наблюдали старыхъ орангъ-утанговъ, которые не только потеряли всѣ зубы, но такъ утомлялись лазаньемъ на деревья, что предпочитали питаться только тѣмъ, что случайно падало съ нихъ, и сокомъ травъ²⁾. По словамъ Сэваджа, гориллы съ возрастомъ сѣдѣютъ; это и подало поводъ къ баснѣ, будто существуетъ два вида этихъ животныхъ.

Старость обезьяны на свободѣ очень напоминаетъ нашу собственую; подобно ей, она сопровождается печальными явленіями. Итакъ, старческое вырожденіе, на которое всѣ смотрятъ какъ на одно изъ величайшихъ въ мірѣ золъ, вовсе не есть привилегія одного челоуѣческаго рода.

Если картина старости, нарисованная въ приведенной нами въ VI-ой главѣ буддійской легендѣ, и преувеличена, тѣмъ не менѣе вѣрно, что этотъ періодъ жизни характеризуется значительными измѣненіями, дѣлающими существованіе стариковъ весьма печаль-

¹⁾ *Человѣкъ и животныя*, т. I.

²⁾ *Huxley*. Мѣсто челоуѣка въ природѣ. 1891, стр. 210, 220.

нымъ. *Будда*, въ силу своего пессимизма, смотрѣлъ на вещи слишкомъ мрачно. Посмотримъ же, какъ характеризуютъ старость оптимисты. Вотъ какъ описываетъ ее *Максъ Нордау* — врачъ, литераторъ и публицистъ: «...Старикъ, — говоритъ онъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, — физически является непріятнымъ воплощеніемъ дряхлости; нравственно, онъ — слѣпой и безжалостный эгоистъ, неспособный даже интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ самаго себя; умственно, онъ — ослабленный и ограниченный мыслитель, по существу сплетенный изъ старыхъ ошибокъ и предразсудковъ и остающійся глухимъ для новыхъ идей («Психологическіе парадоксы»).

Но, быть можетъ, мнѣ возражать, что я черпаю свои свѣдѣнія у писателя, который, въ качествѣ публициста, склоненъ къ преувеличеніямъ. Обратимся же къ ученому физиологу, который говоритъ передъ слушателями, желающими поучаться и узнать истину. Изложивъ въ общихъ чертахъ физическое вырожденіе, обусловленное старостью, *Лонже* *) рисуетъ слѣдующую картину: старики «чувствуютъ, что земное призваніе ихъ выполнено; имъ кажется, что каждый думаетъ это о нихъ и попрекаетъ ихъ за то, что они еще занимаютъ мѣсто на землѣ: отсюда ихъ недовѣріе ко всему окружающему, ихъ зависть ко всему молодому; отсюда также ихъ любовь къ одиночеству и неровность ихъ настроенія... Конечно, не всѣ старики таковы: сердце иныхъ остается молодымъ и бодро бьется въ ослабѣвшемъ тѣлѣ; но вообще старики мрачны, въ тягость себѣ и другимъ, если они не окружены дѣтьми и внуками, которые любятъ въ нихъ прошлое и прощаютъ настоящее. — Такъ смѣняются для нихъ годы, и каждый шагъ впередъ приближаетъ ихъ къ концу поприща, каждый часъ проводитъ на нихъ новую морщину, приноситъ имъ новую слабость, новое сожалѣніе. Ихъ тѣло... дряхлѣетъ; позвоночникъ слишкомъ слабъ, чтобы поддерживать ихъ, и это придаетъ имъ особенное положеніе, приближающее ихъ къ землѣ».

Несомнѣнно, что старость — печальное состояніе; для того чтобы проникнуть въ сущность его, необходимо глубокое изученіе. Пока не имѣли никакого представленія о настоящей причинѣ болѣзней, большею частью не могли ничего предпринять для пресѣченія ихъ. То же относится и къ старости.

Возможно ли, при современномъ положеніи науки, составить себѣ сколько-нибудь точное понятіе о характеристическихъ чертахъ старческаго вырожденія? Задача эта не легка въ виду незначительнаго количества точныхъ фактовъ, относящихся къ этому, столь важному однако вопросу.

*) Учебникъ физиологіи, 2-ое изд., т. II, стр. 235.

Всѣ знаютъ, что мясо старыхъ животныхъ отличается твердостью. Нельзя сравнивать мясо старыхъ куръ съ нѣжнымъ мясомъ цыплятъ. Другіе органы, какъ печень или почки, у старыхъ животныхъ гораздо тверже, чѣмъ у молодыхъ. Твердое мясо старыхъ животныхъ сравниваютъ съ подошвою. Это сравненіе, по существу вѣрно. Подошва сдѣлана изъ кожи животнаго, т. е. изъ очень твердой ткани, состоящей изъ такъ называемой «соединительной ткани»,—громаднаго количества волоконъ, смѣшанныхъ съ живыми элементами или соединительно-тканными клѣтками. Ткань эта очень прочная, почему и служитъ для выдѣлыванія подошвъ обуви.

Когда соединительная ткань значительно развивается въ какомъ-нибудь органѣ, то послѣдній становится тверже и менѣе пригоднымъ для ѣды. Отвердѣніе это называется *склерозомъ* (печени, почекъ, и т. д.). Именно въ старости многіе органы склонны отвердѣвать или подвергаться склеротическому вырожденію. Фактъ этотъ былъ давно замѣченъ, но общее значеніе его признано только гораздо позднѣе. Вотъ что говоритъ *Деманжъ*¹⁾ въ своей монографіи объ измѣненіяхъ организма въ старости: «Одновременно съ атрофіей и вырожденіемъ паренхиматозныхъ элементовъ²⁾, наблюдается глубокое измѣненіе соединительно-тканной сѣти, служащей имъ опорой. Въ иныхъ случаяхъ, вслѣдствіе клѣточной атрофіи, соединительно-тканная оболочка становится явственнѣе, однако безъ преувеличеннаго развитія; это часто наблюдается въ старческой печени. Но по большей части соединительная ткань претерпѣваетъ настоящее возбужденіе, которое, не доходя до воспаленія, вызываетъ эмбриональное размноженіе и послѣдующій склерозъ. Склерозъ этотъ, считая по обстоятельствамъ, развивается то островками, то полосами; онъ начинается то съ периферіи органа, то въ глубинѣ его и, своими петлями, заглушаетъ элементы органа, обуславливая новую причину ихъ атрофіи и вырожденія. Клѣточный элементъ такимъ образомъ мало-по-малу исчезаетъ, соединительно-тканная сѣть замѣняетъ его и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ предстательной железѣ, вслѣдствіе своего усиленнаго развитія, дѣлаетъ органъ объемистѣе нормальной его величины; но еще чаще слѣдствіемъ является общая и частная атрофія» (стр. 9).

Старческіе склерозы иногда выражаются въ формѣ отвердѣванія печени (циррозъ печени) или почекъ (циррозъ почекъ); но всего чаще этому измѣненію подвергаются артеріи; дегенерація послѣднихъ извѣстна подъ названіемъ артеріосклероза.

1) *Etude clinique et anatomo-pathologique sur la vieillesse*. Paris. 1886.

2) Паренхиматическіе элементы составляютъ самыя существенныя клѣтки такихъ органовъ, какъ печень, почки, мускулы, мозгъ и т. д.

Казалось давно уже формулировалъ такъ часто повторяемый афоризмъ: «нашъ возрастъ, это—возрастъ нашихъ артерій». И дѣйствительно, эти сосуды, разносящіе кровь во всѣ органы, имѣютъ очень большое значеніе для всей нашей организаціи. Когда, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія соединительной ткани, они отвердѣваютъ, то хуже выполняютъ свою дѣятельность и становятся гораздо болѣе хрупкими. Приписывали даже (теорія *Деманжа*) всѣ старческія измѣненія вырожденію артерій. Это—очевидное преувеличеніе, тѣмъ болѣе что при вскрытіи стариковъ нерѣдко наблюдаютъ слабую степень, или даже отсутствіе артеріо-склероза.

Можно было бы думать, что отвердѣваніе многихъ органовъ въ старости—общее явленіе и придаетъ большую прочность всему скелету. Кости, отдѣленные одна отъ другой въ зрѣломъ возрастѣ, у стариковъ спаиваются вслѣдствіе известковаго отложенія въ швахъ. Позвонки часто спаиваются вслѣдствіе окостенѣнія отдѣляющихъ ихъ частей. Большинство хрящей также окостенѣваетъ. Однако, несмотря на все это, точно для того, чтобы доказать, что въ старости все полно противорѣчій, самый костный скелетъ становится легче, количество минеральныхъ веществъ въ немъ уменьшается. Слѣдствіемъ этого является частота изломовъ костей у стариковъ. Особенно часто ломается у нихъ головка бедренной кости; это имѣетъ нерѣдко своимъ послѣдствіемъ смерть, чему примѣромъ служить знаменитый *Вирховъ*, одинъ изъ величайшихъ представителей научной медицины XIX-го вѣка.

Можетъ ли наука опредѣлить главныя измѣненія тканей у стариковъ?—На Берлинскомъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1890 года, извѣстный нѣмецкій анатомъ *Меркель* ¹⁾ захотѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ описаніи тканей въ старости, онъ старается доказать, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, ткани, покрывающія кожу и слизистыя оболочки (эпителиальныя ткани), отличаются сохраненіемъ типа молодости; другія же, какъ соединительная ткань, представляютъ величайшія измѣненія. Эта попытка является первымъ очеркомъ внутренней стороны старческаго вырожденія; но она не приводитъ ни къ какому простому и общему понятію.

Позднѣе я старался ²⁾ пополнить этотъ пробѣлъ, пользуясь появившимися работами различныхъ наблюдателей по вопросу о старческомъ вырожденіи. Я формулировалъ слѣдующимъ образомъ свое мнѣніе: въ старческой атрофіи мы всегда встрѣчаемъ одну

¹⁾ Bemerkungen üb. d. Gewebe beim Altern, Verhandlung. d. X Internat. medic. Congresses. Berlin. 1891. Т. II, стр. 124.

²⁾ Année Biologique de Yves Delage. Т. III, 1899. стр. 249.

и ту же картину—«*атрофія благородныхъ и специфическихъ элементовъ тканей и замѣна ихъ гипертрофированной соединительной тканью*». Въ мозгу нервныя клѣтки, т. е. тѣ, которыя служатъ для самой высокой дѣятельности—умственной, чувствующей, управляющей движеніями и т. д.,—исчезаютъ для того, чтобы уступить мѣсто низшимъ элементамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *невроми*,—рода соединительной ткани нервныхъ центровъ. Въ печени соединительная ткань вытѣсняетъ печеночныя клѣтки, выполняющія существенную роль въ питаніи организма. Селезенку наводняетъ та же ткань; она затягиваетъ каналы, необходимые для избавленія насъ отъ множества растворимыхъ веществъ. Въ яичникахъ яички, специфическіе элементы, служащіе для размноженія вида,—точно также вытѣсняются и замѣняются клѣтками зернистаго слоя, изъ группы соединительной ткани.

Другими словами, старость характеризуется борьбою между благородными элементами организма и простыми, первичными,—борьбою, кончающеюся въ пользу послѣднихъ. Побѣда ихъ выражается ослабленіемъ умственныхъ способностей, разстройствами питанія, затрудненіемъ обмѣна веществъ и т. д.

Говоря «борьба», я не употребляю метафоры. Дѣло идетъ о настоящей битвѣ въ самой глубинѣ нашего организма.

Во всѣхъ частяхъ нашего тѣла встрѣчается не мало клѣтокъ, удержавшихъ значительную долю независимости. Онѣ обладаютъ самостоятельной подвижностью и способны поглощать разныя твердыя тѣла, вслѣдствіе чего ихъ называютъ *фагоцитами*, или пожирающими клѣтками. Послѣднія выполняютъ очень существенную роль въ нашемъ организмѣ,—именно, онѣ въ большомъ количествѣ скопляются вокругъ микробовъ или разныхъ другихъ постороннихъ тѣлъ, способныхъ вредить здоровью, и поѣдаютъ ихъ. Фагоциты также рассасываютъ кровоизліянія и различныя элементы, проникающіе въ мѣста, гдѣ не могутъ выполнять никакой полезной роли. Такъ, когда, при апоплексическомъ ударѣ, кровь изливается въ какую-нибудь часть мозга и вызываетъ двигательный параличъ, фагоциты скопляются вокругъ кровяного сгустка и пожираютъ его вмѣстѣ съ заключенными въ немъ кровяными шариками. Рассасываніе это производится медленно; но, по мѣрѣ того какъ мозгъ освобождается отъ кровоизліянія, движенія восстанавливаются, и организмъ можетъ вполне выздороветь. Въ этомъ примѣрѣ излѣченіе обязано фагоцитамъ.

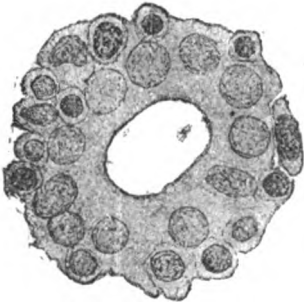
Когда, во время родовъ, матка представляетъ громадную рану, покрытую кровяными сгустками, опять-таки фагоциты очищаютъ ее и приводятъ въ нормальное состояніе. Итакъ, роль этихъ клѣтокъ вообще очень благотѣльна.

Существуют двѣ большія категории фагоцитовъ: мелкіе подвижные фагоциты, обозначаемые подъ именемъ *микрофаговъ*, и крупныя фагоциты, то подвижныя, то нѣтъ, которыхъ называютъ *макрофагами*.

Первые происходятъ изъ костнаго мозга и циркулируютъ въ крови, составляя часть бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, или лейкоцитовъ. Они отличаются лопастной формой своихъ ядеръ, что позволяетъ имъ легко проникать сквозь мелкіе кровяные сосуды и скопляться въ эксудаты, развивающіеся вокругъ микробовъ. Иногда эксудаты эти образуются въ очень короткое время, что является очень выгоднымъ условіемъ для выздоровленія отъ заразныхъ болѣзней.

Наоборотъ, при рассыиваніи кровоизліяній и при зарубцеваніи ранъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ макрофаги. Вообще, можно сказать, что микрофаги излѣчиваютъ насъ отъ микробовъ, а макрофаги—отъ механическихъ поврежденій, какъ кровоизліянія, пораненія и т. д.

Макрофаги снабжены простымъ, нелопастнымъ ядромъ. Они относятся либо къ извѣстной категоріи бѣлыхъ шариковъ крови, лимфы и эксудатовъ, либо къ неподвижнымъ клѣткамъ соединительной ткани, селезенки, лимфатическихъ железъ и т. д.

Фиг. 14. Разрѣзъ почечнаго канальца, наводненнаго макрофагами девятистолѣтняго старика (макрофаги по препарату *Вейнберга*).

Фагоциты одарены собственной чувствительностью. Они обладаютъ родомъ обонянія или вкуса, позволяющимъ имъ узнавать составъ окружающей среды. Судя по полученному впечатлѣнію, они или приближаются къ тѣламъ, вызвавшимъ его, или остаются безразличными, или удаляются. Проникновеніе въ организмъ заразныхъ микробовъ раздражаетъ преимущественно микрофаговъ; привлекаемые микробными продуктами, они стекаются въ эксудаты.

При старческомъ вырожденіи мы имѣемъ дѣло съ вмѣшательствомъ макрофаговъ. Фагоциты эти обуславливаютъ такимъ образомъ атрофію почекъ у стариковъ (фиг. 14).

Они въ огромномъ количествѣ притекаютъ къ этимъ органамъ, гдѣ скопляются вокругъ почечныхъ канальцевъ и уничтожаютъ ихъ. Занявъ ихъ мѣсто, макрофаги образуютъ соединительную ткань замѣняющую такимъ образомъ нормальную почечную ткань. Аналогичный процессъ происходитъ также и въ другихъ тканяхъ, подвергающихся старческому перерожденію. Такъ, наблюда-

ють, что въ мозгу стариковъ и старыхъ животныхъ очень многія нервныя клѣтки окружены макрофагами (фиг. 15) и поѣдаются ими.

Въ вышеприведенной мною статьѣ, я счелъ себя въ правѣ утверждать, что старческое вырожденіе по существу сводится къ разрушенію макрофагами благородныхъ элементовъ организма. Результатъ этотъ слѣдовало подтвердить прямыми наблюденіями, тѣмъ болѣе что нѣкоторые ученые сочли его сомнительнымъ.

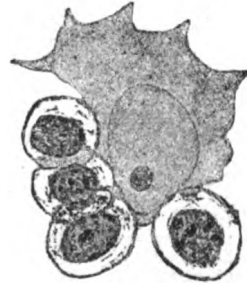
Такъ, *Маринеско*¹⁾, имѣющій авторитетъ во всемъ, касающемся нервной системы, возражалъ противъ моего мнѣнія, основываясь на томъ фактѣ, что въ нервныхъ центрахъ стариковъ разрушеніе специфическихъ элементовъ не зависитъ отъ фагоцитовъ.

Вотъ какъ онъ высказывается по этому вопросу: «На большомъ числѣ препаратовъ какъ головно-мозговой коры, такъ и спинного мозга стариковъ, я никогда не находилъ макрофаговъ, разрушающихъ нервную клѣтку; старческая атрофія, слѣдовательно не есть результатъ нашествія фагоцитовъ на нервную клѣтку». Въ подтвержденіе своего мнѣнія *Маринеско* прислалъ мнѣ нѣсколько препаратовъ спинного мозга и головно-мозговой коры стариковъ. Я легко могъ подтвердить отсутствіе фагоцитоза въ спинномъ мозгу, т.-е. въ органѣ, старческое перерожденіе котораго вообще очень слабо. Наоборотъ, на разрѣзахъ коры большихъ полушарій двухъ стариковъ, 102 и 117 лѣтъ, я безъ труда могъ замѣтить очень большое количество нервныхъ клѣтокъ, задѣтыхъ макрофагами. Препараты *Маринеско* очень слабо окрашены, что составляетъ, конечно, единственную причину, вслѣдствіе которой онъ просмотрѣлъ фагоцитозъ, и притомъ очень сильный.

То же явленіе легко видѣть у старыхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, у попугаевъ и собакъ.

Наводненіе тканей макрофагами въ старости представляется такимъ общимъ явленіемъ, что ему несомнѣнно надо придавать большое значеніе. Только, для того чтобы точнѣе опредѣлить роль этихъ фагоцитовъ, надо было подыскать особенно подходящій объектъ изслѣдованія. Я обратился къ сѣднью волосъ²⁾, являющемуся всего чаще первымъ видимымъ признакомъ старости.

Окрашенные волосы наполнены зернами пигмента, разбросан-

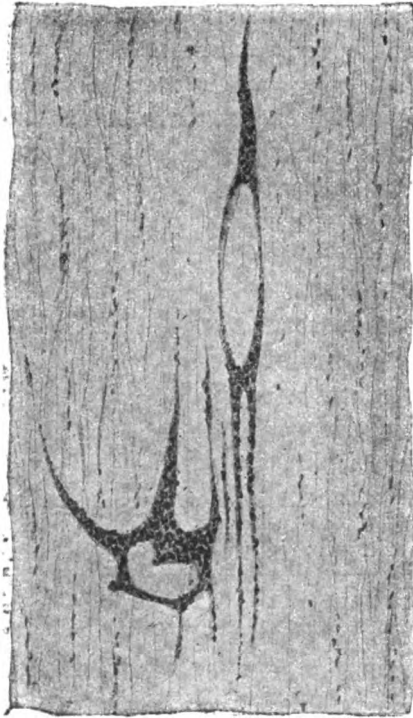
Фиг. 15. Мозговая клѣтка 100-лѣтней старухи, поѣдаемая макрофагами (по препарату х-ра *Филитта*).

1) *Comptes rendus de l'académie des Sciences*, 23 avril. 1900.

2) *Annales de l'Institut Pasteur*. 1901, стр. 865.

ными въ обоихъ слояхъ, составляющихъ волосъ. Въ опредѣленный моментъ клѣтки осевой части волоса начинаютъ двигаться; онѣ выходятъ изъ своего оцѣпенѣнія и начинаютъ пожирать весь доступный имъ пигментъ. Набитыя окрашенными зернами, клѣтки эти, составляющія разновидность макрофаговъ (и названныя *пигментофагами* или, еще лучше, *хромофагами*), становятся подвижными и покидаютъ волосъ, направляясь то въ кожу, то вонъ изъ организма (фиг. 16). Такимъ путемъ *хромофаги* переносятъ пигментъ во-

Фиг. 16. Съдѣлюющій волосъ. Хромофаги, переносящіе тилентныя зерна.

лось, которые вслѣдствіе этого становятся безцвѣтными, сѣдыми.

Механизмъ сѣдѣнія волосъ и шерсти имѣетъ то значеніе, что указываетъ на возбужденіе макрофаговъ, какъ на преобладающее явленіе въ старческомъ вырожденіи. Пористость костей у стариковъ зависитъ отъ сходной причины, т. е. отъ разсасыванія и разрушенія скелета возбужденными макрофагами, наводняющими костныя пластинки.

Этотъ выводъ вытекаетъ изъ изслѣдованій, предпринятыхъ нами совместно съ докторомъ *Вейнбергомъ*, и находится въ согласіи съ данными, недавно опубликованными *Таширо* ¹⁾.

Усиленная дѣятельность макрофаговъ въ старости очень тѣсно связана съ явленіями при нѣкоторыхъ хроническихъ болѣзняхъ. Старческій склерозъ входитъ въ ту же категорію,

какъ и склерозъ органовъ, вызванный различными болѣзнетворными причинами. Такъ, несомнѣнно существуетъ аналогія старческаго вырожденія почекъ съ хроническимъ такъ называемымъ интерстиціальнымъ нефритомъ. Указанное нами старческое разрушеніе нервныхъ клѣтокъ макрофагами встрѣчается также въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ нервныхъ центровъ, какъ, на примѣръ, въ прогрессивномъ параличѣ. Старческій артеріосклерозъ—настоящая воспалительная

¹⁾ Ziegler's Beiträge zur pathol. Anatomie. 1893. т. XXXIV, стр. 238.

болѣзнь, сходная съ воспаленіемъ артерій въ какомъ бы то ни было заболѣваніи.

Уже давно замѣтили, что старость очень сходна съ болѣзью. Поэтому вовсе неудивительно, что человекъ ощущаетъ сильное отвращеніе къ старости. Въ то время какъ дѣти и юноши всегда считаютъ себя старше своихъ лѣтъ и явно желаютъ стать взрослыми, зрѣлый человекъ не имѣетъ никакой охоты состарѣться. Инстинктивное чувство подсказываетъ намъ, что старость заключаетъ въ себѣ нѣчто ненормальное. Безъ сомнѣнія, ошибочно смотрѣть на старость какъ на физиологическое явленіе. Изъ-за того, что всѣ старѣютъ, принимать старость занормальное явленіе можно лишь постольку, поскольку можно принимать за нормальное явленіе родовыя боли, отъ которыхъ избавлены только очень немногія женщины. Въ обоихъ случаяхъ мы, конечно, имѣемъ дѣло съ патологическими, а не съ чисто-физиологическими явленіями. Подобно тому какъ стараются смягчить или устранить боли роженицы, такъ естественно стремиться устранить зло, приносимое старостью. Но только во время родовыхъ болей достаточно примѣнить анестезирующее средство, между тѣмъ какъ старость — хроническое зло, противъ котораго гораздо труднѣе найти лѣкарство.

Мы видѣли, что въ старости происходитъ борьба между благородными элементами и фагоцитами, что жизненность первыхъ большею частью ослаблена, въ то время какъ вторые, наоборотъ, обнаруживаютъ усиленную дѣятельность. Поэтому казалось бы, что средствомъ борьбы противъ патологической старости должно бы быть, съ одной стороны, усиленіе наиболѣе цѣнныхъ элементовъ организма, а съ другой — ослабленіе наступательнаго стремленія фагоцитовъ.

Я долженъ сейчасъ же предупредить читателя, что задача эта еще не рѣшена, но что рѣшеніе ея не заключаетъ въ себѣ ничего непреодолимаго. Это такой же научный вопросъ, какъ многіе другіе. Свойства клѣточныхъ элементовъ легко измѣняются подъ различными вліяніями. Поэтому нѣтъ ничего неразумнаго въ исканіи средствъ, способныхъ усиливать кровяные шарики, нервныя, печеночныя и почечныя клѣтки, сердечныя и другія мышечныя волокна. Задача эта облегчена еще открытіемъ сыворотокъ, дѣйствующихъ на эти различныя элементы.

Въ III-ей главѣ было упомянуто о существованіи серумовъ, дающихъ осадки исключительно съ кровью человека и его ближайшихъ родичей — человекообразныхъ обезьянъ. Такой серумъ, слѣдовательно, достаточно специфиченъ. Уже готовятъ серумы, растворяющіе одни только красныя шарики нѣкоторыхъ животныхъ

видовъ и падающіе всё другіе элементы. Точно также можно получить серумъ, почти мгновенно останавливающій подвижность чело-вѣческихъ сѣмянныхъ тѣлъ и не дѣйствующій на сѣмянные тѣла другихъ млекопитающихъ.

Принципъ приготовленія этихъ сыворотокъ—все тотъ же. Впрыскиваютъ данные клѣточные элементы—красные шарики или сѣмянные тѣла, печеночныя или почечныя клѣтки—животному чуждаго вида. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ впрыскиваній серумъ этого животного становится дѣятельнымъ по отношенію къ клѣткамъ, которыя были введены въ его организмъ. Открытіе этихъ серумовъ было сдѣлано *Бердэ* въ Пастеровскомъ институтѣ; съ тѣхъ поръ оно было подтверждено и изучено большимъ числомъ ученыхъ всѣхъ странъ. Серумы эти называются *цитотоксическими*, т.-е. токсическими для клѣтокъ различныхъ категорій.

И вотъ было установлено, что малыя дозы этихъ цитотоксическихъ серумовъ, вмѣсто того чтобы убивать или растворять специфическіе элементы тканей, усиливаютъ ихъ ¹⁾. При этомъ происходитъ нѣчто подобное съ тѣмъ, что наблюдается относительно многихъ ядовъ, какъ, на примѣръ, дигиталисъ, а именно, что большія дозы убиваютъ, между тѣмъ какъ малыя излѣчиваютъ или улучшаютъ состояніе нѣкоторыхъ элементовъ организма. Слѣдуя этому правилу, можно было бы убѣдиться въ томъ, что малыя дозы серума, растворяющаго красные шарики человѣческой крови, увеличиваютъ количество этихъ элементовъ у человѣка, которому впрыскиваютъ такія дозы. Точно также серумъ, разрушающій бѣлые шарики кролика, усиливаетъ ихъ, будучи впрыснутымъ въ достаточно маломъ количествѣ.

Итакъ, вотъ рациональный путь, по которому слѣдуетъ идти, съ цѣлью усиленія благородныхъ элементовъ человѣческаго организма и для того чтобы помѣшать имъ старѣться. Можно подумать, что задача эта очень легко выполняема. Стоило бы только впрыскивать лошадямъ (или другимъ животнымъ) нѣкоторые тщательно растертые человѣческіе органы, какъ мозгъ, сердце, печень, почки и т. д., для того чтобы получить черезъ нѣсколько недѣль серумы, дѣйствующіе на тѣ же органы.

Въ дѣйствительности задача гораздо труднѣе. Мы рѣдко имѣ-

¹⁾ V. Annales de l'Institut Pasteur. 1900, t. XIV, стр. 369, 378, 390, 402. Результаты, наложенные въ этихъ работахъ, были подтверждены *Бланоновскимъ* (О вліяніи впрыскиванія различныхъ дозъ гемолитическаго серума на количество кровяныхъ элементовъ. Петербургъ, 1902). Онъ наблюдалъ увеличеніе количества гемоглобина и красныхъ шариковъ у малокровныхъ, подвергавшихся лѣченію малыми дозами гемолитическаго серума.

емъ человѣческіе органы при условіяхъ, позволяющихъ привить ихъ животнымъ. Вскрытіе по закону можетъ быть сдѣлано только черезъ 24 часа послѣ смерти. Кромѣ того, часто наталкиваешься на очень большія затрудненія, чтобы получить разрѣшеніе удалить органы изъ труповъ. И если даже всѣ эти препятствія преодолѣны, встрѣтятся новыя затрудненія при испытаніи дѣйствія различныхъ дозъ цитотоксическихъ серумовъ. Поэтому не слѣдуетъ удивляться тому, что попытки усилить благородные элементы человѣческаго организма требуютъ очень продолжительнаго времени. Но если эти благородные элементы (нервные, печеночныя, почечныя и сердечныя клѣтки) требуютъ усиленія, то это доказываетъ, что они подвержены какимъ-то постепенно ослабляющимъ ихъ причинамъ.

Было бы въ высшей степени важно знать, каковы эти причины, потому что это дало бы намъ въ руки еще новое средство. Аналогія старческаго вырожденія съ атрофическими болѣзнями нашихъ важнѣйшихъ органовъ позволяетъ предположить и сходство причинъ, вызывающихъ оба эти ряда явленій. Склерозъ мозга, почекъ и печени часто зависитъ отъ отравленія такими ядами, какъ алкоголь, свинецъ, ртуть и т. д. Болѣзни эти также могутъ быть вызваны вирусами, между которыми главную роль играетъ сифилисъ.

Большое значеніе этого венерическаго заболѣванія, вызывающаго болѣзненные и патологическіе признаки старости, главнымъ образомъ обнаруживается въ артеріосклерозѣ. По очень добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ, собраннымъ шведскимъ врачомъ *Эддреномъ* *) въ «монографіи артеріосклероза», пятая часть случаевъ этой болѣзни вызывается сифилисомъ.

Еще большее количество случаевъ (25%) обусловлено хроническимъ алкоголизмомъ. Итакъ, оба эти фактора вмѣстѣ обуславливаютъ почти половину (45%) случаевъ артеріосклероза.

Сифилитическій вирусъ и алкоголь дѣйствуютъ какъ яды, вызывающіе сначала дегенерацію и отвердѣніе стѣнокъ артерій, а затѣмъ ослабленіе благородныхъ элементовъ организма. Низшія клѣтки—фагоциты—менѣе чувствительны къ этимъ ядамъ, чѣмъ и объясняется ихъ побѣда надъ отравленными элементами.

Ревматизмъ, подагра и инфекціонныя болѣзни играютъ только второстепенную роль между причинами артеріосклероза. Въ результатѣ всѣхъ расчетовъ *Эддренъ* признается, что почти въ одной пятой случаевъ ему невозможно было добиться настоящей причины артеріосклероза. Въ громадномъ большинствѣ этихъ случаевъ дѣло касалось пожилыхъ людей, «такихъ», которые, по *Эддрену*, «поражены, такъ сказать, физиологическимъ склерозомъ» (стр. 118).

*) Die Arteriosclerose. Leipzig, 1898.

Я же предполагаю, что этот склерозъ безъ выясненной причины—вовсе не физиологическій, а, должно быть, столь же патологическій, какъ и склерозъ сифилитическаго или алкоголическаго происхожденія. Но откуда же, спросятъ меня, является отравленіе въ этихъ случаяхъ? При сифилисѣ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно организованнымъ вирусомъ. Онъ-то и вызываетъ инфекцію или отравленіе, приводящее къ артеріосклерозу, прогрессивному параличу и къ другимъ серьезнымъ поврежденіямъ здоровья. При алкоголизмѣ мы имѣемъ дѣло съ ядомъ дрожжей, этихъ микроскопическихъ грибовъ, близкихъ къ настоящимъ микробамъ. Для того же, чтобы объяснить артеріосклерозъ въ примѣрахъ, гдѣ нѣтъ ни сифилиса, ни алкоголизма, ни другой опредѣленной причины, слѣдуетъ отнести отравленіе на счетъ той массы безчисленныхъ микробовъ, которые кишатъ въ нашемъ кишечномъ каналѣ.

Уже *Бушаръ* ¹⁾ обратилъ вниманіе на отравленіе организма, зависящее отъ нашего кишечнаго канала. *Гюшаръ* ²⁾ особенно настаивалъ на роли ядовъ пищи въ причиненіи обобщеннаго уплотненія артерій. Эти яды вырабатываются кишечными микробами.

Между этими микробами могутъ быть безвредные, даже такіе, которые полезны, но безспорно есть много такихъ, присутствіе которыхъ вредитъ здоровью и жизни. Не будучи въ состояніи подробно разсмотрѣть этотъ важный вопросъ, считаю нужнымъ резюмировать его въ нѣсколькихъ строкахъ.

Кишечный каналъ человѣка питаетъ громадное количество бактерій. По послѣднимъ изслѣдованіямъ *Страсбургера* ³⁾ оно достигаетъ 128.000.000.000.000 въ день. Микробы эти немногочисленны въ частяхъ кишечника, переваривающихъ пищу, но они кишатъ въ толстыхъ кишкахъ, т.-е. въ нижней части, служащей вмѣстилищемъ пищевыхъ остатковъ. Послѣдніе, вмѣстѣ со слизистыми выдѣленіями, служатъ очень благоприятной средой для размноженія микробовъ. И въ самомъ дѣлѣ, микробная флора составляетъ $\frac{1}{3}$ человѣческихъ испражненій. Флора эта очень разнообразна и заключаетъ большое число видовъ, между которыми встрѣчаются палочки, кокки и разные другіе микробы; иные изъ нихъ еще недостаточно изучены.

Уже одно распредѣленіе этой микробной флоры доказываетъ ея бесполезность для жизни и здоровья человѣка: она бѣдна въ переваривающихъ частяхъ и очень богата въ тѣхъ, которыя не

¹⁾ Leçons sur les auto-intoxications, 1887.

²⁾ Traité clinique des maladies du coeur. 3-е издание. 1899, т. I, стр. 202.

³⁾ Zeitschrift für klinische Medicin, 1902, т. XLVI, стр. 434.

выполняют этой функции. Одного этого факта достаточно для опровержения мнѣнія ученыхъ, приписывающихъ большое значеніе кишечной флорѣ. Мнѣніе это основано, главнымъ образомъ, на томъ, что нѣкоторыя животныя истощаются при возвращеніи въ исключительныхъ условіяхъ, безъ доступа микробовъ. *Шотелюсъ*¹⁾ впервые выполнилъ такой опытъ. Онъ выводилъ цыплятъ въ клеткѣ, для этого специально приготовленной. Цыплята вылуплялись изъ яицъ и жили нѣсколько недѣль; но, не заключая микробовъ внутри своего тѣла и питаясь одной стерилизованной пищей, они, вмѣсто того чтобы прибавляться въ вѣсъ, худѣли и впадали въ крайній маразмъ.

Когда *Шотелюсъ* прибавлялъ бактеріи къ пищѣ этихъ кахектическихъ цыплятъ, послѣдніе немедленно поправлялись и возвращались къ нормальному состоянію.

Аналогичный опытъ былъ сдѣланъ г-жею Мечниковой²⁾ надъ головастиками лягушки; выкормленные въ сосудѣ съ хлѣбомъ, заключающимъ микробы, они развивались нормально; когда же выращиваніе производилось при полномъ отсутствіи микробовъ, то головастики хотя и жили въ теченіе мѣсяцевъ, но были кахектическими и останавливались въ своемъ развитіи.

Съ другой стороны, *Нютало* и *Тирфельдеру*³⁾ удалось въ теченіе нѣсколькихъ дней растить новорожденныхъ морскихъ свинокъ, кишечникъ которыхъ не содержалъ микробовъ и которыя получали исключительно вполнѣ стерилизованнаго молока или растительную пищу. Несмотря на этотъ режимъ безъ микробовъ, морскія свинки развивались въ довольно хорошемъ состояніи.

Такъ какъ оба ряда опытовъ были произведены при условіяхъ, устраняющихъ всякую причину ошибки, то было бы очень важно согласовать, повидимому, совершенно противорѣчивые результаты. Всѣ приведенные три опыта имѣютъ то общее между собою, что они относились къ новорожденнымъ животнымъ. А, какъ извѣстно, непосредственно послѣ рожденія пищеварительные ферменты часто выделяются очень несовершеннымъ образомъ. У морскихъ свинокъ количество ихъ могло быть достаточнымъ для перевариванія вводимой пищи, въ то время какъ у цыплятъ и у головастиковъ ферменты эти сами по себѣ не были въ состояніи въ достаточной степени выполнять свою роль. Прибавленіе микробовъ, одаренныхъ значительной пищеварительной силой, легко могло пополнить недостаточность собственныхъ ферментовъ кишечнаго канала.

1) Archiv f. Hygiene, 1898, стр. 48.

2) Annales de l'Institut Pasteur, 1901 г. стр. 630.

3) Zeitschrift f. physiologische Chemie, 1895, стр. 109.

Рядомъ съ морскими свинками, взрощенными *Нюталемъ* и *Тирфелдеромъ*, стоитъ цѣлая серія низшихъ животныхъ, каковы личинки моли и другихъ насѣкомыхъ, кишки которыхъ вполнѣ лишены микробовъ, а между тѣмъ легко усваиваютъ очень неудобоваримую пищу, какъ воскъ и шерсть. Результаты эти подтверждаются еще фактомъ, хорошо извѣстнымъ физиологамъ: желудочный и панкреатическій соки млекопитающихъ легко перевариваютъ очень разнообразную пищу въ средахъ, заключающихъ антисептическія вещества, причемъ вмѣшательство микробовъ вполнѣ исключено.

Намъ нѣтъ надобности углубляться здѣсь въ изученіе этого вопроса, такъ какъ то, что по существу интересуетъ насъ, легко можетъ быть доказано при помощи фактовъ, уже изложенныхъ читателю. Такъ, полная атрофія толстыхъ кишокъ у женщины, о которой шла рѣчь въ IV-й главѣ, достаточно доказываетъ, что эта часть кишечника не только не необходима для здоровья и жизни человѣка, но что онъ легко можетъ обойтись безъ богатой флоры, заключенной въ его толстой кишкѣ. Въ этомъ-то и заключается вся суть вопроса. Именно эта бесполезная флора и можетъ вызвать серьезныя поврежденія здоровья и даже угрожать смерти. Брюшныя язвы такъ опасны только потому, что онѣ позволяютъ содержимому кишокъ проникать въ брюшную полость. Кишечные микробы размножаются тогда въ организмѣ, который и заболѣваетъ серьезно или смертельно.

Когда микробы эти остаются въ кишечномъ содержимомъ, они только рѣдко и въ маломъ количествѣ проникаютъ въ кровообращеніе; поэтому организмъ безъ большого затрудненія побѣждаетъ ихъ. Громадное большинство этихъ микробовъ не проходитъ сквозь стѣнки кишокъ, но ихъ растворимые продукты легко могутъ попасть въ лимфу и въ кровь. Фактъ этотъ вытекаетъ изъ множества хорошо установленныхъ данныхъ.

Уже довольно давно въ мочѣ человѣка и животныхъ былъ найденъ цѣлый рядъ такихъ веществъ, какъ производныя фенола, крезола, индола, скатола и т. д. Было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ количество этихъ веществъ значительно увеличивается. Застой содержимаго кишокъ вызываетъ увеличеніе фенола и индола.

Какъ эти, такъ и нѣсколько другихъ аналогичныхъ фактовъ, подали мысль, что названные продукты выдѣляются микробами, живущими въ кишкахъ. Всасываясь стѣнками кишокъ, они проникаютъ въ кровообращеніе, гдѣ могутъ вызывать болѣе или менѣе серьезныя нарушенія здоровья.

Бауманнъ, очень много занимавшійся этимъ вопросомъ, представилъ весьма большое количество доводовъ, основанныхъ на точныхъ

опытахъ и говорящихъ въ пользу микробнаго происхожденія веществъ въ мочѣ. *Эвальдъ* подтвердилъ это предположеніе очень наглядными фактами иного рода. Ему представился случай изучить пациента, которому вслѣдствіе ущемленія грыжи пришлось сдѣлать кишечную фистулу.

За все время бездѣйствія толстыхъ кишокъ, кишечное содержимое и моча не заключали ни фенола, ни индола.

Но какъ только фистула закрылась и возстановилось сообщеніе съ толстыми кишками, — феноль и индиканъ вновь появились въ выдѣленіяхъ. *Эвальдъ* заключаетъ изъ этого, что источникъ обоихъ этихъ веществъ находится въ толстыхъ кишкахъ.

Избавляю читателя отъ большого количества другихъ аналогичныхъ фактовъ, доказывающихъ, что флора нашихъ толстыхъ кишокъ служитъ источникомъ множества болѣе или менѣе вредныхъ веществъ, всасываемыхъ въ наше организмъ. Именно среди этихъ веществъ и надо искать тѣхъ медленныхъ ядовъ, способныхъ вызвать артеріосклерозъ и другія явленія старости въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится исключить сифилисъ, алкоголизмъ и другія причины.

Въ 4-й главѣ мы уже высказали положеніе, что толстая кишка развились у млекопитающихъ съ цѣлью накопленія пищевыхъ остатковъ, позволяющаго продолжительный и безостановочный бѣгъ, который представляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. Съ другой стороны, микробы, столь обильно развивающіеся въ содержимомъ толстыхъ кишокъ, облегчали усвоеніе нѣкоторыхъ неудобоваримыхъ веществъ, какъ, напримѣръ, клѣтчатки. Но оба эти обстоятельства не имѣютъ болѣе значенія для рода человѣческаго. Не быстротой бѣга достигаетъ человѣкъ своей добычи, и не имѣетъ онъ враговъ своихъ. Сильное развитіе его умственныхъ способностей даетъ ему возможность бороться другими, гораздо болѣе дѣйствительными средствами. Съ другой стороны, онъ легко можетъ обойтись безъ клѣтчатки: кухонное искусство и культура пищевыхъ растений даютъ ему такія средства питанія, о которыхъ никогда не могло и подумать ни одно животное.

Но и эта медаль имѣетъ свою обратную сторону. Не обладая сознаниемъ ни смерти, ни старости, млекопитающія пріобрѣли преимущества толстыхъ кишокъ на счетъ своей долговѣчности. Уже было упомянуто выше, что птицы живутъ долѣе млекопитающихъ. Онѣ же лишены толстыхъ кишокъ и имѣютъ несравненно менѣе богатую микробную флору, чѣмъ млекопитающія. Правило это представляетъ одно очень многозначительное исключеніе. Страусы и другія бѣгающія, самыя большія изъ птицъ, отличаются неспособностью летать и быстротой бѣга, избавляющей ихъ отъ погони враговъ. Только

у нихъ однихъ изъ всѣхъ птицъ сильно развиты толстыя кишки. Однако вмѣсто того, чтобы жить гораздо дольше значительно меньшихъ птицъ, какъ попугай, вороны, лебеди и т. д., страусы, по наблюдениямъ *Riviera*, занимающагося въ Алжиріи разводкою ихъ, живутъ всего до 35 лѣтъ. Своимъ образомъ жизни, развитіемъ толстой кишки, богатствомъ кишечной флоры и кратковременностью жизни, страусы, слѣдовательно, гораздо ближе подходятъ къ млекопитающимъ, чѣмъ къ птицамъ.

Замѣчательно, что большое число долголѣтныхъ птицъ не имѣютъ слѣпой кишки, — части, заключающей всего болѣе микробовъ. Исслѣдованіе содержимаго кишокъ попугая указываетъ на крайнюю бѣдность микробной флоры. Итакъ, сравнительное изученіе фактовъ вполне подтверждаетъ гипотезу, что обильная кишечная флора, бесполезная для пищеваренія, укорачиваетъ только жизнь, благодаря микробнымъ ядамъ, ослабляющимъ благородные элементы и усиливающимъ фагоциты.

Родъ человѣческой унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ какъ толстыя кишки, такъ и условія, благопріятствующія развитію богатой кишечной флоры. Онъ терпитъ, слѣдовательно, неудобства этого наслѣдія. Съ другой стороны, у человѣка мозгъ необыкновенно развитъ, а съ нимъ и умственныя способности, обуславливающія наше сознаніе старости и смерти. Наше сильное желаніе жить находится въ противорѣчій съ немощами старости и краткостью жизни. Это — наибольшая дисгармонія человѣческой природы.

Итакъ, для того, чтобы сдѣлать старость дѣйствительно фізіологической, необходимо противодѣйствовать неудобствамъ, зависящимъ отъ развитія толстыхъ кишокъ. Разумѣется, невозможно положиться на силы, дѣйствующія внѣ воли человѣка, и ждать уничтоженія ставшихъ ненужными толстыхъ кишокъ. Человѣкъ, руководимый точной наукой, долженъ дѣятельно стремиться достигнуть этого результата. Несмотря на большіе успѣхи, осуществленные хирургіей, въ настоящее время немислимо рассчитывать удалять толстыя кишки хирургическими приѣмами. Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ и пойдутъ по этому пути. Но пока раціональнѣе дѣйствовать непосредственно на вредные микробы, населяющіе наши толстыя кишки. Среди ихъ разнообразной флоры можно отличить такъ называемыя анаэробныя бактеріи, т. е. способныя жить безъ свободнаго кислорода и добывающія его по мѣрѣ надобности изъ разлагаемыхъ ими органическихъ веществъ. Размноженіе это выражается явленіями броженія и гноенія, часто сопровождаемыми выдѣленіемъ ядовъ. Между послѣдними встрѣчаются алколоиды (птомаины), жирныя кислоты и даже настоящіе токсины.

Въ кишкахъ нормальнаго человѣка, явленія гніенія производятся только въ слабой степени или даже вовсе не производятся. Но при кишечныхъ болѣзняхъ дѣтей и взрослыхъ, гнилостные микробы обильно развиваются и выдѣляютъ яды, раздражающіе стѣнки кишокъ.

Во избѣжаніе этихъ гнилостныхъ болѣзней у маленькихъ дѣтей, уже довольно давно было предложено давать имъ только стерилизованное молоко (въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенка выкармливаютъ соской) или другую пищу, предварительно освобожденную отъ микробовъ. Въ большинствѣ случаевъ такое кормленіе даетъ очень благоприятные результаты.

Изыскивая вліянія, мѣшающія гніенію, замѣтили, что молоко загниваетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ то время какъ мясо, сохраненное при тѣхъ же условіяхъ, очень легко подвергается разложенію. Ученые, желавшіе дать себѣ отчетъ въ причинѣ этой разницы, послѣдовательно приписывали отсутствіе гніенія молока то казеину, то молочному сахару. Но изслѣдованія, сдѣланныя альзасскимъ врачомъ *Бинштокомъ*¹⁾ и подтвержденныя *Тиссье* и *Мартели*²⁾, установили, что загниванію молока мѣшаютъ нѣкоторые микробы. Это именно тѣ, которые вызываютъ скисаніе молока, превращая молочный сахаръ въ молочную кислоту; они отличаются своимъ противодѣйствіемъ гнилостнымъ микробамъ. Гніеніе происходитъ въ щелочной средѣ. Между тѣмъ микробы молока послѣдовательно производятъ большія количества кислоты, которая и мѣшаетъ развитію дѣйствія гнилостныхъ бактерій. Если къ мясному настою, въ который посѣяны гнилостные и молочные микробы, прибавить соды, гніеніе наступаетъ тотчасъ, несмотря на присутствіе этихъ мѣшающихъ организмовъ.

При такихъ условіяхъ понятно, почему молочная кислота часто останавливаетъ нѣкоторые поносы и почему молочный режимъ такъ благоприятенъ въ иныхъ болѣзняхъ, вызванныхъ кишечнымъ гніеніемъ. Понятно также, почему перебродившее молоко столь полезно въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Итальянскій врачъ *Ровини*³⁾ ежедневно пилъ 1½ литра кефира, т.-е. молока, подверженнаго молочному и алкогольному броженіямъ. Уже черезъ нѣсколько дней исчезъ индиканъ въ его мочѣ (одинъ изъ продуктовъ гнилостнаго разложенія въ кишкахъ) и наступило вообще значительное уменьшеніе эфировъ—продуктовъ гніенія.

¹⁾ Archiv f. Hygiene, 1902, t. XXXIX, стр. 390.

²⁾ Annales de l'Institut Pasteur, 1902, стр. 865.

³⁾ Zeitschrift f. Physiol. Chemie, 1892, t. XVI, стр. 43.

Итакъ, совершенно ясно, что, съ цѣлью сократить эти медленныя отравленія, ослабляющія сопротивленіе нашихъ благородныхъ элементовъ и усиливающія фагоциты, слѣдуетъ вводить въ пищевой режимъ кефиръ и, еще лучше, кислое молоко. Последнее отличается отъ кефира отсутствіемъ алкоголя, могущаго съ теченіемъ времени уменьшить жизнѣнность нѣкоторыхъ существенныхъ клѣтокъ нашего организма. Присутствіе большого количества молочныхъ микробовъ неизбѣжно должно мѣшать размноженію гнилостныхъ микробовъ, что одно уже очень полезно для организма.

Но введеніемъ въ нашъ кишечный каналъ полезныхъ микробовъ не исчерпываются нужныя мѣропріятія. Можно еще также препятствовать проникновенію «дикихъ» микробовъ, способныхъ вредить здоровію. Почва, особенно уваженная, содержитъ множество различныхъ и между прочимъ вредныхъ микробовъ. *Биштокъ* нашелъ, что въ землѣ земляничныхъ грядокъ его сада встрѣчаются тетаническія палочки. Въ теченіе трехъ недѣль глотать онъ понемногу этой земли и убѣждался въ исчезновеніи этихъ микробовъ въ его кишкахъ. Онъ приписываетъ его вліянію своихъ кишечныхъ микробовъ. Мы имѣемъ однако право предполагать, что въ случаяхъ, когда такой антагонизмъ проявляется недостаточно, можетъ развиться столбнякъ, — благодаря спорамъ тетаническаго бацилла, проглоченнымъ съ землею, земляникою или сырыми плодами, выросшими на этой землѣ. Но въ уваженной почвѣ встрѣчаются не однѣ бактеріи столбняка; въ ней находится еще множество другихъ микробовъ и среди нихъ—очень опасныя анаэробныя.

Поэтому вполне установлена необходимость воздержанія отъ сырой пищи и употребленія только предварительно переваренной, или же совершенно стерилизованной. Устраненіе дикихъ микробовъ и введеніе культурныхъ изъ кислаго молока могутъ привести къ значительному измѣненію кишечной флоры, благопріятному для сохраненія здоровья. Я знаю людей, слѣдующихъ такой діетѣ и очень довольныхъ ею.

Итакъ, наука, даже въ своемъ настоящемъ, несовершенномъ видѣ, не безоружна въ исканіи средствъ, задерживающихъ или хотя бы ослабляющихъ медленное и хроническое отравленіе организма, которое приводитъ къ вырожденію нашихъ наиболѣ цѣнныхъ элементовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда последнее зависитъ отъ сифилиса или алкоголизма, борьба должна быть направлена противъ нихъ. Мы уже давно знакомы со средствами такой борьбы, и если она не очень успѣшна, то это зависитъ только отъ безопасности заинтересованныхъ лицъ.

Усилить сопротивленіе благородныхъ клѣтокъ и превратить дикую кишечную флору человѣка въ культивированную—таковы достижимыя средства для того, чтобы старость стала болѣе физиологической, чѣмъ теперь и, вѣроятно, также для продленія жизни человѣческой.

Если бы нѣкоторые изъ вредныхъ микробовъ нашей кишечной флоры не могли быть вполне устранимы, то можно было бы обезвредить ихъ помощью соответствующихъ сыворотокъ. Уже найденъ специфическій сѣрумъ противъ микроба ботулизма, способнаго серьезно вредить здоровью, если онъ попадетъ въ кишечный каналъ.

Наше внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что жизнь наша слишкомъ коротка, и уже давно ищутъ средствъ для ея продленія. Не говоря о средневѣковыхъ попыткахъ найти жизненный эликсиръ,—вопросъ этотъ занималъ и серьезныхъ мыслителей всѣхъ временъ.

Декартъ думалъ, что нашелъ средство продлить жизнь, и очень дорожилъ этимъ. *Бэконъ Веруламскій* напечаталъ сочиненіе о жизни и смерти, въ которомъ даетъ совѣты для достиженія долговѣчности; въ его предписаніяхъ значительную роль играютъ кровопусканія и селитра.

Однимъ изъ наиболѣе древнихъ методовъ для продленія жизни человѣческой была такъ называемая *герокомія*, состоявшая въ соприкосновеніи стариковъ съ молодыми дѣвушками. Уже царь Давидъ прибѣгалъ къ этому средству, и позднѣе оно было нѣкоторое время въ большомъ ходу.

Шарлатаны XVIII вѣка предлагали разныя лѣкарства противъ старости; между послѣдними была освященная вода св. Германа, представлявшая настой александрійскаго листа, дѣйствующій какъ простое слабительное. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ такихъ лѣкарствъ, очищая толстыя кишки, въ то же время уменьшали кишечную флору и, слѣдовательно, мѣшали выдѣленію микробныхъ ядовъ, столь вредныхъ нашимъ наиболѣе благороднымъ клѣткамъ.

Въ концѣ XVIII-го вѣка появилась «*Макробиотика*, или средство продлить человѣческую жизнь»¹⁾ извѣстнаго нѣмецкаго профессора *Гуфеланда*. Въ свое время сочиненіе это возбудило много шума; оно включаетъ нѣсколько интересныхъ и вѣрныхъ наблюдений. Среди предписаній чистоплотности и умѣренности, *Гуфеландъ* совѣтуетъ «употреблять больше растительной пищи, чѣмъ иной; мясо всегда болѣе склонно къ гніенію, чѣмъ растенія, заключающія зачатки кислотности, которая разрушаетъ гніеніе — нашего смертнаго врага» (стр. 296). Какъ видно, врачъ уже этой отдаленной

¹⁾ L'art de prolonger la vie humaine. Фр. переводъ 2-го нѣмец. изд. Лозанна 1899 г.

эпохи предвидѣлъ одинъ изъ существенныхъ успѣховъ современной науки.

Задача продленія человѣческой жизни не переставала занимать ученыхъ и въ наше время. Такъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ физиологовъ, бонскій проф. *Пфлюгер*¹⁾ въ публичной лекціи изложилъ результаты своихъ изслѣдованій касательно этого вопроса. Убѣдившись въ томъ, что біографіи людей, достигшихъ очень преклоннаго возраста, не даютъ достаточныхъ свѣдѣній относительно образа жизни, который слѣдуетъ вести, *Пфлюгер* настаиваетъ на средствахъ избѣгать заразныхъ болѣзней и приходитъ къ слѣдующему выводу: «въ концѣ концовъ я могу только присоединиться ко всему тому, что предписано во всѣхъ статьяхъ Макробіотики: избѣгайте вреднаго и будьте умѣренны во всемъ» (стр. 30).

Годомъ позднѣе одинъ очень извѣстный нѣмецкій клиницистъ, *Эбштейн*²⁾ напечаталъ весьма обстоятельное сочиненіе объ искусствѣ продлить жизнь. Авторъ этотъ былъ очень пораженъ тѣмъ, что между людьми, прожившими очень долго, есть нѣсколько такихъ, которые вели образъ жизни, полный излишествами, особенно злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Несмотря на это, *Эбштейн* совѣтуетъ если не полное воздержаніе отъ этихъ напитковъ, то по крайней мѣрѣ очень большую умѣренность въ ихъ употребленіи. Онъ также предписываетъ упрощеніе образа жизни и воздержаніе отъ всего, могущаго вредить здоровью.

Изученіе его работы, полной научнаго духа, показываетъ намъ, что макробіотика—наука, которую надо еще создать. Подробное изслѣдованіе старческихъ явленій можетъ лишь быть полезнымъ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ невозможно считать чистой утопіей проекты сдѣлать старость физиологической и легко выносимой, а также—продлить человѣческую жизнь. И это тѣмъ болѣе, что нѣтъ недостатка въ примѣрахъ долговѣчности.

Собрано большое число фактовъ о людяхъ, жившихъ болѣе 100 лѣтъ и до смерти сохранившихъ свои умственные способности и бодрость. Безполезно приводить здѣсь исторію людей, изъ которыхъ нѣкоторые достигли 120, 140 и даже 185 лѣтъ (*Санг-Мун* въ Глазгоу). Другъ мой *Рей-Ланкестер*³⁾ предполагаетъ, что эти исключительные старцы—такія же уродливыя явленія, какъ и великаны, достигающіе невѣроятныхъ размѣровъ. Но столѣтніе старики гораздо многочисленнѣе великановъ, и въ то время какъ у послѣднихъ

1) Ueber die Kunst der Verlängerung des menschlichen Lebens. Bonn. 1890.

2) Die Kunst das menschliche Leben zu verlängern. Wiesbaden. 1881.

3) The Advancement of Science. London 1890, стр. 233.

наблюдаются несомнѣнные патологическія свойства, долговѣчные люди, наоборотъ, удивляютъ насъ своей бодростью и здоровьемъ.

Много говорено было о долговѣчности древнихъ Евреевъ, упоминаемой въ Ветхомъ Заветѣ. Преувеличиваютъ ли, приписывая Маѳусаилу 963 лѣтъ, а Ною — 595, или же лѣтосчисленіе это производится по инымъ расчетамъ, чѣмъ наше? *Гензелеръ*¹⁾ думаетъ, что въ эту отдаленную эпоху каждое время года считалось за годъ. Тогда долговѣчность Маѳусаила свелась бы къ 242 годамъ, что не очень многимъ превышаетъ самую длинную жизнь, которая наблюдалась въ современную намъ эпоху.

Что же касается менѣе древняго періода библейской исторіи, то многія данныя указываютъ, что годъ тѣхъ временъ соответствовалъ нашему. Такъ, въ книгѣ «Чисель» нѣсколько разъ идетъ рѣчь о людяхъ «двадцати лѣтъ и болѣе, входящихъ въ составъ Израильтянъ, которые могутъ идти на войну». Левиты могли вступать на службу, начиная съ 25 лѣтъ; но въ 50 лѣтъ левитъ выходитъ въ отставку и «болѣе не долженъ служить»; этотъ не слишкомъ поздній предѣлъ дѣятельности указываетъ на то, что годы жизни соответствовали нашимъ. Къ тому же многія другія мѣста Пятикнижія, а именно тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о годовичныхъ праздникахъ послѣ сбора плодовъ, подтверждаютъ этотъ выводъ. Поэтому приходится допустить, какъ очень вѣроятную, долговѣчность въ 100, 120 лѣтъ, приписываемую нѣсколькимъ библейскимъ личностямъ (Аарону, Моисею, Иисусу Навину). Точно также слѣдуетъ считать многозначительными слова, вложенныя въ уста Іеговы, изъ которыхъ видно, что Онъ полагаетъ предѣлъ жизни человѣческой въ 120 лѣтъ.

Итакъ, долговѣчность этой отдаленной эпохи должна была быть дѣйствительно больше настоящей. По расчету *Эбштейна*, нормальная жизнь должна длиться 70 лѣтъ, потому что въ этомъ возрастѣ умираютъ всего болѣе (1. с. ст. 12); несмотря на увеличеніе долговѣчности въ теченіи XIX-го вѣка, приходится все-таки признать, что въ нѣкоторыя библейскія эпохи люди жили еще дольше, чѣмъ теперь; это не должно казаться намъ особенно удивительнымъ.

Мы видѣли, какую важную роль играетъ сифилисъ какъ причина преждевременной и патологической старости. Онъ служитъ однимъ изъ великихъ факторовъ артеріосклероза и вырожденія наиболѣе благородныхъ элементовъ нашего организма. Сифилисъ тѣмъ ужаснѣе, что передается по наслѣдству. Между тѣмъ, хотя въ библіи и идетъ рѣчь о

1) Приведено *Пфлюгеромъ*, Ueber d. Kunst d. Verläng, стр. 14.

болѣзняхъ половыхъ органовъ и хотя приводятся подробныя данныя относительно обрѣзанія, однако нѣтъ ничего, что можно было бы отнести къ сифилису. *Эштейнз*¹⁾, напечатавшій сочиненіе о ветхо-за-вѣтной медицинѣ, настаиваетъ на томъ, что «въ библейскихъ докумен-тахъ ничего не говорится объ этой болѣзни» (стр. 156). Впрочемъ, и въ древности сифились не былъ вовсе извѣстенъ или-же существо-валъ въ ослабленной формѣ. *Гаузерз*²⁾, авторъ лучшаго современ-наго трактата по исторіи медицины, думаетъ, что если сифились и встрѣчался у народовъ древности, то онъ «оставался мѣстнымъ, и во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ теперь, приводилъ къ обоб-щенному зараженію».

Изъ этого примѣра видно, какого успѣха въ долговѣчности могло бы достигнуть человѣчество, устранивъ хотя бы только си-фились, причиняющій одну пятую случаевъ артеріосклероза. Уни-чтоженіе алкоголизма, этой второй великой причины дегенераціи артерій, приведетъ въ будущемъ къ еще большому продленію жизни. Научное изученіе старости и средствъ измѣнить ея патологическій характеръ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать тому, чтобы жизнь стала длиннѣе и счастливѣе. Несмотря на несовершенство совре-менной науки, нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ причинъ держаться на этотъ счетъ пессимистическихъ возрѣній.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

И. И. Мечниковъ.

¹⁾ Die Medicin im alten Testament. Stuttgart 1901.

²⁾ Lehrbuch d. Geschichte d. Medicin. Iena. 1878, I, III. стр. 223.

Космическая роль растенія.

Крунианская лекція (Croonian lecture)¹⁾, читанная въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ 30 (17) апрѣля, 1903 года.

Когда Гулливеръ въ первый разъ осматривалъ академію въ Лагадо, ему прежде всего бросился въ глаза человекъ *сухопарого вида*, сидѣвшій уставивъ глаза на огурецъ, запаянный въ стеклянномъ сосудѣ.

На вопросъ Гулливера, диковинный человекъ пояснилъ ему, что вотъ уже восемь лѣтъ какъ онъ погруженъ въ созерцаніе этого предмета, въ надеждѣ разрѣшить задачу улавливанія солнечныхъ лучей и ихъ дальнѣйшаго примѣненія.

Для перваго знакомства, я долженъ откровенно признаться, что передъ вами именно такой чудакъ. Болѣе тридцати пяти лѣтъ провелъ я, уставившись если не на зеленый огурецъ, закупоренный въ стеклянную посудину, то на нѣчто вполне равнозначащее— на зеленый листъ въ стеклянной трубкѣ,—ломаю себя голову надъ разрѣшеніемъ вопроса о запасаніи *впрокъ* солнечныхъ лучей. Если я рѣшаюсь выступить передъ этимъ знаменитымъ обществомъ съ краткимъ отчетомъ о скромныхъ результатахъ моего многолѣтняго труда, то лишь въ надеждѣ, что предметъ этотъ имѣетъ хотя и очень отдаленное, но тѣмъ не менѣе несомнѣнное, отношеніе къ тому вопросу, который докторъ Крунъ, просвѣщенный и щедрый основатель этой лекціи, считалъ наиболее умѣстной для нея темой. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ содержаніемъ для этихъ лекцій служилъ вопросъ о *мышечномъ движеніи*; позднѣе зашла рѣчь о *движеніяхъ животныхъ и растеній* и наконецъ о *происхожденіи жизненныхъ движеній* вообще.

Быть можетъ, мнѣ дозволено будетъ сдѣлать еще шагъ въ этомъ направленіи—въ сущности послѣдній возможный шагъ, и повести

¹⁾ Эта лекція, основанная на капиталѣ, завѣщанной докторомъ Круномъ, современникомъ Галлилея и однимъ изъ первыхъ членовъ общества, читается ежегодно почти въ теченіе двухъ вѣковъ, для чего приглашаются выдающіеся англійскіе или континентальные ученые: стоятъ только упомянуть имена Гёксли, Вирхова и Гельмгольца.

рѣчь объ энергіи, затрачиваемой во всѣхъ этихъ движеніяхъ, о ея отдаленнѣйшемъ источникѣ—о солнечномъ лучѣ, слагающемся въ запасъ въ зеленомъ листѣ.

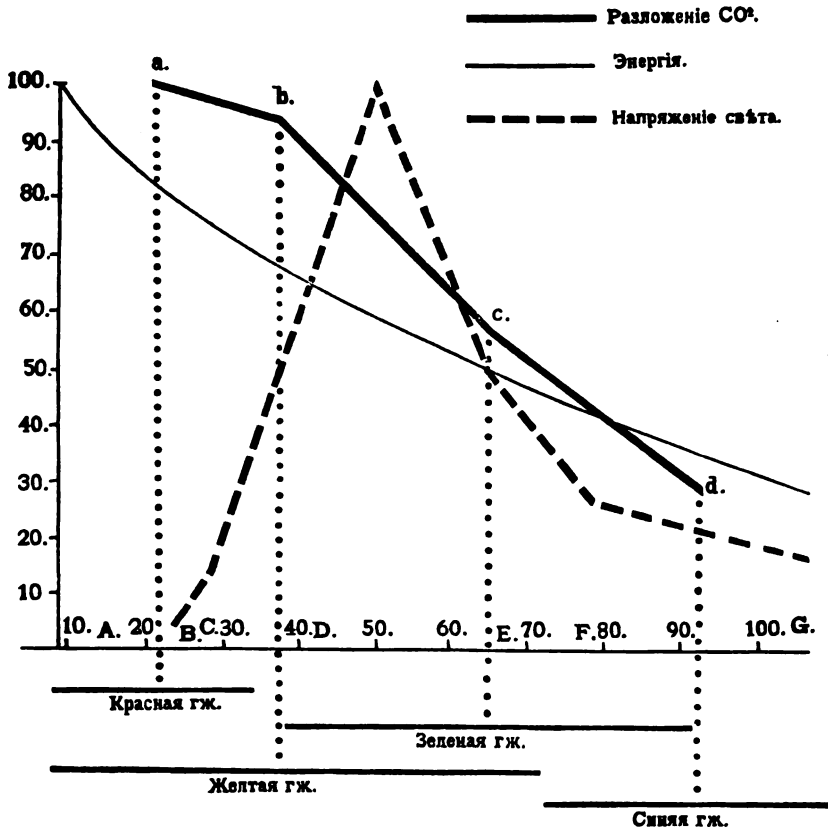
Я полагаю, излишне напоминать вамъ, что вопросъ этотъ былъ предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій въ этой странѣ (и въ Америкѣ) въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія. Достаточно напомнить всѣмъ знакомыя имена: Пристлея, графа Румфорда, Добени, сэра Девида Брюстера, Джона Вильяма Дрепера, сэра Джона Гершеля, Роберта Гента, сэра Джорджа Стокса, Едварда Шунка, Сорби, сэра Уильяма Абнея, Блякмана и last not least—Гораса Брауна, чтобы показать какой глубокой интересъ возбуждалъ этотъ вопросъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Я могъ бы прибавить, что чтеніе блестящей книги Тиндаля «Теплота какъ движеніе» и въ результатѣ этого чтенія знакомство съ классическимъ произведеніемъ Роберта Майера *Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhange mit dem Stoffwechsel* послужили толчкомъ для всей моей послѣдующей работы. И должно сознаться, что моментъ былъ для того исключительно благоприятный: Бунзенъ и Кирховъ недавно открыли это могучее орудіе изслѣдованія—спектральный анализъ; сэръ Джорджъ Стоксъ примѣнилъ его къ изученію химическихъ превращеній крови; Дезенъ и Тиндаль разработали термоскопическій методъ Меллони; Сентъ-Клеръ-Девиль сдѣлалъ свое великое открытіе диссоціаціи углекислоты; Бунзенъ и Дойеръ, упростивъ методы газоваго анализа, сдѣлали ихъ легко доступными для фізіолога и, наконецъ, Буссенго только что опубликовалъ свои классическія изслѣдованія надъ ассимиляціей углерода, въ которыхъ показалъ, что этотъ процессъ можетъ быть легко изучаемъ на отдѣльныхъ листьяхъ или даже кусочкахъ листьевъ.

Съ перваго же шага, на первой страницѣ моей первой русской работы, въ 1868 году, я опредѣлилъ намѣченную задачу во всей ея широтѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Изучить химическія и физическія условія этого явленія, опредѣлить составныя части солнечнаго луча, участвующія посредственно или непосредственно въ этомъ процессѣ, прослѣдить ихъ участь въ растеніи до ихъ уничтоженія, т.-е. до ихъ превращенія во внутреннюю работу, опредѣлить соотношеніе между дѣйствующей силой и произведенной работой—вотъ та свѣтлая, хотя, можетъ быть, отдаленная задача, къ осуществленію которой должны быть направлены всѣ силы ботаниковъ».

Я могу только добавить, что скромные результаты, полученные послѣ длиннаго ряда лѣтъ только подтверждаютъ, что я во всякомъ случаѣ не преувеличивалъ трудностей задачи.

Когда я приступилъ къ своей задачѣ, ходячее представленіе объ этомъ фото-химическомъ процессѣ, совершающемся въ зеленомъ листѣ, сводились къ убѣжденію, что дѣйствіе различныхъ лучей свѣта должно быть въ зависимости отъ ихъ относительной яркости. Это убѣжденіе основывалось главнымъ образомъ на классическихъ изслѣдованіяхъ Дрепера, произведенныхъ имъ въ солнечномъ спектрѣ. Съ теоретической точки зрѣнія, мнѣ представлялось крайне невѣ-

Фиг. 1.

роятнымъ, чтобы такой по существу *эндотермическій* и слѣдовательно зависящій отъ энергіи дѣйствующихъ лучей химическій процессъ могъ находиться въ какомъ-нибудь отношеніи съ чисто-физиологическимъ свойствомъ лучей не имѣющимъ, помимо органа зрѣнія, никакого объективнаго существованія. Свѣта, понимаемаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не существуетъ для растенія. Но факты, предъявляемые такимъ авторитетомъ въ этой области изслѣ-

дованія, какимъ былъ Дреперъ, не могли быть устранены на одномъ основаніи ихъ малой теоретической вѣроятности. Изученіе классическаго мемуара Меллони о перемѣщеніи максимума теплового эффекта въ зависимости отъ чистоты спектра навело меня на слѣдъ экспериментальной ошибки въ изслѣдованіи Дрепера. Его спектръ былъ крайне нечистъ. Онъ получалъ его при помощи отверстія въ $\frac{3}{4}$ въ діаметръ (Волластоновская узкая щель, повидимому, еще не вошла въ то время въ общее употребленіе). Такимъ образомъ, было найдено удовлетворительное объясненіе для совпаденія максимума химическаго процесса съ максимумомъ яркости лучей въ желто-зеленой части спектра. Въ нечистомъ спектрѣ, полученномъ при помощи широкой щели, эта часть, фактически почти бѣлая, слегка окрашенная въ эти цвѣта, и слѣдовательно дѣйствуетъ суммой всѣхъ лучей спектра. Только края такого спектра дѣйствительно монохроматичны.

Второй шагъ заключался въ томъ, чтобы доказать что такое совпаденіе двухъ шаха—яркости и химическаго дѣйствія, фактически не существуетъ.

Сравненія этихъ трехъ кривыхъ (фиг. 1 кривой ассимиляціи углерода, яркости и энергии въ солнечномъ спектрѣ), заимствованныхъ изъ моей первой (и послѣдней) нѣмецкой работы, достаточно для того, чтобы убѣдить въ отсутствіи какой-либо связи между химическимъ дѣйствіемъ и Фрауенгоферовою кривою яркости свѣта. Въ то же время въ предѣлахъ видимаго спектра усматривается несомнѣнное соотношеніе съ кривою распределенія энергии.

Въ этой первой, предварительной работѣ я остановился на болѣе простомъ и удобномъ приѣмѣ цвѣтныхъ жидкихъ экрановъ (теперь сказали бы свѣтофильтровъ), введенныхъ въ употребленіе Сенебье и усовершенствованныхъ Добени. Я примѣнилъ только болѣе точное вычисленіе результатовъ и графическое ихъ выраженіе. Въ то же время я въ первый разъ примѣнилъ приѣмъ анализа газовъ, теперь вошедшій во всеобщее употребленіе, но совершенно ложно приписываемый Пфефферу, хотя, по его собственному сознанію, онъ его у меня заимствовалъ.

Но если этихъ аргументовъ и фактическихъ результатовъ было исполнѣ достаточно, чтобы разъ навсегда покончить съ ходячими идеями о зависимости разложенія углекислоты отъ относительной яркости различныхъ лучей спектра, такъ какъ она опиралась исключительно на опыты Дрепера, то въ свою очередь ихъ не было достаточно для построенія какой-нибудь новой теоріи. Нельзя было, напримѣръ, безъ дальнѣйшихъ разъясненій допустить, что разложеніе углекислоты зависитъ просто отъ относительной энергии

луча. Максимумъ энергіи лежитъ, какъ извѣстно, въ инфра-красной части призматическаго спектра, а замѣчательные опыты Кальете (почему-то почти всегда опускаемые въ многочисленныхъ историческихъ очеркахъ нашего вопроса) несомнѣнно доказали, что темные тепловые лучи, профильтрованные черезъ извѣстный Тиндалевскій растворъ іода въ сѣроуглеродѣ, не могутъ вызывать разложенія угольнаго ангидрида въ зеленомъ листѣ.

Нужно было привлечь къ объясненію явленія какой-нибудь новый физическій принципъ, который одновременно давалъ бы объясненіе и для распределенія явленія въ видимомъ спектрѣ, и для его отсутствія за краснымъ предѣломъ спектра.

Принципъ, къ которому обратились, былъ такъ называемый законъ сэра Джона Гершеля, гласившій, что фотохимическое дѣйствіе можетъ быть вызвано только лучами, поглощаемыми изменяющимся тѣломъ и потому, какъ общее правило, представляющими комплементарный ему цвѣтъ ¹⁾. Предполагалось, что въ примѣненіи къ настоящему случаю законъ Гершеля значилъ, что разложеніе угольнаго ангидрида должно происходить на счетъ тѣхъ лучей спектра, которые поглощаются зеленымъ веществомъ листа, что эти лучи должны соответствовать абсорбціоннымъ полосамъ въ спектрѣ хлорофила.

Обыкновенно приписываютъ Ломмелю мысль, что разложеніе угольнаго ангидрида должно быть рассматриваемо какъ функція относительной энергіи даннаго луча и степени его поглощенія хлорофиломъ. Но это мнѣніе, несмотря на его распространенность, вполне ложно. Ломмель самъ признаетъ, что первая половина предположенія, касающаяся зависимости разложенія отъ энергіи, была высказана мною: «Тимирязевъ высказалъ половину истины». Я могу прибавить: не только «высказалъ», но и доказалъ экспериментально. А если я не могъ высказать второй половины, т.-е. касательно зависимости отъ поглощенія, то по той простой причинѣ, что она уже была высказана до меня, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе до Ломмеля—Жаменомъ и Едмондомъ Бекерелемъ, и можно только удивляться, что Ломмель—физикъ, не былъ знакомъ съ извѣстнымъ учебникомъ физики Жамена и не менѣе извѣстной книгой Бекереля «*La Lumière, ses causes et ses effets*».

Но, конечно, главное дѣло не въ томъ, чтобы высказать мысль, хотя бы и вполне вѣрную, а въ томъ, чтобы подтвердить ее на опытѣ. *Nullius in verba* ²⁾ теперь, какъ и столѣтія тому назадъ,

¹⁾ Законъ этотъ еще ранѣе былъ высказанъ Гротгусомъ, въ Митавѣ.

²⁾ Девизъ королевскаго общества.

должно быть руководящимъ правиломъ всякаго изслѣдователя. Другими словами, нужно было повторить знаменитый опытъ Дрепера, избѣжавъ его ошибки, а въ этомъ и заключалось главное затрудненіе. Обыкновенно принято также считать, что это было осуществлено въ первый разъ моимъ старымъ другомъ, профессоромъ Н. К. Мюллеромъ. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ я не могу подтвердить ходячаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что Мюллеръ не доставилъ этого прямого доказательства о связи между поглощеніемъ свѣта листомъ и совершающимся въ немъ химическимъ процессомъ, да и не могъ сдѣлать этого, такъ какъ не располагалъ единственнымъ средствомъ избѣжать ошибки Дрепера. Въ своей первой работѣ, появившейся ранѣе моей, онъ экспериментировалъ въ довольно чистомъ спектрѣ, но тогда напряженіе свѣта не было достаточно велико и онъ *не получилъ разложенія угольнаго ангидрида*, а заключалъ о немъ лишь на основаніи различія въ интенсивности обратнаго процесса дыханія (т. - е. *образованія углекислоты*). Во второй работѣ, появившейся уже послѣ моего изслѣдованія, онъ могъ прямо констатировать разложеніе углекислоты, но только цѣною чистоты своего спектра—ширина его щели была почти та же, что у Дрепера, и результатъ былъ почти тотъ-же, т. - е. главный максимумъ разложенія оказался въ желтыхъ лучахъ.

Если я позволяю себѣ останавливаться подробнѣе на этомъ вопросѣ, то не изъ тщеславнаго желанія установить свой пріоритетъ, но на основаніи твердаго убѣжденія, что избранный мною путь остается и теперь, какъ былъ тогда, единственнымъ средствомъ избѣжать ошибки Дрепера. Мюллеръ не придумалъ никакого средства избѣжать, а слѣдовательно, и не могъ избѣгнуть этой ошибки. Дилемма, такъ ясно обнаруживаемая двойной неудачей Мюллера, заключалась въ слѣдующемъ: если спектръ чистъ, напряженіе свѣта недостаточно для обнаруженія разложенія угольнаго ангидрида; если, наоборотъ, мы широко раскроемъ щель и увеличимъ напряженіе свѣта въ спектрѣ, мы можемъ быть впередъ увѣрены, что получимъ максимальное дѣйствіе въ срединѣ спектра, въ его желто-зеленой части. Существовало только одно средство избѣжать обоихъ роговъ этой дилеммы—увеличить интенсивность чистаго спектра, уменьшивъ его размѣры, но тогда и листовыя поверхности, выставляемыя въ спектрѣ, были бы соотвѣтственно уменьшены, а слѣдовательно, и количества газовъ, съ которыми пришлось бы оперировать, были бы слишкомъ малы для ихъ измѣренія при помощи тѣхъ газометрическихъ пріемовъ, которые химія того времени могла предложить къ услугамъ ботаника.

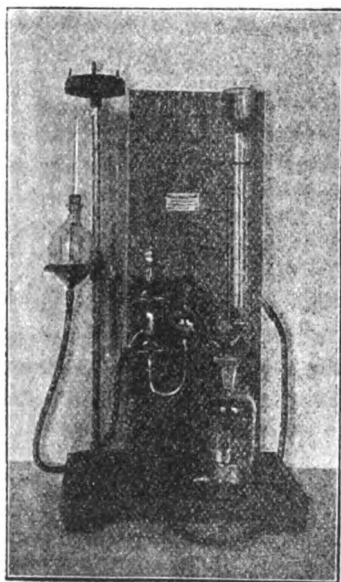
Главная задача, слѣдовательно, сводилась къ тому, чтобы, такъ

сказать, изменить масштаб газометрических измерений, не поступившись точностью, методами и удобствами операций. Хотя я с той поры не раз менял подробности устройства приборов, основание придуманной мною методы газового анализа осталось то же самое. Листья вводятся в цилиндрические трубки потребного диаметра, а еще лучше—в плоские трубки ¹⁾ (чем достигается увеличение поверхности листа), а газы измеряются и анализируются в трубках наименьшего возможного диаметра.

Все необходимые манипуляции—переливание газов и их обработка реактивами—достигаются при помощи предложенной мною в 1871 году газовой пипеты, которую я до сих пор считаю наиболее удобной (фиг. 2). Она представляет прочное сочетание пипеты и ртутной ванны, благодаря чему восходящему концу сифонапипеты можно сообщить такой малый наружный (не выше $1\frac{1}{2}$ миллиметра) диаметр, что он может проникать в измерительные трубки в 2 миллиметра внутреннего диаметра. Достоинства этого приема заключается и в том, что газы не встречают на пути ни крана, ни каучуковой трубки.

Все необходимые операции сводятся вкратце к следующему: благодаря видоизмененной мною форме Бунзеновского газометра, приготовляемая в нем смесь воздуха и углекислоты, проходя через еще особую пипетку, так сказать, рожется на ломти потребного объема и распределяется по плоским трубкам с листьями. После достаточной экспозиции в спектр газы отбираются при помощи выше описанной пипеты и приводятся для анализа в упомянутые измерительные трубки, позволяющие измерение с точностью до $\frac{1}{1000}$ кубического сантиметра.

Благодаря этим приспособлениям задача получения *достоверных* аналитических данных с зелеными поверхностями, подвергнутыми действию чистого спектра, была в первый раз разрешена, и я считаю до сих пор этот метод единственным заслуживающим полного доверия.

Фиг. 2.

¹⁾ Я их употребляю с 1870 года.

Дѣйствительно, два другіе приѣма, которые примѣнялись для разрѣшенія этой задачи, несравненно менѣе точны. Счетъ пузырьковъ газа выдѣляемыхъ при этихъ условіяхъ водяными растеніями (что можно очень красиво демонстрировать въ проложеніи при помощи волшебнаго фонаря)¹⁾, хотя бы измѣряли ихъ діаметръ, какъ это дѣлалъ въ послѣднее время Коль не можетъ быть предложенъ какъ сколько-нибудь точный способъ. Правда, мы можемъ получить значительно болѣе надежные результаты, воспользовавшись моимъ *микродіометромъ* — маленькимъ аппаратомъ, позволяющимъ въ нѣсколько минутъ собрать и подвергнуть анализу пузырьки газа не болѣе булавочной головки, но и въ этомъ случаѣ источники погрѣшности, проистекающіе отъ водяной среды, въ которой производится опытъ, хотя и сведенные на *minimum*, все же не могутъ быть вполне устранены.

Что касается до третьяго приѣма, до пресловутаго опредѣленія кислорода при помощи бактерій, предложеннаго Энгельманомъ, то я продолжаю придерживаться того мнѣнія, что этотъ приѣмъ слишкомъ окольнаго свойства, и остаюсь при убѣжденіи, что химическіе вопросы должны разрѣшаться химическими методами. Къ тому же мы вскорѣ будемъ имѣть случай наглядно убѣдиться, какъ мало можно полагаться на этотъ приѣмъ изслѣдованія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что только выработка газометрическаго метода, дозволяющаго измѣреніе и анализъ очень малыхъ количествъ газа, дала возможность изучить процессъ разложенія углекислоты въ чистомъ спектрѣ.

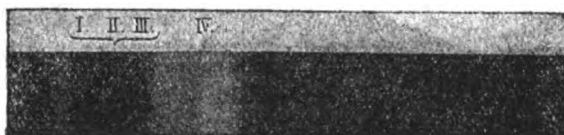
Но было еще два предварительныхъ вопроса, которые необходимо было разрѣшить, прежде чѣмъ приступить къ изученію этого основнаго вопроса о связи между фотохимическимъ процессомъ и поглощеніемъ свѣта въ зеленомъ листѣ. Нужно было изучить спектры поглощенія хлорофила и его ближайшихъ составныхъ началъ точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано до тѣхъ поръ. Не стану приводить здѣсь результатовъ моего, напечатаннаго въ 1871 году, на русскомъ языкѣ изслѣдованія, въ которомъ я пытался въ первый разъ классифицировать эти тѣла на основаніи ихъ спектроскопическихъ признаковъ, — скажу только, что позднѣйшія изслѣдованія, въ особенности Гартлея, Шунка и Морхлевскаго, ихъ подтвердили въ основныхъ чертахъ. Остановлюсь только на способѣ изображенія спектровъ, который я тогда въ первый разъ ввелъ и старался усовершенствовать до самаго послѣдняго времени. До тѣхъ поръ абсорп-

¹⁾ Этотъ приѣмъ демонстраціи, описанный мною лѣтъ двадцать тому назадъ, года два тому назадъ Пфефферъ приписалъ себѣ.

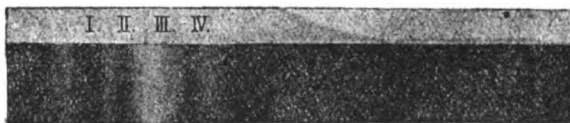
ціонные спектры изображались как бы состоящими из *отдельных* темных полос, чередующихся со световыми промежутками, что конечно соответствовало только известным, совершенно произвольно выхваченным, концентрациям или толщинам слоя. Сопоставляя целый ряд спектров, соответствующих различным толщинам слоя, я получил *спектрограммы* вполне характеризующія вещество (фиг. 6). Для этихъ наблюдений я предложилъ въ различное время нѣсколько аппаратовъ. Позднѣе я отказался отъ этого хлопотливаго послѣдовательнаго зарисовыванія спектровъ, все же оставляющаго просторъ для субъективныхъ ошибокъ, и замѣнилъ его непосредственнымъ нагляднымъ наблюдениемъ этихъ спектрограммъ въ *клиновидныхъ* сосудахъ (способъ, если не ошибаюсь, въ первый разъ примененномъ покойнымъ профессоромъ Гладстономъ), и, наконецъ, мнѣ удалось осуществить самый удобный и вполне объективный приемъ изслѣдованія спектровъ въ формѣ этихъ *фотоспектрограммъ*.

Первая фотографія хлорофиловаго спектра я получилъ еще въ 1892 году на обыкновенныхъ Ильфордскихъ пластинкахъ (фиг. 3)¹⁾, при продолжительной экспозиціи (въ нѣсколько минутъ), съ жел-

тымъ свѣтофильтромъ, но теперь предпочитаю замѣчательныя по своей ортохроматичности и отсутствію полосъ поглощенія пластинки Кадета—*Spectrum*. Наиболѣе удобная форма клиновиднаго прибора, которую я окончательно выработалъ,—та, которая изображена здѣсь (фиг.—45). Кубическій сосудъ, раздѣленный диагональною перегородкой на два призматическія отдѣленія, наполняется съ одной стороны растворомъ, съ другой—растворителемъ. Щель можетъ вращаться такъ, что по желанію можно фотографировать или спектръ любой концентрации, или полную спектрограмму. Въ послѣднемъ случаѣ удобнѣе давать щели *горизонтальное* положеніе, такъ какъ при этомъ условіи легко приготовить растворъ желаемой концен-

Спектръ хлорофила нормальнаго.

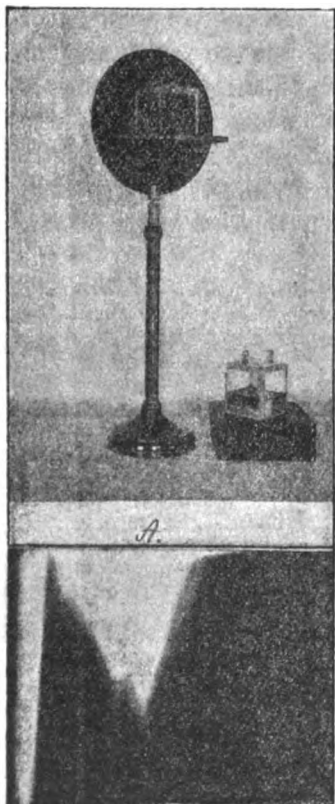
Фиг. 3. Спектръ хлорофила замѣненнаго.

¹⁾ И превосходныхъ пластинкахъ, изготовлявшихся въ то время нашимъ известнымъ фотографомъ А. Эйзенвальдомъ.

траціи и можно воспользоваться подвижной спанкой (swing back) камеры для наведенія всѣхъ частей спектра на фокусъ. Въ этихъ фотоспектрограммахъ мы, конечно, имѣемъ наилучшее средство изображенія спектровъ, но, какъ мы увидимъ далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ приходилось прибѣгать къ еще другому приему — *спектрофотометрическому*.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Возвращаясь къ нашей основной задачѣ, мы видимъ, какъ существенно важно было знать дѣйствительную форму абсорпціонной кривой. Такъ какъ всѣ до той поры изображаемые спектры были прерывчатые (т.-е. состояли изъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ), то трудно было себѣ объяснить, почему (какъ въ опытахъ Дрепера), химическое дѣйствіе распредѣлялось въ спектрѣ непрерывно ¹⁾).

Только вооружившись этими газометрическими и спектроскопическими приемами, я могъ, наконецъ, повторить классическій опытъ Дрепера, не опасаясь впасть въ его ошибку. Въ результатѣ моего изслѣдованія явилось полное подтвержденіе примѣнимости закона Гершеля къ нашему случаю. Не только оба максимума вполне совпадаютъ, но и кривая разложенія вполне воспроизводитъ кривую поглощенія свѣта, по крайней мѣрѣ въ наименѣе преломляющейся части спектра (фиг. 6 верхъ). Можно замѣтить, что вторичныя абсорпціонныя тахіа, повидимому, не отражаются на химическомъ процессѣ, но еще подле-

жить сомнѣнію (особенно послѣ послѣднихъ изслѣдованій Шунка и Морхлевскаго), принадлежать ли эти линіи главному составному началу хлорофила или какому-нибудь изъ его продуктовъ разложенія.

Тотъ же самый результатъ, какъ въ только что изложенномъ опытѣ, я получилъ позднѣе и при помощи совершенно иного ме-

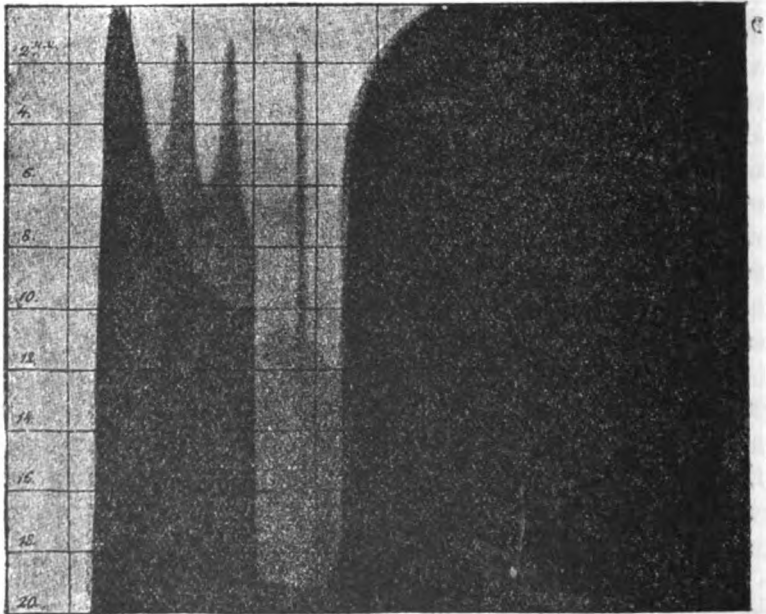
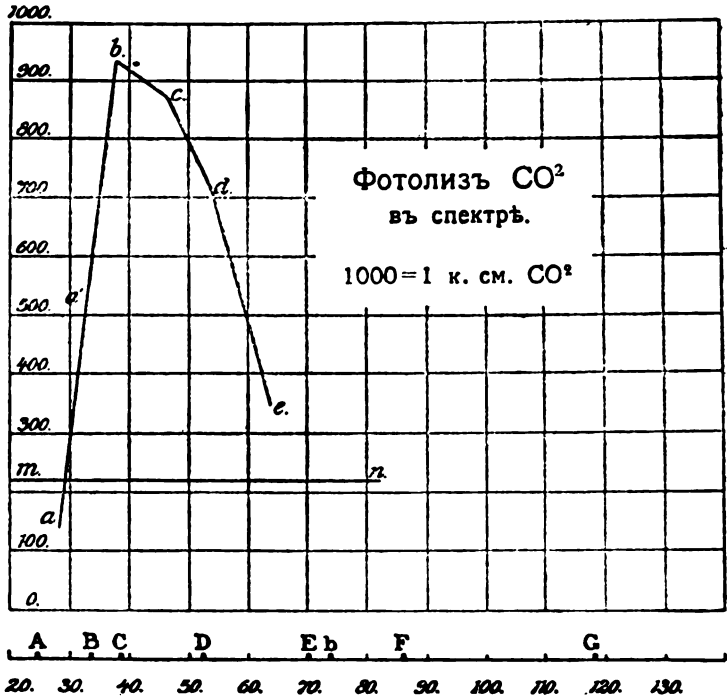
¹⁾ Дюма въ основаніи такого недостаточнаго знакомства со спектромъ, и высказывалъ мнѣніе, что химическое дѣйствіе въ спектрѣ должно быть прерывчатое.

тогда. Разложение угольного ангидрида, изображенное на чертежѣ (фиг. 6 верхъ) *фотомизъ*, какъ правильнѣе всего называть этотъ процессъ, представляетъ начальную и конечно самую важную часть этого процесса, такъ какъ именно онъ зависитъ отъ дѣйствія внѣшняго источника энергіи. За ней весьма быстро слѣдуетъ процессъ *фотосинтеза*, т.-е. образованія органическаго вещества. Хотя благодаря блестящимъ изслѣдованіямъ Брауна и Мориса, мы теперь знаемъ, что крахмалъ не представляется не только исключительнымъ, но, можетъ быть, даже и главнымъ *ближайшимъ* продуктомъ этого синтеза, тѣмъ не менѣе это — продуктъ появляющійся уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ перваго проявленія разложенія углекислоты, а главное — это продуктъ, присутствіе котораго можетъ быть легко обнаружено при помощи реакціи съ іодомъ.

Если разложение угольного ангидрида должно быть разсматриваемо какъ функція тѣхъ свѣтовыхъ волнъ, которыя соотвѣтствуютъ полосамъ поглощенія хлорофила, а съ другой стороны, образованіе крахмала — какъ слѣдующая стадія того же фотохимическаго процесса, то естественно предположить, что образованіе крахмала въ спектрѣ будетъ строго локализовано, будетъ также ограничиваться мѣстами, соотвѣтствующими абсорбціоннымъ полосамъ хлорофила. Другими словами, должно ожидать, что если спектръ достаточной интенсивности будетъ отброшенъ на живой листь, предварительно лишенный крахмала, то онъ отпечатаетъ въ этомъ листь невидимое изображеніе — спектръ хлорофила, образованный микроскопическими зернами крахмала. Это скрытое изображеніе можетъ быть затѣмъ проявлено при помощи реакціи съ іодомъ.

Это мое предположеніе было вполне подтверждено слѣдующимъ опытомъ. Здоровые и находящіеся въ связи съ растеніемъ листья Гортензіи, предварительно лишенные крахмала, послѣ 5—6-часовой экспозиціи въ очень интенсивномъ и чистомъ спектрѣ были подвергнуты извѣстной іодной пробѣ на крахмалъ. Они представили вполне отчетливый спектръ хлорофила съ рѣзко обозначенной главной полосой поглощенія между Фрауенгоферовыми линіями В и С и постепенно ступеньвающимся дѣйствіемъ въ сторону синей части спектра (фиг. 7). Второстепенныхъ полосъ, какъ и при изученіи разложенія углекислоты, нельзя было обнаружить.

Синіе и фіолетовые лучи не оказали почти никакого дѣйствія. Этотъ послѣдній результатъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что появленіе крахмала является только результатомъ двухъ противоположныхъ процессовъ — образованія крахмала и его растворенія, такъ что, начиная съ извѣстнаго напряженія свѣта, когда ассимиляція углерода недостаточна энергична, первый

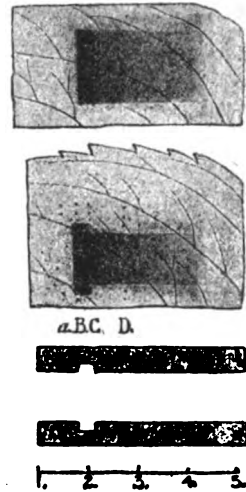

Фиг. 6. Поглощеніе свѣта Хлорофилломъ.

процесс уравнивается вторымъ, и въ листь не отлагается избыточнаго крахмала.

Эти факты естественно приводятъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса объ относительномъ вліяніи на рассматриваемый нами процессъ лучей наиболѣе преломляющейся части спектра. Можно было замѣтить (фиг. 6), что до этой поры мои изслѣдованія ограничивались его наименѣе преломляющейся половиной.

Относительно второй половины спектра господствовало убѣжденіе, что входящіе въ ея составъ лучи играютъ сравнительно ничтожную роль въ нашемъ фотохимическомъ процессѣ. Мнѣніе это основывалось на томъ же классическомъ опытѣ Дрепера и на многочисленныхъ опытахъ съ желтыми и синими свѣтофильтрами. Но всѣ опыты этой второй категоріи заслуживаютъ мало довѣрія, такъ какъ точныя фотометрическія измѣренія доказываютъ, что лучи, *пропускаемые* этими цвѣтными средами, ослаблены въ весьма различной мѣрѣ и что, слѣдовательно, получаемые химическіе результаты не могутъ быть непосредственно между собою сравниваемы¹⁾. Результаты эти также не сравнимы между собою и при производствѣ опытовъ въ спектрѣ, такъ какъ дисперсія въ болѣе преломляющейся части спектра значительно сильнѣе, чѣмъ въ части, менѣе преломляющейся; по этой причинѣ въ первыхъ своихъ опытахъ я и удовольствовался менѣе преломляющеюся частью и не распространилъ ихъ на синюю и фіолетовую часть. Здѣсь кстати можно показать, какъ капризны и ненадежны результаты, получаемые при помощи Энгельмановскаго бактеріальнаго метода. Для этого достаточно сопоставить результаты, полученные самимъ Энгельманомъ и однимъ изъ горячихъ защитниковъ его метода Пфеферомъ. Между тѣмъ какъ Энгельманъ обнаружилъ ясный второй максимумъ въ синей части, Пфеферъ, экспериментируя по тому же методу, никакого второго максимума не получилъ. Этотъ приѣмъ, слѣдовательно, не только не годенъ для количественнаго измѣренія, но даже ненадеженъ для простого обнаруженія явленія.

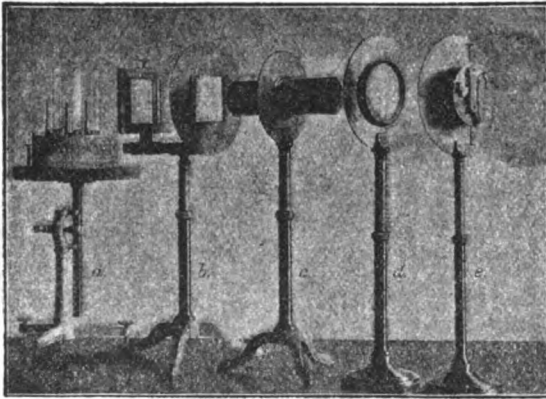

Фиг. 7. Фотосинтезъ крахмала въ спектрѣ.

¹⁾ На это обстоятельство я указывалъ еще въ 1868 г. Хотя ботаники до сихъ поръ приписываютъ разъясненіе его Волкову, но всякій понимающій дѣло безъ труда пойметъ, что вся статья Волкова обнаруживала только его незнакомство съ строгой физической постановкой вопроса.

Казалось бы, что недостатокъ, присущій призматическому спектру, можно было бы всего проще устранить простымъ вычисленіемъ, допустивъ, что дѣйствіе свѣта пропорціонально его напряженію. Но такъ какъ законъ, опредѣляющій связь между процессомъ и напряженіемъ свѣта, не былъ извѣстенъ, то это предположеніе было бы голословно, и въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ далѣе, законъ этотъ гораздо сложнѣе.

Казалось бы также, что задачу эту еще проще разрѣшать экспериментальнымъ путемъ,—стоитъ только произвести опыты не въ призматическомъ, а въ диффракціонномъ спектрѣ. Но рядъ опытовъ, сдѣланныхъ мною при помощи превосходной Роуландовской рѣ-

Фиг. 8.

ной изъ своихъ позднѣйшихъ работъ: «Въ концѣ концовъ призма гораздо удобнѣ рѣшетки».

Работать съ призмой, желая избѣжать ошибки, проистекающей отъ различной дисперсіи въ различныхъ частяхъ спектра, въ этомъ случаѣ, значило просто воспользоваться извѣстнымъ способомъ для сложения лучей, разложенныхъ призмой. При такихъ условіяхъ мы соединяемъ интенсивность призматическаго спектра съ удобствомъ диффракціоннаго. Я вначалѣ пользовался приборомъ Ж. Дюбоека для полученія комплементарныхъ цвѣтовъ. Онъ состоитъ изъ цилиндрической линзы и призмы очень малаго угла, наклеенной на стеклянную пластинку. Въмѣсто спектра мы получаемъ двѣ полосы комплементарнаго цвѣта.

Позднѣе я придумалъ видоизмѣненіе этого аппарата (искусно выполненное Ф. Пелленомъ), состоящее изъ двухъ такихъ стеклянныхъ пластинокъ съ ихъ соответствующими призмами. При помощи

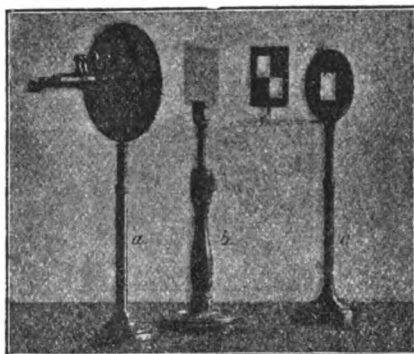
зубчатки оба стекла могут скользить параллельно одно другому и дѣлать спектръ не на двѣ, а на три части (фиг. 8).

Такъ какъ, при изслѣдованіи газоваго объѣма, трубки съ листьями погружены своими нижними концами въ ртуть, то спектръ по необходимости нужно дѣлать на части въ вертикальномъ направленіи, но въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ, можно съ удобствомъ пользоваться еще болѣе простымъ способомъ (предложеннымъ, если не ошибаюсь, Кундтомъ) и дѣлать спектръ въ горизонтальномъ направленіи, при чемъ цвѣтныя поверхности могутъ быть непосредственно сопоставлены (фиг. 9). Какъ уже сказано, способы эти, если спектръ дѣлится на участки, *равные между собою* (по отношенію къ диффракціонному спектру), соединяетъ преимущества рѣшетки и призмы: различіе въ дисперсіи устранено, какъ въ диффракціонномъ спектрѣ, а интенсивность свѣта остается та же, что въ призматическомъ.

Мало того, въ послѣднемъ отношеніи этотъ методъ представляетъ даже преимущество передъ призматическимъ. Въ случаѣ надобности можно употреблять спектръ въ значительной степени нечистый (т.-е. полученный при помощи широкой щели, дающей болѣе свѣта), лишь бы только получаемыя цвѣтныя полосы свѣта были равномерно окрашены и представляли равныя поверхности. Стоитъ только анализировать входящій въ ихъ составъ свѣтъ (всего проще при помощи маленькаго Сорби-Браунинговскаго спектроскопа со скалою въ длинахъ волнъ (таб. 9), и тогда, несмотря на то, что изолируемые спектральные участки будутъ захватывать край за край, аналитическіе результаты могутъ быть прямо нанесены на скалу нормальнаго спектра. Такимъ образомъ, благодаря этому методу, не только неточность, проистекающая отъ различія въ дисперсіи, но и въ значительной мѣрѣ неточность отъ нечистоты спектра могутъ быть устранены, и такимъ образомъ достигнута возможность прямого сравненія результатовъ при максимальной силѣ свѣта. Добавлю только, что до сихъ поръ я предпочитаю работать съ чистымъ спектромъ

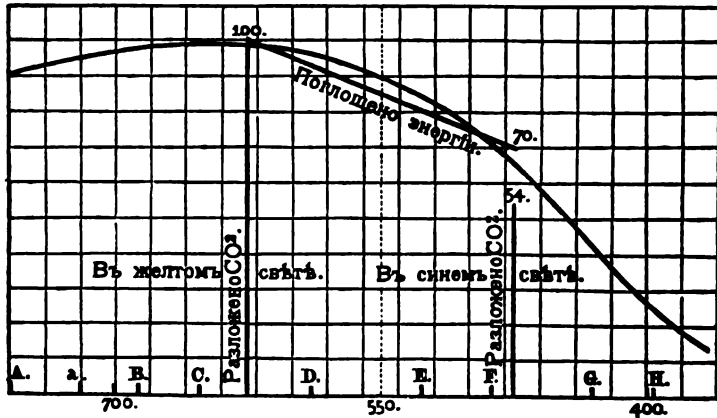
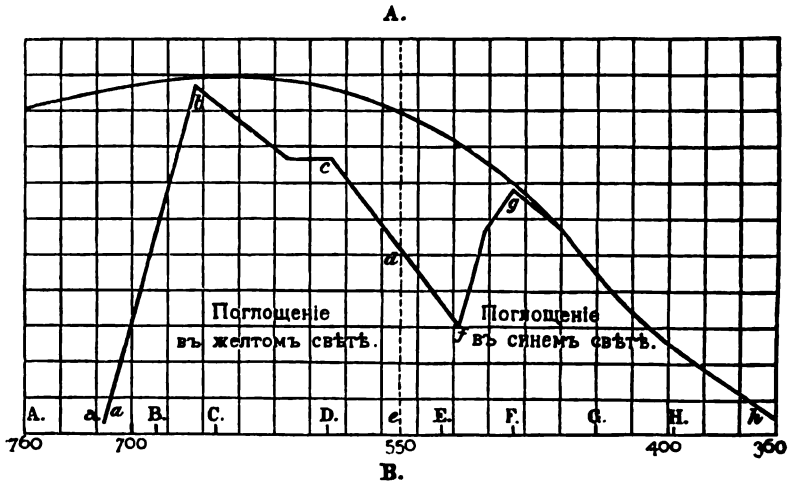
Опытъ, предпринятый съ цѣлью опредѣлить относительное дѣйствіе двухъ половинъ спектра, былъ веденъ слѣдующимъ образомъ.

Лучъ свѣта отъ большаго гелиостата Фуко (работы Пеллена въ

Фиг. 9.

Парижъ) съ зеркаломъ въ 80×40 с. м. концентрировался на щели при помощи линзы въ 25 с. м. діаметра, разлагался призмой прямого видѣнія и снова собирался при помощи указанного выше прибора въ двѣ полосы дополнительнаго цвѣта—желтую и синюю. Если принять, что границы дѣйствующихъ лучей соответствуютъ длинамъ волнъ въ 700—400 миллионныхъ миллиметра, то линія, проходящая приблизительно около длины волнъ въ 550 миллиметровъ, будетъ дѣ-

Фиг. 10.

леть спектръ на двѣ половины, равныя по отношенію къ спектру диффракціонному (фиг. 10 В). Данныя газоваго анализа, полученныя для двухъ равныхъ зеленыхъ поверхностей, выставленныхъ въ желтой и синей полосѣ, могутъ быть, слѣдовательно, прямо между собою сравниваемы и нанесены на скалу диффракціоннаго спектра.

Они могутъ быть выражены въ слѣдующихъ цифрахъ: если мы примемъ количество угольнаго ангидрида, разложенное въ желтой

половинѣ (въ средней изъ 6 опытовъ), за 100, то дѣйствіе синей половины будетъ 54 (фиг. 10 В). Главный результатъ, слѣдовательно, сводится къ тому, что синимъ и фіолетовымъ лучамъ до сихъ поръ приписывали слишкомъ слабое дѣйствіе.

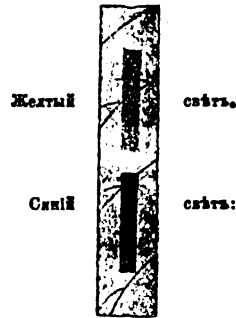
Тотъ же результатъ былъ полученъ и по отношенію къ іодной пробѣ на крахмалъ, при чемъ спектръ былъ раздѣленъ указаннымъ выше способомъ въ горизонтальномъ направленіи; тогда обѣ поверхности располагаются одна надъ другой (фиг. 11). Между тѣмъ какъ непосредственно въ спектрѣ синіе и фіолетовые лучи не обнаруживали никакого дѣйствія, на этотъ разъ благодаря равной интенсивности обѣихъ половинокъ, дѣйствіе синей части спектра было вполне рѣзко выражено.

Такимъ образомъ, фактъ, что разложеніе углекислоты, равно какъ и образование крахмала, зависитъ отъ лучей, поглощенныхъ хлорофилломъ, можно считать доказаннымъ во всѣхъ его подробностяхъ, тѣмъ болѣе что фосфороскопическія изслѣдованія Анри Беккереля, фотографіи Абнея и въ особенности тщательное болометрическое изслѣдованіе Доната показали, что въ инфракрасной части нѣтъ абсорпционныхъ полосъ, чѣмъ и объясняется выше упомянутый фактъ, что Кальете не получилъ никакого разложенія углекислоты при помощи лучей, профильтрованныхъ чрезъ Тиндалевскій іодный растворъ.

Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію второго изъ двухъ упомянутыхъ выше соображеній, касающихся связи между фотохимическимъ процессомъ и поглощеніемъ свѣта хлорофилломъ. Мы видѣли, что Жамень, Бекрель и Ломмель высказывали мнѣніе, что законъ Гершеля примѣнимъ къ этому случаю. Но мнѣ представлялось, что въ ихъ разсужденіи можно было усмотрѣть логическую ошибку, что между посылками и выводами не было надлежащей связи.

Законъ Гершеля подразумеваетъ, что фотохимическое дѣйствіе ограничивается тѣми лучами свѣта, которые поглощаются веществомъ, *испытывающимъ* химическое измѣненіе. Гершель самъ примѣнилъ этотъ законъ къ хлорофилу, показавъ, что онъ выцвѣтаетъ, линяетъ, какъ разъ въ тѣхъ лучахъ спектра, которые соотвѣтствуютъ полосамъ поглощенія.

Но въ разложеніи углекислоты мы имѣемъ совершенно иной случай: вещество, подвергающееся разложенію, безцвѣтный газъ, а поглощается свѣтъ совсѣмъ инымъ веществомъ—хлорофилломъ. Рѣшительно не было возможности усмотрѣть здѣсь прямого примѣне-

Фиг. 11.

нія закона Гершеля, и вотъ почему я и не настаивалъ на его примѣненіи въ началѣ моихъ изслѣдованій. Но по этой же причинѣ я одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ и оцѣнилъ все значеніе для фізіологіи блестящаго открытія Фогеля—его *оптическихъ* сенсibilизаторовъ, еще въ то время, когда многіе авторитетные ученые отрицали самое открытіе ¹⁾).

Это замѣчательное открытіе не только произвело революцію въ практикѣ фотографіи, но и доставило фізіологу то недостающее логическое звено, отсутствіе котораго не позволяло ему распространять законъ Гершеля на фотохимическій процессъ, совершающійся въ зеленомъ листѣ. Вслѣдъ за Фогелевскимъ открытіемъ дѣйствія эозина, появилось изслѣдованіе Э. Беккереля надъ сенсibilизирующимъ дѣйствіемъ хлорофила на чувствительную коллодальную пластинку, такъ что безъ малаго черезъ годъ послѣ появленія моего перваго сообщенія (на конгрессѣ ботаниковъ во Флоренціи) я уже могъ дать своимъ опытамъ рациональное объясненіе съ точки зрѣнія Фогелевской теоріи ассимиляторовъ. Эта мысль, что хлорофиль играетъ въ живомъ организмѣ роль оптического сенсibilизатора, которую я высказалъ въ первый разъ въ 1875 году, теперь можетъ считаться общепринятою, но, я полагаю, найдется немного ботаниковъ, которые имѣли бы случай видѣть фотографическое дѣйствіе хлорофила на чувствительную пластинку. Благодаря любезности покойнаго Э. Беккереля, я видѣлъ въ 1877 году его превосходныя коллодальныя пластинки, но теперь коллодальный способъ мало распространенъ, и потому я пытался найти наиболѣе легкій способъ для демонстраціи дѣйствія хлорофила на обыкновенную броможелатинную пластинку. Спиртовые растворы хлорофила въ этомъ случаѣ неудобны, и я нашелъ, что ихъ можно очень удобно замѣнить хлорофилатомъ натрія, растворимымъ въ водѣ.

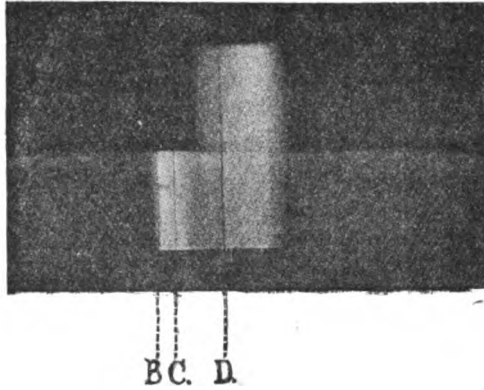
Вотъ пластинка (Pford, ordinary), наполовину погруженная въ баню хлорофилата натрія и затѣмъ выставленная въ спектръ, ограниченный, при помощи желтаго свѣтофильтра, его наименѣе преломляющеюся частію. Ясно видно, что между тѣмъ какъ на обыкновенной пластинкѣ дѣйствіе свѣта останавливается приблизительно при линіи *D*, въ той ея части, которая была погружена въ хлорофилловую баню, выступаетъ рѣзкая широкая полоса, соответствующая главной абсорпціонной полосѣ хлорофила между линіями *B* и *C*. (фиг. 12).

Я старался провести аналогію между дѣйствіемъ хлорофила въ листѣ и въ фотографической пластинкѣ еще далѣе и показать, что

¹⁾ Обратио и Фогель былъ однимъ изъ немногочисленныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, принявшихъ мои результаты, когда они еще отвергались всѣми нѣмецкими ботаниками.

хлорофилъ — оптическій сенсibilизаторъ не только въ смыслѣ Фогеля, но и въ смыслѣ сэра Уильяма Абнея.

Сэръ Уильямъ Абней, какъ извѣстно, признаеть, что всякій оптическій сенсibilизаторъ, какъ общее правило, представляетъ изъ себя линючую краску, т.-е. быстро обезцвѣчивается подь вліяніемъ свѣта. Классическія изслѣдованія сэра Джона Гершеля надъ обезцвѣчиваніемъ бумаги, окрашенной хлорофиломъ, уже доказывали, что хлорофилъ принадлежитъ къ этой категоріи. Вотъ отпечатокъ листа папоротника, полученный при помощи хлорофила. Листъ этотъ былъ наложенъ на пластинку изъ коллодіума, окрашеннаго хлорофиломъ. Послѣ непродолжительной экспозиціи на солнцѣ все поле выпцвѣло и части, защищенныя листомъ, сохранили свою оригинальную окраску. Изображеніе фиксируется непродолжительнымъ погруженіемъ въ баню изъ мѣднаго купороса. Подвергая такія коллодіально-хлорофилковыя пластинки дѣйствію различныхъ лучей спектра, я убѣдился, что обезцвѣчиваніе вызывается тѣми же лучами, которые вызываютъ разложеніе углекислоты.

Фиг. 12.

Мнѣ, можетъ быть, будетъ дозволено остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ важномъ вопросѣ о роли хлорофилла, какъ сенсibilизатора. Сенсibilизаторы подраздѣляются обыкновенно на двѣ группы: на сенсibilизаторы химическіе и оптическіе. Первые считаются просто поглотителями одного или болѣе продуктовъ реакціи, послѣдніе въ то же время поглощаютъ лучистую энергію. Оптическому сенсibilизатору въ то же время приписывается обыкновенно роль и химическаго, но обратное, конечно, не очевидно. Существованіе химическихъ сенсibilизаторовъ допускалось задолго до открытія Фогеля; много случаевъ такого дѣйствія можно найти въ извѣстной, уже упомянутой книгѣ Э. Беккереля, и потому еще въ 1871 году въ моемъ изслѣдованіи «Спектральный анализъ хлорофила» я указывалъ, что за хлорофиломъ можно признать роль сенсibilизатора въ этомъ чисто химическомъ смыслѣ. Я настаивалъ на томъ, что процессъ разложенія угольнаго ангидрида — по существу процессъ диссоціаціи, что «скорость процесса диссоціаціи зависитъ отъ удаленія ея продуктовъ», «что растеніе дѣйствуетъ какъ поглотитель, постоянно нарушающій равновѣсіе между угольнымъ анги-

дридомъ и продуктами его диссоціаціи», и наконецъ, что мы, вѣроятно, должны допустить существованіе двухъ видоизмѣненій хлорофила, подобныхъ гемо- и оксигемоглобину крови, при чемъ второй изъ нихъ способенъ образовать продуктъ, аналогичный карбониль-гемоглобину.

Въ то время мнѣ казалось, что эти два состоянія окисленія соотвѣтствуютъ нормальному зеленому хлорофилу и тому, что сэръ Джорджъ Стоксъ назвалъ «измѣненнымъ» (modified) хлорофилломъ, (фиг. 3), такъ какъ мои опыты поставили внѣ сомнѣнія, что это послѣднее тѣло — продуктъ окисленія перваго. Но позднѣе я нашелъ новую реакцію хлорофила, которую я считаю крайне важной съ физиологической точки зрѣнія, теперь нами обсуждаемой. Когда на хлорофилловый растворъ умѣренной концентраціи дѣйствуютъ водородомъ въ моментъ выдѣленія, получается почти безцвѣтное или блѣдно-желтое тѣло, обладающее при значительной концентраціи превосходнымъ пурпуровымъ цвѣтомъ. Вещество это можетъ существовать только при полномъ отсутствіи кислорода. Приходя въ прикосновеніе съ воздухомъ, оно почти моментально принимаетъ свой прежній зеленый цвѣтъ. Спектръ этого продукта возстановленія хлорофила (я предложилъ для него названіе протохлорофилина или протце протофилина) характеризуется при слабой концентраціи отсутствіемъ полосъ поглощенія въ наименѣе преломляющейся части спектра, но при достаточной концентраціи представляетъ ясную полосу, почти соотвѣтствующую II полосѣ хлорофила, и другую около IV, но безъ слѣдовъ главной хлорофилловой линіи I. Это былъ первый случай полученія продукта, который отличался полнымъ отсутствіемъ того, что считалось главной характеристикой хлорофила. Очевидно, мы здѣсь въ первый разъ имѣли дѣло съ производнымъ хлорофила, изъ котораго при его соприкосновеніи съ кислородомъ почти моментально обратно возрождается хлорофилъ.

Получивъ эти столь важныя реакціи возстановленія и обратной регенераціи хлорофила въ его растворахъ, я приложилъ всѣ старанія, чтобы доказать присутствіе протофилина въ живомъ растеніи. Такъ какъ образованіе хлорофила въ этиолированныхъ сѣянцахъ является реакціей окисленія (фактъ этотъ былъ установленъ въ моей лабораторіи Дементьевымъ въ 1873), то было естественно обратить именно въ этомъ направленіи свои поиски за протофилиномъ, такъ легко окисляющимся въ хлорофилъ. Указанія, встречаемыя въ литературѣ, впрочемъ мало къ тому поощряли. Такъ называемый *этиолинъ* нѣмецкихъ ботаниковъ всегда представлялъ характеристическія спектральныя черты хлорофила. Мои первые шаги были также неудачны. Я получалъ, правда, растворы въ которыхъ II полоса была болѣе рѣзко выражена, чѣмъ въ хлоро-

филь; она равнялась I, даже превосходила ее, но тщетно искалъ я растворовъ, въ которыхъ I полоса совершенно отсутствовала бы, пока не попалъ на мысль, что предосторожности, которыя до тѣхъ поръ принимались, не были достаточны для точнаго устраненія дѣйствія свѣта. Я заключилъ горшки съ сѣменами, предназначенными для проростанія (лучшимъ матеріаломъ оказался подсолнечникъ), въ жестянки, которыя въ свою очередь помѣщались въ шкапу въ фотографической комнатѣ, а растворы готовились въ той же темной комнатѣ съ соблюденіемъ предосторожностей, употребительныхъ въ ортохромной фотографіи. Результатомъ этого приѣма было полученіе протофиллина безъ слѣдовъ хлорофиловаго спектра.

Такъ какъ красящая способность этихъ растворовъ незначительна, то пришлось изучать ихъ спектры въ трубкахъ въ $\frac{1}{2}$ метра длиною. Обыкновенно 10 — 20 сѣмянодолей было достаточно для полученія необходимаго раствора для наполненія этой трубки. Но стоило выставить на свѣтъ, на минуту, одну или даже часть сѣмянодоли, чтобы получить растворъ съ ясными, рѣзкими полосами хлорофиловаго спектра. Эти факты ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ живомъ растеніи существуетъ красящее вещество со свойствами возстановленнаго хлорофила, почти моментально превращающееся въ хлорофиль подъ вліяніемъ свѣта.

Конечно, было бы еще важнѣе получить непосредственное доказательство присутствія этого продукта возстановленія хлорофила въ зеленомъ листѣ; только установленіе этого факта могло бы быть принято какъ доказательство, что хлорофиль играетъ роль химическаго сенсibiliзатора. Но открытіе его присутствія въ зеленомъ листѣ сопряжено съ несомнѣнными трудностями. Какъ я только что указалъ, растворы *протофиллина* обладаютъ красящею способностью, несравненно болѣе слабою чѣмъ растворы хлорофила, и потому эти послѣдніе всегда могутъ маскировать ихъ присутствіе. Такимъ образомъ, допустивъ, что предполагаемое возстановленіе хлорофила совершается въ зеленомъ листѣ, мы можемъ ожидать, что оно не обнаружится ни въ измѣненіи цвѣта листа, ни въ измѣненіи спектра его раствора, а развѣ только въ измѣненіи интенсивности зеленой окраски, въ извѣстномъ его выцвѣтаніи или поблѣднѣніи. Такая болѣе блѣдная окраска листьевъ, выставляемыхъ на свѣтъ, дѣйствительно неоднократно замѣчалась, но обыкновенно ее приписываютъ перемѣщенію или измѣненію въ формѣ хлоропласть—предположеніе, какъ мнѣ кажется, мало вѣроятное въ примѣненіи къ палисадной паренхимѣ, особенно когда лучи не падаютъ въ направленіи, строго параллельномъ продольной оси клѣточекъ. Мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что, по крайней мѣрѣ, значи-

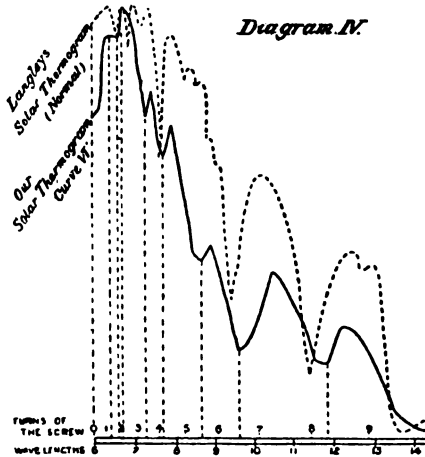
тельная часть этого выплыванія зеленыхъ листьевъ можетъ быть приписана превращенію хлорофила въ протофиллинъ.

Подводя итогъ, мы можемъ слѣдовательно допустить существованіе не только двухъ, какъ въ крови, но даже трехъ состояній окисленія зеленого вещества растенія. Эти превращенія, вѣроятно, послужатъ намъ исходной точкой для теоріи хлорофила какъ *химическаго* сенсibiliзатора.

Представивъ доводы въ пользу предположенія, что хлорофиль играетъ роль сенсibiliзатора въ обоихъ смыслахъ этого слова, т.-е. химическаго или поглотителя продуктовъ реакціи и оптическаго или поглотителя дѣятельныхъ лучей, я постараюсь сдѣлать еще шагъ далѣе и привести соображенія, заставляющія меня видѣть въ немъ не только одного изъ безчисленныхъ представителей этой группы, но и

вещество, совсѣмъ особенно приспособленное къ этой функціи.

Съ самаго начала моихъ изслѣдованій я былъ убѣжденъ, что такая по существу эндотермическая реакція, какъ диссоціація угольнаго ангидрида, должна стоять въ какомъ-нибудь отношеніи съ энергіей луча, принимающаго участіе въ процессѣ. Въ то время физики не обладали никакими точными свѣдѣніями о распредѣленіи энергіи въ спектрѣ, но я тѣмъ не менѣе вполне опредѣленно высказалъ мысль, что будущія изслѣдова-

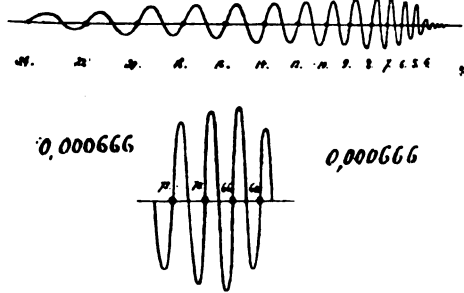

Фиг. 13.

нія въ диффракціонномъ спектрѣ могутъ измѣнить ходячія представленія о тепловомъ эффектѣ различныхъ лучей и докажутъ, что наибольшей энергіей обладаютъ не инфракрасные лучи, а извѣстные лучи видимаго спектра—быть можетъ, тѣ самыя, которые поглощаются зеленымъ растеніемъ—такъ что два максимума—энергіи и абсорбціи хлорофиломъ быть можетъ, въ концѣ концовъ, совпадутъ.

Эти мои предсказанія блистательно оправдались въ извѣстныхъ опытахъ Ланглея и сэра Вильяма Абнея. Я обратилъ вниманіе на это предвидѣнное мною совпаденіе въ небольшой замѣткѣ въ *Comptes Rendus* Парижской академіи вскорѣ послѣ появленія работы Лангея. Такъ какъ моя точка зрѣнія до сихъ поръ оспаривается, такъ какъ даже вѣрность моихъ ссылокъ подвергнута сомнѣнію Энгельманомъ, я считаю себя вынужденнымъ предъявить оригинальныя данныя. Вотъ кривыя обоихъ изслѣдователей, заимствованныя изъ статьи

сэра Вильяма Абнея изъ «Proceedings» Королевскаго Общества за 1887 (фиг. 13). Максимумъ энергiи соотвѣтствуетъ длинѣ волны, лежащей на двухъ третяхъ между 600- и 700-милліонными миллиметра, скажемъ, 666 (цифра, легко запоминаемая, такъ какъ это число Звѣря!). Максимумъ поглощенія лежитъ гдѣ - то на двухъ третяхъ между В и С., т.-е. между 686 и 656,—значить также приблизительно при 666- миллионныхъ миллиметра. Позднѣе Ланглей доставилъ еще другія данныя, которыя приведены на фиг. 10, такъ какъ мы вскорѣ будемъ имѣть случай къ нимъ обратиться. Должно замѣтить, что эти послѣднія данныя относятся къ тому, что Ланглей называетъ «высокимъ солнцемъ»—для средней интенсивности, за весь день, совпаденіе съ первой кривой (фиг. 13) было бы болѣе полное. Мы можемъ взглянуть на это соотношеніе еще съ другой точки зрѣнія. Здѣсь (фиг. 14) представлена попытка выразить относительныя амплитуды волнъ, соотвѣтствующихъ различнымъ частямъ спектра, и можно усмотрѣть, что наибольшая амплитуда колебаній соотвѣтствуетъ какъ разъ той части спектра, гдѣ лежитъ главная абсорпціонная полоса хлорофила (666) и максимумъ разложенія угольнаго ангидрида¹⁾.

Фиг. 14.

Но, быть можетъ, мы найдемъ еще болѣе убѣдительный аргументъ въ пользу предположенія, что фотохимическое дѣйствіе лучей является функцией ихъ энергiи въ сравненіи дѣйствія хлорофила и другихъ сенсibilизаторовъ, а еще болѣе въ сравненіи относительнаго дѣйствія желтаго и сянiаго свѣта въ только что приведенномъ опытѣ.

Существуетъ фактъ, опирающійся на свидѣтельство такихъ опытныхъ наблюдателей, какъ Эдеръ и Фогель, и особенно ясно вытекающій изъ обстоятельнаго изслѣдованія Акурорта—именно, что оба максимума, абсорпціи свѣта сенсibilизаторомъ и фотографическаго его дѣйствія на сенсibilизированную пластинку, не представляютъ

¹⁾ Еще поразительнѣе представится намъ это совпаденіе, если мы обратимся къ скажѣ электромагнитныхъ волнъ проф. П. Н. Лебедева („Физическое Обзорѣніе“ 1901 г.). Изъ числа какихъ-нибудь 50 октавъ, на ней изображенныхъ, весь видимый спектръ занимаетъ всего одну; главная абсорпціонная полоса хлорофила занимаетъ, примѣрно, десятую ея часть, и въ этомъ-то незначительномъ интервалѣ встрѣчаются и максимумъ энергiи и максимумъ химическаго дѣйствія.

строгаго совпаденія, при чемъ, какъ общее правило, этотъ послѣдній всегда бываетъ смѣщенъ въ сторону краснаго конца спектра. До сихъ поръ не предложено никакого объясненія для этого факта, не предлагаетъ его и Акуортъ, хотя считаетъ, что правило это стоитъ внѣ сомнѣнія и не встрѣчаетъ ни одного исключенія. Но по отношенію къ хлорофилу въ изслѣдованіе Акуорта, повидимому вкралась ошибка. Онъ полагаетъ, что и хлорофилъ не представляетъ исключенія изъ установленнаго имъ закона—что максимумъ фотографическаго дѣйствія не совпадаетъ съ максимумомъ поглощенія въ I абсорпціонной полосѣ, а смѣщенъ въ сторону краснаго конца спектра. При внимательномъ разсмотрѣннн его соотвѣтствующей фигуры возникаетъ однако серьезное сомнѣніе. Какъ во всѣхъ случаяхъ, Акуортъ даетъ двѣ кривыя—абсорпціи и сенсibiliзацин, но въ дѣйствительности его указанія по отношенію къ спектру хлорофила (какъ въ текстѣ, такъ и въ фигурѣ) представляются неточными. Вотъ его собственныя слова: «Die Absorption dieser Emulsion ist, was die Haupt und weniger brechbare Band betrifft, deutlich ausgeprägt. Dieses beginnt etwas vor C, erreicht bei C $\frac{1}{3}$ D ein Maximum; jenseits desselben ist die Absorption nicht hinlänglich scharf zu verfolgen um sie genau zeichnen zu können».

Но мы знаемъ, на основаніи безчисленныхъ наблюденій, что главная абсорпціонная полоса хлорофила лежитъ между В и С, а не между С и D. Наоборотъ, показаніе Акуорта, что максимумъ сенсibiliзационнаго дѣйствія лежитъ между В и С, т.-е. тамъ, гдѣ безчисленные наблюдатели помѣщаютъ главную полосу I хлорофила,—показаніе это согласно со всѣми другими свидѣтельствами. Начиная съ перваго опыта Э. Беккереля и кончая моими фотографіями, мы неизмѣнно встрѣчаемъ максимумъ фотографическаго дѣйствія между линіями В и С. Такимъ образомъ, Акуортъ помѣщаетъ максимумъ фотографическаго дѣйствія совершенно вѣрно, но максимумъ поглощенія несомнѣнно невѣрно, и только благодаря этой ошибкѣ у него хлорофилъ подходитъ подь общее правило.

На дѣлѣ эти обѣ точки вполнѣ совпадаютъ и въ силу этого совпаденія хлорофилъ представляетъ исключеніе изъ общаго правила относительно смѣщенія максимума фотографическаго дѣйствія въ красную сторону спектра (по сравненію съ максимумомъ поглощенія). Мнѣ представляется, что какъ это исключеніе, такъ и самое правило нашло бы себѣ объясненіе въ простомъ допущеніи, что фотохимическое дѣйствіе зависитъ не только отъ степени поглощаемости вызывающей его группы лучей (изъ которыхъ слагается абсорпціонная полоса), но и отъ относительной энергіи или амплитуды колебанія соотвѣтствующихъ волнъ. Въ каждой абсорпціон-

ной полосѣ (въ предѣлахъ видимаго спектра) сторона, ближайшая къ красному концу, будетъ состоять изъ лучей, обладающихъ большею энергіей, чѣмъ сторона, ближайшая къ фіолетовому, и на основаніи только что сдѣланнаго допущенія максимумъ фотографическаго дѣйствія долженъ смѣщаться въ эту сторону. Такъ будетъ, пока мы не дойдемъ до той части въ красномъ, гдѣ оба максимума—абсорбціи и энергіи, совпадаютъ. Въ этомъ мѣстѣ не будетъ никакого повода для смѣщенія фотографическаго максимума, и мы такимъ образомъ получимъ объясненіе для факта, почему хлорофилъ представляетъ любопытное исключеніе изъ общаго правила, примѣнимаго ко всѣмъ остальнымъ сенсibiliзаторамъ. Конечно, самымъ лучшимъ *experimentum crucis* для провѣрки моей гипотезы, былъ бы опытъ съ удивительной инфракрасной фотографіей сэра Вильяма Абнея—если бы оказалась, что въ инфракрасной части спектра *) законъ Акуорта извратился бы, максимумъ фотографическаго дѣйствія сталъ бы перемѣщаться въ другую сторону, но попрежнему въ направленіи максимума энергіи. Конечно, такіе опыты лежатъ внѣ круга дѣятельности ботаника.

А пока мнѣ кажется, что и тѣ факты, съ которыми мы только что познакомились, по отношенію къ сравнительному дѣйствию желтыхъ и синихъ лучей могутъ быть истолкованы въ смыслѣ предполагаемой связи между химическимъ процессомъ и энергіей луча. Мы можемъ въ дѣйствительности разсматривать этотъ случай какъ предѣльный, такъ какъ онъ дозволяетъ намъ непосредственное сравненіе дѣйствія двухъ группъ лучей, поглощаемыхъ однимъ и тѣмъ же тѣломъ на двухъ предѣлахъ видимаго спектра и слѣдовательно обладающихъ наибольшимъ различіемъ по отношенію къ присущей имъ энергіи. Мы видѣли, что если разлагающее CO_2 дѣйствіе лучей наименѣе преломлющейся части спектра выразится цифрой 100, то дѣйствіе лучей наиболѣе преломлющейся выразится цифрой 54.

Но мы должны еще принять во вниманіе различную степень поглощенія свѣта хлорофиломъ въ этихъ двухъ частяхъ спектра. Казалось бы, всего проще принять во вниманіе только видимыя абсорпціонныя полосы растворовъ, представляющихъ такую же степень концентраціи красящаго вещества, какъ и въ листѣ (мы увидимъ вскорѣ, какъ получаютъ такіе растворы). Такъ я въ дѣйствительности и поступилъ на первыхъ порахъ. Но эта оцѣнка только лишь приблизительная, такъ какъ невооруженный глазъ—плохой фотометръ для оцѣнки слабыхъ и главное постепенныхъ различій въ свѣтовомъ напряженіи. Какъ уже сказано выше, въ такихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ приему спектрофотометрическому. Выборъ

*) То-есть на другомъ скатѣ кривой энергіи.

фотометра не безразличен; такъ, напримѣръ, до послѣдняго времени употребляемый спектрофотометръ Фирорта съ двойною целью (примѣненный и Энгельманомъ въ его микроспектральномъ приборѣ) не внушаетъ довѣрія, какъ я это высказалъ немедленно по его появленіи и позднѣе доказалъ простымъ наблюденіемъ. Изъ всѣхъ предложенныхъ спектрофотометровъ самымъ практичнымъ, т.-е. соединяющимъ точность съ простотою, я считаю спектрофотометръ Дарзонваля, которымъ пользуюсь уже много лѣтъ¹⁾. Вотъ спектрофотометрическія кривыя для растворовъ нормальнаго и *измѣненнаго* хлорофила (Стокса). А вотъ спектрофотометрическая кривая, соотвѣтствующая поглощенію свѣта однимъ листомъ клена подобнымъ тѣмъ, съ которыми были произведены опыты съ желтымъ и синимъ свѣтомъ (фиг. 10 А). Приведенные къ нормальному спектру энергіи эти относительныя количества поглощенія *свѣта* выразятся площадями a, b, c, d, e и e, d, f, g, h. Общее количество энергіи всего видимаго спектра я заимствую, какъ уже сказано, изъ статьи Ланглея «Энергія и зрѣніе», помѣщенной въ *Philosophical Magazine*, за 1889 годъ. Относительныя количества энергіи поглощенной листомъ, соотвѣтственно этимъ площадямъ a, b, c, d, e и e, d, f, g, h, будутъ 100 для желтаго и 70 для синяго свѣта. Если мы сопоставимъ ихъ съ числомъ, выражающимъ разложеніе угольнаго ангидрида въ тѣхъ же группахъ лучей (100 для желтаго и 54 для синяго), то получимъ новый аргументъ въ пользу предполагаемой прямой связи между химическимъ процессомъ и энергіей луча (фиг. 10 В).

Принявъ во вниманіе все сказанное, мы, кажется, въ правѣ допустить, что факты говорятъ въ пользу допущенія (по крайней мѣрѣ насколько это касается хлорофила), что фотохимическое дѣйствіе луча зависитъ не отъ одной только степени его поглощаемости, но и отъ энергіи или амплитуды колебанія входящихъ въ его составъ волнъ или другими словами, что изъ двухъ волнъ, одинаково поглощаемыхъ, наибольшее дѣйствіе окажетъ та, которая обладаетъ наибольшей амплитудой колебанія. Съ этой-то точки зрѣнія и представляется, что хлорофилъ, поглощающій тѣ именно лучи, которые обладаютъ наибольшей энергіей, можно считать не только сенсibiliзаторомъ, но, можетъ быть, наилучшимъ изъ сенсibiliзаторовъ, особенно приспособленнымъ къ своей функціи.

Я чувствую, что я не могу разстаться съ изложенными до сихъ поръ результатами моихъ изслѣдованій, не сказавъ нѣсколько

¹⁾ Въ 1896 году я предъявлялъ въ ботаническомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, спектрофотометрическія кривыя для хлорофила и его производныхъ, полученные при помощи этого спектрофотометра.

словъ относительно положенія, принятаго по отношенію къ нимъ самой обширной школой нѣмецкихъ фізіологовъ, представленной Саксомъ и Пфефферомъ. Вотъ самое позднѣйшее мнѣніе, высказанное по этому поводу Саксомъ, когда ему, несомнѣнно, были извѣстны мои изслѣдованія. «Всѣ прямыя наблюденія показываютъ, что максимумъ выдѣленія кислорода лежитъ въ желтомъ свѣтѣ. Въ общемъ итогѣ всѣ до сихъ поръ произведенныя изслѣдованія относительно спектра хлорофила не обнаружили ни одного факта, который имѣлъ хотя бы малѣйшее фізіологическое значеніе, — другими словами, мы знали бы о фізіологической функціи хлорофила ровно столько же, если бъ намъ вовсе не былъ извѣстенъ его спектръ». Слова эти не нуждаются въ комментаріяхъ.

Также общеизвѣстно, что профессоръ Пфефферъ былъ долгое время моимъ оппонентомъ и самымъ отъявленнымъ сторонникомъ старой теоріи. Въ первомъ изданіи своего учебника онъ останавливается на моей работѣ и признаетъ ее за экспериментальную ошибку, не заслуживающую вниманія. Но вскорѣ за появленіемъ его книги, во мнѣніи ученыхъ обнаружился поворотъ въ пользу моей точки зрѣнія, благодаря Ванъ-Тигему во Франціи и профессору Сиднею Вайнзу въ этой странѣ. ¹⁾ Въ то же время Энгельманъ и Рейнке — хотя при помощи методовъ, несравненно менѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, которые были примѣнены мною, получили результаты, согласные съ моими. Пфефферу невозможно было далѣе защищать свою старую позицію, и во второмъ изданіи своей книги онъ фактически принимаетъ мое воззрѣніе, но зато при обсужденіи вопроса не упоминаетъ даже моего имени. Результаты, которые подлежали сомнѣнію, презрительно отвергались, пока они были связаны съ моимъ именемъ, — теперь, когда ихъ приходится признать вѣрными, просто приписываются двумъ упомянутымъ нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Мало того, для примиренія его прежней и современной точекъ зрѣнія имъ развивается еще новая теорія, столь же ложная, какъ старая. Профессоръ Пфефферъ утверждаетъ, что существуютъ двѣ различныя кривыя для того же процесса ассимиляціи: одна первичная, соотвѣтствующая абсорпціонному спектру хлорофила, и другая, вторичная,

¹⁾ Изъ преній, возникшихъ, согласно обычаю Королевскаго Общества, послѣ моей лекціи, я узналъ слѣдующую лестную для меня подробность. „Когда я“, — сказалъ Вайнзъ, — „въ то время еще начинающій преподаватель, дошелъ въ своемъ курсѣ до главы объ ассимиляціи, я остановился въ недоумѣніи передъ рѣзкимъ противорѣчіемъ между нѣмецкими авторитетами и Тимирязевымъ. Мнѣ казалось, что Тимирязевъ правъ, но я все же обратился за совѣтомъ къ своему коллегѣ, также молодому физику. Ознакомившись съ вопросомъ, онъ сказалъ: конечно, правъ Тимирязевъ. Этотъ молодой физикъ“, — добавилъ Оксфордскій профессоръ, — „теперь лордъ Рейлей“.

имѣющая максимумъ въ желтыхъ лучахъ. Но не трудно доказать, что этой вторичной кривой не существуетъ вовсе. Если бы Пфедеръ былъ правъ, то я долженъ былъ бы получить его вторичную кривую, но именно я первый и самымъ несомнѣннымъ образомъ получилъ первичную, т.-е. единственную, имѣющую реальное существованіе, поэтому онъ и былъ вынужденъ обойти молчаніемъ мои работы. Его вторичная кривая, помимо ея теоретической невѣроятности, просто фикція, выдвинутая впередъ, чтобы прикрыть его вынужденное отступленіе.

Указавъ на положеніе, принятое по отношенію ко мнѣ этими германскими фізіологами, я тѣмъ болѣе чувствую себя вынужденнымъ высказать свою признательность покойному Эдмонду Беккерелю и Бертло, такъ какъ благодаря имъ мои труды проникли на страницы *Comptes Rendus* и *Annales de Chimie et de Physique*.

II.

До сихъ поръ мы разсматривали нашу задачу съ ея качественной стороны, мы изучали фотолізъ, или разложеніе угольнаго ангидрида, и фотосинтезъ, или образованіе крахмала, въ ихъ зависимости отъ химическихъ и оптическихъ свойствъ хлорофила и относительной энергіи дѣйствующихъ лучей.

Теперь мы разсмотримъ то же явленіе съ качественной точки зрѣнія, т.-е. въ его отношеніи къ общему количеству падающей на зеленый листъ энергіи,—попытаемся найти законъ, выражающій зависимость этого явленія отъ напряженія лучистой энергіи.

Эдмондъ Беккерель въ его неоднократно нами цитированной книгѣ «*La Lumière, ses causes et ses effets*», первый обратилъ вниманіе на количественный учетъ солнечной энергіи, слагающейся въ зеленомъ растеніи; онъ сдѣлалъ первую попытку опредѣленія того, что Горасъ Броунъ недавно такъ умѣстно назвалъ *экономическимъ коэффициентомъ* этого фотохимическаго процесса. Онъ получилъ очень умѣренную цифру. Потенціальная энергія органическаго вещества, образуемаго культурой подсолнечника (одной изъ самыхъ продуктивныхъ), составляетъ $\frac{4}{1000}$ солнечной энергіи, выпадающей на данную площадь. Лѣсныя культуры даютъ только $\frac{1}{1000}$. Нѣсколько лѣтъ позднѣе (въ 1871 г.) я примѣнилъ тѣ же приемы вычисленія къ болѣе опредѣленнымъ фізіологическимъ даннымъ (вмѣсто агрономическихъ, которыя только и были въ распоряженіи Беккереля) и получилъ около 1%. Въ 1876 году мой старый другъ профес-

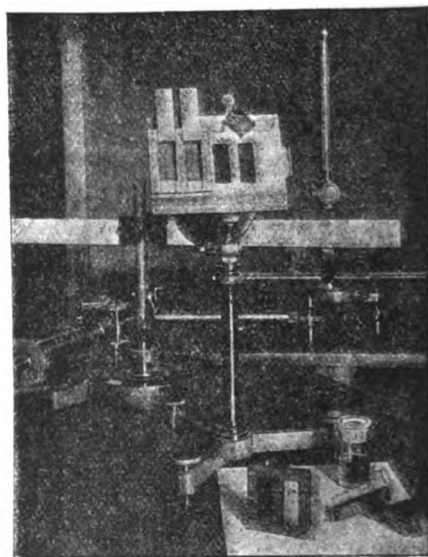
сорь Н. Мюллеръ сдѣлалъ въ первый разъ прямой опытъ, помѣстивъ и листь, разлагавшій углекислоту, и пиргелиометръ въ одинаковыя условія. Онъ получилъ до 5%, и эта оцѣнка на мой взглядъ слишкомъ высока, что можетъ быть приписано тому, что его пиргелиометрическія данныя слишкомъ велики въ сравненіи съ обыкновенно принимаемыми. Въ 1894 году я повторилъ этотъ опытъ, помѣстивъ листь и пиргелиометръ въ одинаковыя условія, какъ будетъ изложено далѣе, и получилъ цифру 3,3%. Должно замѣтить, что какъ въ опытахъ Мюллера, такъ и въ моихъ листьяхъ находились въ искусственной средѣ, въ газовой смѣси, содержащей 5%—10% угольнаго ангидрида, дающей наиболѣе выгодные результаты. Совершенно недавно М. Горасъ Броунъ сдѣлалъ въ высшей степени любопытное и гораздо болѣе затруднительное опредѣленіе той же величины. Онъ произвелъ свой опытъ при естественныхъ условіяхъ, т.-е. въ струѣ атмосфернаго воздуха съ его нормальнымъ содержаніемъ угольнаго ангидрида. Онъ получилъ 0,5%, но въ одномъ случаѣ (когда воздухъ былъ обогащенъ угольнымъ ангидридомъ, такъ что содержаніе этого послѣдняго въ 5¹/₂ разъ превышало нормальное) эта цифра возросла до 2%.

Теперь, когда мы можемъ съ увѣренностью сказать, что разложеніе углекислоты вызывается только тѣми лучами, которые поглощаются хлорофиломъ, становится очевиднымъ, что этотъ «экономическій коэффициентъ» долженъ прежде всего зависѣть отъ степени поглощенія свѣта зеленымъ веществомъ листа. Я считаю излишнимъ настаивать на томъ, какъ важно для фізіолога знать эту величину, т.-е. ту долю солнечной энергіи, которую растение можетъ использовать. Слѣдующій термоскопическій приемъ, предложенный мною въ 1884 году, представляется мнѣ и теперь наиболѣе простымъ и точнымъ способомъ опредѣленія этой величины. Задача въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ дѣйствительномъ листѣ, крайне сложна, вслѣдствіе явленій свѣторазсѣянія, представляемыхъ клѣточками и отдѣльными зернами хлорофила—явленій очень сходныхъ съ тѣмъ, которое представляетъ слой частичекъ серебра въ фотографической пластинкѣ, какъ это было недавно остроумно разъяснено сэромъ Вильямомъ Абнеемъ. Но эта задача можетъ быть значительно упрощена, если вмѣсто естественнаго листа мы возьмемъ то, что можно назвать жидкимъ листомъ. Если при помощи стальной сѣчки мы высѣчемъ изъ листа извѣстную площадь и растворимъ зеленое вещество этого куска въ такомъ количествѣ алкоголя, которое выполнить вполнѣ стеклянную ванночку съ параллельными стѣнками, просвѣтъ которой представляетъ ту же площадь, то мы получимъ жидкій слой красящаго

вещества той же концентрации. Если рядомъ съ этимъ растворомъ мы опредѣлимъ поглощеніе свѣта стекляннымъ сосудомъ и растворителемъ, то разность этихъ двухъ величинъ дастъ намъ поглощеніе, которое должно быть приписано зеленому веществу листа. Всѣ измѣренія производились при помощи особой формы термоэлектрическаго столбика, придуманнаго мною еще въ 1870 году и первый разъ выполненнаго для меня самимъ старикомъ Румкорфомъ, — формы совершенно сходной съ той, которую недавно предложилъ Рубенсъ. Брусочки или проволоочки (смотря по тому, какіе употребляются металлы), изъ которыхъ состоятъ термобатареи, спаиваются въ

Фиг. 15.

Фиг. 16.

формѣ зигзага, такъ что оба ряда спаевъ обращены въ одну сторону (а не въ противоположныя, какъ въ столбикѣ Меллона). Когда одинъ изъ рядовъ обращенъ къ солнцу, а другой защищенъ экраномъ, мы измѣряемъ непосредственное солнечное лучеиспусканіе. Поставивъ на пути луча сосудъ съ растворомъ хлорофила, узнаемъ долю лучеиспусканія, пропускаемаго этимъ растворомъ и сосудомъ, и наконецъ, помѣщая только сосудъ съ растворителемъ, узнаемъ количество лучистой энергіи, пропускаемое этими средами. Разность между этими двумя послѣдними цифрами даетъ поглощеніе лучистой энергіи хлорофиломъ. Наконецъ, отношеніе этой величины къ первоначально опредѣленной даетъ ту долю лучистой энергіи

солнца, которая поглощается хлорофилломъ листа. Эти три операціи могутъ быть сведены къ двумъ: къ опредѣленію дѣйствія непосредственной инсоляціи и дѣйствія разности двухъ жидкостей въ двойной ванночкѣ. Вотъ придуманный мною аппаратъ, искусно выполненный въ 1889 году Ф. Пелленомъ (фиг. 15, 16).

На двѣ металлическаго цилиндра помѣщается только что описанная термобатарей, защищенная отъ колебаній температуры, которая могли бы быть вызваны движеніями воздуха, цѣлымъ рядомъ двойныхъ щелей. Въ пазу, впереди наружной пары щелей движется двойная ванночка для растворовъ, заключенная въ металлическую коробку, снабженную двумя поднимающимися вверхъ ставеньками. При опредѣленіи непосредственной инсоляціи одна изъ щелей закрывается металлической коробкой (понятно, съ опущенной ставенькой), при опредѣленіи поглощенія хлорофилломъ обѣ щели закрыты коробкой, понятно съ открытыми обѣими ставеньками. Я назвалъ этотъ аппаратъ *фотоактинометромъ*, такъ какъ онъ даетъ намъ мѣру для той доли лучистой энергіи солнца, которая можетъ быть использована растеніемъ въ самой важной его функціи. Вотъ рядъ такихъ опредѣленій для одного и для трехъ листьевъ. Три—максимальное число листьевъ, которыхъ можно накладывать съ пользою для растенія; свѣтъ, достигающій четвертаго, какъ показали профессоръ Мюллеръ, уже лишень химическаго дѣйствія ¹⁾.

Поглощеніе солнечной энергіи хлорофилломъ листьевъ.

Непосредственный солнечный свѣтъ.

Кленъ.

1 листь (средняя изъ 32 опытовъ). . . . 27%

3 листа (» » 4 »). . . . 31

Липа.

1 листь (» » 6 »). . . . 29

3 листа (» » 3 »). . . . 35

Дубъ.

1 листь (» » 4 »). . . . 23,5

Подорожникъ.

1 листь 23,4

Potamogeton lucens.

1 листь (» » 8 »). . . . 20

1) Этотъ простой термоскопическій приемъ всегда, гдѣ онъ примѣнимъ, должно предпочитать болѣе хлопотливой и менѣе надежной фотометрической оцѣнкѣ поглощенія. Эта мысль высказана мною еще въ 1869 году.

Желтый свѣтъ.

Кленъ.

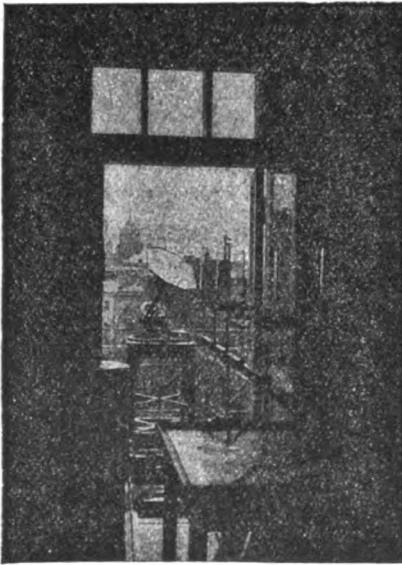
1 листь (> > 8 >). . . 13,8

Красный свѣтъ.

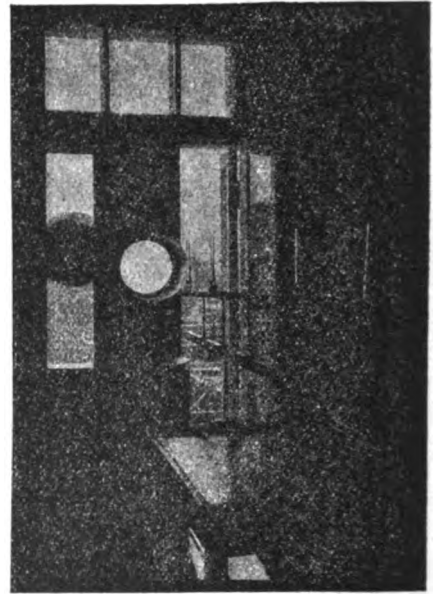
Кленъ.

1 листь 10

Прежде чѣмъ воспользоваться этими цифрами для обсужденія вопроса объ *экономическомъ коэффициентѣ* и *максимальномъ* исполъ-

Фиг. 17.

Фиг. 18.

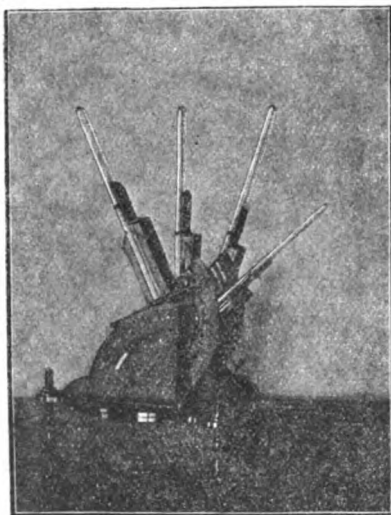
зованіи химическаго дѣйствія солнечнаго свѣта, нужно еще разрѣшить вторую изъ только что указанныхъ задачъ—опредѣлить зависимость химическаго дѣйствія отъ *напряженія* свѣта. Очень часто и совершенно произвольно допускаютъ, что фотохимическое дѣйствіе пропорціонально напряженію свѣта, несмотря на то, что совершенно обратное доказано въ случаяхъ, гдѣ примѣнялись самые точные методы; стоитъ напомнить блестящія изслѣдованія сэра Вильяма Абнея надъ фотографическими пластинками.

Вліяніе *напряженія* свѣта на разложеніе угольнаго ангидрида листомъ было изучено Волковымъ, Ванъ Тигемомъ, Крейслеромъ, Фаминцинымъ, Рейнке, но результаты ихъ не согласны между собою и трудно сравнимы, вслѣдствіе чего я предпринялъ обстоятельное

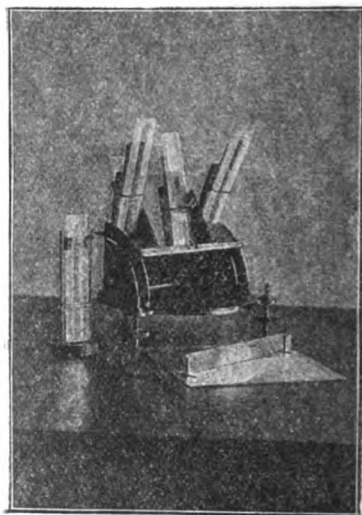
изслѣдованіе вопроса. Приемы изслѣдованія, которые я употреблялъ, были слѣдующіе. Въ темной комнатѣ при помощи большого гелиостата Фуко (съ зеркаломъ въ 80—40 с. м.) и линзы (въ 25 с. м. діаметра) получается конусъ солнечныхъ лучей (фиг. 17. 18). По оси этого конуса располагается оптическая скамья въ два метра длиною со скалой, раздѣленной на сантиметры. По этой скамьѣ двигаются 5 подъемныхъ столиковъ, а на каждомъ изъ нихъ помѣщается одинъ изъ вышеописанныхъ аппаратовъ (плоскихъ трубокъ, погруженныхъ въ ртуть), содержащихъ отрѣзки листьевъ равной площади. Разстоянія на скамьѣ избираются такимъ образомъ, чтобы относительное напряженіе свѣта выражалось числами 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, при чемъ за единицу принималась непосредственная инсоляція (въ нормальномъ направленіи) на разстояніи 2—3 часовъ по ту и по другую сторону полудня, когда колебаніе ея (какъ видно изъ наблюденій н. пр. Крова) не особенно велико. Каждый опытъ, благодаря чувствительности газометрическаго метода, уже ранѣе изложеннаго, длился не болѣе 15—20 минутъ, такъ что можно было впередъ рассчитывать на безоблачное солнце. Эта форма опыта довольно хлопотлива, такъ какъ наблюдатель нуждается въ особой темной комнатѣ и такихъ цѣнныхъ и громоздкихъ аппаратахъ, какъ большой гелиостатъ и такая же оптическая скамья, и потому позднѣе я придумалъ слѣдующую форму простого переноснаго аппарата. На этотъ разъ для измѣренія напряженія свѣта я пользовался закономъ синусовъ. Металлическая платформа, вращающаяся вокругъ вертикальной оси, можетъ въ то же время на шарньерѣ быть установлена въ направленіи солнечнаго луча (для чего она снабжена діоптрами). Съ ней соединяются шарньерами же четыре другихъ маленькихъ платформочекъ (фиг. 19, 20). Каждая изъ нихъ получаетъ по прибору съ листьями. Эти четыре платформочки могутъ быть установлены подъ такими углами, что листья будутъ получать свѣтъ въ отношеніи 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$. Такъ какъ опытъ длится, какъ уже сказано, не долѣе 15—20, то наблюдатель можетъ легко перемѣщать общую платформу, такъ чтобы первый листъ находился всегда подъ прямымъ угломъ къ падающему солнечному лучу. Понятно, здѣсь приходится принимать во вниманіе потерю свѣта вслѣдствіе различнаго отраженія и поглощенія подъ различными углами стѣнками сосудовъ, и по этой причинѣ я предпочитаю въ этомъ случаѣ употреблять плоскія трубки, специально изготовленные для меня извѣстной фирмой Лейбольда въ Кельнѣ. Онѣ сдѣланы изъ пластинокъ зеркальнаго стекла, спаянныхъ особой эмалью. Образчикъ того же стекла изслѣдуется фотометрически, будучи помѣщенъ на кругѣ съ дѣленіями передъ щелью спектрофотометра Дарзонваля.

Третій приємъ, которымъ я пользовался въ самомъ началѣ, заключался въ примѣненіи моего микроэвдіометра къ анализу пузырьковъ газа, выдѣляемыхъ водянымъ растеніемъ, напр., побѣгами *Elodea* или еще лучше большими листьями *Potamogeton lucens*. Количества газа, выдѣляемаго въ одну минуту, вполне достаточно для измѣренія и анализа, такъ что въ десять минутъ тотъ же объектъ можетъ быть перемѣщенъ въ различныя точки на оптической скамьѣ. Конечно, этотъ приємъ не имѣетъ притязанія на такую же степень точности, какъ первые два, но его недостатки лежатъ, какъ

Фиг. 19.

Фиг. 20.

уже сказано выше, въ самой природѣ водяного растенія. Съ другой стороны, онъ имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что примѣняется къ одному и тому же объекту, такъ что всѣ индивидуальныя различія устраняются, а равно и промежутокъ времени такъ незначителенъ, что можно быть увѣреннымъ въ постоянствѣ свѣтового напряженія въ теченіе всѣхъ четырехъ или пяти операций каждаго опыта.

Въ цѣломъ, эти опыты, произведенные различными методами надъ различными растеніями, дали сходные результаты, которые могутъ быть выражены въ слѣдующей кривой, гдѣ 100 означаетъ количество угольнаго ангидрида, разложенное при освѣщеніи листа лучомъ, падающимъ въ нормальномъ направленіи около полудня. Рассмотрѣніе этой кривой допускаетъ слѣдующіе выводы.

1. Если принять во вниманіе всѣ степени напряженія, въ пре-

дѣлахъ которыхъ производились опыты, то о простой пропорціональности не можетъ быть рѣчи. Должно добавить, что Рейнке производилъ опыты и при болѣе значительныхъ напряженіяхъ. Хотя онъ производилъ эти опыты при помощи мало надежнаго приѣма *счета* пузырьковъ, но въ этихъ широкихъ чертахъ результаты его опытовъ могутъ заслуживать довѣрія. Подвергая свою вѣточку *Elodea* дѣйствию свѣта сходящагося конуса лучей, онъ могъ опредѣлить вліяніе интенсивностей, *превышающихъ* непосредственную инсоляцію въ 2, 4, 8, 16 разъ, и не могъ замѣтить никакого повышенія химическаго дѣйствія: кривая переходила въ линію, параллельную абсциссѣ.

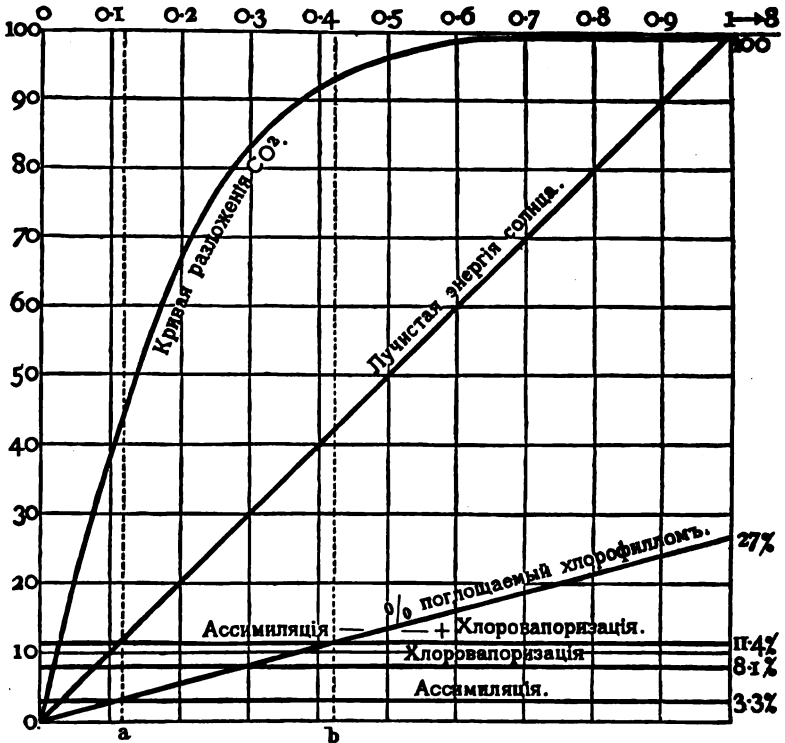
2. Максимальное дѣйствіе достигается при напряженіи приблизительно равномъ *половинѣ* напряженія солнечнаго луча, непосредственно падающаго на листъ въ нормальномъ направленіи.

3. До извѣстной степени напряженія, дѣйствіе можно считать пропорціональнымъ ему. Пройдя извѣстную точку (указанную въ фиг. 21) дальнѣйшее, возрастаніе напряженія не сопровождается приростомъ химическаго дѣйствія.

Мы должны теперь попытаться найти объясненіе для общей формы этой кривой. Но, прежде чѣмъ перейти къ ея обсужденію, еще нужно коснуться одного соображенія касательно другой формы работы, производимой лучистой энергіей въ листѣ. Визнеръ поставилъ внѣ сомнѣнія, что значительная часть испаренія воды, происходящаго въ зеленомъ листѣ, совершается на счетъ лучистой энергіи, поглощаемой хлорофилемъ. Эту долю общаго процесса было предложено обозначить терминомъ *хлоровапоризации*. Мой старый другъ, покойный профессоръ Дегеренъ, открылъ весьма любопытный фактъ, позднѣе подтвержденный профессоромъ Зорауеромъ и особенно Жюмелемъ—именно, что двѣ важнѣйшія функціи листа—усвоеніе углерода и хлоровапоризація—въ извѣстномъ смыслѣ взаимнодополнительны; испареніе воды падаетъ въ присутствіи угольнаго ангидрида. Эта связь представлялась бы совершенно естественной—разъ что тотъ же источникъ энергіи распределяется между двумя процессами—если бъ мы не знали, какъ великъ избытокъ солнечной энергіи, выпадающій на поверхность листа. Но теперь, когда мы знаемъ ту долю полной солнечной радіаціи, которая поглощается листомъ, мы можемъ попытаться въ общихъ чертахъ сравнить это количество лучистой энергіи, поглощаемой листомъ съ тѣмъ, которое затрачивается на двойную работу: на химическій процессъ усвоенія углерода и на физическій процессъ хлоровапоризаціи.

Мы видѣли, что поглощеніе хлорофилемъ одного листа достигаетъ 27% падающей на него лучистой энергіи (наклонная черта)

солнца. Мы видѣли, что максимальный экономическій коэффициентъ при усвоеніи углерода въ нашемъ случаѣ достигалъ (нижняя горизонтальная черта) 3,3%. Но сверхъ этого процесса, въ листѣ совершается физическій процессъ хлоровапоризаціи. Въ 1894 году я сдѣлалъ рядъ опредѣленій количества воды, испаряемой листьями при тѣхъ же условіяхъ, т.-е. въ тѣхъ же плоскихъ трубкахъ надъ ртутью. При данныхъ условіяхъ опыта—испареніи въ замкнутыхъ сосудахъ и насыщенной атмосферѣ—можно быть увѣреннымъ, что

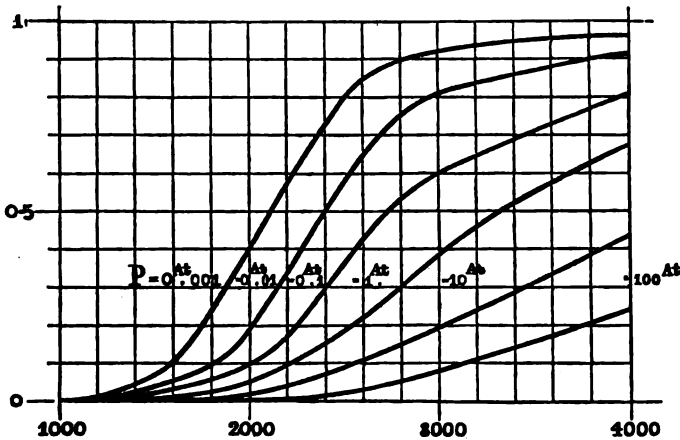

Фиг. 21. Диссоциация CO_2 въ листѣ.

большая часть явления должна быть приписана хлоровапоризаціи¹⁾. Черта (вторая горизонтальная) изображаетъ затрату лучистой энергии на процессъ хлоровапоризаціи (выраженную, какъ и въ предшествовавшихъ случаяхъ, въ процентахъ прямой инсоляціи). Эта затрата въ среднихъ цифрахъ достигаетъ 8%. Наконецъ третья черта представляетъ сумму затратъ на работу, происходящую въ листѣ, какъ

¹⁾ Позднѣе я сдѣлалъ нѣсколько сравнительныхъ опытовъ надъ зеленой и бѣлой частью того же листа пестролистого *Aspidistra*, но количества данныхъ еще не достаточно для правильнаго вывода.

химическую, такъ и физическую, приблизительно = 11%. Эта черта въ известной точкѣ (б) пересѣчетъ линію доступной листу, поглощаемой имъ энергіи. Начиная съ этой точки (влѣво), вся доступная листу энергія будетъ превращаться въ работу, и слѣдовательно два процесса: химическій и физическій, будутъ находиться въ антагонизмѣ, какъ это обнаружено Дегереномъ. Пройдя эту точку (влѣво), а конечно, и ранѣе ея, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ экономическій коэффициентъ не можетъ достигать 100%, листъ уже не будетъ получать лучистую энергію въ количествѣ, достаточномъ для поддержанія обоихъ процессовъ при ихъ максимумѣ, и кривая химическаго процесса, которую мы разсматриваемъ, должна быстро падать. Въ этой второй точкѣ (а) доступной хлорофилу энергіи уже не бу-

Фиг. 22. Диссоціація Co^2 (по Лешателье).

детъ достаточно для поддержанія при его максимумѣ даже одного процесса усвоенія углерода. Этихъ соображеній, я полагаю, достаточно для объясненія первой (лѣвой) половины нашей кривой.

Я могу добавить, что эти результаты вполне согласны съ позднѣйшими превосходными опытами Г. Брауна и Ескомба. При непосредственномъ солнечномъ свѣтѣ экономическій коэффициентъ у нихъ былъ 27%. Когда напряжение падало до одной десятой, экономическій коэффициентъ возросъ до 95% или почти вся доступная энергія превращалась въ работу.

Слѣдующій вопросъ, который намъ предстоитъ разъяснить, — причина той формы, которую кривая принимаетъ въ своей верхней части, представляется болѣе загадочнымъ. Конечно, простѣйшее объясненіе для такого теченія химическаго процесса заключалось бы въ предположеніи, что, начиная съ известной точки, лучистая энер-

гія, падаючая на листь, будзець въ избыткѣ. Но можно ли допустить, что солнечная энергія можетъ быть въ избыткѣ, помня, какой скромной цифрой выражается экономическій коэффициентъ химической работы?

Очень часто можно слышать мнѣніе, что химическій процессъ, совершающійся въ зеленомъ листь, представляется парадоксальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ совершается при обыкновенной температурѣ, между тѣмъ какъ химическое явленіе, лежащее въ его основѣ—диссоціація угольнаго ангидрида—можетъ быть воспроизведено въ нашихъ лабораторіяхъ лишь при очень высокихъ температурахъ, измѣряющихся тысячами градусовъ. Вотъ діаграмма (фиг. 22). Лешателье, изображающая ходъ диссоціаціи угольнаго ангидрида въ зависимости отъ температуры и давленія. Но этотъ парадоксъ, конечно, только кажущійся, и, если я не ошибаюсь, еще графъ Румфордъ показалъ, какимъ образомъ то, что онъ называлъ «химическимъ свойствомъ свѣта», можетъ быть сведено къ дѣйствию вызываемой имъ высокой температуры. Въ его мемуарѣ *Исслѣдованіе химическихъ свойствъ, приписываемыхъ свѣту*, мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «теплота, вызываемая поглощеніемъ лучей свѣта, должна по необходимости существовать, по крайней мѣрѣ въ моментъ ея появленія, въ почти безконечно малыхъ пространствахъ, а отсюда вытекаетъ, что только въ тѣлахъ, которыя *немыслимо малы*, можетъ она вызывать *прочныя дѣйствія* (durable effects), сколько-нибудь соответствующія ея высокому напряженію». Еще ранѣе, въ мемуарѣ *О распространеніи тепла въ жидкостяхъ*, графъ Румфордъ примѣняетъ этотъ принципъ *малыхъ пространствъ*, т.-е. малой сферы дѣйствія, которой ограничивается фотохимическое дѣйствіе, и къ занимающему насъ случаю. Вотъ его слова: «не можетъ ли наша гипотеза относительно высокаго напряженія тепла, развивающагося тамъ, гдѣ свѣтъ задерживается... помочь намъ въ объясненіи того образованія чистаго воздуха (pure air), которое обнаруживается въ великолѣпныхъ опытахъ д-ра Ингенгуза, когда зеленые листья живыхъ растений, погруженные въ воду, подвергались дѣйствию солнечныхъ лучей».

Подъ *малыми пространствами* графъ Румфордъ, вѣроятно, разумѣлъ пространства молекулярныя, но мнѣ представлялось, что было бы интересно провѣрить его гипотезу и болѣе грубымъ, приблизительнымъ путемъ. Теперь, когда мы увѣрены, что явленіе совершается въ хлоропластѣ и зависитъ только отъ тѣхъ лучей, которые поглощаются хлорофиломъ, мы можемъ попытаться получить приблизительное представленіе о сферѣ дѣйствія солнечныхъ лучей и объ интенсивности этого дѣйствія. Необходимыя данныя для этого

вычисленія будутъ слѣдующія: общее количество лучистой энергіи, измѣряемое пиргелиометромъ; общая площадь, ограниченная кривою Ланглея, показывающею распределеніе энергіи въ спектрѣ; часть этой площади, соответствующую шаяспектру поглощенія отдѣльнаго хлоропласта, и наконецъ толщина слоя красящаго вещества въ этомъ хлоропластѣ.

Общее количество солнечной энергіи установлено довольно согласными данными Крова, Ланглея и Савельева. Мнѣ также приходилось дѣлать наблюденія съ переноснымъ актинометромъ Крова. Я полагаю, мы будемъ всего ближе къ истинѣ, принявъ цифру 1,3 калоріи на квадратный сантиметръ въ минуту.

Часть энергіи, соответствующая поглощенію отдѣльнымъ хлоропластомъ, была опредѣлена слѣдующимъ образомъ. Сорби-Браунинговскій микроспектроскопъ былъ примѣненъ какъ простой колориметръ (т.-е. безъ призмы) для полученія раствора хлорофила той же концентраціи, какъ въ хлоропластѣ ¹⁾. Этотъ растворъ былъ изслѣдованъ при помощи спектрофотометра Дарзонваля.

Касательно послѣдняго пункта—толщины слоя красящаго вещества—мнѣ приходится стать въ разрѣзъ съ ходячими идеями, распространенными между физиологами. Обыкновенно принимаютъ, что зеленое вещество распределено во всемъ протопластѣ. Но уже много лѣтъ тому назадъ Негели, при помощи слѣдующаго простаго наблюденія, показалъ, что оно ограничивается его поверхностью. Если на микроскопическій препаратъ, заключающій хлорофилловыя зерна (Негели наблюдалъ зерна *Clivia* и *Aspidistra*) подѣйствовать водой, то они лопаются и зеленая оболочка или шелуха принимаетъ чаще всего форму двухъ створокъ. Я неоднократно повторялъ наблюденіе Негели надъ хлоропластами *Fajus*, болѣе удобными вслѣдствіе ихъ значительныхъ размѣровъ. Освобожденные изъ клѣточекъ хлоропласты разсматриваются въ сахарномъ растворѣ такой концентраціи, въ которой они нисколько не измѣняются. При разбавленіи раствора водой наступаетъ моментъ, когда зерна лопаются. Прибавляя въ этотъ моментъ раствора мѣднаго купороса, можно задержать ихъ въ этой стадіи, и если еще прибавить эозина, то получаютъ очень изящные препараты, напоминающіе почку розоваго мака съ ея двустворчатой чашечкой. Другой способъ для изученія распределенія красящаго вещества въ зернѣ заключается въ наблюденіи его въ красномъ свѣтѣ; тогда можно замѣтить, что такъ называемыя

¹⁾ Въ дѣйствительности былъ взятъ растворъ половинной концентраціи; причина, почему я такъ поступилъ, выяснится ниже, когда будетъ рѣчь о строеніи хлоропласта.

стапа выступают въ видѣ черныхъ точекъ, распредѣляющихся тонкимъ слоемъ на поверхности.

Если мы желаемъ примѣрно оцѣнить толщину этой цвѣтной пленки—строгое измѣреніе конечно здѣсь невозможно—то получаемъ величину приблизительно въ $\frac{1}{10}$ микрона.

Вооружившись всѣми этими необходимыми данными, мы можемъ наконецъ получить приблизительное представленіе о температурѣ, которая могла бы быть достигнута въ этомъ слоѣ хлорофилового пигмента, предполагая, конечно, что вся эта лучистая энергія могла бы накопляться безъ обратнаго излученія. Мы получаемъ поразительную цифру—около 6000°!

Я знаю изъ собственнаго опыта, какъ трудно свыкнуться съ такими цифрами. Но нѣкоторыя аналогіи намъ въ этомъ помогутъ. Когда мы ударяемъ сталью о кремень въ отвѣсномъ направленіи, мы конечно достигаемъ только незначительнаго повышенія температуры, но если искуснымъ ударомъ по касательной мы сосредоточиваемъ всю затраченную энергію на небольшомъ отскакивающемъ осколкѣ, мы доводимъ его до бѣлаго каленія. Или остановимся на аналогіи, болѣе близкой къ нашему случаю: при помощи собирательнаго стекла мы получаемъ на солнцѣ температуры въ тысячи градусовъ, какъ это было недавно осуществлено профессоромъ Церасскимъ. Въ этомъ случаѣ мы концентрируемъ солнечный свѣтъ въ плоскости, вертикальной къ направленію луча, но мы можемъ сдѣлать то же самое и по третьей оси, т.-е. въ направленіи самаго луча, уменьшая толщину поглощающаго свѣтъ слоя. Было вычислено, что платиновая (вычерненная) пластинка не толще $\frac{1}{500}$ милиметра, будучи выставлена на солнечный свѣтъ могла бы расплавиться—понятно все въ томъ же предположеніи, что могло бы быть устранено обратное излученіе. Да и на практикѣ увеличеніе чувствительности современныхъ термоскопическихъ приборовъ (болометра, термоэлектрическаго столбика Рубенса и пр.) основано на уменьшеніи толщины воспринимающихъ лучи металлическихъ частей. Мнѣ кажется, что и на этотъ разъ можно повторить остроумныя слова Г. Брауна: мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что растеніе обладаетъ гораздо болѣе основательными свѣдѣніями по физикѣ, чѣмъ мы готовы допустить.

Конечно, объ этихъ высокихъ температурахъ, какъ таковыхъ, не можетъ быть и рѣчи, и если я настаиваю на этомъ термометрическомъ сравненіи для разъясненія дѣйствія той лучистой энергіи, которая накопляется въ такое короткое время въ такомъ ничтожномъ пространствѣ, то лишь съ цѣлью показать несостоятельность выше приведеннаго парадокса и указать на аналогію съ процессомъ

диссоціаці, такъ превосходно изученнымъ химиками. Въ дѣйствительности мы, вѣроятно, имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ, обратнымъ тому, который Видеманъ назвалъ *хеми-люминесценціей*, т.-е. съ прямымъ переходомъ лучистой энергіи въ химическую работу безъ промежуточной, хотя бы скоропреходящей стадіи высокой температуры. Такимъ путемъ легко объяснился бы кумулирующій, интегрирующій характеръ фото-химическихъ процессовъ. Въ отсутствіи угольного ангидрида, лучистая энергія, не превращающаяся непосредственно въ химическую работу, проявляется какъ теплота, ускоряющая процессъ хлоровапоризаціи.

Возвращаясь къ нашей кривой, изображающей связь между напряженіемъ свѣта и количествами диссоціированнаго въ листѣ угольного ангидрида и сравнивая ее съ диссоціаціонной кривой Лешателье, мы, можетъ быть, въ правѣ приписать ихъ бросающееся въ глаза сходство той же причинѣ. Не можемъ ли мы допустить, что въ извѣстной точкѣ, гдѣ кривая принимаетъ горизонтальное направленіе, температура хлорофилловой пленки — позволяю себя ради аналогіи еще разъ прибѣгнуть къ этому термину — напряженіе энергіи, накопляющейся въ такомъ маломъ пространствѣ, такъ высоко, что диссоціація угольного ангидрида (при данномъ парціальномъ давленіи) будетъ *полная*. Понятно, что пройдя эту точку, никакое дальнѣйшее повышеніе температуры не будетъ уже оказывать вліянія на химическій процессъ, и кривая получитъ направленіе, параллельное абсциссѣ.

Конечно, я не утверждаю, что обѣ цифры вполне совпадаютъ (у меня половина 6000° , т.-е. приблизительно 3000°), но во всякомъ случаѣ это величины одного порядка. Какъ бы то ни было, мы должны допустить, что въ тонкой плѣнкѣ хлорофила, въ которой осуществляются условія, тождественныя съ дѣйствіемъ очень высокой температуры, между тѣмъ какъ окружающая среда остается холодной, частицы угольного ангидрида находятся въ состояніи, особенно благоприятномъ для ихъ диссоціаціи, очень сходномъ съ тѣмъ, которое наблюдается въ классической *tube chaud et froid* Ганри Сентъ-Клеръ Девиля.

Эти соображенія касательно крайней тонины слоя хлорофилловой пленки приводятъ и къ иного рода соображеніямъ, значеніе которыхъ нельзя не отмѣтить. Мы въ первый разъ получаемъ хотя бы приблизительное представленіе о степени концентраціи красящаго вещества въ хлоропластѣ. Если принять за единицу концентрацію раствора, представляющаго въ толщинѣ 1 с. м. типическую изумрудно-зеленую окраску и характеристическій спектръ (съ 4 полосоми), то придемъ къ довольно неожиданному заключенію, что въ

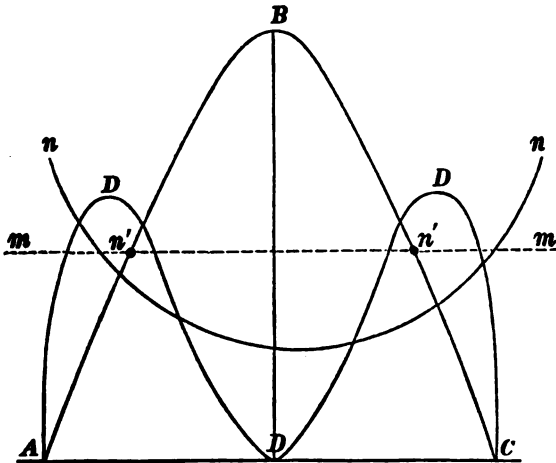

естественномъ состояніи въ хлоропластѣ концентрація пигмента будетъ приблизительно въ 4000 разъ болѣе. Практически это будетъ почти твердое состояніе, и поверхностный цвѣтъ его будетъ почти черный. Изъ этого факта можно сдѣлать два немаловажные вывода. Во-первыхъ, получается объясненіе для почти полного отсутствія флуоресценціи, которымъ отличаются живые зеленые органы. Изъ обстоятельнаго изслѣдованія Вальтера вытекаетъ, что флуоресценція быстро падаетъ съ концентраціей раствора. Если принять во вниманіе состояніе концентраціи хлорофила въ хлоропластѣ, то можно себѣ объяснить это отсутствіе флуоресценціи и въ то же время должно допустить, что химическій процессъ, совершающійся въ хлорофилѣ, будетъ тѣмъ болѣе энергиченъ, чѣмъ слабѣе флуоресценція, такъ какъ извѣстенъ фактъ, что растворы хлорофила, представляющіе наименьшую флуоресценцію, всего легче обезцвѣчиваются при выставленіи на свѣтъ.

Другой выводъ, пожалуй, еще болѣе существенъ. Неоднократно повторялась мысль, что хлорофилъ, извлеченный изъ растенія, утрачиваетъ свою способность разлагать угольный ангидридъ, въ подтвержденіе чего приводились опыты въ которыхъ растворъ хлорофила, выставленный на свѣтъ въ прикосновеніе съ угольнымъ ангидридомъ не разлагалъ его. Теперь мы видимъ, что всѣ эти опыты лишены убѣдительной силы, такъ какъ условія совсѣмъ не тѣ, что въ хлоропластѣ. Все равно, какъ если бы мы желали опредѣлить поглощеніе свѣта сажей и взяли для этого не чистую сажу, а смѣсь одной ея части и 4000 частей окиси цинка. Хлорофилъ, собственно говоря, почти черное тѣло, и если мы его называемъ зеленымъ, то приблизительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы пожалуй могли бы назвать сажу желто-бурой, такъ какъ въ тонкомъ слоѣ она дѣйствительно такого цвѣта. Въ растворахъ хлорофила, которые употреблялись до сихъ поръ, то же количество энергіи, которое въ хлоропластѣ сосредоточено въ тонкой пленкѣ, распределено въ слоѣ жидкости, толщина котораго въ тысячи разъ болѣе. Я не хочу этимъ сказать, что опыты съ хлорофиломъ въ состояніи большой концентраціи *должны* дать положительные результаты, но онъ *можетъ* ихъ дать и во всякомъ случаѣ обратное не доказано. По крайней мѣрѣ я не вижу, почему хлорофилъ сохраняетъ свое дѣйствіе какъ сенсibilизаторъ на Ag Cl и Ag Br, а долженъ утратить это свойство по отношенію къ угольному ангидриду—различіе двухъ явленій, конечно, только количественное, а не качественное.

Прежде чѣмъ покинуть обсужденіе этой кривой, я желалъ бы указать на нѣкоторые выводы, которые можно сдѣлать изъ этого закона зависимости усвоенія углерода отъ напряженія свѣта въ

примѣненіи къ извѣстнымъ фактамъ, касающимся географическаго распредѣленія и біологическихъ особенностей растеній. Хорошо извѣстенъ фактъ, что въ высшихъ широтахъ растеніе требуетъ болѣе короткаго промежутка времени для достиженія извѣстныхъ стадій развитія, чѣмъ въ низшихъ широтахъ. Это обыкновенно приписываютъ большой продолжительности дня. Но вѣдь и солнце стоитъ тогда не такъ высоко, и до той поры пока предполагалось, что дѣйствіе свѣта пропорціонально его напряженію, это объясненіе было очевидно неудовлетворительно. Теперь, когда мы знаемъ, что только приблизительно половина непосредственной полуденной инсоляціи можетъ быть использована, мы можемъ легче понять, что болѣе долгій періодъ при менѣе значительной высотѣ солнца оказывается болѣе полезнымъ чѣмъ періодъ, болѣе короткій при болѣе высокомъ стояніи солнца.

Фиг. 23.

Мы въ правѣ сдѣлать еще шагъ далѣе и придти къ заключенію, что значительное напряженіе солнечныхъ лучей около полудня можетъ быть не только бесполезно для растенія въ отношеніи усвоенія углерода, но прямо вредно, какъ вызывающее усиленное испареніе, которое можетъ даже грозить самому существованію растенія въ періоды засухъ. Ботаникамъ хорошо знакомы самыя разнообразныя формы и движенія листьевъ, начиная съ пушистости верхней поверхности и оканчивая вертикальнымъ положеніемъ (ребромъ къ зениту) пластины, постояннымъ, какъ у растенія-компаса, или періодическимъ (около полудня), какъ у многочисленныхъ растеній, представляющихъ явленія дневного сна. Всѣ эти особенности справедливо рассматриваются, какъ приспособленія, сводяція къ минимуму

процессъ испаренія. Но можно было бы подумать, что эта экономія въ испареніи не можетъ быть осуществлена безъ соотвѣтственнаго ущерба для усвоенія углерода. Избѣгая жажды, растение будетъ страдать отъ голода. Теперь мы можемъ быть увѣрены, что на дѣлѣ этого не будетъ, такъ какъ уже половины полуденной инсоляціи достаточно для поддержанія максимальнаго питанія. Здѣсь мы имѣемъ дневную кривую инсоляціи въ калоріяхъ (по Крова), переведенную на горизонтальную поверхность обыкновеннаго листа, и двойную кривую, изображающую количество лучистой энергіи, доступную листу растенія компаса съ его пластинами, расположенными въ плоскости меридіана, ребромъ кверху (фиг. 23). Если мы припомнимъ вновь, что только половина эпергіи, доставляемая солнцемъ въ полдень, можетъ быть использована въ процессъ усвоенія углерода то легко усмотримъ, что площади $A. i. n. C.$ для горизонтальнаго и $A. D. D. C.$ для вертикальнаго листа мало одна отъ другой отличаются, между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ растеніе будетъ ограждено отъ зловреднаго дѣйствія большаго избытка лучистой энергіи въ часы, близкіе къ полудню, когда влажность атмосферы (кривая pp) наименьшая и слѣдовательно испареніе наиболѣе сильное.

Тѣ же соображенія примѣнимы и къ листьямъ, имѣющимъ бѣлое опушеніе на *верхней* поверхности которое можно уподобить матовому стеклу ¹⁾. До тѣхъ поръ пока этотъ экранъ не ослабляетъ напряженія свѣта ниже его половины около полудня (при нормальномъ направленіи луча), растеніе будетъ въ выгодѣ по отношенію къ испаренію—безъ ущерба для питанія.

Мы можемъ этимъ ограничить тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнія оптическихъ свойствъ хлорофила. Въ противность Саксу, мы въ правѣ сказать, что все, что намъ извѣстно о функціи хлорофила, можетъ быть выведено изъ его оптическихъ свойствъ, и этотъ выводъ вполне понятенъ, такъ какъ процессъ усвоенія углерода—въ то же время процессъ *усвоенія солнечнаго свѣта* ²⁾ Такимъ образомъ функція хлорофила можетъ быть по праву названа *космической функціей* растенія. Профессоръ Больцманъ, въ замѣчательной рѣчи, произнесенной въ Вѣнской академіи въ 1886 году, выра-

¹⁾ Опушеніе нижней поверхности служитъ только какъ средство для задержанія движеній воздуха а, можетъ быть, какъ „фонъ“, отражающій обратно лучи свѣта для ихъ вторичной химической утилизаци.

²⁾ *Объ усвоеніи свѣта растеніемъ*—такъ озаглавлена моя первая русская работа (1875)—совсѣмъ недавно я съ удовольствіемъ встрѣтилъ это выраженіе въ *Naturphilosophie* проф. Оствальда.

зиль эту мысль въ очень краснорѣчивой формѣ. «Всеобщая борьба за существованіе, охватывающая весь органическій міръ, не есть борьба за вещество: химическіе элементы органическаго вещества находятся въ избыткѣ въ воздухѣ, водѣ и землѣ; это также не борьба за энергію,—она, къ сожалѣнію, въ непревратимой формѣ, въ формѣ теплоты, щедро разсѣяна во всѣхъ тѣлахъ; это борьба за энтропію, становящуюся доступной при переходѣ энергіи отъ пылающаго солнца къ холодной землѣ. Для возможнаго использованія этого перехода развертываетъ растеніе неизмѣримую поверхность своихъ листьевъ и вынуждаетъ солнечную энергію, прежде чѣмъ она упадетъ до уровня температуры земли, вызывать, какими-то ближе не изслѣдованными путями, химическіе синтезы, еще невѣдомые нашимъ лабораторіямъ. Продукты этой-то химической кухни и составляютъ предметъ борьбы въ животномъ царствѣ». Съ такой точки зрѣнія, изслѣдованный нами вопросъ о космической роли растенія является какою-то пограничною областью между двумя великими научными обобщеніями прошлаго вѣка, связанными съ именами Лорда Кельвина и Чарлза Дарвина—между ученіемъ о разсѣяніи энергіи и ученіемъ о борьбѣ за существованіе. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія предъ памятью великаго ученаго вспоминаю я слова много лѣтъ тому назадъ слышанныя въ Даунѣ изъ устъ самого покойнаго Дарвина: «Хлорофилъ это, быть можетъ, самое интересное изъ органическихъ веществъ».

Если, такимъ образомъ, мы въ правѣ считать, что наши современные представленія о космической природѣ процесса, совершающагося въ зеленомъ растеніи, являются плодомъ блестящихъ завоеваній современной физики, то, съ другой стороны, только справедливо попытаться найти первыхъ пионеровъ этой важной научной идеи о связи между растительнымъ міромъ и солнцемъ, проявляющейся въ хлорофиловой функціи. Прежде всего нужно отдать полную справедливость Сенебье, вполне проникнувшемуся идеей объ этой удивительной связи. Но еще ранѣе этого заключенія, мы должны воздать должное одной научной теоріи, которая слишкомъ часто упоминается только какъ примѣръ аберации человѣческаго ума. Я разумю теорію флогистона. Конечно, можно было ожидать, что теорія, имѣвшая своими адептами такихъ ученыхъ, какъ Пристлей, какъ Кавендишъ, не могла быть просто признана абсурдомъ, и мы дѣйствительно знаемъ, что Гельмгольцъ и особенно Одингъ сдѣлали попытку ея реабилитаціи. Для того чтобы схватить истинный смыслъ этой знаменитой теоріи, мы должны только подставить вмѣсто этого злополучнаго слова «флогистонъ» болѣе привычное намъ выраженіе—потенціальная энергія, и мы увидимъ, какъ близки были основныя представленія защитни-

ковъ флогистона о занимающемъ насъ явленіи къ нашимъ современнымъ понятіямъ. Стоитъ остановиться на слѣдующихъ словахъ Сенебье; «Мнѣ кажется, что я вижу, какъ частицы свѣта соединяются съ тѣлами; я хотѣлъ бы думать, что этотъ свѣтъ вновь будетъ поражать мои взоры въ пламени горючихъ веществъ; мнѣ кажется, что онъ образуетъ эти смолы, съ которыми имѣетъ такъ много сродства, эти маслянистыя вещества, насыщенные его теплотой, его пламенемъ, эти спиртовыя частицы сѣмянъ и плодовъ, пропитанныя его огнемъ... Наконецъ: этотъ флогистонъ, который солнце отлагаетъ въ растеніи, не будетъ ли онъ источникомъ того, который обращается въ другихъ царствахъ природы?»

Когда ботаникъ-туристъ, посѣщающій женевскій ботаническій садъ, останавливается передъ рядомъ мраморныхъ бюстовъ знаменитыхъ ботаниковъ, уроженцевъ этого города, съ Сенебье на первомъ планѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что стоитъ при колыбели физиологической ботаники XIX вѣка, точно такъ же какъ въ наши дни, если бы онъ хотѣлъ увидать, откуда несомнѣнно начнется современное движеніе зарождающагося столѣтія онъ долженъ направить свои шаги въ другой ботаническій садъ, поближе къ намъ ¹⁾, и привѣтствовать въ Джодрельской лобораторіи новую точку отправленія по пути, впервые проложенному Сенебье и Соссюромъ.

Въ нашемъ историческомъ обзорѣ, мы должны однако отступить еще на одно столѣтіе. Сенебье, съ его обычной правдивостью, упоминаетъ автора, которому онъ самъ обязанъ своими основными представленіями о связи между свѣтомъ и веществомъ. Мы найдемъ эту мысль въ книгѣ, «написанной», какъ насъ увѣдомляетъ самъ авторъ, «по желанію нѣкоторыхъ членовъ королевскаго общества и читанной въ его засѣданіяхъ». Мы должны открыть «третью книгу» *Оптики* и прочесть «Вопросъ 30», начинающійся словами: «Не могутъ ли грубыя тѣла и свѣтъ взаимно превращаться и не могутъ ли тѣла получать значительную часть своей дѣятельности отъ частицъ свѣта, вошедшихъ въ ихъ составъ? Потому что всѣ горючія тѣла при нагрѣваніи выдѣляютъ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока остаются достаточно нагрѣтыми, и, наоборотъ, свѣтъ задерживается тѣлами, когда ударяется о ихъ частицы, какъ это было выше показано». Нѣсколькими строками далѣе, мы читаемъ снова: «Превращеніе тѣлъ въ свѣтъ и свѣта въ тѣла совершенно согласно съ общимъ порядкомъ природы, которая, повидимому, любитъ (*is delighted*) превращенія», и наконецъ, вслѣдъ за перечисленіемъ примѣровъ такихъ превращеній, слѣдуетъ заключеніе—«въ ряду такихъ разнообразныхъ

¹⁾ Ботаническій садъ Кью близъ Лондона.

и странныхъ превращеній почему бы природѣ не превращать тѣла въ свѣтъ и свѣтъ въ тѣла?»

Если, по прочтеніи этихъ строкъ, мы обратимся къ микроспектру и увидимъ, какъ хлорофилковыя зерна сохраняя свой обычный цвѣтъ и прозрачность въ желтыхъ и зеленыхъ частяхъ спектра, становятся черными какъ угольки при перемѣщеніи ихъ въ красную или синюю часть спектра, то можемъ быть увѣрены, послѣ всего, что было ранѣе сказано, что мы дѣйствительно присутствуемъ здѣсь при таинственномъ процессѣ «превращенія свѣта въ тѣла», благодаря которому этотъ ничтожный черный комочекъ вещества является истиннымъ звеномъ, соединяющимъ величественный взрывъ энергіи въ нашемъ центральномъ свѣтилѣ со всѣми многообразными проявленіями жизни на сбитаемой нами планетѣ.

Призма болѣе чѣмъ два вѣка тому назадъ раскрыла природу солнечнаго луча. Призма же, у насъ на глазахъ, въ рукахъ нашего предсѣдателя ¹⁾, сэра Нормана Локіера и другихъ искусныхъ изслѣдователей, продолжаетъ раскрывать тайну происхожденія этого луча, и я убѣжденъ, что опять та же призма раскроетъ и конечную судьбу этого луча здѣсь на землѣ — его «превращеніе въ тѣла».

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ окончательному выводу, что въ этой книгѣ *Оптики* мы встрѣчаемъ не только первую и самую широкую постановку занимающей насъ задачи, но и вѣрное средство для ея разрѣшенія.

Не гадалъ Джонатанъ Свифтъ, когда строчилъ свою ядовитую сатиру на королевское общество ²⁾, что то, что ему представлялось очевиднымъ бредомъ сумасшедшаго, оказалось пророческимъ откровеніемъ безсмертнаго генія Ньютона.

Н. Тимирязевъ.

¹⁾ Сэръ Вильяма Гуттинса, справедливо считающагося пионеромъ астрономической спектроскопій.

²⁾ Известно, что подъ академіей въ Лагадо Свифтъ разумѣлъ королевское общество.

Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства.

ВВЕДЕНІЕ.

Задачи и методы науки всеобщей исторіи.

I.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, всякимъ, занимающимся или просто интересующимся всеобщей исторіей, ощущается потребность дать себѣ по возможности опредѣленный и ясный отвѣтъ на вопросъ о задачахъ и методахъ этой науки и о ея мѣстѣ среди другихъ общественныхъ дисциплинъ. Изученіе общества идетъ такими разнообразными путями, общественнѣдніе дробится на такую массу научныхъ вѣтвей, что невольно является сомнѣніе: не простой ли это анахронизмъ, не характерное ли это «переживаніе», не показатель ли это упрямаго научнаго старовѣрства, не желающаго считаться съ истинными, всѣмъ ходомъ научной жизни опредѣляемыми тенденціями науки въ ея естественномъ, нормальномъ развитіи, — сама эта мысль о всеобщей исторіи, какъ объ особой наукѣ, вѣдающей историческія судьбы человѣческихъ обществъ? Съ другой стороны, для тѣхъ, кто не сомнѣвается въ правахъ всеобщей исторіи на существованіе, съ самымъ терминомъ «всеобщая исторія» соединяется далеко не одинаковое для всѣхъ представленіе: въ то время, какъ одни всеобщіе историки стараются окончательно порвать съ философскими традиціями «всемирной исторіи», съ ея пророческимъ тономъ и эстетическими и моральными тенденціями и поставить свою науку на почву сравнительнаго изученія историческаго процесса во всей пестротѣ и жизненномъ многообразіи его конкретныхъ проявленій съ цѣлью выясненія законовъ развитія человѣческаго общества, другіе все еще отстаиваютъ всемирно-историческую точку зрѣнія, стараясь подкрѣпить ее новыми, болѣе научными, аргументами

и не замѣчая того, что, отказываясь отъ философскихъ представлений и вѣрованій, когда-то создавшихъ всемірно-историческую концепцію, они въ корнѣ подрываютъ ея основу, которую совсѣмъ не могутъ замѣнить предлагаемые ими новые аргументы, къ тому же весьма далекіе отъ научной неуязвимости. Прибавимъ къ этому, что начавшаяся въ самое послѣднее время энергичная работа философско-критическаго пересмотра основныхъ историческихъ (соціологическихъ) понятій, въ значительной мѣрѣ вызванная недавними и еще и до сихъ поръ не замолкнувшими спорами матеріалистовъ и идеологовъ и обещающая очень цѣнные результаты для общественной философіи и науки, да уже и теперь оказывающая свое освѣжающее и оздоравливающее вліяніе на научную атмосферу, успѣла уже поколебать не мало общепризнанныхъ воззрѣній и давно утвердившихся въ исторической наукѣ рубрикъ, схемъ и классификацій, показавъ всю ихъ, въ лучшемъ случаѣ, поверхностность и наивную (въ философскомъ смыслѣ) субъективность, и поставила рядъ вопросовъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ царилъ догматическая увѣренность и опредѣленность.

При такихъ условіяхъ у историка, выступающаго передъ читателями съ попыткой въ рядѣ очерковъ воспроизвести рядъ явленій и процессовъ, обыкновенно относимыхъ къ основному содержанию всеобщей исторіи, является настоятельная необходимость объясниться съ читателемъ относительно общихъ точекъ зрѣнія, подъ угломъ которыхъ онъ разсматриваетъ эти явленія и процессы, и этимъ предотвратить всякія возможные недоразумѣнія.

Самый фактъ не прекращающагося дробленія общественной науки на рядъ все болѣе и болѣе обособляющихся дисциплинъ, специально изучающихъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, едва ли, на нашъ взглядъ, можетъ быть признанъ по существу рѣшающимъ аргументомъ противъ мысли о цѣлостномъ, синтетическомъ пониманіи общественнаго процесса. Чисто научная, соціологическая постановка этихъ специальныхъ общественныхъ дисциплинъ, видящая въ объектахъ этихъ послѣднихъ лишь отдѣльныя стороны единаго цѣлаго, тѣсно, органически связанна другъ съ другомъ и представляющія каждая лишь продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, исходятъ, какъ видимъ, изъ этого понятія объ историческомъ процессѣ какъ объ единомъ цѣломъ и въ этомъ понятіи черпаетъ свой научный смыслъ и резонъ. Понятіе это вовсе не метафизическій предразсудокъ, унаслѣдованный отъ эпохи господства апіоризма въ общественной наукѣ. Чисто индуктивное изслѣдованіе отдѣльныхъ явленій и процессовъ, совершающихся внутри человеческихъ обществъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ ихъ

развитія, не только не подрываетъ этого понятія, но лишь все болѣе и болѣе подкрѣпляетъ и углубляетъ его болѣе и болѣе конкретными аргументами, все болѣе и болѣе осязательно обнаруживая тѣсную, чисто органическую связь, соединяющую самыя различныя стороны эволюционирующей общественной жизни. Эта идея объ историческомъ процессѣ (совершающемся въ каждомъ человѣческомъ обществѣ), какъ о единомъ цѣломъ, какъ о живомъ синтезѣ цѣлаго ряда переплетающихся, другъ друга обуславливающихъ эволюцій, представляетъ собою, можно сказать, центральную идею современной общественной науки, опредѣляющую и содержаніе этой послѣдней, и методъ, и мы позволяемъ себѣ утверждать, что будущіе успѣхи общественной науки во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ найдутся въ прямой зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ эта идея будетъ усвоена научнымъ сознаниемъ во всей глубинѣ и широтѣ ея научнаго смысла и значенія. Въ этомъ случаѣ чисто опытное знаніе оказывается вполне солидарнымъ съ запросами чисто теоретической мысли въ ея стремленіи къ синтетическому пониманію явленій, и мы склонны думать, что теорія историческаго познанія, постепенно на нашихъ глазахъ превращающаяся изъ научно-философской проблемы въ строго научную дисциплину, навѣрное внесетъ много поправокъ въ это наше соціологическое пониманіе историческаго процесса, весьма возможно, перестроитъ его совсѣмъ по-иному, предварительно указавъ въ немъ много некритическихъ элементовъ, но едва ли разрушитъ его какъ чистѣйшую иллюзію нашей по существу субъективной мысли.

Только что охарактеризованное нами соціологическое понятіе историческаго процесса, совершающагося внутри cadaго человѣческаго общества, сообщая чисто научную постановку отдѣльнымъ общественнымъ дисциплинамъ, изучающимъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, ставить въ то же время передъ научнымъ сознаниемъ и проблему синтетическаго пониманія общественнаго процесса, пониманія его какъ живого цѣлаго и выясненія основныхъ формъ, которыя онъ вырабатываетъ, главныхъ фазисовъ, черезъ которые проходитъ общественное развитіе, тѣхъ законовъ, по которымъ совершается это развитіе, и поскольку мы приближаемся къ правильной, вполне научной постановкѣ этой проблемы и къ ея строго методическому рѣшенію, постольку мы и создаемъ настоящую общественную науку, изучающую эволюцію человѣческаго общества и ея законы. Есть ли это отдѣльная общественная дисциплина, отличная отъ другихъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, отдѣльныя эволюціи, изъ сложной совокупности которыхъ состоитъ общественный про-

цессъ? Можно ли признать это возсозданіе мыслью, это конструированіе общественнаго процесса изъ массы явленій, въ свою очередь слагаемыхъ мыслью въ эволюціонные ряды, можно ли признать эту творческую работу и непосредственно слѣдующую за ней работу выясненія самаго существа общественнаго процесса и законовъ, по которымъ онъ развивается, содержаніемъ особой научной дисциплины? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что всякая попытка выдѣлить эту научную работу въ особую научную область съ опредѣленно обозначенными границами будетъ страдать значительной долей искусственности, что содержаніе этой науки выйдетъ изъ искусственныхъ предѣловъ и разольется по всѣмъ другимъ спеціальнымъ общественнымъ дисциплинамъ, изучающимъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, отдѣльныя эволюціи, что и возсозданіе общественнаго процесса, и выясненіе законовъ его развитія, — это та общая задача, надъ разрѣшеніемъ которой работаютъ совмѣстно всѣ отдѣльныя общественныя дисциплины, та общая цѣль, которая служитъ путеводною звѣздой для всѣхъ и каждой изъ нихъ и имманентна каждой изъ нихъ? Не болѣе ли, слѣдовательно, будетъ согласно съ логикой и психологіей научной работы видѣть единственно правильный путь къ возсозданію общественнаго процесса и къ выясненію его законовъ въ чисто научной, соціологической постановкѣ отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ различныя отдѣльныя стороны общественнаго процесса? Мы склонны думать, что это единственно правильный нуть, и что этимъ путемъ и идетъ общественная наука, поскольку она приводитъ къ дѣйствительно научнымъ результатамъ. Мы твердо увѣрены, что, *исполнъ сознательно ставъ на соціологическую точку зрѣнія*, какъ въ смыслѣ пониманія каждаго изъ общественныхъ явленій какъ сложнѣйшаго продукта всего общественнаго процесса, такъ и въ смыслѣ конечной цѣли, направляющей всякое спеціальное изысканіе и заключающейся въ возсозданіи общественнаго процесса и въ выясненіи законовъ его развитія, отдѣльныя общественныя дисциплины и приведутъ къ этой конечной цѣли. Повторяемъ, эта конечная цѣль должна быть присуща каждому отдѣльному изысканію, она направляетъ его и даетъ ему смыслъ. И нельзя представлять себѣ, будто достиженіе этой конечной цѣли есть дѣло отдаленнаго будущаго. Такое представленіе не согласно съ истиннымъ характеромъ научнаго творчества, въ которомъ отдѣльные моменты далеко не такъ разграничены и обособлены, какъ склонны думать обыкновенно. Поскольку спеціальная работа отправляется отъ мысли объ общественномъ процессѣ, какъ о единомъ цѣломъ, всѣ стороны котораго органически связаны другъ съ другомъ, она непременно уже и непосред-

ственно даетъ въ той или иной мѣрѣ общій выводъ, который немедленно же вступаетъ въ научный оборотъ и самъ является импульсомъ для дальнѣйшихъ работъ и для дальнѣйшихъ выводовъ. Абстрактная и конкретная стороны въ научной работѣ тѣсно переплетены между собою, и выдѣлить эти два ея момента можно, лишь анализируя ее со стороны.

Чтобы быть реальной наукой, общественная наука (развѣтвляющаяся на цѣлый рядъ специальныхъ общественныхъ дисциплинъ, объединяющихся на общей почвѣ социологическаго пониманія своихъ специальныхъ, частныхъ задачъ) должна отправляться отъ общественныхъ реальностей, должна изучать дѣйствительно существовавшія и существующія конкретныя человѣческія общества въ ихъ историческомъ развитіи. Матеріалъ ея такимъ образомъ совершенно конкретенъ. Только тщательное, всестороннее выясненіе общественнаго процесса, какъ онъ развивался въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ человѣческомъ обществѣ со всѣми его индивидуальными особенностями, можетъ дать намъ возможность понять общественный процессъ *in abstracto*, конструировать его социологически и выяснить фазисы и законы его развитія. Увѣренность въ этой возможности даетъ намъ вполне доказанный фактъ сходства основныхъ процессовъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ человѣческихъ обществахъ въ ихъ историческомъ развитіи, и общественныхъ формъ, которыя этими процессами вырабатываются. Изучая рядъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, мы изучаемъ рядъ сходныхъ процессовъ, рядъ варіацій на общія темы, и это даетъ намъ основаніе думать, что это изученіе дастъ намъ возможность конструировать, воссоздать эти общія темы, понять тѣ основные элементы, изъ которыхъ складывается всякая общественная реальность, и тѣ тенденціи, которыя присущи этимъ элементамъ въ ихъ основныхъ комбинаціяхъ, уразумѣть историческій (общественный) процессъ въ его существѣ и законы его развитія, понять ту связь, которая существуетъ между всѣми сторонами историческаго процесса. Такимъ образомъ, общественная наука, стремящаяся къ уразумѣнію историческаго (общественнаго) процесса и его законовъ, во-первыхъ, является исторіей и, во-вторыхъ, становится по необходимости на почву сравнительнаго, сравнительно-историческаго изученія. Чтобы понять социологически такое, напримѣръ, явленіе (вѣрнѣе — комплексъ явленій), какъ феодализмъ, нельзя ограничиться изученіемъ его во Франціи или въ Англіи; для этого необходимо изучить его въ цѣломъ рядѣ обществъ, въ каждомъ изъ которыхъ феодализмъ развивался въ той или иной мѣрѣ своеобразно, въ зависимости отъ той или иной индивидуальной комбинаціи общихъ условій, необхо-

димыхъ для его возникновенія; въ одномъ обществѣ болѣе опредѣленно выступала одна его сторона, въ другомъ—другая, и только сравнительное изученіе его въ рядѣ такихъ обществъ даетъ намъ возможность въ равной мѣрѣ освѣтить всѣ его стороны какъ извѣстной общественной формы, съ необходимостью возникающей и развивающейся въ человѣческомъ обществѣ при наличности извѣстныхъ общихъ условій. Такое сравнительное изученіе необходимо не только для выясненія феодализма (какъ и всякаго другого общественнаго явленія) вообще, феодализма *in abstracto*. Оно въ равной мѣрѣ необходимо и при выясненіи феодальнаго процесса и его формъ и въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ. Англійскій, напримѣръ, феодализмъ не будетъ понятенъ во всемъ своемъ своеобразіи, если мы не сопоставимъ его съ французскимъ, нѣмецкимъ и всякимъ другимъ феодализмомъ. Чтобы быть вполне плодотворнымъ, сравнительное изученіе должно быть далекимъ отъ поверхностнаго сопоставленія сходныхъ явленій; оно должно идти рука объ руку съ самымъ тщательнымъ изученіемъ каждаго изъ сравниваемыхъ явленій во всей индивидуальности его конкретнаго бытія, въ контекстѣ тѣхъ специальныхъ условій, которыя породили каждое изъ этихъ явленій. Только при такомъ щепетильно внимательномъ отношеніи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ сравниваемыхъ явленій мы можемъ надѣяться понять и то общее, что скрывается за индивидуальнымъ, по варіаціямъ возсоздать общую тему. Такимъ образомъ, общественная наука, ставящая себѣ основную социологическую цѣль—выясненіе общественнаго процесса, его фазисовъ, формъ и законовъ, общественнаго процесса, понимаемаго какъ единое цѣлое, какъ живой синтезъ цѣлаго ряда переплетающихся эволюцій—и стремящаяся быть наукой реальной, отправляющейся отъ данныхъ дѣйствительности и пытающейся понять историческій (общественный) процессъ, какъ онъ совершался и совершается въ дѣйствительно существовавшихъ и существующихъ человѣческихъ обществахъ, по необходимости должна быть исторической наукой, — наукой, изучающей рядъ сходныхъ процессовъ, рядъ конкретныхъ человѣческихъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, должна быть всеобщей исторіей. По своимъ основнымъ цѣлямъ и задачамъ наука абстрактная, по своему матеріалу она наука вполне конкретная, распадающаяся на рядъ отдѣльныхъ, не рѣдко крайне специальныхъ дисциплинъ, изслѣдующихъ тѣ или инныя отдѣльныя стороны историческаго (общественнаго) процесса, но объединяемыхъ общей, чисто социологической цѣлью и оплодотворяемыхъ общей всѣмъ имъ идеей историческаго процесса, развивающагося въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, какъ единого цѣлаго, и вполне проникнутыхъ каждая той

основной мыслью, что каждое изучаемое каждой из них явление или комплекс явлений представляет собою сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ общественнаго процесса въ его цѣломъ. Мы твердо вѣримъ, что именно такой наукой, именно всеобщей исторіей въ только что разясненномъ смыслѣ, вполне конкретной по матеріалу наукой съ широкими абстрактными, чисто соціологическими задачами только и можетъ быть общественная наука. Въ противномъ случаѣ она рискуетъ превратиться (примѣровъ этого слишкомъ много) въ рядъ произвольныхъ построений, далекихъ отъ той дѣйствительности, которую они призваны объяснить, въ систему блѣдныхъ, безжизненныхъ абстракцій, принимающихъ во вниманіе ужъ очень общія стороны явленій, къ тому же вовсе не изученныхъ въ своей сложной и живой индивидуальности,—а нерѣдко и въ праздную игру досужаго воображенія. Недавнее прошлое общественной науки и ея современное состояніе лишь подтверждаютъ эти общія соображенія, свидѣтельствуя о томъ, что лишь вооружаясь строгимъ методомъ историческаго изслѣдованія и примѣняя его къ рѣшенію соціологическихъ проблемъ, что лишь становясь исторіей, общественная наука и достигала сколько-нибудь цѣнныхъ результатовъ. Да по существу дѣла иначе и быть не могло. Только черезъ конкретное, частное, индивидуальное познается общее, а не какимъ-либо инымъ путемъ.

Твердо усвоивъ соціологическую точку зрѣнія, видящую въ каждомъ общественномъ явленіи сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ всего развивающагося въ данномъ обществѣ историческаго процесса, общественная наука должна быть чужда всякаго догматизма, какъ идеалистическаго, такъ и матеріалистическаго. Возражать противъ историческаго идеализма, видящаго творящее начало исторіи, главный факторъ историческаго (общественнаго) процесса въ идеяхъ, и противъ историческаго матеріализма, для котораго такимъ главнымъ факторомъ, «реальнымъ базисомъ» является экономія данной эпохи, организація производственныхъ силъ даннаго общества, идеи же всего лишь отраженіе въ умахъ людей того, что совершается въ хозяйственномъ строѣ общества,—возражать противъ этихъ философско-историческихъ доктринъ на томъ только основаніи, что это доктрины апріорныя, что онѣ привносятъ въ работу изслѣдователя общественныхъ явленій, держащагося той или иной изъ нихъ, предвзятая точки зрѣнія и такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ заранее въ общихъ чертахъ предрѣшаютъ тотъ отвѣтъ, который долженъ получиться въ результатѣ изслѣдованія даннаго вопроса, и тѣмъ тормозятъ достиженіе истины,—чистѣйшее недоразумѣніе. Пора уже

оставить эти (нерѣдко, впрочемъ, лицемѣрныя) хлопоты о какой-то свободной отъ всякихъ предвзятыхъ идей наукѣ. Такой науки не существуетъ и никогда и не существовало, и кто искренне вѣритъ въ ея существованіе, просто никогда не задумывался надъ процессомъ научной работы, надъ ея психическимъ и логическимъ механизмомъ; въ противномъ случаѣ онъ бы зналъ, что всякая наша познавательная операція совершается обязательно при наличности той или иной «предвзятой» точки зрѣнія, что научное творчество и состоитъ въ сознательной и бессознательной обработкѣ воспринимаемыхъ данныхъ при посредствѣ цѣлаго ряда «предвзятыхъ» точекъ зрѣнія, которыя являются тѣми заранѣе готовыми формами, куда нашъ умъ вливаетъ воспринимаемый изъ внѣшняго міра матеріалъ. Сама постановка научнаго вопроса, даже самаго простаго, предполагаетъ у ставящаго его извѣстныя общія точки зрѣнія, общіе взгляды, и самый вопросъ есть попытка провѣрить тѣ или иныя уже готовыя точки зрѣнія, есть уже въ значительной мѣрѣ готовый отвѣтъ. Эти общія точки зрѣнія не одинаковы по своей природѣ: однѣ изъ нихъ суть категоріи нашего разума, присущія всякому индивидууму, другія — наши историческія и соціологическія категоріи (мы ведемъ рѣчь объ общественной наукѣ), представляющія наше, такъ сказать, благопріобрѣтенное имущество, присущія намъ, какъ людямъ извѣстной культурной эпохи, но передающіяся нерѣдко черезъ цѣлые вѣка. Эти послѣднія, историческія и соціологическія категоріи и являются для историческаго матеріала формирующимъ началомъ, и работа научнаго творчества и заключается въ сущности въ переводѣ изучаемаго матеріала на языкъ этихъ категорій. Происхожденіе этихъ категорій весьма различно. Здѣсь мы встрѣчаемъ и идеологическіе отголоски давно угасшихъ культуръ и давно пройденныхъ стадій духовнаго развитія современныхъ обществъ (въ видѣ, напримѣръ, вполне миеологическаго «культу героевъ и героическаго въ исторіи», въ какомъ бы измѣненномъ и приспособленномъ къ болѣе мірскимъ вкусамъ видѣ онъ ни являлся), и переживанія болѣе новыхъ моментовъ въ жизни европейскаго человечества (въ видѣ религіозно-метафизической по своей природѣ идеи единаго человечества, шествующаго по безконечному пути прогресса), и сравнительно совѣмъ новые продукты школьной учености филологовъ и историковъ стараго типа (въ родѣ «античнаго міровоззрѣнія», «возрожденія искусствъ и наукъ»), а нерѣдко и простыя метафоры, тропы и фигуры, развитыя въ цѣлую историческую философію. Встрѣчаемъ мы здѣсь, наконецъ, и новѣйшія, чисто научныя гипотезы, отправляющіяся отъ ряда болѣе или менѣе научно-обслѣдованныхъ фактовъ и наблюденій надъ исторической дѣй-

ствительностью. Теорія историческаго познанія предстоить много работы надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ, чтобы выяснить его исторію и опредѣлить его внутреннюю цѣнность и чтобы такимъ образомъ сдѣлать вполне здоровой ту атмосферу предвзятыхъ идей, безъ которой не можетъ дышать никакой изслѣдователь общественныхъ явленій, какъ бы онъ ни отрекцивался отъ всякой предвзятости какъ отъ смертнаго грѣха, и, несомнѣнно, дисциплина эта принуждена будетъ удалить изъ научнаго оборота девять десятыхъ тѣхъ историческихъ и соціологическихъ идей, съ помощью которыхъ средній интеллигентный человѣкъ мыслить объ общественныхъ явленіяхъ, а огромное большинство ученыхъ ихъ изслѣдуетъ. Но, даже если бы ей пришлось и надъ всѣмъ этимъ вѣками накопившимся идейнымъ капиталомъ произнести безпощадно суровый приговоръ, то этимъ ничуть не была бы поколеблена полная законность потребности въ соціологическихъ и историческихъ предпосылкахъ. Вся суть дѣла лишь въ томъ, чтобы предпосылки эти представляли собою по возможности строго провѣренныя (научно и съ познавательной - критической точки зрѣнія) гипотезы, отправляющіяся отъ по возможности строго-методически и всесторонне изученныхъ фактовъ исторической дѣйствительности. Намъ уже приходилось указывать на то, что въ научной работѣ надъ явленіями общественной эволюціи нельзя сколько-нибудь рѣзко разграничивать абстрактнаго и конкретнаго моментовъ, что оба они въ разныхъ сочетаніяхъ сопровождаютъ эту работу, что, производя изслѣдованіе надъ даннымъ конкретнымъ фактомъ исторической дѣйствительности даннаго конкретнаго общества, мы въ то же время рѣшаемъ общую соціологическую проблему, пользуясь въ качествѣ общей соціологической предпосылки тѣми общими соціологическими результатами, которые дали всѣ другія предшествовавшія нашимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ надъ конкретными историческими сюжетами. Конкретный и абстрактный моменты взаимно переплетаются такимъ образомъ въ процессѣ научнаго творчества, и индивидуальнаго, и коллективнаго, питая другъ друга и регулируя. Таковы, на нашъ взглядъ, нормальныя отношенія между ними. Не слѣдуетъ только представлять себѣ дѣла слишкомъ академически, не слѣдуетъ думать, что работа происходитъ, начинается и кончается, въ стѣнахъ ученаго кабинета, вдали отъ какихъ бы то ни было впечатлѣній живой жизни. Въ ученую работу, часто даже незамѣтно для изслѣдователя, проникаютъ тѣмъ или инымъ путемъ скорби и радости, сомнѣнія и мечты того общества и той эпохи, среди которыхъ онъ живетъ. Они-то и направляютъ, въ конечномъ счетѣ, его кабинетную работу, и какъ бы энергично онъ ни отрицался сатаны субъ-

активизма, но его работа будет представлять собою зеркало его эпохи, ея умственных запросовъ и ея общественныхъ стремлений, ея историческихъ и социологическихъ представлений и идей. Вытравлять всячески такой субъективизмъ—безплодная и бесполезная работа. Его нельзя вытравить и не слѣдуетъ вытравлять. Въ немъ неизсякаемый источникъ жизни для самой общественной науки. Именно это вольное или невольное привнесеніе въ науку живыхъ впечатлѣній живой жизни и двигаетъ ее впередъ, создаетъ новыя точки зрѣнія и при свѣтѣ ихъ даетъ наукѣ возможность открывать новыя перспективы тамъ, гдѣ все уже казалось изслѣдованнымъ и уже не поднимало никакихъ вопросовъ. Стоитъ только вспомнить, какой переворотъ произвело въ наукѣ классической древности привнесеніе въ нее новыхъ, несомнѣнно, навѣянныхъ современной экономической и социальной дѣйствительностью научныхъ точекъ зрѣнія, перемѣстившихъ центръ научныхъ интересовъ на вопросы экономической и социальной эволюціи древняго міра. Застывшіе было въ своихъ классическихъ позахъ греки и римляне ожили, сошли съ своихъ пьедесталовъ, на которые ихъ благоговѣнно поставили романтики-энтузіасты классическаго міра еще съ такъ называемой эпохи возрожденія, и превратились въ обыкновенныхъ смертныхъ, подобно намъ, грѣшнымъ, не чуждыхъ мелочныхъ матеріальныхъ заботъ и социальныхъ скорбей; исчезъ классическій широкъ, и передъ нами встала жизнь, во многомъ подобная нашей и понятная намъ и отъ того еще болѣе интересная для научнаго изслѣдованія. Можно смѣло сказать, что безъ этого вторженія шума и тревоги современной жизни въ такъ тщательно оберегавшіяся отъ малѣйшаго соприкосновенія съ современностью и даже являвшіеся убѣжищемъ отъ нея кабинеты ученыхъ-классиковъ не были бы возможны замѣчательныя работы Эдуарда Мейера и Пальмана, едва ли не крупнѣйшихъ изъ всѣхъ современныхъ историковъ на западѣ Европы.

Возвращаясь къ историческому идеализму и къ историческому матеріализму, повторяемъ: ставить имъ въ упрекъ то, что они доктрины въ той или иной мѣрѣ апіорныя, что они привносятъ въ работу изслѣдователя историческаго процесса предвзятыя точки зрѣнія,—не рационально. Не въ этомъ ихъ слабыя стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Не въ этомъ научный грѣхъ историческаго матеріализма, что онъ апіоренъ: грѣхъ его въ чисто метафизическомъ стремленіи свести къ одному началу все разнообразіе общественныхъ явленій въ ихъ историческомъ развитіи; съ этой стороны онъ представляетъ собою новѣйшій типъ запоздалой, метафизической по существу «философіи исторіи», и хотя экономія

данной эпохи скромно зовется «реальнымъ базисомъ», но въ сущности она для приверженца этой доктрины—такое же творящее исторію «начало», какъ и «идея» для послѣдователя историческаго идеализма. Въ этомъ отношеніи и историческій идеализмъ, и историческій матеріализмъ грѣшатъ противъ основного принципа современной общественной науки, противъ соціологической точки зрѣнія, видящей въ каждомъ общественномъ явленіи сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ конкретномъ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ всего историческаго процесса, какъ онъ развивается въ данномъ обществѣ. Это ведетъ къ искусственному упрощенію научнаго анализа, а слѣдовательно, и къ не исполнѣ научнымъ результатамъ его. Упрекъ этотъ заслуженъ обѣими этими доктринами, но не въ одинаковой мѣрѣ. Несомнѣнно, историческій матеріализмъ является значительнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ историческимъ идеализмомъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ историческій идеализмъ кладетъ въ основу своего воззрѣнія на историческій (общественный) процессъ понятіе объ идеѣ, какъ о чемъ-то исполнѣ понятномъ и простомъ, и представляетъ себѣ все безконечно сложное разнообразіе всѣхъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ содержаніе общественнаго процесса, какъ простой и понятный результатъ творческаго воздѣйствія идеи на косную среду,—историческій матеріализмъ отправляется отъ изученія исполнѣ реальныхъ фактовъ хозяйственной и соціальной жизни даннаго общества и этимъ выдвигаетъ на первый планъ такія стороны историческаго процесса, которыя до того времени не привлекали къ себѣ надлежащаго вниманія историковъ, а между тѣмъ чрезвычайно важны для уразумѣнія самаго существа историческаго процесса. Въ этомъ крупнѣйшая заслуга матеріалистическаго движенія въ общественной наукѣ. Но не въ одномъ этомъ. Лишая идеи той творческой силы, которую приписывалъ и приписываетъ имъ историческій идеализмъ, и отводя имъ скромное мѣсто въ «надстройкѣ», возвышающейся надъ «реальнымъ базисомъ» экономическихъ отношеній, историческій матеріализмъ святотатственно поднималъ вопросъ о генезисѣ идей, о ихъ скромномъ происхожденіи изъ той самой общественной среды, надъ которой, въ глазахъ идеалистовъ, онѣ высоко носились, творя въ ней жизнь и движеніе впередъ. Въ какой мѣрѣ удовлетворителенъ отвѣтъ, который матеріалисты давали на этотъ вопросъ, это не такъ важно. Важна самая постановка этой проблемы, сводившая идею съ неба и видѣвшая въ ней продуктъ общественнаго процесса и показатель тѣхъ или иныхъ общественныхъ состояній, лишавшая идею той чисто мистической роли простого и творческаго абсолюта, какую приписывали и приписываютъ ей идеа-

листы. Только съ этихъ поръ стала все болѣе и болѣе утверждаться въ научномъ сознаніи мысль о крайней сложности и трудности вопроса о генезисѣ идей и о ихъ роли въ историческомъ (общественномъ) процессѣ. Такимъ образомъ, и привлеченіе къ историческому изслѣдованію съ чисто соціологическими цѣлями матеріальной стороны историческаго процесса (экономическихъ и соціальныхъ отношеній), и постановка проблемы о генезисѣ идей какъ продукта общественнаго процесса, попытка перевести идеи на языкъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, вскрыть подъ идеями, какъ подъ символами, интересы составляющихъ общество соціальныхъ группъ—это здоровая, неумирающая сторона марксистскаго движенія, это крупная заслуга такъ называемаго историческаго или экономическаго матеріализма. Это была настоящая соціологическая программа, открывавшая широкія научныя перспективы, и какъ общую методологическую программу ее слѣдуетъ и понимать, и *въ этомъ смыслѣ* матеріалистическая доктрина еще долго будетъ служить богатымъ источникомъ плодотворныхъ импульсовъ для изслѣдователей общественной эволюціи, указывая имъ путь къ соціологическому пониманію историческаго процесса. Какъ ни упрощали иногда сами представители матеріалистическаго пониманія исторіи научную работу выясненія общественнаго процесса въ своихъ собственныхъ научныхъ попыткахъ, сводя сложнѣйшіе продукты общественной эволюціи къ простѣйшимъ факторамъ и въ этомъ отношеніи не рѣдко доходя до геркулесовыхъ столбовъ самого наивнаго схематизма и догматизма, но, во-первыхъ, это все же были попытки перенести объясненіе общественныхъ явленій изъ области метафизики на почву реальной науки, а во-вторыхъ, именно матеріалистическая исторіографія, несмотря на всѣ свои научныя грѣхи, и нерѣдко очень тяжкіе, въ весьма немалой мѣрѣ способствовала утвержденію въ научномъ сознаніи мысли, что изслѣдованіе общественнаго процесса слѣдуетъ начинать съ болѣе простыхъ и болѣе осязательныхъ, такъ сказать, явленій и процессовъ. Такими сравнительно менѣе сложными явленіями, несомнѣнно, можно признать прежде всего явленія хозяйственныя и тѣсно связанныя съ ними явленія соціальныя, а затѣмъ явленія политическія. Хозяйственная организація общества и его хозяйственная жизнь, соціальная структура общества (дѣленіе его на группы, сословія и классы) и его политическій строй,—все это конкретныя явленія, сравнительно легче поддающіяся описанію и изслѣдованію, и въ изученіи ихъ можно достигнуть весьма значительной точности. Съ нихъ, съ этой, такъ сказать, матеріальной стороны историческаго (общественнаго) процесса и слѣдуетъ начинать изученіе общественной эволю-

ціи; только разобравшись сколько-нибудь въ ней, въ этой матеріальной сторонѣ, только тогда и можно приступить къ изученію болѣе тонкихъ и неуловимыхъ явленій, каковы общественныя (въ самомъ широкомъ смыслѣ) идеи и общественныя настроенія; только тогда и станутъ они понятны какъ соціологическіе факты, какъ продукты общественной эволюціи, какъ символы общественныхъ взаимоотношеній и какъ факторы общественнаго процесса; только выяснивъ предварительно матеріальную, такъ сказать, фізіономію общества, его экономическую форму, соціальныя группы, изъ которыхъ оно состоитъ, и ихъ взаимныя отношенія, а также ту политическую форму, которая соединяетъ всѣ общественныя силы въ одно государственное цѣлое,—только при этихъ условіяхъ можно приступить къ реальному изученію и пониманію идей и настроеній даннаго общества. Это очень важное методологическое приобрѣтеніе современной общественной науки, и мы имѣ въ весьма значительной мѣрѣ обязаны матеріалистической историографіи; это тотъ прочный теоретическій результатъ, который оставили въ общественной наукѣ ожесточенные споры объ относительномъ значеніи матеріальныхъ факторовъ и идей въ историческомъ процессѣ. Строго научное, истинно соціологическое пониманіе общественнаго процесса въ одинаковой мѣрѣ далеко отъ обѣихъ крайностей: и отъ приписыванія чудесной творческой силы идеямъ, и отъ низведенія ихъ къ роли простыхъ показателей того, что совершается въ нижнемъ, такъ сказать, этажѣ общественнаго зданія, показателей тѣхъ скрытыхъ матеріальныхъ процессовъ, которые совершаются въ глубинѣ общественной жизни, давая ей тотъ или иной основной тонъ, то или иное направленіе; для него идея есть крайне сложный продуктъ общественнаго процесса, органически связанный со всѣми его сторонами и не сводимый на тѣ или иные элементарныя процессы, требующій поэтому особенно, такъ сказать, деликатнаго съ собой обращенія со стороны изслѣдователя, желающаго дѣйствительно научно понять и генезисъ тѣхъ или иныхъ идей въ данномъ обществѣ, и ихъ роль въ данномъ общественномъ процессѣ; для него исторія общественныхъ идей и настроеній есть та научная область, которая требуетъ особенно тщательной исторической (соціологической) подготовки и, въ частности, глубокаго знанія и пониманія матеріальной стороны общественнаго процесса, безъ котораго его попытка проникнуть въ тонкій и заманчивыи міръ идей должна будетъ потерпѣть полное научное фіаско; и эту участь испытали всѣ смѣлые путешественники, пускавшіеся въ эту манищую область безъ достаточныхъ ресурсовъ, хотя многіе изъ нихъ и возвращались оттуда украшенные литературными лаврами.

Въ такомъ видѣ представляются намъ задачи исторической науки въ ея социологической и, на нашъ взглядъ, единственно научной постановкѣ. По матеріалу своему это вполне конкретная наука, изучающая конкретные процессы, развивающіеся въ конкретныхъ человѣческихъ обществахъ, но по своимъ конечнымъ цѣлямъ, по своимъ основнымъ задачамъ она — наука теоретическая, абстрактная, стремящаяся выяснитъ тѣ законы, по которымъ совершается развитіе человѣческаго общества. Намъ кажутся не совсѣмъ понятными мнѣнія въ родѣ того, которое сравнительно недавно весьма рѣшительно высказалъ такой ученый, какъ Эдуардъ Мейеръ, своими замѣчательными работами по древней исторіи такъ много сдѣлавшій какъ разъ для социологической постановки исторіи и въ то же время въ своей недавней брошюрѣ «Къ теоріи и методикѣ исторіи» (*Zur Theorie und Methodik der Geschichte*) такъ рѣзко выступившій противъ тѣхъ, кто склоненъ не различать по существу задачъ исторіи и социологіи и видѣтъ въ исторіи науку, стремящуюся къ открытію и обоснованію историческихъ законовъ. Если подѣ нѣсколько туманнымъ и не рѣдко многосмысленнымъ выраженіемъ «историческіе законы» разумѣтъ законы развитія человѣческаго общества или, если угодно, социологическіе законы, то мы рѣшительно не понимаемъ, почему такой взглядъ безусловно, какъ думаетъ Эд. Мейеръ, несогласенъ съ существомъ исторической науки. Вѣдь заявить, что «предметъ исторіи всегда составляетъ изслѣдованіе и изложеніе единичнаго процесса, того, что мы лучше всего можемъ объединитъ подѣ именемъ индивидуальнаго», едва ли значить сдѣлать возраженіе противъ этого взгляда по существу. Да это и вовсе не возраженіе. Мы все время очень настаивали на конкретномъ характерѣ исторической работы и на безусловно обязательномъ для историка щепетильно-внимательномъ отношеніи къ индивидуальнымъ особенностямъ изучаемыхъ имъ конкретныхъ явленій и процессовъ и всячески подчеркивали ту мысль, что сравнительное изученіе сходныхъ явленій и процессовъ можетъ приводить къ дѣйствительно научнымъ, социологическимъ результатамъ лишь при этомъ условіи, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сравниваемые явленія предварительно изучены во всей ихъ индивидуальности каждое, въ контекстѣ породившихъ каждое изъ нихъ конкретныхъ индивидуальныхъ условій. Именно въ результатѣ «изслѣдованія и изложенія единичныхъ процессовъ, того, что мы лучше всего можемъ объединитъ подѣ именемъ индивидуальнаго», и можетъ явиться открытіе и обоснованіе историческихъ (социологическихъ) законовъ. Историкъ и социологъ должны совмѣщаться въ одномъ лицѣ, и разъединять ихъ значить обрекать общественную науку на вѣчное дѣтство.

II.

Наше объясненіе съ читателемъ было бы неполнымъ, если бы мы оставили безъ разсмотрѣнія одинъ чрезвычайно популярный въ исторической наукѣ, можно сказать, царящій въ современной исторической литературѣ взглядъ, входящій почти необходимымъ ингредиентомъ въ историческое міровоззрѣніе почти каждаго образованнаго человѣка и почти каждаго ученаго, какъ историка-идеалиста, такъ и историка-матеріалиста, и съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ отрочества впитываемый учащимся юношествомъ при посредствѣ всякаго рода рекомендованныхъ или просто одобренныхъ искаженій *древней, средней и новой* исторіи. Мы разумѣемъ *всемірно-историческую точку зрѣнія*, разсматривающую отдѣльныя исторіи народовъ древняго и новаго міра какъ одно непрерывное цѣлое, какъ исторію одинаго человѣчества, въ которой исторія каждаго отдѣльнаго народа является ступенью, фазисомъ въ общемъ развитіи цѣлаго, движущагося по пути прогресса. Эта «философія исторіи» сложилась уже со второй приблизительно половины восемнадцатаго вѣка подъ вліяніемъ цѣлага ряда общихъ условій, въ которыхъ жило тогда западно-европейское человѣчество, и получила свою классическую, можно сказать, формулировку у Гегеля въ его блестяще развитой и стройной системѣ историческаго идеализма, въ которой нѣкоторые конкретные факты изъ исторіи народовъ древняго Востока, Греціи, Рима и новой Европы развернулись въ величественную картину исторіи одинаго человѣчества и были переведены на языкъ метафизическихъ категорій, превратившій частныя исторіи этихъ народовъ въ логически необходимый, по законамъ логики развивающійся единый процессъ.

Напомнимъ основныя черты гегелевской философіи исторіи.

Міромъ управляетъ разумъ. Исторія міра представляетъ собою постепенное осуществленіе плана, предначертаннаго разумомъ, воплощающимся въ Богѣ. Все, что изъ этого плана вытекаетъ, что, слѣдовательно, разумно, то и прочно, дѣйствительно, а то, что несообразно съ этимъ разумнымъ планомъ, то непрочно, обречено на гибель. Управляющій всѣмъ міромъ разумъ управляетъ и историческими событіями, въ которыхъ предначертанный разумомъ планъ также получаетъ свое осуществленіе. Если постигнуть разумный планъ, по которому Богъ управляетъ міромъ, составляетъ задачу общей философіи, то постиженіе этого плана, поскольку онъ осуществляется въ историческихъ событіяхъ, является задачей философіи исторіи.

Міръ заключаетъ въ себѣ физическую и духовную природу.

Эта вторая сторона, т.-е. духъ, и проявляется въ исторіи. Если сущность матеріи въ ея протяженности, то сущность духа въ его свободѣ и въ сознаниіи имъ этой своей свободы. Во всемірной исторіи духъ постепенно и раскрываетъ свою сущность, т.-е. постепенно становится все болѣе и болѣе свободнымъ и постепенно все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанию своей свободы. А въ этомъ-то и заключается прогрессъ. Такимъ образомъ, всемірная исторія представляетъ собою непрерывное прогрессивное движеніе, именно прогрессъ въ развитіи сознания духомъ своей свободы, и познать этотъ прогрессъ въ его необходимомъ развитіи есть задача философіи исторіи.

Прогрессивное развитіе духа совершается по логической схемѣ *тезиса*, *антитезиса* и *синтезиса*; одна общая идея (тезисъ) смѣняется ей противоположной (антитезисъ), и обѣ онѣ затѣмъ примиряются въ синтезѣ. Разрушая свою старую форму, духъ такимъ образомъ не ограничивается переходомъ въ новую форму, но воспринимаетъ въ себя прежнюю, переработавъ ее въ себѣ, и является въ высшей формѣ, такъ что прежній моментъ его существованія всегда становится матеріаломъ или ступеню для слѣдующаго, и это и есть тотъ путь, какимъ идетъ развитіе духа.

Происходящее только что описаннымъ, чисто діалектическимъ путемъ (по схемѣ тезиса, антитезиса и синтезиса) развитіе всемірнаго духа совершается во всемірной исторіи черезъ посредство исторій отдѣльныхъ такъ называемыхъ историческихъ народовъ (Гегель дѣлитъ народы на *историческіе*, черезъ посредство которыхъ совершается развитіе всемірнаго духа, и *неисторическіе*, лишены этой привилегіи). Въ своемъ прогрессивномъ развитіи всемірный духъ переходитъ отъ одного историческаго народа къ другому, являясь въ каждомъ изъ нихъ въ формѣ *народнаго*, *національнаго* духа, такъ что каждый историческій народъ въ своей индивидуальности составляетъ моментъ въ развитіи всемірнаго духа, все болѣе и болѣе приближающагося такимъ путемъ къ полному сознанию своей свободы. Но далеко не все время своего существованія каждый данный историческій народъ остается историческимъ народомъ, играетъ роль въ развитіи всемірнаго духа: сыгравъ свою роль въ извѣстный моментъ своей исторіи, данный народъ перестаетъ быть историческимъ, сходитъ со сцены всемірной исторіи и или умираетъ естественной смертю, или же продолжаетъ влачить свое теперь уже неисторическое ничтожное существованіе, представляя уже собою «политическій нуль и скуку». Эту точку зрѣнія Гегель проводитъ черезъ исторію древняго Востока, древней Греціи и Рима и исторію новой, романо-германской Европы, вездѣ находя обильный мате-

ріалъ для ея подтвержденія. На Востокѣ, учить онъ, духъ еще не сознаетъ своей свободы; здѣсь человекъ подчиняется политическому и религіозному деспотизму; свободенъ здѣсь одинъ (монархъ), всѣ же остальные—безправная масса. Въ Греціи и Римѣ духъ уже сознаетъ свою свободу, но еще не воплотилъ: здѣсь свободны нѣкоторые, но не всѣ. Полной свободы духъ постепенно достигаетъ въ новой Европѣ, у германскихъ народовъ, именно въ новое время, съ осуществленіемъ церковной реформы.

Средства, съ помощью которыхъ всемірный духъ достигаетъ своей цѣли, — это потребности, наклонности и страсти людей. Какъ бы ни была возвышенна цѣль или идея, во имя которой дѣйствуетъ человекъ, необходимо, чтобы эта идея имѣла для него личный интересъ, сдѣлалась, такъ сказать, его личнымъ достояніемъ. Является вопросъ: какимъ же образомъ люди, преслѣдуя свои частныя, личныя цѣли, въ то же время осуществляютъ общія, историческія цѣли, работаютъ въ интересахъ развитія самосознанія всемірнаго духа, т.-е. его свободы? Какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостью, съ какою совершается развитіе всемірнаго духа въ исторіи? На этотъ вопросъ Гегель даетъ такой отвѣтъ. Всякое понятіе въ силу внутренней, логической необходимости переходить въ свою противоположность. Поэтому свободный всемірный духъ, осуществляющій себя въ исторіи, проявляется въ своемъ противоположномъ, именно въ личныхъ интересахъ, частныхъ дѣлахъ и страстяхъ отдѣльныхъ лицъ. Люди думаютъ, что они дѣйствуютъ только по внушенію своей свободной воли, а между тѣмъ они, не вѣдая того, осуществляютъ общія цѣли, споспобствуютъ смѣнѣ одной общей идеи другою, такъ что то, что прежде было только возможностью, становится историческимъ фактомъ. Но не всѣ люди играютъ такую роль, не о всѣхъ людяхъ можно сказать, что ихъ частныя эгоистическіе интересы и цѣли совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Такими людьми являются только *историческіе люди*, великіе люди, герои. Это передовые люди своей эпохи, доводящіе до общаго сознанія то, что безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Таковъ, на примѣръ, Цезарь. Онъ боролся за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами дала ему власть надъ всей имперіей. Но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ исторической необходимостью, былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и міра. Такимъ образомъ, личный интересъ Цезаря совпадалъ съ исторической необходимостью.

Не всегда великимъ людямъ, осуществляющимъ цѣли исторіи, удается осуществить въ то же время и свои личныя цѣли, которыя собственно и представляютъ ихъ сознанію во время ихъ дѣятель-

ности. Въ этомъ проявляется хитрость историческаго, мірового разума, заставляющаго работать на себя этихъ людей, бороться другъ съ другомъ и погибать въ борьбѣ. «Судьбу этихъ историческихъ людей,—говоритъ Гегель,—нельзя назвать счастливою. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудѣ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ, какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцъ, какъ Цезарь, или же ихъ отправляютъ на островъ св. Елены».

Мы представили лишь самый блѣдный остовъ этой метафизической поэмы. Подъ перомъ талантливыхъ историковъ, располагавшихъ къ тому же богатымъ матеріаломъ конкретныхъ историческихъ фактовъ, эта картина всемірно-историческаго развитія расцвѣчивалась иногда всѣми красками истинной поэзіи, согрѣтой теплымъ чувствомъ широкой гуманности, и увлеченный слушатель уносился за лекторомъ въ высокую, свѣтлую область идеала, отрѣшаясь отъ всѣхъ мелочей и скорбей современной ему, нерѣдко очень далекой отъ всякаго идеала дѣйствительности, и потомъ въ теченіе всей своей часто беспросвѣтно-сѣрой и варварски изуродованной жизни вспоминалъ съ благодарнымъ умиленіемъ какъ о лучшихъ, блаженныхъ минутахъ тѣ часы, когда онъ слушалъ своего профессора, вдохновеннымъ словомъ живописавшаго борьбу личностей и народовъ за идеалы свободы, знанія, цивилизаціи.

Мы не для того представили изложеніе философіи исторіи Гегеля, чтобы критиковать ее. Намъ лишь хотѣлось напомнить эту классическую формулировку всемірно-исторической точки зрѣнія, сообщившую этой послѣдней, благодаря философскимъ и литературнымъ чарамъ Гегеля, широкую и прочную популярность и обезпечившую ей глубокое и до сихъ поръ не исчезнувшее вліяніе на историческую литературу. Здѣсь въ абстрактной формѣ даны всѣ основные мотивы, разрабатывавшіеся потомъ на конкретномъ матеріалѣ цѣлыми поколѣніями историковъ въ ихъ специальныхъ работахъ и общихъ обзорѣняхъ. Несомнѣнно, европейская историографія многимъ обязана идеалистической философіи и ея всемірно-исторической концепціи. Для своего времени это была доктрина, удовлетворявшая самымъ высокимъ требованіямъ не только философской, но и научной мысли, высоко поднимавшая душу энтузіазмомъ вѣры въ творческую силу идеала и въ то же время открывавшая необъятно широкія перспективы для научнаго творчества. Для своего времени это идеалистическое движеніе было едва ли менѣе плодотворно и въ общественномъ, и въ научномъ отношеніяхъ, чѣмъ современное намъ матеріалистическое (марксистское) движеніе, и отрицать это значитъ закрывать глаза на крупнѣйшіе факты обществен-

наго и научнаго развитія первой половины девятнадцатаго вѣка. Но, вполне признавая это, мы въ то же время не можемъ не признать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ уже отошедшимъ въ исторію важнымъ моментомъ въ развитіи европейской философской и научной мысли, что для насъ, привыкшихъ къ совсѣмъ иному трактованію фактовъ и явленій историческаго развитія, давно убѣдившихся въ чрезвычайной сложности общественныхъ явленій и въ крайней трудности дѣйствительно научно понять самый, казалось бы, простой фактъ въ этой области, а тѣмъ болѣе идею, понимая его какъ продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ,—что для насъ, при нашихъ навыкахъ къ соціологическому пониманію историческаго процесса, историческія воззрѣнія, лежащія въ основѣ всемірно-исторической концепціи, разработывавшейся въ гегельянской исторіографіи, представляютъ собою, помимо всего прочаго, крайнее упрощеніе научной проблемы, вполне понятное и естественное въ то время, но совершенно недопустимое теперь. А между тѣмъ въ современной исторіографіи еще вполне живы традиціи идеализма съ его всемірно-исторической концепціей. Правда, стройное и величественное зданіе всемірной исторіи, возведенное трудами историковъ-идеалистовъ, уже сильно обветшало, и многія его части пришлось замѣнить новыми, изъ болѣе грубаго матеріала и въ болѣе новомъ стилѣ; но оно все еще стоитъ и продолжаетъ сохранять свое обаяніе. Мы не имѣемъ въ виду подробно останавливаться на всѣхъ «переживаніяхъ», сохранившихся въ современной исторической наукѣ отъ эпохи господства идеализма и находящихся въ такомъ рѣзкомъ несогласіи съ ея соціологическими тенденціями, охарактеризованными нами выше. Мы хотѣли бы рассмотреть лишь нѣкоторые изъ опорныхъ пунктовъ всемірно-исторической точки зрѣнія, представляющей исторію древняго и новаго міра какъ единый и единичный процессъ, какъ исторію *единого человечества*, неуклонно шествующаго по пути *прогресса*,—какъ тѣ пункты, идеалистическое происхожденіе которыхъ очевидно, такъ и тѣ, которые въ духовномъ родствѣ съ идеализмомъ не находятся, но возникли, несомнѣнно, подъ косвеннымъ вліяніемъ идеалистической концепціи «всемірной» исторіи. Въ частности, мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны, рецепцію римскаго права и такъ называемое возрожденіе искусствъ и наукъ, съ другой—ученіе представителей такъ называемой романистической школы въ западно-европейской исторіографіи о происхожденіи средневѣковаго строя и историко-экономическую теорію, развитую Карломъ Бюхеромъ. Намъ необходимо познакомиться съ этими главными аргументами всемірно-исторической точки зрѣнія, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ ихъ можно считать дѣйствительно научными аргументами.

Рецепція юридическихъ, политическихъ, общефилософскихъ, научныхъ и эстетическихъ идей и формъ античнаго міра занимаетъ весьма почетное мѣсто въ арсеналѣ аргументовъ всемірно-исторической точки зрѣнія. Въ рецепціи римскаго права и въ возрожденіи искусствъ и наукъ обыкновенно видятъ факты, наглядно доказывающіе, что, только усвоивъ идейное наслѣдіе, доставшееся ей отъ классической древности, новая Европа пробудилась отъ многовѣковаго сна къ новой жизни и изъ варварской стала той, какой она является въ настоящее время, перешла въ новый фазисъ въ развитіи чело-вѣчества. Идеалистическое воззрѣніе на историческій процессъ видитъ въ рецепціи римскаго права факторъ, глубоко повліявшій на новую Европу въ смыслѣ разрушенія средневѣковыхъ формъ общественной и политической жизни. Болѣе реальное изученіе дѣйствительнаго хода исторіи западно-европейскихъ обществъ приводитъ къ нѣскольکو иному взгляду на рецепцію римскаго права. Рецепція эта, можно сказать, никогда не прерывалась, только въ иныя эпохи она совершалась съ большей интенсивностью, въ другія—съ меньшей. Такъ что, знакомясь съ исторіей юридической догмы народовъ новой Европы, мы на каждомъ шагу принуждены констатировать фактъ вліянія римскаго права на право этихъ народовъ, какъ на право частное, гражданское, такъ и на право публичное, государственное. Пока вопросъ ставится такимъ образомъ, пока мы не выходимъ изъ сферы исторіи юридическихъ и политическихъ доктринъ, реальная историческая наука ничего не имѣетъ возразить. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ, лишь только вопросъ переносится на другую почву, лишь только римское право и его рецепцію начинаютъ выдвигать въ качествѣ фактора, разлагавшаго средневѣковый общественный и политическій строй. Въ этомъ случаѣ реальной исторической наукѣ приходится выступать съ энергичнымъ протестомъ. Наличие теоріи вовсе не ручается за совпаденіе ея съ жизнью, за воздѣйствіе ея на реальную жизнь. Это фактъ чрезвычайно простой, но его почему-то не замѣчаютъ авторы и приверженцы широкихъ историческихъ построеній, въ глазахъ которыхъ вліяніе одного общества на другое упрощается до крайности: стоятъ только юридической, общественной, политической и всякой иной идеѣ перешагнуть явно или тайно границу даннаго общества и государства, какъ оно неминуемо подпадаетъ ея вліянію, заражается ею какъ какой-нибудь инфекціонной болѣзью, и она производитъ во всемъ его организмѣ цѣлый рядъ соответствующихъ измѣненій. А между тѣмъ юридическая, политическая и всякая иная общественная идея только въ тѣхъ случаяхъ можетъ оказаться реальной общественной силой, когда она является живой формулой или

символомъ уже сложившихся въ данномъ обществѣ въ той или иной мѣрѣ фактическихъ отношеній; въ противномъ случаѣ она представляетъ собою мертвый капиталъ и достойнѣе книжной учености. Взятый наудачу примѣръ пояснить эту мысль болѣе конкретно. Знакомясь съ англійскими юридическими теоріями XIII вѣка и, въ частности, съ тѣмъ, что говорятъ онѣ объ англійскомъ крестьянинѣ, мы будемъ поражены, до какой степени англійскій вилланъ похожъ по своему юридическому положенію на римскаго раба. Но стоитъ намъ оставить страницы юридическаго трактата и углубиться въ чтеніе любой описи англійскаго помѣстья того же XIII вѣка, отчета управляющаго помѣстья или протокола помѣстной судебной куріи, гдѣ тотъ же вилланъ изображается въ его дѣйствительной, повседневной обстановкѣ, и мы увидимъ, до какой степени подвергшаяся сильному вліянію римскихъ юридическихъ доктринъ теорія не совпадаетъ съ практикой, съ дѣйствительными хозяйственными и социальными условіями Англии XIII вѣка, когда вилланъ во многихъ отношеніяхъ являлся свободнымъ человѣкомъ и даже въ извѣстной мѣрѣ гражданиномъ государства, когда его отношенія къ его сеньеру были до скрупулезной пунктуальности регулированы всемогущимъ обычаемъ, едва ли уступавшимъ по своей обязательной силѣ закону; да и самъ законъ далеко не всегда былъ для него безмолвенъ. Объясненія такого рѣзкаго несоотвѣтствія между романистической теоріей и англійской дѣйствительностью XIII вѣка искать не далеко. Теорія была построена подъ сильнымъ вліяніемъ доктринъ, которыя въ свое время являлись формулировкой совсѣмъ иныхъ экономическихъ и социальныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ Англии XIII вѣка. Англія этой поры была еще страной натурального хозяйства, когда господствовало земледѣліе, не имѣвшее обширнаго внутренняго и внѣшняго рынка, когда, слѣдовательно, вести хозяйство на широкую ногу, эксплуатируя для этого до послѣднихъ предѣловъ землю и трудъ, не было возможности и надобности, когда хозяйственная дѣятельность имѣла цѣлью, въ общемъ, непосредственное удовлетвореніе потребностей, непосредственное потребленіе продукта и поэтому естественно должна была производиться въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ и требовать сравнительно незначительнаго количества труда со стороны людей, въ ней участвовавшихъ. Естественно, что при такихъ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ, общихъ для всей средневѣковой Европы, помѣщичье хозяйство того времени не могло быть крупнымъ хозяйствомъ, и трудъ, который несли вилланы для обработки и уборки помѣщичьей земли, далеко не могъ быть шахим'омъ того количества труда, какой могъ дать помѣщику его зависимый человѣкъ;

кромѣ того, правильную барщину несло далеко не все зависимое населеніе помѣстья, а въ сущности только представитель группы, сидѣвшей на каждомъ крестьянскомъ надѣлѣ. Средневѣковый вилланъ, какъ англійскій, такъ и всякій иной, не могъ, слѣдовательно, быть предметомъ такой эксплуатаціи, какой подвергался несвободный и такъ называемый свободный трудъ при господствѣ денежнаго хозяйства, дающаго мѣсто обширнымъ предпріятіямъ, работающимъ на обширный рынокъ, т.-е. при такихъ условіяхъ, въ какихъ между прочимъ находился римскій рабъ конца республики и начала имперіи, гдѣ и формулированы были теоріи о юридическомъ положеніи въ отношеніи его къ господину, которыя оказали такое вліяніе на англійскую юридическую теорію о вилланахъ. Уже одно это чисто экономическое, хозяйственное различіе между римскимъ обществомъ конца республики и начала имперіи и Англійей XIII вѣка дѣлало непримѣнимыми къ жизни англійскія юридическія теоріи о вилланахъ XIII вѣка, построенныя подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юридическихъ идей. Мы уже не говоримъ о различіи въ источникахъ римскаго рабства, возникшаго въ результатѣ плѣна, и средневѣковаго крѣпостничества, возникшаго въ результатѣ сложной экономической и соціальной эволюціи, происшедшей внутри такъ называемыхъ варварскихъ обществъ и разбившей массу когда-то равно свободныхъ людей на свободное и знатное меньшинство и полусвободное большинство, подчиненное ему въ политическомъ и личномъ отношеніяхъ. Римскія юридическія доктрины только тогда стали примѣнимы къ жизни обществъ новой Европы, когда эти послѣднія сами въ той или иной мѣрѣ досрости до нихъ, когда въ нихъ сложились и развились экономическія, соціальныя и политическія отношенія, для которыхъ римскія юридическія доктрины, возникшія въ аналогичныхъ этимъ послѣднимъ условіяхъ, могли явиться готовой формулировкой и санкціей. Само собою разумѣется, что и безъ римскаго права эти отношенія развивались бы и дальше въ направленіи, естественно обусловленномъ всей совокупностью наличныхъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ факторовъ, двигавшихъ исторію обществъ новой Европы по тому, а не иному пути. Если въ XIII вѣкѣ романистическія теоріи о неограниченныхъ правахъ сеньера надъ личностью и имуществомъ его крѣпостныхъ оставались мертвою буквою, свидѣтельствующая лишь о юридической образованности ихъ авторовъ, то въ XVI вѣкѣ тѣ же теоріи явились формулировкой для весьма реальныхъ и осуществимыхъ интересовъ и стремленій нѣмецкихъ, напримѣръ, землевладѣльцевъ, которымъ измѣнившіяся общія хозяйственныя условія тогдашней Европы, именно развитіе денежнаго хозяйства, промышленности и торговли,

позволяли превратиться въ сельскихъ хозяевъ - предпринимателей, производить для довольно обширнаго рынка и поэтому весьма интенсивно эксплуатировать и трудъ зависимыхъ людей, и землю и дѣлать поэтому захваты какъ въ отношеніи къ личности трудящагося, такъ и въ отношеніи къ его землѣ, общинной и индивидуальной. Эта попытка возродить въ небывалыхъ до того размѣрахъ и формахъ крѣпостное право и захватить общинныя угодья и индивидуальные надѣлы крестьянъ, произведенная землевладѣльцами въ Германіи почти наканунѣ реформаціи, нашла союзниковъ въ воспитанныхъ на римскомъ правѣ юристахъ, которые учили объ абсолютномъ правѣ помѣщика на землю его крѣпостныхъ крестьянъ и подыскивали цѣлый рядъ юридическихъ основаній для усиленія ихъ личной неволи. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что и безъ этихъ союзниковъ нѣмецкіе землевладѣльцы достигли бы своей цѣли, пока на ихъ сторонѣ былъ перевѣсъ организованной силы.

Едва ли еще не болѣе важную роль въ эволюціи общества новой Европы, чѣмъ рецепціи римскаго права, приписываютъ обыкновенно такъ называемому *возрожденію искусствъ и наукъ*. Это едва ли не самый популярный сюжетъ историковъ-идеалистовъ, съ особеннымъ торжествомъ выдвигаемый ими для доказательства силы вліянія идей въ исторіи. Возрожденіе это, начавшееся въ Италіи и въ той или иной мѣрѣ происшедшее и въ другихъ странахъ западной Европы, представляется обыкновенно какъ грандіозный культурный подъемъ, совершившійся въ обществахъ новой Европы, благодаря усвоенію ими идей античной образованности, разрушившихъ будто бы средневѣковое, аскетическое (такъ обыкновенно его опредѣляютъ) міросозерцаніе, которое, по принятому мнѣнію, тяжелыми веригами сковывало человѣческой духъ и не давало развиваться его силамъ, которыя будто бы только теперь, отъ соприкосновенія съ античными идеями, впервые вышли изъ мрачной тюрьмы вѣчнаго сокрушенія о грѣхахъ на свѣтъ и воздухъ и немедленно же расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ наукъ и художествъ. Терминъ «возрожденіе» приобрѣлъ чрезвычайно широкій и чрезвычайно многозначительный смыслъ. Подъ нимъ стали разумѣть уже не одно возрожденіе «искусствъ и наукъ», а возрожденіе къ новой душевной жизни самого западно-европейскаго человѣка, какое-то по истинѣ чудесное перерожденіе его подъ вліяніемъ античныхъ идей и художественныхъ формъ. Онъ какъ-то вдругъ сталъ интересоваться своимъ внутреннимъ міромъ, своими психическими движеніями, а также внѣшнимъ міромъ и его красотами, которыхъ онъ до тѣхъ поръ будто бы не замѣчалъ, занятый неотвязной мыслью о своей загробной участи и видя въ земномъ бытіи лишь юдоль скорби о грѣхахъ. Онъ вдругъ

почувствовали себя свободнымъ существомъ среди радостей и утѣхъ жизни и проникся сознаниемъ полной законности своихъ личныхъ вкусовъ, склонностей и желаній. Изъ непримиримаго и мрачнаго врага жизни онъ вдругъ сталъ ея страстнымъ поклонникомъ, нетерпѣливо спѣшившимъ сбросить съ себя тѣ оковы, которыя налагалъ на него средневѣковый католическій режимъ. Эта свобода индивидуальнаго духа немедленно же стала давать себя знать въ научномъ и особенно въ художественномъ творествѣ. Едва ли нужно прибавлять, что вся эта картина расцвѣта «индивидуализма» (это слово очень любятъ употреблять примѣнительно къ «эпохѣ возрожденія»; «индивидуализмъ» — это тотъ «принципъ», который ввела въ жизнь «человѣчества» «эпоха возрожденія» и тѣмъ рѣзко отграничила «средніе вѣка» отъ «новаго времени», какъ обыкновенно говорятъ изслѣдователи «гуманизма»), если въ ней и есть краски, дѣйствительно взятая изъ жизни европейскаго общества соотвѣтствующей эпохи, въ общемъ представляетъ собою типическій образчикъ чисто идеалистическаго, въ сущности логическаго, чисто дедуктивнаго построенія, весьма далекаго отъ чрезвычайно сложной и въ экономическомъ, и въ социальномъ, и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ исторической дѣйствительности, которую оно какъ будто пытается воссоздать. Въ картинѣ этой все соединено на одной плоскости, и всему дано совершенно искусственное освѣщеніе. Большой интересъ къ классическому міру, пробудившійся у постепенно сложившейся интеллигенціи итальянскихъ городскихъ государствъ (интересъ, не чуждый, впрочемъ, образованнымъ людямъ и «среднихъ вѣковъ»), а потомъ перешедшій и къ представителямъ образованнаго общества и другихъ странъ западной Европы, — скорѣе показатель весьма серьезныхъ культурныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ обществами западной Европы той поры, чѣмъ причина этихъ успѣховъ. То новое, чисто свѣтское міросозерцаніе, которое развилось въ образованныхъ кругахъ Европы къ началу такъ называемаго Новаго времени, есть органическій продуктъ всего предшествующаго, очень сложнаго матеріальнаго и культурнаго (идейнаго) развитія западно-европейскихъ обществъ. Объ идеяхъ античной образованности, будто бы произведшихъ переворотъ въ средневѣковомъ міровоззрѣніи, можно сказать то же, что мы говорили, въ частности, о римскихъ юридическихъ идеяхъ: какъ и эти послѣднія, и идеи античной образованности вообще только тогда стали достояніемъ образованныхъ людей новой Европы, когда эти образованные люди, во-первыхъ, появились въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ бессловесныхъ группъ (что было результатомъ очень сложнаго хозяйственнаго и социальнаго процесса) и, во-вторыхъ, доросли до

нихъ, т.-е. когда культурное развитіе нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ обществъ Европы, поставленныхъ, благодаря особенно благоприятнымъ условіямъ, ускорившимъ ихъ хозяйственное преуспѣяніе и социальную дифференціацію, достигло такой высоты, на которой уже стали понятными образованному европейцу, доступными его уму и чувству во всей полнотѣ своего идейнаго содержанія и во всей красотѣ своихъ формъ тѣ произведенія античной литературы, искусства и науки, которыя въ прежнее время, въ такъ называемую средневѣковую эпоху (когда классическіе писатели вообще были извѣстны и даже читались), совершенно не затрогивали ни ума его, ни чувства, благодаря своему полному несотвѣтствію всему тогдашнему умственному и душевному складу. Не въ сопоставленіи литературныхъ и художественныхъ произведеній писателей и художниковъ такъ называемой «эпохи возрожденія» съ классическими образцами съ цѣлью выяснитъ вліяніе послѣднихъ на первыхъ должна заключаться работа изслѣдованія исторіи «гуманизма», а въ кропотливомъ изученіи цѣлаго ряда сложнѣйшихъ, прежде всего хозяйственныхъ и социальныхъ, процессовъ, происшедшихъ въ нѣкоторыхъ обществахъ западной Европы (прежде всего въ итальянскихъ республикахъ и тираніяхъ) и вызвавшихъ такіе общественные вкусы и культурныя потребности, которымъ могли дать удовлетвореніе лишь высокіе образы античной литературы, искусства и науки. Отвергая, какъ совершенно ненаучную, мысль о культурномъ переворотѣ, будто бы произведенномъ усвоеніемъ античной образованности въ такъ называемую «эпоху возрожденія», считая такое представленіе одной изъ многочисленныхъ иллюзій нереальной исторической мысли, современная реальная историческая наука вообще не склонна придавать такъ называемому «гуманизму» того глубокаго значенія въ исторіи культурнаго развитія Европы, какое ему обыкновенно приписываютъ, и болѣе склонна видѣть въ немъ чисто литературное явленіе, страницу изъ исторіи литературныхъ формъ, художественныхъ стилей, филологическихъ и археологическихъ изученій и педагогическихъ идей, при томъ страницу не безусловно свѣтлую, если имѣть въ виду, съ одной стороны, достигшую весьма высокой художественности вполне жизненную и самобытную оригинальность европейскаго искусства (искусства цѣлаго ряда отдѣльныхъ европейскихъ обществъ) предшествующей поры, повидимому, сильно пострадавшую, остановленную въ своемъ развитіи и уступившую мѣсто отвлеченно-художественнымъ тенденціямъ, навѣяннымъ знакомствомъ съ античными образцами и подражаніемъ имъ, съ другой стороны, тѣ совершенно искусственныя, въ сущности ничего общаго съ жизнью не имѣвшія литературныя

формы, которыя мало-по-малу восторжествовали по всей Европѣ подь названіемъ классицизма и надолго задержали появленіе реальной литературы, истиннаго органа и фактора общественнаго самосознанія и развитія; не говоримъ уже о классической школѣ, и до сихъ поръ продолжающей загораживать путь къ нормальному, жизненному и всестороннему развитію ума и чувства, къ осуществленію того, что привыкли называть гуманистическимъ идеаломъ.

Если чисто идеалистическіе аргументы въ пользу тѣснѣйшей связи древняго и новаго міра при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются далеко не убѣдительными, то и болѣе реальныя соображенія въ томъ же направленіи далеко не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, какія возлагаютъ на нихъ тѣ, кто ихъ раздѣляетъ.

Въ западно-европейской исторіографіи существуетъ весьма вліятельная по учености и талантности своихъ представителей школа такъ называемыхъ романистовъ, рассматривающая средніе вѣка какъ прямое и непосредственное продолженіе римской имперіи, объединившей и организовавшей весь древній міръ. Въ строѣ средневѣковыхъ обществъ и государствъ школа эта видитъ лишь дальнѣйшее развитіе явленій и формъ, уже выработанныхъ римскимъ міромъ, который, по ея мнѣнію, не былъ сокрушенъ подь ударами варваровъ, потому что то, что прежде понимали подь такъ называемымъ нашествіемъ варваровъ, видя въ немъ катастрофу, насильственно разгромившую римское государство, общество и его цивилизацію, не больше, какъ историческая легенда: варвары вовсе не разгромили имперіи, скорѣе они мирно поселились на римской почвѣ, постепенно и мирно проникли въ римское общество и не только не разрушили его строя, но сами явились пластическимъ матеріаломъ, наполнившимъ выработанныя римскимъ обществомъ политическія и социальныя формы. Сообразно съ такимъ взглядомъ романисты изучаютъ средневѣковое общество при свѣтѣ фактовъ и явленій римскаго развитія, конструируя средневѣковые факты и явленія въ терминахъ римской общественности и государственности, разыскивая элементы феодальнаго строя средневѣковой Европы въ общественномъ строѣ римской имперіи, объясняя, напримѣръ, средневѣковое вилланство какъ перерожденіе римскаго рабства, а средневѣковую крѣпостную общину какъ прямое продолженіе хозяйственныхъ порядковъ римской виллы съ ея рабскимъ, принудительно организованнымъ населеніемъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе этого сложнѣйшаго вопроса западно-европейской исторіографіи, сводящагося въ сущности къ вопросу о генезисѣ средневѣковаго общества и государства. Онъ будетъ предметомъ нашего изученія на всемъ протяженіи нашихъ

очерковъ. Мы считаемъ необходимымъ ограничиться здѣсь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Безспорно, работы школы романистовъ (въ частности, Фюстель де Куланжа) внесли очень много новаго и вѣрнаго въ пониманіе западно-европейскаго развитія—и въ положительномъ смыслѣ, въ смыслѣ новой постановки и новаго освѣщенія цѣлаго ряда крайне важныхъ вопросовъ хозяйственной и соціальной исторіи римской имперіи и ея занятыхъ германцами частей, и въ отрицательномъ смыслѣ, въ смыслѣ разрушенія не мало числа утвердившихся было въ западно-европейской историографіи догматовъ и предразсудковъ и привлеченія къ новому пересмотру въ цѣломъ и въ частяхъ всей конструкціи западно-европейской исторіи. Въ частности, теперь мы уже знаемъ, что римская имперія, постепенно въ силу внутреннихъ процессовъ разложившаяся на рядъ варварскихъ королевствъ, а не разгромленная варварами на вершинѣ своего могущества и славы, уже выработала нѣкоторыя соціальныя формы, очень похожія на тѣ, съ которыми обыкновенно соединяется терминъ «феодальный»: мы разумѣемъ развитіе въ имперіи крупной землевладѣльческой аристократіи, сосредоточившей въ своихъ рукахъ огромныя помѣстья, населенныя полусвободнымъ крестьянствомъ, колонами, территоріально обособленныя, представлявшія собою настояція феодальныя сеньеріи, очень мало склонныя особенно считаться съ центральной властью, въ сущности безсильной передъ ними и принужденной уступать имъ свои прерогативы. Но слѣдуетъ ли отсюда, что варварамъ оставалось только вступить въ готовыя соціальныя и политическія рамки, что феодализмъ былъ оставленъ въ наслѣдство древнимъ міромъ новому, и этому послѣднему оставалось лишь принять его и продолжать непрерыванную такимъ образомъ нить античнаго развитія? Не болѣе ли будетъ согласнымъ съ исторической дѣйствительностью, насколько она выясняется изъ всесторонняго, строго методическаго изслѣдованія какъ римскаго, такъ и варварскаго развитія, признать, что и римское, и германское общества пришли къ сходнымъ результатамъ каждое самостоятельнымъ путемъ, что феодальный строй могъ бы возникнуть среди германцевъ, если бы они и вовсе не встрѣтились съ Римомъ, но что, съ другой стороны, и въ самой римской имперіи въ концѣ-концовъ восторжествовали бы феодальныя формы, если бы варварамъ и не удалось утвердиться на ея территоріи? Соціологическое пониманіе феодализма, видящее въ феодальномъ строѣ одну изъ общественныхъ и политическихъ формъ, органически связанную съ натурально-хозяйственной стадіей въ развитіи человѣческаго общества и необходимо возникающую при наличности извѣстныхъ общихъ условій, съ своей стороны дѣ-

лаетъ такую постановку этого вопроса какъ будто болѣе приемлеюй.

Намъ остается еще разсмотрѣть чисто *экономическій* аргументъ всемірно-исторической точки зрѣнія. Въ экономической литературѣ господствуетъ взглядъ на древній міръ какъ на одну изъ стадій въ экономической эволюціи европейскихъ обществъ, именно стадію натурально-хозяйственную. Извѣстный экономистъ Родбертусъ-Ягетцовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ въ области экономическихъ отношеній классической древности проводитъ этотъ взглядъ съ полной опредѣленностью, и экономисты всѣхъ странъ Европы новторяютъ его какъ вполнѣ научную истину. Согласно этому взгляду и у грековъ, и у римлянъ хозяйственная жизнь была организована въ формѣ замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ, хозяйствъ *οἶκος*'а, автономныхъ хозяйствъ каждаго отдѣльнаго дома, собственными силами удовлетворявшихъ всѣмъ своимъ потребностямъ, производившихъ продукты не для обмѣна, а для непосредственнаго удовлетворенія потребностей въ нихъ группы, весьма значительной по своему составу, во главѣ которой стоялъ крупный собственникъ, располагавшій организованнымъ трудомъ рабовъ и другихъ подвластныхъ людей. Взглядъ этотъ недавно нашель себѣ новаго защитника въ лицѣ извѣстнаго экономиста, профессора лейпцигскаго университета *Карла Бюхера*. Бюхеръ заново развилъ эту точку зрѣнія въ своемъ сочиненіи о «*Происхожденіи народнаго хозяйства*» (состоящаго изъ ряда статей, изъ которыхъ нѣкоторыя переведены и на русскій языкъ и изданы М. И. Водовозовой), гдѣ онъ предлагаетъ очень цѣнную новую схему хозяйственнаго развитія человѣческихъ обществъ, весьма много помогающую разобраться въ экономической исторіи европейскихъ и неевропейскихъ обществъ (и не въ одной экономической исторіи) и поэтому заслуживающую серьезнѣйшаго вниманія какъ историковъ, такъ и всѣхъ другихъ представителей общественной науки. Сущность теоріи Бюхера заключается въ слѣдующемъ. Отличительной особенностью хозяйственной жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ является то, что каждое отдѣльное лицо производитъ не тѣ хозяйственныя блага, какія необходимы ему самому, но тѣ, которыя нужны другимъ, а въ обмѣнъ на нихъ оно пріобрѣтаетъ все ему необходимое, такъ что для снабженія каждаго отдѣльнаго лица всѣмъ необходимымъ ему требуется дѣятельность многихъ или всѣхъ. Хозяйственная дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица не есть нѣчто самостоятельное и самодовлѣющее, а лишь часть цѣлаго, дѣятельности всего общества; только дѣятельность всего общества можетъ дать въ результатъ совокупность вещей, необходимыхъ каждому отдѣльному лицу. Это—мѣновое хозяйство.

Это—*народное* хозяйство въ собственномъ смыслѣ этого слова. Имъ собственно и занималась классическая политическая экономія (созданная трудами Адама Смита, Рикардо, Милля и многихъ другихъ), которая въ сущности и представляетъ собою теорію обмѣна. Было время, когда народнаго хозяйства съ характеризующимъ его обмѣномъ еще не существовало. Народное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія; въ теченіе цѣлыхъ періодовъ до возникновенія народнаго хозяйства человечество хозяйничало вовсе безъ обмѣна или же при такихъ его формахъ, которыя не могутъ быть отнесены къ категоріи народно-хозяйственныхъ. Прежде, чѣмъ дойти до стадіи народно-хозяйственнаго развитія, хозяйственное развитіе, по крайней мѣрѣ народовъ центральной и западной Европы, прошло двѣ болѣе раннихъ стадіи: стадію *замкнутаго домашняго хозяйства* (производство исключительно для собственного потребленія, хозяйство безъ обмѣна) и стадію *городскаго хозяйства* (производство на заказъ, или періодъ непосредственнаго обмѣна). Переходъ отъ одной хозяйственной ступени къ другой (отъ домашняго хозяйства къ городскому и отъ городскаго къ народному) представляется Бюхеру какъ постепенное удлинненіе пути, который совершаетъ продуктъ, направляясь отъ производителя къ потребителю. Въ періодъ замкнутаго, домашняго хозяйства продукты не выходятъ за предѣлы хозяйства, въ которомъ они произведены: они тутъ и потребляются. Въ періодъ городскаго хозяйства продукты переходятъ изъ производшаго ихъ хозяйства непосредственно въ хозяйство, въ которомъ они потребляются. Въ періодъ народнаго хозяйства (періодъ товарнаго производства, обращенія продуктовъ) продуктамъ приходится проходить черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они будутъ потреблены. При господствѣ замкнутаго, домашняго хозяйства хозяйственная жизнь общества распадается на цѣлый рядъ одинаковыхъ и даже тождественныхъ по своему строенію и отправленіямъ, сравнительно мелкихъ организмовъ, самодовлѣющихъ и потому независимыхъ другъ отъ друга, не нуждающихся другъ въ другѣ, не обмѣнивающихся другъ съ другомъ. Потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительные запасы, потребительная цѣнность, потребленіе,— вотъ тѣ немногія экономическія понятія, которыя свойственны періоду замкнутаго, домашняго хозяйства. Раздѣленіе труда, если и существуетъ здѣсь, то лишь внутри каждой изъ независимыхъ хозяйственныхъ группъ, на которыя распадается общество; а народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, которое представляетъ собою характерную особенность такъ хорошо знакомаго намъ мѣноваго хозяйства и выражается въ разнообразіи зависящихъ другъ отъ друга хозяйствен-

ныхъ отраслей, въ существованіи различныхъ по своимъ хозяйственнымъ задачамъ группъ, работающихъ, слѣдовательно, для обмѣна, производящихъ различные товары,—такого раздѣленія труда періодъ замкнутаго домашняго хозяйства не знаетъ; поэтому онъ не знаетъ и профессій, не знаетъ предприятий (хозяйственной дѣятельности, имѣющей въ виду барышъ, прибыль отъ обмѣна), промышленнаго и торговаго капиталовъ, капиталовъ ссуднаго и производительнаго, не знаетъ товаровъ, цѣны, обращенія продуктовъ, дохода и его распредѣленія въ видѣ заработной платы, предпринимательской прибыли и процента на капиталъ; на этой ступени развитія говорить о доходѣ неумѣстно, потому что то, что мы называемъ доходомъ, здѣсь, въ замкнутомъ, домашнемъ хозяйствѣ, есть сумма потребительныхъ благъ, получившихъ въ самомъ хозяйствѣ свое происхождение, вся хозяйственная выручка домовладыки цѣликомъ; доходъ и имущество образуютъ здѣсь одну нераздѣльную массу, часть которой постоянно созрѣваетъ для потребленія, другая часть уничтожается потребленіемъ, между тѣмъ какъ третья лежитъ въ сундукахъ и ларяхъ, въ погребахъ и амбарахъ, какъ своего рода страховой фондъ. Замкнутая хозяйственная группа была весьма значительной по своему составу: это была или родовая группа (на раннихъ стадіяхъ общественнаго развитія), или же (съ разрушеніемъ родового строя) обыкновенная семья, но очень расширенная рабскими и иными зависимыми элементами.

Періодъ только что охарактеризованнаго замкнутаго, домашняго хозяйства простирается, по словамъ Бюхера, «отъ начала культуры вплоть до среднихъ вѣковъ (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія)». Таково, думаетъ онъ, было хозяйство грековъ, карфагенянъ, римлянъ. Это греческій *οἶκος*, римская *familia*. Слово *familia* прежде всего означаетъ совокупность *famili*, домашнихъ рабовъ, челяди. *Pater familias* есть господинъ надъ рабами, входящими въ составъ семейной группы; въ его *patria potestas* сливаются понятія о власти мужа и отца и о господскомъ правѣ рабовладѣльца. Каждый принадлежащій къ дому зарабатываетъ не для себя, а для *pater familias*, который можетъ распоряжаться жизнью и смертью cadaго. «Хозяйственной автономіей рабовладѣльческаго дома объясняется вся социальная и значительная часть политической исторіи древняго Рима», говоритъ Бюхеръ. «Нѣтъ производительныхъ профессій, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ. Существуютъ только крупные и мелкіе владѣльцы, богатые и бѣдные. Богатый лишаетъ бѣдняка владѣнія землей и превращаетъ его черезъ это въ пролетарія. Неимущій, хотя и свободный, пролетарій не имѣетъ безусловно никакой возможности найти себѣ заработокъ, ибо не суще-

ствууетъ предпринимательскаго капитала, который бы за плату покупалъ работу; не существуетъ промышленности внѣ замкнутаго дома. Такъ называемые *artifices* источниковъ—не свободные люди, занимающіеся промыслами, а ремесленники-рабы, получающіе изъ рукъ рабовъ-земледѣльцевъ и пастуховъ зерно, шерсть, дерево для переработки ихъ въ хлѣбъ, одежду, орудія. *Omnia domi nascuntur*, говоритъ у Петронія гостямъ своимъ богатый выскочка: «все производится у меня, ничто не покупается». Вотъ откуда образовались колоссальныя латифундіи, вотъ какимъ образомъ появились тѣ безграничныя массы рабовъ, которыя сконцентрировались въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и при существованіи которыхъ раздѣленіе труда было настолько многосторонне, что ихъ продукты и услуги могли удовлетворять самымъ избалованнымъ вкусамъ».

Итакъ, древній міръ находился на стадіи замкнутаго, безобмѣннаго, не знавшаго торговли и промышленныхъ профессій *домашняго хозяйства*, и дальше этого не пошелъ въ своемъ хозяйственномъ развитіи, а если и пошелъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не дальше зачатковъ *городскаго хозяйства* (производство на заказъ). Это послѣднее развилось уже въ средневѣковыхъ городахъ германскихъ и романскихъ странъ. Что же касается *народнаго хозяйства*, то образованіе его «есть главнымъ образомъ плодъ политической централизаціи, начавшейся въ концѣ среднихъ вѣковъ одновременно съ возникновеніемъ государственныхъ территориальныхъ образований и завершившейся въ настоящее время созданіемъ единаго національнаго государства. Хозяйственное соединеніе силъ идетъ рука объ руку съ подчиненіемъ частныхъ политическихъ интересовъ высшимъ цѣлямъ государственнаго цѣлаго».

Мы старались охарактеризовать взглядъ Бюхера по возможности его же собственными словами во избѣжаніе всякихъ неточностей. Категоричность его утвержденій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Определеніе выразиться едва ли можно. Вотъ эта то определенность и поражаетъ прежде всего. Мы имѣемъ въ виду не общую схему саму по себѣ, а примѣненіе ея къ древнему міру и въ частности къ римской исторіи. Древній міръ въ хозяйственномъ смыслѣ представляетъ собою, по Бюхеру, лишь ступень въ исторіи Европы, и при томъ самую низшую ступень, ступень замкнутаго, домашняго хозяйства со всѣми его социальными особенностями. Обмѣнъ, торговля, а также и всѣ другія явленія, характеризующія развитое народное хозяйство, по существу чужды ему. Эти послѣднія явленія развились уже у народовъ новой Европы, да и то уже поздно, съ конца среднихъ вѣковъ.

Какъ примирить съ такимъ взглядомъ на древній міръ цѣлый

рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у древнихъ народовъ и высоко развитой промышленности, и обширной внѣшней и внутренней торговли, и весьма далеко ушедшей по пути соціальной дифференціаціи общественной структуры? Вспомнимъ финикянъ и ихъ родственниковъ карагенянъ съ ихъ торговыми флотами, съ ихъ фабриками и заводами, съ ихъ богатой и могущественной буржуазіей; вспомнимъ Грецію эпохи Перикла, эллинистическую эпоху, Римъ въ эпоху расцвѣта республики и въ первые вѣка имперіи. Развѣ было бы мыслимо это торговое, промышленное и культурное развитіе при господствѣ замкнутаго домашняго хозяйства? Возраженіе это невольно напрашивается при знакомствѣ съ теоріей Бюхера, и не удивительно, что эта теорія не осталась безъ возраженій. Противъ Бюхера выступилъ Эдуардъ Мейеръ (нынѣ профессоръ въ Берлинѣ, а тогда въ Галле), уже заявившій себя къ тому времени крупными работами по исторіи древняго міра, въ которыхъ онъ пролилъ очень много свѣта и на экономическую эволюцію древняго Востока и Запада, и имѣвшій, что сказать на затронутую Бюхеромъ тему. Въ своемъ докладѣ объ *Экономическомъ развитіи древняго міра* (работа эта прекрасно переведена и на русскій языкъ подъ редакціей М. О. Гершензона и издана М. И. Водовозовой въ 1898 году) онъ подвергъ выставленный Бюхеромъ взглядъ обстоятельной критикѣ и противопоставилъ ему свой взглядъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Мейеръ ополчается противъ «ложнаго мнѣнія, будто историческое развитіе народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, шло непрерывно по восходящей линіи»; распространеніе этого мнѣнія онъ приписываетъ «популярной философіи, которая, какъ извѣстно, охотно занимается теоріей прогресса и, не заботясь о фактахъ, составляетъ только красивыя системы; въ основѣ его лежитъ обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую». Мейеръ считаетъ необходимымъ «самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены». «Картина дѣйствительнаго хода экономическаго развитія древности», которую вслѣдъ за этимъ рисуетъ Мейеръ, представляетъ древность какъ пѣлый рядъ обществъ, изъ которыхъ каждое проходило разныя ступени хозяйственнаго развитія, отъ низшихъ до высшихъ; знакомо было имъ и замкнутое, домашнее хозяйство со всѣми характеризующими его соціальными особенностями, и непосредственный обмѣнъ, и народное хозяйство съ широко

развитой промышленностью и торговлей, съ капиталомъ и доходомъ, съ предпринимателемъ и рабочимъ; и мелкій крестьянинъ-собственникъ, и свободный ремесленникъ, и наемный рабочій,— всѣ эти социальныя категоріи знакомы были обществамъ древняго міра такъ же, какъ и намъ; рабство вовсе не было тогда такъ значительно и не играло такой крупной роли, какъ это думаютъ обыкновенно (на послѣднемъ пунктѣ Мейеръ еще разъ остановился въ другой своей работѣ, *Рабство въ древности*, также переведенной на русскій языкъ). И нельзя не согласиться съ мнѣніями Эд. Мейера, нельзя не признать его взгляда на экономическое развитіе древняго міра дѣйствительно реальнымъ взглядомъ. Древній міръ не есть нѣчто цѣлое и однообразное, а распадается на рядъ отдѣльныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое проходило разныя ступени хозяйственнаго и социальнаго развитія. Не можетъ быть поэтому и рѣчи о древнемъ мірѣ какъ о фазисѣ въ экономическомъ (какъ и всякомъ другомъ) развитіи такъ называемаго человѣчества. Древнія общества проходили и натурально-хозяйственную стадію въ своемъ экономическомъ развитіи. Но многія изъ нихъ проходили и стадію народнаго, капиталистическаго хозяйства. Конечно, нѣтъ надобности отождествлять капиталистическій строй древнихъ обществъ съ нашимъ. Если мы обратимъ вниманіе хотя бы на одно различіе въ техническихъ знаніяхъ древняго міра и нашего, то уже это одно заставитъ насъ быть осторожнѣе въ сближеніяхъ нашей цивилизаціи съ цивилизаціей (или вѣрнѣе цивилизаціями) древняго міра. Тѣмъ не менѣе сходство все-таки очень значительно: капиталистическій строй древнихъ въ основѣ тотъ же, что и капитализмъ новой Европы; разница лишь въ степени, разница лишь количественная. Исторія народовъ, жившихъ и живущихъ у береговъ Средиземнаго моря, такимъ образомъ, дѣйствительно представляетъ два параллельныхъ періода, и народы новой Европы проходили ту же хозяйственную эволюцію, что и народы древняго міра.

Такимъ образомъ, какъ аргументъ всемірно-исторической точки зрѣнія историко-экономическая схема Бюхера едва ли можетъ быть признана убѣдительною. Но это не лишаетъ ея чрезвычайно большой цѣнности въ качествѣ схемы социологической. Бюхеръ, желая изобразить ходъ экономическаго развитія «человѣчества», въ сущности даетъ схему экономическаго развитія каждаго человѣческаго общества, поставленнаго въ условія, благопріятныя его хозяйственному росту, и какъ *соціологическая* схема построеніе его заслуживаетъ величайшаго вниманія со стороны историковъ въ качествѣ ключа, помогающаго реальному пониманію хозяйственной и социальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политической и общекультурной эволюціи человѣческихъ обществъ.

Мы не имѣли въ виду давать всесторонній анализъ всемірно-исторической концепціи: это завело бы насъ слишкомъ далеко, не къ Полибію, греческому историку второго вѣка до Р. Хр., а по меньшей мѣрѣ къ пророку Даниилу и его теоріи четырехъ монархій, и заставило бы насъ изучать чрезвычайно сложный генезисъ цѣлаго философско-историческаго міровоззрѣнія, въ которомъ элементы мистическіе, религіозные, какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ метафизической переработкѣ причудливымъ образомъ переплелись съ конкретнымъ матеріаломъ исторической дѣйствительности нѣкоторыхъ обществъ древняго міра и новой Европы и дали въ результатѣ не лишнюю импозантность, а иногда и высокой поэтичности картину планомѣрнаго и прогрессивнаго развитія «человѣчества», какъ единаго цѣлаго. Намъ хотѣлось подвергнуть пересмотру только нѣкоторые изъ опорныхъ пунктовъ этой концепціи, и при томъ такіе, которые еще и въ настоящее время пользуются значеніемъ научныхъ аргументовъ, хотя ихъ прямое или боковое родство съ уже отошедшими въ прошлое приѣмами философской и научной мысли не подлежитъ сомнѣнію, и въ итогѣ этого пересмотра мы приходимъ къ мысли, что новая Европа въ своемъ экономическомъ, социальномъ, политическомъ и обще-культурномъ развитіи не связана органически съ древнимъ міромъ, что исторія новой Европы не можетъ быть серьезно названа продолженіемъ древней исторіи, что общества новой Европы развивались въ сущности самостоятельно какъ въ матеріальномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что культурное наслѣдство, оставленное древнимъ міромъ новому, осталось мертвымъ капиталомъ. Но—скажемъ словами проф. Р. Ю. Виппера—«для современнаго историка и при изученіи этихъ любопытныхъ фактовъ воспріятія европейскими народами чужихъ, до нѣкоторой степени мертвыхъ продуктовъ давно минувшей дѣятельности,—воспріятія, такъ сказать, на разстояніи—все-таки на первомъ планѣ будетъ стоять вопросъ о томъ, какія же внутреннія основанія въ жизни новаго народа сдѣлали такое воспріятіе возможнымъ и необходимымъ... Самое воспріятіе чужой формулы является, такимъ образомъ, для историка фактомъ внутренней жизни того народа, развитіе котораго онъ изучаетъ; такое воспріятіе становится интереснымъ, какъ своего рода окончательный актъ, увѣнчаніе, завершающій символъ внутренняго процесса». Исторія рецепціи обществами новой Европы идей и формъ древности—чрезвычайно интересная страница внутренней исторіи этихъ обществъ и увлекательный специальный сюжетъ для историческаго изслѣдованія. Но и только. Центръ тяжести научнаго интереса историка новой Европы не здѣсь, а въ тѣхъ внутреннихъ

процессахъ, которые развивались въ новоевропейскихъ обществахъ и аналогичны процессамъ, развивавшимся и въ обществахъ древняго міра, и во всякомъ вообще человѣческомъ обществѣ. Намъ кажется, что пора совсѣмъ оставить всемірно-историческія иллюзіи, разъ на всегда признавъ ихъ уже отошедшимъ въ прошлое культурнымъ фактомъ, и центръ тяжести научныхъ интересовъ окончательно перенести на изученіе именно этихъ внутреннихъ процессовъ, развивавшихся и развивающихся въ человѣческихъ обществахъ, на ихъ соціологическое изученіе; пора окончательно разстаться съ идеей единого и единственнаго процесса, какой будто бы представляетъ собою исторія обществъ древняго и новаго міра, и окончательно утвердиться въ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ единымъ и единственнымъ процессомъ, а съ цѣлымъ множествомъ аналогичныхъ процессовъ, сравнительное изученіе которыхъ, щепетильно внимательное къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ нихъ, и составляетъ содержаніе науки *всеобщей* исторіи, ставящей себѣ чисто соціологическія цѣли выясненія механики общественнаго процесса, какъ такового, и законовъ, по которымъ онъ развивается. Пока традиціи *всемирной* исторіи сами окончательно не станутъ достояніемъ исторіи, пока онѣ будутъ сохранять свое вліяніе въ исторической наукѣ, до тѣхъ поръ этой послѣдней трудно будетъ окончательно стать на чисто-научную почву.

Въ заключеніе естественнымъ является вопросъ: отвергая всемірно-историческую точку зрѣнія, какъ ненаучную, имѣемъ ли мы право говорить о *среднихъ вѣкахъ*, о *средневѣковой* исторіи, о *средневѣковомъ* обществѣ и государствахъ? Вѣдь терминъ *средніе вѣка* имѣетъ смыслъ только во всемірно-исторической концепціи, обозначая одно изъ главныхъ звеньевъ въ единой цѣпи всемірно-историческаго развитія, переходную эпоху отъ древняго міра къ такъ называемой *новой* исторіи. Отрицая органическую связь древняго міра съ новымъ, мы тѣмъ самымъ, строго говоря, лишаемъ себя права говорить о *средневѣковой* исторіи. И тѣмъ не менѣе, это—чисто-словесное затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщая исторія, ставя себѣ чисто соціологическія цѣли, превращаясь въ науку, стремящуюся выяснитъ законы развитія человѣческаго общества путемъ сравнительнаго изученія конкретныхъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, интересуется каждымъ отдѣльнымъ развитіемъ постольку, поскольку оно является съ болѣе или менѣе опредѣленно выраженными индивидуальными особенностями, поскольку оно представляетъ собою дѣйствительно своеобразное сочетаніе общественныхъ элемен-

товъ, обусловливающее собою дѣйствительно своеобразный ходъ общественнаго развитія. И поскольку такъ называемая *средневѣковая* исторія удовлетворяетъ этимъ условіямъ, поскольку она дѣйствительно представляетъ данныя, позволяющія говорить о средневѣковомъ обществѣ и о средневѣковомъ развитіи, какъ о чемъ-то своеобразномъ, постольку мы въ правѣ говорить и о среднихъ вѣкахъ, и о средневѣковомъ развитіи, и о средневѣковомъ обществѣ и государствѣ. Еще въ XVIII вѣкѣ выработалось понятіе о среднихъ вѣкахъ какъ объ эпохѣ господства *феодализма*, при чемъ подъ понятіе «феодализмъ» было подведено все, что было ненавистнаго въ «старомъ порядкѣ» для представителей новой политической философіи «правъ человѣка и гражданина», вслѣдствіе чего и хронологическія рамки среднихъ вѣковъ расширились до крайности, обнимая собою время отъ такъ называемаго паденія западной римской имперіи чуть ли не до конца XVIII вѣка. Въ настоящее время болѣе научный взглядъ на средніе вѣка не позволяетъ намъ терминомъ «феодализмъ» покрывать такой пестрый конгломератъ разновременныхъ и разнохарактерныхъ явленій. Отнеся каждое изъ этихъ явленій къ соотвѣтствующему ему историческому контексту, этотъ болѣе научный взглядъ даетъ намъ возможность оставить въ содержаніи понятія «феодализмъ» болѣе опредѣленные признаки, совокупность которыхъ и сообщаетъ такъ называемому средневѣковому обществу своеобразный характеръ и позволяетъ говорить о средневѣковомъ *типѣ* общества и государства. Конечно, переходъ одного общественнаго типа въ другой совершается постепенно, путемъ незамѣтныхъ перемѣнъ въ разныхъ сферахъ жизни, и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что въ какой-нибудь опредѣленный моментъ мы можемъ констатировать чистый общественный типъ. Напротивъ, рядомъ съ признаками, характеризующими данный общественный типъ, мы всегда замѣчаемъ наличность признаковъ, не гармонирующихъ съ нимъ, идущихъ вразрѣзъ съ нимъ. Весь вопросъ въ *преобладаніи* тѣхъ или иныхъ признаковъ. Все это примѣнимо и къ такъ называемому средневѣковому обществу. Несомнѣнно, въ такъ называемомъ средневѣковомъ обществѣ и государствѣ можно констатировать черты и явленія, которыя шли въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе преобладали въ немъ, давали тонъ, сообщали типическій характеръ такъ называемому средневѣковому обществу и государству не эти черты и явленія. Постепенное развитіе этихъ нетипическихъ для средневѣкового общества и государства чертъ и явленій и постепенное возобладаніе ихъ надъ прежде господствовавшими чертами и явленіями и составляетъ содержаніе процесса перехода отъ среднихъ вѣковъ

къ новому времени, къ новому типу общества и государства. Какія именно черты характерны для такъ называемаго средневѣковаго общества и государства, что собственно является характерной особенностью такъ называемаго феодализма, это выяснится изъ послѣдующаго изложенія. А пока лишь замѣтимъ, что черты эти характерны не для однихъ лишь западно-европейскихъ обществъ, постепенно организовавшихся послѣ такъ называемаго паденія западной римской имперіи, что терминъ «средневѣковье» вполне примѣнимъ и къ извѣстному періоду въ развитіи древне-греческихъ обществъ (и его примѣняетъ такой знатокъ древняго развитія, какъ Эдуардъ Мейеръ, обозначая терминомъ «греческое средневѣковье» «эпоху владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни»), и не ихъ однихъ, а едва ли не всѣхъ человѣческихъ обществъ. Изучая средневѣковое, феодальное общество, мы такимъ образомъ ничуть не сходимъ съ почвы чисто социологическихъ интересовъ исторической науки. Изучая средневѣковое общество, мы, такимъ образомъ, изучаемъ одинъ изъ типовъ человѣческаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ фазисовъ въ его развитіи. Наша ближайшая задача, задача, которую мы будемъ по мѣрѣ силъ разрѣшать въ нашихъ очеркахъ, будетъ заключаться въ выясненіи генезиса средневѣковаго, феодальнаго типа общества на почвѣ западно-европейскаго развитія изъ всей совокупности условій предшествовавшей эпохи. Говоря болѣе конкретно, содержаніемъ нашихъ очерковъ будетъ изученіе эволюціи общества и государства римской имперіи, приведшей къ разложенію имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ, а также эволюціи нѣсколькихъ типичныхъ варварскихъ обществъ и государствъ, выясняющей процессъ возникновенія феодальнаго общества и государства.

Желающимъ болѣе обстоятельно ознакомиться съ главными по крайней мѣрѣ вопросами, затронутыми въ этомъ введеніи, рекомендуются слѣдующія сочиненія: Проф. Р. Ю. Випперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. С.-Пб. 1900 (блестящая попытка представить генезисъ общественныхъ ученій и историческихъ теорій названныхъ вѣковъ изъ современной имъ общественной дѣятельности; въ частности, здѣсь читатель найдетъ генезисъ теорій прогресса, этого базиса всемірно-исторической концепціи); проф. Р. Ю. Випперъ. Преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука. Москва. 1899 (оттискъ изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»,—представляетъ собою очень тонкую критику всемірно-исто-

рической точки зрѣнія); проф. Р. Ю. Вишперъ. Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія (статья, помѣщенная въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» за 1900 годъ, рѣдкая по тонкости и глубинѣ мысли и по богатству содержанія); Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Булгакова. С.-Пб. 1897 (изд. М. И. Водовозовой); въ видѣ дополненія или точнѣе введенія къ этой работѣ Бюхера см. его же «Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства», перев. подъ ред. В. Э. Дена. С.-Пб. 1898 г., (изд. М. И. Водовозовой); Эдуардъ Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. подъ ред. М. О. Гершензона. С.-Пб. 1898 г. (изд. М. И. Водовозовой); Эдуардъ Мейеръ. Рабство въ древности. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Э. Дена. С.-Пб. 1899 (изд. М. И. Водовозовой); проф. И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. С.-Пб. 1899 (авторъ старается провести бюхеровскую точку зрѣнія на явленія римскаго экономическаго и соціальнаго развитія и въ своемъ живомъ и увлекательномъ изложеніи знакомитъ читателя съ цѣлымъ рядомъ основныхъ проблемъ исторической науки); проф. М. И. Ростовцевъ. Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ (Русская Мысль, 1900, мартъ); для общаго ознакомленія съ историческими и соціологическими теоріями рекомендуются еще двѣ книги: П. Бартъ. Философія исторіи; какъ соціологія. Пер. съ нѣм. Часть первая. С.-Пб. 1900, и проф. Н. И. Карѣевъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. С.-Пб. 1897.

Дмитрій Петрушевскій.

Б. Н. Чичеринъ.

† 3 февраля.

---

3 февраля 1904 года, въ одинъ изъ своихъ обычныхъ прїѣздовъ въ Москву на зимніе мѣсяцы, скончался Б. Н. Чичеринъ. Тягость этой утраты рѣзкою болью отозвалась въ сердцахъ его многочисленныхъ почитателей и друзей, и горькое чувство невознаградивой потери усугублялось сознаниемъ того, что намъ приходится хоронить одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ людей, одного изъ лучшихъ вождей мысли, одного изъ самыхъ стойкихъ поборниковъ свободы и права.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что такая оцѣнка почившаго писателя не вызоветъ разногласій. Ученая дѣятельность Б. Н. давно уже оцѣнена критикой: его произведенія считаются украшеніемъ русской науки; его имя окружено рѣдкимъ почетомъ, какъ одно изъ самыхъ дорогихъ и славныхъ именъ русской ученой литературы. Такимъ же лестнымъ почетомъ пользуется имя Б. Н., какъ представителя гуманныхъ и прогрессивныхъ началъ гражданственности. Вѣнки отъ различныхъ группъ студентовъ, въ томъ числѣ отъ студентовъ-поляковъ, возложенные на гробъ почившаго, телеграммы отъ гельсингфоргскаго и краковскаго университетовъ служатъ трогательнымъ подтвержденіемъ того широкаго и благодарнаго признанія, которое выпало на долю Б. Н., какъ «знаменитаго учителя права» ¹⁾).

Откладывая оцѣнку Б. Н., какъ политическаго писателя, до болѣе подробной статьи, я хотѣлъ бы въ настоящей замѣткѣ напомнить лишь главныя даты его ученой дѣятельности. Одинъ бѣглый перечень его трудовъ служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ разнообразія его научныхъ стремленій и неутомимой энергіи его мысли.

Кандидатъ Московскаго университета, Б. Н. получилъ эту пер-

---

¹⁾ Слова телеграммы гельсингфорскаго университета къ вдовѣ Б. Н.

J. Tweedy

вую ученую степень въ 1849 г. Въ Московскій же университетъ была представлена его магистерская диссертация, появившаяся въ печати и удостоенная степени въ 1856 году. Сочиненіе это, вышедшее подъ заглавіемъ «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.», сразу доставило автору почетную извѣстность. Подобно этому труду, и другія работы первыхъ годовъ относятся, по преимуществу, къ исторіи русскаго права. Таковы статьи: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», «Несвободныя состоянія въ древней Россіи», «Еще о сельской общинѣ», «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей». Всѣ эти статьи въ 1858 г. были изданы вмѣстѣ подъ именемъ «Опытовъ по исторіи русскаго права». «Опыты» эти представляютъ превосходный образецъ историко-философской обработки русскаго права. Особенно любопытной является попытка прослѣдить законъ историческаго преемства общественныхъ союзовъ до государства включительно (въ очеркѣ о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ). Всѣ эти изслѣдованія до сихъ поръ не утратили своего выдающагося значенія. Другой рядъ работъ этого періода относится къ политическому быту Западной Европы. Сюда должны быть причислены статьи: «О политической будущности Англіи», «Старая французская монархія и революція», «О французскихъ крестьянахъ». Всѣ онѣ были изданы въ томъ же 1858 году подъ заглавіемъ «Очерки Англіи и Франціи». Написанныя по поводу нѣкоторыхъ крупныхъ явленій западной науки и публицистики, онѣ представляютъ собою образецъ основательной и глубокой критики, переходящей въ самостоятельное изслѣдованіе. Уже здѣсь въ этихъ раннихъ своихъ статьяхъ Б. Н. обнаружилъ свойственное ему стремленіе взвѣшивать и оцѣнивать различные элементы политической жизни въ ихъ необходимомъ значеніи для органическаго развитія государства и общества. Рѣшительный врагъ стѣснительныхъ политическихъ мѣръ и безпрепрывной опеки надъ обществомъ, Б. Н. признаетъ однако, что «истинный либерализмъ состоитъ не въ отрицаніи государственныхъ началъ», а въ правильномъ сочетаніи свободы съ законнымъ порядкомъ.

Такъ намѣчена была его основная точка зрѣнія на явленія политической жизни, которую самъ Б. Н. обозначилъ именемъ «охранительнаго либерализма» и которая лишь въ позднѣйшую пору его писательской дѣятельности получила ярко выраженный характеръ либерализма оппозиціоннаго.

Въ 1861 году начинается профессорская дѣятельность Б. Н. въ Московскомъ университетѣ, продолжавшаяся восемь лѣтъ. Въ эти годы большую часть времени Б. Н. долженъ былъ употребить

на выработку своего университетскаго курса, который обнимал исторію политическихъ ученій, общее государственное право и русское государственное право. Однако и въ этотъ періодъ своей дѣятельности Б. Н. успѣлъ напечатать нѣсколько цѣнныхъ статей по текущимъ вопросамъ русской жизни, въ которыхъ явленія современности любопытно освѣщались при помощи научныхъ данныхъ. Таковы, напр., статьи «о русскомъ дворянствѣ», «о судебной реформѣ», «о земскихъ учрежденіяхъ» и др. Въ 1862 г. онѣ были изданы подъ общимъ заглавіемъ: «Нѣсколько современныхъ вопросовъ». Кромѣ того, за эти годы Б. Н. подготовилъ и свою докторскую диссертацию «О народномъ представительствѣ». Она была закончена печатаніемъ въ 1866 г., но еще ранѣе этого, въ 1865 г., петербургскій юридическій факультетъ поднесъ Б. Н. дипломъ на званіе доктора *honoris causa*.

Въ 1868 году Б. Н. долженъ былъ выйти въ отставку, съ протестомъ во имя права и законной свободы, когда честь и совѣсть не позволяли ему долѣе оставаться въ университетѣ. Такъ кончилась преподавательская дѣятельность Б. Н. въ полномъ расцвѣтѣ его дарованій и силъ. Бывшіе слушатели профессора свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на своихъ учениковъ, а курсы его, изданные впоследствии, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ того, съ какимъ успѣхомъ осуществлялъ онъ поставленный имъ себѣ идеаль преподаванія — «представить образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, — науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и приобрѣтаютъ высшій полетъ».

Оставивъ кафедру, Б. Н. отдался ученой дѣятельности, которая съ небольшими перерывами продолжалась до конца его жизни. Уже въ 1869 году вышелъ первый томъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній «Исторія политическихъ ученій». По словамъ предисловія къ этому труду, онъ представляетъ собою «плодъ двадцатилѣтней работы». Четвертый томъ этого сочиненія вышелъ въ 1877 г., пятый былъ изданъ въ 1902 г. Изложеніе доводится до первой половины XIX вѣка и, несмотря на нѣкоторые неизбежные пробѣлы, представляетъ собою до сихъ поръ еще не превзойденную попытку изложить въ систематическомъ очеркѣ развитіе ученій о правѣ и государствѣ. Слѣдующіе крупные труды Б. Н. были посвящены философіи. Въ 1879 г. появилось его сочиненіе «Наука и религія»; въ 1880 году вышелъ критическій очеркъ «Мистицизмъ въ наукѣ» (посвященный разбору философскихъ воззрѣній Влад. Соловьева). Сюда же должны быть отнесены появившіяся въ 90-хъ годахъ (въ 92 и 94 гг.) два сочиненія: «Положительная

философія и единство науки» и «Основанія логики и метафизики». Въ своихъ философскихъ произведеніяхъ Б. Н. является блестящимъ представителемъ гегельянства, создавшимъ на почвѣ гегелевской діалектики цѣльное построеніе человѣческаго знанія. Исходя изъ мысли, что высшая задача философіи состоитъ въ сочетаніи опыта и умозрѣнія, и полагая, что въ системѣ Гегеля заложенъ твердый фундаментъ умозрительныхъ опредѣленій, подлежащій лишь нѣкоторому восполненію, Б. Н. съ изумительной энергіей выполнилъ предположенную имъ философскую задачу. Для ея довершенія онъ уже въ преклонные годы посвятилъ нѣсколько лѣтъ занятію высшей математикой и естествознаніемъ, оставивъ и въ этихъ областяхъ слѣды своей работы въ видѣ нѣсколькихъ специальныхъ статей, предназначенныхъ служить къ подтвержденію его философскихъ взглядовъ. Столь законченнаго и разносторонняго примѣненія гегелевскихъ началъ не можетъ указать и нѣмецкая философская литература. Для развитія философской мысли въ Россіи особенное значеніе имѣла критическая сторона работъ Б. Н.: онъ былъ однимъ изъ первыхъ, выступившихъ у насъ противъ англо-французскаго позитивизма и разоблачившихъ шаткость его основаній.

Другіе крупные труды 80-хъ и 90-хъ годовъ относятся къ области права и политики. Философскій идеализмъ Б. Н. прямо и непосредственно переводилъ въ область конкретныхъ опредѣленій дѣйствительной жизни. Его философская точка зрѣнія включала въ себѣ требованіе, чтобы идеальныя начала оправдывались опытомъ дѣйствительности и чтобы дѣйствительность освѣщалась и руководилась свѣтомъ философскихъ началъ. Отсюда его постоянный и живѣйшій интересъ къ теоретической разработкѣ юридическихъ и политическихъ вопросовъ. Б. Н. посвятилъ этимъ вопросамъ рядъ такихъ солидныхъ изслѣдованій, какъ: «Собственность и государство» (2 т.), «Курсъ государственной науки» (3 т.), «Философія права»; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно отзывался на нужды текущей жизни блестящими статьями, въ которыхъ глубокая эрудиція ученаго сочеталась съ паэосомъ стойкаго гражданина.

Такова была ученая дѣятельность Б. Н., удивительная по неустойчивой энергіи и неослабѣвающей любви къ наукѣ. Начавшись подъ благотворнымъ вліяніемъ лучшихъ временъ Московскаго университета, въ счастливую пору учительства Грановскаго, Рѣдкина и Кавелина, она съ необычайнымъ успѣхомъ продолжалась на протяженіи болѣе полулѣта, оправдывая тѣ предзнаменованія, которыя указали ей путь.

Тайна этого успѣха и того особаго уваженія, которымъ окружено имя Б. Н., заключается не только въ его исключительныхъ

дарованіяхъ, не только въ глубокой серьезности его научныхъ стремленій, но также и въ томъ нравственномъ энтузіазмѣ, который онъ всегда соединялъ съ занятіемъ наукой. Б. Н. почерпалъ въ наукѣ не одинъ запасъ свѣдѣній: онъ находилъ въ ней источникъ крѣпкихъ убѣжденій и нравственныхъ силъ. Онъ вѣрилъ, что наука способна наполнить жизнь человѣка возвышеннымъ содержаніемъ и дать высшій полетъ силамъ духа. Онъ вѣрилъ, что наука есть высшая наставница жизни, которая одна можетъ дать твердое руководство и для человѣка, и для общества, которая уже и въ настоящемъ состояніи своемъ представляетъ богатую сокровищницу драгоценныхъ наученій и незблемыхъ началъ. Въ этомъ отношеніи Б. Н. свято сохранилъ завѣты той эпохи, въ которую онъ получилъ свое научное крещеніе. Среди сомнѣній и колебаній послѣдняго времени, среди измѣнчивыхъ настроеній русскаго общества онъ сохранилъ неизмѣнными прекрасные завѣты своей молодости и дожилъ до того, что подъ конецъ его жизни къ нему снова обратились молодые сердца, лучшія надежды которыхъ онъ благословлялъ своимъ ободряющимъ и какъ бы пророческимъ словомъ.

Велико и обширно научное наслѣдіе, оставленное Б. Н., и столь же значительно общественное и нравственное значеніе его ученой дѣятельности. Его труды долго еще будутъ служить для русскаго общества и живымъ источникомъ мысли, и ободряющимъ нравственнымъ примѣромъ. Во многомъ можно съ нимъ не соглашаться, многое критиковать и отрицать; но у него нельзя найти ничего такого, что не вытекало бы изъ самаго искренняго желанія общаго блага и самаго серьезнаго изученія предмета. Мыслитель непоколебимо-честный, неизмѣнно вѣрный себѣ и проникнутый глубокой вѣрой въ озаряющую силу истины, онъ представилъ намъ образецъ науки самостоятельной и свободной, не поддающейся мимолетнымъ увлеченіямъ времени и черпающей свои вдохновенія въ глубочайшихъ источникахъ историческаго опыта и философской мысли. Такая наука есть сама по себѣ твердый оплотъ противъ всѣхъ сомнѣній и тревогъ дня; такая наука даетъ не только силу знанія, но и силу нравственную. Б. Н. былъ однимъ изъ лучшихъ ея носителей, и это обезпечиваетъ ему неизмѣнную признательность грядущихъ поколѣній.

П. Новгородцевъ.

Фотот. П. ПАВЛОВА

Срочное письмо
Александру Семеновичу
Харьковскому

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

Московскій государственный человекъ XVII в. ¹⁾.

Московскій государственный человекъ XVII в.! Самое это выраженіе можетъ показаться злоупотребленіемъ современной политической терминологіей. *Государственный человекъ* — вѣдь это значить развитой и своеобразный политическій умъ, способный наблюдать, понимать и направлять общественныя движенія, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вопросы времени, съ разработанной программой дѣйствія, наконецъ съ извѣстнымъ просторомъ для политической дѣятельности—цѣлый рядъ условій, присутствія которыхъ мы совсѣмъ не привыкли предполагать въ старомъ Московскомъ государствѣ. Да, до XVII в. этихъ условій, дѣйствительно, не замѣтно въ государствѣ московскихъ самодержцевъ, и трудно искать государственныхъ людей при ихъ дворѣ. Ходъ государственныхъ дѣлъ тогда направлялся заведеннымъ порядкомъ да государевой волей. Личный умъ прятался за порядокъ, лицо служило только орудіемъ государевой воли; но и порядокъ, и самая эта воля подчинялись еще сильнѣйшему вліянію обычая, преданія. Въ XVII в. однако московская государственная жизнь начала прокладывать себѣ иные пути. Старый обычай, заведенный порядокъ пошатнулись; начался сильный спросъ на умъ, на личныя силы, а воля царя Алексѣя Михайловича была такая умная и притомъ такая добрая воля, которая для общаго блага готова была подчиниться всякому сильному и благонамѣренному уму. И этотъ царь былъ вознагражденъ за свое довѣріе къ уму и таланту: рѣдкому государю приходилось дѣлать труды управленія съ такимъ количествомъ благонамѣренныхъ, умныхъ и даровитыхъ дѣльцовъ, какъ царю Алексѣю. При своемъ благодушномъ отношеніи къ вопросамъ времени, при осторожныхъ порывахъ къ новизнѣ онъ не далъ руководящихъ идей, началъ для реформы; но онъ помогъ выступить первымъ реформаторамъ съ ихъ

¹⁾ Изъ приготовляемой къ печати III части курса русской исторіи.

идеями и началами, далъ возможность смѣлымъ умамъ впервые почувствовать себя свободно и проявить свои силы, не далъ ни плана, ни направленія преобразованіямъ, но создалъ преобразовательное настроеніе.

Первое мѣсто въ ряду государственныхъ дѣльцовъ, захваченныхъ такимъ настроеніемъ, безспорно принадлежитъ самому блестящему изъ сотрудниковъ царя Алексѣя, наиболѣе энергическому провозвѣстнику преобразовательныхъ стремленій его времени, боярину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Этотъ дѣлецъ двойнѣ любопытенъ для насъ, потому что велъ двойную подготовку реформы Петра Великаго. Во-первыхъ, никто изъ московскихъ государственныхъ дѣльцовъ XVII в. не высказалъ столько, какъ онъ, преобразовательныхъ идей и плановъ, которые послѣ осуществилъ Петръ. Потомъ, Ордину-Нащокину пришлось не только дѣйствовать по-новому, но и самому создавать обстановку для своей дѣятельности. По происхожденію своему онъ не принадлежалъ къ тому обществу, среди котораго ему привелось дѣйствовать. Привилегированнымъ питомникомъ политическихъ дѣльцовъ въ Московскомъ государствѣ служило старое родовитое боярство, пренебрежительно смотрѣвшее на массу провинціального дворянства. Ординъ-Нащокинъ былъ едва ли не первымъ провинціальнымъ дворяниномъ, проложившимъ себѣ дорогу въ кругъ этой спесивой знати, а за нимъ уже потянулась вереница его провинціальной братіи, скоро разбившей плотные ряды боярской аристократіи.

Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ сынъ очень скромнаго псковскаго помѣщика; въ Псковскомъ и въ ближнемъ Торопецкомъ уѣздахъ ютилось цѣлое фамиліное гнѣздо Нащокиныхъ, которое шло отъ одного виднаго служилаго человѣка при московскомъ дворѣ XIV в. Изъ этого гнѣзда, захудавшаго послѣ своего родоначальника, вышелъ и нашъ Аѳанасій Лаврентьевичъ. Онъ сталъ извѣстенъ еще при царѣ Михаилѣ: его не разъ назначали въ посольскія комиссіи для размежеванія границъ со Швеціей. Въ началѣ Алексѣева царствованія Ординъ-Нащокинъ уже считался на родинѣ виднымъ дѣльцомъ и усерднымъ слугой московскаго правительства. Вотъ почему во время псковскаго бунта 1650 г. мятежники намѣревались убить его. При усмиреніи этого бунта московскими полками Ординъ-Нащокинъ показалъ много усердія и умѣнья. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору. Когда въ 1654 г. открылась война съ Польшей, ему порученъ былъ чрезвычайно трудный постъ: съ малыми военными силами онъ долженъ былъ сторожить московскую границу со стороны Литвы и Ливоніи. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ 1656 г. началась война со Швеціей, и самъ

царь двинулся въ походъ подъ Ригу. Когда московскія войска взяли одинъ изъ ливонскихъ городовъ на Двинѣ, Кокенгаузенъ (старинный русскій Кукейносъ, когда-то принадлежавшій полоцкимъ князьямъ), Нащокинъ былъ назначенъ воеводой этого и другихъ новозавоеванныхъ городовъ. На этой должности Ординъ-Нащокинъ дѣлаетъ очень важныя военныя и дипломатическія дѣла, сторожить границу, завоевываетъ ливонскіе городки, ведетъ переписку съ польскими властями; ни одно важное дипломатическое дѣло не дѣлается безъ его участія. Въ 1658 г. его усиліями заключено было Валесарское перемиріе со Швеціей, условія котораго превзошли ожиданія самого царя Алексѣя. Въ 1665 г. Ординъ-Нащокинъ сидѣлъ воеводой въ родномъ своемъ Псковѣ. Наконецъ, онъ сослужилъ самую важную и тяжелую службу московскому правительству: послѣ утомительныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными онъ заключилъ въ январѣ 1667 г. въ Андрусовѣ перемиріе съ Польшей, положившее конецъ опустошительной для обѣихъ сторонъ тринадцатилѣтней войнѣ. Въ этихъ переговорахъ Нащокинъ показалъ много дипломатической сообразительности и умѣнья ладить съ иноземцами и вытягалъ у поляковъ уступку не только Смоленской и Сѣверской земли и восточной Малороссіи, но и изъ западной—Кіева съ округомъ (на два года). Заключеніе Андрусовскаго перемирія поставило Аѳанасія очень высоко въ московскомъ правительствѣ, составило ему громкую дипломатическую извѣстность. Дѣлая всѣ эти дѣла, Нащокинъ быстро поднимался по чиновной лѣстницѣ. Городовой дворянинъ *по отечеству*, по происхожденію, онъ уже въ 1658 г., сидя воеводой въ Кукейносѣ, произведенъ былъ въ *думные дворяне*, т.-е. въ младшіе члены государственнаго совѣта, а черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ чинъ *окольничаго*; наконецъ, по заключеніи упомянутаго перемирія онъ былъ пожалованъ въ *бояре* и назначенъ главнымъ управителемъ Посольскаго приказа (министерства иностранныхъ дѣлъ) съ громкимъ титуломъ «царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», т.-е. сталъ государственнымъ канцлеромъ.

Такова была служебная карьера Нащокина. Его родина имѣла нѣкоторое значеніе въ его судьбѣ. Псковскій край, пограничный съ Ливоніей, издавна былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмцами и шведами. Раннее знакомство съ иноземцами и частыя сношенія съ ними давали Нащокину возможность внимательно наблюдать и изучать ближайшія къ Россіи страны западной Европы. Это облегчалось еще тѣмъ, что въ молодости Ордину-Нащокину какъ-то посчастливилось получить хорошее образованіе: онъ зналъ, говорить, математику, языки латинскій и нѣмецкій; служебныя обсто-

ательства заставили его познакомиться и съ польскимъ языкомъ. Такъ онъ рано и основательно подготовился къ роли дѣльца въ сношеніяхъ Московскаго государства съ европейскимъ Западомъ. Его товарищи по службѣ говорили про него, что онъ «знаетъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе обычаи знаетъ же». Внимательное наблюденіе надъ иноземными порядками и привычка сравнивать ихъ съ отечественными сдѣлала Нащокина ревностнымъ поклонникомъ западной Европы и жестокимъ критикомъ отечественнаго быта. Такъ онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и исключительности и выработалъ свое особое политическое мышленіе: онъ первый провозгласилъ у насъ правило, что «доброму не стыдно навывкатъ и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ». Послѣ него остался рядъ бумагъ, служебныхъ донесеній, записокъ или докладовъ царю по разнымъ политическимъ вопросамъ. Это очень любопытные документы для характеристики какъ самого Нащокина, такъ и преобразовательнаго движенія его времени. Видно, что авторъ говоритъ и бойкое перо; не даромъ даже враги сознавались, что Аванасій умѣлъ «слагательно», складно писать. У него было и другое еще болѣе рѣдкое качество—тонкій, цѣпкій и емкій умъ, умѣвшій быстро схватывать данное положеніе и комбинировать по своему условія минуты. Это былъ мастеръ своеобразныхъ и неожиданныхъ политическихъ построеній. Съ нимъ было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, онъ иногда выводилъ изъ терпѣнія иноземныхъ дипломатовъ, съ которыми велъ переговоры, и они ему же пеняли за трудность имѣть съ нимъ дѣло: не пропустить ни малѣйшаго промаха, никакой непослѣдовательности въ дипломатической діалектикѣ, сейчасъ поддѣнетъ и поставитъ втупикъ оплошнаго или близорукаго противника, отравитъ ему и чистыя намѣренія, самимъ же имъ внушенныя, за что однажды пеняли ему польскіе комиссары, съ нимъ переговаривавшіеся. Такое направленіе ума совмѣщалось у него съ неутомимой совѣстью, съ привычкой колоть глаза людямъ ихъ несообразительностью. Ворчать за правду и здравый рассудокъ онъ считалъ своимъ долгомъ и даже находилъ въ томъ большое удовольствіе. Въ его письмахъ и докладахъ царю всего рѣзче звучитъ одна нота: всѣ они полны немолчныхъ и часто очень желчныхъ жалобъ на московскихъ людей и московскіе порядки. Ординъ-Нащокинъ вѣчно на все ропщетъ, всѣмъ недоволенъ: правительственными учрежденіями и приказными обычаями, военнымъ устройствомъ, правами и понятіями общества. Его симпатіи и антипатіи, мало раздѣляемыя другими, создавали ему неловкое двусмысленное положеніе въ московскомъ обществѣ. Привязанность его къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ правилъ иноземцамъ,

съ нимъ сближавшимся, которые снисходительно признавали въ немъ «пеглупаго подражателя своихъ обычаевъ». Но это же самое падѣло ему множество враговъ между своими и давало поводъ его московскимъ недоброхотамъ смѣяться надъ нимъ, называть его «иноземцемъ». Двусмысленность его положенія еще усиливалась его происхожденіемъ и характеромъ. Свои и чужіе признавали въ немъ человѣка остраго ума, съ которымъ онъ пойдетъ далеко; этимъ онъ задѣвалъ много встрѣчныхъ самолюбій и тѣмъ болѣе, что онъ шелъ не обычной дорогой, къ какой предназначенъ былъ происхожденіемъ, а жесткій и нѣсколько задорный нравъ его не смягчалъ этихъ столкновеній. Нащокинъ былъ чужой среди московскаго служебнаго міра и какъ политическій новикъ долженъ былъ съ бою брать свое служебное положеніе, чувствуя, что каждый его шагъ впередъ увеличиваетъ число его враговъ, особенно среди московской боярской знати. Такимъ положеніемъ выработалась его своеобразная манера держаться среди враждебнаго ему общества. Онъ зналъ, что его единственная опора—царь, не любившій надменности, и, стараясь обезпечить себѣ эту опору, Нащокинъ прикрывался передъ царемъ отъ своихъ недруговъ видомъ загнаннаго скромника, смиреніемъ до самоуничженія. Онъ не высоко цѣнитъ свою службишку; но не выше ставитъ и службу своихъ знатныхъ враговъ и всюду горько на нихъ жалуется. «Передъ всѣми людьми,—пишетъ онъ царю,—за твое сударево дѣло никто такъ не возненавиженъ, какъ я», называетъ себя «облихованнымъ и ненавидимымъ человѣченкомъ, не имѣющимъ, гдѣ приклонить грѣшную голову». При всякомъ затрудненіи или столкновеніи съ вліятельными недругами онъ проситъ царя отставить его отъ службы, какъ неудобнаго и неумѣлаго слугу, отъ котораго можетъ только пострадать государственный интересъ. «Государево дѣло ненавидятъ ради меня, холопа твоего», пишетъ онъ царю и проситъ «откинуть отъ дѣла своего омерзѣлаго холопа». Но Аванасій зналъ себѣ цѣну, и про его скромность можно было сказать, что это—напускное смиреніе паче гордости, которое не мѣшало ему считать себя прямо человѣкомъ не отъ міра сего: «если бы я отъ міра былъ, міръ своего любилъ бы», писалъ онъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому что «они не видятъ стези правды и сердце ихъ одебелѣло завистью». Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ царю о правительственномъ превосходствѣ боярской знати сравнительно съ своей худородной особой. «Думнымъ людямъ никому не падобенъ я, не надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ при-

стойно быть изъ ближнихъ боярь: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространнѣй промыслъ имѣть и жить умѣють; отдаю тебѣ, великому государю, мое крестное дѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего». Въ раздраженіи на враговъ онъ иногда прямо забывался, искушалъ довѣріе и благорасположеніе самого царя, укоризненно указывая ему на допускаемыя имъ несообразности въ правительственныхъ отношеніяхъ. Ты, дескать, самодержавный государь, въ Москвѣ не выбираютъ государей на сеймѣ и обо мнѣ знаютъ, что я твоей государевой милостью высканъ, а управляемый мною Посольскій Приказъ открыто со мной враждуетъ; иноземцы дивятся, видя, что я, ненавидимый въ твоей палатѣ, къ такому высокому государственному дѣлу приставленъ; нигдѣ во всемъ свѣтѣ такія важныя дѣла не дѣлаются опальными и ненавидимыми людьми. «Припомни, государь, многія горькія слезы мои передъ лицомъ твоимъ государевымъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служить, тѣ гонимы. Я служу тебѣ по твоей государевой неисчетной милости, а не по палатному выбору, и за твою милость безкорыстно и безстрашно, никого сильныхъ не боясь, умираю въ правдѣ. Если я въ чемъ повиненъ, прикажи меня казнить беззаступнаго, чтобъ и другимъ дать урокъ не поступать безъ заступы такъ дерзко, какъ я, а поступать, какъ подобаетъ палатнымъ избранникамъ».

Царь долго и настойчиво поддерживалъ своенравнаго и запальчиваго дѣльца, терпѣливо выносилъ его скучныя жалобы и попреки, увѣрялъ его, что ему нечего бояться, что его никому не выдадутъ, грозилъ его недругамъ великими опалами за вражду съ Аванасіемъ и предоставлялъ ему значительный просторъ для дѣятельности. Благодаря этому, Ординъ-Нащокинъ получилъ возможность не только обнаружить свои административныя и дипломатическія таланты, но и выработать, даже частью осуществить свои политическія планы. Въ письмахъ своихъ къ царю онъ больше порицаетъ существующее или полемизируетъ съ противниками, чѣмъ излагаетъ свою программу. Однако въ его бумагахъ можно набрать значительный запасъ идей и проектовъ, которые при надлежащей практической разработкѣ могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики.

Первая идея, на которой упорно стоитъ Нащокинъ, заключалась въ томъ, чтобы во всемъ брать образецъ съ Запада, все дѣлать «съ примѣру стороннихъ, чужихъ земель». Это—исходная точка его преобразовательныхъ плановъ; но не все нужно брать безъ разбора у чужихъ. «Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ,—говаривалъ онъ:—ихъ платье не по насъ, а наше не

по нихъ». Это былъ одинъ изъ немногихъ западниковъ, подумавшихъ о томъ, что можно и чего не нужно заимствовать, искавшихъ соглашенія общеевропейской культуры съ національной самобытностью. Потомъ Нащокинъ не могъ помириться съ духомъ и привычками московской администраціи, дѣятельность которой неуѣренно руководилась личными счетами и отношеніями, а не интересомъ государственнаго дѣла, порученнаго тому или другому дѣльцу. «У насъ, — пишетъ онъ, — любятъ дѣло или ненавидятъ его, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его дѣлаетъ: меня не любятъ, а потому и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ». Когда царь выражалъ Нащокину неудовольствіе за его нелады съ тѣмъ или другимъ знатнымъ завистникомъ, Аванасій отвѣчалъ, что личной вражды у него нѣтъ, но «о государевѣ дѣлѣ сердце болить и молчать не даетъ, когда въ государевѣ дѣлѣ вижу чье нерадѣнье». Итакъ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ, — вотъ второе правило, которымъ руководился Нащокинъ. Главнымъ его поприщемъ была дипломатія, и это былъ дипломатъ первой величины по признанію современниковъ, даже иностранцевъ; по крайней мѣрѣ, онъ едва ли не первый изъ русскихъ государственныхъ людей заставилъ иностранцевъ уважать себя. Англичанинъ Коллинсъ, врачъ царя Алексѣя, прямо называетъ Нащокина великимъ политикомъ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ. За то и онъ уважалъ свое дѣло. Дипломатія составляетъ, по его мнѣнію, главную функцію государственнаго управления, и только достойные люди могутъ браться за такое дѣло. «На государственныхъ дѣла, — писалъ онъ, подобаетъ мысленныя очеса устремлять безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства со всѣхъ сторонъ, а это есть дѣло одного Посольскаго Приказа».

У Нащокина были свои дипломатическіе планы, своеобразные взгляды на задачи внѣшней московской политики. Ему пришлось дѣйствовать въ ту минуту, когда ребромъ были поставлены самые щекотливые вопросы, питавшіе непримиримую вражду московскаго государства съ Польшей и Швеціей, вопросы о Малороссіи, о Балтійскомъ берегу. Обстоятельства поставили Нащокина въ самый водоворотъ сношеній и столкновеній, вызванныхъ этими вопросами. Но у него не закружилась голова въ этомъ водоворотѣ: въ запутанныхъ дѣлахъ онъ умѣлъ отдѣлать важное отъ шумнаго, привлекательное отъ полезнаго, мечты отъ достижимаго. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ положеніи и при наличныхъ средствахъ Московскаго государства для него неразрѣшимъ въ полномъ объемѣ вопросъ малороссійскій, т.-е. вопросъ о воссоединеніи юго-западной Руси съ Великороссіей. Вотъ почему онъ склонялся къ миру и

даже къ тѣсному союзу съ Польшей, и хотя хорошо зналъ, какъ онъ выражался, «зѣло шаткій, бездушный и непостоянный польскій народъ», но отъ союза съ нимъ ждалъ разнообразныхъ выгодъ. Между прочимъ, чаялъ онъ, турецкіе хрістіане, молдаване и волохи, послышавъ про этотъ союзъ, отложатся отъ турокъ, и тогда всѣ дѣти Восточной Церкви, обитающія отъ самаго Дуная вплоть до предѣловъ Великой Россіи и нынѣ разьединяемыя враждебной Польшей, сольются въ многочисленный хрістіанскій народъ, покровительствуемый православнымъ царемъ московскимъ, и тогда сами собою прекратятся шведскія козни, возможныя только при русско-польской распрѣ. Въ 1667 г. польскимъ посламъ, пріѣхавшимъ въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго договора, Нащокинъ въ одушевленной рѣчи развивалъ свои мечты о томъ, какой великой славой покрылись бы всѣ славянскіе народы и какія великія предпріятія увѣнчались бы успѣхомъ, если бы племена, населяющія наши государства и почти всѣ говорящія по-славянски отъ Адриатическаго до Нѣмецкаго моря и до Сѣвернаго океана, соединились и какая слава ожидаетъ оба государства въ будущемъ, когда они, стоя во главѣ славянскихъ народовъ, соединятся подъ одною державою.

Хлопоча о тѣсномъ союзѣ съ вѣковымъ врагомъ и даже мечтая о династическомъ соединеніи съ Польшей подъ властью московскаго царя или его сына, Нащокинъ проводилъ чрезвычайно крутой поворотъ во внѣшней московской политикѣ. Онъ имѣлъ свои соображенія, оправдывавшія такую перемену въ ходѣ дѣлъ. Малороссійскій вопросъ въ его глазахъ былъ пока дѣломъ второстепеннымъ. Если, писалъ онъ, черкасы (казаки) измѣняютъ, то стоятъ ли они того, чтобы стоять за нихъ? Дѣйствительно, съ присоединеніемъ восточной Малороссіи главный узелъ этого вопроса развязывался, Польша переставала быть опасной для Москвы, твердо ставшей на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ. Притомъ нельзя было навсегда удержать временно уступленный Кіевъ и присоединить западную Малороссію, не совершивъ международной неправды, не нарушивъ Андрусовскаго перемирія. А Нащокинъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ дипломатовъ, обладавшихъ дипломатической совѣстливостью,—качествомъ, съ которымъ и тогда неохотно мирилась дипломатія. Онъ ничего не хотѣлъ дѣлать безъ правды: «лучше во истину принять злему животу моему конецъ и вовѣки свободну быть, нежели противно правды дѣлати». Поэтому, когда гетманъ Дорошенко съ западной Малороссіей, отложившись отъ Польши, поддался турецкому султану, а потомъ изъявилъ согласіе стать подъ высокую руку царя московскаго, Нащокинъ на запросъ изъ Москвы,

можно ли принять Дорошенка въ подданство, отвѣчалъ рѣшительнымъ протестомъ противъ такого нарушенія договоровъ, выразилъ даже негодованіе, что къ нему обращаются съ такими некорректными запросами. По его мнѣнію, дѣло надобно было повести такъ, чтобы сами поляки, разумно взвѣсивъ свои и московскіе интересы, для упроченія русско-польскаго союза противъ басурманъ и для успокоенія Украйны добровольно уступили Москвѣ и Кіевъ, и даже всю западную Малороссію, «а нагло писать о томъ въ Польшу невозможно». Еще до перемирія въ Андрусовѣ Нащокинъ убѣждалъ царя, что съ польскимъ королемъ «надобно мириться въ мѣру», на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы поляки не искали потомъ перваго случая отомстить: «взять Полоцкъ да Витебскъ, а если поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно». Въ докладѣ о необходимости тѣснаго союза съ Польшей у Нащокина вырвался даже неосторожный намекъ на возможность отступить и отъ всей Малороссіи, а не отъ западной только, ради упроченія союза. Но царь горячо возсталъ противъ такого малодушія своего любимца и очень энергично выразилъ свое негодованіе. «Эту статью,—отвѣчалъ ему царь,—отложили и велѣли выкинуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума—одинъ твердый разумъ да половину второго, колеблемаго вѣтромъ. Союзъ превеликое богоугодное дѣло и объ немъ въ свое время пойдетъ рѣчь. А о здѣшной Черкасской сторонѣ и думать непристойно: твоимъ усердіемъ и вѣрной службой объ этомъ рѣчь навсегда покончена, твои соображенія по той статьѣ намъ крѣпко памяты и за то тебя милостиво похваляемъ. Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (полякамъ не подобаетъ владѣть и западной Малороссіей): только то не по нашей волѣ, а за грѣхи учинится. Если же оба куска святаго хлѣба достанутся собакѣ—охъ, какое оправданіе приметъ допустившій это? Будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердныя муки. Человѣче! иди съ миромъ царскимъ среднимъ путемъ, какъ началъ, такъ и кончай, не уклоняйся ни направо, ни налѣво; Господь съ тобою!» И упрямый человѣкъ сдался на набожный вздохъ своего государя, котораго порой прямо не слушался, крѣпко ухватился и за другой кусокъ православнаго хлѣба, вытягавъ у поляковъ въ Андрусовѣ вмѣстѣ съ восточной Малороссіей Кіевъ изъ западной.

Помыслы о соединеніи всѣхъ славянъ подъ дружнымъ руководствомъ Москвы и Польши были политической идилліей Нащокина. Какъ практическаго дѣльца, его больше занимали интересы болѣе дѣловаго свойства. Его дипломатическій взглядъ обращался во всѣ стороны, всюду внимательно высматривая или забот-

ливо педготовляя новыя прибыли для казны и народа. Онъ старался устроить торговыя сношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой и Бухарой, снаряжалъ посольство въ Индію, смотрѣлъ и на Дальній Востокъ, на Китай, помышлялъ объ устройствѣ казачьей колонизаціи Поамурья. Но въ этихъ поискахъ на первомъ планѣ, разумѣется, оставалась въ его глазахъ ближайшая западная сторона, Балтійское море. Руководясь народно-хозяйственными соображеніями не меньше, чѣмъ національно-политическими, онъ понималъ торгово-промышленное и культурное значеніе этого моря для Россіи и потому его вниманіе было усиленно обращено на Швецію, именно на Ливонію, которую, по его мнѣнію, слѣдовало добыть во что бы ни стало: отъ этого пріобрѣтенія онъ ждалъ громадной пользы для русской промышленности и казны царя. Увлекаемый идеями своего дѣльца, царь Алексѣй смотрѣлъ въ ту же сторону, хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній, о пріобрѣтеніи «морскихъ пристанищъ» (гаваней), Нарвы, Иванъ-города, Орѣшка и всего течения рѣки Невы съ шведской крѣпостію Канцами (Ніеншпанцъ), на мѣстѣ которой позднѣе возникъ Петербургъ. Но Нащокинъ и здѣсь шире смотрѣлъ на дѣло: онъ доказывалъ, что изъ-за мелочей не слѣдуетъ выпускать изъ виду главной цѣли, что Нарва, Орѣшекъ—все это неважные пункты: нужно пробраться прямо къ морю, пріобрѣсти Ригу, пристань которой открываетъ ближайшій прямой путь въ Западную Европу. Составить коалицію противъ Швеціи, чтобы отнять у нея Ливонію—это была завѣтная мысль Нащокина, составлявшая душу его дипломатическаго плана. Для этого онъ хлопоталъ о мирѣ съ ханомъ крымскимъ, о тѣсномъ союзѣ съ Польшей, жертвуя западной Малороссіей. Эта мысль не увѣнчалась успѣхомъ; но Петръ Великій цѣликомъ унаслѣдовалъ эти помыслы отцова министра.

Впрочемъ, политическій кругозоръ Нащокина не ограничивался вопросами внѣшней политики. Нащокинъ по-своему смотрѣлъ и на порядокъ внутренняго управленія въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ недоволенъ какъ устройствомъ, такъ и ходомъ этого управленія. Прежде всего онъ былъ противъ безпорядочнаго смѣшенія вѣдомствъ, какимъ отличалась тогдашняя московская администрація. Такъ, онъ настаивалъ на выдѣленіи дипломатіи изъ массы мелочныхъ внутреннихъ дѣлъ, какія тогда вѣдались въ Посольскомъ приказѣ,—напримѣръ, дѣлъ о питейныхъ и таможенныхъ сборахъ. По его словамъ, не слѣдуетъ посольское дѣло мѣшать съ кабацкими откупами. Онъ возставалъ и противъ другого недостатка—излишней регламентаціи, господствовавшей въ московскомъ управленіи. Здѣсь все держалось на самой стѣснительной опекѣ

высшихъ центральныхъ учрежденій надъ подчиненными исполнителями: исполнительные органы были слѣпыми орудіями данныхъ имъ сверху наказовъ. Нащокинъ требовалъ извѣстнаго простора для исполнителей: «не во всемъ дожидаться государева указа, — писалъ онъ, — вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе», т.-е. дѣйствіе по собственному соображенію уполномоченнаго. Онъ указывалъ на примѣръ Запада, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководецъ, самъ рассылающій указы подчиненнымъ начальникамъ, а не требующій на всякую мелочь указа изъ столицы. «Гдѣ глазъ видитъ и ухо слышитъ, тутъ и надо промыслъ держать неотложно», писалъ онъ. Но требуя самостоятельности для исполнителей, онъ возлагаетъ на нихъ и большую отвѣтственность. Не по указу, не по обычаю и рутинѣ, а по соображенію обстоятельствъ минуты должна дѣйствовать администрація. Такую дѣятельность, основанную на личной сообразительности дѣльца, Нащокинъ называетъ «промысломъ». Грубая сила мало значить. «Лучше всякой силы промыслъ; дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много. И много людей, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ. Вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ: у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленника; половину рати продать да промышленника купить — и то будетъ выгоднѣе». Наконецъ, въ административной дѣятельности Нащокина замѣчаемъ черту, которая всего болѣе подкупаетъ насъ въ его пользу: это — при взыскательности и исполнительности непримѣрная въ московскомъ управленіи внимательность къ подчиненнымъ, участіе сердца, чувства человѣчности въ отношеніи къ управляемымъ, стремленіе падить ихъ силы, ставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они съ наименьшей затратой усилій могли бы принести наиболѣе пользы государству. Во время шведской войны въ покоренномъ краю по Западной Двинѣ русскіе рейтары и донскіе казаки принялись грабить и мучить обывателей, хотя тѣ уже присягнули московскому царю. Нащокинъ, сидя тогда воеводой въ Кукейнось, возмущался до глубины души такимъ разбойничьимъ способомъ веденія войны; у него сердце обливалось кровью отъ жалобъ разоряемаго населенія. Онъ писалъ царю, что ему приходится посылать помощь и противъ непріятелей, и противъ своихъ грабителей. «Лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли; лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ». Царь Алексѣй всего болѣе способенъ былъ оцѣнить это качество въ своемъ сотрудникѣ. Въ грамотѣ 1658 г., возводя Нащокина въ думные дворяне, царь хвалитъ

его за то, «что онъ алчныхъ кормить, жаждущихъ поить, нагихъ одѣваетъ, до ратныхъ людей ласковъ, а ворами не спускаетъ».

Таковы административныя взгляды и приемы Нащокина. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ практическаго примѣненія своихъ идей. Наблюденія надъ жизнью Западной Европы привели его къ сознанию главнаго недостатка московскаго государственнаго управления, который заключался въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народнаго труда, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственныя интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управления. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси. Но чтобы промышленный классъ могъ дѣйствовать производительнѣе, надо было освободить его отъ гнета приказной администраціи. Управляя Псковомъ, Нащокинъ попытался примѣнить здѣсь свой проектъ городского самоуправленія, взятый «съ примѣру стороннихъ чужихъ земель», т.-е. Западной Европы. Это единственный въ своемъ родѣ случай изъ исторіи мѣстнаго московскаго управленія XVII в., не лишенный даже нѣкотораго драматизма и ярко характеризующій какъ самого Нащокина, его виновника, такъ и порядки, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Приѣхавъ въ Псковъ въ мартѣ 1665 г., новый воевода засталъ въ родномъ городѣ страшную неурядицу. Онъ увидѣлъ великую вражду между посадскими людьми: «лутчіе», состоятельнѣйшіе купцы, пользуясь своей силой въ городскомъ общественномъ управленіи, обижали «среднихъ и мелкихъ людишекъ» въ разверсткѣ податей и въ нарядахъ на казенныя службы, вели городскія дѣла «своимъ изволомъ», безъ вѣдома остальнаго общества: тѣ и другіе разорялись отъ тяжебъ и приказной неправды; изъ-за нѣмецкаго рубежа въ Псковъ и изъ Пскова за рубежъ провозили товары безошлинно; маломочные торговцы, не имѣя оборотнаго капитала, тайно брали у нѣмцевъ деньги на подрядъ, скупали подешевле русскіе товары и какъ свои продавали, точнѣе передавали ихъ своимъ довѣрителямъ, довольствуясь ничтожнымъ комиссіоннымъ заработкомъ, «изъ малаго прокормленія»; этимъ они донельзя сбивали цѣны русскихъ товаровъ, сильно подрывали настоящихъ капиталистовъ, должны были неоплатно иноземцамъ, разорялись и гибли на правежахъ по долговымъ взысканіямъ; Нащокинъ въ одномъ актѣ поименно пере-

числяетъ свыше 40 посадскихъ псковичей, умершихъ отъ жестокаго правежа за долги иноземцамъ, и до 15 человекъ, потерявшихъ по той же причинѣ свои дворы и движимое имущество и еще при немъ сидѣвшихъ въ долговой тюрьмѣ. Отъ всѣхъ этихъ нестроений казна терпѣла великіе недоборы, годъ отъ году въ сборахъ малилась, а посады Пскова и его пригородовъ пришли въ крайнюю скудость. Чтобы помочь землякамъ, Нащокинъ вскорѣ по прїѣздѣ предложилъ псковскому посадскому обществу рядъ мѣръ, которыя земскіе старосты Пскова, собравшись съ лучшими людьми въ земской избѣ (городской управѣ) «для общаго всенароднаго совѣту», должны были обсудить со всякимъ усердіемъ. Здѣсь при участіи воеводы выработаны были «статьи о градскомъ устроении», своего рода положеніе объ общественномъ управленіи г. Пскова съ пригородами въ 17 статьяхъ. Положеніе было одобрено въ Москвѣ и заслужило милостивую похвалу царя воеводѣ за службу и радѣнье, а псковскимъ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ «за ихъ добрый совѣтъ и за радѣнье во всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ».

Важнѣйшія статьи положенія касаются преобразованія посадскаго общественнаго управленія и суда и упорядоченія внѣшней торговли, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ нервовъ экономической жизни Псковскаго края. Посадское общество г. Пскова выбираетъ изъ своей среды на три года 15 человекъ, изъ коихъ пятеро по очереди въ продолженіе года ведутъ городскія дѣла въ земской избѣ. Въ вѣдѣніи этихъ «земскихъ выборныхъ людей» сосредоточиваются городское хозяйственное управленіе, надзоръ за питейной продажей, таможеннымъ сборомъ и торговыми сношеніями псковичей съ иноземцами; они же и судятъ посадскихъ людей въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ: только важнѣйшія уголовныя преступленія, измѣна, разбой и душегубство, остаются подсудны воеводамъ. Такъ псковскій воевода добровольно поступался значительной долей своей власти въ пользу городского самоуправления. Въ особо важныхъ городскихъ дѣлахъ очередная треть выборныхъ совѣщается съ остальными и даже призываетъ на совѣтъ лучшихъ людей изъ посадскаго общества.

Нащокинъ видѣлъ главные недостатки русской торговли въ томъ, что «русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ», неустойчивы, не привыкли дѣйствовать дружно и легко попадаютъ въ зависимость отъ иностранцевъ. Главныя причины этой неустойчивости—недостатокъ капиталовъ, взаимное недовѣріе и отсутствіе удобнаго кредита. На устраненіе этихъ недостатковъ и были направлены статьи псковскаго положенія о торговлѣ съ иноземцами. Маломочные торговцы распредѣляются «по свойству и знакомству» между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ про-

мыслими. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльные ярмарки съ безошлиннымъ торгомъ, отъ 6 января и отъ 9 мая. Къ этимъ ярмаркамъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки товаровъ къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ «наддачу» къ этой покупной цѣнѣ «для прокормленія», а продавъ иноземцамъ довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ «полную прибыль». Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты вѣшной торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ.

Такія своеобразныя торговыя товарищества разчитаны были на возможность дружнаго сближенія верхняго торговаго слоя съ посадской массой, значить, на умиротвореніе той общественной вражды, какую нашель Нащокинъ въ Псковѣ. Расчетъ могъ быть основанъ на обоюдныхъ выгодахъ обѣихъ сторонъ, патроновъ и кліентовъ: сильные капиталисты доставляли хорошую прибыль маломочнымъ компанейщикамъ, а послѣдніе не портили цѣнъ сильнымъ. Важно и то, что эти товарищества состояли при городской управѣ, которая становилась ссуднымъ банкомъ для маломочныхъ и контролемъ для ихъ патроновъ: посадское общество г. Пскова при зависимости отъ него пригородовъ получало возможность черезъ свой судебнo - административный органъ руководить вѣшной торговлей всего края. Но самая сложность интересовъ, встрѣчавшихся и перепутывавшихся въ непривычномъ дѣлѣ, должна была мѣшать успѣху реформы. Нащокинъ, какъ заводчикъ дѣла, попалъ межъ двухъ огней. Сохранилась челобитная, въ которой маломочные посадскіе псковичи извѣщаютъ царя, что его государевъ указъ о новомъ положеніи они приняли, какъ милость, и дали на него приговоръ всѣмъ городомъ, но «нарочитые прожиточные люди», богачи, привыкшіе ворочать городскими дѣлами безъ мірскаго вѣдома, оказали ему противодѣйствіе, а отъ градскаго совѣта отстали, и даже первые ихъ земскіе выборные, которые должны были вводить новое положеніе, его не одобряли, примыкая къ прожиточнымъ. Значить, нововведеніе понято было, какъ мѣра, принятая въ интересахъ маломочнаго люда. Можно себѣ представить, какъ «ненавидимо» встрѣчено было предпріятіе Нащокина московскимъ бояр-

скимъ и приказнымъ міромъ: здѣсь въ немъ усмотрѣли только дерзкое посягательство на исконныя права и привычки воеводъ и дьяковъ въ угоду тяглаго посадскаго мужичья. Притомъ реформѣ не было и времени упрочиться, оказать свое дѣйствіе. Нащокинъ предпринялъ ее между своимъ настоящимъ дѣломъ, мимоходомъ, между двумя посольскими съѣздами: онъ провоеводствовалъ въ Псковѣ съ марта 1665 г. не болѣе 8 мѣсяцевъ, какъ былъ отозванъ для новыхъ переговоровъ съ поляками, кончившихся Андрусовскимъ перемиріемъ; въ ноябрѣ 1665 г. встрѣчаемъ въ Псковѣ уже новаго воеводу, кн. Хованскаго. Можно только подивиться, какъ успѣлъ Нащокинъ не только обдумать идею и планъ сложной реформы, но и обладать суетливыми подробностями ея исполненія. Преемникъ Нащокина въ Псковѣ, чванный поборникъ боярскихъ притязаній, «стараруѣ», какъ его прозвали въ Москвѣ, болтунъ и хвастунъ, котораго «всякъ дуракомъ называлъ», по выраженію царя Алексѣя, представилъ государю псковское дѣло Нащокина въ такомъ свѣтѣ, что царь отмѣнилъ его, несмотря на свой отзывъ о князѣ, уступая своей слабости—рѣшать дѣла по послѣднему впечатлѣнію.

Нащокинъ не любилъ сдаваться ни врагамъ, ни враждебнымъ обстоятельствамъ. Онъ такъ вѣровалъ въ свою псковскую реформу, что впалъ въ самообольщеніе при своемъ критическомъ умѣ, такъ хорошо выправленномъ на изученіи чужихъ ошибокъ. Въ псковскомъ городскомъ положеніи онъ выражаетъ надежду, что когда эти псковскія «градскія права въ народѣ постановлены и устроены будутъ», на то смотря жители и другихъ городовъ будутъ надѣяться, что и ихъ пожалуютъ такимъ же устроеніемъ. Но въ Москвѣ рѣшили прямо наоборотъ: въ Псковѣ не подобаешь быть особому мѣстному порядку, «такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть». Однако въ 1667 г., ставъ начальникомъ Посольскаго приказа, во вступленіи къ проведенному имъ тогда Новоторговому уставу онъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи, хотя совершенно бесплодномъ, повторить свои псковскія мысли о выдачѣ ссудъ недостаточнымъ торговцамъ изъ московской таможи и городскихъ земскихъ избъ, о томъ, чтобы маломочные торговые люди складывались съ крупными капиталистами для поддержанія высокихъ цѣнъ на русскіе товары и т. д. Въ этомъ уставѣ Нащокинъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ въ своихъ планахъ устроенія русской промышленности и торговли. Уже въ 1665 г. псковскіе посадскіе люди ходатайствовали въ Москвѣ, чтобы ихъ по всѣмъ дѣламъ вѣдали въ одномъ приказѣ, а не волочиться бы имъ по разнымъ московскимъ учрежденіямъ, терпя напрасныя обиды и разореніе. Въ Новоторговомъ уставѣ Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ, который

вѣдалъ бы купецкихъ людей и служилъ бы имъ въ пограничныхъ городахъ обороной отъ другихъ государствъ и во всѣхъ городахъ защитой и управой отъ воеводскихъ притѣсненій. Этотъ *Приказъ купецкихъ дѣлъ* имѣлъ стать предшественникомъ учрежденной Петромъ Великимъ Московской ратуши или Бурмистерской палаты, вѣдавшей все городское торгово-промышленное населеніе государства. Ставъ начальникомъ Посольскаго приказа, Нащокинъ поднималъ вопросъ о восстановленіи заведеннаго имъ порядка въ Псковѣ, состоявшемъ въ вѣдомствѣ этого приказа. Но все дѣло ограничилось одной фискальной подробностью—вопросомъ о вольной продажѣ вина, введенной въ Псковѣ Нащокинымъ въ 1665 г. Опросили всякихъ чиновъ обывателей г. Пскова и Псковскаго уѣзда и рѣшили вольной продажи не восстанавливать и отдать псковскіе кабаки на откупъ.

Таковы преобразовательные планы и опыты Нащокина. Можно подивиться широтѣ и новизнѣ его замысловъ, разнообразію его дѣятельности: это былъ плодовитый умъ съ прямымъ и простымъ взглядомъ на вещи. Въ какую бы сферу государственнаго управленія ни попадалъ Нащокинъ, онъ подвергалъ суровой критикѣ установившіеся въ ней порядки и давалъ болѣе или менѣе ясный планъ ея преобразованія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ опытовъ, замѣтилъ недостатки въ военномъ устройствѣ и предложилъ проектъ его преобразованія. Неудовлетворительная дворянская конница по этому проекту должна быть замѣнена обученнымъ иноземному строю ополченіемъ изъ пѣшихъ и конныхъ «даточныхъ людей» (рекрутовъ). Очевидно, это—мимоходомъ высказанная мысль о регулярной арміи, комплектуемой рекрутскими наборами изъ всѣхъ сословій. Что бы ни задумывалось новаго въ Москвѣ, заведеніе ли флота на Балтійскомъ или Каспійскомъ морѣ, устройство заграничной почты, даже просто разведеніе красивыхъ садовъ съ выписными изъ за границы деревьями и цвѣтами,—при всякомъ новомъ дѣлѣ стоялъ или предполагался непремѣнно Ординъ-Нащокинъ. Одно время по Москвѣ ходили даже слухи, будто онъ занимается пересмотромъ русскихъ законовъ, перестройкой всего государства и именно въ духѣ децентрализаціи, въ смыслѣ ослабленія столичной приказной опеки надъ мѣстными управителями, съ которой Нащокинъ воевалъ всю свою жизнь. Можно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать всего, что онъ могъ сдѣлать; его неустойчивый и строптивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его государственной дѣятельности.

У Нащокина не было полнаго согласія съ царемъ во взглядахъ на задачи внѣшней политики. Оставаясь вполнѣ корректнымъ ди-

пломатомъ, виновникъ Андрусовскаго договора крѣпко стоялъ за точное его исполненіе, т.-е. за возможность возвращенія Кіева Польшѣ, что царь считалъ нежелательнымъ, даже прямо грѣшнымъ дѣломъ. Это разномысліе постепенно охлаждало государя къ его любимцу. Охлажденіе царя поселяло въ сотрудики мысль объ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Въ 1671 г. Нащокинъ былъ уволенъ отъ управленія Посольскимъ приказомъ и назначенъ для новыхъ переговоровъ съ Польшей, въ которыхъ ему предстояло разрушать собственное дѣло, нарушать договоръ съ поляками, скрѣпленный всего годъ тому назадъ его присягой. Нащокинъ отказался исполнить порученіе, а въ февралѣ 1672 г. игумень псковской Крыпецкой пустыни Тарасій постригъ Аванасія въ монахи подъ именемъ Антонія. Въ автобіографической замѣткѣ, уцѣлѣвшей въ одной рукописи, Нащокинъ записалъ, что 2 декабря 1671 г. его, Аванасія, «царь, помазанникъ Божій, отъ руки своея государскія при всемъ своемъ сиклитѣ милостиво отпустилъ и отъ все мѣрскіе суеты свободилъ явно». Послѣднія мѣрскія заботы инока Антонія были сосредоточены на устроенной имъ въ Псковѣ богадѣльнѣ. Онъ умеръ въ 1680 г.

Ординъ-Нащокинъ во многомъ предупредилъ Петра и первый высказалъ много идей, которыя осуществилъ Преобразователь. Это былъ смѣлый, самоувѣренный бюрократъ, знавшій себѣ цѣну, но при этомъ заботливый и доброжелательный къ управляемымъ, съ дѣятельнымъ и дѣловымъ умомъ; во всемъ и прежде всего онъ имѣлъ въ виду государственный интересъ, общее благо. Онъ не успокоивался на рутинѣ, всюду зорко подмѣчалъ недостатки существующаго порядка, вѣрно соображалъ средства для ихъ устраненія, чутко угадывалъ задачи, стоявшія на очереди. Обладая сильнымъ практическимъ смысломъ, онъ не ставилъ далекихъ цѣлей, слишкомъ широкихъ задачъ. Умѣя найтись въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, онъ старался устроить всякое дѣло, пользуясь наличными средствами. Но, твердя безъ-умолку о недостаткахъ дѣйствующаго порядка, онъ не касался его основаній, думалъ поправлять его по частямъ. Въ его умѣ неясные преобразовательные порывы Алексѣева времени впервые стали облекаться въ отчетливые проекты и складываться въ связанный планъ реформы; но это не былъ радикальный планъ, требовавшій общей ломки: Нащокинъ далеко не былъ безразсчетнымъ новаторомъ. Его преобразовательная программа сводилась къ тремъ основнымъ требованіямъ: къ улучшенію правительственныхъ учреждений и служебной дисциплины, къ выбору добросовѣстныхъ и умѣлыхъ управителей и къ увеличенію казенной прибыли, государственныхъ доходовъ посредствомъ

подъема народнаго богатства путемъ развитія промышленности и торговли.

Я началъ чтеніе замѣчаніемъ о возможности появленія у насъ государственнаго чловѣка въ XVII в. Если вы вдумаетесь въ превратности, въ мысли, въ чувства,—во всѣ перипетіи описанной государственной дѣятельности далеко не рядового ума и характера, въ борьбу Ордина-Нащокина съ окружавшими его условіями, то вы поймете, почему такіа счастливыя случайности были такъ рѣдки.

В. Ключевскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Астрономическія извѣстія. *Колебанія яркости малыхъ планетъ.* Три года тому назадъ астрономомъ Э. Оппольцеромъ было замѣчено интересное періодическое измѣненіе яркости извѣстной малой планеты Эрота. Открытіе это являлось чрезвычайно важнымъ потому, что давало возможность дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о физическомъ строеніи планеты, на что раньше не было никакихъ данныхъ. Малая планета, или какъ ихъ называютъ еще, астероиды, такъ малы, что непосредственно разглядѣть на нихъ ничего не удается даже въ сильныя трубы. Специальныя наблюденія, организованныя вслѣдъ за извѣщеніемъ Оппольцера объ открытіи, выяснили, что яркость Эрота падаетъ на 2 звѣздныхъ величины и колебанія происходятъ періодически въ теченіе $2\frac{1}{2}$ часовъ, — точнѣе: промежутокъ между первымъ и вторымъ минимумами равняется 2 часамъ 51 минутъ, а промежутокъ между вторымъ и третьимъ — 2 часа и 24 мин. Промежутки между соответственными максимумами — 2 часа 50 мин. и 2 часа 36 минутъ. Для объясненія этихъ явленій Андре предположилъ, что крошка Эрота представляетъ собой двойную систему, что здѣсь двѣ планетки, которыя ходятъ одна около другой. Когда свѣтъ идетъ къ намъ отъ обихъ тѣлъ, наблюдается болѣшая яркость; когда для насъ одно тѣло закрываетъ другое — она, видимо, уменьшается, происходитъ первый минимумъ; когда второе тѣло будетъ ближе къ намъ, закрывая первое, происходитъ второй минимумъ. Третій минимумъ представляетъ то же явленіе, что и первый, такъ что промежутокъ времени между первымъ и третьимъ минимумами даетъ непосредственно время обращенія одной планетки около другой. Въ данномъ случаѣ періодъ обращенія равняется 5 часамъ 15 минутамъ. Оказалось возможнымъ войти и въ болѣе детальное разслѣдованіе строенія системы. Орбита движенія одного тѣла около другого несомнѣнно должна быть эллиптической, эксцентриситетъ ея равняется 0,056, разстояніе точки наибольшаго сближенія тѣлъ отъ линіи пересѣченія плоскости орбиты съ эклиптической составляетъ 162° , большая ось орбиты лишь немного больше суммы радиусовъ двухъ тѣлъ, которыя по своимъ размѣрамъ мало отличаются другъ отъ друга. Ихъ отношеніе можетъ быть $\frac{3}{2} : 1$. Тѣла, вѣроятно, имѣютъ форму эллипсоидовъ очень сжатыхъ.

Правда, возможно и другое объясненіе наблюдаемымъ явленіямъ колебанія яркости Эрота. Быть можетъ, различныя области на поверхности планеты имѣютъ различную способность отражать солнечные лучи. При вращеніи около оси планета обращается къ намъ то одной, то другой

частью своей поверхности и посылает намъ то болѣе, то менѣе лучей—горять то ярче, то слабѣе. По особенностямъ колебанія яркости можно выяснитъ расположеніе на поверхности областей, обладающихъ опредѣленной способностью къ отраженію, время вращенія планеты около оси, а также положеніе послѣдней въ пространствѣ.

Какое объясненіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, мы пока не знаемъ, но уже и тотъ фактъ, что вопросъ о возможномъ физическомъ строеніи малыхъ планетъ является предметомъ детальнаго обсужденія, представляетъ большой шагъ впередъ и увеличиваетъ нашъ интересъ къ семьѣ тѣлецъ, которыя въ большомъ числѣ кружатъ около солнца между орбитами Марса и Юпитера.

Съ большимъ вниманіемъ поэтому отнеслись астрономы къ послѣдовавшему вслѣдъ за открытіемъ Опольцера заявленію проф. Вольфа, что повидимому еще другія двѣ малыя планеты обнаруживаютъ колебанія яркости, такъ какъ слѣды ихъ на фотографической пластинкѣ оказываются неровными по ширинѣ: то толще, то тоньше. Въ Потсдамѣ организованы были спеціальныя наблюденія этихъ планетокъ съ большимъ фотографическимъ рефракторомъ, которыя не подтвердили подозрѣній Вольфа. Но теперь—новое заявленіе со стороны директора Гарвардскаго колледжа проф. Пикеринга. Телеграммой онъ извѣщаетъ, что астрономъ Уэнделъ констатировалъ періодическія колебанія планеты Ириды въ теченіе шести часовъ на одну четверть звѣздной величины. Дальнѣйшія наблюденія должны выяснитъ детали явленія и подсказать возможное объясненіе. Планета Ирида является по времени открытія седьмой изъ тѣхъ 500 малыхъ планетъ, которыя насчитываются въ настоящее время; она извѣстна намъ съ 1847 года. Въ январѣ текущаго года (6 числа н. ст.) имѣло мѣсто ея противостояніе, т.-е. по отношенію къ землѣ планета находилась въ противоположномъ направленіи отъ солнца; она въ суточномъ вращеніи небснаго свода проходила черезъ меридіанъ въ 12 часовъ ночи и, будучи къ землѣ на наиболѣе близкомъ разстояніи явилась звѣздой $7\frac{1}{2}$ величины.

Послѣ противостоянія условія наблюденія, конечно, постепенно ухудшались. Архенхольдъ указалъ впередъ на сближеніе планеты съ луной 26-го февраля н. ст. Разность склоненія свѣтилъ, по вычисленію Рима, должны быть при этомъ 18 минутъ дуги; вслѣдствіе параллактическаго смѣщенія луны покрытія планеты луной для насъ не могло быть, но оно возможно для южныхъ широтъ.

Новое значеніе отталкивательной силы при образованіи кометныхъ хвостовъ. Прекрасные снимки кометы 1903 с, сдѣланные астрономами Barnard'омъ, Wallace и Quénesset, обнаружили интересное строеніе хвоста кометы. Разслѣдуя его, нашъ маститый ученый академикъ Ѳ. А. Бредихинъ пришелъ къ необходимости допустить для объясненія движенія одного образованія отталкивательную силу, которая по крайней мѣрѣ въ 60—70 разъ больше ньютоніанскаго притяженія солнца. Бредихинъ, какъ извѣстно, по своимъ прежнимъ изысканіямъ установилъ три группы значеній отталкивательной силы солнца, подъ дѣйствіемъ которой образуются различныя хвосты въ кометахъ; наибольшее значеніе этой силы оказалось 18. Бредихинъ допустилъ, что она гонитъ наиболѣе легкое вещество—водородъ. Но въ кометѣ 1893 II-ой обнаружено было совершенно неожиданно новое значеніе, вдвое большее прежняго наибольш-

шаго—именно 36. Приходилось это значеніе отнести къ водороду, а силу 18 приписать частицамъ вещества, которое вдвое тяжелѣе водорода. Такое вещество какъ разъ—гелій, открытый въ 1895 году.

Справки *post factum* обнаружили, что описанія внѣшняго вида хвостовъ нѣкоторыхъ кометъ, которые, по вычисленіямъ, должны были образоваться подъ дѣйствіемъ силы 18, содержать указанія на желтый цвѣтъ, характерный для гелія. Это даетъ подтвержденіе заключенію, что хвосты эти состояли изъ гелія.

Найденное Бредихинымъ теперь значеніе ведетъ его къ новымъ представленіямъ о строеніи вещества въ кометныхъ хвостахъ. Онъ рѣшается высказать предположеніе, что сила 36 можетъ быть отнесена къ цѣльнымъ молекуламъ водорода, а сила, подъ дѣйствіемъ которой шли частицы упомянутого образованія кометы 1903 года,—къ продуктамъ диссоціи этихъ молекулъ. Такимъ образомъ фотографія обнаружила предъ нами такое разрѣженное вещество, котораго невозможно разглядѣть ни въ какія трубы. Исслѣдованія строенія кометы 1903 с. еще не закончено. Возможно, что оно откроетъ и еще какія-нибудь интересные особенности.

Фотографированіе двойныхъ звѣздъ на Московской обсерваторіи. Для новой большой трубы Московской обсерваторіи надумана интересная задача. Астрономъ-наблюдатель П. К. Штернбергъ фотографируетъ ею двойныя звѣзды съ компонентами одинаковой яркости. На одной небольшой пластинкѣ онъ получаетъ въ одинъ вечеръ цѣлыя сотни моментальныхъ снимковъ одной и той же двойной звѣзды. Компоненты пары для нашего глаза очень близки другъ къ другу, нужна труба съ большимъ увеличеніемъ, чтобы видѣть ихъ отдѣльно; но лучи отъ нихъ на разстояніи 3—5 верстъ отъ поверхности земли, какъ оказывается, идутъ уже въ совершенно различныхъ слояхъ атмосферы, могутъ претерпѣвать различное уклоненіе въ зависимости отъ состава этихъ слоевъ и движеній въ нихъ въ данный моментъ. При непосредственныхъ измѣреніяхъ микрометромъ на трубѣ отклоненія лучей могутъ накопляться, число измѣреній въ вечеръ ограничено. При фотографированіи пары такой большой трубой, какъ въ Москвѣ, огромное число возможныхъ снимковъ и моментальность ихъ гарантируютъ чрезвычайно большую точность.

Понятно, что число двойныхъ звѣздъ, которыя будутъ измѣрены въ Москвѣ, окажется не велико. Но измѣренія эти должны имѣть большое значеніе для рѣшенія общихъ вопросовъ о силахъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ совершается движеніе въ далекихъ звѣздныхъ системахъ и о законахъ этихъ движеній.

Новый директоръ Берлинской обсерваторіи. На мѣсто слагающаго съ себя обязанности директора обсерваторіи Берлинскаго университета Ферстера, которому 1-го апрѣля н. ст. исполняется 72 года, приглашенъ проф. Кенигсбергскаго университета Германъ Оттовичъ Струве, бывший старшій астрономъ въ Пулковѣ. Выборъ сдѣланъ очень удачно. Г. Струве представляетъ собой весьма искуснаго наблюдателя и хорошаго теоретика, давашаго намъ интересное изслѣдованіе системы Сатурна. Вѣроятно, новый директоръ позаботится о расширеніи обсерваторіи и приобрѣтеніи новыхъ инструментовъ, такъ какъ тѣ, которые имѣются теперь, за исключеніемъ большого меридіаннаго круга, не могутъ уже удовлетворить серьезнымъ требованіямъ нашего времени. Вступленіе Г. Струве въ долж-

ность директора обсерваторіи и профессора берлинскаго университета состоится только въ октябрѣ текущаго года.

Кончина Callandreau. Астрономія понесла большую потерю. 16-го февраля н. ст. похоронили извѣстнаго французскаго астронома-теоретика Callandreau. Покойный съ живымъ интересомъ работалъ надъ различными вопросами небесной механики. Онъ оставилъ намъ рядъ изящныхъ изслѣдованій о фигурѣ планетъ, пустотахъ, которыя имѣютъ мѣсто въ распредѣленіи орбитъ малыхъ планетъ, либраціи спутниковъ, происхожденіи періодическихъ кометъ, разложеніи кометъ подъ вліяніемъ Юпитера и другихъ большихъ планетъ, о закономерномъ распредѣленіи орбитъ малыхъ планетъ и кометъ съ короткимъ временемъ обращенія и т. д.

Лица, которымъ приходилось вступать въ непосредственныя отношенія съ покойнымъ, отмѣчаютъ его необычайную любезность и постоянную готовность помочь всѣмъ, кто обращался къ нему за помощью или совѣтомъ по тому или другому научному вопросу.

Семья астрономовъ такимъ образомъ потеряла въ лицѣ Callandreau не только талантливаго изслѣдователя, но и хорошаго учителя.

Н. Покровскій.

Новый способъ фотографированія въ естественныхъ цвѣтахъ (способъ выцвѣтания, Ausbleichverfahren). Этотъ методъ предложилъ Neuhauss; онъ основанъ на давно извѣстномъ свойствѣ нѣкоторыхъ красокъ, а именно на ихъ способности выцвѣтать подъ дѣйствіемъ свѣта.

Выцвѣтаніе это, какъ и всякая фотохимическая реакція, происходитъ только въ томъ случаѣ, когда данная краска освѣщена лучами, которые она поглощаетъ. Въ противномъ случаѣ она не измѣняется даже при продолжительномъ дѣйствіи свѣта. Цвѣтъ всякой краски соответствуетъ какъ разъ тѣмъ лучамъ, которые она не поглощаетъ, а разсѣивается. Такъ, напримѣръ, метиленовая синья не поглощаетъ синяго, красный эритрозинъ—краснаго и т. д. Слѣдовательно, если мы будемъ освѣщать слой, содержащій смѣсь этихъ красокъ, хотя бы синимъ свѣтомъ, то эритрозинъ долженъ будетъ выцвѣтать, между тѣмъ какъ метиленовая синья сохранитъ свой синій цвѣтъ. Въ результатѣ наша пластинка окрасится въ синій цвѣтъ, соответствующій падающимъ на нее синимъ лучамъ.

Итакъ, принципъ метода понятенъ: онъ заключается въ томъ, что цвѣтные лучи разрушаютъ лишь тѣ пигменты, которыми они поглощаются.

Остается только подобрать три или четыре такихъ пигмента, которые были бы пригодны для полученія всѣхъ сложныхъ цвѣтовъ. Здѣсь и являются различнаго рода затрудненія. Neuhauss'у пришлось изслѣдовать 65 различныхъ красокъ (преимущественно анилиновыхъ), прежде чѣмъ онъ могъ остановиться на 4—5 болѣе чувствительныхъ къ свѣту. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ ціанинъ (синяя) и эритрозинъ (красная); весьма пригоднымъ оказался также извлеченный изъ зеленыхъ листьевъ хлорофилъ.

Далѣе, N. потратилъ не мало времени на отысканіе таковой комбинаціи красокъ, при которой всѣ онѣ сохраняли бы свои свойства и воспроизводили всѣ цвѣтовые оттѣнки.

Сначала N. употреблялъ для своихъ опытовъ фильтровальную бумагу, пропитанную растворомъ различныхъ красокъ (напримѣръ, хлорофила, эозина, уранина и метиленовой синьки). На такой бумагѣ удавалось получить цвѣтную копию съ раскрашеннаго диапозитива; но для этого требовалось дѣйствіе яркаго солнечнаго свѣта въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Дальнѣйшимъ крупнымъ успѣхомъ было повышеніе чувствительности пигментовъ посредствомъ прибавленія окисляющихъ веществъ. Изъ нихъ наилучшіе результаты дали, во-первыхъ, перекись водорода, а во-вторыхъ, надсѣрнокислыя соли аммонія и калия. 3 капли 10% раствора этихъ солей, прибавленныхъ къ 20 куб. сантиметрамъ окрашенной желатинны (содержащей перекись водорода), увеличиваютъ ея чувствительность во много разъ. Безъ надсѣрно-кислыхъ солей процессъ идетъ приблизительно вдвое медленнѣе, чѣмъ печатаніе на продажной целлоидиновой бумагѣ; въ присутствіи же этихъ солей онъ оканчивается уже въ нѣсколько минутъ при дѣйствіи разсѣяннаго дневнаго свѣта.

Со введеніемъ надсѣрно-кислыхъ солей въ качествѣ сенсibilизаторовъ N. снова перешелъ отъ бумаги къ желатинному способу. При этомъ вмѣсто прежней смѣси красокъ онъ употребляетъ уже слѣдующую: эритрозинъ—тиазоловая желтая—уранинъ—аураминъ—хлорофилъ.

Всѣ попытки выработать способъ проявленія скрытыхъ изображеній послѣ короткой экспозиціи, къ сожалѣнію, остались безуспѣшными. Нечего говорить, что положительныя результаты въ этомъ направленіи имѣли бы огромное значеніе для практики цвѣтной фотографіи.

Зато N. удалось найти вполне удовлетворительный способъ фиксированія полученныхъ цвѣтныхъ изображеній. Сначала онъ примѣнял для этой цѣли растворъ мѣднаго купороса, но затѣмъ перешелъ къ другимъ веществамъ, въ виду того, что закрѣпленіе въ мѣдномъ купоросѣ нѣсколько влѣдетъ на свѣжесть окраски. Изъ цѣлаго ряда изслѣдованныхъ авторомъ растворовъ наилучшіе результаты далъ 10% растворъ танинна и уксусно-кислаго натрія. Въ немъ пластинка остается 15 минутъ, затѣмъ промывается и погружается еще въ насыщенный растворъ рвотнаго камня.

Резюмируя всѣ полученные N. результаты, мы видимъ, что ему удалось, во-первыхъ, подобрать комбинацію красокъ, воспроизводящихъ при выпѣтаніи всѣ желаемыя оттѣнки, во-вторыхъ, сильно повысить чувствительность слоя и, въ-третьихъ, найти способъ фиксированія цвѣтныхъ изображеній.

Если принять во вниманіе сравнительно короткій срокъ, въ теченіе котораго разрабатывается этотъ методъ (работы начаты лишь въ 1901 г.), то мы должны признать результаты, достигнутыя N., весьма почтенными.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неутомимой энергіи и таланту N. удастся въ недалекомъ будущемъ усовершенствовать способъ выпѣтанія настолько, что практическое примѣненіе его будетъ дѣломъ вполне доступнымъ и удобнымъ. Желательно было бы, чтобы и другіе изслѣдователи отозвались на призывъ N. и приняли дѣятельное участіе въ разработкѣ этого наиболѣе естественнаго и многообѣщающаго способа цвѣтной фотографіи.

Г. Риттеръ.

Первый продукт химического синтеза в растениях. Какъ известно, подъ влияніемъ свѣта въ листьяхъ зеленыхъ растений совершается синтезъ (образованіе изъ простѣйшихъ веществъ минеральнаго царства) сложныхъ углеродистыхъ соединений, входящихъ въ составъ живой протоплазмы. Сущность этого синтеза, происходящаго благодаря присутствію въ листьяхъ зеленого пигмента—хлорофила, сводится къ тому, что угольная кислота (CO_2), находящаяся въ воздухѣ, при посредствѣ поглощенной солнечной энергіи разлагается на кислородъ и уголь ($\text{CO}_2 = \text{C} + \text{O}_2$), и одновременно съ этимъ углеродъ вступаетъ въ сочетаніе съ водой, образуя такъ называемые углеводы (сахаристыя вещества, крахмалъ и пр.) ¹⁾.

Если физическая сторона этого явленія можетъ уже считаться выясненной въ своихъ существенныхъ чертахъ, то далеко нельзя сказать того же о химической сторонѣ процесса ассимиляціи углерода.

Несомнѣнно, что синтезъ сахара и углеводовъ въ растенияхъ совершается не сразу, а проходитъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ стадій.

Между тѣмъ до послѣдняго времени не было найдено съ достовѣрностью ни одного промежуточнаго звена, которое бы стояло на пути между угольной кислотой и окончателными продуктами синтеза.

Правда еще въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія извѣстный нѣмецкій химикъ фонъ-Байеръ высказалъ предположеніе, что первой стадіей ассимиляціи углерода является муравьиный альдегидъ, или формальдегидъ, который по составу своему соотвѣтствуетъ простѣйшему углеводу ($\text{CH}_2\text{O} = \text{C} + \text{H}_2\text{O}$). Процессъ образованія муравьиного альдегида въ растеніи, по Байеру, сводится къ восстановленію угольной кислоты, а образованіе сахара—къ полимеризаціи (уплотненію) возникающаго на короткое время альдегида.

Эта гипотеза нашла себѣ впослѣдствіи опору въ блестящихъ изслѣдованіяхъ Э. Фишера ²⁾, которому удалось, исходя изъ муравьиного альдегида, осуществить синтезъ цѣлага ряда сахаристыхъ веществъ, въ томъ числѣ и наиболѣе обычнаго для организма растеній и животныхъ винограднаго сахара (глюкозы).

Тѣмъ не менѣе присутствіе муравьиного альдегида въ растенияхъ до сихъ поръ не было замѣчено, и самое существованіе его внутри живой протоплазмы а priori казалось мало вѣроятнымъ въ виду крайней ядовитости этого соединенія, которое въ видѣ воднаго раствора (подъ именемъ формалина) употребляется даже для истребленія микробовъ—въ цѣляхъ дезинфекціи.

Въ самое послѣднее время появилось изслѣдованіе, какъ кажется, бросающее новый свѣтъ на этотъ въ высокой степени интересный вопросъ. Французскому ученому Постернаку удалось изолировать изъ различныхъ растительныхъ органовъ (сѣмянъ, клубней, ризомъ) органическое соединеніе, содержащее фосфоръ и отвѣчающее формулѣ $\text{C}_6\text{H}_{12}\text{P}_2\text{O}_8$.

¹⁾ Напр., образованіе винограднаго сахара схематически можетъ быть представлено слѣдующимъ образомъ: $6\text{C} + 6\text{H}_2\text{O} = \text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_6$.
угле- вода, сахаръ.
родъ,

²⁾ Въ первый разъ образованіе изъ формальдегида—сахаристаго вещества (ближе не изученнаго) наблюдалъ нашъ знаменитый соотечественникъ. А. М. Бутлеровъ.

Соединение это оказалось кислотой, а при разложении его водой въ присутствіи минеральныхъ кислотъ (гидролизѣ) была получена фосфорная кислота и особое органическое соединеніе, стоящее весьма близко къ углеводамъ такъ называемый *инозитъ* [химич. формула $C_6H_{12}O_6$ или $(CH_2OH)_6$].

Исходя изъ пѣлаго ряда соображеній, Постернакъ приходитъ къ заключенію, что найденная имъ кислота не содержитъ остатка инозита въ готовомъ видѣ. Съ другой стороны, молекулярная формула и результаты гидролиза новаго вещества позволяютъ думать, что оно представляетъ комбинацію элементовъ формальдегида съ фосфорной кислотой.

На этомъ основаніи авторъ предполагаетъ, что въ открытой имъ кислотѣ мы имѣемъ тотъ первоначальный продуктъ, въ видѣ котораго формальдегидъ послѣ образованія остается нѣкоторое время въ растеніи. Комбинируясь съ муравьинымъ альдегидомъ, фосфорная кислота нейтрализуетъ его ядовитыя свойства, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ начало соединенію, изъ котораго вслѣдъ затѣмъ путемъ дальнѣйшаго уплотненія элементовъ формальдегида получаютъ настоящія сахаристыя вещества. Эти предположенія находятся въ согласіи съ наблюденіями ботаниковъ относительно связи между хлорофильной функціей и судьбой фосфорной кислоты въ листьяхъ растеній. Съ другой стороны, небезынтересно сопоставить данныя, полученныя Постернакомъ, со слѣдующимъ любопытнымъ фактомъ. Еще Гоппе Зейлеръ замѣтилъ, что хлорофилъ въ растеніяхъ находится въ комбинаціи съ особыми органическими соединеніями, содержащими фосфоръ, такъ назыв. *лецитинами*. Не имѣетъ ли этотъ фактъ рѣшающаго значенія при образованіи тѣла, открытаго Постернакомъ?

Во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ будущемъ предстоить выяснить отношеніе этого тѣла къ формальдегиду съ одной стороны и къ углеводамъ—съ другой. Этими отношеніями и должна опредѣлиться степень вѣроятности гипотезы Постернака по крайней мѣрѣ съ химической точки зрѣнія.

Л. Чугаевъ.

Новыя книги объ Японіи. Начавшаяся война выдвинула, естественно, впередъ два вопроса: первый о томъ, каковъ нашъ противникъ, каковы его силы; второй—какія военныя операціи возможны въ борьбѣ съ этимъ противникомъ. Оба эти вопроса разобраны въ книгѣ Н. Д. Богуславскаго:—Японія. Военногеографическое и статистическое обзорѣніе. Спб. 1904. Стр. 412. Цѣна 3 рубля.

Составленная полковникомъ генеральнаго штаба, изданная при содѣйствіи главнаго штаба, выпущенная къ тому же къ самому началу русско-японской войны, книга о Японіи представляетъ несомнѣнный интересъ для всякаго, желающаго сколько-нибудь ориентироваться въ ходѣ войны.

Географическая часть—описаніе японскихъ морей, береговъ, внутреннихъ областей страны,—давая подробнѣйшій разборъ приложенной къ книгѣ прекрасной карты Японскаго архипелага,—служитъ какъ бы фундаментомъ для специально военныхъ соображеній автора, представляющихъ въ настоящій моментъ животрепещущій интересъ. Нельзя не отмѣтить по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ. Замыкая обзоръ морей, омывая

щих берега Японіи, авторъ указываетъ, что для морскихъ операцій у береговъ Японіи не всё время года представляютъ одинаковыя удобства: зимою (съ ноября по апрѣль) плаваніе у западныхъ береговъ трудно, а къ сѣверу отъ о. Садо—не безопасно; вслѣдствіе штормовъ, къ сѣверу отъ 38° и у западнаго, и у восточнаго побережья бываютъ снѣжныя бури;—лѣтомъ у восточныхъ береговъ сильныя туманы и тихоокеанскіе тайфуны, усиливающіеся осенью; такимъ образомъ середина весны всего удобнѣе для морскихъ операцій у обоихъ береговъ Японіи, у западнаго—лѣто, у восточнаго—зима; сѣверъ вообще всего менѣе доступенъ. Разсмотрѣніе береговъ Японіи приводитъ автора къ такимъ выводамъ. Для бомбардировки, блокады, шлюпочныхъ экспедицій—густо населенные японскіе берега дадутъ цѣлый рядъ пунктовъ. Значительный десантъ возможенъ на западномъ берегу опять—таки только лѣтомъ, а на восточномъ—лѣтомъ какъ разъ всего затруднительнѣй; такой десантъ можетъ нанести ударъ: съ востока—столицѣ Токио и промышленнымъ центрамъ Осака и Кобе, съ запада—первопрестольной столицѣ Киото и затѣмъ той же Осака, направляясь берегомъ озера Бива отъ залива Вакаса. Шлюпочные десанты въ разныхъ пунктахъ могутъ имѣть цѣлью порчу бережныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Возможенъ далѣе захватъ острововъ Садо, Оки и Цусима, а также полуострова Хизена (съ городомъ Нагасаки) на островѣ Кіу-Сіу; послѣдняя операція особенно рекомендуется авторомъ, такъ какъ здѣсь сходятся три кабели, на близлежащемъ о-вѣ Такасима имѣются угольныя копи, а въ самомъ портѣ Нагасаки—большіе угольные склады; „до оборудованія нашихъ восточныхъ портовъ“, прибавляетъ авторъ, „русскій флотъ вынужденъ былъ базироваться на этотъ портъ“. Оборона береговъ японцами зиждется не столько на береговыхъ укрѣпленіяхъ, сколько на подвижныхъ силахъ флота, для котораго опорой служить рядъ сильныхъ военныхъ портовъ: Йокосука, Майдзуру, Сайги, Сасебо, Такесики, Оминато, Куре. Обзорѣніе внутреннихъ областей страны приводитъ къ заключенію, что горы и рѣки преграждаютъ движеніе войскъ отъ одного побережья Японіи къ другому. Сильнѣйшей же защитой страны является, конечно, островное ея положеніе.

Да проститъ намъ читатель это длинное извлеченіе спеціальнаго свойства; оно казалось намъ заслуживающимъ вниманія, какъ сужденіе ученаго спеціалиста. Другого рода интересъ возбуждаетъ другая половина книги, часть статистическая. Правда, и здѣсь спеціально военныя соображенія занимаютъ много мѣста.

Такъ, въ главѣ, посвященной населенію, авторъ обращаетъ вниманіе на исключительно-сильный патриотизмъ японцевъ, на удобства густонаселенной страны для цѣлей мобилизаціи и дислокаціи войскъ, на удивительную дисциплину японскихъ солдатъ. Разсмотрѣніе японскаго земледѣльческаго хозяйства, отличительнымъ недочетомъ котораго является малоземелье, приводитъ автора къ выводу, что здѣсь, въ этомъ малоземельѣ, надо искать причины воинственныхъ стремленій японцевъ къ земельнымъ захватамъ. Глава о скотоводствѣ и коневодствѣ заканчивается указаніемъ, что при мобилизаціи число лошадей въ Японіи окажется недостаточнымъ. Большое развитіе мореходнаго рыболовства даетъ странѣ для службы во флотъ большой контингентъ опытныхъ моряковъ и 400.000 мелкихъ судовъ. Говоря о положеніи горнаго дѣла,

авторъ отмѣчаетъ важный въ военномъ отношеніи недостатокъ у японцевъ своего желѣза. Колоссальный ростъ обрабатывающей промышленности оказалъ громадное влияніе и на военное дѣло: „Японія вооружается орудіями и ружьями, изготовляемыми въ предѣлахъ страны, на японскихъ арсеналахъ и по образцамъ, проектированнымъ японскими военными техниками“. Обзоръ торговли заканчивается рекомендаціей блокады японскихъ береговъ и крейсерскихъ операцій, что, по мнѣнію автора, можетъ „не только подорвать эту торговлю, но и оставить японскіе арсеналы, доки, заводы—безъ желѣза, японскія фабрики—безъ хлопка и часть населенія—безъ хлѣба“. Говоря о созданномъ японцами въ 30 лѣтъ изъ ничего торговомъ флотѣ, могущемъ на Тихомъ Океанѣ уже соперничать съ флотами Англіи и Америки, авторъ замѣчаетъ, что этотъ флотъ можетъ служить въ полной мѣрѣ цѣлямъ японской наступательной политики. Что касается военныхъ силъ Японіи, то онѣ „организованы вполне по европейскому образцу и, по отзыву очевидцевъ, хорошо обучены“; военный флотъ можетъ „вступить въ единоборство съ любой державой“. Зато менѣе благопріятенъ отзывъ о японскихъ финансахъ; „напряженіе финансовыхъ ресурсовъ страны вызываетъ опасеніе за дальнѣйшее ея благосостояніе“. Все это замыкается общимъ итогомъ, имѣющимъ тотъ смыслъ, что японская армія, „пополняемая значительнымъ по численности, единоплеменнымъ, грамотнымъ и патріотичнымъ населеніемъ, обучаемая и организованная по-европейски,—является серьезнымъ противникомъ“. Авторъ, впрочемъ, не опасается за исходъ борьбы какой-либо европейской державы съ этой арміей; онъ отводитъ Японіи, въ концѣ концовъ, „выдающееся положеніе“ лишь среди восточныхъ государствъ.

Уже этотъ обзоръ главныхъ специальныхъ выводовъ автора показываетъ, какое обиліе серьезнаго матеріала положено здѣсь въ основу. Въ самомъ дѣлѣ, цифрами пестрятъ страницы книги; въ концѣ къ ней приложены 116 статистическихъ таблицъ, посвященныхъ демографіи, администраціи, экономіи, финансамъ, военнымъ силамъ и наконецъ климату. Эти цифры и таблицы представляютъ главную научную цѣнность книги, составленной полковникомъ Богуславскимъ. Перечень источниковъ, приложенный на пяти страницахъ, указываетъ, насколько добросовѣстно составлялась книга и насколько можно отнестись съ довѣріемъ къ ея выводамъ. Использована не только русская и европейская литература, но и специальная японская, въ родѣ официальныхъ изданій токійскаго правительства и статистическихъ и иныхъ работъ японскихъ ученыхъ. Въ таблицахъ особенно часто встрѣчаются ссылки на токійскія изданія *Résumé statistique* и *Annual returns of foreign trade of Japan*. Нельзя, впрочемъ, не пожалѣть, что таблицы ввоза и вывоза доведены только до 1899 года,—когда уже извѣстны данныя за послѣдующіе два года. Торговля сношенія Японіи съ Китаемъ интересно было бы расчленивъ и представить манджурскіе обороты отдѣльно.

Населенность вычистана по всей книгѣ на 1 квадратную версту, что неудобно, такъ какъ большинство заграничныхъ изданій вычисливаетъ на 1 кв. километръ. Странно, далѣе, что цифра населенія Китая взята по свѣдѣніямъ 1860—80 годовъ, когда есть болѣе новая, основанная на результатахъ переписи 1903 года, и которую Д. Менделѣевъ, напримѣръ, опредѣляетъ въ 426 $\frac{1}{2}$ милліоновъ для всей Небесной импе-

риі. Такъ же уменьшена вдвое площадь собственно Китая; только этимъ объясняется непомерно большая цифра населенія Китая для 1 кв. версты, принятая авторомъ;—именно, 129 (или 116 на 1 кв. вил.). Самая большая возможная цифра не превыситъ для собственно—Китай 83.

Особенно много интереснаго матеріала содержать, конечно, главы, посвященныя экономическому состоянію Японіи. Интересна также постановка школьнаго дѣла. Принципъ обязательнаго начальнаго обученія проведенъ въ Японіи уже настолько, что число учащихся въ японскихъ народныхъ школахъ на 100 тысячъ превышаетъ число учащихся въ народной школѣ у насъ, хотя населеніе Россіи почти втрое больше населенія Японіи. Любопытно отмѣтить, что въ японской народной школѣ проходятся, кромѣ грамоты и ариметики, отечественная географія и исторія, естествовѣдѣніе и рисованіе, а въ средней школѣ обязательныя англійскій языкъ. Закона Божія не преподають совсѣмъ ни въ одной школѣ.

Отдѣльная глава X посвящена обзору государственнаго и административнаго устройства Японской имперіи. Хотя въ этомъ обзорѣ имѣются важнѣйшія положенія конституціи 11 февраля 1889 (введенной въ дѣйствіе 11 февраля 1890), однако нельзя не пожалѣть, что этой далеко не маловажной сторонѣ дѣла отведено такъ поразительно мало мѣста,— всего 2 $\frac{1}{2}$ страницы. Японская конституція и среди другихъ существующихъ документовъ этого рода — не отличается краткостью: въ ней 7 главъ и 76 параграфовъ.

Книгѣ предшествуетъ историческій очеркъ, занявшій всю первую главу. Здѣсь излагается исторія сношеній Европы и Россіи съ Японіей, и дается исторія самой Японіи. Сношенія Россіи съ Японіей не лишены интереса. О первомъ японцѣ, открытомъ русскими въ 1700 г. гдѣ-то у коряковъ, царю Петру было донесено слѣдующее: „сухощавъ, усъ не великъ, волосъ черенъ, а какъ у русскихъ увидѣлъ образъ Божій, зѣло плачетъ и говоритъ, что у нихъ такіе же образа есть“. Потомъ онъ былъ въ Россіи учителемъ японскаго языка и долго еще числялся при Академіи Наукъ. Интересны также попытки, не разъ повторявшіяся, „пригласить мохнатыхъ курильцевъ въ руссійское подданство“. Однако, въ началѣ XIX вѣка всѣ сношенія съ Японіей были прерваны, такъ какъ „иркутское начальство“ нашло произведенныя затраты не оправдавшимися и запретило дальнѣйшія попытки. Слѣдующій циклъ сношеній завязался въ 1853, когда въ японскихъ водахъ почти одновременно съ двухъ сторонъ появились американская эскадра комодора Перри и русская эскадра вице-адмирала Путятина; памятникомъ путятинской экспедиціи остаются двѣ главы гончаровскаго „Фрегата Паллады“.

Очеркъ японской исторіи даетъ обзоръ японской колонизаціи острововъ, направлявшейся съ юга на сѣверъ,—чѣмъ и объясняется большая заселенность юга; далѣе рѣчь идетъ о распространеніи въ странѣ, около VI вѣка по Р. Х., китайской цивилизаціи и буддизма; далѣе исторія феодальнаго періода, и наконецъ „эпоха великихъ реформъ“ императора Мутцу Гито, эпоха, увѣнчавшаяся въ Японіи европейской конституціей. Въ этомъ историческомъ очеркѣ кое-какія утвержденія автора вызываютъ наше недоумѣніе. Намъ кажется, авторъ чересчуръ много значенія приписываетъ вліянію буддизма, объясняя имъ и японскій погунатъ (захватъ власти мажордомами), и японскій феода-

лизмъ. „Чѣмъ болѣе усвоивалось японцами буддійское ученіе, — пишетъ полковникъ Богуславскій, — тѣмъ болѣе стремленіе погрузиться въ нирвану, достигъ при помощи созерцательной жизни блаженства стало отдалять микадо отъ дѣлъ государства, приводить ихъ къ мысли объ отреченіи еще въ зрѣломъ возрастѣ отъ императорской власти. Отрекаясь, они возлагали бремя правленія на своихъ наслѣдниковъ. Такимъ образомъ центральная власть должна была естественно перейти въ руки регентовъ“... Интересно было бы знать, почему же сами эти регенты—шогуны, а затѣмъ и феодалы—не поддались въ той же мѣрѣ тому же самому буддизму, а напротивъ, захватили въ руки власть, отъ которой такъ добровольно отказывались микадо? Между тѣмъ авторъ настолько усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія, что періодъ до-феодальный называетъ прямо періодомъ до-буддійскимъ. Болѣе удачнымъ и болѣе мѣткимъ кажется намъ другое соображеніе автора. Онъ припоминаетъ прошлое японской императорской власти. „Въ силу исторической необходимости“, говоритъ онъ, — „создался сіюгунатъ...—Проществовавъ около 8 вѣковъ, сіюгунъ уступилъ мѣсто почти непосредственно парламентскому режиму, въ основаніе котораго легло то же безличіе и невмѣшательство въ дѣла монарха уже въ духѣ западно-европейскомъ“. Этимъ объясняется, можетъ быть, почему такъ легко и гладко перешла Японія къ конституціонному режиму: за всю свою многовѣковую историю всѣ японскіе микадо были какъ бы конституціонными государями; испоконъ вѣка предки Мутцу Гито только царствовали и отнюдь не управляли.—

Нѣсколько раньше книги полковника Богуславскаго вышла на французскомъ языкѣ книга о Японіи, принадлежащая перу Анри Дюмолара. *Henry Dumolard. Le Japon politique, économique et social. Librairie Armand Colin, Paris, 1903. P. 343. Prix. 4 francs.*

Книга, написанная юристомъ, освѣщаетъ Японію съ другихъ, не менѣе интересныхъ, сторонъ. Въ ней отсутствуютъ чисто военныя соображенія; впередъ выдвигаются политическіе вопросы. Интересъ общества къ „странѣ восходящаго солнца“ никогда еще не былъ у насъ такъ великъ, какъ теперь, когда такъ внезапно разразилась русско-японская война. Въ виду этого повышеннаго интереса мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми данными, имѣющимися въ названной книгѣ. Имя Анри Дюмолара служить достаточной гарантіей, что книга написана со знаніемъ дѣла. Дюмоларъ—французскій докторъ правъ, занимавшій въ теченіи трехъ лѣтъ, 1897—1900, кафедрѣ французскаго права въ императорскомъ токійскомъ университетѣ, а затѣмъ по оставленіи кафедры лично объѣздившій во время боксерскаго движенія и китайской экспедиціи Вальдерзее весь театръ дѣйствій и въ частности Корею. Книга составлена интересно, но далеко не безпристрастно. Не желая льстить японцамъ, авторъ впадаетъ въ противоположную крайность. Онъ находитъ, что, усвоивъ европейскую матеріальную культуру, японцы потеряли свои лучшія національныя качества. Китайцы кажутся ему во многомъ стоящими выше японцевъ; Китай даже прогрессивнѣе Японіи. Авторъ цитируетъ слова одного японскаго публициста. „Въ Японіи“, — говоритъ онъ, — „прогрессивное правительство и консервативныя массы; въ Китаѣ консервативно правительство, но массы прогрессивны“.

Таковы общія воззрѣнія автора на Японію и японцевъ. Не надо упускать этого изъ виду, читая книгу Дюмолара.

Вотъ ея краткое оглавленіе: немного исторіи; конституція; политика и партіи; администрація; пресса; финансы; земледѣліе; колоніи; торговая и промышленная эволюція Японіи и предполагаемая желтая опасность; рабочій вопросъ и пауперизмъ; народное просвѣщеніе; религія; феминизмъ; искусство; свободная Японія; пересмотръ трактатовъ; внѣшняя политика; Японія и Корея; заключеніе. Въ приложеніи напечатаны: полный текстъ японской конституціи 11 февраля 1889 г. и проектъ рабочаго закона.

Особенно цѣннымъ является приложенный въ полномъ видѣ текстъ конституціи, а равно подробный ея анализъ, въ которомъ авторъ слѣдуетъ „комментаріямъ“ извѣстнаго японскаго политика маркиза Ито. Какъ разъ въ книгѣ полковника Богуславскаго, посвященной Японіи, эта часть наименѣе разработана. Давая очеркъ происхожденія этого любопытнаго законодательнаго памятника, Дюмоларъ указываетъ на текстъ Императорской присяги 14 марта 1868 г., въ которомъ содержится первое обѣщаніе конституціи, далѣе—на меморандумъ японскихъ дѣятелей Итагаки, Гото и другихъ, на первый эмбрионъ будущаго парламента въ видѣ сѣзда губернаторовъ и т. д. Наибольшее вліяніе на японскую конституцію оказала, какъ утверждаетъ авторъ, конституція прусской монархіи.

Японская конституція является, по мнѣнію Дюмолара, типичнымъ образцомъ октроированной, пожалованной конституціи. Вся полнота верховной власти сохраняется въ рукахъ императора, и статья 1 редактирована даже такимъ образомъ, что императоръ не только царствуетъ, но и управляетъ. Оказывается такимъ образомъ по словамъ Дюмолара, что съ замѣной погуната парламентскимъ режимомъ власть микадо не только не уменьшилась, но даже не осталась въ прежнемъ ничтожествѣ, а, напротивъ, усилилась. Японской конституціи авторъ отводитъ мѣсто на ряду съ французской хартіей 1814 г. и съ прусской конституціей 1850 г. При такихъ условіяхъ понятно, что японская система не знаетъ отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета; авторъ отмѣчаетъ неудачную попытку чистаго парламентаризма, имѣвшую мѣсто въ министерство Окумы въ 1898 г. Подробное разсмотрѣніе статей конституціи должно подтвердить данную ея характеристику; однако авторъ указываетъ и другого рода параграфы, оставляющіе сравнительный просторъ и палатамъ, и судебнымъ учрежденіямъ. Рядъ интересныхъ страницъ посвященъ японскому избирательному праву. Авторъ подвергаетъ анализу не только первоначально дѣйствовавшій избирательный порядокъ 1889 г., но и крупную реформу избирательнаго порядка, проведенную въ февралѣ 1900 г. Эта послѣдняя парламентская реформа дала, повидимому, большее значеніе городамъ и буржуазіи.

Возникаетъ интересный вопросъ: почему же понадобилось японскому правительству издавать какую бы то ни было конституцію? Императоръ пожаловалъ,—почему? Было бы весьма важно разобратъ, какая же наконецъ сила продиктовала правительству эту крупную реформу, какой слой населенія добился этой уступки, чей интересъ явился здѣсь опредѣляющимъ. Вѣдь никто же не станетъ самъ себя ограничивать изъ одного великодушія, и исторія положительно не знаетъ случаевъ, когда

ограничительныя харгїи на самомъ дѣлѣ были бы чистымъ „пожалованіемъ“. Разсмотрѣніе этого вопроса натолкнетъ изслѣдователя на тотъ или другой социальный слой, для котораго дѣйствующая конституція окажется простымъ показателемъ его силы и вліянія въ странѣ.

Дюмоларь, если не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ прямо, то по крайней мѣрѣ даетъ нѣкоторый матеріаль для отвѣта. Онъ указываетъ, съ одной стороны, какое значеніе и при новомъ конституціонномъ режимѣ сохраняютъ ех-феодалы старой Японіи; съ другой стороны, — анализъ избирательнаго права обнаруживаетъ наростаніе силъ буржуазіи.

Говоря затѣмъ о примѣненіи японской конституціи на практикѣ, Дюмоларь даетъ ей довольно суровую оцѣнку. Онъ приходитъ къ выводу, что Японія болѣе прогрессировала до конституціи, чѣмъ при ней. Онъ отмѣчаетъ и въ японскомъ обществѣ пониженіе интереса къ парламентской жизни.

Интересно составлена глава о финансахъ. Съ 1895 г., съ японо-китайской войны, финансы Японіи напряжены свыше мѣры; по словамъ Дюмолара, страна восходящаго солнца—наканунѣ серьезныхъ финансовыхъ затрудненій, которыхъ она можетъ избѣжать, только отказавшись отъ обуявшей ее мегаломаніи. Отдавая должное прогрессу Японіи за послѣднія 40 лѣтъ, Дюмоларь, какъ мы видѣли, не принадлежитъ къ числу панегиристовъ Японіи. Приводя большой и солидный матеріаль по исторіи японскаго народнаго хозяйства, французскій ученый замѣчаетъ однако же не безъ скептицизма, что японцы „почти всегда плохіе работники, неспособные предприниматели и невозможные коммерсанты“. Какъ безусловную ошибку, авторъ отвергаетъ басню о томъ, что новыя японскія индустріи опередили своимъ производствомъ всѣ отрасли старой національной промышленности. Процентное отношеніе новыхъ производствъ къ старымъ, по словамъ Дюмолара, равняется всего 20 къ 100. При всемъ развитіи своей промышленности Японія не можетъ еще конкурировать съ Европой на европейскихъ рынкахъ, и вся „желтая опасность“ въ этомъ смыслѣ грозитъ только европейскимъ рынкамъ на Дальнемъ Востокѣ. Тормазами для промышленнаго развитія Японіи являются въ глазахъ автора недостатокъ капиталовъ и излишнее, въ ущербъ хозяевамъ, покровительство труду; а все отъ того (авторъ цитируетъ мнѣніе японскаго фабриканта), что Японія „управляется студентами, которые все рабски копируютъ съ Европы“. Намъ не совсѣмъ понятно, какъ это вяжется съ собственными утвержденіями автора въ слѣдующей главѣ о рабочемъ вопросѣ и пауперизмѣ.

Въ главѣ о народномъ просвѣщеніи Дюмоларь подчеркиваетъ точно также недочеты японской школы. Признавая, что Японія и въ школьномъ дѣлѣ сильно прогрессировала сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, указывая для 1901 года цифру учащихся въ 4 слишкомъ милліона и процентъ посѣщающихъ школу дѣтей въ 64,22, упоминая объ основаніи женскаго университета въ Токио на ряду съ двумя мужскими (въ Токио и въ Киото), авторъ однако подробно останавливается на тѣневой сторонѣ дѣла. Онъ выдвигаетъ впередъ ничтожныя размѣры бюджета японскаго министерства народнаго просвѣщенія, недостаточность учительскаго жалованья; еще болѣе серьезными тормазами просвѣщенія являются все усиливающійся духъ націонализма, для поддержки кото-

раго имѣется свое „японское собраніе“, и затѣмъ духъ консерватизма и реакціи, царящій въ педагогической средѣ; воспитательная роль школы сводится, по утверженію Дюмолара, къ внушенію учащимся вѣрнопопданническихъ чувствъ и шовинизма.

Цифровой матеріалъ, собранный французскимъ ученымъ, отличается большой свѣжестью, доходя до 1900 и 1901 годовъ. Однако приходится, къ сожалѣнію, указать, что отпечатаны цифры не всегда съ должной точностью, такъ что не исключена довольно сильная возможность опечатокъ. Это особенно ясно, напримѣръ, въ обзорѣ конституціи, гдѣ почти всѣ ссылки на отдѣльные параграфы имѣютъ совершенно невѣрную нумерацію, и затѣмъ (что гораздо болѣе непоправимо) на страницѣ 313, гдѣ цифры ввоза и вывоза не даютъ показанныхъ въ итогѣ суммъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ цифрахъ Дюмоларъ расходится иногда съ другими авторами.

Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ отдѣловъ этой интересной книги, остановимся на послѣдней ея главѣ, посвященной корейскому вопросу. Корейскій вопросъ, послужившій главнымъ яблокомъ раздора въ настоящей войнѣ Японіи съ Россіей,—вопросъ чрезвычайно сложный и въ высшей степени запутанный. Не говоря уже о томъ, что русскій читатель остается совершенно неосвѣдомленнымъ о содержаніи японскихъ требованій и русскихъ отвѣтовъ, такъ какъ переговоры не были въ Россіи опубликованы, далеко не ясно даже и то, какой интерес имѣется у Японіи въ Корей. При первомъ взглядѣ на цифры дѣло кажется слишкомъ яснымъ; стоитъ справиться въ таблицѣ населенности, расчисленной на 1 кв. километръ, чтобы видѣть, что въ Японіи приходится 114 человекъ на то же пространство, на какое въ Корей 26, въ Манджуріи 8,5 или даже 6, а въ Восточной Сибири 0,5. Цифры эти, казалось бы, говорятъ сами за себя и дѣлаютъ совершенно яснымъ, откуда и куда возможно движеніе населенія. Однако при болѣе пристальномъ изученіи цифръ обнаруживается, что при всемъ японскомъ малоземельѣ, японская эмиграція только на 15% направляется въ Корею, а на цѣлыхъ 70% уходитъ въ Америку (преимущественно на принадлежащія Соед. Штатамъ Сандвичевы острова). Точно также, какъ ни выросла японская промышленность и какъ ни требуются ей новые рынки, но какъ разъ съ Кореей дѣла у Японіи почти минимальныя: по даннымъ 1899 г. ввозъ изъ Кореи въ Японію не превышалъ 2,2%, а вывозъ изъ Японіи въ Корею—3,2%. Имѣя такимъ образомъ несомнѣнный интересъ въ Корей, а значить и въ сопредѣльной съ ней Манджуріи, Японія въ то же время заинтересована въ ней въ самой ничтожной степени,—степени, во всякомъ случаѣ не уясняющей ея упорной борьбы за Корею.

Къ подобнымъ выводамъ пришелъ французскій авторъ въ разбираемой нами книгѣ. Признавая прежде всего, что—въ коммерческомъ отношеніи (*commercialement parlant*), — „японскіе интересы на Корейскомъ полуостровѣ безконечно важнѣе (серьезнѣе) интересовъ Россіи“, утверждая даже, что у Россіи „совсѣмъ нѣтъ никакихъ интересовъ въ Корей“, Дюмоларъ считаетъ въ то же время страшно преувеличенными сужденія японской, а за нею и англійской и американской прессы о специальныхъ интересахъ Японіи въ Корей.

Авторъ старается свести къ реальнымъ размѣрамъ экономическій

интересъ Японіи на Корейскомъ полуостровѣ; при этомъ онъ опирается на цифры и на личное знакомство съ Кореей. Личныя наблюденія показываютъ, по мнѣнію автора, что японская эмиграція въ Корею приводитъ въ эту страну самыя подонки японскаго населенія,—*la lie de la population nipponne*; что японская колонизація Кореи не даетъ ей никакой новой культуры, никакихъ богатствъ: жилища поселенцевъ ничѣмъ не отличаются отъ туземныхъ хижинъ. Цифры показываютъ, съ своей стороны, что вся сумма ввозной и вывозной торговли Кореи не превышаетъ 15 или 17 милліоновъ іенъ, и если изъ этихъ 17 милліоновъ 10 или 11 приходится на долю сношеній съ Японіей, то это больше только доли другихъ торгующихъ съ Кореей странъ, но сама по себѣ достаточно ничтожная цифра. Точно также и число всѣхъ японскихъ колонистовъ въ Корей не превышаетъ 20.000.

Противъ этого можно возразить, что ни нынѣшніе размѣры японской эмиграціи въ Корею, ни нынѣшнія цифры японскаго вывоза на корейскій рынокъ не предрѣшаютъ, конечно, дальнѣйшаго развитія этого вывоза и этой эмиграціи; Японія можетъ бороться не за сохраненіе нынѣшнихъ корейскихъ колоній и рынковъ, а за возможность ихъ расширенія въ будущемъ. Точно также выходъ для эмигрантовъ въ Америку и на Сандвичевы острова можетъ рано или поздно закрыться, и тогда передъ Японіей станетъ грозный вопросъ: куда же? Все это—соображенія, слишкомъ мало принятая въ расчетъ Дюмоларомъ; онъ положительно слишкомъ поверхностно отнесся къ этой „*lie*“, къ этимъ „подонкамъ“.

Авторъ приходитъ въ концѣ концовъ къ выводу, что не экономическій интересъ лежитъ въ основѣ упорной борьбы Японіи за Корею. Изъ двухъ соперниковъ, столкнувшихся на корейской почвѣ, никому, — ни Россіи, ни Японіи, — не такъ важно завладѣть Кореей самому, какъ не дать завладѣть ей другому. Въ этомъ и заключается, по мнѣнію Дюмолара, жизненный интересъ Кореи для обѣихъ державъ. „Достаточно бросить взглядъ на карту, — пишетъ Дюмоларъ, — чтобы понять, что японцы имѣютъ причину бояться появленія русскихъ на полуостровѣ, въ двухъ шагахъ отъ Цусимы и въ нѣсколькихъ часахъ всего отъ береговъ Японіи. Русскіе съ своей стороны не могутъ заблуждаться насчетъ опасности, какою грозило бы ихъ владѣніямъ въ Манчжуріи и Восточной Сибири водвореніе войскъ микадо въ имперіи утренняго спокойствія“.

При такихъ условіяхъ, думаетъ Дюмоларъ, лучшимъ рѣшеніемъ корейскаго вопроса могло бы быть провозглашеніе гарантированнаго державами нейтралитета Кореи. Это обратило бы Корею изъ яблока раздора въ надежный буферъ между Россіей и Японіей и могло бы надолго обезпечить миръ. Такое предложеніе, по словамъ автора, и было сдѣлано сеульскимъ правительствомъ, но было тотчасъ же отвергнуто всѣми державами, начиная съ наиболѣе заинтересованныхъ.

Авторъ подчеркиваетъ серьезность положенія, созданнаго корейскимъ вопросомъ. Онъ много распространяется о вѣковой враждѣ Японіи къ „сѣверному сосѣду“ (т.-е. къ Россіи). Но путемъ ли переговоровъ или путемъ войны рѣшится дѣло, японцамъ придется помириться съ неизбѣжнымъ фактомъ, что Корея будетъ русской: таково убѣжденіе Дюмолара. Онъ указываетъ, впрочемъ, что вооруженная борьба съ Япо-

ней будетъ не легка, и даже союзная эскадра Россіи и Франціи могутъ не справиться съ японскимъ флотомъ; вѣдь японцамъ всего болѣе удалось ихъ военныя реформы.

Въ книгѣ есть нѣсколько любопытныхъ данныхъ о самой Корей. Корейскій народъ, на долю котораго остается во всемъ этомъ самая жалкая роль, по мнѣнію французскаго ученаго, совершенно неспособенъ къ національному движенію. Зато обнаружилъ признаки оригинальнаго развитія корейскій императоръ. И онъ тоже въ іюль 1899 г. обнародовалъ конституцію, — только конституція эта нисколько не ограничивала его власти и не нарушала его правъ; торжественно объявлялось, что корейское государство уже 5 столѣтій остается и впредь навѣки останется неограниченной монархіей. Далѣе идетъ перечень всѣхъ правъ и преимуществъ императора (очень скоро прибавившаго себѣ еще новый титулъ великаго императора), при чемъ въ одной изъ статей конституціи говорится, что всякій, пытающійся противиться въ чемъ-либо верховной власти, становится внѣ закона.

М. Коваленскій.

Новости иностранной литературы и журналистики. Въ журналѣ „Revue des revues“ недавно напечатаны были результаты любопытной „enquête“, предпринятой редакціей этого журнала съ цѣлью выяснить причины упадка книжной торговли во Франціи. Опрошены были книгопродавцы, редакторы и издатели газетъ, — вообще лица, прикосновенныя къ печатному дѣлу. Отвѣты получились довольно разнообразныя; одни видѣли главную причину въ перепроизводствѣ, въ чрезмѣрномъ наводненіи книжнаго рынка все новыми и новыми вещами; другіе указывали на упадокъ и вырожденіе критики, на тѣсную зависимость успѣха той или другой книги отъ платныхъ рекламъ и заказанныхъ хвалебныхъ отзывовъ. Но всѣ сходились въ томъ, что французскія книги, даже беллетристическаго содержанія, распространяются, сравнительно, очень туго, за исключеніемъ, конечно, весьма немногихъ произведеній, которымъ особенно повезло, или въ силу прежней популярности ихъ авторовъ, или же подъ вліяніемъ ихъ сенсационнаго, бьющаго на рекламу характера. Что же касается сочиненій по исторіи литературы или критикѣ, то ихъ распространеніе въ массѣ, разумѣется, оказывается еще болѣе скромнымъ и ограниченнымъ. Пишущему эти строки пришлось лично слышать жалобы на подобное положеніе вещей отъ нѣкоторыхъ французскихъ литераторовъ и ученыхъ — вродѣ Жоржа Пелиссе.

Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ мѣсяцемъ все новыя и новыя произведенія появляются въ окнахъ и витринахъ парижскихъ книжныхъ магазиновъ, иногда напоминалъ лишній разъ о писателяхъ старшаго поколѣнія, продолжающихъ работать въ наши дни, иногда знакомя читателей, хотя бы не особенно многочисленныхъ, съ новыми, начинающими авторами. Просматривая, въ частности, списокъ тѣхъ вещей, которыя вышли въ свѣтъ за послѣдніе мѣсяцы, мы встрѣтимъ, прежде всего, рядъ такихъ романовъ, которые не вносятъ ничего новаго во французскую беллетристику, не отличаются оригинальностью, не затрогиваютъ какого-либо интереснаго, животрепещущаго вопроса, но, въ своемъ родѣ,

написаны недурно, иногда даже довольно занимательно и искусно, такъ что средній читатель можетъ съ ними ознакомиться безъ скуки. Подобныхъ романовъ всегда бываетъ, конечно, больше, чѣмъ произведеній противоположнаго оттѣнка,—болѣе глубокихъ, содержательныхъ, своеобразныхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ, напр., новый романъ Гюи Шантплера, „Sphinx blanc“, написанный въ стилѣ наиболѣе типичныхъ романовъ Жана Рамо и другихъ романистовъ той же категоріи. Нельзя отрицать, что Шантплеръ весьма занимательно рассказываетъ намъ исторію главной героини, отецъ которой, умирая, просилъ своего близкаго друга, еще молодого человѣка, стать ея опекуномъ, принять ее подъ свое покровительство, высказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ передъ смертью пожеланіе, чтобы онъ со временемъ женился на молодой дѣвушкѣ. Свои опекунскія обязанности герой романа исполняетъ вполнѣ добросовѣстно и старательно, но о бракѣ съ дочерью своего пріятеля онъ не хочетъ и слышать, такъ какъ находитъ ее слишкомъ некрасивою и неинтересною, а самъ является поклонникомъ идеальной красоты. Нужно ли говорить, что въ концѣ романа авторъ заставляетъ его признать себя побѣжденнымъ и мечтать, какъ о счастьѣ, о рукѣ молодой дѣвушки, тѣмъ болѣе, что послѣдняя съ годами похорошѣла, развилась, точно переродилась, стала даже пользоваться большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ? Слѣдуетъ, однако, отдать справедливость автору: подобный сюжетъ разработанъ имъ весьма искусно, и книга читается въ общемъ легко и даже мѣстами не безъ удовольствія, хотя и не оставляетъ сколько-нибудь глубокаго впечатлѣнія.

О новой повѣсти Бурже, „L'eau profonde“ слѣдуетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Она отличается обычными достоинствами и недостатками новѣйшихъ произведеній автора „Le disciple“. Съ одной стороны, мы находимъ въ ней мѣстами поразительные примѣры тонкаго и пропитательнаго психологическаго анализа, схватывающаго мельчайшіе, едва уловимые оттѣнки душевнаго міра героевъ и героинь, рѣдкой наблюдательности, помогающей автору замѣтить то, что оставляется безъ вниманія дюжинными, судящими только по внѣшности людьми. Характеры двухъ женщинъ: скромной, сердечной и отзывчивой Валентины и ея двоюродной сестры Жанны, которая надѣлена въ романѣ страстною, порывистою, мстительною натурою, обрисованы прекрасно. Со свойственнымъ Бурже умѣніемъ изображены отдѣльныя перипетіи основной фабулы, различныя осложненія, вызываемыя стремленіемъ Жанны унижить и втоптать въ грязь ненавистную соперницу Валентину, къ которой она давно уже чувствуетъ антипатію, и нежеланіемъ послѣдней выдать довѣренную ей тайну,—что сразу разрѣшило бы всѣ сомнѣнія, уничтожило бы въ корнѣ подозрѣнія и клевету, объяснило бы ея образъ дѣйствія, частыя отлучки изъ дому и т. д. Все это очень интересно, порою даже захватываетъ читателя; недурно обрисовано и свѣтское общество, къ которому принадлежатъ герои повѣсти, жизнь парижскихъ салоновъ, столь хорошо знакомая Бурже. Наряду съ этимъ мы слишкомъ часто встрѣчаемъ въ „L'eau profonde“ длинноты, отступленія, разсужденія на общія темы, отдѣльныя страницы, которымъ мѣсто въ теоретическомъ сочиненіи, а отнюдь не въ романѣ. Въ иныхъ случаяхъ дѣйствія слишкомъ мало, авторъ больше *описываетъ, объясняетъ*, морализируетъ, чѣмъ наглядно изображаетъ поступки своихъ героевъ.

Романъ Рене Буалэва, „L'enfant à la balustrade“, нѣсколько напоминаетъ по своему общему характеру другое произведение того же автора: „La besquée“. Здѣсь мы опять находимъ характеристику неправильнаго воспитанія, гибельнаго вліянія дурнаго примѣра, который оставляетъ глубокіе слѣды въ дѣтской душѣ, какъ и вообще преждевременное знакомство ребенка съ прозою и пошлостью жизни, лишающее его идеализма, довѣрія къ старшимъ, приучающее его задумываться надъ такими вопросами, которые отнюдь не соотвѣтствуютъ его возрасту. Буалэвъ, не отличающійся крупнымъ художественнымъ дарованіемъ, но, видимо, интересующійся педагогическими темами и дѣтскимъ міромъ, очень правдиво и ярко обрисовываетъ въ иныхъ случаяхъ разочарованія и грустныя ощущенія молодой, неспорченной души, сталкивающейся съ неприглядными сторонами дѣйствительности.

Въ такихъ романахъ, какъ „Les vacances d'un jeune homme sage“, Анри де Ренье (его новѣйшее произведение), „Confession d'un homme d'aujourd'hui“ Абеля Эрмана, „L'indécis“, Андрэ Фонтэна и т. д., сдѣлана попытка обрисовать психологію современнаго поколѣнія, отмѣтить его нерѣшительность, разочарованность, подчасъ нравственную испорченность и дряблость, отсутствіе настоящихъ идеаловъ. Въ совершенно другую обстановку и среду переноситъ насъ Рене Базэнъ, авторъ „La terre qui meurt“, „Les Oberlé“, „Donatienne“ и др., въ своей новой книгѣ „Récits de la plaine et de la montagne“. Знатокъ деревенской жизни и народнаго быта, Базэнъ описываетъ различные уголки французской провинціи, преимущественно—южныхъ департаментовъ. Его очерки и рассказы довольно непритязательны и незатѣливы, но они подкупаютъ своею простотою и безусловною искренностью. Авторъ изображаетъ только то, что онъ самъ видѣлъ и могъ, болѣе или менѣе, изучить. Чтобы покончить съ новыми повѣстями, романами и очерками, упомянемъ о томъ, что за послѣднее время по-французски было опять переведено нѣсколько иностранныхъ произведеній этой категоріи, а извѣстный романъ Бейерлейна, „Iena или Седанъ“, вызвалъ большую и любопытную статью въ „Revue de Paris“.

Въ области драматической литературы за послѣдніе мѣсяцы не появилось ничего безусловно выдающагося, способнаго оставить по себѣ глубокий слѣдъ; но было все же нѣсколько вещей, на которыхъ стоитъ здѣсь остановиться. Очень недурно обрисованъ контрастъ между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ—слабовольный, нерѣшительный, безхарактерный, другой—полный энергіи и силъ, въ новой пьесѣ Альфреда Капюса, „L'adversaire“, написанной имъ въ сотрудничествѣ съ Эмм. Арнонъ и поставленной на сценѣ театра Renaissance. Разыгранная труппою театра des Nouveautés пьеса Робера де Флера и Ж. Кальяве „Les sentiers de la vertu“ принадлежитъ къ категоріи веселыхъ и сценичныхъ комедій; въ ней попадаетъ много бойкихъ, живыхъ и благодарныхъ сценъ, которыя, при хорошемъ исполненіи главныхъ ролей, естественно должны были имѣть успѣхъ. Но этого мало: въ „Les sentiers de la vertu“ можно подчасъ замѣтить и присутствіе идейнаго, сатирическаго элемента, хотя бы и не особенно глубокаго. Авторы обличаютъ пороки, правда, въ довольно безобидной формѣ, недостатки и смѣшныя стороны пустаго, легкомысленнаго, дорожащаго прежде всего свѣтскими приличіями общества, затрогиваютъ его дѣланную, искусственную, по-

казную мораль, ложный взгляд на благотворительность, преклонение передъ силою денегъ.

Главной героинѣ пьесы, Сесили Жербье, приходится узнать на опытъ, чего стоятъ тѣ люди, которые ее окружаютъ. Когда одинъ изъ почитателей ихъ дома, фатоватый и самоуверенный Донъ-Жуанъ, дѣлаетъ ей оскорбительное предложеніе, твердо увѣренный въ легкомъ успѣхѣ, и она съ негодованіемъ прогоняетъ его, этотъ поступокъ молодой женщины отнюдь не располагаетъ въ ея пользу ея знакомыхъ и мнимыхъ друзей; напротивъ, иные начинаютъ ея сторопиться, избѣгаютъ ее приглашать къ себѣ въ гости, держать себя съ нею совершенно по-новому. Чѣмъ же это объясняется? Да исключительно тѣмъ, что объ ея стойкости и мужествѣ, объ ея умѣнии отстоять свою честь протрубили чуть ли не во всѣхъ газетахъ, причемъ назывались даже имена, и такимъ образомъ получился *скандалъ*, — самая ужасная вещь на свѣтѣ въ глазахъ этихъ неглубокихъ, суетныхъ людей! Когда же въ концѣ пьесы, утративъ прежнюю выдержку, строгія правила и непроницаемую суровость, красавица Сесиль соглашается стать возлюбленною одного изъ своихъ усердныхъ поклонниковъ, депутата Шометта, то же самое общество относится весьма терпимо и снисходительно ко всей этой исторіи, соглашается смотрѣть на все сквозь пальцы, хотя прекрасно осведомлено обо всемъ, и снова приглашаетъ Сесиль въ свою среду. Это объясняется тѣмъ, что на этотъ разъ нѣтъ никакой огласки, толковъ, газетныхъ комментариевъ, а слѣдовательно, все обстоитъ благополучно! Въ пьесѣ де Флера и Кальяве есть много чисто бытовыхъ чертъ; такъ напр., мы узнаемъ, что мужъ Сесили, представитель буржуазіи, получилъ *графскій* титулъ отъ папскаго двора за то, что устроилъ какой-то водопроводъ въ баняхъ при Ватиканѣ.

Въ комедіи выступаетъ между прочимъ, какъ эпизодическое лицо, нѣкто Соломонъ Эссенъ, представитель банкирскаго дома, еврей по происхожденію, принявшій христіанство по расчету и подробно рассказывающій всѣмъ о церемоніи своего крещенія. Ничего ярко-антисемитическаго, направленнаго противъ цѣлаго племени, нельзя, однако, найти въ этой сценѣ, безъ которой, правда, можно было бы въ сущности обойтись. Гораздо рѣзче и грубѣ отразилось враждебное отношеніе къ евреямъ въ новѣйшей пьесѣ Мориса Доннэ, „Le retour de Jérusalem“, которая надѣлала много шума именно благодаря тѣмъ сценамъ, гдѣ затронутъ еврейскій вопросъ. Какъ литературное произведеніе, новая пьеса Доннэ не представляетъ собою ничего выдающагося, стоитъ ниже многихъ его прежнихъ вещей. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть о томъ, что писателя съ несомнѣннымъ дарованіемъ прелестили лавры сотрудниковъ „Libre Parole“ и другихъ подобныхъ органовъ.

Пьеса Ромэна Коолюса, „Antoinette Sabrier“, поставленная въ театрѣ „Vaudeville“, причемъ главную роль исполняла Режанъ, носитъ уже совершенно другой, болѣе драматическій, захватывающій и въ то же время—болѣе художественный и, въ истинномъ смыслѣ слова, литературный характеръ. Коолюсъ переноситъ насъ въ домъ финансиста, занимающагося крупными спекуляціями, въ ту среду, которая за послѣднее время очень охотно изображается французскими драматургами (вспомнимъ хотя бы „Les affaires sont les affaires“ Мирбо). Главная героиня, Антуанетта Сабрье, чувствуетъ себя глубоко несчастной, лишенная истинной привязанности, любви и ласки, принужденная жить съ

человѣкомъ, который является совершенно чужимъ для нея лицомъ, съ которымъ у нея нѣтъ ничего общаго. Естественно, что, встрѣтивъ на своемъ пути Рене Донженна, человѣка, искренно ее любящаго, входящаго во всѣ ея интересы, ставящаго выше всего ея счастье, она не можетъ устоять, не можетъ остаться равнодушной и безучастной. Она соглашается покинуть домъ мужа вмѣстѣ съ Рене, дѣлаетъ извѣстныя приготовления къ отъѣзду, такъ какъ ей кажется слишкомъ ужасною мысль—постоянно прибѣгать къ обману, вести двойную игру, продолжать жить въ домѣ человѣка, тайно измѣняя ему.

Но въ ту самую минуту, когда она хочетъ навсегда убраться изъ своего дома и уже даетъ соответствующія указанія прислугѣ, неожиданно возвращается домой Сабрье, котораго не ожидали такъ скоро обратно изъ путешествія. Антуанетта, тотчасъ же замѣтившая уже по одному его разстроенному и мрачному виду, что съ нимъ стряслось какое-нибудь несчастье, узнаетъ, что онъ безповоротно разорился, что спекуляція, на которую онъ особенно надѣялся, рухнула, и ему грозитъ нищета, позоръ. Тогда гуманные инстинкты, чувство состраданія, болѣе мягкій и терпимый взглядъ на униженнаго и жестоко наказаннаго человѣка, все это беретъ верхъ въ душѣ молодой женщины надъ всѣми другими мыслями и порывами. Она рѣшаетъ отказаться отъ своего плана бѣгства съ Рене, остаться, хоть временно, хоть ненавистномъ для нея домѣ, чтобы хоть нѣсколько ободрить и поддержать Сабрье въ трудную минуту. Нечего и говорить, что и въ этотъ моментъ она не любитъ своего мужа, а только жалѣетъ его; когда Рене приходитъ ее торопить, думая, что она попрежнему готовится къ отъѣзду, Антуанетта рассказываетъ ему, что случилось, и, видя его горе при вѣсти о томъ, что ихъ мечтамъ не суждено сбыться, дѣлаетъ то, чего она все время хотѣла избѣжать: соглашается отдаться Рене, не покидая дома мужа!

Въ послѣднемъ актѣ Сабрье, находившійся на краю гибели, повидимому, имѣетъ шансы воспрянуть духомъ и поправить свои обстоятельства, такъ какъ Рене готовъ дать ему взаимныя нужную для спасенія его предпріятія сумму. Но, стоило мужу Антуанетты догадаться, чѣмъ вызывается подобное великодушіе, стонло ему понять, что произошло за его спиною, и онъ отказывается отъ этой помощи, прогоняетъ отъ себя жену, хотя она и хочетъ остаться въ его домѣ, проситъ его позволить ей это сдѣлать,—а затѣмъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, сознавая, что другого исхода нѣтъ и не можетъ быть.

Въ сферѣ поэтическаго творчества за послѣднее время нельзя отмѣтить ничего особенно яркаго и талантливаго. Довольно много толковъ вызвала смерть Мориса Роллинъ, даровитаго, хотя и нѣсколько одно-сторонняго поэта, который въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ жилъ вдали отъ Парижа, все же не былъ забытъ,—и умеръ душевно-больнымъ, испытывъ длинный рядъ нервныхъ ощущеній, приступовъ болѣзненнаго страха, явно патологическихъ явленій. Въ одной изъ посмертныхъ характеристикъ Роллинъ былъ названъ послѣдователемъ Эдгара Поэ, Бодлера и художника Виртца, странныя, удручающимъ образомъ дѣйствующія картины котораго сохраняются въ брюссельскомъ „Musée Wiertz“. Творчество автора „Les Névroses“, дѣйствительно, было мрачно, болѣзненно и безотраднo, но талантъ поэта очень часто заявлялъ о себѣ, заставляя со многими мириться.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, нѣкоторыя новыя книги и статьи, затро-

гивающія область исторіи литературы и критики. Въ журналѣ „L'Ermitage“ появился очеркъ Анри Даврэ, посвященной даровитому поэту XV столѣтія, Франсуа Виллону, этому литератору-бродягѣ, творчество котораго, представляющее собою оригинальную смѣсь ѣдкой сатиры, безпечной веселости, непосредственнаго лиризма и мрачныхъ думъ о смерти и бренности всего земного, имѣло и въ новѣйшее время почитателей, трудолюбивыхъ изслѣдователей и критиковъ, вызывало даже подражанія, вдохновляло поэтовъ и драматурговъ, въ родѣ Жана Ришпана, автора „Ballade Villon“ и пьесы „Les truands“ (1899), гдѣ выступаетъ, между прочимъ, и талантливый „пѣвецъ богемы XV вѣка“. Послѣ работъ Гастона Париса, Лонньона, Швоба, Биванка, Безанта и др. Анри Даврэ не могъ, конечно, сказать ничего новаго объ авторѣ „Большого“ и „Малаго Завѣщанія“, но ему можно поставить въ заслугу то, что онъ лишній разъ напомнилъ современной публикѣ о писателѣ, который въ иныхъ отношеніяхъ является какъ бы предшественникомъ поэтовъ нашихъ дней.

Коснувшись Виллона, нельзя не указать здѣсь же на то, что его произведенія недавно изданы были въ Германіи, но не въ нѣмецкомъ переводѣ, а въ подлинникѣ. Изданіе это предпринято было Вольфгангомъ Вурцбахомъ въ Эрлангенѣ; нѣмецкій ученый пользовался всѣми лучшими работами о поэтѣ XV столѣтія, какія до сихъ поръ появились, классическимъ изданіемъ Лонньона, біографіей, составленной Гастономъ Парисомъ. Онъ сопровождалъ самый текстъ объяснительными примѣчаніями, предпослалъ ему свою вступительную статью. Изданіе это принадлежитъ вообще къ наиболѣе тщательно и научно составленнымъ и проредактированнымъ. Для того, чтобы обширный кругъ нѣмецкихъ читателей могъ ознакомиться съ произведеніями Виллона, необходимо былъ бы, наряду съ подобнымъ изданіемъ, предназначеннымъ для специалистовъ, также и нѣмецкій переводъ хотя бы его лучшихъ вещей. Вспомнимъ, что Суинбэрнъ и Джонъ Пэнъ переводили Виллона по-англійски, а Россетти познакомилъ съ его творчествомъ итальянскую публику, переведя отдѣльные образцы на итальянскій языкъ.

Переходя къ другой, уже гораздо болѣе поздней эпохѣ, отмѣтимъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ и статей, относящихся къ Шатобриану, который въ наши дни все еще продолжаетъ находить изслѣдователей, критиковъ, біографовъ, несмотря на то, что его время кажется теперь далекимъ, давно пережитымъ. Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ, ему посвященныхъ, была книга Эдм. Бирэ, „Les dernières années de Chateaubriand“; Ренэ Думикъ, и раньше касавшійся жизни и творчества Шатобриана въ своихъ критическихъ статьяхъ, помѣстилъ по поводу этой книги статью въ „Revue de Paris“. Въ другомъ журналѣ, „Revue des deux mondes“, появилась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ статья Поля Готье — о Шатобрианѣ и г-жѣ Сталь, затрогивающая, съ одной стороны, взаимныя отношенія этихъ двухъ замѣчательныхъ личностей, съ другой — болѣе ранній періодъ творчества Шатобриана, причемъ матеріаломъ для Готье послужили ненапечатанныя раньше письма автора „Atala“. Другая серія подобныхъ же писемъ появилась въ декабрьской книгѣ „Mercure de France“.

Число сборниковъ критическихъ и историко-литературныхъ этюдовъ увеличилось недавно новою книгою Брюнетьера — седьмымъ томомъ его „Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française“. Въ составъ этой книги вошло до десяти очерковъ, изъ которыхъ одинъ давно уже

знакомъ, въ частности, и нашей читающей публикѣ, такъ какъ имѣется въ русскомъ переводѣ: мы говоримъ о „Европейской литературѣ XIX вѣка“. Известно, что въ этой статьѣ Брюнетьеръ, обрисовывая въ общихъ чертахъ итоги литературы минувшаго вѣка, признаетъ ихъ весьма цѣнными и плодотворными, высказывая вмѣстѣ съ тѣмъ пожеланіе, чтобы отнынѣ она приняла еще болѣе живое и интенсивное участіе въ общественной жизни, откликнулась на запросы современности, окончательно и безповоротно отказалась отъ той роли простой забавы или развлечения въ скучную минуту, какою ей приходилось когда-то исполнять. Статья о постепенной эволюціи трагедіи любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней лишній разъ отразился взглядъ Брюнетьера на французскую классическую трагедію XVII вѣка, на творчество Корнеля и Расина, которому онъ противопоставляетъ произведенія Шекспира и Кальдерона, отдавая, однако, предпочтеніе пьесамъ корифеевъ французской драматической литературы. Специальный этюдъ посвященъ Брюнетьеромъ Лафонтану, творчество котораго онъ уже имѣлъ случай анализировать.

Изъ другихъ сборниковъ критическихъ этюдовъ и очерковъ, появившихся за послѣднее время, назовемъ „Etudes critiques“ Жозефа Бедье, занявшаго послѣ смерти Гастона Париса его кафедру въ Collège de France. Бедье опять касается Шатобриана, въ частности — его „Путевыхъ записокъ“; въ другомъ очеркѣ онъ обращается къ неизданнымъ сочиненіямъ Андра Шенье; специальная статья, притомъ — одна изъ наиболѣе солидныхъ и цѣнныхъ, посвящена „Paradoxe sur le comédien“ Дидро, причемъ Бедье настаиваетъ на томъ, что принадлежность этого сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ уже въ XIX вѣкѣ, знаменитому философу можетъ быть подвергнута большому сомнѣнію, хотя личность настоящаго автора нельзя вполне точно установить.

Большой интересъ представляетъ специальное изслѣдованіе Анри Шэна, „Le théâtre Alsacien“, вышедшее недавно въ Страсбургѣ. Авторъ этой книги, пишущій съ знаніемъ дѣла и, видимо, изучившій положеніе эльзасскаго театра на мѣстѣ, бросаетъ взглядъ на историческія судьбы этого театра за послѣднія 400 лѣтъ (1503—1903) и его современную участь. Онъ отмѣчаетъ преобладаніе мѣстнаго колорита въ репертуарѣ эльзасской сцены, ея тѣсную связь съ окружающею дѣйствительностью, влияніе тѣхъ или другихъ политическихъ событій, взаимодѣйствіе германскаго и французскаго элементовъ. Онъ упоминаетъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ, трудившихся на пользу театральнаго дѣла въ Эльзасѣ, актерахъ, драматургахъ, называетъ пьесы, пользовавшіяся особеннымъ успѣхомъ. Съ одною разновидностью эльзасскаго репертуара, именно съ пьесами на мѣстномъ діалектѣ, съ творчествомъ такихъ драматурговъ, какъ Штоскопфъ, могла познакомиться года два тому назадъ нѣмецкая публика, благодаря гастролямъ труппы, ставившей эти неприятельныя, но типичныя произведенія. По мнѣнію Шэна, наибольшимъ успѣхомъ теперь пользуются, однако, пьесы, написанныя по французски, несмотря на то, что уже четвертое десятилѣтіе идетъ со времени присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи. Въ общемъ, изслѣдованіе Анри Шэна, заключающее въ себѣ богатый фактическій матеріалъ, представляетъ безусловный интересъ для всѣхъ, кто хочетъ изучать исторію европейскаго театра и его разнообразныхъ отбѣнковъ и разновидностей въ отдѣльныхъ странахъ и мѣстностяхъ.

Юрій Веселовскій.

Литературное обозрѣніе.

I.

Всякій, кому случалось многократно перечитывать рассказы А. П. Чехова (а кто не перечитывалъ эти прелестные рассказы по нѣскольку разъ?), могъ замѣтить слѣдующее ихъ странное свойство: читаешь любой рассказъ, и наслаждаешься удивительной выпуклостью и отчетливостью характеристикъ; каждое дѣйствующее лицо очерчено такъ мастерски, съ такой полнотой индивидуальнаго своеобразія, что, кажется, узналъ бы его среди тысячи; но стоитъ прочесть сряду пять-шесть такихъ рассказовъ, и — странное дѣло! — васъ съ тою же силою охватываетъ впечатлѣніе сѣраго однообразія, точно предъ вашими глазами прошли не отдѣльные ярко-изображенные лица, а толпа, которой вы не успѣли разсмотрѣть. Откуда же это двойственное впечатлѣніе, какого, навѣрное, не производятъ на читателя ни Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, ни даже Гаршинъ?

Оно объясняется не размѣрами, а характеромъ художественнаго дарованія г. Чехова. Въ своемъ родѣ онъ несомнѣнно не имѣетъ соперниковъ въ русской литературѣ; спрашивается, каковъ его родъ, какова сфера его творчества. И прежде всего, какова сфера его наблюденія. Наблюденіе наблюденію рознь: отъ фотографической наблюдательности искуснаго рассказчика къ глубокому прозрѣнію великихъ художниковъ слова ведутъ безчисленные ступени, и первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ при изученіи творчества поэта, заключается въ томъ, на какой изъ этихъ ступеней онъ стоитъ, другими словами — что онъ умѣетъ видѣть и, слѣдовательно, изображать.

Г. Чеховъ стоитъ на полпути между сейчасъ названными двумя крайними точками. Онъ обладаетъ необыкновенной способностью схватывать и воспроизводить не только всѣ детали внѣшней обстановки, наружность человѣка, видъ мѣстности и пр., но и чрезвычайно тонкой психологической наблюдательностью въ томъ смыслѣ, въ какомъ послѣдняя понимается въ общежитіи. Человѣческую психику можно схематически сравнить съ электрическимъ аппаратомъ въ дѣйствіи, который поверхностному наблюдателю представляетъ только картину многообразныхъ и очень эффектныхъ внѣшнихъ явленій, тогда какъ внутри, въ закрытомъ для взоровъ сосудѣ, совершается сложный химическій процессъ, являющійся источникомъ всѣхъ этихъ явленій и доступный пониманію лишь посвященныхъ. Въ этотъ закрытый аппаратъ человеческой души взоръ г. Че-

хова не проникаетъ, но онъ съ необычайной зоркостью улавливаетъ мельчайшія *проявленія* совершающагося въ глубинѣ химическаго процесса; г. Чеховъ—великій мастеръ *внѣшней* психологической наблюдательности, въ этомъ его сила и слабость.

Возьмемъ для поясненія памятный, вѣроятно, многимъ читателямъ рассказъ г. Чехова „Хористка“. Рассказъ по-своему прекрасный. Живыми стоятъ предъ глазами и хористка Паша, и ея обожатель, Николай Петровичъ Колпаковъ, скрывающійся при звонкѣ въ смежную комнату, и жена его, внезапно нагрянувшая къ Пашѣ съ грубой бранью и требованіемъ вернуть золотыя вещи, подаренныя ей Николаемъ Петровичемъ. Психологическая вѣрность выдержана чрезвычайно тонко. Испугъ Паши, которой, въ сущности, нечего пугаться, ея чувство, что она производитъ на эту благородную даму впечатлѣніе чего-то гадкаго, безобразнаго, и что будь она худенькая, не напудренная и безъ чолки, то ей не было бы такъ страшно и стыдно стоять предъ незнакомою дамою, ея слезы и чувство оскорбленія, когда барыня захотѣла стать передъ ней на колѣни, чтобы возвысить себя и пуще унижить хористку, торопливое выбрасываніе изъ комода вещей, не подаренныхъ Николаемъ Петровичемъ, и наконецъ заключеніе: „Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своихъ вещей, которыя она сгоряча отдала, и было обидно. Она вспомнила, какъ три года назадъ ее ни за что, ни про что побилъ одинъ купецъ, и еще громче заплакала“,—все это дышетъ неподдѣльной правдой. Но сравните съ этимъ рассказомъ то мѣсто изъ „Записокъ изъ подполья“ Достоевскаго, когда проститутка Лиза приходитъ къ своему бывшему „гостю“ за нравственной поддержкой, когда онъ въ бѣшенномъ монологѣ безжалостно топчетъ въ грязь ея до вѣрчивость, осыпаетъ ее неслыханной бранью и гонитъ вонъ, и она, вмѣсто того, чтобы обидѣться, вдругъ почувствовала то, что прежде всего почувствуетъ всякая любящая женщина, почувствовала, какъ глубоко онъ самъ несчастенъ, и, не смѣя приблизиться, съ воплемъ протянула къ нему руки,—сравните эти двѣ сцены, и вы сразу почувствуете все различіе между внѣшней психологической наблюдательностью и психологическимъ прозрѣніемъ. Возьмите „Поликушку“ Л. Н. Толстого: то же дивное умѣнье безъ всякаго усилія, точно по инстинкту, сдѣлать такъ, что весь внѣшній психологическій аппаратъ, *который весь налицо*, отходить въ тѣнь, а на первый планъ выступаютъ эти глубинныя движенія человѣческой души, которыхъ наука еще и назвать не умѣетъ.

Этимъ даромъ г. Чеховъ не обладаетъ; его сфера, повторяю,—внѣшнее психологическое наблюденіе, и въ ней онъ—неподражаемый мастеръ. Весь путь его художественнаго развитія, отъ первыхъ напечатанныхъ имъ рассказовъ до послѣднихъ его произведеній—„Невѣсты“ и „Вишневаго сада“,—лежитъ въ этихъ предѣлахъ; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ упорно покорялъ себѣ эту область и подъ конецъ вполне подчинилъ ее себѣ, но никогда не пытался перешагнуть ея границы, руководимый вѣрнымъ чутьемъ художника.

Въ этомъ свойствѣ его наблюдательности—ключъ къ пониманію творчества г. Чехова. Именно эта изощренность глаза для всего внѣшнепсихологическаго придаетъ его фигурамъ ихъ видимую яркость, и именно это неумѣніе вскрывать глубину души дѣлаетъ всѣ его фигуры на нѣ-

которомъ отдаленіи столь однообразными, потому что наружныя проявленія человѣческой психики, при всемъ ихъ поражающемъ разнообразіи, въ сущности различаются мало, микроскопическими деталями, истинное же, неповторяющееся своеобразіе человѣка обнаруживается лишь взору, проникающему вглубь. И намъ кажется даже, что уныніе, которымъ вѣетъ отъ произведеній г. Чехова, объясняется не столько основнымъ настроеніемъ автора, сколько этимъ однообразіемъ нарисованныхъ имъ лицъ; точно идешь безконечной равниной, кое-гдѣ отлогіе холмики, и до горизонта, сколько глазъ хватаетъ, все та же ровная даль: невольно въ сердце закрадутся уныніе и скука. Быть можетъ, и самое настроеніе г. Чехова есть результатъ его способа видѣть: врожденная способность улавливать внѣшнія проявленія души, въ теченіе многихъ лѣтъ односторонней практики, должна была пріобрѣсти въ немъ исключительный характеръ, а проявленія эти по существу столь однообразны, что человѣку, непрестанно изучавшему ихъ и только ихъ, не могло не сдѣлаться скучно. Все то же да то же съ небольшими варіаціями, все такъ же человѣкъ глупъ, жестокъ и слабъ, только что глупость, жестокость и слабость принимаютъ различныя формы и вступаютъ въ различныя сочетанія, все такъ же онъ страдаетъ и такъ же мечтаетъ: однообразное, скучное зрѣлище! Точно полкъ солдатъ, всѣ въ сѣрыхъ шинеляхъ, всѣ съ ружьемъ черезъ плечо, съ манеркою у пояса. Для г. Чехова они дѣйствительно—всѣ одинаково солдаты; но Толстой или Достоевскій внимательно взглядылись бы въ ихъ лица, разспросили бы ихъ такъ, какъ они умѣли спрашивать, и показали бы намъ, какой чудной, сложной, ни на чью другую не похожей жизнью живетъ внутри себя каждый изъ этихъ сѣрыхъ солдатъ. Перечитываешь съ живымъ наслажденіемъ иной рассказъ г. Чехова, и невольно приходитъ въ голову мысль: Господи, до чего должно быть скучно было художнику писать этотъ рассказъ, сто десятую варіацію на тему о людской глупости! Гр. Л. Н. Толстой въ каждомъ задуманномъ имъ лицѣ открывалъ цѣлый новый міръ и вглядывался въ него съ жаднымъ любопытствомъ, для него часы творчества навѣрное были лучшими часами жизни; но нарисовавъ сто девять житейскихъ стычекъ и трижды столько солдатъ, садиться за эту же работу въ сто десятый разъ, вѣроятно очень тягостно.

Разница между г. Чеховымъ и его читателями (если оставить въ сторонѣ специально-литературный талантъ) — не качественная, а количественная; то, что онъ видитъ, то видимъ мы всѣ, только его глазъ гораздо болѣе зорокъ. Его обиходная психологія по плечу каждому неглупому человѣку, который съ радостью узнаетъ въ ней свой собственный опытъ, свои собственные наблюденія, только отшлифованныя какъ алмазъ. Того, чѣмъ мы въ дѣйствительности живемъ и чего не сознаемъ, тѣхъ душевныхъ движеній, которыя сплошь и рядомъ совсѣмъ не выступаютъ наружу, не показываетъ намъ и г. Чеховъ. Онъ пейзажистъ; какое дѣло ему до подпочвенныхъ водъ, до нѣдръ земли, таящихъ въ себѣ, можетъ быть, несмѣтныхъ богатства или чудовищные остатки допотопныхъ существъ! На то есть другіе, умѣющіе рыть въ глубину и видѣть во тьмѣ; Достоевскій всю жизнь провелъ въ темныхъ шахтахъ—зато онъ и слышалъ

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольной лозы прозябанье.

Но отъ художника нельзя требовать большаго, чѣмъ онъ можетъ дать; все, что онъ даетъ,—драгоценно, и мы должны съ любовью и благодарностью лелѣять его созданія. Г. Чеховъ—истинный художникъ, слѣдовательно онъ всегда и предъ всякимъ судомъ останется правъ.

Этотъ внѣшне-психологическій реализмъ, составляющій основное свойство творчества г. Чехова, относится преимущественно къ области художественной техники. Вниманіе такого художника, какъ г. Чеховъ, обращено главнымъ образомъ на форму психическихъ проявленій, а не на ихъ содержаніе. И дѣйствительно, г. Чехову всегда оставались чужды высшія задачи художественнаго творчества—анализъ коренныхъ антиномій человѣческаго духа и философскій синтезъ дѣйствительности; но онъ достигъ несравненнаго, почти ювелирнаго искусства въ живописаніи словомъ всего видимаго, отъ картинъ природы до тончайшихъ внѣшнихъ признаковъ настроенія человѣка. Преобладающій интересъ г. Чехова—интересъ живописца; бессознательно его больше всего на свѣтѣ занимають линіи, контуры, игра свѣта и тѣни въ человѣческой жизни, поскольку послѣдняя доступна внѣшнему наблюденію. Въ нашей критикѣ было много споровъ о томъ, есть ли у г. Чехова сознательный идеалъ, „то, что называется общей идеей или Богомъ живого человѣка“; Н. К. Михайловскій рѣшалъ этотъ вопросъ скорѣе отрицательно и ставилъ этотъ недостатокъ въ упрекъ г. Чехову, признавая его „даромъ падающимъ талантомъ“; г. Скабичевскій и вслѣдъ за нимъ г. Волжскій рѣшительно утверждали противное, на томъ основаніи, что художникъ не могъ бы видѣть всей пошлости и мизерности нашей жизни, если бы не носилъ въ своей душѣ высокаго идеала, съ высоты котораго онъ и расцѣпываетъ дѣйствительность. Этотъ споръ кажется намъ въ значительной мѣрѣ праздничнымъ. Сознательные элементы въ міровоззрѣніи художника вообще имѣють небольшую цѣну, и роль ихъ въ его творчествѣ—чаще отрицательная, чѣмъ положительная; несравненно большее значеніе имѣетъ та инстинктивная тоска по гармоніи, по красотѣ и справедливости, которая живетъ въ душѣ каждаго человѣка, но только въ великихъ художникахъ принимаетъ форму стройнаго, лучезарнаго идеала, неотразимо влекущаго къ себѣ своей внутренней красотой. Есть такая свѣтлая мечта, разумѣется, и у г. Чехова, и высшая задача критики по отношенію къ нему заключается въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое и сознательно оформить эту его мечту, разсѣянную крупинками въ его произведеніяхъ и облеченную въ художественные образы. Это безотносительно; но въ сравненіи съ великими нашими художниками „идеаль“ играетъ въ творчествѣ г. Чехова небольшую роль: на первый планъ выступаетъ у него интересъ чисто-техническій, интересъ къ конкретной дѣйствительности.

Отсюда то сравнительное безразличіе темъ у г. Чехова, на которое указывалъ Михайловскій. По свойству его дарованія ему дѣйствительно годится для обработки любой сюжетъ, любая занимательная сценка: онъ всюду найдетъ матеріалъ для психологической живописи. Наиболѣе пригодны для него, конечно, обыденныя сцены, не такъ настойчиво требующія отъ зрителя углубленія въ душевный міръ дѣйствующихъ лицъ; напротивъ, трагедія, властно зовущая къ такому углубленію, не по силамъ художнику, который привыкъ изображать психологическіе феномены не съ ихъ корнями, лежащими во тьмѣ, а срѣзанными, какъ цвѣты для

бувета. И дѣйствительно, всюду, гдѣ г. Чеховъ касается трагедіи, онъ оставляетъ вдумчиваго читателя неудовлетвореннымъ; „Крейцера со-ната“, рассказанная г. Чеховымъ, превратилась бы изъ мраморной группы Лаокоона въ прелестную статуэтку.

Этотъ спеціальныи даръ психологической живописи достался чело-вѣку, обладающему, очевидно, мягкой, недѣятельной натурой. Людей дѣятельныхъ и борющихся г. Чеховъ не любитъ и рѣдко изображаетъ; типъ чело-вѣка, наиболѣе милый ему,—типъ хорошаго лишняго чело-вѣка вродѣ дяди Вани или младшей и старшей изъ „трехъ сестеръ“. Онъ не рисуетъ и бурныхъ чувствъ, хотя бы пассивныхъ,—они разрѣшаются у него въ тихую безнадежную грусть. Эта мягкость природы въ соединеніи съ тѣмъ обезцвѣчивающимъ и нивелирующимъ взглядомъ на жизнь, о которомъ выше была рѣчь, и придаетъ произведеніямъ г. Чехова ихъ нѣжную, акварельную окраску, этотъ чарующій элегическій тонъ, сближающій его съ Левитаномъ. Онъ инстинктивно избѣгаетъ всего рѣзкаго, въ послѣднее время—даже въ фабулѣ своихъ произведеній, такъ что порою даже предпочитаетъ погрѣшить противъ жизненной правды, лишь бы обойти рѣзкій поворотъ. Какую опасность представляетъ въ этомъ отношеніи художественная манера г. Чехова, показываетъ его послѣднее произведение—„Вишневый садъ“.

„Вишневый садъ“ и вообще можетъ служить наилучшею иллюстраціей къ сказанному сейчасъ объ особенностяхъ дарованія г. Чехова. Пьеса эта имѣла лишь посредственный успѣхъ, между тѣмъ она не хуже, а, пожалуй, даже лучше прежнихъ драмъ г. Чехова; сравнительное равно-душіе зрителей къ ней объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что она явилась пятою по счету. Публика ждала отъ любимаго художника чегонибудь новаго; талантъ же г. Чехова, какъ мы сказали выше,—такого свойства, что допускаетъ лишь усовершенствованіе, но не развитіе: ни-чего новаго, ничего, что лежало бы за предѣлами внѣшне-психологиче-скаго реализма, г. Чеховъ не могъ и не можетъ дать, и ждать отъ него откровеній было неосновательно. Онъ далъ тотъ же матеріалъ, что и раньше, но только еще тоньше, еще изящнѣе обработанный; скажемъ же ему за это спасибо.

II.

Одинъ изъ критиковъ мѣтко назвалъ „Вишневый садъ“ пьесой-эле-гійей. И точно: не часто встрѣчаются художественныя произведенія, гдѣ бы настроеніе автора нашло себѣ столь полное выраженіе не только въ манерѣ обработки, но и въ самомъ сюжетѣ. Здѣсь элегична сама фабу-ла, все,—и событіе, разыгрывающееся на сценѣ, и дѣйствующія лица, и даже декорации. Глубокой, задушевною грустью вѣетъ отъ Раневской и ея брата, двухъ милыхъ, беспомощныхъ людей; ихъ жизнь скло-няется къ закату, на ихъ лицахъ—грустные слѣды осенняго увяданія; въ ихъ прошломъ все—беззаботность, счастье, поэзія, а настоящее такъ безотраднo-печально! Только теперь, такъ поздно, жестокая жизнь раз-рушаетъ ихъ теплое гнѣздо и гонитъ ихъ на холодъ, безоружныхъ, неприспособленныхъ ни къ страданіямъ, ни къ борьбѣ, слабыхъ и из-балованныхъ какъ дѣти. Грустью вѣетъ отъ Вари, уже немолодой, тихо любящей и не умѣющей взять свое счастье, отъ вѣчнаго студента

Трофимова, который так постарѣлъ, что больно смотрѣть, отъ стараго Фирса, одиноко умирающаго въ заколоченной на зиму усадьбѣ, отъ компаньонки Шарлотты, не знающей, кто она и зачѣмъ она, даже отъ молодого купца Лопухина, обреченнаго роковымъ закономъ стать исполнителемъ безпощаднаго приговора судьбы надъ людьми, ему милыми съ дѣтства. Мягкой грустью насыщено и самое событіе, составляющее фабулу драмы: гибель старой усадьбы и вишневаго сада. Позвѣй и грустью полны, наконецъ, и самыя вещи, безмолвные свидѣтели и участники этой драмы: милый старый домъ, и столѣтній шкафъ, и чудный вишневый садъ, и этотъ контрастъ между его видомъ въ первомъ и въ послѣднемъ дѣйствіи—тамъ весь осыпанный бѣлымъ цвѣтомъ, здѣсь черный и безлиственный. Единство настроенія,—этой чарующей и щемящей сердце грусти—выдержано въ пьесѣ удивительно: одинъ гармоничный аккордъ, одна тихая жалоба.

Но именно эта невозмутимая гармонія заставляетъ насторожиться: въ жизни мы ее не видимъ—откуда же она взялась въ пьесѣ? Присмотримся ближе: эта мягкость и единство несомнѣнно достигнуты искусственными средствами.

Они достигнуты, прежде всего, нарочитымъ подборомъ частей, изъ которыхъ каждая сама по себѣ болѣе или менѣе правдоподобна, но которыя всѣ вмѣстѣ, въ такомъ сочетаніи, едва ли могутъ встрѣтиться въ жизни. Возьмемъ за исходный пунктъ старую усадьбу и вспомнимъ мимоходомъ, что она—не просто старая усадьба, а усадьба поэтическая, съ чуднымъ вишневымъ садомъ, который очень жалко вырубать: сочетаніе случайное, но играющее въ драмѣ не послѣднюю роль. Обратимся къ людямъ. Что Раневская и Гаевъ стоять на порогѣ старости, что они разорены и къ тому же безпомощны, это естественно; но они, кромѣ того, милые, симпатичные люди, ихъ всѣ любятъ, даже мужики: это тоже случайно, они могли бы быть и взбалмошные, капризные, несносные люди,—но тогда не было бы въ пьесѣ той мягкости, какая есть. Что Варя—добрая и слабая, что Петя Трофимовъ—славный и лишній, что Шарлотта жалка, что Симеоновъ-Пищикъ добродушенъ и убогъ, что Фирсъ всей душою преданъ своимъ господамъ и умираетъ,—это естественно; но не естественно, что всѣ эти вещи собрались вмѣстѣ и именно въ осужденномъ на гибель вишневомъ саду. Варя можетъ быть и другою, сосѣдъ-помѣщикъ можетъ быть кулакомъ или просвѣщеннымъ земскимъ дѣятелемъ, студентъ-репетиторъ давно могъ кончить курсъ и все-таки пріѣхать въ гости, компаньонка можетъ быть веселой француженкой и т. д. Вишневый садъ конечно долженъ быть проданъ; но его покупаетъ именно свой, близкій человѣкъ, искренно любящій всю семью Раневской; это углубляетъ трагизмъ, но лишаетъ его рѣзкости. Купи усадьбу купецъ Дерггановъ (что было бы гораздо правдоподобнѣе), въ пьесу вкрался бы рѣзкій звукъ, и гармонія была бы нарушена.

Такова общая картина, какъ видитъ читатель, сильно стилизованная въ цѣляхъ достиженія единства тона—мягкой, поэтической грусти. Если обратиться отъ нея къ отдѣльнымъ фигурамъ, то нетрудно замѣтить множество мелкихъ черточекъ, умышленно или бессознательно внесенныхъ въ нихъ авторомъ ради той же цѣли. Способы, примѣняемые имъ здѣсь, чрезвычайно тонки: каждая линия закругляется едва замѣт-

но, чуть-чуть, такъ что сразу и не замѣтишь уклоненія, а въ цѣломъ достигается желаемое. Что Фирса забыли отправить въ больницу, это не необходимо, но возможно; еще менѣе необходимы, пожалуй даже вовсе неестественны его заключительныя слова: „Жизнь-то прошла, словно и не жилъ“: два едва замѣтныхъ уклоненія отъ жизненной правды, а какой эффектъ они производятъ на общемъ фонѣ! Шарлотта, такая, какъ она есть, вовсе не должна сознательно характеризовать себя передъ глухимъ Фирсомъ или Дуняшею: „У меня нѣтъ настоящаго паспорта, и не знаю, сколько мнѣ лѣтъ, и мнѣ все кажется, что я молоденькая... Все одна, одна, и никого у меня нѣтъ, и кто я, зачѣмъ я, неизвѣстно“...—тоже маленькій искусственный штрихъ, дополняющій картину. Такихъ крошечныхъ закругленій въ пьесѣ видимо-невидимо, и было бы слишкомъ долго ихъ перечислять; такъ же стилизованы Варя, Дуняша, Епиходовъ и пр. Но наиболѣе любопытенъ въ этомъ отношеніи Лопухинъ, „закругленный“ уже до полнаго неправдоподобія. Допустимъ, что онъ дѣйствительно привязанъ къ Раневской, и хотя его отецъ былъ крѣпостнымъ у ея отца, но „она, собственно она, сдѣлала для него когда-то такъ много, что онъ забылъ все и любить ее, какъ родную... больше чѣмъ родную“. Правда, намъ трудно представить себѣ, чтó эта дама, и вообще никогда ничего не дѣлавшая, могла сдѣлать для него, и авторъ оставляетъ этотъ пунктъ необъясненнымъ, но допустимъ, что это такъ. Что такое Лопухинъ? Молодой, здоровый, работающій человекъ, отлично прилаженный къ практической жизни, мужикъ, слегка отшлифованный и сколотившій уже большой капиталъ; онъ встаетъ въ пятомъ часу и работаетъ до ночи, онъ въ одно лѣто беретъ на тысячѣ десятинъ мака 40 тысячъ чистаго барыша. На его щекахъ здоровый грубый румянецъ—не правда ли? Но это нарушило бы осенній колоритъ картины, и авторъ спѣшитъ подмалевать эти щеки, чтобы придать имъ требуемому томную блѣдность. У Лопухина, оказываются, тонкіе и нѣжные пальцы, какъ у артиста, тонкая и нѣжная душа. Его сердце точитъ червь тоски и самопрезрѣнія; его мучитъ сознание, что онъ только что вотъ богатый, а ежели подумать и разобратъся, то мужикъ мужикомъ; мало того: онъ не чуждъ и унылыхъ мыслей о безцѣльности жизни, и только когда работаетъ по-долгу, безъ усталости, его мысли становятся легче, и ему кажется, будто ему тоже извѣстно, для чего онъ существуетъ. Онъ смягченъ г. Чеховымъ даже до сантиментальности: „Хотѣлось бы,—говоритъ онъ Раневской,—хотѣлось бы только, чтобы вы мнѣ вѣрили по прежнему, чтобы ваши удивительные трогательные глаза глядѣли на меня, какъ прежде“. Вся исторія его съ Варей свидѣтельствуетъ о такой слабости и нерѣшительности, какой невозможно предположить въ этомъ дѣльцѣ. Результатомъ этого неестественнаго смѣшенія чувствительности съ практичностью является фигура совершенно не живая, въ рѣшительную минуту обнаруживающая всю свою неправдоподобность. Эта минута—появление Лопухина въ домѣ Раневской послѣ покупки имъ вишневаго сада. Г. Чеховъ весьма искусно облегчилъ себѣ задачу, представивъ здѣсь Лопухина слегка пьянымъ; но несмотря на эту ширму, искусственная двойственность Лопухина рѣзко бьетъ въ глаза: онъ распадается на двухъ человекъ, между которыми нѣтъ никакой связи, изъ которыхъ одинъ—акула, сынъ крѣпостного, богатый мужикъ, опьяненный своимъ

счастьемъ, кричащій: „Играй музыка“, другой — хорошій, чувствительный и слабый, истинно-чеховскій интеллигентъ, обращающійся къ поповолѣ обездоленной имъ Раневской со скорбнымъ укоромъ: „Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бѣдная моя, хорошая, не вернешь теперь“, и кончающій эту рѣчь *сквозь слезы* такими чудовищными въ его устахъ и въ эту минуту словами: „О, скорѣ бы все это прошло, скорѣ бы измѣнилась какъ-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь“!.. Развѣ тутъ есть хоть тѣнь правдоподобія?

Но Лопахинъ — исключеніе въ пьесѣ; правда, сильно шаржированъ и Епиходовъ, но его роль незначительна. Остальныя же дѣйствующія лица, событія и вещи стилизованы несравненно искуснѣе, такими тонкими штрихами, которые только en masse обнаруживаютъ свою неестественность; да они и предназначены дѣйствовать только въ массѣ, своей мелкостью и многочисленностью.

Разумѣется, мы далеки отъ мысли приписывать это искаженіе правды сознательному намѣренію автора. Нѣтъ, онъ безъ сомнѣнія субъективно правъ: именно такъ, именно съ этими ничтожными уклоненіями отъ нормальнаго впечатлѣнія видитъ вещи человекъ, насквозь проникнутый цѣльнымъ болѣзненнымъ настроеніемъ. Каждое отдѣльное его впечатлѣніе уклоняется отъ нормальнаго на іоту, созвучныя ему струны звучатъ для его уха нѣсколько слышнѣе прочихъ, явленія, близкія его душѣ, для его взгляда нѣсколько тѣснѣе сближаются въ пространствѣ, все это въ отдѣльности — едва замѣтнымъ образомъ, а въ общемъ получается представленіе о мірѣ совершенно особенное, ярко окрашенное этимъ самымъ его болѣзненнымъ настроеніемъ. И кто смотритъ на вещи такъ же, какъ онъ, сквозь тѣ же цвѣтныя стекла, тотъ увидитъ въ его созданіяхъ неподдѣльную правду; намъ же его правда кажется большой неправдой.

И эта бессознательная фальсификація жизни сдѣлалась возможной только потому, что матеріалъ, надъ которымъ всегда и исключительно работаетъ г. Чеховъ, такъ фатально-легко поддается искаженію. Этотъ матеріалъ, какъ мы видѣли, — внѣшнія проявленія психики. Художественный инвентарь г. Чехова весь состоитъ изъ неисчислимыхъ микроскопическихъ вещицъ, изъ несчетныхъ мельчайшихъ психологическихъ наблюдений; и вотъ, подъ влияніемъ его цѣльнаго настроенія одинъ изъ этихъ камешковъ за другимъ бессознательно и слегка окрашиваются въ неестественный цвѣтъ, и такъ какъ они малы, то это его не пугаетъ, онъ и не замѣчаетъ этого. Настроеніе слегка закруглитъ одну крошечную грань, нечувствительно выгнетъ одну прямую линію, и по малости грани, по короткости линіи изгибъ для самого художника остается незамѣтнымъ. Но когда онъ изъ этихъ слегка окрашенныхъ камешковъ сложитъ свою мозаику, изъ этихъ слегка изогнутыхъ черточекъ создастъ контуръ жизни, — тогда неизбѣжно обнаружится, какъ неестественъ этотъ цвѣтъ и какъ искажены всѣ очертанія. Въ этой опасности — оборотная сторона спеціализація г. Чехова на внѣшне-психологической живописи: та самая способность, которая сдѣлала его величайшимъ мастеромъ психологическаго реализма, привела его и на путь искаженія жизненной правды.

Таковъ не только „Вишневый садъ“: то же самое еще съ большимъ основаніемъ приложимо къ „Дядѣ Ванѣ“, къ „Тремъ сестрамъ“, къ „Мужикамъ“ и пр.

А психологическая живопись въ „Вишневомъ садѣ“ еще тоньше, еще совершеннѣе, чѣмъ въ предыдущихъ его драмахъ. Если оставить въ сторонѣ дурную манеру г. Чехова заставлять дѣйствующихъ лица рассказывать зрителямъ свои біографіи, то большей воздушности средствъ, какими достигается здѣсь характеристика людей, ихъ настроеній, ихъ поступковъ,—нельзя и вообразить. Эти чарующіе узоры сплетены изъ паутинныхъ нитей, тона подобраны съ изумительнымъ искусствомъ, мягкость фона и всѣхъ красокъ положительно дѣйствуютъ, какъ гнѣіе сирены. Надо самому увидѣть „Вишневый садъ“ на сценѣ, особенно въ прекрасной постановкѣ и прекрасномъ исполненіи Художественнаго театра, чтобы оцѣнить поэтическую прелесть этой пьесы-элегіи. По поводу „Дяди Вани“ и „Трехъ сестеръ“ много говорилось о томъ, что дышанція уныніемъ произведенія г. Чехова социальны вредны, такъ какъ умаляютъ въ обществѣ чувство жизни. Въ этомъ мнѣніи есть правда, но односторонняя. Болѣзненная грусть г. Чехова только усилитъ грусть того, кто груститъ и безъ нея, а надъ бодрой душой пройдетъ, какъ тѣнь облака надъ полемъ въ лѣтній день. А въ красотѣ произведеній г. Чехова—потому что онъ настоящій поэтъ — лежитъ и сильнѣйшее противоядіе противъ отравы его настроенія. Поэзія больше, чѣмъ что-либо другое въ мірѣ, поднимаетъ чувство жизни; даже горе она преобразажаетъ такъ волшебнo, что подъ дѣйствіемъ ея человѣкъ легче несетъ свое настоящее горе. Произведенія же г. Чехова полны чистѣйшей поэзіи. И въ „Вишневомъ садѣ“ тоже много грусти, но еще больше красоты.

М. Гершензонъ.

Библиографія.

Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I. М. 1904. in 8-во.
Стр. 4 нел.+456+VI. Ц. 2 руб. 50 коп.

Ничто такъ не подвергается порчѣ, искаженію и подтасовкѣ въ нашей средней школѣ, какъ отечественная исторія. Наши рекомендованные учебники, какъ истинный плодъ нѣжной страсти къ золу, заняты историческимъ душегубствомъ, и молодые люди съ магическимъ аттестатомъ зрѣлости часто вступаютъ въ университетъ классическими неучами въ области русской исторіи. Научное изученіе послѣдней у насъ не поощряется; доходятъ до того, что рекомендуютъ подробнѣе останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ нашего прошлаго и замалчивать темныя; довольно трудно, конечно, понять, что именно разумѣютъ подъ свѣтлыми и что подъ темными сторонами. Вѣдь для историка ничего не можетъ быть въ прошломъ свѣтлаго или темнаго, а для рекомендующихъ замалчивать темныя стороны характерно признаніе въ нашемъ прошломъ столь много зазорнаго, что при преподаваніи надлежитъ лукавить, дабы не попортить малыхъ сихъ... Однако на всякій часъ не уберешься; молодой человекъ попадаетъ въ университетъ, а тутъ его охватываетъ курсъ русской исторіи проф. В. О. Ключевского. Отсюда двойное значеніе этого курса: во-первыхъ, онъ представляетъ собою важную страницу изъ исторіи русской университетской науки вообще и московскаго университета въ частности; во-вторыхъ, онъ цѣненъ, какъ орудіе борьбы съ профанацией отечественной исторіи въ средней школѣ. До настоящаго времени курсъ русской исторіи проф. В. О. Ключевского былъ недоступенъ или почти недоступенъ для большой публики: самъ лекторъ никогда его въ свѣтъ не издавалъ, и курсъ расходился по читателямъ лишь въ многочисленныхъ литографіяхъ, за которыя лекторъ не могъ быть отвѣтственнымъ, ибо онъ выходили въ свѣтъ безъ его вѣдома и вообще безъ чьего-либо вѣдома. Обстоятельство это представляется очень любопытнымъ: вліяніе курса выходило далеко за предѣлы старой большой словесной аудиторіи московскаго университета. Если взглянуть въ извѣстную всѣмъ книжку „Программы чтенія для самообразованія“, изданную Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, то увидимъ, что во главѣ пособій поставлены (по второму изданію, стр. 57) „Лекціи русской исторіи“ проф. В. О. Ключевского и „Очерки по исторіи русской культуры“ проф. П. Н. Милюкова. Отдѣлъ, рекомендуя „Лекціи русской исторіи“, не оговариваетъ, что онѣ не имѣются въ продажѣ, какъ то сдѣлано относительно „Лекцій по русской исторіи“ проф. В. А. Мякотина! Еще болѣе широкое распространеніе получила общая схема русской исторіи проф. В. О. Ключевского, когда въ ноябрѣ 1899 года онъ выпустилъ въ свѣтъ свое „Краткое пособие по русской исторіи“; оно быстро сдѣлалось руководящимъ матеріаломъ для домашняго чтенія учащихся въ средней школѣ, и едва ли хоть одинъ порядочный преподаватель послѣдней не рекомендуетъ его нынѣ учащимся, какъ сжатый остовъ русской исторіи (третье изданіе съ дополненіями вышло въ свѣтъ въ октябрѣ 1903 года и заключаетъ въ себѣ всего лишь 172 стр. текста in 8-во). На этомъ „Краткомъ пособіи“ нѣтъ формальной печати одобренія, но оно получило наилучшую рекомендацію, грудью пробивъ себѣ дорогу въ сферу учащихся на подобіе замѣчательныхъ учебниковъ древней исторіи и исторіи среднихъ вѣковъ проф. Р. Ю. Виппера. Наконецъ, самъ лекторъ вы-

ступает теперь передъ читающей публикой съ первою частью своего курса, и послѣдній становится въ полномъ смыслѣ слова общественнымъ достояніемъ, заповняя собою крупный пробѣлъ въ нашей научно-популярной литературѣ по русской исторіи. Это хорошо понимаетъ и самъ авторъ, когда пишетъ въ предисловіи къ курсу, что „въ недостаткѣ, чтобы не сказать—отсутствіи, доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи, лекторъ видитъ оправданіе своей рѣшимости, а въ близости конца преподавательской работы единственное побужденіе начать изданіе курса, безспорно нуждающагося въ обработкѣ“. Если мы считаемъ „Курсъ русской исторіи“ В. О. Ключевского цѣннымъ приобрѣтеніемъ научно-популярной литературы въ высокомъ смыслѣ этого слова, то, кажется, не расходимся въ этомъ отношеніи съ самимъ авторомъ, который предназначаетъ его именно для большой публики, и съ нашей точки зрѣнія научно-популярная роль курса повышаетъ его академическую цѣну. Свѣтлая страница изъ исторіи московскаго университета въ лицѣ названнаго курса—крупный шагъ впередъ для серьезнаго и доступнаго изученія отечественной исторіи профанами и недочками, выпускаемыми нашею среднею школою.

Авторъ подчеркиваетъ „*практическій интерес*“, побуждающій насъ изучать исторію Россіи особо, выдѣляя ее изъ состава всеобщей исторіи“, равнымъ образомъ то обстоятельство, что „этотъ воспитательный, т.-е. практическій интересъ не исключаетъ научнаго, напротивъ, долженъ придавать ему болѣе дидактической силы“. Основною задачею изученія мѣстной исторіи служить, по мнѣнію автора, „познаніе природы и дѣйствія историческихъ силъ и элементовъ общегитія, какъ они проявляются въ различныхъ сочетаніяхъ, ими образуемыхъ“ (стр. 23). Когда В. О. Ключевскій подходитъ ближе къ выясненію пракческаго интереса въ знакомствѣ съ нашимъ прошлымъ, онъ не падаетъ ни нашей духовной нищеты, ни нашей экономической забитости. Позвольте привести длинную цитату. „Исторія народа, научно-воспроизведенная,—говоритъ авторъ,—становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлаго. Прямое дѣло ближайшаго будущаго—сократить передержки и пополнить недоимки, возстановить равновѣсіе народныхъ задачъ и средствъ. Здѣсь историческое изученіе своими конечными выводами подходитъ вплотъ къ практическимъ потребностямъ текущей минуты, требующей отъ cadaго изъ насъ, отъ cadaго русскаго человѣка отчетливаго пониманія накопленныхъ народомъ средствъ и допущенныхъ или вынужденныхъ недостатковъ своего историческаго воспитанія. Намъ русскимъ понимать это нужнѣе, чѣмъ кому-либо. Вѣковыми усиліями и жертвами Россія образовала государство, подобнаго которому по составу, размѣрамъ и міровому положенію не видимъ со времени паденія Римской имперіи. Но народъ, создавшій это государство, па своимъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ еще не стоитъ въ первомъ ряду среди другихъ европейскихъ народовъ. По неблагоприятнымъ историческимъ условіямъ его внутренній ростъ не шелъ въ уровень съ его международнымъ положеніемъ. Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполне развернувшись, не можемъ соперничать съ другими ни въ научной, ни во многихъ другихъ областяхъ. Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ *гражданиномъ*“. Тонкій знатокъ древнѣйшаго прошлаго, неспособный, какъ историкъ, говорить легковѣсно или необдуманно, проф. В. О. Ключевскій путемъ долгаго изслѣдованія пришелъ къ указанному сейчасъ выводу; послѣдній представляетъ собою большую цѣну, ибо онъ подсказываетъ намъ программу нашей ближайшей дѣятельности. Наше государство колоссально по размѣрамъ, но наши духовныя и матеріальныя средства оставляютъ желать очень многого, мы, по словамъ проф. В. О. Ключевского, еще и не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ... Такъ надо начинать жить „въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ“, надо изъ обывателя превратиться въ гражданина, надо спѣшить съ реформой во всѣхъ областяхъ нашей жизни! Передѣлки, поправки, лицемѣрныя обѣщанія ничему не въ состояніи помочь, а вопль о внутреннихъ реформахъ въ концѣ-концовъ нигдѣ нельзя было прикрыть рискованною политикой приключеній или грозной реакціи... По крайней мѣрѣ заключенія наблюдательнаго и вдумчиваго историка, доведенныя до логически правильнаго ихъ выраженія, тому рѣшительно противорѣчатъ.

Въ основу своего курса авторъ полагаетъ „факты политическіе и экономическіе съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія“; онъ представляетъ своимъ читателямъ „государство и общество, ихъ строеніе и взаимное

отношение,—людей, руководивших строением того и другого, условия внешние—международные и внутренние—физические и нравственные, устанавливавшие отношение между тем и другим, внутренние борьбы, какія при этом приходило переживать народу, производительныя силы, которыми создавалось народное хозяйство, формы, въ какія отливался государственный и хозяйственный бытъ народа“. Въ первой части курса съ указанной точки зрѣнія передъ читателемъ проходятъ изображенія двухъ периодовъ русской исторіи: *Руси* дѣпровской, городской, торговой и *Руси* верхневолжской, удѣльно-княжеской, вольно-земледѣльской. Русь дѣпровскую съ ея очереднымъ порядкомъ княжескаго владѣнія авторъ рѣзко отдѣляетъ отъ Руси съ удѣльнымъ порядкомъ княжескаго владѣнія и зарожденіемъ великорусской народности. Само по себѣ это разграниченіе и не заслуживало бы особаго упоминанія, ибо оно известно въ нашей литературѣ еще со времени докторской диссертациі С. М. Соловьева, но у В. О. Ключевскаго своеобразно оно изложено, а къ тому же наша будничная и учебная литература до сихъ поръ смѣшиваютъ оба періода въ одно цѣлое подъ удивительнымъ названіемъ Руси удѣльно-вѣчевой, названіемъ безграмотнымъ вдвойнѣ. Въ разграниченіи Руси дѣпровской и Руси верхневолжской можно было бы идти и нѣсколько дальше, чѣмъ это дѣлаетъ В. О. Ключевскій; можно было бы утверждать, что Русь дѣпровская представляетъ совершенно особый историческій процессъ, имѣющій свое начало и свой конецъ, равно доступные наблюденію историка. Мы стали бы затѣмъ утверждать, что при характеристикѣ кievской Руси слѣдовало бы подвергнуть анализу роль южно-русскаго вѣча (срв. стр. 218, 239 и 323) и рѣзче выдвинуть его какъ политическое учрежденіе. По нашему мнѣнію, надлежитъ съ особенной энергіей искать въ нашемъ прошломъ слѣдовъ политической роли самого народа и слѣдовъ общественной самодѣятельности. Какъ-то не хочется думать, что русская народность изначала изображала изъ себя что-то такое мягкотѣлое, надъ чѣмъ можно было дѣйствовать какъ угодно. Для многихъ политическая роль народа въ кievской Руси стала общимъ мѣстомъ, а южно-русское вѣче—цѣннымъ объектомъ историческаго изученія... Не выдвинувъ вѣче на надлежащую высоту, проф. В. О. Ключевскій даетъ цѣнную характеристику начальнаго лѣтописнаго свода (стр. 79—113) и вскрываетъ въ немъ идею славянскаго единства (срв. стр. 105 и 120). „Замѣчательно,—говоритъ авторъ,—что въ обществѣ, гдѣ сто лѣтъ съ чѣмъ-нибудь назадъ еще приносили идоламъ человѣческія жертвы, мысль уже училась подниматься до сознанія связи мировыхъ явленій; идея славянскаго единства въ началѣ XII вѣка требовала тѣмъ большаго напряженія мысли, что совсѣмъ не поддерживалась современной дѣйствительностью“. Во всякомъ случаѣ панславизмъ начальнаго лѣтописца совсѣмъ особаго рода: въ немъ сквозитъ, по нашему мнѣнію, не идея славянскаго единства, а желаніе рѣзко отграничить славянъ отъ варяговъ, что выразительно напоминаетъ намъ мечту лѣтописной легенды завоеваніе норманновъ превратить въ добровольное призваніе князей и только въ призваніе. Столь же повышенное истолкованіе проф. В. О. Ключевскій даетъ также и этому послѣднему сказанію; мы, признаемся, склонны понимать его гораздо проще... „Фактически,—говоритъ В. О. Ключевскій (стр. 167),—государства основываются различнымъ образомъ, но юридическимъ моментомъ ихъ возникновенія считается общественное признаніе властвующей силы властью по праву; идея такой правомѣрной власти и внесена въ легенду о призваніи. Сказаніе о призваніи князей, какъ оно изложено въ Повѣсти,—совсѣмъ не народное преданіе, не носитъ на себѣ его обычныхъ признаковъ: это—схематическая притча о происхожденіи государства, приспособленная къ пониманію дѣтей школьнаго возраста“. Въ одномъ случаѣ идея славянскаго единства, въ другомъ идея общественнаго признанія властвующей силы властью по праву не могутъ ли быть замѣнены чѣмъ-нибудь болѣе простымъ, какъ напр., попытками отграничить славянское племя отъ норманнскаго и завоеваніе обозначить призваніемъ: и то, и другое гораздо болѣе льстило народному самолюбію и полянской гордости.

Когда-то въ нашей литературѣ ломали копыя по вопросу о происхожденіи русскаго государства, теперь этотъ вопросъ настолько пересталъ быть занимательнымъ въ его старомъ пониманіи, что... онъ превратился въ школьный. Въ объемѣ курсъ русской исторіи его нельзя было обойти вовсе, и В. О. Ключевскій ставитъ его иначе, нежели могли бы поставить сторонники взгляда, что русское государство надо начинать не съ Новгорода или Кіева, а съ Москвы. „Наша исторія, пишетъ В. О. Ключевскій (стр. 173, 176), не такъ стара, какъ думаютъ одни: началась гораздо позднѣе начала христіанской эры; но она и не такъ за-

поздала, как думают другие: около половины IX вѣка она не начиналась, а уже имѣла за собою нѣкоторое прошедшее, только не многовѣковое, считавшее въ себѣ два съ чѣмъ-нибудь столѣтія“. Итакъ, *русская исторія* начинается съ VII вѣка. А русское государство? „Появление Рюрика въ Новгородѣ, сплѣснуть отвѣтитъ В. О. Ключевскій, неудобно считать началомъ русскаго государства: тогда въ Новгородѣ возникло мѣстное и притомъ кратковременное варяжское княжество. Русское государство основалось дѣятельностью Аскольда и потомъ Олега въ Кіевѣ: изъ Кіева, а не изъ Новгорода пошло политическое объединеніе русскаго славянскихъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ племенъ, который можно признать первоначальной формой русскаго государства“. *Русское государство* согласно лѣтописной традиціи начинается такимъ образомъ со второй половины IX вѣка (срв. стр. 13 и 192). Центръ тяжести авторъ переноситъ на Кіевъ, подчеркивая въ дальнѣйшемъ изложеніи связь своей мысли съ традиціей. В. О. Ключевскій на стр. 242—245 пишетъ замѣчательныя по своей приподнятости строки: хочется сказать, что авторъ не только изучалъ кіевскую Русь, но что онъ и горячо любить ее. В. О. Ключевскій пишетъ, что однимъ изъ результатовъ очередного порядка княжескаго владѣнія было несомнѣнное содѣйствіе „пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства земельного единства, зарожденію русской народности“. И народъ, и русская исторіографія, по утвержденію автора, проникнуты къ Кіеву особенною любовью... Народъ „непритворно любить и чтить его, какъ не любилъ и не чтилъ онъ ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ, ни Владимира на Клязьмѣ, ни Москвы, ни Петербурга; о Владимирѣ онъ забылъ, да и въ свое время мало зналъ его; Москва была тяжела народу, онъ ее немножко уважалъ и побаивался, но не любилъ искренно; Петербурга онъ не любитъ, не уважаетъ и даже не боится“. Народъ Петербурга не любитъ, не уважаетъ, не боится—это знаменательная фраза! Мы готовы подъ ней подписаться, рисковать нечѣмъ,—мы знаемъ, какъ авторъ относится къ реформѣ Петра, знаемъ, что онъ не заведетъ насъ въ дебри тупого славянофильничанья. Говорятъ, что Кіевъ полюбили какъ колыбель русской народности. Такъ ли? Вѣдь между кіевляниномъ X—XI вѣковъ и великороссомъ XV в. ровно ничего нѣтъ общаго: это—два очень далекихъ другъ отъ друга этнографическихъ типа... Ужъ если стать на почву объясненій, которыхъ „не докажешь какой-либо цитатой, тѣмъ или другимъ мѣстомъ историческаго памятника“, если признать реальность подчеркнутой выше любви, то не объясняется ли она скорѣе тѣмъ, что въ кіевской Руси якобы жилъ народъ-властелинъ, народъ, непосредственно созидавшій свой политическій бытъ,—народъ, который судилъ и рядилъ о дѣлахъ на вѣчѣ и былъ полонъ жизни и движенія, потому что онъ чуялъ свою политическую волю? Эта политическая воля могла прогнать князя со стола, могла и посадить на столъ мимо очереди старшинства. Развѣ нельзя любить мечту, идеалъ? Развѣ нельзя эту обожаемую мечту перебросить куда нибудь въ далекое прошлое и подъ тяжестью Петербурга вспоминать о Кіевѣ? Мы знаемъ, что свободолюбивая тенденція въ литературѣ дѣлала попытку мечтать на почвѣ исторія Великаго Новгорода. Новгородъ, конечно, не могъ одолѣть, ибо въ болѣе позднюю пору ему не пришлось играть замѣтной исторической роли. Кіевъ, наоборотъ, успѣлъ возродиться изъ пепла и праха, сумѣлъ стать объектомъ жаркой борьбы съ Польшей и приобрѣсти на совершенно новой исторической почвѣ національно-религіозную окраску.

Вслѣдъ за превосходнымъ анализомъ *Русской Правды* и установленіемъ взгляда на крупную роль капитала и буржуазнаго законодательства въ южной Руси авторъ устанавливаетъ фактъ паденія великаго княжества кіевскаго. Само собою разумѣется, что не одни половецкія нападенія, не одно монгольское движеніе опредѣляютъ исчезновеніе южно-русскихъ княжествъ, а условія ихъ внутреннего быта. „Экономическое благосостояніе и успѣхи общежитія кіевской Руси, пишетъ В. О. Ключевскій (стр. 338),—куплены были цѣною порабожденія низшихъ классовъ; привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ приниженіи массъ простого народа. Эта приниженность обострялась еще рѣзкимъ имущественнымъ неравенствомъ между классами русскаго общества по большимъ городамъ XI и XII вв. Приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ и было однимъ изъ условий, колебавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе кіевской Руси. Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями“. Припомнимъ настойчивыя указанія В. О. Ключевскаго на практическія цѣли его курса наряду съ научными, и мы поймемъ

все значение приведенной цитаты. Порабощение или безправное положение народных масс, хозяйственное принижение рабочего класса развѣ не создают такой порядок вещей, который разрушаетъ самъ себя? Развѣ уроковъ прошлаго все еще недостаточно, чтобы безумно и слѣпо отказываться отъ реформъ? Изображеніе судебъ южно-русскихъ княжествъ, которое читаемъ въ курсѣ проф. В. О. Ключевскаго, превосходно иллюстрируетъ возможность такого подлитического порядка, который самъ является живымъ родникомъ безчисленныхъ струй безпорядка и анархіи! Проповѣдникъ XII вѣка рѣзко нападалъ на княжескіе безпорядки... „И все-таки,—замѣчаетъ проф. В. О. Ключевскій (стр. 324—325, срв. стр. 340),—проповѣдникъ горячился напрасно: источникомъ безпорядковъ былъ самый порядокъ княжескаго управленія землей. Князья сами тяготились этимъ порядкомъ, но не сознавали возможности замѣнить его другимъ и не сумѣли бы замѣнить, если бы и сознавали“. Опять удивительно дѣльное замѣчаніе! Мы только сказали бы, что князья и не могли бы измѣнить, ибо всякая ихъ реформаторская попытка должна была стрѣлять въ пустое пространство: капиталистъ и душевладѣлецъ живо заставилъ бы уняться князей и отложить реформу въ дальній ящикъ... Историческіе примѣры тому бывали.

Удѣльное время—прекрасныя страницы въ курсѣ В. О. Ключевскаго; читая ихъ, никто не пожалуется на скуку изученія второго періода русской исторіи, хотя самъ авторъ (на стр. 435) дѣлаетъ оговорку объ утомительности его изученія. Мы не останавливаемся на этой оговоркѣ: это—простой литературный примѣтъ, который еще эффектиѣе выдѣляетъ занимательность изложенія лектора. Характеризуя религиозное развитіе въ Верхне-волжской Руси выразительными сопоставленіями, проф. В. О. Ключевскій изображаетъ такъ въ конечномъ итогѣ добытые имъ результаты. „Принятіе христіанства,—говоритъ онъ (стр. 376),—становилось не выходомъ изъ мрака на свѣтъ, не переходомъ отъ лжи къ истинѣ, а какъ бы сказать перечисленіемъ изъ-подъ власти низшихъ боговъ въ вѣдніе высшихъ, ибо и покидаемые боги не упразднялись, какъ вымыселъ суевѣрія, а продолжали считаться религиозной реальностью, только отрицательнаго порядка. Эту путаницу, происходившую отъ переработки языческой миеологии въ христіанскую демонологию, уже въ XI в., когда она происходила внутри самой Руси, можно было примѣняясь къ мѣткому выраженію Θεοδοσία Печерскаго о людяхъ, хвалящихъ свою и чужую вѣру, назвать *двоевѣріемъ*; если бы онъ увидѣлъ, какъ потомъ къ христіанству прививалось вмѣстѣ съ язычествомъ русскимъ еще чужское, онъ, можетъ быть, назвалъ бы столь пестрое религиозное сознаніе *тросеверіемъ*“. Остроуміе этой тирады соперничаетъ съ ея живымъ, реальнымъ содержаніемъ. У читателя невольно является стремленіе продолжать свои наблюденія надъ религиознымъ сознаніемъ русскаго народа, надъ его своеобразной житейской моралью. Эти наблюденія могутъ привести его только къ такимъ выводамъ, которые будутъ жестоко противорѣчить увѣреніямъ казенныхъ историковъ и офиціозныхъ патриотовъ. Типъ великоросса В. О. Ключевскій изображаетъ среди реальной обстановки, среди природы, которая такъ много опредѣлила чертъ въ этомъ типѣ. Надо признать несомнѣнный блескъ литературнаго пера В. О. Ключевскаго въ его изображеніи великорусскаго типа. Мы приведемъ отрывокъ изъ этого изображенія, и опять съ цѣлью обратить вниманіе читателя на его практическую соль. Почему мы такъ разбиты и разрознены, почему личность не находитъ у насъ общественной поддержки и гибнетъ зачастую зря, почему произволъ въ отношеніи одного ничуть не трогаетъ у насъ всѣхъ? У проф. В. О. Ключевскаго мы находимъ зерна, изъ которыхъ можетъ вырасти надлежащій отвѣтъ на поставленные вопросы. „Жизнь удаленными другъ отъ друга, уединенными деревнями, говоритъ онъ (стр. 385, 386), при недостаткѣ общенія естественно не могла пріучать великоросса дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ не на открытомъ полѣ, на глазахъ у всѣхъ, подобно обитателю южной Руси: онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса съ топоромъ въ рукѣ. То была молчаливая черная работа надъ вѣтшей природой, надъ лѣсомъ или дикимъ полемъ, а не надъ собой и обществомъ, не надъ своими чувствами и отношеніями къ людямъ. Потому великороссъ лучше работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствию общими силами. Онъ вообще замкнутъ и остороженъ, даже робокъ, вѣчно себѣ на умѣ, необщителенъ, лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ дѣла, когда еще не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добьется нѣкотораго успѣха и привлечетъ вниманіе: неувѣренность въ себѣ возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Ему легче

одолеѣть препятствіе, опасность, неудачу, чѣмъ съ тактомъ и достоинствомъ выдержать успѣхъ, легче сдѣлать великое, чѣмъ освоиться съ мыслью о своемъ величіи. Онъ принадлежитъ къ тому типу умныхъ людей, которые глумлѣютъ отъ признанія своего ума. Словомъ, великороссъ лучше великорусскаго общества“. Не всѣ, конечно, придутъ въ восторгъ отъ этой характеристики, и тѣмъ хуже для нихъ. Вѣрно схваченный фактъ, что русскій человекъ глумлѣетъ отъ своихъ успѣховъ и что взятый въ отдѣльности онъ куда лучше цѣлаго, останется неизблѣмымъ фактомъ, не разъ наблюдавшимся въ русской дѣйствительности. Быть можетъ, это очень печально и сулитъ намъ горькіе дни въ будущемъ. Историкъ спѣшитъ насъ нѣсколько утѣшить, когда говоритъ, что „великороссъ часто думаетъ надвое, и это кажется двоедушіемъ; а природа и судьба великоросса такъ, что пріучили его выходить на прямую дорогу окольными путями“ (стр. 387). В. О. Ключевскій это утѣшеніе могъ почерпнуть не только изъ памятниковъ нашего прошлаго, но также изъ практики современной ему русской интеллигенціи... Намъ, дѣйствительно, не приходится идти прямымъ путемъ, напроломъ, мы къ этому не привыкли; масса энергіи, силъ, труда затрачивается на долгое и скучное путешествіе окольными путями. Но конечная цѣль путешествія ясна для всѣхъ, характеръ коренной реформы всѣмъ представляется одинаково.

Мы позволимъ себѣ остановиться еще на одной только детали лежащей передъ нами книги проф. В. О. Ключевскаго: на характеристикѣ князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, котораго не разъ и неискусно вырисовывали въ нашей литературѣ неподходящими для его фигуры теплыми чертами. Авторъ съ чрезвычайной наглядностью изображаетъ, какъ зародился удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія и какъ онъ послѣдовательно разрушалъ самъ себя. „Общество,—говоритъ онъ (стр. 434, срв. стр. 432),—распывалось или распадалось на мелкіе мѣстные міры; каждый уходилъ въ свой тѣсный землячскій уголокъ, ограничивая свои помыслы и отношенія узкими интересами и ближайшими сосѣдскими или случайными связями. Государство, опирающееся на устойчивые общіе интересы, на широкія общественныя связи, при такой раздробленной и разлаженной жизни становится невозможно или усваиваетъ несвойственные ему формы и приемы дѣйствія; оно также распадается на мелкія тѣла, въ строеѣ которыхъ съ наивнымъ безразличіемъ элементы государственнаго порядка сливаются съ нормами гражданскаго права. Изъ такого состоянія общества на западѣ вышелъ феодализмъ; такое же состояніе на верхней Волгѣ послужило основой удѣльнаго порядка“. Князь Андрей былъ однимъ изъ крупныхъ дѣльцовъ при зарожденіи описаннаго порядка. „Отъ всей фигуры Андрея,—пишетъ В. О. Ключевскій (стр. 397, 399),—вѣтъ чѣмъ то новымъ, но едва ли эта новизна была добрая. Князь Андрей былъ суровый и своенравный хозяинъ, который во всемъ поступалъ по своему, а не по старинѣ и обычаю. Современники замѣтили въ немъ эту двойственность, смѣсь силы со слабостью, власти съ капризомъ“. Князь Андрей обнаружилъ недостатокъ самообладанія, надѣлалъ немало „дурныхъ дѣлъ“; онъ „окрыжилъ себя такимъ дворней, которая въ благодарность за его барскія милости отвратительно его убила и разграбила его дворець“. „Никогда еще на Руси,—продолжаетъ В. О. Ключевскій,—ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явленіями. Ихъ источника надобно искать въ дурномъ окруженіи, какое создалъ себѣ князь Андрей своимъ произволомъ, неразборчивостью въ людяхъ, пренебреженіемъ къ обычаямъ и преданіямъ. Современники готовы были видѣть въ Андрѣѣ проводника новыхъ государственныхъ стремленій. Но его образъ дѣйствій возбуждаетъ вопросъ, руководился ли онъ достаточно обдуманными началами отвѣтственнаго самодержавія, или только инстинктами самодурства. Въ лицѣ князя Андрея великороссъ впервые выступалъ на историческую сцену, и это выступленіе нельзя признать удачнымъ. Въ трудныя минуты этотъ князь способенъ былъ развить громадныя силы и размѣнялся на пустыки и опилки въ спокойныя досужіе годы“. Характеристика князя Андрея, сдѣланная В. О. Ключевскимъ, дѣлаетъ честь его историческому объективизму въ области древней русской исторіи и полна высокаго интереса по своимъ деталямъ. Въ большой публикѣ, которая впервые прочитаетъ ее въ подлинной редакціи, она должна произвести сильное впечатлѣніе и отстранить популярное представленіе, созданное дешевыми по своему содержанию учебниками по русской исторіи.

Нельзя въ бѣглой замѣткѣ коснуться всѣхъ разнообразныхъ деталей первой части курса русской исторіи проф. В. О. Ключевскаго: курсъ требуетъ очень внимательнаго чтенія, требуетъ умѣнья вникнуть въ частности... Зато читателя ждетъ цѣлая серія опредѣленныхъ историческихъ впечатлѣній, и наше прошлое

становится для него чрезвычайно интереснымъ, становится живымъ образомъ, не похожимъ на мертвую схему кабинетнаго историка. Одолевъ этотъ курсъ, нельзя остаться равнодушнымъ къ далекому русскому прошлому; читатель становится немного историкомъ, и кто знаетъ, не выработается ли въ такомъ случаѣ изъ него „сознательно и добросовѣстно дѣйствующій гражданинъ“, какъ выражается проф. В. О. Ключевскій?

В. Сторожевъ.

Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе. Т. II. СПб. 1903.

Вышедшій въ концѣ минувшаго года второй томъ изслѣдованія Н. К. Шильдера есть послѣдняя часть этого интереснаго труда, оставшагося неоконченнымъ за смертью автора. Не касаясь здѣсь ни внѣшняго вида изданія, ни литературной стороны работы, которые, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ Н. К. Шильдера, изданныхъ А. С. Суворянымъ, безукоризненнымъ, укажемъ на наиболѣе характерныя черты, отличающія эту новую книгу по русской исторіи. Книга содержитъ обзоръ событій за первые шесть лѣтъ царствованія Императора Николая и заканчивается польской войной 1831 г. Весьма естественно, что послѣ изслѣдованія тяжелыхъ явленій внутренней исторіи Россіи въ 1825 и 1826 годахъ, въ первомъ томѣ своего труда, вниманіе его привлекли внѣшнія событія, которыми такъ богаты первые годы правленія Николая I. Во второмъ томѣ читатель найдетъ лишь очень немного строкъ, посвященныхъ министерству А. С. Шишкова съ его драконовскимъ цензурнымъ уставомъ, политической запискѣ Боровкова, составленной на основаніи мнѣній декабристовъ, высказанныхъ во время процесса; нѣсколько словъ посвящено исторіи ликвидаціи наиболѣе тяжелаго наслѣдства Александра I,—окончанію карьеры „безъ лестнаго преданнаго“ графа Аракчеева; затѣмъ найдутся отдѣльные эпизоды, иллюстрирующіе безчисленныя поѣздки Императора по имперіи съ постоянными встрѣчами, бесѣдами, церемоніями и неизбѣжными смотрами и разводами. Но все это только канва, на которой вырисовываются и изслѣдуются важнѣйшіе вопросы внѣшней политики 1825—31 гг. Этими вопросами были: кавказскій съ неотдѣлимыми отъ него персидскими отношеніями; восточный, вызвавшій турецкую войну 1828—9 гг.; польскій, закончившійся войною 1831 г., и, наконецъ, западно-европейскія дѣла и особенно интересныя по отношеніямъ Императора Николая I къ политическимъ событіямъ 1830 года. Интересный самъ по себѣ, обзоръ внѣшнеполитическихъ событій очень немаловаженъ и для характеристики Императора Николая, вездѣ и всегда остающагося тѣмъ центромъ, отъ котораго исходитъ и вокругъ котораго вращается авторъ. Знакомясь съ кавказскими дѣлами, читатель съ большимъ интересомъ остановится на отношеніяхъ Императора къ знаменитому Ермолову, поражаясь непонятнымъ, постояннымъ и какъ бы предвзятымъ недоувѣріемъ, какое Николай питалъ къ герою 1812 года. Это недоувѣріе, вызвавшее послышку на Кавказъ одного за другимъ двухъ военныхъ фаворитовъ эпохи,—Паскевича и Дибича, приведшее къ едва прикрытой внѣшнимъ приличіями отставкѣ Ермолова, выразалось и позднѣе во время свиданія Государя съ Ермоловымъ въ Москвѣ, когда внѣшніе знаки вниманія не мѣшали Императору писать своему постоянному корреспонденту Паскевичу: „сегодня Ермоловъ проситъ меня письмомъ наки принять въ службу. Вотъ до чего дожили; посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому присмирѣлъ; не проведетъ дружокъ!“ Наконецъ то же отношеніе сказалось и на глубоко обидѣвшемъ Ермолова разсказѣ о его удаленіи съ Кавказа, составленномъ въ 1846 г. Устряловымъ подъ редакціей Николая I. Авторъ, симпатизирующій Ермолову, въ то же время не находить возможности критически отнестись къ поступкамъ своего царственнаго героя, что оставляетъ въ читателѣ смутное чувство непримиримаго противорѣчія. Исторія восточнаго вопроса въ пятилѣтіе 1825—1830 гг. знаменитъ съ иными сторонами характера Императора; здѣсь читатель въ полномъ согласіи съ авторомъ долженъ будетъ констатировать умѣніе Императора освободить свои воззрѣнія на восточныя дѣла отъ оковъ священнаго союза и Меттерниха; воскресивъ традиціонныя отношенія Россіи къ балканскимъ единоувѣрцамъ, Николай I имѣлъ и энергію вести активную политику на Балканахъ и умѣлъ добиться почти наперекоръ Европѣ нѣкоторыхъ существенныхъ улучшеній въ состояніи балканскихъ христіанъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ эту эпоху можно отмѣтить проблески той рѣзкой, подчасъ неосторожной, открытости Николая I по дѣламъ Востока, которая вызвала такія печальныя послѣдствія четверть вѣка спустя. Насколько Императоръ Николай былъ свободенъ отъ Мет-

терниковскихъ идей въ восточномъ вопросѣ, настолько вѣрнымъ послѣдователемъ и членомъ священнаго союза онъ оставался всегда въ своихъ отношеніяхъ къ западной Европѣ. Въ высшей степени характерное и яркое свидѣтельство этого даетъ бесѣда Государя съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Бургуньномъ по полученіи извѣстій объ июльской революціи, а также готовность и старанія его вызвать нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ бельгійской революціи,—старанія, которыя, впрочемъ, разбились о хладнокровіе гораздо болѣе практичныхъ членовъ священнаго союза—короля прусскаго и отчасти императора австрійскаго. На страницахъ, посвященныхъ исторіи польскаго вопроса, авторъ подчеркиваетъ противоположность между полнымъ корректности поведеніемъ Николая I, какъ конституціоннаго короля Польши до 1830, и его неумолимой строгостью къ возставшимъ послѣ окончанія войны. Внимательный читатель однако и здѣсь уловитъ нѣкоторыя противорѣчія: уже въ 1829 Императоръ, соглашаясь съ словами Дибича, высказывалъ весьма нелестное и полное недоуверія мнѣніе о своихъ польскихъ подданныхъ.

Источникомъ, которому охотнѣе всего, кажется, слѣдовалъ авторъ въ своемъ изложеніи событій 1825—31 гг., были записки знаменитаго шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа; такое предпочтеніе оправдывается тѣмъ, что Бенкендорфъ, до 1837 г. всегда сопровождавшій Государя во всѣхъ его поѣздкахъ, былъ постояннымъ повѣреннымъ его мыслей и чувствъ и самымъ близкимъ къ нему человекомъ, и тѣмъ еще, что по смерти Бенкендорфа его записки были снабжены критическими примѣчаніями самого Николая I. То же обстоятельство было, вѣроятно, причиной принятаго издателями рѣшенія помѣстить въ приложеніи къ книгѣ записки гр. Бенкендорфа за 1832—37 годы. Не отрицая достоинствъ записокъ шефа жандармовъ, какъ историческаго источника, нельзя не сказать, что пользованіе ими должно быть очень осторожнымъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ крайностей во мнѣніяхъ ихъ автора. На страницахъ труда Шильдера можно встрѣтить нѣсколько примѣровъ весьма оригинальнаго мировоззрѣнія гр. Бенкендорфа. Такъ, разговоръ о польской революціи даетъ ему поводъ высказать Государю мысль, что „Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стоятъ ея монархи; но что по этому самому не должно снискомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнуть тогда на ослабленіе ихъ власти“. Прекрасные комментаріи Н. К. Шильдера къ другому примѣру, еще ярче, можетъ быть, рисуящему личность Бенкендорфа, читатель найдетъ въ примѣчаніи 412. Въ приложеніяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ интересныхъ документовъ, помѣщены также еще два отрывка, принадлежащіе перу автора и относящіеся, первый—къ событіямъ 1848—9 гг., второй—къ 1852—3 гг.

Чтеніе книги вызываетъ глубокое сожалѣніе, что смерть не дала автору возможности довести свой трудъ до конца. Недостатки въ немъ есть, и недостатки крупные, но какъ уже было высказано въ замѣткѣ о первомъ томѣ изслѣдованія, онъ явился не столько по винѣ самого автора, сколько вслѣдствіе невозможности вполне свободно отнестись къ описываемой эпохѣ; исполненное въ томъ видѣ, какъ оно было задумано, сочиненіе Н. К. Шильдера составило бы достаточно безпристрастный, очень полный и чрезвычайно интересный обзоръ царствованія Николая I.

Ю. Готье.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

Много лѣтъ состоя лондонскимъ корреспондентомъ разныхъ повременныхъ русскихъ изданій, авторъ четыре года тому назадъ собралъ часть своихъ статей въ книгу „Народъ-Богатырь“. Теперь онъ выпускаетъ второй сборникъ, состоящій главнымъ образомъ изъ того матеріала, который печатался въ „Вѣстникѣ Европы“. Здѣсь по преимуществу рисуется экономическая жизнь Англіи: торговля внутренняя, внѣшняя и стоящая въ связи съ ней колониальная политика, заводы и фабрики, каменноугольная промышленность, кооперативное движеніе, матеріальное положеніе рабочихъ классовъ.

Иногда картины кажутся слишкомъ оптимистическими, особенно послѣ англо-бурской войны, которая вызвала во всей Европѣ негодованіе противъ Англіи. Авторъ самъ сознаетъ это; но для него Англія все же остается страной, которая вырабатываетъ новые высшіе типы великаго государства, гдѣ сохраняется свобода личности и частей. „Огромный и сильный флотъ, развитая про-

мышленность, громадное и здоровое население, ძѣлесообразное и гуманное законодательство—таковы для него показатели мощи англосаксонской расы, непрерывно прогрессирующей. Невольно улыбаешься забывчивости автора, когда (на стр. 250) читаешь: „Англія, за крайне рѣдкими исключениями, не знала ни взыточничества, ни казнокрадства, ни другихъ боззаконій“. Но скоро поймешь, что эта идеализация прорастаетъ изъ свойствъ личности автора, изъ его манеры смотрѣть на жизнь.

Разсуждаетъ ли онъ о ввозѣ и вывозѣ, посѣщаетъ ли каменноугольную шахту или кооперативную сапожную фабрику, рисуетъ ли англійскую деревню,—все это для него представляетъ не только научный интересъ, не только матеріалъ для отвлеченныхъ обобщеній. Онъ всюду ищетъ живого человѣка и даетъ намъ понять, какъ экономическое положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи сказывается на ихъ религіозной и нравственной жизни, на ихъ умственномъ развитіи. При этомъ онъ волнуется чувствами печали или радости и оттого можетъ впадать въ преувеличеніе. Но онъ заражаетъ васъ своей глубокой вѣрой въ то, что свободная торговля, кооперативное движеніе, несмотря на всѣ задержки и оговорки, будутъ развиваться, какъ съ ними будутъ расти чувства братства народовъ и будутъ уменьшаться международныя распри и кровопролитія. Вы не можете не радоваться вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ рисуетъ дѣтей болѣе зажиточной части рабочаго населенія, не знающихъ голода и нужды, вѣншіи видъ которыхъ уже показываетъ, что „у ихъ колыбели стояли попеченіе, любовь и разумная заботливость, и ихъ дѣтскія души не осквернялись картинами пьянства и разврата, насилія и грубости“.

Это теплое чувство въ соединеніи съ добродушнымъ юморомъ, иногда вспыхивающимъ совершенно неожиданно при дѣловомъ описаніи какой-нибудь машины, оживляетъ всю книгу. Вставныя бытовые сценки, разговоры, характеристики вносятъ въ нее много разнообразія и занимательности, а прекрасный расказъ „Исторія одной улицы“ производитъ большое впечатлѣніе своей художественной простотой и правдивостью.

Слабѣ другихъ мы считаемъ очеркъ „Рабочая Англія“, гдѣ свѣдѣнія объ англійскихъ техникахъ, докторахъ, учителяхъ, чиновникахъ и т. д. слишкомъ кратки. Слѣдовало бы также измѣнить нѣкоторыя фразы. Чемберленъ теперь не „объявляетъ себя безусловнымъ фритредеромъ“ (стр. 8).

Книга въ общемъ—вполнѣ дѣловое и вмѣстѣ съ тѣмъ литературное произведеніе, и мы особенно настойчиво рекомендуемъ ее вниманію учащейся молодежи.

В. Лазуреній.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 8-й. Кіевъ. 1903.

Э. Борецкая. Проблема объективности познанія. Ростовъ-на-Д. 1904.

Georg Simmel. Kant. Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität. Leipzig. 1904. Verlag von Duncker und Humboldt. Preis 3 m.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. Ц. 85 к.

Проф. И. Х. Озеровъ. Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Выпускъ I. Статьи по рабочему вопросу. Изданіе Д. С. Горшкова. М. 1904.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ 1878—1903. Очерки и матеріалы. 1903.

Н. Боровко. Психологія мышленія. Варшава. 1904. Ц. 60 к.

Н. В. Краинскій. Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. Спб. 1903. Отдѣльн. оттискъ изъ „Юбилейнаго сборника“, посвященнаго академику В. М. Бехтереву.

Титъ Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго размѣромъ подлинника Иванъ Рачинскій. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. М. МСМIV.

А. К. Энгельмейеръ. О необходимости предварительной грамотности для техническаго образованія. Оттискъ изъ трудовъ третьяго съѣзда русск. дѣятелей по технич. и професіон. образ. въ Россіи.

У. Кёнингамъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Перев. съ 3-го англ. изд. Н. В. Теплова. М. 1904.

Памяти Ардалиона Ардалионовича Токарскаго. Труды саратовскаго общества естествоиспытателей. Томъ IV. Саратовъ. 1903.

Перепись студентовъ Императорскаго харьковскаго университета. Изд. студенческаго экономическаго кружка. Харьковъ. 1904.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ 1901 — 2 уч. годъ. Парижъ. 1903. Изданіе русской высшей школы. Первый академ. годъ.

Вл. А. Поповъ. По островамъ Ладожскаго озера. Съ 30-ю рисунками. Изд. Д. П. Ефимова.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ, его экономическое развитіе и его экономическая сторона. Перев. съ нѣм. А. Ачкасова и І. Кугеля. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1902.

П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. Типографія г-ва „Общественная Польза“. Стр. IX+474+278. Ц. 4 р.

Артуръ Берри. Краткая исторія астрономіи. Перев. съ англійск. С. Г. Займовскаго подъ ред. Р. Ф. Фогеля, проф. унив. Св. Владимира. Изданіе „Библиотеки для самообразованія“. (Т-во И. Д. Сытина) XXX. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

В. Я. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 2-е изданіе, пересмотрѣнное. Изданіе „Библиотеки для самообразованія“. (Т-во И. Д. Сытина) XXV. М. Ц. 3.

Docteur Gaston Loygue. Un homme de génie Th.-M. Dostoïwsky. Etude médico-psychologique. Paris 1904. P. 185.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1904 годъ. популярно-научный иллюстрированный журналъ II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лентинъ, проф. кн. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ 1904 г. предполагено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: проф. В. М. Арнольди, „Современное состояніе вопроса о происхожденіи видовъ у растений“; проф. В. И. Вернадскій, „Страница изъ исторіи русскаго естествознанія (памяти В. В. Докучаева)“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейкертъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Млодзѣвскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. И. И. Мечниковъ, „Этюды о природѣ человека“; проф. А. П. Павловъ, „Катастрофа 1902 г. на о. Мартиникъ“; проф. А. Ф. Самойловъ, „Современныя теченія въ физиологій“; проф. Н. А. Умовъ, „О беспроволочномъ телеграфѣ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: прив.-доц. М. М. Богословскій, „Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в.“; проф. П. Г. Виноградовъ, „Аграрный кризисъ въ римской имперіи“; М. О. Гершензонъ, „Русскій іезуитъ В. С. Печеринъ“; проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, „Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; проф. М. М. Покровскій, „Очерки по сравнительной исторіи литературы“; Б. И. Сыромѣтниковъ, „Общественные классы въ древней Русси“; проф. Н. И. Стороженько, „Шекспиръ и эпоха возрожденія“; проф. кн. С. Н. Трубецкой, „Этюды по исторіи греческой религіи“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; прив.-доц. И. А. Кистиковскій, „Новый законодательный памятникъ древности“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.

Всѣ новыя подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова: „Этюды о природѣ человека“. Подписчики 1903 г., не возобновившіе подписки на 1904 г., получаютъ бесплатно окончаніе этихъ статей.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами отъ въ размѣрѣ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписн. цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Продолжается подписка на 1903 г. Книги VI, VII и VIII за 1903 годъ продаются отдѣльно по 75 к. каждая. Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія ливні). Гг. иногороднихъ просить обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

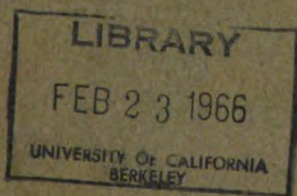
Digitized by Google

Книга IV.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга IV.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 20 марта 1904 г.

Умно-прт. ТИЕ И. И. КУШНЕРОВЪ И КО. МОСКВА.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (Съ 4 рисунками). Проф. И. И. Мечникова	5
II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ У РАСТЕНІЙ. Проф. В. М. Арнольди	23
III. ШЕКСПИРЪ И ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ. Проф. Н. И. Стороженка	41
IV. ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. Проф. М. М. Покровскаго	52
V. В. С. ПЕЧЕРИНЪ. М. О. Гершензона	65
VI. ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ (ВЪКЪ) ЯПОНСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ). М. Н. Ковалевскаго	89
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Современное состояніе атомистической гипотезы“. Вл. Зв. Асмуса - Челинцева.— „Природа и государство“ В. М. Хвостова)	121
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	137
IX. БИБЛИОГРАФІЯ (В. А. Мякотинъ: „Изъ исторіи крестьянства“. В. И. Сторожева.—Ив. Страховскій: „Крестьянскія права и учрежденія“—В. М. Устиновъ: „Идея національнаго [государства“. С. А. Шумакова.—П. Коганъ: „Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ“. Ю. А. Веселовскаго.—З. А. Рагозина: „Краткая всемірная исторія“ О. И. Рудченко)	152

Этюды о природѣ человѣка ¹⁾.

ГЛАВА XI.

Введеніе въ научное изученіе смерти.

Теорія бессмертія низшихъ организмовъ.—Бессмертіе половыхъ элементовъ высшихъ организмовъ.—Бессмертіе клѣточной души.—Существованіе естественной смерти у нѣкоторыхъ животныхъ.—Естественная смерть у поденокъ (эфемеръ).—Потеря инстинкта самосохраненія у взрослыхъ эфемеръ.—Инстинктъ жизни у стариковъ.—Инстинктъ естественной смерти у человѣка.—Смерть старцевъ въ библейскія времена.—Перемѣна инстинктовъ у животныхъ и у человѣка.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущей главѣ, я думаю, согласятся со мною, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ станетъ возможнымъ измѣнить состояніе старости. Изъ болѣзненной и отталкивающей, какова она теперь, старость обратится въ физиологическую и выносимую. Добьются также болѣе долговѣчности сравнительно съ настоящей. Но, возразятъ мнѣ, къ чему жить 100 или 120 лѣтъ вмѣсто 70 или 80, если останется все та же ужасная перспектива неизбѣжнаго уничтоженія смертью? Развѣ не было уже доказано *Маркомъ Аврелиемъ* (I. с., стр. 247), что «тотъ, кто умираетъ, достигнувъ крайняго предѣла жизни, нисколько не выигрываетъ сравнительно съ тѣмъ, который умираетъ преждевременно»? Или еще, что «безразлично, наблюдать ли окружающее въ теченіе ста или же трехъ лѣтъ» (стр. 248)? Въ этихъ изреченіяхъ не принимается въ соображеніе качественная разница въ оцѣнкѣ вещей въ различные возрасты. Люди 25 и 50 лѣтъ не только различно разсуждаютъ, но также и различно воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія. Даже «взглядъ на происходящее вокругъ» у одного и того же человѣка мѣняется по мѣрѣ его возраста. Молодые люди цѣнятъ впечатлѣнія, сравнивая ихъ со своимъ идеаломъ, а такъ какъ послѣдній всегда очень высокъ, то дѣйствительность не удовлетворяетъ ихъ. Они требовательны и недовольны тѣмъ,

¹⁾ „Научное Слово“, 1904 г., III.

что даетъ имъ реальный міръ. Зрѣлые или болѣе пожилые люди легче удовлетворяются, гораздо лучше сознавая дѣйствительную цѣну вещей. Какъ было уже развито въ одной изъ предыдущихъ главъ, молодые болѣе склонны къ пессимизму, чѣмъ старые.

Итакъ, оцѣнка жизни мѣняется съ возрастомъ. Мѣняется ли она и относительно смерти? Часто повторяли, что жизнь нечто иное, какъ подготовка къ смерти. *Цицеронъ* говорилъ, что «съ молодости слѣдуетъ приучаться безъ ужаса глядѣть на своей послѣдней часъ; иначе—нѣтъ болѣе покоя, такъ какъ несомнѣнно, что мы должны умереть» (1. с., стр. 268). Философія разсматривалась какъ искусство подготавливаться къ смерти.

Прежде чѣмъ указать на путь, который можетъ избрать наука для разрѣшенія задачи смерти, «этого послѣдняго врага, который будетъ побѣжденъ», по выраженію св. Павла, надо познакомиться съ тѣмъ, что она знаетъ вообще о смерти.

Привыкли считать смерть чѣмъ-то столь естественнымъ и неизбѣжнымъ, что съ давнихъ поръ на нее смотрятъ какъ на свойство, присущее всякому организму. Однако, когда біологи стали ближе изучать этотъ вопросъ, они напрасно искали какого-нибудь доказательства этому мнѣнію, принятому всѣми за догматъ.

Наблюденіе низшихъ животныхъ, какъ инфузорій и другихъ простѣйшихъ, показываетъ, что они размножаются дѣленіемъ и въ короткое время становятся необыкновенно многочисленными. Поколѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ съ большой быстротой безъ единого случая смерти. Напрасно стали бы искать хоть одного трупа въ безчисленномъ множествѣ кишачиныхъ инфузорій. Изъ этого легко наблюдаемаго факта нѣкоторые ученые, именно *Бютчли* и *Вейсманнъ*¹⁾, вывели, что одноклѣтчатые существа безсмертны. Инфузорія дѣлится на двое; каждая половина тотчасъ дорастаетъ и обновляется, чтобы снова размножиться тѣмъ же путемъ. Сложнѣе обстоитъ дѣло, когда дѣленіе производится одновременно на нѣсколько частей, каждая изъ которыхъ уноситъ часть материнскаго организма. Примѣры такого способа размноженія многочисленны. Такъ какъ животное сразу дѣлится на цѣлый рядъ особей новаго поколѣнія, то индивидуальность первой особи исчезаетъ. Въ этомъ случаѣ можно было бы, какъ допускаетъ это Гетте²⁾, предполагать естественную смерть, безъ настоящаго разрушенія, безъ присутствія трупа.

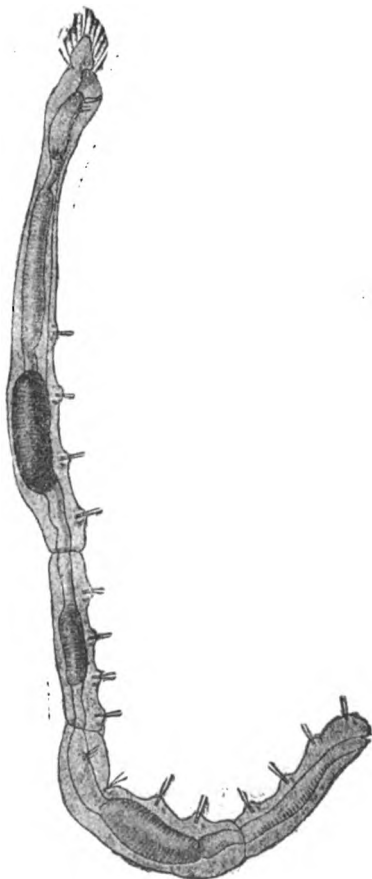
1) Ueber d. Dauer des Lebens. Jena 1882, V. См. также: Aufsätze über Vererbung. Jena. 1892, стр. 1 и 123.

2) Ueber den Ursprung des Todes 1893.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у низшихъ существъ нѣтъ естественной смерти, сколько-нибудь подобной той, которая наблюдается у высшихъ животныхъ или у человѣка. Думали, что истощеніе инфузорій послѣ длиннаго ряда дѣленій, истощеніе, требующее конъюгаціи двухъ особей, можно бы разсматривать какъ случай естественной смерти. Но мнѣніе это не вяжется съ обновленіемъ, которое слѣдуетъ за этимъ совокупленіемъ. Если совокупленіе не наступаетъ, то это приводитъ къ смерти истощенныхъ инфузорій; но на такую смерть надо смотрѣть какъ на случайную, подобную смерти отъ голода.

Итакъ, теорія безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ почти общепринята. Но даже и среди животныхъ, болѣе высоко стоящихъ на лѣстницѣ живыхъ существъ, есть такія, у которыхъ не наблюдается естественной смерти. Таковы животныя, состоящія изъ нѣсколькихъ органовъ и изъ большого количества клѣтокъ. Сюда относятся многіе полипы и нѣкоторые черви, а именно кольчатые. Между послѣдними есть такіе, которые очень усиленно размножаются дѣленіемъ (фиг. 17). «Въ теченіе всего лѣтнаго времени, говоритъ *Эдмондъ Перрѣ*¹⁾, — Наидиморфные черви лишены половыхъ органовъ, и кажется даже (еще не изданныя наблюденія *Монд*), что можно искусственно поддерживать ихъ въ такомъ бесполомъ состояніи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а быть можетъ и постоянно». Итакъ, случай этотъ смѣло можно привести въ примѣръ безсмертія, обязаннаго неисчерпаемой способности регенераціи существа, которое однако довольно сложно по своему строенію.

Этихъ данныхъ достаточно, чтобы показать, что естественная смерть не необходимо связана съ организмомъ. Очень извѣстный

Фиг. 17. Шетогастеръ, дѣлящійся на четыре части (рис. Меняля).

¹⁾ Учебникъ зоологіи, стр. 1713.

нѣмецкій ботаникъ *Нюми* ¹⁾ высказалъ даже положеніе, будто въ природѣ не существуетъ естественной смерти. Онъ упоминаетъ о деревьяхъ, достигшихъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ и кончающихъ свое существованіе не естественной смертью или истощеніемъ силъ, а вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы.

Думаютъ, что знаменитое драконовое дерево виллы Ортава на Тенерифѣ, которымъ такъ любовался *Ал. Гумбольдтъ*, жило нѣсколько тысячъ лѣтъ. Стволъ его былъ душлистъ, но гигантское дерево продолжало жить, пока не было опрокинуто бурей. Итакъ, нужно было грубое внѣшнее вмѣшательство, чтобы убить этотъ столь долговѣчный организмъ. Обыкновенно утверждаютъ, что Баобабы можетъ жить до 5.000 и даже до 6.000 лѣтъ.

Въ недавно появившемся трудѣ знаменитый американскій биологъ *Жакъ Лебъ* ²⁾ изучаетъ вопросъ о естественной смерти, существованіе которой кажется ему недоказаннымъ. Онъ наблюдаетъ, что зрѣлыя яйца неоплодотворенныхъ морскихъ звѣздъ погибаютъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ снесенія. *Лебъ* считаетъ эту смерть примѣромъ естественной смерти. Невозможно однако согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что яйцо, не оплодотворенное вслѣдствіе отсутствія мужскихъ элементовъ, можно сравнить съ организмомъ, лишеннымъ пищи и умирающимъ отъ голода.

Если въ природѣ существуетъ естественная смерть, то она должна была появиться на землѣ значительно позже первыхъ организмовъ. *Вейсманнъ* думаетъ, что она развилась какъ полезное приспособленіе для жизни вида, т.-е. «какъ уступка внѣшнимъ условіямъ жизни, а вовсе не какъ абсолютная необходимость, имѣющая основу въ самой сущности жизни» (I. с., стр. 33). Такъ какъ изношенный организмъ не годится болѣе для размноженія и для борьбы за существованіе, то *Вейсманнъ* думаетъ, что естественная смерть есть слѣдствіе принципа естественнаго подбора: она становится необходимой для поддержанія силы вида. Но такое нововведеніе вполнѣ излишне, такъ какъ ослабленія состарившагося организма совершенно достаточно, чтобы устранить его въ борьбѣ. Насильственная смерть должна была появиться съ первыхъ же шаговъ жизни на землѣ. Инфузоріи и другіе низшіе организмы, обладая принципіальнымъ безсмертіемъ, тѣмъ не менѣе ежеминутно должны были умирать отъ насилія; ихъ пожирала болѣе сильныя существа. Невозможно, слѣдовательно, видѣть въ естественной смерти, если она дѣйствительно существуетъ, результатъ естественнаго под-

¹⁾ Abhandlung d. k. Bairischen Akademie d. Wissenschaften. 1865.

²⁾ Archiv für die gesammte Physiologie 1892, t. XCIII, стр. 59.

бора въ пользу вида. Во внѣшнемъ мірѣ естественная смерть должна встрѣчаться очень рѣдко, въ виду частой насильственной смерти, вслѣдствіе болѣзней или прожорливости враговъ.

Правда, что всѣ статистики отмѣчаютъ болѣе или менѣе многочисленныя случаи смерти отъ старости, безъ видимой болѣзни. Часто очень истощенные старики не ощущаютъ никакой боли и какъ бы тихо засыпаютъ вѣчнымъ сномъ; но вскрытіе все же при этомъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе серьезныя поврежденія органовъ. Итакъ, приходится предположить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ насильственной смертью, болѣею частью вызываемою заразными микробами.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, вмѣсто того, чтобы принимать положеніе, будто естественная смерть вполнѣ присуща организму, приходится искать дѣйствительныхъ доказательствъ ея существованія на землѣ.

Давно уже было указано на то, что естественной смерти подвержены одни элементы, служащіе для индивидуальной жизни. Наоборотъ, клѣтки, обеспечивающія воспроизведеніе вида, одарены безсмертіемъ, подобно одноклѣтчатымъ организмамъ. Женское яичко превращается въ зародышъ и даетъ начало новому поколѣнію, половые элементы котораго становятся исходной точкой третьяго поколѣнія и т. д. Громадное большинство яичекъ и сѣмянныхъ тѣлъ умираетъ, но не естественной смертью, а вслѣдствіе вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Только незначительное меньшинство этихъ половыхъ элементовъ бесконечно переживаетъ въ будущихъ поколѣніяхъ.

Итакъ, можно утверждать, на основаніи научныхъ доказательствъ, что организмъ нашъ заключаетъ вполнѣ безсмертныя элементы—яички и сѣмяныя тѣла. Такъ какъ клѣтки эти одарены самостоятельной жизнью и проявляютъ нѣкоторыя свойства, относящіяся къ разряду психическихъ явленій, то можно бы серьезно поставить вопросъ о безсмертіи души.

Наблюденіе простѣйшихъ, а именно инфузорій, указываетъ на очень сильную чувствительность этихъ одноклѣтчатыхъ существъ. Они выбираютъ добычу, отличаютъ живыхъ инфузорій отъ мертвыхъ ¹⁾, выслѣживаютъ себѣ подобныхъ для совокупленія, избѣгаютъ опасностей, охотятся, однимъ словомъ обнаруживаютъ цѣлый рядъ свойствъ, несомнѣнно относящихся къ обширной группѣ психическихъ признаковъ. Явленія эти, по сравненію ихъ съ тѣмъ, что мы видимъ у высшихъ животныхъ, безспорно у инфузорій

¹⁾ *Salomonsen*. Festskrift ved indvielsen af Statens Serum Institut—Copenhagen, 1902, XII.

стоять на очень низкой стадіи развитія. Тѣмъ не менѣе, можно вести рѣчь и о душахъ простѣйшихъ.

Одаренныя безсмертіемъ тѣла, благодаря послѣдовательному воспроизведенію повторнымъ дѣленіемъ,—существа эти обладаютъ также безсмертной душой. Только вслѣдствіе чрезвычайной первобытности этой души, намъ невозможно сколько-нибудь опредѣленно судить о ней.

Такъ какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ тоже существуютъ безсмертныя половыя клѣтки, то спрашивается—обладаютъ ли и онѣ безсмертной душой? Въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что яички и сѣмянные тѣла одарены такой же чувствительностью, какъ и низшіе организмы. Яички выделяютъ вещества, возбуждающія чувствительность сѣмянныхъ тѣлъ. Послѣднія, руководимыя особымъ родомъ обонянія или химіотаксіей, направляются къ яичку и проникаютъ въ него. Иныя вещества возбуждаютъ чувствительность и подвижность сѣмянныхъ тѣлъ и притягиваютъ ихъ, другія—отталкиваютъ ихъ. Химіотаксія сѣмянныхъ тѣлъ впервые была доказана у тайнобрачныхъ знаменитымъ ботаникомъ *Пфефферомъ*. Съ тѣхъ поръ убѣдились въ чувствительности мужскихъ клѣтокъ у нѣсколькихъ растений и различныхъ животныхъ.

Яички и сперматозоиды, которымъ удается конъюгироваться, даютъ начало новому поколѣнію и передаютъ ему свою «клѣточную душу», по терминологіи *Геккеля* ¹⁾. Итакъ, душа эта дѣйствительно постольку же безсмертна, какъ и тѣло воспроизводительныхъ клѣтокъ.

Совершенно вѣрно, слѣдовательно, что мы содержимъ въ своемъ организмѣ элементы, одаренные безсмертной душой; но тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что фактъ этотъ нисколько не обуславливаетъ безсмертія нашей сознательной души. Въ одной изъ предъидущихъ главъ было уже упомянуто о томъ, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ психическихъ явленіяхъ множества нашихъ клѣтокъ, одаренныхъ своей, клѣточной душой. Мы нисколько не ощущаемъ постоянной борьбы нашихъ фагоцитовъ съ вѣчно стремящимися наводнить насъ микробами. Между тѣмъ фагоциты—чувствительные и подвижные элементы, обладающіе душой постольку же, какъ и инфузоріи.

Женщина также не имѣетъ ни малѣйшаго ощущенія тѣхъ многочисленныхъ сѣмянныхъ тѣлъ, одаренныхъ клѣточной душой, которыя проникаютъ какъ въ ея тѣло, такъ и въ ея яички. Она не имѣетъ даже никакой возможности воспринять болѣе развитую душу зародыша. Ребенокъ до рожденія обладаетъ гораздо болѣе много-

¹⁾ Gesammelte populäre Vorträge. Bern. 1878.

численными и совершенными психическими свойствами, чѣмъ половыя клѣтки. Онъ способенъ на нѣкоторыя ощущенія и движенія. Въ послѣдніе мѣсяцы беременности ребенокъ обладаетъ уже осязаніемъ, вкусомъ и, до извѣстной степени, зрѣніемъ ¹⁾. А между тѣмъ душа его никоимъ образомъ не можетъ быть воспринята матерью. Последняя не въ состояніи даже чувствовать, заключаетъ ли она въ своей утробѣ одну или двѣ такихъ зачаточныхъ души. Итакъ, безсмертіе клѣточной души не имѣетъ никакого отношенія къ задачѣ смерти, которая одна интересуетъ насъ.

Часто высказывали мнѣніе, будто безсмертіемъ обладаютъ однѣ воспроизводительныя клѣтки животныхъ и человѣка; всѣ же другіе элементы ихъ организма — смертны. Если они избѣгутъ насильственной, случайной смерти, то кончаютъ свое существованіе естественной смертью. Настаивали, слѣдовательно, на контрастѣ между клѣтками индивидуальной жизни — смертными — и клѣтками видовой жизни — безсмертными. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда не половые, а другіе элементы организма способны воспроизводиться, нѣтъ никакой причины отрицать ихъ безсмертіе. Когда полипъ или червь размножаются дѣленіемъ, то цѣлое множество его клѣтокъ содѣйствуетъ образованію новаго существа, такъ же точно какъ и дѣлящаяся на двое инфузорія. Клѣтки эти, слѣдовательно, постольку же безсмертны.

Безсмертныя животныя встрѣчаются только среди низшихъ безпозвоночныхъ. Чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ существъ, тѣмъ рѣже наталкиваемся на явленія регенераціи.

Въ то время какъ червей, — на примѣръ, земляного червяка, можно разрѣзать на нѣсколько кусковъ, каждый изъ которыхъ способенъ развиваться въ цѣлую особь, — мягкотѣлыя возобновляются только отчасти. У улитки вырастаютъ ея отрѣзанныя щупальцы; но если разрѣзать ее самое на нѣсколько частей, то она неминуемо обрѣкается этимъ на смерть. У позвоночныхъ одни низшіе представители, какъ, на примѣръ, тритонъ и саламандра, могутъ воспроизводить хвостъ и ноги. У нихъ, какъ и у мягкотѣлыхъ, не можетъ болѣе быть рѣчи о размноженіи дѣленіемъ. У высшихъ позвоночныхъ, птицъ и млекопитающихъ регенерація происходитъ въ очень узкихъ предѣлахъ. Ни хвостъ, ни ноги никогда не вырастаютъ вновь.

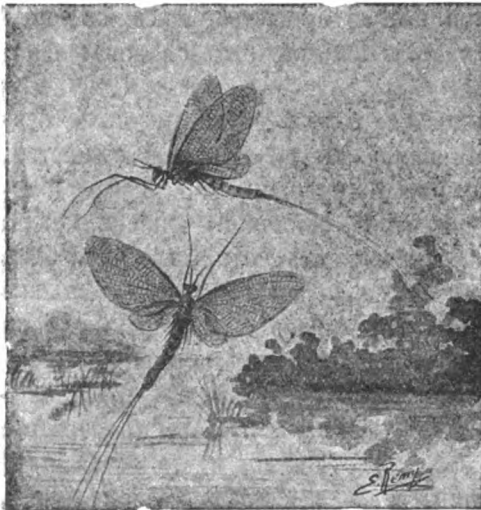
Изъ этого можно заключить, что прогрессъ въ организмѣ животныхъ развился на счетъ воспроизводительной способности элементовъ и тканей. У наивысшихъ животныхъ наблюдается еще

¹⁾ *Preyer, Die Seele des Kindes 1884, u Specielle Physiologie des Embryo 1885, стр. 547.*

возобновленіе нѣкоторыхъ органовъ, напримѣръ, печени. Но тѣ же животныя обладаютъ кѣтками, способными возобновляться только въ исключительныхъ случаяхъ. Это именно нервныя кѣтки, наиболѣе благородныя и совершенныя элементы организма. Развившись однажды во время зародышевой жизни, онѣ въ теченіе всего существованія не размножаются болѣе и не возобновляются. Достигнувъ наивысшихъ свойствъ, каковы психическія отправления, онѣ совершенно потеряли отличительныя качества безсмертныхъ кѣтокъ, т.-е. способность дѣлиться.

Если существуютъ элементы, неизбежно обреченныя на естественную смерть, то слѣдуетъ искать ихъ среди кѣтокъ нервныхъ центровъ.

Нельзя сомнѣваться въ существованіи естественной смерти въ животномъ мірѣ; но она, безспорно, встрѣчается рѣдко. Лучшимъ примѣромъ ея служатъ замѣчательныя насѣкомыя, всѣмъ извѣстныя подъ именемъ поденокъ. Кто въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ не видѣлъ роевъ этихъ крылатыхъ, граціозныхъ и изящныхъ насѣкомыхъ (фиг. 18), летающихъ вокругъ фонарей?

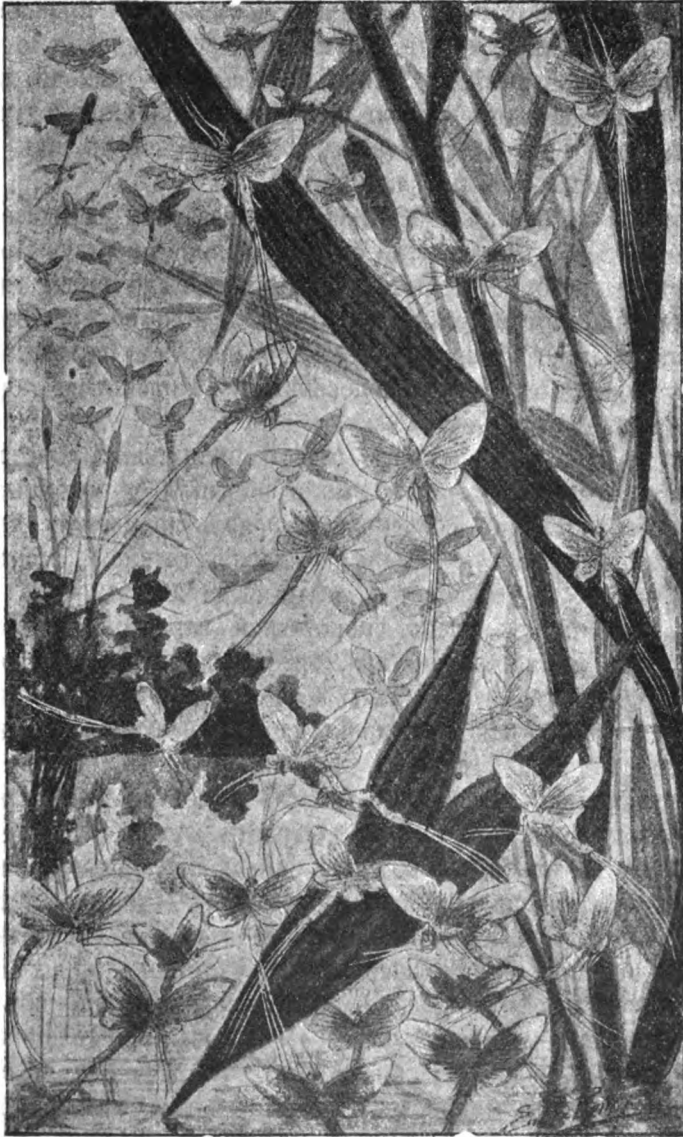

Фиг. 18. Поденки

изъ воды, гдѣ живутъ ихъ личинки — маленькія насѣкомыя, снабженныя 3-мя парами ногъ и питающіяся очень мелкими органическими остатками, находящимися въ прѣсной водѣ. Эти личинки вовсе не охотятся за живьемъ и должны защищаться отъ своихъ многочисленныхъ, прожорливыхъ враговъ, убѣгая отъ нихъ. Онѣ долго живутъ (иныя изъ нихъ по 2 и 3 года) въ илѣ рѣкъ для того, чтобы затѣмъ быстро превратиться въ крылатое насѣкомое. Въ окрестностяхъ Парижа рыбакамъ хорошо извѣ-

стенъ подъ названіемъ «манна» родъ поденокъ (*Palingenia virgo*), выходящихъ изъ глубины Сены или Марны послѣ заката солнца. Очень кратковременно летаютъ онѣ большими роями, подобно крупнымъ хлопьямъ снѣга, когда онѣ внезапно начинаютъ выпадать (фиг. 19). Полетъ «манны» еле длится часъ или два, послѣ чего насѣкомыя падаютъ въ истощеніи, скопляясь часто въ большомъ количествѣ. Они на-

правляются къ свѣту, и рыбаки собираютъ ихъ именно вокругъ лампъ или фонарей, для того чтобы воспользоваться ими какъ при-

Фиг. 19. Рой *Palingenia Virgo*.

манкой для рыбы. Жизнь этихъ насекомыхъ въ окрыленномъ состояніи дѣйствительно эфемерна, такъ какъ длится никакъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Весь ихъ организмъ указываетъ на краткость

ихъ существованія. Въ то время какъ у личинокъ хорошо развиты органы жеванія, служащіе имъ для пожиранія пищи, у крылатыхъ насѣкомыхъ—одни зачатки этихъ органовъ. Поэтому они не въ состояніи питаться, что явно доказываетъ приспособленіе ихъ къ очень краткой жизни. Немногіе часы, прожитые ими въ воздухѣ, предназначены для любви. Тотчасъ по выходѣ изъ воды самцы и самки эфемеръ совокупаются и немедленно кладутъ комки яицъ, падающихъ въ воду. Черезъ нѣсколько недѣль изъ послѣднихъ вылупляются молодыя личинки.

Вся жизнь и организація взрослыхъ поденокъ указываетъ намъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ естественной смертью. Послѣдняя наступаетъ не потому, чтобы по близости не было пищи для этихъ насѣкомыхъ или потому, чтобы они не находили вокругъ себя чего-нибудь необходимаго для ихъ существованія, или вслѣдствіе того, что они рождаются нежизнеспособными, лишенными органовъ, безъ которыхъ жизнь невозможна.

Придя къ тому выводу, что естественная смерть дѣйствительно существуетъ, было бы крайне важно изучить ея механизмъ, насколько позволяетъ это современное положеніе науки. Для того чтобы исключить всякую мысль о насильственной смерти, надо было бы узнать, не становятся ли выпедшія изъ воды поденки жертвою какой-нибудь очень скоротечной заразной болѣзни? Эта гипотеза, хотя и мало вѣроятная, требуетъ все же провѣрки. Наблюдается множество насѣкомыхъ, которыя умираютъ въ очень короткое время вслѣдствіе наводненія паразитическихъ плѣсней, вызывающихъ настоящія эпидеміи. Всѣ мы видѣли, особенно осенью, мухъ, окруженныхъ маленькимъ бѣлымъ налетомъ и приклеенныхъ имъ къ стеклу окна, гдѣ онѣ и кончаютъ жизнь. Въ виду большого количества этихъ насѣкомыхъ, умирающихъ одновременно, тоже можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ естественной смертью. А между тѣмъ здѣсь просто—заразная смертельная болѣзань, причиненная паразитическимъ грибомъ.

Что касается эфемеръ, то всякое предположеніе объ острой эпидеміи должно быть исключено. Исслѣдованія, сдѣланныя нами по этому поводу, доказали обратное. У умирающихъ поденокъ не развивается никакихъ микробовъ, которымъ могла бы быть приписана смерть. Послѣднюю, слѣдовательно, приходится считать естественной, зависящей отъ организма, отъ самого внутренняго существа этихъ насѣкомыхъ. Среди клѣтокъ, входящихъ въ составъ тѣла поденокъ, нѣтъ недостатка въ фагоцитахъ. Не имъ ли слѣдуетъ приписать быструю смерть насѣкомыхъ, которая можетъ быть вызвана опустошеніями фагоцитовъ въ органахъ и въ благородныхъ теа-

нях? Тщательное микроскопическое изслѣдованіе не обнаружило никакихъ доказательствъ въ пользу такой гипотезы. Какъ разъ наоборотъ. Всѣ органы, сохранные при наилучшихъ техническихъ условіяхъ, представляютъ свою нормальную структуру. Мозгъ, нервныя центры вообще, какъ и мускулы и другіе органы, не обнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ того разрушенія фагоцитами, на которое было указано какъ на общее правило при старческой дегенерации. Поэтому въ этомъ несомнѣнномъ примѣрѣ естественной смерти не можетъ быть вопроса о пагубномъ вмѣшателствѣ макрофаговъ.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что столь быстрая смерть поденокъ и иныхъ насѣкомыхъ объясняется истощеніемъ, претерпѣваемымъ ими вслѣдствіе быстрой кладки яицъ и выдѣленія мужскихъ элементовъ. При этомъ могло бы происходить нѣчто подобное послѣ-операционному потрясенію, вслѣдствіе котораго иногда погибаютъ оперированные больные. Гипотеза эта однако недопустима: рядомъ съ поденками, совершившими половое отравленіе, такъ же внезапно умираетъ множество вовсе не оплодотворившихъ самцовъ. У эфемеръ всегда значительно большее количество самцовъ, чѣмъ самокъ; многіе поэтому не могутъ быть подвержены половому потрясенію, такъ какъ они не выпораживали вовсе своихъ органовъ воспроизведенія, что не мѣшаетъ имъ однако умирать вмѣстѣ съ остальными.

Въ этомъ примѣрѣ естественной смерти нельзя было установить, одновременно ли умираютъ всѣ ткани. Весьма вѣроятно однако, что первыми умираютъ клѣтки нервныхъ центровъ, что обуславливаетъ смерть остального организма. Вопросъ этотъ требуетъ еще подробнаго изученія.

Смерть настаиваетъ эфемеръ въ любовное время, въ минуту удовлетворенія ихъ полового инстинкта. Было бы очень интересно знать, что могутъ ощущать эти существа, умирая во время акта воспроизведенія.

Такъ какъ, само собой разумѣется, невозможно вполнѣ рѣшить этотъ вопросъ,—приходится удовлетвориться нѣсколькими фактами, относящимися къ нему.

Всѣ эфемеры, не только тѣ, которыя живутъ незначительное число часовъ, но даже живущія по нѣсколькимъ днямъ (какъ, напримѣръ, Хлоэ, Chloë) очень легко даютъ себя изловить. Ихъ не зачѣмъ схватывать невзначай или ловить сѣткой, какъ мухъ, ось и столько другихъ насѣкомыхъ. Поденокъ можно просто взять пальцами, такъ какъ онѣ не обнаруживаютъ никакого сопротивленія, никакого желанія улетѣть или бѣжать, несмотря на присутствіе двухъ или че-

тырехъ крыльевъ и 6 ногъ. Фактъ этотъ не единственный среди насѣкомыхъ. Многія другія такъ же легко даютъ себя поймать. Таковы крылатые муравьи, травяныя вши и т. д. Но въ то время, какъ послѣднія въ теченіе всей жизни никогда не избѣгаютъ враговъ, поденки въ личиночномъ состояніи очень нугливы. Когда ихъ хотять поймать среди водяныхъ растений, гдѣ онѣ прячутся,—онѣ тотчасъ чувствуютъ приближеніе трубочки и очень быстро убѣгаютъ. Иногда ловля этихъ насѣкомыхъ требуетъ большой ловкости и терпѣнія (фиг. 20). Ихъ жизненный инстинктъ, чувство самосохраненія обнаруживаются послѣднимъ бѣгствомъ. Между тѣмъ очевидно, что у взрослой поденки инстинктъ этотъ исчезаетъ. Если трогать ее, то иногда она удаляется, но не улетаетъ, несмотря на большое развитіе органовъ движенія и слабый вѣсъ тѣла, который уменьшаетъ кромѣ того присутствіемъ воздуха, наполняющаго кишечникъ вмѣсто пищи. Всего чаще, если тронуть эфемеру, то она, даже не отдаляясь, безъ сопротивленія даетъ себя взять.

Фиг. 20 Личинка эфемеры (*Chloë fulvum*).

Мы не имѣемъ никакого права утверждать, чтобы жизненный инстинктъ личинки уступилъ мѣсто у взрослой поденки инстинкту естественной смерти; но приходится допустить однако, что у нея жизненный инстинктъ исчезъ. Невозможно объяснить несопротивленіе окрыленныхъ эфемеръ недостаточностью какихъ-нибудь органовъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ: онѣ не только сохраняютъ тѣ глаза, которыми обладали въ личиночномъ состояніи, но самцы приобрѣтаютъ еще пару огромныхъ глазъ, нужныхъ имъ для отысканія самки во время быстрого полета въ сумеркахъ заходящаго солнца. Органы осязанія также очень развиты у поденокъ во всѣхъ возрастахъ. И однако, несмотря на это высшее развитіе, взрослыя эфемеры остаются равнодушными передъ непріятелемъ.

Вовсе не случайно пришлось намъ выбрать лучшей примѣръ естественной смерти именно среди насѣкомыхъ. Этотъ отрядъ животныхъ отличается большой прочностью клѣточныхъ элементовъ и соотвѣственнымъ отсутствіемъ обновленія тканей. Въ этомъ отношеніи насѣкомыя походятъ на высшихъ животныхъ и человѣка. Нервные клѣтки ихъ очень обособлены и способны выполнять наиболѣе высокія функціи, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ психическія. Но хорошо одаренные съ функціональной точки зрѣнія, элементы эти неспособны возобновляться. Было сдѣлано очень много опытовъ въ этомъ направленіи и оказалось, что въ то время какъ у холоднокровныхъ позвоночныхъ головной и спинной мозгъ

съ ихъ нервными клѣтками способны возобновляться, у млекопитающихъ только въ исключительныхъ случаяхъ наблюдается нѣкоторая степень регенераціи клѣтокъ нервныхъ центровъ.

Поэтому всего скорѣе можно бы ждать примѣровъ естественной смерти у животныхъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ органическаго міра, какъ у человѣка. Но здѣсь мы не находимъ столь доказательнаго примѣра, какъ среди насѣкомыхъ, у поденокъ. Уже было упомянуто выше, что по крайней мѣрѣ огромное большинство случаевъ смертей отъ старческаго истощенія, принимаемыхъ за естественную смерть, надо относить на счетъ случайныхъ причинъ, — особенно на счетъ заразныхъ болѣзней стариковъ (воспаленіе легкихъ, почекъ и т. д.). Тщательное изслѣдованіе тканей подтверждаетъ этотъ выводъ.

Частое разрушеніе благородныхъ клѣтокъ фагоцитами точно также указываетъ скорѣе на насильственный процессъ, чѣмъ на естественную смерть, подобную той, которая наблюдается у взрослыхъ поденокъ.

Итакъ, естественная смерть у человѣка скорѣе потенциальна, чѣмъ дѣйствительна. Старость, не будучи физиологическимъ явленіемъ, представляетъ болѣзненные признаки. При этихъ условіяхъ неудивительно, что она приводитъ только къ случайной смерти. Вѣроятно, однако, что и естественная смерть все же иногда наступаетъ въ очень старомъ возрастѣ.

Часто старались опредѣлить границу человѣческой жизни. При этомъ *Флуранс*¹⁾ основывался на продолжительности роста. Предположивъ, что періодъ этотъ соотвѣтствуетъ $\frac{1}{3}$ всей жизни, онъ выводилъ, что послѣдняя у человѣка должна длиться 100 лѣтъ. А такъ какъ столѣтніе люди очень рѣдки, то всѣ смертные случаи до этого возраста надо считать преждевременными и случайными. Но правило *Флуранса* произвольно, и ничто не доказываетъ его справедливости. Вѣроятно, въ родѣ людскомъ предѣлъ жизни не такъ постояненъ, какъ у поденокъ, и поэтому невозможно ограничить его какой-нибудь цифрой. Въ большинствѣ случаевъ онъ долженъ былъ бы быть гораздо выше 100 лѣтъ и только въ исключительныхъ случаяхъ могъ бы спускаться ниже этой границы. Относительно возраста естественной смерти должны существовать такія же колебанія, какъ наблюдаемыя при половой зрѣлости. Хотя наступленіе послѣдней подчинено нѣкоторымъ правиламъ, тѣмъ не менѣе наблюдаются большія или меньшія отклоненія относительно средняго возраста его появленія.

1) De la longevité humaine 2-me éd. Paris. 1885.

Патологическій характеръ человѣческой старости долженъ былъ нарушить также и все, касающееся естественной смерти. Поэтому пока совершенно невозможно дать себѣ отчета въ особенностяхъ послѣдней. Какъ извѣстно, нѣкоторые органы и ткани могутъ сохранять жизненность нѣсколько времени послѣ смерти. Даже черезъ 30 часовъ послѣ смерти отъ заразной болѣзни сердце, удаленное изъ человѣческаго трупа и поставленное въ опредѣленные условія, можетъ еще ожить и сокращаться нѣкоторое время. Бѣлые кровяные шарики, сѣмянные тѣла и мерцательные волоски трупа могутъ еще двигаться. То же ли наблюдается и въ столь рѣдкихъ случаяхъ естественной смерти? Одно будущее разъяснить это.

Наиболѣе важный вопросъ, связанный съ естественной смертью, — слѣдующій. Сопровождается ли она у человѣка исчезновеніемъ жизненнаго инстинкта и появленіемъ новаго, инстинкта смерти? Наблюдается ли въ этомъ случаѣ аналогія съ естественной смертью, у поденокъ? Легко понять, что на это нельзя отвѣтить съ полной точностью.

Старость есть, такъ сказать, извращенное явленіе; поэтому лица, приближающіяся къ возрасту естественной смерти, только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ сохраняютъ достаточную полную умственныхъ способностей. Мнѣ пришлось видѣть столѣтнюю женщину, помнящую еще нѣсколько событій своей молодости. Она рѣзко высказывала желаніе жить; но умственныя способности ея были серьезно задѣты. Такъ, мозгъ ея при вскрытіи представлялъ сильную дегенерацію нервныхъ клѣтокъ на пути разрушенія макрофагами.

Мнѣ удалось получить довольно подробныя свѣдѣнія относительно столѣтней женщины, жившей въ Руанѣ въ 1900 г. ¹⁾ Стоило бросить взглядъ на ея портретъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что она не владѣла болѣе полнотой своихъ умственныхъ способностей. Во многихъ отношеніяхъ она была инвалидомъ. Знаменитый химикъ *Шеврейль*, умершій въ возрастѣ 103 лѣтъ, точно также не обнаруживалъ никакого желанія умереть; онъ очень желалъ жить, но умственныя способности его сильно ослабѣли.

Мы наблюдали недавно столѣтнюю старуху, рожденіе которой торжественно праздновалось въ Сотвилѣ близъ Руана ²⁾. Несмотря на то, что въ физическомъ отношеніи она еще довольно хорошо сохранилась, ея умственныя способности настолько ослабѣли, что не можетъ быть и рѣчи о развитіи у ней новой особенности, каковъ

¹⁾ Journal de Rouen, 28 сентября 1903.

²⁾ Journal de Rouen, 21 сент. 1900. *Georges Dubosc.*

инстинктъ естественной смерти. Заболѣвъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, воспаленіемъ легкихъ, она обнаруживала несомнѣнное желаніе выздороветь и жить.

Вышеприведенные случаи составляютъ общее правило. Но бываютъ исключенія, требующія особеннаго вниманія. Въ упомянутой въ шестой главѣ статьѣ *Токарскаго* о страхѣ смерти, онъ приводитъ случай столѣтней женщины, державшей слѣдующую рѣчь: «если бы ты прожилъ столько же, какъ я, ты бы понялъ, что можно не только не бояться смерти, но даже желать ея и такъ же *ощущать потребность умереть, какъ ощущать потребность спать*». Въ этомъ глубокомъ возрастѣ появилось новое чувство, подобное потребности сна и непонятное менѣе старымъ людямъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ инстинктомъ естественной смерти, развившимся у столѣтней старухи, достаточно сохранившей свои психическія способности.

Я очень желалъ быть свидѣтелемъ такого замѣчательнаго инстинкта у кого-нибудь изъ того значительнаго числа старыхъ людей, которое мнѣ удалось наблюдать. Но всѣ, на кого мнѣ указывали, какъ на будто бы имѣющихъ его, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались совершенно иначе настроенными. Однѣ были старыя больныя, уставшія страдать; онѣ предпочитали смерть своей страдальческой жизни, но еще болѣе желали бы выздороветь, чтобы спокойно жить. Когда имъ говорили о возможности выздоровленія, онѣ обнаруживали явные признаки удовольствія и проникались надеждами.

Произведенныя мною изслѣдованія въ пріютахъ стариковъ дали одни отрицательные результаты въ этомъ отношеніи. Никто въ нихъ не проявлялъ ни малѣйшаго инстинкта смерти. Зато черезъ посредство доктора *Фовель* я узналъ о фактѣ, который можетъ быть помѣщенъ рядомъ съ наблюденіемъ *Токарскаго*. Дѣло касается старухи, здоровье и средства которой были вполне удовлетворительны и которая передъ смертью обнаруживала твердое желаніе умереть; она высказывала его совершенно въ такомъ же духѣ, какъ и столѣтняя старуха *Токарскаго*. Только *Фовель* имѣлъ дѣло съ женщиной, достигшей всего 85 лѣтъ. Если, что весьма вѣроятно, это — второй примѣръ инстинкта естественной смерти, то приходится заключить, что онъ можетъ развиваться въ очень различные возрасты, подобно половому инстинкту.

Въ своихъ поискахъ за примѣрами инстинкта смерти мы обратились къ довольно обширному сборнику *Лежонкура*¹⁾. Но свѣдѣнія

1) Galerie des centenaires anciens et modernes. Paris, 1842.

этого автора относятся преимущественно къ образу жизни столѣтнихъ людей и очень неполны въ томъ, что относятся къ ихъ послѣднимъ мгновеніямъ.

Въ Библии упоминается о часто встрѣчавшихся въ тѣ отдаленныя времена людяхъ, которые достигали столѣтняго возраста вполне хорошо сохранившимися ¹⁾. Въ Библии встрѣчаются также нѣкоторыя указанія, которыя могутъ быть истолкованы въ смыслѣ инстинкта естественной смерти. Вотъ какъ описана смерть нѣкоторыхъ патриарховъ. Жизнь Авраама длилась 175 лѣтъ. Утративъ силы, онъ умеръ въ счастливой старости, старцемъ и *насыщеннымъ своими днями*. Исаакъ жилъ 180 лѣтъ. Утративъ силы, онъ умеръ *старикомъ и насыщеннымъ жизнью*. Иовъ жилъ 140 лѣтъ. Онъ увидалъ сыновей своихъ и сыновей ихъ до четвертаго поколѣнія. Затѣмъ онъ умеръ *старымъ и насыщеннымъ жизнью*. Вѣроятно, что чувство, выражаемое насыщеніемъ жизни, такъ странно звучащимъ для насъ, не что иное какъ инстинктъ естественной смерти, развитый у достаточно хорошо сохранившихся стариковъ, достигшихъ 140—180 лѣтъ. Изъ описанія другихъ смертей слѣдуетъ, что это библейское выраженіе не есть простая формула, относящаяся къ смерти знаменитыхъ мужей. Такъ, объ Исаиѣ говорится, что онъ жилъ 137 лѣтъ, послѣ чего онъ утратилъ силы и умеръ и былъ взятъ къ своимъ народамъ. Яковъ жилъ въ Египтѣ 17 лѣтъ. Жизнь его длилась 147 лѣтъ. Аарону было 123 года, когда онъ умеръ на горѣ Горь. Моисей умеръ 120-ти лѣтъ; зрѣніе его не ослабѣло, и бодрость не изсякла.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ рѣчь идетъ о старцахъ, изъ которыхъ всего одинъ достигъ свыше 140-лѣтняго возраста, когда началъ появляться инстинктъ смерти.

Намъ должно казаться совершенно удивительнымъ и почти невѣроятнымъ, что у человѣка можетъ развиваться инстинктъ естественной смерти,—до того проникнуты мы совершенно обратнымъ жизненнымъ инстинктомъ. Изъ всего, приведеннаго въ шестой главѣ, становится несомнѣннымъ, что какъ желаніе жить, такъ и страхъ смерти не что иное, какъ проявленіе инстинкта, очень глубоко укорененнаго въ человѣческой природѣ. Онъ сравнимъ съ инстинктомъ голода, жажды, сна, движенія, половой и материнской любви.

Инстинкты же эти могутъ переходить изъ крайности въ крайность.

Всѣмъ извѣстны тѣ преданность и забота, которыя проявляются самками относительно ихъ потомства. Нѣтъ жертвы, на которую

¹⁾ Быть можетъ, эта долговѣчность многихъ патриарховъ, приводящая къ появленію инстинкта естественной смерти, была причиной малаго развитія идеи будущей жизни въ религіи древнихъ Іудеевъ (см. гл. VII).

не были бы способны эти матери для охраненія жизни и благоденствія своихъ дѣтенышей. Это и есть проявленіе материнскаго инстинкта, одного изъ самыхъ сильныхъ, который можно наблюдать. А между тѣмъ такая нѣжная и преданная любовь длится только, пока дѣтеныши безпомощны. Какъ только они начинаютъ быть самостоятельными, привязанность матери обращается въ равнодушіе и даже въ ненависть и враждебность.

Тѣ же матери вновь ощущаютъ нѣжность къ своему новому поколѣнію дѣтенышей, — такъ что происходитъ періодическое измѣненіе материнскаго инстинкта.

Новорожденный ребенокъ инстинктивно наслаждается женскимъ молокомъ, которое кажется ему единственной въ мірѣ вкусной пищей. При первомъ проявленіи своихъ чувствъ онъ обнаруживаетъ полное удовольствіе во время сосанія. Но инстинктъ этотъ сохраняется только въ періодъ кормленія грудью. Какъ только ребенокъ начинаетъ употреблять всякую другую пищу, онъ становится равнодушнымъ къ женскому молоку и кончаетъ тѣмъ, что ощущаетъ даже родъ отвращенія къ нему, которое можетъ длиться въ теченіе всей остальной жизни. Большинство взрослыхъ людей, которымъ я предлагалъ женское молоко, не хотѣли даже попробовать его, — такимъ отвратительнымъ казалось оно имъ. А между тѣмъ вкусъ его самъ по себѣ вовсе не имѣетъ ничего непріятнаго. Здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ временнымъ и измѣнчивымъ инстинктомъ.

Дѣтямъ часто случается наѣсться слишкомъ много какихъ-нибудь сластей, послѣ чего онѣ не только не прельщаются ихъ больше, а наоборотъ, вызываютъ глубочайшее отвращеніе, которое можетъ сохраниться на всю жизнь.

Говорятъ, что когда въ кондитерскую поступаютъ дѣти въ обученіе, то вначалѣ имъ позволяютъ ѣсть сколько угодно сластей. Черезъ короткое время у нихъ развивается глубокое отвращеніе къ этимъ вещамъ, столь сильно прельщавшимъ ихъ вначалѣ.

Какъ мать, обожающая своихъ дѣтей, такъ и ребенокъ, обожающій сласти, не легко поймутъ, какъ можетъ случиться, чтобы мать возненавидѣла свое потомство, а подмастерье кондитерской ощущалъ отвращеніе при видѣ сластей.

Точно также человѣчество, столь сильно жаждущее жить, легче повѣритъ въ безсмертіе, чѣмъ въ переходъ жизненнаго инстинкта въ инстинктъ смерти. Послѣдній, очевидно, въ потенціальной формѣ, гнѣздится въ природѣ человѣческой. Если бы циклъ жизни людской слѣдовалъ своему идеальному, физиологическому ходу, то инстинктъ естественной смерти появлялся бы своевременно — послѣ нормальной жизни и здоровой, продолжительной старости.

Вѣроятно, этотъ инстинктъ долженъ сопровождаться чуднымъ ощущеніемъ, лучшимъ, чѣмъ всѣ другія ощущенія, которыя мы способны испытывать. Быть можетъ, тревожное исканіе цѣли человѣческой жизни и есть нечто иное, какъ проявленіе смутнаго стремленія къ ощущенію наступленія естественной смерти. Въ немъ должно быть нѣчто сходное съ неопредѣленными чувствами молодыхъ дѣвственницъ, предшествующими настоящей любви.

Въ дѣйствительности жизнь наша съ самаго начала претерпѣваетъ пагубное вліяніе дисгармоній человѣческой природы. Вліяніе это становится все большимъ и большимъ въ теченіе нашего существованія и приводитъ къ разстроенной патологической старости. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при этихъ условіяхъ люди не ощущаютъ ни желанія состариться, ни инстинкта смерти. Старика, несмотря на свою привязанность къ жизни, не въ состояніи ощущать всей ея прелести и умираютъ со страхомъ, не узнавъ, что такое инстинктъ смерти.

Ихъ можно сравнить съ женщинами, вышедшими замужъ раньше развитія своей половой потребности и умирающими во время родовъ, не зная, что такое настоящій любовный инстинктъ. Въ прежнія времена число такихъ женщинъ было значительно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Абиссиніи дѣвушки выходятъ замужъ очень рано, не достигнувъ должнаго физическаго развитія. По *Гассенштейну*¹⁾, почти треть (30%) этихъ молодыхъ женщинъ умираетъ во время родовъ. Онѣ покидаютъ жизнь, не зная хорошенько, что такое настоящій половой инстинктъ.

Успѣхи культуры вообще и медицины въ очень значительной степени уменьшили число такихъ женщинъ.

Надо надѣяться, что наука достигнетъ такихъ же успѣховъ по отношенію къ инстинкту естественной смерти.

Съ прогрессомъ науки все болѣе и болѣе увеличится число людей, доживающихъ до нормальнаго появленія этого инстинкта.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

И. Мечниковъ.

¹⁾ *Ploss-Batels, Das Weib.* 1, p. 626.

Современное состояніе вопроса о происхожденіи видовъ у растений ¹⁾).

Едва ли найдется какая-нибудь другая область естествознанія, которая въ большей степени привлекала бы къ себѣ вниманіе и специалиста-естествоиспытателя, и просто образованнаго человѣка, чѣмъ вопросъ о происхожденіи видовъ или объ образованіи новыхъ органическихъ формъ.

Въ исторіи научнаго развитія этого вопроса можно отмѣтить три періода—первый съ начала естествознанія до Дарвина, второй—Дарвиновскій и третій—современный, обозначающійся, по крайней мѣрѣ въ ботаникѣ, о которой одной только и будетъ рѣчь, въ самое послѣднее время.

Проблема о происхожденіи видовъ мало разрабатывалась въ первый изъ указанныхъ періодовъ, когда царила, по мѣткому выраженію Сакса, догма о неизмѣняемости видовъ, находившая свое полное выраженіе въ извѣстномъ изрѣченіи Линнея: «*species tot numero, quod diversae formae in principio sunt creatae*». Правда, и въ то время находились отдѣльные мыслители и изслѣдователи, которые шли дальше своего вѣка и опредѣленно высказывались за измѣнчивость органическихъ формъ. Во введеніи къ извѣстной книгѣ Дарвина «Происхожденіе видовъ» авторомъ приведенъ рядъ именъ его предшественниковъ, считавшихъ виды способными къ измѣненію. Среди нихъ самое видное мѣсто занимаетъ несомнѣнно Жанъ Ламаркъ, одинъ изъ первыхъ и наиболѣе талантливыхъ провозвѣстниковъ ученія объ измѣняемости. Его взгляды, не принятые современниками и ближайшимъ къ нему поколѣніемъ, и основанные болѣе на почвѣ теоретическихъ и философскихъ представленій, чѣмъ на данныхъ фактическаго изслѣдованія, въ нѣсколько измѣненномъ

¹⁾ Нѣсколько дополненная вступительная лекція, читанная въ харьковскомъ университетѣ 17 сент. 1903 г.

и дополненномъ видѣ воскресли вновь въ формѣ стройнаго ученія—такъ называемаго *неоламаркизма*, проповѣдываемаго цѣлымъ рядомъ талантливыхъ современныхъ ученыхъ.

Появленіе въ свѣтъ «Происхожденія видовъ» Дарвина сразу выдвинуло на первый планъ этотъ специальный и уже почти рѣшенный вопросъ и сдѣлало его центромъ, вокругъ котораго группируются главныя теченія философской мысли въ естествознаніи вотъ уже около полустолѣтія. Этого мало. Принципы и обобщенія, выдвинутые этой книгой, имѣли вліяніе далеко не на одно естествознаніе, но и на цѣлый рядъ общественныхъ и другихъ наукъ.

Первый и главнѣйшій результатъ, вытекающій изъ работъ Дарвина, заключается въ томъ, что имъ была безусловно доказана способность видовъ къ измѣненію и сдѣлано весьма вѣроятнымъ происхожденіе всего органическаго міра отъ одного общаго корня. Всѣ изслѣдованія, возбужденныя Дарвиновымъ ученіемъ, постоянно доказываютъ справедливость этого положенія, возводя его на степень несомнѣнной истины.

Дарвиномъ къ тому же было дано объясненіе и указанъ путь происхожденія новыхъ формъ. Всѣ виды измѣнчивы; эти измѣненія, правда, крайне незначительныя, повторяются однако постоянно и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Вотъ первый факторъ эволюціи. Подъ вліяніемъ борьбы за существованіе—второго фактора—мелкія полезныя измѣненія закрѣпляются; они передаются потомству и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, слагаясь и увеличиваясь, производятъ новыя формы, настолько уже отличающіяся отъ прежнихъ, давшихъ имъ происхожденіе, что должны разсматриваться сначала, какъ новыя разновидности, а затѣмъ какъ новыя виды.

Промежуточныя формы, какъ менѣе приспособленныя, вымираютъ и не сохраняются, и виды, хотя и происходящіе отъ общихъ предковъ, становятся удаленными другъ отъ друга по своимъ признакамъ.

Итакъ, *суммирование* мелкихъ измѣненій или отборъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе—вотъ общій выводъ ученія Дарвина или основные принципы дарвинизма. Правда, самъ Дарвинъ не отрицалъ и другой возможности образованія новыхъ формъ—путемъ внезапнаго или рѣзкаго измѣненія первоначальной исходной формы, но придавалъ такимъ измѣненіямъ лишь второстепенное значеніе, а большинство послѣдователей его отрицало ихъ вполне.

Если первое изъ обобщеній Дарвина стало съ тѣхъ поръ истинной, то того же нельзя сказать о предложенныхъ Дарвиномъ объ-

ясненіяхъ органической эволюціи. Ботаники, особенно въ послѣднее время, не могутъ удовлетвориться принципами дарвинизма, и на его мѣсто выступаютъ постепенно новыя гипотезы и отодвигаютъ собственно дарвинизмъ настолько на задній планъ, что Мюнхенскій профессоръ Гёбель, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ ботаниковъ, могъ сказать въ одной изъ своихъ рѣчей о приспособляемости у растеній, что едва ли найдется въ Германіи хотя одинъ ботаникъ, который былъ бы дарвинистомъ.

Интересъ къ эволюціонной проблемѣ сильно возросъ въ послѣднее время, и кромѣ большихъ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, многочисленные ученые избираютъ темой для своихъ рѣчей — современное состояніе эволюціонной теоріи, сопоставляя въ нихъ фактическій матеріалъ съ господствующей гипотезой, главнымъ образомъ съ дарвинизмомъ.

I.

Прежде чѣмъ разбирать существеннѣйшія изъ эволюціонныхъ гипотезъ, остановимся на тѣхъ признакахъ, которыми растенія отличаются другъ отъ друга и измѣняемость которыхъ ведетъ къ образованію новыхъ формъ. Одни изъ этихъ признаковъ являются въ высокой степени постоянными и устойчивыми, и ихъ никакъ нельзя поставить въ непосредственную зависимость отъ внѣшнихъ условій. Они остаются постоянными при перемѣнѣ внѣшнихъ условій. Нэгели, извѣстный ботаникъ и философъ второй половины XIX вѣка, первый обратилъ на нихъ вниманіе, выдѣлилъ ихъ среди другихъ признаковъ и назвалъ ихъ *признаками организациіи*. Они характеризуютъ высоту организациіи даннаго растенія и иногда называются специфическими или морфологическими признаками.

Другіе признаки могутъ быть названы *признаками приспособленія*. Изучая ихъ, можно убѣдиться, что они измѣняются въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и являются прямымъ приспособленіемъ къ опредѣленнымъ факторамъ.

Большинство признаковъ, характеризующихъ семейства, родъ, много видовыхъ принадлежитъ къ первой группѣ — признакамъ организациіи. Иногда сюда могутъ быть также отнесены нѣкоторыя расовыя и даже индивидуальныя особенности; многіе, однако, видовые признаки и большинство расовыхъ и индивидуальныхъ относятся ко второй категоріи — признакамъ приспособляемости.

Разницу между этими двумя родами признаковъ лучше всего

пояснить на примѣрѣ. Ботаникамъ хорошо извѣстно растение—*Gentiana ascaulis*. Оно характеризуется цвѣткомъ съ чашечкой, состоящей изъ пяти долекъ, и такимъ же вѣнчикомъ, особеннымъ почкосложеніемъ вѣнчика андроцеумъ, состоящимъ изъ 5 тычинокъ, двугнѣздой завязью, супротивнымъ листорасположеніемъ, формой пыльцевыхъ зеренъ и т. п. организаціонными признаками. Они встрѣчаются у всѣхъ индивидуумовъ *Gentiana ascaulis*, живущихъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Напротивъ, величина цвѣтка, длина стебелька, соединеніе листьевъ въ прикорневую розетку должны считаться признаками приспособленія, такъ какъ они встрѣчаются у многихъ другихъ растений, обитающихъ при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Не всегда однако легко отличить признаки организаціи отъ признаковъ приспособленія, и часто нужны продолжительные опыты и наблюденія, чтобы отдѣлить одни изъ этихъ признаковъ отъ другихъ. Наконецъ, одни изъ растений обладаютъ преимущественно организаціонными признаками, какъ, напр., нашъ орлякъ *Pteridium aquilinum*, папоротникъ, встрѣчающійся почти по всему земному шару и всюду удерживающій одни и тѣ же признаки. Другія растения, напротивъ того, обладаютъ большимъ количествомъ признаковъ приспособленія, образуя массу разнообразныхъ формъ, какъ, напр., наши ястребинки (*Hieracium*), лапчатки (*Potentilla*), малины (*Rubus*) и т. д.

Тѣ и другіе признаки могутъ измѣняться, и ихъ измѣненіе ведетъ къ образованію новыхъ формъ. Мы уже ознакомились съ основными положеніями дарвинизма, рассмотримъ другія гипотезы, объясняющія происхожденіе новыхъ формъ, и начнемъ съ измѣненія признаковъ организаціи.

Кернеръ, извѣстный авторъ «Жизни растений», выдвинулъ какъ общую причину возникновенія новыхъ формъ—скрещиваніе между двумя различными видами. Такіе случаи образованія новыхъ формъ возможны теоретически, они осуществимы и въ дѣйствительности; нельзя только придавать имъ особаго значенія, такъ какъ они принадлежатъ къ сравнительно рѣдкимъ явленіямъ. Прежде всего необходимо отмѣтить, что большая часть низшихъ споровыхъ растений не имѣетъ полового воспроизведенія, и потому скрещиваніе не можетъ въ этомъ случаѣ давать начало новымъ формамъ; слѣдовательно, происхожденіе видовъ у низшихъ и высшихъ растений должно идти разными путями, что въ очень сильной степени умаляетъ значеніе скрещиванія, какъ общаго фактора органической эволюціи. Но все же можно подыскать много примѣровъ, согласно указывающихъ на извѣстное значеніе скрещиванія для образованія новыхъ растительныхъ формъ. Особенно сильно его вліяніе, когда

оно соединено съ искусственнымъ или естественнымъ отборомъ, который закрѣпляетъ появившіяся вновь отличія. Практики-культураторы могутъ привести рядъ примѣровъ возникновенія новыхъ формъ путемъ гибридизаціи. Различные сорта петуній, вербенъ, фуксій, бегоній, примуль произошли путемъ скрещиванія и размножаются посредствомъ сѣмянъ. То же встрѣчается и въ дикомъ состояніи. Научно изученные разнообразныя виды тюльпановъ, малинъ, мать доказываютъ несомнѣнно, что многіе виды ихъ произошли путемъ скрещиванія между другими дикорастущими видами. Иногда происхожденіе такихъ новыхъ видовъ удастся установить только путемъ тщательнаго наблюденія и опыта,—до такой степени старыя признаки родоначальныхъ формъ скрыты въ новомъ видѣ. Такъ, въ швейцарскихъ Альпахъ встрѣчается одинъ видъ рода *Sempervivum* (молодила) *S. rhaeticum*, который производитъ впечатлѣніе самостоятельнаго вида. Но тщательное наблюденіе, соединенное съ опытами, показываетъ, что этотъ видъ произошелъ путемъ скрещиванія *S. arachnoideum* съ *S. alpinum*.

Однако, несмотря на то, что можно подыскать нѣкоторое количество примѣровъ возникновенія новыхъ видовъ путемъ скрещиванія, значеніе этого фактора эволюціи не должно ставить слишкомъ высоко, такъ какъ, кромѣ сравнительной рѣдкости его осуществленія, наблюденіями установлено, что многіе гибриды являются неспособными къ половому воспроизведенію.

Отборъ является другимъ моментомъ, который обуславливаетъ появленіе новыхъ формъ въ растительномъ царствѣ. Но его значеніе должно быть очень ограничено. Трудно найти хотя бы одинъ примѣръ возникновенія въ *дикомъ* состояніи новыхъ формъ путемъ накопленія мелкихъ благопріятныхъ признаковъ. Наоборотъ, этотъ факторъ имѣетъ все свое значеніе для образованія *культурныхъ* расъ растений. Человѣкъ подмѣчаетъ нужныя ему особенности воздѣлываемыхъ растений, тщательно отбираетъ ихъ, допускаетъ къ дальнѣйшему размноженію только особей наиболѣе типичныхъ и такимъ образомъ воспроизводитъ новыя расы. Но до сихъ поръ не извѣстно, какъ кажется, съ достовѣрностью ни одного случая возникновенія вышеупомянутымъ способомъ новыхъ формъ въ дикой природѣ. Есть примѣры, которые съ перваго взгляда могутъ быть объяснены лишь съ точки зрѣнія естественнаго отбора, но болѣе близкое знакомство съ ними обнаруживаетъ и въ этихъ случаяхъ вмѣшательство человѣка. Описанный въ недавнее время Веттштейномъ такъ называемый «сезонный диморфизмъ» у растений можетъ служить прекрасной иллюстраціей такого бессознательнаго отбора, производимаго человѣкомъ. Подъ именемъ сезоннаго диморфизма на-

туралисты вслѣдъ за Уэллесомъ понимаютъ рѣзкое морфологическое отличіе между индивидуумами различныхъ генерацій, развивающихся въ различное время года. Даже одинъ и тотъ же индивидуумъ можетъ обнаружить сезонный диморфизмъ, образуя лѣтнюю и зимнюю формы. Зоологія знаетъ массу такихъ примѣровъ. Стоитъ только вспомнить лѣтнюю и зимнюю окраску у зайцевъ или куропатокъ. Среди растений ихъ существуетъ также большое количество. Ветшттейномъ были изучены нѣкоторые виды двухъ диморфныхъ родовъ — *Gentiana* (горечавка) и *Euphrasia* (очанка), которыя являются въ двухъ рѣзко отличимыхъ другъ отъ друга формахъ—рано и поздно цвѣтущей. Посѣявъ въ ботаническомъ саду въ Прагѣ сѣмена этихъ растений, изслѣдователь могъ замѣтить, что раннія формы быстро развивали свои сравнительно слабые вегетативные органы и цвѣтки. Позднія формы развивались медленно; ихъ быстро заглушала окружающая трава, и растеніе зацвѣтало лишь въ концѣ лѣта. Однако, стоило скосить траву вокругъ медленно развивавшихся растений и дать имъ больше свободы и свѣта, чтобы они вскорѣ зацвѣтали. Изучая эти формы, мы несомнѣнно видимъ, что однѣ изъ нихъ приспособились къ условіямъ вегетаціи въ раннее время, другія же въ болѣе позднее. Формующимъ факторомъ былъ сѣнокосъ, который съ древнѣйшихъ временъ производится на тѣхъ лугахъ, гдѣ встрѣчаются эти формы. Отсюда Ветшттейнъ заключаетъ, что однѣ формы приспособились завершать свой циклъ развитій до наступленія сѣнокоса, другія же послѣ его окончанія. Эти особенности должны были закрѣпиться вслѣдствіе продолжающагося вліянія даннаго фактора. Итакъ, вліяніе человѣка несомнѣнно сказывается и на выработкѣ, по крайней мѣрѣ у растений, такихъ приспособленій, какъ сезонный диморфизмъ, легко объяснимый съ перваго взгляда съ точки зрѣнія естественнаго отбора.

Гораздо чаще варіаціи происходятъ въ природѣ скачками или *гетерогенетически*, согласно съ взглядами Кѣлликера и Коржинскаго. Въ работѣ, опубликованной передъ смертію, Коржинскій изложилъ сущность теоріи гетерогенеза и показалъ на многихъ примѣрахъ значеніе его для образованія новыхъ формъ у растений. Цѣлый рядъ новыхъ разновидностей появился внезапно, а не вслѣдствіе дѣйствія естественнаго отбора. Такъ, въ 1855 году внезапно возникла *Robinia Pseudacacia* forma *monophylla*; въ 1839 г.—*Berberis vulgaris* forma *atrorubens*. Такихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлый рядъ, что и дѣлаетъ Коржинскій въ своей работѣ. Не только въ садовой практикѣ, но и въ природѣ, при естественныхъ условіяхъ наблюдается внезапное появленіе новыхъ формъ, повидимому, внѣ всякой зависимости отъ видимыхъ условій. Такія

гетерогенетическія измѣненія можетъ испытать не только весь организмъ, но и его отдѣльныя части, и если онѣ способны къ размноженію, то могутъ дать начало новымъ формамъ. Коржинскій называетъ это явленіе почковой вариацией, если дѣло касается образованія новой формы побѣговъ, или же болѣе общимъ именемъ — *частичнымъ гетерогенезомъ*. Веттштейнъ приводитъ одинъ очень демонстративный примѣръ такого частичнаго гетерогенеза, давшаго начало новымъ формамъ. Среди экземпляровъ растенія *Sedum reflexum* (очитокъ) ему удалось найти одинъ, имѣвшій фасцірованную, т.-е. сплюсненную и плоскую вѣтвь. Отдѣливъ вѣтвь отъ материнскаго организма, ему удалось заставить ее укорениться и размножить вегетативнымъ путемъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ экземпляровъ зацвѣли, дали сѣмена, изъ которыхъ развились прекрасно фасцірованные экземпляры *Sedum*, т.-е. новая форма вполне закрѣпилась наследственно. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много, и всѣ они доказываютъ, что образованію новыхъ формъ въ природѣ путемъ гетерогенеза принадлежитъ очень видная роль.

Отвергая значеніе отбора, Коржинскій придерживается совершенно иного взгляда на борьбу за существованіе, чѣмъ дарвинисты: «Борьба за существованіе и связанный съ ней отборъ есть факторъ, ограничивающій полученныя формы и пресѣкающій дальнѣйшія вариации, но ни въ какомъ случаѣ не содѣйствующій полученію новыхъ формъ. Это есть начало, враждебное эволюціи. Эволюцію организмовъ, — заканчиваетъ Коржинскій сравненіе своей теоріи съ основами дарвинизма, — невозможно объяснить чисто механическимъ путемъ. Чтобы понять происхожденіе высшихъ формъ изъ низшихъ, необходимо допустить существованіе въ организмахъ особой тенденціи прогресса, тѣсно связанной или тождественной съ тенденціей измѣнчивости и ведущей организмы, насколько позволяютъ условія, къ совершенствованію».

Наконецъ, теорія мутации, развиваемая извѣстнымъ голландскимъ ботаникомъ, де-Фризомъ, въ своихъ конечныхъ результатахъ совпадаетъ съ теоріей гетерогенеза. Подобно этой послѣдней, мутационная теорія предполагаетъ внезапное появленіе новыхъ признаковъ, ведущихъ къ образованію новыхъ формъ. Являясь весьма детально разработанной ея авторомъ, мутационная теорія позволяетъ широко раздвинуть рамки наблюденія надъ процессомъ видообразованія и вмѣстѣ съ тѣмъ придти къ цѣлому ряду выводовъ капитальной важности, которые начинаютъ собой новую эру въ изученіи вопроса о происхожденіи органическихъ формъ. Было бы крайне затруднительнымъ сколько-нибудь подробно ознакомить читателя въ этомъ

сжатомъ очеркѣ съ мутаціонной теоріей де-Фриза. Мы надѣемся посвятить ей особую статью.

Резюмируя теперь эту часть нашего изложенія, мы можемъ сказать, что образованіе новыхъ формъ, характеризующихся новыми признаками организаціи, можетъ зависѣть отъ разныхъ условій. Въ природѣ первое и преобладающее мѣсто принадлежитъ гетерогенезису; значительно рѣже обуславливаетъ появленіе новыхъ признаковъ скрещиваніе. Наконецъ, теоретически возможенъ естественный отборъ, но врядъ ли вліяніе его значительно въ дикой природѣ. Въ культурѣ искусственный отборъ, скрещиваніе и гетерогенезисъ являются дѣятельными факторами, ведущими къ выработкѣ новыхъ признаковъ организаціи.

II.

Перейдемъ теперь къ другой группѣ признаковъ — къ признакамъ приспособленія.

При первомъ съ ними знакомствѣ наблюдателя поражаетъ ихъ цѣлесообразность, и не подлежитъ сомнѣнію, что они являются сравнительно позднимъ приобрѣтеніемъ организма. При ихъ объясненіи посредствомъ трехъ вышеуказанныхъ факторовъ мы наталкиваемся на большія затрудненія.

Врядъ ли возможно объяснить возникновеніе приспособленія посредствомъ скрещиванія двухъ разныхъ формъ. Опыты Менделя, де-Фриза, Корренса и др. показали, что расовые гибриды постепенно и закономѣрно возвращаются къ своимъ первоначальнымъ типамъ. Появленіе приспособленій возможно объяснить и путемъ гетерогенеза, но тогда бы пришлось приписать случаю слишкомъ широкое поле дѣятельности и цѣлесообразность объяснять счастливою случайностью. И хотя возможность возникновенія путемъ гетерогенеза нѣкоторыхъ случаевъ приспособленія можетъ считаться доказанной, но значеніе его весьма ограничено при выработкѣ приспособленій.

Двѣ теоріи объясняютъ появленіе приспособленій: одна исходитъ изъ положеній дарвинизма, считая, что признаки приспособленія появились вслѣдствіе накопленія ряда мелкихъ полезныхъ особенностей путемъ отбора; другая восходитъ къ болѣе старымъ взглядамъ Ламарка и считаетъ болѣе достовѣрнымъ объяснить появленіе приспособленій, какъ непосредственной реакціи организма на воздѣйствіе внѣшнихъ условій.

Всю совокупность признаковъ приспособленія можно раздѣлить

на двѣ группы — на приспособленія прямыя и на приспособленія непрямыя.

Разницу между ними лучше всего можно понять на примѣрахъ. Цѣлый рядъ растений характеризуется присутствіемъ различныхъ кристалловъ и эфирныхъ маселъ, которые служатъ прекраснымъ средствомъ защиты для этихъ растений отъ пожирания животными, — главнымъ образомъ, улитками, какъ это выяснили изслѣдованія Штала. Но было бы совершенно невозможно утверждать, что данныя приспособленія возникли именно съ цѣлью защиты растений отъ ихъ враговъ. Они образовались совершенно по другимъ причинамъ, — быть можетъ, въ качествѣ отбросовъ при обмѣнѣ веществъ, или инымъ путемъ. Но данныя приспособленія, оказавшіяся полезными организмамъ, удержались и закрѣпились путемъ наслѣдственности.

Такія приспособленія, конечно, нужно назвать непрямими, прямыми же называются такія, которыя показываютъ измѣненія въ строеніи организма, происходящія подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій.

Эти послѣднія приспособленія и составляютъ главное затрудненіе для дарвинизма, который не можетъ объяснить, исходя изъ своихъ положеній — отбора и борьбы за существованіе, внезапныя цѣлесообразныя измѣненія въ организмѣ, ведущія часто къ образованію новыхъ формъ.

Остановимся на выясненіи этихъ прямыхъ приспособленій, составляющихъ главный оплотъ неоламаркизма.

Прежде всего необходимо показать, что въ природѣ дѣйствительно существуютъ индивидуальныя приспособленія; затѣмъ необходимо доказать и другое положеніе, что эти индивидуальныя измѣненія унаслѣдываются потомствомъ. Тогда можно дѣйствительно убѣдиться, что путемъ прямыхъ приспособленій могутъ вырабатываться новыя формы.

Весьма интереснымъ доказательствомъ перваго положенія — индивидуальной измѣчивости подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій — является одинъ примѣръ, заимствованный изъ экспериментальной морфологіи.

Такъ назыв. подсѣменодольное колѣно у подсолнечника представляетъ собой слабый стебелекъ, который разрывается, если къ нему подвѣсить грузъ въ 160 гт. Если же къ нему сначала подвѣсить грузъ въ 150 гт. и заставить эту тяжесть дѣйствовать два дня, то подсѣменодольное колѣно выдерживаетъ послѣ этого, не разрываясь, нагрузку до 250 гт. При дальнѣйшемъ осторожномъ повышеніи нагрузки выносливость этого слабого стебелька могла бы

быть доведена до 400 гт. То же явление показали и черешки листа *Hellebodus piger*, прочность которых возросла съ 400 гт. до 3,5 kilo. Анатомическое изслѣдованіе выяснило, что въ данномъ случаѣ въ тканяхъ листового черешка развиваются особенно прочные механическіе пучки, которые обыкновенно отсутствуют въ нормальныхъ черешкахъ этого растенія. Подъ вліяніемъ внѣшняго фактора—силы тяжести—развилось приспособленіе, отсутствующее при обыкновенныхъ условіяхъ. Не то ли происходитъ постоянно въ природѣ при развитіи, напр., крупныхъ и тяжелыхъ плодовъ? Какая-нибудь тыква имѣетъ тяжелый, въ нѣсколько кило, плодъ, висящій на сравнительно тонкомъ черешкѣ, прочность котораго увеличивается по мѣрѣ роста плода.

У нѣкоторыхъ тропическихъ растеній развивается въ ткани листьевъ такъ называемая водная ткань, содержащая большія количества водянистаго клѣточного сока. Если же эти растенія культивируются при иныхъ условіяхъ, не требующихъ сильнаго испаренія со стороны листьевъ, то эта водная ткань значительно уменьшается. Такимъ образомъ внѣшнія условія непосредственно дѣйствуютъ на измѣненіе строенія листа.

Альпійскія растенія и растенія арктическихъ странъ показываютъ другой весьма важный примѣръ. Они характеризуются своимъ низкимъ ростомъ, сильнымъ ростомъ подземныхъ частей, густо сидящими листьями, которые часто образуютъ розетки, прилегающія къ землѣ.

Если стоять на точкѣ зрѣнія дарвинизма, то происхожденіе такого ойкологическаго типа горныхъ и полярныхъ растеній можно объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ. вмѣстѣ съ соответствующими имъ равнинными растеніями (и растеніями болѣе низкихъ широтъ) они образовались изъ такихъ формъ, которыя, разсеяясь по горнымъ мѣстностямъ, постепенно и медленно приспособлялись къ новымъ внѣшнимъ условіямъ, удерживая путемъ наслѣдственности медленно вырабатывающіеся полезныя признаки. Промежуточныя и менѣе приспособленныя формы исчезли вслѣдствіе борьбы за существованіе, а наиболѣе приспособленныя формы образовали новые виды, которыми и характеризуются альпійскія мѣстности. То же самое буквально можно повторить и для арктическихъ странъ.

Наблюденія и опыты, однако, говорятъ не въ пользу такого объясненія.

Извѣстный французскій натуралистъ Боннье собиралъ сѣмена разныхъ растеній, происходившія отъ одного экземпляра, произраставшаго въ равнинѣ, и высѣивалъ ихъ одновременно и на мѣстѣ ихъ обитанія, и въ альпійскомъ саду на высотѣ 2.000 м. Изъ посѣян-

ныхъ тамъ сѣмянъ 203 видовъ растений, 80 видовъ погибло; они не были въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ обитанія. Естественный отборъ устранилъ такимъ образомъ слабыя формы отъ необходимости измѣняться.

Наибольшія измѣненія среди другихъ растений обнаружила земляная груша (*Helianthus tuberosus*), ставшая совершенно неузнаваемой при новыхъ условіяхъ обитанія. Изъ высокостебельнаго растенія, снабженнаго спиральными листьями, она превратилась въ безстебельное, съ розеткой прикорневыхъ листьевъ растеніе, вершина котораго заканчивалась сидячимъ цвѣткомъ. И другія растенія измѣнились въ очень значительной степени, и особенно важно то, что эти измѣненія произошли въ теченіе одного поколѣнія, не путемъ постепеннаго отбора вслѣдствіе борьбы за существованіе, а сразу, реагируя на воздѣйствіе внѣшнихъ условій.

Можно было бы привести еще много другихъ примѣровъ вліянія внѣшней среды на измѣненіе организмовъ, но и сказаннаго достаточно.

Не всегда реакція организма на внѣшнія условія бываютъ для него полезны и цѣлесообразны, какъ это считалъ Ламаркъ. Растенія часто реагируютъ самымъ различнымъ образомъ на внѣшнія вліянія, все равно—будутъ ли имъ полезны тѣ измѣненія, которыя они претерпѣваютъ, или нѣтъ. Если подвергнуть, напр., какое-нибудь растеніе одностороннему освѣщенію, то оно наклонится къ источнику свѣта. Это, безъ сомнѣнія, цѣлесообразная реакція организма, такъ какъ листья при этомъ принимаютъ наиболѣе выгодное положеніе къ источнику свѣта, необходимому для ихъ главной функціи—усвоенія углерода. Но къ такому же дѣйствию способны и корни, растущіе обыкновенно въ землѣ и не нуждающіеся для своей функціи въ свѣтѣ. Иногда даже тотъ факторъ, которому подчинена какая-либо особенность организаціи, не управляетъ этой особенностью. Такъ, воспроизводительные органы папоротниковъ размѣщаются на нижней сторонѣ заростка, т.-е. полового поколѣнія. Это вполнѣ понятно, такъ какъ тутъ они имѣютъ болѣе шансовъ получить капли воды, необходимыя для успѣшнаго перенесенія антерозоидовъ изъ антеридія къ архегонію, т.-е. оплодотвореніе болѣе обезпечено. Но не влажность обуславливаетъ расположеніе воспроизводительныхъ органовъ на нижней поверхности заростка, а свѣтъ. Освѣщая заростокъ снизу, можно заставить воспроизводительные органы развиваться на затѣненной верхней сторонѣ. Однако эти органы непосредственно не имѣютъ никакого отношенія къ свѣту, и у нѣкоторыхъ другихъ растений они нормально развиваются на верхней сторонѣ заростка.

Вотъ еще одинъ типичный примѣръ нецѣлесообразныхъ измѣненій. Вслѣдствіе укола насѣкомаго—орѣхотворки—на листьяхъ и другихъ органахъ растеній развиваются особыя образованія—галлы, построенныя очень сложно и цѣлесообразно для насѣкомаго, но не для растенія. Эти примѣры ясно показываютъ, что не всегда реакція организма на внѣшнія условія бываетъ для него полезна и цѣлесообразна.

Міръ низшихъ организмовъ даетъ многочисленныя примѣры прямыхъ приспособленій. Бактеріи и грибы могутъ въ теченіе нѣсколькихъ генерацій приспособляться къ новымъ внѣшнимъ условіямъ и параллельно съ этимъ пріобрѣтать новыя свойства.

Если мы можемъ такимъ образомъ почти безгранично увеличить число примѣровъ прямыхъ приспособленій растительныхъ организмовъ къ внѣшнимъ условіямъ, то этимъ самымъ мы доказываемъ первое изъ поставленныхъ положеній.

Другое изъ нихъ — наследственная передача вновь пріобрѣтенныхъ особенностей,—уже не такъ очевидно и требуетъ большого запаса наблюденій для своего доказательства. Но и въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи имѣются какъ косвенныя, такъ и прямыя доказательства этого положенія.

Многочисленныя систематико-географическія изслѣдованія послѣдняго времени показали, что виды, возникшіе въ сравнительно недавнее время встрѣчаются въ опредѣленныхъ ареалахъ, какъ бы замѣщая собой одинъ другого. Такъ, напр., поднимаясь съ плоскости въ горы, можно наблюдать, какъ одни виды какого-нибудь рода исчезаютъ и на смѣну имъ появляются другіе, относящіеся къ тому же роду. Такъ, обыкновенный клеверъ *Trifolium pratense* смѣняется другимъ близкимъ видомъ *Tr. nivale*, можжевеловикъ *Juniperus communis*—*Jun. nana*; незабудка *Myosotis silvatica*—*M. alpalis* и т. п. Эти виды являются вполне приспособленными къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ обитаютъ. Но на границѣ своего обитанія, замѣняющіе виды постоянно соединены другъ съ другомъ переходными формами, происшедшими не путемъ скрещиванія. Эти формы являются столь же постоянными, какъ и основныя виды. Трудно было бы предположить, что всюду эти промежуточныя формы выработывались путемъ одинаковыхъ измѣненій и подбора. Единственнымъ натуральнымъ объясненіемъ является то, что при проникновеніи вида изъ одной области въ другую при измѣнившихся внѣшнихъ условіяхъ произошло и измѣненіе вида. Подобныя же примѣры представляютъ расы различныхъ растеній, приспособленныя къ опредѣленному способу питанія. Извѣстны растенія, которыя встрѣчаются только на почвахъ съ опредѣленными химиче-

скими и физическими свойствами. Наконецъ, паразиты какъ цвѣтковые, такъ и безцвѣтковые показываютъ рядъ типичныхъ примѣровъ приспособленія. *Orobanchе* и *Cuscuta* (заразиха и павилика)—два рода паразитическихъ и цвѣтковыхъ растений—характеризуются большимъ количествомъ формъ, приспособленныхъ къ опредѣленнымъ хозяевамъ.

Ржавчинниковые грибы даютъ массу примѣровъ такихъ приспособленій. Морфологически вполне тождественныя формы встрѣчаются на опредѣленныхъ растеніяхъ-хозяевахъ, образуя расы, характеризующіяся своими физиологическими признаками.

Трудно объяснить всѣ эти факты, исходя изъ гипотезы отбора. Слишкомъ много пришлось бы приписать случаю, принимая, что отдѣльные индивидуумы, случайно получивъ иной питательный субстратъ, образовали путемъ отбора новыя расы. Не проще ли предположить, что способность жить при иныхъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенно, была ими унаслѣдована и уже тогда повела къ образованію новой формы? Нѣкоторые опыты подтверждаютъ, повидимому, это.

Весьма важнымъ доказательствомъ унаслѣдованія прямого приспособленія показываютъ случаи такъ назыв. явленій совпаденія. Флора морскихъ береговъ, песчаныхъ дюнь, скалистыхъ горныхъ вершинъ показываетъ одинаковыя морфологическія особенности на всей землѣ. Самыя разнообразныя въ систематическомъ отношеніи растенія показываютъ аналогичныя формы приспособленія. Если мы видимъ, напр., что всюду за верхнимъ предѣломъ лѣса между нимъ и безлѣсной альпійской флорой развивается своеобразный поясъ древесныхъ кустарныхъ породъ, то состоящій изъ видовъ сосны, то изъ ольхи и березы, то изъ рододендроновъ, то изъ бамбуковъ, то возможно ли объяснить образование этихъ однородныхъ ойкологическихъ типовъ растительности дѣйствіемъ случая и отбора! Насколько же яснѣе и понятнѣе то объясненіе, что всѣ эти типы являются результатомъ прямого вліянія внѣшнихъ условій и унаслѣдованія этого вліянія.

Редукція органовъ вслѣдствіе ихъ неупотребленія является также однимъ изъ косвенныхъ доказательствъ въ пользу ламаркизма, несмотря на попытки объяснить ихъ, исходя изъ теоріи отбора. Употребленіе обуславливаетъ развитіе органа, неупотребленіе ведетъ къ его редукціи. Наши хлѣбныя растенія и овощи показываютъ много примѣровъ такой редукціи вслѣдствіе неупотребленія; изъ первоначально многолѣтнихъ растеній они обратились въ однолѣтнія. Наконецъ, кромѣ этихъ косвенныхъ доказательствъ, существуютъ и нѣкоторыя прямыя, указывающія на унаслѣдованіе особенностей, приобретенныхъ подъ вліяніемъ видимыхъ условій.

Нѣсколько рельефныхъ примѣровъ представляютъ низшіе организмы. Такъ, *Micrococcus prodigiosus*, одна изъ очень распространенныхъ бактерій, образуетъ кроваво-красныя колоніи на крахмало-содержащемъ субстратѣ. Если же культивировать ея колоніи на щелочномъ агарь-агарѣ, то онѣ вначалѣ удерживаютъ свою красную окраску, но потомъ начинаютъ ее постепенно терять, и колоніи, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно здоровыя, становятся безцвѣтными. Если же съ агарь-агарь безцвѣтную колонію перенести на картофель, она снова пріобрѣтетъ красную окраску; но если культура на агарь-агарѣ продолжается долгое время, то и послѣ перенесенія на картофель такія колоніи очень медленно вырабатываютъ красную окраску. Перенесенныя снова на агарь, онѣ тотчасъ же теряютъ свой пигментъ и остаются уже неокрашенными.

Другой демонстративный примѣръ доставилъ извѣстный датскій ученый Ганзенъ. Культивируя дрожжевые грибки при повышенной температурѣ, онъ получилъ новую расу дрожжей, которая характеризовалась полнымъ отсутствіемъ способности образовывать споры. Эта аспорогенная раса, перенесенная въ нормальныя условія, продолжаетъ сохранять свои вновь пріобрѣтенныя особенности, несмотря на то, что культура идетъ уже больше десяти лѣтъ, во время которыхъ развилось очень большое количество новыхъ поколѣній.

Недавнія изслѣдованія Гайдукова надъ сине-зелеными водорослями дали еще новый примѣръ унаслѣдованія благопріобрѣтенныхъ подѣ влияніемъ внѣшнихъ условій признаковъ. Его опытами доказано, что сине-зеленыя водоросли, если ихъ культивировать въ различныхъ лучахъ спектра, окрашиваются въ дополнительный цвѣтъ. Такъ, организмъ, при культурѣ въ красныхъ лучахъ, принимаетъ зеленый цвѣтъ и, наоборотъ, въ зеленыхъ лучахъ пріобрѣтаетъ красноватую окраску. Если такую водоросль, которая нѣкоторое время жила въ лучахъ одного цвѣта, продолжать культивировать въ нормальныхъ условіяхъ, то она продолжаетъ свой ростъ и отдѣляетъ первое время клѣтки, еще окрашенныя въ дополнительный цвѣтъ къ тѣмъ лучамъ спектра, подѣ влияніемъ которыхъ она находилась, — прямое доказательство унаслѣдованія благопріобрѣтенныхъ особенностей.

Цвѣтковыея, т.-е. высшія растенія, также показываютъ нѣсколько сходныхъ примѣровъ. Каждая страна имѣетъ свои особенные сорта хлѣбныхъ злаковъ, и попытки ввести въ культуру другіе сорта изъ-за ихъ сельскохозяйственнаго значенія обыкновенно кончаются неудачей. Вновь введенные сорта приближаются обыкновенно къ сор-

тамъ господствующимъ и приспособленнымъ къ условіямъ жизни въ странѣ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ какъ бы борьбу между двумя принципами—отбора, которому помогаетъ челоѣкъ, и прямого приспособленія. Послѣднее обыкновенно выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Такъ, опытами, произведенными въ Скандинавіи, доказано, что хлѣбные злаки, перенесенные изъ низменностей въ горныя мѣстности, завершаютъ тамъ свой циклъ развитія въ болѣе короткое время, несмотря на болѣе низкую среднюю температуру. Эту особенность они сохраняютъ нѣкоторое время и по обратномъ перенесеніи ихъ въ низменность.

Чрезвычайно интересны опыты Цизлара съ древесными породами. Пихты и лиственницы, выращенныя на плоскости изъ сѣмянъ, взятыхъ отъ деревьевъ, растущихъ на горахъ, отличаются своимъ медленнымъ ростомъ и слабымъ приростомъ, сохраняя эти особенности въ качествѣ унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ условій своего обитанія.

Наконецъ, монографическое изслѣдованіе рода *Gentiana* показало, что подъ именемъ *G. acaulis* описывается цѣлая совокупность близкихъ видовъ съ рѣзко выраженными морфологическими признаками. Каждый изъ этихъ видовъ замѣщаетъ другой въ определенныхъ областяхъ распространенія. Признаки же этихъ видовъ находятся въ тѣсной зависимости отъ условій обитанія. *Gentiana acaulis* культивируется въ теченіе большого количества времени на альпійскихъ отдѣленіяхъ ботаническихъ садовъ и успѣла уже образовать новую форму, отличную по своимъ признакамъ отъ дикорастущихъ формъ этой гентіаны.

Искусственный отборъ не игралъ при этомъ никакой роли; такъ же мало могъ имѣть мѣста и отборъ естественный, такъ какъ опытъ показываетъ, что дикорастущіе альпійскіе виды свободно произрастаютъ и въ культурѣ. Остается предположить, что измѣненіе произошло вслѣдствіе переменъ условій обитанія, т.-е. вслѣдствіе прямого приспособленія, которое и было закрѣплено наслѣдственностью.

Изъ этихъ примѣровъ слѣдуетъ, что растенія не только способны образовывать прямыя приспособленія, но и что эти приспособленія могутъ передаваться потомству путемъ наслѣдственности. Другими словами, ламаркизмъ, т.-е. гипотеза, объясняющая появленіе новыхъ формъ вслѣдствіе измѣненія организмовъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, является вполне допустимой для объясненія эволюціи растительнаго міра.

Путемъ приспособленія, однако, не возникаетъ ничего абсолютно новаго, но только видоизмѣняется прежде уже существо-

вавшее, и чѣмъ большее время имѣютъ возможность выработаться индивидуальныя приспособленія, тѣмъ больше шансовъ имѣютъ они на сохраненіе при передачѣ ихъ потомству.

Но передача потомству предполагаетъ, чтобы измѣненіе каго-либо органа было передано и воспроизводительнымъ клѣткамъ. Для низшихъ организмовъ, особенно же для одноклѣтныхъ, эта задача не представляетъ особыхъ затрудненій. У нихъ всякая клѣтка можетъ служить для воспроизведенія. Для высшихъ же организмовъ съ обособленными воспроизводительными клѣтками такая передача еще очень загадочна и непонятна. Мы можемъ приблизиться къ ея пониманію лишь путемъ аналогіи. Рядъ такъ называемыхъ соотносительныхъ явленій показываетъ массу примѣровъ, правда, столь же загадочныхъ, но все же существующихъ. Сущность этихъ явленій состоитъ въ томъ, что органы, морфологически не связанные другъ съ другомъ, являются связанными фізіологически, и измѣненіе одного изъ нихъ ведетъ къ измѣненію другого. Такъ, измѣненіе кроны деревьевъ отражается на ихъ корневой системѣ, недоразвитіе цвѣтковъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ развитіе придаточныхъ почекъ на различныхъ, часто весьма удаленныхъ отъ цвѣтковъ частяхъ растений. Исходя изъ этихъ фактовъ, можно допустить, что измѣненіе соматическихъ клѣтокъ ведетъ за собой также измѣненіе и органовъ воспроизведенія, а слѣдовательно отражается на потомствѣ.

Выше мы рѣзко раздѣлили ту совокупность признаковъ, которыми отличаются организмы другъ отъ друга, на признаки приспособленія и организаціи. Такое рѣзкое разграниченіе врядъ ли существуетъ въ дѣйствительности и принимается въ настоящее время для болѣе удобнаго изученія особенностей организмовъ. Врядъ ли мы сдѣлаемъ грубую теоретическую ошибку, выводя организаціонные признаки изъ признаковъ приспособляемости. Въ настоящее время, правда, это только вѣроятное допущеніе; но возможно, что многія функціональныя приспособленія вслѣдствіе продолжительности вліянія вѣшнихъ условій закрѣпились наследственно и превратились въ организаціонные признаки. Примѣръ аспорогенной расы дрожжей, выведенной Ганзеномъ, можетъ служить извѣстнымъ доказательствомъ этого предположенія.

Мы потому съ такою подробностью остановились на разборѣ доводовъ, говорящихъ въ пользу ламаркизма, что въ настоящее время этотъ взглядъ раздѣляется многими самыми выдающимися ботаниками, которые или вполнѣ причисляютъ себя къ неоламар-

кистамъ или принимаютъ ламаркизмъ, какъ одно изъ вполне возможныхъ допущеній. Однако объ вышепоставленныя посылки ламаркизма—измѣнчивость подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и унаслѣдованіе благопріобрѣтенныхъ признаковъ, далеко не въ одинаковой степени неуязвимы. Несомнѣнно, что организмы измѣняются подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, но врядъ ли возможно вполне строго доказать, что эти измѣненія закрѣпляются наслѣдственностью. Прежде всего всѣ наблюденія надъ такимъ унаслѣдованіемъ благопріобрѣтенныхъ признаковъ велись сравнительно очень короткое время. Вопросъ остается открытымъ, какъ бы повело себя растеніе, если бы наблюденія продолжались болѣе долгое время. Такъ, Садебеку удалось же, правда въ 6-мъ поколѣніи, превратить такъ называемыя серпентинныя формы папоротниковъ въ обыкновенныя, несмотря на то, что эти растенія съ незапамятныхъ временъ обитали на почвѣ, богатой серпентиномъ, и новыя особенности могли бы имѣть полную возможность удержаться навсегда. Опыты Клебса показали, что можно очень долгое, почти безграничное время культивировать при извѣстныхъ условіяхъ самыя разнообразныя организмы въ одномъ и томъ же, напр., вегетативномъ состояніи. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что эти формы потеряли способность къ воспроизведенію. Стоитъ только перемѣнить въ извѣстномъ направленіи условія культуры, и организмы тотчасъ же начнутъ проявлять свои, до той поры скрытыя, особенности. Быть можетъ, большинство примѣровъ унаслѣдованія благопріобрѣтенныхъ свойствъ можно объяснить, исходя изъ туманнаго, но несомнѣнно доказаннаго фізіологическаго принципа, явленій *постдѣйствія*, которое рѣзко сказывается въ ближайшихъ поколѣніяхъ и постепенно слабѣетъ по мѣрѣ удаленія отъ воздѣйствовавшаго фактора. Такимъ образомъ, доказательность второй посылки ламаркизма является сильно поколебленной, и если существуютъ нѣкоторыя, какъ будто несомнѣнные случаи передачи унаслѣдованныхъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій признаковъ, то и они должны быть какъ можно болѣе обстоятельно изучены.

Сопоставляя теперь все вышесказанное, мы видимъ, что происхожденіе новыхъ формъ въ растительномъ царствѣ едва ли можетъ быть объяснено дѣйствіемъ одного фактора или быть охвачено одной теоріей. Односторонній дарвинизмъ, какъ и односторонній ламаркизмъ или увлеченіе взглядами Кернера не въ силахъ объяснить всѣ стороны такого сложнаго явленія, какъ образованіе новыхъ формъ у растеній. Каждая изъ теорій имѣетъ свои несомнѣныя преимущества, выдвигая то ту, то другую сторону явленія,

оставленнаго безъ особаго вниманія предшествовавшими теоріями. Если мы видѣли, что большинство наиболѣе вѣроятныхъ теорій расходятся съ основными принципами дарвинизма, то все же нельзя назвать ихъ антидарвинистическими. Не нужно забывать, что дарвинизмъ слагается изъ двухъ факторовъ, какъ это уже было указано въ началѣ статьи,—изъ констатированія измѣняемости видовъ и общности ихъ происхожденія и изъ объясненія причинъ измѣняемости, ведущей къ образованію новыхъ формъ. Современныя эволюціонныя теоріи оспариваютъ только вторую половину дарвинизма, всецѣло примыкая къ первой. Онѣ всѣ идутъ по пути, намѣченному Дарвиномъ, расширяя и раздвигая его взгляды, и не даромъ де-Фризъ, мутаціонная теорія котораго наиболѣе другихъ уклоняется отъ взглядовъ Дарвина на происхожденіе видовъ, считаетъ себя послѣдователемъ и продолжателемъ Дарвина. И какія бы ни появлялись теоріи, такъ или иначе объясняющія органическую эволюцію, всегда нужно помнить, что всѣ онѣ идутъ отъ Дарвина, который долженъ быть названъ великимъ и безсмертнымъ основателемъ эволюціонной теоріи.

В. Арнольд.

Шекспиръ и Литература эпохи Возрожденія.

(Посвящ. Марья Ильиничн Щелкачевой.)

Произведенія Шекспира изучаются въ настоящее время съ особой тщательностью. Нѣтъ драмы, о которой бы не было по нѣскольку монографій, нѣтъ героя драмы, о характерѣ котораго не высказывалось бы по нѣскольку самыхъ разнообразныхъ сужденій. Безъ преувеличенія можно сказать, что высказать что-нибудь новое о художественныхъ достоинствахъ или недостаткахъ любой пьесы Шекспира—дѣло необычайно трудное. Гораздо меньше изучено идейное содержаніе произведеній Шекспира, въ особенности генезисъ его идей и воззрѣній. Здѣсь многое не вполне выяснено, многое едва затронуто. Къ числу этихъ пробѣловъ принадлежитъ отношеніе идей Шекспира къ міросозерцанію многознаменательной эпохи, въ которую ему довелось жить и дѣйствовать. Сочту себя счастливымъ, если мнѣ удастся подобрать по этому вопросу нѣсколько колосковъ на шекспировой нивѣ, позабытыхъ другими критиками, и бросить лучъ свѣта на нравственный обликъ великаго поэта.—Эпоху Возрожденія справедливо называютъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи европейской мысли, потому что ею вносится въ жизнь новое культурное начало, свѣтское, античное, шедшее въ разрѣзъ съ содержаніемъ прежняго односторонне-религіознаго міросозерцанія. Шекспиру пришлось жить въ концѣ этой эпохи, когда это начало уже вошло въ плоть и кровь общества и успѣло выработать новые взгляды въ области религіи, нравственности и политики, которые измѣнили собой умственную фязіономію европейскаго человѣка. Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ умственныхъ вкладовъ, внесенныхъ гуманистами въ сокровищницу европейской культуры, былъ ихъ оригинальный взглядъ на религію, въ которой они видѣли не извѣстную сумму догма-

товъ и обрядовъ, но извѣстную систему нравственныхъ предписаній, объединенныхъ верховною заповѣдью любви къ ближнему; вслѣдствіе этого они придавали мало значенія догматической и обрядовой сторонѣ христіанства, а догматическія различія между его сектами считали несущественными и потому не стоящими борьбы. «Спорить о разницѣ между закономъ и благодатью, отпущеніемъ грѣховъ по милости Божіей или за добрыя дѣла, — говоритъ одинъ теологъ-гуманистъ XVI вѣка Шатильонъ, — все равно, что спорить о томъ, пріѣхалъ ли какой-нибудь государь верхомъ или въ экипажѣ, одѣтый въ красное или бѣлое?» Такихъ же взглядовъ держалось большинство гуманистовъ, и ихъ усвоилъ себѣ хорошо начитанный въ литературѣ гуманизма Шекспиръ ¹⁾, и этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что ученые до сихъ поръ спорятъ о томъ, былъ ли онъ католикъ или протестантъ. Если бы Шекспиръ придавалъ большое значеніе догматическимъ различіямъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, онъ далъ бы намъ понять, къ какому вѣроисповѣданію онъ самъ принадлежалъ. Смотри съ такой возвышенной точки зрѣнія на религію, чуждые всякаго догматическаго озлобленія, гуманисты естественнымъ образомъ должны были придти къ принципу религіозной терпимости, тѣмъ болѣе что онъ вытекалъ изъ самой сущности христіанскаго ученія. «Преслѣдовать за разницу воззрѣній въ теологическихъ вопросахъ, — говоритъ Шатильонъ, — не только глупо, но и жестоко. Если цѣль христіанства распространеніе духа любви, то преслѣдованіе есть его прямая противоположность». Въ пользу безусловной терпимости высказались также два знаменитыхъ гуманиста: англійскій Томасъ Моръ и его другъ, глава европейскаго гуманизма, Эразмъ Роттердамскій. Первый въ своей Утопіи произноситъ сильную діатрибу противъ религіозныхъ преслѣдованій: «Можно ли, — вопрошаетъ онъ, — выдумать большую глупость, какъ насиліе для внушенія вѣры? Кто знаетъ, что разнообразіе культовъ не входило въ планъ самого Бога?» Второй въ своихъ *Adagia* задается вопросомъ: кого считать еретикомъ? «Обыкновенно еретикомъ, — говоритъ онъ, — считаютъ того, кто въ своихъ мнѣніяхъ отступаетъ отъ предписаній теологовъ, и не считаютъ еретикомъ того, кто въ противность духу Христа вооружаетъ проповѣдниковъ религіи не словомъ, а мечомъ». Ту же мысль, навѣянную по всей вѣроятности Эразмомъ, высказываетъ въ одномъ мѣстѣ и Шекспиръ. Въ отвѣтъ на угрозы короля сечь ее, мужественная Паулина говоритъ: «Пускай! Еретикъ тотъ, кто

¹⁾ См. поразительное по своей рѣзкой откровенности мѣсто въ пьесѣ „Троилъ и Крессидя“: Кто считаетъ обрядъ выше Бога, тотъ безбожникъ (Актъ II, Сцена 2).

зажигаетъ костеръ, а не тотъ, кто горитъ!» («Зимняя Сказка», Актъ II, сцена 3-я). Не придавая большого значенія догматической и обрядовой сторонѣ христіанства, гуманисты высоко цѣнили тотъ духъ гуманности и милосердія, который вѣетъ изъ каждой строки Евангелія. «Цѣль всякой религіи,—училъ Шатильонъ,—сдѣлать человѣка совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи». Раблѣ исповѣдовалъ всѣмъ сердцемъ вѣру, составленную изъ милосердія (*foi formée de charité*), о которой говоритъ Гаргантюа¹⁾. На краеугольномъ камнѣ милосердія строятъ гуманисты свою этику. Съ точки зрѣнія этой новой свѣтской этики Эразмъ Роттердамскій строго осуждаетъ средневѣковую нравственность, предписывавшую людямъ посты, пожертвованія на церковь и всякаго рода аскетическіе подвиги. Онъ задаетъ себѣ вопросъ, не виновны ли въ тяжкомъ грѣхѣ тѣ, которые бросаютъ безумныя деньги на постройку монастырей и храмовъ, тогда какъ ихъ ближніе, эти живые храмы Святаго Духа, умираютъ съ голоду. Идя по слѣдамъ гуманистовъ, и Шекспиръ тоже кладетъ въ основу своей этики верховный законъ милосердія, который онъ называетъ атрибутомъ самого Божества («Венеціанскій Купецъ», Актъ IV, Сцена I-ая). «Божественный законъ,—говоритъ онъ—весь основанъ на милосердіи». («Безплодныя усилія любви», Актъ IV, Сцена 3). Особенно характерно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ драмѣ «Мѣра за Мѣру»: «Ни одна изъ отличительныхъ принадлежностей великихъ міра сего—ни вѣнецъ царя, ни мечъ его намѣстника, ни жезлъ полководца, ни тога судьи—не украшаетъ ихъ и вполнину такъ, какъ украшаетъ милосердіе». Одну изъ оригинальныхъ и симпатичныхъ чертъ міросозерцанія эпохи Возрожденія составляетъ глубокая вѣра въ прирожденное достоинство человѣка, признаніе за нимъ, какъ за человѣкомъ, неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ. Средневѣковые моралисты изображали человѣка существомъ несчастнымъ, игрищемъ страстей и при несоблюденіи нѣкоторыхъ обрядовъ вѣрнѣйшей добычей дьявола. Въ XV вѣкѣ подъ влияніемъ изученія произведеній античныхъ писателей, гдѣ господствуетъ культъ красоты, нравственной силы и человѣческаго достоинства, взглядъ этотъ радикально мѣняется. Нигдѣ это новое, болѣе отрадное воззрѣніе на человѣческую природу, не выражено съ такой силой и опредѣленностью, какъ въ рѣчи итальянскаго гуманиста Пико де ля Мирандола *О достоинствѣ человека* (*De hominis Dignitate*). Рѣчь эта еще интересна тѣмъ, что въ ней средневѣковыя воззрѣнія на

¹⁾ О Гаргантюа Шекспиръ упоминаетъ въ комедіи „Какъ Вамъ Угодно“ Актъ III Сцена 2-я.

вселенную самымъ причудливымъ образомъ сливаются съ свойственными гуманизму гордыми мечтами о достоинствахъ человѣческой природы. Пико отправляется отъ средневѣковаго взгляда, что земля есть центръ міра, вокругъ котораго вращаются солнце и другія планеты. Человѣкъ же есть центръ земли и связь всего мірозда-нія. «Въ школахъ учать, что человѣкъ есть малый міръ, въ кото-ромъ мы различаемъ тѣло, созданное изъ земныхъ элементовъ, и бессмертный духъ. Поэтому въ человѣкѣ мы находимъ и прозяба-ніе растений, и чувственную жизнь животныхъ, и разумъ ангеловъ, и подобіе Бога на землѣ. Богъ создалъ человѣка въ концѣ тво-ренія, чтобы онъ могъ познавать законы вселенной, удивляться ея величію, восхищаться ея красотой». Зналъ ли Шекспиръ рѣчь Пико или нѣтъ—это въ сущности безразлично, ибо идеи, имъ высказан-ныя задолго до Шекспира, сдѣлались общимъ достояніемъ; но что Шекспиръ раздѣлялъ взглядъ Пико, это всего лучше видно изъ знаменитаго гимна человѣку, вложеннаго имъ въ уста Гамлета: «Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ умомъ, какъ безконечно разнообразенъ способностями, какъ изумительно изященъ и видомъ и движеніями, какъ подобенъ дѣяніями анге-ламъ, а разумомъ самому Богу! Краса міра, вѣнецъ творенія!»

При такомъ взглядѣ на человѣческую природу, при такомъ ува-женіи къ святости человѣческаго званія, національныя, сословныя и вообще всякія внѣшнія отличія между людьми должны были отступить на второй планъ, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что Шекспиръ въ «Венеціанскомъ Купцѣ», подавая въ этомъ отношеніи руку знаменитому нѣмецкому гуманисту Рейхлину, горячо всту-пается за человѣческія права евреевъ, которые считались тогда и къ стыду нашему до сихъ поръ считаются у насъ вопреки, вели-кимъ завѣтамъ Христа, паріями современнаго, общества (см. моно-логъ Шейлока, Актъ III, Сцена 1-я). Эволюція взглядовъ Шекспира на сословныя различія весьма любопытна. Первоначально, обласкан-ный аристократами, юный поэтъ держался на этотъ счетъ тради-ціонныхъ воззрѣній и, вѣроятно, искренно вѣрилъ въ кровь, въ природу, въ то, что людямъ, рожденнымъ въ высокой долѣ, свой-ственны болѣе возвышенныя идеи и чувства. Такими воззрѣніями проникнута его юношеская поэма *Лукреція*, посвященная его другу и покровителю лорду Соутамптону. Заклиная Тарквинія во имя его царственнаго происхожденія не поддаваться вихрю овладѣвшей имъ страсти, но стать выше ея, Лукреція высказываетъ такую мысль, что преступленіе, совершенное лицомъ царственнаго про-исхожденія, ставитъ его на одну доску съ существами низшаго раз-ряда. «Унижая свое достоинство, ты этимъ самымъ возвышаешь

ихъ низость, но низшія существа не должны затмевать собою высшихъ. Могучій кедръ не обвивается вокругъ мелкаго кустарника, но, наоборотъ, послѣдній увядаетъ у ногъ перваго. Чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, тѣмъ больше уваженія или отвращенія должно внушать его поведеніе!» Изъ этихъ словъ видно, что въ эпоху своей ранней молодости Шекспиръ еще не освободился отъ внѣшняго формальнаго взгляда на общественныя отношенія, что онъ придавалъ большое значеніе преимуществамъ рожденія. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, и возрѣнія его на этотъ вопросъ радикально мѣняются. Въ одной комедіи средняго періода *Все хорошо, что хорошо кончается* вопросъ этотъ ставится ребромъ и рѣшается въ смыслѣ совершенно противоположномъ. Основная тема пьесы— это старанія любящей дѣвушки невысокаго общественнаго положенія привлечь къ себѣ сердце гордаго своимъ происхожденіемъ аристократа. Представительницей высокихъ нравственныхъ качествъ является Елена, а представителемъ родословной гордости—отвергающій ее Бертрамъ, графъ Руссильонскій. Узнавши, что Бертрамъ отвергаетъ Елену главнымъ образомъ потому, что боится опозорить себя, женившись на дочери домашняго врача своей матери, король счелъ своимъ долгомъ прочесть ему сильное внушеніе, которое на тогдашнюю зараженную аристократическими предразсудками публику должно было произвести потрясающее впечатлѣніе:

Въ ней званіе ты только презираешь,
Его могу поднять я. Странно мнѣ,
Что кровь людей различныхъ, если вмѣстѣ
Ее смѣшать, одна передъ другой
Не разнится ни теплотой, ни вѣсомъ,
Ни краскою, а между тѣмъ она
Огромнѣйшихъ исполнена отличій:
Коль дѣвушкѣ, стоящей здѣсь, даны
Всѣ лучшія достоинства и ея
Ты брезгаешь затѣмъ лишь, что она
Дочь бѣднаго врача, то ради званья
Ты брезгаешь прекраснѣйшей душой.
Но этого, Бертрамъ, не нужно дѣлать:
Когда изъ темнаго источника идутъ
Прекрасныя дѣла, то и ему даютъ
Они собою блескъ; когда жъ величемъ рода
Раздуты мы, но въ насъ черства и зла природа,—
Водянкой одержимъ нашъ внѣшній блескъ тогда.
Что истинно добро, безъ имени всегда
Останется добромъ, что зло, то остается
Зломъ и безъ имени: цѣна вещамъ дается
Не ихъ названьемъ, а сущностью.

Переводъ Вейнберга.

Рѣзкій контрастъ между средними вѣками и эпохой Возрожденія ни въ чемъ не выражается такъ ярко, какъ въ общихъ взглядахъ на мѣръ и задачу человѣческаго существованія. Средневѣковымъ моралистамъ земля казалась юдолью скорби, а человѣкъ—жалкимъ, обреченнымъ на страданія, существомъ. «Нѣтъ счастья въ этомъ мѣрѣ,—училъ знаменитый средневѣковый мистикъ св. Бонавентура;—жизнь—вѣчное искушеніе, и единственное средство спастись отъ этого искушенія—удалиться въ монастырь». Ту же мысль развиваетъ гораздо подробнѣе папа Иннокентій III въ своемъ сочиненіи о бѣдствіяхъ человѣческаго существованія (*De Miseriis Conditionis humanae*). «Земля,—говоритъ онъ,—тюрьма, а не родина человѣка. Все здѣсь враждуетъ другъ съ другомъ—духъ и тѣло, дьяволь и добродѣтель, люди и животныя. Постоянна одна скорбь, и отовсюду близка одна смерть. Несчастье преслѣдуетъ человѣка повсюду до самой могилы, идетъ за нимъ въ адъ, въ чистилище, до самаго страшнаго суда». Вѣрные такому мрачному взгляду на жизнь, поставивъ идеалъ жизни не на землѣ, а на небѣ, средневѣковые моралисты предписывали людямъ подавленіе страстей и отвращеніе отъ суетныхъ удовольствій этого мѣра. Въ XV вѣкѣ эти мрачныя воззрѣнія на жизнь мало-по-малу измѣняются. По землѣ проносится словно свѣжее дуновеніе весны. Человѣчество просыпается; теологическая повязка спадаетъ съ его глазъ. Оно съ любопытствомъ смотритъ на мѣръ, который при свѣтѣ античной культуры кажется ему лучше и краше, чѣмъ казался прежде... Подъ влияніемъ этого новаго радостнаго чувства человѣчествомъ овладѣваетъ неизвѣстная прежде мучительная жажда счастья, знанія и свободы, и почти одновременно съ ней на почвѣ изученія античнаго мѣра вырабатывается новая мораль, новая жизненная теорія, лозунгомъ которой становится не подавленіе страстей, не бѣгство отъ жизни и ея наслажденій, а признаніе законныхъ правъ человѣческой природы. Проповѣдниками этой новой жизненной теоріи и являются гуманисты. «Человѣкъ безъ страстей—камень,—говоритъ Эразмъ Роттердамскій.—Всякая женщина убѣжитъ отъ него, какъ отъ привидѣнія». Не даромъ Рабле начерталъ на вратахъ своего фантастическаго телемскаго аббатства характерный девизъ: «Дѣлай, что хочешь!» Не даромъ итальянскій гуманистъ Лоренцо Медичи въ своихъ *Карнавальныхъ Пьесахъ* призываетъ людей къ наслаженію настоящимъ, ибо будущее не принадлежитъ имъ. Хотя въ эпоху Шекспира уже господствовалъ жизнерадостный взглядъ на жизнь, но пережитки средневѣковаго аскетизма сохранились въ этихъ пуританъ, которые считали музыку, поэзію и театръ суетнымъ и грѣховнымъ удовольствіемъ, изобрѣтеннымъ сатаной, чтобы

посредствомъ ихъ уловлять въ свои сѣти сердца людей. Отголосокъ борьбы этихъ двухъ противоположныхъ жизненныхъ теорій—аскетической и жизнерадостной—мы находимъ въ одной ранней комедіи Шекспира: *Безплодныя усилія любви* и не нужно быть особенно проникательнымъ, чтобы видѣть, на чью сторону склоняются симпатіи молодого автора. Интрига пьесы имѣетъ анекдотическій характеръ и состоитъ въ томъ, что капризному и тщеславному наваррскому королю взбрела на умъ нелѣпая аскетическая фантазія покинуть свою столицу и свой блестящій дворъ и удалиться въ сосѣдній лѣсъ, чтобы тамъ въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ вести отшельническую жизнь, поститься, не глядѣть на женщинъ и проводить все время въ занятіяхъ науками. Два придворныхъ кавалера Лонгвиль и Дюмень, потакая королю, дѣлаютъ видъ, что охотно соглашаются на его предложеніе и считаютъ его фантазію разумной и удобоисполнимой. Болѣе умный и искренній Биронъ тоже соглашается, хотя и не безъ протеста. Король беретъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе исполнять придуманный имъ уставъ; даетъ клятву, скрѣпя сердце, и Биронъ, хотя и предвидитъ, что ничего изъ этого выйти не можетъ.

Необходимость эта

Три тысячи разовъ и насъ въ три эти лѣта
 Понудитъ преступить нашъ клятвенный обѣтъ;
 Вѣдь каждый человѣкъ родился ужъ на свѣтъ
 Съ страстями, государь, и Божья благодать только
 Ихъ можетъ усмирить; насиліе жъ—нисколько.

Предсказанія Бирона оправдываются. Нелѣпой аскетической затѣй короля даетъ опроверженіе сама жизнь. Ко двору наваррскаго короля пріѣзжаетъ для дипломатическихъ переговоровъ французская принцесса въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ дамъ. Случилось то, что и должно было случиться. Король и его придворные влюбляются въ принцессу и сопровождающихъ ее прекрасныхъ и остроумныхъ фрейлингъ. Комизмъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ старается скрыть отъ другихъ свое клятвенное нарушеніе и удаляется въ лѣсъ, чтобы повѣрять природѣ свои любовныя жалобы. Биронъ сочиняетъ сонетъ въ честь Розалины, король—въ честь принцессы, Лонгвиль—въ честь Маріи, Дюмень—въ честь Катерины. Взобравшись на дерево, Биронъ слышитъ всѣ эти любовныя воркованія и обвиняетъ ихъ въ нарушеніи клятвы; когда же тѣ въ свою очередь уличаютъ въ томъ же его самого, онъ произноситъ восторженный гимнъ любви и женщинъ, такъ характерный въ устахъ человѣка эпохи Возрожденія:

Внимайте,
 Поборники любви! Вы поклялись
 Постъ соблюдать, учиться и отречься
 Отъ женщины, не такъ ли? Это все
 Открытая измѣна государству,
 Гдѣ молодость царить. Возможно ль вамъ
 Постъ соблюдать? Желудки ваши юны,
 А долгій постъ недуги за собой
 Всегда влечетъ. Вы поклялись учиться
 И клятвою такою отреклись
 Отъ истинной науки. Можно ль вѣчно
 Намъ размышлять, мечтать и созерцать?
 Возможно ли, чтобъ вы, мой повелитель,
 Иль ты, иль ты нашли благу ю суть
 Познанія, не видя предъ собою
 Красавицы? Доктрина эта мной
 Изъ женскихъ глазъ почерпнута; повѣрьте,
 Они—тотъ міръ, та книга. тотъ разсадникъ
 Познанія, откуда Прометей
 Извлекъ огонь.

Другія всѣ науки
 Лежать въ мозгу недвижно, скудной жатвой
 Награждены ихъ тяжкіе труды.
 Но та любовь, которой научаетъ
 Взглядъ женщины, не будетъ взаперти
 Лежать въ мозгу; о, нѣтъ, съ стихійной мощью,
 Стремительной какъ мысль, она бѣжитъ
 По всей душѣ и удвоюетъ силу
 Всѣхъ нашихъ силъ, крѣпя и возвышая
 Природу ихъ (Актъ IV, Сцена III, переводъ Вейнберга).

Освобождающее вліяніе духа возрожденной классической древности проявилось съ особой силой въ области доктринъ политическихъ, гдѣ воспѣтая Данте идея всемірной монархіи замѣнилась античной доктриной самодержавія народа. Доктрина эта вдохновляетъ собой грозныя филиппики Этьена де ля Бозси; она звучитъ гимномъ свободѣ въ устахъ шекспировскаго Кассія, ею проникнуты рѣчи проповѣдниковъ лиги и памфлеты протестантскихъ публицистовъ Готмана, Ланге и др. Какой переворотъ произвела эта доктрина въ политической этикѣ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Извѣстно, какъ жестоко Данте покаралъ Брута за измѣну идеѣ всемірной монархіи, помѣстивъ его въ послѣднемъ кругу ада и вложивъ его голову въ самую пасть Люцифера, — а три вѣка спустя Шекспиръ устами Антонія въ драмѣ *Юлій Цезарь* за то же преступленіе провозгласилъ Брута идеаломъ человѣка: «Жизнь его была такъ прекрасна, всѣ стихіи соединились въ немъ такъ дивно, что природа могла бы встать и сказать передъ цѣлымъ міромъ:

вотъ былъ человѣкъ!» Если эта похвала понятна въ устахъ римлянина, то нужно признаться, что она звучитъ крайне странно въ устахъ англичанина XVI вѣка, который въ своихъ историческихъ драмахъ является приверженцемъ монархіи и восторженнымъ панегиристомъ ея дѣяній. Я глубоко убѣжденъ, что въ эпоху созданія своихъ раннихъ драматическихъ хроникъ Шекспиръ не могъ бы даже понять республиканскій паѳосъ Брута и Кассія и стало бы не могъ идеализировать Брута¹⁾. Тогда его настольной книгой была хроника Голиншеда, откуда онъ заимствовалъ цѣлыя тирады въ пользу божественнаго права королевской власти (смотри рѣчь епископа Карлейльскаго въ «Ричардъ II», Актъ IV, Сцена I); тогда онъ идеализировалъ монархическую власть въ лицѣ своего любимца Генриха V-го, и это было вполне естественно, ибо за англійской монархіей числилось не мало историческихъ заслугъ: она твердо и горячо отстаивала самостоятельность Англій отъ посягательствъ папской власти, она служила оплотомъ протестантизма въ Европѣ, и наконецъ она же прикрывала авторитетомъ своей власти то искусство, которое составляло профессію Шекспира. Когда Шекспиръ нѣсколько лѣтъ спустя снова обратился къ исторической драмѣ и написалъ своего «Юлія Цезаря», настроеніе его было другое. Оно объясняется болѣе подробнымъ знакомствомъ съ государственными учреждениями Греціи и Рима и главнымъ образомъ вліяніемъ Плутарха. Извѣстно, какъ высоко цѣнились *Параллельныя жизнеописанія Плутарха* людьми эпохи возрожденія. Монтень называетъ ихъ своимъ тревникомъ. «Плутархъ—это моя совѣсть, писалъ Генрихъ IV французскій своей женѣ, — онъ подсказываетъ мнѣ великія рѣшенія, онъ удерживаетъ меня отъ дурного». Никто лучше Бѣлинскаго не выразилъ того высокаго нравственнаго подъема, который производитъ чтеніе Плутарха: «Книга эта,—писалъ Бѣлинскій Боткину, — свела меня съ ума. Изъ всѣхъ героевъ древности три привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ: Тимолеонъ и Гракхи. А что же Цезарь? спросишь ты. Увы, мой другъ! Я весь теперь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Во мнѣ развилась какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Оттого въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала какъ въ океанѣ». Если такое впе-

¹⁾ Въ *Генрихъ VI* онъ называетъ Брута однимъ изъ тѣхъ бездѣльниковъ, отъ руки которыхъ часто погибали великіе люди (Часть II, Ст. I). Деліусъ думаетъ, что въ эпоху созданія *Генриха VI* Шекспиръ еще не читалъ Плутарха въ переводѣ Норта.

чатлѣннѣе произвелъ Плутархъ на человѣка XIX вѣка, то легко себѣ представить, какой переворотъ онъ могъ произвести въ чуткой душѣ человѣка XVI вѣка. Словно слѣпородженный и сразу прозрѣвшій, взглянулъ Шекспиръ на окружающій міръ; его душу властно охватило чувство свободы, человѣческаго достоинства и нравственной доблести. Этимъ чувствомъ руководился поэтъ въ выборѣ героя своей трагедіи, которымъ онъ вопреки заглавію пьесы сдѣлалъ Брута. Ни къ одному изъ своихъ источниковъ не относился Шекспиръ съ такимъ уваженіемъ, какъ къ Плутарху. Онъ заимствовалъ отсюда не только внѣшніе факты, но и освѣщеніе этихъ фактовъ; онъ усвоилъ себѣ не только пламенную любовь къ свободѣ, но и не менѣе пламенную ненависть къ тираніи; слѣдуя античнымъ воззрѣніямъ, онъ теперь смотрѣлъ на тираноубійство, какъ на патріотическій подвигъ, достойный удивленія и подражанія. Хотя Шекспиръ не могъ наперекоръ исторіи изобразить торжество республиканской партіи въ Римѣ, хотя онъ и даетъ намъ понять, что въ римскомъ народѣ умерла старинная любовь къ свободѣ, что онъ вполне созрѣлъ для цезаризма, тѣмъ не менѣе вся пьеса невольно наводитъ на мысль, что симпатіи автора на сторонѣ защитниковъ народныхъ правъ. Если бы это было иначе, онъ не окружилъ бы такимъ идеальнымъ ореоломъ личность Брута и не надѣлилъ бы Цезаря такими несимпатичными чертами, какъ самообожаніе, хвастовство, рисовка и т. д. Весьма возможно, что навѣянные Плутархомъ республиканскія симпатіи нашли себѣ опору въ капризномъ деспотизмѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы, вызвавшемъ возстаніе Эссекса; но разсмотрѣніе этого вопроса лежитъ за предѣлами нашей задачи.

Я далеко не исчерпалъ темы, поставленной въ заглавіи моей статьи, но и приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что, чѣмъ тщательнѣе будутъ изучаться произведенія Шекспира, тѣмъ больше найдется въ нихъ точекъ сопряженія съ идеями передовыхъ мыслителей эпохи Возрожденія. Есть цѣлая группа ученыхъ, которые главнымъ образомъ на основаніи того, что драмы Шекспира полны глубокихъ, далеко озаряющихъ идей, приписываютъ ихъ великому основателю реальной философіи Бэкону, въ произведеніяхъ котораго нерѣдко встрѣчаются подобныя же идеи¹⁾. Если бы панегиристы Бэкона и богохульцы Шекспира дали себѣ трудъ познакомиться съ сочиненіями передовыхъ мыслителей эпохи Возрожденія, то въ нихъ они нашли бы общій источникъ, изъ котораго обильно черпали какъ Шекспиръ,

¹⁾ См. въ *Опытѣхъ изученія Шекспира* статью *Модная литературная ересь*.

такъ и его великій современникъ. Сравнивая Шекспира съ Кальдерономъ, Гете находилъ громадное преимущество перваго въ томъ, что онъ въ качествѣ протестанта смотрѣлъ свободнымъ, чуждымъ догматическаго озлобленія, взглядомъ на жизнь и людей. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться безъ нѣкоторой оговорки. Дѣйствительно, протестантизмъ и принципиально, и въ первомъ фазисѣ своего развитія могъ внушать своимъ послѣдователямъ бѣольшую свободу духа, чѣмъ исполненный нетерпимости католицизмъ; но стоило ему выработаться въ церковь; и онъ не замедлилъ сдѣлаться столь же нетерпимымъ, какъ и его противникъ. Достаточно вспомнить, что Лютеръ не задумался раздавить Карльштадта, который въ дѣлѣ реформы сдѣлалъ шагъ дальше его, что Кальвинъ не поколебался сжечь Мишеля Серве за его еретическія мнѣнія и что эта казнь была одобрена главными представителями протестантскаго богословія, между прочимъ кроткимъ Меланхтономъ. Мы старались доказать, что если Шекспиръ сумѣлъ себѣ выработать свободный и непредубѣжденный взглядъ на жизнь, то онъ этимъ обязанъ не своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, но тому, что онъ стоялъ внѣ теологической сферы мысли и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ тѣхъ свѣтлыхъ идей и чаяній, которыя вдохновляли собой передовыхъ людей эпохи Возрожденія.

Н. Стороженко.

Очерки по сравнительной исторіи литературы.

Романъ Дидоны и Энея въ „Энеидѣ“ Вергилія и его римскіе подражатели.

Въ разработкѣ исторіи античной литературы за послѣднее время замѣчается большое оживленіе. Въ этой области уже сдѣлано много плодотворныхъ попытокъ углубить какъ частные методы изслѣдованія, такъ и его общую историческую перспективу.

На ряду съ возрастающимъ усиленіемъ интереса къ проблемамъ методологии изученія историко-литературныхъ явленій у современныхъ филологовъ все болѣе и болѣе развивается интересъ и къ судьбамъ античной литературы въ послѣдующія времена.

Въ этомъ отношеніи очень поучительна извѣстная работа *Эрвина Роде* о происхожденіи греческаго романа (Erwin Rohde: Der griechische Roman u. seine Vorläufer. Leipzig, 1877, 2-е посмертное изданіе 1900 г.).

И по своимъ задачамъ, и по своимъ методамъ и результатамъ эта работа на долгое время останется образцомъ для историковъ не только античной, но и всеобщей литературы.

Схема этого канитальнаго труда въ общихъ чертахъ такова. Въ византійскую эпоху, въ это захудалое время, время скудное литературными дарованіями, нарождается новый литературный родъ — романъ, которому суждено сыграть важную роль въ исторіи новѣйшей литературы. Откуда же появилось это чудо? И вотъ Роде, путемъ очень сложныхъ и ученыхъ изслѣдованій, показалъ, что этотъ новый литературный родъ былъ синтезомъ чуть ли не всей предшествующей литературы. Основнымъ зерномъ послужила лирическая поэзія, именно эротическая элегія, которая въ свою очередь и по стиху и по формѣ въ широкомъ смыслѣ слова (разумѣя подъ этимъ языкъ, поэтическіе образы и т. д.) примыкаетъ къ Гомеровскому эпосу. Рядомъ съ эротической элегіей и въ сильной зависи-

мости отъ нея возникаютъ далѣе ἐπιλλια (нѣчто въ родѣ новеллы)—небольшіе эпическіе рассказы съ лирическимъ оттѣнкомъ. Эротическія темы трактуются затѣмъ въ трагедіи, особенно Эврипидовской, а эта трагедія оказала огромное вліяніе на развитіе остальныхъ родовъ эротической поэзіи. Историки, антиквары, географы (періегеты) также сообщили въ своихъ сочиненіяхъ массу романическихъ исторій и приключеній, какъ греческихъ, такъ и чужеземныхъ, особенно восточныхъ. Равнымъ образомъ вопросомъ о любви и о романическихъ приключеніяхъ много занимались философы и софисты, трактаты которыхъ также не остались безъ вліянія на эротическую литературу. Далѣе, на помощь этой литературѣ приходитъ александрійская филологія съ ея стремленіемъ систематизировать результаты всей предшествовавшей литературы, особенно поэзіи и миеологии. Въ частности въ эту эпоху были сведены въ группы всѣ міеы сходные по сюжету, при чемъ александрійцы съ особеннымъ интересомъ систематизировали міеы именно съ романическимъ содержаніемъ. Они пошли еще далѣе, пристегивая романическую подкладку ко многимъ такимъ міеамъ, которые ея первоначально не имѣли. Впослѣдствіи, во времена римской имперіи, романическіе сюжеты всевозможныхъ родовъ литературы приобретаютъ особую популярность при посредствѣ школъ, главнымъ основаніемъ которыхъ было литературно-юридическое образованіе, и т. д.

Такимъ образомъ, различные роды литературы, переплетаясь другъ съ другомъ, въ концѣ-концовъ, при указанныхъ историческихъ условіяхъ, привели къ новому роду—именно роману. Вотъ постановка работы Роде. Это синтезъ почти всей античной литературы вплоть до среднихъ вѣковъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ попытка разрѣшить принципиально вопросъ объ исторіи развитія отдѣльныхъ родовъ литературы, объ ихъ соприкосновеніи другъ съ другомъ и объ ихъ взаимодѣйствіи.

Такова одна изъ крупнѣйшихъ общихъ работъ по античной литературѣ; но и частныя работы заняты въ настоящее время задачами, имѣющими принципиальное значеніе.

Напр., въ наиболѣе видныхъ сочиненіяхъ по исторіи римской литературы, въ родѣ замѣчательнаго труда Риббека, *Geschichte der römischen Dichtung* (3 тома), отдѣльные авторы уже не рассматриваются лишь сами по себѣ, но въ связи съ эпохой, въ связи съ характеристикой того литературнаго направленія, котораго они держатся ¹⁾.

¹⁾ Читателямъ нижеслѣдующихъ очерковъ было бы интересно познакомиться въ указанномъ сочиненіи Риббека (II, стр. 177) съ превосходной общей характеристикой элегическихъ мотивовъ, предшествующей специальнымъ главамъ объ элегикахъ Табуллѣ и Проперціи.

Мы встрѣчаемъ далѣе работы, полезныя столько же для античной, сколько для всеобщей литературы,—такова, напр., книга *Reinhardtstötner's* *Plautus* (*Spätere Bearbeitungen plautinischer Lustspiele*. Leipzig, 1886). Даже докторскія диссертациі въ Германіи нерѣдко посвящаются за послѣднее время не техническимъ подробностямъ извѣстнаго произведенія какого-либо автора, но исторіи литературныхъ сюжетовъ и мотивовъ за большой промежутокъ времени (ср. напр., небольшую, но очень хорошую латинскую диссертацию *Hoelzer's* о переходѣ эротическихъ сюжетовъ изъ аттической комедіи въ элегію (Magburg, 1899) и т. д.

Въ русской филологической литературѣ заслуживаетъ большого вниманія прекрасная статья проф. *Θ. Ф. Злинскаго*—«Цицеронъ въ исторіи европейской культуры» («Вѣстн. Евр.», февраль 1896 г. Ср. его же *Cicero im Wandel der Jahrhunderte*). Здѣсь очень мѣтко характеризуется вліяніе Цицерона на отцовъ западной церкви, далѣе на гуманистовъ эпохи возрожденія, интересны также страницы объ отношеніи къ Цицерону Лютера; очень подробно выяснено вліяніе Цицерона на дѣятелей «эпохи просвѣщенія», особенно на Вольтера; очень любопытны, наконецъ, и тѣ данныя, которыя касаются вліянія Цицерона на различныхъ представителей французской революціи.

Въ высшей степени интересна актовая рѣчь проф. *Θ. Е. Корша*, произнесенная въ московскомъ университетѣ 12 января 1899 г.: «Римская элегія и романтизмъ». Въ этомъ трудѣ общія и частныя, даже и очень мелкія явленія римской и отчасти греческой литературы разсмотрѣны съ высоты—ни болѣе ни менѣ какъ всемірной, не одной только европейской литературы, и притомъ въ связи съ общимъ вопросомъ о романтизмѣ и его отношеніи къ идеализму и мистицизму...

Вообще въ разработкѣ исторіи античныхъ литературъ все болѣе и болѣе обнаруживается широкое примѣненіе сравнительно-историческаго метода. Оно сводится приблизительно къ слѣдующему: 1) къ изученію однихъ и тѣхъ же сюжетовъ у писателей одного направленія и приблизительно одной эпохи; въ этомъ случаѣ выдѣленіе общаго матеріала позволить съ возможною точностью опредѣлить индивидуальныя черты отдѣльныхъ писателей указаннаго направленія; 2) къ разработкѣ исторіи однихъ и тѣхъ же сюжетовъ у писателей разныхъ эпохъ, народностей и направленій; здѣсь изслѣдованіе пойдетъ еще шире, такъ какъ видоизмѣненія сюжета дадутъ поводъ къ размышленіямъ о національности автора, о его личной индивидуальности, наконецъ объ отраженіи эпохи на его произведенія и т. д., и т. д.

Таковы идеи, которыми проникнуты предлагаемые вниманию читателя очерки изъ исторіи римской поэзіи. Задуманы они мною уже давно, и еще съ 1897 года ихъ содержаніе было предметомъ моихъ лекцій (въ московскомъ университетѣ, а затѣмъ на высшихъ женскихъ курсахъ).

Ближайшимъ поводомъ къ ихъ публикаціи послужило появленіе въ Германіи (въ 1903 г.) очень интереснаго, капитальнаго труда *Гейнце* по Вергилію (Richard Heinze: Virgils epische Technik. Leipzig, 1903).

Къ моему великому удовольствію, трудъ этотъ соприкасается съ моими этюдами отчасти по методамъ и основнымъ точкамъ зрѣнія, отчасти по отдѣльнымъ выводамъ и наблюденіямъ.

Изъ чтенія книги Гейнце мнѣ было пріятно убѣдиться также и въ томъ, что она не покрываетъ собою вполнѣ моихъ этюдовъ, такъ какъ мы нерѣдко оперируемъ надъ различнымъ матеріаломъ, а при однородности матеріала мы часто подходимъ къ его анализу съ различныхъ угловъ зрѣнія; наконецъ, для установленія оцѣнки Вергилія мнѣ приходилось обращать больше вниманія, чѣмъ Гейнце, на его подражателей.

Въ виду этого я и счелъ возможнымъ опубликовать мои очерки хотя бы въ качествѣ дополненія къ прекрасной работѣ нѣмецкаго изслѣдователя.

Уже во время обработки этихъ этюдовъ появилась въ «Вѣстникѣ Европы» (1903 г., октябрь) интересная статья профессора *Ө. Ф. Зѣлинскаго*—«Мотивъ разлуки» (Овидій, Шекспиръ, Пушкинъ). Къ сожалѣнію, не имѣю возможности остановиться на подробностяхъ этой статьи. Читатели замѣтятъ, что мы прежде всего вполнѣ солидарны въ общемъ взглядѣ на Вергилія, какъ послѣдователя классической трагедіи, и на Овидія, какъ послѣдователя ново-аттической комедіи и александрійской элегіи (ср. мои «Матеріалы для характеристики Овидія» Журн. Мин. Н. Пр., 1901, № 7). Что касается посланія Дидоны къ Энею (кстати сказать, очень хорошо переведеннаго *Ө. Ф. Зѣлинскимъ*), то въ его разборѣ мы, въ сущности, не противорѣчимъ другъ другу, но лишь другъ друга взаимно дополняемъ: профессоръ Зѣлинскій изучаетъ это посланіе преимущественно съ точки зрѣнія александрійской элегіи, а я— преимущественно съ точки зрѣнія риторики и ея вліянія на Овидія. Но вѣдь и та и другая точка зрѣнія при рациональномъ изученіи Овидія, вообще говоря, неизбѣжна...

I.

Эней и Дидона до встрѣчи другъ съ другомъ.

Обращаемся теперь къ анализу той части «Энеиды» Вергилія, которая посвящена роману Дидоны и Энея.

Завязка этого романа дана во второй половинѣ, точнѣе сказать, даже въ концѣ 1-ой пѣсни «Энеиды.»

Тѣмъ не менѣе мы считаемъ небезполезнымъ разобрать 1-ую пѣснь, въ общихъ чертахъ, съ самаго начала, такъ какъ этотъ разборъ своевременно введетъ насъ въ кругъ тѣхъ литературно-критическихъ вопросовъ, съ которыми мы будемъ неоднократно имѣть дѣло при детальномъ анализѣ романа.

Кромѣ того, этимъ путемъ мы познакомимся съ нашими героями еще до встрѣчи ихъ другъ съ другомъ.

Уже 1-ая пѣснь «Энеиды» даетъ ясное представленіе о разносторонности таланта Вергилія: здѣсь есть и лирика тихой грусти и покорности судьбѣ; есть и торжественная патетическая лирика страстнаго патріота-римлянина, охваченнаго благоговѣніемъ передъ величіемъ національной исторіи, и, кстати сказать, эта лирика искусно переходитъ въ тонкую похвалу Августу, водворившему миръ. Истиннымъ трагизмомъ вѣетъ отъ грандіознаго описанія бури, разметавшей Энеевы корабли; трагически звучитъ и характерный для всего произведенія призывъ къ состраданію и гуманности. Но здѣсь много и юмористическихъ чертъ, и притомъ очень тонкихъ. Очень интересны въ этомъ отношеніи боги: хитрая, очаровательная и, пожалуй, кокетливая мать и заступница Энея—Венера, далѣе—властная, сердитая и раздражительная Юнона, эта пожилая красавица, которая въ теченіе цѣлыхъ семнадцати лѣтъ не можетъ забыть оскорбленія со стороны троянца Париса, не умѣвшая оцѣнить ея красоту, и потому яростно и настойчиво преслѣдуетъ Энея и троянцевъ; великолѣпный и спокойно-величавый Юпитеръ, который держитъ нейтралитетъ; а также богъ моря Нептунъ, усмиряющій самовольно разбушевавшіеся вѣтры грознымъ классическимъ окрикомъ: *quos ego!*... Хорошъ и второстепенный богъ Эоль, съ его раболѣпствомъ передъ царственной Юноной. А главный герой поэмы Эней? Его роль трагикомична: у него нѣтъ свободы дѣйствій, такъ какъ онъ по рукамъ и по ногамъ связанъ капризной волей соперничающихъ и враждующихъ другъ съ другомъ божествъ.

Начнемъ теперь краткій обзоръ первой пѣсни ¹⁾.

¹⁾ Цитаты взяты, съ небольшими замѣненіями, изъ перевода г. Квашнина-Самарина.

Троянскій флотъ направляется изъ Сициліи въ обѣтованную землю—Италію. Это возмущаетъ Юнону:

Тотчасъ Юнона, всегдашнюю рану подъ сердцемъ лелѣя,
 Такъ говорить: „побѣжденная, брошу ль начатое дѣло,
 Тевкровъ не могли царя отвратить отъ земли Италійской?
 Или судьба не велить? Но могла вѣдь Паллада Аргивскій
 Флотъ истребить, а гребцовъ подъ морскою сокрыть глубиною,
 Ради безумствъ и вины одного Оилида Аянта.
 Я же, царицей боговъ нареченная, вѣчнаго Зевса
 Разомъ сестра и жена, я съ однимъ лишь народомъ такъ долго
 Войны веду; кто жъ почтетъ божество и отнынѣ
 Кто на мои алтари приношенья молящій возложить?“

Юнона спѣшитъ къ царю вѣтровъ, богу Эолу, и проситъ его выпустить вѣтры на троянскій флотъ и затопить его. Въ награду за это она обѣщаетъ соединить Эола бракомъ съ самой прекрасной изъ нимфъ.

Эоль, богъ второстепенный, польщенъ вниманіемъ со стороны царицы боговъ и ея симпатичнымъ предложеніемъ:

„О, царица, желаніе сердца
 Только изречь потрудись, а исполнить моя ужъ забота.
 Ты мнѣ и царствійце это, и скиптръ, и Юпитера милость
 Вѣчно даешь, на пиряхъ возлежать дозволяешь мнѣ божихъ.
 Вихрей и тучъ повелителемъ я чрезъ тебя лишь зовуся“ ¹⁾.

Далѣе идетъ великолѣпное описаніе бури, разметавшей троянскій флотъ. Волненіе доходитъ до самой глубины моря и обращаетъ на себя вниманіе могучаго царя морей, Нептуна:

¹⁾ Мимоходомъ отмѣтимъ, что адѣсь Вергилій подражаетъ Гомеру („Иліада XIV, 230—276), обнаруживая однако большую самостоятельность. Богъ сна у Гомера, соотвѣтствующій Вергиліеву Эолу,—совершенно кругой типъ. При всемъ уваженіи къ Герѣ, какъ къ царицѣ боговъ, онъ сперва наотрѣвъ отказывается исполнить ея просьбу—усыпить Зевса, хотя она предлагаетъ ему въ подарокъ дорогой тронъ работы Гефеста. Тогда она ловитъ его на слабомъ пунктѣ—его страстной любви къ харитѣ Паснеей, обѣщая выдать ее за него замужъ. Противъ этого влюбленный богъ не устоялъ, но зато потребовалъ съ Геры торжественной, страшной клятвы исполнить это обѣщаніе:

„Ты поклянись мнѣ сперва непреложною Стикса водою,
 Правой рукою коснись необъятной земли плодоносной,
 Лѣвой—зеркальнаго моря, и пусть намъ въ свидѣтели будутъ
 Всѣ похъ землею живущіе съ Кроносомъ вѣчные боги,
 Что необманно отдашь мнѣ хариту одну изъ юнѣйшихъ,
 Ту, по которой всегда я томился въ душѣ—Паснеею“.

Другими словами, у гомеровскаго бога на первомъ планѣ страстная влюбленность, а у Вергиліева—субординація.

Изъ глубины подводной выглянулъ вдругъ и надъ зыбью чело
безмятежное поднятъ:

Видитъ Энея суда, по всему разнесенныя морю,
Видитъ троянъ, и волной и небеснымъ обваломъ гнетомыхъ.
Тутъ не укрылись отъ брата и гнѣвъ, и коварство Юноны;
Эвра съ Зефиромъ немедленно кличетъ и такъ говоритъ имъ:
„Вашего племени дерзость настолько ли васъ обуяла?
Вы ужъ и небо, и землю, вѣтры, безъ моихъ повелѣній
Въ бурѣ дерзнули смѣшать и такія громады воздвигать.
Я васъ...“

Измученный Эней съ вѣрнымъ спутникомъ своимъ Ахатомъ и
небольшой группой людей пристаесть къ Ливіи и, между прочимъ,
для ободренія товарищей произноситъ слѣдующую рѣчь:

„Братья, и прежде вѣдь бѣды испытывать намъ приходилось;
О, перенесіе худшее, боги и это скончаютъ.
Вы и неистовство Сциллы и звонкія ¹⁾ моря пещеры
Зрѣли вблизи, вы и самыя скалы циклоповъ узнали.
Мужество вновь призовите и горестный ужасъ гоните:
Можетъ быть, нѣкогда сладко намъ будетъ и это припомнить.
Мы чрезъ различныя бѣды, чрезъ столько случайностей разныхъ
Въ Латіи стремимся теперъ, гдѣ жилища спокойныя рокомъ
Намъ суждены; въ этомъ краѣ воскреснуть дозволено Троѣ;
Твердо сносите судьбу и для счастья себя сберегите“.
Такъ говоритъ и великою мушимъ заботой, надежды
Видъ показываетъ, *мубокую въ сердцѣ тоску подавляя.*

Герой появляется здѣсь передъ нами въ истинно-трагическомъ
освѣщеніи; озабоченность и чувство измученности сопровождаютъ
его вплоть до встрѣчи съ Дидоной. Самая рѣчь его, представля-
ющая почти переводъ рѣчи Одиссея къ спутникамъ въ XII пѣсни
«Одиссеи» (ст. 208), въ этой атмосферѣ производитъ болѣе сильное
и, во всякомъ случаѣ, иное впечатлѣніе, чѣмъ рѣчь Одиссея: у
Гомера въ довольно спокойномъ изложеніи на первый планъ выдвигаетъ
полное самообладаніе героя въ противоположность его спут-
никамъ.

Отмѣчая эту явную оригинальность Вергилія даже въ тѣхъ
случаяхъ, когда онъ почти буквально копируетъ своихъ предше-
ственниковъ, прибавимъ, что рѣчь Одиссея имѣла и другихъ подра-
жателей среди римлянъ. Въ комментаріи Сервія къ 198 стиху 1-ой
пѣсни «Энеиды» мы находимъ указаніе (принадлежащее, вѣроятно,
не самому Сервію), что весь разобранный выше отрывокъ изъ «Эне-
иды» цѣликомъ взятъ Вергиліемъ изъ *Vellum Punicum* древнѣйшаго
поэта Невія. Но такое лаконичное замѣчаніе не даетъ повода къ

¹⁾ Собственно: „оглашаемая ударомъ волна“.

какимъ-либо опредѣленнымъ сужденіямъ о композиціи Невія, такъ какъ мы не знаемъ тона его произведенія.

Другое подражаніе принадлежитъ Горацию: это рѣчь Тевкра къ «грустнымъ» спутникамъ въ концѣ 7-ой оды 1-ой книги. Въ то время какъ Вергилій далъ всей сценѣ трагическую окраску, Гораций выдвинулъ на первый планъ моментъ юмористическій. Рѣчи Тевкра у него предшествуютъ слѣдующія соображенія: пусть другіе восхищаются какими угодно знаменитыми и прекрасными городами и мѣстностями; поэтъ выше всего цѣнитъ прелестный Тибуръ (Тиволи) съ его рощами, садами, водопадами и ключами. Находящемуся тамъ его другу Планку дается въ тонѣ эпикурейской мудрости совѣтъ умѣрять печаль и успокаиваться отъ жизненныхъ невзгодъ—виномъ! Совѣтъ подкрѣпляется ссылкой на миеологическій авторитетъ—на примѣръ Тевкра, который, будучи даже вынужденъ покинуть родной Саламинъ и отца (отецъ его, Теламонъ, проклялъ его за то, что онъ вернулся съ троянскаго похода безъ своего брата, знаменитаго Аякса, покончившаго съ собой), по преданію, «увѣнчалъ свои влажные отъ вина виски тополевымъ вѣнкомъ» и произнесъ ободрительную рѣчь къ товарищамъ, совѣтуя и имъ «виномъ прогнать заботы»!

Дѣйствіе переходитъ на небо. Мать Энея, Венера, горько жалуется Юпитеру на гоненія и страданія Энея.

Царь боговъ и людей «со взоромъ, съ какимъ небеса отъ тучъ и грозы очищаетъ», величаво и спокойно утѣшаетъ свою дочь, въ торжественныхъ стихахъ предсказывая грандіозную судьбу потомковъ Энея—римлянъ, владыкъ міра:

„Онымъ ни власти предѣловъ, ни времени я не назначилъ;
Царство имъ далъ безконечное: даже и эта Юнона,
Море и земли, и небо чтò нынѣ враждой утомляетъ,
Къ лучшимъ совѣтамъ потомъ перейдетъ и со мной возлелѣетъ
Римлянъ владыкъ надъ вселенной и племя, носящее тогу.
Такъ изволю“.

Это предсказаніе кончается апоеозомъ Юлія Цезаря, который послѣ смерти обратился въ божественное свѣтило, и похвалою Октавіану Августу— водворителю мира.

Затѣмъ Юпитеръ посылаетъ Меркурія къ пунійцамъ въ Картагенъ, чтобы смягчить ихъ сердца и расположить къ троянцамъ ихъ царицу.

Осматривая окрестности Картагена, Эней встрѣчается съ своею матерью Венерой (и, конечно, не узнаетъ ея) въ образѣ охотницы.

Венера, между прочимъ, рассказываетъ ему исторію возникновенія Каррагена и прошлую судьбу его основательницы, Дидоны, съ глубокой симпатіей къ несчастной смерти Сихея, нѣжно любимого Дидоной, и съ истиннымъ изумленіемъ передъ необыкновенно сильной женщиной, которая могла стать во главѣ грандіознаго предпріятія, сумѣла привлечь къ себѣ цѣлую партію противниковъ тиррана Пигмаліона и создать въ Ливіи великій городъ.

Лишь по исчезновеніи Венеры Эней догадался, что это была его мать. И его и Ахата Венера окутала непроницаемымъ туманомъ, чтобы имъ было и удобнѣе и безопаснѣе пройти сквозь толпы туземцевъ къ Дидонѣ (такъ сдѣлала и Афина съ Одиссеемъ въ странѣ феаковъ).

Эней и Ахатъ видятъ прежде всего энергичную работу тирійцевъ надъ постройкой города. Это вызываетъ у Энея грустную мысль о томъ, что самъ онъ до сихъ поръ скитается:

„О, вы счастливы, которыхъ встаютъ ужъ высокія стѣны“,
Молвить Эней и вершины палатъ созерцаетъ тоскливо.

Но вотъ они подходятъ къ воздвигаемому храму Юноны съ его знаменитыми стѣнными изображеніями самыхъ трогательныхъ моментовъ¹⁾ изъ троянской войны.

Это, по моему мнѣнію, очень замѣчательный эпизодъ, весьма важный и въ конструктивномъ, и въ психологическомъ отношеніи. Мы здѣсь знакомимся съ Дидоной еще до появленія ея на сцену и уже предчувствуемъ ту основу, на которой завяжется романъ между обоими героями. Съ другой стороны, это, можно сказать, до извѣстной степени краткій конспектъ и схема будущаго знаменитаго и патетическаго разсказа Энея о паденіи Трои (во 2-ой пѣснѣ):

Въ капищѣ этомъ впервые смягчился при зрѣлищѣ новомъ
Путниковъ страхъ, и впервые надежду Эней на спасенье
Тамъ получилъ и осмѣлился вѣрить мятежной судьбинѣ;
Зреть на стѣнахъ по порядку онъ всѣ Иліонскія битвы,—
Битвы, молвой ужъ давно по всему разнесенныя міру;
Видитъ Атрида. Приама, Ахилла, врага имъ обоемъ...
Сталь и съ плачемъ промолвилъ: „Ахатъ! да какое же мѣсто

¹⁾ Ср. то, что говоритъ теперь новый изслѣдователь Heinze: „bei Virgil vollends ist das Kunstwerk nicht als solches, sondern fast durchweg nur um des Inhalts der dargestellten Szenen wegen wichtig“ (391). „In I est wirklich der Eindruck erzielt, dass uns nicht sowohl Bildwerke beschrieben als die wechselnden Empfindungen des Aeneas erzählt werden“ (392). „Die Bilder in I sollen, wie sie dem Aeneas Thränen entlocken, so auch das Mitleid des Hörers erregen: darum wird auf den *schmerzlichsten Szenen* des Krieges verweilt, der weniger pathetische eigentliche Kampf nur kurz gestreift“ (393).

Въ цѣлой вселенной теперь не исполнено нашихъ несчастій?
 Видишь, Приамъ! Знать, и въ этомъ краю есть награда за доблесть,
 Слезы для жалостныхъ дѣлъ и сочувствіе горю людскому.
 Страхъ отложи: можетъ быть, черезъ эту молву мы спасемся".
 Такъ говорить и картиной обманчивой взоръ насыщаетъ,
 Стоя испуская и грудь орошая потокомъ обильнымъ.
 Видитъ Эней, какъ вокругъ пергамской ограды сражаясь,
 Здѣсь обращаются въ бѣгство Даная, преслѣдуютъ Тевкры...
 Съ края другого Троянъ, потерявши свой щитъ, убѣгаетъ,
 Отрокъ несчастный, неравный напору и силамъ Ахилла,
 Мчится, несомый конями, за повозку пустую зацѣплень,
 Вожжи однако держа; по землѣ и затылокъ, и кудри
 Быстро влекутся...
 Трижды вокругъ Иліонской стѣны тамъ Ахиллъ побѣдитель
 Гектора влекъ и затѣмъ продавалъ бездыханное тѣло.
 Тутъ-то великій онъ стонъ испустилъ изъ-подъ самаго сердца,
 Латы признавъ и повозку и самаго друга останки,
 Видя Приама, стремящаго къ сыну иссохшія руки.
 Могъ и себя онъ узнать посреди воеводъ Аргивійскихъ,
 Видѣлъ восточное войско и чернаго латы Мемнона...

Въ дальнѣйшей сценѣ Эней и Ахатъ, пока еще окутанные облакомъ, видятъ Дидону во всей ея царственной красотѣ и изумляются той энергіи, съ какой она руководитъ постройками, творить судъ и вообще хлопочетъ о будущемъ царствѣ. Сцена эта опять-таки важна, какъ матеріалъ для характеристики Дидоны до ея встрѣчи съ Энеемъ¹⁾.

Эней и Ахатъ, полагавшіе, что остальные ихъ товарищи погибли, съ изумленіемъ видятъ большую депутацію троянскихъ старѣйшинъ, направляющуюся къ Дидонѣ. Рѣчь главы этой депутаціи Иліонея полна величаваго достоинства. Въ ней сквозитъ нѣкоторый упрекъ своеволю и дикости пунійцевъ, ея главная тема — призывъ къ гуманности и состраданію; но самая просьба скромна: троянцы просятъ лишь о томъ, чтобы имъ позволили починить флотъ.

¹⁾ Точно такъ же смотреть на значеніе и на взаимную связь указанныхъ сценъ (начиная съ появленія Энею Венеры и кончая встрѣчей его съ Дидоной) и Heinze, стр. 118: „So ist alles geschehen, um der nun endlich folgenden persönlichen Begegnung bei Aeneas den günstigsten Boden zu bereiten. Das ist ein In-Szene-setzen, wie es mir in der antiken erzählenden Literatur sonst nicht bekannt ist“. Совершенно соглашались и съ дальнѣйшими соображеніями Heinze (тѣмъ болѣе, что по другимъ поводамъ и самъ я проводилъ таковыя же). Онъ остроумно указываетъ на то, что два мотива — рассказъ Венеры о Дидонѣ и изумленіе Энея передъ величіемъ строящагося Карфагена — навѣяны Гомеромъ: вѣдь у Гомера Аенна даетъ Одиссею свѣдѣнія о феакійской царицѣ Аретѣ, и, подобно Энею, Одиссей изумляется въ городѣ феакійцевъ гаванямъ, кораблямъ, площадямъ и стѣнамъ („Одиссея“, VII, 50; VIII, 43). Но оба эти мотива съ присоединеніемъ сцены передъ храмомъ получили у Вергилія болѣе глубокое значеніе и истинно-драматическій характеръ.

II.

Завязка романа.

Впрочемъ, окончаніе первой пѣсни удобнѣе соединить съ анализомъ *четвертой пѣсни*, а потому, вмѣсто изложенія послѣднихъ сценъ *первой пѣсни*, мы представимъ ихъ краткое резюме, съ выдѣленіемъ, именно, тѣхъ моментовъ, которые проливаютъ свѣтъ на главнѣйшія основы романа Дидоны и Энея.

Исторія любви Дидоны къ Энею заключаетъ въ себѣ много романтическаго.

Еще до появленія Энея на сцену Дидона какъ бы *предрасположена* влюбиться въ него. Главный моментъ любви — не столько физическая красота Энея (сама Дидона не сознается въ томъ, что она увлечена именно красотой троянскаго героя), сколько слава его рода и тѣ страданія и подвиги, которыми онъ прославился на весь свѣтъ.

Въ судьбѣ обоихъ героевъ есть нѣчто *общее*:

Эней лишился своего отечества, утратилъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ жену свою Креузу, давно скитается и все еще не находитъ себѣ убѣжища.

Много страдала и Дидона: ея братъ, Пигмаліонъ, коварно убилъ ея нѣжно любимаго мужа, Сихея; она должна бѣжать изъ Сидона, и только послѣ долгихъ усилій ей удается устроиться на мѣстѣ будущаго Кареагена; къ моменту пріѣзда Энея она уже основала большой городъ, но положеніе ея еще непрочно: она не свободна, во-первыхъ, отъ преслѣдованій со стороны ея брата, Пигмаліона, и, во-вторыхъ, ей приходится считаться и съ ея благодѣтелемъ гетулійскимъ царемъ Іарбой, который претендовалъ на ея руку, но получилъ отказъ.

Сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ и преклоненіе передъ великимъ и возвышеннымъ — главнѣйшія черты, которыми она характеризуется еще до встрѣчи съ троянскими послами и съ Энеемъ. Она украсила храмъ Юноны изображеніями наиболѣе трогательныхъ и трагическихъ эпизодовъ изъ троянской войны и этимъ отдала дань изумленія передъ войной, которая сдѣлалась извѣстна на весь свѣтъ (I, 456), и, къ великому умиленію Энея, доказала, что и «здѣсь умѣютъ цѣнить подвиги и плакать о несчастіи, и здѣсь человѣческая судьба трогаетъ человѣческое сердце» (I, 471). Уже ея первыя рѣчи къ троянскимъ посламъ и затѣмъ къ Энею поражаютъ, съ одной стороны, своею восторженностью, а съ другой — сердечностью. Въ отвѣтъ на очень скромную просьбу троянца позволить починить флотъ въ ея пристани она предлагаетъ имъ даже остаться въ Ливіи и распоряжаться ея городомъ, какъ своимъ; она сама обѣщаетъ послать надежныхъ людей на поиски запоздавашаго Энея и выражаетъ пламенное желаніе увидать его

самого. Появленіе Энея вызываетъ съ ея стороны, такъ сказать, взрывъ энтузіазма: «какъ! это тотъ знаменитый сынъ Венеры и Анхиза, представитель славнаго народа, который она съ давнихъ поръ привыкла высоко цѣнить?» И Дидона съ горячностью проситъ Энея и троянцевъ принять ея гостепріимство (I, 628):

„Сходная съ вашей судьба и меня, чрезъ многія бѣды
Долго водивъ, наконецъ въ сихъ краяхъ отдохнуть допустила.
Горе извѣдавъ сама, помогать злополучнымъ стараюсь“.

На пиру въ честь Энея и троянцевъ Дидона «медленно впивала въ себя любовь» (I, 749), спрашивая Энея о Пріамѣ, о Гекторѣ, Мемнонѣ, Ахиллѣ и вообще о тѣхъ герояхъ, судьба которыхъ увѣковѣчена на художественныхъ изображеніяхъ въ построенномъ ею храмѣ. Очарованная рассказчикомъ, она обращается къ нему съ характерной просьбой — вмѣсто отрывочныхъ рассказовъ объ отдѣльныхъ происшествіяхъ дать подробное описаніе, съ самаго начала, гибели Трои, а также и собственныхъ его приключеній.

Послѣ этого разсказа, обнимающаго 2-ю и 3-ю пѣсни «Энеиды» и состоящаго изъ патетическаго сопоставленія такихъ фактовъ, которые рисуютъ личность рассказчика въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, — послѣ этого разсказа Дидона уже безповоротно влюблена въ Энея. Въ бессонную ночь ей постоянно приходитъ на память многократно обнаруженная имъ доблесть (IV, 3), слава его рода; въ ея сердцѣ навсегда запечатлѣлись выраженіе его лица (vultus, на которомъ, конечно, живо отражались какъ глубоко-трагическіе, такъ и трогательные эпизоды его жизни) и его разсказъ (verbaque) о преслѣдованіяхъ со стороны судьбы и о страданіяхъ. Выслушавъ разсказъ Энея, Дидона вскорѣ убѣдилась въ томъ, что она влюбилась въ рассказчика. Она борется между страстью и долгомъ. Память о первомъ мужѣ такъ сильна въ ней, что она дала обѣтъ не выходить ни за кого замужъ и дѣйствительно отвергла исканія всѣхъ претендентовъ; только одинъ Эней могъ воскресить въ ней прежнюю страсть. Но выяснивъ себѣ, что эта новая любовь уже завладѣла ею, Дидона опять вспоминаетъ о своемъ обѣтѣ и въ пароксизмѣ страданія торжественно клянется лучше умереть, чѣмъ нарушить обѣтъ: «тотъ, кто первый сочетался со мной, унесъ съ собой мою любовь; пусть же онъ обладаетъ ею и хранитъ ее въ могилѣ» (IV, 28—29). Никакіе нервы не могутъ выдержать такой коллизіи, и Дидона заливадается слезами, «внезапно появившимися» (obortis), какъ прибавляетъ наблюдательный поэтъ.

Этотъ истинно трагическій монологъ еще болѣе выигрываетъ отъ сопоставленія его съ отвѣтомъ Анны, сестры Дидоны. Аннѣ чуждъ романтизмъ; кромѣ того, сама она ни въ кого не влюблена,

а потому она смотритъ на дѣло съ чисто практической точки зрѣнія. По ея мнѣнію все обстоитъ благополучно: не зачѣмъ проводить всю свою молодость въ тоскѣ, когда можно познать и дары Афродиты и имѣть дѣтей, усладу жизни. До ея новаго брака покойникамъ нѣтъ никакого дѣла¹⁾; что касается объѣта, то можно умилостивить боговъ и умолить ихъ разрѣшить отъ него. Правда, Дидона отвергла прежнихъ претендентовъ, но вѣдь они ей и не нравились,—зачѣмъ же отказываться отъ человѣка, который пришелся по сердцу? Кромѣ того, бракъ съ Энеемъ не есть *mésalliance*,—наоборотъ, это болѣе чѣмъ приличная партія, отъ которой вдобавокъ послѣдуютъ большія выгоды: нечего будетъ страшиться воинственныхъ сосѣдей и брата Пигмалиона; отъ слиянія двухъ народовъ и городъ и царство возрастутъ и покроются славой. Очевидно, что сами боги благопріятствуютъ этому браку, если они направили троянскій флотъ къ Ливіи. Остается только задержать гостя подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что и корабли его пока не починены, да и на морѣ еще продолжаются зимнія бури.

Вообще, душевное настроеніе Дидоны на всемъ протяженіи романа остается для Анны совершенно непонятнымъ. На ея глазахъ проходили тяжелыя мученія Дидоны во время отъѣзда Энея, но ей и въ голову не приходило, что они могутъ привести къ печальной развязкѣ; она склонна была думать, что послѣ отъѣзда Энея Дидона въ концѣ-концовъ успокоится, точно такъ же, какъ она успокоилась послѣ смерти Сихея.

Изъ деликатности и изъ чувства собственнаго достоинства Дидона не рѣшается объясниться Энею въ любви: «хочетъ высказаться, и вдругъ на полсловѣ опять умолкаетъ» (IV, 76). Что же она дѣлаетъ? То она водить Энея по городу, показываетъ ему всѣ богатства, даетъ понять, что городъ уже готовъ, намекая этимъ на то, что у Энея пока еще нѣтъ надежнаго пристанища; или же «на закатѣ дня она стремится устроить такой же пиръ и снова *требуется* *разказа о бѣдствіяхъ Трои* и снова не отрывается отъ лица рассказчика; затѣмъ, когда всѣ уже разойдутся, когда луна уже начнетъ темнѣть, а звѣзды приглашать ко сну, она одинокая скорбитъ въ домѣ и ложится на оставленное Энеемъ обѣденное ложе. Хотя его нѣтъ, но она его видитъ и слышитъ, или же удерживаетъ на груди Асканія, увлеченная его сходствомъ съ родителемъ» (IV, 78).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. М. Покровский.

¹⁾ Здѣсь сквозитъ нѣкоторый эпикуреизмъ, отгѣченный еще древними комментаторами; любопытно, что сама Дидона обнаруживаетъ его въ бурномъ разговорѣ съ Энеемъ.

В. С. Печеринъ.

(Посвящаю моей матери.)

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ
надеждъ
Поэзи и счастья... Но—безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Лермонтовъ.

Въ серединѣ 1835 года, по возвращеніи изъ заграничной командировки и выдержаніи докторскаго экзамена, 27-лѣтній Влад. Серг. Печеринъ былъ назначенъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора греческаго языка и древностей въ московскомъ университетѣ. Зиму 1835—36 гг. онъ съ блестящимъ успѣхомъ читалъ лекціи, а въ іюнѣ взялъ двухмѣсячный отпускъ на каникулы, уѣхалъ за границу и оттуда написалъ гр. Строгонову письмо, гдѣ говорилъ, что рѣшилъ не возвращаться въ Россію, что не можетъ жить среди людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатокъ ихъ Создателя, которые живутъ безъ вѣрованій и безъ Бога, что съ дѣтства его ведетъ таинственная звѣзда, что онъ носить въ своемъ сердцѣ предчувствіе своей великой судьбы и кровью своего сердца подписалъ окончательный договоръ съ діаволомъ, и этотъ діаволь—мысль. Въ это время Печеринъ былъ безконечно далекъ отъ всякой религіозной вѣры; четыре года спустя онъ уже монахъ, и монахъ *католическій*; имъ онъ и остается до конца жизни, въ теченіе 40 лѣтъ. Такова была жизнь Печерина. Его личность замѣчательна не менѣе его судьбы.

I.

Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ ¹⁾ былъ незнатнаго, хотя и дворянскаго происхожденія: прадѣдъ его изъ лакеевъ Елизаветы Пе-

¹⁾ Большая часть печатныхъ русскихъ матеріаловъ для біографіи Печерина перепечатана проф. Евг. Бобровымъ въ его изданіи „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка“, т. I и IV. Свѣдѣнія, заимствованныя нами непосредственно у проф. Боброва, отмѣчены ниже ссылками на его „матеріалы“.

тровны дослужился до обермундшенковъ, дѣдъ служилъ въ войскѣ, по полиціи и наконецъ засѣдателемъ въ судѣ, отецъ умеръ полковникомъ въ отставкѣ. Мать В. С. была дочь статскаго совѣтника, повидимому полька по происхожденію (Симоновская), родомъ изъ Черниговской губерніи; В. С., родившійся въ 1808 или 1809 г., былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей.

Гдѣ и какъ росъ Печеринъ, мы не знаемъ, но Никитенко сохранилъ намъ слѣдующее драгоцѣнное показаніе самого Печерина: дѣтство его прошло подъ двумя перекрестными вліяніями—деспота-отца, желавшаго воспитать въ немъ солдата, и гувернера-швейцарца, яраго радикала, привившаго мальчику «самыя жгучія идеи либерализма». Въ 1828 году Печеринъ—уже въ Петербургѣ, студентомъ филологическаго факультета, и свой человекъ въ кружкѣ Никитенка. Среди товарищей онъ уже въ это время слылъ подъ именемъ Лингвиста ¹⁾).

Что представлялъ собою петербургскій университетъ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ, до преобразованія его по уставу 1835 года, это довольно хорошо извѣстно изъ воспоминаній Никитенка и другихъ. Самъ Печеринъ въ 1869 году писалъ: «Когда теперь припоминаю тогдашній петербургскій университетъ, то такъ и руки опускаются. Въдѣ дѣйствительно никакое самостоятельное развитіе не было возможно. Въ преподаваніи не было ничего серьезнаго: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессоровъ, да и самъ профессоръ преподавалъ по тетрадкамъ, имъ же зазубреннымъ во время оно». В. Григорьевъ, ставшій студентомъ въ 1831 году, свидѣтельствуетъ, что заучиваніе требовалось дословное и что большинство профессоровъ бывало недовольно, если слушатель на репетиціяхъ отвѣчалъ собственными словами. Почти все время студентовъ уходило на слушаніе и записываніе лекцій, читавшихся не только утромъ, но и послѣ обѣда ²⁾. Курсъ историко-филологическаго факультета ограничивался богословіемъ, древними и новыми языками, словесностью, исторіей и статистикой; философія и политическая экономія принадлежали къ юридическому факультету, а теорія изящныхъ наукъ и археологія филологамъ не читались за недостаткомъ преподавателей. Древніе языки, составлявшіе главный фондъ факультетской науки, преподавались по - гимназически ³⁾: проф. Поповъ томилъ сту-

¹⁾ Такъ часто именуеъ его въ своемъ дневникѣ Никитенко; проф. Бобровъ не замѣтилъ этого.

²⁾ В. Григорьевъ, *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ*, „Рус. Бес.“ 1856, кн. III.

³⁾ О. Фортунатовъ, *Воспоминанія о С.-Петербур. унив. за 1830—33 годы*, „Р. Арх.“ 1869, № 2.

дентовъ переводами съ греческаго на латинскій и латинскимъ перифразомъ, восклицая поминутно: «*polite negligere grammaticam Butmani*» (имъ же переведенную на русскій языкъ), Соколовъ одно полугодіе питаль и поиль ихъ греческой грамматикой, заставляя переводить съ греческаго на русскій и латинскій—кромѣ грамматическихъ упражненій въ 1-й части хрестоматіи Якобса—помѣщенные въ ней миеологическіе рассказы, а во второмъ полугодіи читаль съ ними отрывки изъ Геродота и Гомера по 2-й и 4-й частямъ той же хрестоматіи. Русскій языкъ и словесность на 3-мъ курсѣ читаль Толмачевъ, ввѣдрявшій въ студентовъ этимологическую премудрость. Образчикомъ его патріотическаго корнесловія можетъ служить производство слова *хлѣбъ* на разныхъ языкахъ: сначала, говорилъ онъ, когда мѣсяць хлѣбъ, дѣлается хлябъ—отсюда наше *хлѣбъ*; эта хлябъ начинаетъ бродить, отсюда нѣмецкое *Brod*; перебродивши, хлябъ опадаетъ на-низъ, отсюда латинское *panis*; затѣмъ поверхъ ея является пѣна, отсюда французское *rain*. *Кабинетъ* онъ производилъ отъ словъ *какъ бы нѣтъ*, поясняя: человекъ, который удаляется въ кабинетъ, какъ бы нѣтъ. «Честъ и украшеніе» факультета составлялъ академикъ Грефе, выписанный изъ Лейпцига, ученый другъ мнившаго себя латинистомъ гр. С. С. Уварова; онъ читаль на высшемъ курсѣ латинскій и греческій языки, оба полатыни. Узкій спеціалистъ - филологъ, великій мастеръ по части стилистическаго комментарія и конъектуръ, онъ также не могъ способствовать умственному развитію студентовъ, но по крайней мѣрѣ могъ дать серьезную научную подготовку тѣмъ изъ нихъ, у кого обнаруживались охота и способности къ изученію древнихъ языковъ. Однимъ изъ такихъ студентовъ оказался Печеринъ. Замѣчательныя филологическія способности, стяжавшія ему среди товарищей кличку Лингвиста, уже въ половинѣ университетскаго курса обратили на него вниманіе Грефе; повидимому и Печеринъ высоко цѣнилъ своего учителя и ревностно занимался подъ его руководствомъ; въ томъ же отрывкѣ 1869 года, откуда выше приведена выдержка, онъ говоритъ: «Мнѣ казалось, что мы съ нашимъ академикомъ Грефе звѣзды съ неба снимаемъ».

Много лѣтъ спустя послѣ описываемаго періода, въ 60-хъ годахъ, Печеринъ объяснилъ ту психологическую тревогу, которая увлекла его изъ Россіи и сдѣлала католикомъ, вліяніемъ на него въ дѣтствѣ, съ одной стороны, «жгучихъ идей либерализма», которыми пропиталь его гувернеръ - швейцарецъ, съ другой—деспотическаго обращенія отца. Читавшіе біографію Грановскаго знаютъ, какое дѣйствіе оказала на него случайная встрѣча въ Орлѣ съ французомъ Жоньо а Герценъ самъ рассказаль о томъ, какъ суро-

вый старикъ Бушо, одинъ изъ малыхъ участниковъ великой революціи, обучавшій его французскому языку,—замѣтивъ однажды въ своемъ ученикѣ симпатію къ своимъ радикальнымъ идеямъ, пересталъ считать его пустымъ шалуномъ, прощалъ ошибки и рассказывалъ эпизоды 93 года и исторію своего бѣгства изъ Франціи, когда «развратные и плуты взяли верхъ». Намъ не трудно представить себѣ типическій обликъ такого гувернера-француза изъ непреклонныхъ республиканцевъ при даровитомъ русскомъ юношѣ 20-хъ годовъ. Его художественный портретъ нарисовалъ Герценъ въ своемъ «Умирающемъ» ¹⁾. Лукасъ Ральеръ, а по собственному усовершенствованію, въ угоду Плутарху, гражданинъ Тразеасъ-Гракхъ Ральеръ лѣтъ двадцати, въ 1796 году, попадаетъ въ тюрьму по дѣлу «послѣднихъ римлянъ», но послѣ героическаго самоубійства Ромма и Гужона получаетъ свободу и бросается въ журнализмъ—мститъ перомъ за смерть своихъ друзей. Посидѣвъ еще раза два въ тюрьмѣ и едва не угодивъ въ депортацію, видя, какъ всякій день «Наполеонъ больше и больше просвѣчиваетъ сквозь Бонапарта», онъ наконецъ, какого-то нивоза ап VIII или IX, беретъ паспортъ во имя единой и нераздѣльной республики и отправляется прямо въ Петербургъ, куда звалъ его ученикъ его великаго друга Ромма, молодой Строгоновъ. Неудовлетворенный Россіей, онъ уѣзжаетъ въ Молдо-Валахію, гдѣ проповѣдуетъ Ромма и монтаньяровъ дѣтямъ какого-то владѣтельнаго принца и обучаетъ яскихъ аристократовъ французскому языку и пѣнію Марсельезы; отсюда онъ перекочевываетъ въ Польшу, къ какому-то магнату, поклоннику Робеспьера, и т. д. И до смерти хранитъ онъ, иногда показывая знакомымъ, свой республиканскій паспортъ, переплетенный въ сафьянъ, и уже едва двигая ноги, все еще «какъ влюбленный мальчикъ хранитъ свою святыню, имѣетъ свои завѣтные «на память» и свои завѣтные слова, отъ которыхъ въ семьдесятъ, въ восемьдесятъ лѣтъ его глаза горятъ и голосъ дрожитъ».

Къ этому типу принадлежалъ, повидимому, и гувернеръ Печерина. Онъ не могъ не полюбить своего пылкаго, даровитаго, одареннаго живой поэтической фантазіей ученика, и въ пламенныхъ рѣчахъ завѣщалъ ему непримиримую ненависть къ деспотизму, училъ его гражданскому героизму и любви къ свободѣ по Плутарху, и, можетъ быть, ему самому, этому богато одаренному мальчику, слушавшему его съ горящими глазами, пророчилъ, какъ Роммъ Строгонову, великую будущность въ первомъ ряду борцовъ за процвѣтавшую въ древности и нынѣ попоранную свободу; по крайней

¹⁾ «Докторъ, умирающій и мертвые», Посмертн. соч., стр. 248 и сл.

мѣръ, такъ позволяютъ думать собственныя показанія Печерина и свидѣтельство Никитенка, которыя будутъ приведены ниже. А деспотическое обращеніе отца, стараго полковника, который непремѣнно хотѣлъ выростить сына солдатомъ, дѣлало впечатлительную душу мальчика еще болѣе воспримчивой для радикальныхъ идей учителя и доводило въ ней отвращеніе къ деспотизму до степени личной, страстной ненависти.

Эпоха, когда юный Печеринъ со своими мечтами о борьбѣ противъ деспотизма и воспоминаніями о гражданской доблести Плутарховыхъ героев попалъ въ Петербургъ, принадлежитъ къ самымъ мрачнымъ періодамъ русской исторіи за XIX вѣкъ. Послѣ подавленія декабрьскаго мятежа русское общество какъ бы вдругъ оцѣпенѣло; всякая духовная жизнь замерла подъ гнетомъ желѣзной руки, и утопическія мечты, еще тлѣвшія въ немногихъ умахъ, должны были постепенно угаснуть среди безнадежно-печальной дѣйствительности. А какова была она, каково было въ ней положеніе молодого поколѣнія, объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ слова Никитенка, писанныя въ 1834 году: «Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму, что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные являются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно приѣмлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать,—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія— а мечтать людямъ умнымъ смѣшно» ¹⁾. Въ числѣ этихъ лучшихъ людей, предавшихъ мечтамъ (потому что худшіе просто примирились), находился и Печеринъ.

Въ томъ отрывкѣ 1869 года, который мы уже дважды цитировали ²⁾, онъ такъ характеризуетъ состояніе общества и свое собственное настроеніе наканунѣ іюльской революціи 1830 года: «Бури улеглись—настала какая-то глупая тишина — точно штиль

¹⁾ Никитенко, *Дневникъ*, т. I, стр. 327.

²⁾ Этотъ отрывокъ (*Изъ записокъ В. С. Печерина*), посвященный воспоминаніямъ Печерина о баронессѣ Розенкампфъ, помѣщенъ въ „Рус. Арх.“ 1870 г. Изъ него же взяты всѣ приводимыя ниже въ разныхъ мѣстахъ автобіографическія показанія Печерина.

на морѣ. Въ воздухѣ было ужасно душно, все клонило ко сну. Я дѣйствительно начиналъ уже дремать». Это значитъ, безъ сомнѣнія, что онъ начиналъ забывать уроки либерализма, преподаанные ему гувернеромъ; революціонный пылъ въ немъ ослабѣлъ.

Если онъ не заснулъ тогда совсѣмъ, этимъ—по его собственному признанію—онъ былъ обязанъ слѣдующему обстоятельству. Попечитель Бороздинъ, которому онъ очевидно былъ рекомендованъ профессоромъ Грефе, призвалъ его къ себѣ и предложилъ помогать барону Розенкампу въ его работѣ по изданію Кормчей книги, взаимнѣ чего освободилъ его отъ слушанія нѣкоторыхъ лекцій. Это было, по всей вѣроятности, въ 1829 или 30 году; очевидно молодой студентъ уже обратилъ на себя вниманіе, какъ способный и знающій классикъ.

Его работа состояла въ томъ, чтобы переписать изъ древней рукописи греческій текстъ Іоанна Схоластика (извлечение изъ Новеллъ Юстиніана), привести en regard славянскій переводъ его изъ рукописи XIII вѣка, а подъ строкой латинскій, сличить основной текстъ съ другими редакціями его и наконецъ описать самую рукопись. Работа Печерина составила одно изъ приложений во 2-мъ изданіи (1839 г.) «Обозрѣнія Кормчей книги» барона Г. А. Розенкампа. Предисловіе Розенкампа къ этому приложенію кончается такими словами: «Надъ составленіемъ сего приложенія трудился Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ, молодой филологъ, образующійся въ С.-Петербургскомъ университетѣ и подающій хорошія о себѣ надежды»¹⁾.

«Каждое утро, — рассказываетъ Печеринъ, — въ 8-мъ или 9-мъ часу я являлся въ его кабинетъ и садился за свою работу. Это была прекрасная рукопись изъ Императорской Публичной бібліотеки, X-го или XI-го вѣка. Сколько я надъ нею промечталъ! Я воображалъ себѣ бѣднаго византійскаго монаха въ черной рясѣ, — съ какимъ усердіемъ онъ выполировалъ и разграфилъ этотъ пергаментъ! Съ какою любовью онъ рисуетъ эти строки и буквы! А между тѣмъ вокругъ него кишитъ безтолковая жизнь Византіи, доносчики и шпионы спуютъ взадъ и впередъ; разыгрываются всевозможныя козни и интриги придворныхъ евнуховъ, генераловъ и іерарховъ; народъ, за неимѣніемъ лучшаго упражненія, тѣшится на ристалищахъ; а онъ, труженикъ, сидитъ да пишетъ... «Вотъ», думалъ я, «вотъ единственное убѣжище отъ деспотизма: запереться въ какой-нибудь кельѣ, да и разбирать старыя рукописи!» Такъ начиналъ дремать Печеринъ; «мнѣ грезился, — говоритъ онъ, — какой-то вздоръ,

¹⁾ Проф. Евг. Бѣбровъ, цит. соч., т. I, стр. 107—111.

какое-то счастье: жить въ уединеніи съ греками и латинами и ни о чемъ болѣе не заботиться...»

Однако знакомство съ Розенкампами оказалось для Печерина прямымъ продолженіемъ уроковъ швейцарца-гувернера: оно углубило и расширило тѣ самые благородные запросы, которые внушилъ ему учитель,—не въ сторону политическаго радикализма, а въ смыслѣ высокаго представленія о человѣческомъ достоинствѣ, о духовной независимости и чистотѣ личной жизни. При Александрѣ I баронъ и баронесса играли видную роль; съ воцареніемъ Николая они впали въ немилость и теперь жили въ совершенномъ уединеніи, бездѣтные, оставленные прежними друзьями. Глубоко затаивъ горечь обиды, они гордо несли опалу. Въ ихъ домѣ, рассказываетъ Печеринъ, господствовала оппозиція. «Всѣ дѣйствія новаго правительства были безпощадно порицаемы. Когда мы читали въ «*Journal des Débats*» о первыхъ неудачахъ русскаго оружія въ Польшѣ, баронъ качалъ головою и говорилъ: «Вотъ видите, такъ и выходитъ, что Гораций сказалъ правду: *vis consilii exerts moleruit sua!*» Баронесса полюбила юнаго филолога «чистѣйшею материнскою любовью» и усердно принялась за его воспитаніе. «Ахъ! какъ жалко,—говорила она ему,—какъ жалко, что въ Петербургѣ нѣтъ средствъ для развитія молодого человѣка!» И когда, года три спустя, Печеринъ передъ отъѣздомъ въ Берлинъ зашелъ проститься съ нею, она «съ жаркимъ участіемъ благословила его на новый путь, на новый подвигъ».

Печеринъ дремалъ и грезилъ о мирномъ счастьи далекой отъ жизни научной работы—какъ вдругъ «блеснула молнія, раздался громовый ударъ, разразилась гроза іюльской революціи... Воздухъ освѣжѣлъ»,—рассказываетъ онъ,—«всѣ проснулись, даже и казенные студенты. Да и какъ еще проснулись! Словно Духъ Святой низошелъ на нихъ. Начали говорить новымъ, дотолѣ неслыханнымъ языкомъ: о свободѣ, о правахъ человѣка и пр. и пр. Да чего тутъ еще не говорили?!.. И мы этому добродушно вѣрили. *Sancta simplicitas!*—Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не засыпалъ».

II.

На первыхъ порахъ этотъ напряженный идеализмъ принимаетъ въ двадцатидвухлѣтнемъ Печеринѣ ту форму, которая и вообще присуща юношескому возрасту, а въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка съ особенной силой обуславливалась и духомъ времени,—форму романтической мечтательности.

Мы видѣли выше, что, по словамъ Никитенка, всѣ благородныя

чувства людей его времени роковымъ образомъ превращались въ мечты, лишеныя всякаго практическаго значенія. Дѣйствительно, вся духовная энергія лучшей, идеалистически настроенной части молодежи тратилась на восторженное, прекраснородушное волненіе въ атмосферѣ крайне туманнаго идеализма. Ближайшимъ образомъ это явленіе объясняется, конечно, невыносимымъ гнетомъ тогдашней дѣйствительности, осуждавшей на полную безнадежность всякое стремленіе воплотить въ жизни даже элементарнѣйшіе запросы развитого общественнаго самосознанія, равно какъ и скудостью образовательныхъ средствъ, которыя могли бы отвлечь возбужденный умъ въ сторону философской разработки этихъ запросовъ. Но главной причиной была, безъ сомнѣнія, та, которую такъ искусно опредѣлилъ въ своей недавней работѣ проф. Овсяннико-Куликовскій ¹⁾, — та необычайная экзальтація, восторженная чувствительность, которая составляетъ основную черту *психологическаго типа* людей 30-хъ годовъ. Поколѣніе, увидѣвшее свѣтъ около 1810 года, т.-е. сверстники Печерина, въ молодости своей являютъ зрѣлище столь бурной восторженности, какой мы не видимъ ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ или слѣдовавшихъ за нимъ поколѣній. «Душевная жизнь такихъ умовъ и талантовъ, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Станкевичъ, Огаревъ и др., была какая-то напряженная и наэлектризованная избыткомъ чувствъ, требовавшихъ выраженія и изліянія; передъ нами любопытная картина какъ бы душевной неуравновѣшенности, порою близкой къ тому, что наблюдается у натуръ религіозно-экзальтированныхъ, у мистиковъ, заражающихъ другъ друга своимъ экстазомъ» ²⁾. У многихъ изъ нихъ эта восторженность дѣйствительно принимала форму религіознаго экстаза.

На почвѣ этой экзальтаціи сложился юношескій идеалъ поколѣнія 30-хъ годовъ. Это была возвышенная мечта о нерасторжимой связи, соединяющей человѣка съ космосомъ, о красотѣ, наполняющей космосъ, о божественномъ достоинствѣ человѣческой личности, о долгѣ сохранять въ себѣ незапятнанной эту божественную сущность и содѣйствовать ея обнаруженію во всемъ человѣчествѣ, объ эллинѣ, не знающемъ насилія земныхъ властей и наполняющемъ свою жизнь единымъ вкушеніемъ и славословіемъ красоты. Кто хочетъ ближе узнать эти мечты, прекраснѣе которыхъ не рождало славянство, тотъ пусть раскроетъ переписку Станкевича. Его душа во всемъ хочетъ поэзіи, упоенія, во всемъ ищетъ себя и своего единства съ жизнью природы и Бога, для него

¹⁾ *Итоги русской худож. литературы XIX в.*, „Вѣсти. Восп.“ 1903 ноябрь.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

единственное непреходящее въ мірѣ — поэзія и философія. Этотъ идеаль налагалъ на своихъ служителей суровый и священный долгъ, который душа должна была нести съ радостью, ибо велика была и грядущая награда. Кто тоскуеть по другомъ мірѣ, тотъ не долженъ знать земныхъ наслажденій: такъ писалъ Станкевичъ о себѣ и своихъ друзьяхъ. Въ 1833 году «подвигъ жизни» представлялся ему въ такихъ чертахъ:

Когда любовь и жажда знаній
Еще горять въ душѣ твоей,
Бѣги отъ суетныхъ желаній,
Отъ убивающихъ людей.

Себѣ всегда предъ всѣми вѣренъ,
Иди, люби и не страшись!
Пускай твой путь земной измѣренъ—
Съ *непогибающимъ* дружись!

Пускай гоненье свѣта вздыдетъ
Звѣздой злосчастья надъ тобою
И міръ тебя возненавидитъ:
Отринь, попри его стопой!

Онъ для тебя погибнетъ дольний;
Но спасена душа твоя!
Ты притечешь самодовольный
Къ предѣламъ страшнымъ бытія.

Тогда свершится подвигъ трудный:
Перешагнешь предѣлъ земной
И станешь жизнью повсюдной—
И все наполнится тобою.

Это чувство чрезвычайной миссіи наполняло юношей сознаниемъ своего высокаго, исключительнаго призванія. Наканунѣ женитьбы Огаревъ пишетъ своей невѣстѣ: «Я чувствую, что Богъ живетъ и говоритъ во мнѣ; пойдемъ туда, куда зоветъ насъ Его голосъ. Если я имѣю довольно души, чтобы любить тебя, навѣрное я буду имѣть довольно силы, чтобы идти по слѣдамъ Иисуса—къ освобожденію человѣчества... Наша любовь, Марія, заключаетъ въ себѣ зерно освобожденія человѣчества»; и позднѣе, вспоминая юношескіе годы, онъ пишетъ Герцену: «Мы вошли въ жизнь съ энергическимъ сердцемъ и съ ужаснымъ самолюбіемъ и нагородили планы огромные и хотѣли какого-то міроваго значенія; право, мы тогда чуть не воображали, что мы историческіе люди». Они въ самомъ дѣлѣ считали себя избранными сосудами или орудіями Божества и наивно вѣрили, что судьба, ведущая остальныхъ людей гуртомъ, нарочито

и въ отдѣльности внимательно занята ими. Бакунинъ говорилъ Станкевичу, что каждый разъ, когда онъ возвращается откуда-нибудь домой, онъ ждетъ у себя чего-нибудь необыкновеннаго; когда въ 1835 году Герценъ переправлялся чрезъ Волгу на дощаникъ и послѣдній началъ тонуть, 23-лѣтній идеалистъ, струсивъ въ первую минуту, тотчасъ успокоился: *quid times? Caesarem vehis!* *нелѣпо*, чтобы онъ могъ погибнуть, ничего не сдѣлавъ,—и гдѣ! между Услономъ и Казанью! Приведа слова Огарева (половины 30-хъ годовъ): «мой *fatish* написанъ рукой Бога на пути вселенной: онъ неизмѣненъ», Анненковъ замѣчаетъ: «Легкость, съ которою и онъ, и Герценъ постоянно призывали само Провидѣнiе на вмѣшательство въ ихъ дѣла, какъ-бы въ видѣ своего довѣреннаго и уполномоченнаго лица, всего лучше объясняетъ восторженное состоянiе какъ ихъ самихъ, такъ и вообще той эпохи. Черта эта была у нихъ общая со многими сверстниками изъ другихъ лагерей. Станкевичъ, Грановскiй, В. Боткинъ, Бѣлинскiй, такъ же точно, какъ К. Аксаковъ и др., одинаково считали себя орудiями вышнихъ силъ и пытались содержать себя въ надлежащей чистотѣ, приличной избранникамъ Промысла»¹⁾. Мы увидимъ дальше, какую большую роль играло это чувство въ душевной жизни и судьбѣ Печерина.

Какъ само собою понятно, этотъ идеалъ былъ чуждъ всякой національной окраски. Въ политической области онъ порождалъ фанатическую ненависть къ деспотизму и восторженное обожанiе свободы, но и то и другое *ex tu пору* носило вполнѣ космополитическiй характеръ. Эти юноши, какъ вспоминалъ позднѣе Герценъ, со всѣмъ огнемъ любви жили въ сферѣ общечеловѣческихъ вопросовъ, придавъ имъ субъективно-мечтательный цвѣтъ²⁾.

Естественно, что оракуломъ этой пылкой молодежи долженъ былъ стать Шиллеръ, этотъ призванный глашатай юношески восторженнаго и туманнаго идеализма, поэтъ-космополитъ, борецъ за идеи гуманности, страстный трибунъ, зовущiй въ бой противъ тирановъ. Онъ дѣйствительно былъ ихъ оракуломъ, какъ свидѣлствуютъ письма Станкевича, Бѣлинскаго, Огарева, Герцена и др. Герценъ рассказываетъ, что онъ и Огаревъ разбирали, любили и ненавидѣли лица шиллеровскихъ драмъ не какъ поэтическiе образы, а какъ живыхъ людей,—мало того,—видѣли въ нихъ самихъ себя: «мой идеалъ былъ Карлъ Моръ, но я вскорѣ измѣнилъ ему и перешелъ въ маркиза Позу». «Resignation» Шиллера, по словамъ Анненкова, была у Станкевича на умѣ и на языкѣ почти безпре-

¹⁾ Анненковъ и его друзья, С.-Петербургъ, 1892, стр. 51.

²⁾ Дневникъ 1842 г., т. 1, стр. 44.

ривно. Въ какомъ направленіи вліялъ на нихъ Шиллеръ, можно видѣть изъ позднѣйшаго (1839 г.) показанія Бѣлинскаго, что «Разбойники», «Коварство и любовь» и «Фіэско» породили въ немъ вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ всякихъ географическихъ и историческихъ условій развитія, что «Донъ-Карлосъ» и «Орлеанская Дѣва» бросили его въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго онъ сталъ все презирать, все ненавидѣть ¹⁾. За Шиллеромъ слѣдовали Шекспиръ и Гете, но въ нѣкоторомъ отдаленіи. Поэзія, театръ, музыка и дружба наполняли жизнь, чтó, впрочемъ, не мѣшало юнымъ романтикамъ и ухаживать за хорошенькими женщинами, и шалить по-мальчишески, и танцовать на вечеринкахъ.

III.

Изобразивъ романтическій идеализмъ молодежи 30-хъ годовъ, мы обрисовали вмѣстѣ съ тѣмъ общій духовный обликъ Печерина, какимъ онъ представляется непосредственно по окончаніи университета. Печерину было тѣмъ естественнѣе стать восторженнымъ мечтателемъ по примѣру другихъ даровитыхъ юношей того времени, что онъ былъ одаренъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Въ 1831 году его на первый взглядъ, вѣроятно, трудно было бы отличить отъ Станкевича, Герцена, Огарева и др. Какой-то провинціалъ, посѣтившій въ этомъ году Петербургъ и лично незнакомый съ Печеринымъ, сохранилъ намъ въ одной строкѣ такую характеристику его—несомнѣнно со словъ общихъ знакомыхъ: «Онъ *обожаетъ Шиллера и живетъ въ мирѣ идеаловъ*»,—и только ²⁾. Въ это время онъ много переводилъ изъ Шиллера, печатая свои переводы въ «Сынъ Отечества»; и лучшей характеристикой его настроенія въ эту эпоху является стихотвореніе «Желаніе лучшаго міра» («*Sehnsucht*» Шиллера), о которомъ онъ тогда же писалъ своей кузинѣ: «Хотя это только переводъ стихотворенія Шиллера, оно вылилось у меня изъ глубины души» ³⁾.

Ахъ! Изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой?

¹⁾ Пыпинъ, *Бѣлинскій*, т. I, стр. 297. Сравни. Герценъ, *Соч.*, т. VIII стр. 30: «Шиллеръ! Благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности!» и т. д.

²⁾ «Рус. Стар.» 1900 г., февр., стр. 480.

³⁾ Онъ напечаталъ его даже дважды, въ февралѣ и въ мартѣ 1831 г., второй разъ—въ пополненной редакціи; см. Е. Бобровъ, *цит. соч.* IV, 17.

Онъ грезить объ иномъ мірѣ, гдѣ не вѣютъ зимнія бури, гдѣ вѣкъ не вянуть цвѣты, гдѣ звучить музыка райскихъ лиръ и пѣніе чистыхъ духовъ.

Но увы! Передо мною
Воды яростно шумятъ,
Грозною катясь волною:
Духъ мой ужасомъ объять.

Вотъ челнокъ колышутъ волны...
Но гребца не вижу въ немъ!..
Прочь боязнь! Надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣтеркомъ

Паруса надулись бѣлы...
Вѣруй и отваженъ будь:
Въ тѣ чудесныя предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь! ¹⁾

Но онъ былъ не только обожателемъ Шиллера, живущимъ въ мірѣ идеаловъ, какимъ казался людямъ, сравнительно мало знавшимъ его. Грезы о чудесной странѣ, куда приводитъ лишь чудесный путь, были у него общи со всей лучшей частью его поколѣнія; но одна сторона этого всеобъемлющаго идеала должна была съ особенной силой овладѣть его душою: именно, тотъ абстрактный героизмъ, въ которомъ каялся позднѣе и Бѣлинскій. Къ этому предрасполагали его и страстность натуры, и вліянія отроческихъ лѣтъ. Въ портретѣ его, который подъ 1831 годомъ даетъ его близкій другъ Никитенко, мы найдемъ и типическія черты его поколѣнія: романтическую экзальтацію и вѣру въ свое великое предназначеніе,— и ясный слѣдъ яacobинскихъ представлений, привитыхъ ему въ дѣтствѣ республиканцемъ-гувернеромъ. «Въ головѣ его,—пишетъ Никитенко ²⁾,—романическія затѣи о величіи. Герой его—Наполеонъ. Онъ способенъ къ возвышеннымъ идеямъ и даже соображеніямъ. Жаль только, что онъ не понимаетъ самъ себя. Отъ всѣхъ великихъ мужей Плутарха онъ отрываетъ по лоскутку ихъ характера, взглядовъ и убѣжденій и изъ всего этого представляетъ смѣсь, въ которой недостаетъ только одного—самого Лингвиста. Однако, о немъ не такъ легко предвидѣть, какъ о другихъ, чѣмъ онъ кончить: онъ принадлежитъ судьбѣ, другіе—обстоятельствамъ и отношеніямъ

¹⁾ Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand;
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.

²⁾ *Дневникъ*, 1831 г., I стр. 282.

свѣта».—Если исключить поклоненіе Наполеону — плод романтизма 20-хъ годовъ,—этотъ портретъ 23-лѣтняго Печерина, ищущаго себѣ образца для подражанія среди героевъ Плутарха, можно почти принять за портретъ юноши Сень-Жюста.

Но это не былъ Сень-Жюсть съ его непреклоннымъ *единымъ* убѣжденіемъ: это былъ пылкій русскій юноша 30-хъ годовъ, жившій въ мѣрѣ туманныхъ романтическихъ идеаловъ. Будь у него такое единое убѣжденіе, его жажда героизма легко нашла бы себѣ удовлетвореніе. Но имъ, какъ и его сверстниками, владѣлъ другой идеаль — и болѣе широкій, и болѣе смутный; «абстрактный героизмъ» настойчиво требовалъ осуществленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ абстрактностью свою распылялъ душевную энергію, превращалъ точку прицѣла въ огромное туманное пятно. Эта энергія мучительно перегорала внутри, не находя исхода,—отсюда та неуравновѣшенность, то «непониманіе себя», которое Никитенко отмѣчаетъ въ Печеринѣ. Нѣсколько позднѣе, въ началѣ 1832 года, по поводу «прекрасныхъ стиховъ» на университетскую годовщину, прочитанныхъ Печеринымъ въ дружескомъ кружкѣ, Никитенко замѣчаетъ: «Это человѣкъ съ истинно поэтической душою. Въ немъ всѣ задатки доблести, но еще нѣтъ опыта въ борьбѣ со зломъ. Выдетъ ли онъ въ заключеніе побѣдителемъ изъ нея?»—Печеринъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, какъ Никитенко, довольствуются кропотливымъ выпалываніемъ «зла»: онъ, какъ гаршинскій безумецъ, жадно искалъ «красный цвѣтокъ» всемірнаго зла, чтобы цѣною мученичества навѣки вырвать его съ корнями—

И въ цѣли высшей бытія
Лѣвивую громаду передвинуть.

Два типа, въ которыхъ искони воплощается идеализмъ.

IV.

Въ февралѣ 1831 года Печеринъ блестяще окончилъ университетъ, одинъ изъ всего выпуска со степенью кандидата. Пользуясь расположеніемъ Грефе и Бороздина, онъ сразу хорошо устроился—сталъ старшимъ учителемъ при 1-й гимназіи, помощникомъ бібліотекаря въ университетѣ и лекторомъ по каедрѣ латинскаго языка¹⁾). Онъ былъ свой человѣкъ въ молодомъ кружкѣ Никитенка, посѣщалъ съ пріятелими маленькіе балы въ знакомыхъ семействахъ, увлекался театромъ и, въ пику сонной публикѣ, неистово аплодировалъ «великому Шекспиру», такъ что возвращался домой съ

¹⁾ Е. Бобровъ, цит. соч. I, стр. 88.

опухшими руками. Въ то же время онъ печаталъ въ «Сынъ Отечества» и въ разныхъ альманахахъ стихотворные переводы изъ Шиллера и изъ греческой антологіи, написалъ также статью о трагедіяхъ Софокла. Переводы изъ антологіи обратили на него вниманіе Уварова, который самъ когда-то вмѣстѣ съ Батюшковымъ занимался переводомъ антологическихъ стихотвореній съ греческаго ¹⁾; Печеринъ сблизился съ Уваровымъ и сталъ подъ его покровительство. Сохранившееся письмо его къ кузинѣ отъ 1831 года рисуетъ его пріятнымъ молодымъ человѣкомъ петербургскаго пошиба, съ байроническимъ оттѣнкомъ и не безъ кокетства своими служебными и литературными успѣхами. Расплывчатый романтическій идеализмъ оказывался ненадежнымъ панцыремъ противъ пошлости свѣта и чиновничества. Позднѣе, все въ томъ же отрывкѣ изъ мемуаровъ, Печеринъ такъ вспоминалъ объ этомъ времени: «Я между тѣмъ поступилъ на службу. Меня сдѣлали лекторомъ и суббибліотекаремъ при университетѣ и старшимъ учителемъ въ 1-й гимназіи. Началась жизнь петербургскаго чиновника. Я усердно посѣщалъ маленькіе балики у чиновниковъ-нѣмцевъ, волочился за барышнями, писалъ кое-какіе стишки и статейки въ «Сынъ Отечества»; но что еще хуже—я сдѣлался ужаснымъ любимцемъ товарища министра просвѣщенія, С. С. Уварова, вслѣдствіе какихъ-то переводовъ изъ греческой антологіи, напечатанныхъ въ какомъ-то альманахѣ. Я началъ просто ѣздить къ нему на поклонъ, даже на дачу. Благородныя внушенія баронессы Розенкампфъ изглаживались мало-помалу. Раболѣпная русская натура брала свое. Я стоялъ на краю зіяющей пропасти».

Но тутъ судьба Печерина вдругъ круто измѣнилась: ему предложено было отправиться въ Берлинъ для приготовленія къ каедрѣ. «Къ счастью,—продолжаетъ Печеринъ,—въ одно прекрасное утро, 19 февраля 1833 года, очень рано, министръ Ливенъ прислалъ за мною и, сдѣлавъ мнѣ благочестивое увѣщаніе въ пietetическомъ стилѣ, отправилъ меня въ Берлинъ, гдѣ и поручилъ меня благимъ попеченіямъ отъявленнаго пietetиста, профессора Кранихфельда, главы берлинскихъ пietetистовъ. Разумѣется, нога моя никогда не была у Кранихфельда. Нѣкоторые изъ товарищей нашли нужнымъ, ради приличія, сдѣлать ему визитъ; но я настоялъ на своемъ и тотчасъ же написалъ отчаянное письмо къ академику Грефе, а черезъ него къ Уварову, что вотъ такъ и такъ, насъ, членовъ профессорскаго института, будущихъ профессоровъ Россіи, отдали подъ присмотръ какому-то берлинскому ханжѣ, который шпионствуетъ за нами даже

¹⁾ Тамъ же.

на нашихъ квартирахъ, и пр., и пр. Письмо мое имѣло отличный успѣхъ. Къ этому времени Ливенъ вышелъ въ отставку, а на мѣсто его сдѣлался министромъ Уваровъ. Кранихфельда тотчасъ же отставили отъ должности, и за это ему дали Владиміра, а насъ изъ духовнаго вѣдомства перевели въ военное, т.-е. отдали подъ надзоръ честнѣйшему и благороднѣйшему человѣку, военному агенту генералу Мансурову».

Печеринъ прожилъ за границей два года, не въ одномъ Берлинѣ, но и въ другихъ странахъ—во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже словъ Никитенка, еще и въ Италіи. Чтò онъ дѣлалъ тамъ, чѣмъ интересовался — мы не знаемъ; Пироговъ, его товарищъ по профессорскому институту, одновременно съ нимъ пріѣхавшій въ Берлинъ, совсѣмъ не упоминаетъ о немъ. Но насчетъ общаго итога этихъ двухъ лѣтъ свѣдѣнія достаточно ясны. «Черезъ два года, въ 1835 г.,—пишетъ Печеринъ,—я возвратился въ Петербургъ, съ какою неизлѣчимою тоскою въ сердцѣ, съ какими отчаянными планами для будущаго,—не здѣсь мѣсто объ этомъ говорить».

Причины этой тоски не трудно понять; она томила и товарищей Печерина, вмѣстѣ съ нимъ вернувшихся въ Россію. Вкусивъ широкой науки Запада, его культурнаго быта и сравнительно большой свободы, они, какъ въ мрачное подземелье, возвращались на родину, гдѣ (какъ заявлялъ позднѣе Уваровъ) среди правъ гражданина не числилось права публично выражать свое мнѣніе, гдѣ солдатская дисциплина душила кастрированную науку, душила мысль и энергію еще въ пеленкахъ, гдѣ народъ былъ рабъ, а «общество» коснѣло въ невѣжествѣ и нравственномъ раслѣтнѣніи, гдѣ личность, по образному выраженію Огарева, была столько же свободна, какъ жукъ, привязанный за ножку. Притомъ, на Западѣ имъ безпрестанно твердили, что ихъ родина—прирожденный врагъ культуры (дѣло было тотчасъ послѣ подавленія польскаго мятежа въ 1831 году, которое вызвало взрывъ негодованія по всей Европѣ),—и молодые идеалисты не могли не увѣровать въ горькую правду этого мнѣнія. Въ половинѣ 1834 года Никитенко, со словъ вернушагося изъ Берлина Калмыкова, заноситъ въ свой дневникъ, что русскихъ вездѣ въ Германіи ненавидятъ, не исключая и Берлина; знаменитый Крейцеръ самъ сказалъ Калмыкову послѣ взятія Варшавы, что отнынѣ питаетъ къ русскимъ рѣшительную ненависть, а одна дама пришла въ страшное негодованіе, когда Калмыковъ попытался защищать русскихъ: это—враги свободы, кричала она,—это гнусные рабы. Подъ 17 іюня 1835 года Никитенко пишетъ: «Возвратились изъ-за границы студенты профессорскаго инсти-

тута. У меня были уже: Печеринъ, Куторга младшій, Чевилевъ; Калмыковъ прїѣхалъ прежде. Они отвыкли отъ Россіи и тяготятся мыслью, что должны навсегда прозябать въ этомъ царствѣ (крѣпостного) рабства. *Особенно мраченъ Печеринъ.* Онъ долго жилъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, видѣлъ большую часть Европы и теперь опять заброшенъ судьбой въ Азію. По словамъ ихъ, ненависть къ русскимъ за границу повсемѣстная и вопіющая. Часто имъ приходилось скрывать, что они русскіе, чтобы встрѣтить прїятливый взглядъ и ласковое слово иностранца. Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. Профессора провозглашаютъ это съ кафедръ, стараясь возбудить въ слушателяхъ опасенія противъ нашего могущества» ¹⁾).

Съ безнадежной тоскою въ сердцѣ ждалъ Печеринъ рѣшенія своей судьбы. Былъ учрежденъ комитетъ для «справедливаго и безотлагательнаго» размѣщенія воспитанниковъ профессорскаго института по русскимъ университетамъ. Въ іюлѣ или въ августѣ Печеринъ прочиталъ въ Академіи Наукъ пробную лекцію на тему, выбранную имъ несомнѣнно по соглашенію съ Грефе, который былъ членомъ упомянутаго комитета: о знаменитомъ надгробномъ словѣ Перикла изъ второй книги Фукидида ²⁾. Съ какимъ грустнымъ умиленіемъ долженъ былъ смотрѣть Печеринъ на эту радостную, какъ майское утро, картину прекрасной, гармонической жизни Аѳинъ въ расцвѣтѣ ихъ могущества! Пусть Периклъ стилизировалъ картину—что за дѣло! здѣсь былъ воплощенъ идеалъ того «лучшаго міра», о которомъ Печеринъ упрямо грезилъ съ юношества. Здѣсь жизнь течетъ свѣтло и беззаботно, полная важныхъ дѣлъ и разумныхъ наслажденій, безъ пугливой оглядки, безъ рабской скрытности, безъ больной торопливости и душевныхъ мукъ; здѣсь нѣтъ разлада между мыслью и чувствомъ, между призваніемъ и обязанностью, личность свободна, законы равны для всѣхъ, почетъ справедливо распределяется по способностямъ. Мы свободно гражданствуемъ въ свободной общинѣ, говорилъ Периклъ; въ частной жизни мы свободны отъ всякаго принужденія и не раздражаемся, если кто-либо даетъ себѣ въ чемъ-нибудь волю, а въ общественныхъ дѣлахъ повинuemся закону больше всего изъ уваженія къ нему. Мы не закаляемся въ мужествѣ съ дѣтства путемъ тяжелыхъ упражненій, но, ведя вольную жизнь, не съ меньшей отвагой идемъ на борьбу противъ равнаго врага. Мы благотѣльствуемъ другимъ не столько изъ расчета на выгоду, сколько изъ взаимнаго довѣрія

¹⁾ Никитенко, *Дневникъ* I, стр. 358—359.

²⁾ Для исторіи назначенія Печерина въ моск. унив. см. Е. Бобровъ, цит. соч. I, стр. 124.

свободныхъ людей. Мы любимъ изящество съ простотою, любимъ просвѣщеніе безъ изнѣженности; наши игры и жертвоприношенія, прелесть нашей домашней обстановки даютъ отдыхъ душѣ и гонятъ прочь уныніе. И потому нашъ городъ достоинъ удивленія; онъ—школа Эллады. Мы создали могущество, не нуждающееся въ славословіяхъ Гомера, мы силою проникли всюду по морямъ и по сушѣ и вездѣ соорудили вѣчные памятники содѣяннаго нами добра и зла; потомки будутъ дивиться намъ, какъ дивятся современники ¹⁾).

Печеринъ защищалъ подлинность этой рѣчи—между прочимъ «внутренними доказательствами, почерпнутыми изъ *истинствующаю въ цѣломъ сочиненіи духа*», и «сравненіемъ рѣчей Оукидида съ *нынѣшними парламентскими рѣчами*» ²⁾).

7 августа 1835 года Печеринъ былъ назначенъ преподавателемъ въ московскій университетъ. Онъ былъ еще кандидатомъ. Осенью онъ выдержалъ въ Москвѣ экзаменъ на ученую степень—по-латыни изъ энциклопедіи филологическихъ наукъ, изъ греческихъ древностей, римскихъ древностей, исторіи греческой литературы и исторіи римской литературы, и по-русски—изъ археологіи искусства. Въ декабрѣ онъ получилъ разрѣшеніе представить диссертацию по предмету, которымъ, какъ мы видѣли, давно уже занимался,—о греческой антологіи («*Observationes criticae in universam Anthologiam Graecam*»), а 31 декабря того же 1835 года былъ утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора для преподаванія греческой словесности ³⁾). Каѳедру латинской словесности одновременно съ нимъ занялъ Крюковъ.

V.

Дѣятельность Печерина въ московскомъ университетѣ продолжалась всего два семестра, одинъ академическій годъ, съ осени 1835 по іюнь 36 года; но и за это короткое время, и несмотря на по-

¹⁾ Оукидидъ II, 37—41, перев. Ф. Г. Мищенки, т. I, стр. 208 слл.

²⁾ Краткій отчетъ о пробной лекціи Печерина изъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1835 г. приведенъ у проф. Боброва, I, стр. 124—125.

³⁾ Н. Поповъ, *Преданіе суду проф. В. С. Печерина*, въ „Юрид. Вѣстн.“ 1880 г., май. Печеринъ не получилъ докторской степени, какъ, повидимому, думаетъ проф. Бобровъ (I стр. 127): въ имѣющихся у насъ копіяхъ его формулярнаго списка 1836 года и поздѣйшихъ документовъ по поводу преданія его суду онъ и самъ называетъ себя, и официально именуется „испр. должн. э.-о. профессора кандидатомъ II—мѣ“. Это обстоятельство заставляетъ думать, что Печеринъ, выдержавъ испытаніе на степень доктора, диссертациі такъ и не представилъ до своего отъѣзда изъ Москвы въ іюнь 1836 года. Мы ниже увидимъ, въ какомъ настроеніи проведетъ онъ эту зиму: ему было не до греческой антологіи.

жиравшую его тоску, онъ составилъ себѣ своимъ преподаваніемъ блестящую репутацію. По словамъ Погодина, его товарища по университету, онъ до такой степени сумѣлъ заинтересовать студентовъ своимъ предметомъ, что всѣ они принялись за греческій языкъ и въ одинъ годъ сдѣлали необыкновенные успѣхи; по словамъ Ю. О. Самарина, его лекціи отличались художественной законченностью и совершенной новизной; то же подтверждаютъ Д. Валувевъ, В. Григорьевъ и О. Чижевъ. Буслаевъ, бывший самъ слушателемъ Печерина, рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Профессоръ греческаго языка (ни имени его, ни отчества не припомню) былъ совсѣмъ молодой человекъ, самый юный изъ всѣхъ прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей, небольшого роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собою, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задумчивомъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ литературнымъ слогомъ. Но, къ несчастію, мы пользовались его высокими дарованіями и свѣдѣніями очень недолго, менѣе года». Чтобы дополнить этотъ его портретъ, приведемъ еще писанныя много лѣтъ спустя (въ 1865 году) слова И. С. Аксакова, который зналъ Печерина по рассказамъ близкихъ лицъ, «по тѣмъ воспоминаніямъ,—добрымъ воспоминаніямъ,—которыя оставила въ сослуживцахъ и ученикахъ его профессорская дѣятельность». «Въ короткое время своего профессорства,—говоритъ Аксаковъ,—онъ успѣлъ внушить и слушателямъ, и товарищамъ чувства самой живой симпатіи. Строгій ученый, онъ соединялъ съ замѣчательной эрудиціей по части классической древней литературы живое поэтическое дарованіе и нѣжную, хотя постоянно тревожную душу, болѣзненно чутко отзывавшуюся на всѣ общественныя задачи своего времени, на всякую боль тогдашней русской дѣйствительности. Какова была эта дѣйствительность—пусть припомнятъ сами читатели. Направленіе мыслей его было атеистическое—общее почти всѣмъ его товарищамъ».

Да, Печеринъ задыхался въ этой «дѣйствительности», какъ орелъ въ желѣзной клеткѣ. Ужаснѣе всего было даже не политическое состояніе Россіи, а его непосредственный результатъ—невыносимая духота обстановки, въ которой приходилось жить, сытая пошлость общества, окружившаго Печерина въ Москвѣ. Герценъ двумя строками характеризуетъ эти мрачные дни, когда всякая духовная жизнь замерла въ Москвѣ, когда онъ самъ былъ въ ссылкѣ, когда кружокъ Станкевича разсѣялся, когда одинъ за другимъ были запрещены «Московскій Телеграфъ», «Европеецъ» и «Телескопъ» и Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ: «Кругомъ глушь,

молчаніе,—все было безотвѣтно, безчеловѣчно, безнадежно, и притомъ чрезвычайно плоско, глупо и мелко». Что общаго могъ имѣть Печеринъ со всѣми этими Ивашковскими, Терновскими, Котельницкими, Герингами и Гастевыми, своими товарищами по университету, преподававшими такъ, что студенты больше забывали, чѣмъ узнавали, всецѣло погружившимися въ жалкіе интересы домашняго благополучія и чиновничьей карьеры, съ благочестивымъ Снегиревымъ, по сердечному влеченію строчившимъ доносы (между прочимъ и на Печерина), или съ грубымъ циникомъ Погодинымъ, который въ своемъ дубовомъ патріотизмѣ огуломъ ругалъ западную жизнь и западную науку? Этотъ самый Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ любопытный разсказъ, показывающій, какія чувства наполняли Печерина и его молодыхъ товарищей, какія мысли сверлили ихъ мозгъ; провожая ихъ отъ себя послѣ чая за оврагомъ на Дѣвичьемъ полѣ въ 1836 году, онъ говорилъ имъ: «Тѣ профессора, которыхъ вы теперь смѣняете: Ивашковскіе (предшественникъ Печерина по кафедрѣ), Котельницкіе и прочіе, были вѣдъ смолоду такъ же ревностны, такъ же благоговѣли къ наукѣ, такъ же горѣли желаніемъ распространять истину,—а что случилось съ ними теперь въ ихъ несчастной средѣ? Увидимъ, что будетъ съ вами»¹⁾.

Эта послѣдняя мысль была слишкомъ справедлива,—въ ней и заключался главный ужасъ ихъ положенія.

Печеринъ не могъ вынести этой муки. Повидимому, еще безъ всякаго опредѣленнаго плана, даже безъ яснаго намѣренія навсегда покинуть Россію, онъ уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву рѣшилъ на вакаціи уѣхать за границу. По свидѣтельству Герцена, подтверждаемому приводимымъ ниже письмомъ, онъ свелъ свои расходы на самое необходимое, давалъ уроки, избѣгалъ людей, и къ веснѣ скопилъ деньги, нужныя на поѣздку. Ему очевидно было не втерпежъ. Уже 19 февраля 1836 года, т.-е. задолго до начала каникулъ, которыя въ то время считались съ 10 іюня (по 22 іюля), онъ обращается въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ прошеніемъ²⁾: «Непредвидѣнныя обстоятельства, требующія моего присутствія въ Берлинѣ для свиданія съ однимъ весьма близкимъ ко мнѣ семействомъ, равно какъ и намѣреніе напечатать у книгопродавца Дюмлера мою диссертацию: *De Anthologia Graeca*,—заставляютъ меня просить покорнѣйше совѣтъ Императорскаго университета объ

¹⁾ „Школьные воспоминанія“ М. П. Погодина, *Вѣстн. Евр.*, 1868, авг., стр. 614.

²⁾ Эта, какъ и помѣщаемыя ниже официальные бумаги по дѣлу Печерина, заимствованы изъ архива московскаго университета (1836 г. № 8 „Объ увольненіи преподавателей въ отпуск“).

исходатайствованіи мнѣ отъ начальства позволенія ѣхать въ Берлинъ, въ отпускъ, на время лѣтнихъ вакацій». По постановленію комитета министровъ и съ царскаго согласія отпускъ ему былъ разрѣшенъ, о чемъ университетъ и извѣстилъ его 7-го мая; но это значило сидѣть въ Москвѣ еще цѣлый мѣсяцъ. И вотъ уже 11-го мая ректоръ сообщаетъ попечителю новое прошеніе Печерина: такъ какъ его занятія по занимаемой имъ должности должны прекратиться 14 мая, съ окончаніемъ экзамена, то онъ, Печеринъ, проситъ уволить его въ отпускъ съ сего времени, почему ректоръ спрашиваетъ, можно ли уволить Печерина ранѣе офіціального срока вакацій, т.-е. ранѣе 10-го іюня, и если можно, то удержать ли у него слѣдующее ему по 10 іюня жалованье со дня дачи отпуска. О судьбѣ, постигшей это второе прошеніе Печерина, мы ничего не знаемъ, но повидимому преждевременнаго отпуска онъ не получилъ; по крайней мѣрѣ, въ его формулярномъ спискѣ 1836 года значится, что онъ уволенъ былъ въ отпускъ съ 10 іюня.

Для свиданія ли съ старыми друзьями, или потому, что удобнѣйшій путь въ Берлинъ изъ Москвы велъ тогда чрезъ Петербургъ, но Печеринъ предъ отъѣздомъ за границу пробылъ еще нѣкоторое время въ сѣверной столицѣ: 16 іюля онъ провелъ вечеръ въ кружкѣ Никитенка, причемъ, какъ и раньше, «говорилъ о великихъ людяхъ». Въ іюлѣ онъ уѣхалъ за границу, и—какъ значится въ его формулярномъ спискѣ—болѣе «къ должности не явился».

Формально это было нарушеніемъ взятаго на себя обязательства, потому что, принимая въ 1833 году заграничную командировку, Печеринъ, въ числѣ другихъ командируемыхъ (Порошинъ и Генихъ), подписалъ бумагу, составленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы, нижеподписавшіеся, чувствуя въ полной мѣрѣ оказанное намъ благодѣяніе правительствомъ, доставившимъ средства на содержаніе себя въ продолженіе двухъ лѣтъ въ Берлинѣ для окончательнаго образованія въ тамошнемъ университетѣ,—по истеченіи сего срока обязуемся немедленно возвратиться въ Россію и прослужить не менѣе двѣнадцати лѣтъ по учебной части въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія». Дѣйствительно, противъ пропавшаго безъ вѣсти Печерина тотчасъ (въ февралѣ 1837 г.) было возбуждено судебное преслѣдованіе, прекращенное лишь въ 1846 году за нерозыскомъ обвиняемаго¹⁾. Лично для Печерина важнѣе была другая сторона дѣла: своимъ поступкомъ онъ нанесъ тяжелый ударъ гр. С. Г. Стро-

¹⁾ Объ этой канцелярской процедурѣ см. статью Нила Попова „Предачіе суду профессора В. С. Печерина“, *Юридич. Вѣстн.*, 1890 г., май, стр. 77 и слл.

гонову, который, будучи назначенъ въ 1835 году попечителемъ московскаго округа, на первый планъ поставилъ обновленіе университета, лелѣялъ молодыхъ доцентовъ, по его же настоянію назначенныхъ въ Москву, и благородствомъ своего характера, широтою взглядовъ, заботою объ истинныхъ нуждахъ просвѣщенія заслужилъ ихъ искреннюю симпатію. Отъѣздъ Печерина долженъ былъ глубоко огорчить Строгонова не только потому, что въ лицѣ Печерина университетъ терялъ цѣнную научную силу, но и потому, что этотъ проступокъ могъ тяжело отозваться на положеніи всего высшаго образованія въ Россіи, и во всякомъ случаѣ — на системѣ отправленія молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія за границу. Дѣйствительно, Калмыковъ рассказываетъ, что графъ несказанно скорбѣлъ о поступкѣ Печерина, писалъ къ нему, напоминалъ ему о долгѣ и совѣтовалъ вернуться въ отечество¹⁾. Въ отвѣтъ на эти увѣщанія Печеринъ, 23 марта 1837 года, изъ Брюсселя написалъ Строгонову нижеслѣдующее письмо, въ пламенныхъ строкахъ котораго заключено столько душевной муки, чистѣйшей муки человѣческаго идеализма, что мы не смѣемъ прибавить къ нимъ ни слова²⁾.

«Графъ!

«Письмо, коимъ Вы меня почтили, дошло до меня лишь 21-го сего мѣсяца, вѣроятно по оплошности почтмейстера въ Лугано. Спѣшу на него отвѣчать.

«Я глубоко тронуть участіемъ, которое Вы во мнѣ принимаете, Вашими добрыми намѣреніями относительно меня, Вашими великодушными предложеніями... О, если бы я еще былъ достоинъ такой заботливости!.. Но, графъ, я рѣшился. Судьба моя опредѣлена безвозвратно—вернуться вспять я не могу.

«Почти съ моего дѣтства надо мною тяготѣетъ непостижимый рокъ. Повинуюсь необоримому влеченію таинственной силы, толкающей меня къ неизвѣстной цѣли, которая виднѣется мнѣ въ будущности туманной, сомнительной, но сіяющей блескомъ всѣхъ земныхъ величій... Вотъ объясненіе загадки.

«Объяснюсь откровенно о сцѣпленіи мелкихъ обстоятельствъ, доведемъ меня до настоящаго моего положенія.

«Убаюкиваемый сладкими мечтами, я приближался, въ 1835 году, къ предѣламъ моей родины. Я остановился въ раздумьи у ея границы, я поднялъ глаза и увидѣлъ надъ нею зловѣщую надпись:

¹⁾ „Рус. Стар.“, 1887 г., апрѣль.

²⁾ Письмо писано по-французски; привожу его въ очень точномъ переводѣ „Рус. Архива“, 1870 г., № 11.

Voi ch'intrate, lasciate ogni speranza!

«И я прозрѣлъ ожидавшую меня будущность...

«Вы призвали меня въ Москву... Ахъ, графъ! Сколько зла Вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этихъ людей безъ вѣрованій, безъ Бога, живущихъ лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, какъ животныя; этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка ихъ Создателя; когда я увидѣлъ все это, я погибъ! Я видѣлъ себя обреченнымъ на то, чтобы провести съ этими людьми всю мою жизнь; я говорилъ себѣ: Кто знаетъ? Быть можетъ, время, привычка приведутъ тебя къ тому же результату; ты будешь вынужденъ спуститься къ уровню этихъ людей, которыхъ ты теперь презираешь; ты будешь валяться въ грязи ихъ общества, и ты станешь, какъ они, благонамѣреннымъ старымъ профессоромъ, насыщеннымъ деньгами, крестиками и всякою мерзостью!

«Тогда моимъ сердцемъ овладѣло глубокое отчаяніе, неизлѣчимая тоска. Мысль о самоубійствѣ, какъ черное облако, носилась надъ моимъ умомъ... Оставалось только избрать средство. Я не зналъ, что лучше: застрѣлиться ли, или медленно погибнуть отъ разѣдающаго яда мысли...

«Я погрузился въ мое отчаянье, я замкнулся въ одиночество моей души, я избралъ себѣ подругу столь же мрачную, столь же суровую, какъ я самъ... Этою подругою была *ненависть*! Да, я поклялся въ ненависти вѣчной, непримиримой ко всему меня окружавшему! Я лелѣялъ это чувство какъ любимую супругу. Я жилъ одинъ съ моею ненавистью, какъ живешь съ обожаемою женщиною. Ненависть—это былъ мой насущный хлѣбъ, это былъ божественный нектаръ, коимъ я ежеминутно упивался. Когда я выходилъ изъ моего одиночества, чтобы явиться въ этомъ ненавистномъ мнѣ свѣтѣ, я всегда показывалъ ему лицо спокойное и веселое; я даже удостоивалъ его улыбки... Ахъ! я походилъ на того лакедемонскаго ребенка, который не измѣнялся въ лицѣ, въ то время какъ когти звѣря, скрытаго подъ его одѣяніемъ, терзали его внутренности.

«Я сталъ въ прямой разрѣзъ съ вещественною жизнью, меня окружавшею; я началъ вести жизнь аскетическую; я питался хлѣбомъ и оливками, а ночью у меня были видѣнія.

«Всякій вечеръ звѣзда, гораздо болѣе блестящая, чѣмъ всѣ прочія, останавливалась передъ моимъ окномъ, насупротивъ моей кровати, и лучи ея ласкали мое лицо. Я вскорѣ догадался, что это та самая звѣзда, подъ которой я родился. Она была прекрасна, эта звѣзда! Ея блескъ манилъ меня, призывалъ меня ей подчиниться.

«Въ одну изъ этихъ торжественныхъ ночей я услышалъ голосъ моего Бога, тотъ строгій, грозный голосъ, который потрясъ всѣ струны моего сердца. Этотъ голосъ прокричалъ мнѣ: «Что ты тутъ дѣлаешь? Здѣсь нѣтъ будущности! Встань! Покинь страну твоихъ отцовъ! Возьми Мое святое знамя! Возьми Мой тяжкій крестъ, и носи его, если нужно, до Голгоѣы! Ты падешь, но имя твое будетъ записано въ книгѣ живота между именами величайшихъ мучениковъ человѣчества!» Я услышалъ этотъ голосъ и рѣшился.

«Между тѣмъ мои мнѣнія окрѣпли; изъ подвижныхъ и текущихъ они перешли въ состояніе окаменѣнія. Они приняли форму жесткую, суровую, пуританскую. То уже не были отвлеченныя начала, которыя можно обсуждать хладнокровно съ той и съ другой стороны. То была живая вѣра, слѣпое, непоколебимое, фанатическое убѣжденіе, то убѣжденіе, которое посылаетъ своихъ вѣрныхъ умирать на полѣ битвы, на кострѣ, на плахѣ...

«Вскорѣ весь мой катехизисъ свелся къ этому простому выраженію: *цоль оправдываетъ средства*. Я сказалъ себѣ: *Bisogna esse volpe o leone!* Мнѣ не позволяютъ быть львомъ; хорошо же, станемъ на время лисицею! Обманемъ своихъ тюремщиковъ! И проклятіе тѣмъ, кто меня къ тому принуждаетъ!

«Вотъ моя исторія... Относительно Васъ, графъ, я поступилъ недостойно.—Человѣкъ благородный и великодушный! Какъ я люблю и уважаю Васъ! Я готовъ отдать за Васъ жизнь—но... Вы лишь единичное лицо, и человѣчество имѣетъ болѣе правъ, чѣмъ Вы! Я отрекся отъ всякихъ чувствъ; у меня остались одни правила. Я служу неумолимому божеству. Я на его алтарь принесъ въ жертву то, что человѣку всего дороже—отечество, родныхъ, друзей! Я имѣлъ мужество отказаться отъ общественнаго положенія, весьма выгоднаго и обставленнаго всѣми прелестями вещественнаго довольства; я добровольно избралъ жизнь лишеній, жизнь бродячую, безпріютную, нерѣдко грозящую голодною смертью...

«Вы говорите мнѣ, графъ, о *долгѣ* и *чести*! Развѣ не мой долгъ прежде всего повиноваться моимъ убѣжденіямъ? А моя честь?—Пусть ее мараютъ, если хотятъ! Какое мнѣ дѣло до моей чести, до моего добраго имени, только бы восторжествовало мое убѣжденіе. Ношу въ сердцѣ моемъ глубокое предчувствіе великихъ судебъ. Вѣрю въ свою будущность, вѣрю въ нее твердо и слѣпо...

«Юношеское ли это тщеславіе? Или безмѣрное честолюбіе? Или безуміе?—Не знаю.—Мой часъ еще не насталъ.

«Провидѣніе никогда не обманываетъ. Сѣмена великихъ идей, бросаемя имъ въ нашу душу, всегда суть вѣрный залогъ прекрасной жатвы славы... Слава! Волшебное слово! Небесный при-

зракъ, для котораго я распинаюсь! О Провидѣніе! Прошу у тебя лишь дня, единаго дня славы, и дарю тебѣ остатокъ моей жизни!

«Извините, графъ, лихорадочную напряженность, беспорядочность, безуміе этого письма, и прощайте на вѣки. Примите это письмо, какъ завѣщаніе умирающаго, ибо я умираю для всего, что когда-то было мнѣ дорого. Завѣщаю Вамъ мою любовь къ этимъ юношамъ, которыхъ Небо поручило Вашему попеченію. Берегите эти прекрасныя, нѣжныя растенія! Защищайте ихъ отъ аквилона! Сохраняйте ихъ для лучшаго будущаго! Да сохранитъ Васъ Богъ, графъ! Да поддержитъ Васъ, на Вашемъ трудномъ пути, Его всемогущая десница. Да увѣнчаетъ блестящій успѣхъ Ваши великодушныя усилія!

«Забудьте, что я когда-либо существовалъ, и простите меня! Не довольно ли я поплатился за мой проступокъ, разорвавъ свой договоръ съ жизнью и съ счастьемъ? Я извлекъ изъ своего измученнаго сердца нѣсколько капель крови и подписалъ окончательный договоръ съ дьяволомъ, а этотъ дьяволъ—*мысль*. Имѣю честь быть, съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью, которая кончится лишь съ моею жизнью, Вашъ покорнѣйшій слуга

Владиміръ Печеринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Гершензонъ.

Изъ японской исторіи.

Мейджи.

Вѣкъ японскаго просвѣщенія.

I.

Именемъ Мейджи обозначаютъ въ Японіи на оффиціалномъ языкѣ время царствованія императора Муцу Гито, вступившаго на престолъ въ 1867 г. и занимающаго его и доннѣ. Тѣмъ или другимъ годомъ Мейджи датируются японскіе манифесты, указы и другіе подобныя оффиціальныя акты. Когда японскій императоръ умретъ, для него самого не будетъ оффиціально другого имени, кромѣ Мейджи. Время царствованія каждаго императора носить въ Японіи свое имя; Мейджи специально относится къ правленію Муцу Гито. Это значитъ «просвѣщенная эпоха», «эпоха просвѣщеннаго закона».

Исторія европейскихъ странъ знаетъ нѣсколько подобныхъ названій, присвоенныхъ той или другой эпохѣ. Правда, не всегда эти названія приняты оффиціальнымъ языкомъ; тѣмъ не менѣе они удержались въ языкѣ хотя бы и не оффиціальномъ. Такъ, всякій знаетъ, чье царствованіе надо разумѣть подъ именемъ эпохи великихъ реформъ, или преобразовательной эпохи; за XVIII вѣкомъ въ европейской исторіи твердо установилось названіе «вѣкъ просвѣщенія».

Вотъ такой вѣкъ просвѣщенія и представляетъ собой японское Мейджи. Въ самомъ дѣлѣ, это—крупная эпоха въ исторіи Японіи. Въ эти годы, въ годы правленія Муцу Гито, страна восходящаго солнца открылась для европейцевъ, японскій народъ и японское государство подчинились вліянію европейской культуры, и совершился цѣлый рядъ важныхъ реформъ, преобразившій Японію почти до неузнаваемости. Говоря объ одной только изъ этихъ реформъ, извѣстный японовѣдъ Александръ фонъ Зибольдъ находитъ, что это преобразование «оставляетъ за собой и дѣянія Петра Великаго, и реформы Юсифа II, и даже французскую революцію».

И дѣйствительно, при первомъ знакомствѣ съ исторіей Мейджи остаешься подѣ впечатлѣніемъ превращенія, почти сказочнаго. Если сравнить Японію пятьдесятъ лѣтъ назадъ съ нынѣшней Японіей, разница прямо бросается въ глаза.

Въ 1853 и 1854 гг. Гончаровъ на фрегатѣ «Паллада», бывшемъ въ составѣ эскадры адмирала Путятина, посѣтилъ Японію, именно Нагасаки. Въ своихъ запискахъ онъ оставилъ картину тогдашней Японіи. Рисуя въ яркихъ, выпуклыхъ чертахъ эту японскую «обломовщину», Гончаровъ восклицаетъ: «Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ въ неискусныхъ или скорѣе несвободныхъ, связанныхъ какими-то ненужными путами рукахъ!»

Таково было впечатлѣніе путешественника, пять мѣсяцевъ проведшаго у береговъ Японіи. Говоря о томъ, что страна эта закрыта для иностранцевъ, Гончаровъ замѣчаетъ: «Если и Японіи суждено отворить настѣжь ворота передъ иностранцами, то это случится еще медленнѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Развѣ только принудятъ ее къ тому войной». И о чемъ бы ни рассказывалъ Гончаровъ, картина получается одна и та же. Говоритъ ли онъ о японскихъ войскахъ, — солдаты вооружены чехлами безъ ружей, кавалерію представляетъ одинъ единственный всадникъ, еле держащійся на лошади, пушки — на развалившихся станкахъ и плавающія на водѣ; зато флотъ, состоящій изъ китайскихъ джонокъ, плаваетъ плохо и не дерзаетъ отходить отъ береговъ. Идетъ ли рѣчь о японскихъ сановникахъ, — они выходятъ въ коронахъ изъ папье-маше и разсуждаютъ о томъ, можно ли принимать въ подарокъ отъ русскихъ пустую бутылку.

Если отвлечься отъ этихъ картинокъ и подойти къ тогдашней Японіи съ наблюдательнымъ аппаратомъ историка, не романиста, впечатлѣніе отъ перваго знакомства будетъ мало чѣмъ уступать впечатлѣнію Гончарова.

Сильно развитое интенсивное земледѣліе, — поля воздѣланы какъ сады или огороды; національная кустарная промышленность, разбросанная по всей странѣ, — и ни одной фабрики; денежная единица, въ которой высчитывается всякая цѣнность, — рисъ; рисомъ вносятся оброки, налоги, рисомъ платится жалованье чиновникамъ. Слабая внутренняя торговля и почти никакой внѣшней; единственное уязвимое для иноземныхъ купцовъ мѣсто — островъ Десима у нагасакскаго берега, и на этомъ островѣ безвыходно заперты голландцы, которые не смѣютъ сѣзжать на берегъ и должны въ знакъ своей благонадежности топтать по требованію полиціи христіанское распятіе.

Соціальное дѣленіе, построенное на сословномъ началѣ. Низшіе классы, хейминъ, въ полномъ пренебреженіи; ремесленники,

купцы, стоящіе на общественной лѣстницѣ ниже крестьянъ, и уже совсѣмъ паріи—ета, къ которымъ принадлежать, напримѣръ, кожевники и башмачники. Высшіе классы держатъ въ рукахъ и власть, и богатство. Это придворная знать—куге, феодальные князья—дайміосы, и ихъ вассалы, военное дворянство—самураи. Громадныя латифундіи и масса крѣпостныхъ— въ рукахъ феодаловъ и монастырей. Это—полный расцвѣтъ феодализма, какой былъ въ Европѣ въ средніе вѣка.

Феодализмъ опредѣляетъ собою и политическое устройство. Фактически власть находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ дайміосовъ, дѣлящихъ между собой всѣ японскія области. Выше ихъ стоитъ шогунъ—любопытная фигура, напоминающая однимъ изслѣдователямъ римскихъ императоровъ въ послѣдніе годы римской республики, другимъ—франкскихъ мажордомовъ передъ обращеніемъ ихъ въ королей. Шогунъ—настоящій монархъ Японіи; его резиденція—Іеддо. Въ Кіото живетъ номинальный государь, императоръ, носящій титулъ микадо; но онъ запертъ въ своемъ дворцѣ, не можетъ его покинуть, такъ какъ всякій шагъ его по землѣ осквернилъ бы его священную особу, и не имѣетъ рѣшительно никакой власти, такъ что иноземцы даже и не предполагаютъ самаго его существованія и титулуютъ величествомъ шогуна.

При такомъ политическомъ устройствѣ, при мажордомахъ, феодализмъ и крѣпостномъ правѣ, не можетъ быть рѣчи о правахъ личности, о ея свободѣ. Народъ имѣетъ только одно право—повиноваться. Простолудинъ не можетъ: носить оружія, ѣздить верхомъ на лошади, сидѣть въ носилкахъ, одѣваться, жениться, распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ благородный. Зато каждый благородный носить два меча или двѣ сабли, и если простолудинъ не будетъ съ нимъ достаточно вѣжливъ, дворянинъ можетъ убить его.

Культура замкнутая, національная, воспитанная по китайскимъ образцамъ, съ китайской классической школой, съ китайской стѣной для герметическаго огражденія отъ европейцевъ и европейскаго вліянія. Полное запрещеніе японцамъ выѣзжать за границу и допущеніе однихъ почти плѣнныхъ голландцевъ на островъ Десиму, служащій для нихъ тюрьмой.

Такова Японія пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Можно ли не согласиться съ Гончаровымъ, когда онъ говоритъ, что «глухо заперто зданіе и ключъ потерянь»?

Затѣмъ начинается рядъ перемѣнъ. Въ томъ же 1853 г., когда русская эскадра адмирала Путятина тщетно добивалась знакомства съ Японіей, у японскихъ береговъ появилась американская эскадра коммодора Перри, которой и удалось заключить съ Японіей первый

торговый договоръ и такимъ образомъ открыть страну для Америки и Европы. Съ 1868 г., со второго года Мейджи, начались внутреннія реформы. Въ 1868 г. пала власть шогуна, и правленіе взялъ въ свои руки самъ микадо. Въ 1869 г. начата военная реформа, давшая Японіи всеобщую воинскую повинность; реформа дополнена въ 1872 г. и завершена въ 1883 г.; рядомъ съ арміей выросталъ постепенно флотъ. Въ 1871 г. отмиѣненъ феодализмъ и освобождены крестьяне. Въ 1872 г. выросли первая фабрика и первая желѣзная дорога. Въ 1875 г. введено обязательное начальное обученіе подъ угрозой штрафа. Въ 1876 г. судебная власть отдѣлена отъ исполнительной и устроены новые суды. Въ 1877 г. учрежденъ первый университетъ въ Токио. Въ 1879 г. изданъ законъ о губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Въ 1880 г. обнародованы первые кодексы. Въ 1889 г. объявлена конституція. Въ 1890 г. открытъ первый парламентъ. Въ 1898 г. основанъ второй университетъ въ Кіото и составлено новое гражданское уложеніе. Въ 1899 г. Японія официально принята въ международную семью цивилизованныхъ націй. Въ 1900 г. расширено парламентское избирательное право. Въ 1901 г. открытъ въ Токио на частныя средства первый женскій университетъ. Въ 1902 г. подписанъ договоръ о союзѣ съ Англійей.

Одинъ этотъ переченьъ способенъ вызвать изумленіе. Въ экономическомъ отношеніи онъ свидѣтельствуетъ о переходѣ Японіи къ денежному хозяйству, къ капитализму и фабричной промышленности, къ участію во всемірной торговлѣ. Въ социальномъ—переходъ отъ феодально-дворянскаго строя къ новому, болѣе демократическому, болѣе буржуазному, съ выдвинутымъ впередъ рабочимъ вопросомъ. Въ политическомъ—замѣна шогуната и феодализма сперва абсолютной монархіей съ бюрократическимъ управленіемъ, а затѣмъ—конституціонной монархіей съ гарантіями свободы и съ земскимъ самоуправленіемъ. Въ военномъ устройствѣ—замѣна феодальнаго дворянскаго войска всесословной арміей и флотилии береговыхъ джонокъ громаднымъ боевымъ флотомъ. Въ школьномъ дѣлѣ—введеніе европейскаго образованія съ системой низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, съ мужскими и женскими университетами, съ техническими и коммерческими училищами, съ обязательнымъ начальнымъ обученіемъ, и въ результатъ—почти поголовная грамотность. Въ судебномъ отношеніи—введеніе европейскихъ законодательныхъ нормъ, европейскаго права, судостройства и судопроизводства. И всѣ эти преобразованія—по образцамъ, даннымъ Европой и Америкой, подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ европейской культуры и цивилизаціи. Въ результатъ—при-

знание равноправности съ державами Америки и Европы, вступленіе въ ихъ среду наравнѣ съ ними.

Тотъ ключъ отъ зданія, объ утратѣ котораго такъ скорбѣлъ Гончаровъ, повидимому, нашелся.

Нѣсколько цифръ дополняютъ эту блистательную картину. Ростъ японской промышленности и торговли за послѣднія 30 лѣтъ привелъ къ тому, что японскія спички и ткани, и японскій каменный уголь успѣшно конкурируютъ съ Европой и Америкой на восточно-азиатскихъ рынкахъ, а уголь вытѣсняетъ даже Англію изъ Бомбея. Все это выразилось въ общей цифрѣ японской внѣшней торговли, обороты которой за 1868—1901 гг. выросли въ 20 разъ. Въ то же время капиталы акціонерныхъ компаній за 6 лѣтъ, 1892—1898, увеличились на 212,8%. Процентъ городского населенія въ городахъ не менѣе, чѣмъ съ 20.000 жителей, достигъ уже 14, а это процентъ всего городского населенія Россіи по переписи 1897 года. Сѣтъ японскихъ желѣзныхъ дорогъ вычисляется уже въ 8.164 километра, телеграфная сѣтъ—въ 27.478 килом. и телефонная—въ 2.587 км. Торговый флотъ насчитываетъ 1.321 паровыхъ, 3.850 парусныхъ судовъ. Армія въ военное время равняется почти милліону. Военный флотъ въ полтора раза больше русскаго флота на Дальнемъ Востокѣ. По даннымъ полковника Богуславскаго, въ начальныхъ школахъ обучается на 100.000 больше дѣтей, чѣмъ во всѣхъ начальныхъ школахъ Россіи, хотя Россія на 85 милліоновъ больше населена, чѣмъ Японія. Процентъ грамотныхъ въ Японіи—70, въ Россіи—22 и самое большее—28. Печатныхъ книгъ въ Японіи выходитъ въ годъ по одной на 1.600 жителей, въ Россіи (безъ Финляндіи)—по одной книгѣ на 11.000 человекъ.

Такъ измѣнилась Японія за послѣднее полстолѣтія. Какъ объяснить такія быстрыя, одна за другой безостановочно слѣдующія, и особенно такія удачныя преобразованія?

Обозрѣватель «Вѣстника Европы» въ январской книгѣ за текущій годъ, говоря о русско-японскомъ конфликтѣ, пишетъ: «Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Японія вступила на путь своего національнаго пробужденія и обновленія; еще недавно она вызывала лишь снисходительное любопытство иностранныхъ путешественниковъ, а теперь приходится считаться съ нею, какъ съ равноправнымъ и культурнымъ государствомъ». Необычайная удача японскихъ реформъ, по мнѣнію журнала, такимъ образомъ, объясняется мудростью японскихъ министровъ и твердостью японскаго правительства. Авторъ извѣстныхъ книгъ о Японіи и переводчикъ книги Гессе Вартега, Д. И. Шрейдеръ, тѣ же качества

приписывает уже не однимъ министрамъ, а всему японскому народу. «Населеніе, достаточно грамотное и развитое, глубоко любить свою родину и потому охотно мирится и подчиняется преобразованіямъ и новшествамъ. Выше своего личнаго блага оно ставитъ благо родины и поддерживаетъ свое правительство въ благихъ начинаніяхъ. Оно повинуется вполне сознательно, разумно, въ виду ясно понимаемой имъ необходимости». Самыя реформы представляются Д. И. Шрейдеру крутымъ переворотомъ, сразу измѣнившимъ весь обликъ Японіи; главную роль при этомъ онъ приписываетъ вліянію европейской цивилизаціи. «Понятно,—пишетъ онъ,—что когда японцы впервые столкнулись съ европейцами и увидѣли, что въ другихъ странахъ люди живутъ совсѣмъ иначе, то не захотѣли продолжать свою подневольную жизнь. Они сразу порвали со своими предрасудками, страхнули съ себя весь тотъ гнетъ, который пригибалъ такъ долго ихъ спины къ землѣ, и дѣлательно принялись за преобразование своей родины. Они поняли, какое огромное преимущество даетъ европейцамъ ихъ наука и знаніе, и съ безпримѣрнымъ увлеченіемъ принялись догонять ихъ въ томъ, въ чемъ они такъ страшно отъ нихъ отстали. Въ короткое время они почти сравнялись со своими учителями. Теперь въ Японіи не существуетъ уже ничего похожего на то, что было тридцать пять лѣтъ тому назадъ». Также и Зибольдъ признающій, что японскія реформы оставляютъ за собою «дѣянія Петра Великаго, и реформы Іосифа II, и даже французскую революцію», считаетъ все это—«великимъ дѣломъ, которое совершено японскими государственными людьми и дипломатами эпохи Мейджи, заложившими фундаментъ цивилизаціи въ Японіи и поставившими эту страну на равную ногу съ другими націями въ мірѣ».

Точно такъ же еще не такъ давно писали и говорили о преобразовательной эпохѣ Петра Великаго, о реформахъ Александра II, о французской революціи. Первое мѣсто въ преобразовательной дѣятельности Петра отводили западному вліянію; мудрость министровъ и твердость правительства взвѣшивались при объясненіи реформъ; происшедшія перемѣны объявлялись крутымъ переворотомъ, не оставившимъ камня на камнѣ и легшимъ бездонной пропастью между старымъ и новымъ, прошлымъ и настоящимъ. Историческая наука постигла уже теперь всю неправильность и необоснованность такихъ истолкованій; открылись новыя глубины, новыя перспективы; эволюціонная точка зрѣнія вступила постепенно въ свои права.

И относительно Японіи надлежитъ предпринять подобную же работу. Объяснять японскія реформы мудростью министровъ и мудростью всего населенія, или патріотизмомъ и самопожертвова-

ніемъ тѣхъ и другихъ — значить признавать эти реформы необъяснимыми, а японскую исторію послѣдняго полувѣка — объявлять сплошнымъ чудомъ. Также и западное, европейское или американское, культурное вліяніе ничего не объясняетъ, потому что на разной почвѣ бываютъ и разные плоды. Отказываемся мы повѣрить и въ то, что въ новой Японіи не осталось никакихъ слѣдовъ Японіи старой, — что превращеніе было такъ круто и такъ полно, что настоящее совсѣмъ не связано съ прошлымъ; отказываемся вѣрить потому, что исторія не знаетъ ни такихъ баснословно законченныхъ, ни такихъ чудесно быстрыхъ, ни такихъ сказочно удачныхъ превращеній.

II.

Прежде всего приходится констатировать фактъ, что Японія не на всемъ протяженіи своей исторіи была закрыта для иноземцевъ и иноземныхъ вліяній, что даже такое закрытіе являлось скорѣе въ ея исторіи исключеніемъ и что никогда это закрытіе не было герметическимъ.

Первое внѣшнее вліяніе, какое можно открыть въ прошломъ японскаго народа, было вліяніе китайское. Наиболѣе ранніе зачатки этого вліянія обнаруживаются уже въ III вѣкѣ нашей эры, когда проводниками китайской культуры служатъ японскія войска, воевавшія на материкѣ въ Корей, и корейскіе послы, приносявшіе японцамъ дань; черезъ нихъ японцы получили впервые китайскую письменность и китайскую медицину, часть твореній Конфуція и его послѣдователей, шелковицу и шелковичнаго червя, прядильное и ткацкое искусство. Въ 552 г. въ Японію было привезено первое изображеніе Будды и начало проникать буддійское ученіе. Съ конца VI и начала VII вѣка вліяніе китайской культурѣ усиливается и охватываетъ различныя стороны жизни. Изъ Китая пропикаютъ въ Японію китайскія искусства, науки, обычаи, ремесла, и наконецъ учрежденія — религіозныя, политическія, соціальныя. Это — настоящее нашествіе китайской культуры. Буддизмъ, занесенный изъ Средняго царства, торжествуетъ; число буддійскихъ храмовъ достигаетъ скоро 46 и число жрецовъ и монаховъ — 1.385. Японцы усваиваютъ китайскій календарь, китайскій языкъ, письменность, литературу. Вводятся наконецъ политическіе порядки Китая, съ развитой китайской бюрократіей.

Не все въ китайской культурѣ равно усваивается японской средой и легко пересаживается на японскую почву. Съ VIII по XI вѣкъ китайская культура частью сильнѣе упрочивается въ Японіи, частью, наоборотъ, не можетъ привиться и скоро отбрасывается, какъ не-

нужное. Всего меньше принимается на японской почве китайский мандаринатъ. Напротивъ, въ всякой зависимости отъ Китая, принципъ наследственности торжествуетъ, и слагается феодализмъ.

Такъ рассказываетъ объ этомъ первомъ китайскомъ вліяніи Пьеръ Леруа Больё. У того же автора находимъ исторію первыхъ сношеній Японіи съ Европой и перваго періода европейскаго вліянія на Японію, приходящихся на XVI и начало XVII вѣка. Это было специально португальское вліяніе. Въ 1542 г. три португальца потерпѣли крушеніе у южно-японскихъ береговъ. Въ 1545 г. португалець Фернанъ Мендець Пинто явился со своимъ кораблемъ на югъ Кіу-Сіу. Его хорошо принялъ князь Бунго. Въ 1549 г. по слѣдамъ Пинто въ Японію прибылъ миссіонеръ-іезуитъ Францискъ-Ксаверій; онъ открылъ свою проповѣдь во владѣніяхъ князей Сацумы и Бунго.

За этими первыми піонерами явились другіе португальцы, мореплаватели, миссіонеры, купцы. Возникла японская католическая церковь, завязалась торговля. Первое, что особенно ревностно стали перенимать у европейцевъ японцы, было огнестрѣльное оружіе. По словамъ Пинто, когда онъ подарилъ князю Танегашимы мушкетъ, всѣ городскіе оружейники принялись тотчасъ же за работу, и черезъ 5½ мѣсяцевъ въ странѣ было уже 600 мушкетовъ японскаго изготовленія; а черезъ нѣсколько лѣтъ было уже будто бы тридцать тысячъ ружей въ столицѣ и 300.000 во всемъ княжествѣ Бунго. Съ 1582 г. артиллерія играла уже видную роль въ военномъ дѣлѣ японцевъ. Христіанство тоже дѣлало поразительные успѣхи. Изъ 10 милліоновъ жителей Японіи къ началу XVII в. насчитывали уже цѣлый милліонъ христіанъ. На югѣ, на островѣ Кіу-Сіу, половина всѣхъ дайміосовъ были католики, какъ и большая часть ихъ подданныхъ; христіанъ было много и на Сикоку и на Ниппонѣ. Было уже 200 христіанскихъ храмовъ, въ томъ числѣ даже въ Кіото. Въ Нагасакахъ почти не оставалось язычниковъ. Въ 1582 г. князья Бунго, Аримы и Омуръ отправляли посольство въ Европу, къ римскому папѣ; посольство было торжественно принято Сикстомъ V и затѣмъ объѣхало Португалію, Испанію, Италію. Точно такъ же проникли въ Японію и другія отрасли европейской культуры. Японцы разводили табакъ, строили европейскіе корабли, и на этихъ корабляхъ доѣзжали даже до Мексики.

Три причины вызвали реакцію и положили предѣлы этому расцвѣту европейскаго вліянія. Это вліяніе европейцевъ грозило Японіи полнымъ порабощеніемъ; притокъ торговцевъ и промышленниковъ изъ Европы все увеличивался; могли явиться оттуда же во-

оруженныя силы и занять японскую территорію. Въ то же время, католикамъ-португальцамъ явились конкурентами другіе европейцы, уже протестантскаго толка,—голландцы и англичане; новые пришельцы соперничали со старыми, и старались повредить имъ въ глазахъ мѣстнаго правительства. Шогуны Токугава находились также подъ вліяніемъ буддійскаго духовенства, бывшаго, конечно, враждебнымъ новому ученію. Дѣло кончилось гоненіями на католиковъ, хри чемъ пострадали многіе изъ нихъ, и формальнымъ изгнаніемъ прістіанъ изъ страны; борьба была закончена въ 1638 г. Только голландцы сохранили право торговать съ японцами, да и то со всевозможными стѣсненіями. Сперва, въ 1609 и 1611 гг., имъ открыли для торговли всю страну; потомъ, въ 1617 г., только два порта — Хирадо и Нагасаки; въ 1637 г. — только Нагасаки. Голландцы были выселены на островъ Десиму, въ виду Нагасака, и здѣсь подчинены строжайшему контролю; имъ воспрещено было сѣзжать на берегъ, и только разъ въ годъ они могли ѣздить въ Иеддо, къ шогуну, отвозить ему почтительнѣйше свои подарки.

Въ то же время развивалась національная японская образованность, и въ ея исторіи нельзя открыть никакихъ признаковъ застоя. По словамъ Реклю (въ русскомъ переводѣ Л. И. Бородавскаго), съ восьмого вѣка развивалась литература въ буддійскихъ монастыряхъ; здѣсь писались и переписывались хроники, философскіе и богословскіе трактаты. Въ XII и XIII вѣкахъ сложилась рыцарская поэзія; въ феодальныхъ замкахъ устраивались *coups d'armes*, рыцари и трубадуры создавали романы и лирическія пѣсни. Въ XVII вѣкѣ началось литературное движеніе, подобное ренессансу. XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ энциклопедистовъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ, ссылаясь на Льва Мечникова,—интеллектуальная эволюція Страны Восходящаго Солнца совершалась параллельно умственному движенію западнаго міра».

Но и самый этотъ западный міръ продолжалъ вліять на культуру Японіи, несмотря на закрытіе страны для иноземцевъ. Закрытіе это, какъ оказывается, отнюдь не было герметическимъ. Правительству шогуновъ изъ фамиліи Токугава не удалось окончательно изолировать Японію, застраховать отъ всякаго вліянія Европы; это вліяніе просачивалось въ Японію изъ той «Нѣмецкой слободы», которую представляла колонія голландцевъ на Десимѣ. Признаки этого просачиванія Леруа Болье и Реклю находятъ въ XVIII вѣкѣ. Дворянская молодежь, любознательные юные самураи, дѣлали попытки чему-нибудь научиться у голландцевъ. Японцевъ особенно привлекала европейская медицина. Они добыли у голландцевъ анатомическій атласъ, достали трупъ и принялись за работу;

затѣмъ достали и перевели курсъ анатоміи. Въ концѣ XVIII вѣка имѣлись уже голландско-японскіе словари и были переведены разныя европейскія книги. Редакторъ одного изъ японскихъ журналовъ, Фукузава, показывалъ Леруа Болье книгу, переведенную съ голландскаго на японскій языкъ и изданную въ 1770 г. По словамъ Реклю, у голландцевъ японцы черпали также географическія познанія. Въ 1807 г. японецъ Ино составилъ карту Японіи, при чемъ воспользовался голландскими источниками. Въ то же время производились японцами экспедиціи для описанія сосѣднихъ странъ: Курильскихъ острововъ, Сахалина, Сибири, Манджуріи. Русскій лейтенантъ Головинъ, попавшій въ 1811 г. въ плѣнъ къ японцамъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что японцы могли уже высчитывать широту и долготу. Тотъ же Фукузава, о которомъ мы выше упоминали, изучалъ до 1853 г., т.-е. до открытія страны иноземцамъ, голландскія книги. И шогуну Токугава должны были смотрѣть на все это сквозь пальцы.

О времени съ 1853 г. до 1868 г. у насъ есть также любопытныя свѣдѣнія. Это было какъ разъ то время, когда, вслѣдъ за появленіемъ въ японскихъ водахъ у Иеддо американской эскадры Перри, началась въ высшихъ сферахъ Японіи борьба за и противъ допущенія иноземцевъ. Высшія сферы по этому вопросу раскололись. Шогунъ и часть дайміосовъ рѣшили на открытіе портовъ Симоды и Хакодате и назначеніе американскаго консула, а затѣмъ должны были подписать торговые договоры и съ Франціей, Англіей и Россіей. Большинство дайміосовъ, особенно дайміосы юга и запада, съ княземъ Мито во главѣ, были противъ, и въ этой оппозиціи шогуну соединились съ проживавшимъ въ Кіото императоромъ. Но эти самые дайміосы, и среди нихъ дайміосы Сацумы, Тозы, Нагато, по словамъ Реклю, сами уже подверглись процессу европеизаціи. Въ ихъ войскахъ были инструкторы европейцы, въ ихъ резиденціяхъ—медики и учителя европейцы и американцы, и оружіе и порохъ получали они отъ иностранцевъ. При такихъ условіяхъ,—говоритъ Реклю,—«невозможно было вернуться къ старому и уничтожить совершившіеся факты».

И въ самомъ дѣлѣ, какъ только власть шогуна была сломлена коалиціей императора и дайміосовъ, и восстановлена императорская власть,—вопросъ о борьбѣ съ иноземцами получилъ совершенно неожиданное рѣшеніе, и Японія была открыта для иноземцевъ. Новый императоръ, только недавно вступившій на престолъ и упраздившій власть шогуна, усвоилъ теперь его программу. Иностраннымъ державамъ было, какъ рассказываетъ де-Волланъ, сообщено, что «и новое правительство признаетъ трактаты, заключенные съ

иностранными державами». Иностраннымъ резидентамъ была дана торжественная аудіенція. Послѣ этого начались по европейскимъ образцамъ реформы, которыми ознаменовался вѣкъ японскаго просвѣщенія—Мейджи.

Новѣйшій періодъ европеизаціи Японіи начинается, такимъ образомъ, съ 1868 г., — съ того момента, когда реставрированное правительство микадо рѣшилось на открытіе страны. Какъ мы видѣли, этотъ моментъ не является совершенно оторваннымъ отъ всей предыдущей исторіи Японіи; ему предшествуетъ, наоборотъ, длинный рядъ прецедентовъ. Этотъ рядъ составляютъ: китайское вліяніе съ VI вѣка, европейско-португальское въ XVI—XVII вѣкахъ, голландское (хотя ограниченное) съ половины XVII в.; въ XVIII вѣкѣ просачиваются изъ голландской колоніи на Десимѣ европейскія знанія, — медицинскія, географическія, — особенно въ среду молодыхъ самураевъ; затѣмъ представители Европы и Америки, военные инструкторы, медики и учителя и поставщики оружія и пороха оказываются при дворѣ даймюсовъ. Когда европейско-американская культура въ 1853 г. бронированнымъ кулакомъ застучалась въ двери Японіи, — двери эти давно уже отказывались служить преградой. И открытіе Японіи для европейской культуры необходимо поставить въ рядъ этихъ прецедентовъ и разсматривать въ этой связи.

Если взглянуть въ причины этой послѣдней фазы европеизаціи Японіи, то придется объяснить ее тѣмъ, что въ періодъ 1853—68 годовъ, «выяснилась крайняя слабость и неподготовленность Японіи къ сопротивленію, и поэтому вся невозможность немедленнаго изгнанія иноземцевъ. Чтобы быть сильнѣе въ будущемъ, необходимо было заимствовать у европейцевъ то, что дѣлало ихъ сильными». Когда британская эскадра въ наказаніе за убійство Ричардсона въ 1863 году бомбардировала столицу Сацумы Кагосиму, а въ 1864 форсировала Симоносекскій проливъ, несмотря на огонь съ батарей даймюса Чошіу, японцы должны были понять, что сопротивляться Европѣ можно только европейскимъ оружіемъ. Нужно было усвоить всю европейскую культуру, — пушки, ружья, военное обученіе, а также и неразрывно съ этимъ всѣмъ связанная промышленность, торговлю, науку. Сохранять свою изолированность оказывалось невозможнымъ; европейская культура должна была спасти независимость Японіи отъ той же Европы. Въ этомъ объясненіи сходятся всѣ авторы. Гессе Вартегъ идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше другихъ и доказываетъ, что Японія усваиваетъ европейскую матеріальную культуру не только для того, чтобы сохранить свою независимость отъ Европы, но чтобы въ

концѣ концовъ подчинить себѣ самоѣ Европу. Нѣмецкій авторъ жалуется, что «Японія усвоила себѣ всѣ наши новѣйшія изобрѣтенія и открытія, испытала всѣ системы, какія она нашла въ Европѣ, и примѣнила ихъ у себя не точно въ такомъ видѣ, нѣтъ, — она примѣнила ихъ настолько, насколько это нужно было для укрѣпленія ея силъ. Во всемъ этомъ помогали имъ европейскіе мастера, и когда японцы узнали все то, что имъ нужно было знать, они отпустили европейскихъ мастеровъ и выпроводили ихъ изъ своей страны». Гессе Вартегъ хотѣлъ бы, чтобы Японія усвоила себѣ европейскую культуру не для себя, а для европейцевъ, чтобы она обратилась только въ рынокъ для европейскихъ «платьевъ, башмаковъ, шляпъ, бѣлья и проч.», или даже въ колониальное владѣніе той или другой изъ европейскихъ державъ. Этого не случилось, потому что не для того японцы усваивали европейскую культуру. И Гессе Вартегъ указываетъ многое, что осталось въ Японіи по-старому. Японія преобразовала порядки, довела до значительной высоты школу, переняла матеріальную культуру, — армію и флотъ, фабрики и желѣзныя дороги, телефоны и электрическіе трамваи, и для парадныхъ случаевъ европейскіе мундиры и европейскіе корсеты. Но старые нравы остались во всей своей неприкосновенности. Все также царитъ многоженство, все также родители продаютъ въ случаѣ нужды дочерей, и японскіе кавалерійскіе офицеры въ частной жизни все также облачаются въ кимоно на голое тѣло, въ деревянныя сандалии на босую ногу. И въ общемъ выводъ получается, что «Японія осталась тѣмъ, чѣмъ была, и впредь останется такою же». Съ своей стороны Дюмоларъ, проведшій въ Японіи три года, приходитъ къ аналогичнымъ заключеніямъ. По его словамъ, оказывается, что вліяніе европейской культуры обнаруживается въ Японіи на одномъ правительствѣ, и правительство уже отъ себя старается распространить этотъ «свѣтъ знанія» въ народныхъ массахъ. Всюду въ Японіи Дюмоларъ находитъ слѣды стараго варварства, признаки недостаточнаго усвоенія новой европейской культуры. Таковы его выводы, напримѣръ, о японской школѣ. Ея колоссальному количественному развитію не соответствуетъ качественный уровень. Въ низшихъ и среднихъ училищахъ воспитываются преимущественно вѣрнопопданые и шовинисты; таково и воздѣйствіе педагоговъ. Въ университетахъ студенты не умѣютъ работать надъ наукой иначе, какъ путемъ зубренія лекцій. Профессора отличаются отсутствіемъ научной любознательности; они рѣшительно ничего не видятъ внѣ практическихъ интересовъ. Необыкновенная національная гордость японцевъ содѣйствуетъ обращенію ихъ въ націоналистовъ, и «японское собраніе», о которомъ

разсказывает Дюмоларъ, объединяетъ многихъ студентовъ и другихъ интеллигентовъ въ защитѣ трехъ старыхъ религій Японіи (Конфуція, Будды и Синто) противъ разрушительныхъ вліяній Европы. Органомъ этого кружка является журналъ, въ одной изъ статей котораго профессоръ военной академіи Чизо Найто доказываетъ между прочимъ, что, «одни японцы имѣютъ право на имя людей, а другіе народы—если не обезьяны, то во всякомъ случаѣ дикари».

Итакъ, европейское вліяніе въ Японіи не появилось внезапно съ половины XIX вѣка, но развивалось задолго, просачивалось вѣками; съ другой стороны, и въ настоящее время европейская культура не получила въ Японіи полнаго господства—ни качественно, ни количественно. Ни въ какомъ отношеніи, такимъ образомъ, нельзя сказать, что въ 1853 или какомъ другомъ году Японія, дотолѣ бывшая герметически закрытой отъ иноземцевъ, внезапно растворила настежь свои двери передъ европейской культурой. Переходъ не былъ ни такъ крутъ, ни такъ полонъ. Это не болѣе, какъ одна изъ главъ въ длинномъ и трудномъ процессѣ европеизаціи Японіи. Глава, можетъ быть, болѣе другихъ удачная и содержательная, но не первая и не послѣдняя въ книгѣ. Между старой и новой Японіей нѣтъ той непроходимой пропасти, которая отдѣляла бы свѣтъ отъ тьмы; можно гораздо скорѣе видѣть рядъ полутоновъ, медленно и постепенно измѣняющихъ освѣщеніе картины. И даже великій панегиристъ Японіи Д. И. Шрейдеръ, не упускающій случая, чтобы отмѣтить и подчеркнуть все, что можетъ идти въ активъ Японіи, и утверждающій въ одномъ мѣстѣ, что «въ настоящее время японцы безповоротно отрѣшились отъ всѣхъ предрасудковъ», долженъ признать въ полемикѣ своей съ Гессе Вартегомъ, что «японцы еще слишкомъ недавно, всего только какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ, впервые (?) непосредственно столкнулись съ европейцами и съ идеями далекаго европейскаго запада, съ другой стороны, они слишкомъ долго—цѣлыя тысячелѣтія—находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ своеобразной и древней культуры, для того чтобы къ нимъ уже теперь можно было предъявлять требованія о полномъ перерожденіи въ такое непостижимо короткое время».

Таковы оговорки, какія необходимо сдѣлать къ исторіи европеизаціи Японіи. Это почти тѣ же оговорки, какія сдѣланы исторической наукой по сходному же вопросу относительно эпохи Петра Великаго въ русской исторіи.

III.

Колоссальный экономический ростъ Японіи за послѣднія 30—40 лѣтъ, поразительные успѣхи, достигнутые въ такой короткій срокъ въ различныхъ отрасляхъ японскаго народнаго хозяйства, заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Намъ говорятъ о промышленной революціи, пережитой Японіей, о переходѣ ея отъ натурального хозяйства и кустарной промышленности къ денежному хозяйству съ крупной индустріей и капитализмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, перемѣны въ экономической жизни громады. Въ странѣ, гдѣ до 1872 года не было ни одной фабрики, 26 лѣтъ спустя было по подсчету Велерса 2.910 фабрикъ. Въ Японіи существуютъ уже 56 торговыхъ палатъ, 17 коммерческихъ училищъ, коммерческіе музеи по образцу филладельфійскаго въ Токио и Осакѣ, громадный торговый флотъ, крупнѣйшіе торговые порты Йокогама и Кобе, къ которымъ въ скоромъ времени прибавится новый портъ въ Осакѣ. Промышленная выставка въ Осакѣ въ 1903 году увѣнчиваетъ торговое и промышленное развитіе новой Японіи. Леруа Боле не видитъ никакихъ причинъ опасаться за будущее новой японской промышленности, и совѣтуетъ не забывать, какихъ великолѣпныхъ результатовъ достигли уже въ этомъ дѣлѣ японцы.

Указанное здѣсь торгово-промышленное развитіе Японіи, и притомъ по усвоеннымъ ими европейскимъ образцамъ, можетъ на первый взглядъ казаться искусственнымъ, подражательнымъ, чуждымъ національнымъ традиціямъ страны и потому непрочнымъ. Въ виду этого интересно было бы разсмотрѣть, какими причинами объясняется, какими силами было вызвано это щедрое насажденіе въ Японіи европейской промышленности; такимъ путемъ можетъ быть выясненъ вопросъ, насколько все это является простымъ результатомъ иноземнаго воздѣйствія, чистымъ продуктомъ подражанія Европѣ, и въ какой мѣрѣ связано повое хозяйство Японіи со всѣмъ прошлымъ ея экономическимъ развитіемъ; насколько и здѣсь обнаруживаются признаки не механическаго заимствованія, а органическаго роста.

Для того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего разобрать, въ какой фазѣ своего превращенія въ новый экономическій типъ находится въ настоящее время Японія; правы ли тѣ, которые говорятъ, что Японія «окончательно превратилась въ промышленную страну», или старая Японія и въ хозяйствѣ еще жива на ряду съ новой Японіей?

Промышленность, говоритъ Велерсъ, даетъ въ Японіи одну пятую всего національнаго производства страны. Нѣсколько больше

четверти даетъ торговля. И одну треть даетъ земледѣліе, приносящее 1½ миллиарда іенъ. Больше половины населенія (по словамъ Велерса 55%, по словамъ другихъ больше 60%) «живетъ въ деревнѣ и кормится отъ деревни». Правда, аграрный строй далеко не удовлетворителенъ; главные его недостатки — малоземелье, господство арендной системы, трудность въ виду обѣихъ этихъ причинъ техническихъ усовершенствованій въ хозяйствѣ. «Необходимо вмѣшательство государства», говоритъ Велерсъ. Трудное положеніе земледѣлія ускоряетъ переходъ крестьянъ къ новымъ заработкамъ; однако, въ настоящее время роль земледѣлія является первой оговоркой по отношенію къ японскому индустриализму.

Въ самой промышленности Японіи на ряду съ новыми фабриками уцѣлѣли старыя кустарныя производства. Леруа Болье насчитываетъ для 1894 г. 4.732 фарфоровыхъ и горшечныхъ производствъ съ 23.726 рабочими, то-есть по 5 человекъ на каждое; 4.407 заведеній лакированныхъ вещей съ 14.092 рабочими; 81.652 такихъ же цыновочныхъ и рогожныхъ заведеній и 600.444 ткацкихъ съ 820.585 станками. И Леруа Болье, и Велерсъ указываютъ, что ручной трудъ кустарей и не можетъ быть замѣненъ фабрикой и машиной во всѣхъ производствахъ, имѣющихъ артистическій характеръ. Эта филигранная работа, почти съ помощью лупы, требуетъ по 10 дней на каждый предметъ. Изъ такихъ почти художественныхъ мастерскихъ Велерсъ указываетъ фабрику Іабу въ Осакѣ съ 12 рабочими, фарфоровое производство Аваты въ Кіото съ 1.000 рабочихъ, разбросанныхъ однако въ 20 мастерскихъ, фабрики шелковыхъ матерій de luxe Нишиджина въ Кіото съ 30.000 рабочихъ въ 4.000 мастерскихъ. Въ этихъ мастерскихъ неизвѣстна машина Жакарда, ихъ станки нисколько не измѣнились съ XVI вѣка, у каждого станка заняты по 2 человека, и двигательная сила исключительно человѣческая. Жреческія и придворныя облаченія выдѣлываются въ разбросанныхъ по деревнямъ мастерскихъ, по 8 человекъ въ каждой. Дюмоляръ, говоря о размѣрахъ кустарной промышленности пропорціонально ко всей японской промышленности, находитъ, что издѣлія кустарей до сихъ поръ еще занимаютъ 80% всего національнаго производства страны, а фабричныя издѣлія—всего 20%.

То же самое Велерсъ указываетъ и въ торговлѣ Японіи. На ряду съ грандіозными торговыми фирмами совершенно на европейскій ладъ, онъ отмѣчаетъ, на примѣръ, въ Осакѣ, въ Кіото, нѣсколько торговыхъ домовъ, сохранившихъ старыя коммерческія нравы. Эти дома не признаютъ кредита, ведутъ дѣло лишь за наличныя деньги, а по порядкамъ, которымъ должны подчиняться всѣ ихъ

приказчики и конторщики, это какіе-то монастыри. Приемъ на службу въ такую фирму обставленъ всевозможными условіями: принимаются лишь дѣти служащихъ; приемный возрастъ 11 лѣтъ; во время «новиціата», до возраста 20 лѣтъ, вступившіе слушаютъ лекціи особыхъ профессоровъ морали и китайскаго языка,—коммерцію изучаютъ на практикѣ; въ эти годы имъ воспрещенъ выходъ на улицу безъ провожатыхъ, возвращаться домой требуется до 6 час. веч., и не дается ни копейки прямо на руки. Взрослаго приказчика никогда не отпускаютъ въ театры, ни въ чайные дома. Въ 28 лѣтъ его женятъ, но и послѣ этого обѣдать онъ обязанъ за общимъ столомъ съ 300 другихъ служащихъ. Дюмоляръ прибавляетъ съ своей стороны обвиненіе японскихъ коммерсантовъ въ недобросовѣстности; эту недобросовѣстность Леруа Болье объясняетъ тѣмъ, что японская торговля до сихъ поръ остается въ рукахъ почти тѣхъ же купеческихъ фамилій, которыя торговали и въ старину; а въ то время, при господствѣ феодализма и рыцарскихъ воззрѣній на торговую профессию, этимъ дѣломъ занимались лишь низшіе слои общества; и были ли они добросовѣстны или недобросовѣстны, презрѣніе къ нимъ было всегда равное.

Дюмоляръ указываетъ еще рядъ тормазовъ, которые задерживаютъ дальнѣйшее развитіе японской промышленности и торговли. Онъ отмѣчаетъ недостатокъ рабочихъ рукъ и капиталовъ. Недостатокъ рабочихъ рукъ или, вѣрнѣе, непостоянство ихъ фабричныхъ занятій, объясняется по его мнѣнію тѣмъ, что большая часть рабочихъ не разорвала еще связи съ землей, особенно женщины, и фабрика является для нихъ лишь побочнымъ и потому временнымъ занятіемъ. Что касается капитала, то въ промышленныхъ предпріятіяхъ, по словамъ того же автора, цифра дѣйствительно внесеннаго капитала не достигаетъ обыкновенно и половины номинальнаго; такихъ средствъ хватаетъ съ трудомъ на первоначальное оборудованіе, а на текущіе расходы приходится уже брать въ кредитъ, при чемъ процентъ вырастаетъ подчасъ до 15 и 18% годовыхъ. Кромѣ того, до самаго послѣдняго времени деньги отливали за границу, такъ какъ ввозъ милліоновъ на 100 въ годъ превышалъ вывозъ; и только въ 1901 году эта разниа опустилась до 10 милліоновъ. Леруа Болье находитъ и этому отсутствію капиталовъ объясненіе въ томъ, что весь имѣвшійся капиталъ Японіи «иммобилизованъ» частью въ прежнихъ государственныхъ займахъ (на $\frac{9}{10}$ внутреннихъ), въ безчисленныхъ предпріятіяхъ новой индустріи, въ желѣзныхъ дорогахъ. Какъ бы это ни объяснялось, капиталовъ для дальнѣйшаго развитія хозяйства недостаетъ, а это не можетъ не тормазить дѣла.

Такимъ образомъ новая японская промышленность не стала еще, повидимому, окончательно на свои ноги; положеніе ея въ Странѣ Восходящаго Солнца еще не вполнѣ прочно. Въ то же время оказывается, что эта новая промышленность для японцевъ не такая уже новость. Нѣсколько строкъ, брошенныхъ мимоходомъ Леруа Болье, дають намъ основаніе утверждать, что по крайней мѣрѣ въ видѣ исключенія, и до прибытія европейцевъ, во всякомъ случаѣ до постройки первой фабрики, въ Японіи были въ большихъ городахъ болѣе крупныя мануфактуры, напр., шелковыя въ Кіото, писчебумажныя, винокуренныя заводы. Авторъ хотѣлъ сказать, что это все были исключенія; мы заключаемъ изъ его словъ, что исключенія все-таки были.

Чтобы судить съ большимъ основаніемъ о прочности и непрочности, объ искусственности и естественности новаго промышленнаго развитія Японіи, надлежитъ выяснитъ главныя силы, поставившія страну на этотъ новый путь; была ли эта крупная фабричная индустрія правительственнымъ насажденіемъ въ интересахъ фиска, или естественнымъ результатомъ органическаго хозяйственнаго роста? Инициативу въ этомъ дѣлѣ правительства особенно подчеркиваетъ Дюмоляръ. По его словамъ, большей частью своего успѣха новая японская промышленность обязана поддержкѣ и поощренію правительства, которое широко выполняетъ свой долгъ. Если японцы при всемъ томъ далеки еще отъ намѣченныхъ цѣлей, то въ этомъ уже повинны они сами, а не ихъ правительство. Всѣ отрасли японской администраціи, всѣ ея вѣдомства, заняты развитіемъ промышленности и торговли; всякая частная компанія, вводящая новую отрасль производства, получаетъ отъ правительства щедрыя субсидіи. Громадныя субсидіи получаютъ главныя пароходныя компаніи, рейсы которыхъ не только не приносятъ всегда барышей, но даже ведутъ къ дефицитамъ; такъ, одинъ рейсъ изъ Японіи въ Америку стоитъ казнѣ 50.000 іенъ, а въ Европу 83.000. Велерсъ указываетъ, что въ этой усиленной поддержкѣ предпріятій казной въ значительной мѣрѣ замѣшаны интересы фиска: безъ соответствующаго роста національной производительности тяжесть налоговъ была бы чрезмерной, и покровительственная система необходима для усиленія платежныхъ силъ страны. Авторъ замѣчаетъ даже по этому поводу: «Или новая Японія будетъ страной крупной промышленности и торговли, или совсѣмъ не будетъ новой Японіи».

Въ виду этого интересно рассмотреть состояніе японскихъ финансовъ за послѣдніе годы. Стройную схему финансовой исторіи Мейджи даетъ Дюмоляръ. Онъ дѣлитъ эту эпоху на 3 періода. Въ первый періодъ реставраціи императорской власти и отмѣны фео-

дализма ликвидація наслѣдія стараго порядка, именно выдача пенсій и выкупныхъ суммъ и уплата по долговымъ счетамъ даймюсовъ и самураевъ, обошлась казнѣ minimum въ 263 милліона іенъ. Первый періодъ закончился въ 1878 г.; затѣмъ вплоть до 1894 г. продолжался періодъ мирнаго экономическаго развитія, безъ войнъ, безъ большихъ потрясеній; для финансовъ это было лучшее время всей эпохи. Съ 1895 г., съ китайской войны, началось усиленное развитіе военныхъ силъ, морскихъ и сухопутныхъ; громадныя суммы затрачены на вооруженіе арміи, на боевой флотъ. Милитаризмъ, широкой волной охватившій Японию, отразился на бюджетѣ громадными цифрами. Программа вооруженій, рассчитанная на 10 лѣтъ, требовала въ общей суммѣ 431 слишкомъ милліоновъ іенъ. Часть этой «программы post bellum» должна была быть покрыта китайской контрибуціей (около 200 милліоновъ), но еще большая половина падала на внутренніе займы (213 милліоновъ) и на повышение налоговъ (21 милліонъ). На самомъ дѣлѣ внутренніе займы не дали полностью намѣченныхъ суммъ, а повышенію налоговъ упорно, цѣлыхъ 2 года, сопротивлялся парламентъ.

По бюджету 1901—2 года, расходы не расходились съ доходами, выражаясь почти въ одинаковыхъ цифрахъ: 254,3 и 253,9 милліоновъ. Изъ смѣты расходовъ видно, что военное и морское министерства затрачиваютъ въ годъ не менѣе 88 милліоновъ,—болѣе, чѣмъ какое-либо другое вѣдомство. За три года, 1896—1899 гг., податное тягло японскихъ плательщиковъ, вообще меньшее, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, выросло на 74 милліона іенъ.

Итакъ, нельзя игнорировать роли интересовъ фиска въ развитіи новой японской промышленности и торговли. Однако не слѣдуетъ и преувеличивать эту роль. Самъ Дюмоларъ ссылается на густую населенность Японіи и на быстрый ростъ ея населенія. Въ самомъ дѣлѣ, ежегодный приростъ населенія выше нормальнаго, — норма 1%, въ Японіи 1,09%. Въ какихъ-нибудь 20 лѣтъ общая цифра жителей увеличилась на 10 милліоновъ. По густотѣ своего населенія, говоритъ Дюмоларъ, Японія отъ природы предназначена быть страной промышленной, а не земледѣльческой; это — мысль, по его словамъ, часто повторяемая въ японской прессѣ. Экономическая трансформация отвѣчаетъ такимъ образомъ настоятельной національной необходимости.

Съ другой стороны въ Японіи уже теперь можно наблюдать процессъ проникновенія капитала въ кустарное производство. Тѣ 30.000 ткачей, которые работаютъ въ Кіото надъ выдѣлкой роскошныхъ шелковыхъ матерій, разбросанные по 4.000 мастерскихъ, оазывается, работаютъ по заказу и за счетъ громадной фирмы Мицун.

То же можно сказать про осакскія спичечныя фабрики. Остается сдѣлать только шагъ, чтобы этимъ работающимъ на капиталъ кустарямъ перейти въ самое зданіе фабрики.

Еще одну оговорку слѣдуетъ сдѣлать. Что фабричное дѣло не является въ Японіи продуктомъ простого подражанія Европѣ и Америкѣ, что это не есть только пересаживаніе «чужого» на неподготовленную почву, показываетъ самая роль, какую играютъ при этомъ «чужіе» элементы. Въ оборудованіи японской промышленности европейцы, несомнѣнно, имѣютъ значеніе. Но при этомъ, по словамъ М. П. Федорова, «Японія вложила въ свои промышленныя предпріятія собственные капиталы, приспособила свой собственный персоналъ служащихъ и рабочихъ, и только машины выписывала изъ Англій и Америки». Дюмоляръ жалуется, что японское законодательство, во имя принципа «Японія для японцевъ», ставитъ преграды вторженію въ страну иностранныхъ капиталовъ. Леруа Болье отмѣчаетъ также, что въ Японіи «сверху до низу все японское: капиталы, администрація, дирекція. Ни въ одной изъ бумагопрядиленъ Осаки нѣтъ ни одного иностранца-служащаго, и всѣ капиталы ихъ мѣстнаго происхожденія». Гессе Вартегъ находитъ, съ своей стороны, что число проживающихъ въ Японіи европейцевъ, вообще ничтожное, не увеличивается, но падаетъ; изъ ихъ числа какая-нибудь тысяча занимается торговлей. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ Пертеса, всѣхъ иностранцевъ въ Японіи всего 12.664, что составляетъ всего 0,025⁰/₀.

Однимъ словомъ, о роли иностранцевъ въ японской промышленности можно повторить то же, что Гессе Вартегъ сказалъ объ устройствѣ на европейскій ладъ военныхъ силъ Японіи:

«Европейцы всему обучали ихъ, и когда японцы выучились, то дали европейцамъ полную отставку».

IV.

Паденіе шогуната и феодализма, реставрація императорской власти, введеніе конституціи — всѣ эти крупныя перемѣны совершились въ Японіи въ короткій періодъ времени, получившій названіе Мейджи.

О паденіи шогуната рассказываютъ, что еще при предшественникѣ Муцу Гито, императорѣ Комеѣ, шогунъ просилъ дозволить ему удалиться отъ дѣлъ, но не получилъ этого дозволенія; когда же вступилъ на престолъ Муцу Гито, шогунъ по приглашенію одного изъ дайміосовъ повторилъ просьбу и получилъ отставку; самая власть шогуна была объявлена упраздненной. Полковникъ

Богуславскій и баронъ фонъ-Зибольдъ въ одинъ голосъ говорятъ, что и феодализмъ палъ такимъ же образомъ: четыре даймиоса добровольно и великодушно отказались отъ привилегій, земель и замковъ, другіе даймиосы послѣдовали ихъ примѣру, и императору оставалось только принять эти патріотическія жертвы. Зибольдъ сравниваетъ это событіе съ знаменитой во французской исторіи ночью 4 августа 1789 г. Въ русскомъ переводѣ Реклю можно прочесть, что въ свою очередь и императоръ «самъ воздалъ честь другой силѣ—силѣ общественнаго мнѣнія» и далъ своему народу конституцію, то-есть, по выраженію одного остроумнаго автора, ввелъ такой образъ правленія, при которомъ «императоръ самъ себя ограничиваетъ». Если сопоставить всѣ эти отреченія, то получится картина, не виданная въ человѣческой исторіи. Цѣлый рядъ отреченій, цѣлый рядъ отказовъ отъ власти, земель и замковъ,—и все добровольно, и все въ пользу другихъ! Сколько «патріотическихъ» жертвъ!

На самомъ дѣлѣ, вмѣсто высокой поэзіи самопожертвованій, мы и на этотъ разъ имѣемъ дѣло съ болѣе обыкновенной прозой. Не трудно убѣдиться въ этомъ: стоитъ только вчитаться въ источники, взглянуть въ ходъ событий, въ расположеніе историческихъ силъ.

Политическій строй старой Японіи можно назвать двоевластіемъ. Съ одной стороны запертый въ кіотскомъ дворцѣ «микадо» со своимъ дворомъ, состоящимъ изъ родственныхъ императору фамилій—синно и изъ полутораста придворныхъ фамилій—куге, со своими органами управленія: главнымъ министромъ—квмбаку, назначаемымъ регентомъ въ случаѣ малолѣтства микадо, съ придворнымъ совѣтомъ—дадьекваномъ, съ штатомъ инспекторовъ, докладывающихъ о дѣлахъ управленія, съ совѣтниками—санги, съ восемью министерствами. Это цѣлая государственная машина, и однако вся эта машина вращается въ пустотѣ, *tourne à vide*, по выраженію Курана. У всего этого императорскаго правительства нѣтъ никакой власти и никакихъ дѣлъ. Содержаніе этотъ дворъ и это правительство получаютъ изъ Іеддо, отъ шогуна, въ строго определенномъ размѣрѣ: *liste civile* для всего двора не превышаетъ 128.000 коку риса, а для самого императора 9.000 коку (1 коку = 180 литровъ); многіе даймиосы получали большій доходъ. Дѣло доходило до того, что императору не на что было купить бумаги для своихъ стиховъ; царедворцы куге должны были искать заработковъ въ занятіяхъ поварскимъ дѣломъ, и ихъ дочери поступали въ гувернантки къ дочерямъ даймиосовъ и учили ихъ придворнымъ манерамъ и придворному языку. Императору оставалась одна власть—раздавать почести; да и это онъ дѣлалъ съ вѣдома шогуна или квмбаку.

Съ другой стороны, рядомъ съ безсильнымъ и бездѣтельнымъ дворомъ въ Кіото—другой дворецъ въ Іеддо. Здѣсь царитъ шогунъ, владѣтельный князь Кванто и ряда другихъ провинцій, власть котораго простирается на цѣлую четверть Японіи; шогунъ имѣетъ всю власть, гражданскую и военную, которую онъ получилъ въ силу императорской делегаціи. У шогуна свое правительство—бакуху, и сложная сѣть администраціи, охватывавшая всю страну, съ агентами въ самомъ кіотскомъ дворцѣ.

Третій политическій элементъ составляютъ феодалы. Верхній слой этихъ феодаловъ состоитъ изъ дайміосовъ, число коихъ превышаетъ 250 фамилій; минимальная цифра доходовъ для каждаго дайміоса—10.000 коку риса. Среди дайміосовъ одни (тозама) зависятъ отъ императора, для другихъ сеньеромъ является шогунъ. Тѣ и другіе дайміосы, вассалы микадо и шогуна, имѣютъ своихъ вассаловъ, носящихъ общее названіе самураевъ; у крупнаго дайміоса ихъ бываетъ обыкновенно около 500; общее ихъ число достигаетъ 2 милліоновъ. Самураи получаютъ отъ своихъ сеньеровъ или земли въ ленъ, или содержаніе рисомъ. Положеніе ихъ столь различно, что одни изслѣдователи видятъ въ самураѣ дворянство, тогда какъ другіе называютъ ихъ дворней. Вассалы одного дайміоса составляютъ тѣсно сплоченный кланъ со своимъ дайміосомъ во главѣ.

Для императорскихъ вассаловъ шогунъ не сеньерь, а только чиновникъ, назначенный императоромъ. Вассалы самого шогуна собираются на сеймъ, состоящій изъ 11 палатъ. Этотъ «феодальный парламентъ» возвышается только во время смутъ, въ обычное время онъ подчиненъ всецѣло власти бакуху.

По словамъ Инао Ота Нитобе, крестьяне въ тѣ времена работали на барщинѣ и платили оброкъ. Оброкъ былъ всего обременительнѣй: повинности крестьянъ (большей частью натуральныя) достигали нерѣдко половины и $\frac{2}{3}$ всей жатвы. Менѣе значительна была барщина, подымавшаяся до 6 дней въ мѣсяцъ, а ранѣе не превышавшая 10 дней въ годъ. При этомъ крестьяне оставались лично свободными, за ними признавалось право собственности; бракъ крестьянъ съ дворянами въ нѣкоторыхъ областяхъ не воспрещался. Положеніе ремесленниковъ было хуже, положеніе купцовъ было совсѣмъ плохо; еще въ 1867 г., по словамъ Лебона, первый банкиръ въ Іеддо, «Ротшильдъ» Японіи, долженъ былъ падать ницъ передъ самураемъ въ чинѣ подпоручика; по выраженію Курана, купцы занимали въ Японіи то же мѣсто, какое въ средне-вѣковой Европѣ принадлежало евреямъ.

Низшіе классы — крестьяне, ремесленники, купцы, — всѣ такъ называемые хейминъ, по замѣчанію того же автора, не играли ни-

какой роли, не принимали никакого участія въ тѣхъ революціяхъ, которыя дали имъ въ XIX вѣкѣ гражданское равенство. Не въ этихъ слояхъ народа слѣдуетъ поэтому искать главныхъ дѣйствующихъ силы этихъ революцій. Остаются микадо, шогунъ и феодалы.

Говоря о японскихъ реформахъ эпохи Мейджи, Гессе Вартегъ пишетъ: «Всѣ эти нововведенія приписываются въ Европѣ личной энергіи и благоразумію императора, но это не совсѣмъ такъ». Ему кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы «императоръ Муцу Гито, видѣвшій до 16-тилѣтняго возраста очень немногихъ постороннихъ людей, впервые покинувшій 17 лѣтъ отъ роду свой дворецъ и увидѣвшій тогда въ первый разъ своими глазами зеленыя рисовыя поля, лѣсистыя горы, деревни и города» и притомъ никогда не видавшій открытаго моря и не побывавшій ни на одномъ изъ своихъ кораблей, могъ по собственному почину совершить всѣ эти перевороты и преобразованія. И авторъ правъ, конечно, въ своемъ скептицизмѣ. Самъ Гессе Вартегъ, какъ и Дюмоларъ, всю заслугу приписываетъ министрамъ императора, которымъ Муцу Гито только не мѣшалъ въ ихъ дѣлѣ. «Они—истинные создатели новой западной Японіи». Дюмоларъ не можетъ себѣ представить, что будетъ, когда эти мудрые министры сойдутъ со сцены.

Откуда однако брались, откуда берутся всѣ эти министры? И Дюмоларъ, и Леруа Болье сходятся въ томъ, что это все—люди клановъ, вассалы старинныхъ даймюсовъ. Все правительство страны сверху до низу, отъ перваго министра до послѣдняго чиновника въ гражданской администраціи, все офицерство въ арміи и во флотѣ, почти безъ исключеній, рекрутируются и донинѣ изъ числа дворянъ, изъ сословій квазоку и шизоку, куда вошли бывшіе куге, даймюсы и самураи. Два главныхъ клана, самыхъ могущественныхъ, держатъ въ рукахъ всю власть; это южные кланы Сацумы и Чошю; слѣдующее мѣсто за ними принадлежитъ тоже южнымъ кланамъ Хизена и Тозы. Къ этимъ кланамъ принадлежатъ и всѣ японскіе реформаторы.

Такимъ образомъ, при открытомъ для всѣхъ доступѣ къ государственнымъ должностямъ на самомъ дѣлѣ въ Японіи можно наблюдать захватъ политической власти однимъ сословіемъ—старымъ феодальнымъ дворянствомъ. Въ то же время это господство японскаго юга надъ всею страной.

То и другое подготовлялось вѣками. Между шогуномъ и феодалами вообще былъ постоянный антагонизмъ. Шогунъ, опасаясь всякаго усиленія императорской власти, строго слѣдилъ за даймюсами, чтобы никто изъ нихъ не сблизился съ дворомъ въ Кіото, чтобы они даже не проѣзжали черезъ Кіото; въ то же время

дайміосы были обязаны изъ двухъ лѣтъ одинъ годъ проводить въ Іеддо при дворѣ шогуна сами, а на другой годъ оставлять заложниками свои семьи.

Дворянство, чувствовавшее на себѣ сильное давленіе изъ Іеддо и не чувствовавшее никакого давленія изъ Кіото, воспитывалось въ традиціяхъ вражды къ шогуну. Въ борьбѣ съ шогуномъ дворянству естественно было искать союза съ микадо, какъ и микадо въ этомъ случаѣ естественно было опереться на феодальное дворянство. При такомъ союзѣ микадо, у котораго не было ни своей арміи, ни своихъ финансовъ, получалъ и финансы, и армію; и дворянство при такомъ союзѣ ничѣмъ не рисковало, такъ какъ не имѣвшій своихъ финансовъ и арміи микадо не могъ быть опаснымъ союзникомъ: а тотъ, кто дастъ ему то и другое, могъ безопасно прикрываться его вѣковой властью. Потому среди дворянъ особенное распространеніе получили монархическія теоріи, занесенныя изъ Китая китайскими учителями; углубленіе въ національную исторію воскрешало изъ-подъ пыли источниковъ образъ старой монархической Японіи, какою она была, когда еще не было шогуновъ. Бакуху, не сумѣвшее остановить этого движенія во-время, спохватилось, когда уже было поздно, и ни запрещеніе въ 1836 г. содержавшей эти идеи книги Хираты, ни даже изгнаніе автора, не могли уже поправить дѣла. Новыя ученія проповѣдывались въ самомъ Іеддо, и представители этихъ взглядовъ были два раза принимаемы въ Кіото. «Вся работа японской мысли въ теченіе двухъ вѣковъ,—говоритъ Курапъ,—приводила къ установленію верховныхъ правъ микадо».

Изъ всѣхъ дворянскихъ клановъ только южные располагали достаточной силой для борьбы съ шогуномъ. Югъ Японіи стоялъ особнякомъ отъ всей страны. Старая Японія дѣлилась на три части, сообразно тремъ главнымъ центрамъ политическаго вліянія. Сѣверъ съ городомъ Іеддо былъ въ сферѣ вліянія шогуна; онъ былъ всего менѣ затронутъ иноземной цивилизаціей. Средина съ Кіото была областью микадо, искусственно запертаго и изолированнаго отъ постороннихъ воздѣйствій. Югъ былъ въ рукахъ могущественныхъ феодальныхъ клановъ — Сацумы, Чошіу, Тозы и Хизена, ведшихъ за три послѣднихъ столѣтія не одну войну съ шогуномъ и всегда готовыхъ снова начать борьбу; борьба велась еще въ XVI вѣкѣ, но тогда побѣдили шогуны; самый захватъ власти домоу Токутава былъ плодомъ побѣды сѣвера надъ югомъ. Югъ былъ въ то же время всего болѣе открытъ для европейскаго вліянія; здѣсь, во владѣніяхъ сацумскаго князя, въ виду Нагасака, жили голландцы на своемъ островѣ Десимѣ. Вопреки всѣмъ запретамъ самураи

южныхъ клановъ познакомились, хотя въ тайнѣ, съ европейской наукой. Въ Сацумѣ въ 30-хъ годахъ приобрѣтались ружья и пушки, обучались на европейскій ладъ войска самураевъ. Сацумскій даймюсъ Наріаки въ 40-хъ годахъ говорилъ и писалъ по-голландски, изучалъ физику, былъ знакомъ съ паровыми машинами, электрическимъ свѣтомъ и фотографіей; онъ выстроилъ первый два военныхъ корабля европейскаго типа.

Здѣсь, въ юго-западномъ углу Японіи, особенное развитіе получили монархическія идеи, и еще въ 40-хъ годахъ сложилась партія убѣжденныхъ монархистовъ. Эта партія создавалась въ кругахъ дворянской молодежи; главные вожди ея были самураи Окубо, Сайго. Новый сацумскій князь Хизамицу, болѣе извѣстный подъ именемъ Шимадазу Сабуро, готовился приступить къ дѣйствіямъ во главѣ своего клана.

При такихъ условіяхъ нуженъ былъ только внѣшній толчокъ, чтобы началась борьба. Такой внѣшній толчокъ былъ данъ появленіемъ американскихъ и европейскихъ эскадръ у береговъ Японіи въ періодъ времени между 1853 и 1868 гт. Объ этой эпохѣ, обо всѣхъ событіяхъ японской революціи, кончившейся паденіемъ погуната и феодализма и введеніемъ конституціи, болѣе всего данныхъ даетъ Куранъ.

Когда правительство погуна, не рѣшаясь на неравную борьбу съ Америкой и Европой, уступило иноземнымъ требованіямъ и открыло нѣсколько портовъ во владѣніяхъ погуна, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за этотъ важный шагъ, послало въ Кіото къ императору за утвержденіемъ договоровъ, настала часть для разрыва. Микадо не далъ своего согласія на договоры, уже подписанные погуномъ, и молился въ храмѣ Изе объ изгнаніи иноземцевъ. Борьба съ иноземцами сдѣлалась лозунгомъ борьбы съ погуномъ, и подъ этимъ націоналистическимъ знаменемъ соединился весь японскій югъ противъ японскаго сѣвера. Получалась удивительная комбинація: погунъ, только противъ воли уступавшій иностранному давленію, только изъ страха войны подписавшій злополучные договоры, принимался теперь изо всѣхъ силъ отстаивать свое право на заключеніе такихъ договоровъ и доказывать неизбежность открытія Японіи иностранцамъ; микадо, недовольный, что открыты иностранной торговлѣ порты, лежащіе во владѣніяхъ погуна, а не порты во владѣніяхъ микадо, гдѣ микадо могъ бы получать и въ свою казну торговыя пошлины, объявлялъ войну «варварамъ»; дворянство южныхъ клановъ, наиболѣе затронутое европейской культурой, втайнѣ мечтавшее объ европеизаціи всей Японіи, стояло теперь вмѣстѣ съ микадо на защитѣ національной

старинны отъ всякаго европейскаго вліянія. Не всѣ самураи, сражавшіеся подъ императорскими знаменами, могли разобратъся въ этомъ запутанномъ положеніи дѣлъ; на ряду съ монархистами, сторонниками реформъ и европейской культуры, здѣсь были націоналисты, враждебные и Европѣ, и всякимъ реформамъ.

Движеніемъ руководили даймюсы юга и ихъ совѣтники—Окубо, Сайго; въ Кіото къ нимъ присоединился царедворецъ императора, куге Ивакура. Эти три имени знамениты въ японской исторіи; это имена трехъ главныхъ дѣятелей реставраціи, трехъ важнѣйшихъ японскихъ преобразователей.

Еще въ 1853 году, когда появилась эскадра Перри, пришлось перелить колокола въ пушки. Въ 1863 и 1864 гт. для вождей южныхъ клановъ стало еще болѣе ясно, что борьба съ европейцами возможна только европейскимъ оружіемъ; въ эти два года британская эскадра въ наказаніе за убитаго японцами англичанина Ричардсона бомбардировала столицу Сацумы Кагосиму и форсировала Симоносекскій проливъ, несмотря на пальбу съ батареи Чошіу.

Между тѣмъ императоръ, объявившій войну варварамъ, требовалъ отъ шогуна и даймюсовъ исполненія этой задачи. Только одинъ даймюсъ Мори со своимъ кланомъ Нагато пытался, но безъ успѣха, обстрѣливать иностранныя эскадры. Шогунъ и его бакуху отказывались выполнять приказъ, ссылаясь на весь рискъ неравной борьбы; шогунъ просилъ объ отставкѣ, чтобы только не быть вынужденнымъ вступать въ такую борьбу; также и Шимадзу Сабуро со своими совѣтниками объявлялъ борьбу при существующихъ условіяхъ невозможной. Послѣ долгой и кровавой борьбы, всѣхъ перипетій которой мы здѣсь передавать не станемъ, дѣло кончилось уже при новомъ микадо Муцу Гито вынужденной отставкой шогуна, надѣявшагося до послѣдней минуты, что его отставку не примутъ. Это было 9 ноября 1867 г.; 3 января 1868 г. дворянство южныхъ клановъ произвело неожиданно государственный переворотъ: во дворецъ была введена стража изъ самураевъ юга, и отъ имени императора изданъ манифестъ, коимъ отиѣнялась власть шогуна и квамбаку, императорскій совѣтъ дадъекванъ пополнялся даймюсами и самураями, и возстановлялась древняя монархическая власть.

Вожди революціи получили мѣсто въ новомъ правительствѣ императора, и Окубо, Сайго, Ивакура на ряду съ Шимадзу Сабуро и другими южными князьями должны были организовать и пустить въ ходъ новую политическую машину. Насколько недобровольно было отреченіе шогуна, показываетъ упорная борьба съ новымъ правительствомъ шогуна и его партіи; въ этой борьбѣ прошли два года: 1868 и 1869. Наконецъ, шогунъ Іосинобу сдался

принцу Арисугавѣ; позднѣе (въ іюнѣ 1869 г.) сдѣлся послѣдній сторонникъ шогуна адмираль Энамото. Такъ, силами южнаго дворянства, произведена была реставрація императорской власти.

V.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, политическая программа побѣдившаго дворянства не осталась единой: она раздвоилась и даже, можно сказать, разстроилась. Эксплоатировать новый порядокъ можно было различно: образуя правящую олигархію «подъ предлогомъ самодержавія», какъ выражался Вл. Соловьевъ, и ограничивая монархическую власть при посредствѣ парламента. Въ первомъ случаѣ, не надо было дѣлиться властью со всѣмъ народомъ, но опасность грозила сверху—со стороны несвязаннаго ничѣмъ микадо; во второмъ случаѣ уменьшалась опасность сверху, со стороны микадо, но приходилось дѣлиться властью съ народомъ. Сообразно этому дворянство раскололось на двѣ партіи. Кромѣ того, съ устраненіемъ шогуна, съ побѣдой надъ сѣверомъ, можно было возстановить старый порядокъ, только въ иной комбинаціи; южные кланы, особенно кланъ Сацумы, могли претендовать на первую роль въ странѣ; дѣло могло кончиться замѣной одного шогуна другимъ.

Окубо и Ивакура, главные творцы новаго режима, были солидарны въ своихъ политическихъ взглядахъ. Это были убѣжденные имперіалисты, враги стараго феодализма и стараго шогуната. Единая имперія, управляемая бюрократически, съ сильной арміей и достаточнымъ флотомъ—такова была ихъ программа. Выполненіе этой программы привело ихъ къ новому ряду реформъ.

На первомъ планѣ стояли реформы военныя и финансовыя. Въ 1868 г. правительство, руководимое имперіалистами, организовало новую императорскую армію; каждый кланъ долженъ былъ поставить рекрутъ въ полномъ вооруженіи, по 10 человекъ съ каждыхъ 10.000 коку дохода. Нужно было содержать эту армію и вообще все правительство; съ этой цѣлью южные дайміосы, подъ давленіемъ Окубо и другихъ имперіалистовъ, передали въ руки императора свои ленныя владѣнія. Микадо поручилъ обсужденіе вопроса собранію дайміосовъ; 241 дайміосъ представили списки своихъ земель и своихъ подданныхъ; императоръ принялъ жертву и приказалъ остальнымъ 17 дайміосамъ, не изъявившимъ своего желанія, подчиниться въ этомъ случаѣ большинству. Это было паденіе феодализма.

Имперіалистамъ удалось такъ мирно осуществить эту крупнѣйшую реформу только потому, что феодалы при этомъ въ сущности ничего не теряли. Всѣ дайміосы, за немногими исключеніями, были

опутаны долгами; дѣлами правленія въ своихъ земляхъ они рѣдко занимались,—самураи давно уже управляли тамъ отъ ихъ имени; между тѣмъ, теряя въ своемъ княжествѣ власть, которою мало пользовались, даймюсы могли рассчитывать на участіе въ управленіи всей страной. Притомъ они дѣлались губернаторами въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ; а свои привилегіи и земли они утрачивали не даромъ: они должны были получить выкупъ. Выкупъ былъ также обѣщанъ и самураямъ. Долги феодаловъ правительство тоже брало на себя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ подсчитываетъ Дюмоляръ, на финансовую ликвидацію феодальнаго строя казна затратила не менѣе 210 милліоновъ на выкупъ земель и привилегій, и не менѣе 53 милліоновъ уплачено по долговымъ счетамъ феодаловъ. При такихъ условіяхъ отмѣна феодализма для самихъ феодаловъ могла быть только выгодной операціей, и совершенно понятно дѣлается приведенное у Реклю заявленіе одного даймюса, что онъ готовъ даже сравнять свой дворецъ съ землею и пахать пашню.

Происшедшая такимъ образомъ ликвидація дворянскаго землевладѣнія и организація землевладѣнія крестьянскаго привели дворянство къ совершенно новому экономическому положенію въ странѣ. Большіе капиталы, выданные дворянству въ видѣ выкупныхъ платежей, по предположенію правительства, какъ указываетъ Куранъ, должны были лечь въ основу новой, создавшейся тогда на европейскій ладъ промышленности. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, какъ воспользовались дворяне полученными деньгами; по словамъ Лаутерера, Инао Ота Нитобе, Пьера Леруа Болъе и другихъ, дворянство не сумѣло приспособиться къ новому хозяйственному строю, и всѣ попытки дворянъ хозяйничать по новому кончились неудачей и разореніемъ. Остается предположить, что капиталы эти могли послужить для приобрѣтенія вновь большихъ помѣстій, съ цѣлью сдачи участковъ въ аренду крестьянамъ, или были вложены въ банки и акціонерныя компаніи для принесенія процентовъ и дивиденда. Новый дополнительный доходъ дворянство нашло въ казенномъ жалованьѣ, такъ какъ почти всѣ мѣста въ новомъ бюрократическомъ управленіи Японіи перешли въ руки дворянъ.

Тѣмъ не менѣе полная ликвидація феодальнаго строя въ своемъ окончательномъ видѣ привела токійское правительство къ открытой борьбѣ съ феодалами. Имперіалисты, стоявшіе во главѣ страны, вышли большей частью изъ самураевъ; даймюсы юга, въ томъ числѣ Шимадау Сабуро, менѣе всего рассчитывали подчиняться правительству бывшихъ своихъ вассаловъ. Въ Сацумѣ сохранялась прежняя феодальная обособленность; правительство щадило эту область,

откуда вышло все движеніе реставраціи, и долгое время смотрѣло на это сквозь пальцы. Сайго, стоявшій во главѣ императорскихъ войскъ, завязалъ сношенія съ Сацумой и самъ туда удалился. Сацума вооружалась, создавала свою армію, учреждала военныя школы, пополняла свои арсеналы; сацумскіе офицеры изучали военное дѣло въ Европѣ. Противъ правительства имперіалистовъ и «западниковъ» Сацума выставяла требованія:—сохраненіе клановъ, отказъ отъ централизаціи, отреченіе отъ европейскихъ новшествъ. Въ такомъ духѣ составленъ манифестъ этой партіи, вышедшій, можетъ быть, изъ-подъ пера Сайго. Въ то же время Окубо продолжалъ вести свою линію; правительственная программа требовала замѣны губернаторовъ-дайміосовъ губернаторами-чиновниками; въ 1871 г. дайміосы были отозваны и приглашены поселиться въ Токио, при дворѣ; на мѣста были посланы другія лица, въ руки которыхъ перешли дѣла. Въ 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность; старый военный классъ самураевъ терялъ прежнее значеніе; самураямъ воспрещено было носить двѣ сабли. Такъ дѣйствовали имперіалисты, подчиняя все императору, вводя бюрократію, централизуя власть, и уравнивая всѣхъ передъ трономъ.

Имперіалистская политика Окубо и Ивакуры вызывала противъ себя оппозицію не въ однихъ реакціонерахъ юга, но и въ прогрессивныхъ кругахъ. Рѣшительный образъ дѣйствій японскаго Ришелье содѣйствовалъ укрѣпленію въ этихъ кругахъ конституціонныхъ идей.

Идея конституціонализма не была нова для Японіи, только что разставшейся съ феодальнымъ строемъ. При старомъ порядкѣ, какъ мы видѣли, существовало нѣчто въ родѣ феодальнаго сейма или дворянскаго парламента, усиливавшаго свою власть лишь во времена смуть. Теперь эта идея возродилась, только въ нѣсколько иной формѣ.

Еще во время борьбы съ шогунотъ въ концѣ 1867 г. одинъ изъ дворянъ клана Тозы, Гото, говорилъ уже о парламентѣ. Текстъ императорской присяги 1868 г. содержалъ въ себѣ обѣщаніе созвать совѣщательное собраніе и править согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Первой формой такого собранія былъ старый дадьекванъ, пополненный въ 1868 г. новыми элементами; въ его составъ входили теперь всѣ разряды дворянства, — куге, дайміосы, самуран. Тутъ были Шимадзу Сабуро, Окубо, Ивакура, Гото и Сайго. Дадьекванъ имѣлъ законсовѣщательное значеніе; власти судебная и исполнительная были отдѣлены. Въ 1871 г. въ дадьекванъ приглашаются для совѣщанія лица изъ дворянъ, избранныя правительствомъ; это японскіе нотабли. Личный составъ нотаблей былъ неудаченъ, и это уменьшило довѣріе Окубо къ такимъ экспериментамъ. Однако Гото, Итагаки, Соесима и другіе вожаки партіи не оста-

вили своихъ ограничительныхъ тенденцій; разразившись грозной филиппикой противъ деспотизма Окубо и его товарищей, сторонники конституціи подали въ 1874 г. меморандумъ о необходимости созыва національнаго собранія; правительство ограничилось на первое время съѣздомъ мѣстныхъ своихъ агентовъ. Потерпѣвъ неудачу, вожди занялись пропагандой своихъ идей съ цѣлью подготовить почву; въ 1876 г. организовалась цѣлая партія съ Гото и Итагаки во главѣ.

Таковы были двѣ враждебныхъ правительству партіи: старая Шимадау Сабуро и Сайго и новая партія Гото и Итагаки. Въ 1876 г., когда Окубо отказался удовлетворить національному самолюбію южныхъ самураевъ, требовавшихъ войны съ Кореей и осуждавшихъ уступку Сахалина Россіи, дѣло дошло до открытой борьбы. Въ Сацумѣ началось возстаніе; во главѣ повстанцевъ сталъ Сайго. Противъ токійскаго правительства онъ воспользовался жестокой критикой деспотизма, какую нашель въ меморандумѣ прогрессистовъ.

Оппозиціонныя партіи могли теперь дѣйствовать заодно; Сайго дѣйствовалъ военной силой, Итагаки и Гото пользовались моментомъ, чтобы добиться конституціи. Въ этомъ критическомъ положеніи правительство не потерялось: возстаніе юга было подавлено оружіемъ; конституціонная партія удовлетворена обѣщаніями.

При подавленіи возстанія Сайго былъ убитъ. Окубо убили заговорщики-самураи. Оба вождя враждебныхъ партій сошли со сцены; ихъ мѣста были замѣнены другими.

Въ 1880 году выступилъ съ конституціонной программой министръ финансовъ Окума; его предложеніе созвать парламентъ въ 6-тимѣсячный срокъ было отвергнуто другими министрами; однако, реформа не была совсѣмъ оставлена, а только отложена, и особымъ рескриптомъ 12 октября 1881 года было обѣщано созвать парламентъ въ 1890 году. Окума вышелъ въ отставку и сталъ готовить почву для конституціи съ помощью новой партіи и путемъ пропаганды. Наконецъ, 11 февраля 1889 г. была обнародована составленная особой комиссіей конституція, которая и вступила въ дѣйствіе 11 февраля 1890 года.

Однако противники конституціоннаго режима имѣются въ странѣ и до сихъ поръ. Въ 1898 году, во время конфликта министерства съ парламентомъ, приведшаго къ отставкѣ Ито и къ появленію у власти кабинета Окумы, нѣкоторые государственные люди, «люди Мейджи», то-есть дѣятели реставраціи, предлагали полную отмѣну конституціи и возвращенія къ самодержавному режиму.

На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить (правда, неудачную) по-

пытку введенія въ Японіи республиканскаго строя. Еще въ 1869 году, во время борьбы съ погуномъ, когда оставалось привести въ подчиненіе послѣдняго его приверженца адмирала Энамото, этотъ Энамото удался съ войсками на Іезо, занялъ Хакодате; на Іезо была провозглашена республика; самъ Энамото получилъ въ ней по избранію генераль-губернаторскую власть. Такъ рассказываетъ де-Волланъ. Однако республика на Іезо пала вмѣстѣ съ паденіемъ Энамото, въ томъ же 1869 году.

Такимъ образомъ, изъ всевозможныхъ политическихъ комбинацій конституціонная форма правленія одержала верхъ и надъ феодальнымъ строемъ, и надъ абсолютизмомъ, и надъ республикой. Но со введеніемъ конституціи правящему сословію дворянства предстояло дѣлиться властью съ остальными сословіями и классами народа. Естественно желаніе дворянъ по возможности свести къ мінімуму эту долю народнаго участія. Наибольшія уступки были при этомъ допущены въ системѣ избирательнаго права; среди избирателей самураи составляли всего 5%. Правда, это не помѣшало самураямъ оказаться въ громадномъ большинствѣ въ числѣ депутатовъ, вошедшихъ въ палату послѣ первыхъ же выборовъ. Надо тѣмъ не менѣе подчеркнуть, что парламентъ, особенно его нижняя палата, служитъ уже политическимъ видамъ не дворянства, а другихъ классовъ: землевладѣльческаго и городского, среди которыхъ дворянъ сравнительно мало. И если по закону 1889 года землевладѣльцы еще преобладали въ палатѣ, имѣя тамъ 283 голоса на 17 городскихъ, то по новому закону 1900 года число городскихъ депутатовъ увеличено до 61. Недворянскій городской классъ и малодворянскій землевладѣльческій получили такимъ образомъ доступъ къ власти. Это и сказалось, конечно, въ упорномъ сопротивленіи палаты всякой попыткѣ повышенія поземельнаго налога. Наряду съ этой уступкой въ области избирательнаго права, была сдѣлана и другая уступка, имѣвшая, повидимому, цѣлью привлечь на сторону дворянскаго дѣла все населеніе страны: конституція во 2-й главѣ обезпечиваетъ личную свободу гражданъ, неприкосновенность ихъ жилища, собственности, корреспонденціи, свободу слова, печати, вѣры, свободу собраній и сообществъ.

Зайдя такъ далеко въ своихъ уступкахъ странѣ, правящее дворянство тѣмъ болѣе постаралось въ другихъ отдѣлахъ конституціи обезпечить за собой и на будущее время политическое господство. Для этого надлежало сдѣлать министерство возможно болѣе независимымъ отъ парламента. При такихъ условіяхъ, кабинетская система чистаго парламентаризма по англійскому и бельгійскому образцу была недопустима. И японская конституція не знаетъ ка-

бинета; министры отвѣтственны только передъ императоромъ; отъ исхода голосованій въ палатѣ ихъ отставка и назначеніе не зависятъ; конфликты разрѣшаются путемъ распущенія парламента или путемъ перенесенія спора на судъ императора. Надо прибавить, что въ финансовомъ отношеніи правительство мало зависитъ отъ парламента. Только новые налоги нуждаются въ утвержденіи палаты, и большая часть всего бюджета (напримѣръ, всѣ оклады жалованья должностнымъ лицамъ) ускользаетъ отъ вѣдѣнія палаты. Кромѣ того, если парламентъ не утвердитъ бюджета, правительство имѣетъ право примѣнять второй разъ бюджетъ предыдущаго года.

Въ 1898 г. графъ Окума явился сторонникомъ новаго кабинетскаго правленія, которое должно было усилить другіе классы въ ущербъ дворянству. Это склонился временно на ту же сторону. Однако первая попытка парламентаризма кончилась неудачей, и дворянство сохранило пока всю власть въ своихъ рукахъ. При этомъ съ 1868 г. до 1871 г. во главѣ правительства находились высшіе слои дворянства — куге, дайміосы; съ 1871 г. ихъ мѣста стали занимать самураи. «Реставація», — говоритъ Куранъ, — есть режимъ самураевъ». Новому классу буржуазіи, новой аристократіи капитала, оставалось вліять на правительство только путемъ подкупа.

Итакъ, всѣ политическія перемѣны эпохи Мейджи можно разсматривать, какъ этапы на пути политическаго развитія дворянства. Въ этомъ отношеніи и нынѣ дѣйствующая японская конституція, которую сравниваютъ съ хартіей французской реставаціи 1814 г. и конституціей прусской монархіи 1850 г., можетъ быть названа дворянскою конституціей.

Но дворянство въ Японіи сохранило не только политическую власть. Дворянство занимаетъ въ обществѣ все еще нѣсколько привилегированное положеніе. Старая японская знать составила основное ядро новой аристократіи—квазоку и шизоку; если рядомъ съ этой знатью получаютъ титулы и дворянство нѣкоторыя фамиліи изъ міра *haute finance*, то этотъ процессъ пока только въ началѣ. По словамъ Вѣлерса, старыя аристократическія возрѣнія до сихъ поръ живы въ этой средѣ, даже въ рядахъ молодежи. Въ учебныхъ заведеніяхъ ученики размѣщаются въ годичныхъ отчетахъ по своему званію. Самураи не носятъ больше двухъ мечей, но гербы ихъ до сего дня украшаютъ ихъ плащи, такъ называемыя кимоно; и молодые дворяне прекрасно знаютъ, до тонкости, эти гербы. Въ то же время низшій классъ, игравшій въ Японіи роль парій, до сихъ поръ не добился фактическаго уравнинія: 300.000 этихъ парій населяютъ особые кварталы, молятся въ особыхъ храмахъ, учатся въ особыхъ школахъ, женятся только

между собой. Это напоминает положеніе освобожденных негровъ въ Америкѣ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробно на другихъ реформахъ японскаго «просвѣщеннаго вѣка»; статья наша и безъ того уже слишкомъ выросла. Скажемъ только, что военная реформа, введеніе всеобщей воинской повинности, организація первоклассной артиллеріи и особенно боевого флота, уступающаго, можетъ быть, одному британскому, объясняется какъ необходимость территоріальнаго расширенія Японіи и борьбы за рынки въ интересахъ экономическаго развитія новой Японіи, такъ и не въ меньшей мѣрѣ борьбой за національную независимость, которой грозили бы въ противномъ случаѣ въ своемъ колониальномъ движеніи Америка и Европа; наконецъ, усиленное развитіе милитаризма послѣ японско-китайской войны объясняется и жадной реванша, охватившей правящее сословіе старыхъ рыцарей со времени отобранія Портъ-Артура и занятія его Россіей. Судебная реформа, давшая Японіи въ той или другой степени европейское право и европейскіе суды, была вызвана стремленіемъ японцевъ добиться отъ Европы отмены консульскихъ судовъ и подчиненія проживающихъ въ Японіи европейцевъ японскимъ судамъ; Европа на это не соглашалась, пока не были даны въ видѣ судебной реформы достаточныя гарантіи правосудія. Школьная реформа должна была укрѣпить въ странѣ европейское вліяніе, столь нужное для успѣшнаго соперничества на разныхъ поприщахъ съ Европой; въ результатѣ Японія уже перестаетъ нуждаться въ постоянномъ притока иностранцевъ и, научившись у нихъ, чему слѣдуетъ, отпускаетъ назадъ за море, замѣняя сейчасъ же обученными японцами.

Этими немногими указаніями приходится на этотъ разъ ограничиться. Къ тому же сказаннаго, можетъ быть, достаточно, чтобы установить надлежащую эволюціонную точку зрѣнія и на остальные реформы эпохи Мейджи,—и тѣмъ самымъ предостеречь читателя по отношенію къ Японіи отъ ненаучныхъ взглядовъ на эту страну. Японія развивается своимъ порядкомъ, подчиняясь общимъ для всѣхъ народовъ историческимъ законамъ; съ этой стороны она можетъ интересовать ученыхъ и быть важнымъ и содержательнымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій. Но элементъ чудеснаго точно такъ же отсутствуетъ въ этой «Странѣ Восходящаго Солнца», какъ и во всякой другой странѣ,—и надъ которой солнце уже давно взошло, и которой долго еще не дожидаться солнечнаго восхода.

М. Коваленскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Современное состояніе атомистической гипотезы. Современные изслѣдованія эманаций радиоактивныхъ веществъ привели ¹⁾ къ важному открытію превращаемости такихъ тѣлъ, которыя, по установившимся воззрѣніямъ, представляли неизмѣняемые элементы матеріальнаго міра. Несомнѣнно, неожиданно полученные результаты, имѣющіе высокую научную важность, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ не одинъ разъ выдвинутъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ атомистической гипотезѣ. Любопытно, что открытіе превращенія эманации радія въ гелій почти совпало съ вѣковой годовщиной основанія атомистической гипотезы, только что отпразднованной въ маѣ прошлаго года англійскимъ литературно-философскимъ обществомъ въ Манчестерѣ (Manchester Literary and Philosophical Society), гдѣ работалъ и скончался творецъ этой гипотезы, Джонъ Дальтонъ. Мы считаемъ полезнымъ, по приведеннымъ выше обстоятельствамъ, напомнить читателямъ „Научнаго Слова“ генезисъ этой гипотезы.

Зачатки ея были положены еще въ древности. Уже въ то время человѣкъ ставилъ передъ собой вопросъ о строеніи матеріи,—вопросъ, который можно формулировать такимъ образомъ: есть ли матерія сплошная масса, или же она состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ, между которыми находятся небольшія пустоты? И вотъ одни изъ наиболѣе видныхъ мыслителей древности, каковы: Демокритъ, Левкиппъ, Эпикуръ и Лукрецій рѣшили этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что матерія состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ, не поддающихся дальнѣйшему дѣленію; этимъ частичкамъ древніе мыслители дали названіе „атомы“, что и означаетъ „недѣлимая“; отсюда—ихъ философское воззрѣніе на строеніе матеріи приобрѣло названіе „атомистической гипотезы“.

Не смотря на это, основателемъ атомистической гипотезы считается все-таки не Демокритъ, особенно много потрудившійся надъ вопросомъ о строеніи матеріи въ древности, а Джонъ Дальтонъ, рѣшившій этотъ вопросъ всего лишь 100 лѣтъ тому назадъ. Это объясняется тѣмъ, что гипотеза Дальтона несмотря на историческую связь своей идеи съ различными ученіями древности, напоминаетъ ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, существенно отличаясь отъ нихъ въ основаніяхъ и фактическомъ освѣщеніи. Если что въ гипотезѣ Дальтона и заимствовано отъ древ-

---

1) См. „Научное Слово“, кн. VIII, стр. 127.

нихъ, такъ — только форма, слово, но не самое „существо атомныхъ понятій“, какъ выражается Д. И. Менделѣевъ ¹⁾. Гипотеза Дальтона есть гипотеза столь же самобытная, оригинальная, какъ и учение Коперника, хотя послѣднее стоитъ также въ извѣстной исторической связи съ учениемъ пифагорейцевъ въ древности.

Ученіе древнихъ объ атомахъ, строго говоря, было учениемъ чисто метафизическимъ. Установленіе ихъ атомистической гипотезы было неизбежнымъ слѣдствіемъ признанія ими невозможности безконечной дѣлимости матеріи, а это признаніе покоилось на ихъ апіорныхъ философскихъ разсужденіяхъ. Разсужденія эти, судя по сочиненію Лукреція. „De rerum natura“, написанномъ имъ почти за 100 лѣтъ до нашей эры, были приблизительно таковы: прежде всего, какъ аксіома, провозглашалось положеніе, что всякая вещь легче разрушается, чѣмъ образуется; отсюда слѣдовало метафизическое заключеніе, что если бы дѣлимость матеріи была непредѣльна, то въ теченіе безконечно большого времени всѣ вещи до такой степени разрушались бы, что ихъ обратное возстановленіе, воссозданіе было бы невозможно ²⁾. На этомъ основаніи было сдѣлано древними допущеніе, что матерія дѣлима не безконечно, а лишь до извѣстнаго предѣла; мельчайшія частички, стоящія за этимъ предѣломъ, и суть атомы.

Самое представленіе объ атомахъ отличалось нѣкоторыми чертами, характерными для мыслителей древности. „Атомъ“, по ученію этихъ философовъ, представлялъ изъ себя нѣчто недѣлимое не только въ реальномъ, но и въ абстрактномъ смыслѣ. „Атомъ“ древнихъ не былъ дѣлимъ ни физически, ни химически, ни геометрически: это и есть главная отличительная черта въ философскомъ отношеніи древней атомистической гипотезы.

Несмотря на это, древніе, напр., Лукрецій, представляли себѣ атомы вполне реально въ видѣ тѣлецъ различной формы и величины, но изъ одной матеріи; тѣльца эти, по ихъ мнѣнію, были то круглыя, то остроконечныя, то гладкія, то шероховатыя и т. д. При этомъ число формъ допускалось лишь весьма ограниченное, при безконечномъ множествѣ атомовъ каждой формы. Различіе тѣлъ природы объяснялось, по этой гипотезѣ, различіемъ составляющихъ тѣла атомовъ и разницей въ ихъ пропорціяхъ, а различныя химическія превращенія въ природѣ объяснялись раздѣленіемъ и новымъ соединеніемъ атомовъ, т.-е. распаденіемъ однѣхъ комбинацій и возникновеніемъ на мѣстѣ ихъ другихъ комбинацій атомовъ, находящихся вообще въ постоянномъ движеніи.

Ходъ разсужденій, на которыхъ покоилась атомистическая гипотеза древнихъ, допущеніе геометрической абстрактной недѣлимости атомовъ и рядъ дѣлавшихся затѣмъ изъ этой гипотезы отвлеченныхъ заключеній, даютъ полное право считать атомистическое ученіе древнихъ метафизической системой. Совсѣмъ не такова новая атомистическая гипотеза, основанная Джономъ Дальтономъ и продержавшаяся съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями весь XIX вѣкъ. Въ виду существеннаго отличія этой гипотезы отъ одноименной гипотезы древнихъ, Д. И. Менделѣевъ уже давно предложилъ „недѣлимые“ новой гипотезы называть

1) „Основы химіи“ Д. И. Менделѣева.

2) Ср. „Основы философіи химіи“ Гольдштейна.

не „атомами“, а „индивидуумами“, вслѣдствіе чего новая гипотеза получила бы, можетъ быть, названіе „индивидуалистической гипотезы“, чѣмъ была бы положена рѣзкая грань между этими двумя гипотезами.

Такимъ образомъ Джонъ Дальтонъ долженъ считаться основателемъ той гипотезы о строеніи матеріи, которая существовала въ теченіе всего XIX вѣка и существуетъ до сего времени.

Прежде чѣмъ излагать эту гипотезу, познакомимся коротко съ личностью ея творца.

Джонъ Дальтонъ родился въ 1766 году въ Иглсфилдѣ, въ Кумберлендѣ¹⁾. Отецъ его былъ бѣднымъ прядильщикомъ шерсти, своимъ трудомъ добывавшимъ себѣ скудныя средства для пропитанія. Вслѣдствіе этого Джонъ Дальтонъ уже въ раннемъ возрастѣ вынужденъ былъ самъ зарабатывать для себя средства. Благодаря рано проснувшейся склонности къ математикѣ и физикѣ, Джонъ Дальтонъ уже къ возрасту 27 лѣтъ настолько усовершенствовался въ этихъ наукахъ, что былъ въ состояніи производить самостоятельныя изслѣдованія въ сферѣ этихъ дисциплинъ. Это дало ему возможность въ 1793 г. получить мѣсто преподавателя этихъ наукъ въ одномъ изъ колледжей Манчестера. Черезъ годъ по поступленіи въ колледжъ онъ открываетъ на себѣ то общеизвѣстное интересное явленіе, за которымъ навсегда останется названіе, связанное съ его именемъ, а именно „дальтонизмъ“.

Вскорѣ послѣ этого къ его занятіямъ по математикѣ и физикѣ присоединяются занятія и по химіи. Лишенный тщеславія, скромный по природѣ, онъ представлялъ изъ себя типъ настоящаго ученаго, вся дѣятельность котораго была направлена къ отысканію истины. Его спеціальныя изысканія были всегда освѣщены философскою идеею его богатаго ума. Онъ не стремился къ блестящему общественному положенію и, удовлетворяя свою пылливую научными изслѣдованіями, съ 1793 г. довольствовался скромнымъ положеніемъ частнаго учителя. Въ это время и были произведены имъ изслѣдованія, послужившія основаніемъ для возникновенія атомистической гипотезы. По своимъ работамъ Джонъ Дальтонъ почти всецѣло принадлежитъ Манчестеру, гдѣ онъ и скончался въ 1844 г., 77 лѣтъ отъ роду.

Къ тому времени, какъ Дальтонъ предпринялъ рядъ своихъ работъ по химіи, на основаніи которыхъ онъ воздвигъ потомъ зданіе новой атомистической гипотезы, — въ наукѣ были извѣстны въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ вышеизложенныхъ атомистическихъ представленій древнихъ философовъ, мнѣнія Декарта, Гассенди, Ньютона, „корпускулярная теорія“ Роберта Бойля и изслѣдованія Рихтера и Пру, которыя сыграли роль подготовительныхъ работъ для атомистической гипотезы Дальтона.

Не считая особенно оригинальными теоретическія представленія Декарта, Гассенди и Ньютона, мы должны сказать, что Робертъ Бойль — одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ вообще XVII столѣтія — училъ, что тѣла природы состоятъ изъ мельчайшихъ тѣлецъ, „корпускулъ“. Это было лишь удачное предположеніе, ограничившееся установленіемъ понятія о первоначальной матеріи, предположеніе, не разработанное и не использованное. Оно было введено Бойлемъ лишь для того, чтобы въ

1) „Исторія химіи“ Э. фонъ-Мейера.

общихъ чертахъ объяснить образование и разложение химическихъ соединений. По этой „корпускулярной теоріи“ Бойля, химическое соединеніе разсматривалось какъ слѣдствіе притяженія частицъ разнородныхъ веществъ другъ къ другу, разложение—какъ слѣдствіе перевѣса въ притяженіи частицъ данного тѣла къ частицамъ другого тѣла надъ притяженіемъ однородныхъ частицъ одного и того же тѣла.

Во второй половинѣ XVIII вѣка начинаютъ появляться работы, которыя своей фактической стороной уже прямо примыкають къ работамъ Джона Дальтона, — это изслѣдованія, направленные къ выясненію тѣхъ химическихъ отношеній, соотвѣтственно которымъ простыя тѣла соединяются въ сложныя. Мы разумѣемъ здѣсь работы Кункеля, Лемери, Сталля, Гомберга и въ особенности Венцеля, Рихтера и Пру.

Уже Венцель путемъ большого количества тщательно произведенныхъ анализовъ доказалъ, что кислоты соединяются съ основаніями въ постоянныхъ отношеніяхъ. Нѣмецкій же ученый Рихтеръ пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше и опытнымъ путемъ показалъ, что если одно и то же количество данной кислоты нейтрализуется опредѣленными количествами двухъ или нѣсколькихъ основаній, то для нейтрализаціи этихъ основаній необходимы одинаковыя же количества другой кислоты. Выраженный въ этихъ словахъ законъ получилъ названіе „закона нейтрализаціи“. Несмотря на огромное значеніе для химіи этого закона, онъ долгое время оставался незамѣченнымъ большинствомъ химиковъ вслѣдствіе тѣхъ неуклюжихъ чисто-флогистическихъ формъ, въ которыя онъ былъ облеченъ Рихтеромъ, а также и вслѣдствіе того, что на ряду съ этимъ важнымъ эмпирическимъ закономъ Рихтеръ выдвигалъ другой законъ—„законъ прогрессіи“, построенный имъ умозрительнымъ путемъ и не согласовавшійся съ фактами. Этотъ „законъ прогрессіи“ гласилъ, что между вѣсовыми количествами кислотъ и основаній, вступающихъ въ соединеніе, существуютъ, несомнѣнно, правильныя ариметическія отношенія. Несмотря на это увлеченіе математикой въ ущербъ фактамъ, Рихтеръ однако-жъ съ полнымъ правомъ можетъ считаться основателемъ „теоріи эквивалентовъ“, которая была выведена имъ изъ того наблюденія, что при взаимодействіи двухъ нейтральныхъ солей ихъ нейтральность не нарушается. Эта теорія имѣла близкое отношеніе къ гипотезѣ Дальтона.

Другимъ изъ прямыхъ предшественниковъ Дальтона былъ французскій ученый Пру. Его замѣчательная дѣятельность, въ сферѣ химическихъ отношеній, началась съ тѣхъ поръ, какъ его авторитетный соотечественникъ Бертолле опубликовалъ свой трудъ: „Изслѣдованія о законахъ сродства“, въ которыхъ онъ отрицалъ постоянство отношеній въ составныхъ частяхъ химическихъ соединеній. Знаменитая полемика Пру съ Бертолле, начавшаяся съ 1799 г. и длившаяся около восьми лѣтъ, дала химіи богатый экспериментальный матеріалъ, сопровождавшійся разнообразными теоретическими соображеніями. Этотъ споръ, въ который, къ чести Пру, изъ цѣлаго ряда не соглашавшихся съ Бертолле химиковъ, вступилъ только онъ одинъ, окончился побѣдой Пру и общимъ признаніемъ его положенія о постоянствѣ химическихъ отношеній. Обнаруживая ошибку за ошибкой въ экспериментальныхъ работахъ своего оппонента и опровергая одинъ за другимъ его аргументы, Пру указывалъ на постоянство отношеній, какъ на главное свойство химическихъ соединеній въ отличіе ихъ отъ механическихъ смѣсей.

Отъ всѣхъ этихъ подготовительныхъ работъ, а въ особенности отъ работъ Пру, оставался только одинъ шагъ къ работамъ Джона Дальтона. Такимъ образомъ, для установленія новой атомистической гипотезы требовалась сложная коллективная работа нѣсколькихъ талантливыхъ химиковъ. Какъ почти всѣ великія открытія, гипотеза Дальтона, слѣдовательно, была логическимъ продуктомъ своего времени.

Въ какой степени работы упомянутыхъ предшественниковъ оказали вліяніе на Дальтона—сказать трудно. Одно можно считать почти несомнѣннымъ, что работы эти были извѣстны Дальтону до его знаменитыхъ обобщеній.

Собственно, экспериментальныя работы Джона Дальтона, по свидѣтельству Э. фонъ-Мейера, вполне сходны съ опытами Пру и нисколько не превосходятъ ихъ своей точностью. Этотъ историкъ химіи выражается даже въ такомъ смыслѣ: надо полагать, что если бы Пру иначе рассчиталъ свои опыты, то онъ опередилъ бы Дальтона съ открытіемъ того закона, который послужилъ непосредственнымъ основаніемъ для установленія новой атомистической гипотезы.

Этотъ законъ, представляющій изъ себя положеніе того же порядка, какъ „законъ нейтрализаціи“ Рихтера и „законъ постоянства химическихъ отношеній“ Пру,—только законъ болѣе широкій и болѣе опредѣленный,—носитъ названіе „закона кратныхъ отношеній“.

Открытіе этого закона совпадаетъ съ началомъ 1803 г. Въ исторіи опубликованія работъ Джона Дальтона было то же, что позже повторилось съ опубликованіемъ работъ его гениальнаго соотечественника Чарльза Дарвина. Самъ Дальтонъ долго ничего не опубликовывалъ объ открытомъ имъ законѣ, и впервые ученый міръ узналъ объ этомъ изъ сочиненія его восторженнаго поклонника Томсона „System of Chemistry“, который изложилъ этотъ законъ на основаніи краткаго сообщенія Дальтона, прочтеннаго въ октябрѣ мѣсяцѣ 1803 г. въ засѣданіи манчестерскаго литературно-философскаго общества ¹⁾. Уже въ концѣ этого доклада, посвященнаго поглощенію газовъ водою, была дана таблица, указывая „вѣсовые отношенія между мельчайшими частичками газообразныхъ и другихъ тѣлъ“. Эта табличка была первой попыткой выраженія относительныхъ вѣсовъ различныхъ тѣлъ въ числахъ, при чемъ единицей сравненія являлся водородъ.

Къ опубликованію же своихъ главныхъ работъ Джонъ Дальтонъ приступилъ лишь въ 1807 г.; въ этомъ году имъ былъ напечатанъ первый томъ своего сочиненія: „A New System of Chemical Philosophy“; второй томъ этого сочиненія появился въ 1810 г. и, наконецъ, послѣдній—третій—томъ былъ напечатанъ имъ въ 1827 г.

Генезисъ закона кратныхъ отношеній таковъ: исходнымъ пунктомъ для него было опредѣленіе состава двухъ углеводородныхъ газовъ: этилена и метана. Проанализировавши оба эти газа и вычисливши данныя анализа по отношенію къ одному и тому же количеству углерода, Дальтонъ нашелъ, что количества водорода въ этихъ газахъ относятся между собою какъ 1 : 2. Эта найденная правильность побудила его предпринять другія аналогичныя изслѣдованія. На этотъ разъ онъ взялъ окись

¹⁾ Ostwald's Klassiker—„Die Grundlagen der Atomtheorie abh. von S. Dalton u. W. Wollaston“.

углерода и углекислый газъ и, проанализировавши ихъ, нашелъ подобную же правильность: количества кислорода въ нихъ относились какъ 1 : 2. За этимъ слѣдовали изслѣдованія закиси и окиси азота, азотистой и азотной кислоты, и здѣсь Дальтономъ были найдены такія же простыя отношенія между составляющими данными тѣла элементами.

Хотя всѣ эти изслѣдованія были еще недостаточно точны, однако уже можно было видѣть, что въ основаніи этихъ отношеній лежитъ опредѣленный законъ. Этотъ законъ былъ формулированъ Дальтономъ такимъ образомъ: при соединеніи разныхъ количествъ одного элемента съ однимъ и тѣмъ же количествомъ другого элемента, количества перваго элемента стоятъ другъ къ другу въ простыхъ отношеніяхъ, выражаемыхъ цѣлыми числами. Такимъ образомъ этотъ законъ, получившій названіе „закона кратныхъ отношеній“, былъ открытъ Дальтономъ строго эмпирически, путемъ индукціи изъ цѣлаго ряда довольно тщательно произведенныхъ изслѣдованій.

Законъ кратныхъ отношеній гласилъ: на данное количество одного элемента при соединеніи его съ другимъ элементомъ приходится известное строго опредѣленное количество этого послѣдняго, или вдвое, втрое и т. д. большее. Если теперь на мѣсто относительныхъ цифръ поставить абсолютныя, то можно сказать, что на единицу одного элемента при соединеніи его съ другимъ элементомъ приходится своя единица, двѣ, три и т. д. единицы этого послѣдняго элемента.

Для нагляднаго представленія своего закона кратныхъ отношеній Дальтонъ и воспользовался такой замѣной относительныхъ вѣсовъ элементовъ абсолютными недѣлимыми единицами, которымъ онъ далъ старое названіе „атомы“. Послѣ этого законъ кратныхъ отношеній получилъ такое выраженіе: если одинъ элементъ соединяется съ другимъ элементомъ, то на каждый атомъ одного изъ нихъ приходится одинъ, два, три и т. д. атомовъ другого элемента. Этимъ самымъ и было положено основаніе новой атомистической гипотезѣ.

Уже изъ этого видно, какъ радикально новая атомистическая гипотеза отличается отъ одноименной гипотезы древнихъ мыслителей. Сущность этой гипотезы заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) каждый элементъ состоитъ изъ однородныхъ атомовъ неизмѣннаго вѣса; 2) сложныя химическія тѣла образуются соединеніемъ атомовъ различныхъ элементовъ въ простѣйшихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самые атомы Дальтонъ для простоты рисовалъ себѣ шарообразными и допускалъ, что каждый изъ атомовъ окруженъ тепловой сферой, такъ что атомы въ соединеніяхъ лишены непосредственнаго соприкосновенія; но все это не больше, какъ чисто гипотетическіе аксессуары основной атомистической схемы.

Главное достоинство новой атомистической гипотезы заключалось въ томъ, что, исходя изъ нея, химики впервые увидѣли возможность опредѣлять относительные вѣса, въ какихъ элементы вступаютъ въ соединенія, или, выражаясь на языкѣ этой гипотезы, „атомные вѣса“ элементовъ. Это былъ большой шагъ впередъ въ химіи, упростившій разсмотрѣніе количественныхъ отношеній при химическихъ взаимодѣйствіяхъ тѣлъ. Въ этомъ состояла первая услуга химіи со стороны атомистической гипотезы Дальтона — услуга, показывавшая способность этой гипотезы быть настоящей научной рабочей гипотезой.

Принципъ опредѣленія атомныхъ вѣсовъ былъ установленъ самимъ Джономъ Далтономъ. За основную единицу при установленіи этихъ вѣсовъ онъ принялъ водородъ и, изслѣдовавши воду, опредѣлялъ по отношенію къ нему „атомный вѣсъ“ кислорода; а затѣмъ изъ кислородныхъ и водородныхъ соединеній азота и углерода опредѣлялъ и ихъ соединительные вѣса. Найденные Далтономъ атомные вѣса позже были существенно скорректированы; тѣмъ не менѣе основной принципъ этихъ опредѣленій остался тотъ же.

Вся исторія химіи за истекшій вѣкъ съ извѣстной точки зрѣнія есть въ сущности исторія атомистическаго ученія Далтона: такъ сильно было его вліяніе на всякій выдающійся фактъ въ исторіи химіи за этотъ періодъ.

Ближайшими послѣ Далтона учеными, оказывавшими вліяніе на атомистическое ученіе, были: Томасъ Томсонъ, Волластонъ, Дэви, Гей-Люссакъ, Прутъ, Берцелиусъ и др. Первые два путемъ точныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій доказали справедливость закона кратныхъ отношеній Далтона и для солей. Но на ряду съ этимъ, въ то время какъ для новой гипотезы требовались новые факты, Томсонъ, по своей склонности къ умозрительнымъ построеніямъ, отъ излишняго усердія много вредилъ атомистической гипотезѣ предвзятыми невѣрными мнѣніями; Волластонъ же съ 1808 г. сталъ обнаруживать крайне осторожное отношеніе къ гипотезѣ Далтона и даже высказывался въ томъ смыслѣ, что цифры Далтона выражаютъ собой не атомные вѣса, а лишь „химическіе эквиваленты“ элементовъ.

Еще рѣзче высказывался относительно этой стороны дѣла Гемфри Дэви. Онъ совсѣмъ не признавалъ атомныхъ вѣсовъ Далтона: для него они были не что иное, какъ „пропорціональныя числа“ элементовъ; для опредѣленія же истинныхъ атомныхъ вѣсовъ, говорилъ Дэви, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Съ 1809 г. Дэви сталъ говорить, что первенство въ примѣненіи этой гипотезы принадлежитъ собственно Гиггинсу, который еще въ 1789 г. пользовался этой гипотезой для объясненія химическихъ явленій. Но потомъ Дэви всецѣло призналъ заслуги Далтона.

Гей-Люссакъ теоретически не раздѣлялъ разсужденія Далтона относительно атомныхъ вѣсовъ, говоря, что путемъ аналитическихъ и синтетическихъ изысканій можно опредѣлить лишь „отношенія“ элементовъ; но его открытіе „закона объемовъ“ существенно способствовало утвержденію атомистической гипотезы. Діаметрально противоположна была въ исторіи этой гипотезы роль Прута. Его предположеніе о происхожденіи всѣхъ элементовъ изъ водорода сильно дискредитировало атомистическое ученіе въ глазахъ выдающихся ученыхъ и экспериментаторовъ того времени. Предположеніе Прута, должно-быть вслѣдствіе его простоты и элегантности, приняли такіе ученые, какъ Гмелинъ, Томсонъ, Дюма, Эрлманъ, Маршанъ и др. Но въ скоромъ времени ошибочность этого предположенія была обнаружена, благодаря главнымъ образомъ работамъ Стаса и Мариньяка. Если бы было вѣрно предположеніе Прута, то атомные вѣса всѣхъ элементовъ должны были бы выражаться относительно водорода въ цѣлыхъ числахъ, а классически тщательныя работы Стаса и Мариньяка показали, что атомные вѣса почти всѣхъ элементовъ соотвѣтствуютъ, какъ разъ наоборотъ, цифрамъ съ дробями.

Вслѣдъ затѣмъ, благодаря точнымъ работамъ по опредѣленію атомныхъ вѣсовъ Берцеліуса, зданіе атомистической гипотезы, на время какъ будто пошатнувшееся, было вновь восстановлено въ своемъ прежнемъ величіи.

Такъ, съ переменнымъ успѣхомъ, атомистическая гипотеза прожила весь XIX вѣкъ и во второй половинѣ его стала даже считаться настоящей теоріей. Многие совсѣмъ упустили изъ виду, что это лишь схема, и нѣкоторые предпринимали даже опредѣленіе величины различныхъ атомовъ. Слѣдовательно, это атомистическое предположеніе въ представленіи этихъ изслѣдователей принимало характеръ вполне реальной картины.

Съ открытіемъ явленія изомеріи, т.-е. факта существованія двухъ различныхъ тѣлъ при одинаковомъ составѣ, атомистическое ученіе могло бы оказаться въ критическомъ положеніи, если бы не явились къ нему на помощь дополнительныя гипотезы Вислиценуса, Вантъ-Гоффа и Лебеля, разработкой которыхъ занимается уже современная химія. Сущность этихъ гипотезъ состоитъ въ томъ, что онѣ переносятъ прежнія плоскостныя атомистическія представленія въ пространство, т.-е. въ сферу трехъ измѣреній. Этотъ фактъ можно разсматривать опять-таки какъ новое упроченіе атомистической гипотезы; ея эластичность не разъ давала ей перевѣсъ надъ всѣми другими гипотезами о строеніи матеріи, каковы, напр., „динамическая гипотеза“, „вихревая гипотеза“ и др., которые не требовали, напр., абсолютной недѣлимости атомовъ, допущенія между ними пустыхъ пространствъ и т. д.

Великая сила современной атомистической гипотезы заключается въ томъ, что она родилась изъ эмпирическаго закона кратныхъ отношеній и во всемъ дальнѣйшемъ развитіи химіи такъ тѣсно сочеталась съ ея фактическимъ матеріаломъ, что для того, чтобы ее отдѣлить нынѣ отъ этого послѣдняго, потребовалась бы перестройка всего грандіознаго зданія современной химіи. Для многихъ изслѣдователей XIX вѣка какъ въ области химіи, такъ и въ области физики эта гипотеза была настоящей путеводной звѣздой. Ея огромное значеніе въ этомъ направленіи особенно обстоятельно выяснено проф. Кларкомъ въ его рѣчи на торжественномъ засѣданіи манчестерскаго литературно-философскаго общества, устроенномъ въ честь Дальтона ¹⁾. Указавши на то, что она дала толчекъ къ опредѣленію Берцеліусомъ атомныхъ вѣсовъ, о чемъ мы говорили выше, Кларкъ говоритъ, что она 1) повела къ установленію физическихъ законовъ Гей-Люссака, Авогадро, Дюлонга и Пти; 2) обусловила быстрый ростъ органической химіи, каждый шагъ которой съ 1820 по 1850 г. опирался на атомистическое ученіе Дальтона; 3) по служила основаніемъ для „ученія объ атомностяхъ“ Кекуле; наконецъ 4) она же привела Д. И. Менделѣева путемъ сравненія атомныхъ вѣсовъ къ открытію „періодическаго закона“, на основаніи котораго было предсказано имъ существованіе трехъ новыхъ—нынѣ хорошо извѣстныхъ—элементовъ: скандія, галлія и германія. Ея противники часто указываютъ на ея неудовлетворительность въ философскомъ смыслѣ, а именно на допущеніе ею цѣлаго ряда различныхъ матерій вмѣсто желаемой ими единой общей матеріи; но съ такимъ метафизиче-

¹⁾ „Chemiker-Zeitung“ 1903 г., X, 44.

скимъ требованіемъ научная рабочая гипотеза, во-первыхъ, совсѣмъ не обязана считаться, а съ другой стороны, для этой, такъ называемой философской, мысли есть добавочная гипотеза Крукса, которая допускаетъ происхожденіе всѣхъ элементовъ изъ единой первичной матеріи.

Чтобы дать хотя бы краткое представленіе о томъ, въ какомъ положеніи находятся атомистическая гипотеза въ настоящее время, мы охарактеризуемъ отношеніе къ ней двухъ крупныхъ представителей современной химіи, а именно: Дмитрія Ивановича Менделѣева и Вильгельма Оствальда. Въ своихъ „Основахъ химіи“ Д. И. Менделѣевъ пишетъ: „Какъ геометръ, разсуждая о кривыхъ, представляетъ ихъ состоящими изъ совокупности прямыхъ, ибо такой пріемъ даетъ возможность анализировать дѣло изученія, такъ естествоиспытатель примѣняетъ атомное ученіе прежде всего какъ способъ анализировать явленія природы. Конечно и нынѣ, какъ и въ древности, какъ будетъ и всегда, найдутся люди, мѣняющіе реальность на мечтательность, а потому найдутся и атомисты крайняго направленія, но не въ ихъ духѣ должно признать великія услуги за атомнымъ ученіемъ для всего естествознанія“.

Въ томъ же смыслѣ выражается о ней и В. Оствальдъ ¹⁾. „Атомистическая гипотеза, — говоритъ онъ, — оказалась въ извѣстномъ объемѣ чрезвычайно полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ изученіи и изслѣдованіи, потому что она сильно облегчаетъ пониманіе и примѣненіе общихъ законовъ. Но не слѣдуетъ увлекаться этой аналогіей между воображеніемъ и дѣйствительностью до такой степени, чтобы смѣшивать одно съ другимъ“.

Итакъ, какъ гипотеза атомистическое ученіе благодаря его обоснованности на фактахъ и согласованности съ опытами есть великое философски-научное построеніе, охватывающее въ своихъ развѣтвленіяхъ все современное естествознаніе; научная химія, далекая отъ слѣпого фетишизма, извлекла изъ примѣненія этой гипотезы въ теченіе XIX в. богатые результаты; когда, при дальнѣйшемъ развитіи, химія вырастетъ изъ рамокъ этой гипотезы, она покойно оставитъ атомистическія представленія, а пока атомистика представляетъ для нея одно изъ полезнѣйшихъ ученій, объединяющее почти весь ея фактическій матеріалъ.

Вл. Асмусъ-Челинцевъ.

Природа и государство. Читатели „Научнаго Слова“ знакомы уже отчасти съ интересной серіей монографій, которыя начали появляться въ Германіи съ конца прошлаго года подъ общимъ заглавіемъ „Natur und Staat“ и посвящены выясненію того значенія, которое можетъ имѣть біологическая теорія происхожденія видовъ для соціальныхъ наукъ. Въ 8-й книжкѣ „Научнаго Слова“ за 1903 годъ подробно изложены были основныя положенія „Философій приспособленія“ Гейнриха Мацата, составляющей первый томъ этой серіи. Теперь появились двѣ новыя работы, входящія въ составъ той же серіи; одна изъ нихъ, озаглавленная „Darwinismus und Sozialwissenschaft“, принадлежитъ начинающему автору, молодому юристу Артуру Руппину; другая, болѣе обширная работа подъ заглавіемъ „Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker“ вышла изъ-подъ пера мюнхенскаго врача Вильгельма Шалльмай-

¹⁾ „Основы неорганической химіи“ В. Оствальда, пер. А. Генерозова.

ера (Schallmayer); этот автор уже давно занимается вопросами, которые составляют центр тяжести его новой книги; еще в 1891 году он издал книгу „о вырождении, грозящем культурным народам“. Только что появившаяся работа Шалльмайера удостоена со стороны комиссии, разсматривавшей сочинения, представленные на конкурс и вошедшая в состав издаваемой теперь серии монографий, первой награды. Таким образом, ряд специалистов по различным областям знания, которые образовали эту комиссию, отметили выдающееся значение этого произведения.

И действительно, из двух названных книг особого внимания заслуживает только послѣдняя. Что касается книги Руппина, то подробно останавливаться на ней в настоящей хроникѣ нѣтъ основанія. Автор этой книги поставил себѣ гораздо менѣ широкия задачи, чѣм другіе конкуренты, сочинения которых уже опубликованы. В то время как Мадатъ и Шалльмайеръ на основаніи общихъ принциповъ дарвинизма пытаются построить цѣлую философію социальныхъ наукъ, Руппинъ занимается только примѣненіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ биологическихъ данныхъ и теорій къ разрѣшенію конкретныхъ вопросовъ законодательной политики и къ оцѣнкѣ дѣятельности современныхъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, его книга представляетъ собою въ сущности только рядъ болѣе или менѣе поучительныхъ экскурсовъ въ область отдѣльныхъ законодательныхъ проблемъ. Такъ, по поводу принципа наследственности Руппинъ преимущественно останавливается на вопросѣ о томъ, какимъ правиламъ должна слѣдовать законодательная политика при регулированіи условій вступленія въ бракъ, чтобы по возможности препятствовать передачѣ по наследству дурныхъ и болѣзненныхъ задатковъ. По поводу принципа приспособленія авторъ, главнымъ образомъ, останавливается на задачахъ и приемахъ правильно поставленнаго образованія и воспитанія и т. д.

Совершенно иной характеръ имѣетъ работа Шалльмайера. Какъ сказано, этотъ авторъ задался цѣлью обосновать цѣлую философскую теорію социального развитія на общихъ принципахъ дарвинизма и въ связи съ этимъ найти путь не къ рѣшенію частныхъ только законодательныхъ проблемъ, но къ опредѣленію желательной общей тенденціи въ политикѣ современныхъ культурныхъ народовъ. Если Мадатъ, разрѣшая подобныя задачи, исходитъ преимущественно изъ принципа приспособленія, который онъ считаетъ основнымъ принципомъ всей эволюціонной теоріи, то Шалльмайеръ главное значение придаетъ наследственности и отбору. При этомъ относительно наследственности онъ является сторонникомъ Вейсманна. Въ частности нашъ авторъ безусловно высказывается противъ передаваемости по наследству такъ наз. приобретенныхъ свойствъ. Измѣненія органовъ тѣла, приобретенныя въ теченіе жизни индивида, не передаются потомству, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда они отражаются на общемъ питаніи организма и такимъ образомъ ослабляютъ и питаніе зародышевой плазмы (Keimplasma) или когда они оказываютъ прямое вліяніе на состояніе этой плазмы. Такая теорія наследственности заставляетъ придавать въ процессѣ развитія главное значеніе отбору; отборъ приводитъ къ тому, что закрѣпляются и усиливаются тѣ случайно появившіяся индивидуальныя измѣненія, которыя оказываются полезными для сохраненія вида, и уни-

чтожуются или ослабляютя тѣ особенности организма, которыя оказываются вредными. Подробному изложенію и обоснованію этой біологической теоріи посвящена значительная часть книги Шалльмайера.

Законъ естественнаго отбора распространяетъ свое дѣйствіе и на жизнь человѣческихъ обществъ, въ томъ числѣ и на жизнь государствъ и народовъ. Въ теченіе всей исторіи человечества происходитъ постоянное соревнованіе и борьба между народами, заселяющими земной шаръ. Каждый стремится обезпечить себѣ безопасность и даже добиться преобладанія надъ своими соперниками. И въ этой борьбѣ выживаютъ только сильнѣйшіе ея участники. Тотъ, кто оказывается болѣе слабымъ, неумолимой рукою исторіи устраняется отъ историческаго существованія. На этомъ законѣ отбора и основана гибель различныхъ культуръ и народовъ, которая уже столько разъ имѣла мѣсто во всемирной исторіи. Безусловно неправильно довольно распространенное мнѣніе, будто цѣлыя народы, подобно отдѣльнымъ людямъ, должны неминуемо переживать періоды дѣтства, зрѣлаго возраста, старости и кончать существованіе свое естественною смертію. Смерть, какъ неизбѣжное окончаніе существованія, есть удѣлъ только индивидовъ, но не цѣлыхъ народовъ. Вымираніе цѣлаго вида или народа никогда не является смертію отъ старости; оно всегда представляетъ продуктъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ быть устранены. И если народу или цѣлой группѣ народовъ удастся устранить изъ процесса своего развитія тѣ условія, которыя приводятъ къ его ослабленію въ борьбѣ съ соперниками, то онъ можетъ обезпечить себѣ непрерывное прогрессивное существованіе и не бояться политической и культурной смерти. Если бы древніе греки и римляне обладали достаточными знаніями о законахъ соціальнаго развитія и сумѣли воспользоваться этими знаніями для необходимыхъ соціальныхъ реформъ, то они могли бы предохранить себя отъ вырожденія, а свою культуру отъ крушенія въ столкновеніи съ варварами. Въ настоящее время появленіе и разработка эволюціонной теоріи превратили человѣка изъ простаго участника въ борьбѣ за существованіе въ критическаго наблюдателя, сообщивъ ему отсутствовавшее до сего времени пониманіе внутренняго хода и порядка этой борьбы. „Мы не были бы мыслящими людьми, если бы эти наблюденія насъ не поучали тому, что для насъ самихъ можетъ быть выгодно въ борьбѣ за существованіе. И прежде всего надлежитъ выяснить, дѣйствуютъ ли при современныхъ условіяхъ съ прежней силою всѣ тѣ факторы, которые привели къ тому, что наши тѣлесныя, умственные и нравственные задатки достигли ихъ современной высоты“. Если окажется, что въ этомъ отношеніи наступило ухудшеніе, то нужно принять мѣры для устраненія вліяній, вредно отзывающихся на соціальномъ развитіи.

Тогда какъ развитіе царства животнаго и растительнаго покоится исключительно на отборѣ и наследственности прирожденныхъ видовымѣнній, въ исторіи человечества видную роль играетъ традиція. При ея помощи всѣ приобрѣтенія, добываемыя человѣкомъ въ теченіе его индивидуальной жизни и не передаваемыя по наследству, не погибаютъ безслѣдно, но накаплиются и образуютъ культурное достояніе, переходящее отъ поколѣнія въ поколѣніе. Традиція играетъ большую роль въ борьбѣ за существованіе примѣнительно къ человѣческому роду. По отношенію къ ней дѣйствуетъ тотъ же самый законъ отбора. Только

тъ культурныя приобрѣтенія выживаютъ, которыя способствуютъ болѣешему могуществу социальныхъ образованій. Отборъ въ отношеніи къ культурнымъ благамъ происходитъ косвеннымъ путемъ: посредствомъ отбора между ихъ носителями. „Судьба культурныхъ благъ зависитъ отъ судьбы тѣхъ лицъ или обществъ, отъ которыхъ они происходятъ или которыми они воспринимаются, и, наоборотъ, судьба лицъ и обществъ въ свою очередь зависитъ отъ тѣхъ культурныхъ благъ, которыми они располагаютъ. Такимъ образомъ, всѣ культурныя цѣнности, которыя передаются послѣдующимъ поколѣніямъ не по наслѣдству, а только черезъ традицію, духовнымъ путемъ, подлежатъ постоянному отбору. Если онѣ могутъ дать лицамъ или обществамъ, въ распоряженіи которыхъ онѣ находятся, прямо или косвенно преимущество надъ иными лицами или обществами въ борьбѣ за средства къ существованію, то онѣ сохраняются и распространяются на счетъ менѣе совершенно приспособленныхъ къ условіямъ существованія культурныхъ цѣнностей другихъ лицъ и обществъ, недостаточная культура которыхъ тѣмъ самымъ обречена на гибель“ (стр. 213 сл.).

Самое право образуется и развивается подъ дѣйствіемъ того же закона отбора. У человѣка социальныя инстинкты развиты въ меньшей степени, чѣмъ у животныхъ; сравнительно съ инстинктомъ преобладающую роль получаетъ интеллектъ. Но интеллектъ настроенъ по существу индивидуалистически. Такъ какъ однако опытъ показалъ человѣческимъ обществамъ, какую огромную роль играетъ въ борьбѣ за существованіе социальная сплоченность, то пришлось возмѣщать слабое развитіе социальныхъ инстинктовъ цѣлыми системами нормъ и предписаній, которыя воздѣйствуютъ на человѣческую волю и разумъ принужденіемъ, страхомъ зла, грозящаго за ихъ нарушеніе. Хотя содержаніе этихъ велѣній иногда опредѣляется простымъ произволомъ властителей, но отборъ ставитъ этому произволу границы. Если содержаніе нормъ не отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ и запросамъ общества, то послѣднее оказывается слабымъ въ соревнованіи съ другими общественными тѣлами и гибнетъ въ неравной борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ согласно замѣчанію Шеффле, социальный отборъ есть не только совершенствующій аппаратъ, но и судъ надъ культурными состояніями, сохраняющій болѣе совершенныя изъ нихъ и уничтожающій менѣе совершенныя. Какъ возникновеніе, такъ и все дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе права происходятъ подъ дѣйствіемъ отбора.

Конечная цѣль жизни и всего историческаго процесса развитія намъ неизвѣстна и никогда не будетъ познана нашимъ разсудкомъ. Дѣло въ томъ, что „нашъ разумъ имѣетъ значеніе лишь органа, ориентироващаго насъ въ борьбѣ за существованіе... и не можетъ идти за предѣлы потребности удовлетворить запросамъ борьбы за существованіе“. Поэтому при построеніи социологическихъ и политическихъ теорій мы можемъ руководиться лишь тѣмъ, что лежитъ еще въ предѣлахъ нашего кругозора, хотя бы этимъ путемъ и не получали отвѣта на вопросъ о конечной цѣли развитія. Въ этихъ эмпирическихъ предѣлахъ мы можемъ установить общее положеніе, что все развитіе направлено къ тому, чтобы производить возможно болѣе большую сумму органической жизни. При этомъ во всей природѣ неизмѣнно индивидуальный интересъ является подчиненнымъ интересу цѣлаго вида, такъ что можно подуматъ даже,

что индивидъ никогда не является самоцѣлю, но имѣть своимъ назначеніемъ только выполненіе извѣстной функціи для цѣлаго вида; лишь только индивидъ дѣлается бесполезнымъ для сохраненія вида, онъ обыкновенно во всей природѣ обреченъ на быструю гибель. По мнѣнію Вейсмана, продолжительность индивидуальной жизни въ каждомъ видѣ разсчитана въ такомъ масштабѣ, въ которомъ она отвѣчаетъ интересамъ вида.

„Этотъ законъ природы, — говоритъ нашъ авторъ, — т.-е. полное подчиненіе индивидуальныхъ интересовъ интересамъ вида, долженъ примѣняться и къ развитію человѣчества... Для политики отсюда вытекаетъ то руководящее правило, что интересы поколѣній, живущихъ въ настоящее время, не должны ставиться выше интересовъ будущихъ поколѣній, но, собственно говоря, должно имѣть мѣсто обратное. Правда, пока еще это требованіе не получило практическаго признанія, такъ какъ наша этическая культура еще недостаточно высоко развита. Но теоретическое ученіе о происхожденіи видовъ несомнѣнно ведетъ къ требованію развитія этики въ смыслѣ эволюціонной этики“ (стр. 242 сл.).

Эта мысль о необходимости *заботы о будущихъ поколѣніяхъ* красной нитью проходитъ черезъ всю книгу Шалльмайера и составляетъ основную идею всѣхъ его социологическихъ построеній. Авторъ старается подробно развить и обосновать необходимость соотвѣтственной политики и для современныхъ культурныхъ народовъ.

Если имѣть въ виду только интересъ даннаго момента, то задачей политики можетъ быть только забота объ усиленіи культурной работы и наибольшемъ накопленіи культурныхъ благъ. Культура имѣетъ такое большое значеніе въ исторіи человѣчества, что въ каждый данный моментъ преимущество принадлежитъ обыкновенно тому народу, который располагаетъ наибольшимъ запасомъ культурныхъ цѣнностей, и притомъ наилучше приспособленнымъ къ условіямъ существованія. Но такой заботы объ интересахъ момента недостаточно. Необходимо обезпечить существованіе народа, носителя данной культуры, и на будущее время, чтобы онъ и впредь могъ отстаивать свое преобладаніе въ борьбѣ за существованіе; иначе народъ можетъ погибнуть въ столкновеніяхъ съ болѣе сильнымъ противникомъ. Въ этомъ отношеніи, въ заботахъ о прочности и обезпеченности дальнѣйшаго культурнаго развитія, преимущественное вниманіе должно быть обращено на развитіе и совершенствованіе природныхъ задатковъ представителей даннаго народа, на укрѣпленіе и развитіе тѣхъ свойствъ человѣка, которыя передаются по наследству.

Дѣло въ томъ, что не всѣ индивиды, составляющіе народъ, одинаковы по своимъ природнымъ свойствамъ и задаткамъ. Есть среди нихъ такіе, которые способны не только къ воспріятію высшихъ культурныхъ благъ, но и къ дальнѣйшему совершенствованію культурѣ; а есть и такіе индивиды, которые способны къ культурному развитію лишь въ самой незначительной степени. Ясно, что весь ходъ культурнаго развитія находится въ тѣсной зависимости отъ отношенія между этими двумя группами индивидовъ. Если тѣ слои населенія, въ которые по преимуществу входятъ элементы, наиболѣе способные къ культурѣ, размножаются слабо, въ то время какъ сравнительно сильнѣе размножаются тѣ индивиды, которые менѣе способны къ культурному развитію, то та-

кой процессъ неминуемо будетъ вести къ ослабленію культурнаго творчества даннаго народа. Количество элементовъ, способныхъ двигать впередъ культурное развитіе и даже просто поддерживать его на разѣ достигнутомъ уровнѣ, не неисчерпаемо. И если условія существованія народа сложатся такъ, что болѣе способные къ культурѣ слои и элементы его будутъ размножаться слабѣе, чѣмъ менѣе способные, если вообще дѣйствіе естественнаго отбора, приводящаго къ преобладанію болѣе одаренныхъ индивидовъ надъ менѣе одаренными, въ силу условій жизни народа будетъ значительно ослаблено, то такому народу неминуемо грозитъ вырожденіе. Культура этого народа перестанетъ развиваться далѣе и даже начнетъ падать, и въ результатѣ своего ослабленія и вырожденія народъ этотъ станетъ добычей своихъ конкурентовъ. Эти конкуренты могутъ и не быть носителями особенно высокой культуры. Ихъ преобладаніе можетъ быть обусловлено просто тѣмъ, что они въ большей степени подлежали по условіямъ своей жизни дѣйствію естественнаго отбора, который способствовалъ переживанію наиболѣе сильныхъ и здоровыхъ элементовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ столкновеніи народовъ могутъ погибать цѣлыя культуры подъ натискомъ некультурныхъ, но болѣе сильныхъ по природнымъ задаткамъ этническихъ группъ. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о предохраненіи культурныхъ народовъ отъ гибели получаетъ значеніе и общечеловѣческое, потому что лишь при этомъ условіи можетъ быть обезпечено непрерывное культурное развитіе человѣчества. До сихъ поръ исторія шла однако инымъ путемъ. Высокія культуры рушились съ погибелью ихъ носителей, и на ихъ развалинахъ съ новыми усиліями приходилось возводить новыя культурныя образованія.

Подобныя нежелательныя явленія въ исторіи человѣчества имѣли мѣсто уже не одинъ разъ. Стоитъ только вспомнить хотя бы о томъ, какъ культурное развитіе даровитаго греческаго народа остановилось въ результатѣ столкновенія грековъ съ менѣе культурными, но болѣе здоровыми и сильными римлянами и какъ потомъ культурное знаніе, возведенное трудами самихъ римлянъ, рушилось подъ влияніемъ столкновенія съ варварами-германцами. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ всякая развитая культура заключала въ себѣ цѣлый рядъ такихъ условій, которыя очень стѣсняли дѣйствіе естественнаго отбора въ предѣлахъ народа, являющагося ея носителемъ. Эти условія приводили къ тому, что понемногу наиболѣе сильные и способные къ развитію культуры элементы вытѣснялись болѣе слабыми. Въ результатѣ получалось вырожденіе и ослабленіе народа и гибель его культуры въ столкновеніяхъ съ другими народами подъ дѣйствіемъ знакомаго уже намъ соціальнаго отбора.

Эти общезвѣстные факты прошлаго заставляютъ поставить вопросъ, не грозитъ ли подобный процессъ вырожденія и современнымъ культурнымъ народамъ Европы и не ожидается ли и ихъ культура такая же гибель, какая постигла культуру античныхъ народовъ? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что самыя новѣйшія событія всемірной исторіи наглядно показываютъ наличность конкурентовъ въ борьбѣ за существованіе и для этихъ народовъ. Желтая раса выступаетъ на арену исторіи и грозитъ помѣряться силами съ представителями европейской культуры. За кѣмъ останется преобладаніе въ этой міровой борьбѣ?

Авторъ очень подробно останавливается на критикѣ современной культуры европейскихъ народовъ съ этой точки зрѣнія и приходитъ въ общемъ къ неблагоприятному результату. По его мнѣнію, современная культура создала массу условий, весьма невыгодныхъ для благотворнаго дѣйствія естественнаго отбора въ предѣлахъ культурныхъ націй. Всѣ эти условия способствуютъ сохраненію и размноженію менѣ цѣнныхъ индивидовъ на счетъ болѣе цѣнныхъ въ культурномъ отношеніи. Такъ, война, которая прежде была хорошимъ орудіемъ естественнаго отбора, теперь, наоборотъ, служитъ преимущественно къ истребленію и хозяйственному ослабленію лучшихъ элементовъ за счетъ худшихъ. Экономическія условия нашего времени и въ особенности распределеніе богатствъ приводятъ къ тому, что сильнѣе размножаются менѣ культурные слои общества, чѣмъ болѣе культурные; дѣйствіе полового отбора ослабляется тѣмъ, что въ зажиточныхъ слояхъ общества при заключеніи брака имущественное положеніе невѣсты имѣетъ большее значеніе, нежели ея природныя свойства. Проституція ведетъ къ распространенію венерическихъ болѣзней, ослабляющихъ опять-таки преимущественно представителей наиболѣе культурныхъ классовъ и ихъ потомство. Неблагопріятное вліяніе на состояніе будущихъ поколѣній оказываетъ и все болѣе и болѣе развивающееся стремленіе заботиться о лѣченіи всякаго рода болѣзней и о продленіи жизни неизлѣчимыхъ больныхъ. Изъ этого послѣдняго обстоятельства авторъ, впрочемъ, не дѣлаетъ того вывода, что не слѣдуетъ лѣчить больныхъ и облегчать ихъ существованіе. Но онъ полагаетъ, что необходимо принять мѣры противъ безпрепятственнаго вступленія въ бракъ и размноженія такихъ индивидовъ, которые по своей болѣзненной конституціи могутъ производить только слабое потомство. Авторъ утверждаетъ, что такія мѣры не были бы жестокими. Вѣдь въ настоящее время есть масса индивидовъ мужскаго и женскаго пола съ прекрасными природными задатками, которые въ силу неумолимыхъ соціальныхъ условий должны отказываться отъ вступленія въ бракъ; и общество довольно равнодушно относится къ этому явленію. „Если эти индивиды съ хорошими задатками, для которыхъ закрыто вступленіе въ бракъ, не вызываютъ общественнаго состраданія, то не слѣдуетъ находить суровымъ запрещеніе брака такимъ лицамъ, потомство которыхъ съ большою вѣроятностью нужно считать дурно предрасположеннымъ въ духовномъ, нравственномъ или физическомъ отношеніяхъ“ (стр. 153).

Между прочимъ, Шалльмайеръ находитъ, что китайская культура въ отнѣченныхъ отношеніяхъ стоитъ много выше европейской. Хотя эта культура идетъ въ своемъ развитіи весьма медленнымъ темпомъ, но было бы неправильно считать ее неподвижной. Китайцамъ удалось создать такія соціальныя условия, которыя препятствуютъ вырожденію націи и способствуютъ поддержанію культурнаго развитія въ теченіе уже тысячелѣтій. Выгодно отличается китайская культура отъ европейской высокимъ развитіемъ семейныхъ наклонностей во всѣхъ классахъ населенія, незначительной ролью родовитой аристократіи, равномернымъ распределеніемъ земледѣлія, почтеніемъ къ образованности и знанію и т. п. Всѣ эти условия благопріятствуютъ выгодному дѣйствію естественнаго отбора въ предѣлахъ китайской народности.

Соотвѣтственно этимъ принципіальнымъ соображеніямъ, авторъ изла-

гаемой монографіи даетъ и рядъ практическихъ совѣтовъ по поводу желательныхъ преобразованій въ общемъ социальномъ строѣ современныхъ европейскихъ народовъ. Наша культура должна быть переработана въ сторону большей заботы о грядущихъ поколѣніяхъ. „Если удастся поборотъ ту самоубійственную тенденцію, которая до сихъ поръ столь часто проявлялась въ высокихъ культурахъ и которая присуща и современнымъ, не составляя однако принципиально необходимаго ихъ послѣдствія, то культурное развитіе въ будущемъ достигнетъ немислимой доселѣ высоты, такъ какъ тогда люди будущихъ вѣковъ будутъ получать не только культурныя приобрѣтенія прошлаго, но и духовныя задатки творцовъ высшихъ культуръ. До сихъ поръ, наоборотъ, за всякимъ прогрессомъ слѣдовалъ регрессъ, ибо высококультурные народы постоянно замѣнялись и вытѣснялись менѣе культурными народами, какъ греки римлянами и послѣдніе германцами, не говоря уже о томъ, что народы, вступающіе на сцѣну, не всегда были такъ богаты природными задатками, какъ тѣ, которыхъ они вытѣсняли“. Книга заканчивается слѣдующимъ предсказаніемъ: „позднѣйшее время на основаніи новѣйшихъ воззрѣній и оцѣнокъ, быть можетъ, признаетъ и новую этическую теорію, высшая заповѣдь которой будетъ состоять въ томъ, чтобы заимствованныя у предковъ наслѣдственныя и традиціонныя блага съ процентами передавались потомству“ (стр. 381).

Въ настоящее время, когда усиленно записывается индивидуалистическое направленіе въ этикѣ, появленіе подобнаго труда, гдѣ на первый планъ выдвигаются интересы социальнаго цѣлаго и грядущихъ поколѣній, особенно любопытно и заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ научной хроникѣ.

В. Хвостовъ.

Литературное обозрѣніе.

Потомкамъ нашимъ нетрудно будетъ запомнить день смерти Н. К. Михайловскаго:

Кончивъ тяжкую работу
Многотрудной жизни сей,

онъ ушелъ на вѣчный отдыхъ въ тотъ самый день, когда родилась для короткой кровавой жизни чудовище-война. За нѣсколько часовъ до смерти онъ долженъ былъ прочитать въ газетномъ листкѣ о первыхъ выстрѣлахъ на Дальнемъ Востоку. Отдать всю жизнь на службу человѣчности, неутомимо въ теченіе сорока лѣтъ ратовать за единовластіе разума, за истину и справедливость, и въ послѣднюю минуту стать свидѣтелемъ того, какъ два народа принимаются доказывать другъ другу истину и справедливость своихъ притязаній пушечными залпами и гекатомбами человѣческихъ жизней,—по-истинѣ, горькая участь! Человѣкъ одинаго убѣжденія, „всю жизнь проходившій въ одномъ сюртукѣ“ (его собственное выраженіе), онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ непрерывно осуществляющемся торжествѣ правды; но не стало ли ему страшно въ эти послѣднія минуты, когда онъ увидѣлъ науку, свой палладіумъ, на службѣ у матеріальной силы, когда онъ долженъ былъ сказать себѣ, что стальные произведенія Круппа аргументируютъ, пожалуй, мѣтче и дѣйствительнѣе всякой литературы? Да, много нужно твердой вѣры или, можетъ быть, глубокаго знанія, чтобы въ такіе дни не усомниться въ цѣнности и плодотворности идейной работы.

Въ февральской книгѣ „Русскаго Богатства“ В. Г. Короленко посвятилъ памяти почившаго нѣсколько теплыхъ страницъ. Онъ рассказываетъ о послѣдней болѣзни Михайловскаго (болѣзнь сердца), открывшейся еще въ 1896 году, о томъ, какъ, уступая требованіямъ врачей, Михайловскій время отъ времени пробовалъ отдохнуть подольше отъ привычной редакторской работы и вскорѣ „уставалъ отъ отдыха“ и спѣшилъ вернуться къ любимому дѣлу; онъ рисуетъ образъ типичнаго литератора, чувствующаго себя всего лучше въ помѣщеніи журнальной редакціи, не могущаго жить безъ корректуръ, разговоровъ съ сотрудниками, литературныхъ новостей, наконецъ, просто безъ столичной атмосферы съ ея нервностью, съ ея лихорадочной смѣной мыслей, впечатлѣній, событий. „Въ Михайловскомъ,—говорить г. Короленко,—по рѣдкой случайности съ большой силой чисто-научной мысли соединился крупный публицистическій талантъ. Онъ былъ рожденъ мыслителемъ и вмѣстѣ

бойцомъ; при иныхъ условіяхъ изъ него, можетъ быть, вышелъ бы только ученый—у насъ и въ наше время онъ сталъ мыслителемъ и публицистомъ, ученымъ и редакторомъ. Рано выработавъ себѣ оригинальное мировоззрѣніе, онъ ринулся съ нимъ въ суету русской жизни, и таковой характеръ носила его работа всѣ сорокъ лѣтъ: „всю силу своего анализа и своихъ обобщеній онъ, какъ его соратники по „Отечественнымъ Запискамъ“—Щедринъ, Елисеевъ, Успенскій,—съ торопливой страстностью отдавалъ тотчасъ же для насущныхъ надобностей текущаго дня“¹⁾. Непосредственно воспринимать животрепещущія явленія общественной жизни и немедленно освѣщать ихъ, возводя всѣ эти частности къ общимъ формуламъ философской или социологической схемы,—таковъ былъ неизмѣнный приѣмъ его работы. Это сочетаніе строго-систематическаго ума со страстной отзывчивостью на злобу дня сдѣлало Михайловскаго, по мнѣнію г. Короленко, почти идеальнымъ редакторомъ русскаго толстаго журнала. За отсутствіемъ „платформы“, съ которой русскій человѣкъ могъ бы дѣятельнымъ словомъ вліять на судьбы своей родины, у насъ естественно выработался своеобразный типъ печатнаго органа, не похожаго на западные ежемѣсячники: русскій журналъ, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ, непременно стремится быть выразителемъ одной опредѣленной системы воззрѣній. „Для Н. К. Михайловскаго,—говоритъ г. Короленко,—журналъ всегда являлся своего рода идейнымъ монолитомъ, и никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, спать всѣ его отдѣлы органическимъ единствомъ извѣстной цѣльной общественно-литературной системы“.

Указаніе на эту коренную особенность Михайловскаго—на соединеніе въ немъ сильнаго обобщающаго ума съ темпераментомъ бойца—проходитъ красной нитью чрезъ всѣ статьи, посвященныя памяти Михайловскаго. Останавливается на ней и авторъ „Общественной хроники“ въ мартовской книгѣ „Вѣсти. Евр.“, сообщающій характерную подробность: покойный долго мечталъ о переработкѣ всего написаннаго имъ въ одно цѣльное сочиненіе, т.-е. о томъ, чтобы стройно и послѣдовательно формулировать свою историко-философскую систему, распыленную въ безчисленныхъ статьяхъ; но текущая жизнь слишкомъ захватывала его, и онъ умеръ, не исполнивъ своей мечты. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ и другую выдающуюся особенность Михайловскаго, какъ одну изъ самыхъ симпатичныхъ въ немъ,—именно ту, что, ревностно и убѣжденно защищая интересы массы, онъ стоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ за права личности, за широкое и безпрепятственное ея развитіе. Эту сторону мировоззрѣнія покойнаго писателя, впрочемъ давно уже выясненную и оцѣненную по достоинству, обстоятельно разсматриваетъ г. Мякотинъ на страницахъ той же книги „Русск. Бог.“.

И здѣсь же, на *девятнадцати* страницахъ, напечатаны телеграммы и письма, полученныя послѣ кончины Михайловскаго его семьей и ре-

¹⁾ Самъ Михайловскій говоритъ о себѣ: „Потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или социологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой творческой работы, привлекала меня къ себѣ своєю яркою и шумною пестротой, всею своєю плотью и кровью, житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить“.

дакціей „Русск. Бог.“. Этотъ драгоценный матеріалъ важенъ не только какъ коллективная оцѣнка дѣятельности Михайловскаго, исходящая непосредственно отъ широкихъ круговъ русскаго общества, но еще болѣе для характеристики настроенія, господствующаго сейчасъ въ нашей интеллигенціи. Эти отклики со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ провинціи, будучи собраны въ одно, сливаются въ очень опредѣленный кличъ. Характерно, какъ представляется большинству ближайшее будущее. Нижегородскіе интеллигенты скорбятъ о томъ, что „славный борецъ за освобожденіе личности не дожилъ до близкаго лучшаго будущаго нашей родины“. Но это голосъ одинокій; гораздо больше думающихъ такъ, какъ воспитанники псковской духовной семинаріи, которые пишутъ: „Смерть Н. К. производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она застигла его на славномъ и трудномъ посту въ такое время, когда жизнь его особенно нужна была Россіи. По истинѣ, „у счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ“. Общій же тонъ всѣхъ этихъ скорбныхъ привѣтствій всего яснѣе звучитъ въ телеграммѣ группы курскихъ учащихся: „Священную память погибшихъ въ бою безъ слезъ мы сумѣемъ хранить; мы жаждемъ всю силу, всю душу свою на тотъ же алтарь возложить“. Не всѣ привѣтствія такъ красивы, какъ это, но всѣ говорятъ—это самое.

Проф. Н. А. Котляревскій, продолжая предпринятое имъ изученіе литературной дѣятельности декабристовъ, останавливается этотъ разъ („Рус. Бог.“ янв. и февр.) на критическихъ и публицистическихъ статьяхъ Бестужева-Марлинскаго. Къ сожалѣнію, авторъ, вмѣсто того чтобы въ сжатомъ и продуманномъ очеркѣ опредѣлить особенности и историческое мѣсто Бестужева, какъ критика, предпочелъ упрощенный способъ, который съ научной точки зрѣнія заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія: въ двухъ пространныхъ статьяхъ онъ болѣе или менѣе подробно пересказываетъ, большею частью словами подлинника, критическія статьи Бестужева, снабжая эти пересказы коротенькими поясненіями, и затѣмъ на двухъ заключительныхъ страницахъ подводитъ итоги своему „ислѣдованію“. Между тѣмъ Бестужевъ-критикъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго изученія. Бѣлинскій, высмѣявшій его въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, позднѣе, въ зрѣлую пору своей жизни, отдавъ дань его уму, образованности и таланту: отмѣчая отсутствіе послѣдовательности въ его критическихъ статьяхъ, обиліе софизмовъ и частое пристрастіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ и на то, сколько въ нихъ „свѣтлыхъ мыслей, вѣрныхъ замѣтокъ, сколько страницъ и мѣстъ, горящихъ, сіяющихъ, блестящихъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рѣзкими, многозначительными, хотя и краткими очерками, сколько истиннаго остроумія, неподдѣльной игривости ума“. Въ настоящее время Бестужевъ-публицистъ (потому что онъ былъ больше публицистомъ, чѣмъ критикомъ) забытъ еще болѣе основательно, чѣмъ беллетристъ Марлинскій, забытъ даже историками нашей литературы. А. Н. Пыпинъ въ четвертомъ томѣ своей „Исторіи русской литературы“ ограничивается воспроизведеніемъ позднѣйшаго отзыва о немъ Бѣлинскаго, А. Л. Волынский въ „Русскихъ критикахъ“, кажется, совсѣмъ не упоминаетъ о немъ, С. А. Венгеровъ о лучшей публицистической

статью Бестужева (по поводу романа Полевого), изъ которой мы сейчасъ приведемъ выдержки, говорить, что въ ней имѣется „большое, фразистое и щеголяющее дешевой ученостью обозрѣніе хода всемірной литературы“. Только въ „Исторіи русской критики“ И. И. Иванова Бестужеву отведено подобающее мѣсто и дана вѣрная оцѣнка, правда, въ общемъ повторяющая приговоръ Бѣлинскаго, но болѣе детальная и выраженная въ терминахъ современной историко-литературной науки. Критика Бестужева, говорить этотъ изслѣдователь,—критика импрессионистская, лишенная твердой теоретической основы; она переполнена лучами разсѣянной истины, но сама истина осталась недоступной для этого талантливаго писателя; „его отрицательные приговоры надъ школами, его восторженные отзывы о народности басень Крылова и грибоѣдовской комедіи—неотъемлемыя завоеванія здороваго художественнаго чувства, но всѣ попытки затронуть область принциповъ и основъ неизмѣнно сопровождалась недоговоренностью, неясностью и противорѣчивостью мысли“. Этотъ приговоръ, въ общемъ справедливый, можетъ быть еще слишкомъ строгъ. Признаетъ же Бѣлинскій, что Бестужевъ съ неподражаемой оригинальностью, основательно и вѣрно говорить о национальныхъ элементахъ русскаго романа, что онъ сумѣлъ дать истинную оцѣнку Державину, Жуковскому и Пушкину.

У г. Котляревскаго оцѣнка критической дѣятельности Бестужева занимаетъ, какъ сказано, немногимъ болѣе страницы. Г. Котляревскій вслѣдъ за Бѣлинскимъ и г. Ивановымъ подчеркиваетъ импрессионистскій характеръ его критики, но справедливо указываетъ и на другую важную ея особенность, именно на публицистическую тенденцію Бестужева, на его постоянное стремленіе связать литературу съ современной жизнью, на его попытки изслѣдовать общественныя причины ея роста или увяданія. Эта мысль вѣрна и значительна, но она не развита авторомъ. Однако будемъ благодарны г. Котляревскому и за то, что онъ далъ: онъ знакомитъ широкую публику съ блестящими образчиками литературной дѣятельности писателя, давно забытаго и забытаго незаслуженно,—самаго даровитаго русскаго публициста до Бѣлинскаго. Остроты и искрометный слогъ Бестужева способны доставить наслажденіе читателю еще и теперь, спустя три четверти вѣка. Какая прелесть, напримѣръ, его „Объявленіе отъ общества приспособленія точныхъ наукъ къ словесности“, гдѣ онъ предлагаетъ изобрѣсти орудіе въ родѣ астролябіи для измѣренія плоскостей русской словесности, неизмѣримыхъ ея пустырей, пустопорожныхъ мѣстъ и т. п., найти реактивъ для мгновенной осадки немногихъ капель мыслей, здраваго смысла или остроты (буде она случится) изъ любой модной поэмы, опредѣлять удѣльный вѣсъ оригинальныхъ, подражательныхъ, поддѣльныхъ и просто выкраденныхъ мыслей, при чемъ, разумѣется, должны быть исключены вещи, которыя такъ тяжелы, что неподъемлемы человѣческой силой, какъ, напримѣръ, русскія разсужденія о романтизмѣ. За рѣшеніе этихъ задачъ онъ предлагалъ назначить преміи, какъ-то: выдавать паровыя машины для приготовленія „общихъ мѣстъ“ къ новымъ историческимъ романамъ, поэмамъ и пьесамъ или волочительно-плющильный вить для вытягиванія въ проволоку биты и канители эпитетовъ, или карманный будильникъ для особъ, усыпляемыхъ чтеніемъ сочиненій знатныхъ особъ, начальниковъ и вообще людей намъ нужныхъ, и т. д. По блеску слога Бесту-

жизнь имѣть не много соперниковъ въ нашей публицистикѣ; нѣкоторыя страницы его поразительно напоминаютъ Герцена, напримѣръ, эта характеристика французскаго лжоклассицизма, нарумяниваго старушкудревность, облѣчившаго ее мушками, затянуваго въ корсетъ, научившаго танцовать менуэтъ и присѣдать по смычку: „Зажмурьте глаза, и вы не узнаете, кто говорить: Оросманъ или Альзира, китайская сирота или камеръ-юнкеръ Людовика XIV. Малютку-природу, которая имѣла несправимое несчастіе быть не дворянкою, по приговору академіи вы проводили за заставу, какъ потаскушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный проситель, съ трепетомъ держался за ручку дверей, между тѣмъ какъ швейцарь-классикъ павлинился передъ нимъ своей ливреей и преимущественно говорилъ ему: „приди завтра!“¹⁾ И такъ продолжалось, говоритъ Бестужевъ, до 1820 года. Революція до-млада прокипятила Францію въ своемъ кровавомъ котлѣ, но старикъ-театръ остался тѣмъ же старикомъ, и когда русскій казакъ въ 14-мъ году сѣлъ на даровое кресло въ Одеонъ, онъ зѣвалъ отъ тѣхъ же длинныхъ монологовъ, отъ которыхъ изволилъ зѣвать Людовикъ XIV, съ той только разницей, что революціонеръ Тальма осмѣливался уже не пѣть, а говорить стихи, проглатывать цезуры и ходить по-человѣчески, а не гусинымъ шагомъ. И не одинъ театръ находился въ упадкѣ—та же участь постигла философію, закабаленную матеріализмомъ. Раблэ, пронизательный ловець слабостей общества, и Монтень, глубочайшій изслѣдователь слабостей человѣка, были забыты, Мольеръ и Лафонтенъ—два гения, смѣвшіе говорить правду,—пошли за безцѣнокъ: трибуномъ вѣка сталъ Вольтеръ, гордый ползунъ, льстецъ и насмѣшникъ вмѣстѣ, скептикъ по рожденію и остроумецъ по ремеслу, Діогенъ XVIII вѣка, но Діогенъ-нѣженка, научившій вольнодумство наѣзднической стрѣльбѣ насмѣшками. И затѣмъ Бестужевъ даетъ такую же блестящую характеристику Руссо, поражающую не только слогомъ, но и вѣрностью мыслей и широтой знанія. Столь же увлекательно и умно изображаетъ Бестужевъ и ходъ развитія русской словесности; вообще статья, изъ которой взяты эти выдержки (о романѣ Полевого „Клятва при гробѣ Господнемъ“, въ „Телеграфѣ“ 1833 г.),—по крайней мѣрѣ, первая ея часть—будучи перепечатана сейчасъ, несмотря на всѣ ея погрѣшности, читалась бы съ удовольствіемъ и пользою.

Перу того же автора—Н. А. Котляревскаго—принадлежитъ интересный этюдъ объ историческихъ мотивахъ въ стихотвореніяхъ гр. А. Толстого, напечатанный въ февральскомъ номерѣ „Мира Божьяго“. Основная мысль автора не нова: что Алексѣй Толстой сознательно заставлялъ старину давать ложныя показанія, что Владиміръ-Красное солнышко, Змѣй Тугаринъ, Гаральдъ и пр. служатъ ему лишь формою для выраженія его взглядовъ на весьма современные, иногда даже злободневные вопросы, его религиозныхъ, моральныхъ, политическихъ убѣжденій,—это давно установлено, да и ясно съ перваго взгляда. Толстой и не думалъ вводить читателя въ заблужденіе на этотъ счетъ: напротивъ, онъ нерѣдко съ умысломъ подчеркиваетъ анахронизмъ, какъ, напримѣръ, въ той извѣстной балладѣ, гдѣ князь Владиміръ пьетъ за „древнее“ ру-

¹⁾ Этотъ отрывокъ приводитъ Бѣлинскій въ своей статьѣ о Марлинскомъ, см. Полн. собр. соч. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. 138.

ское вѣче и за новгородскій колоколъ. Ново въ статьѣ г. Котляревскаго то, что онъ впервые обстоятельно выяснилъ, каковы именно были убѣжденія, которыя поэтъ выразилъ въ этихъ архаическихъ формахъ. На основаніи разбора преимущественно балладъ А. Толстого авторъ опредѣляетъ его отношеніе къ главнымъ вопросамъ, волновавшимъ современное ему русское общество. Среди нихъ первое мѣсто занималъ, какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніи власти къ народу; какое же мѣсто занялъ въ этомъ спорѣ Толстой? Его рѣшеніе чрезвычайно просто: оно сводится къ двумъ основнымъ понятіямъ—вѣче и князь. Въ своей драмѣ „Посадникъ“ онъ изображаетъ народъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ—грубой и дикой стихійной массой, не размышляющей, кровожадной, не умѣющей отличить гражданина отъ крикуна, готовый идти безъ оглядки за всякимъ интриганомъ; но, несмотря на это, принципъ народовласти остается нетронутымъ: поэтъ не вымещаетъ на самомъ принципѣ негодности тѣхъ, кто въ данную минуту осуществляетъ его. И совершенно такъ же смотреть онъ на второй элементъ своей политической доктрины. Онъ—убѣжденный сторонникъ единодержавной монархіи, и здѣсь также недостойный носитель принципа не заставляетъ его отречься отъ самого принципа. И въ трагедіяхъ, и въ балладахъ Толстой рѣзко осуждаетъ царскій деспотизмъ, понимаемый какъ произволъ державной личности; мысль о „московскомъ ханѣ“, сидящемъ въ своемъ теремѣ „подобно кумиру средь храма“, приводитъ его въ ужасъ, онъ не упускаетъ случая отмстить Ивану IV за его злодѣянія хотя бы и позднимъ мщеніемъ. Но карая лицо, обремененное высшей властью, поэтъ оставилъ опять нетронутымъ самый принципъ власти; мало того: устами самихъ пострадавшихъ, говоритъ г. Котляревскій, онъ оправдываетъ и благословляетъ этотъ принципъ. Князя Рѣпина онъ заставилъ передъ смертью выпить здравицу за православнаго царя, Шибанова—молиться за Іоанна и за святую Русь. Такимъ образомъ политическій идеалъ Алексѣя Толстого—сильная единодержавная власть, либерально-настроенная, прислушивающаяся къ свободному голосу народа; воплощеніемъ этого идеала является для него князь Владиміръ-Красное солнышко, гуманный и либеральный, смотрящій на свою власть сразу и какъ на силу надъ народомъ, и какъ на долгъ предъ нимъ. Въ результатѣ—идиллія. На пиру, среди своихъ удалыхъ поленищъ, Владиміръ возглашаетъ тостъ:

Подайте мнѣ чару большую мою,
 Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
 Добытую съ ханомъ хазарскимъ въ бою,—
 За русскій обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вѣче!
 За вольный, за честный славянскій народъ,
 За колоколъ пью Новогграда,
 И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
 Пусть звонъ его въ сердцахъ потомковъ живетъ—
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И народъ (мы цитируемъ слова г. Котляревскаго), оцѣнивъ великодушіе своего властителя, отвѣчаетъ ему „какъ плескъ лебединаго стада, какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ“:

За князя мы пьемъ!
 Да править по-русски онъ русскій народъ,
 А хава намъ даромъ не надо,

и т. д.

Эта сибаритская гуманность, это политическое прекраснодушіе какъ нельзя болѣе характерны для Алексѣя Толстого. Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ взглядахъ, онъ является проповѣдникомъ умѣренности, компромисса, того, что называютъ золотой серединой, или, какъ выражается г. Котляревскій, его сужденія были средней пропорціональной между двумя противоположными направленіями—консервативнымъ и радикальнымъ. Г. Котляревскій одобряетъ его за это: „если,—говоритъ онъ,—въ стихотвореніяхъ Алексѣя Толстого съ національной тенденціей дѣйствительно выражена историческая истина его эпохи, свободная отъ крайнихъ толкованій, то нашъ поэтъ имѣетъ всѣ права назваться однимъ изъ пѣвцовъ обновленной или, вѣриже, обновляющейся Россіи“. Нѣтъ, это право можно съ успѣхомъ оспаривать у него. „Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный“, онъ только потому и остался свободнымъ отъ ихъ „пристрастной равности“, что стоялъ въ сторонѣ и довольно хладнокровно взвѣшивалъ правоту обонхъ. Безпристрастіе и гуманность, которыми онъ кичится въ этомъ извѣстномъ стихотвореніи, въ дѣлахъ общественной борьбы—не высшее изъ достоинствъ; подъ каждой партійной формулой таятся, или должно таяться, живое представленіе о реальныхъ страданіяхъ сотенъ тысячъ людей; это — боль, чувство, а чувство всегда пристрастно, и тому, кто среди двухъ становъ умѣетъ сохранить объективность взгляда, можно сказать по слову Апокалипсиса: горе тебѣ, что ты ни холоденъ, ни горячъ, а тепелъ. Эта разсудочная умѣренность отличаетъ не однѣ баллады Алексѣя Толстого—такова вся его поэзія. Отсюда ея непріятный книжный или кабинетный привкусъ; онъ—самый даровитый изъ нашихъ *литературныхъ* поэтовъ (въ родѣ того, какъ есть бумажные цвѣты), за нимъ слѣдуютъ Апухтинъ, Андреевскій и пр. Иныя его стихотворенія удивительно похожи на поэзію, особенно лирическія, но его баллады дѣйствительно — ничто иное, какъ аристически сдѣланные бумажные цвѣты.

Небольшой, но дѣльный очеркъ жизни Алексѣя Толстого помѣщенъ въ январской книгѣ „Новаго Пути“ г. Кондратьевымъ. Къ характеристикѣ личности поэта этотъ очеркъ прибавляетъ мало новаго: слабый, мягкій, либеральный человѣкъ, „съ юныхъ лѣтъ любимый въ красоту“. Между прочимъ г. Кондратьевъ приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько отрывковъ изъ мало извѣстнаго стихотворенія А. Толстого—сатирическаго „Посланія къ М. Н. Лонгинову о дарвинизмѣ“, 1854 года (Лонгиновъ былъ въ то время предсѣдателемъ главнаго комитета о печати). Сатира не лишена остроумія. Толстой убѣждаетъ цензора отнестись терпимѣе къ гипотезамъ Дарвина; вѣдь онъ не присутствовалъ при сотвореніи міра,—какъ же онъ можетъ знать приемы, которые употребилъ въ этомъ дѣлѣ Богъ?

Способъ, какъ творилъ Создатель,
Что считалъ онъ болѣе кстати,—
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти,—
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

Вѣдь подобные примѣры
 Подавать—неосторожно,
 И тебя за скудость вѣры
 Въ Соловки сослать бы можно!..

И кончается онъ совѣтомъ оставить въ покоѣ науку, которой не
 страшны никакія гоненія: она, говорятъ поэтъ,

...Льется на міръ потоки свѣта
 И, слѣдя, какъ въ тѣмъ лазурной
 Ходятъ Божіи планеты
 Безъ инструкціи цензурной,

Кажеть намъ, какъ та же сила,
 Вся въ иную плоть одѣта,
 Въ область разума вступила,
 Не спросясь у комитета.

Брось же, Миша, утрашенья,
 У науки правъ не робкій,
 Не замкнешь ея теченья
 Ты своей дрянною пробкой!

Очень, очень недурно. Какъ жаль, что эта сатира не помѣщается въ
 полномъ собраніи стихотвореній графа А. Толстого!

Въ „Вѣстн. Европы“ (мартъ) А. Н. Пыпинъ началъ новую работу—
 о литературной дѣятельности Некрасова, общающую заполнить давно
 осязаемый пробѣлъ, именно представить разборъ всѣхъ крупнѣйшихъ
прозаическихъ работъ Некрасова, по беллетристичѣ и критикѣ; въ этой
 статьѣ мы въ свое время вернемся. Г. Лесевичъ въ двухъ книгахъ
 „Рус. Мысли“ помѣстилъ обширную характеристику личности и творче-
 ства Гребенки, писателя у насъ совсѣмъ забытаго, но для малороссовъ
 представляющаго еще, повидимому, весьма живой интересъ. *Salva tota*
reverentia почтеннаго философа, нельзя не замѣтить, что статья его
 можетъ служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать характери-
 стики. Она написана съ пристрастіемъ, въ которомъ чувствуется нѣчто
 вродѣ личной или узко-патріотической мстительности, точно Гребенка
 навлекъ на себя гнѣвное раздраженіе г. Лесевича не столько дрянностью
 своего характера или произведеній, сколько своими насмѣшками надъ
 обитателями Пирятинскаго уѣзда. Это вовсе не „опытъ характеристики“,
 какъ назвалъ свои статьи г. Лесевичъ, а памфлетъ, и едва ли справед-
 ливый. Г. Лесевичъ очень строго дѣлитъ литературную дѣятельность
 Гребенки на двѣ части—на раннія произведенія, писанныя по-малорос-
 сійски, и позднѣйшія, писанныя по-русски. Послѣднихъ уже давно ни-
 кто не читаетъ, но именно имъ и психологической исторіи ихъ возник-
 новенія посвященъ почти весь трудъ г. Лесевича, надъ ними онъ и про-
 износитъ свой непонятно страстный приговоръ. Между тѣмъ раннимъ,
 малороссійскимъ произведеніямъ, доставившимъ Гребенкѣ, по признанію
 самого г. Лесевича, почетное положеніе въ украинской литературѣ, „ко-
 торое и до сихъ поръ за нимъ остается“, авторъ отводитъ всего стра-
 ницы четыре самаго торопливаго разбора, чтобы тотчасъ вернуться къ
 страстному опроверженію панегиристовъ Гребенки и ѣдкому анализу все-
 тѣхъ же его русскихъ повѣстей. Сколько можно судить по статьѣ г. Ле-
 севича, Гребенка былъ едва ли не первый поэтъ, писавшій на мало-

русскомъ языкѣ, притомъ несомнѣнно даровитый и глубоко-народный, „какой-то свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ, тѣмъ болѣе поразительный, что обаяніе гѣсея Шевченка было еще впереди“. Объ этомъ дѣйствительно было бы интересно узнать подробнѣе; но именно этого нѣтъ въ статьѣ г. Лесевича.

Очень цѣнны двѣ статьи П. Е. Щеголева о Пушкинѣ. Одна („Истор. Вѣстн.“ январь) посвящена „ненаписаннымъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина“, именно тѣмъ четыремъ стихотвореніямъ, которыя проф. Шляпкипъ въ своей извѣстной книгѣ о неизданныхъ бумагахъ Пушкина съ неопозволеннымъ произволомъ скомпоновалъ на основаніи страшно перечеркнутыхъ черновиковъ поэта. Авторъ даетъ точныя копія черновиковъ, не оставляющія никакого сомнѣнія въ полной негодности конъектуръ г. Шляпкина. Любопытно между прочимъ, что послѣдній воспользовался этими несуществующими произведеніями, какъ новыми фактами, позволяющими будто бы видѣть въ Пушкинѣ „защитника основъ“ и слѣдить за ростомъ его національно-патріотическаго сознанія. Г. Щеголевъ, по нашему мнѣнію, ошибается, когда совершенно отрицаетъ это: черновки, дѣйствительно, позволяютъ сдѣлать такой выводъ; но онъ глубоко правъ, утверждая, что самая незаконченность этихъ отрывковъ указываетъ на недостаточность проникновенія ихъ идеями и что „истинно-патріотическое чувство поэта сказалось въ томъ, что онъ оставилъ безъ обработки эти стихи и не далъ выраженія тому патріотизму, за который профессоръ И. А. Шляпкипъ такъ превозноситъ его“.

Другая статья того же автора—„Амалия Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина“ („Вѣстн. Евр.“ январь). Авторъ ставитъ себѣ узкую задачу—опредѣлить, какія стихотворенія Пушкина могутъ быть приурочены къ г-жѣ Ризничъ, и въ эту специальную область мы не будемъ за нимъ слѣдовать. Но попутно, благодаря его тонкому анализу біографическихъ данныхъ и произведеній поэта, выясняется „индивидуальность“ этой любви Пушкина въ отличіе отъ другихъ его увлеченій. Это была чувственная любовь, страсть жгучая и томительная, вспыхнувшая пожаромъ и быстро угасшая. За нею слѣдовало другое увлеченіе, несравненно болѣе глубокое (1824—25 гг.), гр. Е. К. Воронцовой („Ненастный день потухъ“, „Сожженное письмо“ и пр.), а еще позднѣе—любовь съ возвышеннымъ и мистическимъ оттѣнкомъ къ женщинѣ намъ неизвѣстной, умершей во всякомъ случаѣ до осени 1830 года; ей то посвящена знаменитая лирическая трилогія „Заклинаніе“, „Для береговъ отчизны дальней“ и „Разставаніе“, относимая обыкновенно къ г-жѣ Ризничъ. Всѣ три стихотворенія писаны въ Болдинѣ осенью 1830 г., т.-е. незадолго до женатбы Пушкина: въ эти тревожные дни поэтъ обращается мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины, онъ чувствуетъ потребность „въ послѣдній разъ“ „мысленно ласкать“ ся милый образъ и сказать ей, тоскуя, что все любить ее, хоти и мертвую, что ждетъ обѣщаннаго ею при разлукѣ поцѣлуя.—Статья г. Щеголева—важная страница изъ исторіи души Пушкина, его внутренней жизни.

Въ обзорѣ разнохарактернаго историко-литературнаго матеріала, приносимаго новыми книжками нашихъ журналовъ, поневолѣ приходится безъ всякой связи переходить отъ одного предмета къ другому. Цѣль

такого обзора—именно обозрѣть новый матеріалъ, дать возможность въ сжатомъ видѣ ознакомиться съ нимъ тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ времени или охоты читать цѣликомъ обширныя и болѣе или менѣе спеціальныя статьи по литературѣ. Интересъ къ словесности, какъ къ предмету научнаго изслѣдованія, обидно мало развитъ въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ; между тѣмъ онъ чрезвычайно важенъ, прежде всего какъ средство развить въ себѣ способность къ сознательному воспріятію литературныхъ произведеній, брать которыя однимъ „нутромъ“—не всегда полезно, а иногда и просто вредно. Разумная критика или систематизація художественнаго матеріала никогда не убьетъ въ читателѣ непосредственнаго впечатлѣнія,—напротивъ, она осмыслитъ и удесятеритъ его.

Хорошій образецъ такой систематизаціи представляетъ собою статья г. Волжскаго о Глѣбѣ Успенскомъ, напечатанная въ январской и февральской книгахъ „Рус. Бог.“ Статья, къ сожалѣнію, чрезмерно растянута и написанная дурнымъ языкомъ, носитъ заглавіе: „Глѣбъ Успенскій о заблужденіи личности русскаго человѣка“. Она примыкаетъ къ болѣе ранней работѣ автора, къ его очерку объ Успенскомъ въ книгѣ „Два очерка (Успенскій и Достоевскій)“, Спб. 1902, гдѣ онъ, вслѣдъ за Н. К. Михайловскимъ, опредѣляетъ основной мотивъ творчества Успенскаго какъ жажду гармоніи. Въ томъ очеркѣ исходнымъ пунктомъ для г. Волжскаго служилъ вопросъ о положеніи Успенскаго въ „тяжбѣ“ между интеллигенціей и народомъ, и вопросъ о большой личности русскаго человѣка былъ имъ затронутъ только косвенно: именно послѣднему посвящена новая работа автора.

Конечный идеалъ Успенскаго, говорить г. Волжскій,—страстная мечта о гармоніи личности, о человѣкѣ, живущемъ на вольной волѣ своего роскошнаго естества, безъ принужденія и обязанностей, глубоко моральномъ по самой своей природѣ,—мечта о такомъ свѣтломъ, радостномъ, безболѣзненномъ состояніи человѣческой жизни, при которомъ навсегда исчезнетъ всякая мысль о крестѣ, о долгѣ и дисгармоніи, исчезнетъ всякая тяжесть и останется только сознаніе „радости жить на бѣломъ свѣтѣ“ и „чувствовать себя человѣкомъ“. Мечтая о выпрямленномъ во весь свой естественный ростъ человѣкѣ, Успенскій вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко проникаетъ въ дѣйствительность, уродующую прекрасное человѣческое существо; въ его произведеніяхъ мы находимъ удивительно тонкій анализъ власти безсознательныхъ силъ и безличныхъ экономическихъ отношеній, вообще стихійныхъ началъ соціальной жизни. Дѣйствительность русской жизни, комкающая человѣческую личность, поражаетъ Успенскаго прежде всего своею неожиданностью, нелѣпою сумятицею невѣдомо откуда народившихся, вдругъ нагрянувшихъ явленій. Ея главнымъ факторомъ онъ считаетъ „всесокрушающій русскій случай“. Эта страшная сила, эта „рѣка случайностей“, омывающая человѣка со всѣхъ сторонъ, и въ частныхъ, и въ общественныхъ отношеніяхъ, дѣлаетъ нашу повседневную жизнь ужасною. Конецъ разсказа „Съ человѣкомъ—тихо“ какъ бы символически обобщаетъ всю русскую дѣйствительность: „И стоитъ дьявольская тоска.—Солонина „достигла“ 20 в.—неизвѣстно отчего. Батюшка сидитъ дома и думаетъ объ улучшеніи быта—неизвѣстно съ чего. Въ волости „наказываютъ“ Ивана Родионова—неизвѣстно за что. Урядникъ ѣдетъ рысью—„неизвѣстно куда

и зачѣмъ“. Неизвѣстно зачѣмъ прилетѣла птица подѣ окно... Солнце свѣтитъ... Соловина „достигаетъ“... И становится „неизвѣстно отчего“ „страшно“...

Этотъ стихійный потокъ безсвязныхъ явленій, бессмысленной вѣшной необходимости всей своею силою напирать на личность; борьба человека за свою индивидуальность, за право сознательнаго господства надъ естественнымъ порядкомъ вещей обречена почти на вѣрную неудачу. Человекъ не выдерживаетъ этого напора, обезличивается и погибаетъ. Успенскій, — говорить г. Волжскій, — съ глубокимъ и напряженнымъ вниманіемъ прослѣживаетъ въ своихъ произведеніяхъ эту обезличивающую тенденцію общественнаго процесса въ русской жизни. И на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ у него русскій интеллигентъ, интеллигентъ того переходнаго времени послѣ освобожденія крестьянъ, когда внезапность переворота и неуступчивая живучесть крѣпостническихъ пережитковъ довели путаницу русской жизни до апогея.

„Безъ всякихъ преувеличеній можно сказать, что состояніе духа лучшаго экземпляра современнаго провинціальнаго интеллигентнаго неплательщика поистинѣ ужасное“. Внимательно анализируя это „состояніе духа“ на основаніи богатѣйшаго матеріала своихъ наблюденій, художникъ находитъ, что непосредственный источникъ его — все тотъ же случай. Въ интеллигентной душѣ случай все помялъ, все испугалъ, на все прикрикнулъ. Дѣло, которое дѣлаетъ интеллигентъ, не связано съ его мыслью крѣпко и плотно; отдать на служеніе ему всю силу души нельзя: завтра нагрянетъ случай, который сразу разбросаетъ въ щепки съ любовью начатое зданіе.

Въ этой атмосферѣ „ненастоящаго“, „незаконнаго“ нѣтъ минуты веселья, нѣтъ здоровья, нѣтъ дѣла, нѣтъ сознанія простаго покоя... Всякаго что-то точить, вертеть въ душѣ... Кака-то непроглядная, жалкая безтолковщина, что-то тягучее и крайне болезненное непрерывно тянется въ этой жизни изо дня въ день (если не считать моментовъ, которые веселы даже и для птицъ и мухъ — любовныя дѣла и пр.), пронизывая воздухъ, которымъ приходится дышать, и душнымъ туманомъ засгидая будущее... Бываютъ моменты, когда одновременно въ разныхъ концахъ неплательщичьяго міра чувствуется полное удушеніе... вотъ, вотъ, кажется, дальше нѣтъ возможности выносить... И вдругъ какъ молнія блеснетъ: „Слышали? Варенька-то!.. Вѣдь застрѣлилась?.. Какъ? что такое? Неужели?“ И точно могучимъ ударомъ могучаго кулака ударить та вѣсть по разслабленной неплательщичьей душѣ... „Стало быть и вправду душно и трудно!“ думаетъ она... „Вправду, вправду!“ говоритъ совѣсть, отвыкнувшая признавать за правдою какой-нибудь существенный смыслъ. И все, что удвѣгло въ этой душѣ хорошаго, все выйдетъ на Божій свѣтъ. Боже, какъ реветъ иной закоснѣлый неплательщикъ въ такія минуты! 1).

Да, въ этой исковерканной душѣ подѣ всякой скверной таится неугасимая жажда „сущей правды“. Но и это движеніе во имя правды не имѣетъ у насъ той чистоты и естественности, какъ на Западѣ: оно сплошь и рядомъ заключаетъ въ себѣ скверную или смѣшную примѣсь. И это опять есть дѣло случая. Всемогущій случай властвуетъ у насъ не только надъ всей жизнью — онъ распорядится и совѣстью.

Откуда же эта страшная сила случайности въ человѣческой жизни, что дѣлаетъ нашу общественную жизнь стихійнымъ процессомъ, не зависящимъ отъ личнаго участія его участниковъ? „Психологическая основа

1) Соч., изд. Павленкова, т. I, стр. 517.

безграничной власти случая въ русской жизни, — отвѣчаетъ Успенскій, — безсиліе личности. Личность въ русскомъ человѣкѣ стерта, подавлена, сознательность рѣшеній за собственный страхъ утрачена ею, способность уважать себя ослаблена въ ней до послѣдней степени. Собственная личность тяготивъ человѣка, ему хочется не чувствовать себя, отдаться чему-нибудь внѣшнему, отказаться отъ личной ответственности и собственной воли“. Главную причину этой обезличенности Успенскій видитъ въ отмигнѣ крѣпостного права, вдругъ призвавшей къ самостоятельному бытію сотни тысячъ людей, которые до сихъ поръ, благодаря крѣпостному праву, не имѣли ни возможности, ни силъ, ни умѣнія распознать въ себѣ образъ и подобіе Божіе. Съ крѣпостнымъ правомъ была упразднена цѣлая крѣпостная философская система; не умѣя жить собственнымъ умомъ и собственной волей, русскій человѣкъ былъ выбитъ изъ коленъ напоромъ новыхъ идей и отношеній; онъ потерялъ почву подъ ногами, потерялъ сознание законности и цѣли своего существованія. Отсюда внутренний надломъ и безчисленныя формы „заболѣванія личности русскаго человѣка“. Ихъ-то съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ, съ такой душевной болью изучаетъ Успенскій.

По своему душевному складу онъ съ особенной чуткостью относился къ тѣмъ формамъ заболѣванія личности, въ основѣ которыхъ лежитъ работа совѣсти. И вотъ, внимательно изучая проявленія совѣсти у русскаго человѣка, онъ приходитъ къ неожиданному на первый взглядъ выводу, что совѣстливость у русскаго человѣка чаще всего стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ подавленностью личности. Высочайшее напряженіе нравственныхъ силъ уживается съ внутренней дряблостью, съ неспособностью осуществлять требованія самой простой, человѣчески-понятной правды въ людскихъ отношеніяхъ. Успенскій тщательно выслѣживаетъ тотъ сложный психологическій узелъ, гдѣ обезличенность русскаго человѣка вдругъ, въ силу какихъ-то невѣдомыхъ и кажущихся поэтому случайными историческихъ сдѣланий, встрѣчается и тѣсно срастается съ проповѣдью самопожертвованія и одушевленнаго служенія широкимъ общественнымъ задачамъ. Онъ показываетъ, какъ растерянность русскаго человѣка, выражающаяся въ тайномъ или явномъ стремленіи убѣжать отъ себя, неодолимо влечетъ его къ грандіознымъ идеалистическимъ замысламъ, требующимъ для своего осуществленія какъ-разъ того, чего нѣтъ въ опустошенномъ русскомъ человѣкѣ: нравственнаго здоровья личности, гордаго самосознанія, способности самому отвѣчать за себя и дѣйствовать на собственный страхъ.

Это болѣзненное сращеніе крайней совѣстливости съ омертвѣніемъ личности типически изображено Успенскимъ въ лицѣ одного изъ любимыхъ его героевъ — Тяпушкина. Въ третьей главѣ очерковъ „Волей-несвоей“ Тяпушкинъ рассказываетъ о тѣхъ „подлинныхъ условіяхъ русской жизни“, которая исторгла изъ его сознания самую мысль о какихъ-то достоинствахъ и правахъ личности¹⁾. Поправный, нравственно раздавленный и обиходомъ жизни, и школою, онъ глубоко проникся чувствомъ своего ничтожества. А вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ своей и, слѣдовательно, къ чужой личности росло холопское уваженіе предъ безликимъ стихійнымъ началомъ, стоящимъ надъ личностью. Сердце

¹⁾ Соч., т. II, стр. 486 и сл.

было заморено, но въ этомъ маленькомъ звѣрущемъ сердцѣ съ малыхъ лѣтъ лежало зерно жалостливой тоски не о своемъ, а о какомъ-то чужомъ горѣ, о неисходныхъ страданіяхъ какого-то безформеннаго „мы“, „они“. На эту-то почву упали сѣмена новыхъ идей, нахлынувшихъ тотчасъ послѣ крымской войны. Когда юноша Тяпушкинъ бросился на книгу, онъ, быстро дойдя до послѣдней страницы, увидѣлъ, что эта страница говоритъ какъ разъ то, къ чему неотразимо приводили его до сихъ поръ школа и жизнь: убавляй себя для общаго блага, для умаленія общаго зла. „Чего же мнѣ было убавлять себя, когда меня совѣмъ не было?“ спрашиваетъ онъ. И это общее горе послѣдняя страница выяснила ему безъ всякихъ частностей, въ видѣ цифръ и таблицъ вмѣсто людей. Но эти цифры были ему понятнѣе, жгли его мозгъ сильнѣе, чѣмъ подлинныя стоны. Онъ самъ никогда не смѣлъ относиться къ себѣ, къ своему горю по-человѣчески; онъ даже понятія не имѣлъ о своемъ правѣ стонать, жаловаться, требовать облегченія; какъ же онъ могъ глубоко чувствовать мелочное горе другихъ? Но эта боль, спрессованная въ маленькую цифру, въ которой не видно никакихъ отдѣльныхъ человѣческихъ образовъ и страданій, была ему понятна; потрясая его умъ, она развивала въ немъ тотъ зародышъ жалости, который уже былъ въ немъ, и обязывала его сосредоточить вниманіе только на этихъ общихъ всечеловѣческихъ бѣдахъ. Такимъ образомъ умаленіе личности, бывшее въ теченіе долгихъ вѣковъ исторической необходимостью для русскаго человѣка, становится теперь нравственной обязанностью. „То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія.—говоритъ Успенскій,—вовсе не личное наше достоинство, а дѣло, исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе отъ тяжелой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими“.

Г. Волжскій хорошо выясняетъ, какъ ненадежда и зыбка эта почва, какъ невозможна для внутренне-обезсиленнаго человѣка самопожертвованіе, представляющее собою не умаленіе личности, какъ обыкновенно думаютъ, а высшее ея самоутвержденіе. Новая мораль не срастается въ Тяпушкинѣ съ живымъ содержаніемъ его душевной жизни: она лишь механически сцѣпляется съ нимъ, устремляясь поверхъ личности къ нѣкоторой отвлеченной величинѣ — обществу, народу и пр. Отсюда ея безличныи, часто враждебный живой личности характеръ; при столкновеніи съ непосредственной жизнью она мгновенно испаряется. Доброволецъ, пришедшій сложить свою голову за угнетаемыхъ братушекъ, не умѣетъ стать въ самая простая человѣческія отношенія съ живыми, „конкретными“ сербами; Тяпушкинъ, готовый по первому требованію „народа“ пропасть за него, попавъ въ деревню и видя этотъ коллективный „народъ“ размѣненнымъ на фигуры мужиковъ, бабъ, ребятъ, не только не получаетъ возбуждающаго къ жертвѣ стимула, но остываетъ до холоднѣйшей тоски. Въ результатѣ—сплошная душевная мука; самоотверженное служеніе безличному общему благу не приноситъ ни малѣйшаго душевнаго успокоенія. Личное и общественное дѣло оказываются безнадежно разобщенными. Общественное дѣло лишено и крѣпости, и непринужденности, потому что за нимъ не стоитъ оживляющій его личный интересъ; оно—само по себѣ, и потому оно тяжело и не даетъ внутренней гармоніи. А личное—тоже само по себѣ, оно оторвано

отъ широкаго общественнаго дѣла, и потому оно— „маленькое, звѣрущечье“. Нѣтъ въ русскомъ человѣкѣ здороваго эгоизма, но зато въ немъ необыкновенно прочно воспитана увѣренность въ необходимости жить не думая о себѣ, покоряясь чему-то чужому, какому-то надъ всѣми одинаково тяготѣющему дѣлу, увѣренность въ томъ, что эта тягота и есть настоящая цѣль жизни. Каждому въ отдѣльности ничего не нужно, лично онъ перенесетъ всякую гадость, и отдохнетъ душою только въ общемъ дѣлѣ.

Не знаю, есть ли подобныя черты въ такихъ, напримѣръ, общественныхъ дѣятеляхъ, какъ Бредло, Парнель. Мнѣ думается, что Парнелю и дома, и для себя, и для семьи, и для Жоржика нужно то самое дѣло, которое онъ дѣлаетъ въ парламентѣ; что парламентское общественное дѣло начинается у него дома, въ немъ самомъ, въ личной потребности дѣлать его, въ личной жизни сердца, требующей такихъ именно ощущеній, какъ тѣ, которыя добываются его дѣломъ. Точно также и Бредло. Человѣка этого каждый годъ избиваютъ по малой мѣрѣ два раза въ годъ и рвутъ на немъ не менѣе двухъ скрутокъ, и онъ все-таки идетъ опять туда же, зная, что его будутъ опять колотить до синяковъ и что онъ послѣ этой бойни сляжетъ въ постель, а можетъ и умереть. И здѣсь я думаю, что общественное дѣло, которое онъ дѣлаетъ, не покидаетъ его дома, и въ семьѣ, и въ обществѣ жены. Ему, его эгоизму, надобно добиться своего, и онъ претъ, не смотря ни на что ¹⁾).

Такова душевная драма русскаго интеллигента, вскрытая Успенскимъ. Онъ смотритъ на нее, какъ на исторически-обусловленное и переходящее явленіе. Онъ полагаетъ, что извѣстное поколѣніе русской интеллигенціи обречено пропасть волей-неволею, что для этого поколѣнія дорога къ идеалу выпрямленнаго во весь естественный ростъ человѣка, къ гармоніи, лежитъ чрезъ собственный душевный разладъ, чрезъ дисгармонію. Самый этотъ крестъ Успенскимъ не возводится въ идеалъ; хотя болѣзнь русскаго интеллигента есть „заболѣваніе сердца сущюю правдою“, но это все-таки—заболѣваніе. Идеаль Успенскаго—не муки, хотя бы и совѣсти, а здоровье и сила, красота свободной человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи г. Волжскій справедливо сближаетъ его съ Ницше. Но между обоими есть и важное различіе, на которое также указываетъ г. Волжскій: Ницше жаждетъ гармоніи личности во что бы то ни стало, для него безразлично, будетъ ли эта гармонія моральной; идеаль Успенскаго, напротивъ,—именно гармонія человѣчности. „Ницше, прославляя творческую мощь стихійнаго процесса жизни, вырабатывающаго высшій типъ... довѣряется природѣ безъ всякихъ ограниченій, безусловно принимая все, что бы она ни дала... Успенскій довѣряется творчеству природы, естественной гармоніи, только въ убѣжденіи, что эта гармонія будетъ непремѣнно, по самой природѣ своей, гармоніей моральной и человѣчной“. Правда, кое-гдѣ у него можно замѣтить проблески почтенія или зависти къ гармоніи вообще, къ первобытной мужицкой гармоніи или къ прочности западно-европейской жизни, вообще—къ чужой смѣлости жить на свѣтѣ; иногда, измученный созерцаніемъ всеобщей дисгармоніи, онъ жаждетъ посмотреть „что-нибудь настоящее“, будь то хотя бы подлинное шарлатанство, какой-нибудь старинный становой, вѣрный свосму призванію

¹⁾ Соч., т. II, стр. 513—514.

бросаться и обирать. Но онъ самъ называетъ это сконфуженностью ребенка, которому не подарили такихъ же фольговыхъ часовъ, какіе получилъ его пріятель; эта сконфуженность появляется у него только въ минуты особенной усталости, истинный же его идеаль—та высшая гармонія, къ которой нѣтъ иного пути, какъ чрезъ внутренній распадъ, не первое, а третье звено гегелевской триады.

Такъ глубокій художественный анализъ временнаго явленія—душевной драмы русскаго интеллигента въ по-реформенную эпоху—ожидается у Успенскаго на общечеловѣческой морально-философской основѣ. Главная цѣнность этюда г. Волжскаго и заключается на нашъ взглядъ въ томъ, что онъ выяснилъ непреходящіе элементы творчества Глѣба Успенскаго.

М. Гершензонъ.

Библиографія.

В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи крестьянства въ первой половинѣ XIX вѣка. Спб. 1903. Отдѣльный оттискъ изъ № 6 и 7 журнала „Русское Богатство“.

Исслѣдованіе г. Мякотина подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ представляетъ собой весьма цѣнный вкладъ въ нашу литературу по исторіи русскаго крестьянства. Цѣнность этого исслѣдованія повышается благодаря двумъ обстоятельствамъ. 5 апрѣля 1897 года исполнилось столѣтіе со дня появленія при императорѣ Павлѣ I закона „Учрежденіе объ императорской фамилиі“, опредѣлившаго собой моментъ образованія удѣльных имѣній и организаціи въ нихъ крестьянскаго самоуправления. По установившемуся у насъ за послѣднее время добромъ обычаю наши учрежденія, празднуя свои столѣтніе юбилеи, вспоминаютъ свое прошлое въ историческихъ очеркахъ, предоставленныхъ въ болѣе или менѣе широкое пользованіе читающей публики. Работа г. Мякотина есть не что иное какъ отголосокъ столѣтняго юбилея главнаго управленія удѣловъ; она цѣлкомъ написана по неизданному документамъ, хранящимся въ архивѣ этого учрежденія и предоставленнымъ въ распоряженіе г. Мякотина. Эти документы весьма важны въ научномъ отношеніи и впервые пускаютъ въ ученый оборотъ рядъ совершенно свѣжихъ данныхъ. Это—*первое* обстоятельство. Что касается *второго* обстоятельства, то оно стоитъ въ связи съ чрезвычайно распространеннымъ мнѣніемъ, что „въ ближайшее передъ реформой 1861 года время у многихъ разрядовъ крестьянъ уже существовало общественное самоуправленіе, которое послужило образцомъ для составителей положеній о крестьянахъ; особенно часто указывается въ этомъ отношеніи на самоуправленіе бывшихъ государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ“ (см. стр. 276 по 2-му изданію сборника „Мелкая земская единица“. Спб. 1903). И. М. Страховскій совершенно справедливо позволяетъ себѣ сомнѣваться „въ возможности принятія редакціонными комиссіями общественнаго управленія бывшихъ государственныхъ крестьянъ за образецъ, достойный подражанія; комиссія, дѣйствительно, постоянно имѣла въ виду этотъ образецъ при своихъ работахъ, но только въ качествѣ антитезы того, что нужно было сдѣлать; бюрократическій строй учреждений государственныхъ крестьянъ былъ категорически осужденъ редакціонными комиссіями“. Превосходный матеріалъ, который мы читаемъ въ исслѣдованіи г. Мякотина, даетъ руководящую нить для окончательнаго осужденія указанной выше легенды и въ отношеніи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Исслѣдованіе г. Мякотина распадается на двѣ части: первая посвящена характеристикѣ крестьянскаго самоуправления въ удѣльныхъ имѣніяхъ, вторая—обзору личныхъ и имущественныхъ правъ удѣльныхъ крестьянъ.

„Учрежденіе“ 5 апрѣля 1797 года устанавливало въ удѣльныхъ имѣніяхъ крестьянскаго самоуправления въ видѣ исключительно выборныхъ властей приказнаго и сельскаго управленія, дѣйствовавшихъ подъ двойнымъ контролемъ—избиравшихъ ихъ крестьянскихъ „мировъ“ и высшей удѣльной администраціи. По документамъ архива главнаго управленія удѣловъ авторъ слѣдитъ за тѣмъ, насколько практика могла соблюсти самостоятельность крестьянскаго „мира“, своеобразно мелькнувшую въ законѣ. Любопытно, что нарушеніе самостоятельности крестьянскаго мира было обусловлено прежде всего безграмотностью населенія

Департаментъ удѣловъ началъ рядъ нарушеній тѣмъ, что допустилъ въ составъ мірскихъ властей лицъ постороннихъ, ничѣмъ не связанныхъ съ крестьянскими обществами: должность приказнаго писаря должна была замѣщаться выборными изъ самихъ удѣльныхъ крестьянъ, среди которыхъ часто не оказывалось грамотныхъ людей, способныхъ къ отправленію этой должности. Указъ 20 октября 1798 года пробилъ здѣсь первую брешь, вслѣдъ за которой появились вскорѣ новые элементы для стѣсненія или частью подавленія самостоятельности міра. Положеніе департамента удѣловъ 15 мая 1808 года было результатомъ недозвѣрія къ крестьянскому самоуправленію со стороны центральной администраціи... Самоуправленіе стало въ сущности миеомъ... Авторъ утверждаетъ, что „черты собственно самоуправления въ значительной мѣрѣ затерялись въ новомъ порядкѣ, дѣлашемъ приказныхъ старшинъ похожими болѣе на чиновниковъ, нежели на выборныхъ властей; приказный писарь, назначаемый управляющимъ, поставленный внѣ всякой зависимости отъ крестьянскаго общества и приказныхъ старшинъ, окончательно обратился въ чиновника; голова, выбиравшійся на безсрочное время изъ кандидатовъ, указанныхъ управляющимъ, и по его же указаніямъ утверждавшійся департаментомъ, часто могъ не быть дѣйствительнымъ избранникомъ общества; то же самое можно сказать о засѣдателяхъ, опять-таки едва ли не въ большей мѣрѣ получавшихъ свои полномочія отъ управляющаго удѣльной конторой, чѣмъ отъ крестьянскаго міра“. На этой почвѣ быстрой и рѣшительной бюрократизаціи учреждений удѣльныхъ крестьянъ, по словамъ г. Мякотина, „царилъ грубый произволъ должностныхъ лицъ“. Свое утверженіе авторъ иллюстрируетъ цѣлой группой выразительныхъ примѣровъ, относящихся къ 20-ымъ годамъ прошлаго вѣка. Образцы злоупотребленій блещутъ столько же ихъ варварствомъ, сколько продолжительностью: цѣлыми годами нельзя было найти никакой управы на удѣльныхъ чиновниковъ, и волненія удѣльныхъ крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ окрасили собою столь печальное положеніе вещей. Къ концу 50-хъ годовъ управленіе разстроилось, нужны были рѣшительныя мѣры для прекращенія неопорядковъ, и „сознаніе недостатковъ начало становиться все сильнѣе и сильнѣе на высшихъ ступеняхъ администраціи“. Если въ законѣ возобладала точка зрѣнія на удѣльные вотчины, какъ на частное владѣніе, то въ хозяйственной практикѣ департамента постоянно проглядывалъ крупный помѣщикъ, которому всего важнѣе было извлечь изъ подвластнаго ему населенія возможно болѣе матеріальныхъ выгодъ. Департаментъ страшно стѣсняетъ выходъ удѣльныхъ крестьянъ изъ ихъ состоянія; онъ ведетъ упорную борьбу противъ стремленія крестьянъ къ свободному передвиженію, прибѣгая ради отстаиванія своихъ хозяйственныхъ интересовъ къ все болѣе суровымъ репрессаліямъ, равнымъ образомъ противъ семейныхъ раздѣловъ въ крестьянской средѣ. Послѣ многихъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ архивныхъ матеріаловъ, г. Мякотинъ утверждаетъ, что „удѣльное управленіе прилагало немалыя усилія къ задержанію процесса дробленія крестьянскихъ семействъ, но нельзя сказать, чтобы эти усилія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, хотя они и не оставались, конечно, вполне безрезультатными“. „Основною причиною направленія заботъ удѣльной администраціи въ данную сторону быть, по словамъ нашего автора, взглядъ на семейные раздѣлы, какъ на явленіе, приносящее вредъ хозяйству крестьянъ или, точнѣе говоря, помѣщичьимъ интересамъ удѣла“. Вообще хозяйственная точка зрѣнія удѣла создавала рядъ ограниченій въ личныхъ правахъ удѣльныхъ крестьянъ... Наиболѣе любопытнымъ намъ представляется нижеслѣдующій фактъ, тонко выхваченный г. Мякотинимъ изъ груды изученнаго имъ архивнаго матеріала. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во владѣніи удѣльныхъ крестьянъ находились земли, по отношенію къ которымъ ихъ право собственности было обосновано совершенно особымъ и болѣе прочнымъ образомъ, какъ напр., жалованными грамотами царя Алексѣя. Переходъ и такихъ земель департаментъ удѣловъ ухитрился стѣснить. 16 октября 1809 года департаментъ увѣдомилъ вологодскую удѣльную контору по поводу одного такого частнаго случая, что „ежели и впредь крестьяне *самовольно* таковыя земли изъ круга своего семейства перепродавать или инымъ образомъ передавать кому постороннему будутъ и чрезъ то заводятъ напрасныя ссоры и тяжбы, то объявить имъ, что навсегда оныя земли будутъ отобраны въ распоряженіе департамента удѣловъ“. Г. Мякотинъ энергично замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Такимъ образомъ однимъ распоряженіемъ департамента была уничтожена сила царскихъ грамотъ на землю,—фактъ, который находилъ себѣ объясненіе въ общихъ условіяхъ положенія удѣльныхъ крестьянъ, но который тѣмъ не менѣе долженъ обратить на себя вниманіе историка русскаго гражданскаго права“.

Работа г. Мякотина въ цѣломъ написана съ присущей ему строго научной объективностью и вполнѣ доступна для широкаго круга читателей. Въ ней нельзя усмотрѣть признаковъ какой-либо тенденціозности. Какъ писатель, г. Мякотинъ отличается удивительнымъ сочетаніемъ двухъ особенностей: умѣемъ выбрать тему широкаго общественнаго захвата и вмѣстѣ съ тѣмъ обработать ее съ олимпійскимъ спокойствіемъ, благороднымъ безпристрастіемъ и горячимъ къ ней интересомъ, заражающимъ читателя. Г. Мякотинъ очень рѣзко отаѣчаетъ въ своемъ изслѣдованіи помѣщичій инстинктъ департамента удѣловъ и подвига его бюрократическихъ дѣльцовъ, но онъ не позволяетъ себѣ оставлять въ тѣни тотъ фактъ, что удѣльные крестьяне въ общемъ находились въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели помѣщичи. „Вообще же,—пишетъ г. Мякотинъ,—хотя личныя отношенія удѣльныхъ крестьянъ подчинялись регламентаціи, исходившей изъ началъ частнаго помѣщичьяго права, и крестьянскія права подвергались при этомъ не малымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, все же размѣръ этихъ ограниченій *въ теоріи* никогда не доходилъ до уровня того беззавѣра, въ которомъ находились по закону и на практикѣ крестьяне помѣщичьи“. Мы съ искреннимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ настоящій трудъ г. Мякотина, усердно рекомендуя его вниманію читающей публики.

В. Сторомель.

Ив. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. СПб. Безъ года.

Книжка г. Страховскаго составилась изъ статей, печатавшихся въ „Вѣстникъ Права“ и „Правъ“ за 1900—1903 гг., и имѣетъ цѣлью дать обзоръ какъ своеобразнаго устройства крестьянскихъ учреждений, обособляющаго крестьянское сословіе отъ всего остальнаго населенія въ отношеніи порядка и приемовъ управленія (1—181), такъ и особенностей гражданскаго состоянія крестьянъ, состоящихъ изъ обломковъ и пережитковъ разныхъ эпохъ и установленій и опутывающихъ крестьянское населеніе сѣтью стѣсненій и ограниченій, дѣлающихъ почти невозможнымъ его дальнѣйшее духовное и экономическое развитіе (181—256). Авторъ чуждается предвзятыхъ идей, если только не считать за таковую предвзятость самоограниченія себя авторомъ новѣйшей исторіей учреждений и сознательнаго игнорированія имъ историческихъ корней ихъ¹⁾, тогда какъ только таковыя и придають имъ жизненность и устойчивость, примѣромъ чему можетъ служить Англія и Франція. Затѣмъ, относясь совершенно объективно къ крестьянскимъ правамъ и учрежденіямъ, авторъ подвергаетъ ихъ логическому анализу и такимъ путемъ кладетъ начало (по его словамъ) разсѣиванію мистическаго тумана, окутывающаго нынѣ крестьянскія учрежденія, и намѣчаетъ желательныя черты крестьянской реформы.

Такимъ образомъ, книга прежде всего говоритъ о существующемъ и нынѣ у насъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, въ результатъ какового получается ограниченіе крестьянъ въ правахъ семейной самостоятельности, передвиженія и избранія рода жизни (181—216). На стр. 216—230 говорится о заботливомъ изолированіи нашимъ законодательствомъ и еще болѣе нашей административной практикой крестьянъ какъ въ культурномъ отношеніи, такъ и въ порядкѣ управленія и суда, съ „выкачиваніемъ“ и „выдавливаніемъ“ изъ деревни всего лучшаго и болѣе культурнаго и съ публично и частно-правовыми ограниченіями для оставшейся въ деревнѣ некультурной, забытой и слабосильной крестьянской массы (228—229). Въ первой же части книги авторъ рисуетъ намъ картину безпорядочнаго состоянія современныхъ нашихъ крестьянскихъ учреждений съ ихъ мертвенностью, канцелярщиной, рутинной и смѣшеніемъ хозяйственныхъ и публично-правовыхъ функций на общемъ фонѣ административной опеки и юридическаго беззавѣра крестьянъ²⁾.

¹⁾ Такъ напр., авторъ считаетъ волость искусственнымъ (17) и случайнымъ продуктомъ работъ редакціонныхъ комиссій, тогда какъ на дѣлѣ корни ея заложены въ самой глубинѣ нашей исторіи, а потому, какъ бы ни было безобразно и печально современное состояніе волости (54), не такъ-то легко ее похерить, какъ это думаетъ г. Страховскій (80 и 176). Все, что тутъ можно и должно сдѣлать, это реформировать ее на началахъ истиннаго самоуправленія.

²⁾ Любопытны на стр. 163—168 указанія на переходъ у насъ идеи эмансипаціи 1861 г. черезъ идею оппортунизма 1874 г. въ идею вотчиннаго попечительства въ 1889 г.

Необходимыми реформами авторъ считаетъ прежде всего отмѣну сословно-податной приписки крестьянъ (231—236), сравненіе ихъ въ податномъ (236—238), личноиъ и имущественномъ (244) отношеніяхъ съ другими классами населенія и затѣмъ отказъ отъ теоріи надѣльнаго фонда (238—240) и отъ крѣпостной идеологіи мужика (241—243). Относительно же реформы крестьянскихъ учреждений авторъ во главу угла кладетъ „государственную“ (по его терминологіи) идею (175—177) въ смыслѣ перестройки этихъ учреждений въ строй союзовъ, обслуживающихъ мѣстныя общественныя потребности и интересы на общихъ началахъ отличія хозяйственныхъ интересовъ отъ публично-правовыхъ, всесословности, самостоятельности, самоуправления и подзаконности. А земельная община по автору должна получить бытіе, какъ институтъ гражданскаго права ¹⁾.

Специалистовъ книга г. Страховскаго врядъ ли удовлетворитъ въ виду слабости ея исторической, а отчасти и теоретической части, а также по отсутствию указаній въ ней на иноземный опытъ, который во многихъ отношеніяхъ помогъ бы намъ разобраться и въ нашихъ дѣлахъ (Сѣверная Америка, Австралія, Ирландія, Индія и т. д.). Да и въ фактическомъ русскомъ матеріалѣ книги специалисты врядъ ли найдутъ для себя что-либо новое. Не отвѣчаетъ и заголовокъ книги ея содержанию. Вѣрнѣе се было бы назвать: „Крестьянское безправіе и нестроеніе“.

Но, какъ знакомящая большую публику съ современнымъ положеніемъ нашего крестьянскаго дѣла въ сжатой и общедоступной формѣ, безъ существенныхъ пробѣговъ и въ надлежащемъ освѣщеніи, книжка г. Страховскаго очень цѣнна и своевременна, особенно въ виду недавно предпринятыхъ работъ по пересмотру узаконеній о крестьянахъ. И такъ нехотати разыгравшаяся война только лишній разъ подчеркнула необходимость для Россіи благотворной созидательной работы и даже въ большемъ масштабѣ, чѣмъ она была у насъ задумана, такъ какъ сила армии находится въ тѣснѣйшей связи со степенью развитія, пониманія и силы гражданскаго долга во всемъ населеніи, а также со степенью свободы критики, общественнаго контроля и признанія и защиты правъ личности въ государствѣ ²⁾ (Лева и Седанъ). А потому и будемъ надѣяться, что эта война, несмотря на всю ея серьезность, еще пока плохо сознаваемую у насъ, не поведетъ къ новой отсрочкѣ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, какъ это у насъ не разъ бывало. Слишкомъ это острый и наболѣвший вопросъ.

Сергѣй Шумановъ.

В. М. Устиновъ. Идея національнаго государства. Харьковъ, 1903.

XIX в. принято считать вѣкомъ зарожденія, развитія и вырожденія національной идеи (3), а между тѣмъ эта идея и до сихъ поръ не достаточно философски обоснована и научно разработана (7), несмотря на работы по ней такихъ лицъ, какъ Градовскій, Вл. Соловьевъ, Чичеринъ, Каутскій, Робертсъ и т. д. Последней цѣлью и заданіемъ приватъ-доцентъ Харьковскаго университета г. Устиновъ. Но пока въ маленькой лежащей предъ нами брошюркѣ, стоящей въ связи съ дѣятельностью Харьковскаго Юридическаго Общества, онъ даетъ лишь основныя идеи своего будущаго труда, предоставляя будущему ихъ дальнѣйшую разработку и обоснованіе. Къ такому предварительному эскизу нельзя, понятно, предъявлять особенно строгаго требованія, но все же не можемъ не сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Такъ, прежде всего г. Устиновъ не задаетъ вопроса, что именно помѣшало ученыхъ разработать и обосновать національную идею, а между тѣмъ въ его же книжкѣ находится на это отвѣтъ. Напр., на стр. 11 и 15 указывается, какъ народы, пришедшіе къ самосознанію, въ началѣ XIX вѣка подъ знаменемъ національной идеи опрокинули и похоронили династическое государство, а въ концѣ его подъ тѣмъ же знаменемъ видимъ буржуазныя вожделѣнія и пристрастія, вражду и угнетенія. Значитъ, главное дѣло въ социальнo-историческихъ условіяхъ, къ которымъ національная идея служить лишь случай-

¹⁾ Спорны разсужденія автора объ округѣ и поселкѣ (246—247) и объ освобожденіи сельскихъ учреждений отъ административно-полицейскихъ функцій (245). Не выдерживаютъ критики и нападки его на прежній мировой судъ (251), хотя, съ другой стороны, авторъ безусловно правъ относительно необходимости для судей юридической подготовки и знанія мѣстныхъ особенностей (особенно на окраинахъ, добавимъ мы).

²⁾ Особенно же подчеркнула война необходимость земства для Сибири и Приморской области.

нымъ и не необходимымъ (Швейцарія, Византія, Евреи) обостряющимъ ихъ въ ту или другую сторону придаткомъ, а не въ національной идеѣ. Поэтому ученые и занялись прежде всего разработкой главныхъ социальнo-историческихъ условій, обращаая вниманіе на національную идею лишь постольку, поскольку она вліяла на основныя условія. Да и само население (по крайней мѣрѣ въ его лучшихъ и наиболее сознательныхъ элементахъ) поняло наконецъ, что совпаденіе національной идеи съ идеями свободы и прогресса въ началѣ XIX в. было случайнымъ и преходящимъ. Поэтому все развивающаяся личность стремится теперь не къ національнымъ противоположностямъ, а къ общечеловѣческой солидарности во имя общихъ социальныхъ идеаловъ въ противоположность отвлеченному космополитизму XVIII в., какъ на это справедливо указываетъ г. Устиновъ на 26 стр. Можно бы поспорить съ г. Устиновымъ и о содержаніи національной идеи, и объ отношеніи ея къ государству. Зато вполне правильны замѣчанія г. Устинова о вліяніи на зарожденіе и развитіе національной идеи въ XIX в. наполеоновскихъ войнъ и революціоннаго начала, а также экономическихъ факторовъ, коллективной психологии и развитія наукъ и техники. Цѣнны, хотя и не новы, указанія его и на все растущую культурно-правовую солидарность человѣчества, благодаря главнымъ образомъ все объединяющимся условіямъ жизни разныхъ народовъ (17), а отчасти и заимствованіямъ, причеиъ однако напрасно обоимъ этимъ факторамъ г. Устиновъ придаетъ одинаковое значеніе. На стр. же 18 онъ правильно указываетъ на отсутствіе единыхъ общенациональныхъ интересовъ, а на стр. 20 на вырожденіе національнаго чувства, при государственной поддержкѣ, въ національный эгоизмъ и шовинизмъ, приводяще на практикѣ къ политикѣ гнета и пресѣдованія другихъ народностей (12), а въ литературѣ—къ оправданію недостатковъ и предрасудковъ народа и даже къ поклоненію имъ. Правильно г. Устиновъ на стр. 24 на примѣрѣ Германіи демонстрируетъ, какъ стоящіе въ тѣсной связи между собой национализмъ и милитаризмъ понижаютъ культурный уровень народа и препятствуютъ дальнѣйшему прогрессу его.

Въ общемъ мы признаемъ, что, хотя бы и въ качествѣ придатка къ болѣе важнымъ социальнo-историческимъ условіямъ, все же не мѣшало бы получить изучить и обосновать національную идею, чего и ждемъ отъ г. Устинова, брошюра котораго показываетъ, что такая работа ему вполне по силамъ.

С. Ш.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. М. 1903.
Цѣна 1 р. 50 коп.

Необходимость введенія курса исторіи западно-европейскихъ литературъ въ программу нашей средней школы съ годами становится все болѣе очевидною. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя признать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ учащіяся, окончивая курсъ гимназіи, рискуютъ остаться безъ сколько-нибудь опредѣленнаго представленія объ умственной жизни и художественномъ творествѣ главнѣйшихъ европейскихъ народовъ. Помимо чего другого, даже изученіе новѣйшей русской словесности очень затрудняется отсутствіемъ настоящаго знакомства учениковъ или ученицъ съ тѣми теченіями, школами и литературными отбѣнками, которые, создаваясь на Западѣ, вліяли затѣмъ на нашихъ писателей. Преподавателямъ русской словесности естественно приходится поэтому сообщать мимоходомъ учащимся самыя необходимыя свѣдѣнія по иностраннымъ литературамъ, безъ чего нельзя понять ни русскаго „псевдо-классицизма“, ни сентиментальной школы, ни байронизма Пушкина и Лермонтова. За послѣднее время кое-гдѣ, напр., въ нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣланы были попытки ввести правильное преподаваніе исторіи всеобщей литературы. Нужно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ этотъ важный предметъ займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса. Тогда явится особенно настоятельная потребность въ хорошемъ учебникѣ по исторіи западно-европейскихъ литературъ; между тѣмъ, до самаго послѣдняго времени у насъ совершенно не существовало подобныхъ книгъ. Объ одной изъ попытокъ—дать пособие и руководство тѣмъ, кто желаетъ изучить творчество иностранныхъ писателей, отъ среднихъ вѣковъ до новаго времени,—намъ хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Педагогомъ, желающимъ дать учащимся, въ сравнительно сжатой формѣ,

понятіе объ отличительномъ характерѣ и главныхъ теченіяхъ западно-европейскихъ литературъ, можетъ быть избранъ одинъ изъ трехъ различныхъ методовъ. Можно втеченіе учебнаго года коснуться вкратцѣ довольно большого количества писателей и произведеній, поневолѣ не останавливаясь на нихъ особенно долго, стремясь только сообщить учащимся какъ можно больше необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка данныхъ. Можно, съ другой стороны, пройти обстоятельно жизнь и творчество всего нѣсколькихъ, наиболѣе крупныхъ, мировыхъ писателей, — Данта, Шекспира, Корнеля, Расина, Шиллера, Гете, Байрона, — не касаясь другихъ литературныхъ дѣятелей. Наконецъ, есть еще третій способъ: воздерживаясь отъ такого детальнаго, всесторонняго разбора творчества немногочисленныхъ, сравнительно, писателей, дать учащимся свѣдѣнія относительно общаго хода развитія иностранныхъ литературъ, останавливаясь, однако, только на тѣхъ авторахъ и произведеніяхъ, которые могутъ быть признаны типичными и характерными для извѣстной эпохи, выражающими ея духъ. Подобнаго метода, который имѣетъ многое за себя, придерживается г. Коганъ въ своихъ „Очеркахъ“. Вопросъ только въ томъ, что именно считать типичнымъ и характернымъ!... На этотъ счетъ могутъ быть различныя мнѣнія; несомнѣнно, что иногда очень трудно и рискованно бываетъ выбрать какое-нибудь одно произведение и судить на основаніи его о цѣлой эпохѣ или отдѣльномъ писателѣ. Укажемъ, для примѣра, на то, что г. Коганъ считаетъ возможнымъ дать общую характеристику *всѣмъ* шекспировскихъ комедій на основаніи „Двѣнадцатой ночи“, а изъ пьесъ Корнеля онъ выбираетъ для образца одну „Родогуну“, хотя у французскаго драматурга XVII вѣка безусловно есть вещи болѣе выдающіяся и яркія.

Въ иныхъ случаяхъ автора можно упрекнуть въ чрезмѣрной краткости и сжатости изложенія, въ пропускѣ нѣкоторыхъ фактовъ и деталей, которые должны быть упомянуты даже въ сокращенномъ, эпизодическомъ курсѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ. При разборѣ провансальской поэзіи слѣдовало нѣсколько точнѣе опредѣлить отличительный характеръ и историческое значеніе „сирвентъ“, указавъ при этомъ на хронологическую послѣдовательность отдѣльныхъ видовъ провансальской лирики, а въ характеристикѣ фальбо и „швенковъ“ (шванковъ?) хотѣлось бы встрѣтить указаніе на ту роль, какую въ нихъ играли странствующие сюжеты, хотя бы неразрывно соединившіеся, съ теченіемъ времени, съ характерными чертами народнаго и буржуазнаго быта и усвоившіе мѣстный колоритъ. Въ главѣ о Раблѣ и другихъ дѣятеляхъ эпохи Возрожденія во Франціи, Германіи и другихъ странахъ личность автора „Пантэгрюэля“ поставлена какъ то особнякомъ, появляется нѣсколько неожиданно, такъ какъ мы ничего не узнаемъ о писателяхъ и произведеніяхъ, ковенно подготовившихъ его творчество, бывшихъ его непосредственными предшественниками и единомышленниками. Точно также разбору произведеній Шекспира, несомнѣнно, долженъ быть предпосланъ хотя бы самый краткій очеркъ дѣятельности его предшественниковъ: Лилли, Марло, Грина и др., что яснѣе опредѣлило бы его мѣсто въ исторіи англійской драмы. Можно было, пожалуй, совсѣмъ не касаться въ подобномъ курсѣ „Міеа о Бэконѣ“, но, разъ коснувшись, едва ли удобно было ограничиться краткимъ указаніемъ на то, что „поклонники великаго наследія, оставленнаго Шекспиromъ, договорились до того, что стали отрицать самое его существованіе и приписали творенія Шекспира его знаменитому современнику—Бэкону“ (стр. 107). Въ разборѣ „Гамлета“ и вызванныхъ знаменитою трагедіей критическихъ толкованій мы находимъ между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Цѣлые періоды національных настроеній опредѣлялись словомъ *империализмъ*. „Гамлетъ—это Германія“, сказалъ одинъ нѣмецкій писатель“ (стр. 151—152). Эту оригинальную мысль Фрейлиграта неподготовленный читатель, конечно, не пойметъ безъ соответствующихъ комментариевъ... Чтобы закончить съ Шекспиromъ, укажемъ на то, что, при всемъ стремленіи къ сжатости и передаче только наиболѣе существеннаго, нельзя было пропускать такихъ произведеній, какъ „Видзорскія проказницы“ съ одной стороны, и „Макбетъ“ — съ другой. Скорѣе можно было не приводить, напр., старой легенды о браконьерствѣ Шекспира въ лѣсахъ сэра Томаса Лиси! Слишкомъ краткою и поэтому не дающею вполне точнаго представленія является характеристика „Потеряннаго Рая“ Мильтона (10—12 строкъ). То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя посвящены въ книгѣ такой интересной, боевой, захватывающей пьесѣ, какъ „Сидъ“ Корнеля, о которой авторъ говоритъ только слѣдующее: „Въ 1636 году на сценѣ была поставлена его трагедія *Сидъ*. Пьеса имѣла большой успѣхъ, но, благодаря отступленію поэта отъ многихъ устано-

вѣнныхъ правилъ, академія осудила ее, и огорченный поэтъ на нѣсколько лѣтъ исчезъ изъ Парижа“ (стр. 187). Замѣтимъ мимоходомъ, что историческое значеніе французской академіи совсѣмъ не обрисовано въ книгѣ. Характеризуя нѣмецкую литературу XVII вѣка, какъ періодъ упадка и застоя, авторъ дѣлаетъ исключеніе только для романа „Simplicissimus“ и не упоминаетъ о такомъ, во всякомъ случаѣ, любопытномъ писателѣ, какъ драматургъ Грифиусъ. Въ главѣ, посвященной Шиллеру, страннымъ образомъ пропущены при передачѣ его біографіи такой важный эпизодъ, какъ его бѣгство изъ Штутгарта,—а характеристикѣ второй части гетевскаго „Фауста“ отведено меньше страницы, тогда какъ первая часть разобрана на семи-восьми страницахъ.

Что касается оцѣнокъ значенія отдѣльныхъ писателей и произведеній, то по большей части съ ними можно согласиться, тѣмъ болѣе, что онѣ основаны на трудахъ спеціалистовъ по исторіи западно-европейской литературы и прочно установленныими ими данныхъ. Отдѣльные взгляды и приговоры могутъ, однако, вызвать возраженія. Нельзя признать, напримѣръ, вполне точнымъ и справедливымъ выраженіе „аскетическое, мрачное средневѣковье“; намъ хорошо извѣстно теперь, что средніе вѣка отнюдь не были, какъ представлялось въ XVIII столѣтіи, полюсою сплошнаго мрака, отрѣшенія отъ жизни, борьбы съ природою; достаточно вспомнить тѣ же фавлы, веселыя фарсы, сатирическое „Путешествіе Карла Великаго“. Итальянскихъ гуманистовъ авторъ называетъ въ одномъ случаѣ „истинными аристократами мысли и эстетическаго чувства“; едва ли почетное названіе *аристократовъ мысли* можетъ подойти ко всѣмъ представителямъ итальянскаго Ренессанса, даже изъ числа наиболѣе талантливыхъ; самъ авторъ отмѣчаетъ ниже „отрицательныя стороны гуманизма: необыкновенное развитіе самолюбія и гордости среди гуманистовъ, ихъ продажность“ (стр. 74—75). Нельзя вполне согласиться съ мнѣніемъ автора, что „многія изъ комедій Шекспира имѣютъ важное общечеловѣческое значеніе“, или что въ „Королѣ Лирѣ“ затронутъ между прочимъ „тотъ вопросъ, который мы въ настоящее время называемъ социальнымъ“. Характеристика Корнеля („въ погонѣ за героизмомъ Корнель забываетъ объ естественности“, „вмѣсто живыхъ лицъ передъ нами—олицетворенія различныхъ идей или страстей, сухіе трактаты о добродѣтели и порокахъ“ и т. п.) все еще нѣсколько отзывается застарѣлымъ предубѣжденіемъ противъ французской классической трагедіи, которое у насъ держится съ давнихъ поръ, между тѣмъ какъ оно уже должно было бы, казалось, смѣниться болѣе терпимымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ пьесамъ, которыя въ разное время увлекали и вдохновляли цѣлый народъ. Г. Коганъ излагаетъ довольно подробно анализъ Родогуны, принадлежащій Лессингу, основывая отчасти на его оцѣнкѣ свои отрицательныя приговоры. При всѣмъ уваженіи къ Лессингу, едва ли можно теперь, послѣ столькихъ изслѣдованій, посвященныхъ французскимъ драматургамъ XVII вѣка, повторять безъ оговорокъ, и какъ бы прививать учащимся въ средней школѣ, его отзывы о представителяхъ такъ назыв. „псевдоклассицизма“! Въ дальнѣйшихъ главахъ отмѣтимъ, между прочимъ, нѣсколько странное и рѣзкое сопоставленіе Вольтера, какъ придворнаго или собесѣдника монарховъ съ „штутомъ, которому многое позволялось и прощалось“. Можно было бы сдѣлать, съ чисто педагогической точки зрѣнія, нѣкоторыя возраженія и противъ плана, какого мѣстами придерживается авторъ, и противъ распредѣленія матеріала, какое мы находимъ у него; такъ, онъ говоритъ о предшественникахъ Данта, какъ автора „Божественной Комедіи“, *послѣ* разбора самой поэмы; отъ анализа дѣятельности Вольтера и Руссо онъ переходитъ къ характеристикѣ англійской литературы, оказавшей такое сильное вліяніе на дѣятелей просвѣтительнаго вѣка во Франціи, вслѣдствіе чего о ней слѣдовало сказать раньше.

Высказывая подобныя замѣчанія, мы отнюдь не хотимъ отрицать значенія книги г. Когана, которую можно пріятно читать, какъ едва ли не первую попытку дать учащимся, а также тѣмъ, кто стремится къ самообразованію, руководство и пособіе для ознакомленія съ западно-европейскими литературами. Второе изданіе этой книги, многія главы которой и теперь разработаны вполне удовлетворительно (характеристики Лессинга, Новалиса, Байрона и др.), можетъ стать настоятельною книгою для всѣхъ, кто хочетъ изучить иностранную литературу, такъ какъ авторъ,—что производить очень отрадное, симпатичное впечатлѣніе,—объясняетъ въ своемъ предисловіи принятіе къ свѣдѣнію мнѣнія спеціалистовъ и педагоговъ и переработать, если понадобится, даже цѣлыя отдѣлы своей книги, сообразно указаніямъ критики.

Юрій Веселовскій.

З. А. Рагозина. Краткая всемирная история. Вып. I. Древнейшие народы, съ 100 рис. и 1 карт. 139 стр. Ц. 60 коп. Вып. II. Древнейший Египетъ, съ 100 рис. и 1 карт. 126 стр. Ц. 60 коп. Спб. Изд. Маркса.

Небольшія, изящно изданныя книжки г-жи Рагозиной представляютъ первые два выпуска „Краткой всемирной истории“. Множество рисунковъ, четкій шрифтъ, прекрасная бумага—все это не оставляетъ желать ничего лучшаго и съ перваго взгляда привлекаетъ читателя. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что история слишкомъ загромождена подробностями, датами, именами, совершенно не нужными для массы, для не-специалиста. „Стоитъ же знать все то, что приближаетъ къ намъ прошлое, живить его... Мы живемъ для того, чтобы *продолжать* работу, начатую тысячи лѣтъ назадъ, а чтобы дѣлать это разумно, необходимо знать, *что* именно мы призваны продолжать...“ (Пред., стр. 10.) Мы не беремъ на себя смѣлости судить о выполненіи такой серьезной задачи по первымъ двумъ выпускамъ „Всемирной Истории“ г-жи Рагозиной, посвященнымъ древнейшимъ народамъ. Но невольно бросается въ глаза, что слишкомъ много существенныхъ сторонъ совершенно не затронуты въ очеркахъ. Едва ли I глава „До-историческія времена“ дастъ полную и цѣльную картину быта каменнаго и бронзоваго вѣка. Въ главѣ II — „Заступъ и ломъ“ живо и интересно рассказано объ историческихъ раскопкахъ, о несокрушимой энергіи людей, трудившихся надъ открытіемъ и изученіемъ памятниковъ культурной работы человѣчества. Но это скорѣе археологическіе, чѣмъ историческіе очерки. Съ III главы начинается систематическое изложіе исторіи Месопотаміи, шумиро-аккадьянъ, семитовъ, во II выпускѣ—Египта (древняго и средняго царства, кончая владычествомъ Гиксовъ). Очень подробно разработана религія, письмо, искусство древнихъ народовъ, отчасти ихъ политическій строй, но совершенно игнорированъ строй социально-экономическій. Тщетно стали бы вы искать упоминанія даже о томъ, что египтяне занимались земледѣіемъ, что такъ тѣсно связано съ самой природой „дара Нила“. Ничего нѣтъ и о египетскихъ сословіяхъ... Неужели г-жа Рагозина считаетъ все это несущественнымъ и ненужнымъ для не-специалиста? Нельзя не пожалѣть о такой односторонности, а между тѣмъ, вопреки предисловію, какая масса ненужныхъ именъ: кьеккеплиддинги, менхиры, кромехи, зиккураты и т. п. Книга предназначается для дѣтей 10—14 л. возраста, но сама г-жа Рагозина признаетъ „условіями хорошей дѣтской книги, чтобы взрослые могли прочесть ее безъ скуки“. Очерки г-жи Рагозиной прочтутся не безъ интереса, и не-специалистъ найдетъ въ нихъ не мало полезнаго; но они значительно выиграли бы при большей систематичности и разносторонности, тѣмъ болѣе что г-жа Рагозина умѣетъ хорошо и живо рассказывать легкимъ и доступнымъ языкомъ. Цѣна книги очень невысока, особенно имѣя въ виду прекрасные, тщательно выполненные рисунки, снимки съ развалинъ, памятниковъ старины и предметовъ, находящихся въ разныхъ музеяхъ.

О. Рудченко.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Уставъ-образецъ для трудовыхъ артелей. Третье изданіе. Выработанный Н. Кабардинымъ. Ц. 20 к.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, за 1902—1903 годы. М. 1904.

Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, II. М. 1904 г. Изд. Д. И. Тихомирова.

Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Перев. д-ра О. Лурье подъ редакціей проф. К. Сапѣжко. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Вл. А. Поповъ. Милосердный Орелъ (крымская легенда) и другія легенды и сказки для дѣтскаго чтенія. Съ 8-ью рис. худ. А. А. Кучеренко. Изданіе. Д. П. Ефимова.

В. Ф. Бодяновскій. В. В. Вересаевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева. Изд. Т-ва „Литература и Наука“. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Евг. Ляцкий. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ - фототипіей и факсимиле И. А. Гончарова. Изд. Т-ва „Литература и Наука“. Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Язвицкій. Болѣзнь духа. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изд. В. С. Мартюкова. Казань. 1904 г. Ц. 60 к.

М. Н. Поповъ. Краткій очеркъ исторіи развитія основной химической проблемы. М. 1904., стр. 70.

Н. И. Тимковскій. Тьма. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Дѣло жизни. Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. 1904 Ц. 1 р.

П. П. Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Выпускъ второй. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

С. А. Котляревскій. Ламеннѣ и новѣйшій католицизмъ. М. 1904. Стр. IX, 627. Ц. 3 руб.

М. Черняева. Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. Историч. Комиссія Учебн. Отд. Общ. Распр. Технич. Знаній. М. 1904. Стр. 72. Ц. 20 к.

А. Энгельмейеръ. „Волкъ“. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ изъ народнаго быта. Рязань. 1904.

А. Энгельмейеръ. Холера. Театральная шутка въ 1-мъ дѣйствіи (изъ народнаго быта). Рязань. 1903.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ шестой. Изданіе С. Скирмунта. Москва.

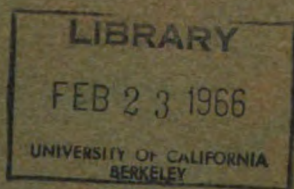

Книга V.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга V.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 25 апрѣля 1904 г.

ТИПО-ЛИТ. ТОВАРИЩ. И. К. КУШНЕРОВЪ вЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (<i>Окончаніе</i>). Проф. И. И. Мечникова	5
II. МЕТОДЪ ЧИСТЫХЪ КУЛЬТУРЪ И ЕГО НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ. (<i>Съ 7 рисунками</i>). Прив.-доц. А. П. Артари	19
III. СОВРЕМЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ФИЗИОЛОГИИ. Проф. А. Ф. Салойлова	42
IV. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. (<i>Продолженіе</i>). Проф. Д. М. Петрушевскаго	58
V. ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. М. М. Покровскаго	73
VI. БЫТЪ И НРАВЫ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVІІІ ВѢКА. Прив.-доц. М. М. Богословскаго	83
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Памяти проф. Е. Е. Вагнера“. Л. А. Чугаева. — „Астрономическія извѣстія“. Н. Д. Покровскаго. — „Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго. „Итоги художественныхъ выставокъ за 1903—4 годъ“. Н. И. Ромьнова)	104
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	136
IX. БИБЛИОГРАФІЯ. (Изданія исторической комиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.“ М. Н. Коваленскаго. — В. М. Гессенъ: „Вопросы мѣстнаго управленія“. С. А. Шуманова. — Виндельбанъ: „Прелюдіи“. Ю. И. Айхенвальда)	146
X. ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ, СОСТОЯЩИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ	154

Этюды о природѣ человѣка ¹⁾.

ГЛАВА XII.

Общій обзоръ и выводы ²⁾.

Дисгармоніи человѣческой природы составляютъ главный источникъ нашихъ бѣдствій.—Научныя данныя о происхожденіи и предназначеніи человѣка.—Цѣль человѣческаго существованія.—Трудности, на которыя наталкивается наука при изученіи этой задачи.

Что такое прогрессъ?—Затрудненіе подвести весь родъ людской подъ формулу прогресса и нравственности.—Истинки жизни и естественной смерти.—Примѣненіе къ практической жизни принциповъ, изложенныхъ въ этой книгѣ.

Человѣкъ, происшедшій отъ какой-нибудь человѣкообразной обезьяны, унаслѣдовалъ организацію, приспособленную къ условіямъ жизни совершенно инымъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ ему приходится жить. Одаренный несравненно болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ его животныя предки, человѣкъ открылъ новый путь въ эволюціи высшихъ существъ. Такое быстрое измѣненіе природы привело къ цѣлому ряду органическихъ дисгармоній, которыя тѣмъ сильнѣе давали себя чувствовать, что люди стали умнѣе и чувствительнѣе. Отсюда—цѣлая вереница несчастій, которыя бѣдное человѣчество старалось устранить всѣми доступными ему средствами.

Дисгармоніи въ половой функціи привели къ употребленію часто весьма странныхъ мѣръ съ цѣлью уменьшить это зло. Но величайшій разладъ человѣческой природы заключается въ патологической старости и въ невозможности дожить до инстинкта естественной смерти.

Сознавая бессиліе человѣчества возстановить столь желанную гармонію, многіе примирились съ пассивнымъ фатализмомъ и стали

¹⁾ „Научное Слово“ 1904 г., IV.

²⁾ Печатается съ сокращеніями и нѣкоторыми отступленіями отъ подлиннаго текста автора. Ред.

даже думать, что жизнь человѣческая есть родъ ироніи судьбы и составляет ложный шагъ въ развитіи живыхъ существъ. Точная наука, развиваясь медленно, но въ опредѣленномъ направленіи, попыталась наконецъ взять дѣло въ свои руки. Подвигаясь постепенно и прогрессируя отъ простаго къ сложному и отъ частнаго къ общему, она установила рядъ истинъ, которыя стали общепринятыми.

Несчастное человѣчество ставило наукѣ вопросъ за вопросомъ и теряло терпѣніе передъ медленностью научныхъ успѣховъ. Оно провозглашало суетными и мало интересными тѣ задачи, которыя наукѣ удавалось разрѣшать. Временами оно предпочитало даже вернуться назадъ и обманывать себя прекрасными иллюзіями, которыя предлагали ему нѣкоторыя философскія системы.

Но наука, увѣренная въ руководствующихъ ею методахъ, спокойно продолжала свое дѣло. Мало-по-малу она сочла себя въ правѣ отвѣтить на нѣкоторые поставленные ей вопросы.

Откуда приходимъ мы? постоянно спрашивали ее.

Наука отвѣчала, что человѣкъ есть родъ обезьяняго уroda, одареннаго большимъ умомъ и способнаго пойти очень далеко. Мозгъ его выполняетъ весьма сложныя и совершенныя отправления, значительно высшія, чѣмъ у его животныхъ предковъ.

Куда идемъ мы? Вотъ вопросъ, всего болѣе занимающій человѣчество, такъ какъ ему менѣе важно знать свое происхожденіе, чѣмъ свое предназначеніе. Есть ли смерть полное уничтоженіе, или же она—только начало новой, безконечной жизни? Если не это послѣднее ждетъ насъ, то какъ примириться съ неизбежностью смерти?

Такъ какъ смерть представляется намъ полнымъ уничтоженіемъ, то ея неизбежность становится невыносимой, вслѣдствіе условій, при которыхъ она наступаетъ на насъ. Она является въ то время, когда человѣкъ не закончилъ своего фізіологическаго развитія и когда онъ вполне обладаетъ жизненнымъ инстинктомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ поднялся нѣсколько выше своихъ непосредственныхъ, обыденныхъ интересовъ, онъ началъ спрашивать себя, имѣетъ ли жизнь человѣческая опредѣленную цѣль и какова она? Не находя ея большею частью, онъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, будто существованіе его — простая случайность и что не слѣдуетъ даже искать его цѣли.

Въ виду этого онъ приходилъ къ угнетающимъ и пессимистическимъ заключеніямъ. Человѣчество очутилось въ положеніи отрока, который, до появленія полового чувства, спрашивалъ бы себя, какова цѣль его половыхъ органовъ? Такъ какъ они, въ своей

половой функціи, ни къ чему не служатъ ему, то онъ легко могъ бы заключить, что они бесполезны и даже нелѣпы.

Вслѣдствіе дисгармоній своей природы, человѣкъ не слѣдуетъ нормальному развитію. Первая часть его жизни проходитъ еще безъ особыхъ отклоненій; но послѣ зрѣлаго возраста развитие наше болѣе или менѣе извращается и кончается преждевременной и патологической старостью и слишкомъ ранней и неестественной смертью.

Не должна ли бы скорѣе всего цѣль человѣческаго существованія заключаться въ завершеніи полного физиологическаго цикла жизни съ нормальной старостью, приводящей къ потерѣ жизненнаго инстинкта и къ появленію инстинкта естественной смерти?

Въ пессимистическомъ лагерѣ часто о смерти шла рѣчь какъ о настоящей цѣли человѣческаго существованія. Такъ, *Шопенгауэръ*¹⁾ говоритъ: «По истинѣ, на смерть слѣдуетъ смотрѣть какъ на настоящую цѣль жизни; въ минуту ея появленія рѣшается все раньше подготовленное и воспринятое въ теченіи всей жизни».

Та же мысль выражена въ слѣдующихъ стихахъ *Боделера*²⁾:

C'est la mort, qui console, hélas! et qui fait vivre;
C'est le but de la vie et c'est le seul espoir
Qui, comme un élixir, nous monte et nous enivre
Et nous donne le coeur de marcher jusqu' au soir.

На нормальный конецъ, наступающій послѣ развитія инстинкта смерти, дѣйствительно, можно смотрѣть какъ на конечную цѣль человѣческаго существованія. Но прежде чѣмъ дойти до этого, надо пережить цѣлую нормальную жизнь,—жизнь, которая также должна быть удовлетворенной. Познаніе настоящей цѣли существованія значительно облегчаетъ эту задачу, указывая намъ на поведеніе, котораго надо держаться въ теченіе всей жизни.

Въ первой главѣ читателю представленъ былъ общій обзоръ мнѣній относительно этого вопроса. Съ первыхъ же попытокъ рациональнаго обоснованія нравственности старались найти основу эту въ человѣческой природѣ, передъ которой многіе преклонялись. Ученія, основывавшія правила поведенія на другихъ началахъ, считали, напротивъ, природу человѣческую въ корнѣ извращенной. Наука открыла намъ, что человѣкъ, происходя отъ животнаго,

1) Die Welt als Wille und Vorstellung. t. II, стр. 730.

2) Fleurs du mal. La mort des pauvres. 1883, p. 340.

„Смерть утѣшаетъ—увы! и заставляетъ жить;
Она—цѣль жизни и единственная надежда,
Которая, какъ эликсиръ, насъ бодритъ и опьяняетъ
И даетъ смѣлость идти до вечера“.

имѣть въ своей природѣ какъ хорошія, такъ и дурныя свойства и что именно послѣднія дѣлаютъ существованіе наше столь несчастнымъ. Но природа людская измѣняема и можетъ быть переделана на пользу человѣчества.

Нравственность, слѣдовательно, должна основываться не на извращенной человѣческой природѣ, какова она теперь, но на идеальной, т.-е. такой, какой должна она стать въ будущемъ. Прежде всего слѣдуетъ попытаться возстановить правильную эволюцію человѣческой жизни, т.-е. превратить дисгармонію ея въ гармонію (*Ортобіозъ*). Такъ какъ одна наука способна рѣшить подобную задачу, то человѣчество обязано давать ей возможность выполнить ее. Между тѣмъ, даже въ очень передовыхъ странахъ наука далека отъ такого идеала. Она на каждомъ шагѣ наталкивается на многочисленные препятствія, значительно замедляющія ея успѣхи.

Наука не пользуется въ современномъ обществѣ заслуженнымъ ею уваженіемъ и ее недостаточно преподаютъ юношамъ, которыхъ заставляютъ терять время на изученіе классическихъ языковъ, большей частью совершенно ненужное.

Улучшеніе человѣческой природы прежде всего требуетъ глубокаго знанія ея. Какъ возможны попытки измѣнить наличную, въ высшей степени патологическую старость въ фізіологическую и нормальную, если намъ недостаточно извѣстенъ ея внутренній механизмъ? А между тѣмъ, благодаря глубоко укорененнымъ предрасудкамъ, очень трудно добыть органы умершихъ стариковъ. Вскрытія окружены часто непреодолимыми препятствіями. Во Франціи обязательныя правила «не допускаютъ вскрытій ранѣе 24 часовъ послѣ смерти». Кромѣ того, они могутъ быть сдѣланы только, если тѣло не выребовано «родственниками въ восходящей и нисходящей прямой линіи или супругами, братьями, сестрами, племянниками». Помимо родныхъ—еще существуютъ общества взаимопомощи, которыя также могутъ выребовать трупъ и воспрепятствовать вскрытію его. Когда же послѣднее разрѣшено, то оно «должно служить исключительно для установленія научныхъ фактовъ и никогда не должно идти далѣе этого и переходить въ изучиваніе, путемъ удаленія органовъ или приготовленія анатомическихъ препаратовъ, каковъ бы ни былъ интересъ, представляемый этими органами или препаратами» (циркуляръ директора Assistance publique, 20 янв. 1900 г.).— При этомъ понятны затрудненія, на которыя наталкиваешься, желая изучить старческую дегенерацию человѣка и стараясь найти средства помѣшать ей, особенно серумами, которые могутъ быть добыты только впрыскиваніемъ эмульсіи изъ человѣческихъ органовъ.

На затрудненія наталкиваешься даже при добываніи старыхъ животныхъ. Предпочитаютъ лучше безъ всякой нужды держать ихъ до смерти и затѣмъ хоронить ихъ трупы, чѣмъ посвятить ихъ научно изслѣдованію, которое можетъ быть столь полезнымъ для человѣчества.

Коль скоро мы пришли къ тому выводу, что мистическія и метафизическія системы не могутъ разрѣшить задачъ человѣческаго счастья и смерти и что одна точная наука способна выполнить это, то оказывается необходимымъ устранять препятствія, мѣшающія ея успѣхамъ. Исправленіе дисгармоній человѣческой природы помощью научныхъ методовъ представляется возможнымъ, такъ какъ въ былыя времена старость человѣческая была физиологичнѣе и смерть естественнѣе.

Подобно тому какъ изученіе человѣческой природы позволяетъ опредѣлить истинную цѣль нашего существованія, такъ точно разъясняетъ оно и значеніе истинной культуры и истиннаго прогресса.

Изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что философы указываютъ на движеніе человѣчества къ культурѣ и къ прогрессу. Но что подразумѣваютъ они подъ этими двумя словами? Старались, сколь возможно ясно, опредѣлить ихъ, и первый изъ современныхъ философовъ, *Гербертъ Спенсеръ*¹⁾, посвятилъ этому специальный трудъ. Онъ разобралъ явленія, которыя считаетъ прогрессивными, сначала въ неорганическомъ мірѣ, затѣмъ въ мірѣ живыхъ существъ и наконецъ—въ родѣ человѣческомъ. Онъ считаетъ прогрессивными измѣненіями только тѣ, «которыя непосредственно или косвенно клонятся къ увеличенію общаго блага; и только въ виду этого и надо считать ихъ прогрессивными». Чтобы опредѣлить явленія, составляющія прогрессъ, *Гербертъ Спенсеръ* считаетъ необходимымъ параллельно прослѣдить ихъ какъ во внѣчеловѣческомъ такъ и въ человѣческомъ мірѣ. Всюду, по его мнѣнію, прогрессъ характеризуется превращеніемъ однородныхъ явленій въ болѣе сложныя; происходитъ постоянное обособленіе, будь это въ мірѣ планетъ, въ эмбриональномъ развитіи, или въ животныхъ и человѣческихъ обществахъ. Но обособленіе это не исчерпываетъ всего прогресса: въ него входитъ въ значительной степени превращеніе неопредѣленнаго состоянія въ гораздо болѣе опредѣленное. *Гербертъ Спенсеръ* отождествляетъ прогрессъ съ эволюціей, которая, по его мнѣнію, «есть интеграція вещества, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія; въ то же время матерія изъ однородной, неопредѣленной

1) Прогрессъ, его законы и причины. Этюды т. I.

и несвязной переходить въ разнородную, опредѣленную, связную; при этомъ сдержанное движеніе претериваетъ сходное превращеніе»¹⁾. Формула эта хочетъ объять слишкомъ много явленій, что дѣлаетъ ее недостаточно опредѣленной, особенно въ приложеніи къ человѣческимъ явленіямъ. Обособленіе не составляетъ само по себѣ всего прогресса. Приходится спросить себя, гдѣ предѣлъ его и какъ должно оно измѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ.

Примѣненіе этой теоріи эволюціи и прогресса заставляеть *Герберта Спенсера*²⁾, въ его сочиненіи объ основахъ нравственности, опредѣлить послѣднюю какъ стремленіе къ жизни, сколь возможно полной и продолжительной. Какъ видно изъ его доводовъ, онъ отождествляетъ полноту со сложностью. Цивилизація является осуществленіемъ прогресса, сравнительно съ первобытной жизнью. «Цивилизованный человѣкъ питается правильнѣе, соотвѣтственно появленію и степени аппетита; пища его значительно выше качественно; она не загрязнена; гораздо разнообразнѣе и лучше приготовлена». Такое же обособленіе замѣчается въ одеждѣ, въ жилищахъ и т. д. По *Герберту Спенсеру*, весь этотъ прогрессъ долженъ служить истинному благу, т.-е. полнотѣ и продолжительности человѣческой жизни.

Однако легко убѣдиться въ томъ, что такое понятіе о прогрессѣ не точно; то же относится и къ опредѣленію цѣли существованія. Если столь рѣзкое усложненіе жизненныхъ условій цивилизованныхъ народовъ дѣйствительно есть лучшее средство къ достиженію счастья, то нѣтъ надобности останавливаться на этомъ пути. Наоборотъ, если, какъ я думаю, настоящій прогрессъ заключается въ устраненіи дисгармоніи человѣческой природы и въ установленіи фізіологической старости съ послѣдующей естественной смертью, то условія его сразу измѣняются и опредѣляются.

Слишкомъ большая сложность жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ для *Герберта Спенсера* является признакомъ прогресса; по моему же, это невѣрно. *Спенсеръ* говоритъ о пищѣ, ея разнообразіи и изготовленіи. Несомнѣнно, что сложность ея вредна съ точки зрѣнія фізіологической старости и что болѣе простая пища менѣе цивилизованныхъ народовъ полезнѣе. Намъ не зачѣмъ излагать здѣсь кулинарную гигиену; достаточно сказать, что большинство утонченныхъ блюдъ, употребляемыхъ въ богатыхъ домахъ, гостиницахъ и ресторанахъ, очень неблагоприятно раздражаютъ органы пищеваренія и выдѣленія. Съ этой точки зрѣнія, истин-

¹⁾ „Основныя Начала“.

²⁾ Основы нравственности. 1880 г.

ный прогрессъ заключается въ устраненіи современной кухни и въ возвратѣ къ простой ѣдѣ нашихъ предковъ. Одно изъ условій, позволившихъ евреямъ библейскаго періода обладать болѣе здоровой и продолжительной жизнью, чѣмъ цивилизованные народы, это, конечно — большая простота ихъ пищи. Истинная гигиена не согласна съ утонченнымъ кулинарнымъ искусствомъ; точно также не одобряетъ она слишкомъ большую дифференцировку въ современныхъ одеждахъ и жилищахъ. Итакъ, прогрессъ заключается въ упрощеніи многихъ сторонъ жизни цивилизованныхъ народовъ.

Роскошь, сдѣлавшая людямъ такъ много зла, вполне входитъ въ формулу перехода «отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности». Основой этой роскоши служить не общій законъ мірового развитія, а гораздо скорѣе возрѣніе на жизнь, совершенно иное, чѣмъ то, которое считаетъ цѣлью существованія — возстановленіе нормальнаго цикла человѣческой жизни.

Очень можетъ быть, что одинъ изъ древнѣйшихъ источниковъ міровозрѣнія, приведшаго къ такой роскоши, находится еще въ книгѣ Экклезіаста. Придя къ тому заключенію, что «гдѣ изобиліе знанія, тамъ изобиліе горя» и «познавъ изъ всего сотвореннаго Богомъ, что человѣкъ не можетъ узнать причины всего совершающагося подъ солнцемъ, и что если онъ ищетъ узнать ее, онъ не найдетъ ея, и что если мудрецъ даже и говоритъ, что знаетъ ее, все же онъ не разыщетъ ея», *Соломонъ* проповѣдуетъ слѣдующія правила поведенія: «Иди же и ѣшь хлѣбъ твой съ радостью, и весело пей вино свое, потому что Богу пріятны дѣла твои. Да будутъ одежды твои всегда бѣлыя и голова твоя благовонна. Наслаждайся всѣми днями твоей суетной жизни съ любимой женщиной, данной тебѣ подъ солнцемъ на всѣ дни твоей суетности; потому что таковъ удѣлъ твой въ жизни, должный тебѣ за работу, которую ты творишь подъ солнцемъ. Дѣлай по мѣрѣ силъ своихъ все, что можешь дѣлать; потому что въ могилѣ, куда ты направляешься, нѣтъ ни дѣла, ни рѣчей, ни знанія, ни мудрости».

Мудрость эта поучаетъ, что надо сколь возможно болѣе наслаждаться жизнью, такъ какъ человѣкъ неспособенъ разрѣшить задачи о цѣли существованія. Ученіе это сдѣлалось руководящимъ и привело къ жизненной организаціи, которая все прогрессировала по этому эпикурейскому пути.

Но какъ только смыслъ и цѣль жизни становятся опредѣленнѣе, истинное благо не можетъ болѣе заключаться въ роскоши, противной усовершенствованію нормальнаго цикла человѣческой жизни. Вмѣсто того, чтобы злоупотреблять всѣми наслажденіями, молодые люди, убѣжденные, что это повело бы къ печальнымъ, патологиче-

скимъ послѣдствіямъ старости и смерти, будутъ, наоборотъ, готовить себѣ фізіологическую старость и естественную смерть. Учебные годы будутъ, конечно, гораздо продолжительнѣе. Уже и въ наше время они длятся значительно дольше, чѣмъ это было нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться масса знанія, тѣмъ больше времени надо будетъ для ея изученія. Но подготовительный періодъ этотъ послужитъ прелюдіей зрѣлости и идеальной старости.

Отталкивающая картина современной старости относится къ старости, уклонившейся отъ своего настоящаго смысла, полной эгоизма, узости взглядовъ, негодности и злости. Фізіологическая старость будущаго, конечно, станетъ иной въ этомъ отношеніи.

Въ животныхъ обществахъ, особенно развитыхъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, произошла сильная дифференціація особей. Рядомъ съ особями, способными размножаться, встрѣчаются другія, бесплодныя и занятыя воспитаніемъ потомства и выполненіемъ необходимыхъ для общества работъ. Это обособленіе, весьма полезное общинѣ, должно было независимо развиться у различныхъ общественныхъ насѣкомыхъ. Вотъ почему въ муравьиныхъ и въ пчелиныхъ обществахъ работницы—бесплодныя самки, у термитовъ же это особи обоеихъ половъ съ атрофированными половыми органами. Въ людскомъ родѣ эволюція происходитъ въ иномъ направленіи. Она не приводитъ къ образованію класса бесплодныхъ людей; но такъ какъ жизнь человѣка гораздо длиннѣе жизни насѣкомыхъ, то она подраздѣляется на два періода: первый—плодовитый и второй—бесплодный.

Старость, являющаяся при настоящихъ условіяхъ скорѣе ненужной обузой для общины, сдѣлается рабочимъ, полезнымъ обществу періодомъ. Старики, не подверженные болѣе ни потерѣ памяти, ни ослабленію умственныхъ способностей, смогутъ примѣнять свою большую опытность къ наиболѣе сложнымъ и тонкимъ задачамъ общественной жизни.

Молодые люди большею частью—очень дурные политики, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они слишкомъ вмѣшиваются въ общественныя дѣла, они большей частью приносятъ много вреда въ силу того, что не обладаютъ еще необходимыми практическими свѣдѣніями. Ихъ непригодность обнаруживается въ рѣзкихъ перемѣнахъ политическихъ мнѣній, по мѣрѣ того какъ они становятся старше и опытнѣе.

Въ будущемъ эти трудныя и сложныя обязанности будутъ поручены старикамъ. Тогда значительно усовершенствуются политика и правосудіе, современные недостатки которыхъ объясняются отсутствіемъ еще прочныхъ основъ.

Когда жизнь человѣческая значительно продлится, не поведетъ ли это къ слишкомъ густому перенаселенію земли? Уже и теперь жалуются на то, что старики живутъ слишкомъ долго и не очищаютъ мѣста молодымъ. Противъ избытка жизни на землѣ будутъ легко регулировать рождаемость—съ тѣмъ, чтобы производилось меньшее количество индивидуумовъ. Количество людей можетъ уменьшиться, но ихъ качество и долговѣчность увеличатся.

Когда каждый будетъ знать настоящую цѣль человѣческаго существованія и признаетъ своимъ идеаломъ осуществленіе нормальнаго развитія жизни,—онъ получитъ вѣрное руководящее правило для практической жизни. Извѣстно будетъ по крайней мѣрѣ, куда идти,—чего нѣтъ въ настоящее время. Теперь хотятъ улучшить жизнь, но не знаютъ ни какъ сдѣлать это, ни въ чью пользу. Прежде думали, что любовь къ ближнему идетъ прогрессируя и обобщаясь. Семейная любовь распространилась на племя, а затѣмъ на націю. Думали, что нѣтъ никакого препятствія для распространенія ея на все человѣчество. Идея эта очень развилась въ XVIII вѣкѣ и съ тѣхъ поръ стала общимъ мѣстомъ всѣхъ философскихъ, нравственныхъ и политическихъ системъ.

Но, со времени чрезмѣрнаго усовершенствованія и распространенія путей сообщенія, когда самыя отдаленныя путешествія стали общедоступными, — туманное понятіе «человѣчества» замѣнилось опредѣленнымъ знакомствомъ съ низшими туземными расами многихъ областей земного шара. Убѣдились, что «человѣчества» въ прежнемъ смыслѣ слова вовсе и не существуетъ, — такъ велика разница между первобытными и цивилизованными народами. И дѣйствительно, мы видимъ, что многіе изъ современныхъ теоретиковъ сокращаютъ распространеніе общественныхъ чувствъ на весь человѣческій родъ. Въ V-й главѣ было уже приведено мнѣніе моралиста *Сетерлэнда* относительно благодѣяній, вытекающихъ изъ присвоенія англо-саксонцами австралійскихъ лѣсовъ, принадлежавшихъ туземцамъ. Съ другой стороны, также извѣстна глубокая ненависть между бѣлыми и черными, особенно въ обѣихъ Америкахъ и на Антильскихъ островахъ. Такихъ примѣровъ легко можно было бы привести очень много.

Но какъ же выйти изъ этого затрудненія? Гдѣ должна остановиться любовь къ ближнему, если она не можетъ въ одинаковой степени обнять все человѣчество?

Знаменитый нѣмецкій физико-химикъ *Оствальдъ*¹⁾, въ недавно появившихся лекціяхъ о натуръ-философій, касается этого вопроса.

¹⁾ Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig. 1902.

Онъ называетъ хорошими «поступки, облегчающіе существованіе другихъ людей» (стр. 450). Но къ какимъ «другимъ людямъ» должна примѣняться эта нравственность? Какова величина круга распространенія любви къ ближнему? спрашиваетъ себя *Оствальдъ*. «По общему мнѣнію,—говоритъ онъ,—кругъ этотъ долженъ обнимать семью и націю, что же касается мнѣнія, будто онъ долженъ распространяться на все человѣчество, то большинству это кажется скорѣе теоретическимъ идеаломъ, чѣмъ практически возможнымъ требованіемъ. И дѣйствительно, мы склонны гораздо болѣе ограничивать свою альтруистическую дѣятельность по отношенію къ людямъ низшихъ расъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ или товарищамъ по положенію въ общественной жизни» (стр. 453). По этой формулѣ нравственная дѣятельность не должна распространяться далѣе соотечественниковъ. Человѣчество должно быть исключено изъ нея.

Здѣсь мы касаемся одной изъ задачъ, относящихся къ принципамъ нормальной жизни. Въ былыя времена главной связью между людьми служилъ религіозный идеалъ. Позднѣе послѣдній уступилъ мѣсто идеалу родины, который, за немнѣніемъ лучшаго, держался до нашихъ дней. Членовъ одного народа соединяетъ общность языка; но успѣхи цивилизаціи пошатнули основу этой дифференцировки. Легко допустить большую солидарность между людьми, говорящими на одномъ языкѣ, и не знающими другого, такъ какъ это—единственное средство для нихъ понимать другъ друга. Но знаніе только одного языка не есть послѣднее слово человѣческаго прогресса.

Съ развитіемъ средствъ сообщенія различныя націи все болѣе и болѣе приходятъ въ соприкосновеніе одна съ другой. Поэтому знаніе иностранныхъ языковъ стало одной изъ первыхъ необходимостей современной жизни. При этихъ условіяхъ національная связь должна ослабѣть такъ же, какъ ослабѣла семейная связь. Враждебность, которая ощущалась къ людямъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ, превратилась, напротивъ, въ солидарность, когда стали ихъ понимать. Итакъ, въ этомъ направленіи, очевидно, наблюдается успѣхъ, и было бы очень важно отыскать какое-нибудь общее начало для обоснованія международной солидарности.

Говорятъ про общую культурность различныхъ народовъ, не соображая, что выраженіе это слишкомъ неопредѣленно. Признаніе же истинной цѣли человѣческаго существованія и науки, какъ единственнаго средства къ ея достиженію, можетъ служить идеаломъ для объединенія людей. Вокругъ него они будутъ группироваться, какъ вокругъ религіознаго идеала.

Весьма вѣроятно, что научное изученіе старости и смерти, которое должно будетъ составить двѣ новыя отрасли науки — *геронтологию* и *танатологию*, приведетъ къ значительнымъ измѣненіямъ въ ходѣ послѣдняго періода жизни. Все извѣстное по этому поводу подтверждаетъ такое предположеніе. Но можно ли будетъ когда-либо дойти до инстинкта естественной смерти? Онъ гнѣздится въ глубинѣ человѣческой природы въ скрытомъ состояніи. Возможно ли будетъ разбудить его? Такъ долго не обнаруживаясь, онъ, быть можетъ, атрофировался? Наука сумѣетъ разъяснить этотъ вопросъ. Для того чтобы передаваться по наслѣдству, признаки могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи и вовсе не должны проявляться у особи, которая ихъ передаетъ. Такъ, напр., потеря мѣсячныхъ у женщины передается, такъ сказать, потенциальнымъ способомъ. Послѣ прекращенія мѣсячныхъ женщина уже не рождаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Признаки пчель-работницъ не могутъ передаваться по наслѣдству этими бесплодными насѣкомыми. Царица передаетъ лишь скрытые зачатки этихъ признаковъ, безъ того чтобы сами они обнаруживались у нея какимъ-либо образомъ. Такъ, царица никогда не изготовляетъ воска и не имѣетъ даже восковыхъ железъ; но она передаетъ своимъ бесплоднымъ дѣтямъ способность производить воскъ и зачатки соответствующихъ органовъ. Нѣтъ поэтому никакого основанія для предположенія, чтобы инстинктъ естественной смерти, коль скоро онъ заложенъ въ нашей природѣ, потерялся отъ столь долгаго неупотребленія.

Случаи инстинкта естественной смерти у человѣка въ настоящее время очень рѣдки. Но благоприятныя условія и нѣкотораго рода воспитаніе инстинкта естественной смерти, по всей вѣроятности, будутъ въ состояніи пробудить и въ достаточной мѣрѣ развить его.

Много работы предстоитъ людямъ, прежде чѣмъ они достигнутъ этой цѣли. Но характерную черту науки составляетъ именно то, что она требуетъ сильной дѣятельности, въ то время какъ системы метафизической философіи ограничиваются пассивнымъ фатализмомъ и нѣмымъ смиреніемъ. Даже одна перспектива получить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ научное разрѣшеніе великихъ задачъ, занимающихъ человѣчество, способна дать большое удовлетвореніе.

Когда *Толстой*, терзаемый невозможностью рѣшить эти задачи и преслѣдуемый страхомъ смерти, спросилъ себя: не можетъ ли семейная любовь успокоить его душу, онъ тотчасъ увидѣлъ, что это — напрасная надежда. Къ чему, спрашивалъ онъ себя, воспитывать дѣтей, которыя вскорѣ оцуются въ такомъ же критическомъ состояніи, какъ и ихъ отецъ? «Зачѣмъ же имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, растить и блюсти ихъ? Для того же отчаянія, кото-

рое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины, — всякій шагъ ведетъ ихъ къ познанію этой истины. А истина—смерть». Понятно, что нѣкоторые люди, дойдя до такого пессимистическаго воззрѣнія, воздерживаются отъ произведенія потомства.

Съ точки же зрѣнія, проводимой въ этой книгѣ, положеніе наше кажется гораздо менѣ безвыходнымъ. Одна увѣренность, что человѣческая жизнь не представляетъ ни ложнаго шага природы, ни безсмыслицы, отъ которой слѣдовало бы избавиться всевозможными способами, — одна эта увѣренность уже способна успокоить умы мыслящихъ и страдающихъ людей.

Наше поколѣніе не имѣетъ никакихъ шансовъ дожить до фізіологической старости и естественной смерти. Но оно найдетъ, однако, истинное утѣшеніе въ надеждѣ, что молодые сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ къ этой цѣли. Оно будетъ думать, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ окончательное рѣшеніе задачи будетъ все ближе и ближе и что когда-нибудь настанетъ день, когда люди достигнутъ истиннаго блага.

Это прогрессивное шествіе требуетъ еще многихъ жертвъ; уже и теперь люди науки жертвуютъ своихъ здоровіемъ, а иногда и жизнью, для рѣшенія какой-нибудь важной задачи, какъ, на примѣръ, нѣкоторыхъ медицинскихъ вопросовъ, касающихся лѣченія и спасенія жизни себѣ подобныхъ.

Для достиженія этого надо, чтобы люди были убѣждены во всемогуществѣ науки и во вредномъ вліяніи глубоко укоренившихся предрасудковъ. Придется измѣнить много современныхъ обычаевъ и учреждений, кажущихся такъ прочно установленными. А покинуть множество распространенныхъ привычекъ, измѣнить весь планъ преподаванія, — это потребуетъ долгихъ и тяжелыхъ усилій.

Опредѣленіе цѣли человѣческаго существованія приведетъ къ гораздо большей точности въ основахъ нравственности.

Рѣшеніе задачи человѣческой жизни должно неизбѣжно повести къ болѣе точному опредѣленію личной нравственности. Последняя должна имѣть цѣлью не непосредственное удовольствіе, а завершеніе нормальнаго цикла существованія. Для того чтобы достигнуть этого результата, люди должны будутъ гораздо болѣе помогать другъ другу, чѣмъ они дѣлаютъ это теперь. Имъ необходимо будетъ получать гораздо большую степень образованія, чѣмъ та, которой они достигаютъ въ настоящее время. Отъ этого должно значительно выиграть все общественное устройство.

Истинная политика должна будетъ обосноваться на новыхъ началахъ. Политика въ настоящее время находится въ томъ положе-

ні, въ которомъ была медицина въ давнее время. Въ былыя времена каждый могъ лѣчить по-своему, потому что еще не существовало медицинской науки и все было неопредѣленно. Даже и теперь еще у нѣкоторыхъ мало цивилизованныхъ народовъ каждая пожилая женщина имѣетъ право выполнять роль акушерки. То мать принимаетъ при родахъ своей дочери, то (напримѣръ, въ кастѣ Полайэровъ въ Малабарѣ) свекровь. Часто, въ качествѣ акушерки, приглашаютъ просто подругу родильницы ¹⁾. У болѣе культурныхъ народовъ произошла нѣкоторая спеціализація: при родахъ у нихъ служатъ опытыя женщины, настоящія, дипломированныя акушерки. У еще болѣе цивилизованныхъ народовъ акушерки, получившія достаточное образованіе, находятся подъ руководствомъ врачей-акушеровъ, спеціалистовъ по этой части. Это глубокое обособленіе было вызвано успѣхами обстетрики и, съ своей стороны, значительно содѣйствовало имъ.

Современныя условія политики соотвѣтствуютъ былому положенію медицины. Каждая взрослая личность мужского пола считается достаточно подготовленной къ выполненію самыхъ трудныхъ функцій, какъ, напримѣръ, избирателя, присяжнаго и т. д. Единственнымъ оправданіемъ этому служить младенческое состояніе соціальной науки. Когда послѣдняя разовьется, въ ней наступитъ такая же спеціализація, какъ и въ медицинѣ. Тогда-то пожилые люди, пріобрѣтшіе большую опытность и сохранившіе всѣ свои способности, благодаря ненарушенному фізіологическому состоянію, окажутъ будущему человѣчеству величайшія услуги.

По мѣрѣ прогресса въ направленіи къ истинной цѣли существованія, люди должны будутъ въ значительной мѣрѣ отказаться отъ личной свободы. Но зато они пріобрѣтутъ высокую степень солидарности. Чѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе становится какое-нибудь знаніе, тѣмъ менѣе мы въ правѣ не считаться съ нимъ. Прежде всякій свободно могъ учить, что китъ есть рыба; но съ тѣхъ поръ, какъ совершенно точно установлено, что животное это—млекопитающее, подобная ошибка болѣе непозволительна. Съ тѣхъ поръ, какъ медицина стала точной наукой, свобода врачей сдѣлалась гораздо ограниченнѣе. Извѣстно, что нѣкоторые врачи были даже осуждены за то, что не слѣдовали правиламъ асептики и антисептики. Такія свободы, какъ свобода не прививать оспы, плевать на польъ, предоставлять собакамъ бѣгать безъ намордниковъ и т. д.—достойны некультурныхъ временъ и должны будутъ исчезнуть съ успѣхами цивилизаціи.

¹⁾ Ploss-Bartels: „Das Weib“ II, p. 86.

Съ другой стороны, убѣжденіе, что цѣль человѣческой жизни можетъ быть достигнута, только благодаря очень большой солидарности между людьми, уменьшать современный эгоизмъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что наслажденіе жизнью, по правиламъ *Соломона*, противоположно истинной цѣли человѣческаго существованія, достаточно для того, чтобы уменьшить роскошь и все вызываемое ею зло. Увѣренность въ томъ, что одна наука способна противодействовать бѣдамъ, вытекающимъ изъ дисгармоній человѣческой природы, неизбѣжно приведетъ къ развитію образованія, что само по себѣ уже увеличитъ солидарность между людьми.

Направляясь прямо къ цѣли, надо будетъ все время справляться съ природой. Последняя уже осуществила, напримѣръ, въ эфемерахъ, полный циклъ нормальной жизни, приводящей къ естественной смерти. Въ задачѣ людского предназначенія человѣкъ никогда не сможетъ удовлетвориться однимъ тѣмъ, что дала ему природа; дѣятельное вмѣшательство его самого будетъ необходимо. Подобно тому какъ онъ измѣнилъ природу животныхъ и растеній, человѣкъ долженъ будетъ измѣнить свою собственную природу для того, чтобы сдѣлать ее гармоничнѣе.

Когда дѣло идетъ о выработкѣ новой расы, болѣе удовлетворяющей нашему эстетическому чутью, или полезной человѣку, то специалисты сначала намѣчаютъ себѣ тотъ идеаль, котораго хотятъ достигнуть. Затѣмъ они наблюдаютъ индивидуальныя отличія животныхъ и растеній, которыхъ хотятъ измѣнить, и производятъ самый тщательный подборъ, чтобы воспользоваться этими отличіями.

Идеаль долженъ соответствовать природѣ избранныхъ организмовъ.

Для измѣненія человѣческой природы тоже прежде всего надо отдать себѣ отчетъ въ идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться, и затѣмъ употребить всѣ средства, предоставляемыя наукой, для его осуществленія.

И. И. Мечниковъ.

Методъ чистыхъ культуръ и его научное значеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

Различныя направленія въ изученіи низшихъ растений.—Неодинаковый ходъ развитія нашихъ знаній о трехъ главныхъ группахъ низшихъ растительныхъ организмовъ.— Затрудненіе, встрѣчавшееся при изслѣдованіи формы и жизни грибовъ и бактерій.— Вопросъ о чистыхъ культурахъ.

Еще сравнительно не такъ давно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, низшія формы растительной жизни—водоросли, грибы и бактерии—были извѣстны весьма скудно, и изслѣдованія, производившіяся надъ ними, отличались крайне одностороннимъ направленіемъ. Главная цѣль изслѣдованій прежняго времени состояла въ томъ, чтобы описать, изобразить и дать названія многочисленнымъ и разнообразнымъ формамъ, которыя встрѣчаются въ природѣ. Почти каждая найденная форма считалась самостоятельную систематическою единицею, и роды и виды устанавливались по тѣмъ признакамъ, съ которыми растенія были найдены. Такимъ образомъ накопился довольно обширный матеріалъ, который однако не былъ связанъ никакой общей идеей, никакимъ руководящимъ принципомъ. Тогда мало были заинтересованы вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся всѣ эти формы съ точки зрѣнія ихъ взаимнаго сродства, ихъ взаимнаго происхожденія. Если подобные вопросы и ставились, то не въ нихъ былъ центръ тяжести научныхъ интересовъ, да и рѣшеніе ихъ основывалось не на точномъ изученіи полной исторіи развитія организмовъ, а на отрывочныхъ наблюденіяхъ, дополнявшихся произвольными толкованіями. Такимъ образомъ процессы жизни низшихъ существъ мало привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ.

Со второй половины прошедшаго столѣтія начинаютъ измѣняться ботаническіе интересы, ставятся новые вопросы, вырабатываются и

примѣняются новые методы изслѣдованія. Отъ однообразнаго, сухого и скучнаго изученія отличительныхъ признаковъ растительныхъ формъ, считавшихся обособленными другъ отъ друга, перешли къ наблюденію *превращенія формы* растенія на различныхъ ступеняхъ его развитія, къ изслѣдованію *исторіи развитія* организмовъ. Изъ сравненій какъ соответствующихъ стадій развитія, такъ и порядка ихъ появленія стали выводить заключенія о генетической связи, о родствѣ организмовъ между собою. Систематическая группировка получила иной смыслъ, иное значеніе: она стала выражать отношенія родства растеній.

Такъ же быстро стали выдвигаться интересы фізіологическаго изученія, о чемъ подробно рѣчь впереди.

Громадное вліяніе на направленіе научныхъ работъ, на подъемъ и оживленіе научнаго духа оказали классическія работы *Гобмейстера*, открывшія поразительное сходство въ общемъ планѣ развитія мховъ, сосудистыхъ тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растеній, а затѣмъ ученіе *Дарвина* о происхожденіи видовъ. Общее оживленіе отразилось и на изслѣдованіяхъ низшихъ растеній, которыя представляли громадный интересъ какъ со стороны исторіи развитія и взаимныхъ генетическихъ отношеній, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ, такъ и относительно ихъ появленія въ природѣ и происхожденія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что низшія растенія привлекли къ себѣ массу выдающихся научныхъ силъ, и ботаническая литература пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ отличается замѣчательнымъ обиліемъ превосходныхъ, классическихъ работъ, посвященныхъ простѣйшимъ представителямъ растительнаго царства. Эти работы познакомили насъ съ строеніемъ и развитіемъ очень большого числа водорослей, грибовъ и бактерій, положили основаніе естественной классификаціи этой группы растительныхъ организмовъ и *создали такимъ образомъ прочныя базы для дальнѣйшаго ихъ изученія*. У названныхъ организмовъ былъ открытъ процессъ размноженія посредствомъ оплодотворенія и описаны разныя формы этого процесса, наблюдаемая у различныхъ представителей. Важное значеніе имѣло открытіе того факта, что многіе грибы и водоросли обладаютъ нѣсколькими способами размноженія, при чемъ во многихъ случаяхъ подмѣчено болѣе или менѣе ясно выраженное чередованіе поколѣній, т.-е. правильная, періодически повторяющаяся смѣна различныхъ формъ размноженія. Благодаря этому открытію число многихъ формъ, описанныхъ вслѣдствіе различія въ способахъ размноженія за самостоятельные роды, пришлось значительно сократить.

Развитіе нашихъ знаній о различныхъ группахъ низшихъ растений шло далеко не одинаковымъ путемъ. Грибы и бактеріи скоро сдѣлались предметомъ болѣе широкаго и болѣе точнаго изученія, чѣмъ водоросли. Въ то время какъ водоросли почти до самаго послѣдняго времени, до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, интересовали ученыхъ своимъ строеніемъ, исторіей развитія и отчасти условіями распространенія въ природѣ, грибы и бактеріи стали особенно старательно и съ большимъ успѣхомъ изучаться также и въ фізіологическомъ отношеніи. Работы въ этомъ послѣднемъ направленіи дали результаты глубокой важности, расширившіе и измѣнившіе во многихъ отношеніяхъ наши познанія о жизненныхъ процессахъ вообще.

Не одна причина вызвала такой ходъ дѣла. Замѣчательная способность грибовъ и бактерій производить въ органическихъ веществахъ вообще и въ нашихъ питательныхъ продуктахъ въ частности разнообразныя процессы, извѣстныя подъ названіями броженія, разложенія и гніенія, уже давно возбудила интересъ къ этимъ организмамъ. Однако причинная связь тѣхъ процессовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, съ дѣятельностью низшихъ организмовъ начинается устанавливаться точно и прочно съ конца пятидесятихъ годовъ, когда стали появляться одно за другимъ классическія изслѣдованія *Пастера*, протянувшіяся на долгіе годы. Если до *Пастера* обращали вниманіе главнымъ образомъ на измѣненіе субстратовъ, въ которыхъ развиваются микроорганизмы, то *Пастеръ* перенесъ интересы изслѣдованія на самыя организмы, на процессы жизни, въ нихъ происходящіе. Работы *Пастера* оказали громадное вліяніе на развитіе и дальнѣйшій ходъ нашихъ знаній о простѣйшихъ формахъ растительной жизни. По мѣрѣ того какъ выяснялось колоссальное практическое значеніе грибовъ и бактерій и какъ виновниковъ всевозможныхъ броженій, и какъ возбудителей различныхъ болѣзней, они становились все болѣе и болѣе привлекательными для изслѣдователей, не только ботаниковъ, но химиковъ и особенно медиковъ. Позднѣе эти существа заинтересовали также агрономовъ. Интересы же прикладнаго знанія заставляли обращать вниманіе прежде всего на то, что дѣлаютъ эти организмы, и уже затѣмъ на ихъ строеніе и отношеніе къ другимъ группамъ растительнаго царства. Къ тому же бактеріи и многіе низшіе грибы, трудно отличимые по своей внѣшней формѣ и строенію, часто прекрасно характеризуются своими фізіологическими свойствами. Вотъ почему интересы фізіологическаго изученія грибовъ и бактерій необходимо выдвигаются на первый планъ. Наконецъ, коренное различіе въ питаніи водорослей и грибовъ и вытекающія отсюда

различія въ условіяхъ ихъ культуры также оказали извѣстное вліяніе на направленіе научныхъ изслѣдованій. Водоросли, вообще говоря, легко культивируются просто въ водѣ, которая благодаря своей прозрачности даетъ возможность безъ особаго труда прослѣдить всѣ стадіи развитія изучаемой формы. Иное дѣло съ грибами. Для культуры послѣднихъ необходимо было научиться готовить такія питательныя среды, которыя, давая возможность удобно наблюдать всѣ стадіи развитія, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчали бы разнообразнымъ требованіямъ различныхъ грибовъ къ питательнымъ субстратамъ. Изученіе развитія гриба оказалось въ глубокой зависимости отъ знакомства съ условіями его роста. То же самое можно сказать и про бактеріи. Интересы изученія формы организма и его развитія, морфологическіе интересы здѣсь тѣснѣе и необходимѣе связываются съ физиологическими.

Уже съ первыхъ шаговъ какъ морфологическаго, такъ и физиологическаго изученія грибовъ и бактерій изслѣдователи встрѣтились съ *крупнѣйшимъ затрудненіемъ*, борьба съ которымъ составляетъ характерную черту въ исторіи науки. Еще *Пастеръ* въ своихъ знаменитыхъ «этюдахъ о пивѣ», вышедшихъ въ 1876 году, сказалъ, что случайная ассоціація разнообразныхъ существъ въ культурахъ, которыя предполагаются однородными, составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій при изслѣдованіи низшихъ организмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, питательныя субстраты, годныя для какого-либо организма, бывають обыкновенно подходящими и для многихъ другихъ. Если посѣять въ питательную среду какой-нибудь грибокъ, то вмѣстѣ съ нимъ появятся также и другіе организмы, споры которыхъ носятя въ воздухѣ, пристають къ стѣнкамъ культурныхъ сосудовъ, наконецъ *вносятя во время посѣва вмѣстѣ со спорами изслѣдуемаго гриба*. Почти всегда получаютя такимъ образомъ смѣшанныя культуры. Но этимъ дѣло не ограничивается. По мѣрѣ того какъ субстратъ начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ жизнедѣятельности развившихся въ немъ организмовъ, послѣдніе постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ, которымъ измѣнившаяся питательная среда оказывается болѣе подходящей. Насколько въ настоящее время подобныя явленія понятны и обыкновенны, настолько они прежде были загадочны и неожиданны. Они часто порождали въ наукѣ болѣе или менѣе грубыя ошибки, касавшіяся связи по происхожденію такихъ организмовъ, которые на самомъ дѣлѣ ничего не имѣютъ между собою общаго. Такъ, напр., *Vail* серьезно утверждалъ, что дрожжи превращаются въ грибокъ *Ento-*

morphora, когда поѣдаются мухой, а *Entomophthora* превращается или въ головчатую плѣсень, въ такъ называемый *мукоръ*, или, если муха упадетъ въ воду, въ водный грибокъ *Achlya*. Изъ мукора въ сахарныхъ растворахъ развиваются опять дрожжи. Сколько было сдѣлано ошибочныхъ выводовъ относительно генетической связи плѣсневыхъ грибовъ, дрожжей и бактерій, сколько наблюдений относительно превращеній низшихъ растений даже въ простѣйшія животныя! Любопытно, что многія изъ подобныхъ ошибокъ являлись результатомъ дурно понятаго и неудачно примѣнявшагося ученія о плеоморфизмѣ грибовъ, — ученія, по которому многіе грибы имѣютъ по нѣскольку формъ размноженія. Но въ то время, какъ Тюлянъ, авторъ ученія, исходилъ въ своихъ выводахъ о генетической связи различныхъ формъ грибовъ изъ точныхъ и тщательныхъ наблюдений, его увлекавшіеся послѣдователи видѣли, по словамъ *DeBary*, случаи полиморфизма тамъ, гдѣ различныя формы грибовъ появлялись на одномъ и томъ же мѣстѣ, одна около другой или одна послѣ другой. Что выросло на посѣянномъ мѣстѣ, относилось къ плеоморфному виду. Измѣненіе формы объяснялось вліяніемъ измѣненія субстрата.

Если присутствіе постороннихъ организмовъ въ питательномъ субстратѣ, въ которомъ развивается *изучаемая форма*, мѣшаетъ наблюдению и нерѣдко приводитъ къ ложнымъ выводамъ о тождествѣ организмовъ, которые на самомъ дѣлѣ различны, то для большинства физиологическихъ работъ, напр., для изслѣдованія вопроса о томъ, что данный организмъ беретъ изъ субстрата и что возвращаетъ обратно, вообще для изученія обмѣна веществъ между формою и средою необходимо имѣть безусловно чистую культуру, т.-е. состоящую *только* изъ изслѣдуемаго организма. Постороннія формы въ этомъ случаѣ исключаютъ возможность вѣрныхъ выводовъ. Точно также для точнаго рѣшенія вопроса о связи между извѣстнымъ видомъ броженія и организмомъ, его вызывающимъ, между какою-либо болѣзью и ея предполагаемымъ живымъ возбудителемъ необходимо имѣть въ распоряженіи чистый матеріалъ.

Итакъ, морфологическія и физиологическія изслѣдованія грибовъ и бактерій постепенно выдвигали задачу полученія названныхъ организмовъ въ чистыхъ разводкахъ, въ чистыхъ культурахъ. Однако много пришлось затратить времени, труда и таланта, чтобы эта задача получила вполне удовлетворительное рѣшеніе.

Переходимъ теперь къ краткому обзору приѣмовъ чистыхъ разводовъ.

I.

Стерилизація сосудовъ и питательныхъ средъ.—Приемыполученія бактерій и грибовъ въ чистомъ видѣ.—Брефельдъ.—Пастеръ.—Способъ фракціонированной культуры.—Способъ разжиженія.—Результаты, достигнутые этимъ способомъ.—Способъ Коха.—

Разведеніе изъ одной клѣточки подъ контролемъ микроскопа.

Общій приѣмъ разведенія какого-либо организма въ чистомъ видѣ слагается изъ двухъ частей. Прежде всего необходима *стерилизація* сосудовъ и питательныхъ субстратовъ, т.-е. умерщвленіе случайно попавшихъ въ нихъ микроорганизмовъ. «Въ возможности радикально обезпложивать питательныя среды и предохранять ихъ затѣмъ отъ зараженія извнѣ нежелательными организмами лежитъ необходимое условіе для плодотворной работы надъ бродильными организмами» ¹⁾. Вторая половина задачи состоитъ въ томъ, чтобы изолировать, раздѣлить другъ отъ друга организмы, встрѣченные вмѣстѣ, и вносить въ стерильную питательную среду одну клѣтку или группу клѣтокъ, происшедшихъ изъ одного и того же зародыша.

Когда изъ изслѣдованій *Пастера*, затѣмъ *Листера*, *Кона*, *Негели*, *Брефельда*, *Коха* и другихъ возникла задача о чистыхъ культурахъ и выработывались способы ихъ полученія, то разработка приѣмовъ стерилизаціи уже не представляла особыхъ затрудненій. «Принципы техники стерилизаціи и модели сюда принадлежащихъ аппаратовъ уже были даны при изслѣдованіи вопроса о первичномъ зарожденіи» ²⁾.

Не входя въ подробности, замѣчу, что при стерилизаціи какъ культурныхъ сосудовъ, такъ и питательныхъ субстратовъ пользуются въ большинствѣ случаевъ *высокой температурой*. Культурные сосуды, колбочки и пробирки, затыкаемыя ватными пробками, подвергаютъ дѣйствию температуры въ 140 — 160° въ продолженіе 30—40 минутъ въ такъ называемыхъ сухихъ стерилизаторахъ. Питательныя жидкости, разлитыя въ стерильные сосуды, обезпложиваются водянымъ паромъ въ коховскихъ стерилизаторахъ или въ автоклавахъ (рис. 1). Остановимся подробнѣе на второй половинѣ задачи, на способахъ изолированія микробовъ.

Еще съ 1874 года *Брефельдъ* настойчиво проводилъ мысль о необходимости исходить въ изслѣдованіяхъ надъ развитіемъ гри-

¹⁾ *Францъ Лафаръ*. „Бактеріи и грибки“. Переводъ *Исаченко* и *Рихтера*. Выпускъ первый. Спб. 1903, стр. 6.

²⁾ *Alfred Jörgensen*. Die Microorganismen der Gärungsindustrie. Vierte Auflage. Berlin. 1898, p. 10.

бовъ изъ безусловно чистаго матеріала. Исходнымъ пунктомъ наблюденія каждаго изучаемаго гриба должна быть *одна* клѣточка, *одна* спора. Путемъ тщательнаго разжиженія взятаго матеріала въ стерильной водѣ *Брефельду* удавалось уединять на предметныхъ стеклахъ или во влажныхъ камерахъ по одной спорѣ. За развитіемъ такихъ обособленныхъ споръ *Брефельдъ* слѣдилъ непосредственно подъ микроскопомъ. Этотъ ученый изслѣдовалъ такимъ образомъ множество грибовъ, и его работы являются образцовыми по точности наблюдений. Но способъ, разработанный *Брефельдомъ*,

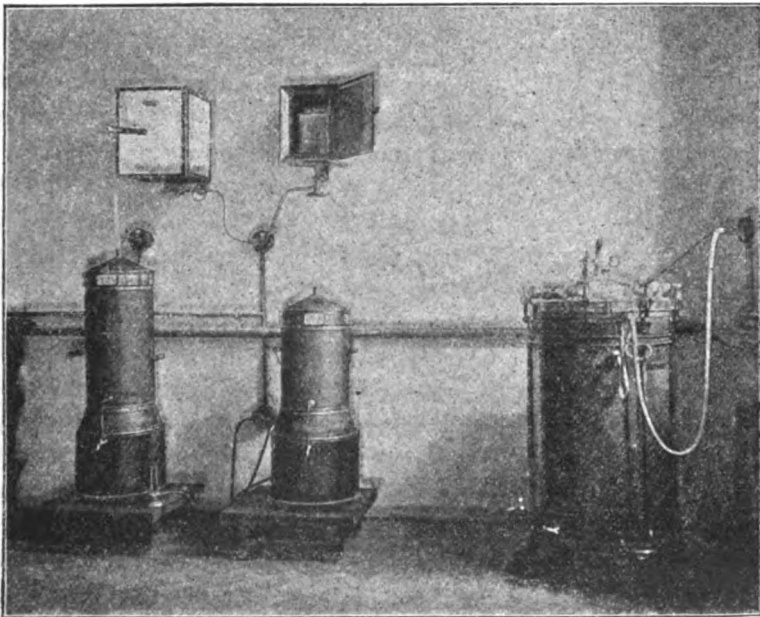

Рис. 1. Аппараты, употребляемые при стерилизаціи. Нагѣво вверху два шкапа для стерилизаціи посуды, внизу—два коховскихъ стерилизатора, направо—автоклавъ для стерилизаціи паромъ подъ повышеннымъ давленіемъ.

оказывается неудобнымъ, непримѣнимымъ для фізіологическихъ изслѣдованій, когда приходится имѣть дѣло не съ однимъ индивидуумомъ, а съ цѣлою массою.

Первыя попытки разведенія бактерій и грибовъ въ массѣ въ чистомъ видѣ основывались на различномъ отношеніи разныхъ организмовъ, вѣрнѣе, различныхъ группъ организмовъ, къ составу и свойствамъ питательнаго субстрата. Такъ, напр., *Пастеръ* при культурѣ дрожжей, способныхъ развиваться въ кислой средѣ, прибавлялъ къ питательному субстрату 1—2% винной кислоты для подавленія роста бактерій, которыя кислой среды не переносятъ.

Пользуясь способом такъ называемой *фракціонированной культуры*, берутъ концомъ платиновой иглы частицу жидкости, содержащей микроорганизмы, и переносятъ ее въ свѣжій питательный субстратъ, затѣмъ изъ послѣдняго спустя нѣкоторое время опять переносятъ каплю жидкости въ свѣжій питательный субстратъ такого же состава. Такъ повторяютъ нѣсколько разъ. Тотъ организмъ, который окажется наиболѣе приспособленнымъ къ взятому питательному субстрату, разовьется въ изобиліи и вытѣснитъ другіе организмы, менѣе приспособленные. Этотъ способъ, впрочемъ, не отличается точностью, такъ какъ исходнымъ матеріаломъ здѣсь служитъ смѣсь, неизвѣстная по своему составу; какой видъ разовьется и разовьется ли онъ въ единственномъ числѣ, это остается совершенно неизвѣстнымъ, особенно при незнаніи условій развитія выделяемыхъ микробовъ. Случайность играетъ здѣсь большую роль.

Способъ разжиженія, приименный *Листеромъ* въ 1878 году для полученія чистой культуры бактерій молочнокислаго броженія, является первымъ точнымъ способомъ чистыхъ разводовъ. *Негели* и *Фитцъ* пользовались имъ для бактеріологическихъ изслѣдованій, а *Эмиль Христ. Ганзенъ* разработалъ его для изслѣдованій съ дрожжами. Въ краткихъ словахъ этотъ способъ состоитъ въ слѣдующемъ. Каплю, содержащую микроорганизмы, разбавляютъ въ колбочкѣ со стерильной водой; колбочку взбалтываютъ и затѣмъ при помощи микроскопа высчитываютъ, сколько клѣтокъ среднимъ числомъ находится въ каждой каплѣ, взятой изъ колбочки. Предположимъ, что въ каждой каплѣ находится по 20 клѣтокъ. Затѣмъ одну такую каплю переносятъ въ колбочку, содержащую 40 куб. сант. стерильной воды. Послѣ тщательнаго взбалтыванія, необходимаго для равномернаго распредѣленія клѣтокъ, изъ послѣдней колбочки переливаютъ пипетками по 1 куб. сант. жидкости въ 40 колбочекъ съ соотвѣтствующею питательною жидкостью. Возможно, что въ однѣ колбочки попадетъ по нѣскольку клѣтокъ, въ другія—ни одной, въ третьи—по одной клѣткѣ. Клѣтки упадутъ на дно и, размножаясь, образуютъ пятна, замѣтныя простымъ глазомъ. Въ тѣхъ колбахъ, въ которыхъ окажется по одному пятну, будутъ абсолютно чистыя культуры, происшедшія отъ дѣленія одной и той же клѣтки.

Этимъ способомъ *Эм. Христ. Ганзену* удалось изолировать и изслѣдовать первоначально шесть расъ дрожжей. Каждая раса была выведена имъ изъ одной клѣточки. Результаты изслѣдованія показали существенныя различія въ *физиологическихъ* свойствахъ каждой расы при сходствахъ внѣшнихъ признаковъ. Въ то время какъ однѣ расы, введенныя въ пивное сусло, даютъ вкусное прозрачное

пиво, другія расы оказались способными производить нежелательныя явленія въ этомъ напитокѣ, дѣлать послѣдній мутнымъ и неприятно горькимъ. Найдя признаки, отличающіе одну расу отъ другой, и выработавъ приемы какъ анализа дрожжей, такъ и чистыхъ культуръ послѣднихъ въ большихъ количествахъ, *Ганзенъ* предложилъ затѣмъ вводить въ производство чистыя расы съ опредѣленными и желательными свойствами. Этимъ обезпечивается постоянство вкуса продукта и устраняется возможность его порчи посторонними организмами, не только бактеріями, но даже дурного сорта дрожжами. Такъ произошла реформа сначала пивовареннаго производства, а затѣмъ и другихъ отраслей промышленности, въ основѣ которыхъ лежатъ процессы броженія.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что основная идея, руководившая *Ганзеномъ* въ его работахъ, сознавалась еще *Пастеромъ*.

«Если бы удалось изолировать изъ опредѣленныхъ дрожжей отдѣльныя клѣтки, ихъ составляющія, и культивировать каждую клѣтку отдѣльно, то получилось бы такое же число дрожжей, которыя, вѣроятно, различались бы другъ отъ друга, ибо каждая культура сохранила бы индивидуальныя свойства той клѣтки, изъ которой она произошла»¹⁾.

Методъ разжиженія имѣетъ свои слабыя стороны. Удобный для дрожжей и другихъ грибовъ, онъ не примѣнимъ для бактерій, колоніи которыхъ трудно отличимы въ культурныхъ колбочкахъ и легко расплываются. Вообще же онъ очень кропотливъ и требуетъ много посуды.

Несравненно практичнѣе и надежнѣе оказался способъ полученія чистыхъ культуръ, предложенный въ 1883 году *Робертсомъ Козомъ*. Этотъ способъ быстро нашелъ себѣ самое широкое примѣненіе. «Открытіе этого метода,—говоритъ *Линднеръ*,—было новой эрой въ бактериологіи»²⁾. Для раздѣленія микроорганизмовъ другъ отъ друга *Козъ* примѣнилъ желатину, обладающую способностью разжижаться при 24—26° С. и затвердѣвать при низшей температурѣ. Существуетъ нѣсколько варіацій этого способа. Одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ колбочку или пробирку съ питательной желатиной, т.-е. съ желатиной, къ которой прибавленъ растворъ питательныхъ веществъ, заранѣе стерилизованную и приведенную нагрѣваніемъ въ жидкое состояніе, вносятъ на платиновой иглѣ каплю жидкости съ нахо-

1) *Pasteur*. Etudes sur la bière. 1876, p. 193.

2) *P. Lindner*. Mikroskopische Betriebskontrolle in den Gärungsgewerben mit einer Einführung in die technische Biologie, Hefenreinkultur und Infektionslehre. Dritte Auflage. Berlin. 1901, p. 152.

дядимися въ послѣдней микроорганизмами. Желатину тщательно разбалтываютъ и затѣмъ быстро вливаютъ въ низкую цилиндрическую чашку, закрываемую крышкой съ заходящими краями, въ такъ называемую чашку Петри. (Рис. 2.) Желатина въ чашкѣ разливается болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ и застываетъ. Организмы, отдѣленные другъ отъ друга взбалтываніемъ желатины, фиксируются въ различныхъ пунктахъ застывшаго желатиноваго слоя. Если капля, перенесенная въ колбочку съ желатиной, не содержала слишкомъ много зародышей, напр., 10—20, то они размѣстятся на достаточныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Изолированныя особи бактерій и дрожжей путемъ дѣленія образуютъ колоніи, которыя уже черезъ 2—3 дня будутъ замѣтны невооруженнымъ глазомъ; споры плѣсневыхъ грибовъ разовьются въ грибки, которыя также скоро дѣ-

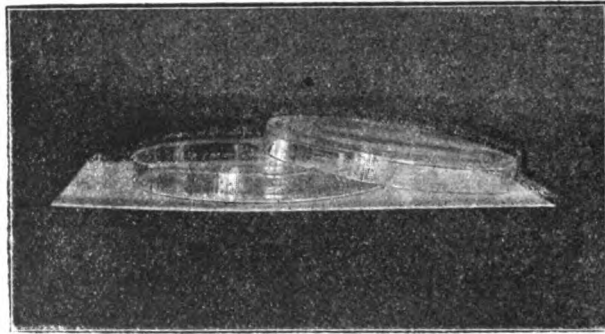

Рис. 2. Чашка Петри.

лаются легко отличимыми. (Рис. 3.) Къ колоніи того или другого микроба прикасаются прокаленной и остывшей платиновой иглой, а затѣмъ послѣднюю опускаютъ въ колбочку съ стерилизованнымъ питательнымъ субстратомъ, гдѣ перенесенный организмъ уже развивается въ чистомъ видѣ, безъ другихъ формъ.

Вмѣсто желатины пользуются также агаръ-агаромъ, добываемымъ изъ морскихъ водорослей и способнымъ, подобно желатинѣ, разжижаться и застывать. Для выдѣленія организмовъ, предпочитающихъ минеральное питаніе, можно употреблять, по указаніямъ *Виноградскаго*, кремнекислый студень.

Ганзенъ, а затѣмъ *Линднеръ* выработали приемы изолированія грибовъ во влажныхъ камерахъ, дающіе возможность контролировать подъ микроскопомъ развитіе изъ одной клѣточки. Въ простѣйшемъ видѣ влажная камера состоитъ изъ предметнаго стекла, имѣющаго углубленіе, ямочку; послѣдняя покрывается покровнымъ

стеклышкомъ. Какъ предметное, такъ и покрывное стекло предварительно проводятъ черезъ пламя газовой горѣлки или спиртовой лампочки. Затѣмъ на покрывное стекло переносятъ 6—9 капелекъ жидкой желатины, содержащей, напр., дрожжи. Стеклышко быстро накладываютъ на углубленіе камеры, дрожжами внизъ. Затѣмъ, пользуясь микроскопомъ, на поверхности стеклышка отмѣчаютъ чернилами капельки, содержащія по одной клѣточкѣ. Если такія капли

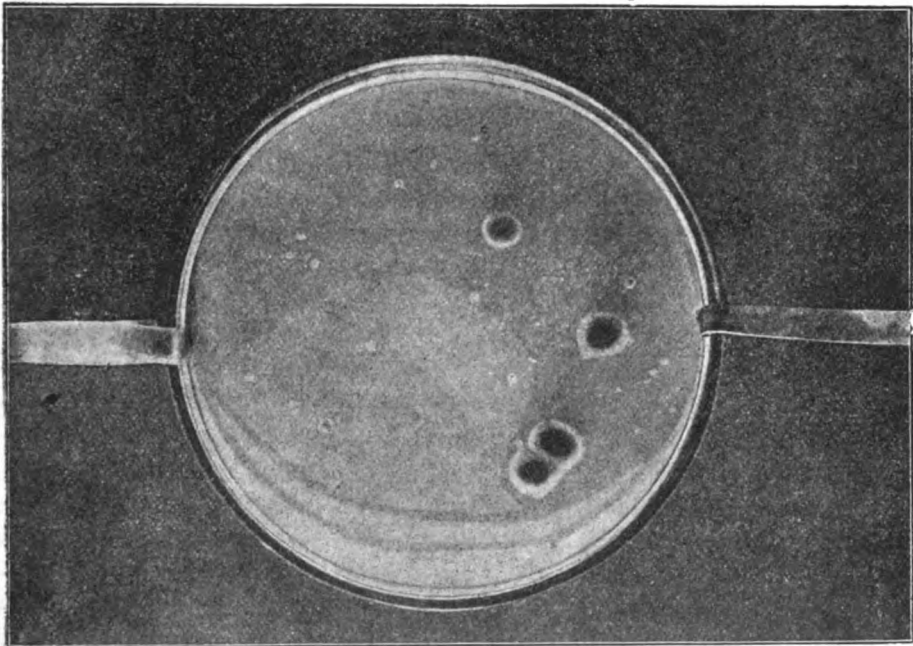

Рис. 3. Чашка Петри (безъ крышки). Обособленные организмы, развившіеся на желатинѣ.

очень малы, то къ нимъ прибавляютъ немного стерильной питательной желатины. Послѣ этого покрывное стеклышко, края котораго заранѣе обмазываютъ вазелиномъ, крѣпко прижимаютъ къ предметному стеклу. Часто также пользуются влажной камерой, изображенной на рис. 4. Диаметръ покрывнаго стекла такой камеры равняется 30миллиим. Иногда употребляютъ камеры меньшаго размѣра. Тогда для каждого случая берутъ понѣскольку камеръ и переносятъ на покрывное стекло по одной каплѣ желатины съ организмами. (Рис. 5.) Затѣмъ отбираютъ камеры съ каплями, въ которыя попало по одной клѣткѣ. Такимъ образомъ получается возможность непрерывно слѣдить, какъ изъ одной клѣточки образуется цѣлая

колонія. Послѣднюю потомъ переносить въ колбочку съ стерильной питательной средой для дальнѣйшаго развитія.

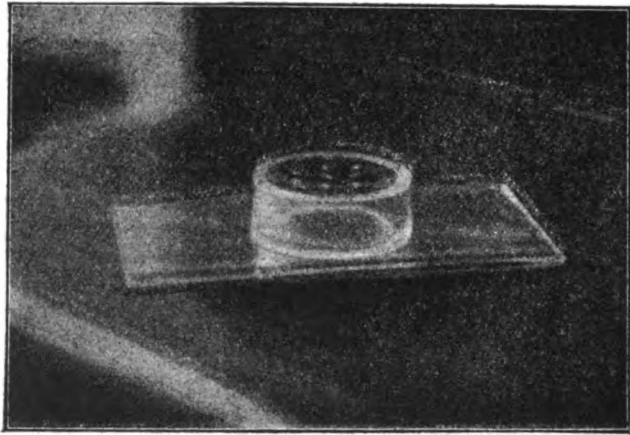

Рис. 4. Влажная камера. Капли желатинны (содержащія организмы).

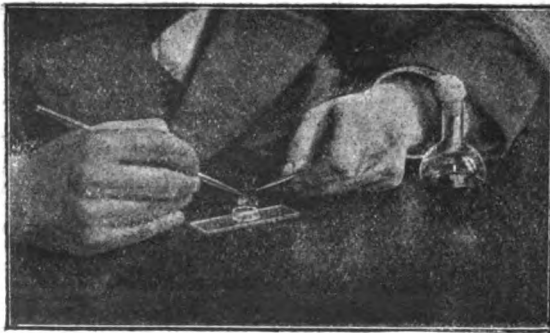

Рис. 5. На покровное стекло быстро переносится изъ колбочки капли желатинны.

Изолированіе организмовъ въ чашкахъ Петри не исключаетъ возможности случая образованія колоніи изъ двухъ *разныхъ* зародышей, случайно оказавшихся одинъ возлѣ другого. При употребленіи влажныхъ камеръ получаютъ такія культуры, въ абсолютной чистотѣ которыхъ сомнѣваться нельзя. Однако влажныя камеры

не примѣнимы для выдѣленія бактерій по причинѣ малой величины послѣднихъ.

II.

Недостаточность однихъ техническихъ манипуляцій при выдѣленіи организмовъ въ чистомъ видѣ. — Специализація функций низшихъ организмовъ. — Совмѣстная жизнь физиологически различныхъ организмовъ. — Симбіозы, или сожительства. — Методъ элективныхъ культуръ Виноградскаго. — Научное значеніе метода чистыхъ культуръ.

Далеко не всегда успѣхъ полученія чистыхъ культуръ достигается одной технической стороной дѣла, одними манипуляціями, какъ бы практичны онѣ ни были и какъ бы искусно онѣ ни производились. Прежде чѣмъ манипулировать, необхо-

димо принять въ расчетъ условія развитія выдѣляемыхъ микроорганизмовъ и прежде всего условія питанія, температуры и воздуха, насколько они выясняются предварительными изслѣдованіями и соображеніями. Это обстоятельство настолько важно, что на немъ необходимо остановиться подробнѣе.

Физиологія низшихъ растений стала детально разрабатываться только съ конца прошлаго столѣтія. Но первыя работы въ этой области,—работы, съ которыми особенно связываются незабвенныя имена *Пастера*, *Кона* и *Негели*, давали, несмотря на ихъ громадное значеніе, результаты слишкомъ общаго характера, и мысль о сходствѣ физиологическихъ процессовъ по крайней мѣрѣ у главнѣйшихъ группъ простѣйшихъ организмовъ была долгое время господствующей¹⁾. Предположеніе о сходствѣ питанія бактерій, напр., такъ глубоко коренилось въ умахъ ученыхъ, что «приготовление годнаго для культивированія всевозможныхъ бактерій *универсальнаго питательнаго раствора* служило въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ предметомъ многократныхъ усилій многихъ бактериологовъ»²⁾. Работы позднѣйшаго времени постоянно открывали болѣе или менѣе рѣзкія физиологическія различія, существующія какъ въ группѣ бактерій, такъ и въ группѣ грибовъ. Эти различія наблюдаются даже у такихъ организмовъ, которые въ морфологическомъ отношеніи являются почти или совсѣмъ сходными. Какое разнообразіе требованій различныхъ бактерій къ составу питательныхъ субстратовъ, какія различныя отношенія къ условіямъ температуры и даже къ воздуху, который для однихъ микроорганизмовъ такъ же необходимъ, какъ для другихъ ядовитъ! Правда, Пастеръ открылъ анаэробную жизнь, жизнь безъ воздуха, еще въ 1861 г., но общее признаніе анаэробіоза случилось значительно позже, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, послѣ долгихъ и ожесточенныхъ споровъ. Такъ противорѣчило это открытіе господствовавшему положенію «*nisi vivum ex ovogenio*»³⁾. Сколько извѣстно теперь различныхъ броженій, для которыхъ существуютъ спеціальныя микробы-возбудители! Даже дыханіе, которое прежде казалось такимъ однороднымъ процессомъ, происходитъ далеко не одинаково. Такъ у однѣхъ бактерій энергія, необходимая для ихъ жизни, получается путемъ сжиганія различныхъ органическихъ веществъ (бѣлка, са-

1) Хотя многочисленныя паразитныя грибки, живущіе каждый на своемъ хозяинѣ, не могли не наводить на предположеніе о различіяхъ въ процессахъ питанія.

2) *Лафарг* I. с. р. 89.

3) Подробности объ анаэробныхъ бактеріяхъ—въ интересномъ изслѣдованіи *Н. Худякова*: „Къ ученію объ анаэробіозѣ“. Москва, 1896.

хара, жира, спирта), у другихъ—на счетъ окисленія неорганическихъ веществъ. Замѣчательныя изслѣдованія *Виноградскаго* показали, что такъ называемыя сѣрные бактеріи, встрѣчающіяся въ обилии въ водахъ, богатыхъ сѣрководородомъ, дышатъ на счетъ этого газа, окисляя его до сѣры и сѣрной кислоты; особая группа бактерій, обитающихъ въ мѣстахъ, содержащихъ соли закиси желѣза, производитъ необходимую для ихъ жизни энергію, переводя закисныя соединенія въ окисныя; нитритныя бактеріи окисляютъ въ почвѣ амміакъ въ азотистую кислоту, а нитратныя бактеріи—азотистую кислоту въ азотную. Въ своей интересной рѣчи о круговоротѣ азота въ природѣ *Виноградскій* слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой взглядъ на фізіологическія различія, существующія у простѣйшихъ формъ: «Мои бактеріологическія изслѣдованія всегда направляло убѣжденіе, что принципъ раздѣленія труда, *специализации функций* чрезвычайно ясно выраженъ въ мірѣ микробовъ»¹⁾. *Пфедферъ* въ своемъ руководствѣ къ фізіологіи растений проводитъ мысль о различныхъ требованіяхъ растительныхъ видовъ вообще къ внѣшнему міру. Такимъ образомъ, идея фізіологическаго различія должна лежать въ основѣ изслѣдованій низшихъ растительныхъ организмовъ и служить руководящей нитью при выдѣленіи послѣднихъ въ чистомъ видѣ.

Не слѣдуетъ однако слишкомъ увлекаться въ данномъ направленіи и представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что при фізіологическомъ изученіи низшихъ организмовъ *всегда* встрѣчаются съ рѣзкими особенностями, ярко выраженными различіями, подобно тѣмъ примѣрамъ, которые приведены выше. Въ этомъ отношеніи—цѣлый рядъ степеней различія, и много существуетъ такихъ микробовъ, которые, не предъявляя строго опредѣленныхъ требованій къ средѣ, развиваются при весьма разнообразныхъ условіяхъ. Немало организмовъ, крайне несходныхъ по формѣ, но мало отличныхъ фізіологически, благодаря чему они живутъ на одинаковыхъ субстратахъ. Но и незначительныя, часто трудно уловимыя фізіологическія отличія организмовъ, оказавшихся вмѣстѣ въ подходящемъ для нихъ субстратѣ, нарушая одинаковый ростъ, скоро приводятъ къ преобладанію той формы, для которой условія среды окажутся наилучшими. Измѣненіе одного изъ условій, наприм., температуры или состава субстрата, можетъ дать перевѣсъ въ развитіи другой формѣ.

Разнообразіе особенностей въ процессахъ жизни микроорганизмовъ находится въ тѣсной связи съ разнообразными и часто исклю-

¹⁾ Дневникъ IX-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Москва. 1894 г. Отдѣльный оттискъ, стр. 4.

чительными условиями ихъ существованія въ природѣ, является результатомъ приспособленія къ послѣднимъ. Крайне любопытнымъ оказывается и тотъ фактъ, что организмы, встрѣчающіеся при видимыхъ сходныхъ условіяхъ, не только могутъ принадлежать къ различнымъ фізіологическимъ типамъ, но нерѣдко совмѣстное существованіе такихъ разнородныхъ микробовъ обусловливается именно различіемъ ихъ функцій. Такъ, напр., бактеріи, разлагающія бѣлковыя вещества съ выдѣленіемъ сѣроводорода, создаютъ среду, удобную для развитія сѣрныхъ бактерій; микробы, жадно поглощающіе кислородъ, даютъ возможность развиваться около себя анаэробамъ. Въ настоящее время извѣстно много примѣровъ болѣе тѣснаго и постоянного сожительства разнородныхъ организмовъ. Такія сожительства называются симбіозами. Въ какихъ отношеніяхъ находятся симбионты другъ къ другу, какіе обмѣны веществъ происходятъ между ними въ каждомъ случаѣ симбіоза, — на эти вопросы въ большинствѣ случаевъ пока нѣтъ отвѣтовъ. Выяснить эти вопросы возможно только при раздѣленіи сожительствующихъ организмовъ и изслѣдованіи особенностей питанія и развитія каждаго изъ нихъ порознь.

На спеціализаціи функцій микробовъ, о чемъ только что пларѣчь, основывается методъ элективныхъ культуръ *Виноградскаго*, облегчающій во многихъ случаяхъ полученіе организмовъ въ чистомъ видѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ методъ. Когда изслѣдованіе приводитъ къ задачѣ найти и изолировать организмъ, обладающій опредѣленною фізіологическою особенностью, иными словами, извѣстною спеціальною функціей, не свойственной другимъ организмамъ, то условія культуры также должны быть специфическими, благоприятными для обнаруженія этой функціи, а слѣдовательно и для развитія искомага микроба. Сопутствующіе организмы, не приспособленные къ даннымъ исключительнымъ условіямъ, будутъ подавлены въ своемъ развитіи. Изолировать микробы послѣ этого будетъ уже легко. Блестящіе успѣхи *Виноградскаго* при полученіи въ чистомъ видѣ какъ бактерій, вызывающихъ процессы окисленія амміака въ азотную кислоту, такъ равно и бактерій, усвояющихъ свободный азотъ, въ значительной степени зависѣли отъ удачнаго выбора условій культуръ, соответствовавшихъ особенной природѣ этихъ въ высшей степени любопытныхъ бактерій.

Методъ элективныхъ культуръ имѣетъ крупное значеніе, но при мѣненіе его не всегда возможно. Имъ можно пользоваться съ успѣхомъ въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ крайними спеціалистами. Чѣмъ своеобразнѣе въ фізіологическомъ смыслѣ

будутъ выдѣляемые организмы, тѣмъ легче ихъ получить въ преобладающемъ развитіи, и наоборотъ. Довольно часто приходится выдѣлять организмы, *специфическія функціи которыхъ совсѣмъ не извѣстны*. Въ этомъ случаѣ непосредственное примѣненіе обычнаго способа, т.-е. механическое разъединеніе различныхъ организмовъ на одномъ и томъ же субстратѣ, можетъ скорѣе и проще привести къ цѣли. Однако если не удастся такимъ приемомъ изолировать какого-либо опредѣленнаго, морфологически отличимаго микроба, то разнообразныя *измѣненія въ составъ субстрата и вообще въ условія развитія* могутъ помочь дѣлу. Такого рода приемъ можетъ навести на открытіе *наилучшихъ условій роста*, что обнаружить и физиологическія особенности выдѣляемаго организма. Задача изолированія тогда упростится. Наконецъ, когда предстоитъ выдѣленіе неизвѣстныхъ организмовъ съ неизвѣстными функціями, то вопросъ о методѣ рѣшается сообразно съ указаніями и задачею каждаго отдѣльнаго случая.

Таковы въ краткихъ чертахъ способы, которыми въ настоящее время пользуются для полученія низшихъ организмовъ въ чистомъ видѣ. То, что было такъ трудно лѣтъ 30 тому назадъ, достигается теперь, вообще говоря, поразительно легко и просто. Организмы, которые измѣряются тысячными долями миллиметра, ловятъ въ воздухѣ, водѣ и почвѣ, извлекаютъ изъ питательныхъ продуктовъ, выдѣляютъ изъ животныхъ и растений, раздѣляютъ другъ отъ друга, разводятъ каждый изъ одного зародыша въ желаемомъ количествѣ и переносятъ изъ одного культурнаго сосуда въ другой. Чистыя культуры—краеугольный камень современныхъ бактериологическихъ и микологическихъ работъ, ихъ необходимое условіе. Вліяніе метода чистыхъ культуръ на развитіе нашихъ знаній о низшихъ организмахъ громадно. Точные факты, относящіеся до исторіи развитія бактерий и грибовъ, навсегда устранившіе ложные выводы о превращеніи однихъ видовъ въ другіе, цѣлый рядъ открытій, касающихся физиологіи этихъ организмовъ, открытій, имѣющихъ важное научное и практическое значеніе, сдѣлались достояніемъ науки только тогда, когда получилась возможность изолировать изучаемыя формы и разводить каждую изъ нихъ отдѣльно, безъ сопровождающихъ формъ. Только при этомъ послѣднемъ условіи сдѣлалось возможнымъ уловить иногда очень тонкія различія, существующія между организмами; только работы съ чистымъ матеріаломъ дали возможность точно связать извѣстныя физиологическія свойства съ опредѣленными формами. Поразительно быстрое развитіе знаній о грибахъ и бактеріяхъ въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія

объясняется прежде всего приложеніемъ метода чистыхъ культуръ къ изслѣдованію этихъ существъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что многіе организмы еще не удалось получить въ чистомъ видѣ. Условія, въ которыя ставили ихъ при выдѣленіи, не соответствовали, вѣроятно, тѣмъ, при которыхъ они живутъ въ природѣ. Замѣчательные успѣхи микробиологіи говорятъ однако за то, что число такихъ неподдающихся выдѣленію организмовъ будетъ постепенно сокращаться.

Нельзя не отмѣтить того факта, что группы простѣйшихъ формъ органической жизни, при изученіи которыхъ чистыя культуры не играли существенной роли, въ физиологическомъ и даже отчасти въ морфологическомъ отношеніяхъ, извѣстны крайне скудно. Укажу на слизистые грибы, на простѣйшія животныя, на водоросли. Последняя группа представляетъ въ извѣстномъ отношеніи особый интересъ, а потому я и остановлюсь на ней подробнѣе.

III.

Чистыя культуры при изученіи водорослей. — Отсталость альгологіи отъ сопредѣльныхъ областей знанія. — Работа Вейерника. — Изслѣдованія автора надъ гонидіями лишайниковъ. — Симбіозъ водоросли и гриба въ тѣлѣ лишайника. — Хлорофиллъ и условія его образованія. — Изслѣдованія надъ другими водорослями. — Работы другихъ авторовъ по сходному вопросу. — Форма водоросли подъ вліяніемъ среды. — Задачи будущихъ изслѣдованій въ данномъ направленіи.

При изученіи водорослей чистыя культуры стали примѣняться весьма недавно, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ. Здѣсь, какъ я думаю, и заключается главная причина того факта, что наука, изучающая водоросли, альгологія, значительно отстала въ своемъ развитіи отъ сопредѣльныхъ областей знанія, отъ микологіи и бактериологіи. Въ самомъ дѣлѣ, физиологія водорослей стала предметомъ болѣе серьезнаго вниманія изслѣдователей только съ конца прошлаго столѣтія, и многіе вопросы, какъ, напр., вопросъ о питаніи, почти совсѣмъ не разработаны, что особенно обращаетъ на себя вниманіе тогда, когда водоросли сравниваются въ этомъ отношеніи съ другими группами растительныхъ организмовъ. Такъ, питаніе высшихъ растений изучено въ общемъ прекрасно и врядъ ли найдутся такія области естествознанія, которыя, по словамъ *Санса*, культивировались бы съ такимъ стараніемъ и съ такимъ успѣхомъ, какъ та, о которой идетъ рѣчь. Съ изслѣдованіями о питаніи грибовъ связаны имена *Роллена*, *Пастера*, *Негели*, *Кона*, *Брефельда*, *Ганзена* и многихъ другихъ выдающихся ученыхъ. Что же извѣстно о питаніи водорослей? Нѣсколько небольшихъ статей составляютъ

всю литературу вопроса. До самаго послѣдняго времени для культуръ прѣсноводныхъ водорослей употреблялась почти исключительно кноповская питательная жидкость, какъ будто субстратъ, пригодный для многихъ цвѣтковыхъ растений, долженъ быть подходящимъ и для водорослей, которыя, какъ оказывается, такъ разнообразятся въ своихъ отношеніяхъ къ условіямъ питанія. Вопросъ о питаніи водорослей органическими соединеніями такъ же плохо извѣстенъ, несмотря на то, что изученіе водорослей съ этой стороны имѣеть особенно важное значеніе, ибо можетъ пролить много свѣта на тѣ замѣчательные синтетическіе процессы, которые происходятъ въ зеленой кѣткѣ. Если грибы и бактеріи, вообще говоря, приспособились къ питанію самыми разнообразными органическими веществами, которыя они встрѣчаютъ въ природѣ, то водоросли, вырабатывающія органическія вещества изъ неорганическихъ, въ условіяхъ искусственныхъ культуръ будутъ развиваться лучше въ присутствіи веществъ наиболѣе близкихъ тѣмъ, которыя онѣ сами вырабатываютъ. Опыты съ простѣйшими органическими веществами могутъ разъяснить образованіе первыхъ продуктовъ усвоенія углерода. Правда, нѣмецкіе ученые *Левъ* и *Бокорни* уже сравнительно давно пытались опредѣлить питательное значеніе различныхъ органическихъ веществъ по опытамъ съ водорослями, но эти попытки не привели къ точнымъ результатамъ, ибо изслѣдованія производились не съ чистыми культурами водорослей, а съ матеріаломъ, содержащимъ бактеріи; послѣднія быстро измѣняли питательныя среды, такъ что естественно возникаетъ вопросъ о томъ, пытались ли водоросли данными соединеніями или продуктами расщепленія послѣднихъ.

Подобно фізіологіи, морфологіи и систематикѣ водорослей находятся въ такомъ состояніи, что оставляютъ желать лучшаго: здѣсь изобилуютъ такія противорѣчивыя наблюденія и рѣзкія разногласія по кореннымъ вопросамъ, которыя не могутъ свидѣтельствовать о высокому уровнѣ этихъ вѣтвей науки. Стоитъ вспомнить работы извѣстныхъ альгологовъ нашего времени: *Ганзира*, *Бордзи* и *Шода*, чтобы убѣдиться въ справедливости этого взгляда. Въ работахъ названныхъ авторовъ приводятся наблюденія надъ взаимнымъ превращеніемъ водорослей, находящихся въ различныхъ систематическихъ группахъ, даже въ различныхъ отрядахъ. Всѣ эти работы только доказываютъ, говоритъ *Клебсъ*, что въ систематикѣ низшихъ водорослей господствуетъ такая безграничная путаница, что даже о многихъ простѣйшихъ формахъ существуютъ исключющія другъ друга воззрѣнія. Гдѣ же лежитъ причина подобныхъ заблужденій? Прежде всего въ неточныхъ методахъ изслѣдованія, а за-

тѣмъ, конечно, въ поверхностныхъ наблюденіяхъ и неосновательныхъ выводахъ. И здѣсь точно такъ же работы съ чистымъ матеріаломъ могутъ вывести изъ лабиринта разнообразныхъ противорѣчій на путь точнаго, достовѣрнаго познанія исторіи развитія различныхъ организмовъ.

Перехожу теперь къ результатамъ пока еще немногочисленныхъ изслѣдованій водорослей въ чистомъ видѣ, при чемъ подробнѣе остановлюсь на собственныхъ изслѣдованіяхъ.

Чистыя культуры водорослей впервые были получены извѣстнымъ голландскимъ бактериологомъ *Бейеринкомъ*. Этому ученому удалось изолировать на желатинѣ нѣсколько зеленыхъ водорослей, въ томъ числѣ водоросли изъ весьма распространеннаго лишайника, встречающагося въ видѣ желтоватыхъ пластинокъ на корѣ деревьевъ, на стѣнахъ и заборахъ, изъ *Xanthoria parietina*. Опыты *Бейеринка* показали, что водоросли прекрасно растутъ въ питательной средѣ, содержащей пептонъ и сахаръ. Однако культуры *Бейеринка* стояли на свѣту, при доступѣ углекислоты воздуха, такъ что изъ опытовъ этого ученаго далеко не ясно, насколько водоросли, взятые имъ для изслѣдованія, способны къ органическому питанію. Питательное значеніе различныхъ органическихъ соединений такъ же названнымъ авторомъ не изучено.

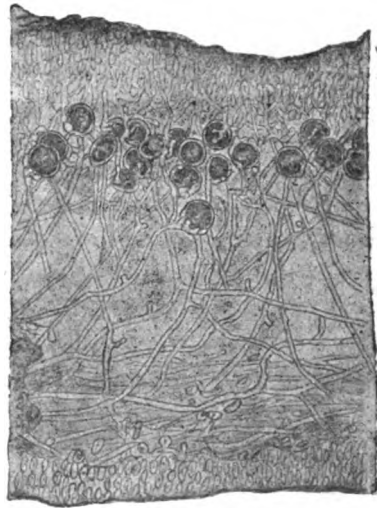

Рис. 6. Вертик. разрѣзъ черезъ тѣло *Xanthoria parietina*. Шаровидные гонидіи оплетаются грибными нѣтями.

Въ 1898 году мнѣ удалось выдѣлить въ чистомъ видѣ водоросли изъ двухъ лишайниковъ, изъ *Xanthoria parietina* и *Gasparrinia murorum* (рис. 6). Это—зеленныя, одноклѣтныя, шаровидныя водоросли, вполне сходныя съ тѣми свободно живущими формами, которыя относятъ къ роду *Chlorococcum*. Убѣдившись изъ первыхъ опытовъ въ справедливости показаній *Бейеринка* относительно предпочтенія водорослями, входящими въ составъ тѣла лишайниковъ, или гонидіями, какъ ихъ называютъ, пептона, я въ своихъ дальнѣйшихъ экспериментахъ поставилъ себѣ задачу рѣшить вопросъ о томъ, могутъ ли гонидіи названныхъ лишайниковъ питаться различными

органическими соединениями въ абсолютной темнотѣ, т.-е. не пользуясь хлорофилловой функціей. Результаты опытовъ показали, что водоросли развиваются въ отсутствіи свѣта при данныхъ условіяхъ питанія, т.-е. въ присутствіи пептона и сахара, очень хорошо, при чемъ клѣтки развиваются не этиолированными, а ярко- и темно-зелеными. При другихъ источникахъ азота (аспарагинъ, азотно- и сѣрно-амміачныя соли) гонидіи, оставаясь зелеными, развиваются значительно слабѣе. Въ присутствіи селитры, введенной въ качествѣ источника азота, водоросли растутъ весьма слабо.

Работы французскихъ ученыхъ *Bouillac*, *Radais*, *Matruchot* и *Molliard*, *Charpentier* и позднѣйшая работа *Бейеринка* дали по отношенію къ факту образованія водорослями хлорофилла въ темнотѣ сходный результатъ.

То предпочтеніе, которое такъ рѣзко оказываютъ гонидіи лишайниковъ пептону, навело меня на мысль о сравненіи гонидіевъ съ одинаковыми по формѣ свободно-живущими водорослями съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ различнымъ источникамъ азота. Хотя *Бейеринкъ* и предположилъ, что свободно-живущія хлорококки развиваются гораздо лучше въ присутствіи пептона, однако это предположеніе трудно было помирить съ фактомъ прекраснаго развитія свободно-живущихъ хлорококковъ въ неорганическихъ растворахъ. Мнѣ также казалось, что условія питанія водорослей, живущихъ въ тѣлѣ лишайниковъ, должны быть рѣзко отличными отъ условій питанія свободныхъ формъ, что не могло не отразиться на особенностяхъ питанія гонидіевъ. Въ 1901 году мною былъ изолированъ свободноживущій хлорококкъ, собранный со стѣнокъ небольшого аквариума, въ которомъ культивировались различныя водоросли. Эта водоросль по внѣшнимъ признакамъ оказалась вполне сходной съ гонидіями. Такимъ образомъ представилась возможность точнѣе опредѣлить отношенія обѣихъ водорослей къ условіямъ питанія, къ ихъ способности пользоваться тѣми или другими соединениями. Результаты опытовъ показали, какъ я и предполагалъ ранѣе, что свободныя хлорококки развиваются слабѣе при источникѣ азота въ формѣ пептона, чѣмъ въ формѣ калийной селитры.

Итакъ, эти сравненія показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя водорослями, которыя при полномъ морфологическомъ сходствѣ отличаются другъ отъ друга различнымъ отношеніемъ къ органической и неорганической пищѣ, а также способностью размножаться въ большей или меньшей степени подвижными зародышами, зооспорами; иначе сказать, съ двумя физиологическими расами одного и того же морфологическаго типа, одного вида.

Существованіе физиологическихъ расъ проливаетъ свѣтъ и на

взаимныя отношенія водоросли и гриба въ лишайникахъ. Послѣ того какъ была разгадана истинная природа лишайниковъ, послѣ того какъ было открыто, что лишайники не представляютъ самостоятельныхъ организмовъ, но что тѣло ихъ слагается изъ двухъ разнородныхъ организмовъ, изъ гриба и водоросли, вопросъ объ отношеніи обоихъ компонентовъ до сихъ поръ не получилъ еще безспорнаго рѣшенія. По однимъ воззрѣніямъ, грибы, соединяясь съ водорослями для совмѣстной жизни, паразитируютъ на послѣднихъ, по другимъ—совмѣстная жизнь основывается на взаимныхъ услугахъ, о которыхъ составляются только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія французскій ботаникъ *Ванъ-Тизэмъ*, обративъ вниманіе на отношенія водоросли и гриба въ лишайникахъ, высказалъ интересную мысль, что грибъ, заимствуя, разумѣется, углеводъ (сахаръ) отъ водоросли, вырабатываетъ бѣлковое вещество, которымъ также пользуется и живущая съ нимъ водоросль. *Бейеринкъ*, замѣтивъ хорошій ростъ гонидіевъ на пептонѣ, сдѣлалъ сходное предположеніе. Однако для полнаго обоснованія этого взгляда *Бейеринку* недоставало, во-первыхъ, точныхъ сравнительныхъ опытовъ надъ питаніемъ гонидіевъ различными соединеніями азота; во-вторыхъ, сравнительныхъ опытовъ надъ питаніемъ гонидіевъ и сходныхъ свободно-живущихъ водорослей. Изъ моихъ опытовъ ясно видно различіе обѣихъ формъ въ ихъ отношеніи къ источникамъ азота, при чемъ особенно хорошо замѣтно предпочтеніе, которое оказываютъ гонидіи пептону (рис. 7). Такимъ образомъ сходные взгляды, высказанные *Ванъ-Тизэмомъ* и *Бейеринкомъ* въ разное время и, вѣроятно, совершенно независимо другъ отъ друга, находятъ себѣ подтвержденіе и въ данныхъ сравнительныхъ опытовъ, разумѣется, въ вышерассмотрѣнномъ случаѣ, ибо отношенія водоросли и гриба въ различныхъ лишайникахъ несомнѣнно далеко не одинаковы и могутъ быть раскрыты не только путемъ опыта, но и непосредственными наблюденіями въ природѣ.

Фактъ образованія гонидіями хлорофилла въ темнотѣ при условіи органическаго питанія не могъ не вызвать вопроса о зависимости образованія хлорофилла отъ различныхъ источниковъ азота и углерода, введенныхъ въ среду развитія. Такъ какъ гонидіи растутъ хорошо только въ присутствіи пептона, то опыты съ различными источниками азота оказались въ данномъ случаѣ неудобными. Необходимо было обратиться къ другимъ водорослямъ, которыя вообще было интересно сравнить съ точки зрѣнія ихъ питанія органическими соединеніями. Для опытовъ мною были взяты: *стихкоккъ*, зеленая палочковидная водоросль, и нѣкоторыя другія формы.

Изъ опытовъ надъ *стилококкомъ* выяснилось, что эта водоросль развивается одинаково хорошо какъ въ присутствіи пептона, такъ и амміачныхъ солей. Крайне любопытнымъ оказался тотъ фактъ, что при источникѣ азота въ видѣ селитры водоросль развивается въ темнотѣ совсѣмъ или почти безцвѣтной. Перенесенная въ питатель-

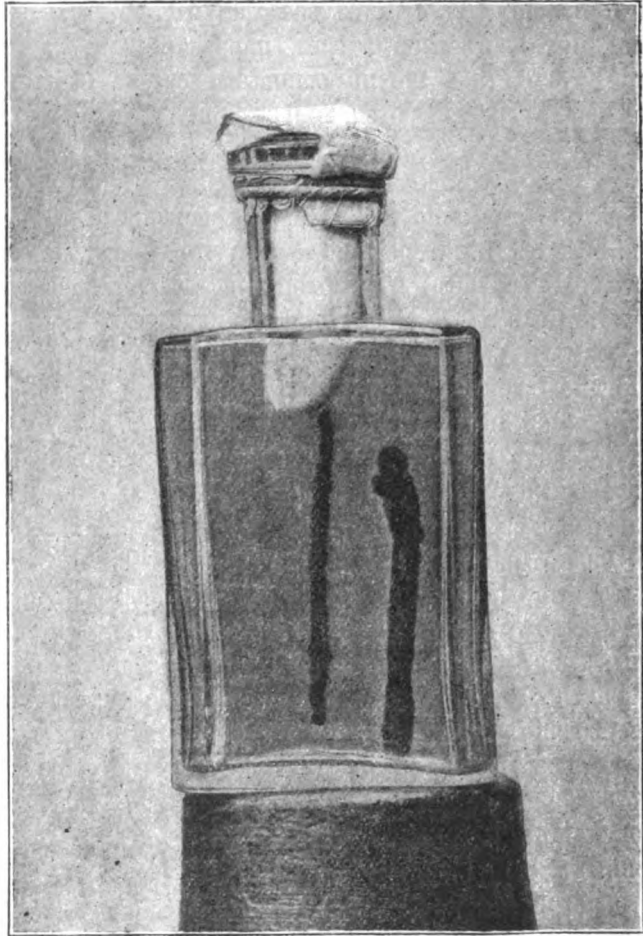

Рис. 7. Направо гониди, налѣво свободноживущіе хлорококки. (Пептонъ-сахаръ-желатина).

ную среду, содержащую пептонъ, аспаргинъ или азотно-амміачную соль, водоросль развивается зеленой даже въ темнотѣ. Отсюда очевидна связь образованія хлорофилла въ темнотѣ съ составомъ питательнаго субстрата. Различные источники углерода также вліяютъ на окраску.

Опыты съ другими водорослями показали различное отношеніе разныхъ формъ къ различнымъ органическимъ соединеніямъ и даже къ концентраціямъ послѣднихъ въ субстратахъ ¹⁾).

Результаты опытовъ по вопросу о вліяніи среды на форму въ общемъ подтвердили мои выводы, приведенные въ прежней работѣ: «Исслѣдованія по развитію и систематикѣ протококковыхъ». Оказывается, что, несмотря на разнообразіе условій развитія, въ которыя были поставлены водоросли, послѣднія сохраняютъ свой морфологическій типъ настолько, что при точныхъ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ возможно будетъ установить и въ группѣ низшихъ водорослей такія же систематическія единицы, какія существуютъ у другихъ растений. Однако и здѣсь рѣзко обозначилось разное отношеніе различныхъ водорослей къ измѣненіямъ среды. Такъ *хлорококкъ* и *хлорелла* показываютъ лишь незначительныя измѣненія, главнымъ образомъ въ величинѣ клѣтки. *Отихококкъ* измѣняется уже значительно болѣе; въ крѣпкихъ растворахъ сахара, напр., получаютъ поразительно длинныя особи съ нѣскольکو уклоняющимся отъ типа строеніемъ. Другія водоросли обнаруживаютъ еще болѣе крупныя измѣненія. При возвращеніи въ обычныя условія возвращаются и типичныя формы. Въ какой мѣрѣ однако можно закрѣпить уклонившіяся отъ типа формы при болѣе продолжительныхъ опытахъ въ условіяхъ, вызвавшихъ эти уклоненія,—на этотъ въ высшей степени важный вопросъ должны дать отвѣтъ будущія изслѣдованія.

А. Артари.

¹⁾ Подробности см. въ моей специальной работѣ: „Къ вопросу о вліяніи среды на форму и развитіе водорослей“, гдѣ также сопоставлены результаты другихъ авторовъ, работавшихъ по тому же вопросу.

Современныя теченія въ физиологiи.

Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ физиологiи въ послѣднія 20—30 лѣтъ, не разъ, вѣроятно, испытывалъ чувство нѣкотораго неудовлетворенiя. Причины этого неудовлетворенiя нельзя искать въ недостаточности успѣховъ этой науки или въ отсутствіи талантливыхъ и пытливыхъ умовъ среди работниковъ этой области. Нѣтъ, успѣхи физиологiи несомнѣнны, литература физиологическая растетъ быстро, больше того,—она начинаетъ подавлять своими размѣрами, и раздаются даже голоса, можетъ быть, справедливые, указывающіе на опасности такого, порою, утрированнаго роста.

Чувство неудовлетворенiя зависитъ отъ другихъ причинъ: оно вытекаетъ изъ сознанiя того, что ростъ физиологiи идетъ все въ одномъ и томъ же направленiи. Въ физиологiи уже давно нѣтъ новыхъ идей, пролагающихъ новые пути, нѣтъ новыхъ принциповъ, которые освѣщали бы какія-нибудь новыя стороны жизненныхъ явленiй.

Вспомнимъ имена тѣхъ, кто создалъ основы современной физиологiи: Гельмгольцъ, Дю-Буа Реймондъ, Брюкке, Людвигъ, Клодъ Бернаръ, Гейденгайнъ. Въ этихъ свѣточахъ науки физиологiя какъ бы исчерпала себя. Все, что слѣдовало послѣ нихъ, было только дальнѣйшимъ расширеніемъ содержанiя науки по путямъ, указаннымъ ими. Созданная ими техника доведена современнымъ намъ поколѣніемъ физиологовъ до значительной степени совершенства. Какой бы отдѣлъ физиологiи мы ни взяли, мы увидѣли бы въ немъ сейчасъ же очень отрадную картину поразительнаго роста улучшенiя техники. Всѣ наши приборы сдѣлались болѣе покорными, ихъ работа идетъ увѣреннѣе, чище. Наши регистрирующіе инструменты удовлетворяютъ очень высокимъ требованiямъ. Всѣ даже самыя слабыя формы явленiй, хотя бы и чрезвычайно быстротечныя, разъ онѣ въ принципѣ подаются графическому методу, запечатлѣваются нашими приборами. Въ этомъ послѣднемъ отношенiи фотографиче-

ская пластинка удовлетворяет не только нашимъ серьезнымъ научнымъ потребностямъ, но иногда и научнымъ прихотямъ. Новые электрическіе приборы, служащіе для раздраженія возбудимыхъ тканей, какъ и приборы для улавливанія электрическихъ проявленій этихъ тканей даютъ возможность осуществить самыя разнообразныя комбинаціи. Методика вивисекціонная также не отстала: введеніе канюли въ вѣнечную артерію работающаго сердца, поддержаніе жизнѣдѣтельности изолированнаго сердца млекопитающаго животнаго, спиваніе кровеносныхъ сосудовъ, всевозможныя фистулы, — все это сдѣлалось теперь дѣломъ очень обычнымъ. Нечего говорить о томъ, что и всѣ физическіе и химическіе методы, которыми пользуется фізіологія, совершенствовались вмѣстѣ съ ростомъ физики и химіи. Мнѣ кажется, можно было бы даже сказать, что очень часто методика фізіологическая опережала тѣ запросы, которые ставила фізіологія. И здѣсь, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ, не цѣль, а средство дѣлалось предметомъ разработки.

Но нѣтъ сомнѣнія, конечно, что вся эта утонченная техника имѣла крупное значеніе: она дала возможность детальнаго разъясненія многихъ серьезныхъ вопросовъ. Многіе вопросы, только поставленные, намѣченные или только въ главныхъ чертахъ разработанные трудами названныхъ выше ученыхъ, подвинулись сильно впередъ, а во многихъ случаяхъ доведены до конца. Но все это, какъ указывалось выше, большею частью лишь углубленіе въ направленіи старыхъ путей, лишь разработка деталей.

Въ новѣйшее время однако въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторый прогрессъ, даютъ себя чувствовать нѣкоторыя новыя теченія, на которыхъ я и хотѣлъ бы остановиться.

Несомнѣнно, новымъ теченіемъ слѣдуетъ прежде всего назвать стремленіе обосновать и разработать такъ называемую общую фізіологію, т.-е. ученіе объ объективныхъ жизненныхъ явленіяхъ, общихъ всѣмъ живымъ организмамъ. Руководительство въ этомъ направленіи нужно признать за молодымъ геттингенскимъ фізіологомъ Ферворномъ. Его книга «Allgemeine Physiologie» имѣетъ несомнѣнный успѣхъ, она выдержала въ самое короткое время четыре изданія и переведена на всѣ европейскіе языки. Основанный имъ въ прошломъ году журналъ «Zeitschrift für allgemeine Physiologie» выходитъ уже четвертымъ томомъ и, очевидно, отвѣчаетъ дѣйствительной назрѣвшей потребности.

Основная идея, которую Ферворнъ во многихъ случаяхъ развиваетъ и очень удачно защищаетъ, заключается въ томъ, что вся наша работа въ области фізіологіи не приблизила насъ къ пони-

манію элементарныхъ общихъ формъ жизненныхъ явленій. Всѣ наши фізіологическія свѣдѣнія касаются массовыхъ дѣйствій большихъ частей тѣла; это большею частью послѣдніе, конечные результаты жизнедѣятельности. Для того чтобы объять общія элементарныя черты жизненныхъ проявленій, мы должны избрать другой путь. Чѣмъ больше мы углубляемся въ изученіе функцій какого-нибудь органа, тѣмъ больше мы чувствуемъ потребность въ пониманіи функцій отдѣльныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ составленъ органъ. Загадка сердечной дѣятельности заложена въ мышечной клѣткѣ, тайна отдѣлительной дѣятельности какой-нибудь железы кроется въ отправленіи самой клѣтки и т. д., и т. д. «Ученіе о клѣткѣ, — говоритъ Ферворнъ, — уже давно показало намъ, что клѣтка есть элементъ животнаго организма, что это есть элементарный организмъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто жизненныя явленія. Анатомія, зоологія и ботаника давно уже освоились съ значеніемъ этого факта, и пользованіе имъ было для нихъ въ высшей степени плодотворно. Только одна фізіологія, жалуется Ферворнъ, лишь въ послѣднее время пришла къ тому простому логическому выводу, что если ея задача состоитъ въ изслѣдованіи жизненныхъ явленій, то эти жизненныя явленія слѣдуетъ изучать на тѣхъ объектахъ, въ которыхъ они протекаютъ, на тѣхъ объектахъ, въ которыхъ скрывается очагъ жизненныхъ явленій, т.-е. въ клѣткѣ. Если поэтому фізіологія не хочетъ ограничиться только дальнѣйшимъ изученіемъ суммарныхъ проявленій животнаго организма, если она задается цѣлью выяснить элементарныя формы жизни, то она должна сдѣлаться целлюлярной». Но, спрашивается, какимъ же методомъ можно изслѣдовать клѣтку? Ферворнъ не только указалъ пути для этого, но и на многочисленныхъ примѣрахъ въ превосходныхъ своихъ изслѣдованіяхъ на дѣлѣ показали пригодность этихъ путей. Направленіе, принятое Ферворномъ, есть по преимуществу направленіе сравнительно-фізіологическое. Правда, въ этомъ отношеніи Ферворнъ является не безусловнымъ новаторомъ, потому что сравнительно-фізіологическая точка зрѣнія была уже давно достояніемъ великаго Іоганна Мюллера. Къ сожалѣнію, эта точка зрѣнія была долгое время въ полномъ забвеніи, и если она теперь получила широкое распространеніе, то въ этомъ нужно видѣть заслугу Ферворна. «Какъ мало, — говоритъ онъ, — фізіологія имѣетъ объектовъ изслѣдованія. Это все тѣ же — собака, кроликъ, морская свинка, лягушка, а между тѣмъ какое неисчерпаемое богатство формъ являетъ намъ царство низшихъ безпозвоночныхъ животныхъ. И именно между этими объектами изслѣдованія находится огромное большинство такихъ, которые въ высшей степени пригодны

для рѣшенія элементарныхъ вопросовъ целлюлярной фізіологіи». Всякій организмъ обнаруживаетъ общія жизненныя явленія въ особенно характерной для него формѣ, и задачей изслѣдователя и долженъ быть поэтому прежде всего выборъ такого объекта, который въ наиболѣе опредѣленномъ свѣтѣ проявляетъ интересующую въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сторону жизненныхъ явленій. Среди низшихъ безпозвоночныхъ Ферворнъ особенно ревностно пропагандируетъ изученіе свободно живущихъ одноклѣточныхъ организмовъ, протистовъ, какъ наиболѣе благодарныхъ объектовъ для изслѣдованія въ области общей фізіологіи. Протисты, по Ферворну, какъ бы созданы для фізіологическихъ изысканій, потому что имѣютъ то неопѣнимое преимущество, что являютъ собою видъ организмовъ, въ которыхъ многія жизненныя явленія протекаютъ въ самой простой, первоначальной формѣ, не осложненной въ силу процесса приспособленія въ какомъ-нибудь одномъ исключительномъ направленіи.

Направленіе, указанное Ферворномъ, дѣлается въ настоящее время излюбленнымъ. Въ различныхъ лабораторіяхъ, между прочимъ и въ русскихъ, замѣчается стремленіе разрабатывать общую фізіологію въ указанномъ смыслѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе это отрадное и его можно только привѣтствовать. Но здѣсь требуется со стороны изслѣдователя большая чуткость и осторожность, чтобы не впасть въ крайность. Въ этомъ отношеніи Ферворнъ отлично выяснилъ тѣ опасности, которыхъ долженъ остерегаться изслѣдователь, особенно на первыхъ порахъ самостоятельной научной дѣятельности. Я приведу его слова: «Къ сожалѣнію, мы встрѣчаемся здѣсь съ очень распространеннымъ превратнымъ представленіемъ, которое очень часто соединяютъ съ названіемъ «сравнительная фізіологія». Многимъ представляется, что стоитъ только вмѣсто обыкновенно употребляющагося объекта взять какой-нибудь другой, стоитъ только отправиться на какую-нибудь зоологическую станцію и повторить тамъ на какомъ-нибудь безпозвоночномъ что-нибудь уже извѣстное, чтобы имѣть право приобщить себя къ числу сравнительныхъ фізіологовъ. Нѣтъ, это еще не есть сравнительная фізіологія, потому что здѣсь нѣтъ и рѣчи о сравненіи. Поэтому прежде всего и должна быть строго формулирована задача, и ея изслѣдованіе должно быть проведено сравнительнымъ методомъ на различныхъ наиболѣе подходящихъ для этого объектахъ. То же, что ошибочно называютъ сравнительной фізіологіей, даетъ только матеріалъ несвязанныхъ отдѣльныхъ фактовъ, только балластъ, котораго и безъ того много въ фізіологической литературѣ. Этотъ матеріалъ остается для науки мертвымъ, онъ не работаетъ. Жить

и работать может только то, что вплетено, такъ сказать, въ ткань научнаго мышленія, что имъ ассимилировано. Исслѣдованіе должно исходить изъ проблемы, для рѣшенія которой мы подыскиваемъ объектъ, а не обратно, изъ объекта, надъ которымъ мы во что бы то ни стало хотимъ оперировать, не отдавая ясно отчета для чего».

Въ еще большей мѣрѣ, мнѣ кажется, слова эти должны быть продуманы и прочувствованы тѣми, кто имѣетъ въ виду работать надъ протистами. Методика исслѣдованія ихъ очень проста; легко, такъ сказать, сдѣлаться физиологомъ.

Возвращаясь однако къ взглядамъ Ферворна, мнѣ кажется, трудно еще согласиться и съ тѣмъ, что протисты какъ бы созданы природой для физиологическихъ исслѣдованій. Мнѣ кажется, что и протисты, и вообще клѣтки, какъ составные элементы ткани, объекты малоудобные для физиологическаго исслѣдованія. Я сказалъ бы, что большую часть того, что до сихъ поръ извѣстно относительно функцій клѣтокъ, мы узнали не изъ исслѣдованій надъ протистами, а изъ исслѣдованій надъ цѣлыми органами. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано знакомство наше съ отправлениями мышечнаго и нервнаго волокна? На исслѣдованіяхъ надъ цѣльными мышцами и нервами. Всѣ свѣдѣнія наши объ отправленияхъ ганглиозныхъ клѣтокъ нервной системы мы приобрѣли изъ наблюдений надъ реакціей на раздраженіе со стороны цѣльнаго животнаго. Физиологи и до Ферворна разрабатывали, слѣдовательно, физиологию клѣтки, но пользовались при этомъ, въ качествѣ объекта, не протистами, или отдѣльными клѣтками. И, несомнѣнно, это было къ благу физиологіи. Всѣ наши свѣдѣнія о процессахъ окисленія и расщепленія въ тканяхъ, объ источникахъ энергіи въ животномъ тѣлѣ, всѣ количественныя отношенія между этими величинами, наши свѣдѣнія о приложеніи закона сохраненія энергіи къ животному организму, — словомъ, все то, что составляетъ наше истинное богатство, что составляетъ гордость физиологіи, получены не изъ исслѣдованій надъ отдѣльными клѣтками, а изъ исслѣдованій надъ различными функціями сложнаго позвоночнаго животнаго.

Поэтому, оставляя теперь охарактеризованное только что современное направленіе, мы должны сказать, что признаемъ за нимъ большое и серьезное значеніе съ отмѣченными выше ограниченіями.

Исслѣдованіе физиологическихъ отравленій отдѣльныхъ органовъ и взаимной связи въ ихъ работѣ требуетъ большихъ усилій и много вниманія къ себѣ. Въ этой области физиологія обогатилась новымъ методомъ, который только въ самое послѣднее время про-

бываетъ себѣ все больше и больше дорогу и отъ котораго можно ждать многого. Съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія мы можемъ сказать, что въ данномъ случаѣ новый путь для физиологическихъ изслѣдованій указанъ нашимъ соотечественникомъ—петербургскимъ физиологомъ И. П. Павловымъ. Павловъ въ цѣломъ рядѣ выдающихся экспериментальныхъ работъ показалъ, что составляющій обыкновенно насущный хлѣбъ всякой физиологической лабораторіи острый вивисекціонный опытъ не раскроетъ намъ всей тайны отправленій даннаго органа, такъ какъ въ самомъ себѣ уже носить нѣкоторый источникъ ошибки. Конечно, и путь острой вивисекціи обозначалъ для физиологіи большой прогрессъ: при помощи него открыты неизбежно стоящіе и по сіе время факты первостепенной важности. Но теперь, благодаря трудамъ Павлова, мы знаемъ, что прежняя традиціонная постановка физиологическаго эксперимента надъ животнымъ, когда послѣднее находится въ чрезвычайно ненормальныхъ условіяхъ, подвергается, на примѣръ, дѣйствию одного или нѣсколькихъ ядовъ, или испытываетъ на себѣ какую-нибудь сложную операцію съ большими пораненіями,—такая постановка опыта скрываетъ въ себѣ большую, къ сожалѣнію, недостаточно сознаваемую всѣми, опасность: многія физиологическія явленія или ускользаютъ при этомъ отъ глазъ наблюдателя, или, что еще хуже, представляются иногда въ искаженномъ видѣ. Путь, предначертанный Павловымъ для болѣе плодотворнаго экспериментированія надъ животными, заключается въ слѣдующемъ. Чтобы сдѣлать объектомъ изученія какой-нибудь недоступный непосредственному наблюденію органъ, мы должны произвести надъ животнымъ предварительно соотвѣтственную операцію въ такихъ условіяхъ и обстановкѣ, какія выработаны для обыкновенныхъ хирургическихъ операцій. Когда затѣмъ животное совершенно оправится, выздоровѣетъ, обнаруживая только одно единственное уклоненіе, специально вызванное операціей, тогда можно производить опыты и изслѣдовать поставленный вопросъ. Конечно, и Павловъ является здѣсь не безусловнымъ новаторомъ. Недавно умершій Гольцъ, извѣстный своими изслѣдованіями въ области центральной нервной системы, всегда указывалъ, что нужно наблюдать животное много позже послѣ операціоннаго періода и строить свои заключенія не на явленіяхъ раздраженія, вызванныхъ операціей и исчезающихъ со временемъ, а на явленіяхъ выпаденія. По характеру работъ Гейденгайнъ является еще болѣе непосредственнымъ предшественникомъ Павлова. Если мы тѣмъ не менѣе приписываемъ этотъ хирургическій методъ Павлову, то это дѣлается потому, что И. П. возвелъ этотъ методъ въ систему, распространилъ его на очень много случаевъ и выяснилъ

при помощи него цѣлый рядъ очень сложныхъ и нерѣдко запутанныхъ вопросовъ. Если бы я теперь задался цѣлью передать все, что добыто Павловымъ и созданной имъ школой, то это слишкомъ отвлекло бы меня отъ той непосредственной задачи, которую я поставилъ себѣ въ настоящей лекціи. Но на нѣкоторыхъ особенныхъ моментахъ я хотѣлъ бы все-таки остановиться.

Такъ называемая Экковская фистула, т.-е. операція отведенія крови изъ воротной вены въ нижнюю полую, осуществленная Павловымъ, представляетъ собою не только образецъ виртуозной техники, но служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ способомъ рѣшенія на мелкокопитающемъ такихъ вопросовъ, какъ участіе печени въ образованіи мочевины. Отведеніемъ крови полой вены въ воротную Павловъ воспользовался также для выясненія значенія печени въ дѣлѣ нейтрализаціи ядовъ. Но самыя большія и смѣлыя завоеванія онъ сдѣлалъ въ области пищеваренія; именно этими работами онъ приобрѣлъ себѣ широкую извѣстность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ издалъ небольшую книжку подъ скромнымъ названіемъ «Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ». Эта книжка представляла собою шесть лекцій, читанныхъ имъ въ Институтъ Экспериментальной Медицины для врачей. Здѣсь изложены были плоды работъ его и его многочисленныхъ учениковъ. Лекціи эти были затѣмъ переведены на нѣмецкій языкъ и вызвали къ себѣ со стороны нѣмецкихъ физиологовъ живѣйшій интересъ. Всѣ были поражены содержащейся въ лекціяхъ массой новыхъ научныхъ результатовъ, подавляющихъ своимъ серьезнымъ значеніемъ и безупречностью оригинальной техники. Книга И. П. сейчасъ же была переведена на всѣ европейскіе языки, объ авторѣ ея всюду заговорили. Вскорѣ началось паломничество изъ-за границы въ лабораторію Павлова различныхъ ученыхъ съ цѣлью усвоить себѣ новые приемы изслѣдованія.

Для характеристики методовъ, введенныхъ Павловымъ, я остановлюсь на способѣ, при помощи котораго добывается чистый желудочный сокъ. Собакѣ накладываютъ желудочную фистулу, т.-е. дѣлаютъ операцію, въ результатѣ которой на брюшныхъ покровахъ остается отверстие, ведущее непосредственно въ желудокъ. Въ фистульное отверстие вставляется металлическая, замкнутая пробкой трубка, которая, благодаря особенному устройству, плотно держится въ фистулѣ и не позволяетъ поэтому отверстию зарости. Собака, выздоровѣвшая отъ такой операціи, не обнаруживаетъ никакихъ отклоненій отъ нормы: ѣсть съ обычнымъ аппетитомъ и перевариваетъ отлично пищу. Въ это время можно установить для собаки режимъ, при которомъ всѣ ея отправленія протекаютъ нор-

мально. Послѣ этого ее разъ навсегда перестаютъ кормить нормальнымъ путемъ: ей не даютъ проглатывать пищу, а вкладываютъ послѣднюю прямо въ желудокъ чрезъ фистульное отверстіе. Вынимаютъ, слѣдовательно, пробку изъ фистульной трубки, вкладываютъ въ желудокъ мясо, хлѣбъ, вливаютъ молоко, воду и послѣ этого опять вставляютъ пробку. Конечно, теперь требуется особенно тщательный уходъ за собакой; у нея легко можетъ разстроиться пищевареніе, потому что она принимаетъ уже не столько пищи, сколько ей хочется, а столько, сколько мы вводимъ. Если питаніе ея совершается при этомъ въ теченіе долгаго времени правильно, всѣхъ ея не падаетъ, тогда ее подвергаютъ еще одной операціи. Ея пищеводъ перерѣзывается на шеѣ пополамъ и оба полученные конца шиваются въ рану шейныхъ кожныхъ покрововъ. Съ этого момента собака больше уже не въ состояніи ѣсть, какъ всякая нормальная собака. Пища, которую она проглатываетъ, вываливается сейчасъ же наружу черезъ верхнее отверстіе перерѣзаннаго пищевода. Если мы хотимъ собирать отъ такой собаки желудочный сокъ, то мы начинаемъ съ того, что промываемъ собакъ желудокъ; это въ высшей степени легко сдѣлать, такъ какъ мы вливаемъ воду въ желудокъ черезъ зондъ, продвинутый черезъ отверстіе пищевода, а выливаемъ ее черезъ фистульное отверстіе. Когда промывныя воды совершенно чисты, тогда мы предлагаемъ собакъ ѣсть мясо. Конечно, это кормленіе не настоящее, такъ какъ проглоченное мясо сейчасъ же вываливается изъ верхняго отверстія на шеѣ; это кормленіе названо поэтому «мнимымъ кормленіемъ». Вслѣдствіе раздраженія, испытываемаго собакой отъ такой непрерывной ѣды, при которой она ѣсть одно и то же мясо много разъ и при этомъ, само собою разумѣется, конечно, нисколько не насыщается, у нея путемъ рефлекса совершается усиленная работа желудочныхъ железъ, и чистый желудочный сокъ изливается въ большомъ количествѣ изъ фистулы. Въ часъ можно такимъ образомъ собрать около 100 — 150 куб. сант. сока. Этотъ сокъ нисколько не портится въ теченіе неопредѣленнаго времени, такъ какъ содержитъ до 0,6% соляной кислоты и идетъ затѣмъ для различныхъ опытовъ искусственнаго пищеваренія, для выясненія дѣятельности желудочнаго фермента, пепсина и т. п.; въ послѣднее время желудочный сокъ, получаемый описаннымъ способомъ, продается въ большихъ количествахъ за границу, гдѣ употребляется для леченія желудочныхъ больныхъ. Желудочный сокъ можно еще получать и другимъ способомъ—безъ мнимаго кормленія, путемъ уединенія нѣкоторой части желудка съ сохраненіемъ всѣхъ ея нервовъ; это такъ называемый способъ маленькаго желудка. Можно отмѣтить при этомъ, что какъ первый, такъ

и второй способы являются не только средством, но в то же время и цѣлью изслѣдованія, такъ какъ выясняютъ иннервацию желудка. Теперь, послѣ опытовъ Павлова, не подлежитъ уже болѣе сомнѣнiю, что иннервация желудочныхъ железъ совершается при помощи блуждающихъ нервовъ. Съ такою же увѣренностью, съ какою мы показываемъ дѣйствіе блуждающаго нерва на отправленіе сердца, съ такою же увѣренностью мы можемъ демонстрировать дѣйствіе блуждающихъ нервовъ на желудочныя железы. Стоить только перерѣзать Vagi, какъ сейчасъ же прекращается вліяніе мнимаго кормленія на отдѣленіе желудочнаго сока. Благодаря установленной такимъ образомъ связи между перерѣзкой блуждающихъ нервовъ и разстройствомъ пищеваренія, Павлову удалось установить истинную причину смерти животныхъ съ двухсторонней перерѣзкой блуждающихъ нервовъ и, съ другой стороны, способъ устранить эту причину. Такимъ образомъ, можно было дальше, на животныхъ, лишенныхъ функціи блуждающихъ нервовъ, произвести цѣлый рядъ интересныхъ наблюденій относительно сердечной и дыхательной дѣятельности.

Мы начали съ описанія добыванія желудочнаго сока, что отмѣчаетъ и первымъ завоеваніемъ Павлова въ этой области; но позднѣе И. П. показалъ, что удачно подобранными хирургическими операціями на животныхъ можно получить въ чистомъ видѣ всѣ нормальныя пищеварительныя жидкости: слюну различныхъ железъ, поджелудочный сокъ, желчь не изъ пузыря, а изъ отверстія желчнаго протока, кишечный сокъ. Изъ фактовъ, особенно рѣзко обнаруживающихъ свое значеніе для уясненія пищеварительныхъ процессовъ, отмѣтимъ, напр., что кислоты, попадая изъ желудка въ кишки, вызываютъ сильное отдѣленіе поджелудочной железы; такимъ образомъ связь между дѣятельностью желудочныхъ железъ съ ихъ кислымъ содержимымъ и дѣятельностью Pancreas представляется въ новомъ свѣтѣ. Далѣе оказалось, что панкреатическій сокъ и кишечный, отдѣльно взятые, перевариваютъ бѣлокъ слабо, смѣшанные же вмѣстѣ обнаруживаютъ могущественное растворяющее бѣлокъ дѣйствіе; вещество, содержащееся въ кишечномъ сокѣ и активирующее трипсинъ, названо было Павловымъ энтерокиназой. Безъ всякаго труда удалось дальше расширить наши свѣдѣнія относительно экономіи ферментовъ въ пищеварительныхъ сокахъ. Количество различныхъ ферментовъ панкреатической железы увеличивается или уменьшается независимо другъ отъ друга, подъ вліяніемъ различнаго характера принимаемой животнымъ пищи.—Мнѣ приходится ограничиться этимъ, не охарактеризовавъ даже самыхъ крупныхъ открытій, полученныхъ школой Павлова. Но и изъ приведеннаго

думается мнѣ, съ ясностью вытекаетъ, что Павловымъ дѣйствительно указанъ плодотворный путь, который далъ уже много и по всей видимости дастъ впереди еще больше.

Тѣ новыя теченія въ физиологіи, которыя только что охарактеризованы, развились на чисто біологической почвѣ. Но мы знаемъ однако, что физиологія издавна имѣетъ стремленіе примѣнять къ жизненнымъ явленіямъ точку зрѣнія физика и химика. Физическое явленіе становится для насъ совершенно яснымъ только тогда, когда мы въ состояніи подвести его подъ рангъ физико-химическаго процесса. Отсюда получается нѣкоторое родство между физиологіей и физико-химическими науками. Поэтому-то въ большинствѣ случаевъ всякій крупный прогрессъ въ области физики и химии имѣетъ откликъ въ физиологіи. На этой-то почвѣ опредѣлилось въ послѣднее время нѣкоторое новое физиологическое направленіе, которому, вѣроятно, на долгое время будетъ принадлежать руководящая роль. Но, прежде чѣмъ начать изложеніе этого направленія, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ объ отношеніи физиологіи къ физикѣ и химіи.

Тяготѣніе физиологіи къ физико-химическимъ наукамъ основано не только на той непосредственной пользѣ, которая получается отсюда для физиологіи, примѣняющей физическіе и химическіе методы. Имѣются еще и другія основанія для этого: самые приемы этихъ наукъ, теоретическая обработанность ихъ, опредѣленность, увѣренность въ выполненіи опыта являются желаннымъ идеаломъ для физиолога. Кроме того, физика, представляя собою образецъ точности въ естественно-историческихъ наукахъ, является здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ въ руководительной роли изъ-за умѣнія расширять законность наблюденныхъ явленій до степени законовъ, обнимающихъ всю вселенную.

Въ высшей степени характерно однако для отношенія физиологіи къ физикѣ то, что здѣсь существуютъ и обратныя отношенія: имѣется много примѣровъ въ пользу того, что біологія обнаруживаетъ плодотворное вліяніе на физику. Это вліяніе не ограничивается только постановкой опредѣленныхъ задачъ, оно идетъ гораздо дальше: физиологія создавала новые физическіе методы, новые физическіе принципы. Многія изъ тѣхъ ученій физиковъ, безъ которыхъ физиологія совершенно не могла бы развиваться, имѣли своимъ мѣсторожденіемъ и первоначальнымъ приютомъ физиологическія лабораторіи. Остановлюсь только на нѣсколькихъ наиболѣе рѣзкихъ примѣрахъ.

Самымъ выдающимся фактомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить безспорно открытіе Гальвани. Гальвани не былъ физикомъ, онъ былъ по образованію медикъ, а по спеціальности анатомъ и

физиологъ. То обстоятельство, что гальваническій токъ былъ впервые подмѣченъ и изученъ на нервахъ и мышцахъ лягушечей лапки, нельзя, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, толковать, какъ проявленіе слѣпого случая. Нѣтъ, это, несомнѣнно, не слѣпой случай. Въ самомъ дѣлѣ, электрическіе токи развиваются вокругъ насъ безпрестанно и помимо нашего участія; но для ихъ обнаруженія обычныя условія въ высшей степени неблагоприятны. Изъ пригодныхъ для этой цѣли объектовъ, какіе природа даетъ намъ въ готовомъ видѣ, только возбудимыя животныя ткани реагируютъ очень рѣзко даже на слабыя движенія электричества. Поэтому я считалъ бы справедливымъ высказать прямо противоположную мысль: было бы поразительной игрой случая, если бы электрическіе токи были открыты не въ физиологической лабораторіи.

Въ качествѣ второго выдающагося примѣра я поставилъ бы законъ сохраненія энергіи, который, какъ мы всѣ признаемъ, былъ открытъ врачомъ Робертомъ Мейеромъ. Правда, въ совершенно законченномъ видѣ законъ сохраненія энергіи былъ представленъ позднѣе Гельмгольцемъ. Но справедливость требуетъ привести небольшую историческую справку. Въ то время Гельмгольцъ былъ только начинающимъ полковымъ врачомъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, а выдающійся физикъ того времени Поггендорфъ не принялъ его мемуара о законѣ сохраненія энергіи для напечатанія въ своихъ физическихъ анналахъ.

Я перехожу теперь къ третьему примѣру, который не принадлежитъ еще исторіи,—онъ весь еще укладывается въ рамки текущей научной работы. Уклонившись на время отъ своей темы, я теперь вмѣстѣ съ переходомъ къ этому третьему примѣру возвращаюсь къ характеристикѣ современныхъ физиологическихъ теченій. Я имѣю въ виду при этомъ ту область явленій, которая совершенно неожиданно въ самое короткое время выродилась на нашихъ глазахъ въ нѣчто грандіозное, доминирующее надъ всѣми нашими физико-химическими понятіями.

Въ 1884 г. появились изслѣдованія де-Фриза надъ ростомъ растений. На примѣрѣ растенія *Tradescantia discolor* де-Фризь освѣтилъ условія роста растительной клѣтки. Благодаря окраскѣ содержаемаго клѣтки этого растенія, легко было убѣдиться въ слѣдующемъ. Если *Tradescantia* помѣщена въ достаточно концентрированный растворъ соли, то подъ микроскопомъ видно, что содержимое клѣтки отстаеетъ отъ ея оболочки, клѣтка испытываетъ, слѣдовательно, процессъ плазмолиза и ростъ ея останавливается, растеніе вянетъ. Если же мы помѣстимъ клѣтку въ воду, то содержимое опять возвращается къ оболочкѣ и клѣтка начинаетъ расти и дѣ-

литься. Все описанное становится яснымъ, если принять, что наружный слой клѣточного содержимаго обладаетъ способностью пропускать только воду и не пропускать раствореннаго въ водѣ вещества. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, полупроницаемую перепонку. Де-Фризь воспользовался этими растительными перепонками и опредѣлилъ путемъ плазмолиза изотонію или равенство осмотическаго давленія для различныхъ веществъ. Де-Фризь доказалъ, что граммъ-молекула вещества одной и той же группы притягиваетъ съ одинаковой силой воду, и установилъ изотоническіе коэффициенты. Черезъ два года послѣ этого Гамбургеръ подтвердилъ и расширилъ эти изслѣдованія на клѣткахъ животнаго организма, воспользовавшись полупроницаемыми перепонками красныхъ кровяныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ, основы современной физико-химіи были даны въ біологическихъ лабораторіяхъ, и опять-таки это не случайность. Удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ полупроницаемую перепонку мы и до сихъ поръ не въ состояніи приготовить, между тѣмъ какъ въ растительныхъ и животныхъ клѣткахъ мы находимъ объекты съ готовыми совершенными полупроницаемыми перепонками. Поэтому-то изотонія и могла быть впервые изучаема въ біологической лабораторіи на живыхъ клѣткахъ. Теперь вопросъ о природѣ растворовъ переходитъ уже въ руки химиковъ. Уже въ 1887 г. фонъ Т'Гоффъ доказалъ, что въ разведенныхъ растворахъ растворенное вещество проявляетъ себя, какъ газъ, и что поэтому законы Бойля-Маріотта, Гей-Люссака и Авогадро находятъ себѣ здѣсь полное примѣненіе. Въ 1887 же году Арреніусъ внесъ въ теорію фонъ Т'Гоффа дополненіе, результатомъ котораго получилась теорія электролитической диссоціаціи и понятіе о свободномъ существованіи іоновъ. Въ связи съ теоріями фонъ Т'Гоффа и Арреніуса приобрѣлъ свое настоящее обширное значеніе открытый раньше законъ Гульдберга и Ваазѣ о дѣйствиіи массы въ химіи. Этотъ законъ опредѣляетъ всѣ отношенія химической статики и динамики; онъ опредѣляетъ условія, при которыхъ возможно состояніе равновѣсія между различными химическими соединеніями и послѣдствія нарушенія равновѣсія, т.-е. характеръ и скорость возстановленія новаго состоянія равновѣсія.

Эти физико-химическія основы разрослись очень быстро въ обширное многообъемлющее ученіе, озаряющее свѣтомъ всѣ, даже самыя отдаленныя, уголки естествознанія. Физиологія, на почвѣ которой это ученіе возрасло, все больше и больше подпадаетъ подъ его власть, и очень вѣроятно, что самыя большіе триумфы физиологіи осуществляются еще впереди на фонѣ современнаго физико-химическаго ученія. Естественно, что ученіе, раскрывающее интим-

ныя стороны процессовъ, совершающихся въ растворахъ, должно имѣть значеніе для фізіологіи, такъ какъ подавляющее большинство всѣхъ процессовъ въ животномъ организмѣ имѣетъ своимъ основаніемъ взаимодѣйствіе веществъ въ растворенномъ видѣ. Ученіе, которое проникаетъ въ тайны химическаго статическаго и динамическаго равновѣсія, должно быть особенно привѣтствуемо фізіологіей, такъ какъ именно въ тѣлѣ животного мы по преимуществу должны признать существованіе химическихъ системъ, представляющихъ динамическое равновѣсіе. У насъ есть достаточно оснований ожидать очень многого отъ крѣпнущаго все болѣе и болѣе въ наши дни фізіологическаго теченія, опирающагося на принципы современной физической химіи. Мнѣ хотѣлось бы по этому поводу привести слова Лѣба, которыми онъ заканчиваетъ одну изъ своихъ рѣчей на тему о значеніи физической химіи для фізіологіи: «Никогда еще, за исключеніемъ періода, непосредственно слѣдовавшаго за открытіемъ закона сохранения энергіи, надежды на прогрессъ въ фізіологіи не были болѣе блестящи, чѣмъ теперь; и этими надеждами фізіологія всецѣло обязана примѣненію физической химіи къ изслѣдованію жизненныхъ проблемъ».

Мы видѣли раньше, когда рѣчь шла объ опытахъ Павлова, какъ фізіологія старается овладѣть механизмомъ дѣятельности органовъ, какими путями мы знакомимся съ условіями, вызывающими дѣятельность органовъ. Мы теперь безъ всякаго труда можемъ, на примѣръ, получать соки пищеварительныхъ железъ, содержащихъ различные растворимые ферменты, или такъ называемые энзимы, т.-е. агенты, вызывающіе опредѣленные химическія реакціи и при этомъ сами совсѣмъ или почти не измѣняющіеся. Энзимы, соответственно естественному ходу вещей впервые возросшіе на почвѣ фізіологическихъ изслѣдованій, должны имѣть, какъ это издавна уже и предполагалось, большое біологическое значеніе. Однако изученіе ихъ сдѣлалось особенно плодотворнымъ только послѣ примѣненія принциповъ физической химіи. Была найдена связь между катализаторами химіи и энзимами. Дѣйствіе катализаторовъ приравнивается къ дѣйствію ферментовъ. По опредѣленію Оствальда роль и тѣхъ и другихъ есть «ускореніе медленно протекающей реакціи, вызываемое присутствіемъ посторонняго вещества». Бредигъ нашелъ простой пріемъ полученія коллоидальныхъ металловъ, на примѣръ, распыленіемъ электрическимъ токомъ платины въ водѣ; эти коллоидальные металлы, которые по принципу ихъ дѣйствія могутъ быть совершенно приравнены къ энзимамъ, были названы Бредигомъ неорганическими ферментами. Полная аналогія между ферментами, получаемыми изъ живыхъ клѣтокъ, и неорганическими

ферментами Бредига поражаетъ. Эта аналогія идетъ такъ далеко, что тѣми же ядами, какими отравляются энзимы, напримѣръ, си- нильною кислотою, «отравляются» и неорганическіе ферменты. Если принять все это во вниманіе, то невольно рождается мысль о томъ, что полное разъясненіе ферментативныхъ процессовъ есть только вопросъ времени.

Въ результатѣ дѣйствія фермента получается система опредѣ- леннаго динамическаго химическаго равновѣсія между тѣлами, всту- пающими въ реакцію и получающимися въ результатѣ ея. Если мы измѣнимъ количество веществъ, входящихъ въ систему такого равновѣсія, то послѣднее нарушится и наступитъ новое взаимодей- ствіе. Поэтому если мы будемъ опредѣленнымъ образомъ нару- шать равновѣсіе, то мы будемъ опредѣленнымъ образомъ направ- лять реакцію, т.-е. въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Это неожиданное слѣдствіе ведетъ къ возможности получать при помощи ферментовъ не только расщепленіе сложнаго вещества, но и производить синтезъ изъ продуктовъ расщепленія. «Поэтому весьма вѣроятно,—говоритъ фанъ Т'Гоффъ,—что соотвѣтственно тому, какъ мы при помощи трипсина, бѣлковаго фермента подже- лудочной железы, разлагаемъ бѣлокъ на болѣе простыя соединенія, такъ точно мы будемъ въ состояніи изъ этихъ простыхъ соедине- ній составлять бѣлокъ при помощи того же трипсина». Правда, этотъ примѣръ еще не осуществленъ, но другой энзимъ, именно эмульзинъ, проявлялъ уже въ рукахъ Эммерлинга синтетическую дѣятельность.

Безспорно, знаніе химическаго состава крови имѣетъ первен- ствующее значеніе для фізіологіи. А между тѣмъ еще недав- но все наше знаніе въ этомъ отношеніи ограничивалось только тѣмъ, что мы могли путемъ анализа опредѣлять количественныя отношенія элементовъ, входящихъ въ составъ крови. Пауль замѣ- чаетъ, что это знаніе даетъ намъ для пониманія состава крови столько же, сколько далъ бы химическій анализъ карманныхъ ча- совъ для пониманія ихъ устройства. О томъ, въ какомъ видѣ на- ходятся соединенія въ крови, въ какой концентраціи, въ какой степени диссоціаціи, мы узнаемъ только на основаніи методовъ физико-химическихъ (опредѣленіе точки замерзанія, электрической проводимости и т. п.). Опредѣленіе точки замерзанія крови, пред- ставляющее собою околный и очень удобный путь для опредѣле- нія осмотическаго давленія, даетъ намъ новую фізіологическую константу. Мы знаемъ, что осмотическое давленіе крови млекопи- тающихъ животныхъ есть величина постоянная, равная приблизи- тельно 7 атмосферамъ. Ткани омываются, слѣдовательно, всегда

кровью, имѣющею не только опредѣленные химическія, но и опредѣленные физическія свойства, наиболѣе благоприятныя для дѣятельности клѣтокъ. Если животное потеряетъ большое количество крови и мы хотѣли бы ему помочь, то намъ для поднятія кровяного давленія нѣтъ надобности подыскивать жидкость, равную крови по химическому составу; достаточно взять растворъ поваренной соли, осмотическое давленіе котораго соотвѣтствовало бы такому кровяной плазмы.

Спрашивается, какими средствами обладает организмъ для поддержания осмотическаго давленія крови на одной и той же высотѣ. Вопросъ объ этихъ средствахъ тѣмъ болѣе важенъ, что пріемъ различныхъ видовъ пищи и питья ведетъ къ поступленію въ кровь растворовъ различной концентраціи и, слѣдовательно, къ измѣненію осмотическаго давленія. Далѣе въ организмѣ имѣется постоянная, неразрывно связанная съ его жизненными отправлениями причина, неизмѣнно повышающая осмотическое давленіе; эта причина есть результатъ окисленія и расщепленія сложныхъ соединений организма на болѣе простыя; отсюда, какъ слѣдствіе, — увеличеніе количества молекулъ, поступающихъ въ кровь, и повышеніе давленія. Какими средствами организмъ устраняетъ повышеніе давленія? Поддерживаніе осмотическаго давленія на одной и той же высотѣ составляетъ функцію почки. Почки приготавливаютъ изъ крови мочу, т.-е. изъ жидкости менѣе концентрированной приготавливаютъ жидкость болѣе концентрированную; часть молекулъ, именно молекулъ отработанныхъ, молекулъ распада, уходится при помощи почки изъ крови вмѣстѣ съ мочою наружу. Почка выполняетъ, слѣдовательно, работу пониженія осмотическаго давленія крови. Такая работа почки можетъ быть выражена въ механическихъ единицахъ работы; ее можно приравнять къ случаю сгущенія жидкости, напр., путемъ выпариванія. Дрезеръ вычислилъ, что почка производитъ въ сутки около 200 килограмметровъ работы.

Что происходитъ, если почка по какой-нибудь причинѣ не въ состояніи выполнить своей работы? Тогда пониженіе осмотическаго давленія достигается, по всей видимости, тѣмъ, что клѣтки тканей ограничиваютъ свою дѣятельность; во всякомъ случаѣ уменьшается количество поступающихъ въ кровь отработанныхъ молекулъ. Когда и это оказывается недостаточнымъ и въ самихъ тканевыхъ клѣткахъ наступитъ сильное повышеніе давленія, тогда наблюдается притокъ воды къ тканямъ, образуется то, что въ медицинѣ называется водянкой, которая съ этой точки зрѣнія представляется благодѣтельной реакціей организма на повышеніе осмотическаго давленія въ клѣткахъ тканей.

Что осмотическое давленіе среды, въ которой живетъ клѣтка, имѣетъ связь съ самыми интимными сторонами жизнедѣятельности, обнаруживается рѣзче всего на открытіи, облетѣвшемъ въ самое короткое время весь ученый міръ и принадлежащемъ физиологу университета въ Чикаго Жаку Лѣбу. Открытіе Лѣба заключается въ возможности замѣны естественнаго оплодотворенія яицъ морского ежа повышеніемъ осмотическаго давленія среды. Яйца ежа въ морской водѣ гибнутъ, если не подвергаются своевременно оплодотворенію. Если же повысить осмотическое давленіе морской воды, прибавивъ къ ней немного хлористой магnezіи, то яйцо начинаетъ дѣлиться и развиваться. Такъ какъ хлористая магnezія вызываетъ дѣленіе яйца въ данномъ случаѣ не изъ-за своихъ специфическихъ свойствъ, а только въ силу повышенія осмотическаго давленія, то она можетъ быть замѣнена различными другими веществами: хлористымъ калиемъ, сахаромъ, мочевиной и т. п.

Итакъ, работы Лѣба привели насъ опять къ тому теченію въ физиологіи, о которомъ мы говорили въ началѣ, т.-е. къ целлюлярной физиологіи. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, какіе горизонты открываются для физиологіи, когда различныя направленія комбинируются для достиженія одной и той же цѣли.

Я много разъ подчеркивалъ то, что факты, открытые впервые на живыхъ организамахъ, оказывались исходными точками для физическихъ и химическихъ ученій и что, съ другой стороны, послѣднія вносили ясность въ наше пониманіе жизненныхъ явленій. Я дѣлалъ это не для того, чтобы разбирать вопросы первенства или преимущества одной научной дисциплины по сравненію съ другой. Мнѣ казалось, что на приведенныхъ мною примѣрахъ обнаруживается съ полною ясностью, что природа во всемъ ея многообразіи подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ, независимо отъ формы, въ какой она себя проявляетъ. Во всякомъ случаѣ эти примѣры только еще сильнѣе поддерживаютъ въ насъ увѣренность, что, примѣняя для изслѣдованій процессовъ въ живомъ организмѣ точку зрѣнія физика и химика, мы находимся на единственно правильномъ пути.

А. Самойловъ.

Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства¹⁾.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Государство и общество Римской имперіи.

Какъ бы мы ни рѣшали общій вопросъ объ отношеніи новой Европы къ древнему міру—будемъ ли мы вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ видѣть въ такъ называемыхъ среднихъ вѣкахъ прямое и непосредственное продолженіе эпохи Римской имперіи, а въ строѣ средневѣковыхъ обществъ и государствъ лишь дальнѣйшую эволюцію явленій и формъ, уже выработанныхъ римскимъ міромъ, или же признаемъ этотъ взглядъ лишь отчасти справедливымъ, именно, поскольку рѣчь идетъ о средневѣковыхъ социальныхъ формахъ такъ называемыхъ романскихъ странъ (да и то съ очень значительными ограниченіями) и непримѣнимымъ къ государствамъ съ основнымъ германскимъ населеніемъ, самостоятельно вырабатывавшимъ свои социальные и политическія формы, по существу аналогичныя римскимъ послѣднихъ вѣковъ имперіи,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ намъ необходимо начинать наши очерки, имѣющіе въ виду выяснить генезисъ средневѣковаго общества и государства какъ извѣстнаго общественнаго типа, съ разсмотрѣнія главнѣйшихъ по крайней мѣрѣ фактовъ и явленій, характеризующихъ политическій, социальный и хозяйственный строй Римской имперіи и тѣ измѣненія, которыя совершились въ немъ въ послѣдніе ея вѣка. Только внимательное отношеніе къ этимъ явленіямъ и фактамъ и дастъ намъ возможность сколько-нибудь ориентироваться среди пѣлаго ряда болѣе конкретныхъ вопросовъ, на которые распадается этотъ общій вопросъ. Даже не задаваясь вопросомъ о роли римской традиціи въ генезисѣ средневѣковаго строя, мы, приступая къ изученію этого

¹⁾ См. „Научное Слово“, 1904 г., III.

генезиса, не можемъ обойти Римской имперіи, разъ мы желаемъ понять, какъ произошелъ самый фактъ поселенія германцевъ на территоріи имперіи и распадаенія западной ея части на рядъ германскихъ, такъ называемыхъ варварскихъ королевствъ. Какія причины привели къ этому? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ разгромомъ имперіи варварскими полчищами или же съ фактомъ внутренняго разложенія имперіи, сдѣлавшаго необходимымъ распаденіе ея на рядъ варварскихъ королевствъ? Если послѣднее вѣрно, то какія причины вызвали этотъ внутренній процессъ и какъ онъ совершался, и въ чемъ заключалась его сущность? Какую роль сыграли въ этомъ германцы?

I.

Чрезвычайно сложный и крайне болѣзненный процессъ постепеннаго превращенія римской республики въ имперію не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія на страницахъ этихъ очерковъ. Самое большее, что мы можемъ здѣсь сдѣлать, это охарактеризовать его самыми общими чертами. Несоотвѣтствіе политическихъ формъ города-государства тѣмъ широкимъ политическимъ задачамъ, которыя возникали передъ римской республикой по мѣрѣ расширенія ея предѣловъ, съ особенной силой стало давать себя знать съ того момента, какъ римскія завоеванія перешагнули границы Италіи, и римская республика стала объединять подъ своею властью племена и народы, населявшіе побережья Средиземнаго моря. Слишкомъ простой взглядъ на провинціи, какъ на помѣстья римскаго народа (*praedia populi romani*), безраздѣльно царившій среди правящихъ классовъ римскаго гражданства и обрекавшій провинціальное населеніе на самую беззащитную эксплуатацію съ ихъ стороны, антиобщественный и антигосударственный по самому своему существу, тѣмъ меньше имѣлъ правъ на оправданіе, что, даже постепенно включивъ въ свой составъ всю Италію, римская гражданская община и по размѣрамъ своей территоріи, и по количеству своего населенія была неизмѣримо меньше своихъ «помѣстій», а нѣкоторымъ изъ нихъ далеко уступала и въ культурномъ отношеніи. Такое крайне ненормальное противопоставленіе господствующей общины гражданъ милліонамъ подданныхъ ея не могло оставаться постоянной или даже сколько-нибудь прочной политической формой, не могло обезпечивать на сколько-нибудь продолжительное время господство съ одной и подчиненіе съ другой стороны, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ шло въ разрѣзъ даже съ самыми узкими, чисто своекорыстными интересами правящаго класса самой господствовавшей общины, не говоря уже объ интересахъ всего гра-

жданства, а тѣмъ болѣе провинціаловъ. Нужно было раздвинуть узкія рамки города-государства и создать новую политическую форму, въ широкихъ предѣлахъ которой нашли бы свое выраженіе и законное удовлетвореніе интересы всѣхъ, кто тѣмъ или инымъ путемъ связалъ свою судьбу съ римскимъ народомъ. Это былъ жизненный вопросъ, поставленный римской республикѣ ея завоевательной политикой, и отъ удовлетворительнаго рѣшенія его зависѣли судьба римскаго государства и его мѣсто въ исторіи европейской культуры. Сохраненіе прежняго порядка, подрывавшее основы хозяйственной жизни провинцій и ихъ культурнаго развитія, грозило римской общинѣ не только болѣе или менѣе отдаленными опасностями: оно и непосредственно давало себя знать цѣлымъ рядомъ чрезвычайно осязательныхъ явленій въ сферѣ внутренней жизни римской республики, весьма краснорѣчиво свидѣтельствовавшихъ о томъ, что жизнь эта совсѣмъ стала далека отъ нормальнаго существованія здороваго общественнаго организма. Въ самомъ дѣлѣ, если прежнія войны, тѣ войны, которыя велъ Римъ внутри Италіи, способствовали силѣ и крѣпости римскаго государства, надѣляя его гражданъ все новыми и новыми землями, въ значительной мѣрѣ парализовали естественныя послѣдствія давно начавшагося соціальнаго процесса, ведшаго къ сосредоточенію земли въ рукахъ высшаго класса и обезземеленію крестьянской массы, то войны, которыя сталъ вести Римъ за предѣлами Италіи, подрывали основы благополучія народной массы, того фундамента, на которомъ зиждилось величіе Рима, все болѣе и болѣе ускоряя указанный соціальный процессъ и грозя въ недалекомъ будущемъ окончательно расчленивъ римское гражданство на двѣ группы: на земельную и денежную аристократію и совершенно ничего не имѣющій пролетаріатъ, вытѣсненный изъ всѣхъ хозяйственныхъ областей рабскимъ трудомъ, и довести римское государство до того, что оно не въ силахъ будетъ выставить самое незначительное войско. И войны прежняго времени, надѣлявшія землей (путемъ ассигнацій и вывода колоній) обезземеленныхъ крестьянъ, были очень выгодны и для правящаго класса, передавъ въ руки его членовъ, и безъ того сравнительно крупныхъ землевладѣльцевъ, путемъ оккупаци и иными путями громадное количество отнятой у покоренныхъ общинъ земли. Зато войны, которыя сталъ вести Римъ за предѣлами Италіи, пошли исключительно на пользу крупнаго землевладѣнія и крупнаго денежнаго капитала, также по условіямъ времени реализовавшагося въ формѣ крупнаго землевладѣнія, которое открывало дорогу въ ряды правящей сенатской аристократіи. Денежный капиталъ, представляемый классомъ всадниковъ, состоявшимъ изъ откупщиковъ и банкировъ,

можно сказать, и возникъ благодаря завоеваніямъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ въ концѣ республики. Извлеченіе изъ провинцій всего того, что получала отъ нихъ господствующая община римскихъ гражданъ въ видѣ подати и всякаго иного рода погупленій, производилось, какъ извѣстно, черезъ посредство компаній (акціонерныхъ компаній) публикановъ (*societates publicanorum*), которымъ государство поручало и всякаго рода поставки (на армію, на флотъ и т. п.) и всякаго рода общественныя предпріятія (постройка дорогъ, сооруженіе публичныхъ зданій и т. п.). Усилившійся благодаря присоединенію провинцій денежный обмѣнъ съ своей стороны способствовалъ развитію всадническаго сословія, благопріятельству появленію и развитію класса торговцевъ деньгами, всякаго рода мѣняль и банкировъ, также сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ нерѣдко огромные капиталы. Общественная и политическая сила этихъ денежныхъ людей станетъ для насъ вполне ясной, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, въ спекуляціяхъ компаній публикановъ были непосредственно заинтересованы всѣ классы общества: и самые бѣдные люди несли къ нимъ свои сбереженія, чтобы имѣть пай (*pars particula*) въ ихъ предпріятіяхъ; такъ что сдача на откупъ того или иного налога, сооруженіе военной дороги, поставки на армію и т. п. принимали всегда характеръ и значеніе факта, имѣвшаго крупный общественный интересъ. Разъ въ спекуляціяхъ публикановъ былъ заинтересованъ чуть ли не каждый гражданинъ, то естественно, что черезъ народныя собранія публиканы могли проводить едва ли не все, что только было для нихъ выгодно, и не удивительно, что въ послѣдніе вѣка республики они имѣютъ такое вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику Рима. Откупная система была настоящимъ бичомъ для провинцій: вмѣстѣ съ представителями римской провинціальной администраціи, проконсулами и пропреторами, смотрѣвшими на провинцію какъ на объектъ самаго откровеннаго грабежа, публиканы высасывали изъ провинціального населенія всѣ соки, не стѣсняясь при этомъ никакими средствами самаго вопіющаго насилія. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и банкиры, ссужавшіе деньгами истощенныя римскими намѣстниками и публиканами провинціи за самые невѣроятные, превышавшіе всякую законную мѣру проценты и потомъ взыскивавшіе свои ссуды и проценты съ помощью самыхъ жестокихъ мѣръ и при содѣйствіи благосклонной къ нимъ администраціи. Всѣ эти категоріи денежныхъ людей конечную цѣль своихъ пріобрѣтательскихъ усилій видѣли въ пріобрѣтеніи крупныхъ земельныхъ владѣній, которыя открывали имъ двери въ сенатъ, въ ряды правительственной аристократіи. И

они начинают приобретать крупныя помѣстья, становятся владѣльцами латифундій.

До поры до времени, пока у государства было много свободныхъ, доставшихся ему въ результатѣ завоеваній земель, эта погоня за землей могла не обнаруживать своихъ антисоціальныхъ послѣдствій. Но вскорѣ и они начали давать себя знать. Помогли этому нѣкоторыя явленія чисто экономическаго характера, прямой результатъ римскихъ завоеваній. Уже объединеніе Италіи значительно понизило цѣну хлѣба, такъ какъ благодаря этому политическому факту въ хозяйственную конкуренцію съ Лаціумомъ и горными областями вступили плодородныя мѣстности Италіи, именно Кампанія и область рѣки По, и рынокъ оказался заваленнымъ италійскимъ хлѣбомъ, что сдѣлало хлѣбопашество менѣе обезпечивающимъ крестьянина занятіемъ. Италійскому крестьянину становится еще труднѣе, когда Римъ соединяетъ подъ своею властью всѣ страны по берегамъ Средиземнаго моря. Съ италійскимъ хлѣбомъ начинаетъ конкурировать заморскій хлѣбъ, сначала изъ Сициліи, а затѣмъ и изъ Африки. Само правительство заботится о ввозѣ иноземнаго хлѣба, въ особенности съ эпохи Гракховъ, когда развивается дешевая продажа государствомъ (нерѣдко превращающаяся въ даровую раздачу) хлѣба пролетариату, и это еще болѣе губитъ италійское хлѣбное производство. Множество крестьянъ разоряется, и поля ихъ или вовсе перестаютъ воздѣлываться, или же обращаются въ виноградники и масличныя плантаціи, а чаще всего берутся подъ пастбища. Уже во второй половинѣ второго вѣка умѣренно: прибыльное пастбищное хозяйство давало больше дохода, чѣмъ самое прибыльное земледѣліе. И виноградники, и масличныя плантаціи, и скотоводство, — все это пошло на пользу лишь крупному землевладѣльцу. Мелкому человѣку нельзя было тягаться съ нимъ на этой почвѣ, и онъ долженъ былъ уступить ему свое мѣсто и изъ собственника и арендатора превращался въ пролетарія, не находившаго себѣ въ большинствѣ случаевъ занятія и заработка въ деревнѣ и принужденнаго отправляться искать счастья въ столицу. Свободное сельское населеніе начинаетъ постепенно превращаться въ столичныхъ пролетаріевъ. Этому въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовалъ наплывъ рабовъ. Свободные крестьяне и арендаторы не могли превратиться въ вполне удобное орудіе латифундіальнаго (крупнаго) хозяйства. Для владѣльцевъ латифундій нуженъ былъ дешевый трудъ, который къ тому же они могли бы эксплуатировать вполне свободно, имѣя въ виду лишь выгоды своего предпріятія. Свободный же трудъ былъ и сравнительно дорогъ, и не такъ то удобенъ для беззащитной и безконтрольной эксплоатации; къ

тому же свободный человекъ долженъ былъ отбывать и свои политическія обязанности и прежде всего воинскую повинность, что могло крайне тормозить хозяйственную дѣятельность землевладѣльцевъ. Необходимый для крупнаго землевладѣльца дешевый человѣческій товаръ въ изобиліи доставляли войны, а когда войны поутихли, страшно развившаяся работоторговля и пиратство. Теперь-то рабскій трудъ и приобрѣтаетъ въ жизни Рима то значеніе, которое обыкновенно ошибочно распространяють на всѣ его эпохи. Именно теперь, когда благодаря завоевательной политикѣ римлянъ, соединившей подъ ихъ властью всѣ племена и народы Италіи, а потомъ и всего побережья Средиземнаго моря, сталъ возможенъ хозяйственный обмѣнъ между ними, создалась широкая почва для народнаго хозяйства, и стали возможны крупныя хозяйственныя предпріятія, работающія для обширнаго рынка и, слѣдовательно, обладающія всѣми признаками настоящихъ хозяйственныхъ предпріятій въ самомъ строгомъ, экономическомъ смыслѣ этого слова, — именно теперь рабскій трудъ и сталъ играть въ жизни Рима крупную хозяйственную роль, которой онъ не могъ играть раньше, когда господствовало натуральное, замкнутое хозяйство. Теперь онъ отнялъ у свободныхъ сельскихъ жителей возможность сколько-нибудь обезпеченнаго существованія. Положеніе римскаго крестьянства было такимъ образомъ подорвано въ корнѣ, и этимъ создавалась для республики величайшая опасность: наносился страшный ущербъ ея военному могуществу, покоившемуся какъ разъ на хозяйственно обезпеченной крестьянской массѣ, которая теперь, превращаясь въ пролетаріевъ, уже не была въ состояніи служить опорой противъ внѣшняго врага и въ то же время становилась опаснѣйшимъ внутреннимъ врагомъ римскаго государства и охранявшася имъ соціальнаго строя, представляя собою готовый горючій матеріалъ для самыхъ жестокихъ революцій. Разоренію римскаго крестьянства не въ малой мѣрѣ способствовали войны и другой своей стороною. Это были уже не краткосрочные походы, не нарушавшіе серьезно хозяйственной дѣятельности крестьянина. Теперь войны уже надолго отвлекали его отъ хозяйства и нерѣдко и совсѣмъ отрывали его отъ земли и отъ ея интересовъ, превращая его въ настоящаго солдата, уже не способнаго къ земледѣлію; къ тому же нерѣдки были случаи, что за время его отсутствія его хозяйство приходило въ полное запустѣніе, а то и просто становилось добычей богатаго и алчнаго сосѣда.

Въ интересахъ самосохраненія республика должна была придти на помощь гибнущему крестьянству, пока было еще не поздно. И мы видимъ рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, начиная съ

начала II вѣка (до Р. Хр.), съ такъ называемаго Лициніева закона (относимаго прежде къ 367 году), постановившаго, какъ извѣстно, что никто не долженъ владѣть государственной землей (*ager publicus*) въ размѣрѣ болѣе 500 югеровъ (около 250 десятинъ) и держать на государственныхъ пастбищахъ болѣе 100 головъ крупнаго и 500 головъ мелкаго скота, и что часть рабочихъ въ хозяйствѣ землевладѣльца должна принадлежать къ числу свободныхъ людей. Законъ этотъ, какъ извѣстно, послужилъ точкой отправленія для реформаторскихъ попытокъ Гракховъ. Попытки эти въ общемъ потерпѣли фіаско. Правда, Гракхамъ удалось надѣлать землю не одну тысячу безземельнаго люда, но возродить римское крестьянство, римское общество и римское государство имъ не удалось. Можно даже сказать, что тѣ бѣдствія, съ которыми бороться они ставили себѣ цѣлью, благодаря нѣкоторымъ сторонамъ ихъ дѣятельности еще усилились. Разумѣемъ проведенные Гаемъ Гракхомъ законъ о дешевой продажѣ народу хлѣба государствомъ (*lex frumentaria*) и законъ, предоставлявшій всадникамъ право засѣдать въ судебныхъ комиссіяхъ, разбиравшихъ между прочимъ жалобы провинціаловъ на насилія со стороны публикановъ (*lex judiciaria*), а также передачу имъ на расхищеніе публиканамъ провинціи Азіи и другихъ провинцій. Дешевая продажа народу хлѣба государствомъ скоро превратилась въ даровую раздачу его, и это привело, на ряду съ другими причинами, къ крайней деморализаціи столичнаго пролетаріата и къ его умноженію. Публиканы и другіе дѣльцы уже безъ всякаго контроля грабили теперь римскія провинціи совмѣстно и въ полномъ согласіи съ проконсулами и пропреторами, откровенно смотрѣвшими на свою должность какъ на источникъ собственнаго обогащенія на счетъ вѣрннаго ихъ заботамъ провинціального населенія. Такимъ образомъ все оставалось по-старому, и процессъ разложенія общества и государства римской республики развивался и вширь, и вглубь.

Что касается, въ частности, государственнаго строя римской гражданской общины, то онъ вполне соответствовалъ теперь тѣмъ социальнымъ отношеніямъ, какія мы сейчасъ описывали. Формально онъ оставался прежнимъ. По прежнему римскіе граждане собирались въ комиціи, избирали здѣсь магистратовъ республики и вотировали законы; по прежнему, слѣдовательно, народъ подъ контролемъ сената и съ помощью своихъ избранниковъ былъ вершителемъ своихъ судебъ. Но такова была лишь форма. Если и прежде земельная аристократія имѣла направляющее вліяніе въ политической жизни республики, то теперь она стала фактическимъ властелиномъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ государ-

ства. Съ тѣхъ поръ, какъ территорія гражданской общины (такъ называемый *ager romanus*) постепенно охватила всю Италію, народъ не могъ уже осуществлять своихъ политическихъ правъ въ формѣ участія въ комиціяхъ, собиравшихся въ столицѣ: это стало физически невозможнымъ; слѣдовательно, онъ фактически пересталъ быть вершителемъ своихъ судебъ. Народныя собранія могли посѣщать только сравнительно очень немногіе; фактически на нихъ теперь преобладалъ городской пролетаріатъ, продуктъ описаннаго нами выше соціального процесса, все съ большей и большей интенсивностью развивавшагося въ римскомъ обществѣ. Принужденный разстаться съ землей и съ деревней, римскій крестьянинъ отправлялся въ столицу и здѣсь реализовалъ принадлежавшую ему, какъ римскому гражданину, цѣнность, свои политическія права, подавая свой голосъ въ комиціяхъ и становясь такимъ образомъ готовымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ той или иной группы правящей аристократіи или ея вождя. Народныя собранія римской республики постепенно превращались въ собранія всецѣло зависѣвшаго въ средствахъ къ жизни отъ правящей аристократіи городского пролетаріата и ея кліэнтовъ (развитіе кліэнтелы дѣлало огромные успѣхи параллельно и въ органической связи съ развитіемъ крупнаго землевладѣнія) и поэтому перестали служить органомъ для выраженія интересовъ всей общины или по крайней мѣрѣ большинства ея гражданъ и становились политическимъ орудіемъ въ рукахъ борющихся за преобладаніе честолюбцевъ. Такимъ образомъ, и народныя собранія, и сенатъ, и магистратура — всѣ органы власти римской гражданской общины стали служить узкимъ и своекорыстнымъ интересамъ правящихъ группъ. Римская республика стала государственной формой соціального господства и политическаго владычества земельной и отчасти и денежной аристократіи надъ массой римскаго народа и надъ провинціями, и пока строй ея какъ города - государства оставался неприкосновеннымъ, никакія попытки уврачеванія общественныхъ недуговъ, грозившихъ великими опасностями государству, не могли разсчитывать на успѣхъ: и обезземленіе римскаго крестьянства, превращавшее его въ деморализованную толпу столичнаго пролетаріата, и хищническая эксплуатація провинцій,—все это были естественныя послѣдствія господства аристократическаго меньшинства, все это лишь увеличивало его матеріальную силу и соціальное могущество. Сохраненіе уже отжившей, уже давно переставшей соответствовать реальнымъ, фактическимъ отношеніямъ городской государственной формы неизбѣжно, въ условіяхъ римскаго развитія, приводило къ соціальному и политическому господству аристократіи и къ соціальному и политическому

разложению основной, крестьянской расы римского гражданства и тѣмъ въ корнѣ подрывало силу и крѣпость римскаго государственнаго организма. Когда-то вполне здоровая политическая форма, вполне отвѣчавшая условіямъ жизни узкаго политическаго соединенія и дававшая выраженіе интересамъ всего политическаго цѣлаго, она теперь, когда съ расширеніемъ территоріи государства непосредственная демократія, осуществленіе всѣми гражданами своихъ правъ въ народныхъ собраніяхъ, стала невозможна, превратилась въ бичъ общества, обрекая законнѣйшіе интересы массы гражданъ и миллионовъ провинціаловъ въ жертву сравнительно небольшой правящей группѣ, и единственнымъ средствомъ создать сколько-нибудь нормальныя соціальныя условія для гибнувшей соціально и морально массы гражданства и для разоряемыхъ провинціаловъ и тѣмъ самымъ предотвратить и неизбѣжный при сохраненіи прежнихъ условій общій политическій крахъ могла быть прежде всего *политическая реформа*, превращеніе узкой городской формы государства въ болѣе широкую, соответствующую жизненнымъ условіямъ всего этого обширнаго и неустроеннаго политическаго соединенія, какимъ являлась раскинувшаяся уже по всей Италіи римская гражданская община со всѣми своими провинціями, — созданіе такой политической организаціи, которая бы выражала матеріальные и культурные интересы по возможности всѣхъ общественныхъ группъ какъ внутри Италіи, такъ и внѣ ея и хотя бы въ известной мѣрѣ приводила ихъ въ равновѣсіе. Какова должна была или, вѣрнѣе, могла быть эта форма, въ какихъ именно публично-правовыхъ терминахъ она должна была найти свое опредѣленіе, это зависѣло отъ фактическаго взаимоотношенія общественныхъ силъ въ римской республикѣ въ послѣдній періодъ ея существованія и отъ цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ условій, среди которыхъ протекала ея жизнь въ эту эпоху, о чемъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь. Но какова бы ни была ея юридическая конструкція и фактическая сущность этой формы, ея первой и главной задачей должно было быть смягченіе соціальныхъ контрастовъ, лишеніе земельной и денежной аристократіи соціального и политическаго преобладанія и поднятіе массы, а также упорядоченіе провинціального управленія и постепенное инкорпорированіе провинцій въ римскую гражданскую общину. Хищническая эксплуатація провинцій правящей аристократіей являлась страшнымъ тормазомъ для ихъ хозяйственнаго и культурнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сильнѣйшей мѣрѣ парализовала тотъ широкій обмѣнъ, который возникалъ между всѣми объединенными подъ римскимъ владычествомъ странами и, разбивая замкнутыя хозяйственныя формы тамъ, гдѣ онѣ еще преобладали,

поднималъ хозяйственную жизнь по всему побережью Средиземнаго моря на высшую стадію, на стадію народнаго хозяйства со всѣми его соціальными и общекультурными особенностями. Новая политическая форма, къ которой долженъ былъ перейти Римъ, являясь, такимъ образомъ, и постулатомъ экономической эволюціи, должна была обезпечить интересы начавшагося въ широкомъ масштабѣ народно-хозяйственнаго развитія.

Завоевательная политика Рима, создавшая всѣ разсмотрѣнные нами соціальныя и политическія аномаліи, создала вмѣстѣ съ тѣмъ и средство противъ нихъ, создала ту соціальную силу, опираясь на которую, можно было насильственно раздвинуть тѣсныя политическія рамки въ соотвѣтствіе съ широкими запросами безмѣрно усложнившейся жизни. Примѣръ Гракховъ показалъ, что только продолжительная и надѣленная широкими полномочіями диктатура могла браться за уврачеваніе общественныхъ и политическихъ недуговъ. Но у Гракховъ не было въ распоряженіи военной силы, и имъ приходилось съ помощью крайне опасныхъ средствъ искусственно создавать то или иное благоприятное ихъ дѣлу сочетаніе общественныхъ силъ и въ концѣ-концовъ терпѣть фіаско. Такая сила скоро явилась. Хроническія войны создали въ концѣ-концовъ незнакомое Риму въ прежнія времена постоянное войско, которое представляло собою выдѣлившуюся изъ общества особую соціальную группу, имѣвшую свои особые интересы, связанную тѣснѣйшими узами съ своими вождями и готовую служить для нихъ послушнымъ орудіемъ для достиженія ими своихъ собственныхъ цѣлей. Если мы припомнимъ еще при этомъ, что, начиная съ Марія, въ войско стали принимать и пролетаріевъ, которые устремились сюда въ огромномъ количествѣ, видя въ военной службѣ выгодную въ матеріальномъ отношеніи профессію, и уже въ сравнительно скоромъ времени составляли въ немъ преобладающій, элементъ пролетаріевъ, у которыхъ было слишкомъ мало основаній дорожить существующимъ политическимъ строемъ, то намъ станетъ еще болѣе понятнымъ, что, опираясь на эту новую и грозную силу, такіе люди, какъ Марій, Сулла и, наконецъ, Цезарь, могли не стѣсняться никакими традиционными политическими рамками и могли диктовать республикѣ свои собственные законы. Такимъ образомъ, новой политической формой, шедшей на смѣну городской аристократической республикѣ, была военная монархія, опиравшаяся на организованный въ военную силу пролетаріатъ. Именно монархіи предстояло внести миръ въ соціальную жизнь, объединить всѣ племена и народы, завоеванные римскимъ оружіемъ, и дать каждому свободному человѣку на всемъ огромномъ протяженіи міровой имперіи право сказать: «Civis romanus sum».

II.

Первое время—и довольно продолжительное—римская монархія старалась избѣгать всякихъ монархическихъ атрибутовъ. Да она и въ дѣйствительности не была еще вполнѣ монархіей. *Принципатъ*—такое утвердившееся въ наукѣ названіе той власти, которая находилась въ рукахъ Августа и его ближайшихъ преемниковъ—представлялъ собою съ формальной стороны республиканскую магистратуру, правда, магистратуру новую, но тѣмъ не менѣе обладавшую существенными особенностями магистратуры какъ делегаціи, какъ совокупности полномочій, переданныхъ данному лицу народомъ. Эта идея делегаціи, можно сказать, никогда не исчезала изъ понятія императорской власти; даже въ такія эпохи, когда римская монархія подъ вліяніемъ политической практики и теоріи восточныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ ея владѣній или тѣсно соприкасавшихся съ ними, прониклась элементами настоящаго азіатскаго абсолютизма, даже тогда не умерла еще идея, что источникъ безграничной власти самодержца—воля народа. Августъ всѣмъ своимъ поведеніемъ старался показать народу, что онъ всего лишь первый человекъ (*принсерс*) въ республикѣ. Онъ неоднократно слагалъ съ себя ту или иную часть своихъ полномочій и вновь получалъ ихъ черезъ сенатъ на тотъ или иной опредѣленный срокъ. Замѣчательно, что полномочія эти съ формальной стороны ничего новаго не представляли. И въ прежнія времена они всегда передавались ординарнымъ или экстраординарнымъ магистратамъ республики. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что одному Августу передавались полномочія, въ прежнее время распредѣлявшіяся между нѣсколькими избиравшимися на короткій срокъ (обыкновенно на годъ) магистратами. Въ частности, Августъ являлся прежде всего носителемъ военнаго *имперіумъ* и въ силу этого былъ главнокомандующимъ всѣми военными силами республики и назначалъ на всѣ военныя должности. Солдаты приносили присягу ему и передъ его изображеніемъ. Онъ производилъ наборъ, когда хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ размѣрѣ. Ему принадлежало право войны и мира. Другимъ существеннымъ элементомъ принципата была трибунская власть. Какъ обладателю трибунской власти *принсерс*у принадлежала законодательная инициатива, а также *вето* въ отношеніи ко всякому акту, изданному всякимъ другимъ магистратомъ или сенатомъ. Свою законодательную власть *принсерс* осуществлялъ совмѣстно съ сенатомъ, и законами въ собственномъ смыслѣ (*leges*) были только законы, изданные такимъ именно образомъ. Но на ряду съ *leges* издавались уже однимъ *принсерс*омъ эдикты. Право издавать эдикты принадлежало и республиканскимъ магистратамъ.

тамъ прежняго времени, и они имѣли силу лишь въ теченіе того времени, когда издавшее ихъ лицо находилось у власти; въ идеѣ такое временное значеніе имѣли и эдикты, издававшіеся императорами, хотя на практикѣ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія монархическаго строя, эта разница между законами въ строгомъ смыслѣ и императорскими эдиктами постепенно сглаживалась. Личность *принсепс'а*, какъ трибуна, была священной (*sacrosanctus*), и всякое посягательство на него, даже словесное, влекло для посягателя смерть безъ суда, какъ нечестіе. Трибунская власть давала ему и право заступничества (*jus intercedendi*), уполномочивавшее его брать на себя защиту интересовъ массы отъ захватовъ со стороны сильныхъ, играть роль соціальнаго миротворца. Въ отношеніи къ части провинцій, именно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя по пограничному своему положенію или въ силу другихъ условій нуждались въ военной защитѣ, *принсепс* былъ надѣленъ безконтрольной властью проконсула и управлялъ ими черезъ своихъ легатовъ, имъ самимъ назначавшихся и передъ нимъ однимъ отвѣтственныхъ. Они отъ его имени и управляли этими провинціями, и командовали расположенными здѣсь войсками. Всѣ доходы изъ этихъ провинцій стекались въ особую казну императора, въ такъ называемый фискъ (*fiscus*). Остальныя провинціи находились въ вѣдѣніи сената, который управлялъ ими чрезъ обычныхъ проконсуловъ, избравшихся на короткій срокъ по жребію изъ сенаторовъ, и доходы изъ этихъ сенатскихъ провинцій поступали въ казну республики, въ такъ называемый эрарій (*aerarium*). Не надо, впрочемъ, думать, что сенатскія провинціи стояли внѣ вліянія императорской власти. Императоръ контролировалъ и ихъ управленіе, посылалъ проконсуламъ ихъ и свои инструкціи и въ сущности имѣлъ и въ этихъ провинціяхъ едва ли меньше власти, чѣмъ въ своихъ собственныхъ. Располагая властью цензора, императоръ имѣлъ контроль надъ нравами, надъ частной жизнью гражданъ, а также составлялъ списокъ сенаторовъ и всадниковъ, давалъ, кому хотѣлъ, права римскаго гражданина; можно сказать, что каждый человѣкъ занималъ въ обществѣ то мѣсто, какое ему назначилъ императоръ. Въ качествѣ верховнаго жреца республики (*pontifex maximus*) императоръ имѣлъ высшій надзоръ надъ религіей и культомъ. Подобно каждому республиканскому магистрату, облеченному правами такъ называемаго *imperium'a* (*magistratus cum imperio*), императоръ обладалъ и судебной властью, являясь верховнымъ и безапелляціоннымъ судьей во всей имперіи.

Насъ не должна смущать такая рѣзко бросающаяся въ глаза черта власти императора, какъ неограниченный характеръ этой власти:

наличность ея ничего еще не говорить противъ чисто республиканской конструкціи этой власти, ничуть не лишаетъ ея характера чисто республиканской магистратуры по той простой причинѣ, что черта эта искони была присуща всѣмъ республиканскимъ магистратурамъ древняго Рима, надѣленнымъ такъ называемымъ *imperium*'омъ. Передававшаяся народомъ своему избраннику временная власть, кому бы она ни была делегирована, всегда была абсолютной, полной, безграничной властью, и временный носитель ея являлся не чѣмъ инымъ, какъ владыкой народа (*magister populi*). И консулы, какъ впоследствии императоры, въ качествѣ носителей государственной власти, переданной имъ республикой, были въ теченіе года, на который они были избраны народомъ, абсолютными владыками и соединяли въ своихъ рукахъ всю полноту и все разнообразіе правъ, обнимаемыхъ понятіемъ *imperium*'а: они были и администраторами, и начальниками войскъ, и предсѣдателями въ комиціяхъ и въ сенатѣ, и судьями, и въ извѣстной мѣрѣ законодателями. Раздробленіе функций консуловъ, происшедшее съ теченіемъ времени по мѣрѣ расширенія предѣловъ римской общины и усложненія правительственныхъ задачъ, не измѣнило общей постановки власти народныхъ избранниковъ: она по прежнему оставалась абсолютной. Какъ ни ново было соединеніе въ рукахъ императора нѣсколькихъ магистратуръ одновременно, какъ ни необычна была передача ему ихъ въ пожизненное владѣніе, тѣмъ не менѣе онъ являлся магистратомъ римской республики, которая продолжала существовать и сохранять свои основныя учрежденія. Первое время даже комиціи продолжали функционировать и, въ частности, по прежнему выбирали обычныхъ магистратовъ (консуловъ, квесторовъ, эдиловъ и т. п.), правда, подъ сильнымъ давленіемъ императора, указывавшаго имъ своихъ кандидатовъ. Уже послѣ Августа комиціи постепенно сходятъ со сцены, и ихъ функции переходятъ къ сенату. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣлъ теперь сенатъ, управлявшій цѣлымъ рядомъ провинцій и завѣдывавшій казною республики. Это его положеніе давало ученымъ нѣкоторое основаніе называть начальный періодъ имперіи эпохой діархіи. Строго говоря, едва ли можно признать это названіе правильнымъ: едва ли можно признать власть сената равной власти императора, на сторонѣ котораго была военная сила, дававшая ему полную возможность, при всемъ видимомъ уваженіи его къ республиканскимъ учрежденіямъ и, въ частности, къ сенату, весьма внушительно диктовать имъ свою волю. Тѣмъ не менѣе сенатъ продолжалъ сохранять большое значеніе въ республикѣ, и съ исчезновеніемъ комицій значеніе это еще увеличилось, въ особенности его

законодательная роль, выражавшаяся въ правѣ издавать совмѣстно съ императоромъ законы (*leges*). Не надо только думать, что сенатъ, являясь необходимымъ колесомъ государственной машины, представлялъ собою политическую силу на ряду съ императоромъ. Даже передавая въ силу издаваемого имъ спеціальнаго *lex regia de imperio* тому или иному лицу императорскую власть—а это было правиломъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ существованія имперіи, когда императорская власть не была еще наследственной (принципъ наследственности не вполне утвердился и впоследствии)—сенатъ отправлялъ лишь формальную функцію, давая юридическую санкцію факту, уже совершившемуся, и не по его въ концѣ-концовъ винѣ.

Такимъ образомъ, возникновеніе въ Римѣ императорской власти не разрушало старыхъ, республиканскихъ формъ. Императоръ являлся лишь однимъ изъ органовъ республики, являлся республиканскимъ магистратомъ, получавшимъ свою власть, подобно другимъ магистратамъ республики, путемъ делегации отъ народа. Была, правда, одна черта, рѣзко подчеркивавшая всю нереальность этой конструкціи, несмотря на то, что конструкція эта не была лишь теоретической формулой политической теоріи, а неукоснительно проводилась политической практикой имперіи. Мы разумѣемъ культъ императора, возникшій уже при Августѣ. Императору, особа котораго признается священной (*augustus*), воздвигаютъ алтари и приносятъ жертвы. Какъ ни различно могли понимать этотъ культъ люди, стоявшіе на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія (одни видѣли въ немъ поклоненіе божеству, гению императора, а не самому императору, другіе такихъ тонкостей не понимали и кланялись статуѣ императора, какъ и всѣмъ другимъ идоламъ), тѣмъ не менѣе существованіе этого культа, несомнѣнно, нарушаетъ цѣльность чисто республиканской конструкціи императорской власти и въ эпоху принципата и въ то же время вскрываетъ истинное положеніе императора какъ обладателя власти и могущества, для человѣка необычныхъ, власти чрезвычайной, затмевающей всякую земную власть. Религія перевела на свой языкъ и освятила культомъ политическій фактъ, представлявшій собою продуктъ и итогъ всей предшествующей исторіи Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ отправную точку новаго политическаго развитія. До поры, до времени фактъ этотъ облекался въ старыя, традиціонныя, республиканскія формы, болѣе или менѣе удачно прилаживаясь къ старымъ политическимъ рамкамъ. Но по существу онъ былъ враждебенъ, рѣзко противорѣчилъ этимъ формамъ, и ему было тѣсно въ этихъ рамкахъ. Онъ символизировалъ новое соотношеніе общественныхъ силъ, совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое нѣкогда соз-

дало эти формы и эти рамки, и долженъ былъ создать для себя новыя формы и новыя рамки. Принципатъ постепенно сбрасывалъ съ себя республиканскій плащъ и перерождался въ чистую монархію и постепенно создавалъ цѣлую систему чисто монархическихъ органовъ и учреждений. Но какъ далеко ни ушло политическое развитіе Рима въ этомъ направленіи, идея народнаго, республиканскаго происхожденія императорской власти продолжала теплиться, еле-еле мерцая, и среди полнаго расцвѣта глубоко рабскихъ чувствъ и чисто азіатскаго деспотизма.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Петрушевскій.

Очерки по сравнительной исторіи литературы ¹⁾.

III.

Дездемона Шекспира.

Такимъ образомъ, Вергилій далъ весьма интересное и въ психологическомъ отношеніи очень тонкое и вѣрное построение завязки романа: *его романтическая героиня влюбляется, можно сказать, въ рассказъ героя* ²⁾ и, желая пережить сладостныя ощущенія, вызванныя рассказомъ, проситъ повторить его въ той же обстановкѣ, въ которой онъ очаровалъ ее въ первый разъ.

Оказывается, Вергилій до извѣстной степени предвосхитилъ одинъ изъ интереснѣйшихъ сюжетовъ Шекспира—именно романъ Дездемоны и Отелло. Вотъ рѣчь Отелло въ совѣтѣ дожа (переводъ г. Вейнберга):

„Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ; онъ заставлялъ меня
Разсказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ—всѣ сраженія, осады
И случаи, пережитые мною.
Я пробѣгалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенья,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользалъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взять былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство, какъ затѣмъ опять
Я получилъ свободу... Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось

¹⁾ См. „Научное Слово“ 1904, IV.

²⁾ Напомнимъ еще разъ текстъ Вергилія (I, 748): „несчастная Дидона проводила ночь (на пиру) въ разнообразныхъ бесѣдахъ и *стивала* *ex* *se* *libere* *amore* (longum bibebat amorem), многое *разспрашивая* о Пріамѣ, о Гекторѣ“ и т. д.

Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
 Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
 Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
 Вершинами касающихся неба;
 О каннибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
 О племени антропофаговъ злыхъ
 И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
 Чѣмъ головы. *Разказы эти въ
 Серьезно занимали Дездемону* ¹⁾,
 И каждый разъ, какъ только отзывали
 Домашнія дѣла ее отъ насъ,
 Она скорѣй старалась ихъ окончить
 И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
 Впивалася. Все это я замѣтилъ
 И, улучивъ удобный часъ, искусно
 Сумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу
 Ей разказать *въ странствя мои,
 Которыя до этихъ поръ безъ связи,
 Урывками ей слышать привелось.*
 И началъ я разказъ свой, и не разъ
 Въ ея глазахъ я видѣлъ слезы,
 Когда я ей разказывалъ о страшныхъ
 Несчастіяхъ изъ юности моея“.

Конецъ исповѣди Отелло мы переведемъ буквально:

«Когда я окончилъ, она наградила меня за трудъ цѣлымъ міромъ вздоховъ; она клялась, что это удивительно, чрезвычайно удивительно, и что это трогательно, поразительно трогательно; что она желала бы лучше и не слышать этого, но не смотря на то, она хотѣла бы, чтобы небо создало ее такимъ человѣкомъ, какъ я; она благодарила меня и просила,—если есть у меня другъ, кото-

¹⁾ Позволю себѣ замѣнить этими словами переводъ г. Вейнберга: „разказамъ этимъ всѣмъ съ участіемъ внимала Дездемона“. У Шекспира сказано лишь, что Дездемона была *seriously incline* слушать разказы Отелло (this to hear would Desdemona seriously incline). Не точно переведемъ и конецъ рѣчи Отелло: „она меня за муки любила“. У Шекспира—„за опасности“ (dangers). На военныя опасности и невзгоды Отелло какъ разъ не смотреть какъ на муки, наоборотъ онъ находитъ въ нихъ источникъ *boisterous joy*. Ср. его рѣчь въ сенатѣ: I do agnize a natural and prompt *alacrity* I find in *hardness*.

Объ неточности этого перевода, въ общемъ однако хорошо передающаго слатый и полный достоинства стиль рѣчи Отелло, несомнѣнно, придають нѣсколько иной характеръ и самому роману.

Не удалисъ эти кардинальные пункты исповѣди Отелло и г. Соколовскому: „всѣмъ момъ разказамъ со *страстно-нижгородочнымъ волненьемъ* (!) внимала дочь“; „я дорожь сталъ ей вынесеннымъ *юремъ*“.

Зато очень хорошо переданы обѣ эти фразы въ классическомъ нѣмецкомъ переводѣ Шлегеля и Тика: „das zu hören war Desdemona eifrig stets geneigt“; „sie liebte mich, weil ich Gefahr bestand“.

рый ее любить,—научить его только тому, какъ рассказывать мою исторію, и уже это приобрѣтеть ея любовь.

При этомъ намегѣ я объяснился. Она полюбила меня за тѣ *опасности*, которымъ я подвергался, а я полюбилъ ее за ея *страданіе* къ нимъ».

Сходство въ завязкѣ обоихъ романовъ довольно ясно: вѣдь и Дездемона слушаетъ рассказъ Отелло сперва въ отрывкахъ, а затѣмъ проситъ повторить весь рассказъ во всѣхъ подробностяхъ. Но зато на этомъ почти и оканчивается сходство между самими романами.

Прежде всего, можетъ быть, не лишено интереса слѣдующее различіе: очень юная Дездемона спѣшить съ своимъ полупризнаніемъ, она порывисто увѣряетъ Отелло, что она желала бы, чтобы Богъ создалъ ее такой, какъ Отелло; она идетъ еще дальше, прибавляя, что если у Отелло есть другъ, любящій ее, пусть только Отелло научить его, какъ рассказывать ей его исторію, и это склонить ее на его сторону.

Между тѣмъ, античная героиня, женщина съ очень сильнымъ характеромъ и очень сильнымъ и страстнымъ темпераментомъ, оказывается гораздо сдержаннѣе, и своихъ попытокъ къ признанью не осуществляетъ, стремясь только видѣть Энея и повторяя пиры въ той же обстановкѣ, какъ въ день перваго свиданія съ троянскимъ героемъ, съ тѣми же рассказами о паденіи Трои.

Какъ объяснить это различіе? Прежде всего, какъ ни сходна завязка въ построеніи того и другого романа, это отнюдь не даетъ намъ права отождествлять ту и другую героиню; наоборотъ, разъ у насъ возникъ вопросъ о сравненіи между ними, мы должны внимательнѣе всмотрѣться въ ту обстановку, въ тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ онѣ дѣйствуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и независимо отъ сопоставленія Дездемоны съ Дидоной довольно понятна порывистость нѣжной и въ сущности не слишкомъ страстной героини Шекспира. Въ концѣ концовъ, ея герой гораздо проще и элементарнѣе Энея, сына богини, участника въ мировыхъ событіяхъ, будущаго основателя величайшей державы, героя-скитальца, которымъ помыкаютъ властная судьба и капризные боги. Объ Отелло мы имѣемъ интересный отзывъ Пушкина въ его «Мелкихъ замѣткахъ»: «Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ». Во всякомъ случаѣ, Отелло довольно прямолинеенъ. Это его, можетъ быть, основное свойство обнаруживается уже въ первыхъ его словахъ въ совѣтѣ дожа:

„Что дочь увезъ у этого я старца,
 Не выдумка; не выдумка и то,
 Что я на ней женился; но на этомъ
 Кончается и весь проступокъ мой.
 Я грубъ въ рѣчахъ, къ кудрявымъ фразамъ мира
 Нѣтъ у меня способности большой,
 Нѣтъ потому, что этими руками
 Я съ семи лѣтъ до нынѣшняго дня
 На лагерныхъ поляхъ привыкъ работать.
 Изъ всего, что въ мѣрѣ происходитъ,
 Я говорить умѣю лишь о войнахъ,
 Сраженіяхъ; вотъ почему теперь,
 Здѣсь говоря за самого себя,
 Едва ли я сумѣю скрасить дѣло“.

Далѣе, чрезвычайно важно то обстоятельство, что признаніе Дездемоны является въ значительной степени вынужденнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ея герою, который, по его собственнымъ только что приведеннымъ словамъ, умѣетъ говорить лишь о войнахъ и сраженіяхъ, сама любовь къ заинтересовавшейся его рассказами дѣвушкѣ подсказала вѣрный путь къ завоеванію ея симпатій; онъ выбралъ удобный моментъ, другими словами, воспользовался выгоднымъ для него настроеніемъ героини, онъ *сумѣлъ* выманить у нея *сердечную* просьбу повторить весь рассказъ, онъ *сумѣлъ* и рассказать его *такъ*¹⁾, что усилилъ въ благоприятно для него настроенной героинѣ интересъ къ его диковиннымъ приключеніямъ и вызвалъ искреннее и сильное сочувствіе къ его жизненнымъ невзгодамъ. Прибавимъ, что онъ сумѣлъ и воспользоваться ея намекомъ для немедленнаго объясненія въ любви.

Еще важнѣе слѣдующій вопросъ.

Изъ разсказа Отелло съ перваго взгляда какъ будто выходитъ, что Дездемона полюбила его изъ *состраданія* къ нему, что сострадательность является какъ бы главной основой и исходнымъ пунктомъ ея любви.

Если бы это было такъ, то мы получили бы лишній пунктъ полнаго сходства между романами Вергилія и Шекспира.

¹⁾ Это утверженіе наше основано на подлинномъ текстѣ Шекспира: „and bade me, if I had a friend that lov'd her, I should but teach him *how* to tell my story. Т.-е. въ данномъ случаѣ важенъ не столько составъ разсказа, сколько его *тонъ* и *настрое-*ніе разсказчика. Хорошо переведены эти фразы у Шлегеля и Тька: sie bat mich, wenn je ein Freund von mir sie lieben sollte, ich mögihn *die Geschichte' erzählen lehren*, das würde sie gewinnen. Но русскимъ переводчикамъ это мѣсто не удалось,—ср.: „научить его только такимъ разсказамъ о себѣ“ (Кетчеръ), „пусть только онъ расскажетъ ей все то, что я сказалъ“ (Вейнбергъ), „если бъ я далъ ему совѣтъ предъ нею повторить вновь мой разсказъ“ (Соколовскій). Но вѣдь для Дездемоны, *послѣ* объясненія Отелло, дѣло не въ повтореніи разсказа и не въ его подробностяхъ.

У Вергилія дѣло довольно ясно: обоихъ героевъ сближаетъ ихъ одинаково высокое положеніе и ихъ сходная по своей необычности и грандіозности судьба, преисполненная страданій,—другими словами, сходный жизненный опытъ, который главнымъ образомъ и развиваетъ въ людяхъ способность глубоко входить въ чужое горе. Вотъ почему у Дидоны сострадательность едва ли не главный моментъ любви къ Энею.

Между тѣмъ, у очень юной Дездемоны, которая и сама признаетъ себя ребенкомъ, совсѣмъ не было до вступленія въ бракъ жизненнаго опыта, и въ этомъ отношеніи особенно характерна послѣдняя сцена 4-го акта, въ которой Дездемона, въ разговоръ съ Эмилией, серьезно сомнѣвается въ самой возможности существованія женъ, способныхъ обманывать своихъ мужей, хотя бы даже за со-кровища всего міра.

Съ другой стороны, понятно, почему Отелло цѣнить въ любящей женщинѣ прежде всего сочувствіе къ своему герою. Онъ уже немолодой человѣкъ, вдобавокъ очень некрасивый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ дѣла, и въ своей просьбѣ — отпустить Дездемону, согласно ея желанію, вмѣстѣ съ нимъ въ походъ — онъ съ грубоватой горячностью протестуетъ противъ всякаго рода проявленій страстной влюбленности, свойственной лишь юношамъ:

„Я васъ молю не отказать ей въ просьбѣ.
Свидѣтель Богъ, молю не для того,
Чтобъ угодить желаньямъ сладострастнымъ,
Не для того, чтобъ юной страсти жаръ
Мнѣ одному дарилъ бы наслажденье;
Но для того, чтобы ея душа
Отъ всѣхъ заботъ и мукъ была свободна.
Но Боже васъ, синьоры, сохрани
Отъ мысли той, что важнымъ вашимъ дѣломъ
Пренебрегу, не разставаясь съ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! Когда безпечныя забавы
Крылатаго Амура наведутъ
Изнѣженность и сладкую истому
На мысль мою и дѣйствія мои,
Когда онѣ мое испортятъ дѣло—
Тогда пускай изъ плема моего
Простой горшокъ себѣ устроить бабы,
И пусть тогда на честь мою падутъ
Постыднѣвшій позоръ и оскорбленье!“

Другими словами, мотивъ сострадательности, какъ главнѣйшій пунктъ любви Дездемоны, выдвинуть лишь самимъ Отелло; а потому, его искреннюю, сжатую, но все-таки субъективную исповѣдь слѣдуетъ провѣрить на рѣчахъ и дѣйствіяхъ Дездемоны.

Весьма важна, прежде всего, 3-я сцена 3-го акта, въ которой Дездемона, заступаясь¹⁾ передъ Отелло за Кассіо, вспоминаетъ о такомъ моментѣ своего знакомства съ Отелло, когда романъ, повидимому, еще не начинался. Кассіо — посредникъ между Отелло и Дездемоной — ходилъ съ Отелло въ домъ Дездемоны въ тѣ времена, когда Отелло за ней ухаживалъ, и *очень часто* (so many a time), каждый разъ, когда Дездемона *отзывалась объ Отелло неодобрительно* (или, лучше сказать, не цѣня его — dispraisingly), защищалъ передъ ней своего друга.

Слѣдующіе моменты намѣчены въ исповѣди Отелло: его рассказы передъ Брабанціо *серьезно интересовали* Дездемону, и этотъ *интересъ къ подробностямъ разказа* ему удалось обратить въ живое *сочувствіе къ самому рассказчику*, въ то сочувствіе, которое Отелло называетъ *состраданіемъ* (pity).

Дѣйствительно, въ его разказахъ есть элементъ анекдотическій (бездны, неприступные утесы, Каннибалы и т. п.) — въ этомъ отношеніи рассказчикъ *интересенъ*, какъ человѣкъ бывалый и много видѣвшій; но есть также элементы героическій и патетическій, отчасти слитые вмѣстѣ (битвы, осады, неудачи на сушѣ и на морѣ, опасности, грозившія смертью, плѣнъ у жестокаго врага, избавленіе отъ него). Т. е. даже изъ разказа Отелло можно заключить, что *состраданіе* къ его *опасностямъ* соединялось у Дездемоны съ романтическимъ *изумленіемъ* передъ его *интереснымъ*, героическимъ прошлымъ.

Вѣроятно, этотъ послѣдній мотивъ и былъ основнымъ мотивомъ романа, какъ это вытекаетъ изъ торжественнаго заявленія самой Дездемоны, когда она проситъ отпустить ее вмѣстѣ съ Отелло на войну: «мое сердце, — говоритъ она, — подчинилось истинному свойству (to the very quality)²⁾ моего господина, лицо (т. е. красоту) Отелло я видѣла въ его духѣ (mind), и его славу (honours) и мужественной дѣятельности (valiant parts) я посвятила и мое сердце и мою судьбу. Поэтому, если вы оставите меня здѣсь молю *мира*, а онъ отправится *на войну*, то я буду лишена именно того, *за что я его люблю*».

Такимъ образомъ, сострадательность Дездемоны это лишь *послѣдствіе* любви, возникшей на другой основѣ, именно на почвѣ восхищенія благороднымъ героизмомъ Отелло. А разъ возникла лю-

¹⁾ Въ виду чрезвычайной искренности, какъ одной изъ существенныхъ чертъ характера Дездемоны, врядъ ли позволительно предполагать, чтобы наша героиня что-либо преувеличила даже въ этой отвѣтственной ситуаци.

²⁾ Подъ этимъ «истиннымъ свойствомъ» комментаторы (напр. Delius) разумѣютъ военное призваніе Отелло.

бовъ на какой бы то ни было основѣ, то, конечно, между прочимъ, должно развиваться и состраданіе, или сочувствіе¹⁾).

Оговоримся въ заключеніе этого этюда, что подробный разборъ Шекспировской драмы, разумѣется, не могъ входить въ задачу настоящихъ очерковъ. Для нашей цѣли достаточно было бросить взглядъ лишь на нѣкоторые пункты этой драмы съ точки зрѣнія тѣхъ результатовъ, которые далъ намъ анализъ соприкасающихся съ ней частей Энеиды.

IV.

Калипсо и Одиссей у Овидія.

Посвятивъ цѣлый этюдъ Шекспиру, мы не настаивали, да и не могли настаивать на томъ, что Шекспиръ былъ *прямымъ подражателемъ* Вергилія по отношенію къ рѣдко трактуемому въ литературѣ сюжету—увлеченію героини рассказомъ героя.

Зато несомнѣнно подражалъ знаменитому эпическому въ этомъ отношеніи его младшій современникъ Овидій.

Этотъ салонный поэтъ эпохи Августа, представитель александрийскаго, очень искусственнаго литературнаго направленія, со своимъ безграничнымъ, шаловливымъ и очень легкомысленнымъ юморомъ, за который онъ и поплатился ссылкой въ мѣста, для римлянина довольно отдаленныя—на берега Чернаго моря, въ Томи (Кюстенджи),—очень и очень любопытенъ въ качествѣ подражателя своимъ современникамъ и предшественникамъ. Его своевольный юморъ и сильная склонность къ софистикѣ, развитая несомнѣнно въ школѣ краснорѣчія, правда, обращаютъ его подражанія большей частью въ неожиданныя по своимъ эффектамъ пародіи. Но бѣды въ этомъ нѣтъ. Какъ ни комично содержаніе его трудовъ, какимъ бы легковѣснымъ оно ни представлялось,—главное, у насъ есть средство произвести надъ нимъ настоящую ученую работу и довольно точно опредѣлить литературныя вліянія, которыя на него дѣйствовали, равно какъ и его индивидуальныя черты. Во всякомъ случаѣ, это былъ писатель, изученіе котораго можетъ многое объяснить въ романской литературѣ вообще; а самое главное, это былъ очень крупный литературный талантъ, хотя, конечно, сильно размѣнявшійся. Овидій очень

¹⁾ Такой ходъ чувствъ у влюбленной дѣвушки очень простъ и изображенъ еще въ древней литературѣ. Такъ, у александрийскаго эпика Аполлонія Родосскаго (Argon. III) Медея, влюбившись въ благородную красоту Явона, начинаетъ бояться (стр. 459), какъ бы онъ не погибъ отъ огнедышащихъ быковъ. Ср. его подражателя Овидія (Met. VII 15): *cui quem modo denique vidi, ne pereat timeo?*

подражалъ Вергилю и, въ частности, разбираемому отдѣлу Энеиды. Отъ него мы имѣемъ письмо Дидоны къ Энею передъ ея смертью, каковымъ займемся впослѣдствіи съ особымъ вниманіемъ; далѣе, письмо Филлиды къ покинувшему ее Демофоонту, которое еще ближе стоитъ къ Энеидѣ, чѣмъ письмо Дидоны; затѣмъ, у него же рѣчь Цирцеи съ отъѣзжающему Одиссею (Verg. An. 273) представляетъ собою въ сущности конспектъ отдѣльныхъ монологовъ Вергилиевой Дидоны.

И вотъ, салонный поэтъ Овидій допускаетъ, что женщина можетъ увлечься рассказомъ героя; но онъ, повидимому, не хочетъ понять, какъ можетъ правиться буквальное повтореніе одного и того же. Онъ чуждъ этой тонкой психологіи Вергилія, въ силу которой Дидона, чтобы пережить всю прелесть рассказа Энея, проситъ повторить его въ той же формѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ той же обстановкѣ.

Одиссей у Овидія интересенъ его поклонницамъ — богинямъ Калипсо и Цирцеѣ — не столько вообще своими краснорѣчивыми рассказами о троянскихъ дѣлахъ, сколько именно своей способностью разнообразить форму рассказа (Verg. An. 123):

«О, сколько разъ горевала Калипсо, что онъ спѣшитъ, сколько разъ она говорила, что воды неблагоприятны для гребли! Она снова и снова ¹⁾ просила рассказать о паденіи Трои, а онъ обыкновенно рассказывалъ часто объ одномъ и томъ же, но каждый разъ въ различной формѣ. Разъ они стояли на берегу. Даже и тамъ прекрасная Калипсо пожелала рассказа объ убійствѣ Одрисія. Тотъ легкимъ прутикомъ, который находился у него въ рукахъ, рисуетъ на густомъ пескѣ берега требуемое. «Вотъ,—говоритъ,—Троя (и на берегу онъ сдѣлалъ стѣны), вотъ тебѣ будетъ Симоентъ, а здѣсь представь себѣ мой лагерь, тамъ поле (онъ рисуетъ и поле), которое мы обагрили кровью Долона, въ то время, какъ онъ ночью подкрадывался къ гемонійскимъ конямъ. Тамъ была палатка Сиеонійскаго Реза; здѣсь я возвращался ночью на похищенныхъ коняхъ».

Онъ былъ готовъ еще многое нарисовать, какъ вдругъ внезапная волна унесла Пергамъ и лагерь Реза вмѣстѣ съ его начальникомъ. Тогда богиня сказала: «Ты видишь, сколько великихъ именъ погубили тѣ волны, которыя ты считаешь надежными для своего путешествія!»

Уже изъ этого перевода ясно, что оба героя — и Одиссей, и Ка-

¹⁾ Этотъ стихъ (127) почти цѣликомъ заимствованъ изъ «Энеиды»: *haec Troiae casus iterumque iterumque rogabat*—ср. Aen. IV 78: *Pacosque iterum demens audire labores exposcit*.

липсо—очень модернизированы Овидіємъ. Типична Калипсо съ ея спросомъ на виртуозную реторику, которую очень любили римскія утонченныя дамы большого и малаго свѣта во времена Овидія; да и самъ Одиссей представленъ здѣсь блестящимъ ораторомъ и импровизаторомъ во вкусѣ римлянъ временъ имперіи и отчасти конца республики. Вѣдь эта *copia verborum sententiarumque*, эта способность разнообразить внѣшнюю форму выраженія своихъ мыслей всегда представлялась римскимъ любителямъ ораторскаго искусства завиднымъ идеаломъ. Уже въ IV вѣкѣ по Р. Х. почтенный ораторъ и знаменитый комментаторъ комедій Теренція Элій Донатъ, подвергшій ихъ, между прочимъ, очень тщательному реторическому разбору, восхищается этимъ дарованіемъ у комментируемаго имъ комика (ad *Eun. prol. 1: attendenda poetae copia, quod in tot prologis de eadem causa isdem fere sententiis variis verbis utitur*). Но еще раньше Овидія Цицеронъ въ своей защитительной рѣчи за поэта Архію съ изумленіемъ отмѣтилъ у своего клиента способность произнести передъ публикой экспромптомъ большое количество отличныхъ стиховъ на тему о современныхъ ему событіяхъ; при этомъ, когда слушатели вызывали Архію, какъ мы бы сказали теперь, на *bis*, то онъ могъ импровизировать на ту же тему, измѣнивъ и слова и мысли (§ 18: *quotiens revocatum eandem rem dicere commutatis verbis atque sententiis*).

Прибавимъ, что и въ «Метаморфозахъ» (XIII, 123 слѣд.), именно въ знаменитомъ спорѣ съ Аяксомъ за оружіе Ахиллеса, Одиссей изображенъ какъ типичный ораторъ въ римскомъ вкусѣ.

Выступивъ передъ собраніемъ послѣ Аякса, онъ не сразу заговорилъ: потушивъ глаза свои въ землю, онъ лишь черезъ нѣсколько времени поднялъ ихъ на вождей и только тогда началъ свою рѣчь, которой слушатели ожидали съ нетерпѣніемъ.

Это—отчасти черта еще гомеровскаго Одиссея (П. III 216), но это вмѣстѣ съ тѣмъ популярный приѣмъ римскихъ ораторовъ, канонизированный, между прочимъ, Квинтилианомъ съ ссылкой именно на Гомера (Inst. XI, 3, § 158).

Далѣе, при упоминаніи о своемъ другѣ Ахиллесѣ (ст. 132), Овидіевскій Одиссей, для эффекта, утеръ рукой свои глаза, «какъ бы полные слезъ».

Наконецъ, заговоривъ о своихъ подвигахъ, Одиссей вдругъ распахнулъ свою одежду и показалъ рубцы отъ ранъ, полученныхъ въ «почетное мѣсто», въ грудь, «всегда принимавшую страданія на благо» народа (ст. 262). Это одинъ изъ самыхъ популярныхъ приѣмовъ у римскихъ ораторовъ: классическій примѣръ примѣненія такого высоко-патетическаго средства—это рѣчь знаменитаго пред-

пешвенника Цицерона—оратора Антонія въ защиту Манія Аквилія (Cic. Verг. V, § 3 и др.).

Сверхъ этого, не входя въ подробности самаго построенія рѣчи Одиссея, позволительно отмѣтить въ ней одну руководящую мысль, въ высшей степени характерную для римскихъ ораторовъ и просвѣщенныхъ людей конца республики и начала имперіи,—это именно взглядъ на краснорѣчіе, какъ на очень важную общественную и гуманитарную силу. «Аяксъ,—говоритъ Овидіевскій Одиссей,—грубый и тупой солдатъ; пусть же не послужитъ ему на пользу его кажущаяся и въ сущности дѣйствительная тупость; а мнѣ пусть не повредитъ мой умъ, который, Ахейцы, всегда приносилъ вамъ пользу, и пусть не навлечетъ на себя недоброжелательства мое краснорѣчіе—если только у меня оно есть,—которое теперь говоритъ за своего обладателя, а часто говорило за васъ» (ст. 135—139).

Но вѣдь такъ рассуждалъ въ своихъ рѣчахъ и другихъ сочиненіяхъ Цицеронъ *), такъ же смотрѣли на дѣло и во времена имперіи (ср. напр. Dialogus de oratoribus, гл. 9 и пр.)...

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. М. Покровскій.

---

*) Въ выше цитированной рѣчи за Архію взглядъ этотъ наложенъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и у Овидія: ex his studiis haec quoque crescit oratio et facultas, quae, quantacumque in me est, numquam amicorum periculis defuit. Овидій: meaque haec facundia, si qua est, quae nunc pro domino, pro vobis saepe locuta est, invidia careat.

Быть и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка.

I.

Западное вліяніе.

Одна изъ особенностей XVIII вѣка въ исторіи Россіи заключается въ болѣе близкомъ знакомствѣ Россіи съ западомъ и въ расширеніи западнаго вліянія на высшій классъ русскаго общества. Если прежде это вліяніе только просачивалось въ русскую жизнь, то теперь оно хлынуло сюда широкою волною, и два прежніе пути, по которымъ оно направлялось, изъ едва замѣтныхъ тропинокъ стали торными дорогами. Западная литература, проникавшая прежде въ Москву только при посредствѣ переводовъ съ польскаго, теперь стала находить себѣ въ Россію доступъ и въ подлинникѣ. Прежде на русскомъ книжномъ рынкѣ находила себѣ спросъ главнымъ образомъ изящная литература или историческія повѣсти; съ XVIII в. стали интересоваться также и произведеніями крупныхъ и мелкихъ представителей европейской политической мысли. И другой путь западнаго вліянія—появленіе иностранцевъ въ Россію—стала играть гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ прежде. Выписка и наемъ иностранцевъ на русскую службу практикуются въ усиленныхъ размѣрахъ. Наплыву иностранцевъ содѣйствуютъ родственныя связи, въ какія русскій царствующій домъ вступилъ съ нѣмецкими владѣтельными домами. Иностранцы являются въ большемъ количествѣ и въ иномъ качествѣ. Прежде они попадали въ Москву какъ купцы, выписывались какъ техники или поступали въ войска какъ военные инструкторы. Теперь ихъ много было взято и на гражданскую службу въ коллегіи, которыя принуждены были даже завести въ своихъ штатахъ особыхъ переводчиковъ, такъ какъ значительная доля ихъ персонала была изъ иностранцевъ, не понимавшихъ ни слова по-русски. Новымъ также было появленіе иностранца въ качествѣ школьнаго и домашняго учителя. Нѣмецъ сталъ проникать въ Рос-

сію не только какъ купецъ, техникъ и офицеръ, но еще и какъ приказный дѣлецъ въ коллегіи и учитель въ школахъ и дома. Многие изъ нихъ пошли быстро въ ходъ на русской службѣ, и степень ихъ вліянія сказывается въ томъ значительномъ $\%$, какой приходится на долю иностранныхъ именъ въ составѣ «генералитета», т.-е. особъ первыхъ четырехъ классовъ по табели о рангахъ, оставшемся послѣ Петра, не говоря уже объ иноземцахъ, сдѣлавшихся звѣздами первой величины на русскомъ политическомъ горизонтѣ. Но и значеніе рядового иностранца въ XVIII в. стало инымъ, чѣмъ прежде. Въ XVII вѣкѣ выписанный техникъ и офицеръ на русской службѣ или захваченный въ Россію коммерсантъ были лишь случайными и невольными распространителями знакомства съ западомъ среди тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые съ ними соприкасались. Такой иноземецъ часто терялся въ русской массѣ и если оставался надолго въ Россіи, то гораздо скорѣе самъ русылъ, чѣмъ онѣмечивалъ окружающихъ. Теперь онъ становится вліятельнымъ администраторомъ и, что еще важнѣе, официальнымъ или частнымъ, но одинаково обязательнымъ и необходимымъ учителемъ той части русскаго общества, которая требованіемъ государства принуждена была проходить курсъ иноземныхъ военныхъ и гражданскихъ наукъ. Чтеніе и затверживаніе наизусть часослова и псалтири, которыми все образованіе ограничивалось прежде, становится недостаточнымъ, и на долю сельскаго дьячка остается теперь только первоначальное обученіе, завершать которое долженъ педагогъ-иностранецъ. Иностранцы наполняютъ собою академію наукъ, преподаютъ въ академіяхъ артиллерійской и морской, а затѣмъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, открываютъ и частныя школы.

Вспоминая школьное дѣло при Петрѣ, не слѣдуетъ забывать ту небольшую, можетъ быть, по размѣрамъ, но все-таки замѣтную просвѣтительную роль, которую сыграли невольно попавшіе тогда въ наше отечество иноземцы—плѣнные шведы, и слѣды которой не разъ попадаются въ документахъ эпохи. Занесенные по глухимъ угламъ Россіи, коротая печальные дни плѣна и прискивая себѣ заработокъ, эти шведы пускали въ ходъ тѣ знанія, какія были приобрѣтены на родинѣ, и такимъ образомъ являлись проводниками западной культуры. «Одинъ плѣнный офицеръ,—разсказываетъ ганноверскій резидентъ при петербургскомъ дворѣ Веберъ, составившій описаніе Россіи при Петрѣ,—не знавшій никакого ремесла, завелъ въ Тобольскѣ кукольную комедію, на которую стекается множество горожанъ, не издавшихъ никогда ничего подобнаго. Другіе, напротивъ, обладая какими-нибудь знаніями, завели порядочныя школы въ нѣсколько клас-

совъ, въ которыхъ и обучаютъ не только дѣтей шведскихъ плѣнныхъ, но и русскихъ вѣрваемыхъ имъ дѣтей латинскому, французскому и другимъ языкамъ, а также морали, математикѣ и всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ. Школы эти пріобрѣли уже такую извѣстность между русскими, что эти послѣдніе присылаютъ въ нихъ для обученія сыновей своихъ изъ Москвы, Вологды и другихъ мѣстностей и городовъ». Одна изъ такихъ школъ была открыта въ Москвѣ знаменитымъ шведскимъ плѣннымъ пасторомъ Глюкомъ. Въ 1733 г. былъ привлеченъ къ допросу замѣшанный въ одномъ изъ политическихъ процессовъ, тянувшихся тогда безконечною вереницей, нѣкій монахъ изъ дворянъ Георгій Зворыкинъ; въ его автобіографіи, которую онъ изложилъ на допросѣ, мы встрѣчаемся съ просвѣтительной дѣятельностью тѣхъ же плѣнниковъ. Отъ роду ему, показывалъ Зворыкинъ, 26 лѣтъ; отецъ его служилъ въ драгунахъ и былъ убитъ на службѣ подъ Полтавою. Послѣ смерти отца онъ остался двухъ лѣтъ при матери въ Костромскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Погорѣлкахъ. Мать обучила его грамотѣ съ помощью сосѣдняго дьячка, а затѣмъ отдала его плѣннымъ шведамъ, которые выучили его латинскому и нѣмецкому языкамъ и ариметикѣ. Очевидно, что на долю этихъ плѣнныхъ шведовъ выпала въ первой четверти XVIII вѣка такая же роль въ русскомъ обществѣ, какую въ началѣ XIX вѣка пришлось повторить французскимъ эмигрантамъ и плѣнникамъ, оставшимся въ Россіи послѣ кампаніи 1812 г. и сдѣлавшимся гувернерами въ помѣщичьихъ семействахъ и учителями въ школахъ.

Послѣ Петра число частныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ иностранцами въ обѣихъ столицахъ, размножилось. Извѣстнаго автора мемуаровъ, столь обстоятельно рисующихъ русскіе нравы XVIII вѣка, Болотова отдали въ Петербургъ въ пансіонъ Ферре при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ потому, что онъ считался лучшимъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ. Въ мемуарахъ Болотовъ живо вспоминаетъ обстановку этого пансіона. Тамъ онъ встрѣтилъ чловѣкъ 15 товарищей, живущихъ и приходящихъ, и къ числу послѣднихъ принадлежала также одна взрослая дѣвица, дочь какой-то майорши, ходившая учиться французскому языку. Хозяинъ пансіона, состоявшій учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, плохо училъ воспитанниковъ и видимо заботился исключительно о наживѣ. Въ постные дни онъ держалъ въ пансіонѣ строгій постъ, но и въ скоромные кормилъ дѣтей такъ постно, что только вывезенные изъ деревень крѣпостные служители, находившіеся въ пансіонѣ при молодыхъ господахъ, выручали ихъ, приготовляя имъ щи въ дополненіе къ пансіонскому обѣду. Въ качествѣ домашнихъ учителей

иностранцы появляются при дворѣ уже съ самаго начала XVIII в. и притомъ не только въ семействѣ Петра, но и въ домѣ такой старомодной русской женщины, какою была вдова царя Ивана Алексѣевича царица Прасковья Федоровна. Три ея дочери Екатерина, Анна и Прасковья проходили прежде всего, разумѣется, «букварь словено-россійскихъ письменъ съ образованіями вещей и съ нравоучительными стихами». Но при нихъ уже два учителя иностранца: нѣмецъ Дитрихъ Остерманъ (братъ знаменитаго Андрея Ивановича) и французъ Рамбуръ, который обучаетъ царевенъ французскому языку и танцамъ. Обычаи двора обязательны для аристократіи, и въ семействахъ петровской знати появляются иностранные гувернеры и гувернантки. Обычаи аристократіи становятся предметомъ подражанія въ кругу средняго и мелкаго дворянства, дѣлаются модой, и вотъ, къ половинѣ вѣка, въ каждомъ сколько-нибудь достаточномъ дворянскомъ домѣ непременно уже есть нѣмецъ или французъ учитель или воспитатель. Въ Россіи открылся спросъ на учителей-иностранцевъ, съ запада потянулось предложеніе. Для населенія западныхъ странъ возникъ новый видъ отхожаго промысла, тѣмъ болѣе заманчивый, что не требуя никакой спеціальной подготовки, онъ щедро вознаграждался. Тѣ же воспоминанія Болотова знакомятъ насъ съ такого рода французомъ-учителемъ въ барскомъ домѣ, какъ и съ самими его педагогическими приемами. Осиротѣвъ и поселившись въ Петербургѣ у дяди, Болотовъ долженъ былъ ходить въ домъ генераль-аншефа Маслова брать уроки у француза, состоявшаго при генеральскихъ дѣтяхъ. «Г. Лапись, — пишетъ Болотовъ, — былъ хотя и ученый человекъ, что можно было заключить по безпрестанному его чтанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французской академіей и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изясненіе и толкованіе на французскомъ же языкѣ; слѣдовательно, были на большую часть намъ не вразумительны. Сіи статьи и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы. Тогда принуждены мы были повиноваться волѣ учителя нашего и все то дѣлать, что онъ приказывалъ. Но нынѣ надсѣдаюсъ я со смѣха, вспомнивъ сей родъ ученія и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь чѣмъ-нибудь да провести время». Мода распространялась, и повышеніе спроса повышало количество предложенія, ухудшая его качество. Кучерь,

лакей и парикмахеръ иностранецъ, не нашедшій заработка дома, нерѣдко при этомъ не поладившій съ отечественной юстиціей, свободно находилъ себѣ учительское мѣсто въ Россіи. Явленіе стало столь обычнымъ, что писатель-комикъ могъ хорошо уловить типъ нѣмца-учителя изъ кучеровъ въ дворянскомъ семействѣ, и Адамъ Адамовичъ Вральманъ показался на сценѣ какъ всѣмъ хорошо понятная и давно знакомая фигура. Въ царствованіе Елизаветы, когда заграничный привозъ учителей былъ особенно обширенъ, правительство стало принимать противъ него мѣры и пыталось потребовать образовательнаго ценза, установивъ экзамены для иностранцевъ-учителей. Обнаружились печальные результаты. На вопросъ, что такое имя прилагательное, одинъ изъ такихъ испытуемыхъ отвѣчалъ, что это должно быть новое изобрѣтеніе академикова: когда онъ увѣзжалъ съ родины, объ этомъ еще не говорили. То соображеніе, что многіе помѣщики, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ къ себѣ такихъ, «которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали», было однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ указѣ 12 января 1755 года объ учрежденіи въ Москвѣ университета.

Къ этимъ двумъ путямъ западнаго вліянія, какими были иностранная книга въ видѣ романа, а затѣмъ и научнаго или публицистическаго трактата и иностранный выходецъ сначала въ видѣ военнаго инструктора, а потомъ въ видѣ учителя и гувернера, со времени Петра присоединился еще третій. То было непосредственное знакомство русскаго общества съ западомъ благодаря путешествіямъ за границу. Въ первой четверти XVIII в. русская знатная молодежь почти поголовно была вывезена за границу съ учебными или съ военными цѣлями. Учебная подготовка дворянства стала теперь слагаться изъ трехъ курсовъ. Первоначальное обученіе продолжалъ давать все тотъ же сельскій дьячекъ, средній курсъ проходилъ подъ руководствомъ иностранца-учителя, высшее образованіе получалось въ заграничной командировкѣ. Такой порядокъ установился съ самаго конца XVII в. Незадолго до выѣзда въ чужіе края извѣстнаго большаго посольства, въ которомъ инкогнито выѣхалъ и самъ Петръ и которое по своей многочисленности походило скорѣе на цѣлый отрядъ, была отправлена на западъ партія молодежи изъ лучшихъ боярскихъ фамилій числомъ въ 61 человекъ стольниковъ и спальниковъ, и съ ними были посланы 61 человекъ простыхъ солдатъ также изъ дворянъ. Тѣ и другіе были назначены въ Италію и Голландію изучать навигацкую науку. Съ тѣхъ поръ постоянно посылаются за границу такіе же отряды молодыхъ дворянъ, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что не было

сколькo-нибудь знатной и видной фамиліи, хотя бы одинъ изъ членовъ которой не побывалъ при Петрѣ за границей. Въ 1717 г. въ одномъ только Амстердамѣ числилось 69 русскихъ навигаторовъ. Кромѣ изученія навигацкой науки, молодые люди посылались также съ болѣе широкими цѣлями для изученія юриспруденціи, медицины и изящныхъ искусствъ. Въ Кенигсбергѣ командированъ былъ цѣлый отрядъ подъячихъ изучать порядки нѣмецкой администраціи. Поѣздки за границу при Петрѣ были такъ часты, что упомянутому выше ганноверскому резиденту Веберу казалось, что русскихъ было послано съ цѣлью обученія за границу нѣсколько тысячъ человекъ. Многимъ изъ русской знати пришлось жить за границей въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ. Внѣшняя политика Петра стала гораздо сложнѣе; завязывались постоянныя и оживленныя сношенія съ западными государствами. Иностранные послы въ московскомъ государствѣ бывали временными гостями, живя недолго въ Москвѣ, показывались только на торжественныхъ пріемахъ, остальное время сидѣли почти подъ арестомъ на посольскомъ дворѣ, окруженномъ стражею. Съ Петра аккредитуются при русскомъ правительствѣ постоянные послы, которые ведутъ открытый образъ жизни и задаютъ тонъ петербургскому великосвѣтскому обществу. вмѣстѣ съ тѣмъ и русское правительство учреждаетъ постоянныя посольства за границей: въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ, притягивающія дворянскую молодежь на дипломатическую службу въ эти центры. Наконецъ, войны XVIII в. были также средствомъ общенія съ западомъ. Съ XVIII в. русскія войска впервые вступаютъ на территорію настоящей западной Европы, не ограничиваясь уже Польшей и остзейскимъ краемъ. Во время Сѣверной войны русскіе отряды дѣйствовали въ сѣверной Германіи на берегахъ Балтійскаго моря, и въ тогдашнихъ «Вѣдомостяхъ» соотечественники могли читать извѣстія о томъ, что «какъ офицеры, такъ и рядовые» въ этихъ отрядахъ «зѣло изрядные и добрые и какъ въ ружьѣ, такъ и въ платьѣ уборны, и невозможно оныхъ признать, чтобы оныя не самыя иноземцы были, и многіе изъ нихъ по-нѣмецки умѣютъ». Въ 1748 г. послѣдствіемъ возобновленнаго русско-австрійскаго союза была отправка къ берегамъ Рейна вспомогательнаго русскаго корпуса въ 30 тысячъ человекъ, который зимовалъ за границей въ австрійскихъ провинціяхъ, ни разу не выступивъ въ дѣло. Наконецъ, въ Семилѣтнюю войну, когда русскіе войска захватили Кенигсбергъ и побывали въ Берлинѣ, русское дворянство, наполнявшее армію, могло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наблюдать западные порядки на досугѣ между сраженіями.

Итакъ, обязательная наука, дипломатія и война заставили въ первой половинѣ XVIII в. множество русскаго люда предпринять невольное, но очень поучительное путешествіе за границу. Сохранились памятники, позволяющіе съ достаточной полнотой возстановить тотъ психологическій процессъ, который происходилъ въ этомъ невольномъ русскомъ путешественникѣ XVIII в. при его соприкосновеніи съ западно-европейскимъ міромъ. До насъ дошло нѣсколько дневниковъ и записокъ, веденныхъ за границей первыми такими путешественниками, хорошо передающихъ ихъ непосредственныя впечатлѣнія отъ всего видѣннаго на западѣ, — впечатлѣнія, записываемыя изо дня въ день съ необыкновенной простотой и искренностью. Таковы записки П. А. Толстого, впоследствии одного изъ главныхъ сотрудниковъ реформы, сенатора и президента коммерцъ-коллегіи, кн. Куракина — виднаго дипломата эпохи Петра, Матвѣева — будущаго президента юстицъ-коллегіи, Неплюева — будущаго оренбургскаго администратора и др.

На заграничную командировку, объявленную въ январѣ 1697 г., многіе изъ отправляемыхъ стольниковъ взглянули какъ на тяжелое испытаніе и неожиданное несчастіе. Небывалость самаго дѣла и дальность пути не могли не вызывать нѣкотораго страха передъ путешествіемъ. При томъ приходилось ѣхать если и не въ басурманскія страны, то все жъ таки въ страны съ христіанскою вѣрой сомнительной чистоты. Отталкивала и цѣль путешествія: спокойную службу при государевомъ дворѣ въ высокихъ придворныхъ званіяхъ приходилось мѣнять на простую матросскую службу подъ командой иностранныхъ офицеровъ — и это потомкамъ знатнѣйшихъ домовъ, никогда не знавшимъ черной служебной работы, привыкшимъ занимать положеніе правительственныхъ верховъ общества. При томъ иные изъ этихъ стольниковъ обзавелись уже семьями, которыя приходилось покидать. Все это вмѣстѣ не могло не вызывать того мрачнаго настроенія, съ которымъ они выѣзжали изъ Москвы, и той тяжелой тоски, которую они испытывали, разставаясь съ нею. Толстой, одинъ изъ немногихъ охотниковъ, добровольно отправившихся за границу, чтобы сдѣлать угодное государю, выѣхавъ изъ Москвы, еще цѣлыхъ три дня простоялъ въ Дорогомиловской слободѣ, прощаясь съ родственниками.

Обильный рядъ новыхъ впечатлѣній, которыя приходилось испытывать въ пути, заглушалъ тяжелыя чувства, навѣянные разлукой. Европа поражала русскаго человѣка, въ нее попадавашаго, прежде всего тою величественной внѣшностью, которой онъ не видѣлъ дома. Громадные города съ каменными высокими домами, съ величавыми соборами возбуждали одно изъ первыхъ удивленій послѣ

русских городовъ съ ихъ совершенно сельскими, крытыми соломою избами и маленькими деревянными церквами, и путешественникъ непременно отмѣтитъ въ дневникѣ, какъ будто въ этомъ было что-то особенно замѣчательное, что весь городъ, черезъ который онъ проѣзжалъ, каменный. Если ему случится побывать въ театрѣ, то онъ на своемъ точномъ, но удивительно неприспособленномъ къ передачѣ новыхъ впечатлѣній языкѣ запишетъ въ дневникъ, что «былъ въ палатахъ великихъ округлыхъ, которыя итальяне зовутъ театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе (ложи) въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными». Если же покажутъ ему отдѣланный садъ, то онъ расскажетъ, что видѣлъ тамъ «многіе травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками по пропорціи и множество плодовыхъ деревъ съ обрѣзанными вѣтвями, ставленныхъ архитектурально и немалое число подобій человѣческихъ мужеска и женска полу изъ мѣди (статуи)». Искусство остается для такого путешественника еще недоступно своею внутреннею стороною, не вызывая въ немъ никакихъ эстетическихъ волненій; но произведенія искусства поражаютъ его мастерствомъ техники, и онъ отмѣтитъ, что видѣнные имъ на картинахъ люди или «мраморныя дѣвки», изображающія «поганскихъ богинь», сдѣланы какъ живыя (Толстой), или, справившись о значеніи памятника, стоящаго на городской площади, запишетъ, что на площади «стоитъ сдѣланъ мужикъ вылитый, мѣдный съ книгою на знакъ тому, который былъ человѣкъ гораздо ученый и часто людей училъ, и тому на знакъ то сдѣлано», какъ описалъ кн. Куракинъ видѣнный имъ памятникъ знаменитаго Эразма въ Роттердамѣ.

Новые интересы возбуждались въ душѣ русскаго наблюдателя по мѣрѣ того, какъ его житье за границей становилось продолжительнѣе и его знакомство съ западомъ болѣе основательнымъ. Складъ западнаго житейскаго быта привлекалъ къ себѣ его вниманіе своими внѣшними и внутренними сторонами. Его поражали чистота, порядокъ и благоустройство европейскихъ городовъ, вѣжливость и обходительность въ обращеніи ихъ жителей, — черты, къ которымъ онъ не привыкъ дома. Онъ быстро знакомился съ «плезирами» европейской жизни. Для нашего дипломатическаго персонала было открыто посѣщеніе «ассамблей, фестиновъ и конверсаціоновъ» въ аристократическихъ домахъ; посѣщеніе комедій и оперъ, сходбища въ кофейные дома и австеріи — сдѣлались любимыми занятіями въ часы досуга для навигаторовъ. Но и болѣе серьезныя стороны европей-

ской жизни привлекали къ себѣ вниманіе русскаго наблюдателя. Его удивленіе вызывали обширныя благотворительныя учрежденія, въ которыхъ онъ могъ наблюдать проявленіе самыхъ лучшихъ христіанскихъ чувствъ милосердія и любви къ ближнему въ западномъ христіанинѣ такой подозрительной чистоты. На каждомъ шагѣ онъ встрѣчалъ учрежденія просвѣтительнаго характера: академіи, музеи и учебныя заведенія, дававшія ему понятіе объ уваженіи на западѣ къ наукѣ, значенія которой въ общественной жизни онъ если и не сознавалъ вполне ясно, то уже не могъ не чувствовать. Иныя приемы воспитанія и положеніе женщины также вызывали замѣтки въ дневникахъ. «Народъ женскій въ Венеціи,—пишетъ Толстой,—зѣло благообразенъ и строенъ, и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживають въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ». Невиданная дома простота и свобода обращенія представительницъ французской аристократіи поражала и очаровывала Матвѣева въ Версалѣ и Парижѣ. «Ни самый женскій полъ во Франціи,—пишетъ онъ,—никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращеніяхъ съ мужскимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и челоуѣколюбивымъ приѣмствомъ и учтивостью». Наконецъ, и политическій порядокъ западно-европейскихъ государствъ, лежавшій въ основѣ этого житейскаго уклада, такъ понравившагося русскимъ людямъ, вызывалъ въ нихъ не мало симпатій. Толстой съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ о свободѣ, печать которой видна на всѣхъ гражданахъ венеціанской республики, о простотѣ въ обращеніи съ дожемъ, о справедливости, царящей въ судопроизводствѣ. Матвѣевъ попалъ во Францію въ эпоху разцвѣта абсолютизма при Людовикѣ XIV. Но онъ не безъ скрытаго намека на родные политическіе порядки долженъ былъ съ сочувствіемъ замѣтить отсутствіе произвола, благодаря чему «король кромѣ общихъ податей, хотя и самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ когѣ взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ конфискаціи или описи пожитки его подлежатъ будутъ». Частая и произвольная конфискація имущества была большимъ мѣстомъ въ русскомъ политическомъ строѣ первой половины XVIII столѣтія.

Таковы были впечатлѣнія, вызываемыя въ русскомъ наблюдателѣ конца XVII и начала XVIII в. западомъ при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ. Сильно дѣйствуя на его душу, они заставляли ее пережить цѣлую гамму настроеній. Посылаемый за границу, рус-

скій человѣкъ времени Петра Великаго уѣзжалъ туда съ печалью о томъ, что ему приходилось покидать и съ тревогой передъ тѣмъ, что его въ невѣдомой странѣ ожидало. По переѣздѣ рубежа величественность внѣшней европейской обстановки вызывала въ немъ удивленіе. Уже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ европейскою жизнью онъ находилъ въ ней многія стороны, которыя мирили его съ западомъ, смягчая остроту разлуки съ родиной. По мѣрѣ того какъ онъ долѣе жилъ за границей, простое первоначальное удивленіе смѣнялось размышленіемъ съ его неизбѣжной операціей сравненія, различенія сходнаго и несходнаго. Результаты этого сравненія своей домашней обстановки и порядковъ съ тѣми, которые пришлось узнать за границей, вели неизбѣжно къ заключеніямъ о превосходствѣ многихъ сторонъ европейской жизни передъ своей, русской. Отсюда дальнѣйшимъ шагомъ являлась критика своихъ порядковъ, сознаніе ихъ негодности и мысль о замѣнѣ ихъ новыми, заимствованными съ запада. Такъ, уѣзжая изъ Москвы съ тревогой и враждебнымъ чувствомъ къ западу, навигаторъ или дипломатъ нерѣдко возвращался съ сознаніемъ его превосходства.

Со второй четверти вѣка въ поколѣніи дѣтей этихъ невольныхъ путешественниковъ развивается и все болѣе входитъ въ моду добровольное путешествіе на западъ по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ оно предпринимается и до нашихъ дней: завершеніе образованія, удовлетвореніе любознательности, лѣченіе въ заграничныхъ курортахъ, наконецъ удовольствіе самаго путешествія. Благоустройство западнаго города, комфортъ европейской жизни, утонченные нравы, зрѣлища и увеселенія, а затѣмъ понемногу и все болѣе западные музеи и университеты—таковы были приманки, тянувшія русскаго путешественника на западъ. Не даромъ указъ 1762 г. о вольности дворянства съ такою подробностью говорилъ о возможности для дворянъ ѣздить за границу, обучать тамъ дѣтей и жить тамъ, сколько захотятъ. Путешествія за границу стали столь любимы и обычны, что еще за 20 лѣтъ до этого указа сухой и узкій моралистъ, придворный проповѣдникъ Савицкій, считалъ нужнымъ вооружиться противъ этого явленія, которое онъ считалъ зломъ и вредомъ для православія. «Многіе-ль,—воскликнулъ онъ въ проповѣди, произнесенной 4 іюля 1742 г.,—хоть копейку потратили на обученіе православію? Весьма немногіе! А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ». Мода порождаетъ увлеченія и доходитъ до крайностей, и молодой человѣкъ, дикарь по своимъ внутреннимъ качествамъ, слѣпой поклонникъ и смѣшной подражатель западной внѣшности, вздыхающій и тоскующій по Парижѣ, гдѣ

только и можно жить, сдѣлался надолго любимымъ типомъ русской сатиры и комедіи. «Madame, ты меня восхищаешь,—говорить въ «Бригадирѣ» сынъ, объясняясь въ любви совѣтницѣ,—мы созданы другъ для друга; все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская!»—«Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погубель»,—отвѣчаетъ совѣтница. «Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя,—продолжаетъ сынъ.—Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамъ остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société». Комедія, конечно, очень опасный историческій источникъ: она показываетъ явленіе въ преувеличенномъ видѣ, доводя его очертанія до карикатуры; но въ основу карикатуры она кладетъ все-таки дѣйствительныя очертанія. Заграничное путешествіе, въ которое въ началѣ вѣка нужно было посылать насильно, сдѣлалось къ половинѣ вѣка однимъ изъ самыхъ любимыхъ удовольствій.

Западная книга, иностранецъ въ Россіи и русскій за границей—таковы были проводники западнаго вліянія въ первой половинѣ XVIII в. Какими чертами отразилось это вліяніе на русскомъ дворянствѣ? Въ этой встрѣчѣ отечественнаго съ западнымъ на первыхъ порахъ много было ненужнаго и незрѣлаго, карикатурнаго и смѣшнаго. Но были и цѣнныя пріобрѣтенія. Наиболѣе дорогою была открывшаяся возможность идейнаго общенія съ просвѣщенными странами, хранительницами плодовъ долговременной умственной работы и возможность заимствованія оттуда того общечеловѣческаго, которое въ этихъ западныхъ плодахъ заключалось. Если поискать, можно найти нѣкоторый запасъ западныхъ идей уже въ русскомъ обществѣ первой половины XVIII в. Стали понемногу проникать въ Россію пріобрѣтенія научной мысли. Всего болѣе широкій доступъ въ этой области къ русскому обществу нашли себѣ идеи политической философіи. Успѣхи, которыхъ достигла политическая мысль въ Европѣ въ XVII и XVIII в., совпали съ повышеннымъ интересомъ къ политическимъ вопросамъ въ русскихъ людяхъ эпохи Петра, которымъ пришлось быть очевидцами и участниками преобразованія всего государственнаго строя, предпринятаго въ столь широкихъ размѣрахъ. Въ законодательствѣ Петра отразилось преклоненіе передъ разумомъ, какъ источникомъ и основаніемъ политики; въ политическихъ трактатахъ Теофана Прокоповича, въ дебатахъ дворянскихъ кружковъ, обсуждавшихъ въ 1730 г. вопросы государственнаго права, легко замѣтить понятія, навѣян-

ныя рціоналістической теоріей. Естественное право, естественное состояніе, договорное происхожденіе государства—весь этотъ багажъ западной политической мысли XVII в. здѣсь налицо. Не слѣдуетъ однако преувеличивать размѣровъ этого идейнаго вліянія: оно было очень поверхностно. Идеи не находили себѣ пока въ Россіи удобной почвы, подготовленной долгой и упорной воспитательной работой. А вѣдь только при такомъ условіи онѣ входятъ въ плоть и кровь, дѣлаются существенной принадлежностью организма, слагаются въ цѣльное міровоззрѣніе, регулируютъ поведеніе, подчиняютъ себѣ привычки и претворяются въ инстинкты. Иначе онѣ остаются непроезвездительною и летучею начинкою головы, быстро испаряющеюся. Вотъ почему и политическія идеи, сверкнувшія въ 1730 г., быстро вывѣтривались изъ головъ, будучи не болѣе какъ случайно занесеннымъ туда элементомъ. Только очень медленно и туго результаты западной мысли будутъ прокладывать себѣ путь въ русскую жизнь и измѣнять ее. Но залогъ ихъ будущаго успѣха можно видѣть въ томъ иногда еще смутномъ чувствѣ уваженія къ западу, которое стало у насъ обнаруживаться въ XVIII вѣкѣ. Въ его просвѣщеніи стали сознать превосходство, его учрежденіямъ и порядкамъ стремились подражать. Реформы Петра, произведенныя по западному образцу, цѣнились современниками, какъ пріобщеніе Россіи къ семьѣ западныхъ народовъ. «Ваше величество,—писалъ разъ Петру одинъ изъ дипломатовъ его времени, князь Г. Ѳ. Долгоруковъ,—милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобы оный изъ прежнихъ *азіатскихъ* обычаевъ вывести и обучить, какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся». Ту же мысль высказывалъ Петру и сенатъ въ привѣтствіи по случаю поднесенія ему императорскаго титула, говоря, что благодаря дѣятельности Петра русскіе «присовокуплены въ общество политическихъ народовъ». Западное устройство и отношенія получали значеніе хорошаго примѣра. Во время извѣстнаго раздора верховнаго тайнаго совѣта съ дворянствомъ въ 1730 г. руководитель совѣта кн. Д. М. Голицынъ, пытаясь привлечь расположеніе дворянства, включилъ въ текстъ составленной имъ тогда присяги, которая должна была имѣть значеніе конституціонной хартіи, параграфъ, гдѣ заключалось общеніе со стороны императорской власти дворянство содержать въ такой же «консидераціи», какъ это бываетъ въ западныхъ странахъ. Кругозоръ русскаго наблюдателя расширялся. Возникла возможность сравнивать свое съ чужимъ, развивалось еще въ XVII в. замѣтное критическое отношеніе къ родной дѣйствительности. Неприглядныя стороны этой дѣйствительности возбуждали нерѣдко

стыдъ за нее передъ тѣмъ новымъ обществомъ, въ которое вошла теперь Россія. На одномъ изъ тѣхъ же дворянскихъ совѣщаній зимою 1730 г., на которомъ собрались представители высшаго чиновнаго слоя этого сословія, раздавались горячіе возгласы противъ произвола, съ которымъ дѣйствовала въ тѣ годы политическая полиція. Нѣкоторые члены собранія съ негодованіемъ заявляли, что существованіе тайной канцеляріи, которая иногда только за одно неосторожно сказанное слово арестуетъ, пытается, казнить и конфискуетъ имущество, лишая всякихъ средствъ къ жизни ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ-наслѣдниковъ,—что это существованіе—позоръ для Россіи передъ западными народами. Способность критически взглянуть на самихъ себя и устыдиться за родные грѣхи и недочеты была, можетъ быть, самымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ, вынесеннымъ русскимъ обществомъ изъ знакомства его съ западомъ. Чувство стыда влекло за собой раскаяніе, которое въ свою очередь вызывало рѣшимость бросить ошибочный путь и идти по новому направленію.

Разумѣется, до идей было рано, когда надо было приобрѣтать еще знакомство съ самымъ орудіемъ ихъ распространенія—языкомъ. Это знакомство сдѣлало быстрые успѣхи. Какъ ни плохи и смѣшны были иностранцы-учителя, какой скудный запасъ понятій они ни приносили, они все-таки оказали русскому обществу услугу, научивъ его по крайней мѣрѣ своимъ языкамъ. Западная книга становилась доступна, и иностранецъ пересталъ быть для насъ «нѣмцемъ», т. е. человѣкомъ, который молчалъ, потому что его не понимали. Уже при Петрѣ можно насчитать много случаевъ знанія иностранныхъ языковъ въ высшемъ обществѣ, въ особенности среди молодого поколѣнія. Въ библиотекѣ кн. Д. М. Голицына много книгъ на иностранныхъ языкахъ. Другой сподвижникъ Петра, гр. П. А. Толстой, самъ работаетъ въ качествѣ переводчика. Бергхольцъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ русскихъ, знающихъ языки, и этихъ отмѣтокъ не мало. Капитанъ Измайловъ, котораго посылали въ Китай, говоритъ по-нѣмецки и по-французски, такъ какъ долго состоялъ на службѣ въ Даніи. 16-го февраля 1722 г. въ квартирѣ у герцога голштинскаго былъ поставленъ очень знатный гвардейскій караулъ; въ его составъ входили: поручикъ кн. Долгорукій, который хорошо говорилъ по-французски; сержантъ молодой кн. Трубецкой, человѣкъ вообще недурно образованный, говорящій хорошо по-нѣмецки; капраль молодой Апраксинъ, близкій родственникъ генераль-адмирала, также хорошо знающій нѣмецкій языкъ. Кн. Черкасскій, молодой камергеръ при невѣстѣ герцога царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, по отзыву того же Бергхольца, «кавалеръ очень

пріятный и любезный, много путешествовалъ, хорошо образованъ, знаетъ основательно языки французскій и итальянскій». Конечно, требованія Берггольца на званіе образованнаго человѣка не Богъ вѣсть какія высокія; но они именно относятся къ манерамъ и къ знанію языковъ. Гр. Головинъ, сынъ покойнаго генераль-адмирала, родившійся въ 1695 г., 11 лѣтъ былъ помѣщенъ въ московскую навигацкую школу, потомъ отправленъ въ Голландію, служилъ затѣмъ на англійскомъ кораблѣ, прекрасно владѣеть французскимъ и англійскимъ языками. Дѣти гр. Головкина получили новое воспитаніе: сынъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ и Галле, дочь, вышедшая замужъ за П. И. Ягужинскаго, а затѣмъ за М. П. Бестужева-Рюмина, хорошо говорила по-нѣмецки. Знаменитая Н. Б. Шереметева, оставившая такіе трогательные мемуары, воспитывалась подъ надзоромъ иностранной гувернантки m-lle Штауденъ. Вся семья Долгорукихъ владѣла языками, такъ какъ члены этой семьи проходили обыкновенно дипломатическую карьеру или росли при родственникахъ, послахъ за границей, а самый видный изъ нихъ, кн. Василій Лукичъ, былъ по отзыву герцога де-Лириа полиглотомъ, прекрасно говорилъ на многихъ языкахъ. Въ этой семьѣ случилось событіе, которое впоследствии будетъ нерѣдкимъ въ нашемъ высшемъ обществѣ. Княгиня Ирина Петровна Долгорукая, урожденная Голицына, живя за границей съ мужемъ-дипломатомъ, приняла католичество. Возвратясь католичкой и вывезя съ собою нѣкоего аббата Жака Жюбе, княгиня попала за перемѣну религіи подъ слѣдствіе, а дѣти ея князья Александръ и Владиміръ по испытаніи въ Синодѣ оказались также сомнительными въ православной вѣрѣ и были отправлены въ александровскую семинарію для наставленія на истинный путь. При Петрѣ и при Аннѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ. Въ 1733 г. изъ 245 русскихъ кадетовъ въ недавно тогда устроенномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ русскому языку обучалось 18, французскому—51, а нѣмецкому—237 человѣкъ. Но съ Елизаветы перевѣсъ взяло французское вліяніе, и французскій языкъ сталъ языкомъ высшаго русскаго общества. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и Германія находилась тогда подъ французскимъ вліяніемъ, нѣмецкій языкъ былъ въ загонѣ у самихъ нѣмцевъ, и король-философъ Фридрихъ II писалъ не иначе какъ по-французски. Для того времени движеніе въ сторону французскаго языка знаменовало собою шагъ впередъ въ умственномъ развитіи русскаго общества. Неразвитой тогда нѣмецкій языкъ былъ языкомъ техника и военнаго инструктора; тонкій и гибкій французскій языкъ открывалъ доступъ въ область философіи и изящной литературы.

Это усвоеніе иностранныхъ языковъ имѣло, правда, и обратную сторону. Во-первыхъ, оно портило родной языкъ, вводя въ него множество варваризмовъ. Діалоги такихъ поклонниковъ запада, какъ знакомая намъ совѣтница изъ «Бригадира», заявляющая, что «мериты должны быть уважаемы» и что она «капательна взбѣситься» или какъ ея обожатель, признающійся, что и ему «этурдери свойственна», кажутся намъ карикатурными. Но прочтите очень интересную «Исторію о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ», принадлежащую перу кн. Куракина, русскаго дипломата эпохи Петра, гдѣ онъ, описывая дѣтство царя, говоритъ, что царица Наталья Кирилловна была «править инкапатель», и далѣе характеризуетъ ея брата Льва Кирилловича, какъ человѣка, предававшагося пьянству и если дѣлавшаго добро, то «безъ резону по бизаріи своего гумору»; или просмотрите его не менѣе любопытныя записки, гдѣ онъ рассказываетъ, какъ въ Италіи онъ былъ сильно «иннаморать» въ славную хорошествомъ нѣкую «читтадину», вслѣдствіе чего у него едва не вышло duellio съ однимъ «жентильмомомъ», и вы увидите, что авторъ комедіи не давалъ своей карикатурѣ слишкомъ широкаго размаха. Можетъ быть, не меньшимъ зломъ, чѣмъ порча родного языка, было то забвеніе и пренебреженіе, которымъ онъ сталъ подвергаться съ XVIII в. въ высшемъ русскомъ обществѣ, совершенно разучившемся на немъ говорить. «Можно сказать, — читаемъ въ составленной на французскомъ языкѣ автобіографической запискѣ гр. А. Р. Воронцова, который въ 12-лѣтнемъ возрастѣ зналъ отъ доски до доски Вольтера, Расина, Корнеля и Буало, — что Россія — единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ родного языка и всего того, что относится до родины. Такъ называемые просвѣщенные люди въ Петербургѣ и въ Москвѣ стараются научить своихъ дѣтей французскому языку, окружаютъ ихъ иностранцами, съ большими издержками нанимаютъ имъ учителей танцевъ и музыки и не заставляютъ ихъ учиться родному языку; такъ что это прекрасное воспитаніе, при томъ столь дорогое, ведетъ къ полному незнанію своей страны, равнодушію, можетъ быть, даже къ пренебреженію къ странѣ, которой обязаны существованіемъ, и къ привязанности ко всему тому, что относится къ обычаямъ и странамъ чужимъ, въ особенности же къ Франціи». Но если отсутствіе отечествовѣдѣнія и составляло большой пробѣлъ въ образованіи русскихъ людей XVIII в., то что касается до роднаго языка, онъ неизбѣжно долженъ былъ испытывать нѣкоторое пренебреженіе, такъ какъ не послѣвалъ за мыслью и отставалъ отъ идей времени. Человѣкъ, воспитанный на Вольтерѣ и Буало, познакомившійся съ французской философской мыслью, очень бы

затруднился передавать новыя идеи на родномъ языкѣ: онъ былъ слишкомъ бѣденъ и неуклюжъ для того богатства и тонкости мысли, какихъ достигла эта философія, и потребовалась долгая и упорная работа надъ русскимъ языкомъ цѣлаго ряда писателей, чтобы приспособить его къ этой цѣли. Вотъ почему образованные люди XVIII в. предпочитали писать, говорить и даже думать по-французски: такъ было удобнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніемъ этихъ писаній, разговоровъ и думъ были новыя понятія и идеи, для которыхъ родной языкъ былъ недостаточенъ. Эта привычка портила и повергала въ забвеніе родной языкъ, зато она давала доступъ идеямъ.

Всего болѣе доступно было русскому обществу и всего болѣе широко на него подѣйствовало западное вліяніе въ томъ, что касалось внѣшней формы и матеріальной обстановки. Это было вполнѣ естественно. Когда дѣти сближаются съ взрослыми, они прежде всего стараются походить на послѣднихъ по внѣшности; когда некультурные народы соприкасаются съ культурными, они прежде всего перенимаютъ матеріальную культуру и затѣмъ уже съ гораздо большимъ трудомъ подвергаются воздѣйствію духовной. Внѣшняя обстановка: жилище съ его убранствомъ, одежда, столъ, мелочи обихода, внѣшнія житейскія отношенія и на первомъ и главномъ мѣстѣ удовольствія жизни — вотъ содержаніе этого матеріальнаго элемента западнаго вліянія. Его проводникомъ былъ дворъ, а его объектомъ тотъ общественный классъ, для котораго жизнь двора служить обязательнымъ примѣромъ. Уже въ обстановкѣ кремлевскаго дворца при царѣ Алексѣѣ можно было указать много предметовъ житейскаго обихода западнаго происхожденія, соблазнительныхъ въ глазахъ истаго приверженца московскаго благочестія. Царь Алексѣй любилъ посмотреть иностранную картину, послушать игру нѣмца-органиста, завелъ у себя даже нѣмецкій театръ. Тѣмъ не менѣе шагъ, сдѣланный его сыномъ, нельзя не признать очень рѣшительнымъ. Резиденція была перенесена далеко отъ насижennaго мѣста, далеко отъ московскихъ святынь, подъ сѣнію которыхъ чувствовали себя спокойно старинные цари. Въ новой столицѣ были построены небольшіе дворцы, украшенные иноземными картинами и статуями, вывезенными по заказу Петра изъ-за границы и выбранными не безъ вкуса. Заведенъ новый придворный штатъ съ камергерами и камеръ-юнкерами, и дворъ Петра, по отзыву иностранныхъ наблюдателей, сталъ очень похожъ на дворъ нѣмецкаго государя средней величины. Чинные торжественные выходы московскихъ царей и скучные парадные обѣды во дворцѣ, оглашаемые грубою мѣстническою бранью, смѣнились теперь совсѣмъ новымъ

придворнымъ европейскимъ этикетомъ. Правда, широкая русская натура то и дѣло выходила изъ этихъ узкихъ нѣмецкихъ рамокъ во время рождественскихъ славленій, когда Петръ съ многочисленной шумной и пьяной компаніей объѣзжалъ дома вельможъ и именитаго купечества, когда онъ исполнялъ обязанности протодьякона на засѣданіяхъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора или когда, праздноя спускъ новаго корабля, онъ объявлялъ во всеуслышаніе, что тотъ бездѣльникъ, кто по такому радостному случаю не напьется допьяна, при чемъ послѣ шестичасового угощенія участники пира сваливались подъ столъ, откуда ихъ выносили замертво. Но къ концу царствованія эти широкіе размахи слабѣли, и Петръ сталъ находить удовольствіе въ увеселеніяхъ болѣе скромнаго характера, къ которымъ и приучалъ общество. Вслѣдствіе тѣсноты дворцовыхъ помѣщеній придворныя собранія лѣтомъ происходили въ императорскомъ лѣтнемъ саду, очень хорошо устроенномъ по отзыву Бергхольца, съ правильно разбитыми клумбами и аллеями, съ гротомъ, украшеннымъ статуями, рѣдкими раковинами и кораллами, съ фонтанами и органомъ, приводившимся въ дѣйствіе водою и хорошо игравшимъ. По пушечному сигналу въ пять часовъ вечера къ саду приставала цѣлая флотилія небольшихъ судовъ, привозившихъ по Невѣ приглашенное общество. Вечеръ начинался прогулкой, затѣмъ бывали танцы, до которыхъ Петръ былъ большой охотникъ и въ которыхъ онъ бралъ на себя роль распорядителя, придумывая все новыя и новыя замысловатыя фигуры, какія-нибудь «каприоли» или какой-нибудь Kettentanz, приводившія въ замѣстительство танцоровъ и вызывавшія общую потѣху. Угощеніе на этихъ придворныхъ вечерахъ было грубовато, подавали простую водку къ великому неудовольствію иностранцевъ и дамъ.

Въ слѣдующія царствованія въ императорскомъ обиходѣ появляется роскошь, которая поражаетъ иностранцевъ. «Императрица Анна щедрѣе до расточительности, — пишетъ испанскій посоль де-Лиріа, — любитъ пышность чрезмѣрно, отчего дворъ ея великолѣпнѣе превосходитъ всѣ прочіе европейскіе». «Она любила порядокъ и великолѣпіе, — вторитъ ему фельдмаршалъ Минихъ, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ при ней». Зимній дворецъ, построенный Петромъ, показался ей уже слишкомъ тѣсенъ, и она выстроила новый трехэтажный въ 70 комнатъ разной величины съ тронной и театральной залами. Въ послѣдніе годы царствованія Петра весь расходъ на содержаніе двора составлялъ около 186 тыс. руб. При Аннѣ съ 1733 г. только на придворный столъ тратилось 67 тыс. руб. Императрица была страстной охотницей и любительницей лошадей. Она ловко ѣздила вер-

хомъ и мѣтко стрѣляла изъ ружья, не промахиваясь по птицѣ на лету. Для нея былъ устроенъ обширный манежъ и заведенъ былъ конюшенный штатъ изъ 379 лошадей и еще большаго количества состоявшихъ при нихъ людей. Придворная охота, совсѣмъ упраздненная при Петрѣ, при Аннѣ была громадна, и русскіе послы въ Парижѣ и Лондонѣ среди важныхъ дипломатическихъ дѣлъ должны были исполнять императорскія порученія по закупкѣ цѣлыхъ партій заграничныхъ охотничьихъ собакъ, за которыхъ платились тысячи рублей. Роскошь при дворѣ заражала и высшее общество. Появилось щегольство въ одеждѣ, открытые столы, неизвѣстныя до тѣхъ поръ дорогія вина: шампанское и бургонское. «Вмѣсто малаго числа комнатъ,—разсказываетъ Щербатовъ,—уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуя сие того времени построенныя зданія. Зачали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обой; зеркала, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе восхвостовали: богатыя позлащенные кареты съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатыя тяжелыя и позлащенные и посеребренные шоры съ кусами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ; также богатыя ливреи стали употребляться». Еще шагъ впередъ въ смыслъ роскоши при Елизаветѣ. Тутъ уже, по свидѣтельству того же Щербатова, экипажи «возблистали золотомъ», дворъ облакался въ золотканную одежду, «подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ (т.-е. почтенъ) по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ». Съ растущимъ великолѣпіемъ въ придворный обиходъ все болѣе проникаетъ искусство, облакая роскошь въ изящныя элегантныя западно-европейскія формы. Дворцы строятся знаменитымъ Растрелли. При Аннѣ появилась при дворѣ итальянская опера, а при Елизаветѣ среди пѣвцовъ этой оперы блистали звѣзды первой величины. Устраиваются и русскіе спектакли, въ которыхъ актерами выступаютъ воспитанники шляхетскаго кадетскаго корпуса, а придворный балетмейстеръ Landet вводитъ грацію и изящество въ чинные и церемонные менуэты, которымъ съ увлеченіемъ предается придворное общество, и съ какимъ увлеченіемъ! Нужно было обладать крѣпостью нервовъ, свойственной людямъ того времени, чтобы выдерживать эти безкончныя увеселенія. Придворный маскарадъ въ Москвѣ въ 1731 г. въ годовщину возстановленія самодержавія начался 8 февраля и затѣмъ тянулся цѣлыхъ десять дней. Но продолжительныя по времени придворныя торжества полны чиннаго этикета, и оргіи петровскаго

царствованія отошли уже въ область преданій. 2 января 1751 г. «какъ знатныя обоего пола персоны и иностранныя господа министры, такъ и все знатное дворянство съ фамиліями отъ 6 до 8-го часа имѣли прїѣздъ ко двору на маскарадъ въ богатомъ маскарадномъ платьѣ, и собирались въ большой залѣ, гдѣ въ осьмомъ часу началась музыка на двухъ оркестрахъ и продолжалась до семи часовъ пополудни. Между тѣмъ убраны были столы кушаньемъ и конфектами для ихъ императорскихъ высочествъ съ знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами въ особливомъ покоѣ, а для прочихъ находившихся въ томъ маскарадѣ персонѣ въ прихожихъ парадныхъ покояхъ на трехъ столахъ, на которыхъ поставлено было великое множество пирамидъ съ конфектами, также холодное и жаркое кушанье. Въ оной большой залѣ и въ парадныхъ покояхъ въ паникадилахъ и крагштейнахъ горѣло свѣчь до 5.000, а въ маскарадѣ было обоего полу до 1.500 персонъ, которыя всѣ по желанію каждаго разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеемъ, шоколадомъ, чаемъ, оршатомъ и лимонадомъ и прочими напитками довольствованы». Такъ описывался придворный балъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Увеселенія прогрессируютъ быстрѣе другихъ элементовъ общественной жизни. Звуки бальной музыки, волны свѣта, заливающія залы, лица въ маскахъ, мелькающія въ танцахъ пары—какъ все это далеко отъ церковнаго ритуала московскаго царскаго двора!

Новыя формы свѣтскихъ отношеній и новыя увеселенія легко прививались къ русскому обществу, и эта сторона реформы стоила правительству наименьшихъ усилій. Съ бородою и стариннымъ платьемъ дворянство начала XVIII в. разсталось безъ тяжелаго чувства и довольно быстро, говоря словами Щербатова, «преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ гладкіе и изъ долгополыхъ въ короткополые». Правда, ассамблеи вводились принудительнымъ путемъ, и зимой 1722 г., когда дворъ прибылъ въ Москву и въ Преображенскомъ назначена была ассамблея, пришлось пустить въ ходъ угрозу, чтобы привлечь на нее московскихъ дамъ и дѣвицъ. Можетъ быть, принудительный характеръ этихъ собраній при Петрѣ отражался и на томъ принужденномъ тонѣ, который царилъ на нихъ и поражалъ иностранца. «Что мнѣ не нравится въ ассамблеяхъ,—пишетъ Бергхольцъ,—такъ это, во-первыхъ, то, что въ комнатѣ, гдѣ дамы и гдѣ танцуютъ, курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отъ чего бываетъ вонь и стукотня, вовсе неумѣстныя при дамахъ и при музыкѣ; во-вторыхъ, то, что дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что съ ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова: когда не танцуютъ, всѣ сидятъ, какъ нѣмыя, и

только смотреть другъ на друга». Принужденіе къ увеселеніямъ этого рода распространялось даже на духовенство и притомъ на черное. Въ декабрѣ 1723 г. вышелъ указъ первоприсутствующаго въ синодѣ объ очереди ассамблей въ московскихъ монастыряхъ. 29 декабря по этому указу состоялась ассамблея у архимандрита Донскаго монастыря, на которой были: президентъ синода архіепископъ новгородскій Θεодосій Яновскій, архіепископъ крутицкій Леонидъ, архимандриты другихъ московскихъ монастырей и высшіе чиновники синодальной канторы и монастырскаго приказа изъ свѣтскихъ лицъ. За Донскимъ монастыремъ послѣдовали ассамблеи въ другихъ. Сѣзжались въ третьемъ часу пополудни; хозяевамъ не воспрещалось, какъ гласилъ указъ первоприсутствующаго, гостей «траковать и обѣдомъ». Это новшество въ духовной средѣ вызывало неудовольствіе со стороны поборниковъ строгихъ нравовъ. «Оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, — писалъ впослѣдствіи митрополитъ казанскій Сильвестръ въ доносѣ на Θεодосія, инициатора этихъ ассамблей, — уставилъ у себя *самлеи* съ музыкою и тѣшилъ въ карты и шахматы и въ томъ ненасытно забавлялся. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ также и въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ, сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами». Но въ свѣтской средѣ такого неудовольствія не было. Ассамблея приплась русскому обществу по вкусу, быстро распространялась, и выведенная въ общество женщина, скоро освобождаясь отъ застѣнчивости, начинала чувствовать себя въ немъ хозяйкой. «Пріятно было женскому полу, — повѣствуетъ объ этой перемѣнѣ Щербатовъ, — бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣянными и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое жъ имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами». Это сближеніе половъ не только смягчало нравы, но и порождало новыя чувства и настроенія, не извѣстныя до тѣхъ поръ. «Страсть любовная, — продолжаетъ тотъ же писатель, — до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утверженіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло!... О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!» Ассамблеи давали мѣсто для практики тѣхъ чувствъ, теорія которыхъ вычитывалась изъ какого-нибудь переводнаго французскаго романа подъ заглавіемъ «Эпаминондъ и Целеріана», дававшего «понятіе о любовной страсти со стороны весьма нѣжной и прямо романтической», какъ это испыталъ на себѣ Болотовъ. «Все, что

хорошею жизнью зовется, — вспоминает онъ о елизаветинскихъ временахъ—тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе». Къ половинѣ вѣка западныя забавы проникаютъ уже въ деревню въ помѣщичьи усадьбы, и тамъ происходятъ своего рода ассамблеи, тяжеловатая и грубоватая, какъ все въ деревнѣ, появляются карты и танцуютъ менуэты и контрдансы. Въ 1752 г. юноша Болотовъ, возвращаясь изъ Петербурга къ себѣ въ родную тульскую деревню, заѣхалъ къ зятю псковскому помѣщику Неклюдову, женатому на его старшей сестрѣ, и попалъ какъ разъ на ея именины. Именины праздновались на славу. Былъ большой сѣздъ окрестныхъ помѣщиковъ и, конечно, съ семействами. Приѣхалъ П. М. Сумороцкій, важный сосѣдъ въ полковничьемъ чинѣ, уважаемый всею округою, и привезъ съ собою, по просьбѣ хозяина, свой домашній оркестръ изъ нѣсколькихъ дворовыхъ скрипачей, которые въ свободное отъ занятій искусствомъ время помогали хозяйскимъ лакеямъ прислуживать за столомъ. Приѣхалъ другой Сумороцкій, небогатый маленькій и худенькій челоуѣкъ съ «претолстою и предородною» женою и съ тремя изъ безчисленнаго количества дочерей всѣхъ возрастовъ, изъ которыхъ состояла его семья. Приѣхалъ помѣщикъ Брылкинъ «изъ простаковъ, любившій отмѣнно курить табакъ и выпить иногда лишнюю рюмку», сильно надоѣвшій своими приставаніями Болотову; приѣхали многіе другіе, именъ которыхъ не сохранила память автора воспоминаній. Обѣдъ, какъ и подобало торжественному случаю, тянулся нѣсколько часовъ. Послѣ обѣда общество предалось увеселеніямъ. Молодежь занялась танцами, при чемъ Болотовъ, щеголяя спитымъ въ Петербургѣ синимъ кафтаномъ съ бѣлыми разрѣзными обшлагами, долженъ былъ открыть менуэтъ, танцую въ первой парѣ съ полковничьей дочерью. Дамы сѣли за карточные столы, забавляясь какою-то игрою въ «памфелъ», мужчины продолжали бесѣду за рюмкой. Наконецъ, оживленіе, все возрастающее, охватило всѣхъ; карты и разговоры были брошены, все пустилось въ плясъ. Элементы отечественной культуры взяли верхъ надъ европейской, и чинный западный менуэтъ уступилъ мѣсто русской, подъ пѣсни дворовыхъ дѣвокъ и лакеевъ. Такъ продолжалось до ужина. Гости, разумѣется, почевали у радушнаго хозяина и стали разъѣзжаться только на другой день послѣ обѣда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Богословскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Памяти проф. Е. Е. Вагнера.

In Lebensfluthen, in Thatensturm
Wall ich auf und ab
Webe hin und her...
Ein ewiges Meer
Ein wechselnd Weben
Ein glühend Leben...

14 ноября истекшаго 1903 года въ Варшавѣ скончался послѣ тяжелой болѣзни профессоръ и деканъ Политехническаго института Императора Николая II Егоръ Егоровичъ Вагнеръ.

Выдающееся значеніе, которое имѣла неустанная дѣятельность покойнаго на пользу русской науки и просвѣщенія, побуждаетъ меня посвятить настоящія строки памяти этого замѣчательнаго человѣка.

Егоръ Егоровичъ родился въ 1849 г. въ г. Казани. Внѣшняя жизнь его, подобно жизни большинства ученыхъ, не богата событіями.

За первоначальнымъ домашнимъ образованіемъ слѣдуетъ поступленіе въ Казанскій университетъ,—сначала въ качествѣ вольнаго слушателя, потомъ окончаніе университета и оставленіе при каедрѣ химіи у проф. А. М. Зайцева. Далѣе судьба заноситъ Вагнера въ Петербургъ, гдѣ онъ нѣкоторое время исполняетъ обязанности лаборанта у проф. Н. А. Меншуткина и вмѣстѣ съ тѣмъ испытываетъ на себѣ обаятельное вліяніе личности А. М. Бутлерова. Въ 1882 г. онъ занимаетъ на короткое время мѣсто доцента по каедрѣ сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи въ Ново-Александрійскомъ Сельскохозяйственномъ институтѣ, откуда вслѣдъ затѣмъ переходитъ на кафедру чистой химіи при томъ же институтѣ.

Въ 1886 г. вскорѣ послѣ защиты магистерской диссертациі „Синтезъ вторичныхъ спиртовъ и ихъ окисленіе“ онъ получаетъ кафедру органической химіи въ Варшавскомъ университетѣ. Здѣсь въ 1888 г. защищаетъ онъ свою знаменитую докторскую диссертацию: „Къ реакціи окисленія непредѣльныхъ углеводистыхъ соединеній“.

За нѣсколько лѣтъ до смерти (въ 1898 г.) покойному была поручена постройка и организація химической лабораторіи Варшавскаго Политехническаго института. Немного спустя, онъ былъ назначенъ профессоромъ органической химіи и деканомъ химическаго отдѣленія этого института, куда и перешелъ окончательно въ 1901 году, оставивъ службу въ Варшавскомъ университетѣ. Въ разгарѣ этой новой дѣятель-

ности и застигла его внезапная смерть, послѣдовавшая отъ раковой опухоли въ области кишекъ, вскорѣ послѣ перенесенной имъ трудной операціи.

Такова внѣшняя сторона жизни и дѣятельности Вагнера. Постараемся теперь заглянуть въ ея внутреннее содержаніе.

Начнемъ съ дѣятельности научной, ибо въ жизни покойнаго она всегда стояла на первомъ планѣ.

Эта дѣятельность началась еще въ Казани, гдѣ Вагнеръ сдѣлалъ свою первую юношескую работу подъ руководствомъ своего учителя А. М. Зайцева. Она продолжалась потомъ въ Петербургѣ и здѣсь впервые приобрѣла вполне самостоятельный характеръ, доставивъ автору заслуженную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Плодомъ этихъ работъ явилось изслѣдованіе или, точнѣе, цѣлыхъ два, тѣсно связанныхъ между собой, которыя и вошли въ составъ магистерской диссертациі Вагнера.

Прекрасный синтезъ вторичныхъ спиртовъ, до самаго послѣдняго времени лучшій изъ числа употребляемыхъ для этой цѣли пріемовъ и только года три тому назадъ отчасти уступившій мѣсто упрощенному методу Гриньяра, — такова первая часть изслѣдованія.

Во второй части авторъ разработалъ условія окисленія тѣхъ самыхъ спиртовъ, синтезъ которыхъ ему удалось передъ тѣмъ такъ удачно воспроизвести, и установилъ рядъ замѣчательныхъ законностей, которымъ подчиняется процессъ распада этихъ спиртовъ (и кетонъ), происходящій при дѣйствіи на нихъ хромовой кислоты. Эти законности являются весьма существеннымъ подспорьемъ при опредѣленіи такъ называемаго *строения* органическихъ соединеній и сохраняютъ все свое значеніе и до настоящаго времени. Уже въ этой первой своей самостоятельной работѣ Вагнеръ проявилъ въ одинаковой степени и крупный талантъ экспериментатора, и необычайную, далеко не всѣмъ дающуюся способность „химически мыслить“, то — употребляя мѣткое выраженіе Вантъ-Гофа — особое чутье, которое помогаетъ химику извлекать обобщенія и правильности изъ хаотически беспорядочнаго фактическаго матеріала. Это чутье не покидало Вагнера и во всѣхъ его дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Самыми выдающимися работами Егора Егоровича по справедливости считаются тѣ, которыя относятся къ варшавскому періоду его дѣятельности.

Здѣсь на первыхъ порахъ ему посчастливилось сдѣлать блестящее открытіе, плоды котораго мы не перестаемъ пожинать и до настоящаго времени. Это открытіе сводится къ нахожденію метода для окисленія непредѣльныхъ углеводовъ съ помощью марганцовокалиевой соли. Реакція эта въ сущности одна изъ самыхъ банальныхъ. Ее много разъ продѣлывали и до появленія работы Вагнера, но въ ней не умѣли какъ слѣдуетъ разобраться.

Нужны были необыкновенная проицательность и удивительное экспериментальное искусство Егора Егоровича для того, чтобы сдѣлать изъ этой реакціи то, что она представляетъ въ настоящее время.

Для поясненія намъ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Существуетъ одна особенность въ строеніи химическихъ частицъ (молекулъ), которая носитъ названіе „двойной связи“. Теорія химиче-

скаго строенія принимаетъ, что атомы элементовъ, входящiе въ составъ каждой молекулы, какъ бы насыщаютъ взаимно присутiя каждому изъ нихъ въ опредѣленномъ числѣ такъ наз. единицы сродства (нѣчто въ родѣ полярныхъ силъ, которыми атомы притягиваются другъ къ другу). Обыкновенно при этомъ каждый элементарный атомъ связывается (обмѣнивается) съ сосѣднимъ атомомъ только одной единицей сродства. Но бываютъ случаи, когда при такомъ расчетѣ оказывается, что у двухъ сосѣднихъ атомовъ—въ интересующемъ насъ случаѣ у атомовъ углерода—остается по одной единицѣ сродства, не подвергнувшейся насыщению. Въ такихъ случаяхъ теорiя строенія принимаетъ, что эти единицы сродства не остаются свободными и что оба сосѣднихъ углеродныхъ атома вторично обмѣниваются ими: получается то, что называютъ *двойной связью*.

Уже давно химики замѣтили, что при наличности двойной связи частица особенно легко расщепляется подъ влiяниемъ окислителей и что вообще такiя соединенiя, носящiя названiе *непредѣльныхъ*, отличаются весьма малой устойчивостью.

Но какъ, *по какимъ законамъ* происходитъ распаденiе такихъ веществъ, объ этомъ до работъ Вагнера знали сравнительно мало. Егоръ Егоровичъ впервые показалъ, что при дѣйстви марганцовокислаго калiя на непредѣльныя соединенiя, какъ *правило*, по мѣсту каждой двойной связи присоединяются два водныхъ остатка (ОН). Такимъ образомъ является возможность опредѣлить и число, и положенiе двойныхъ связей въ частицѣ.

Для химика этотъ результатъ имѣетъ огромное значенiе. Но онъ составляетъ только половину открытiя. Вагнеру удалось кромѣ того, обнаружить, что первые продукты только что разобраннаго процесса, такъ назыв. многоатомные спирты, при дальнѣйшемъ окисленiи марганцовокалевой солью распадаются какъ разъ по мѣсту бывшихъ двойныхъ связей. Частица разбивается на обломки различной величины и степени сложности. Изучая эти обломки, сравнивая ихъ съ извѣстными уже соединенiями, химикъ заключаетъ о молекулярной архитектурѣ того цѣлага, изъ котораго они произошли. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ уподобляется археологу, который по уцѣлѣвшимъ памятникамъ древней культуры и искусства, по обломкамъ статуй и зданiй возстановливаетъ мысленно состоянiе челоуѣчества въ далекомъ прошломъ.

Но, для того чтобы сдѣлать правильное заключенiе, археологъ долженъ быть увѣренъ, что остатки, извлеченные изъ нѣдръ земли путемъ раскопокъ, не измѣнили своего вида, сохранили свой первоначальный стиль.

Не менѣе важно и для химика, чтобы осколки сложной молекулы, съ которыми ему придется имѣть дѣло, въ точности воспроизводили то *строенiе*, тотъ стиль, который принадлежалъ имъ, когда они еще составляли часть первоначальнаго цѣлага. Къ сожалѣнiю, во многихъ химическихъ реакцiяхъ, ведущихъ къ распаду сложныхъ молекулъ, „стиль“ этихъ послѣднихъ нарушается воздѣйствиемъ грубыхъ агентовъ. Правильное заключенiе о структурѣ дѣлается невозможнымъ.

Въ той области, къ которой относятся работы Вагнера, до ихъ появленiя, вовсе не было извѣстно реакцiй (окисленiя), гарантирующихъ

сохраненіе этого молекулярнаго стила, или—употребляя техническій терминъ химиковъ—реакцій, свободныхъ отъ *процессовъ изомеризации*.

Способъ, открытій Вагнеромъ, восполнилъ этотъ существенный пробѣлъ. Реагентъ, который былъ примѣненъ Е. Е. въ качествѣ окислителя, какъ оказалось, обладаетъ именно тѣмъ драгоценнымъ свойствомъ, что онъ, по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только дробитъ сложную молекулу на обломки, не измѣняя молекулярнаго строенія этихъ послѣднихъ ¹⁾.

Нечего говорить, что методъ Вагнера получилъ огромное значеніе въ нашей наукѣ. Благодаря ему, для изученія цѣлаго ряда важнѣйшихъ органическихъ веществъ былъ сдѣланъ доступнымъ тотъ путь, которому обычно слѣдуетъ химикъ, стремясь проникнуть въ интимное строеніе химическихъ частицъ: путь анализа, приведенія сложнаго къ простѣйшему.

Самъ Вагнеръ лучше и раньше другихъ сумѣлъ оцѣнить и использовать драгоценныя свойства своего метода, примѣнявъ его къ изученію одной изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ областей органической химіи—къ области терпеновъ и родственныхъ имъ соединеній.

Органическія соединенія, относящіяся къ этой категоріи, входящія въ составъ различныхъ эфирныхъ маселъ и смолъ, пользуются широкой извѣстностью и давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Много выдающихся химиковъ, корифеевъ науки, отъ Соссюра и Дюма, Девиля и Бертло до фонъ-Байера и Валлаха занимались ихъ изученіемъ, но несмотря на огромное количество сырого матеріала, несмотря на множество необработанныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу наблюдений, къ началу 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда Вагнеръ вступилъ въ эту область, ни для одного изъ числа настоящихъ терпеновъ (углеводородовъ $C_{10}H_{16}$) не было выяснено химическое строеніе.

Въ рядѣ изслѣдованій, которыя останутся классическими, пользуясь своимъ методомъ окисленія (частію также нѣкоторыми другими удачно подобранными приемами) Вагнеръ въ короткое время достигъ желаемыхъ результатовъ. Употребляя его собственное мѣткое выраженіе, ему удалось развязать узелъ терпеноваго вопроса.

Имъ было впервые установлено строеніе двухъ наиболѣе часто встрѣчающихся въ природѣ и особенно интересныхъ по свойствамъ терпеновъ *пинена* и *лимонена*. Первый изъ нихъ входитъ въ составъ французскаго скипидара, второй находится въ лимонномъ, тминномъ и во многихъ другихъ эфирныхъ маслахъ.

Къ этимъ двумъ соединеніямъ не замедлилъ присоединится и рядъ другихъ членовъ терпеноваго ряда (карвонъ, пинолъ, терпинеолъ и пр.), химическая природа которыхъ впервые была установлена Егоромъ Егоровичемъ и его учениками.

Много потрудился онъ и надъ выясненіемъ строенія камфоры, изученіе которой, продолжавшееся въ теченіе цѣлаго столѣтія, по своей трудности долго казалось настоящей Сизифовой работой, и хотя здѣсь

¹⁾ Главная причина этого преимущества перманганатнаго метода передъ многими другими заключается въ томъ, что реакція протекаетъ здѣсь въ отсутствіи сильно дѣйствующихъ реагентовъ кислаго характера. Е. Е. принадлежитъ заслуга впервые обратить вниманіе на это принципиально важное обстоятельство.

не Вагнеру принадлежит окончательное рѣшеніе вопроса, однако и въ этой области наука обязана ему массой интереснѣйшихъ наблюдений.

Между прочимъ онъ первый вѣрно опредѣлилъ тотъ основной типъ, по которому совершаются различныя т. наз. молекулярныя перегруппировки въ камфорномъ ряду, такъ сильно затруднявшія изученіе камфоры.

Мы остановились только на самыхъ выдающихся моментахъ научной дѣятельности Вагнера. Кромѣ упомянутыхъ работъ, его занимали и другіе вопросы химіи, болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ основными темами его изслѣдованій.

Писалъ онъ не разъ и критическія статьи... Но обо всемъ говорить—нѣтъ возможности.

Одно только считаю необходимымъ отмѣтить. Все, что выходило изъ-подъ пера Егора Егоровича, было остроумно и оригинально. Здѣсь новый экспериментальный приемъ, тамъ новая мысль, остроумное сближеніе фактовъ, неожиданная для большинства точка зрѣнія... Этой свѣжестью и новизной мысли отличаются всѣ статьи, написанныя покойнымъ; ими одухотворяются всѣ его научныя работы.

Къ сказанному необходимо еще прибавить, что широкій полетъ мысли въ работахъ Егора Егоровича всегда соединялся съ удивительной тщательностью исполненія.

Это обстоятельство одинъ изъ его біографовъ, быть можетъ, не безъ основанія приписываетъ отличительнымъ чертамъ двухъ національностей, унаслѣдованныхъ покойнымъ. Въ немъ счастливо сочеталась нѣмецкая аккуратность и пунктуальность съ широкимъ размахомъ славянской натуры.

Умѣряя и пополняя одна другую, эти двѣ черты кладутъ печать на всю жизнь Вагнера и особенно благотворно отражаются на его экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ.

Но еще ярче выступить передъ нами выдающаяся научная дѣятельность Егора Егоровича, если мы представимъ себѣ ту обстановку, въ которой протекла ея значительная часть.

Я видѣлъ ту лабораторію, въ которой много лѣтъ къ ряду работала покойный, и еще больше преисполнился уваженіемъ къ этой могучей натурѣ, для которой не существовало внѣшнихъ препятствій.

Мнѣ вспомнился при этомъ рассказъ одного химика о томъ, какъ ему въ Парижѣ довелось осматривать тѣ роскошныя дворцы, въ которыхъ нынѣ помѣщается химическая лабораторія Сорбонны, и какъ сопровождавшій его (нынѣ уже покойный) проф. Фридель со словами: „Здѣсь работалъ Вюрцъ“ указалъ, ему гдѣ-то подъ лѣстницей темное подвальное помѣщеніе и добавилъ: „Не лабораторія дѣлаетъ химиковъ!“

Да, не лабораторія сдѣлала и Вагнера! Бывшая университетская лабораторія Егора Егоровича помѣщалась, правда, не въ подвалѣ, но едва ли она была просторнѣе той, въ которой работалъ знаменитый французскій ученый. Низкіе потолки, тѣсныя комнаты, мало приспособленныя для химическихъ работъ, плохая вентиляція, недостатокъ аппаратовъ и реактивовъ—все какъ будто соединилось для того, чтобы воспрепятствовать усидчивой научной работѣ.

Самъ Вагнеръ занималъ небольшую комнату, въ которой, кромѣ учи-

теля, работало еще трое учениковъ. Я видѣлъ столъ, на которомъ были произведены первые опыты окисленія углеводовъ: это былъ просто небольшой „студенческой“ столъ. Другого не было въ распоряженіи профессора. Чтобы характеризовать недостатокъ средствъ этой лабораторіи, достаточно сказать, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самому Вагнеру и его сотрудникамъ приходилось руками взбалтывать тяжелыя бутылки съ растворами марганцовой соли: не было возможности завести болтальную машину и механической двигатель.

А какъ энергично и дружно кипѣла работа въ этой убогой лабораторіи!

Все, что здѣсь дѣлалось, захватывало работающих живыми интересами. Каждого результата ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Бывали моменты въ жизни этой лабораторіи, когда профессоръ и его ученики засиживались за рабочимъ столомъ до глубокой ночи, забывая о пищѣ и объ отдыхѣ...

Таковъ былъ Вагнеръ-ученый. На такой же высотѣ стоялъ и Вагнеръ-учитель.

Для натуралиста вообще и въ особенности для химика эти два понятія нераздѣлимы. Трудно представить себѣ преподавателя нашей науки, *академическаго* въ истинномъ смыслѣ этого слова, который не былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и ученымъ, не умѣлъ бы и не любилъ бы работать въ лабораторіи и своимъ живымъ примѣромъ не заражалъ бы учениковъ.

Въ способности быть носителемъ этой „живой заразы“, думается мнѣ, и лежитъ самое драгоценное качество профессора-педагога.

Такой профессоръ не можетъ не пользоваться авторитетомъ и уваженіемъ среди своихъ слушателей, ибо они будутъ видѣть въ немъ представителя настоящей науки, будутъ ждать отъ него не только словъ, но и дѣла. Такой профессоръ, конечно, оставитъ послѣ себя и школу. Его имя не будетъ стоять изолированно въ наукѣ. Оно будетъ связано съ рядомъ учениковъ и вмѣстѣ съ ними передается потомству.

Какъ разъ всеми этими свойствами и обладалъ въ высокой степени Вагнеръ. Его дѣятельность, его работы въ теченіе цѣлой жизни были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дѣятельностью и работами его учениковъ. Его жизнь и жизнь его лабораторіи сливались въ одно неразрывное цѣлое.

Онъ умѣлъ группировать вокругъ себя талантливую молодежь, умѣлъ прививать ей ту горячую любовь къ наукѣ, которая одухотворяла его самого. Онъ былъ постоянно окруженъ этой молодежью, онъ любилъ ее, она составляла его вторую семью. И молодежь платила ему той же монетой: безграничной привязанностью, глубокимъ уваженіемъ.

Понятно, что обаяніе личности Вагнера не ограничивалось однимъ только тѣснымъ кругомъ его ближайшихъ учениковъ. Оно распространялось и на широкіе круги студенчества. Мало того, что въ немъ цѣнили мощную научную силу, составлявшую гордость его *almae matris*, чуткая молодежь видѣла въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ дѣятелей науки, преданнаго ея интересамъ до энтузіазма.

Но и помимо этихъ качествъ, столь необходимыхъ для академическаго преподавателя, Вагнеръ, по единодушнымъ отзывамъ его бывшихъ учениковъ, обладалъ блестящимъ даромъ преподаванія. Въ періодъ своей

университетской дѣятельности, не располагая необходимыми средствами, онъ читалъ лекціи почти безъ опытовъ, но живое, увлекательное изложение замѣняло вѣщныя эффекты. Впечатлѣніе получалось неотразимое. И не только химиковъ-спеціалистовъ увлекалъ своими лекціями Вагнеръ. Я слышалъ восторженные отзывы о нихъ и отъ такихъ его бывшихъ слушателей, которые посвящали себя совершенно иной (напр., биологической) спеціальности.

Очеркъ педагогической дѣятельности покойнаго былъ бы слишкомъ неполнымъ, если бы мы не упомянули еще о его отношеніи къ Варшавскому политехникуму и въ частности къ его химическому отдѣленію. Последнее по справедливости можетъ считаться дѣтищемъ Егора Егоровича. Съ любовью взявшись за порученную ему организацию новаго учрежденія, онъ на нѣсколько лѣтъ отдаетъ ей свои лучшія силы, временами даже почти забывая о своей любимой лабораторной дѣятельности.

Въ соотвѣтствіи со строго научнымъ характеромъ, которымъ, по глубокому убѣжденію покойнаго, должно было отличаться преподаваніе химической технологіи, необходимо было прежде всего поставить на твердую почву преподаваніе чистой химіи. Для этого, помимо выработки соотвѣтственныхъ программъ и приглашенія опытныхъ преподавателей, необходимо было позаботиться о созданіи хорошей химической лабораторіи. Лабораторія эта должна была удовлетворять всѣмъ требованіямъ современной науки; она должна была въ одинаковой степени быть пригодной для ознакомленія начинающихъ студентовъ съ элементами химіи и для научныхъ работъ болѣе зрѣлыхъ ученыхъ. Вагнеръ твердо вѣрилъ, что наука, также какъ и любая практическая дѣятельность, только тамъ можетъ давать хорошіе плоды, гдѣ она движется впередъ, а не стоитъ на мѣстѣ. И руководясь этимъ принципомъ, онъ всѣми силами заботился о томъ, чтобы и обстановка новыхъ лабораторій и ходъ преподаванія въ нихъ всецѣло отвѣчали требованіямъ научнаго и технического прогресса.

На организацию химической лабораторіи естественно было обращено особенное вниманіе. Извѣздивъ всю Европу, Е. Е. всюду осматривалъ образцовыя лабораторіи, тщательно взвѣсивая достоинства и недостатки каждой изъ нихъ, отбирая все наиболѣе удобное и цѣлесообразное. По возвращеніи въ Россію, съ неутомимой энергіей приступаетъ онъ къ постройкѣ новой лабораторіи.

„Кабинетный ученый,—говоритъ по этому поводу одинъ изъ сотрудниковъ Е. Е. по институту,—превратился въ техника, колбы и реторты были замѣнены циркулями и линейками. Каждая деталь внутренняго оборудованія зданія была строго обдумана покойнымъ, не было крана, котораго онъ самъ не осмотрѣлъ, и въ результатѣ этихъ громадныхъ трудовъ явилось великолѣпное зданіе“.

Но одной этой вѣщней организаторской дѣятельностью—постройкой зданія и его внутреннимъ оборудованіемъ—не ограничилось участіе Вагнера въ устройствѣ новой лабораторіи. Еще важнѣе для постановки дѣла былъ тотъ духъ, то внутреннее направленіе, полное безавѣтной преданности наукѣ, которое Егоръ Егоровичъ въ короткое время сумѣлъ вдохнуть въ свое дѣтище. Это былъ тотъ же духъ и то же направленіе, которое царило передъ тѣмъ въ его университетской лабораторіи.

И уже первые всходы успѣли появиться на Вагнеровской нивѣ... но—увы—всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти свѣтателя. Въ майскомъ засѣданіи Русскаго Физико-химическаго общества былъ доложенъ первый рядъ работъ, вышедшихъ изъ новой лабораторіи,—работъ, какъ всегда, полныхъ глубокаго интереса. Но какъ бы по ироніи судьбы настоящіе плоды трудовъ и заботъ Вагнера придется пожать только его премникамъ.

Какъ человѣкъ, Егоръ Егоровичъ отличался прямымъ, открытымъ характеромъ. Онъ никогда не скрывалъ ни своихъ убѣжденій, ни своихъ сужденій о людяхъ и никому не стѣснялся ихъ высказывать. Иногда онъ даже портилъ этимъ свои отношенія. Но люди, хотя немного его знавшіе, всегда умѣли разглядѣть доброе сердце и отзывчивую душу подъ нѣскольکو суровой внѣшностью Вагнера. И сдѣлать это въ сущности было не трудно, ибо мысли и слова его были уже его дѣлами, а въ основѣ его убѣжденій неизмѣнно лежали чувства гуманности и терпимости. Для него, какъ для всякаго истиннаго ученаго, не существовало національныхъ и иныхъ случайныхъ преградъ между людьми. Всѣ эти преграды должны были блѣднѣть и ступевываться передъ той вышею цѣлью, передъ стремленьемъ къ научной истинѣ, къ чистому знанію, куда онъ велъ своихъ учениковъ. И потому въ сужденіяхъ своихъ о людяхъ онъ руководился исключительно качествами ихъ ума и характера, а не какими-либо посторонними соображеніями. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ біографъ покойнаго:

„Страшно зоркій и чуткій, съ перваго взгляда опредѣлявшій человѣка, Егоръ Егоровичъ однихъ отталкивалъ съ безпощадной жестокостью и откровенностью, другихъ согрѣвалъ съ такой мягкостью и внимательностью, какой трудно было ожидать даже отъ его черезчуръ прямолинейной натуры. Онъ не выносилъ пошлости, фальши, нахальства. Эти свойства въ людяхъ приводили его въ сильное негодованіе, и съ такими людьми онъ считалъ себя въ правѣ не церемониться и высказывалъ имъ много горькихъ истинъ въ глаза. Зато когда онъ въ комъ-нибудь замѣчалъ проблескъ искренняго, живого чувства къ чему бы то ни было, хотя бы крохотный клочокъ самостоятельной мысли,—мысли, даже быть, можетъ, направленной противъ него, то онъ былъ совершенно другимъ. И если ему случалось встрѣтить такого человѣка среди молодыхъ химиковъ, то онъ съ необыкновенной сердечностью относился къ такому человѣку, старался помочь ему выбраться *на его собственную* дорогу“.

Но едва ли не самой замѣчательной чертой характера Егора Егоровича слѣдуетъ считать ту непреклонную силу воли, настойчивость, не знавшую преградъ, тотъ неисчерпаемый запасъ энергіи, которыми онъ отличался съ самой ранней юности и которые не покидали его до могилы. Еще мальчикомъ Е. Е. былъ помѣщенъ родителями для первоначальнаго обученія въ приготовительный пансіонъ близъ Риги. Но, очевидно, не по душѣ припала ему далекая чужбина. Неудержимо потянуло его на родину. И вотъ въ одинъ прекрасный день, кажется не предупредивши даже родителей, онъ собирается въ путь и, какъ нѣкогда Ломоносовъ, слѣдуя за обозомъ, *тѣшкомъ* проходитъ черезъ всю Россію и неожиданно для всѣхъ появляется въ Казани.

Когда въ болѣе зрѣломъ возрастѣ Вагнеру пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ нашей русской дѣйствительностью, съ тѣми неисчислимыми препонами и препятствіями, которыя она неизмѣнно ставитъ намъ на пути, то конечно, только благодаря этой необыкновенной настойчивости и энергіи, нашелъ онъ въ себѣ достаточно силы для того, чтобы не поступиться своими убѣжденіями, чтобы довести до осуществленія свои планы и намѣренія, и все это, несмотря на самыя неблагоприятныя условія,— и притомъ не въ одной только научной области, но и въ дѣятельности педагогической и общественной.

Вагнеръ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ легко смутить внѣшними преградами. Послѣднія не только не парализовали его дѣятельности, но обыкновенно, наоборотъ, возбуждали въ немъ усиленную энергію. И эту энергію не могли сломить ни годы, ни тяжелая болѣзнь. Егоръ Егоровичъ оставался бодрымъ и юнымъ до самой смерти.

Здѣсь я опять не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ привести небольшую выдержку изъ рѣчи, сказанной однимъ изъ его учениковъ: надъ свѣжей могилой учителя: „Мало сказать про покойнаго, что это былъ человѣкъ яснаго, глубокаго ума, прекрасной души: это была натура, выходящая изъ уровня обыкновенныхъ людей; достоинства и недостатки его не укладывались въ обычные рамки: Егоръ Егоровичъ обладалъ натурой титанической, стихійной. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ и отношеніяхъ онъ былъ неустойчивъ, какъ стихія. Какъ сказочный бурябогатырь, набрасывался онъ на научную работу и на всякое выпавшее на его долю дѣло, и работа эта кипѣла и выполнялась съ неумолимой энергіей... Въ сношеніяхъ съ людьми, соприкасавшимися близко съ нимъ, натура Е. Е. проявлялась часто такъ же бурно: бурны были проявленія его неудовольствія, но зато необыкновенно тепло и задушевно проявлялось его расположеніе. Какъ въ частной бесѣдѣ, такъ и въ заведеніяхъ Егоръ Егоровичъ, какъ солнце, свѣтилъ и согревалъ своихъ собесѣдниковъ. Велика наша утрата: мы лишились этого солнца, потерявъ эту прямую, искреннюю стихійную натуру“.

Таковъ былъ Егоръ Егоровичъ Вагнеръ, блестящій ученый, выдающійся учитель, рѣдкій человѣкъ.

Такимъ встрѣтила его преждевременная смерть. Онъ умеръ на 54 году жизни. Варшавское общество безъ различія національностей, не говоря уже о ближайшихъ и отдаленныхъ ученикахъ покойнаго, приняло участіе въ похоронахъ. Десятки вѣнковъ были возложены на гробъ. Было произнесено нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей. Со всѣхъ концовъ Россіи получены были телеграммы съ выраженіемъ глубокаго соболезнованія. Утрата, понесенная въ лицѣ Вагнера русской наукой, не вознаграждена, его безпримѣрныя заслуги, общепризнанныя при жизни, какъ всегда, особенно ярко чувствуются послѣ смерти.

Но хотя смерть и прекратила кипучую дѣятельность Егора Егоровича, память о немъ не угаснетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Она долго будетъ жить въ сердцахъ его учениковъ и въ томъ учрежденіи—химической лабораторіи варшавскаго политехникума,—которое обязано ему своимъ созданіемъ. Навсегда сохранится она и въ нашей наукѣ, въ которой Вагнеръ оставилъ неизгладимый слѣдъ своими прекрасными изслѣдованіями.

Л. Чугаевъ.

Астрономическія извѣстія. *Колебанія яркости планеты Герты.* По наблюденіямъ астронома вѣнской обсерваторіи Пализы еще одна изъ малыхъ планетъ, кромѣ Эроta и Ириды, о которыхъ было упомянуто въ хроникѣ „Научнаго Слова“ (1904. Мартъ), планета Герта измѣняетъ періодически свою яркость. Періодъ колебанія—нѣсколько часовъ, такъ что въ одну ночь можно наблюдать не одинъ минимумъ. Пализа констатировала увеличенія и уменьшенія яркости планеты 12, 16 и 19 февраля н. ст. По историческимъ справкамъ проф. Берберихъ указываетъ, что и прежнія наблюденія обнаруживаютъ несомнѣнно колебанія яркости планеты Герты, предѣлы которыхъ доходятъ до одной звѣздной величины.

Къ вопросу о поглощеніи световыхъ лучей кометами. Въ „Астрономическихъ извѣстіяхъ“ за январь были приведены соображенія проф. Вольфа относительно избирательной способности кометъ поглощать лучи. Теперь проф. Вольфъ отказывается отъ своихъ заключеній. Оказывается, что то явленіе, которое наводило его на эти заключенія—суженіе на фотографической пластинкѣ слѣда звѣзды, когда она покрывалась кометою 1903 г. IV-й—можетъ быть произведено искусственно при различныхъ условіяхъ фотографированія. Поглощательная способность кометъ опять становится въ высшей степени сомнительной. Повидимому, вещество кометы даже въ наиболѣе плотныхъ частяхъ головы такъ разрѣжено и прозрачно, что не производитъ никакого поглощенія и никакого отклоненія лучей отъ ихъ пути.

Кольцеобразное солнечное затменіе 4/17 марта. Линія центрального затменія, начинаясь на восточномъ берегу южной Африки, проходила черезъ Индійскій океанъ, южную часть Индо-Китая, островъ Люсонъ и кончалась въ Тихомъ океанѣ. Русскій астрономъ Доницъ, поставившій себѣ главной задачей наблюденія солнечныхъ затменій и совершившій уже раньше двѣ большія поѣздки: въ 1900 г. въ Испанію, а въ 1901 г. на островъ Суматру, отправился въ Индо-Китай, въ Камбоджу, и расположился для наблюденія затменія въ главномъ городѣ Пномъ-Пэнхъ. Уже на другой день 6-го марта академикъ Ѳ. А. Бредихинъ получилъ отъ Доница телеграмму съ извѣстіемъ, что наблюденія удались: „Затменія наблюдали. Небо ясно. Получено двѣ фотографіи спектра хромосферы, изслѣдованъ спектръ лучей фотосферы, проходившихъ у самаго края луны, измѣрена температура воздуха во время явленія“. До сихъ поръ кольцеобразныя затменія солнца въ отношеніи изслѣдованій физической природы нашего дневнаго свѣтила интереса не представляли—далекія экспедиціи снаряжались для наблюденія полныхъ затменій; но когда научились фотографировать спектръ узкаго серпа солнца въ моменты, предшествующіе непосредственно полной фазѣ, тогда естественно обратили вниманіе и на кольцеобразныя затменія. При небольшой разности въ видимыхъ діаметрахъ солнца и луны кольцо можетъ быть очень узко, и получаютъ тогда условія приблизительно такія же, какъ непосредственно передъ полной фазой. Фотографированіе края солнца открываетъ намъ возможность судить о природѣ и строеніи низшихъ слоевъ атмосферы, дающихъ своими поглощеніями происхожденіе такъ назыв. фраунгоферовыхъ линій въ спектрѣ солнца. Весьма будетъ интересно узнать въ подробностяхъ, какіе результаты дала попытка г. Доница.

Светосильный рефлекторъ. Американскій астрономъ Шеберде на-

чать фотографировать небо съ помощью параболическаго зеркала необычайно большой свѣтосилы: его діаметръ 33 сантиметра, а фокусное разстояніе всего въ $1\frac{1}{2}$ больше—55 сантиметр. Уже при экспозиціи въ нѣсколько минутъ на фотографической пластинкѣ получаются такія мелкія звѣзды, которыя не видны въ наибольшія наши астрономическія трубы: рефракторы ливской и іерксской обсерваторій. Больше часа фотографированіе ни въ какомъ случаѣ продолжаться не можетъ, потому что самый фонъ неба, несмотря на его видимую черноту, портитъ пластинку. Конечно, такое короткофокусное зеркало даетъ большія искривленія по бокамъ. Центральная область пластинки, въ которой получаютъ отчетливыя изображенія, не превосходитъ половины градуса. Вслѣдствіе этого рефлекторъ Шеберле можетъ быть примѣненъ къ изслѣдованію только небольшихъ по своимъ видимымъ размѣрамъ образований. Шеберле фотографировалъ между прочимъ кольцевую туманность въ Лирѣ. На снимкѣ ясно видны двѣ спиральныя кривыя, которыя идутъ въ противоположныхъ направленіяхъ изъ центральной звѣздочки, при чемъ каждая раздѣляется на нѣсколько вѣтвей. Внутренняя, ближайшая къ центру, вѣтвь одной спирали болѣе изогнута, чѣмъ наружная. Далѣе вѣтви пересѣкаются вновь. Быть можетъ, въ силу такихъ пересѣченій туманныхъ вѣтвей и можно объяснить путаное строеніе кольца главной туманности. Вѣтви спиралей выходятъ изъ предѣловъ кольца и обозначаются на пластинкѣ въ видѣ матовыхъ туманныхъ дугъ. Такое же строеніе, по Шеберле, имѣетъ туманность въ Лисидѣ, область вокругъ гаммы Кассіопеи и звѣздное скопленіе въ Геркулесѣ. Слабыя туманныя полосы, идущія между звѣздами, обнаруживаютъ спиральное строеніе всей системы. Такъ, шагъ за шагомъ фотографія раскрываетъ намъ все большія и большія подробности въ строеніи отдаленныхъ міровъ.

Новая комета. Въ ночь съ 16-го на 17-ое апрѣля (н. ст.) астрономъ Бруксъ въ Женевѣ близъ Нью-Йорка открылъ въ созвѣздіи Геркулеса комету, общая яркость которой оцѣнивалась 8,3 звѣздной величины. Въ ней рѣзко выдѣлялось ядро 9,5 величины, былъ виденъ небольшой широкій хвостъ. Комета медленно поднималась въ сѣверо-западномъ направленіи, проходя сначала приблизительно по половинѣ градуса въ сутки.

К. Покровскій.

Новости иностранной литературы и журналистики. За послѣднее время въ нѣкоторыхъ органахъ англійской печати все чаще раздаются голоса, доказывающіе, что память Шекспира все еще недостаточно почтена въ Лондонѣ, хотя, казалось бы, именно въ столицѣ Англій должна была быть прежде всего достойно увѣковѣчена дѣятельность великаго писателя, чьи сочиненія являются предметомъ національной гордости. Восторженные почитатели Шекспира открыто выражаютъ сожалѣніе по поводу того, что его пьесы сравнительно рѣдко идутъ на столичныхъ сценахъ, притомъ иногда толкуются произвольно и не находятъ выдающихся, даровитыхъ исполнителей для главныхъ ролей, что не существуетъ какого-нибудь національнаго учрежденія, которое постоянно напоминало бы лондонскому населенію о драматургѣ, добившемся когда-то громкой славы и популярности на берегахъ Темзы. Возникла (въ 1902 году) особая лига, называющая себя „London Shakespeare League“

и имѣющая цѣлью содѣйствовать поддержанію и развитію у жителей Лондона интереса къ Шекспиру всевозможными средствами и прежде всего—популяризацией забытыхъ публикою пьесъ его, публичными лекціями, спектаклями, дешевыми изданіями и т. д.

Разнообразными лицами изъ литературныхъ, театральныхъ и вообще—интеллигентныхъ круговъ Лондона высказано было пожеланіе, чтобы въ столицѣ Англій былъ воздвигнутъ достойный памятникъ Шекспиру. По вопросу о томъ, какого рода долженъ быть этотъ памятникъ, мнѣнія, однако, раздѣлились. Иные высказываются въ пользу обыкновеннаго памятника, т.-е. статуи, которая можетъ украсить собою одну изъ площадей Лондона, подобно тому какъ въ Эльсинорѣ, мѣстѣ дѣйствія „Гамлета“, предполагается въ этомъ же году отвести мѣсто для статуи Шекспира работы живущаго въ Италіи датскаго скульптора Л. Гасельрифа.

Другіе хотѣли бы замѣнить *памятникъ*, въ обычномъ смыслѣ слова, чѣмъ-то въ родѣ „Shakespeare-memorial“, существующаго въ Стратфордѣ и заключающаго въ себѣ музей, бібліотеку, картинную галерею, аудиторію, причемъ въ его стѣнахъ сосредоточиваются предметы, имѣющіе то или другое отношеніе къ Шекспиру, изданія его сочиненій, переводы на различные языки, критическіе этюды или изслѣдованія, иллюстраціи къ его произведеніямъ, портреты его критиковъ и біографовъ и т. п., тогда какъ въ аудиторіи могутъ происходить чтенія и спектакли, особенно—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, около дня рожденія драматурга, когда на берега Эвона приѣзжаютъ туристы со всѣхъ концовъ Англій и съ континента, чтобы присутствовать на представленіи тѣхъ или другихъ шекспировскихъ пьесъ.

Сидней Ли, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими почитателями Шекспира, вмѣсто подобнаго просвѣтительнаго учрежденія, предпочелъ бы видѣть воздвигнутымъ на одной изъ улицъ Лондона образцовый театръ, съ вполне литературнымъ, тщательнымъ и серьезнымъ подборомъ пьесъ и устраненіемъ изъ репертуара всего вульгарнаго, грубо-мелодраматическаго или подлаживающагося подъ вкусъ большой публики. Подобный театръ ставилъ бы, конечно, какъ можно лучше и старательнѣе различные произведенія Шекспира, но не ограничивалъ бы ими своего репертуара, давая мѣсто всѣмъ истинно-выдающимся созданіямъ старой и новой драмы. При немъ могла бы существовать школа драматическаго искусства,—для подготовки истинно развитыхъ, культурныхъ, проникнутыхъ лучшими традиціями артистовъ. Противники этого проекта находятъ, что онъ не вполне удовлетворяетъ представленію объ идеальномъ Shakespeare-memorial, такъ какъ въ его репертуарѣ не-шекспировскія пьесы могутъ съ теченіемъ времени занять слишкомъ большое мѣсто, а самый театръ легко можетъ превратиться въ чисто коммерческое предпріятіе, спустившись до уровня средней руки столичныхъ и провинціальныхъ театровъ.

Если въ этихъ возраженіяхъ есть доля правды, то самый проектъ, въ пользу котораго высказываются Сидней Ли и его единомышленники, остается все же не менѣе любопытнымъ, чѣмъ планъ созданія просвѣтительнаго учрежденія въ память Шекспира. Нѣсколько лѣтъ назадъ, англійскій беллетристъ Меррикъ въ своемъ романѣ „The actor-manager“ вывелъ идеальнаго служителя сцены, который хочетъ бороться съ ру-

тиною, думаетъ объ искусствѣ больше, нежели о выгодныхъ роляхъ, старается прочно установить въ своемъ театрѣ хорошій, литературный репертуаръ, не гонясь за сенсационными, бьющими на эффектъ пьесами, хотя бы ихъ требовалъ средній уровень зрителей. Являясь, такимъ образомъ, одинокимъ идеалистомъ среди громаднаго количества людей, слишкомъ практично смотрящихъ на сценическое искусство, герой Меррика, естественно, терпитъ много неудачъ и разочарованій, такъ какъ создание образцоваго театра сопряжено съ длиннымъ рядомъ затрудненій и упорной борьбой. И вотъ теперь проектъ такого образцоваго театра какъ будто имѣетъ шансы выйти изъ области мечтаній, найдя энергичныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ уже не только на страницахъ тѣхъ или другихъ романовъ.

Горячее участіе въ этомъ походѣ въ защиту Шекспира принимаетъ, между прочимъ, критико-библиографическій журналъ „Academy and Literature“, образовавшийся изъ слиянія двухъ органовъ, раньше существовавшихъ порознь. На столбцахъ этого изданія постоянно появляются свѣдѣнія о дѣятельности вышеупомянутой лиги, печатаются различныя „письма въ редакцію“ и „голоса изъ публики“, отстаивающіе тотъ или другой способъ увѣковѣченія памяти великаго драматурга. Нѣсколько страннымъ можетъ только показаться тотъ фактъ, что Шекспиръ и въ наши дни все еще нуждается, такимъ образомъ, въ какой-то *защитѣ* или пропагандѣ, что вопросъ о томъ, нужно ли почитать его память въ Лондонѣ, и въ какой именно формѣ, дебатруется на страницахъ англійскаго журнала въ началѣ XX вѣка!

Въ „Academy“ былъ помѣщенъ и фотографическій снимокъ съ одного изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могъ бы быть воздвигнутъ Shakespeare-memorial. Въ принципѣ рѣшено, что будущее зданіе должно возвышаться гдѣ-нибудь недалеко отъ Темзы, которая неоднократно упоминается въ биографіи Шекспира и которую онъ очень любилъ. Задержка, конечно, въ значительной степени—за денежною стороною дѣла, но, повидимому, можно надѣяться и на пожертвованія, которыя уже начались, и на благожелательное отношеніе лондонскаго муниципалитета, который можетъ безвозмездно или за скромное вознагражденіе отвести нужную землю.

Основанная два года назадъ Лондонская Шекспировская Лига, помимо агитаціи въ пользу сооруженія достойнаго памятника драматургу, проявила свою дѣятельность и въ другихъ видахъ. Такъ, въ апрѣлѣ прошлаго года она устроила чествованіе памяти Шекспира по образцу тѣхъ спектаклей и празднествъ, какіе имѣютъ ежегодно мѣсто въ Стрэтфордѣ. Для перваго раза поставили „Двѣнадцатую ночь“, затѣмъ произнесена была рѣчь о „Снѣ въ лѣтнюю ночь“, и былъ прочитанъ докладъ о „Шекспировскомъ Лондонѣ“, т.-е. о томъ видѣ, какой столица Англій имѣла въ дни знаменитаго писателя, и о тѣхъ обломкахъ старины, какіе уцѣлѣли вплоть до нашихъ дней въ Лондонѣ отъ эпохи Елисаветы.

Такія же литературныя поминки назначены были на 22—29 апрѣля этого года; въ ихъ программу входили самые разнообразныя виды чествованія, отъ торжественнаго богослуженія въ соборѣ св. Павла и Вестминстерскомъ аббатствѣ—до банкета въ одномъ изъ лондонскихъ ресторановъ. Большой интересъ опять должны были представить шекспи-

ровскіе спектакли (между прочимъ—постановка „Много шума изъ ничего“ 22-го апрѣля), нѣсколько чтеній, посвященныхъ жизни и творчеству Шекспира, и интересно задуманная „Экскурсія по шекспировскому Лондону“, назначенная на 23-е апрѣля. Журналъ „Academy and Literature“ рѣшилъ посвятить весь свой номеръ отъ 23-го апрѣля Шекспиру, помѣстивъ, между прочимъ, много иллюстрацій, снимковъ съ уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго зданій и т. д. Нужно замѣтить, что въ этомъ журналѣ и раньше помѣщались неоднократно виды старыхъ церквей, башенъ или домовъ, такъ или иначе связанныхъ съ биографіей Шекспира.

Все это оживленіе интереса къ творчеству автора „Гамлета“ представляетъ собой, во всякомъ случаѣ, значительный и характерный фактъ, показывающій, что корифеи мировой литературы, несмотря на временное охлажденіе къ нимъ читателей, всегда могутъ снова побѣдить умы и сердца даже позднихъ потомковъ, неудовлетворенныхъ современною имъ литературою, желающихъ, если не въ будущемъ, то въ прошломъ, найти отвѣтъ на свои запросы, порывы и мечты. Аналогичную роль играютъ для современной нѣмецкой литературы Гете и Шиллеръ, къ которымъ снова обращаются въ наши дни, хотя ихъ эпоха далеко отошла отъ насъ и литературныя направленія успѣли нѣсколько разъ перемѣниться съ тѣхъ поръ.

Говоря о шекспировской лигѣ и о дѣятельности „Academy and Literature“, вполне естественно будетъ, думается намъ, коснуться и нѣкоторыхъ работъ, посвященныхъ великому англійскому драматургу, которыя появились за послѣднее время. Работы эти принадлежатъ частью англійскимъ, частью иностраннымъ, особенно, нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Можно упомянуть, напр., о книгѣ Эдуарда Энгеля „Shakespeare-Räthsel“, сборникѣ этюдовъ, относящихся къ жизни и творчеству Шекспира. Энгель касается, между прочимъ, пресловутаго „миеа о Бэконѣ“, стараясь лишній разъ доказать, съ фактами въ рукахъ, его полную несостоятельность. Съ другой стороны, онъ анализируетъ вопросъ о путешествіяхъ Шекспира на континентъ, въ свое время подробно разобранный Эльпе, въ новѣйшее время затронутый Георгомъ Брандесомъ—въ его извѣстномъ трудѣ—и отразившійся въ беллетристической формѣ въ полномъ чистѣ фантастическихъ подробностей романѣ Леона Додэ „Le voyage de Shakespeare“. Энгель допускаетъ возможность путешествія Шекспира въ Италію, основываясь на близкомъ знакомствѣ съ итальянскою жизнью, сказывающемся въ иныхъ его пьесахъ. Въ другой статьѣ онъ проводитъ тотъ взглядъ, что сочиненія англійскаго драматурга стали извѣстны въ началѣ XVII вѣка въ Германіи, въ исполненіи труппы англійскихъ артистовъ, которые были приглашены герцогомъ Померанскимъ, большимъ почитателемъ театра, лично побывавшимъ въ Лондонѣ, хорошо знавшимъ англійскій языкъ и стремившимся къ тому, чтобы при его дворѣ ставились спектакли на этомъ языкѣ.

Нѣсколько неожиданное названіе получила статья Альфреда Циммерманна, напечатанная недавно въ „Deutsche Rundschau“: „Shakespeare und die Anfänge der englischen Kolonialpolitik“. Она принадлежитъ къ категоріи специальныхъ, почти до мелочности, работъ, какими такъ богата шекспировская критика, въ которой, наряду съ цѣнными, капитальными изслѣдованіями, попадаются нерѣдко и такіе этюды или очерки,

гдѣ затрогивается какой-нибудь микроскопическій вопросъ, или творчество великаго писателя освѣщается съ совершенно неожиданной, подчасъ слишкомъ узкой, ограниченной точки зрѣнія.

Такъ и Циммерманнъ разсматриваетъ всѣ сочиненія Шекспира, имѣя въ виду его отношеніе къ колониальной политикѣ Англіи, отдѣльныя упоминанія о заморскихъ, экзотическихъ странахъ, ихъ природѣ, климатѣ, населеніи, какія попадаются въ его сочиненіяхъ, соединенныя съ явно вымышленными, фантастическими деталями и отголосками различныхъ книгъ, гдѣ описывались съ извѣстными прикрасами путешествія въ далекіе края и всевозможныя чудеса, будто бы попадавшіяся тамъ отважнымъ путешественникамъ. Авторъ считаетъ даже, что въ иныхъ случаяхъ Шекспиръ какъ будто предугадалъ дальнѣйшій ростъ англійскихъ колоній, заглядывая въ будущее и предвѣщая своему отечеству небывалое могущество и славу. Многіе факты, собранные Циммерманномъ, несомнѣнно, любопытны и сгруппированы довольно искусно; но подобныя спеціальныя работы все же очень мало двигаютъ, конечно, впередъ, дѣло изученія творчества и міросозерцанія того или другаго писателя.

Изъ другихъ нѣмецкихъ статей, посвященныхъ Шекспиру, укажемъ на очеркъ Е. Вейхеля, помѣщенный въ „Die Gegenwart“ и направленный противъ книги Энгеля, „Шекспировскія загадки“, основныя положенія которой кажутся автору спорными и произвольными, на статью Эриха Мейера „Shakespeare in Frankreich“ — въ „Tägliche Rundschau“ и нѣк. др. Намъ пора, однако, перейти къ новымъ англійскимъ работамъ о Шекспирѣ. Къ числу ихъ относится между прочимъ книга Арт. Эксона „Shakespeare and the Rival-Poet“. Подвергая внимательному анализу сонеты Шекспира, авторъ старается доказать, что „поэтомъ-соперникомъ“ былъ Чэтманъ, на котораго драматургъ нападалъ еще въ одномъ случаѣ. Созданіе первыхъ сонетовъ авторъ изслѣдованія относитъ къ 1593 году. Чисто біографическій характеръ носитъ написанная Чарльзомъ Эльтономъ книга „William Shakespeare, his family and friends“, основанная на тщательномъ изученіи столь скудныхъ, къ сожалѣнію, данныхъ, проливающихъ свѣтъ на ходъ жизни драматурга.

Эд. Сюлливанъ въ журналѣ „The Nineteenth Century“ обращаетъ вниманіе на одну мало извѣстную книгу, переведенную въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка съ итальянскаго и, повидимому, прочитанную Шекспиромъ, такъ какъ отголоски отдѣльныхъ мѣстъ изъ этой книги можно, по мнѣнію Сюлливана, найти въ нѣсколькихъ произведеніяхъ драматурга, вродѣ „Гамлета“, „Отелло“ и др., хотя до сихъ поръ это обстоятельство не было никѣмъ замѣчено. Слѣдуетъ отмѣтить также появленіе сборника статей и очерковъ, относящихся къ Шекспиру, но написанныхъ въ XVIII столѣтіи. Не всѣ они сохранили свою цѣнность въ настоящее время, но для исторіи постепеннаго развитія шекспировской критики они представляютъ безусловный интересъ, и мысль переиздать эти забытыя публикою критическія оцѣнки можно только привѣтствовать.

Англійской драмѣ временъ Елисаветы и въ частности — произведеніямъ Шекспира и ихъ постановкѣ на сценѣ посвященъ третій томъ „Исторіи сценическаго искусства“ Манціуса, обширнаго, полнаго фактовъ труда, представляющаго интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто занимается прошлымъ англійской сцены. Замѣтимъ мимоходомъ, что ту же эпоху за-

трогиваетъ недавно появившаяся книга Джона Эрскина „The Elisabethan Lyric“, содержащая въ себѣ довольно полный анализъ главныхъ видовъ англійской лирической поэзіи времени Елисаветы.

Въ заключеніе нельзя не указать на сборникъ критическихъ этюдовъ, посвященныхъ Шекспиру, вышедшій недавно изъ-подъ пера англійскаго изслѣдователя Чэртона Коллинса „Studies in Shakespeare“. Не всѣ они носятъ одинаковый характеръ и представляютъ въ разной степени интересъ для средняго уровня читателей. Иные могутъ показаться нѣсколько специальными и односторонними, приближающимися къ типу этюда Циммерманна о Шекспирѣ и колониальной политикѣ; это замѣчаніе относится, напр., къ той статьѣ, въ которой авторъ, ссылаясь на сочиненія Шекспира и цитируя ихъ, старается рѣшить вопросъ: „былъ ли Шекспиръ адвокатомъ?..“ Подобныя попытки опредѣлить принадлежность драматурга къ той или другой корпораціи или сословію, выяснитъ причины, по которымъ онъ обнаруживаетъ въ иныхъ пьесахъ близкое знакомство съ различными деталями извѣстнаго занятія или профессіи, уже не разъ фигурировали въ шекспировской критикѣ.

Особую статью Коллинсъ посвящаетъ „Шекспиру, какъ прозаику“, отбывая недостаточно одѣвленную красоту его прозы, не уступающей мѣстами стихамъ. Автора интересуетъ и вопросъ о начитанности Шекспира, о степени его знакомства съ иностранными литературами и въ частности—съ произведеніями античныхъ писателей. Въ очеркѣ „Shakespeare as a classical scholar“ затронуть и оригинально освѣщенъ этотъ интересный вопросъ, на которомъ часто строятъ свои аргументы непримиримые „бэконіанцы“, думающіе доказать принадлежность шекспировскихъ пьесъ Бэкону тѣмъ, что Шекспиръ не могъ быть такъ хорошо знакомъ, по своему образовательному уровню, съ жизнью и творчествомъ античныхъ націй.

Юрій Веселовскій.

Итоги художественныхъ выставокъ за 1903—4 годъ. (Выставка „Союза“, „Новаго общества художниковъ“, Передвижная выставка, картина Рѣпина „Юбилейное засѣданіе Государственнаго Совѣта“, Историческая выставка предметовъ искусства, „Страшный Судъ“ В. Васнецова.)

Сезонъ оживленія художественной жизни столицъ кончился, и наступилъ моментъ, благопріятный для подведенія итоговъ. Въ перспективѣ отдаленія, созданнаго временемъ, является возможность сравнить явленія художественной жизни даннаго періода и вѣрнѣй опредѣлить ихъ относительную важность.

Тотъ, кому пришлось видѣть главныя выставки сезона въ Москвѣ и Петербургѣ, навѣрное признаетъ вмѣстѣ съ нами, что изъ всѣхъ картинныхъ выставокъ самой интересной, оставившей наиболѣе глубокой слѣдъ въ впечатлѣніи зрителей, была, несомнѣнно, выставка „Союза“, вновь возникшаго въ Москвѣ изъ ядра „36“. Сколько доводовъ имѣла за себя эта реформа, показала уже первая выставка Союза. Общій тонъ выставкѣ, конечно, по прежнему еще давали 36. Свойственная имъ печать большого мастерства и вкуса, стремленіе стать съ вѣкомъ наравнѣ, однако безъ назойливо тщедушнаго ломанія, безъ попытокъ замѣнить крикливостью плаката, на минуту раздражающаго глазъ, всю тонкую законченную сложность произведенія „большого искусства“,—всѣ эти

особенности 36-ти и теперь давали сразу себя чувствовать. Какъ и прежде, зритель уходилъ съ этой выставки хотя безъ величавыхъ или страстно захватившихъ душу волненій, но зато съ особымъ ощущеніемъ, въ высшей степени гармоническимъ, и въ общемъ съ впечатлѣніемъ творчества свѣжаго, переживающаго лучшую пору все большаго раскрытія уже созрѣвшихъ силъ. Увы, этой свѣжестью, неоцѣненнымъ качествомъ въ искусствѣ, Союзъ обязанъ однако далеко не всегда членамъ своего первоначальнаго ядра! Какъ многіе изъ нихъ, и самыхъ видныхъ, подарили намъ точь-въ-точь тѣми самыми впечатлѣніями, какія уже были пережиты публикой передъ ихъ холстами за годъ, за два передъ настоящей выставкой! Эти впечатлѣнія казались намъ тогда прекрасны, а теперь... они потеряли свою силу. Гдѣ застой, тамъ не можетъ быть искусства какъ творчества.

Мы отмѣтимъ поэтому лишь то, что оставило свой яркій слѣдъ въ памяти, потому что и само было исполнено яркаго характера и жизненности. Среди такихъ произведеній, выступаетъ прежде всего въ нашей памяти картина г. С. Иванова „Походъ москвитянь въ XVI в.“. Не то, чтобъ мы считали ее произведеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречнымъ, но въ ней есть то, отъ чего давно отучили наше общество художники, но что тѣмъ не менѣе всегда составляетъ насущную потребность въ жизни всякаго здороваго общества. Мы разумѣемъ глубину и содержательность внутренней мысли произведенія. Еще лѣтъ 15 тому назадъ своими первыми картинами на ученическихъ выставкахъ въ Школѣ Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ г. Ивановъ сразу обратилъ на себя вниманіе. Съ тѣхъ поръ сильныя и слабыя стороны этого художника уже достаточно опредѣлились. Съ одной стороны, рѣдкая способность къ мѣткимъ наблюденіямъ, умѣнье уловить самую типичную черту того или другаго тона, эффектъ освѣщенія, подробности быта, обстановки и при этомъ поразительная память на всѣ особенности въ очертаніяхъ и краскахъ, которыя хоть разъ приходилось наблюдать художнику,—съ другой стороны, привычка слишкомъ довѣряться своей памяти, работать извѣстныя подробности по однажды сложившемуся типу и довольствоваться долго тѣмъ или другимъ оригинальнымъ пятномъ тоновъ. (Мы видимъ уже третью картину Иванова изъ жизни Московской Руси, и всѣ онѣ повторяютъ одно и то же сочетаніе тоновъ, разъ увлекшее художника, — сѣрое облачное небо, снѣжную пелену равнины и на ней красныя матовыя пятна царскаго возка, или стрѣлечихъ кафтановъ, или воинскихъ шитовъ.) Но съ этимъ недостаткомъ не трудно примириться. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и г. Ивановъ выступитъ съ новымъ любимившимся ему сочетаніемъ и будетъ пользоваться имъ до тѣхъ поръ, пока не натолкнется на новое пятно тоновъ, которое опять поразитъ и увлечетъ его своей оригинальностью и свѣжестью. И въ смыслѣ колорита и свѣтотѣни картины г. Иванова представляютъ много интереснаго. Но не въ этомъ его сила какъ художника. Прослѣдите рядъ произведеній Иванова: „Больная крестьянка“, „Переселенка“, „Смерть переселенца въ дорогѣ“, „Захребетница“, „Въ участкѣ“, „Усмиреніе бунта“, „Земская фельдшерница“. Они всегда сильны и захватываютъ своей внутренней мыслью, современностью явленія, отражаемаго ими, общественностью интереса, ими возбуждаемаго. Но послѣдними словами мы вовсе

не хотимъ сказать, чтобы г-нъ Ивановъ превращалъ свои картины въ тенденціозную или приторно-сентиментальную проповѣдь о томъ, что всѣмъ давно извѣстно, о пользѣ просвѣщенія для народа, о страданіяхъ переселенцевъ и жестокостяхъ военной экзекуціи. Нѣтъ, Ивановъ вовсе не панегиристъ народничества и даже не печальникъ русскаго либерализма. Передъ нами очень умный и почти холодный наблюдатель; въ его картинахъ выступаетъ не душа автора, а прежде всего умъ его, склонный относиться критически даже къ тѣмъ, кому, кажется, сочувствуетъ. Порой даже трудно опредѣлить, на комъ болѣе сосредоточены мысли художника: на сбившейся ли въ стадо толпѣ протестантовъ, которые при первыхъ выстрѣлахъ принуждены будутъ спасаться бѣгствомъ („Эскизъ“ на той же выставкѣ Союза), или на однообразной шеренгѣ лицъ обезличенныхъ дисциплиной, готовыхъ стрѣлять въ свою же братію, по приказанію начальства. Но самое вниманіе г. Иванова къ опредѣленнымъ сюжетамъ есть уже въ высшей степени краснорѣчивая черта. Въ умѣни сильно, жизненно, умно отражать эти типичныя и важныя явленія русской дѣйствительности заключается его заслуга какъ художника. Но какъ можетъ холодный наблюдатель въ искусствѣ будить интересъ, поддерживать общечеловѣчность? А между тѣмъ картины Иванова несомнѣнно достигаютъ этой цѣли. Это оттого, что и самъ онъ поманъ сильнаго и вполне опредѣленнаго сочувствія, при томъ гораздо болѣе широкаго, чѣмъ то или другое направленіе нашей общественной мысли. Ивановъ прежде всего сочувствуетъ объекту приложенія этихъ мыслей, самому народу, его сѣрой массѣ, которая не только въ будущемъ, но даже и теперь представляется ему самымъ важнымъ элементомъ нашей жизни и истиннымъ общественнымъ факторомъ ея. И это не только убѣжденіе умнаго наблюдателя, это—искреннее чувство любви къ народу и вѣры въ его силы, и въ этомъ тайна вліянія его картинъ на зрителей. Вотъ почему Ивановъ такъ легко перешелъ въ послѣдніе годы отъ современности къ исторіи. И здѣсь встрѣтилъ онъ того же любимаго героя, русскую народную массу, съ ея силою и цѣльной вѣрою, низкимъ уровнемъ культурности и исполненной страданій и трудовъ борьбой за существованіе. Такимъ образомъ, какъ историческій художникъ по характеру своихъ симпатій г. Ивановъ близко подошелъ къ современнымъ научнымъ взглядамъ на исторію и преобладающіе въ ней теперь интересы. Вслѣдъ за картиною „Пріѣздъ иностранцевъ“ слѣдуютъ картины: „Царь ѣдетъ!“ и „Походъ москвитянъ“. Съ каждой новой исторической картиной художникъ все болѣе освобождался отъ принятыхъ условностей, все ближе заглядывалъ въ лицо исторической правдѣ, и въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и въ смыслѣ оригинальности темы, „Походъ москвитянъ“ далеко оставляетъ за собою его прежніе опыты въ исторической живописи. Глубокое чутье исконныхъ типично-русскихъ чертъ и сильная способность къ исторической дивинаціи придаютъ этой картинѣ особенную убѣдительность и яркость. Но, конечно, это еще не послѣдній шагъ. Каждое новое произведеніе г. Иванова убѣждаетъ насъ въ большой жизненности его таланта, въ постоянномъ развитіи и углубленіи его художественныхъ замысловъ.

Другой художникъ, произведенія котораго на этой выставкѣ долго остаются памятны,—г. Пастернакъ. По тонкой художественности замысла, по изяществу и удивительному мастерству рисунка Пастернакъ рѣши-

тельно явленіе исключительное въ русской живописи. Какъ иллюстраторъ и рисовальщикъ онъ занялъ бы видное мѣсто и въ Салонахъ Западной Европы. Это доказалъ онъ своими иллюстраціями къ „Воскресенью“ (см. оригиналы, рисунки или воспроизведеніе ихъ въ заграничн. изданіи романа, не въ „Нивѣ“) и пастелями, какъ „Семья графа Л. Толстого“ и „Совѣтъ въ училищѣ живописи, зодчества и ваянія“. А какая тонкость въ выдѣленіи самаго типическаго, того, что именно характерно для даннаго лица или момента! И при этомъ замѣчательная задумчивость сценъ изъ сферы, близкой художнику. Онъ умѣетъ придать этимъ сценамъ жизнь, бьющую полнымъ пульсомъ. Сцены изъ міра „дѣтской“ интимностью чувства, поэтичностью вечернихъ тѣней и желтаго свѣта отъ лампы напоминаютъ что-то рембрандтовское. Среди всѣхъ русскихъ художниковъ г. Пастернакъ прямо выдѣляется тонкой продуманностью, изящнымъ благородствомъ и художественной искренностью творчества. Ни въ искренности, ни въ большомъ художественномъ дарованіи нельзя, конечно, отказать и г. Малявину. Другое дѣло, если говорить о продуманности его творчества. Его богатыхъ бабъ не забудешь. Это какія-то идеальныя воплощенія цѣльной, примитивной силы русскаго народнаго духа, столь же увлекательно-загадочной, неизвѣданной еще до глубины въ своихъ тайнахъ и основахъ, какъ и тѣ чудесныя сильныя эффекты пятенъ свѣтотѣни и огненнаго колорита, которые какимъ-то непонятнымъ образомъ извлекаетъ г. Малявинъ со своей палитры. Волшебствомъ этихъ сочетаній художникъ подчиняетъ психику зрителя власти овладѣвшаго имъ самимъ настроенія. Этихъ бабъ не существуетъ, но онѣ могли бы быть, и на самомъ дѣлѣ существуютъ въ творческой фантазіи художника. Здѣсь, въ этой сферѣ, онѣ такъ же органично-цѣльны, какъ пророки и сивиллы Микель Анджело. Но какъ много воплѣ опредѣленныхъ и разнообразныхъ чувствъ и типовъ представилъ Микель Анджело въ этихъ титаническихъ существахъ! Припомните его пророка Іеремію: весь колоссальный богатствомъ идеала, печали и страданія духъ Микель Анджело отразился въ этой грусти старца о паденіи своего народа. Какъ жаль, что Микель Анджело только разъ создалъ такой образъ, не давъ къ нему ни одного равносильнаго варианта! Но могъ ли даже Микель Анджело дать такой вариантъ? Эта грусть геніальнаго духа по разбитому, затоптанному человечествомъ идеалу слишкомъ исключительна и возвышенна, изобразить ее возможно единственно лишь въ данныхъ чертахъ; всѣ другія говорили бы слабѣе и потому не нужны. Печаль геніальнаго духа не допускаетъ тѣхъ вариантовъ, какіе мыслимы для выраженія неопредѣленной, неразгаданной и темной, грубой и напористой силы. Грусть Іереміи титанична, но она и глубоко человѣчна въ смыслѣ просвѣтленія идеаломъ, и намъ становится понятной величавая титаническая красота и внѣшняго образа пророка. О, если бъ больше было такихъ образовъ въ искусствѣ! По другое дѣло — бабы г. Малявина. Нѣтъ спора, любая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, представляетъ значительный художественный интересъ, но ни одна изъ нихъ не углубляетъ внутренняго содержанія предыдущей. Къ чему же въ такомъ случаѣ плодить варианты изображеній, идеализирующихъ силу, нравственная цѣнность которой еще не ясна намъ, а порою не значительна? Хорошо, если при видѣ этихъ повтореній зрителю сдѣлается грустно; есть опасность, чтобъ ему не стало

скучно. Если же эти существа и должны быть только воплощеніем грубой, неуравновѣшенной контрастомъ идеальнаго начала, ничѣмъ не просвѣтленной силы, то, право же, игра не стоитъ свѣчь. Какъ ни интересенъ кажется при первомъ знакомствѣ этотъ богатырскій типъ, созданный Малявинымъ, мы всегда невольно обращаемся памятью и мыслью къ другому скромному сравнительно созданію его—изображенію крестьянской дѣвушки, вяжущей чулокъ, въ Третьяковской галлерей. Вѣтеръ обвѣваетъ ее всю, гуляя по чистому полю. Она противится напску его, и въ ней есть что-то примитивно сильное, какъ и въ этихъ бабахъ, но и что то чистое, свободное и грустное, какъ и въ этомъ вѣтрѣ, и въ поэзіи унылой окружающей ее равнины. Крупный, полный оригинальности и силы художественный талантъ Малявина проявился ярко и типично въ этомъ замѣчательномъ этюдѣ.—Изъ пейзажей на выставкѣ Союза намъ запомнились особенно произведенія г. А. Бенуа, гг. Юона, Грабаря и Рериха. Виды Петербурга въ XVIII вѣкѣ г. Бенуа полны тонкаго вкуса, обдуманной художественной цѣльности и глубокаго проникновенія духомъ той эпохи. Настроенія, которыя внушаются архитектурными формами, бытовою обстановкой, костюмомъ, фигурой человека и его духовнымъ содержаніемъ, взаимное созвучіе этихъ элементовъ—вотъ та область творчества, въ которой г-ну Бенуа удается часто создавать превосходныя произведенія. Прекрасное и какое-то особенно свѣжее и симпатичное впечатлѣніе оставляютъ пейзажи г-на Юона, съ ихъ яснымъ свѣтомъ и чистотою прозрачнаго воздуха. Виды уѣздныхъ захолустій и монастырскихъ посадовъ („Къ Троицѣ“) полны при этомъ удивительно характерныхъ деталей. Трудно даже объяснить, почему этотъ красный передокъ линейки-саней московскаго типа придаетъ такую обязательную прелесть и убѣдительность правды виду слободы подъ монастырскими стѣнами. Въ изображеніи ея провинціальныхъ красотъ такъ много искренности при полномъ отсутствіи всякихъ предвзятыхъ ухищреній. Отъ этой свѣжести воспріятія вѣетъ чѣмъ-то сильнымъ, юнымъ, многообщающимъ. Всѣмъ извѣстны и сильные въ своемъ объективизмѣ этюды г. Грабаря, съ ихъ холоднымъ осеннимъ свѣтомъ на колоннахъ стараго барскаго дома и дорожкахъ цвѣтника или съ бѣлой снѣжной пеленой, устилающей всѣ кровли и открытую террасу. Что касается картины Г. Рериха „Домъ Божій“, то она осталась не совсѣмъ понятной для насъ, въ смыслѣ задачи, которая преслѣдовалъ авторъ; онѣ выяснились передъ нами больше, когда вслѣдъ за этимъ въ Петербургѣ, въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ, намъ пришлось увидѣть цѣлую серію чудныхъ этюдовъ г-на Рериха, изъ которыхъ многими онъ пользовался и для настоящей картины. Почти одними несмѣшанными тонами передаетъ г-нъ Рерихъ самыя типичныя черты сѣверной природы, а между тѣмъ кажется, что видишь всѣ тончайшіе переходы свѣта и оттѣнки тоновъ. Есть что-то основное, сильное въ его скалѣ красокъ и глубокій и любовный шлетѣтъ къ русской старинѣ въ наивныхъ линияхъ древней монастырской архитектуры.

Что сказать о другихъ выставкахъ этого сезона? Мы видѣли ихъ много; порою онѣ не были даже лишены извѣстнаго характера и стиля, но въ общемъ впечатлѣніе получалось совершенно отрицательное. Немногія лучшія картины и скульптуры тонули безъ замѣтнаго слѣда въ массѣ произведеній блѣдныхъ, безразличныхъ въ отношеніи эстетиче-

скомъ. Въ одномъ случаѣ вы вмѣсто выставки попадали въ магазинъ, гдѣ на всякій вкусъ, даже самый грубый и пошлый, найдется подходящий товаръ, въ другомъ—съ грустью убѣждались, какъ много званныхъ и какъ мало избранныхъ среди учащихъ въ нашихъ художественныхъ школахъ. Всѣ они пишутъ и рисуютъ плохо или хорошо, но немногіе изъ нихъ имѣютъ представленіе о томъ, что такое истинное творчество, каковы общія задачи искусства и тѣ принципиальныя требованія, которыя неизбѣжно предъявляются къ каждому истинно-художественному созданію. Конечно, не эти принципы дѣлаютъ художника, но безъ нихъ его не можетъ быть, какъ нельзя себѣ представить истинно полезнаго дѣятеля на любомъ поприщѣ жизни безъ тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыя освѣщаютъ и опредѣляютъ его путь. Намъ кажется, что наши художественныя школы дѣлаютъ слишкомъ мало, чтобы придти на помощь молодежи въ этомъ отношеніи. Вотъ гдѣ могла бы сыграть важную роль широкая, научная и живая постановка преподаванія исторіи искусства въ художественныхъ школахъ. Важно, разумѣется, при этомъ не то, чтобъ ученикъ, зажмуривши глаза, сумѣлъ нарисовать мѣломъ на доскѣ Сикстинскую Мадонну Рафаэля (все равно, онъ никогда ея не нарисуетъ), важенъ тотъ кругъ историческихъ, культурныхъ и эстетическихъ идей, который связанъ съ этою Мадонной. Въдѣ значительная часть ихъ была высказана самыми гениальными и тонко одаренными въ художественномъ отношеніи натурами. Но еще грустнѣе иногда видѣть произведенія тѣхъ молодыхъ художниковъ, которые уже составили себѣ опредѣленный кодексъ эстетическихъ понятій. Увы! какъ недостойны эти взгляды тѣхъ, кому принадлежатъ, какія приторныя и живыя созданія ими порождаются. Подъ однимъ изъ такихъ произведеній мы увидѣли надпись: „Приобрѣтено Академіей Художествъ“, и намъ стало больно и грустно и за тѣхъ, кто приобрѣлъ, и за несомнѣнно талантливаго автора. На этомъ безразличномъ, блѣдномъ, хоть порою и крикливомъ фонѣ тѣмъ выгоднѣе въ видѣ исключенія выдѣлялась выставка „Новаго общества художниковъ“ въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ. Здѣсь было много свѣжести, простоты и искренности, много правды и настроенія и хорошей техники. Эскизы и этюды жанра г. Кустодіева, пейзажи гг. Фокина, Гауша и нѣк. др. сообщали этой выставкѣ характеръ осмысленнаго явленія, одухотвореннаго и истинной любовью къ искусству и талантливостью большинства участниковъ.

Что касается Передвижной выставки, то текущій годъ былъ рѣшительно однимъ изъ самыхъ неудачныхъ для нея. Общее впечатлѣніе блѣдно, многое ненужно, представляетъ повтореніе стараго или нѣчто постыдно-безобразное, какъ „Средь шумнаго бала“ г-на Бодаревского. Мы не будемъ повторять тѣхъ характеристикъ участниковъ Передвижной выставки, которыя мы дали уже въ нашѣмъ прошлогоднемъ отчетѣ (см. „Научн. Слово“ 1903 г., кн. IV и V-я), отмѣтимъ лишь болѣе удачныя картины, благодаря которымъ впечатлѣніе оскуднѣнія нѣсколько смягчается. Какъ всегда, прекрасны и полны поэзіи пейзажи и старыя усадьбы г. Жуковского (особенно его „последній аккордъ“ вечернихъ лучей, озарившихъ залъ деревенскаго дома и фигуру за ролямъ). Большое полотно „Городъ“ г. Гославскаго исполнено оригинальной силы. Это точно большой плакатъ, превращенный мастеромъ-художникомъ въ настоящую картину. Привлекаютъ какъ всегда внима-

ніе зрителей и произведенія г. Касаткина. Его картина „Ткацкій залъ“ передаетъ своеобразное впечатлѣніе неумолимой жестокости и силы тысячи вращающихся съ непрерывнымъ гуломъ фабричныхъ колесъ и механизмовъ. Они подобны живому организму, и, кажется, что настоящія живыя существа обратились подъ воздѣйствіемъ ихъ въ простые рычаги, въ мертвыя безличныя машины. Юной свѣжестью творчества и силою характеристики выдѣляется среди жанристовъ г. Л. Поповъ. Въ особенности ярки, сильны и оригинальны его „Ходоки на новыя мѣста“ и „Подъ весеннимъ солнцемъ“. Полны вкуса, таланта и продуманности и скульптуры Г. Н. Андреева („Гуси“, „Мордовка“). Хорошо выразительный и жизненный портретъ г-жи Рубинштейнъ, работы г. Казака. Симпатична по силѣ настроенія, простотѣ замысла и характерности типовъ „Народная учительница“ Кабанова. Отъ „цвѣтовъ Башкиріи“ г. Ржевской вѣетъ, дѣйствительно, простою красотой, запахомъ и пылью степи. Совершенно особнякомъ на Передвижной выставкѣ стоятъ этюды г. Рѣпина къ его картинѣ „Торжественное засѣданіе Государственнаго Совѣта въ память столѣтія со дня учрежденія его“ — явленіе исключительное, выходящее изъ ряда вонъ. Кажется, что если бы вся Передвижная выставка состояла изъ портретовъ и балныхъ вечеровъ г. Бодаревского, то и тогда бы стоило смириться и пережить этотъ „милліонъ терзаній“, чтобы, наконецъ, узрѣть откровеніе гениальной живописной техники и интенсивно-жизненнаго творчества Рѣпина. Самыя сложныя, трудныя задачи въ передачѣ матеріала, колорита, формы здѣсь разрѣшаются буквально двумя-тремя мазками. Сдѣлано только самое существовавшее, основное, но зато какъ смѣло, какъ увѣренно! Нѣтъ ни одного лишняго удара; все на своемъ мѣстѣ; все глубоко объективно, вѣрно выражаетъ самую типичную сторону предмета, и вамъ кажется, что сдѣлано гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и все множество деталей возникаетъ передъ очарованнымъ силой общаго взоромъ. Никогда не состарится художникъ, въ ударахъ кисти котораго кроется такая концентрація мысли, страсти и чутья. Подобную свободу, увѣренность и пламенность кисти мы видимъ только у нѣкоторыхъ великихъ мастеровъ, какъ, на примѣръ, въ портретахъ Веласкеца и, въ недосыгаемой степени, у Рембрандта въ послѣдній періодъ его жизни. И какъ бы ни ушла далеко по пути техническихъ успѣховъ молодая школа, ей остается только преклониться передъ гениальной простотой и силой техники въ этюдѣ Рѣпина (къ упомянутой картинѣ), изображающемъ гр. А. П. Игнатьева. Съ необычайной красотой и ширью проложены два, три основные тона, выражающихъ лицо, и намѣчены простыми пятнами зрачки глазъ; но каждая точка этого лица полна жизни, и, при взглядѣ на него, искусство больше чѣмъ когда-нибудь кажется вамъ высшей тайной съ непонятной и волшебной властью надъ нашей ограниченностью.

Но перейдемъ къ самой картинѣ, украшающей одну изъ залъ въ зданіи Государственнаго Совѣта. Это громадная портретная группа, изъ болѣе чѣмъ 80 фигуръ, занимающая всю площадь одной изъ стѣнъ довольно большого зала. При первомъ взглядѣ на картину невольно вспоминаются большія портретныя группы цеховыхъ старшинъ, обществъ и военныхъ корпорацій, которыя составляютъ такой специфическій родъ національной голландской живописи XVII вѣка. Эти портретныя группы, исполнявшіяся лучшими художниками Голландіи, были тѣсно связаны съ характеромъ

и смысломъ породившей ихъ эпохи. То была эпоха развитія силы и богатства маленькой страны и самосознанія ея гражданъ, героической борьбой отстаивавшихъ независимость родины отъ испанцевъ. Въ новыхъ условіяхъ свободы возрожденная жизнь націи проявлялась на всѣхъ поприщахъ въ высшей степени оригинально, сильно, плодотворно. До сихъ поръ Голландія XVII вѣка стоитъ передъ нами, какъ живая, въ безчисленныхъ произведеніяхъ ея художниковъ и особенно въ этихъ громадныхъ портретныхъ группахъ, гдѣ важны не отдѣльные лица, какъ ни характерны и жизненны они, а то общее, что есть во всѣхъ лицахъ: товарищескій духъ, высокій интересъ, важный трудъ или безпечное веселье, ихъ объединяющіе. Тутъ не можетъ быть официального безличія, и типичность пышно расцвѣтающей жизни, кипучей и здоровой, съ неизношенными силами, пробивается и тамъ, гдѣ художникъ старался угодить буржуазному тщеславію условною шаблонною красой позъ и размѣренностью группировки. Всѣ эти условія отсутствовали въ данномъ случаѣ. Картина Рѣпина исполнена по официальному заказу, въ связи съ официальнымъ торжествомъ. Въ ней изображенъ цвѣтъ не народа, а бюрократіи, и не только условія жизни большого европейскаго города сгладили рѣзкіе признаки національнаго характера въ этихъ лицахъ, но и расшитые золотомъ однообразные мундиры внесли свою долю безличной и натянутаго официальности. Своимъ антихудожественнымъ видомъ послѣдніе при томъ должны были создать затрудненіе, съ которымъ не было, казалось, никакой возможности справиться. Но когда богатырь русской земли Илья Муромецъ выходилъ на подвигъ, устрашающій другихъ богатырей, то самыя опасности и неудачи обращались ему въ пользу:

„Лежучи у Ильи второе силы прибыло“...

Побѣжденный имъ Соловей - разбойникъ рывалъ только по приказу Ильи и то лишь въ полсвиста звѣринаго. Такъ, подъ кистью Рѣпина все враждебное искуству, ординарное, грубое, дубочное блѣднѣетъ и смиряется, подчиняясь выразительности, силѣ и гармоніи колоссальнаго художественнаго организма, сотканнаго изъ эффектовъ свѣта, воздушной перспективы и безконечнаго разнообразія въ выраженіи, колоритѣ лицъ, въ психологіи характерныхъ позъ на фонѣ торжественно безличнаго ритуала. Тутъ если и блеснетъ гдѣ залитая золотымъ шитьемъ и украшенная орденами грудь, то въ тѣсной органической связи съ цѣлымъ, не какъ грубый, нарушающій гармонию оркестра диссонансъ, а какъ звучный тонъ своевременно вступающихъ мѣдныхъ инструментовъ. Прежде всего поражаетъ блестящее разрѣшеніе трудной перспективной задачи, придающей всей картинѣ глубину и цѣльность. Въ круглой колонной залѣ за столомъ, расположеннымъ большимъ концентрическимъ кольцомъ, занимающимъ почти всю залу, размѣстились участники засѣданія: прямо передъ зрителемъ, на дальнемъ планѣ картины, на мѣстѣ предѣдателя—Государь, около него Наслѣдникъ Цесаревичъ, великіе князья, далѣе министры и члены Совѣта. Министръ внутреннихъ дѣлъ стоитъ въ срединѣ круга, спиной къ зрителямъ. Его лицо обращено къ Государю; онъ читаетъ свой докладъ. Вдали, за колоннами и на переднемъ планѣ, также нѣсколько стоящихъ фигуръ, давшихъ художнику возможность внести разнообразіе въ линіи головъ и очертанія группъ. Несомнѣнно самой сильной, центральной въ

художественномъ отношеніи частью, сразу привлекающей общее вниманіе, является группа на переднемъ планѣ, съ изображеніемъ передачи медали. Гр. А. А. Бобринскій подходитъ съ юбилейною медалью въ рукахъ къ Члену Гос. Сов. П. П. Семенову. Красивая въ своей характерности сѣдая голова П. П. Семенова, извѣстнаго ученаго въ области естественныхъ наукъ и выдающагося знатока искусства, есть одинъ изъ лучшихъ портретовъ, исполненныхъ Рѣпинымъ, и несомнѣнно въ художественномъ отношеніи самый привлекательный и главный пунктъ картины. Видно, что и самъ художникъ писалъ это лицо съ особенною симпатіей и одушевленіемъ. За П. П. Семеновымъ, по ту сторону стола, виденъ гр. А. П. Игнатьевъ, типичное лицо котораго, написанное съ тою же чудесною простотой, какъ и вышеупомянутый этюдъ къ нему, дышитъ безпредѣльною силой жизненности и естественности, не передаваемой въ словахъ. Несомнѣнно эта группа, какъ и многія другія лица въ этой картинѣ, со славой можетъ выдержать сравненіе съ лучшими и типичнѣйшими головами въ знаменитыхъ портретныхъ группахъ не только Ванъ деръ-Гельста, но даже Фр. Гальса. Нечего и говорить, что всѣ эти портреты отличаются большимъ сходствомъ. Всюду видите яркое выраженіе душевнаго внутренняго облика человѣка. Не только въ головахъ передняго плана, но и въ нѣкоторыхъ лицахъ и фигурахъ, подернутыхъ туманомъ отдаленія, художникъ далъ типичную характеристику извѣстныхъ представителей нашего правительственнаго класса, сообщивъ официальной картинѣ значеніе вѣчнаго художественно историческаго документа. Мы предоставляемъ каждому изъ современниковъ самому прочесть его въ подробностяхъ хотя бы по прекрасной фототипіи у Даціаро. Конечно, уже по существу задачи это не созданіе національнаго характера, какъ голландскія портретныя группы: оно слишкомъ мало связано съ живыми и реальными теченіями въ глубинѣ нашей народной и общественной массы; но картина эта есть одно изъ самыхъ значительныхъ созданій современной портретной живописи и блестящій образецъ техническаго всемогущества современнаго искусства и въ частности И. Е. Рѣпина, славнаго богатыря реальной русской живописи и великаго идейнаго искусства пореформенной эпохи. Петербургъ можетъ гордиться картиной Рѣпина, какъ одной изъ главныхъ достопримѣчательностей города, типично характеризующей официальную столицу русской земли.

Къ числу выдающихся, изъ ряда вонъ выходящихъ явленій русской художественной жизни этого сезона мы относимъ еще два: „Историческую выставку предметовъ искусства“ въ Петербургѣ и выставку картины В. М. Васнецова „Страшный судъ“ въ Москвѣ.

Историческая выставка предметовъ искусства состояла изъ сокровищъ старинной обстановки, утвари, произведеній прикладнаго искусства и разнообразныхъ драгоценностей художественной работы, исполненныхъ большею частью въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка и принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, аристократическимъ русскимъ родамъ и различнымъ коллекціонерамъ. Собранные въ чудныхъ по архитектурной отдѣлкѣ залахъ училища Штиглица, эти памятники тонкаго, изящнаго вкуса нашихъ предковъ, ихъ ослѣпительной роскоши и богатствъ представляли въ высшей степени красивое и поучительное зрѣлище. Орнаментъ и предметы прикладнаго искусства — это музыка безъ словъ, но

тѣмъ болѣе способная производить высоко-гармоническое впечатлѣніе. Изъ него, какъ изъ иной мелодіи, могутъ возникать въ воображеніи цѣлыя картины жизни и природы. Подъ руками лучшихъ мастеровъ—а не забывайте, что эти мастера были часто величайшіе художники своей эпохи—эти вещи превращались въ настоящія произведенія искусства. Если вспомнить, что форма и орнаментъ предмета имѣютъ своею цѣлью самымъ совершеннымъ образомъ осуществлять и выражать назначеніе этого предмета въ жизни, что въ нихъ отражаются настроенія и понятія создавшей ихъ эпохи, что красота ихъ такимъ образомъ есть явленіе глубоко осмысленное, то станетъ совершенно понятнымъ, что эта выставка могла доставить посѣтителемъ массу эстетическаго наслажденія и была рѣшительно лучшей и самой интересной изъ всѣхъ петербургскихъ выставокъ въ концѣ сезона. И было на что полюбоваться! Чудной красоты старинный фарфоръ, туалетъ въ стилѣ „empire“ Жозефины Богарне и ея же чайный приборъ съ самоваромъ въ томъ же стилѣ выдающейся красоты, ваза XVIII в. изъ порфира съ ручками въ видѣ бронзовыхъ сатировъ, съ глупымъ любопытствомъ пытающихся заглянуть въ нее, — одно изъ лучшихъ украшеній выставки, старинная русская утварь, бронзовые часы въ стилѣ „empire“ съ портретомъ Екатерины II, мебель въ томъ же стилѣ, gobелены, скатерти современной работы съ мотивами русскаго народнаго орнамента, оригинальные панно г. Бартрама на сюжеты русскихъ сказокъ, чудныя танагры, амурсы Клодіона, рельефы Роббіевъ, Донателло, Росселлино, лиможскія и русскія эмали, серебряная группа Вакханаліи (современнаго художника J. Chéret — работы фирмы Болинъ), миниатюрныя бездѣлушки изъ драгоценныхъ камней, золота и серебра самой тонкой работы, осыпанныя брилліантами и жемчугомъ табакерки, представляющія цѣлое состояніе, и, наконецъ, интересныя коллекціи миниатюръ, дающія живую галлерею лицъ и типовъ далекаго прошлаго. Эти маленькіе, бывшіе прежде въ такомъ ходу, портреты, часто замѣчательные, и по тонкости и красотѣ техники, и по силѣ выраженія, представляли одинъ изъ самыхъ интересныхъ видовъ стариннаго искусства на выставкѣ. Многие изъ нихъ исполнены лучшими художниками, другіе представляютъ копии съ превосходныхъ большихъ портретовъ, изъ которыхъ нѣкоторые теперь уже затеряны. Самою богатой по составу была на этой выставкѣ коллекція миниатюръ в. кн. Николая Михайловича (болѣе 200 номеровъ). Въ ней находятся замѣчательные по нѣжности колорита, мягкости и широтѣ письма портреты екатерининскихъ вельможъ, графовъ Зубовыхъ работы Chamisso, превосходный по характеристикѣ и выраженію портретъ неизвѣстной дамы, въ чепцѣ и черномъ платьѣ, великолѣпное въ своей стилистической типичности изображеніе графини Самойловой, все исполненное въ свѣтлыхъ, нѣжныхъ, почти приторныхъ тонахъ съ цѣлымъ радужнымъ оркестромъ красокъ, въ пышныхъ перьяхъ шляпы и съ волнистыми, капризными очертаніями въ духѣ жизнерадостнаго рококо, удивительный по изяществу свѣтлыхъ красокъ женскій портретъ работы Isabeu, превосходный по teknikѣ и выраженію портретъ В. П. Кочубея работы извѣстнаго акварелиста Соколова и множество другихъ въ высшей степени характерныхъ и выразительныхъ портретовъ (напримѣръ, прекрасная миниатюра Vivien'a, изображающая кучера Александра I, Илью Байкова). Особенно понравились намъ также миниатюры, принадлежащія графу

Д. И. Толстому. Ихъ немного, но все—единственные въ своемъ родѣ образцы по совершенству исполненія и силѣ характеристики, и среди нихъ портретъ Неклюдовой Боровиковскаго, весьма типичный для этого художника. Замѣчательнъ также и миниатюрный портретъ Императрицы Маріи Федоровны (супруги Павла I, изъ собр. императрицы Маріи Федоровны) въ черномъ вуалѣ и въ черномъ платьѣ *à la grecque*, съ діадемой въ волосахъ, въ жемчужномъ колье, удивительно художественной, тонкой работы. Въ общемъ мы вынесли съ этой выставки очень сильное и цѣльное впечатлѣніе. Спасаясь отъ безличія петербургскихъ картинныхъ выставокъ, мы не разъ возвращались въ залы Штиглица, чтобы вновь и вновь освѣжиться у источниковъ истинной красоты и творчества, и всегда передъ нами возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ въ связи съ видѣннымъ. Куда дѣвались теперь этотъ тонкій вкусъ и осмысленность творчества? Возможно ли красота, какъ таковая, красота безъ выраженія чувствъ и мыслей? Или она есть всегда, у французовъ и у грековъ, у полинезийцевъ и у камчадаловъ, нѣчто глубоко оригинальное, осмысленное, въ чемъ отражаются основы всего міросозерцанія, идеалы и симпатіи создавшей ихъ эпохи и народа? Неужели наша жизнь, столь богатая успѣхами знанія, изобрѣтеній, широтою социальныхъ проблемъ и научныхъ гипотезъ, высотой общественныхъ стремленій, не создастъ своего стиля? Во всякомъ случаѣ пока основы его еще не выяснились. Мы заимствуемъ у народа, подражаемъ XVIII вѣку и наивностямъ романтизма - романтической эпохи; все, что заимствовано нами прямо, — хорошо, но оно не наше, не выражаетъ нашихъ истинныхъ настроеній и быта; все, что прибавлено отъ насъ, — безусловно плохо и искусственно. Просмотрите всѣ эти соединенія русскаго орнамента съ капризными или вялыми изгибами декадентскихъ линий. Какъ мало органическаго въ этихъ компиляціяхъ, какъ онѣ бессмысленны и какъ легко распадаются на составные элементы! Красота ихъ ничего не говоритъ, не передаетъ нашихъ лучшихъ стремленій, и если выражаетъ настроенія, то развѣ нездоровыхъ нервовъ, неестественныхъ или извѣженныхъ чувствъ. Да и красота ли это? Даже чудныя ювелирные издѣлія знаменитаго Лалика не могутъ спорить въ глубоко - наивной и естественной прелести съ узорами деревенскихъ „писанокъ“ (паскальныхъ яицъ) изъ схематическихъ животныхъ и растительныхъ формъ, какъ пришлось намъ убѣдиться, познакомившись недавно съ богатою коллекціей такихъ писанокъ. Тамъ поддѣлка подъ чужое; здѣсь свое, глубоко коренящееся въ обстановкѣ, степени развитія и умѣнія. Отчего же, подражая различнымъ стилямъ старины, мы неспособны преобразовать ихъ въ столь же органическое и оригинальное цѣлое, какъ стили, возникшіе въ эпоху Директоріи, Консульства и Первой Имперіи, какъ тотъ по-спартански строгій и сухой, но выразительный и величавый „empire“ начала XIX в., которымъ и до сихъ поръ обусловлены типичность и красота Петербурга? Люди той эпохи вѣдь также подражали древнимъ и однако создали нѣчто новое, говорящее, ярко ихъ характеризующее. Мы бесплодны, точно наша жизнь пуста, точно наша воля въ оковахъ, и нѣтъ силъ для свершенія благихъ желаній. Только г. Врубель, этотъ поразительный талантъ въ орнаментальной композиціи (припомните хотя бы замѣчательный кокошникъ на его „Царевнѣ-Лебеди“), способенъ свободно, безъ ложнаго наивничанія создавать изъ формъ народнаго иску-

ства, говорящія, неподражаемо красивыя поэмы; но его стремленіе и въ области непрікладного, настоящаго искусства отыскать кристаллъ въ орнаментальную схему каждаго лица, выраженія, фигуры и предмета представляетъ, какъ намъ кажется, безысходное противорѣчіе *in se ipso*.

Еще только одинъ русскій художникъ способенъ неподражаемо сливаться съ русской стариной и брать при этомъ изъ нея лишь лучшее и самое здоровое и претворять все это въ свое личное достояніе, въ глубоко оригинальныя формы. Это В. М. Васнецовъ. Его произведенія народны, но въ то же время и въ высшей степени индивидуальны и современны. Въ удивительномъ единствѣ слились въ его величавой „Богоматери“ (Влад. соб. въ Кіевѣ), этой царственной натурѣ, съ глубиной едва замѣтнаго страданія, замкнувшагося отъ толпы, и въ худенькомъ младенцѣ, трепетно и нервно протянувшемъ руки навстрѣчу міру, традиціи исторіи, національныя черты и чувства современности (сравните этого ребенка съ младенцемъ Сикстинской Мадонны, полнымъ, гармоническимъ, спокойно возсѣдающимъ на ея рукахъ, какъ на тронѣ). Всѣмъ намъ близокъ этотъ чудный образъ Небесной Царицы, столь же характерный для культуры и міровоззрѣнія православнаго Востока, какъ Сикстинская Мадонна для культуры католическаго Запада въ эпоху Возрожденія. И вотъ снова выступаетъ В. М. Васнецовъ съ замѣчательнымъ изображеніемъ „Страшнаго суда“, еще въ большей степени национальнымъ, специально русскимъ, такъ сказать, чѣмъ изображеніе Богоматери, въ которомъ сильнѣе отразились общевизантійскія и древнехристіанскія основы. Въ своемъ новомъ колоссальныхъ размѣровъ полотнѣ В. М. Васнецовъ представилъ излюбленные образы и использовалъ типичныя приемы древнерусской иконописи, не уберегшейся отъ поэтическихъ вліяній народнаго творчества, несмотря на опеку церкви. Художникъ выполнилъ свой трудъ съ замѣчательной свободой, съ безошибочнымъ чутьемъ самой сущности духа русскаго, роднаго стиля, который въ отличіе отъ торжественно-официальной величавости византійскаго творчества проникнуть такую глубину задушевности, кроткаго смиренія, силой всепрощенія, смѣлой широтою человѣчности. Всѣ эти высокія, безцѣпныя черты — лучшія свойства русскаго народа, потому что онъ и нието другой соудаль этотъ стиль, эти чувства и понятія, сгибаясь подъ тяжестью государева тягла и помѣщичьихъ оброковъ, ведя борьбу съ суровою природой, примиряясь и наивно вѣруя и отдавая свою жизнь въ жертву государственному цѣлому на его строеніе и нужды, въ надеждѣ лишь, что въ страшный и послѣдній день и для него найдется милость въ рѣшеніи небснаго суда. Вотъ насталь, наконецъ, этотъ день, и пришелъ чередъ для одной изъ душъ. И стоитъ „очередная“ душа, вся объятая ужасомъ и трепетомъ. Ангелъ держитъ наготовѣ свитокъ добрыхъ дѣлъ, чтобы опустить его на чашку вѣсовъ, когда наполнить сатана грудю грѣховныхъ свитковъ другую чашку, предназначенную для грѣховъ. Ужасенъ этотъ безобразный, искаженный злобой образъ властителя генины, съ включенными прядями волосъ, съ налитыми кровью гнѣвными глазами, съ крыльями нетопыря, съ когтями на рукахъ и лапахъ, съ мохватымъ хвостомъ, извивающимся подъ одеждой. Но взглянитесь... Развѣ вы не прозрѣваете въ рѣзкихъ, сильныхъ линіяхъ его профиля величавыя, нѣкогда неотразимо прекрасныя черты павшаго ангела, ближайшаго изъ всѣхъ къ престолу Божества? О, какъ много свитковъ съ

грѣхамъ! А у ангела всего только одинъ. Но въ серьезномъ, неподкупномъ лицѣ покорнаго исполнителя Божьихъ велѣній есть что-то столь чистое, идеально свѣтлое, что не можетъ въ этомъ свѣтломъ, чистомъ не быть невольной, хоть наружно и непроявляемой, симпатіи къ этой слабой трепетной душѣ.

Эта сцена есть центральная и главная въ изображеніи „Страшнаго Суда“ Васнецова. Въ ней внутренній драматизмъ произведенія достигаетъ высшей точки. За этой главной группой уже виднѣются, отступая въ глубину воздушнаго пространства, и другіе эпизоды міровой драмы. И надъ всѣмъ вверху, какъ бы въ полукруглой абсидѣ троннаго зала, Христосъ, царящій на престолѣ. Строгія черты Христа не грозны, онъ просто воплощеніе идеала вѣчной, абсолютной, безпредѣльно мудрой, безконечно чуткой справедливости, объединившей въ высшемъ синтезѣ, недоступномъ ограниченности человѣка, всѣ сложныя противорѣчія вселенной и сводящей всѣ безчисленныя „за“ и „противъ“ къ единой идеальной равнодѣйствующей; за нимъ по обѣ стороны стоятъ Богоматерь и Креститель, молящіе за міръ. Это „деисусъ“ (*δέισις*?—моленіе), традиціонный мотивъ всѣхъ изображеній Страшнаго Суда на Востокахъ и Западѣ. Исполненная безконечной печали, положила Богоматерь божественныя руки на плечо Сына, и слеза, выступивъ изъ-подъ рѣсницъ, какъ безцѣнная жемчужина, повисла на щекѣ. Только въ этомъ легкомъ прикосновеніи ея рукъ выразилась связь неба и земли, слабая на видъ, какъ тонкая нить, безпредѣльно крѣпкая, какъ литая цѣпь, на которой держатся надежды всего міра, что не переполнится мѣра божественной строгости и гнѣва, пока Мать осязаетъ плечо Сына. Въ грусти Крестителя, бороздящей морщинами его истомленное лицо, жгучимъ пламенемъ свѣдающей его душу, есть что-то почти властное, неотразимое, какъ страсть, горѣвшая въ обличительныхъ пророческихъ рѣчахъ его. Два шестикрылыхъ серафима, съ лицами сирійскаго типа, парятъ по обѣ стороны надъ трономъ и въ восторженномъ экстазѣ, съ горящими глазами славословятъ Небеснаго Царя, трепеща своими огненными крыльями, а у самаго подножія трона распростерлись ницъ двѣ фигуры, протянувъ впередъ молитвенно сложенные руки: старецъ, убѣленный прядями рассыпавшихся въ беспорядкѣ сѣдинъ, и женщина, съ головой накрытая плащомъ; неподвижно замерли глаза ихъ, какъ бываетъ у людей, рѣшающихся не измѣнять положенія, пока не пронесется страшный, безконечно длительный мигъ; это прародители Адамъ и Ева, умоляющіе о помилованіи ихъ несчастному потомству, человечеству. За престоломъ Небеснаго Царя размѣстились въ полукругліи абсиды апостолы на тронахъ, а за ними хоры ангельскихъ чиновъ, и въ отверстой вершинѣ полукупола, въ звѣздномъ пространствѣ виденъ Духъ св. и Богъ-Отецъ. И надъ всѣмъ небеснымъ чертогомъ раскинулся развернутый „свитокъ“ темносиняго звѣзднаго неба съ солнцемъ и луной. Поодаль отъ Христа стоятъ на стражѣ по обѣимъ сторонамъ, передъ абсидой небеснаго чертога, архангелы Гавріилъ и Михаилъ. Гавріилъ склонился съ выраженіемъ святой кротости и безпредѣльнаго благоговѣнія, храня порученные ему скипетръ и державу; за нимъ видны райскіе злаки, растущіе на золотыхъ поляхъ, и херувимъ, стерегущій входъ въ рай. Но верхъ творческаго вдохновенія, незабвенный и могучій образъ—это архангелъ Михаилъ. Съ копьемъ въ одной рукѣ, съ молніей въ другой, настоящей

молніей, губительной, сверкающей, поражает онъ адское исчадіе, змѣя, отвратительная голова котораго, съ отверстой и шипящей пастью, поднялась уже до облака, служащаго подножіемъ небесному чертогу. Чудный, сверкающій, неудержимый въ своемъ натискѣ, этотъ грозный образъ небеснаго воина одинъ ужъ въ состояніи свидѣтельствовать о свѣжести и силѣ творчества художника.

Полные мистическаго вдохновенія, символическіе образы видѣнія Іезекииля: „поюще, вопіюще, взывающе, глаголюще“, пареніемъ своимъ поддерживаютъ облако подъ трономъ Господа, заключая эту верхнюю полосу изображенія. Вглядитесь же теперь въ это удивительное равновѣсіе и гармонию въ краскахъ, линіяхъ, композиціи и выраженіяхъ. Въ этой всюду разлитой, хотя и не замѣтной сразу гармоніи стройно сочеталась необходимость со свободой, какъ бы отражая равновѣсіе и совершенство сферы, въ которой происходитъ дѣйствіе.

Но перейдемъ туда, гдѣ багровымъ тусклымъ дискомъ тлѣютъ „солнце, которое померкло“ и рогъ луны, который не далъ свѣта... Внизу, по лѣвую руку Христа, отвергнутыя имъ толпы грѣшниковъ. Они несутся изъ мрачной глубины впередъ по направленію къ зрителю и стремительно рушатся въ геенну. Въ своемъ паденіи они проходятъ сквозь кольца символическаго змѣя. На чешуѣ его, покрытой прахомъ мірскихъ грѣховъ, отражается отблескъ огненныхъ языковъ, поднимающихся изъ ужасной адской пропасти, откуда выползло и само чудовище. Вверху надъ первымъ оборотомъ его туловища изображены безумные, слабые властители; ихъ охватываетъ жалкое безсиліе и оцѣпенѣніе передъ страшной гидрой зла, и царскій скипетръ валится изъ слабыхъ рукъ. Слѣпцы! Они не видятъ и не чувствуютъ, что чудовище безсильно, что за ихъ спиной святой стражъ добра бросаетъ молнію въ голову змѣя. Тутъ же и завоеватели—бичи народовъ, и тиранъ, обогранными руками ухватившій свою державу, тутъ же и Неронъ, смотрящій въ чудесный изумрудъ, въ которомъ, по преданію, онъ могъ видѣть всякую грозящую ему измѣну, но который отражаетъ теперь только темное пятно запещейся крови. Вся группа завершается самымъ страшнымъ, мощнымъ и злодѣйскимъ властителемъ современнаго міра, золотымъ тельцомъ, ниспровергнутымъ молніей архангела. Въ слѣдующемъ оборотѣ змѣйнаго кольца—всѣ, кто лицемѣрно прикрывался писаніемъ: иноки, монахи, епископы, священники, спрятавшіе за святыми фоліантами свои лица отъ толпы. вмѣстѣ съ этими сластолюбцами и лицемѣрами, которые были „какъ наемники и не радѣли объ овцахъ“, дѣлятъ муки и папскій кардиналъ. Еще ниже жертвы грѣховныхъ страстей. Надъ ними царитъ самъ антихристъ, съ леденящими кровь чертами и величественнымъ видомъ ассирійскаго деспота, правящаго надъ страной насилія, порабощенія, произвола, вавилонской роскоши и разврата. Рядомъ съ нимъ его подруга, страшный типъ распущенной, бездушной и надменной, зараженной властолюбіемъ Іезавели. Это воплощенный геній зла, вносимаго въ міръ женщиной. За Антихристомъ—его царство: гетера, заломившая руки въ дикомъ, пьяномъ изступленіи не угасшей еще оргіи, неудержимо несущаяся внизъ, съ оскаленнымъ въ безумномъ хохотѣ ртомъ; тутъ же рядомъ двѣ жертвы сластолюбія и чувственности, женщина и мужчина, двѣ заплывшія пародіи на человѣческія лица, съ бессмысленнымъ выраженіемъ чисто животнаго ужаса въ глазахъ, а ниже ихъ выступаетъ

дѣвственное гѣжное плечо и локоть, въ которомъ спрятала свое лицо въ припадкѣ безысходнаго отчаянiя, горя и стыда, жертва грѣшной побѣдившей ее страсти. А рядомъ и другiе типы. Вотъ купецъ въ синей кацавейкѣ съ лисьей опушкой; какъ звѣрьки бѣгаютъ хитрые глаза его; онъ трусливо прижимаетъ въ головокружительномъ полетѣ свой кри-вой аршинъ и свои мѣшки съ деньгами; еще ниже скупецъ, жадно глотавшій свои червонцы, чтобы не потерять ни одного изъ нихъ въ мигъ послѣдней катастрофы; рядомъ съ нимъ убійцы и разбойники съ обгорелыми по локоть руками, съ искаженными отъ ужаса лицами. Тутъ же удавленникъ судорожно стягиваетъ петлю на шеѣ. Около него два врага, которые, вцѣпившись другъ въ друга, „враждуютъ до конца“. Дикимъ голосомъ кричитъ отъ боли опаленный огненными языками безумецъ, отвергавшій существованiе ада, Бога и страшнаго Его суда. Головою внизъ падаютъ грѣшныя тѣла, а ничтожный, весь зеленый, точно мохъ, чертеночъ, вцѣпившись, какъ пивка, въ обезумѣвшаго пьяницу, летящаго внизъ головой, льетъ изъ бутылки сивуху, стараясь угодить струей ему прямо въ горло. А внизу ужъ въ устьѣ адской пропасти языки пламени крутятся воронкой, образуя какъ бы все пожирающее „око геенны“ древне-русской иконописи. Въ кольцахъ адскаго пламени вершится казнь уязвляемыхъ ужасными пивками и змѣями грѣшниковъ. А какое странное пламя! Оно, кажется, можетъ только жечь, но не даетъ свѣта и бросаетъ лишь зловѣщій отблескъ на крылья сатаны и на все его царство.

Но отблески адскаго огня уже не проникаютъ на другую сторону изображенiя, направо отъ Христа, гдѣ собраны всѣ праведники: разбойникъ, признавшій Христа, съ крестомъ, на которомъ онъ былъ распятъ, мученики, мученицы, отцы церкви и святители, Константинъ и Елена, князь Владимiръ и святые изъ русскаго княжескаго рода. Далѣе собраны добрые пастыри церкви, полагавшiе душу за паству. Тотъ честно соблюлъ свое служенiе, этотъ оберегъ и просвѣтилъ души своей паствы, простой русской крестьянской семьи, съ свѣтлымъ, безконечно чистымъ и наивнымъ умиленiемъ созерцающей свершенiе Божественной святой правды, о которой они только мечтали на землѣ. Тутъ же и святые схимники, подвижники, аскеты, принесшiе въ дебри свѣтъ христіанства и культуры и подъявшiе, какъ послушанiе, бремя тягостныхъ для инока заботъ по управленiю и строенiю государства. Ниже въ толпѣ праведныхъ выдѣляются мать съ изстрадавшимся, но радостнымъ лицомъ, прижавшая къ себѣ своего безпечнаго младенца, группа царственныхъ великомученицъ, въ богатомъ одѣянiи, въ драгоценныхъ головныхъ уборахъ, съ лицами чудной красоты, съ выраженiемъ неземнаго вдохновеннаго просвѣтленiя, которое необычайно сильно удалось передать художнику, такъ же, какъ и въ замѣчательной стоящей ниже группѣ св. Софiи, Вѣры, Любви и Надежды. Образно представлены и дѣла милосердiя, за которыя Христосъ обѣщаль награду, какъ за добро, оказанное ему лично. Бояринъ поддерживаетъ изможденное, безсильное тѣло больного старика. Юноша (царевичъ?) освобождаетъ отъ оковъ узника, домохозяинъ привѣчаетъ странника, богатый человекъ прикрываетъ плащомъ своимъ нагого, женщина поитъ и кормитъ жаждущаго и голоднаго. Вереница праведныхъ, вся исполненная въ свѣтлыхъ, чистыхъ краскахъ, широкой лентой уходитъ далеко въ воздушное пространство, но впереди всей

вереницы совѣтъ близко къ зрителю стоитъ преп. Онуфрій, величавый образъ аскета, съ изсохшимъ, изможденнымъ тѣломъ, съ длинной сѣдою бородой, достигающей колѣнъ, съ выразительнымъ и сильнымъ лицомъ. Онъ изображенъ такимъ, какъ застигла его смерть, съ руками, обращенными къ Христу, въ молитвѣ,—не о состраданіи ли и милости къ очередной душѣ? Но что это за странный человѣкъ стоитъ передъ Онуфріемъ? Онъ на сторонѣ праведныхъ, и однако онъ не изъ числа ихъ. Человѣкъ этотъ схватился за лицо руками въ припадкѣ жгучаго стыда не то за наготу свою, не то за неловкость своего позорнаго, обособленнаго положенія.

Это одна изъ самыхъ выразительныхъ фигуръ всего изображенія; она представляетъ въ высшей степени оригинальный, глубоко задуманный типъ древне-русской иконописи, изображающій человѣка „иже милостыню твоя, блуда не остави“. Онъ избавился отъ ада („Блаженни милостивіи, яко ти помилованы будутъ“), но и не попалъ въ рай, и въ мучительной неразрѣшенности своихъ противорѣчій онъ ждетъ той свѣтлой и чудесной силы, которая могла бы помочь ему гармонически объединить въ себѣ плоть и идеалъ.

Между сонмомъ праведныхъ и ангеломъ съ вѣсами проносятся, какъ вихрь, изъ мрачной глубины ангелы, вѣстники грознаго суда. Они трубятъ въ свои изогнутыя трубы. Потрясающіе звуки этихъ трубъ раздаются на землѣ и будятъ мертвыхъ изъ гробовъ. Валются повсюду храмы, зданія, колонны, мраморные мавзолеи и простые деревенскіе кресты. Въ извилистыхъ огромныхъ разсѣлинахъ обнажаются скелеты и черепа людей и мамонтовъ. И земля и все вздувшееся синее море „отдаютъ своихъ мертвыхъ“. Скелеты встаютъ изъ гробовъ, одѣваясь плотью. Тамъ поднимается старый бородатый царь, держа свой скипетръ; здѣсь—павшіе на невѣдомыхъ поляхъ войны въ бряцающихъ доспѣхахъ; тутъ—люди всякаго званія, возраста и пола. А вотъ и тѣ, кого засталъ еще въ живыхъ этотъ страшный день,—женить и его невѣста, въ бѣлыхъ одѣянїяхъ, съ вѣнками въ волосахъ. Въ послѣдній разъ обнявшись на землѣ, они съ трепетомъ внимаютъ трубнымъ звукамъ. Въ смятеніи, не смѣя прикасаться къ людямъ, смотрятъ львы и тигры на этотъ мировой переворотъ въ природѣ. Багровымъ пламенемъ горитъ послѣдняя прощальная заря надъ землей, озаряя острые края скалъ и гребни морскихъ волнъ; темными пятнами вырѣзываются на ея кровавомъ фонѣ громадныя парящія надъ моремъ птицы. А отвратительное пыльное тѣло змѣя, колыхаясь и вздуваясь, огромнымъ изгибомъ уже нависаетъ надъ землей и скользитъ по ея безжизненной поверхности.

Какая грандіозная поэма, къ которой все предыдущее творчество художника ¹⁾ было лишь подготовительнымъ періодомъ! Обойдемъ теперь однимъ общимъ взглядомъ все изображеніе. Какая гармоническая музыка красокъ и волнистой модуляціи то уходящихъ въ глубину воздушнаго пространства, то выступающихъ впередъ массъ и фигуръ!.. Какая энергія въ стремительномъ движеніи грѣшниковъ, въ ихъ ужасныхъ страданїяхъ, въ напряженномъ тѣлѣ сатаны, бьющаго по воздуху

¹⁾ Въ томъ числѣ и прекрасныя картоны для церковныхъ мозаикъ въ Петербургѣ и Дармштадтѣ, выставленныя этой зимой въ Петербургѣ, въ которыхъ также встрѣчались выдающіеся по красотѣ и выразительности образы.

крыльями, чтобы удержаться на уровнѣ вѣсовъ, и въ безпредѣльной его злобѣ! Сколько чистой красоты и благоговѣйнаго восторга въ свѣтозарномъ, спокойномъ предстоящемъ сонмѣ праведниковъ! Достаточно разъ увидѣть эти образы, чтобы никогда ужь не забыть ихъ.

Изображеніе „Страшнаго суда“ было пробнымъ камнемъ для многихъ великихъ мастеровъ идеальнаго и религіознаго искусства, начиная съ Джотто, Орканьи, Беато Анжелико до Стефана Лохнера, Ганса Мемлинга и Микель Анджело. Та или другая разработка этой грандіозной, сложной темы даетъ самый яркій и типичный матеріалъ для оцѣнки и характеристики этихъ мастеровъ. Теперь такой случай представляется и по отношенію къ В. М. Васнецову. Приведенное выше описаніе его „Страшнаго суда“ уже выясняетъ намъ характеръ его образовъ. Постараемся теперь дать общую оцѣнку его творчества, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Страшнаго суда“, представляющаго высшее развитіе всего созданнаго раньше художникомъ. Никто изъ современныхъ представителей религіозной русской живописи, кромѣ В. М. Васнецова, не способенъ въ своемъ творествѣ вознестись душой на такую вдохновенную высоту чистыхъ чувствъ и помысловъ. Ни чье творчество въ своемъ идеализмѣ не создаетъ образовъ, полныхъ столь здоровой и свѣтлой красоты, философской глубины и нравственной силы. Только онъ можетъ такъ тѣсно слиться съ русскимъ народомъ въ его самыхъ чистыхъ и святыхъ чувствахъ, высокихъ и наивныхъ творческихъ мечтахъ, съ его исторической культурой въ ея лучшихъ положительныхъ сторонахъ. Только В. М. Васнецовъ въ состояніи приблизить образы, созданные русской стариной и народомъ, къ понятіямъ современныхъ людей, уяснить намъ красоту и вѣчную правду, заключенную въ этихъ образахъ, и выразить въ нихъ самые жгучіе затаенные запросы и страданія современности, объединить національный канонъ съ самою высокою, отвлеченной и глубокомысленной философіей эпохи. Такимъ образомъ, миссія этого художника выясняется все больше. Послѣ его „Страшнаго суда“ можно уже смѣло признать его національнымъ гениемъ, что бы тамъ ни говорили развязные зомилы, задающіе тонъ современному искусству, при отсутствіи въ нашемъ поколѣніи сильныхъ и глубокихъ творческихъ натуръ. В. М. Васнецовъ сдѣлалъ въ русскомъ искусствѣ болѣе другихъ для того, чтобы укрѣпить духовную связь интеллигенціи съ массой русскаго народа, сдѣлать болѣе нормальными ихъ отношенія, которыя такъ странно или безразсудно искажались порой въ увлеченіи и борьбѣ нашихъ „до конца враждующихъ“ общественныхъ партій. Все творчество В. М. Васнецова постоянно показываетъ намъ, что неоплатны долги наши передъ народомъ и въ духовномъ отношеніи. Передъ его произведеніями приходятъ въ голову слова стараго Тойона изъ „Сна Макара“: „Погоди, барахсанъ! Ты не на землѣ... Здѣсь и для тебя найдется правда“... Не только лучшими чертами нашей исторической и общественной жизни, но и нашими высшими эстетическими наслажденіями мы обязаны идеальнымъ творческимъ и нравственнымъ силамъ русскаго народа, нашедшимъ въ лицѣ В. М. Васнецова своего великаго толкователя и выразителя.

Н. Романовъ.

Литературное обозрѣніе.

Кн. М. С. Волконскій въ предисловіи къ только-что появившимся запискамъ его матери, кн. М. Н. Волконской, жены декабриста, рассказываетъ, что мать его, ради любви и долга отвергшая всѣ земныя блага и послѣдовавшая за мужемъ на каторгу, отказывалась видѣть въ этомъ какую-нибудь особенную заслугу съ своей стороны: „что же тутъ удивительнаго?—говорила она,—пять тысячъ женщинъ каждый годъ дѣлаютъ добровольно то же самое“. Именно таково наше отношеніе и къ ней самой, и къ декабристамъ вообще... Но оставляя въ сторонѣ сравненіе съ тѣми тысячами, которые „каждый годъ дѣлаютъ добровольно то же самое“,—подвигъ и жертва первыхъ пионеровъ истинно величественны, и, что всего важнѣе,—предъ нравственной красотой большинства изъ нихъ не можетъ не преклониться даже тотъ, въ комъ предметъ ихъ стремленій не возбуждаетъ никакого сочувствія. Во тѣхъ сибирскихъ рудниковъ они засвѣтились еще болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ въ утро памятнаго дня на Сенатской площади. Послѣдній мѣсяцъ обогатилъ литературу о декабристахъ двумя замѣчательными памятниками: въ мартовской книгѣ „Русскаго Богатства“ начаты печатаніемъ записки Лорера, и кн. М. С. Волконскимъ изданы записки его матери, жены декабриста. Помимо своего историческаго значенія, помимо массы новыхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ тѣхъ и другихъ (а также въ примѣчаніяхъ кн. Волконскаго къ запискамъ его матери), это—драгоценныя свидѣтельства истиннаго идеализма, высокой нравственной красоты. Какая-то уравновѣшенность была въ этихъ людяхъ, сверстникахъ Пушкина, утраченная позднѣйшими поколѣніями; они дѣлали дѣло своей совѣсти безъ внутренней борьбы и безъ сожалѣнія потомъ, точно повинуваясь неодолимому призыву. Когда Оболенскій предложилъ Лореру вступить въ тайное общество, Лореръ, смутно понимая важность шага, который онъ готовъ былъ сдѣлать, медлилъ отвѣтомъ; „но тутъ,—рассказываетъ онъ,—какъ нарочно, вдругъ солнечный лучъ весело освѣтилъ довольно мрачную квартиру, а онъ посылается вѣдь отъ Бога. Я всталъ и только освѣдомился о трехъ лицахъ, дорогихъ, близкихъ моему сердцу: съ нами ли они?“ „Съ нами“, отвѣчала Оболенскій. „Я вашъ“, проговорилъ я; и мы братски, горячо обнялись“. И это придаетъ имъ наибольшую обаятельность: ихъ общественныя стремленія не были чѣмъ-то привнесеннымъ извнѣ и пустившимъ корни въ ихъ сознаніи, а органически, не спросясь сознанія, вырастали изъ *личныхъ* свойствъ ихъ духа—изъ личной гуманности, личнаго чувства чести и т. п.; они вполне осуществляли въ себѣ тотъ

идеаль Успенскаго, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ,—идеаль чловѣка, которому и дома, и для себя нужно то самое дѣло, какое онъ дѣлаетъ на общественномъ поприщѣ. Они хотѣли поднять другихъ, потому что сами для себя не считали возможнымъ нагибаться.

Еще краснорѣчивѣе „Записки“ кн. Волконской.

Вы читаете эти чудныя записки, и почти забываете, какому дѣлу была причастна эта женщина; да и не дѣло, одушевлявшее мужа, дало ей и силу, и кротость,—или развѣ настолько, насколько оно само было плодомъ высокаго идеализма. Откуда взяла она, 22-лѣтняя, безъ знанія жизни, безъ привычки къ лишеніямъ, не сдѣлавшая до тѣхъ поръ самостоятельно ни шага—она и замужъ вышла не по собственному выбору, а по волѣ родителей,—откуда взяла она вдругъ эту твердую волю, эту находчивость въ нуждѣ, наконецъ эту тонкую чуткость сердца, которой раньше ей, казалось бы, не на чемъ было развить? Декабристъ баронъ Розень рассказываетъ о ней, что она на каторгѣ никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и выскательна съ начальниками острога. Два эпизода, описываемые ею самой, ярко рисуютъ бессознательный умъ и красоту ея сердца. Ея деньги хранились у начальника заводоу, Бурнашева, и она была обязана время отъ времени представлять ему отчетъ въ произведенныхъ ею расходахъ. Однажды, истративъ нѣкоторую сумму на рубашки для уголовныхъ каторжныхъ, которые ходили полуголыми, она явилась къ Бурнашеву съ обычнымъ счетомъ. Онъ разсердился не на шутку: она де не имѣетъ права одѣвать людей, находящихся на иждивеніи правительства; „въ такомъ случаѣ,—отвѣчала она,—прикажите сами ихъ одѣть, такъ какъ я не *привыкла* видѣть полуголыхъ людей на улицѣ“. Въ другой разъ, когда декабристы рѣшили голодовкой принудить начальство давать имъ свѣчи, Бурнашевъ пріѣхалъ для суда надъ ними. Это было зимою, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ Волконской въ Благодатскъ. Вздволнованная слухомъ о предстоящей расправѣ, она съ Трубецкою стояла на улицѣ и видѣла, какъ ихъ мужья мимо нихъ шли подъ конвоемъ на допросъ; и она стала на колѣни въ снѣгу, умоляя мужа не горячиться.

Записки Волконской принадлежать къ числу тѣхъ рѣдкихъ книгъ, гдѣ личность рассказчика споритъ въ величій съ содержаніемъ его рассказа. Въ нихъ нѣтъ и тѣни искусственности; ихъ тонъ дышитъ тою же простотой, кротостью и силой духа, какими запечатлѣно ея чудное лицо на приложенномъ къ запискамъ старческомъ портретѣ. Когда, дочитавъ ея скромное повѣствованіе, вы мысленно дадите себѣ отчетъ въ общемъ впечатлѣніи, которое вынесли, васъ поразитъ прежде всего глубокая женственность этой натуры. Все существо ея какъ бы соткано изъ удивительно доброкачественныхъ инстинктовъ, которые неодолимо и безошибочно ведутъ ее по вѣрному пути. Это именно впечатлѣніе выразилъ Некрасовъ, озаглавивъ обѣ свои поэмы о Трубецкой и Волконской обобщающими словами: „Русскія женщины“.

Мы не будемъ излагать записокъ: большинство нашихъ читателей вѣроятно уже знакомо съ ними по изложенію В. Е. Якушкина въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а многіе прочтутъ ихъ и въ подлинникѣ. Онѣ лежатъ въ основаніи второй поэмы Некрасова, и мы хотимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ближе присмотрѣться къ манерѣ его

творческой работы. Но сначала передадимъ со словъ кн. М. С. Волконскаго исторію ознакомленія съ ними Некрасова.

Кн. Волконскій, сынъ автора записокъ и теперь ихъ издатель, рассказываетъ, что онъ давно былъ знакомъ съ Некрасовымъ. Задумавъ продолжать „Русскія женщины“ (поэма о кн. Трубецкой уже была изда-на), поэтъ прѣхалъ къ нему, сказалъ, что хочетъ писать о его матери, и просилъ дать ему ея записки, о существованіи которыхъ ему было извѣстно. Кн. Волконскій, опираясь на ясно выраженную волю своей матери, отказалъ наотрѣзъ, но потомъ согласился прочесть Некрасову рукопись, съ тѣмъ, что поэтъ не выпуститъ поэмы безъ его согласія на всѣ ея подробности. Некрасовъ по-французски зналъ плохо, и князь, читая, переводилъ текстъ на русскій языкъ. Чтеніе заняло три вечера; Некрасовъ карандашомъ дѣлалъ замѣтки въ принесенной имъ тетради. „Вспоминаю,—рассказываетъ кн. Волконскій,—какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: „Довольно, не могу“, бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ“. Когда поэма была готова, Некрасовъ показалъ ее князю и принялъ его замѣчанія, кромѣ одного: онъ просилъ оставить ему сцену встрѣчи кн. Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ“, а въ шахтѣ: „Не все ли вамъ равно,—говорилъ онъ,—съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землю, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ“. Какъ извѣстно, эта сцена и уцѣлѣла въ поэмѣ.

Нельзя сказать, чтобы тонъ „Записокъ“ былъ вполне выдержанъ въ поэмѣ. Первое, что бросается въ глаза, это — большая экспансивность героини поэмы. Автора записокъ, т.-е. подлинную Волконскую, характеризуетъ какая-то строгая простота и цѣломудріе чувства, отсутствіе чувствительныхъ разсужденій, да и вообще большая скупость слова; Некрасовъ точно разбавилъ эту сосредоточенную силу и сдѣлалъ ее болѣе текучей, но зато и менѣе глубокой. Вотъ, на примѣръ, немного-словный разсказъ княгини о томъ, какъ она узнала объ арестѣ мужа (она жила у родителей и только что родила): долго не получая извѣстій отъ мужа, она стала настоятельно требовать, чтобы ей сказали правду; „мнѣ отвѣчали, что Сергѣй арестованъ, равно какъ и В. Давыдовъ, Лихаревъ и Поджіо. Я объявила матери, что уѣзжаю въ Петербургъ“. А вотъ что сдѣлалъ изъ этого Некрасовъ:

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
Я клятвой отца увѣрjala,
Что я не пролью ни единой слезы,—
И онъ, и кругомъ все молчало!
Любя, меня мучилъ мой бѣдный отецъ,
Жалѣя, удваивалъ горе...
Узнала, узнала я все наконецъ!..
Прочла я въ самомъ приговорѣ,
Что былъ заговорщикомъ бѣдный Сергѣй,

и т. д.

и ниже:

Я помню, сто разъ я прочла приговоръ,
Вникая въ слова роковыя...
Всю ночь я горѣла, мечтая о томъ,
Какъ буду жалѣть Сергѣя...

Или ея рассказъ о первомъ свиданіи съ мужемъ въ крѣпости, въ Петербургѣ: „Мы вошли къ коменданту; сейчасъ же привели подъ стражей моего мужа. Это свиданіе при постороннихъ было очень тягостно. Мы старались ободрить другъ друга, но дѣлали это безъ убѣжденія. Я не смѣла его спрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись домой, я поспѣшила узнать, что онъ мнѣ передалъ, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, написанныхъ на одномъ углу платка и которыя едва можно было разобрать“. Некрасовъ точно воспроизвелъ всѣ немногочисленныя подробности этой сцены, но, развивая ихъ въ полную картину, добавилъ такъ много внѣшней чувствительности, что, несомнѣнно, исказилъ впечатлѣніе; иныя строки даже оскорбляютъ своей банальностью, напримѣръ, въ концѣ разсказа объ этомъ свиданіи:

Намъ послѣ годичной разлуки часокъ
Свиданья коротокъ казался,
Но что жъ было дѣлать!

и т. д.

Вообще неоцѣненное преимущество „Записокъ“ передъ Некрасовскою поэмой то, что въ первыхъ совсѣмъ нѣтъ „психологіи“, а въ поэмѣ ея чрезмѣрно много; зачѣмъ нужно было до такой степени нагрузить дешевой психологіей простой рассказъ о словахъ, написанныхъ на углу платка:

Великую радость нашла я въ платкѣ:
Плела ея, увидала
Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ;
Вотъ что я, *ороза*, прочитала...

А такихъ примѣровъ въ поэмѣ не оберешься.

При такомъ характерѣ поэмы личность героини неизбежно должна была до известной степени утратить ту самобытную силу, какая, судя по „Запискамъ“, была присуща кн. Волконской по крайней мѣрѣ въ старости, когда писались эти записки; вѣдь и у Некрасова она уже старухой, бабушкой, описываетъ свою жизнь для внуковъ. Слушая записки въ чтеніи кн. Волконскаго, Некрасовъ не могъ не чувствовать ихъ строгой красоты, но онъ не сумѣлъ передать ея и мѣстами замѣнилъ низкопробной психологичностью, рассчитанной на эффектъ; это прямо свидѣтельствуетъ о сравнительной слабости художественнаго дарованія.

Но нельзя отрицать и того, что свою героиню, не совсѣмъ похожую на подлинникъ, онъ сумѣлъ сдѣлать живымъ и все же яркимъ лицомъ, вѣрнымъ себѣ отъ первой до послѣдней строки; и нельзя также не удивиться искусству, съ какимъ онъ возсоздалъ ея психологію въ отдѣльных сценахъ, заимствованныхъ изъ „Записокъ“, напримѣръ, ея думы въ долгую ночь предъ рѣшеніемъ, нельзя не удивляться поэтической силѣ многихъ картинъ, и—главное—глубокой искренности волненія, владеющаго самимъ поэтомъ и неотразимо передающагося читателю. Онъ несомнѣнно внутреннимъ взоромъ *видѣлъ* всѣ эти сцены и пережилъ ихъ съ страстнымъ участіемъ; видѣлъ онъ и ту сцену перваго свиданія въ крѣпости, гдѣ такъ много лишняго, но и много поразительной правды, напримѣръ, въ словахъ о глазахъ Волконскаго при видѣ жены:

Съ минуту пытливо смотрѣли они—
И радостью вдругъ заблестали,
Казалось, онъ въ душу мою заглянулъ...

Кн. М. С. Волконскій въ своемъ предисловіи приводитъ мнѣніе де-Вогюэ, что въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасовъ имѣлъ въ виду дать апоэеозъ общественнаго подвига декабристовъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе. Обѣ поэмы принадлежатъ къ наиболѣе свободнымъ отъ тенденціозности произведеніямъ Некрасова. Для всякаго, кто хоть разъ читалъ ихъ, очевидно, что онѣ—нечто иное, какъ художественные портреты двухъ нравственно-прекрасныхъ лицъ; и если въ нихъ есть апоэеозъ, то это—апоэеозъ того инстинктивнаго благородства души, о которомъ мы говорили выше и которое съ такой силою выразилъ поэтъ въ отвѣтъ кн. Трубецкой на упрекъ губернатора, что она бѣжитъ за мужемъ, какъ жалкая раба, тогда какъ мужъ, рѣшаясь на опасное дѣло, нисколько не думалъ о ней:

Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба—
Я буду ей вѣрна!
О, если бѣ онъ меня забылъ
Для женщины другой,
Въ моей душѣ достало бѣ силъ
Не быть его рабой!
Но знаю: къ родинѣ любовь
Соперница моя,
И если бѣ нужно было, вновь
Ему простила бѣ я!..

Заговоривъ о Некрасовѣ по поводу записокъ кн. Волконской, кстати будетъ познакомить читателей съ новымъ этюдомъ о немъ. Мы уже имѣли случай упоминать о статьяхъ А. Н. Пыпина въ „Вѣстн. Евр.“ за прошлый годъ, посвященныхъ Некрасову. Въ послѣднихъ двухъ книгахъ того же журнала (мартъ и апрѣль) почтенный историкъ даетъ „обзоръ литературной дѣятельности“ Некрасова. Заглавіе это, впрочемъ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанию статей, представляющихъ собою скорѣе собраніе матеріаловъ для характеристики личности и поэзіи Некрасова. Но матеріалы эти частью очень интересны. Первая, мартовская, статья любопытна особенно заключенными въ ней свѣдѣніями о прозаическихъ произведеніяхъ Некрасова. Дѣйствительно, проза Некрасова, погребенная въ старыхъ журналахъ и никѣмъ донинѣ не изученная, художественно, вѣроятно, мало цѣнная и, можетъ быть, справедливо преданная забвенію, для историка литературы представляетъ большую цѣнность: по ней можно прослѣдить, какъ складывалась литературная манера Некрасова на фонѣ общаго направленія тогдашней литературы. Въ этихъ раннихъ произведеніяхъ поэта уже съ полной ясностью выступаютъ тѣ двѣ черты, которыми преимущественно характеризуется его позднѣйшее поэтическое творчество: реализмъ, т. е. стремленіе изображать подлинную, а не фантастическую дѣйствительность, и преобладающій интересъ къ народной массѣ.

Таково самое крупное прозаическое произведеніе Некрасова—написанный имъ въ сотрудничествѣ съ А. Я. Панаевой романъ „Три страны

свѣта“ (1849). Романъ этотъ, обязанный своимъ происхожденіемъ не творческому импульсу, а внѣшнимъ причинамъ (строгости цензуры и недостатку беллетристическаго матеріала въ портфель редакціи), по словамъ г. Пыпина, лишень художественнаго значенія; онъ имѣлъ цѣлью дать занимательное и полезное чтеніе невзыскательной массѣ публики; это былъ правоописательный романъ съ приключеніями, съ запутанной фабулой, съ эффектными сценами во вкусѣ Евгенія Сю. Но любопытна его тенденція: въ противовѣсъ патриархально-крѣпостному складу жизни здѣсь данъ апопеевъ честной наживы, энергичной предприимчивости, личнаго труда; здѣсь указывалось на несмѣтныя „неизвѣданныя“ богатства нашей родины, лежащія втунѣ или разрабатываемыя хищнически, предлагалось извѣдать эти богатства и познакомиться съ самимъ народомъ, съ „отечествомъ“ вообще. Въ своихъ странствіяхъ по „трехъ странамъ свѣта“ герой романа сталкивается съ представителями всевозможныхъ слоевъ населенія: съ бурлаками, кущами, поморскими промышленниками и проч., и это знакомство рождаетъ въ немъ удивленіе передъ русскимъ народомъ. Раньше онъ, какъ всѣ мы, не зналъ мужика и судилъ о немъ на основаніи готовыхъ истинъ; но необходимость, говорить онъ, сблизила его съ крестьяниномъ, общая доля породнила, и теперь онъ много любитъ его, потому что хорошо знаетъ. Мужикъ суровъ и неразговорчивъ, да къ тому же его внутренняя жизнь ему самому не ясна; его трудно узнать. Но подойди къ нему просто, съ открытымъ сердцемъ, присмотрись къ нему съ любовью, „тогда,—говоритъ онъ,—увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія, и что, главное, въ немъ много ироніи дѣльной и мѣткой, которая уже, можетъ быть, давно твою собственную особу пустила ходячей притчей по всему околотку“. И онъ совѣтуетъ всякому юношѣ, который послѣ обычной „жажды дѣлъ“ впадаетъ въ апатію и сидитъ сложа руки, предаваясь скептическимъ мыслямъ, прокатиться по раздольному нашему царству, потолкаться среди всякихъ людей: онъ увидитъ, какъ много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ отечествѣ,—увидитъ и устыдится своего бездѣйствія, своего скептицизма, и самъ, какъ русскій человекъ, разохотится, расхочется: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитія, славы и процвѣтанія русскаго народа“.

Эти мысли, выраженные устами образованнаго дѣльца-промышленника, были новы для конца 40-хъ годовъ. А. Н. Пыпинъ справедливо указываетъ, какъ неясно было въ то время отношеніе къ народу: Сахаровъ говорилъ о народѣ въ сантиментально-напыщенномъ тонѣ, славянофилы впадали въ идеализацію и мистицизмъ, и—подъ вліяніемъ крѣпостного права—всюду еще царилъ взглядъ на народную массу, какъ на грубую рабочую силу. Сужденіе Некрасова во всякомъ случаѣ было ближе къ дѣйствительности; шагомъ впередъ къ трезвой правдѣ былъ и его совѣтъ—искать знакомства съ мужикомъ въ сферѣ совмѣстной работы, общей съ нимъ доли; наконецъ, реализмомъ дышать и самыя картины, развертывающіяся въ романѣ,—картина волжскаго хлѣбнаго каравана, описаніе каналовъ, Боровицкихъ пороговъ, народные типы съ Каспія, съ Волги, съ Бѣлаго моря и пр. Въ противоположность выдуманной фантастикѣ французскихъ романовъ „Три страны свѣта“ представляли собою, говоритъ г. Пыпинъ, попытку вдвинуть въ рамку романа настоящую русскую дѣйствительность.

Не менѣе любопытны, но въ другомъ смыслѣ, критическія статьи Некрасова въ „Современникъ“, изъ которыхъ инныя впервые указываются А. Н. Пыпинымъ. Очень любопытна, напр., его статья о русскихъ второстепенныхъ поэтахъ, 1850 г., гдѣ въ первый разъ по достоинству оцѣнена поэзія Тютчева (Некрасовъ же первый, въ 1854 году, издалъ и собраніе стихотвореній Тютчева). Между прочимъ г. Пыпинъ, на основаніи сохранившихся рукописей, опредѣлилъ степень участія Некрасова въ „журнальныхъ замѣткахъ“ 1856—57 гг.: оказывается, что онѣ писались собща—Некрасовымъ и Чернышевскимъ, такъ что инныя страницы писаны первымъ, остальные—вторымъ. Это обстоятельство, само по себѣ маловажное, любопытно для характеристики тогдашняго русскаго журнализма. Мы въ наше время и понятія не имѣемъ о той дружной работѣ, какаѣ шла, напр., въ редакціи „Современника“. Тождество взглядовъ и личныя симпатіи были такъ велики, что сплошь и рядомъ одинъ и тотъ же отдѣлъ вели попережку разные лица, напримѣръ, литературную хронику—то Панаевъ, то Дружининъ, то Некрасовъ; существовали даже цѣлыя сборные отдѣлы, какъ „Литературный Ералашъ“ или стихотворенія „Новаго поэта“, подъ именемъ котораго соединялись Панаевъ, Некрасовъ и Гаевскій.

Въ настоящихъ двухъ статьяхъ А. Н. Пыпина рассмотрѣна лишь незначительная часть Некрасовской прозы; систематическій обзоръ ея въ полномъ объемѣ еще ждетъ охотника. Это дѣло давно пора сдѣлать. Мы не можемъ присоединиться къ пожеланію автора, чтобы въ новомъ изданіи сочиненій Некрасова нашли мѣсто всѣ прозаическія статьи поэта: онѣ представляютъ лишь историческій интересъ и не найдутъ себѣ читателей; самъ же г. Пыпинъ въ одной изъ этихъ статей справедливо ополчается противъ „полныхъ“ собраній, дающихъ все вышедшее изъ-подъ пера писателя. Но изучить прозу Некрасова и извлечь изъ нея все, что можетъ служить для уясненія его литературной физіономіи, разумѣется, необходимо; такое изслѣдованіе, какъ показываютъ и статьи г. Пыпина, пролило бы свѣтъ и вообще на развитіе нашей литературы въ половинѣ прошлаго вѣка.

Безъ сомнѣнія, самое цѣнное, что содержатъ статьи г. Пыпина, это—рядъ замѣтокъ, вызванныхъ біографіей Некрасова въ посмертномъ изданіи 1879 года и сообщенныхъ ему, по его словамъ, „современникомъ, который близко зналъ Некрасова“. Не трудно догадаться, что этотъ анонимный современникъ—Н. Г. Чернышевскій. Замѣтки проникнуты самымъ теплымъ чувствомъ къ Некрасову; по мнѣнію писавшаго ихъ, Некрасовъ былъ очень добрый, прямодушный и скромный человѣкъ съ нѣкоторыми очень обыкновенными слабостями. Самое любопытное мѣсто замѣтокъ—то, гдѣ авторъ ихъ опредѣляетъ степень вліянія на Некрасова „новыхъ людей“, къ числу которыхъ, по словамъ г. Пыпина, принадлежалъ и самъ авторъ замѣтокъ, т.-е. Чернышевскаго и Добролюбова.

Упомянутая біографія Некрасова дѣлитъ его поэтическую дѣятельность на два періода: до 1856 года, говоритъ біографъ, Некрасова характеризовалъ только горячій, но крайне неопредѣленный протестъ противъ рабства и угнетенія, пѣвцомъ же народнаго горя онъ становится лишь съ 1856 г. подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось тогда въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили

его: то и другое значительно раздвинуло умственный и нравственный горизонтъ поэта. Авторъ замѣтокъ рѣшительно отвергаетъ это объясненіе. Дѣло было не въ расширеніи умственнаго горизонта Некрасова, а въ расширеніи цензурныхъ рамокъ, позволявшемъ теперь говорить кое о чемъ изъ того, о чемъ раньше приходилось молчать. Авторъ рассказываетъ, что и при этомъ болѣе свободномъ режимѣ Некрасовъ постоянно жаловался, что принужденъ подавлять въ себѣ творческія идеи, такъ какъ писать безъ надежды увидѣть свое произведеніе напечатаннымъ для него невозможно.

Я говорилъ ему: „если бъ у меня былъ поэтическій талантъ, я дѣлалъ бы не такъ: я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры, все равно: когда жъ нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано“. Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думаетъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

Перемѣна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная крымской войной, по мнѣнію автора замѣтокъ, не оказала прямого вліянія на Некрасова: онъ гораздо раньше этой перемѣны имѣлъ понятія, гораздо болѣе широкія, чѣмъ тѣ, какія овладѣли теперь обществомъ. Вся перемѣна заключалась въ томъ, что масса общества сознала необходимость отмены крѣпостного права, судебной, административной и цензурной реформъ. Эти сравнительно элементарныя идеи уже задолго до крымской войны были достоинствомъ передового литературнаго круга, въ которомъ Некрасовъ вращался съ половины 40-хъ годовъ; теперь къ этому передовому меньшинству примкнула другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества, усвоивъ его давнишнія стремленія, и этотъ дружный массовый напоръ привелъ къ частичной побѣдѣ: печать получила болѣе широкій просторъ, и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ писателямъ, могъ расширить свою поэтическую дѣятельность. Такимъ образомъ, общественный подъемъ не расширилъ его горизонта, а только до известной степени развязалъ ему руки.

Точно такъ же авторъ замѣтокъ отрицаетъ и вліяніе на Некрасова „новыхъ людей“. Онъ показываетъ, что и до сближенія съ ними, начавшагося въ 1854 году, Некрасовъ писалъ произведенія, одинаковыя по мысли съ тѣми, за которыя біографъ награждаетъ его титуломъ „пѣвца народнаго горя“. Главное же, Некрасову нечего было у него заимствовать. Правда, говоритъ авторъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ (и здѣсь надо разумѣть, конечно, самого автора замѣтокъ, т.-е. Чернышевскаго) „по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе определенныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей“. Что касается другого новаго человѣка—Добролюбова, то тутъ заимствованіе было еще менѣе возможно по большой разницѣ лѣтъ.

Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и, я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширеніе „умственнаго и нравственнаго горизонта“, а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ

душевные силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ.

Заключительныя страницы труда г. Пыпина содержатъ общую оцѣнку поэзіи Некрасова, въ главномъ тождественную съ той, которую далъ когда-то на страницахъ того же „Вѣстника Европы“ К. К. Арсеньевъ ¹⁾. Подобно послѣднему, г. Пыпинъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ, былъ ли Некрасовъ настоящимъ поэтомъ, или только публицистомъ, писавшимъ стихами; какъ и К. К. Арсеньевъ, г. Пыпинъ видитъ въ творествѣ Некрасова истинную поэзію и доказываетъ свое мнѣніе соображеніями о законности общественнаго чувства въ искусствѣ. Но противъ послѣдняго никто никогда и не спорилъ: споръ искони велся не на почвѣ *содержанія* поэзіи, а на почвѣ *отношенія поэта* къ его сюжетамъ. Серьезные противники тенденціознаго искусства вообще, и въ частности — Некрасовской музы, не отрицали за поэтомъ права вдохновляться и стремленіями современнаго имъ общества, и высшими запросами человѣческаго духа; они только отвергали законность тенденціи въ искусствѣ, понимая тенденцію такъ, какъ ее вѣрно опредѣлили (и несправедливо защищаютъ) г. Арсеньевъ — какъ „сознательное намѣреніе автора возбудить въ читателѣ извѣстную мысль, извѣстное чувство и такимъ образомъ способствовать достиженію извѣстной цѣли“, надо добавить — цѣли не чисто художественной, каковой является сообщеніе читателю или зрителю эстетической эмоціи, а цѣли посторонней искусству, напр., политической, гуманитарной и пр. Желая защитить поэзію Некрасова отъ обвиненія въ тенденціозности, г. Пыпинъ долженъ былъ бы прежде всего доказать, что ей чуждо такое сознательное стремленіе къ не-художественной цѣли; онъ этого не сдѣлалъ, да въ отношеніи ко всему творчеству Некрасова это и невозможно. Реактивъ для мгновенной осадки частицъ истинной поэзіи въ художественныхъ произведеніяхъ, о которомъ мечталъ Марлинскій, пока еще не найденъ, и историку литературы приходится руководствоваться, кромѣ собственнаго чувства, косвенными показаніями. Сильное впечатлѣніе, какое стихи Некрасова производили на цѣлый рядъ поколѣній и производятъ еще до сихъ поръ, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лучшихъ его произведеніяхъ — „естъ поэзія“; съ другой стороны, страстная впечатлительность Некрасова, одинъ изъ примѣровъ которой мы видѣли выше, и глубокое волненіе, которое онъ испытывалъ въ минуты творчества („катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу — и такъ, пока не утомонится сверлящая мысль“ — писалъ онъ однажды къ Тургеневу), показываютъ, что въ немъ дѣйствительно жилъ художникъ. Но нельзя отрицать и того, что у него больше, чѣмъ у кого-либо изъ нашихъ крупныхъ поэтовъ, произведеній, не внушенныхъ Аполлономъ; онъ и самъ говорить, что мало зналъ свободныхъ вдохновеній, что, когда ему грозилъ неумолимый рокъ, его рука исторгала у лиры невѣрные звуки. А къ этому надо прибавить еще одно обстоятельство. Источникъ вдохновеній Некрасова — преимущественно общественное, а не личное чувство; общественное же чувство по самой своей природѣ понуждаетъ своего носителя къ пропагандѣ — черта, со-

¹⁾ Она вошла въ его „Критическіе этюды“, Спб., 1888 г., т. 2-й.

вершенно чуждая личному чувству, которое довѣветъ себѣ. Поэтому пѣвецъ личныхъ чувствъ несравненно рѣже бываетъ искушаемъ творить безъ вдохновенія, чѣмъ пѣвецъ чувства общественнаго, который, вполне владѣя поэтической техникой, естественно можетъ поддаться соблазну напомнить людямъ объ идеалѣ въ такую минуту, когда Аполлонъ вовсе не требуетъ его къ священной жертвѣ. У Некрасова немало такихъ холодно-дидактическихъ стихотвореній, и они частью уже забыты или забудутся, когда придетъ время; но и не на нихъ зиждется непреходящее значеніе Некрасова.

М. Гершензонъ.

Бібліографія.

Историческая комиссия учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Будда, его жизнь и учение. Составилъ Платонъ Лебедевъ. Стр. 33. Ц. 10 к. Страна пирамидъ (Египеть). Сост. М. Мельгунова. Стр. 35. Ц. 10 к. Въ римскомъ циркѣ. Сост. Е. Мельгунова. Стр. 25. Ц. 8 к. Персія и персы. Сост. Евг. Богрова. Стр. 80. Ц. 20 к. Когда и какъ стала Волга русскою рѣкою. Сост. М. Черняева. Стр. 72. Ц. 20 к. Картины изъ жизни государства ассиискаго въ V в. до Р. X. Сост. Т. Алабина. Стр. 111. Ц. 25 к. Москва. 1903, 1904.

Историческая комиссия московскаго учебнаго отдѣла взялась за трудное и сложное, но нужное и благодарное дѣло популяризаціи историческихъ знаній, распространенія ихъ въ широкихъ кругахъ, въ народныхъ массахъ. Къ настоящему времени комиссия выпустила уже, въ теченіе года, шесть книжекъ, которыя и подлежатъ суду критики.

Авторитетъ редактировавшей изданія исторической комиссіи служить, какъ кажется, достаточной порукой за достовѣрность сообщаемыхъ въ нихъ фактическихъ свѣдѣній. Потому этой фактической достовѣрности мы не будемъ касаться въ нашемъ разборѣ, оставляя ее всецѣло на совѣсти ученой коллегіи. Намъ занимаетъ больше вопросъ о подборѣ темъ и о соответствіи изложенія цѣлямъ научной популяризаціи.

Изъ шести книжекъ, выпущенныхъ уже на книжный рынокъ, только одна написана на тему, взятую изъ русской исторіи (Волга); пять другихъ посвящены исторіи всеобщей. Нельзя, конечно, ничего возразить противъ такого предпочтенія, оказаннаго всеобщей исторіи; но нельзя не подивиться тому, что не средніе вѣка и не новое время привлекли къ себѣ вниманіе авторовъ, а сѣдая древность. Въ самомъ дѣлѣ, составители совершенно не эксплуатировали какъ разъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ для современнаго читателя вѣковъ исторіи; комиссію заинтересовали больше Периклъ, чѣмъ Бонапартъ, больше страна пирамидъ, чѣмъ страна фабрикъ. Думаемъ, что интересы читателей будутъ въ этомъ отношеніи противоположны интересамъ, проявленнымъ комиссіей. Зато въ большую заслугу комиссіи можно поставить, что ни въ подборѣ темъ, ни въ ихъ выполненіи не замѣтно стремленія къ морализированію, такъ часто портящему подобныя изданія. И составители книжекъ, и комиссія, ихъ редактировавшая, повидимому, хорошо сознаютъ, что одна неприкрашенная историческая правда служить гораздо болѣе тѣмъ же нравственнымъ цѣлямъ, чѣмъ какаया-либо навязанная читателю моральная тенденція.

По исполненію книжки, изданныя комиссіей, не всѣ одинаковаго достоинства. „Страна пирамидъ“ описана довольно подробно, но свѣдѣнія, сообщаемыя объ этой странѣ, мало связаны, мало сцѣплены и потому не производятъ единаго, цѣльнаго впечатлѣнія. Связь частей чисто случайная. Странно, что совсѣмъ не указано положеніе англичанъ въ современномъ „турецкомъ“ Египтѣ. Рисунковъ въ книжкѣ мало (всего 7), и нѣтъ даже ни одного изображенія Нила.

Въ книжкѣ о Буддѣ рисунокъ только одинъ, да и тотъ безъ подписи и безъ объясненія, такъ что простой читатель врядъ ли разберется въ этомъ рисункѣ. Зато текстъ гораздо болѣе удаченъ. У автора въ его рассказѣ есть система, есть извѣстный планъ, и книжка оставляетъ гораздо болѣе цѣльное и прочное впечатлѣніе. Индія до Будды, жизнь Будды, его ученіе и вырожденіе буддизма среди послѣдующихъ буддистовъ—таково содержаніе книжки. Все это рассказано живо и интересно.

Въ книжкѣ, посвященной Персіи и персамъ, наибольшій интересъ представляютъ главы I, IV, V, VI, дающія очеркъ современной Персіи. Здѣсь видимъ и персовъ, рабочихъ на пристаняхъ нижняго Поволжья, и природу Ирана, и вѣтшій видъ персидскихъ городовъ; интересно написать очеркъ государственнаго устройства страны, при чемъ достаточно подчеркнуты главные недочеты того политическаго режима, подъ гнетомъ котораго находится Персія; читателю становится по прочтеніи этой главы совершенно ясно, почему персидскій подданный говоритъ о своемъ государѣ, что „шахъ улыбается только затѣмъ, чтобы оскалить свои львиные зубы“, и почему персидскій народъ такъ избѣгаетъ встрѣчи съ своимъ шахомъ, а вѣдь „о многомъ могъ бы рассказать народъ своему шаху!“ И частная жизнь персовъ, и ихъ религіозные обряды, и проповѣдь бабистовъ,— все это очерчено удачно и удачно иллюстрировано 12 рисунками. Гораздо менѣе намъ понравилась историческая часть книжки (гл. II и III), гдѣ на 36 страницахъ рассказана исторія Персіи за 5000 лѣтъ.

Книжка „Когда и какъ стала Волга русской рѣкой“ задумана широко и написана интересно. Рѣчь идетъ здѣсь и о финнахъ, болгарахъ и хозарахъ, составлявшихъ первоначальное население Поволжья, и о русской его колонизаціи, и о борьбѣ, возникшей при этой колонизаціи со встрѣчнымъ движеніемъ татаръ. Въ исторіи русской колонизаціи Поволжья хорошо различены характерныя особенности колонизаціи Новгородской и Днѣпровской въ домосковскія времена, а въ московскія времена правительственной, военной дворянской колонизаціи, съ одной стороны, и вольнаго заселенія волжской окраины бѣглыми казаками и раскольниками въ московскія времена—съ другой. Удачно очерчена фигура св. Макарія желтоводскаго съ его преждевременной попыткой выдвинуть русскіе аванпосты на лѣвую луговую сторону Волги, бывшую въ то время еще въ рукахъ казанцевъ. Менѣе насъ удовлетворилъ довольно запутанный рассказъ о завоеваніи Казани и Астрахани въ 4 главѣ; странно также, что о комъ бы ни говорилъ авторъ,—о хозарахъ, финнахъ, болгарахъ, русскихъ славянахъ,—вопросы экономическаго быта являются всегда позади всѣхъ, послѣ и государственнаго строя и религіозныхъ вѣрованій. Лишенная совсѣмъ рисунковъ (да и трудно было подобрать рисунки къ избранной темѣ), книжка снабжена картой, на которой однако не обозначены многіе города, упоминаемые въ текстѣ.

Книжка „Въ римскомъ циркѣ“, иллюстрированная 6 рисунками, въ томъ числѣ видами римскихъ термъ, Колизея, арены въ циркѣ и, наконецъ, снимкомъ съ картины Семирадскаго „Дирцея“, въ живомъ изложеніи знакомитъ читателя съ любимыми празднествами императорскаго Рима. Цирковыя игры, специально рассказанныя авторомъ, взяты изъ эпохи императора Калигулы. Непосредственно за этимъ рассказомъ слѣдуетъ очеркъ гоненій на христіанъ, происходившихъ „позднѣе“; одной этой оговорки, по нашему мнѣнію, недостаточно, и у читателя можетъ получиться фальшивая связь гоненій на христіанъ съ именемъ Калигулы.

Всего удачнѣе въ серіи изданій исторической комиссіи книжка г-жи Алабиной, носящая довольно длинное заглавіе. Аѳинская жизнь V вѣка нашла умѣлаго изобразителя въ лицѣ составительницы этой книжки. Авторъ не поспешилъ на подробности, наглядно иллюстрирующія аѳинскую культуру Периклова вѣка,—экономическій, социальный, политическій строй, а равно и просвѣщеніе этой блестящей эпохи представлены ярко, живо, картинно. Съ первыхъ страницъ авторъ вводитъ читателей на живописныя празднества знаменитыхъ Олимпійскихъ игръ; послѣ этого уже читатель отправляется въ Аѳины и знакомится съ порядками впаатридской эпохи и съ рядомъ реформъ, доставившихъ торжество демокосу. Далѣе слѣдуютъ сцены на аѳинской площади во время базара и во время засѣданія народнаго собранія; сцена въ Ширѣѣ при перенесеніи съ Делоса союзной казны, съ рѣчью Перикла; сцены религіознаго характера, праздникъ пан-аѳиней съ религіозной процессіей, праздникъ Діониса съ театральнымъ представленіемъ, съ отрывками изъ „Антигоны“ Софокла; сцена погребенія павшихъ въ бою воиновъ, съ отрывками изъ знаменитой рѣчи Перикла; наконецъ, сцена въ домѣ Перикла, вечерній пиръ у Перикла и Аспазіи съ гостями: Сократомъ, Фидіемъ, Анаксагоромъ, съ оживленной бесѣдою между ними. Исторія аѳинской демократіи, ея государственные порядки, причины и ходъ пелопоннеской войны изложены живо и интересно. Вся эта книжка, иллюстрированная 30 удачно выбранными и прекрасно выполненными рисунками и снабженная двумя картами, прочтется съ интересомъ и читателемъ изъ народа, и учащимися средней школы; и мы сами прочли ее съ истиннымъ удовольствіемъ.

Таковы первенцы исторической комиссіи. У нихъ, какъ мы видѣли, есть

свои достоинства и недостатки. Если достоинства останутся тѣ же, а недостатки исчезнутъ, и если при томъ коммисія покинетъ сѣдую древность и перейдетъ къ болѣе близкимъ эпохамъ, то нельзя будетъ не порадоваться, что за дѣло популяризаціи историческихъ знаній взялась историческая коммисія. Ученые редакторы этой коммисіи достаточно компетентны, чтобы обезпечить изданіямъ коммисіи необходимую научность; составители, если не всѣ, то многіе, обнаружили уже большое умѣнье справляться съ этой трудной задачей, которая требуетъ непремѣннаго сочетанія интереснаго подбора матеріала съ научностью его обработки и освѣщенія и съ популярностью и наглядностью изложенія.

М. Коваленскій.

В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управления. СПб., 1904.

Глубоко интересная книга г. Гессена составила изъ статей, печатавшихся въ разное время въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ, а потому довольно пестра по содержанію. Начинается она статьей о бюрократіи (1—26) съ очень рискованными и необоснованными экскурсами въ область русской исторіи (5—8). Безъ профессиональнаго чиновничества, по Гессену, современное государство обойтись не можетъ. Только надо оздоровить, т. е. реорганизовать бюрократію на началахъ законности и правильнаго пониманія государственныхъ задачъ и подвергнуть ее во всемъ ея объемѣ контролю общественнаго мнѣнія путемъ печати¹⁾ и развитія союзнаго строя вообще и мѣстнаго самоуправленія въ особенности (24—26). На стр. 66—99 на примѣрѣ продовольственнаго дѣла г. Гессенъ демонстрируетъ тенденцію высшихъ бюрократическихъ сферъ похерить земство, если уже не прямо, какъ это предполагалось въ 1890 г., то хотя путемъ постепеннаго изытанія изъ компетенціи земства его естественныхъ функций (народнаго здравія и просвѣщенія, продовольственнаго дѣла и бюджетнаго права). По нашему мнѣнію, все это было бы лучше демонстрировать на примѣрѣ фиксаціи земскихъ бюджетовъ, такъ какъ бюджетное право—*conditio sine qua non* всякаго самоуправления. Однако и взятый г. Гессеномъ примѣръ тоже не дуренъ и достаточно показываетъ и хозяйственность земства, и тѣсную связь его съ частнымъ починомъ и печатью. Безъ послѣднихъ борьба съ продовольственной нуждой немислима, а ихъ то и отстраняетъ холодный формализмъ бюрократической работы²⁾. На стр. 100—120 г. Гессенъ на примѣрѣ кохановской коммисіи и реформъ послѣднихъ 20 лѣтъ показываетъ, что надо приспособлять администрацію къ самоуправленію, а не наоборотъ, какъ это у насъ принято. Отсюда и неудачи у насъ попытокъ усиленія вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ дворянскаго и бюрократическаго элементовъ³⁾, что понемногу стало признаваться у насъ и официальными актами (юбилейная рѣчь Плеве, манифестъ 26 февраля). На стр. 121—133 г. Гессенъ въ духѣ государственной теоріи самоуправления, принятой и положеніемъ 1890 г.⁴⁾ считаетъ вопросъ о несоотвѣтствіи земскихъ ходатайствъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ вопросомъ цѣлесообразности, а не права, а потому по его мнѣнію признаніе за губернаторами права останавливать земскія ходатайства на этомъ основаніи можетъ свести это право самоуправления къ нулю. На стр. 134—192 г. Гессенъ разсматриваетъ сельское общество и волюсть въ трудахъ кохановской коммисіи (гл. обр. съ точки зрѣнія борьбы въ ней шестидесятниковъ съ новокурсовиками въ родѣ Пазухина) и приходитъ къ мысли о необходимости созданія безсословной сельской коммуны съ отдѣленіемъ земельныхъ отношеній отъ мѣстныхъ пользы и нужды. Волюсть же должна по его мнѣнію превратиться въ низшую единицу управленія, воплоти аналогичную по организаціи и компетенціи уѣздному и губернскому земскому управленію⁵⁾. На

1) См. стр. 238—240, 189—190, 96—97 и другія въ книгѣ К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“. Ср. также у Гессена стр. 21.

2) На стр. 87—88 очень вѣли и цѣнны замѣчанія г. Гессена о „временныхъ правлахъ“, подъ дѣйствіемъ которыхъ мы живемъ.

3) Очень любопытны у г. Гессена и страницы, посвященные своеобразному специфически-русскому сочетанію дворянскаго и бюрократическаго элементовъ у насъ.

4) Ср. J. Redlich's „Englische Localverwaltung“, 1901, и Gluth'a „Die Lehre von der Selbstverwaltung“, 1887.

5) Особенно поучительна здѣсь стр. 190 (объ административномъ участкѣ).

стр. 193—210 рассказывается мало известная, но предлюбопытная история, как институтъ земскихъ начальниковъ („*lucus a non lucendo*“) потому только и выплыть на поверхность и прошелъ, что его творца Пазухина въ свѣдущіе люди проведо назначеніе отъ правительства. Всѣ же земства принципиально высказались противъ его проекта, какъ антиземскаго. И, какъ представитель земскаго меньшинства, безъ назначенія отъ правительства никомъ образомъ Пазухинъ въ земскомъ собраніи не былъ бы выбранъ въ свѣдущіе люди, и такимъ образомъ и его проектъ никогда не прошелъ бы при системѣ истинно земскаго представительства для рѣшенія высшихъ вопросовъ, а не декоративнаго, какъ это у насъ принято (210) ¹⁾. Выводы ясны. Наконецъ, на стр. 211—235 г. Гессенъ разсматриваетъ отношенія администраціи къ земству. Ширинско-шахматовскій періодъ дѣятельности тверскаго земства, къ сожалѣнію, оставленъ имъ безъ разсмотрѣнія, но и безъ того читатель найдетъ тутъ для себя много поучительнаго.

Таково содержаніе книги г. Гессена. Безсистемна она, правда; но безсистемность эта болѣе кажущаяся. На дѣлѣ же строгую систематичность и законченность придаютъ ей слѣдующія проводимыя въ ней начала, долженствующія лечь въ основу реформы нашего мѣстнаго управленія: различіе мѣстнаго управленія отъ управленія на мѣстахъ, передача мѣстнаго управленія во всей полнотѣ его функций самоуправляющемуся безсословному обществу и оставленія за администраціей въ сферѣ мѣстнаго управленія лишь функций высшаго внѣвъдомственнаго надзора.

Только осуществленіе всего этого г. Гессену представляется мало вѣроятнымъ у насъ теперь. По глубоко справедливому замѣчанію его, „искреннее и послѣдовательное проведеніе начала самоуправления въ мѣстномъ строѣ врядъ ли возможно до тѣхъ поръ, пока центральное управленіе сохраняетъ свой исключительно-бюрократическій характеръ“ ²⁾.

Нѣсколько словъ о приемахъ работы г. Гессена. Въ брошюрѣ „Возрожденіе естественнаго права“, а также въ „Словарѣ юрид. и общ. наукъ“ (II, 365—366) онъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ политико-юридическаго метода, при чемъ высказываетъ мысль, что „русское государственное право уже миновало стадію историческаго метода“. Но тутъ же рядомъ г. Гессенъ долженъ признать, что для политической разработки вопросовъ государственнаго права у насъ не настало еще время ³⁾. Да и для догматической разработки у насъ и законодательный и особенно по административной практикѣ матеріалъ не доступенъ по его же словамъ. Къ тому же архаично и безжизненно само законодательство наше ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе книжка г. Гессена представляетъ собою цѣнную и едва ли не первую у насъ попытку политико-юридической работы по вопросамъ мѣстнаго управленія ⁵⁾. Теорія, догма и сравнительный методъ—сильная сторона книги. Взгляды почти всегда научны и часто оригинальны. Языкъ сильный и энергичный („чертополохъ рутины“, 14, „хлѣбъ, отравленный зловредной идеей“, 97, „вязкая трясиная практическихъ соображеній“, 163, „общественное мнѣніе искусственнаго приготовленія“, 210). Слабѣе историческая часть у г. Гессена...

Сергій Шумковъ.

¹⁾ Последнее примѣнено и къ организуемымъ теперь мѣстнымъ комитетамъ по крестьянскому вопросу!..

²⁾ *Avis* г. Сторожеву съ его „письмомъ въ редакцію“ журнала „Образованіе“ за февраль 1904 г.

³⁾ Ср. хоть ор. *cit.* г. Арсеньева.

⁴⁾ Добавить надо къ этому и то, что самый архивный матеріалъ, по вопросамъ государственнаго права, не только что еще не разработанъ у насъ, но даже не разобранъ и не описанъ, какъ слѣдуетъ. Даже такую центральную тему, какъ исторія приказнаго начала, у насъ почти не затрогивали и только что приступили къ детальной разработкѣ ея.

⁵⁾ Напрасно только имъ не разобрано и quasi-земство сѣверо-западнаго края. Удивило насъ и отсутствіе ссылокъ у г. Гессена на прекрасныя работы по земскому вопросу проф. Кузьмина-Караваева.

Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдія. Философія статьи и рѣчи. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія С. Франка. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 60 к.

Двѣ великія задачи искони предстоятъ человѣку: понять міръ и оцѣнить его. Въ безбрежномъ океанѣ фактовъ, въ хаосѣ явленій мы умѣемъ ориентироваться только потому, что у насъ существуетъ для нихъ два разнородныя мѣрила—объясненіе и оцѣнка. Первое находится въ вѣдѣніи науки, вторая составляетъ сферу философіи. Наука ищетъ причины, философія—цѣли. Научная мысль вноситъ строй и мѣру въ беспорядочное скопленіе вещей, устанавливаетъ ихъ взаимную и генетическую связь и для каждаго состоянія находитъ глубокіе корни въ прошломъ. Стихія философіи—качество; не интересуясь временнымъ обликомъ, который принимаютъ вещи на протяженіи своей сложной эволюціи, она замѣчаетъ ихъ лишь постольку, поскольку онѣ обладаютъ неизмѣнной и безотносительной цѣнностью. Какъ шиллеровскій поэтъ (употребляя сравненіе Виндельбандта), опоздавшій къ дѣлежу земли, философія въ наши дни могла бы считать себя обездоленной: когда-то, въ эпоху древне-греческой культуры, она сливалась въ своемъ лонѣ всѣ науки,—теперь же произошла дифференціація, раздробленіе, и всѣ предметы знанія уже распределены между отдѣльными науками; философія уподобилась „королю Лиру, который раздалъ своимъ дѣтямъ все свое имущество и котораго вслѣдъ за тѣмъ, какъ нищаго, выбросили на улицу“ (стр. 16). Но король всегда остается королемъ, и поэтъ, которому не оказалось мѣста на землѣ, получилъ желанный доступъ въ небеса. Философіи нечего дѣлать тамъ, гдѣ объясняютъ жизнь міра, но зато ея властный голосъ поднимается тогда, когда эту жизнь оцѣниваютъ. Вѣдъ всѣ предложенія, въ которыхъ мы выражаемъ свои взгляды, несмотря на свое видимое грамматическое тожество, раздѣляются на два класса: сужденія и оцѣнки. „Есть коренная разница между двумя предложеніями: „это вещь была“ и „эта вещь хороша“. Въ оцѣнкѣ сказывается чувство одобренія или осужденія, съ которымъ наше сознание относится къ міру. Она ничего не прибавляетъ къ пониманію фактовъ, не обогащаетъ нашей теоріи; но зато въ ней проявляется другая сторона человѣческаго существа,—нравственно-практическая область нашихъ симпатій и желаній. Однако симпатіи и желанія безконечны въ своемъ разнообразіи и въ своей субъективности; очевидно, философія можетъ имѣть своимъ объектомъ не эту прихотливую и пеструю массу личныхъ настроеній, а только тѣ оцѣнки, тѣ цѣнности, которыя абсолютны и общеобязательны. Существуютъ ли такія цѣнности? Да,—по крайней мѣрѣ, ихъ существованіе является предметомъ нашей непосредственной вѣры и служитъ для философіи постулатомъ. Историческій или психологическій релятивизмъ, ученіе объ относительности истиннаго, добраго, прекраснаго, не выдерживаетъ критики, и, стараясь возвести себя въ теорію, онъ этимъ противорѣчитъ самому себѣ, потому что всякая теорія предполагаетъ уже безотносительность и общеобязательность. Признаніе безусловныхъ цѣнностей, „нормальнаго сознания“, которому онѣ присущи, это — предпосылка философіи. Философія—наука о цѣнностяхъ, имѣющихъ необходимое и всеобщее значеніе. Она изслѣдуетъ мышленіе, мораль и искусство не въ смѣнѣ ихъ психологическихъ и культурно-историческихъ проявленій, а въ той нормативной силѣ и цѣнности, которой эти сферы духа обладаютъ для всего человѣчества и во всѣ времена. Она непремѣнно допускаетъ, что всякая оцѣнка имѣетъ въ качествѣ своего собственнаго мѣрила опредѣленную цѣль, конечный идеалъ, и этотъ идеалъ — истина для мышленія, добро для воли, красота для чувства. Пусть въ эмпирической дѣйствительности, которую объясняетъ наука, вѣчные идеалы не пользуются реальнымъ признаніемъ и раздробились на множество временныхъ, частныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній,—они все-таки живутъ въ нормальномъ сознаніи, живутъ какъ *должное* и составляютъ объектъ логики, этики, эстетики. Аксиомы названныхъ дисциплинъ философія разсматриваетъ независимо отъ той или другой широты ихъ фактическаго признанія и независимо отъ ихъ социологическаго и психологическаго генезиса. Она подвергаетъ генетическій методъ и пользуется методомъ критическимъ; для послѣдняго эти аксиомы являются нормами, которыя „должны имѣть значеніе при условіи, что мышленіе въ общеобязательной формѣ стремится къ достиженію своей цѣли — обладанію истиной, воля къ своей цѣли—быть доброй, чувство къ своей цѣли—овладѣнію красотой“ (стр. 234). Такимъ образомъ, обоснованіе аксіомъ и нормъ лежитъ исключительно въ нихъ самихъ, въ ихъ телеологическомъ значеніи какъ средствъ для достиженія общеобязательности. И къ прежде данному опредѣленію

философіи какъ науки о цѣнностяхъ, имѣющихъ необходимое и всеобщее значеніе, надо прибавить, разумѣя методъ ея, незыблемо установленный Кантомъ, что это—наука критическая.

Человѣчество характеризуетъ коренная и загадочная антиномія факта и оцѣнки, сущаго и должнаго, природы и свободы. Норма и противорѣчащіе ей элементы сосуществуютъ въ одномъ и томъ же сознаниіи, — какъ бы два полушарія въ царствѣ духа!.. Фактъ, сущее, природа — все это подлежитъ научному вѣдѣнію, и здѣсь царитъ одна причинность. Въ звенья ея цѣпи одинаково входятъ и то, что мы называемъ хорошимъ, и то, что мы называемъ дурнымъ; для нея все необходимо — мудрость и безуміе, добро и зло, красота и безобразіе; „солнце естественной необходимости сияетъ надъ правыми и виноватыми“ (стр. 34). Но въ царствѣ свободы и нормы есть другая, идеальная необходимость — необходимость должнаго. Вся міровая трагедія именно въ томъ и состоитъ, что обѣ необходимости, естественная и должна, не совпадаютъ между собою и часто сталкиваются въ глубокой коллизіи. Законы и нормы, естественное и должно не приведены въ гармонію, и нѣтъ такого закона природы, который принуждалъ бы человѣка всегда такъ думать, такъ желать и такъ чувствовать, какъ онъ долженъ былъ бы думать, желать и чувствовать согласно логической, этической и эстетической необходимости. Мы раздвоены въ своемъ повиновеніи, мы одновременно покорствуемъ силѣ двухъ различныхъ законодательствъ. Мы познаемъ и поступаемъ въ согласіи съ законами природы и души; но оцѣнки наши протекаютъ въ согласіи съ вѣчными нормами. Правда, несмотря на отличіе нормъ отъ законовъ природы, онѣ не противостоятъ имъ какъ нѣчто чуждое и далекое; нормы — только особыя формы осуществленія законовъ природы, — именно тѣ формы, которыя должны быть одобряемы всякимъ, кто стремится къ общеобязательности. Нормальное законодательство представляетъ собою отборъ изъ возможностей, опредѣляемыхъ законодательствомъ природы. Но во всякомъ случаѣ, человѣческій духъ не тождественъ съ системою нормъ, съ идеальнымъ сознаниемъ; онъ подчиняется законамъ естественно-необходимой эволюціи и въ теченіе ея все болѣе и болѣе уясняетъ себѣ нормы должнаго, — въ этомъ его процессъ, въ этомъ и его прогрессъ. Отсюда понятно, что возвышенный предметъ, которымъ занимается исторія философіи, это — эмпирическое воплощеніе идеальнаго сознанія въ отдѣльныхъ мыслителяхъ. Всякая исторія раскрываетъ поступательное движеніе разума, и „чтобы найти разумъ въ исторіи, надо знать не только исторію, но и разумъ“ (стр. 242), т.-е. все тѣ же общеобязательныя и абсолютныя цѣнности. Уже въ древней Греціи мы находимъ великій образъ Сократа, который „открылъ разумъ“ и былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что надъ относительностью мѣнливой возвышается могучій законъ, единая и для всѣхъ обязательная норма истины. Сократъ установилъ идеальную цѣнность въ сферѣ интеллектуализма. Но греческая наука, наука вообще, строгая система рационалистическихъ понятій, не удовлетворяетъ всѣхъ запросовъ и потребностей духа. Одна изъ крупныхъ заслугъ Канта въ томъ и заключается, что онъ показалъ недостаточность научнаго познанія для воспроизведенія полной картины міра. Онъ выяснилъ, что наука раскрываетъ передъ нами только явленія и что мирозерцаніе не замыкается въ предѣлы одного нормальнаго мышленія, — есть и другія области духовнаго творчества, которыя имѣютъ свое законодательство, свои нормы; и на ряду съ теоретической мыслью такъ же глубоко коренятся въ нашемъ разумѣ нравственное и эстетическое сознаніе. Кантъ установилъ идеальныя цѣнности въ сферѣ воли и чувства. Въ этомъ смыслѣ философія Канта представляетъ собою не только идеализмъ теоретическій, т.-е. не только ученіе, по которому все познаніе состоитъ въ нормативной законмѣрности представлений, но и практическій идеализмъ, — исповѣданіе вѣчныхъ идеаловъ. Кантъ глубже, чѣмъ кто-либо другой, показалъ, какъ надъ „великимъ шумомъ вещей“, надъ „стихійной жизнью будничныхъ потребностей“ въ нашемъ сознаніи, въ нашей совѣсти, въ нашемъ чувствѣ, поднимается вѣчное, и міръ времени на время исчезаетъ для насъ. Вѣчно не то, что есть, а то, что должно быть. Вѣчна идеальная, для всѣхъ обязательная цѣнность, вѣчно то, что царитъ надъ всѣми нами, какъ мѣра и цѣль. „Въ вѣчности мы убѣждены, когда изъ хаоса мѣнливой мы спасаемся въ спокойную ясность науки, — когда страстный напоръ нашихъ желаній замираетъ передъ могучимъ сознаніемъ нравственности, — когда, отрѣшившись отъ желаній, мы въ блаженномъ покоѣ склоняемъ утомленную пылкостью голову на лоно искусства“ (стр. 310).

Таковы общіе контуры этой примѣчательной книги. Преимущественно исто-

ричь философіи, Виндельбанда въ рядѣ статей, образующихъ „Прелюдіи“, измѣчаютъ основныя мысли своего собственнаго міросозерцанія. Онъ, выражаясь его словами, „вводитъ читателя въ стовратныя Эивы философіи“; центромъ этихъ Эивъ является для него система Канта. Изложеніе Виндельбанда отличается рѣдкимъ изяществомъ и силой (о нихъ переводъ г. Франка, точный и умѣлый, не всегда даетъ однако вполне соответственное понятіе).

Заключительныя страницы книги, „Sub specie aeternitatis“, представляютъ собою одушевленное стихотвореніе въ прозѣ, исполненное глубокой мысли и теплаго чувства. Вообще, идеи критицизма облечены у Виндельбанда въ такую форму, которая обезпечиваетъ имъ широкое распространеніе среди читателей. И этому распространенію можно только радоваться,—особенно если принять во вниманіе тѣ оговорки, которыми г. Франкъ сопровождаетъ очень спорные и мало симпатичныя взгляды автора въ сферѣ общественности. Приложенія, которыя переводчикъ сдѣлалъ къ книгѣ въ видѣ другихъ статей Виндельбанда, очень умѣстны и органически дополняютъ умственный обликъ нѣмецкаго мыслителя.

Ю. Айхенвальдъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Э. Э. Эрдманнъ. Прологомена къ общей теоріи „понятій“ на эмпириокритическомъ основаніи. Варшава. 1903. Стр. 46.

А. Ф. Коки. Федоръ Петровичъ Гаазъ. Биографическій очеркъ. Съ портретами, 4 факсимиле Ф. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. Третье изданіе, дополненное Сиб. изд. А. Ф. Маркса. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Мих. Могилянинъ. Миражъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Н. П. Дружининъ. Какъ должна вестись война. Популярный очеркъ права войны. М. 1904. Изд. ред. журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Ц. 25 к.

К. Кейльганъ. Практическая геологія. Перев. съ нѣм. съ измѣненіями и дополненіями А. М. Скринникова подъ ред. проф. В. П. Амалицкаго. Томъ I съ 177 рисунк. и чертежами въ текстѣ. М. 1903 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к.

Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. Пер. съ итальянской рукописи И. Шрейдера подъ ред. и съ дополненіями А. Свирицовскаго съ предисловіемъ А. Чупрова. М. 1904. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 3 р.

Рудольфъ Гильдебрандъ. О преподаваніи родного языка въ школахъ и о національномъ воспитаніи и образованіи вообще. Перев. съ нѣмецк. Е. Якушкина. М. 1902. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р.

Танъ. Очерки и рассказы. Томы первый и второй. 2-ое дополненное изданіе. Изд. Н. Глаголева. Сиб. Ц. по 1 р.

Картины изъ жизни государства Аеннскаго въ V вѣкѣ до Р. Хр. Состав. Т. Алабина. Изд. С. Скирмунта. Москва. Ц. 25 к. Истор. комиссія учебн. отд. Общ. распростр. технич. знаній.

Иностранная критика о Горькомъ. (Сборникъ статей.) Составилъ Л. Г. М. 1904.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1903 года съ приложеніями. М. 1904.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. I томъ, II вып. Генезисъ капитализма. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. М. А. Курчинскаго. Изд. Горшкова. М. 1904.

„Со всѣхъ полей“. Общедоступная библіотека. Выпускъ I. На морскомъ пескѣ. Учительница. Деревенская драма. Перев. съ англійскаго А. Г. Каррикъ. М. 1904. Ц. 40 к.

Гильомъ де Греефъ. Соціальная экономія. Предметъ ея, методъ, исторія. Перевелъ съ рукописи Л. С. Закъ. М. 1904. Ц. 1 р.

Александръ Рокотковъ. Рассказы и пѣсни о жизни. Томъ I. М. 1903. Ц. 40 к.

А. Е. Крымскій и В. Ф. Минорскій. Очеркъ изъ исторіи ориенталистики въ XVI и XVII вѣкѣ. М. 1903. Изъ II т., III вып. „Древностей восточныхъ“ Императорск. Моск. Археолог. Общества.

А. Е. Крымскій и Б. В. Шиллеръ. Всебусульманскій университетъ при мечети Ахзаръ въ Канрѣ. М. 1903.

И. Н. Шишловъ. Перепись дѣтей школьнаго возраста города Томска. Подъ ред. проф. М. М. Соболева. Томскъ. 1904. Труды юридич. кабинета при Императорск. Томскомъ университетѣ. Статистико-экономическое отдѣленіе. Вып. III. Ц. 60 к.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. (Статьи. 1901—1904 г.) Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. Спб. 1904. Ц. 80 к.

А. Крымскій. Исторія мусульманства. Часть II. М. 1904. Ц. 75 к. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ. Вып. XVIII.

Проф. К. Келлеръ. Жизнь моря. Перев. съ нѣм. съ многочисленными дополненіями и добавленіемъ новой отдѣльной части; Жизнь русскихъ морей Петра Шмидта. Изд. 2-ое. Спб. 1904. Выпуски 1 и 2. Все сочиненіе выходитъ въ 5 вып. по 1 р. 60 к.

Указатель книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ теченіе 1903 г. въ бібліотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя бібліотеки - читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній. М. 1904. Книжн. магазинъ „Трудъ“. Ц. 25 к.

Проф. И. X. Озеровъ. Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Сборникъ статей. Вып. II. Изданіе Д. С. Горшкова. Москва. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

А. К. Шиманскій. Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ. Кіевъ. 1904.

Д-ръ Фридрихъ Карстанъенъ. Рихардъ Авенариусъ и его общія теорія познанія—эмпириокритицизмъ. Перев. съ англійск. А. К. Шиманскаго. Кіевъ. 1902.

Одиннадцатый годичный отчетъ вспомогаельнаго Общества Приказчиковъ въ Архангельскѣ за 1903 годъ. Архангельскъ. 1904.

К. Д. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ. Томъ второй. Горящія аданія. Будемъ какъ солнце. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. 1904.

Вичеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. 1904.

Андрей Вѣлмій. Золото въ лазури. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. 1904.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo sapiens. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. 1904.

Л. Б. Хавкина. Народное образованіе въ Японіи. Изд. редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1904. Ц. 35 к.

А. Богдановъ. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. М. 1904. Ц. 80 к.

Эпизодическія программы. Серия I. Изд. второе. Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Серия I. Изд. второе. М. 1904. Ц. 20 к.

Содержаніе: 1) „Пирамда“; 2) „Средневѣковые города“; 3) „Исторія французской революціи“; 4) „Смутное время въ Московскомъ государствѣ“; 5 а) „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“; 5 б) „Растительныя сообщество Средней Россіи“; 6) „Валленштейнъ Шиллера“; 7) „Байронъ и его время“; 8) Новгородскія быliny“; 9) „Городское хозяйство и городскіе финансы“; 10) „Факторы преступности“; 11) „Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи“, и 12) „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“.

Е. Бутки. Развѣтїе государственнаго и общественнаго строя Англіи. Перев. съ новаго франц. изданія подъ ред. М. Н. Покровскаго. М. 1904. Ц. 40 к. „Научно-образовательная бібліотека“.

Фостеръ. Физиологія. Съ 19 рис. Перев. Д. Кашкарова подъ ред. прив.-доцента Московскаго университета Н. К. Кольцова. М. 1903. Ц. 30 к. „Научно-образовательная бібліотека“. Серия начальныхъ курсовъ.

Д-ръ Комбъ. Дѣтская нервность. Перев. со второго франц. изданія. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1904. Ц. 50 к.

Извлеченія изъ протоколовъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при московскомъ университетѣ.

ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ. Въ очередномъ засѣданіи 22-го января М. А. Мензбиръ, а затѣмъ М. К. Кожевникова въ глубоко прочувствованныхъ словахъ охарактеризовали личность и научныя заслуги покойнаго члена о-ва С. М. Переяславцевой, при чемъ тутъ же была открыта подписка для составленія капитала имени С. М. Переяславцевой. Президентъ о-ва, Н. А. Умовъ, заявивъ о кончинѣ почетнаго члена о-ва, профессора д-ра Karl von Zittel'я въ Мюнхенѣ, пригласилъ присутствовавшихъ почтить память покойнаго вставаніемъ. А. П. Павловъ и В. М. Цебриковъ въ сердечныхъ выраженіяхъ сдѣлали затѣмъ оцѣнку личныхъ качествъ и ученыхъ трудовъ покойнаго ученаго. Л. А. Чугаевъ произнесъ слово, посвященное памяти проф. Е. Е. Вагнера. В. П. Зыковъ сдѣлалъ сообщеніе: „Къ гидрофаунѣ острова Колгуева“. А. П. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе: „Новыя данныя по геологіи кавказскихъ нефтяныхъ мѣстороженій“. Наконецъ Н. Д. Зелинскій сообщилъ: „Простой методъ синтеза альдегидовъ“.

Въ очередномъ засѣданіи 19-го февраля были заслушаны слѣдующія сообщенія: Л. А. Чугаевъ—„Окрашка и спектры поглощенія органическихъ соединений“. М. И. Голенкинъ—„Новый для Россіи видъ Chaгасеae“. А. I. Бачинскій—„О термическомъ расширеніи тѣлъ“. В. И. Вернадскій—„Кристаллографія и ученіе о фазахъ“.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. 26-го января состоялось публичное засѣданіе этнографическаго отдѣла и состоящей при немъ *музыкально-этнографической комиссіи*, въ коемъ Е. Э. Линева прочитала докладъ „О задачахъ музыкантовъ-этнографовъ“. Русская народная пѣсня по богатству эпическаго и бытового содержанія, по красотѣ мелодіи, оригинальности голосованія и своеобразности ритма стоитъ очень высоко между пѣснями другихъ народностей. Многие изъ народныхъ напѣвовъ уже собраны и записаны и выработана болѣе точная запись многоголосной пѣсни (Ю. П. Мельгуновъ). Въ виду своеобразной гармоничности русской пѣсни, она съ трудомъ подчиняется правиламъ современной теории музыки. При перенесеніи пѣсни съ фонографа на ноты докладчица выдѣляла сперва основную мелодію, которую ведетъ запѣвало, потомъ заносила на ноты отвѣтвляющіеся отъ нея голоса и опредѣляла основной видъ такта и его отклоненія. Сила и красота исполненія хоромъ народныхъ пѣсней заключаются въ томъ, что хоръ этотъ поетъ, свободно импровизируя.

Надо поспѣшить записываніемъ современной и особенно старинной русской пѣсни, ибо первая быстро измѣняется, а вторая и вовсе исчезаетъ.

Географическое отдѣленіе. Въ публичномъ засѣданіи 1-го марта Ю. М. Шокальскій сдѣлалъ сообщеніе о составленной имъ *картъ Россіи въ атласъ Маркса и о работахъ по гипсометрии Россіи*. Извѣстная гипсометрическая карта Россіи Тилло требуетъ многихъ поправокъ и дополненій; поэтому имѣется въ виду издать новую гипсометрическую карту Европейской Россіи въ масштабѣ 40 в. въ дюймѣ. Между прочимъ въ то время, какъ Тилло располагалъ данными нивелировокъ по 22 желѣзнымъ дорогамъ, теперь ихъ имѣется до 48-ми; кромѣ того, имѣются подробныя нивелировки на западѣ Россіи, много барометрическихъ опредѣленій и т. д. Существующая при Императорскомъ географическомъ о-вѣ

гипсометрическая комиссия собирает также материалы для гипсометрической карты Европейской России в масштаб 10 верст в дюймъ.

Затѣмъ *И. П. Силиничъ* сообщилъ о *распределеніи вѣтровъ по обѣ стороны Кавказскаго хребта* въ зависимости отъ орографіи мѣстности, при чемъ демонстрировалъ рядъ картъ Кавказа съ нанесеніемъ на ней для 35 наблюдательныхъ станцій хода вѣтровъ для іюля, января и годѣ по наблюденіямъ за время отъ пяти до десяти лѣтъ. Изъ работы выяснилось вліяніе на преобладаніе вѣтровъ того или иного направленія горъ и моря въ связи съ временами года.

Наконецъ, *Д. Н. Анучинъ* демонстрировалъ рядъ новѣйшихъ картъ, — русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ, — по дальнему Востоку, указавъ на ихъ отличительныя особенности.

Отдѣленіе физиологін. Въ засѣданіи 27-го января *Т. И. Вяземскій* произнесъ рѣчь: „*Генрихъ Даниэль Рюмкорфъ*“ (по поводу исполнившагося столѣтія со дня его рожденія). Имя Рюмкорфа у насъ извѣстно въ искаженной орографіи: Румкорфъ, и то оно относится не къ лицу, а къ конструированному имъ аппарату. О самой личности Рюмкорфа у насъ ничего неизвѣстно. Сынъ бѣднаго нѣмецкаго почтоваго чиновника, Генрихъ не получилъ въ дѣтствѣ никакого школьнаго образованія, а былъ отданъ отцомъ въ обученіе къ токарному мастеру. Когда ему было 18 лѣтъ, онъ покинулъ свой родной Ганноверъ и съ котомкой за плечами сталъ обходить города Германіи, желая приобрести техническую опытность. Наконецъ, онъ посѣщаетъ Парижъ. Въ Парижѣ Генрихъ попалъ случайно къ одному профессору физики, которому долженъ былъ помогать держать инструменты въ порядкѣ и участвовать въ качествѣ подручнаго при лекціонныхъ демонстраціяхъ различныхъ аппаратовъ. Случилось какъ-то, что испортился однажды одинъ изъ особенно цѣнныхъ приборовъ, и когда Рюмкорфъ предложилъ профессору исправить его домашними средствами, профессоръ отвѣтилъ ему, что такую деликатную работу можетъ произвести только самъ изготовитель прибора; поэтому приборъ былъ отправленъ въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ приобретенъ. Этотъ случай натолкнулъ Рюмкорфа на мысль сѣздить самому въ Лондонъ, чтобы поучиться тамъ въ механическихъ заведеніяхъ. И дѣйствительно, онъ осуществилъ свою мысль, но скоро вернулся изъ Лондона и вскорѣ послѣ этого направился въ свой родной Ганноверъ, а оттуда снова въ Парижъ, гдѣ и оставался уже до самой своей смерти (20 декабря 1877 г.). Здѣсь онъ сначала занимался у знаменитаго изготовителя микроскопа Шевалье, пополняя свои теоретическія познанія и наконецъ рѣшился основать самостоятельную мастерскую физическихъ инструментовъ. Точность и чувствительность построенныхъ имъ измѣрительныхъ приборовъ скоро обратили на себя вниманіе ученыхъ, и уже черезъ 3 года послѣ основанія мастерской (въ 1842 г.) его имя начинаетъ упоминаться въ академическихъ „*Comptes rendus*“.

Много въ то время было сдѣлано попытокъ устройства прибора для непрерывнаго замыканія и размыканія первичной цѣпи, а также для пракческаго примѣненія, но во всѣхъ этихъ приборахъ не наблюдалось искръ между концами вторичной обмотки, раздѣленныхъ слоемъ воздуха. Рюмкорфъ въ 1885 г. на международной выставкѣ въ Парижѣ демонстрировалъ аппаратъ, въ которомъ искры перескакивали пространство въ 40 снт. Данному аппарату предшествовали другіе, которые онъ постепенно совершенствовалъ. Въ этомъ ходѣ техническихъ усовершенствованій принимали участіе знаменитые физики того времени. По указаніямъ Физо онъ ввелъ конденсаторы, по указанію Фуко — ручной прерыватель.

Лишь теперь становится очевидной та великая роль, которую пришлось сыграть этому аппарату въ рѣшеніи самыхъ труднѣйшихъ задачъ науки.

Парижская академія наукъ присудила выдавать Рюмкорфу ежегодную премію въ 1000 фр. въ теченіе 5 лѣтъ, а затѣмъ одновременную премію въ 50.000 фр. Мы не удивимся такой щедрой наградою автору аппарата, но полстолѣтія тому назадъ, когда не успѣло еще обрисоваться то его значеніе, которое онъ получилъ въ наше время многія были поражены этой щедростью высшаго учебнаго учрежденія. Премія эта носила имя преміи Вольты и предназначалась тому физикъ, который сумѣетъ сдѣлать особенно важное примѣненіе Вольтова столба. Статическія машины доставляютъ ничтожное количество электричества, но большого напряженія. Вольтовъ столбъ, наоборотъ, доставляетъ очень большое количество электричества, но малаго напряженія. Аппаратъ Рюмкорфа превращаетъ самымъ простымъ образомъ одно изъ этихъ электричествъ

въ другое. Рюмкорфъ умеръ бѣднякомъ, оставивъ два наследства: одно—въ сердцахъ современниковъ, это—глубокое уваженіе къ своей личности, другое, которое онъ передалъ потомству, это—свое изобрѣтеніе, принесшее и несущее еще съ собою неисчислимыя блага людямъ.

Въ томъ же засѣданіи *Е. О. Греймицъ* сдѣлалъ докладъ: *Одно изъ основныхъ свойствъ протоплазмы*, въ которомъ онъ изложилъ теоретическія соображенія объ активномъ расширеніи протоплазмы.

Въ засѣданіи *17-го февраля* д-ръ *П. Г. Статкевичъ* произнесъ рѣчь, посвященную *памяти* знаменитаго физиолога XIX-го столѣтія *Бруунъ-Секаръ* по случаю исполняющагося 10-лѣтія со дня его смерти: *Бруунъ-Секаръ и его работы*. Бруунъ-Секаръ родился въ Портъ-Луи на о. Св. Маврыкія въ 1817 г. и окончилъ образование на медицинскомъ факультетѣ парижскаго университета въ 1846 г. Докторская диссертація молодого ученаго уже заключала въ себѣ сѣмена его дальнѣйшихъ работъ по центральной нервной системѣ. Гонимый нуждой, онъ долженъ былъ уѣхать въ Нью-Йоркъ, затѣмъ на родину, гдѣ за дѣятельное участіе въ борьбѣ съ холерой городское управленіе г. Портъ-Луи наградило его золотой медалью „За преданность и безкорыстіе“. Съ 1854 г. начинается его ученая извѣстность. Онъ получаетъ премію парижской академіи наукъ, возвращается въ Парижъ и основываетъ маленькую лабораторію; въ это же время онъ становится извѣстнымъ врачомъ-невропатологомъ. Вскорѣ однако онъ оставляетъ свою обширную практику и начинаетъ заниматься исключительно физиологіей; въ нѣсколькихъ университетахъ Старого и Нового свѣта онъ попеременно занимается катедры патологіи нервной системы, экспериментальной патологіи и др. предм., пока наконецъ его приглашаютъ на мѣсто знаменитаго Клодъ-Бернара въ Collège de France. Бруунъ-Секаръ написалъ около 500 работъ, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ отдѣламъ физиологіи. Заслуги его особенно важны въ области изученія центральной нервной системы. Ему принадлежатъ разработка вопроса о вліяніи головного мозга на подавленіе и повышеніе рефлексовъ спинного мозга. Это ученіе нашло широкое приложеніе и въ патологіи, и въ судебной медицинѣ, и въ психологіи. Ему же многими обязанъ вопросъ о перекрещиваніи въ спинномъ мозгу проводниковъ чувствительности; работалъ онъ также надъ сосудо-двигательными нервами и много сдѣлалъ для ученія объ эпилепсіи. Бруунъ-Секаръ поражалъ неизсякаемой энергіей, предприимчивостью и мощью научной мысли.

Въ томъ же засѣданіи *Д. Щербачевъ* сообщалъ: „Склеротическія клѣтки чая въ діагностическомъ отношеніи“, а *П. П. Лазаревъ*—„Къ вопросу о связи между органами слуха и зрѣнія“.

Отдѣленіе бактериологіи. Въ засѣданіи *14-го февраля* былъ рассмотрѣнъ вопросъ объ установленіи связи между русскими бактериологическими лабораторіями и институтами на почвѣ совмѣстной работы и взаимныхъ услугъ. Вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ желательности осуществленія такой связи, и члены отдѣленія бактериологіи постановили: 1) просить организационный комитетъ предстоящаго съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ выдѣлить особую секцію микробиологіи для объединенія чисто-научныхъ работъ въ этой области и 2) обратиться черезъ прессу ко всѣмъ русскимъ бактериологическимъ лабораторіямъ съ просьбой доставить подробныя свѣдѣнія о нихъ. Затѣмъ *И. С. Бомштейнъ* сообщилъ о новыхъ изслѣдованіяхъ въ области взаимодѣйствія токсиновъ и антитоксиновъ, на основаніи которыхъ явленія нейтрализаціи этихъ веществъ и дѣйствія ихъ смѣсей на организмъ можно объяснить простыми физико-химическими законами (электростатической диссоціаціей). *Ө. В. Яковлевъ* изложилъ результаты своихъ изслѣдованій, устанавливающихъ точнымъ образомъ ортішмъ воды, при которомъ получается наибольшее дезинфицирующее дѣйствіе формальдегида и хлоругольного метила. Въ заключеніе *Н. М. Властьевскій* сообщилъ о примѣненіи противоскарлатиновой сыворотки, приготовленной въ московскомъ бактериологическомъ институтѣ. Сообщение вызвало оживленное обсужденіе дѣйствія этой новой сыворотки на теченіе скарлатины. Въ виду весьма благоприятныхъ отзывовъ о немъ со стороны докладчика и нѣкоторыхъ городскихъ врачей является крайне желательнымъ расширить приготовленіе этой сыворотки, для примѣненія ея на большемъ числѣ больныхъ.

Въ годичномъ засѣданіи *6-го марта* были заслушаны слѣдующія сообщенія: *А. Я. Никитинскій*—„О вліяніи продуктовъ обмена веществъ пѣсеневыхъ грибовъ на ихъ развитіе“. *С. С. Стеригуло*—„Къ бактериологіи *Lupus* и *Tuber-*

culosis verrucosa cutis". *Е. И. Марциновскій* — „Демонстрація препаратовъ случая Пендинской язвы.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Столѣтній юбилей 1-ой московской гимназіи далъ поводъ *Д. Д. Галагану* вспомнить о прошломъ нашихъ гимназій вообще, и въ засѣданіи педагогическаго общества *31-го января* онъ сдѣлалъ на эту тему обширный докладъ подъ заглавіемъ *Столѣтіе въ жизни гимназій*. Приводимъ здѣсь лишь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этого доклада—именно о раннемъ періодѣ нашей средней школы.

Предшественницами гимназій являются главныя народныя училища (1783—1809), въ основѣ которыхъ лежало слѣдующее „Руководство для учителей“. „Стараться болѣе учителя должны объ образованіи и изощреніи разума учениковъ, нежели о пополненіи и упражненіи ихъ памяти; для изученія наизусть требуется тожко символъ вѣры и молитвы. Начинать при ученіи слѣдуетъ всегда съ легкаго и идти потомъ къ трудному; опрашивать учениковъ не всегда сряду, но перемежно, однако же лучшихъ всегда напередъ, потомъ посредственныхъ и, наконецъ, слабыхъ. Наипаче же требуется, чтобы учителя подавали учащимся своимъ собственнымъ поведеніемъ и поступками примѣръ къ благочестію, добронравію, трудолюбію, учтивости и прилежанію, избѣгая передъ ними какъ въ словахъ, такъ и на дѣлѣ всего того, что причинить можетъ соблазнъ или подать поводъ къ суевѣрію“. Но эта школа съ безспорно прекрасной основой была чрезвычайно стѣснена однако § 32-мъ устава главныхъ народныхъ училищъ, гласившимъ: „всѣ учителя должны во всемъ сообразоваться предписанному способу преподаванія и не употреблять иныхъ книгъ, кромѣ въ уставѣ семь назначенныхъ“. Несмотря на всю категоричность этого требованія, оно не вошло однако въ жизнь, а большая часть учебныхъ предметовъ проходила по запискамъ, составленнымъ учителями и переписывавшимся учениками на урокахъ подъ диктовку учителя, причѣмъ записки эти выучивались наизусть.

Въ началѣ 19-го столѣтія, а именно въ 1803 году, главныя народныя училища уступили мѣсто новому типу средней школы—губернскимъ училищамъ или гимназіямъ. Новорожденная гимназія въ своемъ уставѣ, подобно главнымъ народнымъ училищамъ, должна была содержать лучше принципы западной педагогики и сдѣлать попытку проведенія въ жизнь наиболѣе популярныхъ педагогическихъ идей того времени. „Цѣлью воспитанія и ученія въ гимназіи полагается то“, читаемъ мы, „чтобы со временемъ можно было получить людей, способныхъ болѣе къ гражданской жизни и военной гражданской службѣ, нежели къ состоянію, отличающему ученаго же человѣка“. Гимназіи, такимъ образомъ, готовили учениковъ къ жизни, а не для высшей школы; онѣ старались давать болѣе или менѣе законченное и практическое образование.

Злободневный нынѣ вопросъ о правахъ родительскаго голоса въ дѣлѣ школьнаго воспитанія дѣтей былъ тогда формулированъ самимъ правительствомъ слѣдующимъ образомъ: „Занимая мѣсто родителей, учителя однако жъ не должны почитать себя за самовольныхъ судей надъ дѣтьми и управлять ими по своему усмотрѣнію безъ всякаго сношенія съ родителями. Сообщая свою власть учителямъ, родители не думаютъ лишаться оной. Благоразуміе требуетъ того, чтобы учитель совокупнымъ трудомъ и совѣтомъ съ родителями старался о наилучшемъ дѣлѣ воспитанія“. Общество вполнѣ понимало и цѣнило эти положительныя стороны учебно-воспитательнаго дѣла новой школы, и въ началѣ своей жизни школа и общество жили одной жизнью.

Въ концѣ царствованія Александра I реакціонныя нападки на учебное дѣло вообще, а на гимназіи въ частности усилились до того, что послѣднія рѣшено было реформировать. Реформы эти состояли въ томъ, что въ 1811 г. въ гимназическій курсъ ввели Законъ Божій какъ „наиважнѣйшій предметъ преподаванія“, въ 1819 г. предписано было читать по всѣмъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ ежедневно передъ уроками по двѣ главы изъ Новаго Завета, и на ряду съ этимъ введено преподаваніе латыни, ставшей отнынѣ „главнымъ“ предметомъ. Изъ недѣльнаго распisanія уроковъ, приведеннаго докладчикомъ и относящагося къ 1819—20 учебному году, видно, напрямѣръ, что на русскій языкъ (словесность, сочиненія, риторика и логика) отводилось тогда 10 часовъ въ недѣлю, тогда какъ на одинъ латинскій цѣлыхъ 18 часовъ!

Въ 1824 г. мы видимъ уже новую точку зрѣнія на задачи средней школы, установленную и предложенную тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія адмираломъ Шишковымъ. По мнѣнію адмирала „языкъ греческій долженъ быть

ведѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣтъ преимущество передъ языкомъ латинскимъ“. Вообще съ самаго основанія гимназій замѣчается быстрая смѣна программъ, вызываемая неустановившеюся точкой зрѣнія на среднее образование; кромѣ того, разрѣшеніе чисто школьныхъ задачъ осложняется еще политическими тенденціями. Съ особымъ стараніемъ послѣднія стали проводиться въ средней школѣ послѣ грознаго событія 14 декабря 1825 г., ибо въ ней именно былъ усмотрѣнъ корень зла. „Кажется, будто всѣ училища превратились въ школы разврата“ (политическаго), говорилось въ одномъ изъ циркуляровъ адм. Шишкова. „Съ этихъ поръ главною цѣлью нашихъ ср. учебныхъ заведеній“,—по словамъ того же Шишкова,—„стало образование вѣрныхъ подданныхъ государя, просвѣщенныхъ и усердныхъ сыновъ церкви и отечества“. Новое преобразование средней школы въ 1828 г. рѣзко нарушило старыя школьныя традиціи; изъ всесословнаго учебнаго заведенія гимназія превратилась въ привилегированное, такъ какъ она предназначалась отнынѣ почти исключительно для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ 1849 г., напримѣръ, министръ нар. проsv. Уваровъ высказывался даже такъ, что „образование бесполезно для людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства“.

Въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ докладъ А. И. Глаголева и А. И. Реформатскаго „Вопросы коммерческаго образования на 5-мъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованию“.

Отдѣленіе по начальнымъ училищамъ. Засѣданіе, состоявшееся 10-го февраля было посвящено обсужденію вопроса о постановкѣ *противрочнаго изложенія въ начальной школѣ*. Собраніе единогласно подтвердило прежнее свое постановленіе о предпочтительности на экзаменахъ въ начальной школѣ изложенія передъ диктантомъ. Затѣмъ, остановившись на вопросѣ, кто долженъ выбирать тему изложенія, и принимая во вниманіе, что система разсылки по всѣмъ школамъ одной и той же темы для письменнаго изложенія нецѣлесообразна, что въ этомъ приемѣ сказывается желаніе познакомиться не съ тѣмъ, что знаютъ ученики, а чего они не знаютъ, и что, наконецъ, порядокъ разсылки темъ въ запечатанныхъ пакетахъ съ обязательнымъ вскрытіемъ ихъ въ присутствіи учениковъ осужденъ теоріей и практикой педагогическаго дѣла, какъ унижающій достоинство учащаго и оказывающій деморализующее вліяніе на учащихся, собраніе единогласно признало безусловно необходимымъ, чтобы избраніе темы для изложенія было предоставлено учителю школы, который велъ классъ, при участіи товарищей по школѣ и экзаменатора.

Отдѣленіе семейнаго воспитанія. Въ засѣданіи 11-го февраля П. Д. Первовъ прочиталъ рефератъ: *Что значитъ развивать умъ ребенка?* Разсмотрѣвъ процессы образованія ощущеній, представленій, понятій, общихъ идей, сужденій и умозаключеній, прослѣдивъ процессъ наблюденія, дѣятельности памяти и воображенія, референтъ пришелъ къ выводу, что общей психологической основой всякой умственной дѣятельности служитъ умѣніе удерживать въ сознаніи одновременно нѣсколько элементовъ. Развивать умъ—значитъ развивать эту основную способность. Съ этой точки зрѣнія референтъ сдѣлалъ оцѣнку принятыхъ въ школѣ предметовъ преподаванія и практикуемыхъ методовъ. Наибольше интенсивно упражняется эта способность на урокахъ иностранныхъ языковъ: здѣсь въ теченіе учебнаго часа ученику приходится держать попеременно въ сознаніи многія сотни элементовъ, связуемыхъ поочередно въ группы. Но эта гимнастика ума вслѣдствіе излишняго обилія элементовъ и вслѣдствіе непрерывнаго ихъ выпаденія, нарушающаго систему и группировку, въ концѣ-концовъ оказывается мало плодотворною. Всѣ новые методы преподаванія другихъ школьныхъ предметовъ (натуральный методъ обученія языкамъ, экспериментальный методъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ и т. д.) имѣютъ цѣлью развивать именно эту же способность, составляющую необходимое условіе для всякихъ обобщеній и выводовъ и лежащихъ въ основѣ какъ элементарнаго мышленія ребенка и дикаря, такъ и мышленія научнаго и философскаго.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Въ очередномъ засѣданіи 31-го января сторонній посѣтитель М. О. Шайкевичъ сдѣлалъ докладъ: *Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ*. Докладчикъ задался вопросомъ разсмотрѣть, когда и въ какихъ предѣлахъ психіатръ можетъ и долженъ разбирать

литературныя произведенія, какое можетъ имѣть значеніе его разборъ какъ для художественнаго произведенія, такъ и для психіатрической науки, какія научныя, литературныя и общественныя цѣли могутъ и должны преслѣдовать подобнаго рода труды. Докладчикъ, имѣя въ виду исключительно методологическую цѣль своей работы, критически разобралъ все написанное русскими психіатрами. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, суть слѣдующіе: 1) Психопатологическимъ методомъ въ литературной критикѣ является методъ, при помощи котораго разбираются болѣзненные стороны какъ личности писателя, такъ и дѣйствующихъ лицъ его произведеній, съ цѣлью болѣе полного пониманія какъ самихъ произведеній, такъ и психологическаго процесса творчества. 2) При разсмотрѣніи психологическаго процесса творчества необходимо изучать факты изъ жизни писателя и его произведенія, поскольку въ нихъ можетъ отразиться личность писателя и поскольку они могутъ знакомить съ самымъ процессомъ творчества. 3) При разсмотрѣніи творческаго акта прежде всего надлежитъ обратить вниманіе на, такъ сказать, субъективныя и объективныя его элементы въ отношеніи обыденной личности художника, а отсюда слѣдуетъ, какъ частный вопросъ, отношеніе болѣзненныхъ чертъ характера художника къ процессу его творчества. 4) Въ характеристикѣ какого-либо литературно-художественнаго направленія необходимо прежде всего обращать вниманіе на общественно-психологическое его происхожденіе, при чемъ если будутъ замѣчены какія-либо болѣзненные черты, то ихъ слѣдуетъ объяснить, исходя изъ общественно-психіатрическаго разбора. 5) Одно только указаніе на болѣзненный складъ личности художника можетъ имѣть исключительный интересъ. 6) При разборѣ литературныхъ произведеній съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ патологическаго характера въ содержаніи необходимо послѣ надлежащей и въ границахъ художественной условности проверкѣ такового показать его связь съ основною мыслью разсказа или вообще тою цѣлью, которую преслѣдовалъ художникъ. 7) Психопатологическій методъ полезенъ для психіатріи, помогая ей лучше ознакомиться съ психологіей высшихъ дегенератовъ, съ нѣкоторыми болѣзненными состояніями, благодаря автобиографическимъ и объективнымъ наблюденіямъ и описаніямъ художниковъ, а также онъ, несомнѣнно, даетъ возможность выяснить отношеніе душевной болѣзни къ акту творчества. 8) Научно-художественная критика не можетъ обойтись безъ его помощи при разсмотрѣніи произведеній, въ которыхъ канвой для развитія той или другой идеи служатъ болѣзненные стороны жизни.

Въ засѣданіи 21-го февраля былъ заслушанъ рефератъ дѣйств. члена *Л. М. Дюпона*: *Къ вопросу объ общепризнанныхъ истинахъ философіи* (по поводу статьи проф. В. И. Вернадскаго „О научномъ мировоззрѣніи“, см. 71-ю книгу „Вопросы философіи и психологіи“).

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. 1-ю февраля состоялось публичное засѣданіе, посвященное *памяти И. С. Тургенева*, по случаю исполнившагося въ прошломъ году двадцатилѣтія со дня его кончины. Открывая засѣданіе, предсѣдатель общества А. Н. Веселовскій обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой высказалъ, что „прежде чѣмъ приступить къ воспоминаніямъ и оцѣнкѣ, вызваннымъ утратой, которую понесла русская литература и русское общество 20 лѣтъ тому назадъ, мы не можемъ со скорбнымъ чувствомъ не вспомнить о потерѣ, только что понесенной русскою литературой, русскимъ обществомъ и Обществомъ любителей россійской словесности въ лицѣ Н. К. Михайловскаго. Нельзя теперь подводить итоги дѣятельности этого писателя, но недалеко то время, когда на основаніи фактическаго матеріала раскроется все то, что сдѣлано для нашей литературы и развитія нашего общественнаго самосознанія покойнымъ Н. К., который въ теченіе долгихъ лѣтъ высоко держалъ знамя русской литературы“.

Профессоръ Харьковскаго университета *Д. Н. Овсянко-Куликовскій* сдѣлалъ сообщеніе *О мирозерцаніи И. С. Тургенева*, въ которомъ охарактеризовалъ покойнаго писателя какъ западника и пессимиста. Въ качествѣ западника Тургеневъ являлся однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ представителей этого теченія въ нашей литературѣ и общественной жизни недавняго прошлаго; съ особенною откровенностью онъ высказываетъ это въ своихъ письмахъ къ Герцену, а затѣмъ въ романѣ „Дымъ“ въ рѣчахъ Потугина. Культъ Потугина—западная цивилизація; у него замѣтно какое-то національное самобичеваніе и какъ бы сладость и радость этого самоотрицанія. Но все это однако не устраняетъ увѣренности Тургенева въ силахъ русскаго народа, въ прочности его національной

психики, которая не боится самоуничтожения. Западническое направление въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ приводитъ къ отрицательному взгляду на свою національность, къ отчужденію отъ народа и недовольству всѣмъ ходомъ историческаго развитія народа, къ недовольству самому національному физиономіей своего народа, а отсюда же одинъ шагъ до обще-философскаго пессимизма. Въ письмахъ Тургенева къ Герцену мы улавливаемъ это настроеніе и видимъ сознаніе Тургеневымъ своей отчужденности отъ родной страны, родной стѣжи. Пусть Россія пока ничего не создала въ смыслѣ гражданственности, но, по словамъ самого же Тургенева, есть „великій, свободный русскій языкъ“, и его прямое продолженіе — наше искусство, поэзія, литература, все болѣе и болѣе получающія мировое значеніе. А если русская національная психика способна къ творчеству, то она способна и ко всему другому, и это только вопросъ времени.

Въ томъ же засѣданіи А. А. Андреева прочитала рефератъ „Призраки“ Тургенева какъ символическая исповѣдь поэта“, а М. П. Садовскій и А. А. Фодотовъ прочитали: первый — рассказъ Тургенева „На большой дорогѣ“, второй — конецъ повѣсти „Отцы и дѣти“, изображающій смерть Базарова.

Засѣданіе 15-го февраля было посвящено памяти А. С. Грибоѣдова по случаю 75-лѣтія со дня его кончины.

Проф. А. Н. Веселовскій очертилъ личность, умственный и нравственный обликъ Грибоѣдова, какъ человека, писателя и гражданина. Въ Грибоѣдовѣ мы видимъ выдающійся, высокий образъ человека, который и въ наше время вызывалъ бы къ себѣ удивленіе и преклоненіе. Съ одной стороны, проникательный, тонкій критическій умъ, способный углубляться въ самую сущность предмета, и широкое образованіе, а съ другой — порывистый, страстный, горячій темпераментъ, способность глубоко возмущаться всякой несправедливостью и меланхолическое, грустное настроеніе, вызываемое окружающею неправдой русской жизни, — вотъ основныя черты личности Грибоѣдова. Чацкій выражаетъ собственныя черты Грибоѣдова съ его любовью къ русскому народу и къ европейской культурѣ, съ его ненавистью къ невежеству и косности. Комедія „Горе отъ ума“ тѣсно срасталась съ личностью и жизнью Грибоѣдова, съ его лучшими, заветными думами. Всѣ благородныя порывы автора, все, что накопилось въ душѣ отъ окружающей общественной неправды, — все вылилось въ 4-хъ актахъ этого гениальнаго произведенія.

Затѣмъ А. Е. Грузинскій прочиталъ статью В. Е. Якушкина „Къ исторіи созданія „Горе отъ ума“, изъ которой мы узнаемъ, что еще въ 1812 г., когда Грибоѣдовъ былъ студентомъ Московскаго университета, то уже читалъ нѣкоторыя сцены изъ комедіи „Горе отъ ума“. Комедія оставалась однако долго не описанной, и только весной 1823 г., возвратившись уже изъ Персіи въ Москву, онъ привезъ всѣ 4 акта „Горя отъ ума“, которые и прочелъ тогда Бѣлинскому. въ 1824 г. однако многое имъ было передѣлано въ комедіи. Закончена была пьеса совершенно лишь въ серединѣ 1824 г., но комедія не была дозволена ни къ представленію, ни къ печати.

В. В. Каллашъ прочиталъ рефератъ: „Грибоѣдовъ и Чацкій“, въ которомъ выяснилъ, что Чацкій не былъ для Грибоѣдова идеаломъ и представляетъ собою прототипъ такъ называемыхъ лишнихъ людей, изображеніемъ которыхъ занималась въ послѣдствіи неоднократно наша литература.

Въ заключеніе Ю. И. Айхенвальдъ произнесъ рѣчь: „Чацкій и Молчалинъ“.

Всѣ новые подписчики „Научнаго Слова“ на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова: „Этюды о природѣ человѣка“.

Подписн. цѣна за десять книгъ безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Жалобы на неполученіе какого-либо № „Научнаго Слова“ принимаются не позже выхода въ свѣтъ слѣдующаго №.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

